

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

ОКТАБРЬ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Россія и Германія въ XIX вѣкѣ	3—29
II. И. М. Карамзинъ въ перепискѣ съ императрицей Маріей Феодоровной. Сообщ. Евгений Шухигорскій.	31—40
III. Александръ Дмитриевичъ Бирюковъ и его автобиографическія записки. Сообщ. Н. А. Воробьевъ.	41—63
IV. Изъ моихъ воспоминаній о князѣ Бисмаркѣ. П. Д. Стремозузовъ.	65—68
V. Во время реформъ императора Александра II. И. А. Шеншуревъ.	69—91
VI. Императоръ Павелъ I и англичане. Проф. В. Александренко.	93—106
VII. Александръ Феодоровичъ Тюринъ. И. И. Пеллеръ.	107—116
VIII. Судьба. (Рассказъ) И. С.—изъ Козаки.	117—143
IX. Не лей дроздовъ. П. Козаки.	145—147
X. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. А. Н. Пинновъ. Сообщ. Н. Н. Куряковъ.	151—167
XI. Записки Михаила Чайковского. Переа В. В. Тимошукъ.	169—209
XII. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Барскъ.	211—238

XIII. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Письменное извѣщеніе по вѣсточинскому, 13-го февр. 1840 г. (стр. 30). — Мѣсяца имени Павла I о службѣ офицера въ Елизаветѣ II. Сообщ. Е. А. Альбовскій. — Удержаніе жандарма у губернатора, пока не будутъ получены капризы, 24-го октября 1799 г. (64). — Сатара на князе Н. Гр. Рюрикѣ. Сообщ. А. Л. Марксевичъ. (92). — Дѣятелие прибалтійскія въ Александровое собраніе во Франкѣ, 1802 г. Сообщ. бар. Н. В. Дрижковъ. (144). — Мemento moti. А. Л. Пѣв. С.—изъ. (148). — Михайловскія разсужденія о вѣнскомъ съезденіи австрийскихъ дворянъ (1731 г.). Сообщ. Н. Шляпниковъ. (149—150). — Вистованіи. Александръ Феодоровичъ — г. Леонтьевой по поводу кончины вел. кн. Гессенъ-Кассельской, июль 1844 г. (168). — Руверлеръ протв. отъѣзду. Сообщ. кн. А. Л. Голдцвикъ (210). — Мамалига въ Одессѣ при гр. Лажероу (239—240).
IV. Библиографическія вѣсточки (изъ обертокъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Феодоровича Тюриня. Граф. И. Хвалъжницкій. Приемъ во дѣлахъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

Можно получить журналъ за нѣсколько годовъ, см. 4 страа. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“,
Вольная Податочная, 29.

1898.

X-я выѣта „Русской Старинѣ“ вышла 1-го октября 1898 г.

Библиографическій листокъ.

Уроженцы и дѣтели Владимірской губерши, получившіе известность въ различныхъ поприщахъ общественной пользы (Материалы для био-библиографическаго словаря). Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Губ. гор. Владиміръ. 1896 г.

По примѣру некоторыхъ почтенныхъ дѣтелей, собравшихъ и издавшихъ материалы для биографій лицъ, родившихся въ той или другой губерши или поработавшихъ на пользу известнаго края, А. В. Смирновъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занимавшійся собраніемъ био-библиографическихъ материаловъ всей Россіи, — выпустилъ въ свѣтъ книгу, заглавіе которой приведено нами выше.

Эта книга состоитъ изъ двадцати главъ, содержащихъ каждая материалы для био-биографій отдѣльнаго лица. Тутъ мы находимъ, на первыхъ порахъ, биографію графа Д. Н. Блудова, много потрудившагося на поприщѣ государственной службы, въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи. Въ 1839 г. графъ Блудовъ былъ назначенъ управляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, членомъ Государственнаго Совѣта и председателемъ департамента законовъ. Въ 1840 г. онъ присутствовалъ въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго и участвовалъ во многихъ комитетахъ по разграниченію губерній, по устройству Закарпатскаго края и др. Въ 1848 г., въ эпоху броженія умовъ на Западѣ, Дмитрій Николаевичъ, вѣрный убѣжденіямъ своей юности, свято храня въ душѣ уваженіе къ самымъ дорогимъ интересамъ челоѣчества, какъ истинный другъ просвѣщенія, спасшии университеты отъ закрытія. По повелѣнію императора Александра II графъ Блудовъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ, загѣмъ председателемъ европейскаго комитета и комитета дѣтскихъ приютовъ, а съ 1857 г. состоялъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія постановлений и предположеній о крѣпостности состоящихъ въ Россіи. Въ 1861 г. императоръ Александръ II изразалъ графу Блудову свою искреннюю признательность за скорое и успѣшное окончаніе дѣла освобожденія крестьянъ; въ началѣ 1862 г. Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ председателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ биографію А. П. Кудрявцова, бывшаго профессора богословія сначала въ Новороссійскомъ, а потомъ въ Московскомъ университетахъ, и замѣчательнаго проповѣдника, слушателя котораго стоналось множество народа разнаго общественнаго положенія.

Въ третьей главѣ помѣщена биографія В. М. Удольскаго, известнаго библіографа и палеолога.

Въ биографіи В. А. Татарникова, составляющей предметъ четвертой главы, мы встрѣчаемъ описаніе заслугъ его по преобразованію отчетности и созданію независимаго контроля.

Подъ предсѣдательствомъ В. А. Татарникова при государственномъ контролѣ была учреждена спеціальная коммиссія для устройства кассоваго и ревизіоннаго порядка, которая составила смѣтные правила и формы и кассовыя правила. Въ 1863 г. Татарниковъ былъ назначенъ государственнымъ контролеромъ. Чтобы видѣть, на сколько произведенъ имъ реформа была благотворною, достаточно указать на тотъ общезвѣстный фактъ, что фигурировавшіе въ былыхъ отчетахъ хроническіе дефициты до 50 милл. рублей—въ 1870 г. были сведены до 5 милл., а въ 1871 г. получилось даже превышеніе доходовъ надъ расходами на 8½ миллионъ рублей.

Пятая глава посвящена жизнеописанію И. А. Щедрина бывшаго профессора Императорскаго Московскаго университета, Московскаго коммерческаго училища, Дворянскаго института и другихъ учебныхъ заведеній. Въ шестой главѣ сосредоточились свѣдѣнія о жизни и дѣятельности молодого рано умершаго ученаго, Н. А. Зворикина; немало, за свою недолгую жизнь, потрудившагося въ области космографіи.

Седьмая глава отведена авторомъ описанію дѣятельности академика Н. В. Качалова, довольно виднаго представителя русской исторической науки. Въ февралѣ 1859 г. онъ былъ назначенъ членомъ редакціонныхъ коммиссій для печатанія Положенія объ освобожденіи крестьянъ.

Н. В. Качаловъ первый подадъ мысль о необходимости создать въ Россіи археологическій институтъ, и когда выработанные коммиссіею подъ его предсѣдательствомъ проекты не получали осуществленія, — онъ рѣшился на свѣдѣніа, еще небывалы въ Россіи, поднимъ,—задумалъ устроить институтъ на частныя средства, на что и получалъ разрѣшеніе.

Въ восьмой главѣ А. В. Смирновъ даетъ свѣдѣнія о дѣятельности М. А. Вѣдина, бывшаго прозекторомъ по кафедрѣ судебной медицины въ Московскомъ университетѣ.

Биографія Т. П. Перелогова, анатома французскаго и англійскаго языковъ в ординарскаго профессора частой математики, — занимаетъ девятую главу.

Десятая глава заключаетъ въ себѣ биографію П. П. Сумаронова, бывшаго родственника известнаго писателя А. П. Су-

СЕНАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ТЕОДОРОВИЧЪ
ТЮРИНЪ.

(Род. 1823 г. † 1872 г.)

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1898.

ОКТАБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ТОМЪ ДВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

DK
1
.R59
v. 76

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Вол. Подъяч., 3. .
1898.

9 12 76

Россія и Германія въ XIX вѣкѣ¹⁾.

X.

Союзныя отношенія Германіи къ Австріи.—Свиданіе сначала двухъ, а потомъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ.—Императоръ Вильгельмъ I въ Петербургѣ въ 1873 году.—Князь Горчаковъ и князь Бисмаркъ.—Ихъ нерасположеніе другъ къ другу.—Реорганизация французской арміи и усиленіе состава прусской.—Толки по этому поводу.—Нагянутыя отношенія между Франціею и Германіею.—Посредничество Россіи.

Священный союзъ, которому Россія была такъ вѣрна въ царствованіе Николая I и о которомъ такъ много злословилъ Бисмаркъ вмѣстѣ съ Наполеономъ III, казался канцлеру Германской имперіи и императору Вильгельму, послѣ войны 1870 г., наилучшей комбинаціей для упроченія новаго порядка вещей и для защиты новой Германской имперіи противъ Франціи, подписавшей миръ вынужденно и дѣлѣвшей съ перваго же дня мысль о возмездіи.

Бисмаркъ понималъ, что созданной имъ имперіи угрожала опасность только съ этой стороны, со стороны побѣжденной Франціи. Англія мѣтѣ чѣмъ когда-либо имѣла желаніе вмѣшиваться въ дѣла континентальныхъ державъ, когда это не сулило ей практическихъ выгодъ. Италія была объединена. Австрія, видя результатъ франко-прусской войны, примкнула, не ожидая заключенія мира, къ новой имперіи, изъ состава которой она была исключена, и признала совершившійся фактъ. Россія,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь 1898 г.

внѣшняя политика которой руководилась самимъ императоромъ, была по-прежнему союзницей императора Вильгельма. Но германскій канцлеръ понималъ, что этотъ союзъ, поддерживаемый личнымъ расположеніемъ монарховъ, былъ весьма шатокъ и ненадеженъ въ случаѣ перемѣны царствованія, въ особенности въ виду всѣмъ извѣстныхъ взглядовъ будущаго императора и враждебнаго отношенія къ Германіи русскаго общества. Поэтому понятно, что онъ старался на всякій случай обезпечить себѣ союзъ съ Австріей. Для императора Вильгельма это было возвратомъ къ прежнему Священному союзу, которымъ такъ дорожилъ его отецъ; ибо, по его понятіямъ, союзъ Пруссіи съ Австріей не долженъ былъ нарушить добрыхъ отношеній къ Россіи. Такова была цѣль свиданій германскаго и австрійскаго императоровъ лѣтомъ 1871 г. въ Ишлѣ и Зальцбургѣ, куда ихъ сопровождали канцлеры, совѣщавшіеся по пути въ Гаштейнѣ.

Князь Бисмаркъ преслѣдовалъ при этомъ двоякую цѣль: онъ старался заключить союзъ съ Австріей, не встревоживъ этимъ Россію, и сдѣлать политику Германіи благодаря этому союзу болѣе независимой отъ Россіи. Поэтому ему было необходимо сдѣлать нѣкоторыя уступки Австріи, не нарушая въ то же время интересовъ Россіи. Турція еще разъ была избрана средствомъ для достиженія этой цѣли. Какъ всегда, при подобнаго рода сдѣлкахъ, всѣ были въ принципѣ за сохраненіе *statu quo* на Востокѣ; но съ другой стороны, допускалась также возможность распадаенія Оттоманской имперіи. Неужели Австрія, будучи изгнана изъ Италіи и Германіи, не могла искать вознагражденія на Востокѣ? Относительно этихъ плановъ легко было придти къ соглашенію въ Петербургѣ и Вѣнѣ: такъ думалъ по крайней мѣрѣ князь Бисмаркъ. Между тѣмъ, въ Россіи относились къ этимъ свиданіямъ не особенно сочувственно. Соглашеніе, которое могло бы установиться между тремя монархами, не встрѣтило сочувствія у петербургскихъ и московскихъ патріотовъ; иначе отнесся къ этому императоръ Александръ, смотрѣвшій подозрительно на дружбу, возникшую между двумя бывшими соперниками, и полагавшій, что ему удастся лучше услѣдить за ихъ планами и за усиленіемъ этой дружбы, принявъ участіе въ ихъ совѣщаніяхъ.

Осенью 1872 г. австрійскій императоръ пожелалъ отдать въ Берлинѣ визитъ императору Вильгельму, посѣтившему его въ предшествующемъ году. Графъ Бейстъ, которому не удалось побѣдить недовѣріе своего берлинскаго коллеги, былъ вынужденъ уступить мѣсто графу Андраши, который былъ представителемъ политики, имѣвшей девизомъ расширеніе Австріи на Востокъ. Вновь назначенный министръ сопровождалъ своего монарха въ его путешествіи въ Берлинъ. Свиданіе монарховъ,

само собою разумѣется, возбудило вниманіе русскаго кабинета, такъ какъ императоръ Александръ не былъ приглашенъ на него.

Русская партія въ Берлинѣ была встревожена этимъ фактомъ, имѣвшимъ видъ демонстраціи противъ Россіи. Когда въ іюнѣ мѣсяцѣ окончательно стало извѣстно, что прїѣздъ австрійскаго императора въ Берлинъ состоится въ сентябрѣ, то было прислано официальное приглашеніе, и императоръ Александръ II прїѣхалъ въ Берлинъ въ сопровожденіи князя Горчакова, когда императоръ Францъ-Іосифъ уже былъ тамъ.

Александръ II былъ принятъ какъ любимый родственникъ и искренній союзникъ. Хотя со времени Николая I обстоятельства чрезвычайно измѣнились, но прусскіе генералы, — что всѣми было замѣчено, — соблюдая старинный обычай, цѣловали у царя руку. Съ другой стороны, прусскій дворъ чествовалъ особенно торжественно императора австрійскаго, какъ бы желая дать этимъ понять русскимъ, что ихъ правительство не распоряжается болѣе судьбою Германіи. Монархи и ихъ министры провели въ Берлинѣ цѣлую недѣлю. Въ это время не было заключено никакого договора либо соглашенія. Было бы неправильно называть, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, «союзомъ трехъ императоровъ» то едва ли не словесное соглашеніе, по которому монархи обязались слѣдить за соблюденіемъ *status quo*, созданнаго трактатами на Западѣ и на Востокѣ. Ни одна держава не должна была дѣйствовать отдѣльно, по своей собственной инициативѣ, а въ случаѣ надобности было рѣшено обсудить совмѣстно дальнѣйшій образъ дѣйствій. Результатъ довольно скромный, но весьма миролюбивый, какъ и требовали обстоятельства послѣ серьезной войны, когда всѣ жаждали покоя. Для Германіи это было равносильно окончательному признанію сосѣдними державами новаго порядка вещей; для Россіи и Австріи это означало прекращеніе ихъ соперничества равно и осуществленія ихъ плановъ на Востокѣ.

Съ тѣхъ поръ свиданія трехъ императоровъ происходили періодично какъ и до 1848 г. Императоръ Вильгельмъ, строго соблюдая правила вѣжливости, несмотря на свои 73 года, возвратилъ царю визитъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1873 г. Его сопровождали князь Бисмаркъ и фельдмаршалъ Мольтке. Очевидцы этого событія и официальные органы описываютъ эту поѣздку, какъ какое-то торжественное шествіе.

«Начиная отъ границъ Финскаго залива, читаемъ въ одномъ изъ этихъ рассказовъ, путешествіе было непрерывнымъ рядомъ торжественныхъ встрѣчъ и овацій. На каждой станціи, гдѣ останавливался императорскій поѣздъ, его ожидалъ почетный караулъ и раздавался нѣмецкій національный гимнъ. Императоръ Александръ II встрѣтилъ своего августѣйшаго гостя въ Гатчино, и 27-го числа оба монарха совершили въѣздъ въ столицу Петра Великаго. День былъ холодный и пасмурный. Всѣ оранжереи столицы, не исключая оранжерей Ботаническаго сада,

буквально были опустошены для украшенія дверей и оконъ, изображая весну, наступающую на сѣверѣ позднѣе, а роскошные ковры, уграшавшіе балконы домовъ, придавали сѣверной столицѣ мѣстами оживленный видъ Венеціи. На многихъ балконахъ стояли, въ зелени и цвѣтахъ, бюсты обоихъ монарховъ, увѣнчанные лаврами».

Въ теченіе двѣнадцати дней всевозможныя празднества, смотры, парады и народныя гулянья непрерывно слѣдовали одно за другимъ. На Дворцовой площади данъ былъ концертъ-монстръ при участіи оркестра, составленнаго изъ 1.550 музыкантовъ, 600 трубъ и 350 барабановъ, которые исполняли прусскія и нѣмецкія національныя пѣсни и старинный маршъ, подъ звуки котораго союзныя войска вступили въ Парижъ въ 1814 г.

Это было послѣднее посѣщеніе Петербурга императоромъ Вильгельмомъ. Оно ознаменовало собою окончаніе того длиннаго періода дружественныхъ отношеній, во время котораго личныя чувства обоихъ монарховъ нерѣдко имѣли болѣе рѣшающее значеніе, нежели политическія соображенія и чувства народа. Въ Россіи совершался постепенно весьма знаменательный переворотъ. Общественное мнѣніе путемъ печати давно уже высказывалось за такую политику, которая была бы не столь связана съ фамилными традиціями, была бы болѣе національною и противуположной тому, что оно называло нѣмецкой политикой. Это настроеніе общества выразилось, какъ мы имѣли случай видѣть, весьма рѣзко во время войны 1870 г. и еще болѣе послѣ побѣдъ, одержанныхъ германцами. Необыкновенное счастье, благоприятствовавшее германскому оружію; образованіе новаго могущественнаго германскаго государства, обаяніе, окружавшее монарха этой имперіи и получившаго на судьбы Европы то преобладающее вліяніе, какимъ пользовались нѣкогда Александръ I и Николай I—все это было достаточнымъ поводомъ къ нерасположенію, существующему издавна между славянскою и германскою расами.

Князь Горчаковъ не только раздѣлялъ съ самага начала эти симпатіи и антипатіи своего народа, но даже руководился ими въ своей политикѣ; желаніе популярности заставляло его сообразовать свой образъ дѣйствій съ настроеніемъ общества насколько это было возможно, принявъ во вниманіе, что монархъ желалъ самъ руководить внѣшней политикой и смотрѣлъ на дѣло иначе. Къ этому надобно прибавить вліяніе личнаго антагонизма, возникшаго нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ между канцлерами Россійской и Германской имперій. Они трудились вмѣстѣ надъ своимъ возвышеніемъ, но современемъ ихъ дороги разошлись, и тотъ, который въ погонѣ за славой, если можно такъ выразиться, остался позади, долженъ былъ испытывать по отношенію къ болѣе счастливому сопернику чувство досады, которое обстоятельства позво-

ляли ему удовлетворить. Таковы были условія, коими опредѣлялись отношенія между княземъ Горчаковымъ и княземъ Бисмаркомъ. Ихъ вражда, сдерживаемая требованіями официальной политики, выражалась въ эпиграммахъ и гнѣвныхъ вспышкахъ, которыя передавались изъ устъ въ уста въ европейскихъ канцеляріяхъ, салонахъ и въ печати. Въ этомъ соперничествѣ германскій канцлеръ дѣйствовалъ осмотрительно. Убѣжденный въ необходимости дѣйствовать осторожно по отношенію къ Россіи и не навлекать на себя нареканій со стороны противниковъ своей политики въ Петербургѣ, онъ всячески старался, чтобы его личная распря съ княземъ Горчаковымъ не вліяла на систему дружескаго согласія, коей опредѣлялись отношенія двухъ императоровъ и которая усилилась въ 1872 г. послѣ свиданія монарховъ въ Берлинѣ. Обстоятельства доставляли князю Горчакову случай отомстить своему берлинскому сопернику, служа въ то же время патріотическимъ чувствамъ своего народа.

Франція, тотчасъ по окончаніи войны, начала пополнять ряды своей разстроенной арміи и преобразовывать свое военное вѣдомство по образцу прусской военной организаціи. Благодаря богатству страны и горячему патріотизму, подъ вліяніемъ котораго французская нація дѣйствуетъ всегда единодушно, когда дѣло касается національной обороны, республиканская Франція быстро привела въ дѣйствіе новые военные законы и поставила въ скоромъ времени на ноги помолодѣвшую, хорошо обмундированную и вооруженную армію, которая была въ состояніи отразить всякую попытку къ завоеванію. Франція имѣла полное право такъ поступать.

Наличный составъ ея войска не былъ ограниченъ Франкфуртскимъ мирнымъ договоромъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ Пруссіи Тильзитскимъ договоромъ въ 1807 г. Ничѣмъ не стѣсняемая въ своихъ дѣйствіяхъ, Франція совершила въ 1871 г. на глазахъ у всего міра то патріотическое дѣло, которое Пруссія, опекаемая въ 1809—1812 гг. Наполеономъ, дѣлала тайкомъ. Вновь созданная Германская имперія, чувствуя себя не вполне обезпеченной между Россіей, съ одной стороны, которая ей завидовала, и Франціей, мечтавшей о возмездіи, съ другой, также спѣшила увеличить личный и матеріальный составъ своей арміи и обезпечить его изданіемъ новыхъ законовъ, чтобы никакія случайныя перемѣны въ парламентѣ не могли впредь измѣнить численнаго состава арміи и бюджетъ военнаго министерства. Встрѣтивъ противодѣйствіе къ проведенію военной реформы со стороны общества и большинства рейхстага, правительству пришлось прибѣгнуть къ сильнѣйшимъ аргументамъ, чтобы восторжествовать надъ оппозиціей: оно указывало на то, что французскія газеты еще робко говорили о возмездіи, зато быстрая и энергичная реорганизація арміи была несомнѣннымъ

признакомъ воинственныхъ замысловъ Франціи. Въ военныхъ кружкахъ въ Берлинѣ постоянно ссылались на эти аргументы, имѣвшіе всегда вліяніе на массу. Фельдмаршалъ Мольтке краснорѣчиво доказывалъ въ рейхстагѣ, что Германскую имперію удалось завоевать силою оружія въ теченіе шести мѣсяцевъ, но что ее придется защищать оружіемъ цѣлые полвѣка; и что Германія пріобрѣла своими побѣдами вліяніе, но не снискала нигдѣ симпатій. Нѣмецкій народъ не хочетъ болѣе славы и завоеваній, говорилъ старикъ фельдмаршалъ: «что станетъ она дѣлать съ кускомъ земли, завоеваннымъ у Франціи или у Россіи?» Германія хочетъ только надолго поддержать миръ и даже заставить другихъ нарушать его. Для этого ей нужна сильная армія. Это разсужденіе было совершенно правильно съ нѣмецкой точки зрѣнія; остальные державы не могли бы ничего возразить противъ этого, если бы, съ другой стороны, всѣ признали, что Франція могла вооружаться, не подвергаясь обвиненію въ томъ, что она питаетъ воинственные замыслы относительно своихъ сосѣдей. Но въ официальныхъ и въ особенности въ военныхъ сферахъ Берлина на это смотрѣли иначе. Вооруженія и преобразованія, вводимыя во французскихъ войскахъ, возбуждали въ нихъ чрезвычайныя опасенія. Эта страна дѣятельно вооружается, говорили нѣмцы, и собравшись съ силами нападетъ на Германію; поэтому не слѣдуетъ ожидать, когда французская армія превзойдетъ быть можетъ численностью и силою германскую; слѣдуетъ либо потребовать, чтобы Франція пріостановила свои вооруженія, либо объявить ей войну. Такъ разсуждали дипломаты, въ томъ же тонѣ заговорили вскорѣ газеты.

Въ 1874 году князь Бисмаркъ коснулся этого вопроса въ бесѣдѣ съ княземъ Орловымъ, русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, который остановился проѣздомъ въ Берлинѣ.

— Если Франція не прекратитъ своихъ вооруженій, говорилъ германскій канцлеръ, то Германія будетъ вынуждена занять Нанси, въ залогъ мира.

Эти мысли проникли изъ дипломатическихъ канцелярій въ нѣмецкія газеты, имѣвшія связи въ официальномъ мірѣ. Одинъ изъ этихъ органовъ, въ статьѣ, внушенной, какъ узнали впоследствии, германскимъ канцлеромъ, высказывалъ, что Франція собиралась напасть на Германію, что предпринятая Франціей реорганизация арміи не имѣла иной цѣли, какъ объявить въ самомъ непродолжительномъ времени войну Германіи; изъ чего выводили заключеніе, что было необходимо выяснить опасность, противъ которой Германское правительство считало долгомъ принять мѣры. Спеціальныи органъ князя Бисмарка въ отвѣтъ на эту статью хотя и согласился съ тѣмъ, что въ ней говорилось относительно воинственныхъ замысловъ Франціи, но въ то же время утверждалъ, что соглашенія, существующаго между тремя монархами, доста-

точно, чтобы сдержать всякую, подобнаго рода, попытку. Онъ могъ бы прибавить, что это же соглашеніе препятствовало тому, чтобы Германія объявила по своей собственной инициативѣ войну Франціи не посовѣтывавшись предварительно съ остальными двумя союзницами.

Опасенія, которыя высказывались нѣмцами довольно громко и при всей ихъ неосновательности были вполнѣ искренни, встревожили наконецъ Францію, гдѣ всѣ были убѣждены, что Германія, желая довершить гибель Франціи, только ищетъ къ тому предлога и, найдя его въ поспѣшномъ вооруженіи французской арміи, хочетъ застигнуть ее врасплохъ и напасть даже безъ предварительнаго объявленія войны. Правительство Магъ-Магона также питало эти опасенія, такъ какъ друзья Франціи то извѣщали его, что Германія собирается напасть на нее весною, то—что нападеніе отложено до сентября. Въ сущности, въ высшихъ сферахъ Берлина не думали нападать на Францію, и императоръ Вильгельмъ никогда не далъ бы на это своего согласія, хотя бы подобный планъ былъ предложенъ Бисмаркомъ или главнымъ штабомъ арміи. Нѣмецкій народъ желалъ мира; это подтверждалъ рейхстагъ въ лицѣ своихъ ораторовъ разныхъ оттѣнковъ, и германскій канцлеръ не посмѣлъ бы начать наступательную войну, вопреки единогласному желанію народа, хотя онъ этимъ не разъ угрожалъ. Онъ хотѣлъ только напугать Францію и помѣшать ей реорганизовать армію соразмѣрно съ военными силами прочихъ великихъ континентальныхъ державъ.

Какъ бы то ни было, французское правительство серьезно побавилось и высказывало свои опасенія петербургскому кабинету, со стороны котораго оно рассчитывало вполнѣ основательно на искреннее сочувствіе. Вначалѣ, князь Горчаковъ старался убѣдить французскаго посланника, генерала Леффо, въ томъ, что его опасенія не имѣютъ основанія. Императоръ Александръ, со своей стороны, говорилъ посланнику, что весь этотъ шумъ поднять единственно съ цѣлью провести въ рейхстагъ новый военный законъ. Князь Орловъ, бывшій проѣздомъ въ Берлинѣ, и императоръ австрійскій, только что передъ тѣмъ отдавшій визитъ императору Александру II, говорили въ томъ же успокоительномъ тонѣ. Русскій канцлеръ совѣтовалъ французскому посланнику успокоить свое правительство; но послѣднее снова было чрезвычайно встревожено сенсационными статьями, появившимися въ прусскихъ газетахъ, и искренними намеками друзей, которые были, впрочемъ, лишены всякаго основанія. Франціи казалось необходимымъ обратить вниманіе дружественныхъ кабинетовъ на опасные замыслы, которые приписывались ею Германіи, и герцогъ Деказъ (Decazes) обратился къ русскому императору, прося его дружескаго вмѣшательства. Не придавая попрежнему особенной вѣры слухамъ о возможности войны, русскій канцлеръ отнесся къ нимъ въ этотъ разъ въ смыслѣ прямо враждебномъ по отношенію

къ Бисмарку. Разумѣется, замѣтилъ онъ, въ Парижѣ напрасно тревожатся тѣмъ, что говорятъ и пишутъ въ Берлинѣ; выражая слишкомъ громко свои опасенія правительство выказываетъ себя слабымъ. Однако, обсуждая вѣроятность этихъ слуховъ, князь Горчаковъ не считалъ ихъ совершенно невозможными. Германія не рѣшится заслужить всеобщее неодобреніе, говорилъ онъ, которое навѣрно вызвало бы его ничѣмъ не мотивированное нападеніе на Францію. Въ чемъ можетъ она обвинить Францію? въ желаніи вернуть со-временемъ утраченныя провинціи?

— Будь я Франціей, говорилъ онъ генералу Лефлю, я поступилъ бы точно такъ-же. Къ тому же я допускаю возможность возвратить безъ войны не Эльзась, но Лотарингію. Россія желаетъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ, и сумѣетъ сдержать нетерпѣніе Берлина. Будьте сильны, сильны и сильны, таковы были ободряющіе заключительные слова князя.

Это въ высшей степени доброжелательное отношеніе къ Франціи русскаго канцлера нѣсколько смягчалось тѣмъ, что говорилъ самъ царь въ тонѣ не менѣе успокоительномъ для Франціи, но болѣе дружественномъ по отношеніи къ Германіи. Если канцлеръ высказывалъ недовѣріе къ Бисмарку, зато императоръ выражалъ полнѣйшее довѣріе къ императору Вильгельму.

— Угрозы Бисмарка не серьезны, говорилъ Александръ II французскому посланнику; Германія желаетъ мира и, объявивъ войну, не захочетъ поступить такъ-же несправедливо, какъ поступилъ Наполеонъ III въ 1870 г. Германія дѣлаетъ вооруженія не съ цѣлью воевать, она преобразуетъ свою армію и пополняетъ ея матеріальную часть; она могла бы сдѣлать Франціи тѣ же упреки, которыя дѣлаетъ ей эта держава, также поставившая себѣ задачей реорганизацію арміи. Я знаю императора Вильгельма и знаю, что онъ не желаетъ войны. Наслѣдный принцъ, если бы ему пришлось вступить на престолъ, былъ бы не менѣе миролюбивъ. Пусть французское правительство успокоится, оно никогда не будетъ застигнуто врасплохъ, а въ случаѣ надобности, я самъ поспѣшилъ бы предупредить его.

Императоръ Александръ передалъ этотъ разговоръ генералу Вердери, германскому военному уполномоченному, котораго онъ принялъ въ аудіенціи нѣсколько дней спустя, прибавивъ, что онъ поручился честнымъ словомъ за миролюбіе германскаго правительства и что французскій посланникъ оставилъ его вполне успокоенный. Нѣсколько дней спустя, 2-го мая н. ст., императоръ, давъ аудіенцію австрійскому посланнику, высказалъ и ему свою увѣренность въ томъ, что миръ нарушенъ не будетъ. По этому поводу онъ старался успокоить напрасную тревогу берлинскаго правительства.

— Согласіе, существующее между тремя имперіями, не можетъ быть нарушено, говорилъ Александръ II: Франція одна не начнетъ наступательной войны. Впрочемъ, прибавилъ государь, тучи разсѣются въ Берлинѣ, я объ этомъ позабочусь со своей стороны слѣдующій разъ, когда буду въ этой столицѣ.

Государь, дѣйствительно, собирался вскорѣ въ Берлинъ, въ сопровожденіи своего канцлера. Говоря объ этомъ путешествіи, австрійскій посланникъ дѣлаетъ нѣкоторое различіе между взглядами и настроеніемъ этихъ двухъ лицъ.

Горчаковъ, писалъ баронъ Лангенау, явится въ Берлинъ съ улыбкою на устахъ, но съ холодомъ въ сердцѣ. Зато императоръ будетъ преисполненъ дружескихъ чувствъ; онъ будетъ доступенъ искреннимъ объясненіямъ.

Французское правительство также возлагало всю свою надежду на посѣщеніе Берлина Александромъ II, но все же продолжало тревожиться. Де-Гонто-Биронъ, французскій посланникъ въ Берлинѣ, сообщалъ ему не менѣе тревожныя свѣдѣнія какъ и генералъ Лефло. Оба французскіе дипломата были встревожены дошедшими до нихъ слухами о порученіи, возложенномъ на Радовица (сына генерала), занимавшаго видное положеніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ. Радовицъ былъ посланъ въ февралѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ замѣстить временно посланника, князя Рейсса, уѣхавшаго въ отпускъ. Князь Горчаковъ утверждалъ, какъ говорили, что на него возложено особое порученіе, хотя самъ дипломатъ и князь Бисмаркъ это отрицали и что будто бы это порученіе состояло въ томъ, что ему велѣно заручиться доброжелательнымъ нейтралитетомъ Россіи на случай войны Германіи съ Франціей. Были ли справедливы эти слухи или нѣтъ, но они передавались въ Петербургъ и Берлинѣ, гдѣ имъ вѣрили лица весьма высокопоставленныя, которыя относились несочувственно ко всѣмъ этимъ воинственнымъ замысламъ; слухи эти были сообщены англійской королевѣ, которая точно такъ-же, какъ русскій царь, знала миролюбивыя наклонности императора Вильгельма. Имѣя нѣкоторое основаніе предполагать, что въ Берлинѣ дѣла осложняются безъ вѣдома германскаго императора, она написала ему, собственноручно, въ Висбаденъ, гдѣ онъ находился въ то время. Предувѣдомленный ею, императоръ по возвращеніи въ Берлинъ тотчасъ прекратилъ это натянутое и тревожное положеніе.

Французскій посланникъ, донесшій въ Парижъ о слухахъ, которые носились въ Берлинѣ, сообщилъ въ скоромъ времени, что положеніе улучшилось, герцогъ Деказь приписывалъ это вмѣшательству Россіи. Императоръ Вильгельмъ сказалъ французскому военному уполномочен-

ному, принцу Полиньяку: «насъ хотѣли поссорить»; онъ считалъ вопросъ этотъ исчерпаннымъ.

Герцогъ Деказъ хотѣлъ большаго. Ободренный доброжелательнымъ отношеніемъ русскаго императора, онъ настаивалъ чрезъ французскаго посланника на томъ, чтобы Александръ II заявилъ, что онъ не допуститъ несправедливаго нападенія на Францію и что въ такомъ случаѣ онъ защититъ ее силою оружія. Императоръ отклонилъ эту просьбу. Князь Горчаковъ объяснилъ французскому посланнику, что обѣщаніе царя увѣдомить французское правительство, въ случаѣ опасности, было уже само по себѣ нравственнымъ обязательствомъ, которое ставило его въ довольно щекотливое положеніе относительно Германіи.

— Дѣло уладится, говорилъ онъ, мы не обнажимъ меча; въ этомъ не встрѣтится надобности.

Императоръ, бесѣдуя еще разъ съ генераломъ Лефло, высказался въ томъ же смыслѣ.

— Со стороны Германіи не будетъ произведено неожиданнаго нападенія, сказалъ онъ.

Въ сущности Германія и Франція боялись другъ друга и старались оградиться отъ опасности, которая была вымыслена или по меньшей мѣрѣ преувеличена. Объясненія, которыя императоръ Александръ имѣлъ въ Берлинѣ, подтвердили вѣрность того взгляда, который онъ составилъ себѣ съ самаго начала о намѣреніяхъ Вильгельма I и князя Бисмарка. Между тѣмъ Англія и Італія, по желанію французскаго правительства, сдѣлали въ Берлинѣ представленія въ интересахъ мира, совѣтуя въ то же время парижскому кабинету дѣйствовать осторожно. Императоръ Александръ, бесѣдуя съ княземъ Бисмаркомъ, пришелъ къ убѣжденію, что боязнь войны не имѣла никакого основанія. Князь Горчаковъ отмытилъ вскорѣ наступившее успокоеніе въ депешѣ, разосланной имъ передъ отъѣздомъ изъ Берлина русскимъ агентамъ за границей. Самъ императоръ Александръ II, бесѣдуя впоследствии объ этомъ съ германскимъ посланникомъ, высказалъ, что онъ былъ увѣренъ въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Германіи и что онъ засталъ въ Берлинѣ именно то настроеніе, какого онъ ожидалъ. Французскій кабинетъ благодарилъ его впоследствии за все сдѣланное имъ для поддержанія мира, на что царь отвѣчалъ, что ему не пришлось ровно ничего дѣлать, ибо Бисмаркъ былъ такъ-же миролюбиво настроенъ какъ и онъ самъ.

Такимъ образомъ императору Александру не пришлось своимъ вмѣшательствомъ спасти Францію отъ нападенія, котораго никто и не собирался предпринимать противъ нея; услуга, оказанная имъ этой странѣ, заключалась въ томъ, что онъ поддержалъ ея право организовать свои военныя силы, какъ она того желала. Въ этомъ отношеніи императоръ дѣйствовалъ также въ интересахъ Россіи, которая должна была желать, чтобы Фран-

ція была государствомъ сильною въ военномъ отношеніи. Вопреки заявленіямъ своего монарха, князь Горчаковъ, повинувась чувству тщеславія, утверждалъ, что русское правительство помѣшало князю Бисмарку начать войну съ Франціей. Сказавъ это князь понялъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. Въ интимной бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, отвѣчая ему на привѣтствіе, въ которомъ чувствовалась нѣкоторая пронія, онъ сказалъ: «Не будемъ слишкомъ торжествовать». Бисмаркъ долго не могъ забыть того, какъ держалъ себя въ этомъ случаѣ князь Горчаковъ. Онъ обвинялъ его въ томъ, что онъ раздулъ этотъ инцидентъ, чтобы заткнуть его за поясъ и, пользуясь этимъ, увеличить популярность у своихъ соотечественниковъ. Съ этого момента между обоими государственными людьми завязалась скрытая, но беспощадная война, которая разумѣется не могла остаться безъ вліянія на послѣдующія событія и въ особенности на взаимныя отношенія двухъ имперій.

XI.

Возникновеніе Восточнаго вопроса.—Возстаніе въ Босніи, Герцеговинѣ и Сербіи.—Берлинская конференція 1876 г.—Свиданіе русскаго и австрійскаго императоровъ въ Рейхштадтѣ.—Вѣнская конференція 1877 г. и ея результаты.—Русско-турецкая война 1877—1878 гг.—Поведеніе Германіи.—Санъ-Стефанскій договоръ.—Берлинскій конгрессъ и его послѣдствія.—Политическая программа князя Бисмарка.—Отношенія Россіи къ Германіи.—Союзный договоръ Германіи и Австріи.—Кончина императора Александра II.

Все происходившее въ Берлинѣ не повліяло на сердечное согласіе, существовавшее между тремя императорами и въ особенности на дружбу, существовавшую между императорами Александромъ II и Вильгельмомъ I. Полгода спустя на парадномъ обѣдѣ во время Георгіевскаго праздника 26-го ноября (12-го декабря) 1875 г. императоръ Александръ II произнесъ слѣдующій тостъ:

— Я счастливъ подтвердить, что сердечное согласіе, существующее между нашими тремя имперіями и нашими арміями, и заключенное нашими августѣйшими предшественниками, для защиты общаго намъ дѣла, существуетъ неприкосновенно по сіе время.

Въ тотъ моментъ русскаго императора тревожили серьезныя событія, вслѣдствіе которыхъ его напоминаніе объ узахъ, связывавшихъ Россію съ остальными двумя союзными имперіями, было вполне уместно. Пересмотръ Парижскаго трактата на Лондонской конференціи 1871 г. былъ признакомъ того, что Восточный вопросъ готовъ былъ пробудиться

во всей своей силѣ. Славянофильская партія, вліяніе которой усилилось съ тѣхъ поръ, какъ возникла новая Германская имперія, подстрекала къ войнѣ съ Турціей точно такъ, какъ въ 1828 и 1855 гг. славянскіе комитеты въ Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ и даже Вѣнѣ раздували пламя. Въ то время, какъ Европа была поглощена франко-прусскою войной и событіями, совершившимися по окончаніи этой войны, эмиссары, разосланные комитетами, имѣли возможность вести дѣятельную пропаганду въ славянскихъ провинціяхъ Турціи, гдѣ они встрѣтили благоприятную почву для пропаганды вслѣдствіе дурного управленія пашами.

Двадцать лѣтъ назадъ лозунгомъ этой агитаціи было помочь угнетеннымъ христіанамъ, теперь же—оказать помощь братьямъ-славянамъ. Вскорѣ вспыхнуло возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, затѣмъ въ Болгаріи. Увлеченные примѣромъ и ободряемые тѣми же эмиссарами, сербы и черногорцы взяли за оружіе, чтобы завоевать себѣ независимость.

Не входя въ описаніе событій, относящихся къ войнѣ 1877 г., надобно замѣтить, что возстаніе въ Герцеговинѣ подало поводъ созвать, весною 1876 г., конференцію. Первые министры трехъ дружественныхъ имперій, съѣхавшись на совѣщаніе въ Берлинъ, признали возставшихъ герцеговинцевъ воюющей стороною и выработали программу реформъ, которую было рѣшено предъявить Портѣ и, въ случаѣ отказа съ ея стороны, добиваться ея осуществленія инымъ путемъ.

Франція и Італія присоединились къ этой программѣ; Англія отказалась признать ее. Когда Порта отклонила вмѣшательство, ссылаясь на свои верховныя права, державы предоставили событія ихъ собственному теченію. Турецкія войска одерживали побѣду за побѣдой и турецкіе генералы предписали бы миръ въ Цетиньѣ и въ Вѣлградѣ, если бы въ дѣло не вмѣшалась Австрія.

Императоръ Александръ относился къ войнѣ съ Турціей крайне несочувственно; императоръ Вильгельмъ точно также не одобрялъ ее. Онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы отклонить отъ этой войны своего племянника и изъявилъ наконецъ свое согласіе только по настоянію князя Бисмарка. Несправедливо было бы сказать, какъ утверждали многіе впослѣдствіи, что германскій канцлеръ натолкнулъ русское правительство на эту войну, чтобы отвлечь его вниманіе отъ событій Западной Европы. Русское правительство и русское общество были вовлечены въ эту войну по своему собственному побужденію, помимо какого-либо внѣшняго вліянія; князь Бисмаркъ могъ бы только задержать на нѣкоторое время объявленіе этой войны. Въ силу соглашенія, существовавшего между тремя императорами, Россія не могла объявить войны не посовѣтовавшись предварительно съ остальными своими союз-

ницами. Князь Бисмаркъ облегчилъ въ этомъ случаѣ дѣйствія петербургскаго кабинета. Раздѣляя антипатію къ Турціи русскихъ и всѣхъ убѣжденныхъ протестантовъ Пруссіи, онъ смотрѣлъ на эту страну какъ на стоящую внѣ общественнаго права Европы. Сходясь въ этомъ во взглядахъ съ Россіей, онъ находилъ, вопреки мнѣнію большинства своихъ соотечественниковъ, что Германія не имѣетъ на Востокъ существенныхъ интересовъ, которые ей приходилось бы защищать. Кромѣ того, война, которую Россія собиралась объявить Турціи, предпринималась ею для защиты славянскихъ народовъ отъ турецкаго ига; помѣшать этой войнѣ, значило навлечь на себя ненависть славянъ и ускорить заключеніе союза Россіи съ Франціей, который соответствовалъ чувствамъ русскаго народа, которому покровительствовалъ князь Горчаковъ и осуществленію котораго препятствовала только личная воля императора Александра II и родственныя отношенія императорской семьи.

Таковы были истинныя соображенія, руководившія дѣйствіями германскаго канцлера во время русско-турецкой войны. Поэтому онъ согласился обсудить вмѣстѣ съ петербургскимъ кабинетомъ программу реформъ, которыхъ Россія хотѣла потребовать отъ султана, обѣщавъ ей доброжелательный нейтралитетъ во время войны и, что еще важнѣе—нейтралитетъ Австро-Венгріи. Въ Вѣнѣ и въ Пештѣ смотрѣли на раздѣлъ Турціи точно такъ же, какъ нѣкогда на раздѣлъ Польши. Не имѣя средствъ помѣшать ему, Австро-Венгрія была не прочь получить при раздѣлѣ приличную долю, ибо война, начатая Россіей, несомнѣнно должна была повести къ раздѣлу Турціи если не въ пользу побѣдителя, то во всякомъ случаѣ въ пользу тѣхъ государствъ, которыя должны были возникнуть на Балканскомъ полуостровѣ подъ покровительствомъ Россіи. Поставивъ вопросъ на эту почву, германскій канцлеръ убѣдилъ вѣнскій кабинетъ войти въ соглашеніе съ Россіей, т. е. по возможности согласовать противоположные интересы этихъ имперій на Балканскомъ полуостровѣ. Участіе Австріи въ берлинскихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ маѣ мѣсяцѣ 1876 г., было первымъ актомъ этого соглашенія. Оно еще болѣе упрочилось послѣ свиданія австрійскаго и русскаго императоровъ въ іюль мѣсяцѣ того же года въ Рейхштадтѣ, въ Богеміи.

По условіямъ, выработаннымъ на этихъ конференціяхъ и ратифицированнымъ въ Вѣнѣ 15-го января н. ст. 1877 г., обѣ державы согласились, съ цѣлью локализовать войну, не вмѣшиваться въ распрю Порты съ ея мятежными подданными. Россія обѣщала имѣть въ виду интересы Австріи, какъ сосѣдки Босніи; Австрія должна была, въ случаѣ надобности, оберегать Сербію отъ послѣдствій ея войны съ Турціей. Это обязательство, заключенное безъ вѣдома берлинскаго кабинета, было довольно явнымъ нарушеніемъ союза трехъ императоровъ, давая Россіи

возможность начать впоследствии съ большей безопасностью войну съ Портой. Въ исходѣ 1876 г. представители державъ съѣхались въ Константинополь, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку примиренія Порты съ ея возставшими подданными и заставить султана принять программу, выработанную въ Берлинѣ. Видя твердую рѣшимость русскаго правительства, императоръ Вильгельмъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Александръ II заявилъ рѣшительно, что если прочія державы откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи, то Россія будетъ дѣйствовать одна. Не общая Россіи своего содѣйствія на полѣ битвы, германскій императоръ горячо защищалъ царя во мнѣніи англійскаго кабинета. Въ бесѣдѣ съ лордомъ Салисбери, который былъ въ Берлинѣ проездомъ въ Константинополь, императоръ настаивалъ на томъ, чтобы Портѣ было предъявлено не только требованіе принять на себя обязательство совершить требуемыя отъ нея реформы, но даже гарантировать ихъ исполненіе. Англійскій министръ, присоединяясь къ этому мнѣнію, высказалъ, въ видѣ предостереженія, что оккупация турецкихъ провинцій какою-либо изъ европейскихъ державъ повлечетъ за собою войну, послѣдствій которой никто не въ состояніи предвидѣть.

Общественное мнѣніе Германіи въ то время, какъ и въ 1855 году, было на сторонѣ Англій противъ Россіи. Оно было встревожено тѣмъ, что императоръ, открывая сессию рейхстага и коснувшись Восточнаго вопроса, особенно настаивалъ на согласіи, существовавшемъ между Пруссіей и ея давнишними союзниками; въ этомъ видѣли намекъ на то, что Англія была исключена изъ этого соглашенія. Князь Бисмаркъ постарался успокоить общественное мнѣніе въ рѣчи, произнесенной имъ на одномъ обѣдѣ, данномъ членомъ парламента.

Онъ сказалъ, что еще не потеряна всякая надежда избѣжать войны. Къ тому же Россія и Турція, вѣроятно, скоро устанутъ воевать: тогда Германія можетъ выступить, съ надеждою на успѣхъ, въ роли посредницы, тогда какъ совѣты, данные въ настоящее время, вызвали бы только неудовольствіе русскаго народа, что было бы гораздо серьезнѣе оамаго столкновенія съ русскимъ правительствомъ. Англія, по его словамъ, не рѣшится воевать съ Россіей; самое большее, если она ограничится «офиціозной войной» со своей соперницей, въ родѣ той, которую русскіе вели противъ Турціи въ Сербіи. Онъ сказалъ, между прочимъ, нѣсколько пріятныхъ словъ по адресу Австріи, на сторонѣ которой были въ то время симпатіи всей либеральной Германіи.

— Если Австрія будетъ вовлечена въ войну, — говорилъ Бисмаркъ, — если ея существованію будетъ грозить опасность, Германія должна будетъ защитить ее точно такъ же, какъ она обязана наблюдать, чтобы карта Европы осталась неприкосновенною.

Задача, намѣченная канцлеромъ, была не изъ легкихъ: нѣкоторыя

ея пункты взаимно уничтожали другъ друга. Менѣе всего была удовлетворена этими объясненіями Англія; она не сочувствовала политикѣ, которая, изъ желанія всѣмъ угодить, не ладила ни съ кѣмъ и, давая волю воинственному пылу Россіи, подвергала опасности обще-европейскій миръ. Въ семьѣ императора Вильгельма была замѣтна преобладающая роль англійскаго вліянія. Королева Викторія писала германскому канцлеру, совѣтуя ему употребить все свое вліяніе, чтобы не допустить Россію воевать съ Турціей. Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, она обратилась къ императору Вильгельму, выразивъ ему то же желаніе и возлагая на Германію отвѣтственность за войну, которая подготовлялась на Востокѣ. Всѣ эти старанія не привели ни къ чему точно такъ же, какъ въ 1855 г. Имѣлъ ли при этомъ Бисмаркъ какія-либо заднія мысли или нѣтъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что во время войны онъ высказывалъ открыто свои симпатіи къ Россіи. Бисмарку приходилось бороться противъ этихъ внѣшнихъ вліяній, которыя онъ устранилъ несмотря на то, что ихъ дѣятельно поддерживалъ императорскій принцъ и въ особенности его супруга, дочь королевы Викторіи. Ему приходилось также сдерживать оппозицію внутри государства, которая находила отголосокъ въ прессѣ и въ рейхстагѣ. Въ засѣданіи 6-го декабря н. ст. 1876 г. произошло то, что происходило въ прусской палатѣ въ 1863 г. по поводу возстанія въ Польшѣ. Либералы и католики, враги Россіи, напали на канцлера за его угодливость къ этой державѣ. Если Россія проситъ помощи, а германское правительство оказываетъ ей свое содѣйствіе, не въ правѣ ли оно потребовать у нея за это нѣкоторой уступки на почвѣ торговыхъ интересовъ? говорили они, и возможно ли допустить, чтобы русское правительство приняло какъ разъ въ это время одну мѣру, чрезвычайно невыгодную для нѣмецкой торговли, требуя уплаты таможенныхъ пошлинъ золотомъ, что равносильно значительному повышенію и безъ того весьма тягостнаго тарифа? Канцлеръ отвѣчалъ остроумно и рѣзко. Онъ вовсе не хотѣлъ, по его словамъ, примѣшивать вопросъ экономическаго характера, который онъ находить прискорбнымъ, къ вопросамъ чисто политическимъ. Россія требуетъ отъ Германіи только нейтралитета, который вполне соответствуетъ ея собственнымъ интересамъ. Не слѣдуетъ мѣшать правительству, коего монархъ относится всегда доброжелательно къ Германіи. Императоръ Александръ заявилъ торжественно, что онъ не стремится къ завоеваніямъ въ Турціи: его слову надобно вѣрить. Онъ требуетъ реформъ на пользу христіанскихъ подданныхъ султана, и Германія нѣтъ повода этому препятствовать. Что касается его самого, заявилъ канцлеръ, то онъ не дастъ своего согласія на дѣятельное участіе въ войнѣ Германіи, «покуда Восточнымъ вопросомъ не будутъ затронуты такіе интересы, которые стоили бы костей хотя одного померанскаго

гренадера». Въ настоящую минуту Германія менѣе всего въ немъ заинтересована, Франція нѣсколько болѣе; иное дѣло Россія и Англія.

Объ Австріи канцлеръ не упомянулъ вовсе. Германія должна дѣйствовать осторожно и относительно всѣхъ прочихъ державъ въ духѣ примирительной политики. Бисмаркъ говорилъ, что онъ вполне понимаетъ намѣреніе оратора (прогрессиста), обратившагося къ нему съ запросомъ: германское правительство хотятъ поссорить съ Россіей. Напрасныя усилія!

— Пока мы будемъ занимать это мѣсто,—воскликнулъ канцлеръ,—вамъ не удастся нарушить дружественныхъ отношеній, установившихся у насъ съ Россіей, и порвать ихъ вѣковую и испытанную дружбу. Для этого нужны люди болѣе могущественные насъ съ вами, нужно, чтобы этого захотѣло само русское правительство, но ни оно, ни я, мы этого не желаемъ. Я говорю это отъ имени союзныхъ правительствъ и отъ имени императора въ частности. Союзъ трехъ императоровъ не будетъ нарушенъ, онъ продолжаетъ существовать во всей своей силѣ, но онъ не направленъ ко вреду другихъ державъ.

Канцлеръ закончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что Германія постарается поддержать миръ между европейскими державами и локализовать войну, если она вспыхнетъ между Россіей и Турціей.

Война дѣйствительно вспыхнула въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1877 г. Подобно кампаніямъ 1828 и 1855 гг., Россія и этотъ разъ не оцѣнила своего противника по достоинству и рассчитывала справиться съ нимъ безъ труда. Порта, чувствуя поддержку Англіи, помѣшала успѣху Константинопольскихъ и Лондонскихъ конференцій. На дипломатической почвѣ всѣ державы были согласны между собою, когда же отъ словъ надобно было перейти къ дѣлу, то всѣ пошли на попятный, исключая Россіи.

Геройскія усилія русской арміи доставили Россіи побѣду и русскіе собирались продиктовать туркамъ миръ въ Константинополѣ. Англійское правительство заявило рѣшительно, что оно не признаетъ договора, измѣняющаго смыслъ существующихъ трактатовъ, если онъ будетъ заключенъ безъ предварительнаго согласія державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ. Англійскій флотъ былъ посланъ въ турецкія воды, чтобы поддержать въ случаѣ надобности *veto* Великобританіи.

Германія, во все продолженіе войны, соблюдала относительно Россіи доброжелательный нейтралитетъ. Германскому посланнику было поручено наблюдать за интересами русскихъ подданныхъ въ Турціи. Прусскіе офицеры принимали дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ русской арміи. Въ Петербургѣ ожидали большаго. Австро-Венгрія заключила, какъ мы видѣли, съ Россіей особое соглашеніе, обеспечивавшее ей, въ извѣстномъ случаѣ, занятіе Босніи и Герцеговины. Но увидѣвъ побѣдоносное шествіе русскаго войска къ Константинополю, вѣн-

скій кабинетъ, встревоженный этими успѣхами, которые угрожали опасностью Австро-Венгерской монархіи, присоединился къ заявленію Великобританіи. Это былъ новый ударъ, нанесенный союзу трехъ императоровъ. Къ тому же, не оставалось сомнѣнія, что Россія рѣшила положить конецъ владычеству турокъ въ Европѣ. Санъ-Стефанскій договоръ, который турки были вынуждены заключить, когда русское войско очутилось у дверей Константинополя, раздѣлил Турцію на двѣ части, лишивъ ее Румыніи, Сербіи, Черногоріи и всей Болгаріи отъ береговъ Дуная до Эгейскаго моря, которая была признана только ея вассальнымъ владѣніемъ. Это было явнымъ посягательствомъ на цѣлость Оттоманской имперіи; державы, подписавшія Парижскій трактатъ, имѣли право этому воспротивиться. Но не всѣ ли онѣ—исключая Англи—одобрили войну, которая не могла быть оправдана съ точки зрѣнія этого трактата и которая ничѣмъ не была вызвана Портою? По какому же праву оспаривали онѣ у Россіи плоды ея побѣдъ? Развѣ не всѣ онѣ нарушили верховныя права султана, диктуя ему программу, которой онъ долженъ былъ руководствоваться при управленіи государствомъ? Нравственно съ ихъ стороны было не особенно добросовѣстно противиться тому, чтобы Россія воспользовалась послѣдствіями политики, установленной берлинскимъ меморандумомъ и константинопольскими конференціями. Правду сказать, политика великихъ державъ по отношенію Порты никогда не отличалась особенной корректностью; друзья и недруги Турціи всегда дѣйствовали за-одно, когда дѣло шло объ ея расхищеніи; между ними возникали споры только тогда, когда дѣло шло объ ихъ участіи въ дѣлѣжѣ.

— Въ Восточномъ вопросѣ всегда было много лицемерія,—выразился одинъ прусскій генераль, другъ Фридриха-Вильгельма IV.

Въ самомъ дѣлѣ, необходимость реформъ, интересы христіанъ, угнетеніе славянскихъ народностей—таковъ былъ обыкновенно предлогъ къ войнѣ съ Турціей.

Положеніе германскаго правительства среди соперничающихъ державъ было довольно затруднительное. Князь Бисмаркъ не понималъ германскихъ интересовъ внѣ строгихъ рамокъ, предписывавшихъ сохраненіе единства Германской имперіи, и предпочелъ бы остаться безучастнымъ зрителемъ этого конфликта. Опасаясь неудовольствія Россіи, онъ склонялся на ея сторону. Но, съ другой стороны, онъ не хотѣлъ оставить безъ помощи Австрію, которая утверждала, что ея интересамъ угрожаетъ Санъ-Стефанскій мирный договоръ; тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе Германіи высказывалось открыто за Австро-Венгрію и Англию. Таковы были разнорѣчивые стимулы, между которыми колебалась политика германскаго канцлера; онъ старался лавировать между этими противоположными чувствами, желая придти къ какому-либо

*

компромиссу. Таковы были причины затруднительнаго положенія, въ какомъ онъ очутился на другой день послѣ войны.

Угрозы Англіи заставили петербургскій кабинетъ согласиться на обсужденіе условій Санъ-Стефанскаго мирнаго договора и на утвержденіе его европейскими державами. Когда попытка, сдѣланная Австріей къ созванію конференціи, не увѣнчалась успѣхомъ, князь Горчаковъ обратился съ своей стороны къ германскому канцлеру съ настоятельной просьбой, чтобы Германія, въ качествѣ нейтральной державы, взяла на себя инициативу созвать на конгрессъ представителей державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ.

Въ то время, когда велись эти переговоры, германскій рейхстагъ 19-го февраля н. ст. 1878 г., вмѣшался въ это дѣло, по поводу запроса, сдѣланнаго канцлеромъ, который считалъ моментъ удобнымъ, чтобы отмѣтить свой доброжелательный нейтралитетъ по отношенію къ Россіи. Упомянувъ о предварительныхъ условіяхъ мира, которыя уже были извѣстны въ то время, князь Бисмаркъ заявилъ, что большая часть условій, предложенныхъ Россіей Турціи, не затрогивала германскихъ интересовъ и что тѣ пункты договора, которые такъ или иначе касались Германіи, касались вмѣстѣ съ тѣмъ и прочихъ державъ Европы, слѣдовательно они должны обсуждаться всѣми державами совмѣстно.

— Въ Россіи,—сказалъ онъ,—есть многочисленная партія, которая не любитъ Германію, но которая не пользуется къ счастью вліяніемъ. Эта партія скажетъ, что въ тотъ моментъ, когда Россія достигла цѣли, къ которой она стремилась вѣками, ей угрожаетъ за спиною кинжалъ Германіи, которая вовсе незаинтересована въ Восточномъ вопросѣ! Помѣшать великой державѣ воевать, когда она рѣшила начать войну—дѣло весьма неблагодарное,—продолжалъ онъ.—Императоръ Николай испробовалъ это въ Ольмиуцѣ; Германія была за это озлоблена противъ него, Австрія также не поблагодарила его. Какъ умно поступила Пруссія, не послушавшись тѣхъ, которые хотѣли въ 1854 г., чтобы она помѣшала Россіи воевать? Послѣ Садовой, Наполеонъ III вздумалъ стать между нами и нашими врагами: я не пропустилъ этого безъ вниманія и никогда не могъ этого забыть.

Рейхстагъ согласился съ канцлеромъ и одобрилъ его за то, что онъ не предъявилъ конференціи никакихъ обязательствъ и что онъ хотѣлъ играть на ней только роль «честнаго маклера», стараясь примирить противниковъ.

Когда были опубликованы статьи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, противъ него возстало общественное мнѣніе большей части Европы, и главнымъ образомъ Англіи и Австріи. Территориальное и денежное вознагражденіе, наложенное на Турцію, разграниченіе Болгаріи, вопросъ объ оккупациі русскимъ войскомъ и о протекторатѣ Россіи и

въ особенности то обстоятельство, что въ немъ не было упомянуто о правахъ державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ 1856 г.,—все это вызвало сильнѣйшую полемику въ газетахъ и въ канцеляріяхъ Лондона и Вѣны. Графъ Андраши заявилъ въ парламентъ объ оговоркѣ, которую Австро-Венгрія дѣлаетъ относительно условій мирнаго договора, превысившихъ объявленную цѣль войны, т. е. улучшеніе участи христіанскихъ подданныхъ султана. Англійское правительство потребовало кредитовъ на усиленіе флота и армии.

Тогда были возобновлены переговоры о конгрессѣ. Они продолжались долго; наиболѣе заинтересованныя стороны старались подыскать такія основы для совѣщаній, при соблюденіи которыхъ могла быть надежда на успѣхъ конгресса. Между Австріей и Россіей видимо установилось по этому поводу согласіе, такъ какъ послѣдняя обѣщала не мѣшать, въ случаѣ надобности, занятію Босніи и Герцеговины.

Санъ-Стефанскимъ договоромъ, разумѣется, были выговорены болѣе широкія условія по сравненію съ тѣми, которыя Россія предьявляла начиная войну, но этотъ вопросъ могъ быть улаженъ личнымъ соглашеніемъ императоровъ. Впрочемъ, это не касалось Англии. Опасаясь европейской войны, къ которой она не была подготовлена, Россія согласилась вести переговоры въ Лондонѣ, и князь Бисмаркъ энергично поощрялъ ее къ тому. Императоръ Александръ II желалъ конгресса, полагая что это будетъ лучшее средство сдѣлать неизбѣжныя уступки не унижая достоинства Россіи. Посланникъ въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ, былъ посланъ для переговоровъ къ германскому канцлеру, который въ то время заболѣлъ и удалился въ Фридрихсруэ. Бисмаркъ согласился на созваніе конгресса съ условіемъ, чтобы русскій посланникъ заручился предварительно согласіемъ англійскаго кабинета. То же самое онъ заявилъ относительно Австріи. Послѣдняя дала свое согласіе безъ малѣйшаго колебанія. Что касается англійскаго кабинета, то онъ началъ съ графомъ Шуваловымъ переговоры, окончившіеся только въ исходѣ мая, и результатъ которыхъ былъ изложенъ въ особомъ протоколѣ. Этимъ протоколомъ были уничтожены почти всѣ пункты Санъ-Стефанскаго договора, особенно выгодныя для Россіи. Быть можетъ, русскій кабинетъ рассчитывалъ на поддержку Германіи на конгрессѣ, чтобы отдѣлаться отъ этихъ уступокъ? Какъ бы то ни было, протоколъ былъ подписанъ и англійскій кабинетъ только тогда объявилъ о своемъ согласіи участвовать въ конгрессѣ, засѣданія котораго начались 13-го іюня в. ст. въ Берлинѣ.

Такимъ образомъ Россія еще до начала конгресса сдѣлала обѣимъ наиболѣе заинтересованнымъ державамъ чуть не всѣ уступки, какихъ онъ могли желать. Трудно было рассчитывать, что Бисмаркъ окажется болѣе преданъ интересамъ Россіи, нежели графъ Шуваловъ, и что онъ

заставить Австрію и Англію отказаться отъ уступокъ, на которыя уже согласился петербургскій кабинетъ.

Берлинскій договоръ, выработанный конгрессомъ и заключенный 13-го іюля н. ст., измѣнилъ условія Санъ-Стефанскаго договора сообразно съ частными обязательствами, заключенными Россіею съ Австріей и Англіей. Вмѣшательство друзей не принесло никакой выгоды Турціи; напротивъ того, они дѣйствовали единодушно, когда дѣло шло о томъ, чтобы навязать ей какую-нибудь новую жертву, и въ этихъ случаяхъ князь Бисмаркъ не щадилъ, обращаясь къ турецкимъ уполномоченнымъ, ни грубыхъ словъ, ни нравственнаго давленія. Съ русскими уполномоченными онъ держалъ себя въ высшей степени корректно и даже дружелюбно. Онъ соглашался на все, что предлагали русскіе, и отвергали все то, съ чѣмъ они не соглашались. Но ни разу не взялъ на себя инициативу какихъ-либо поправокъ, которыя бы предупредили ихъ желанія. Это-то и было поставлено ему въ укоръ княземъ Горчаковымъ и русскимъ обществомъ. Русскій канцлеръ, раздраженный неудачнымъ ходомъ переговоровъ, видя, что его оттираютъ нѣкоторымъ образомъ на задній планъ, пересталъ аккуратно посѣщать засѣданія, предоставивъ пещся о русскихъ интересахъ графу Шувалову, другу лорда Биконсфильда. Тѣмъ не менѣе, Россія извлекла изъ этой войны весьма существенныя выгоды: она приобрѣла румынскую Бессарабію, нѣсколько крѣпостей въ Азіи, Батумъ, полную свободу дѣйствій на Черномъ морѣ и нравственный протекторатъ надъ Болгаріей; наконецъ, ея военное обаяніе на Востокѣ значительно возросло.

Единственная выгода, полученная Англіей, помимо всего того, что ей было обезпечено Лондонскимъ протоколомъ, была весьма призрачна. Вмѣсто одной сильной Болгаріи, какую создалъ Санъ-Стефанскій договоръ, на Берлинскомъ конгрессѣ, благодаря настойчивымъ усиліямъ англійскаго кабинета, было создано двѣ болгарскія провинціи. Мы увидимъ, что болгаре сами позаботились исправить тѣ пункты русскаго договора, которые ихъ касались; но это было сдѣлано вполнѣ въ послѣдствіи съ согласія, чтобы не сказать при поддержкѣ, Англіи. Поэтому лорду Биконсфильду не пришлось особенно радоваться успѣху, одержанному имъ въ Берлинѣ. Истинная побѣда Англіи состояла въ тѣхъ преимуществахъ, какія она сумѣла выговорить до начала конгресса. Мы говоримъ, во-первыхъ, о Лондонскомъ протоколѣ, о которомъ было извѣстно князю Бисмарку, и во-вторыхъ, о договорѣ съ Турціей, по которому Англія приобрѣла Кипръ. Договоръ этотъ, заключенный 5-го іюня н. ст., былъ настоящимъ сюрпризомъ для участниковъ Берлинскаго конгресса.

Австрійцы и англичане уѣхали изъ Берлина, довольные поведеніемъ князя Бисмарка, предсѣдательствовавшаго на конгрессѣ. Графъ Андраши превозносилъ въ австро-венгерскомъ парламентѣ въ пылкихъ выраже-

ніяхъ заслуги германскаго кабинета, который велъ себя какъ добрый и преданный союзникъ. Русскіе отнеслись къ нему съ иными чувствами; причины этого изложены нами выше. Императоръ Вильгельмъ, лежавшій въ постели послѣ произведеннаго на него злодѣйскаго покушенія, не могъ оказать никакого вліянія на ходъ занятій конгресса. Онъ сожалѣлъ объ этомъ, какъ говорили, такъ какъ это лишило его возможности дѣйствовать въ интересахъ Россіи. Его сынъ, наслѣдный принцъ, заступавшій его мѣсто на засѣданіяхъ, руководствовался, какъ полагаютъ, извѣстными родственными чувствами, поддерживая желанія англійскаго кабинета.

Неудовольствіе русскихъ не замедлило отразиться въ печати, которая пользовалась болѣе чѣмъ когда-либо свободой при обсужденіи вопросовъ внѣшней политики. Мы видѣли, съ какою силою проявлялось это чувство антипатіи и антагонизма послѣ успѣховъ, одержанныхъ Пруссіей и Германіей на поприщѣ военномъ и дипломатическомъ и въ особенности послѣ франко-прусской войны. Результаты Берлинскаго конгресса, довольно значительные сами по себѣ, но весьма слабые съ точки зрѣнія славянскихъ вождедѣній, вызвали раздраженіе всѣхъ органовъ петербургской и московской печати.

Общественное мнѣніе Россіи стало относиться все болѣе и болѣе враждебно къ Германіи и дружелюбно къ Франціи. Эти чувства ясно выражались въ многочисленныхъ статьяхъ, появившихся на столбцахъ русскихъ періодическихъ изданій. Исключеніе составлялъ, разумѣется, офиціальнѣй правительственный органъ, державшійся также особнякомъ, какъ обособлена была политика русскаго царя.

Когда свиданіемъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ, въ 1872 году, было подтверждено еще разъ существованіе новаго тройственнаго союза, русскія газеты старательно доказывали, что этотъ союзъ не имѣлъ анти-французскаго характера, что было впрочемъ совершенно справедливо, и что князь Горчаковъ не тотъ человекъ, котораго могутъ водить за носъ его нѣмецкіе коллеги въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Недружелюбное отношеніе прессы къ Германіи не только не измѣнилось съ теченіемъ времени, но стало еще болѣе враждебнымъ, когда на очередь былъ поставленъ Восточный вопросъ, т. е. во время Берлинскаго конгресса въ 1878 г. и тотчасъ по окончаніи его.

Нападкамъ печати подверглись прежде всего русскіе дипломаты, по ея мнѣнію, во многомъ уступавшіе своимъ иностраннымъ коллегамъ. Она обвиняла князя Горчакова въ томъ, что онъ согласился на созваніе конгресса. Газеты особенно нападали на графа Шувалова, нанесшаго будто бы своимъ англоманствомъ большой ущербъ русскимъ интересамъ. Россія, говорили они, получила на конгрессѣ гораздо менѣе того, что она могла бы получить безъ конгресса. Лучшимъ доказательствомъ

враждебнаго отношенія къ Россіи князя Бисмарка было, по ихъ мнѣнію, его настойчивое, совмѣстно съ Австріей, требованіе, чтобы русскія войска какъ можно поспѣшнѣе очистили турецкія провинціи, какъ того требовали статьи Берлинскаго договора. Эти нападки русской прессы не всегда были вызваны патріотическимъ чувствомъ: онѣ вдохновлялись отчасти въ канцеляріи, свѣтлѣйшій глава которой называлъ берлинскій договоръ «самой мрачной страницей» своей долговременной карьеры. Подъ вліяніемъ досады и озлобленія причины омѣшивались иной разъ съ послѣдствіями. Въ то время, какъ петербургскій кабинетъ выражалъ свое неудовольствіе по поводу того, что берлинскій кабинетъ поддерживалъ Австрію во всемъ, что касалось исполненія Берлинскаго договора, въ Берлинѣ подмѣчали все болѣе и болѣе явное стремленіе князя Горчакова къ заключенію тѣснаго союза Россіи съ Франціей, что въ свою очередь способствовало сближенію Берлина съ Вѣною.

Князь Бисмаркъ былъ далекъ отъ мысли порвать узы, соединявшія Германію съ Россіей. Напротивъ, онъ желалъ возобновить согласіе, существовавшее между тремя имперіями. Такъ какъ интересы Австріи и Россіи на Востокѣ были противоположны, то онъ старался примирить ихъ и, сближаясь съ Австріей, надѣялся напугать Россію и тѣмъ заставить ее вступить въ соглашеніе съ Вѣною. Подобная комбинація вполнѣ соотвѣтствовала бы интересамъ Германіи, которая нуждалась въ мирѣ для упроченія своего новаго положенія и для которой столкновение двухъ сосѣднихъ имперій представлялось опаснымъ. Мечта была слишкомъ хороша и потому неосуществима. Конфликтъ могъ бы быть устраненъ, если бы это зависело исключительно отъ воли императора Александра II; царь былъ миролюбивъ и его пугала перспектива войны съ его дядей, германскимъ императоромъ. Но общественное мнѣніе Россіи было враждебно настроено къ Австріи и вслѣдствіе этого къ Германіи—другу Австріи; князь Горчаковъ и самые видные представители славянофильской партіи успѣли убѣдить его, что берлинскій кабинетъ и князь Бисмаркъ, въ особенности, не исполнили того, что имъ предписывалъ долгъ дружбы къ Россіи. Поэтому, лѣтомъ 1879 г. положеніе было весьма натянутое. Русскія газеты не прекращали своихъ нападокъ на Германію. Восточный вопросъ, говорили онѣ, былъ близокъ къ разрѣшенію; Россія была обманута; Германія пожертвовала ею ради Австріи; только союзъ съ Франціей можетъ доставить Россіи желаемое. Самъ императоръ былъ увлеченъ этимъ движеніемъ.

— Г. Бисмаркъ позабылъ обязательства, принятыя имъ на себя въ 1870 г.,—говорилъ онъ.

Онъ писалъ письмо за письмомъ императору Вильгельму, обвиняя канцлера въ томъ, что онъ посылалъ германскому посланнику въ Константинополь инструкціи, повелѣвавшія ему поддерживать Австрію.

— Отъ насъ требовали,—говорилъ позднѣе князь Бисмаркъ,—желая оправдаться отъ этихъ нападокъ, чтобы мы произвели на Австрію давленіе въ такихъ вопросахъ, относительно которыхъ польза этого вліянія подлежала большому сомнѣнію. Я не могъ участвовать въ этомъ, ибо, лишившись дружбы Австріи, мы очутились бы въ зависимости отъ Россіи, если не хотѣли быть совершенно одиноки въ Европѣ. То, что случилось по поводу Берлинскаго конгресса, доказываетъ, что самая попятнѣйшая съ нашей стороны преданность Россіи въ политическомъ отношеніи не гарантируетъ насъ отъ опасности имѣть, вопреки нашему желанію, столкновеніе съ этой имперіей. Споръ относительно инструкцій, данныхъ или не данныхъ нами нашему посланнику въ Константинополь, доходилъ до угрозъ войною со стороны наиболѣе компетентнаго лица (царя). Въмѣстѣ съ тѣмъ русское правительство дѣятельно стягивало войска къ западнымъ и юго-западнымъ границамъ. И въ то же самое время князь Горчаковъ, жившій на дачѣ въ Баденѣ, выражался въ бесѣдѣ съ однимъ французскимъ журналистомъ въ самомъ угрожающемъ тонѣ по отношенію къ Германіи.

Обсуждая всѣ эти факты, невольно задаешь себѣ вопросъ, какую практическую пользу могло имѣть соглашеніе или союзъ трехъ императоровъ, эта, какъ сказать, лига мира, заключенная тотчасъ послѣ франко-прусской войны съ цѣлью поддержать *statu quo*, установленное договорами? Тройственный союзъ весьма служилъ той цѣли, которую имѣли въ виду его основатели. Германія и Австрія не могли помѣшать третьему союзнику начать войну не только не посоветывавшись съ ними, но даже вопреки ихъ желанію. Ихъ союзъ не выдержалъ перваго серьезнаго испытанія.

— Этотъ союзъ, — говорилъ императоръ Александръ II маркизу Уэллеслию въ августѣ мѣсяцѣ 1877 г.,—былъ заключенъ съ цѣлью поддержанія мира и безъ всякой задней мысли относительно нападенія на Англію.

Князь Бисмаркъ, до Берлинскаго конгресса, опредѣлилъ рейхстагу его смыслъ еще точнѣе:

— Этотъ союзъ, или это соглашеніе, основано не на письменныхъ документахъ, и ни одинъ изъ трехъ монарховъ не обязанъ подчиняться вліянію двухъ другихъ. Онъ основанъ на личной симпатіи трехъ монарховъ, на личномъ довѣрїи этихъ трехъ августѣйшихъ особъ и на многолѣтнихъ личныхъ отношеніяхъ между министрами, руководящими дѣлами трехъ имперій.

Подобныя объясненія могли вводить въ заблужденіе только массу. Въ тотъ моментъ, когда князь Бисмаркъ говорилъ это, онъ уже давно поссорился съ русскимъ канцлеромъ; да и какое согласіе могло существовать между тремя кабинетами, когда князь Горчаковъ требовалъ

отъ своего германскаго коллеги, чтобы онъ выбиралъ между Россіей и Австріей? Наконецъ, въ 1879 г. исчезло и взаимное довѣріе, существовавшее между монархами; императоръ російскій обвинялъ во многомъ своего вѣнскаго союзника и заподозрѣвалъ даже берлинскаго. Такимъ образомъ тройственный союзъ, слабое подобіе Священнаго союза, не сдержалъ своихъ обѣщаній: Восточная война обратила его въ ничто, подобно тому, какъ Восточная война 1855 года погубила Священный союзъ, заключенный въ 1815 г.

Помянутыя обстоятельства весьма тревожнаго свойства побудили князя Бисмарка прервать свое леченіе и поспѣшить въ Вѣну. Насталъ моментъ, который онъ предвидѣлъ наканунѣ конгресса, говоря, что князь Горчаковъ заставитъ его избирать между Россіей и Австріей; онъ избралъ послѣднюю, ибо она, въ свою очередь, настойчиво требовала, чтобы онъ принялъ какое-либо рѣшеніе. Мысль о болѣе тѣсномъ союзѣ съ Германіей возникла въ умѣ графа Андраши съ самаго начала Восточнаго кризиса. Министръ Австро-Венгрии, вполнѣ довѣря дружескому расположенію Александра II, не могъ не подмѣтить различія во взглядахъ, существовавшаго между царемъ и его окружающими. Интересы обѣихъ имперій были слишкомъ противоположны на Востокѣ, чтобы личная дружба монарховъ могла предотвратить конфликтъ. Въ то время князь Бисмаркъ не допускалъ еще мысли объ отдѣльномъ соглашеніи съ Австріей. Онъ не создавалъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ дѣйствительнаго значенія дружественныхъ отношеній, существовавшихъ между монархами. Но германскій императоръ преувеличивалъ ихъ значеніе и питалъ увѣренность, что въ будущемъ, точно такъ же, какъ въ прошедшемъ, интересы трехъ монарховъ, несмотря ни на какія случайныя обстоятельства, будутъ всегда охраняемыя личнымъ вмѣшательствомъ монарховъ. Притомъ императору было за восемьдесятъ лѣтъ; въ этомъ возрастѣ человѣкъ съ трудомъ измѣняетъ чувства и привычки, коимъ онъ слѣдовалъ всю жизнь. Воспитанный въ традиціяхъ родственной политики, привыкшій къ дружескимъ отношеніямъ, существовавшимъ между берлинскимъ и петербургскимъ дворами, къ тому же освободившись, по отношенію Россіи, отъ зависимости, которая стала для него слишкомъ тягостна въ царствованіе императора Николая,—могъ ли онъ, безъ причины, въ столь преклонномъ возрастѣ согласиться на такую комбинацію, которая могла повести къ войнѣ съ державой, съ которой Пруссія жила въ мирѣ и въ союзѣ болѣе полвѣка?

Приходилось помириться съ очевидностью. Патріархальная политика былыхъ временъ не одобрялась болѣе ни канцлерами, ни подданными обоихъ государствъ; правительства, продолжая слѣдовать ей, рисковали своей популярностью. Князь Бисмаркъ по собственной своей инициативѣ

отправился въ Вѣну совѣщаться съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ и графомъ Андраши. Онъ все еще надѣялся вернуть Россію къ союзу трехъ императоровъ. Заключивъ болѣе тѣсный союзъ съ Австріей, онъ думалъ этимъ застрашать Россію и добиться того, что она скорѣе согласится вступить въ соглашеніе съ вѣнскимъ кабинетомъ относительно вопросовъ, волновавшихъ Востокъ. Онъ желалъ, главнымъ образомъ, предупредить войну между этими двумя державами, которая могла вовлечь Германію изъ-за интересовъ, которые онъ по-прежнему считалъ ей совершенно чуждыми. Настроеніе Вѣны было менѣе оптимистичное: тамъ еще болѣе опасались Россіи. Занятіе Босніи австрійскими войсками, которыя расположились въ ней какъ бы навсегда, было законнымъ поводомъ къ неудовольствію со стороны Россіи. Въ русскихъ газетахъ то и дѣло раздавались угрозы противъ Австріи, этой «второй Турціи» какъ они ее называли, которая, сдѣлавшись союзницей Порты, можетъ раздѣлить со временемъ ея участь.

Такимъ образомъ въ Вѣнѣ суждено было прекратиться исконному союзу Россіи съ Пруссіей, который отжилъ свое время и утратилъ свой смыслъ. Онъ возникъ въ то время, когда курфирстъ Бранденбургскій начиналъ соперничать съ Австріей и когда русскіе монархи воспользовались этимъ соперничествомъ, чтобы играть между ними роль третейскаго судьи и упрочить этимъ преобладающее вліяніе Россіи на государства Средней Европы. Когда же взаимное положеніе обѣихъ великихъ германскихъ державъ окончательно опредѣлилось и сфера ихъ дѣятельности была раздѣлена, роль третейскаго судьи стала излишней; эта роль, въ силу обстоятельствъ, перешла къ Германіи, которая сдѣлалась такимъ образомъ точно такъ же, какъ Австрія, соперницей Россіи.

Послѣ переговоровъ въ Вѣнѣ германскій канцлеръ подписалъ съ графомъ Андраши протоколъ, вошедшій въ основу настоящаго союзнаго договора, заключеннаго двумя имперіями для взаимной защиты противъ нападенія со стороны Россіи. Много труда стоило канцлеру добиться того, чтобы его монархъ подписалъ этотъ договоръ, который предусматривалъ, въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, прежде всего возможность нападенія со стороны Россіи и затѣмъ уже нападеніе со стороны какой-нибудь другой державы. Бисмаркъ заявилъ рѣшительно, что онъ подастъ въ отставку, ежели императоръ откажется подписать вѣнскій протоколъ. Императоръ Вильгельмъ уступилъ, но выговорилъ себѣ право сообщить царю конфиденціально если не содержаніе, то хотя цѣль договора, подписаннаго имъ и императоромъ Францемъ-Іосифомъ 15-го октября новаго стиля.

Текстъ этого договора, не опубликованный въ тотъ моментъ, когда онъ былъ подписанъ, былъ обнародованъ девять лѣтъ спустя при об-

стоятельствахъ, о коихъ будетъ рѣчь далѣе. Но самый фактъ заключенія союза противъ Россіи былъ извѣстенъ тогда же.

Пребываніе князя Бисмарка въ Вѣнѣ подготовило къ этому общественное мнѣніе, и оваціи, которыя ему дѣлали австрійцы, подчеркивали эту новую политическую комбинацію. Императоръ Вильгельмъ, возвратившійся въ Берлинъ въ концѣ октября, былъ встрѣченъ народомъ съ такимъ изъявленіемъ восторга, который служилъ отвѣтомъ на враждебныя и запальчивыя статьи русскихъ газетъ.

Въ глазахъ императора Вильгельма и его канцлера договоръ съ Австріей сохранялъ исключительно оборонительный характеръ. Впослѣдствіи князь Бисмаркъ резюмировалъ выгоды, проистекавшія изъ этого договора для Германіи и Австріи, сказавъ, что онъ значительно увеличилъ для обѣихъ имперій, сравнительно съ прежнимъ, гарантіи, которыя имъ доставлялъ федеративный союзъ. До 1866 г. Пруссія могла рассчитывать, въ случаѣ нападенія на нее, на прикрытіе лишь 95.000 австрійцевъ; отнынѣ она имѣла право рассчитывать на помощь всей австро-венгерской арміи. Съ другой стороны, союзнымъ договоромъ 1815 г. обезпечивались Пруссіей и федеральнымъ союзомъ исключительно одні нѣмецкія владѣнія Австріи, отнынѣ всей ея территоріи была гарантирована помощь германской арміи.

Официальныя отношенія Берлина и Петербурга не пострадали отъ заключенія австро-германскаго союза. Русская дипломатія, искавшая сближенія съ Франціей, была предупреждена Бисмаркомъ, но не имѣла возможности помѣшать ему, такъ какъ договоръ 15-го октября н. ст. по самому существу исключалъ всякую мысль о прямомъ нападеніи на Россію. Официально во всѣхъ трехъ столицахъ дѣла велись по-прежнему, какъ во времена союза трехъ императоровъ. Сыновья русскаго царя посѣтили въ скоромъ времени берлинскій дворъ. Наслѣдникъ цесаревичъ (Александръ III) посѣтилъ Вѣну, а оттуда Берлинъ, гдѣ маститый императоръ оказалъ ему самый радушный пріемъ. Только отсутствіе канцлера и наслѣднаго принца бросало нѣкоторую тѣнь на эту радужную картину. Послѣдній, живя со своей семьей на дачѣ въ Италіи, не пріѣхалъ для свиданія съ будущимъ императоромъ російскимъ. Какъ бы то ни было эти посѣщенія свидѣтельствовали какъ бы о примиреніи монарховъ. Императоръ Вильгельмъ старался щадить чувства русскаго царя. Въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи сессіи рейхстага, въ февралѣ мѣсяцѣ 1880 г., онъ не упомянулъ ни словомъ о союзѣ, заключенномъ съ Австріей, тогда какъ маркизь Салисбери заявилъ о немъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ своимъ соотечественникамъ въ публичной рѣчи, въ выраженіяхъ далеко не сочувственныхъ Россіи.

Никогда еще, даже въ періодъ наиболѣе дружественныхъ отноше-

ній между Александромъ II и Вильгельмомъ I, монархи не обмѣнивались болѣе горячими привѣтствіями, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 г., по случаю дня рожденія германскаго императора.

«Я разсчитываю болѣе чѣмъ когда-либо,—писалъ императоръ Александръ августѣйшему дядѣ,—на вашу давнишнюю и неизмѣнную дружбу; вы можете разсчитывать на такую же съ моей стороны для поддержанія и упроченія добрыхъ отношеній между нашими двумя націями, соотвѣтствующихъ ихъ взаимнымъ интересамъ».

Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ въ томъ же духѣ. Монархи обмѣнялись этими дружескими изліяніями въ послѣдній разъ. Въ слѣдующемъ году (1881 г.) императоръ Александръ II палъ жертвою гнуснаго покушенія, увѣнчавшагося успѣхомъ къ позору человѣчества.

Велико было горе маститаго германскаго императора при полученіи этого извѣстія, которое пришлось сообщить ему со всевозможной осторожностью. Онъ самъ едва спасся три раза отъ произведенныхъ на него злодѣйскихъ покушеній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письменное признаніе во взяточничествѣ.

13-го февраля 1840 г.

Я, нижеподписавшійся, задонскій исправникъ, даю сію росписку за собственноручнымъ подписаніемъ землянскому помѣщику коллежскому ассесору Николаю Матвѣвичу Муравьеву, въ томъ, что я 12-го сего февраля вытребовалъ отъ бурмистра Абрама Сидорова Ростигаева изъ господской оброчной суммы четыреста рублей, чтобъ ускорить окончаніемъ дѣла по слѣдствію, мною сдѣланному, вмѣстѣ съ членами задонскаго земскаго суда, о найденномъ тѣлѣ въ Алексѣевской деревнѣ въ колодцѣ. И по требованію г-на Муравьева обратно сихъ денегъ отъ меня, какъ незаконная съ моей стороны взятка, и даже насильственное воровство мое изъ господскаго сундука, я отдалъ сіи четыреста рублей обратно тому же бурмистру Абраму Ростигаеву. При полученіи же мною отъ него сихъ денегъ, свидѣтелемъ былъ бурмистръ Клиновской деревни Семенъ Никитинъ Гладкихъ. Деньги сіи отъ бурмистра Абрама Сидорова Ростигаева принялъ, для доставленія къ помѣщицѣ Натальи Васильевнѣ Муравьевой, коллежскій ассесоръ Николай Матвѣвичъ Муравьевъ, которому по личной просьбѣ далъ сію росписку за собственноручнымъ подписаніемъ моимъ, для того, чтобы оную по усмотрѣнію г. Муравьева представить Воронежскому военному губернатору для поступленія со мною по законамъ, какъ съ похитителемъ чужой собственности. Штабсъ-капитанъ Бухтѣевъ.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ

императрицей Маріей Теодоровной ¹⁾.

1.

Н. М. Карамзинъ—императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

12-го сентября 1813 г., Москва. ²⁾.

Всемиловѣйшая Государыня.

Только вчерашній день я имѣлъ счастье получить милостивое письмо вашего императорскаго величества отъ 15-го августа. Сердце мое исполнено признательности: не могу достаточно выразить оную словами. Все влечетъ меня въ Петербургъ; но слабое здоровье моей маленькой дочери, у которой рѣжутся зубы, принудило меня отложить на нѣсколько времени нашъ отъѣздъ. Еще не осушивъ слезъ о смерти шестилѣтняго сына, я долженъ, по крайней мѣрѣ, беречь остальное: боюсь ѣхать съ дѣтьми въ глубокую осень. Въ печальномъ расположеніи моей души утѣшаюсь мыслію жить въ Павловскомъ и въ Петербургѣ подъ вашимъ августѣйшимъ покровительствомъ. Имѣю одинъ способъ пла-

¹⁾ На обложкѣ дѣла подлинной переписки надпись: „Переписка г. Исторіи Географа Николая Михайловича Карамзина“.

²⁾ Письмо это служитъ отвѣтомъ на письмо императрицы Маріи Теодоровны, напечатаное въ книгѣ М. П. Погодина. „Николай Михайловичъ Карамзинъ“ ч. II стр. 112 и 113.

Ред.

тить за квартиру: иногда, въ минуты свободныя для вашего императорскаго величества, могу съ тетрадами являться у дверей вашего кабинета и ждать, когда вы позволите мнѣ быть предъ вами чтецомъ древнихъ государственныхъ дѣяній нашего отечества. Употребивъ десять зрѣлыхъ лѣтъ моей жизни на сей трудъ, пожертвовавъ ему часть здоровья и семейственныхъ удовольствій, смѣю уважать его. Въ послѣдніе три года я писалъ не много: сердечныя горести прохладили мое воображеніе. Для того я рѣшился издать написанное; однакожь въ садахъ Павловскихъ, среди веселыхъ предметовъ и меланхолическихъ воспоминаній, надѣюсь въ будущее лѣто прибавить еще нѣсколько главъ къ своей «Исторіи».

Въ особенности благодарю ваше императорское величество за милостивое увѣдомленіе о любезнѣйшей великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Мысленно слѣдую за нею глазами и чувствомъ, моля Бога, чтобы Онъ возвратилъ ее къ намъ съ лучшими здоровьемъ и спокойнѣе въ душѣ, послѣ удара столь жестокаго!

Москва среди ужасныхъ развалинъ веселится нашими побѣдами. Добрыя ея жители, сравнивая сентябрь прошедшаго года съ настоящимъ, на пеплѣ своихъ домовъ поютъ благодарственные молебны. Я никогда не сомнѣвался въ великодушіи народа русскаго, но оно всего болѣе торжествовало во дни нашихъ бѣдствій. Историкъ Россіи можетъ гордиться своимъ предметомъ такъ же, какъ Россія можетъ славиться добродѣтелями вашими.

2.

Н. М. Карамзинъ—императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

30-го марта 1814 г. Москва ¹⁾.

Всемиловѣйшая Государыня!

Приношу вашему императорскому величеству всенижайшую, сердечную благодарность за милостивое письмо и доставленіе книгъ отъ любезнѣйшей великой княгини Екатерины Павловны. Еще не имѣя счастья быть лично извѣстенъ вамъ, государыня, я уже осыпанъ знаками вашего драгоценнаго благоволенія. Гораздо легче чувствовать, нежели выражать признательность. Какъ ни трудно въ мои лѣта перемѣнить мѣсто и образъ жизни, но я люблю напередъ воображать себя жителемъ Петербурга и въ особенности Павловскаго, ибо надѣюсь

¹⁾ Письмо это служитъ отвѣтомъ на письмо Маріи Феодоровны отъ 18-го марта 1814 г. Погодинъ ч. II стр. 114.

тамъ простодушными изъявленіями моеи неограниченной къ вамъ преданности заслужить покровительство вашего императорскаго величества. Между тѣмъ стараюсь пользоваться временемъ, чтобы сдѣлать мою «Исторію» достойнѣе вашего вниманія. Если успѣю, прежде ея напечатанія, кончить царствованіе Іоанна Грознаго, то она будетъ менѣе суха. Хотѣлось бы мнѣ потомъ остатокъ моихъ способностей употребить на описаніе великихъ происшествій нашего времени, чѣмъ мы, кажется, должны потомству. Не спѣшу: надобно видѣть конецъ. Пусть другіе пишутъ для любопытныхъ современниковъ: старѣющійся исторіографъ обязанъ думать о потомствѣ.

3.

Н. М. Карамзинъ — императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

28-го мая 1814 г., Москва.

Всемиловѣйшая Государыня!

Осмѣливаюсь поднести вашему императорскому величеству стихи, которые излились изъ моего сердца болѣе, нежели изъ моего воображенія, и, противъ обыкновенія поэзіи, содержать въ себѣ, кажется, одну истину. Сочту за милость, если благоволите одинъ изъ приложенныхъ экземпляровъ послать къ нашему Богомъ прославленному государю, вашему августѣйшему сыну: тогда они могутъ показаться ему менѣе несовершенными. Теперь время стиховъ: время прозы впереди.

Повергаюсь къ вашимъ стопамъ, уже дерзая именовать васъ моею великодушною покровительницею.

4.

Н. М. Карамзинъ — императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

6-го іюня 1814 г. Остафьево, близъ Москвы.

Всемиловѣйшая Государыня!

Имѣвъ счастье нынѣшній день получить милостивое письмо вашего императорскаго величества, съ изъявленіемъ сердечной, живѣйшей благодарности повергаюсь къ вашимъ стопамъ. Чѣмъ болѣе чувства, тѣмъ менѣе словъ.

Ободряемый вами, могу смѣло приступить къ замышляемому мною

описанію великихъ происшествій нашего времени, столь удивительныхъ и въ особенности славныхъ для Россіи, для ея безсмертнаго монарха. Знаю трудность говорить о современникахъ: страсти хотять пристрастія, и людямъ надобны идолы; а мнѣ желалось бы не смѣшивать чело-вѣческаго съ божественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда Провидѣніе дѣйствовало явнѣе, разительнѣе? Должно найти средину между двумя крайностями: не умничать съ излишнею прагматическою гордостью и не быть проповѣдникомъ, ни Боссюэтомъ, ни Бурдалу: ибо исторія обязана сохранить свой чело-вѣческій характеръ. Сверхъ сего, мнѣ нельзя взяться за перо безъ особеннаго повелѣнія государя, безъ свѣдѣній, которыхъ могу ожидать единственно отъ его милостивой довѣренности; иначе я сталъ бы писать только для книжныхъ лавокъ, а не для потомства, чего рѣшительно не хочу, имѣя пріятную для себя обязанность описывать наши древнія. Смиренно и съ благоговѣніемъ думаю отнестись къ государю императору: если прикажетъ, то, издавъ древнюю Россійскую исторію, посвящу остатокъ моихъ способностей новѣйшей, современной, или, въ противномъ случаѣ, буду продолжать царствованіе Ивана Васильевича. Дерзаю говорить искренно предъ вашимъ императорскимъ величествомъ: это даю мнѣ природою и утверждено десятилѣтнею привычкою исторіографа.

Недавно имѣлъ я смѣлость отправить къ вамъ, всемилостивѣйшаго государыня, стихи, сочиненные мною въ первые дни моего выздоровленія. Вестфальскій миръ сдѣлалъ метафизика Декарта поэтомъ: не равняюсь съ Декартомъ; но Парижскій миръ стихотворнѣе и будетъ еще достопамятнѣе Вестфальскаго.

Поручаю себя до конца моей жизни вашему августѣйшему покровительству.

5.

Н. М. Карамзинъ — императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

16-го августа 1814 г. Москва.

Всеимилостивѣйшая Государыня!

Приношу вашему императорскому величеству всенижайшую благодарность за милостивое письмо отъ 4-го августа ¹⁾. Не самолюбіе и не тщеславіе, а признательное сердце мое радуется всякому новому знаку вашего ко мнѣ благоволенія. Не боюсь обязанности заслуживать щедрую милость вашу: смѣю надѣяться, что неограниченное усердіе мое и преданность не оставятъ меня предъ вами въ долгу неоплатномъ.

¹⁾ См. Погодинъ ч. II. стр. 120.

Восхищаюсь мыслию о Розовомъ павильонѣ, гдѣ ваше императорское величество удостоили вашего вниманія смиренное произведение нелживой Исторіографской Музы, и гдѣ, чрезъ пять недѣль послѣ того, августѣйшая, счастливѣйшая мать торжествовала славу Россіи и любви своей къ сыну-монарху, предмету удивленія и благодарности освобожденной имъ Европы. Не завидую Капитолію, ни Петраркѣ, ни Тассу; не возьму ихъ свѣжихъ лавровыхъ вѣнковъ за одну и засушенную розу всего волшебнаго Павильона, которая упала съ неба въ тихій, уединенный кабинетъ мой: храню ее какъ святыню среди Клійскихъ хартій и свитковъ; она уже не завянетъ и служить для меня эмблемою историческаго безсмертія.

Ободряемый вами, всемилостивѣйшая государыня, нахожу еще болѣе прелести въ мысли быть историкомъ нашего времени. Милостивое обѣщаніе ваше доставить мнѣ нѣкоторыя нужныя для того свѣдѣнія и подробности оживляетъ мою ревность бесѣдовать съ потомствомъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ Провидѣнія. Чтобы рѣшить судьбу написанной мною древней исторіи въ шести томахъ, издать ихъ и заняться описаніемъ новыхъ происшествій, я долженъ переселиться въ Петербургъ: мои семейственныя обстоятельства еще задерживаютъ меня въ Москвѣ; но я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастья представиться вашему императорскому величеству, моею августѣйшею покровительницѣ. Ласкаю себя надеждою, что и государь императоръ не презритъ ревностнаго, двѣнадцатилѣтняго труда моего, посвященнаго славѣ его царствованія. Нѣкогда государь оказывалъ лично милостивое ко мнѣ расположеніе, котораго благодарное воспоминаніе живетъ въ моемъ сердцѣ. Могу имѣть талантъ посредственный: по крайней мѣрѣ не шарлатанствую, а прилежно занимаюсь такимъ дѣломъ, которое и въ древнія времена уважалось людьми просвѣщенными.

Описавъ времена великаго князя Василія Ивановича и тогдашнее состояніе Россіи, приступаю теперь къ важному царствованію Іоанна IV Грознаго; имъ думаю заключить свой трудъ въ нашей древней исторіи, желая кончить его уже не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, и читать вашему императорскому величеству любопытѣйшія мѣста, какъ только выйдутъ оныя изъ-подъ грифеля историческаго.

Съ чувствомъ благоговѣнія и живѣйшей признательности повергаю себя къ вашимъ стопамъ.

6.

Н. М. Карамзинъ — Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

16-го августа 1815 г. Село Остафьево, близъ Москвы.

Всемиловѣйшая Государыня!

Милостивый упрекъ вашъ, переданный мнѣ Юріемъ Александровичемъ Нелединскимъ, исполнилъ мое сердце живѣйшею признательностію. Нужно ли мнѣ оправдываться? Чистосердечный исторіографъ умѣетъ быть и скромнымъ: не удостоенный отвѣта на его послѣднее письмо къ вашему императорскому величеству, онъ молчалъ, единственно для того, что боялся быть скучнымъ; молчалъ съ нѣкоторымъ прискорбіемъ и не жаловался, смотря съ умиленіемъ на розу Павловскаго Флорина Павильона. Итъ закона для милостей: пресѣкаясь, онъ живутъ въ воспоминаніи благодарнаго и не даютъ права требовать новыхъ. Теперь, ободренный новымъ знакомъ вашего драгоцѣннаго благоволенія, могу писать безъ страха.

Вашему императорскому величеству угодно было взять участіе въ страданіяхъ Борнгольмской и незнакомки и тѣмъ перемѣнить судьбу ея: неумолимою строгостію отца заключенная въ темной пещерѣ, она вдругъ увидѣла свѣтъ и Гревезендскаго меланхолика, который бросился къ ней въ объятія съ восклицаніемъ: «ты не сестра, а супруга моя!» Они вышли изъ пещеры, совокнулись законнымъ бракомъ и поселились въ домикъ, котораго уже нельзя узнать: его поновили внутри и снаружи, скосили полынъ и крапиву на дворѣ. Старецъ—хозяинъ, восхищаясь уже законною любовію дочери и зятя, даетъ балы и самъ танцуетъ польскій, а въ темный вертепъ, гдѣ сидѣла блѣдная, томная красавица, готовится посадить желтаго, тучнаго Наполеона, если бурю занесетъ его въ Борнгольм¹⁾. Вотъ что пишутъ ко мнѣ изъ Дави; остальное могу досказать вашему императорскому величеству въ Розовомъ навильонѣ

Великое дѣйствуетъ и на малое: запутанность политическихъ обстоятельствъ Европы въ концѣ прошедшей зимы, удаливъ возвращеніе государя императора, привудила меня отложить изданіе моей «Исторіи», для коего нужно его высочайшее соизволеніе. Между тѣмъ я усердно продолжалъ трудъ свой: описалъ славнѣйшее время Іоанна Грознаго, завоеваніе царствъ Казанскаго, Астраханскаго, и началъ описывать достопамятную Ливонскую войну, которая пресѣкла быліе древняго Ордена мечевосцевъ. Этого томъ кажется мнѣ любопытнѣе другихъ:

¹⁾ Рѣчь идетъ о сюжетѣ повѣсти Карамзина: „Островъ Борнгольмъ“.

слѣдственно могу надѣяться, что онъ будетъ достоинъ вашего милостиваго вниманія. Время не совсѣмъ потеряно, хотя я и лишилъ себя, еще на нѣсколько мѣсяцевъ, счастья представиться вашему императорскому величеству. Дай Богъ надежнаго спокойствія Европѣ и нашему отечеству! Тогда мнѣ будетъ веселѣ ѣхать въ Петербургъ съ моими исторіографскими кипами. Музы благоденствуютъ въ тишинѣ, и самая отважная Клаіо любитъ шумъ битвъ только въ воспоминаніяхъ. Церо тупѣетъ, мечъ острится, и картина минувшаго слабо дѣйствуетъ на сердце, сильно волнуемое настоящимъ. Мирная, счастливая осень да возвратитъ Россіи обожаемаго монарха, а вамъ любезнѣйшаго сына, увѣнчаннаго славою! Я уже не буду писать стиховъ, но буду вмѣстѣ со всѣми добрыми россиянами веселиться душою.

Съ благоговѣніемъ и сердечною преданностію поворачиваю себя къ стопамъ моей Августѣйшей Покровительницы.

7.

Н. М. Карамзинъ—Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

24-го января 1818 г. С.-Петербургъ.

Всемилоствѣйшая государыня!

Имѣю счастье представить вашему императорскому величеству мою «Исторію», полагаясь на ваше милостивое расположеніе къ автору гораздо болѣе, нежели на достоинство княги.

Съ сердечною радостію слышали мы отъ государя императора и великаго князя о добромъ здоровьѣ вашего императорскаго величества. Москва не престаётъ восхищаться своими августѣйшими гостями, а мы не престаёмъ чувствовать нашего сиротства. Весна будетъ веселить васъ только мыслию о близости лѣта. Павловское всегда прекрасно: надѣюсь около половины мая гулять въ садахъ его съ пріятностію, но не безъ грусти: тамъ еще не будетъ той, которою все оживло и расцвѣло въ сихъ нѣкогда дикихъ мѣстахъ!

Повергаю себя со всѣмъ семействомъ къ вашимъ стопамъ.

8.

Г. И. Вилламовъ ¹⁾—Н. М. Карамзину.

18-го апрѣля 1818 г. Москва.

Государыня императрица, по извѣстному къ вамъ милостивому расположенію, хотѣла сама увѣдомить васъ о рожденіи ея величеству

¹⁾ Григорій Ивановичъ Вилламовъ — личный секретарь императрицы Маріи.

внука, великаго князя Александра Николаевича¹⁾, но вы догадаетесь, сколько она занята, отправивъ вчера уже двухъ курьеровъ къ государю и въ Берлинъ и отправляя теперь курьера къ великимъ князьямъ и великимъ княгинямъ, виѣ Россіи находящимся, не говоря уже о самомъ радостномъ происшествіи, материнское ея сердце занимающемъ. Въ такомъ затрудненіи ея величество изволила рѣшиться высочайше поручить мнѣ увѣдомить васъ, что вчерашняго числа 17-го въ 11 часовъ до полудня великая княгиня благополучно разрѣшилась прекраснымъ здоровымъ младенцемъ и находится понынѣ въ вождѣльномъ здравіи по обстоятельствамъ. Сегодня было молебствіе въ Успенскомъ соборѣ и поздравленіе.

Могу ли желать пріятнѣйшаго случая напомнить вамъ по пребывающемъ съ искреннѣйшимъ почтеніемъ и преданностію. и т. д.

9.

Н. М. Карамзинъ—Г. И. Вилламову.

29-го апрѣля 1818 г., С.-Петербургъ.

Поздравительное письмо мое къ ея императорскому величеству было уже написано, когда я имѣлъ честь получить ваше: мнѣ осталось только прибавить изъявленіе моей всеподданнѣйшей благодарности за сей новый знакъ ея ко мнѣ милости. Радуюсь вмѣстѣ съ Москвою и Россією, усердно молимъ Бога о вождѣльномъ здравіи августѣйшей родильницы и новорожденнаго великаго князя, который явился въ нашъ вѣкъ со всѣми счастливыми предзнаменованіями будущей знаменитой жизни: да исполнятся!

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашего возвращенія на берега Невы, которая въ новомъ великолѣпіи течетъ передъ нами. У насъ третій день тепло: какъ скоро покажется зелень, отправимся привѣтствовать весну въ садахъ Павловскихъ.

Примите искреннѣйшее увѣреніе въ высокопочитаніи и преданности, съ коими имѣю честь быть и т. д.

¹⁾ Царя-Освободителя.

10.

Н. М. Карамзинъ — Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

4-го января (1824 г.?)

Примите сердечное поздравленіе. Дай Богъ совершеннаго всѣмъ вашимъ и нашимъ, отсутствующимъ и присутствующимъ!

Вчера доставилъ къ Н. Н. Новосильцову всеподданнѣйшее прошеніе къ вашему императорскому величеству отъ моего ближняго, князя Вяземскаго, о спасеніи его отъ разоренія отсрочкою платежа должной имъ суммы въ Московскій Опекунскій Совѣтъ. Большая часть его имѣнія въ Тверской губерніи, для которой нынѣшній годъ тяжелъ. Къ его прошенію осмѣливаюсь присоединить и мое, въ надеждѣ на вашу милость къ всеподданнѣйшему историографу.

11.

Н. М. Карамзинъ — Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

20-го апрѣля 1824 г.

Думая, что у одного изъ нашихъ сыновей можетъ быть корь, не смѣю показаться вашему императорскому величеству, по крайней мѣрѣ безъ вашего особеннаго дозволенія. Для того всеподданнѣйше прошу принять мое усерднѣйшее поздравленіе на завтрашній день съ тезоименитствомъ ея императорскаго высочества, великой княгини Александры Теодоровны. Осмѣливаюсь также, чрезъ милостивое ваше посредство, принести поздравленіе и самой августѣйшей именинницѣ.

Прилагаю письмо и пакетъ съ двумя томами «Россійской исторіи» для великой княгини Маріи Павловны, думая, что такимъ образомъ могутъ они дойти скорѣе.

Повергаю себя къ вашимъ стопамъ, оставляя на волю Божию и вашу счастье мое видѣть ваше императорское величество, и наканунѣ радостнаго дня ¹⁾ не хочу говорить о нашей семейственной грусти.

Вашъ всеподданнѣйшій историографъ.

¹⁾ Тезоименитства великой княгини Александры Теодоровны.

12.

Н. М. Карамзинъ—Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

22-го апрѣля 1824 г.

Принишу вашему императорскому величеству сердечную благодарность за милостивое участіе въ нашемъ безпокойствѣ. Еще и теперь мы не увѣрены, корь ли это или другая сыпь; по крайней мѣрѣ болѣзнь не сильна. Опасаемся только за другихъ дѣтей, и очень будемъ грустить, если будемъ принуждены еще долго жить въ городѣ.

Радуюсь, что ваше императорское величество ждете наслаждаться Павловскомъ, желаю продолженія такой погоды и повергаю себя къ вашимъ стопамъ.

Всеподданнѣйшій Н. Карамзинъ.

13.

Н. М. Карамзинъ—Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

24-го апрѣля 1824 г. С.-Петербургъ

Принишу сердечную благодарность вашему императорскому величеству. Я давно увѣренъ въ вашей милости, но всегда радуюсь всякому знаку ея. Сыну вашему, слава Богу, лучше, и до сей минуты другія дѣти здоровы. Можетъ быть, это дѣйствительно не корь. Желаемъ нетерпѣливо оставить великолѣпный, но лѣтомъ скучный Петербургъ, чтобы перебраться въ сосѣдство съ Павловскомъ, видѣть зелень и дышать чистымъ воздухомъ, а не пылью, которая несносна для моихъ слабыхъ глазъ. Завтра вы, конечно, не безъ сожалѣнія промѣняете село на городъ. Между тѣмъ будьте совершенно здоровы для счастья столь многихъ! Повергаю себя съ любовію къ вашимъ стопамъ со всѣмъ моимъ семействомъ. Ваше благословеніе свято для моихъ дѣтей. Навѣки душою и сердцемъ всеподданнѣйшій исторіографъ.

Сообщилъ Евгений Шумигорскій.

Александръ Дмитріевичъ Боровковъ

и его

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

III ¹⁾.

Поступленіе на службу въ Московскій Сенатъ.—Уроки барону Дельвигу.— Спасеніе отъ погибели.—Разговоръ съ монахомъ.— Ода на пріѣздъ государя въ Москву.— Встрѣча съ Ѳ. П. Лубяновскимъ.— Участіе въ журналѣ „Аглая“.—Сенаторъ Мясоѣдовъ.— Литературныя занятія.—Первая неудачная любовь.— Поѣздка въ С.-Петербургъ.— Поступленіе на службу въ министерство полиціи.

а Рождествѣ Христовомъ 1807 года явился я къ дѣду моему сенатору Мясоѣдову, и съ торжествомъ поднесъ печатный экземпляръ посвященной ему книги, подъ заглавіемъ «Начертаніе Россійской Исторіи», переведенное мною съ французскаго. Ласково онъ принялъ и меня, и приношеніе; перелистывалъ нѣсколько минутъ книгу, и сказалъ съ улыбкою:

— Ну любезный мой ученый! бросай книги въ огонь и готовься на службу! Оберъ-прокуроръ 6-го департамента Севата обѣщаль мнѣ принять тебя прямо новытчикомъ. Это, братъ, на первый разъ очень хорошо: на такихъ мѣстахъ есть много и штабъ-офицерскаго ранга.

Я началъ было представлять, что по характеру моему, склонному къ тихой, безмятежной жизни, для меня приличнѣе было бы ученое поприще. Старикъ наморщился.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь, 1898 г.

— Дѣлай, что велѣтъ, сказалъ онъ; ты еще молодъ и не понимаешь своей пользы; я обѣщаль матери твоей пристроить тебя, такъ и исполню. Привези ко мнѣ просьбу объ опредѣленіи; оберъ-прокуроръ самъ вытребуеть твой аттестатъ изъ университета.

Такъ распалась мечта моя посвятить себя ученой жизни, со-временемъ взгромоздиться на профессорскую кафедру, которая представлялась мнѣ блистательнѣе судейскаго кресла. Даже теперъ, когда я достигъ званія сенатора, все еще думаю, что при любви моей къ наукамъ, я на ученомъ поприщѣ сталъ бы болѣе извѣстнымъ. Здѣсь много случаевъ къ гласности: изысканіе ученаго печатаются и расходятся по свѣту, а приговоры судьи сдаются и глѣбуютъ въ архивахъ.

Но судьба опредѣлила иначе. Я усердно предался моей должности; начальство и товарищи полюбили меня; покровитель мой Мясоѣдовъ поддерживалъ меня и совѣтомъ и дѣломъ. Все шло бы хорошо; но скудные тогдашніе оклады жалованья не доставляли средствъ къ содержанію. Чуждый пріобрѣтеній, противныхъ чести, я рѣшился снова приняться за частные уроки, урывая время отъ служебныхъ занятій. Утро я проводилъ въ Сенатѣ, послѣ обѣда на урокахъ, а вечеромъ, весьма часто и за полночь обрабатывалъ сенатскія записки.

Монахъ въ дѣтствѣ моемъ возбудилъ во мнѣ охоту къ ученію; монахъ въ юношествѣ моемъ спасъ мнѣ жизнь. Въ концѣ марта 1810 года я отправился дать урокъ барону Дельвигу, вполнѣ извѣстному поэту; я приготовлялъ его къ поступленію въ лицей. Отецъ барона Дельвига былъ московскимъ плацъ-маіоромъ, жилъ въ Кремлѣ, въ комендантскомъ домѣ, а я за Москвою рѣкою на Болотѣ. Отправляясь послѣ обѣда къ нему на урокъ, задумчиво переходилъ я по льду Москвы рѣчки, противъ Тайницкихъ воротъ; вдругъ слышу громко раздавшіяся слова: «постой! остановись! здѣсь вырублено!» я очнулся и вижу предо мною обширную прорубь, подернутую тонкимъ слоемъ новаго, прозрачнаго льда, а за нею монаха. Обойдя водную могилу, готовую поглотить меня, я приблизился къ моему избавителю и благодарилъ его.

— Ты ничѣмъ не обязанъ мнѣ; молись Всемогущему, который послалъ меня въ эту минуту, и который въ благихъ своихъ намѣреніяхъ вѣроятно берегаетъ тебя для какой-нибудь цѣли.

— Судьбы Предвѣчнаго неисповѣдимы, отвѣчалъ я. Мудрость человѣческая шатка: я избралъ прямую дорогу, какъ кратчайшую, и чуть не заплатилъ жизнью; и такъ мнѣ остается избирать кривые пути.

— Избави Боже! воскликнулъ монахъ. — Шестуй всегда прямо, только осторожно! Не отвергай предостереженія опытныхъ.

Монахъ, вѣроятно, хотѣлъ показать знаніе свое въ латыни и дополнить: ты внялъ моему гласу и сдѣлалъ *optime*, а въ противномъ случаѣ было бы *pessime*!

— *Sene inve pes pedem move*, замѣтилъ я. На свѣтъ все идетъ къ лучшему.

— О! Да ты поклонникъ Вольтера и чтись его оптимизмъ.

— Позвольте замѣтить, что Вольтеръ въ своемъ *Кандидѣ* осмѣивалъ оптимизмъ. Много клеветали на этого гениальнаго писателя, блистательное свѣтило своего времени. Конечно, сильно нападалъ онъ на злоупотребленіе папской власти; а это неизбѣжно вовлекало его въ необходимость представлять въ смѣшномъ видѣ нѣкоторые обряды и положеніе католицизма.

— Нѣтъ! Часто дерзалъ онъ касаться священныхъ таинствъ христіанства. Приходи ко мнѣ! Мы побесѣдуемъ.

Монахъ повернулъ къ Чудову монастырю.

— Какъ спросить васъ?

— Спроси іеромонаха Михаила.

Молодость сильна и дѣятельна. Несмотря на служебныя мои занятія, несмотря на частныя уроки, я находилъ время заниматься литературою.

Въ 1809 году я написалъ торжественную оду на пріѣздъ государя императора въ Москву съ великою княгинею Екатериною Павловною. При ея высочествѣ былъ Ѳ. П. Лубяновскій, учившійся въ московскомъ университетѣ, литераторъ, напечатавшій путешествіе свое по Саксоніи. Считаю его собратомъ своимъ по музамъ, я прямо и смѣло явился къ нему съ просьбою представить мою оду его величеству. Лубяновскій принялъ меня благосклонно, прочелъ мое маранье, повидному со вниманіемъ, и сказалъ кротко:

— Есть удачныя стихи; но вамъ надобно еще образовать свой вкусъ. Вы очень наивно высказываете доблести государя; увлеченіе ваше похвально, но можетъ показаться лестью. Вы молоды; въ жизни вашей представится не одинъ случай воспѣть государя; между тѣмъ, вы укрѣпитесь чтеніемъ и размышленіемъ, тогда и сочиненія ваши будутъ отдѣланнѣе и совершеннѣе.

Я поблагодарилъ его за совѣтъ; но мысленно подозрѣвалъ въ зависти, тѣмъ болѣе, что школьные мои сотоварищи, которымъ я читалъ мою оду, наперерывъ хвалили ее. Впослѣдствіи мы встрѣтились съ Лубяновскимъ сенаторами, сблизились и часто бесѣдовали.—Я напомнилъ о моей одѣ, прочелъ ему, и онъ удивился, почему не хотѣлъ представить ее государю.

Эти неудачи не остановили меня: я продолжалъ пописывать стихи, какъ отдохновеніе отъ должностныхъ и учительскихъ работъ; но пряталъ ихъ въ своемъ портфель, только изрѣдка включалъ иные въ альбомы близко знакомыхъ дѣвицъ.

Въ прозѣ я былъ счастливѣе. Я напечаталъ въ журналѣ «Аглая»

изданіе князя Шаликова, повѣсть мою подъ заглавіемъ «Гервей и Амаля», подъ буквами А. Б. Р. В. К. В. — Не разъ я былъ приведенъ въ восторгъ, когда милыя, прелестныя, восторженныя женщины, по нынѣшнему сантиментальныя, читая ее при мнѣ и не подозрѣвая во мнѣ автора этой повѣсти, хвалили и проливали слезы. Бывало авторское сердце не вытерпитъ; какъ виновникъ въ шалости, робко признаюсь, и похвалы усилятся. Въ особенности щекотали меня лестные отзывы весьма молодой вдовы, прекрасной, томной, увлекательной Софіи См.....вой, умной, живой, насмѣшливой Анны Б.....ой. и нѣжной. доброй, кроткой Надежды Кр.....новой ¹⁾). Въ кругу этихъ трехъ грацій я проводилъ почти каждый день обѣденные часы; онѣ любили бесѣдовать со мною, повидимому. обращали на меня благосклонное вниманіе, являли мнѣ знаки своего расположенія; но въ сущности они играли бѣднымъ, простодушнымъ студентомъ. Но какая до того нужда: съ ними я былъ счастливъ и доволенъ.

Сенаторъ Мясоѣдовъ жилъ открыто. У него былъ домашній театръ, своя актеры и музыканты. Въ теченіе зимы у него давались пять или шесть спектаклей, на которые онъ всегда приглашалъ меня. Мнѣ пришлось въ голову испытать свои силы въ драматической литературѣ. Я написалъ оперу въ родѣ Русалки, подъ заглавіемъ Дровосѣчки. Опера эта, почти со всѣми произведеніями моими того времени, сгорѣла въ Москвѣ, въ страшную и славную годину для Россіи—нашествіе Наполеона. Содержаніе ея, сколько припомню, незамысловато: рыцарь отправился съ свитою своею на охоту; съ азартомъ погнался за ланью и углубился въ чащу лѣса, оставивъ далеко своихъ охотниковъ. Тамъ онъ упустилъ изъ виду лань, но встрѣтилъ медвѣдя, съ которымъ и вступилъ въ бой. На другой день (я не держался классическаго правила—единства мѣста и времени) дровосѣчки нашли убитаго медвѣдя и близъ него рыцаря, изувѣченнаго, едва дышущаго и въ безпамятствѣ. Когда рыцарь очнулся, онъ увидѣлъ подлѣ своей кровати прелестную дѣвушку; онъ узналъ, что она ухаживала за нимъ въ продолженіе его болѣзни и искра любви ударила въ его сердце. а чувство благодарности довершило пораженіе, и рыцарь женился на крестьянкѣ.

Думаю, что эта опера, какъ произведеніе незрѣлаго, неопытнаго пера, не выдержала бы самой снисходительной критики; но въ защиту ея говорила новость. Мясоѣдовъ имѣлъ случай дать пьесу, небывшую ни въ печати, ни въ репертуарѣ театральномъ; какъ этимъ не воспользоваться? Онъ поручилъ Керцелли, капельмейстеру московскаго театра, подобрать музыку, и опера была представлена. Несмотря на то, что на домашнихъ представленіяхъ зрители всегда благосклонны, меня

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

бросало и въ жаръ, и въ ознобъ. Наконецъ все кончилось благополучно: пожилые благодарили и осыпали меня вѣжливыми привѣтствіями, даже похвалами; прелестныя дѣвы аристократіи привѣтствовали меня нѣжными взглядами; шеголи, тогда еще «львовъ» не было, большею частію пустоголовые, посматривали на меня искоса; но я уже ободрился и гордо поднялъ голову.

Честный трудъ рѣдко остается безъ вознагражденія. Представленіе моей оперы сдѣлало меня извѣстнымъ въ высшемъ слою общества, посѣщавшаго домъ сенатора Мясоѣдова, уроки мои, несмотря на гораздо возвышенную плату, такъ умножились, что я вынужденъ былъ отказываться отъ многихъ предложеній. Это дало мнѣ средство помогать бѣднымъ моимъ сотоварищамъ по университету: нѣкоторымъ изъ нихъ я доставилъ выгодныя мѣста. Особенно радовало меня, что я могъ поддерживать добрую мою мать, всегда со слезами искренней чувствительности принимавшей мое пособіе.

Лѣта, успѣхи, довольство родили потребность любить. Недостаточно было нѣжныхъ взглядовъ, ласковыхъ привѣтовъ; сердце просило болѣе; я влюбился не на шутку. Очаровательная княжна Над. В.....¹⁾, умная, мечтательная, восторженная романами, явно показывала свою ко мнѣ привязанность, страсть, и совершенно овладѣла моимъ сердцемъ. Напрасно твердилъ я съ Вольтеромъ: *l'amour n'est puissant que par notre faiblesse*; напрасно представлялъ себѣ огромное растояніе между бѣднымъ, неизвѣстнымъ студентомъ и богатою княжною; но увлекаясь болѣе и болѣе, я мечталъ о ней на яву и во снѣ. Пусть любовь, по словамъ Вольтера, есть слабость; но гдѣ юношѣ въ цвѣтѣ лѣтъ взять столько силы, чтобы подавить эту слабость.

Наступила весна, возвысившаяся вода Москвы рѣки усиливалась сбросить съ себя ледяные оковы. Обуреваемый моею страстію, я часто ходилъ на Каменный мостъ; тамъ я мечталъ, тамъ поджидалъ страшную борьбу воды со льдомъ, какъ моего разсудка съ сердцемъ. Вдругъ раздался громкій трескъ; громадные льдины съ яростію ударились о твердые быки Каменнаго моста, дробились на мелкіе куски и съ ревомъ низвергались подъ мостъ въ густыя воды. Несчастные, думаетъ я! Куда стремитесь вы съ такою поспѣшностію. Каждое мгновеніе приближаетъ васъ къ разрушенію. Но таковъ законъ природы, основавшей все на противоположностяхъ, поддерживающихъ гармонію вселенной. Вода и ледъ спорятъ, сопротивляются; а хищный рыболовъ, паря въ воздухѣ, подмѣчаетъ полынью, подмѣчаетъ жертвъ своихъ, испуганныхъ трескомъ и шумомъ борьбы, стремглавъ спускаться и животрепещущая уклейка уже въ когтяхъ его. Такъ и люди, пользуясь смутными

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

стѣсненными обстоятельствами собрать, на несчастіи другихъ жидуть свое благосостояніе.

Москва рѣка успокоилась, воды ея вмѣстились въ опредѣленныхъ берегахъ, а душа моя все волновалась болѣе и болѣе. Памятны мнѣ прекраснѣйшіе сумерки въ половинѣ мая 1810 года: ни одного облачка не было на небосклонѣ; воздухъ былъ чистъ, какъ душа моей прелестной княжны; сребристая луна, ударяя лучами своими прямо въ окно, слабо освѣщала мою комнату. Природа располагала къ мечтательности, воображеніе мое далеко уносило въ будущность; я строилъ и разрушалъ воздушные замки очарованія, казалось я самъ превратился въ мечту до того, что не слышалъ, какъ вошелъ Богдановъ, добрый мой товарищъ по университету.

— Саша! ты спишь? сказалъ онъ.

Я очнулся.

— Нѣтъ Коля! не сплю и не бодрствую; хандрашла.

— Вели подать свѣчу и трубку, я расскажу тебѣ печальную исторію, приготовься! Будь мужественъ.

— Что же ты стращаешь меня? Ты знаешь мой характеръ, равнодушный въ удачѣ, твердый въ превратностяхъ судьбы; чему быть—тому не миновать. Я былъ подъ ярмомъ лишений, нужды и не согнулся; теперь, благодаря Бога, я на пути къ преуспѣянію.

— У тебя въ головѣ Шлецеровскія лекціи о политической экономіи, а эстетическія Сохацкаго и забылъ.

— Что ты хочешь сказать? Говори, я слушаю.

— Готовъ слушать безъ прелюдій?

— Безъ прелюдій.

— Она увезена.

— Какъ? Когда? Куда? Зачѣмъ?

— Столько вдругъ вопросовъ, милый Сенека, не показываютъ равнодушія. Закури трубку! Успоишься, и я все расскажу.

— Бога ради, не мучь меня!

— Бога ради, успокойся, а безъ того не буду говорить.

Нечего дѣлать: набилъ трубку, закурилъ.

— Ну! готовъ, сказалъ я.

— Давно ли ты видѣлъ князя, спросилъ онъ?

— Съ недѣлю, два раза заѣзжалъ; но никого не засталъ.

— Тебя не велѣно принимать. Князь и княгиня замѣтили привязанность къ тебѣ княжны, сдѣлали ей строгій выговоръ, представили неравенство состояній. Она, бѣдняжка, расплакалась и на отрѣзъ сказала, что кромѣ тебя ни за кого не пойдетъ замужъ. Разумѣется, ее еще побранили; а вчера княгиня съ дочерью отправились въ деревню.

Трубка у меня вышла изъ рукъ; я остолбенѣлъ. Богдановъ говорилъ

какія-то утѣшительныя пошлости, но я не былъ расположенъ внимать. Бесѣда не вязалась, было поздно, мы простились. Всю ночь бросало меня то въ жаръ, то въ ознобъ; наконецъ я заболѣлъ горячкою.

По выздоровленіи, я думалъ найти разсѣяніе въ кругу трехъ милыхъ моихъ грацій: Софіи См...., Анеты Бо.... и Нади Кр...., но онѣ не успокаивали меня, напоминая собою ту, которой я лишень. Тогда я сталъ убѣгать людей и бродить за городомъ. Любимою моею прогулкою были Воробьевы горы. Какой прелестный оттуда видъ: внизу струится Москва рѣка, обрамленная густымъ лѣсомъ; на противоположномъ берегу красовался Новодѣвичій монастырь, а вправо представлялась великолѣпная, живая панорама древней столицы царей русскихъ. Сколько очаровательныхъ картинъ для живописца! Сколько вдохновеній для поэта! Сколько торжественныхъ и горестныхъ припоминаній для историка! Но въ тогдашнемъ положеніи я на все смотрѣлъ сквозь призму моей горести, которой не въ силахъ былъ преодолѣть. Меня подкрѣпляла надежда, что княжна возвратится въ Москву къ зимѣ, я ждѣлъ ожиданіемъ. Приблизились святки, и къ довершенію горя моего я узналъ, что князь съ семействомъ отправился въ Одессу, а оттуда за-границу.

Если бы очерки моей жизни появились въ печати, то иные подумали бы, что рассказомъ о моей несчастной любви я накидалъ канву для романа или драмы. Напомню имъ, что въ дѣйствительности случаются такія событія, какихъ не придумаетъ и самое пылкое воображеніе; а любовь двухъ юныхъ сердець, не обратившихъ вниманія на разность положенія ихъ въ обществѣ, дѣло весьма обыкновенное. Несогласенъ я съ Батте, что людей надобно представлять не такими, какіе дѣйствительно, а такими, какими они должны быть; другими словами: ставить на ходули, изображать существами неземными и возводить на степень героевъ. Несогласенъ я и съ натуральною школою, которая тщательно отыскиваетъ и живописуетъ во всей наготѣ только грязное, гнусное, постыдное и достойное посмѣянія въ низшихъ слояхъ человѣческаго рода. По моему надобно рассказывать изъ дѣйствительности то, что не оскорбляетъ щекотливаго слуха; а карая пороки и заблужденія, облекать рѣчь свою изящными формами, какъ Гораций, Ювеналь, Боало, Лабрюейръ, Кантемиръ и комики классической школы. Мерзляковъ сказалъ: «въ литературѣ слогъ—самое важное, онъ часто замѣняетъ все; но недостатки его ничто и никогда замѣнить не можетъ». По моему, выборъ предмета такъ-же важенъ въ литературѣ, какъ слогъ: грязная природа во всемъ своемъ безобразіи, сколько бы краснорѣчиво ни была выражена, неминуемо возбудитъ отвращеніе.

Горестъ, тоска, скука томили меня: я отправлялъ должность мою не съ тою энергіею, какъ прежде; я бросилъ частныя уроки. Только по

сильному настоянію отца барона Дельвига продолжалъ заниматься съ его сыномъ. Тамъ принимали меня не какъ учителя, а какъ пріятеля, скажу болѣе какъ родного; тамъ были на меня виды, тамъ желали включить меня въ свое семейство. Невѣстка барона Дельвига, добрая, прелестная дѣвушка, Нади Кр.....ва, явно показывала мнѣ свою привязанность; родственники ея готовы были выдать ее за меня; но сердце мое пылало безнадежною страстью къ другой. Я любилъ бесѣдовать съ Надей, любилъ упиваться умною ея рѣчью; часто просиживалъ съ нею по нѣсколько часовъ и она вѣрно увлекла бы меня, если бы не стояла между нами княжна В.....

Сближалось время отвезти молодого барона въ лицей. Отецъ его убѣдительно просилъ, чтобы я самъ представилъ туда моего ученика. Я согласился, желая удалиться изъ Москвы, гдѣ не могъ преодолѣть и разсѣять моей горести. Мнѣ жаль было покинуть добрую, незабвенную мать, но она сама, видя меня всегда унылымъ, грустнымъ, побуждала уѣхать, хотя обливалась слезами. Материнское сердце ея предчувствовало, что мы болѣе не увидимся: я остался въ 1811 году на службѣ въ С.-Петербургѣ; а она въ 1812 г., когда враждебныя полчища Наполеона приближались къ Москвѣ, удалилась съ братомъ моимъ и сестрою въ Кинешму, небольшой городокъ Костромской губерніи. Въ 1813 году, зимою, на возвратномъ пути въ Москву, она дорогою занемогла и чистая, страдальческая душа ея переселилась въ вѣчность.

Великолѣпный Петербургъ со всѣми огромными зданіями, казался мнѣ пустынею. Одинокій, унылый бродилъ я среди шумной толпы въ многолюдныхъ собраніяхъ, гдѣ не встрѣчалъ ни одного лица, близкаго моему сердцу; изрѣдка, весьма изрѣдка попадались шапочные знакомцы, съ которыми я размѣнивался холодными поклонами. Только въ домѣ Крикуновскаго нашелъ я радушный, московскій пріемъ; но въ то время я не могъ сблизиться съ этимъ добрымъ, прямымъ человѣкомъ: лѣта и положеніе въ обществѣ насъ раздѣляли. Крикуновскій служилъ въ Сенатѣ, былъ надворный совѣтникъ, по справедливости слылъ дѣльцомъ; сенаторы пазывали его Храповицкимъ, извѣстнымъ статсъ-секретаремъ Великой Екатерины, жилъ хорошо; а я бѣдный, безпріютный студентъ, пріѣхавшій искать счастья—какое сравненіе. Впоследствии, когда я выбрался на дорогу, поперился, связь наша укрѣпилась и продолжается.

На Литейной стояла кузница, въ которой подъ тяжелымъ молотомъ знаменитаго мастера графа Аракчеева выковывались должности, чины, ордена. Въ этой кузницѣ участвовалъ иногда въ работѣ г. Пучоловъ по тѣсной связи жены его съ великимъ ковалемъ. Добрый мой покровитель Мясоѣдовъ далъ мнѣ къ Пучолову рекомендательное письмо; меня приняли очень ласково: мужъ разспрашивалъ о московскихъ дѣлахъ, а

жена—объ увеселеніяхъ. На бѣду Пуколовъ тогда страдалъ глазами, такъ что не могъ ни выѣзжать, ни писать; онъ пригласилъ меня побывать черезъ мѣсяць; я раскланялся и болѣе у нихъ не былъ. Мнѣ показался приемъ этотъ болѣе свѣтскою вѣжливостію, нежели радушіемъ и готовностію содѣйствовать къ устройству судьбы молодого человѣка.

У меня было другое письмо, на которое возлагалъ я мало надежды, отъ дяди моего, отставнаго капитана гвардіи Бакѣва, къ министру полиціи Балашеву. Отношенія ихъ основаны были на сосѣдствѣ по деревнямъ Каширскаго уѣзда, гдѣ у Балашева состояло, помнится, родовыхъ душъ сорокъ. Это имѣніе онъ предоставилъ въ пользованіе своимъ сестрамъ; а дядя мой, какъ вѣжливый кавалеръ времени Екатерининскаго вѣка, оказывалъ имъ нѣкоторыя услуги и помогалъ въ управленіи.

Балашевъ, прочтя письмо, благосклонно разспрашивалъ меня о дядѣ моемъ, о службѣ моей въ Сенатѣ и о нѣкоторыхъ московскихъ сенаторахъ; потомъ сказалъ, «ну, я опредѣляю васъ въ мою канцелярію; завтра явитесь туда; надѣюсь найти въ васъ хорошаго работника, прощайте!»

Дивился я, что письмо отставнаго капитана къ министру подѣйствовало успѣшнѣе, нежели сенатора, богатаго московскаго боярина, къ статскому совѣтнику Пуколову. Конечно, отношенія были различны: въ первомъ случаѣ сосѣдство по родовымъ имѣніямъ—такія связи переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію; а во второмъ—свѣтское знакомство, завязывающееся скоро на обѣдахъ и балахъ, и также скоро уничтожающееся.

Робко вошелъ я въ канцелярію министра: тамъ увидѣлъ я очень молодыхъ чиновниковъ въ орденахъ. Вѣрно, подумалъ я, здѣсь много представляется случаевъ къ отличію, не то, что у насъ въ московскомъ Сенатѣ, гдѣ и посѣдлые оберъ-секретари въ то время не всѣ были украшены крестами. Воображеніе мое разыгралось, надежда одушевила меня; я готовъ былъ работать до упаду, чтобы отличиться.

Я не рожденъ съ обширнѣйшимъ умомъ и не одаренъ пылкими способностями, но понимаю всѣ вещи въ настоящемъ ихъ положеніи. Образованіе получилъ не высокое, однакоже приобрѣлъ довольно свѣднѣй—нужныхъ для свѣта. Не умѣю и не могу кричать о своихъ занятіяхъ по должности, но имѣю большое прилежаніе къ трудамъ. Не ищу благосклонности начальника, но исполняю въ точности и съ усердіемъ всѣ его порученія. Не стараюсь дѣлать связи съ нужными для службы людьми, но не удаляюсь пріятнаго знакомства. Опорочиваю предсудительные поступки, кого бы то ни было, но не завожу интригъ на пагубу ближняго. Не утерплю осуждать слабости другихъ, но никогда не защищаю и собственныя свои. Имѣю привычку наблюдать за поведе-

нѣмъ другихъ, но не дѣлаю изъ сего злоупотребленія. Не стараюсь льстить товарищамъ и пріятелямъ; но къ достойнымъ изъ нихъ—сохраняю всегда должное уваженіе. Не имѣю нисколько гордости, но не способенъ и унижаться. Люблю казаться передъ хитростію довѣрчивымъ, но вижу ясно ея обманчивыя намѣренія. Пренебрегаю богатство, но стремлюсь къ пріобрѣтенію необходимаго для существованія. Не знаю скупости, но не привыкъ сорить деньгами по пустому. Не могу сохранить всегда приличнаго хладнокровія, но никогда не остается въ сердцѣ моемъ досада и тѣмъ менѣе злоба. Люблю прекрасный полъ, но признаюсь, къ стыду своему, не имѣю къ нему слѣпой довѣренности. Бываю при случаѣ слишкомъ откровененъ, но никогда не измѣняю тайнъ другаго. Стараюсь угождать всѣмъ и въ особенности женщинамъ, но безъ всякаго своекорыстія или непозволительныхъ видовъ. Вотъ и весь я тутъ! отчего бы, кажется, не улыбнуться для меня счастью, которое нерѣдко обращается къ людямъ, имѣющимъ совершенно противныя мнѣ качества? Я утѣшался всегда въ перемѣнѣ моего жребія—будущностію; долго же она для меня тянется!

Къ величайшей моей радости я встрѣтилъ въ министерствѣ моего университетскаго товарища Никитина; по окончаніи курса онъ отправился на службу прямо въ С.-Петербургъ; въ три года успѣлъ освоиться и обратить на себя вниманіе, тѣмъ удобнѣе, что сверхъ должности онъ былъ домашнимъ секретаремъ члена Государственнаго Совѣта Неплюева. При его умѣ, образованіи, ловкости и гибкости характера онъ пользовался полною довѣренностію своего мецената, это придавало ему вѣсъ между сослуживцами.

Дружба наша, проявившаяся въ университетѣ, стала укрѣпляться болѣе и болѣе. Такъ я уже не сирота въ огромной столицѣ, здѣсь есть существо, принимающее во мнѣ живое участіе. Я рассказалъ ему о моей сердечной горести, въ утѣшеніе онъ совѣтовалъ замѣнить одну страсть другою, онъ указалъ мнѣ крутую дорогу къ почестямъ. Иди! Иди неутомимо! Не разъ вспотѣетъ лобъ и дурь выйдетъ изъ головы. Чудакъ! Не прошло и года, какъ онъ самъ влюбился по уши въ бѣдную дѣвушку и женился, несмотря на то, что средства его для семейной жизни были весьма скудны.

IV.

Служба въ горномъ вѣдомствѣ.—Отечественное война.—Литературныя занятія.—Образованіе въ 1816 году литературнаго общества „Соревнователей просвѣщенія и благотворительности“ или „Вольнаго общества любителей російской словесности“.—Основаніе журнала „Соревнователь просвѣщенія и благотворительности“.—А. Д. Боровковъ первый редакторъ журнала.—Женитьба А. Д. Боровкова.

Служба моя шла успешно: въ 1811 году я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ губернскимъ секретаремъ, только-что произведеннымъ, а въ 1815 году сталъ обергиттенфервалтеромъ 8-го класса. Правда, такое быстрое возвышеніе, три чина въ четыре года, стоило мнѣ усиленныхъ трудовъ, безсонныхъ ночей и опасности жизни. Сверхъ постоянной должности моей я перевелъ по порученію горнаго совѣта. «Обозрѣніе чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ Англіи» и «Four essays of Pratical mechanics by Thomas Fenwick». За эти работы произвели меня въ горный чинъ, что считалось весьма почетнымъ; такъ и должно быть, ибо горные чины сравнивались съ артиллерійскими и инженерными. Я былъ употребленъ по двумъ слѣдствіямъ о возмущеніи крестьянъ на горныхъ заводахъ. Во второмъ, по Олонецкимъ, находясь въ 175 верстахъ отъ губернскаго города, съ однимъ письмоводителемъ и солдатомъ, среди возмущившихся крестьянъ, я узналъ о готовящемся покушеніи на мою жизнь. Откуда можно было ожидать помощи? Я приготовился умирать въ мѣстахъ пустынныхъ, но Провидѣнію угодно было сохранить меня для производства важнѣйшаго изслѣдованія по государственному заговору, о которомъ расскажу впоследствии.

Я не упомянулъ, что въ 1812 году, когда министръ полиціи Балашевъ, столь благосклонно принявшій меня подъ свое покровительство, отправился съ императоромъ въ армію, я перешелъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, образовавшійся въ то время изъ Бергъ-коллегіи. Здѣсь, какъ видно изъ предыдущаго, я былъ замѣченъ и отличенъ.

Въ бѣдственную и достославную годину Отечественной войны было самое праздное время для министерскихъ чиновниковъ: нашествіе угрожало сѣверной столицѣ, дѣла, кромѣ самыхъ текущихъ, отправлены на судахъ въ разные города Олонецкой губерніи, корреспонденція пресѣчена непріятелемъ, растянувшимъ многочисленныя войска свои отъ Балтійскаго моря до Москвы. Мы собирались въ министерства прочитывать реляціи, потолковать, погоревать или порадоваться успѣхомъ нашего оружія, и разойтись, почти ничего не сдѣлавъ по должности. Тогда читали съ восторгомъ только реляція графа Витгенштейна; тогда

порицали дѣйствіе главнокомандующаго Барклая-де-Толли. Такъ современники увлекаются внѣшностью! Мы порицали, а ему воздвигнуть памятникъ, какъ удержавшему напоръ грознаго, могущественнаго врага! Мы порицали, не зная совершенно ни плана войны, ни средствъ военнаго начальника! Слѣпцы судили о цвѣтахъ, глухіе — о музыкѣ, бессмысленная толпа о великомъ мужѣ, проложившемъ путь къ побѣдамъ знаменитомъ Кутузовѣ.

Нестерпимая скука отъ бездѣлья овладѣла мною, разсѣяніе не приходило въ голову, и я обратился къ занятіямъ литературнымъ. Войны наши вооружились противъ французовъ штыками; я вздумалъ поразить русскихъ подражателей французамъ перомъ и обрызгать чернилами. Въ этомъ предположеніи я написалъ комедію «Франколюбъ», выставя смѣшную сторону попірять свою народность и казаться чужеземцемъ. Не довѣряя своимъ силамъ, я созвалъ триумвиратъ: Дмитревскаго, маститаго старца, блиставшаго на сценѣ въ вѣкъ Екатерины, ревностно содѣйствовавшаго Волкову въ установленіи русскаго театра; Злова, образовавшагося въ Московскомъ университетѣ, исполнявшаго съ честью разнохарактерныя роли въ трагедіи, драмѣ, комедіи и оперѣ; Каратыгина, достойно занимавшаго роли первыхъ любовниковъ въ комедіи. Робко читалъ я этимъ судьямъ мое произведеніе, усердно просилъ чистосердечнаго приговора напрямки; убѣждалъ не предавать своего пріятеля на позоръ публики и посмѣяніе критиковъ. Дмитревскій сказалъ: «есть много дѣльныхъ и умныхъ сужденій, но мало эффекта»; Зловъ: «это диссертація въ разговорахъ, или диспутъ съ примѣсью сарказма и любезностей»; Каратыгинъ: «любовникъ очень холоденъ, а любовница вяла и манерна». Триумвиратъ рѣшилъ, что надобно исправить, сообщилъ подробныя наставленія и совѣтовалъ неослабѣвать.

Я не принялся за скучную работу передѣлки своего творенія; но рѣшился переложить чужое на языкъ отечественный. Я избралъ для перевода комедію Палисса «Les Philosophes», надѣлавшую много шума въ Франціи. Эту комедію я предлагалъ для бенефиса Рыкалову, отличному комическому актеру въ роляхъ старыхъ резонеровъ.

— Эта пьеса,—сказалъ онъ,—не занимательна для нашей публики; тамъ осмѣиваютъ общество философовъ; у насъ ихъ нѣтъ; къ кому же примѣнить насмѣшки? Безъ примѣненія къ лицамъ, извѣстнымъ въ свѣтѣ, зрители въ комедіи зѣваютъ. Кто, смотря на этихъ чудаковъ мужскаго и женскаго рода, скажетъ: а! это нашъ Селивестръ Поликарпычъ! Вотъ и Гликерія Кузминична! По крайней мѣрѣ, если бы вы перевели стихами, то еще можно бы пустить, а въ прозѣ и чуждая нашимъ нравамъ, куда годится?

Внявъ гласу опыта, я оставилъ переводъ мой у Рыкалова; пусть онъ самъ передѣлываетъ его въ стихи. Дѣйствительно, надобно выво-

дять на сцену пороки и заблужденія, свойственные челоѣчеству, слѣдовательно, знакомые большинству. Скупецъ и мотъ останутся въ душѣ одинаковы во всѣ времена у всѣхъ народовъ, какая бы ни прикрывала ихъ виѣшность—греческій хитонъ, римская тога, русскій кафтанъ, или кургузый фракъ. Смотря на Гарпагона Мольерова, скажешь, выражаясь тономъ Рыкалова: вишь нашъ скряга Климъ Дмитричъ нарядился въ французскій кафтанъ съ блестками! Въ комедіи «Les Philosophes» Криспинъ расхаживаетъ на четверинкахъ и гордо возглашаетъ:

Sur ces quatre pilliers mon corps je soutient mieux,
Et je vois moins de sots qui me blessent les yeux.

Многіе ли узнаютъ въ немъ намекъ на Руссо, даже и тѣ, которые читали Эмиля? Но если узнаютъ, такъ вознегодуютъ на того, кто посягнулъ обезобразить великаго челоѣка, незабвеннаго въ лѣтописяхъ міра, какъ выразился Карамзинъ.

Комедія въ прозѣ не удалась мнѣ ни въ сочиненіи, ни въ переводѣ, такъ попробую перевести трагедію стихами,—подумалъ я и принялся за Рассинова Митридата. Наученный опытомъ, отдѣлавъ первое дѣйствіе, я представилъ его театральной дирекціи, чтобы узнать ея мнѣніе. Директоръ Тюфякинъ, продержавъ мѣсяца три, сказалъ мнѣ:

— Митридата нельзя поставить на сценѣ по придворнымъ отношеніямъ.

Такой отзывъ изумилъ меня, я возразилъ.

— Екатерина Великая говорила: Рассинъ не мой авторъ, исключая Митридата.

— Другія времена, другія и отношенія, которыя не всякому извѣстны,—сказалъ онъ и возвратилъ мой переводъ.

Признаюсь, ни тогда, ни теперь не понимаю этихъ придворныхъ отношеній; я убѣдился только въ томъ, что театръ не мое поприще.

Другъ мой Никитинъ, знавшій о неудачныхъ моихъ попыткахъ, сказалъ.

— Нѣтъ, Александръ, мы ни въ чемъ не успѣемъ, пока не войдемъ въ связи съ извѣстными литераторами, пока не огласимъ себя въ ихъ кругу. Безъ связей и отличныя способности глхнуть, не имѣя хода; журналистъ не напечатаетъ произведенія автора незнакомаго ни ему, ни публикѣ; а тисни отдѣльною книжкою, злые критики съ ожесточеніемъ нападутъ на тебя, какъ собаки бросаются на чужую собаку, появившуюся въ ихъ стаѣ.

— Правда, Андрей! Сущая правда! Но какимъ путемъ войдемъ мы въ кругъ извѣстныхъ литераторовъ, когда мы ни съ кѣмъ изъ нихъ не знакомы?

— Составимъ литературное общество.

— Легко сказать, а трудно сдѣлать! Извѣстные литераторы не захотятъ соединиться съ нами, а безъ нихъ все будетъ пустякъ.

— Попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Сначала соберемъ нашихъ близкихъ знакомыхъ; изъ нихъ есть даровитые, жаждущіе извѣстности, какъ мы съ тобою, но по безпечности или робости не рѣшаются проявить себя; надобно дать имъ толчекъ и пойдутъ. Нечего толковать! Напиши проектъ устава! Ты будешь законодательная власть, а я исполнительная; пушусь набирать членовъ.

Пылкій Никитинъ всегда имѣлъ на меня вліяніе и пробуждалъ мое усиліе. Съ твердою волею, постоянствомъ и трудомъ можно всего достигнуть,—подумалъ я и принялся писать уставъ.

Черезъ три недѣли послѣ этой бесѣды, 17-го января 1816 г., собрались у меня учредители общества: я, Никитинъ, братъ мой Иванъ и надв. сов. Люценко, изъ студентовъ Московскаго университета, напечатавшій уже нѣсколько сочиненій и переводовъ своихъ въ стихахъ и прозѣ. Прочтенъ былъ проектъ устава; сдѣланы исправленія, измененія и засѣданіе кончилось.

Во второмъ собраніи, 25-го января, присоединились кол. сов. Ив. Ил. Ильинъ, безъ классическаго образованія, но начитанный любитель словесности, пописывавшій стишки; надв. сов. Ан. Хрис. Дуропъ, образовавшійся въ бывшей юнкерской школѣ при Правительствующемъ Сенатѣ; попытки его въ прозѣ и стихахъ, напечатанныя въ «Соревнователѣ», показываютъ, что онъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ; обергиттен-фервалтеръ Александръ Хр. Дуропъ, изъ воспитанниковъ Ярославскаго Демидовскаго училища, писалъ басни довольно удачно, но скоро скрылся съ литературнаго поприща.

Въ третьемъ собраніи, февраля 1-го, введены над. сов. Пет. Ив. Кешпенъ, впоследствии академикъ, извѣстный своими статистическими работами, и кол. асс. Мих. Мих. Сонинъ, образовавшійся въ пансіонѣ Московскаго университета, преждевременно похищенный смертью; онъ не успѣлъ огласить публично отличныхъ своихъ способностей.

Такимъ образомъ въ каждое собраніе, бывшее чрезъ двѣ недѣли, число членовъ прибавлялось и къ концу 1816 г. было уже 31, а въ 1817 г. прибавилось еще 17. Среди насъ были извѣстные въ литературѣ: гр. Серг. Пет. Салтыковъ, ген.-м. Серг. Алексѣев. Тучковъ, полковн. Фед. Ник. Глинка, кол. сов. Ив. Алексѣев. Кокошкинъ, гр. Дм. Ив. Хвостовъ, надв. сов. Пав. Петр. Свиньинъ, стат. сов. Пав. Пав. Пезаровіусъ, кн. Ив. Мих. Долгорукій, вице-адмиралъ Сарычевъ, протоіерей Іоан. Іоан. Бедринскій, профессора и академики: Лавр. Ив. Панснеръ, Анд. Мих. Теряевъ, Берн. Осип. Рейтъ, Фед. Пав. Аделунгъ и другіе.

Сначала общество наше было кочующее: мы собирались поочередно то у того, то у другого въ уютныхъ холостыхъ квартирахъ; но съ рас-

пространіемъ надобно было подумать объ удобствѣ помѣщенія. Тогда я обратился пріятелю моему Т. Н. Крикуновскому, въ квартирѣ котораго была довольно просторная зала въ два свѣта съ хорами, въ Коломнѣ, близъ Аларчина моста въ домѣ генерала Удома; охотно съ радушіемъ предоставилъ онъ пріютъ безпріютнымъ друзьямъ просвѣщенія. Тамъ происходили у насъ собранія каждый мѣсяць одинъ разъ. Общество росло быстро; мы открыли чтенія, къ которымъ допускались посторонніе слушатели, а подозрительная полиція стала за нами присматривать, даже беспокоить требованіемъ отчета, на какомъ основаніи существуетъ наше общество. Тогда мы признали нужнымъ представить нашъ уставъ на утвержденіе высшей власти, подъ названіемъ Общества соревнователей просвѣщенія и благотворительности, въ томъ предположеніи, что всю прибыль отъ трудовъ, которые мы намѣревались издавать, опредѣляли мы на раздачу бѣднымъ ученымъ, литераторамъ и художникамъ. Государь императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, соизволилъ высочайше утвердить этотъ уставъ съ тѣмъ, что общество отнюдь не облекается въ права, присвоенныя Императорской Россійской академіи, и чтобы оно именовалось Вольнымъ обществомъ любителей россійской словесности.

По утвержденіи устава присоединились къ обществу почти всѣ извѣстные тогда литераторы, журналисты и ученые, жившіе въ С.-Петербургѣ, а высокіе государственные сановники: князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріемъ, Александръ Дмитріевичъ Балашевъ и Викторъ Павловичъ Кочубей, приняли титулъ попечителей. Такимъ образомъ въ 1822 году было уже всѣхъ членовъ 248.

Съ 1818 года общество начало издавать труды свои въ видѣ журнала, подъ названіемъ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія». Я избранъ былъ редакторомъ; этимъ обязанъ я не столько моимъ способностямъ и познаніямъ, сколько уваженію, которое оказывали мнѣ сочлены, какъ учредителю общества. Никитинъ правду сказалъ, что учрежденіе общества дастъ возможность огласить себя, сблизиться съ людьми, имѣющими вѣсъ, значимость, и при случаѣ направить это къ своей пользѣ. Прежде я не могъ пустить въ ходъ моихъ литературныхъ произведеній, а въ 1822 году я напечаталъ переведенную мною брошюру «Завѣщаніе дочерямъ». — Она не только разошлась быстро; но одинъ экземпляръ былъ представленъ сочленомъ нашимъ статсъ-секретаремъ Н. М. Лонгиновымъ государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, и за столь ничтожный трудъ мнѣ пожалована табакерка отъ имени ея величества.

Важное дѣло стать извѣстнымъ! Повсюду оказываютъ вниманіе, предупредительность; вездѣ свободный доступъ; даже всеисильные мини-

стры, заставляющіе генералитетъ томиться въ ожиданіи, тотчасъ отворяютъ двери кабинета для мелкаго чиновника-журналиста. Это я много разъ испытывалъ лично.

Гласность моя, какъ учредителя литературнаго и благотворительнаго общества, принесла мнѣ блаженство, которымъ я вполне и безмятежно наслаждался болѣе тридцати лѣтъ. Вотъ какъ оно мнѣ досталось: въ домѣ Крикуновскаго я познакомился съ штабъ-лекаремъ Кильшtedтомъ, у котораго была прекрасная, образованная, умная, ловкая дочь Елена. Она едва обращала на меня вниманіе, будучи окружена толпою юношей съ свѣтскимъ воспитаніемъ, т. е. умѣвшихъ болтать по-французски, хотя часто исковерканнымъ языкомъ, танцовать и кой-что побрякать на фортепіано. Три года я наблюдалъ за нею; въ глазахъ моихъ она мужала и хорошѣла, характеръ ея выравнивался; я замѣтилъ, что въ ней развивается честолюбіе, что въ числѣ поклонниковъ ея она не видитъ такого, который имѣлъ бы способности, силы и стремленіе вырваться изъ пучины неизвѣстности. Мнѣ очень нравилась она, но по сознанію моего ничтожества и застѣнчивости я не смѣлъ войти въ область ея искателей.

Время летитъ да летитъ, любовь моя растетъ да растетъ. Но эта любовь не та кипучая, необузданная, какую въ Москвѣ возбудила во мнѣ княжна В—ая; нѣтъ, эта любовь нѣжная, тихая, разсудительная, но сильная и вѣчная. Между тѣмъ, «Общество соревнователей» расширило свои дѣйствія, Елена бывала не только при чтеніяхъ, въ которыхъ допускались посторонніе, но и въ частныхъ засѣданіяхъ. Пробравшись изъ комнатъ Крикуновскаго на хоры залы, она усаживалась за колонну противъ моего кресла; взоры наши часто встрѣчались, воображеніе разыгрывалось, мнѣ казалось, что она смотритъ на меня не по прежнему, но съ соучастіемъ, котораго я не могъ тогда растолковать самъ себѣ. Я чувствовалъ, что взглядъ ея дѣйствовалъ на меня магнетически, воодушевлялъ и возбуждалъ меня читать или говорить съ большимъ жаромъ. Послѣ засѣданія я всегда заходилъ къ Крикуновскому провести остатокъ вечера; тамъ Елена ласково привѣтствовала меня, умно разсуждала о пьесахъ, прочитанныхъ въ засѣданіи. Такъ мы сближались болѣе и болѣе, но слѣпецъ, я не умѣлъ читать въ ея сердцѣ. Очевидное предпочтеніе, какое начала она мнѣ оказывать передъ петиметрами, по нынѣшнему львами, казалось мнѣ желаніемъ пошутить и похвастать подругамъ, что она вскружила голову философу, такъ прозвали меня въ знакомомъ кругу. Рѣшительнѣе меня, она выказывала болѣе и болѣе свои чувства, а я все сомнѣвался и молчалъ.

Однажды она сказала мнѣ:

— Вы очень счастливы!

— Почему вы так думаетъ?—спросилъ я.

— Не думаю, а знаю. Въ публичныхъ чтеніяхъ вашего общества я вижу, что люди высокихъ чиновъ обращаются съ вами, какъ съ равнымъ; въ частныхъ засѣданіяхъ вашихъ, при обсужденіи произведеній, мнѣніе ваше принимается съ уваженіемъ. А ваши-то сочиненія? Когда вы читали вашу балладу «Эльвиру», то у дамъ наворачивались слезы. Какъ будетъ счастлива та, которая соединитъ свою судьбу съ вашею.

Густой румянецъ покрылъ ея щеки; она опустила глаза. Я молчалъ, языкъ не поворачивался. Въбѣжали дочери Крикуновскаго и потащили ее играть на фортепіано. Такъ ускользнулъ случай къ рѣшительному объясненію! Вскорѣ узналъ я, что высказать мнѣ свои задушевные мысли она была вынуждена важнымъ обстоятельствомъ. За нее сватался женихъ, добрый малый, хорошій танцоръ, но пустой, безъ всякихъ личныхъ достоинствъ и значимости въ свѣтѣ. Такой женихъ не воспламенялъ воображенія славолюбивой, умной дѣвицы, мечтавшей выдвигаться съ мужемъ изъ ряду пресмыкающихся въ неизвѣстности. Отецъ ея былъ отчаянно боленъ чахоткой и приговоренъ къ смерти опытнымъ врачомъ С.-Петербурга; самъ онъ зналъ это, будучи хорошимъ медикомъ. Онъ желалъ при себѣ пристроить дочь свою. Давно родители ея имѣли на меня виды, что могъ я замѣтить изъ ихъ пріемовъ, но въ три года я не собрался намекнуть, что дочь ихъ нравится мнѣ, и что я желалъ бы вступить въ ихъ семейство. За неимѣніемъ лучшаго жениха они настаивали принять предложеніе добраго малаго, недостойнаго ихъ прелестной дочери, а она, не добившись отъ меня толку и при рѣшительномъ ея объясненіи, съ грустью повиновалась волѣ родителей. Въ концѣ мая переѣзжали они на дачу; черезъ недѣлю положено быть сговору.

Сильно забилось мое сердце, когда я услышалъ объ этомъ рѣшеніи, философія моя поколебалась въ основаніи; любовь воспламенилась сильнѣе, я проклиналъ мою застѣнчивость, мою медленность, думалъ, скупалъ, досадовалъ и поскакалъ къ Никитину.

Онъ встрѣтилъ меня пріятливо.

— Что Фабій медлителъ,—сказалъ онъ,—потерялъ баталію, потерялъ прекрасную Елену, а славная была бы подруга!

— Мнѣ не до шутокъ, любезный Андрей! Не смѣйся, а помоги!

— Что же мнѣ дѣлать?

— Отправься сватомъ.

— Не поздно ли? Тамъ все улажено. Но для тебя я пушусь на поиски, хотя бы мнѣ обрили затылокъ.

Онъ тотчасъ уѣхалъ, я остался у него ожидать приговора. Крѣпко я задумывался; добрая, милая жена Никитина старалась меня разсвѣтать и ободрять.

Онъ съ успѣхомъ окончилъ свою миссію. Елена запрыгала отъ радости, когда онъ объявилъ ей мое предложеніе; мать тотчасъ согласилась, но отецъ нѣмецкаго происхожденія долго упорствовалъ, потому единственно, что уже дано слово другому. Насилу краснорѣчивый, изворотливый Никитинъ преодолѣлъ его упрямство. Правду сказать, положеніе было щекотливое; тутъ подоспѣла на помощь тетка Елены, расторопная, ловкая и смѣлая.

— Что за церемонія,—кричала она,—когда идетъ рѣчь о счастьѣ дочери на цѣлую жизнь! Предоставьте мнѣ, я устрою такъ, что пустой прыгунъ (такъ честила она жениха, который былъ ей не по мысли), самъ откажется.

Дѣйствительно, чрезъ три дня она торжественно привезла его отреченіе; она застрашала его тѣмъ, что Елена ненавидитъ его, а только покорила въ родителѣхъ, что Елена дѣвушка своевольная, избалованная и капризная, онъ намучится съ нею, а къ довершенію, что она не дастъ ей ничего (главнѣйшую же часть приданаго составлялъ капиталъ тетки).

Такъ оклеветала она мою добрую, милую, незабвенную Елену, съ которою дружно, мирно, душа въ душу и счастливо прожилъ я тридцать съ половиною лѣтъ. Бракъ нашъ совершенъ 15-го сентября 1818 г., она скончалась 23-го марта 1849 года.

V.

Обѣдъ у агента казенныхъ дѣлъ Кремера. — Генераль-кригскомисаръ Татищевъ. — Интрига графа А. А. Аракчеева противъ князя Волконскаго. — Участіе въ этомъ генерала Татищева и А. Д. Боровкова. — Перемены въ военномъ министерствѣ. — Назначеніе Татищева военнымъ министромъ. — Генераль-провиантмейстеръ Абакумовъ.

Агентъ казенныхъ дѣлъ Кремеръ, въ мартѣ 1823 года, давалъ обѣдъ генераль-кригскомисару Татищеву, пригласивъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, только его пріятелей и приближенныхъ. Собрались: командиръ гвардейскаго кавалерійскаго корпуса Депрерадовичъ, генераль-лейтенанты: Голенищевъ-Кутузовъ, состоявшій при великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ, впоследствии графъ и С.-Петербургскій военный генераль-губернаторъ, командиръ гвардейской дивизіи Паскевичъ, скромный, молчаливый, разсѣянный, въ которомъ трудно было предвидѣть будущаго фельдмаршала, дѣйствительный камергеръ Юшковъ, типъ придворнаго, принадлежавшаго вѣку Екатерины Великой, сенаторъ Мечниковъ, образованный, пріятный собесѣд-

никъ, начальники отдѣленія комиссаріатскаго департамента: Бибиковъ, добрый, простой малый, съ претензіями на барство, часто повторявшій, что у него 600 душъ въ Тульской губерніи, Погодинъ, впоследствии генералъ-интендантъ дѣйствующей арміи, и сенаторъ Варшавскій, умный, бойкій, расторопный, и я. Поджидали одного Татищева, котораго еще поутру потребовалъ къ себѣ графъ Аракчеевъ и продержалъ до 6 часовъ.

Обѣдъ обилень былъ изысканными кушаньями и винами; бесѣда была откровенная и веселая; одинъ только Татищевъ показался мнѣ мраченъ и озабоченъ. Я сообщилъ мое замѣчаніе Погодину.

— Вѣрно, сказалъ онъ, графъ Аракчеевъ намылилъ ему голову.

— Не думаю, возразилъ я: ты знаешь, графъ къ нему очень благо-склонень.

— Знаю, но у Аракчеева такой обычай; онъ не можетъ обѣдать, когда кого нибудь не поругаетъ.

— За здоровье государя императора, возгласилъ хозяинъ!

Всѣ встали и единогласное «ура!» раздавалось въ столовой. Тостовъ было такъ много, что и у самаго воздержаннаго зашумѣло въ головѣ. Къ довершенію, по англійскому обычаю—Кремеръ былъ англичанинъ—при окончаніи обѣда подали по рюмкѣ стараго портвейна, отъ котораго нельзя было отказаться, не оскорбивъ національности хозяина.

Вскорѣ по выходѣ изъ-за стола Татищевъ уѣхалъ, сказавъ мнѣ:

— Ступай и ты! Завтра утромъ я жду тебя въ 8 часовъ: надобно потолковать о весьма важномъ обстоятельстве.

Напрасно перебиралъ я всѣ важныя дѣла комиссаріата, которыя зналъ не по должности моей, но по особенному ко мнѣ довѣрію Татищева, я не могъ предугадать, не могъ предварительно сообразить того, что открылось на другой день.

Лишь только явился я, Татищевъ таинственно повелъ меня въ небольшую комнату, бывшую за кабинетомъ, притворилъ двери, вынулъ изъ портфеля толстую тетрадь и подалъ мнѣ.

— Вотъ, милый мой, сказалъ онъ, трудная задача, которую вчера, по волѣ государя, задалъ мнѣ графъ Алексѣй Андреевичъ: это бюджетъ, составленный въ военномъ министерствѣ, рассмотрѣнный и урѣзанный въ Штабѣ ¹⁾, былъ отосланъ по высочайшему повелѣнію къ Канкрину, который отозвался, что, при настоящемъ положеніи финансовъ, онъ не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Бюджетъ опять переданъ въ военное министерство для сокращенія, опять пересмотрѣнъ тамъ и въ

¹⁾ Триумвиратъ штаба составляли: начальникъ князь Волконскій, дежурный генералъ Закревскій и директоръ канцеляріи начальника штаба князь Меншиковъ.

штабъ и, по сдѣланіи незначительныхъ убавленій, поднесенъ государю съ рѣшительнымъ отзывомъ князя Волконскаго, что онъ не видитъ никакой возможности къ большому сокращенію. Упрямый нѣмецъ (Канкринъ) все стоялъ на своемъ, все твердилъ: «сдѣланная убавка ничтожна, требованія огромны, финансы не могутъ выдержать».

Государь, недовольный пререканіями, предоставилъ графу Алексѣю Андреевичу распорядиться бюджетомъ по его усмотрѣнію.

— Вчера съ десяти часовъ утра и почти до шести, говорилъ мнѣ Татищевъ, мы вдвоемъ читали этотъ бюджетъ, кой-что замѣчали мимоходомъ. Наконецъ графъ отдалъ его мнѣ съ предвареніемъ: кто уладитъ бюджетъ съ финансовыми средствами, тотъ будетъ и исполнять его. Эта мысль не моя, а всемплотивѣйшаго государя. Я избралъ тебя на это дѣло, чтобы поздравить военнымъ министромъ; при неудачѣ ты не удержишься на своемъ мѣстѣ: благопріятель мой князь Волконскій узнаетъ, будетъ преслѣдовать.

Графъ Аракчеевъ не досказалъ Татищеву: «сокращеніемъ бюджета дай мнѣ орудіе скovyрнуть князя Волконскаго съ блистательнаго поприща начальника главнаго штаба его величества; а не съумѣешь — поди въ отставку, какъ неугодившій одному и измѣнившій другому. Благоволеніе государя къ нимъ обоимъ ¹⁾ возбуждало взаимную ихъ ненависть. Онъ любилъ Аракчеева умомъ, какъ дѣльнаго, опытнаго совѣтника и точнаго, ревностнаго исполнителя. Онъ любилъ Волконскаго сердцемъ, какъ своего совоспитанника, преданнаго ему неліцемерно.

— Ты понимаешь, сказалъ мнѣ Татищевъ, что эту работу надобно сдѣлать безъ огласки, ты будешь заниматься въ этой комнатѣ; черезъ мой кабинетъ никто не пойдетъ къ тебѣ, а понадобитсяъ я, такъ и позвать близко.

Шесть дней работалъ я пристально, домой ѣздилъ только почевать. Татищевъ, внимательный начальникъ, снисходя къ моимъ привычкамъ далъ мнѣ даже трубку и картузь лучшаго американскаго табаку. Надобдалъ онъ мнѣ частыми приходами и вопросами: «ну, какъ идетъ? Что еще урѣзаль?» Нетерпѣніе подстрекало его и не удивительно, потому что съ этою работою связана была его участь; онъ могъ восклицать съ Гамлетомъ: *to be, or not to be!*

Легко было бы разрѣшить задачу, если бы коснуться сокращенія численности войска; но это пунктъ неприкосновенный и горе тому, кто коснулся бы до него! Притомъ надобно знать досконально глубину и тайну европейской политики, чтобы уравновѣсить силы съ виѣшними и внутренними отношеніями. Близорукое невѣжество часто порицаетъ и находитъ излишнимъ то, на чемъ покоится безопасность государства. Поэтому я обратился къ предметамъ болѣе доступнымъ; скоро

¹⁾ Т. е. къ князю Волконскому и графу Аракчееву.

отдѣлать департаменты комиссаріатскій, провіантскій и медицинскій; но затруднялся по инженерному и артиллерійскому, которыхъ существенныя потребности были мнѣ не вполне извѣстны; а урѣзывать наобумъ, было бы неблагоразумно и опасно. Я сообщилъ объ этомъ Татищеву; онъ отвѣчалъ: «есть у меня для этого надежный человѣчекъ». Онъ склонилъ на свою сторону изъ канцеляріи начальника главнаго штаба начальника отдѣленія по инженерной и артиллерійской части Кремповскаго. Не знаю, почему этотъ хитрый малороссъ не указалъ своему начальству слабыя стороны бюджета, которыя онъ указалъ намъ. Правду сказать, онѣ были незначительны, относясь большею частію къ тому, чтобы остановить закупку матеріаловъ для составленія запаса.

Наконецъ все улажено: изъ 189 мил. р. асс., требовавшихся по бюджету, исключено 23 мил. р. съ тѣмъ, чтобы для безостановочнаго выполненія дозволено было военному министру, не испрашивая высочайшихъ разрѣшеній, передвигать суммы изъ одного департамента въ другой. Подобнымъ прерогативомъ не пользовался прежде ни одинъ министръ; но при сокращеніи бюджета она необходима, потому что въ многомъ департаментѣ представляется надобность приобрести потребности на наличныя деньги выгодными цѣнами; но по недостатку капитала нельзя воспользоваться, между тѣмъ въ то же время лежать въ другомъ значительныя суммы безъ движенія.

Передѣланный бюджетъ съ проектомъ указа военному министру представленъ графу Аракчееву. Онъ былъ доволенъ и все одобрилъ. Министръ финансовъ болѣе не возражалъ; государь императоръ утвердилъ. Затѣмъ послѣдовала растасовка. Для князя Волконскаго составлено небывшее дотоѣ министерство императорскаго двора, Закревскій вышелъ въ отставку, князь Меншиковъ причисленъ къ свитѣ его величества, а военный министръ баронъ Меллеръ-Закомельскій оставленъ членомъ Государственнаго Совѣта. На его мѣсто назначенъ Татищевъ; мнѣ данъ чинъ военнаго совѣтника, а Кремповскій переведенъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ.

Такъ окончилась эта чернильная битва; она открыла мнѣ широкую дорогу по службѣ и навязала сильныхъ враговъ, нанесшихъ мнѣ въ послѣдствіи жестокій ударъ. Ничто не остается вѣчною тайною, вскорѣ огласилось, что я былъ главнымъ дѣятелемъ сокращенія, хотя въ сущности я былъ чернорабочій, исполнявшій приказаніе начальника. Простаки не догадались, что главнѣйшее сокращеніе бюджета составляло отложеніе разныхъ построекъ и исправленій, терпящихъ времени, а также составленіе запасовъ. Приостанови, при недостаткѣ денегъ, расходы на то, безъ чего можно обойтись, не будешь и нуждаться. Эта простая, ясная мысль не пришла въ голову ни военному министру, ни триумвирату штаба. Конечно, Колумбъ поставилъ яйцо также не хи-

трою выдумкою; но собесѣдники его бились, бились и не могли успѣть въ томъ, хотя ларчикъ просто отпирался. Мысль есть наитіе свыше, даръ Божій, пользованіе мыслию есть искусство.

Послѣ этого событія расположеніе ко мнѣ Татищева усилилось; ни одного значительнаго дѣла, до него доходившаго, не разрѣшалось безъ моего соучастія. Занятый слишкомъ его порученіями, я не успѣвалъ дѣйствовать съ желаемымъ успѣхомъ по моей должности въ комиссаріатскомъ департаментѣ. Однажды я осторожно намекнулъ ему объ этомъ; онъ измурился, промолчалъ, но вскорѣ перечислилъ меня къ себѣ. Лестенъ для меня былъ не столько переводъ, какъ его представленіе о мнѣ государю императору, 2-го апрѣля 1825 г. Вотъ нѣсколько словъ, которыя часто перечитываю съ гордостію и удовольствіемъ: «Необходимость имѣть при себѣ чиновника, который съ личною отъ меня довѣренностію соединилъ бы познаніе въ дѣлахъ, побудила меня избрать начальника отдѣленія комиссаріатскаго департамента Боровкова, извѣстнаго мнѣ отличными способностями, ревностію къ службѣ и примѣрнымъ поведеніемъ, и проч.» Подлинно, довѣренность ко мнѣ и откровенность Татищева до того простиралась, что онъ передавалъ мнѣ радости и неприятности, не только относящіяся до службы, но и домашнія.

У меня не стало занятій опредѣлительныхъ; но я постоянно находился при докладахъ директора канцеляріи министру, который по важнымъ дѣламъ всегда спрашивалъ моего мнѣнія; часто давалъ передѣлывать изложеніе бумагъ, особенно представленныхъ департаментами. Тогда слогъ военнаго министерства отзывался еще военно-коллежскимъ несмотря на образцы, данные Сперанскимъ, образователемъ дѣловаго слога въ Россіи.

Приятно было мое положеніе. Не имѣя постоянной должности, я не подлежалъ и отвѣтственности; критиковалъ работы другихъ, а самъ былъ внѣ критики, пользовался безусловнымъ довѣріемъ министра и часто употреблялъ его въ пользу другихъ. Отъ этого сотоварищи любили меня и уважали; директора департаментовъ не сѣтовали, а благодарили за мои передѣлки и шлифовку ихъ представленій; а директоръ канцеляріи, добрый старикъ Бежейчъ, не ревновалъ меня, видя во мнѣ лучшаго помощника, чуждаго интриги.

Я особенно сблизился съ генераль-провіантмейстеромъ Абакумовымъ. Еще въ Отечественную войну 1812 года бывши комиссіонеромъ при гвардейскомъ корпусѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе дѣятельностію, расторопностію и распорядительностію. Небывалый примѣръ: въ 1818 г. шестаго класса Абакумовъ назначается управляющимъ провіантскимъ департаментомъ съ производствомъ въ пятый классъ! Зато онъ извлекъ департаментъ изъ хаоса; зато онъ утвердилъ его на прочныхъ основаніяхъ. Возведенный въ званіе сенатора и разставшись съ военнымъ

министерствомъ, онъ призванъ былъ въ Турецкую войну 1828 года распорядиться продовольствіемъ войска; достойно съ честію исполнилъ онъ эту трудную обязанность. Наша пріятельская связь не прервалась и тогда, когда служба давно уже насъ раздѣлила. Онъ далъ мнѣ средства основать мое состояніе, ссудивъ въ 1838 году на выгодную покупку имѣнія 125 т. р. на десять лѣтъ за четыре процента. Миръ праху твоему, добрый человекъ, ревностный слуга Царю и радушный въ дружбѣ!

Жалѣлъ я только о томъ, что обремененный служебными занятіями, не могъ удѣлять времени для литературы, для которой почти ничего не работалъ. Такъ сошелъ я съ литературнаго поприща, не успѣвъ даже проявить себя достойнымъ образомъ.

Сообщ. Н. А. Боровковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Миѣніе императора Павла I о службѣ офицеровъ при импера-
трицѣ Екатеринѣ II.**

Его императорское величество въ высочайшемъ присутствіи своемъ соизволилъ отдать слѣдующій приказъ въ г. Павловскѣ:

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Шепелевъ выключается въ Елецкой мушкетерской полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бытности его при князь-яхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ перед-ней и въ пляскѣ.

Подписалъ генераль-адъютантъ Ростопчинъ.

Августа 14-го дня
1797 года.

Сообщ. Е. А. Альбовскій.

**Удержаніе жалованья у губернатора, пока не будутъ починены
казармы.**

24-го октября 1799 г.

Его императорское величество по рапорту шефа Драгунскаго полка, по сибирской линіи расположеннаго, генераль-маіора князя Адоевскаго, объ отказѣ тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ требуемаго вспоможенія въ поправкѣ ветхихъ казармъ высочайше указать соизволилъ, доколе помянутыя казармы починены не будутъ, чтобъ удержано было губернатору жалованье.

А. Беклешовъ.

Изъ моихъ воспоминаній о князѣ Бисмаркѣ.

Въ августѣ 1879 года я жилъ въ Гастейнѣ, этомъ, нѣкогда любимомъ осеннемъ мѣстопробываніи князя Бисмарка. Когда я пріѣхалъ въ Гастейнъ, князь Бисмаркъ уже находился тамъ, съ женою и младшимъ сыномъ графомъ Вильгельмомъ. Однообразіе жизни въ этомъ тихомъ и, при всѣхъ красотахъ окружающей его величественной природы, довольно-таки скучномъ курортѣ, долгое время ничѣмъ не нарушалось, — къ пребыванію князя Бисмарка уже всѣ привыкли, — какъ вдругъ все оживилось неожиданнымъ для публики пріѣздомъ графа Андраши (бывшаго австро-венгерскаго министра-президента). Разумѣется всѣ любопытствовали его увидѣть, искали случая его встрѣтить и всяческимъ разговорамъ по поводу его пріѣзда не было конца; но графъ Андраши оставался въ Гастейнѣ всего нѣсколько дней и мало кому удалось его увидѣть, такъ какъ почти все время онъ проводилъ съ княземъ Бисмаркомъ, да и самого князя Бисмарка почти перестали встрѣчать на обычныхъ его прогулкахъ. Говорили, что они сидѣно заняты; никто, конечно, зная да и догадываться въ то время не могъ о предметѣ ихъ занятій; знали только (и я это испыталъ на себѣ), что мѣстный телеграфъ два дня не принималъ частныхъ депешъ, до того былъ занятъ правительственной корреспонденціей, — а можетъ быть и прямо запрещено было, на эти дни, принимать какія бы то ни было частныя телеграммы.

По отъѣздѣ графа Андраши все въ Гастейнѣ опять затихло и жизнь пошла своей обычной колеей.

Въ это самое время, прочитавъ въ Curlist'ѣ (вѣроятно еще и раньше, такъ какъ я уже болѣе двухъ недѣль жилъ въ Гастейнѣ), мою фамилію,

съ обозначеніемъ, какъ это водится въ Curlist'ахъ, моего имени и званія и принявъ меня за Петра Николаевича Стремоухова, бывшаго директора азіатскаго департамента, а затѣмъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ¹⁾, котораго онъ зналъ въ Петербургѣ еще въ бытность свою прускимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, князь Бисмаркъ зашелъ ко мнѣ съ визитомъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ графомъ Вильгельмомъ. Не заставъ меня дома, они оставили свои карточки; разумѣется я на другой же день отправился къ князю Бисмарку для разъясненія недоразумѣнія и по этому случаю познакомился съ нимъ; познакомился и съ княгинею Бисмаркъ²⁾ и съ графомъ Вильгельмомъ.

Случайное, притомъ и мимолетное, можно сказать, знакомство это съ великимъ государственнымъ человѣкомъ осталось для меня предметомъ многихъ воспоминаній и къ числу ихъ относится послѣдній, наканунѣ моего отъѣзда изъ Гастейна, разговоръ со мною князя Бисмарка, который на столько врѣзался въ моей памяти, что я могъ бы передать его дословно, если бы даже, въ свое время, и не записалъ его.

Это было утромъ 23-го августа (4-го сентября), когда я зашелъ къ нему чтобы откланяться. Я засталъ князя Бисмарка въ какомъ-то нервномъ, возбужденномъ состояніи.

— Знаете-ли, — объявилъ онъ мнѣ, — какое сегодня совершается важное событіе? Сейчасъ, быть можетъ въ эту самую минуту какъ мы съ вами говоримъ, происходитъ свиданіе нашихъ государей въ Александровѣ!

Сообщеніе это было для меня, конечно, неожиданностью. Въ отвѣтъ на него я выразилъ мысль, что безъ сомнѣнія свиданіе монарховъ будетъ имѣть самые благотворные результаты, возстановивъ добрыя отношенія двухъ державъ, столь прискорбнымъ образомъ поколебленныя, за послѣднее время, разными недоразумѣніями.

— Желалъ бы, чтобъ это было такъ, — отвѣчалъ князь Бисмаркъ. — Но кто виноватъ въ томъ, что отношенія эти поколебались? Чтò означаютъ тѣ ожесточенные нападки, которымъ, за послѣднее время, мы подвергаемся со стороны вашей печати? И почему нападки эти допускаются вашимъ правительствомъ?

Тутъ я напомнилъ князю Бисмарку о высказанномъ мною уже

¹⁾ П. Н. Стремоуховъ въ 1879 году уже былъ въ отставкѣ. Я же былъ въ то время членомъ совѣтовъ министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати.

²⁾ Княгиня Бисмаркъ умерла въ 1894 году. Памяти этой умной и симпатичной женщины я не могъ не посвятить нѣсколько сочувственныхъ словъ въ „Новомъ Времени“ (7-го декабря 1894 г., № 6745).

раньше по этому поводу ¹⁾, а именно, что правительство наше вовсе не отвѣтственно за всѣ выражаемые нашею печатью взгляды по вопросамъ политическимъ и указалъ на то, что оно, неоднократно уже отрицавшее свою солидарность съ нашею печатью, въ ея болѣе или менѣе рѣзкихъ, отзываяхъ о германской политикѣ, еще недавно, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», самымъ категорическимъ образомъ ихъ опровергло.

— Но въ слѣдъ за вашимъ правительственнымъ сообщеніемъ, — возразилъ князь Бисмаркъ, — и на другой-же день, ваши «Петербургскія Вѣдомости» напечатали противъ меня статью, не только превосходящую, по рѣзкости, всѣ предыдущія, но даже прямо оскорбительную. А что долженъ думать я, когда обнаруживаемое, за послѣднее время, вашею печатью направленіе, не только раздѣляется и поддерживается нѣкоторыми вашими государственными людьми, но даже самъ государь вашъ, еще недавно, въ разговорѣ съ генераломъ Швейницомъ ²⁾, выражался, и притомъ весьма рѣзко, въ смыслѣ того же направленія.

Затѣмъ, послѣ секунднаго молчанія, князь, отрывисто продолжалъ:

— Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такое къ себѣ нерасположеніе русскаго общества, русскаго печати и русскаго правительства; я исполнилъ честно всѣ принятія мною на себя обязательства передъ Россіей, какъ до начала Восточной войны, такъ и во время Берлинскаго конгресса. Германія обѣщала свой дружественный нейтралитетъ, и она его выдержала; она поручилась за Австрію, и Австрія не шевельнулась; въ Берлинѣ, наконецъ, я поддержалъ всѣ требованія русскихъ уполномоченныхъ, и когда возникло серьезное недоразумѣніе по поводу Батума, я отправился къ Салисбери, — Дизраэли былъ тогда нездоровъ, а Салисбери, мимоходомъ будь сказано, разыгрывалъ тогда роль какого-то судебного слѣдователя надъ княземъ Горчаковымъ и графомъ Шуваловымъ, — и рѣшительно объявилъ ему, что если Батумъ не будетъ уступленъ Россіи, то я на другой же день закрою конгрессъ. Словомъ, я сдѣлалъ все, что могъ и все что сдѣлать считалъ своею обязанностью. Не могъ же я быть болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе; je ne pouvais être plus royaliste que le roi ou plus catholique que le pape. За что же теперь всѣ нападки? И что имѣетъ противъ меня князь Горчаковъ?

¹⁾ Князь Бисмаркъ утверждалъ, что наша печать пишетъ только то, что ей прикажутъ или дозволятъ писать, а въ нападкахъ на него и на его политику со стороны нѣкоторыхъ органовъ нашей печати усматривалъ прямое выраженіе враждебнаго отношенія русскаго правительства къ Германіи.

²⁾ Бывшій германскій посолъ при нашемъ дворѣ.

Скорѣе я могу быть недоволенъ имъ. C'est lui qui m'a fait une niche ¹⁾, il y a quatre ans, quand il n'était pas question de dépenser ne fut ce qu'un thaler pour recommencer la guerre avec la France; но, я это забылъ; въ Берлинѣ на конгрессѣ былъ съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и онъ же теперь дѣйствуетъ противъ меня... Тѣмъ временемъ мутитъ ваша печать; она уже довела васъ до Восточной войны, доведетъ васъ и еще Богъ знаетъ до чего... Дружественныя отношенія между нашими двумя странами столь естественны и столь необходимы для обѣихъ, что оставалось бы только стремиться къ ихъ поддержанію, а не растравлять ихъ... Дружба Франціи ²⁾, въ заключеніе сказалъ князь Бисмаркъ, конечно пріятная вещь, но можно и ошибиться въ расчетъ ³⁾...

Впослѣдствіи, когда австро-германскій (обратившійся затѣмъ въ тройственный) союзъ, сталъ общеизвѣстнымъ фактомъ, я, вспоминая о Гастейнѣ и провѣряя тогдашнія свои впечатлѣнія, невольно задавалъ себѣ вопросъ: не былъ ли уже во время пребыванія графа Андраши въ Гастейнѣ проектированъ, а можетъ быть даже и подписанъ, соотвѣтственный между Германіей и Австріей договоръ, и не состоялось ли послѣдовавшее вскорѣ послѣ того свиданіе императора Вильгельма съ государемъ Александромъ Николаевичемъ въ Александровѣ, уже помимо прямого желанія князя Бисмарка? ⁴⁾

П. Д. Стремоуховъ.

¹⁾ Разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ, на которомъ князь Бисмаркъ говорилъ отлично, даже красиво, при этомъ отчеканивая каждое слово.

²⁾ Могли ли, уже въ то время, происходить какіе-либо переговоры, въ смыслѣ попытокъ къ сближенію нашему съ Франціей, — мнѣ конечно, неизвѣстно, но не задолго передъ тѣмъ происходило въ Баденъ-Баденѣ свиданіе князя Горчакова съ княземъ Орловымъ и съ Убри, — свиданіе, которому придавали политическое значеніе, и можетъ быть на него онъ и намекалъ.

³⁾ Содержаніе разговора со мною князя Бисмарка извѣстно было государю Александру Николаевичу изъ письма моего объ этомъ разговорѣ къ бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ Л. С. Макову. Письмо это переслано было управлявшему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсу, а симъ послѣднимъ представлено государю въ Ливадіи въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ. Н. К. Гирсъ, возвращая письмо Макову, сообщилъ ему, что государь съ интересомъ прочиталъ его

⁴⁾ Объ этомъ союзѣ см. выше стр. 26 — 29.

Во время реформъ императора Александра II-го.

(Записки стараго помѣщика).

I.

Характеристика дворянскихъ собраній.—Дворянскіе выборы.—Освобожденіе крестьянъ.—Мировые посредники и ихъ дѣятельность.—Водвеніе крестьянъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ.—Губернаторъ Н. М. Муравьевъ.—Интриги поляковъ и старанія ихъ возмутить крестьянъ.—Золотая грамота.—Отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ.—Оригинальный типъ помѣщцы.

Ближайшее передъ крестьянской реформой очередное губернское дворянское собраніе въ Саратовѣ было 19-го декабря 1860 года, и дворянство, въ ожиданіи этой реформы, было особенно озабочено выборомъ своихъ представителей. Хотя въ Саратовской губерніи, какъ извѣстно, есть нѣсколько уѣздовъ, настолько малочисленныхъ наличными дворянами, что предводителей и прѣчихъ должностныхъ лицъ для нихъ избираютъ другіе уѣзды, но на этотъ разъ въ собранія всѣ уѣзды были самостоятельными.

Губернскій городъ тогда далеко не былъ такъ обширенъ и благоустроенъ и не имѣлъ удобствъ для пріѣзжающихъ, какъ теперь, потому не только частныя квартиры, но и всѣ номера немногихъ въ то время гостиницъ были заранѣе сняты пріѣзжими дворянами. На улицахъ города къ этому времени безпрестанно тянулись помѣщичьи обозы съ кухнями, лошадьми и дворовой челядью, а къ гостиницамъ подѣвжали тройки въ большихъ саняхъ, биткомъ набитыхъ дворянами,—это нѣ-

которые предводители везли своихъ избирателей, доставляя на свой счетъ въ городъ, гдѣ и содержали ихъ до окончанія выборовъ.

У меня съ матерью и женой въ то время было болѣе тысячи ревизскихъ душъ крестьянъ и въ собраніи участвовалъ по тремъ уѣздамъ: Саратовскому, Камышинско-Царицинскому и Кузнецкому и, такъ какъ въ этихъ трехъ уѣздахъ готовилась смѣна предводителей, то распри и интриги тамъ были въ полномъ ходу. Камышинско-Царицинскій уѣздъ раскололся на двѣ партіи: Скабиневскихъ и Поповыхъ; жоакъ первой партіи ранѣе служилъ нѣсколько трехлѣтій предводителемъ этихъ уѣздовъ; Поповъ же былъ предводителемъ въ это время. Скабиневскій, не желая на этотъ разъ снова начинать службу, уговорилъ меня соперничать съ Поповымъ, но измѣна одного изъ близкихъ мнѣ людей, была причиной того, что при баллотировкѣ мы съ Поповымъ получили равные шары, кандидатами же были избраны: къ Попову—капитанъ-лейтенантъ Персидскій, а ко мнѣ—полковникъ конной гвардіи Ершовъ. Намъ съ Поповымъ предстояло за губернскимъ столомъ бросить жребій, но мы рѣшили оба отказаться отъ предводительства и раздѣлить Камышинско-Царицинскій уѣздъ на двѣ самостоятельныхъ единицы, съ тѣмъ, чтобы тамъ остались предводителями наши кандидаты. Пока шла вся эта сутолка, Кузнецкій уѣздъ, также въ борьбѣ партій, забаллотировавъ трехъ старыхъ предводителей, выбралъ на эту должность равнымъ парамъ меня и Хардина, которому я, не желая конкурировать и живя постоянно въ Саратовѣ, гдѣ имѣлъ свой домъ, уступилъ безъ жребія право быть предводителемъ.

Съ большинствомъ дворянъ Кузнецкаго уѣзда я до того времени былъ знакомъ очень мало, почему вслѣдствіе моего внезапнаго выбора, долженъ былъ тутъ же поближе узнать ихъ. Составъ дворянъ этого уѣзда, отдаленнѣйшаго отъ губернскаго города, далеко не былъ похожъ на остальныхъ. Тамъ можно было встрѣтить татаръ, въ истертыхъ дворянскихъ мундирахъ, въ расшитыхъ золотыхъ ермолкахъ и съ воротниками выше ушей. Присягу они принимали сидя на корточкахъ передъ зеркаломъ, и мулла въ чалмѣ и съ кораномъ въ рукахъ громко отбиралъ отъ нихъ клятву—дѣйствовать безпристрастно на выборахъ. Тутъ же были сѣдовласые давно вышедшіе въ отставку усачи армейскіе корнеты и поручики, въ широчайшихъ шароварахъ и дѣдовскихъ дворянскихъ мундирахъ, не сходившихся имъ въ груди на цѣлую четверть. Они при всякомъ удобномъ случаѣ выходили въ буфетъ, чтобы выкурить трубку табаку, чуть не съ саженымъ черешневымъ чубукомъ, которую по тогдашнему времени вмѣстѣ съ табашнымъ кисетомъ помѣщика всюду возили съ собой. Но, несмотря на свой нѣсколько комическій видъ, это были хорошіе, настоящіе старые дворяне уѣзда. Совершенною же противоположностью имъ составляли появившіеся въ послѣдніе годы

щеголеватые петербургскіе чиновники и заграничныя тузы, и былъ даже изъ нихъ одинъ очень богатый сынъ отпущеника канцлера графа Нессельроде, незадолго передъ тѣмъ попавшій въ дворяне и къ которому почему-то перешла значительная часть графскихъ имѣній. Тутъ же особенно выдѣлялись двое тучныхъ, бывшихъ кузнецкихъ городничихъ, въ отставныхъ мундирахъ своихъ прежнихъ полковъ, нѣсколько пріѣзжихъ молодыхъ офицеровъ, одинъ пожилой петербургскій чиновникъ, въ мундирѣ военнаго министерства, и генералъ въ густыхъ эполетахъ, служившій ранѣе военнымъ губернаторомъ въ Царствѣ Польскомъ. Затѣмъ остальные дворяне, хотя и участвовали на выборахъ по Кузнецкому уѣзду, но, имѣя болѣе значительныя вотчины въ другихъ уѣздахъ, находились тамъ, являясь къ столу кузнецчанъ только на вызовъ во время самой баллотировки, и къ числу послѣднихъ принадлежали я и Хардинъ.

Теперь остановимся на личности новаго кузнецкаго предводителя Хардина. Ему было тогда, какъ и мнѣ, съ небольшимъ лѣтъ тридцать. Сойдя съ школьной скамейки, онъ принялъ наслѣдственныя послѣ родителей имѣнія и, поселившись въ Петровскомъ уѣздѣ, пріѣзжалъ по зимамъ въ Саратовъ лишь покутить. Высокій, худощавый и далеко не красивый, онъ имѣлъ прекрасную душу. Доброты былъ необычайной, чѣмъ, конечно, многіе и пользовались, занимая у него деньги въ долгъ безъ отдачи. Любилъ поухаживать, но при его наружности имѣлъ мало успѣха и это ему обходилось не дешево.

Помню, какъ онъ одной хорошенькой гувернанткѣ прислалъ на именины парогъ, начиненный червонцами на пять тысячъ рублей. Но во времени дворянскихъ выборовъ, онъ сдѣлался уже солиднымъ, женившись на красивѣйшей изъ женщинъ, дочери бывшаго управляющаго конторою императорскихъ театровъ, извѣстнаго К— ва, и перевесъ свою резиденцію въ Кузнецкъ, гдѣ имѣлъ также помѣстье. Хардинъ не принадлежалъ къ числу людей дѣловитыхъ, и потому, при его мягкомъ и уклончивомъ характерѣ, доставшееся на его долю трудное дѣло—введеніе крестьянской реформы въ Кузнецкомъ уѣздѣ, началось для него съ первыхъ же шаговъ неудачами. Едва вступили въ должность избранные крестьянами волостныя старшины и назначенные мировые посредники: С. С. Иконниковъ, П. П. Галицкій, А. А. Кострицянъ и З. Н. Жедрянскій, какъ со стороны послѣднихъ поступило въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе заявленіе о необходимости для Кузнецкаго уѣзда увеличить число посредниковъ, вмѣсто четырехъ на пять, и такъ какъ опредѣленіе числа ихъ зависѣло по закону отъ уѣднаго дворянскаго собранія, то Хардину и предложено было передать это обстоятельство на обсужденіе собранія, которое, при большинствѣ 40 человекъ противу 6, осталось при своемъ прежнемъ рѣшеніи—

имѣть въ уѣздѣ только четырехъ посредниковъ. Но бывшій въ то время губернской предводитель дворянства К. Щ.—въ, принимая сторону посредниковъ, въ числѣ которыхъ старикъ Иконниковъ имѣлъ, по своей дѣловитости, на нѣкоторыхъ членовъ губернскаго присутствія большое вліяніе, такъ что даже многіе проекты присылались къ Иконникову на предварительный просмотръ, повліялъ такъ, что губернское присутствие и послѣ этого еще два раза возвращало постановленіе о томъ же уѣзднаго дворянства, настаивая на необходимости принять заявленіе посредниковъ. Это назойливое дѣйствіе губернскаго присутствія сдѣлало то, что дворяне, съ одной стороны, утомляясь неоднократно по одному и тому же предмету поѣздками въ городъ, и съ другой, видя безсиліе большинства уѣзднаго собранія, стали передаваться на сторону посредниковъ, а предводитель Хардинъ сначала отговорился болѣзнью, а затѣмъ, получивъ годичный отпускъ, заставилъ меня, какъ кандидата, принять должность, что и было началомъ моей продолжительной общественной дѣятельности, при которой мнѣ пришлось въ Саратовской губерніи впослѣдствіи проводить всѣ прочія реформы царствованія императора Александра II-го, и, не только по должности уѣзднаго и губернскаго предводителя, но и предсѣдателя земской управы и сѣзда мировыхъ судей.

Начинать службу кузнецкаго предводителя при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ было совсѣмъ не интересно, но такъ какъ Хардинъ, въ противномъ случаѣ, хотѣлъ совсѣмъ выйти въ отставку и, за неимѣніемъ еще кандидата, пришлось бы дѣлать новые выборы, а дворяне Кузнецкаго уѣзда письменно обратились по мнѣ съ просьбой уладить ихъ недоразумѣніе, то, послѣ совѣщанія моего съ губернаторомъ Барановскимъ, я, вступивъ въ должность, отправился въ Кузнецкій уѣздъ, получивъ затѣмъ послѣднее распоряженіе губернскаго присутствія созвать дворянъ для обсужденія еще новаго предложенія мировыхъ посредниковъ, въ которомъ они соглашались для проектируемаго коллеги удѣлять жалованье изъ своего содержанія.

Кузнецкъ въ то время былъ настолько плохо обстроенъ, что въ немъ даже не было ни одного двухъ-этажнаго дома. Улицы были узенькія, немощеныя и кое-гдѣ стоявшіе на нихъ фонари освѣщались коноплянымъ масломъ. Гостиница на весь городъ была одна, всего о трехъ номерахъ, которые я и снялъ всѣ для своего помѣщенія, находясь почти рядомъ съ деревяннымъ небольшимъ домикомъ Хардина, прожившаго безвыѣздно въ Кузнецкѣ все время моего тамъ пребыванія.

Черезъ нѣсколько дней мною открыто было дворянское собраніе, на которое, уставъ ранѣе бесполезно таскаться изъ своихъ деревень, многіе не явились, и при баллотировкѣ вопроса о прибавкѣ числа посредниковъ, мнѣнія раздѣлились пополамъ, такъ что мнѣ, какъ предсѣдателю,

пришлось рѣшить вопросъ объ оставленіи, по старому, четырехъ посредниковъ только своимъ лишнимъ полъ-голосомъ. Но тутъ произошло крупное недоразумѣніе: бывший въ числѣ дворянъ генералъ Р., не зная закона, заявилъ, что Хардинъ, не выйдя въ отставку и находясь въ отпуску, не имѣлъ будто бы права присутствовать въ собраніи въ качествѣ простаго дворянина, и требовалъ, чтобы онъ оставилъ собраніе. Это повело къ крупной ссорѣ между ними, окончившейся вызовомъ генерала Р. на дуэль, но такъ какъ, не выходя изъ собранія, я послалъ съ двухъ-конной эстафетой въ Петербургъ донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ Вагуеву о результатахъ этого послѣдняго собранія, съ просьбой оградить кузнецкое дворянство отъ дальнѣйшихъ притязаній губернскаго присутствія по вопросу о посредникахъ и хотѣлъ въ донесеніи этомъ помѣстить дерзкій поступокъ генерала Р., то онъ тутъ же извинился, какъ передъ собраніемъ, такъ и передъ Хардинымъ. Вскорѣ послѣ этого губернское присутствіе, получивъ бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ, не настаивало уже болѣе на прибавленіи числа посредниковъ, но вслѣдъ затѣмъ двое изъ нихъ, Галицкій и Кострицынъ, немедленно вышли въ отставку, вмѣсто которыхъ были допущены къ этой должности кандидаты ихъ, Мотовиловъ и Подбѣльскій; но, такъ какъ послѣдній незадолго передъ тѣмъ имѣлъ крупную исторію во время распрѣй дворянъ съ посредниками, то онъ отказался вступить въ должность, и мнѣ пришлось выставить новымъ кандидатомъ крупнаго помѣщика уѣзда, штабсъ-капитана гвардіи А. А. Шахматова; но губернский предводитель дворянства, недовольный исходомъ прежнихъ своихъ настояній, заявилъ протестъ противъ назначенія Шахматова на томъ только основаніи, что послѣдній передъ этимъ женился на своей двоюродной сестрѣ. Я настойчиво требовалъ представленія о Шахматовѣ въ Сенатъ и, съ поддержкой моего мнѣнія губернаторомъ Барановскимъ, Сенатъ утвердилъ Шахматова въ должности посредника.

Считаю не лишнимъ объяснить, что К. Щ—ва въ губернскомъ присутствіи сильно поддерживалъ членъ этого присутствія извѣстный Аписъ Саратовской губерній А. А. С—инъ, на дочери котораго К. Щ—ва былъ женатъ. Г-на С—на знали даже въ обѣихъ столицахъ, и онъ, бывъ самымъ богатымъ саратовскимъ помѣщикомъ и ранѣе губернскимъ предводителемъ дворянства, пошелъ въ члены губернскаго присутствія, заявивъ, что жалованье свое по этой должности онъ отдаетъ на поддержку Саратовскаго театра, который по инициативѣ бывшаго, передъ Барановскимъ, губернатора Игнатьева находился нѣсколько лѣтъ подъ управленіемъ назначенныхъ директоровъ изъ почетныхъ лицъ губерніи.

Послѣ новой формировки посредниковъ, дѣла въ Кузнецкомъ уѣздѣ пошли нормальнымъ порядкомъ. Приостановившаяся, было, во время

распрей, дѣятельность посредниковъ возобновилась съ новой силой и, предсѣдательствуя въ ихъ сѣздѣ, я не могъ нарадоваться общему между ними согласію, которое тогда было особенно дорого въ виду массы дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе сѣзда.

Должности въ губерніи въ то время почти всѣ занимались по выборамъ дворянства, не исключая исправниковъ, которые назывались земскими исправниками и состояли предсѣдателями нижняго земскаго суда, замѣненнаго впоследствии уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ. И такъ какъ не только исправники, но даже и становые пристава, назначаемые отъ правительства, имѣя для парадныхъ случаевъ мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ, ежедневно носили обыкновенное, какъ всѣ прочіе, платье; то, какъ въ исправники, такъ и въ становые шли мѣстные небогатые дворяне. Но что еще удивительнаго, что дворяне занимали должности смотрителей общественныхъ запасныхъ магазиновъ, нося при этомъ дворянскій мундиръ со шпагой и трехуголку. Всѣ эти лица, какъ равно уѣздные судьи и члены суда, находились подъ ближайшимъ контролемъ уѣзднаго предводителя дворянства, почему крестьяне, сейчасъ же послѣ ихъ освобожденія, стали предводителямъ подавать различныя заявленія по поводу прежней дѣятельности этихъ лицъ. Заявленія эти должны были переходить въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое съ жадностью набрасывалось на эти разоблаченія, и въ Кузнецкѣ за одинъ годъ были уволены и преданы суду два исправника. Первый—Н., за то, что года за три до эмансипаціи, далъ 500 розогъ полицейскому сотскому, который вслѣдъ затѣмъ повѣсился; а второй—А., за то, что ранѣе, когда еще служилъ непремѣннымъ засѣдателемъ нижняго земскаго суда, производя однажды дознаніе, во время отдыха на сѣздѣ, стрѣлялъ изъ пистолета въ устроенную на двери цѣль и пулей, пробившей дверь, попалъ нечаянно въ арестанта, находившагося въ сѣняхъ. Особенно поплатился за перваго изъ этихъ исправниковъ его племянникъ, становой приставъ К., который въ актѣ дознанія о повѣсившемся сотскомъ, помѣстилъ въ числѣ понятыхъ отсутствовавшихъ, за что этого пристава лишили чиновъ, дворянства и сослали въ Сибирь. Вообще губернское присутствіе производило страшную перетасовку, и все это относили главнымъ образомъ въліянію большого защитника крестьянъ губернскаго предводителя Щ., который задѣвалъ даже и мировыхъ посредниковъ. Такъ, напримѣръ, въ Сердобскомъ уѣздѣ одного неполадившаго тамъ К., онъ, на первыхъ же порахъ, вытѣснилъ изъ посредниковъ, за что послѣдній, черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтившись съ нимъ, какъ уже съ губернаторомъ, публично на балѣ дворянства не подалъ ему руки. Зато другой посредникъ Вольскаго уѣзда М., наоборотъ, находясь въ фаворѣ губернскаго присутствія, избѣгалъ всякой отвѣт-

ственности даже за то, что, наказывая резгами крестьянина, посредникъ этотъ ошибся нудемъ и, вмѣсто разрѣшенныхъ закономъ двадцати ударовъ, далъ двѣсти. Вообще подобныя несправедливости повторялись въ то время со стороны губернскаго присутствія нерѣдко, руководствуясь личными симпатіями и антипатіями его членовъ, что, впрочемъ, не мѣшало симпатизировать дому Щ., такъ какъ супруга губернскаго предводителя пользовалась общими симпатіями саратовцевъ.

Первый годъ крестьянской реформы въ Кузнецкѣ прошелъ довольно покойно. Посредники открывали волостныя правленія и, завершая поземельныя сдѣлки помѣщиковъ съ крестьянами, не встрѣчали при этомъ особыхъ затрудненій. Но годъ спустя, многое измѣнилось. Тогда губернаторомъ въ Саратовѣ, вмѣсто Барановскаго, былъ назначенъ Н. М. Муравьевъ, переведенный съ той же должности изъ Рязанской губерніи, откуда онъ вывезъ съ собою многихъ чиновниковъ, занявшихъ мѣста исправниковъ, уже по опредѣленію отъ правительства. Это тоже была своего рода реформа. Прежніе исправники, считая себя вполне подчиненными уѣзнымъ предводителямъ, являлись даже къ нимъ съ докладами, новые же, вообразивъ себя начальниками уѣзда, на первыхъ же порахъ стали съ ними въ контры. И вотъ, новый кузнецкій исправникъ, отставной маіоръ Ю—въ, является ко мнѣ съ визитомъ въ каретѣ, въ гусарской формѣ, причемъ гремя шпорами объясняетъ, что, бывъ назначеннымъ на эту должность, счелъ для себя пріятнымъ случаемъ со мной познакомиться. Но знакомство это продолжалось недолго; въ этотъ же первый визитъ я пригласилъ его отправиться со мною по тѣмъ деревнямъ, въ которыхъ, по сообщенію мировыхъ посредниковъ, становилось неспокойно, и такъ какъ онъ отказался мнѣ сопутствовать, добавляя, что у него голова не казенная, то я сообщилъ о томъ губернатору, прося объ увольненіи исправника Ю—ва отъ должности. Самъ же, на другой день отправился въ уѣздъ, гдѣ въ сопровоженіи мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ и становыхъ приставовъ, изслѣдовалъ причины начинающихся среди крестьянскаго населенія волненій, причемъ, объѣхавъ многія возмущившіяся селенія, дозналъ, что крестьяне отказываются приступить къ засѣву своихъ надѣловъ, ожидая правительственнаго распоряженія о предоставленіи имъ всей земли, принадлежащей помѣщикамъ. Многія селенія мнѣ удалось уговорить приняться за свои полевые работы и, послѣ молебствія на площадяхъ, крестьяне, въ моемъ присутствіи, принялись за свою пашню. Но такъ какъ нѣкоторыя селенія, какъ-то: Ключи г-жи Панафидиной, подгородное имѣніе княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской и село Старый Чирчигъ наотрѣзъ отказались удовольствоваться своимъ надѣломъ и не хотѣли приступить къ посѣву, то я, изъ опасенія неминуемой голодовки для этихъ неразумныхъ крестьянъ, просилъ губернатора по-

спѣшить прїѣздомъ въ Кузнецкъ. Губернаторъ Муравьевъ не мѣшая прибылъ въ сопровожденіи жандармскаго штабъ-офицера Глобы и члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Киндякова. Исправникъ Ю—въ доложилъ губернатору, что въ уѣздѣ все обстоитъ благополучно и что возмущеніе крестьянъ есть не болѣе какъ моя фантазія, что было причиною того, что Муравьевъ шута отнесся къ моему сообщенію и, по пути въ Саратовъ, предложилъ мнѣ проѣхать съ нимъ и сопровождавшими его лицами въ село Старый Чирчимъ, отстоявшій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моего имѣнія. Предупрежденныя о прїѣздѣ губернатора крестьяне, собравшись изъ окружныхъ деревень, тысячной толпой ожидали насъ возлѣ стараго-чирчимскаго волостного правленія, и когда губернаторъ именемъ государя высказалъ имъ требованіе немедленно приступить къ обѣмененію ихъ надѣловъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строгаго наказанія, то толпа выдвинула изъ своей среды двоихъ крестьянъ, которые, обращаясь къ нему съ дерзостью, сказали: «Сатана построилъ среди насъ дома и мѣшаетъ намъ жить, и вотъ накликалъ на насъ хлынь, цыганъ и бѣшеныхъ собакъ, которые прїѣхали изъ насъ кровь пить». На вопросъ же губернатора, не сумасшедшіе ли эти двое, крестьяне закричали, что это самые умные ходаки, передавшіе ихъ общее мнѣніе. Затѣмъ, конечно, губернатору ничего болѣе не оставалось, какъ арестовать этихъ ходаковъ въ одномъ изъ сараевъ волостного правленія, а становаго пристава Мотовилова послать за 40 верстъ въ Кузнецкъ, для доставки на подводахъ роты квартировавшаго тамъ стрѣлковаго баталіона, въ ожиданіи которой дворныя ворота были заперты, и мы расположились обѣдать въ этомъ волостномъ правленіи. За обѣдомъ, я разъяснилъ смыслъ крестьянской притчи, гдѣ, по моему мнѣнію, «сатанами» были помѣщики, мѣшавшіе крестьянамъ жить, а «хлынами», «цыганами» и «бѣшенными собаками» считали насъ, прїѣхавшихъ «кровь пить». Припоминаю при этомъ шутку губернатора Муравьева, который званіе «хлына» готовъ былъ принять на себя, объяснивъ, что его предки были уроженцы Вятской губерніи, которая будто бы когда-то называлась Хлыньей, цыганъ же и бѣшенныхъ собакъ любезно предоставилъ дѣлить между собою намъ.

Въ это время, какъ сейчасъ помню, былъ поданъ пудингъ по-англійски, въ пылающемъ ромѣ, какъ вдругъ послышался страшный трескъ сломанныхъ воротъ, и толпа крестьянъ, ворвавшись во дворъ, освободила своихъ арестованныхъ ходаковъ. Понятно, что намъ было тутъ уже не до обѣда и не до шутокъ, и, такъ какъ крестьяне продолжали шумѣть, то я вышелъ къ нимъ и, разъяснивъ какой отвѣтственности они могутъ подлежать, продолжая буйствовать, уговаривалъ ихъ, при помощи случайно находившихся среди

толпы моихъ крестьянъ, сосѣднихъ съ Старо-Чирчимомъ, очистить дворъ. Взаволнованный этимъ происшествіемъ, губернаторъ тутъ же написалъ предложеніе губернскому присутствію объ увольненіи исправника Ю—ва, который поставилъ его въ такое опасное положеніе. Затѣмъ, до самаго вечера толпа продолжала стоять на улицѣ противъ волостного правленія, а мы тревожно ожидали, что будетъ дальше. Когда же смерклось, то волостной старшина доложилъ мнѣ по секрету, что крестьяне, узнавъ о посылкѣ губернаторомъ за войсками, задумали что-то недоброе, почему я и предложилъ губернатору переночевать въ заброшенномъ, полуразвалившемся съ забитыми окнами домѣ г-жи Новицкой, находившемся въ концѣ селенія. Пользуясь наступившей темнотой ночи, губернаторъ и я тихо пробрались по задворкамъ, черезъ плетни къ указанному старшиной помѣщенію, куда мои поваромъ и лакеемъ перенесена была моя постель, разостлавъ которую на полу, мы и провели съ Муравьевымъ ночь подъ однимъ одеяломъ; люди же мои—охотники, изъ которыхъ одинъ и теперь еще живъ, съ ружьями стояли на пустырь у двери. Ночь эта сблизила меня съ Муравьевымъ, и я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю его курьезные рассказы изъ жизни въ Рязанской губерніи.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, намъ доложили о прибытіи роты стрѣлковъ, которая и была выстроена впереди толпы, противъ волостного правленія. Съ появленіемъ губернатора и насъ, народъ обнажилъ головы, но когда губернаторъ снова потребовалъ, чтобы крестьяне немедленно отправились засѣвать свои поля, то тѣ же двое ходоковъ опять выступили впередъ и повторили свою притчу, за что и были тутъ же наказаны розгами. Наказаніе было чрезмѣрно жестокое, въ виду упорнаго отказа покориться требованію власти. Эти двое крестьянъ, закусивъ свои руки, не произнесли ни одного звука во время ихъ наказанія, почему таковое и прекращено было лишь только послѣ заявленія прибывшаго съ ротой военнаго врача, что они уже находятся въ безсознательномъ состояніи. Когда же полумертвые тѣла ихъ были отнесены въ сторону, народъ началъ неистово кричать: «и насъ събьютъ, и насъ!..» а нѣсколько женщинъ съ тѣмъ же крикомъ выбросили даже за пѣшь солдатъ своихъ грудныхъ дѣтей. Тогда губернаторъ приказалъ класть подъ розги сразу по нѣсколько человекъ, но крикъ этотъ и волненіе не стихали, вслѣдствіе чего и были наказаны весьма многіе.

Вдругъ, изъ толпы вышелъ семидесяти-лѣтній старецъ, это былъ высокій, сѣдовласый, богатый крестьянинъ—красно-торговецъ; на немъ была шелковая рубаха и длинная, тонкаго сукна, поддевка. Онъ обратился къ губернатору съ просьбой подвергнуть и его той же пыткѣ, дозволявъ лишь предварительно исповѣдаться у священника, вслѣдствіе чего губернаторъ тутъ же приказалъ разложить его. Старикъ сто-

налъ подъ розгами и изъ глазъ его текли крупныя слезы. Разстроенный всѣми этими тяжелыми сценами, я не могъ выносить его страданій и, опустившись у его изголовья на землю, тихо уговаривалъ покориться волѣ царя и образумить толпу. Должно быть я говорилъ очень убѣдительно, такъ какъ старикъ задумался и наконецъ произнесъ: «Да будетъ воля Божья и царская». Я далъ знакъ солдатамъ прекратить наказаніе и помогъ старику подняться, послѣ чего онъ обратился къ народу со словами: «вѣрно, братцы, правильно, что надѣлъ намъ данъ царской волею. Царю батюшкѣ мы должны покоряться. Вызывайте въ поле!» Послѣ этихъ словъ толпа стихла, но что было всего поразительнѣе, это то, что эта бушующая до того толпа затѣмъ, какъ одинъ человѣкъ, пала на колѣни.

Послѣ я узналъ, что старикъ этотъ былъ помѣщичій крестьянинъ, который, платя триста рублей въ годъ оброка, былъ помѣщикомъ пожалованъ почетнымъ кафтаномъ и правомъ сидѣть при немъ въ вотчинномъ правленіи.

Чирчимское возмущеніе измѣнило маршрутъ губернатора, и мы поѣхали въ слѣдующее непокойное имѣніе г-жи Панафидиной, на границѣ Петровскаго уѣзда, гдѣ въ маленькой деревушкѣ Ключи встрѣтили тотъ же упорный отказъ засѣвать надѣлъ, за что и была наказана розгами значительная часть взрослыхъ крестьянъ этой деревни. Въ имѣніи же княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, прослышавшемъ о наказаніяхъ, нашли уже всѣхъ крестьянъ на полевыхъ работахъ, спѣшившихъ наверстать запоздалый посѣвъ хлѣбовъ.

Такъ кончились неурядицы крестьянскаго населенія въ Кузнецкомъ уѣздѣ, который оставался покойнымъ и во время попытокъ польскихъ мятежниковъ произвести возмущеніе народа, хотя въ сосѣдствѣ кузнецавъ, Городищенскій уѣздъ, Пензенской губерніи, поплатился за свои волненія сильнымъ наказаніемъ: туда былъ вызванъ цѣлый баталіонъ для усмиренія. Кузнецане же избѣгли этой участи, благодаря счастливой случайности открытія пропаганды вначалѣ и энергичныхъ дѣйствій въ этомъ случаѣ становаго пристава Мотовилова,—брата мирового посредника.

Ухищреніе поляковъ произвести тогда бунтъ въ Россіи было изумительное. Они отпечатали золотыми буквами на пергаментѣ въ величину листа, грамоты отъ имени государя. Грамоты эти были въ формѣ царскаго манифеста и даже съ большой государственной печатью внизу. Въ нихъ повелѣвалось крестьянамъ уничтожить помѣщиковъ, нещадя своего живота, за то, что они будто бы мѣшаютъ правительству отдать крестьянамъ всю землю. И вотъ, на счастье, въ проѣздъ мой по Кузнецкому уѣзду, въ с. Могилахъ, мнѣ староста, изъ татаръ, доложилъ, что только-что передо мной проскакалъ на тройкѣ какой то чиновникъ,

въ запыленномъ плащѣ, въ сѣрой шляпѣ съ большими полями, золотыхъ очкахъ, и передалъ ему грамоту для объявленія народу. Прочитавъ ее, я ужаснулся, какія злостное ухищреніе это могло имѣть послѣдствія. И такъ какъ становой приставъ Мотовиловъ былъ передъ этимъ мною встрѣченъ, то я, не теряя ни минуты, вытребовалъ его и, разузнавъ путь, по которому скакалъ пропагандистъ, направилъ Мотовилова, для отобранія по деревнямъ грамотъ и преслѣдованія злоумышленника. Отобрано было, кажется, около 17 этихъ золотыхъ грамотъ, которыя, за отсутствіемъ крестьянъ на полевыхъ работахъ, злоумышленникъ преимущественно разбрасывалъ на главныхъ улицахъ деревень, оставляя таковыя на завалинкахъ и плетняхъ. Мотовиловъ, отбирая эти грамоты, слѣдовалъ по пятамъ поляка до города Вольска, гдѣ сдѣлавъ распоряженіе о задержкѣ преступника, соображаясь съ его примѣтами, онъ, немедля, на пароходѣ, отправился далѣе въ городъ Хвалынскъ и при пересадкѣ на пароходъ, слѣдовавшій до Самары, столкнулся съ личностью, похожей по примѣтамъ на пропагандиста. Заявивъ объ этомъ, во время пути, капитану парохода и показавъ грамоту, Мотовиловъ потребовалъ остановки парохода посреди Волги передъ Самарой, откуда и былъ вытребованъ полиціймейстеръ. Когда, при осмотрѣ вещей подозрѣваемой личности, дошли до чемодана, наполненнаго золотыми грамотами, то полякъ-пропагандистъ бросился въ Волгу, но утуть ему не дали и впоследствии, по распоряженію правительства, онъ былъ казненъ въ г. Пензѣ.

Такая важная услуга правительству бывшаго станового пристава Мотовилова обязывала меня ходатайствовать о его награжденіи, и я просилъ о назначеніи ему ордена Владиміра 4-й степени, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежалъ къ дворянамъ Кузнецкаго уѣзда и былъ мѣстнымъ небогатымъ помѣщикомъ, но энергичный и отзывчивый къ правдѣ губернаторъ Муравьевъ въ это время былъ произведенъ за заслуги отца изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ въ генераль-маіору и, къ сожалѣнію саратовцевъ, перемѣщенъ губернаторомъ въ Ковно, гдѣ его отецъ былъ начальникомъ Западнаго края, и столь важная заслуга Мотовилова правительству—осталась не вознагражденной.

Въ другихъ уѣздахъ Саратовской губерніи тоже не обошлось безъ хлопотъ, хотя и не было такого крупнаго возмущенія крестьянъ, какъ въ Кузнецкѣ, и еще въ бытность губернаторомъ Барановскаго ему неразъ приходилось отправляться въ имѣнія крупныхъ помѣщиковъ для увѣщеванія крестьянъ, не желавшихъ довольствоваться установленными правительствомъ надѣлами земли и предъявлявшими свои права на всю землю помѣщиковъ. При этомъ я приведу хотя нѣсколько болѣе выдающихся случаевъ: въ слободѣ Рыбушкѣ, Саратовскаго уѣзда, со-

стоявшей изъ 650 дворовъ, и другихъ смежныхъ съ ней деревняхъ, князь Сергѣй Викторовичъ Кочубей, подаривъ своимъ крестьянамъ усадебную осѣдность при одной десятинѣ земли съ садами, огородами, мельницами и проч., желалъ, чтобы они взяли затѣмъ полный надѣлъ при которомъ, какъ извѣстно, правительство платило помѣщикамъ за удобную десятину только 30 рублей; но, несмотря на всѣ увѣщанія начальства, крестьяне наотрѣзъ отказались отъ всякаго надѣла и упростили Кочубея не настаивать на этомъ. Почему нынѣ Рыбушанская волость, бѣдствуя въ безземелии, покупаетъ участки у разночинцевъ по 80 и даже по 100 рублей за десятину.

Въ Камышинскомъ уѣздѣ, въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ селеній, крестьяне предъявляли тѣ же претензіи на всю землю помѣщика и Барановскому съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями, а равно и другими должностными лицами пришлось на холодѣ въ однихъ мундирахъ провести нѣсколько часовъ въ увѣщеваніи крестьянъ, при чемъ Барановскій, самый либеральнѣйшій губернаторъ, протестовавшій всегда противъ розогъ, тщетно пытался лаской и добромъ уговорить ихъ; но встрѣтивъ невѣжественныя и грубыя возраженія мужиковъ, на столько вышелъ изъ себя, что подскочивъ, вцѣпилъ въ бороду огромнѣйшаго мужика и повисъ на ней, такъ какъ самъ былъ очень малъ ростомъ.

Въ Балашевскомъ уѣздѣ, князь Васильчиковъ, служившій ранѣе начальникомъ конвоя въ Варшавѣ и бросившій блестящую коронную службу, чтобы принять должность мирового посредника, съ гуманной цѣлью посвятить себя благосостоянію крестьянъ. Въ виду чего онъ желалъ своимъ крестьянамъ кромѣ даровой усадьбы дать двойной надѣлъ, при чемъ одинъ изъ нихъ на выкупъ отъ правительства, а другой—даромъ. Когда же по случаю этого, княземъ Васильчиковымъ крестьяне были собраны въ церковь для благодарственного молебна за государя, и священникъ уже вышелъ въ полномъ облаченіи, то невѣжественная крестьянская толпа остановила священника въ его служеніи, сказавъ: «Погоди батька, мы еще подумаемъ, брать ли намъ эту землю, землемѣръ сказалъ, что земля отъ князя намъ отойдетъ вся».

Послѣ такой выходки, князь Васильчиковъ, отказавшись отъ своей гуманности, предоставилъ правительству дать надѣлъ крестьянамъ, за исключеніемъ одного небольшого общества, гдѣ подъ вліяніемъ старосты крестьяне воспользовались такой необыкновенной щедростью князя и теперь благоденствуютъ.

Конечно, не всѣ помѣщики сочувствовали крестьянской реформѣ, которая не только лишала ихъ привычныхъ правъ, чуть не владѣтельныхъ князей, но и сокращала въ нѣсколько разъ ихъ доходы. Особенно же не могли примириться съ этимъ нѣкоторые старыя помѣщицы. Въ Саратовѣ жила нѣкая Елена Андреевна Иванова, которую знала

вся губернія. Была она очень умна и богата и такъ сѣумѣла поставить себя среди мѣстнаго общества, что бывъ вдовой и бездѣтной сама ужъ ни къ кому не ѣздилъ, а каждый пріѣзжій изъ дворянъ считалъ себя обязаннымъ посѣщать ее, и матери привозили жениховъ своихъ дочерей представлять Ивановой. Приемы у нее гостей въ пятидесятыхъ годахъ отличались такой пышностью, что сѣзжавшіеся на выборы помѣщики, отправляясь къ ней, шутя говорили, что ѣдутъ ко двору. И вотъ, эта Елена Андреевна, въ гостиной которой нерѣдко сѣзжались губернаторы и архіереи, дѣлая при каждомъ удобномъ случаѣ крупныя пожертвованія на благотворительныя учрежденія и храмы, выстроила даже на свой собственный счетъ вблизи своего дома извѣстную въ Саратовѣ Покровскую церковь со всей ея обстановкой, въ которую она, несмотря на то, что приходилось только перейти улицу, имѣла обыкновеніе пріѣзжать къ обѣднѣ въ каретѣ четверикомъ съ фореиторомъ и двумя ливрейными лакеями на запяткахъ. Въ церкви ея устроено было для себя особое мѣсто, съ большими креслами на богатомъ коврѣ. Торжественныя посѣщенія ея церкви сопровождались всегда обильной данью и по ея приказанію лакеи ставили множество свѣчей различнымъ святымъ по рангамъ—кому толстыя, кому тонкія. Послѣ освобожденія крестьянъ, Иванова вздумала запрещать священникамъ этой церкви звонить 19-го февраля въ ея большой колоколъ, но такъ какъ это не было исполнено, то она не только лишила причтъ ежегоднаго отъ себя вспомошествованія, но, не считая возможнымъ уничтожить духовное завѣщаніе, по которому она отказывала въ пользу этой церкви свои городскіе дома и многое другое, такъ какъ завѣщаніе было подписано почетными лицами, Елена Андреевна въ своемъ негодованіи бросила свой роскошный домъ, съ паркетными полами и бархатными обоями, сдавъ его даромъ своему бывшему крѣпостному подъ столярную мастерскую, тогда какъ сдавая его подъ квартиры она могла получать до полутора тысячъ въ годъ.

Послѣ чего, эта оригинальная помѣщица хотя и чувствовала значительное сокращеніе доходовъ отъ своихъ имѣній, но никакъ не могла свыкнуться съ новымъ положеніемъ и продолжала жить по старому, оставаясь попрежнему щедрой на благотворительность, имѣя кромѣ различной прислуги еще домашняго секретаря, изъ бывшихъ судебныхъ слѣдователей, которому платила на всемъ готовомъ 100 рублей въ мѣсяцъ, затѣмъ домашняго врача и казначея. Прожила она довольно долго и хотя подъ-конецъ ослѣпла на оба глаза, но до смерти оставалась очень остроумной и саркастичной, была всегда окружена интеллигенціей, которая сильно побаивалась ея язычка. При чемъ сама она никогда до самой ея смерти не упоминала имя императора и при ней никто не смѣлъ говорить о 19-мъ февраля.

Послѣ смерти Елены Андреевны Ивановой оказалось, что ежели бы она прожила хотя бы еще одинъ мѣсяцъ, то не только ея штату, но и ей самой нечего было бы ѣсть.

II.

Введеніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ.—Характеристика земскихъ собраний.—Покушеніе Каракозова на жизнь императора Александра II.—Посылка предводителей Саратовской губерніи въ Петербургъ.—Встрѣча съ М. Н. Муравьевымъ.—Представленіе депутаціи государю.—Коммиссія о городской реформѣ.—Введеніе въ дѣйствіе судебныхъ учрежденій.—Мировые судьи и оригинальное отношеніе нѣкоторыхъ къ своимъ обязанностямъ.—Рекрутскіе наборы.

Въ 1864 году я былъ предводителемъ дворянства въ Саратовскомъ уѣздѣ и мнѣ приходилось очень часто исправлять должность предводителя губернскаго и сталкиваться по разнымъ вопросамъ съ губернаторомъ княземъ Щербатовымъ. Онъ, видимо, не забылъ моей службы въ Кузнецкѣ и особенно эстафеты къ министру П. А. Валуеву, о чемъ, при всей своей врожденной деликатности и мягкости характера, часто напоминалъ мнѣ, высказывая желаніе, чтобы между нами впредь существовало согласіе, тѣмъ болѣе, что послѣ крестьянской эмансипаціи уже готовился рядъ другихъ реформъ въ государствѣ.

26-го мая 1865 года, согласно высочайшему повелѣнію, въ уѣздахъ Саратовской губерніи были открыты подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ предводителей особая коммиссія по введенію въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Коммиссія по Саратовскому уѣзду закончила свои работы 8-го апрѣля 1866 года и въ томъ же году открыты были первыя очередныя земскія собранія. Собранія эти въ то время представляли собою необычное зрѣлище, въ виду соединенія въ нихъ всѣхъ сословій въ одну группу. Крестьянинъ не только чувствовалъ себя неловкимъ, сидя рядомъ съ своимъ бывшимъ помѣщикомъ, но и, ободряемый ласковымъ разговоромъ послѣдняго, готовъ былъ каждый разъ вставать при своихъ ему отвѣтахъ; о заявленіи же своего мнѣнія крестьянами тогда не могло быть и рѣчи. Это непривычное равенство членовъ земскаго собранія наэлектризовывало нѣкоторыхъ интеллигентныхъ гласныхъ къ игрѣ въ парламентъ, и, дарованное земское самоуправленіе, при недостаточномъ еще знакомствѣ съ его положеніемъ, безпрестанно порождало неумѣстныя желанія и противозаконныя требованія, такъ что обязанности предводителя дворянства, какъ предсѣдателя собранія, были тогда чрезвычайно трудными. Никогда я не забуду бурной сцены въ первомъ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи по поводу

требованія гласнаго И. И. Буковского, чтобы исправники избирались земствомъ. Этотъ гласный никакъ не хотѣлъ помириться съ мыслью, что права земскихъ собраній тѣсно обозначены въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ и, бывъ поддерживаемъ гласнымъ А. А. Исѣвымъ, вошелъ въ такой азартъ, что, размахивая стуломъ надъ головами своихъ сосѣдей, грозилъ своимъ оппонентамъ, на что послѣдніе отвѣчали тѣмъ же, и среди гласныхъ поднялся такой шумъ и гвалтъ, что я, какъ предсѣдатель, долженъ былъ на нѣкоторое время закрыть собраніе.

Годичная сѣмѣ расходовъ урѣзывалась гласными до послѣдней степени и не составляла и десятой части нынѣ существующихъ расходовъ земства. Особаго земскаго врача для Саратовскаго уѣзда собраніе назначить не пожелало и пригласило для завѣдыванія земской медициной уѣзднаго врача съ добавленіемъ за это къ его казенному жалованію лишь нѣсколькихъ сотъ рублей. При выборѣ же перваго состава уѣздной земской управы съ трудомъ могли найти лицъ, согласившихся принять на себя обязанности предсѣдателя и членовъ, какъ за скуднымъ содержаніемъ, которое имъ было предназначено, такъ и по боязни принять на себя совершенно новое дѣло. Первымъ предсѣдателемъ саратовской уѣздной земской управы былъ избранъ одинъ изъ весьма незначительныхъ въ то время по состоянію дворянъ Д. Ю. Лупандинъ, который нигдѣ ранѣе не служилъ, но впоследствии получилъ громкую извѣстность при проведеніи саратовско-тамбовской земской желѣзной дороги.

Слѣдующій 1866 годъ ознаменовался тяжелымъ событіемъ перваго покушенія на жизнь Царя-Освободителя. И особенно тяжело было саратовцамъ, такъ какъ преступленіе 4-го апрѣля совершено было дворяниномъ Саратовской губерніи Каракозовымъ. Пораженное этимъ ужаснымъ происшествіемъ наше дворянство, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что преступникъ не былъ еще утвержденъ Сенатомъ дворяниномъ нашей губерніи, тутъ же отреклось отъ него, но небольшая поземельная собственность семейства преступника въ Сердобскомъ уѣздѣ и существованіе его фамиліи въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ въ это время одинъ изъ его родственниковъ Каракозовъ былъ даже предводителемъ дворянства, ставило всѣхъ насъ въ исключительно печальное положеніе. Вспоминаю, какъ вскорѣ за этимъ ужаснымъ происшествіемъ съ поникшей головой отправлялись по Волгѣ всѣ предводители и депутаты дворянства Саратовской губерніи въ Петербургъ бить челомъ государю. Поѣздка эта была очень оригинальна. Впопыхахъ мы передъ отъѣздомъ забыли отслужить напутственный молебенъ и вспомнили объ этомъ лишь подплывая къ городу Вольску, гдѣ для того на пароходъ и былъ приглашенъ священникъ. Затѣмъ, съ благословеніемъ Божиимъ, всѣ мы тогда размѣстились по каютамъ и мнѣ пришлось занять каюту съ бывшимъ въ то время губернскимъ предводителемъ Слѣпцовымъ, на долю

*

котораго выпадало произнести слово государю императору. Рѣчь эту (нѣ составилъ совмѣстно съ своимъ зятемъ полковникомъ генеральнаго штаба Немировичемъ-Данченко, который въ качествѣ депутата дворянства также отправлялся съ нами. Послѣдній экзаменовалъ въ каютѣ нашего губернскаго предводителя по нѣсколько разъ въ день, а иногда даже и далеко за полночь, когда мы были уже въ постели, что невольно заставило даже и меня выучить рѣчь наизусть. Слѣпцовъ, какъ губернский предводитель, конечно, былъ особенно озабоченъ исходомъ нашей поѣздки, и потому все, что насъ касалось, его крайне беспокоило. Самъ онъ не носилъ ни усовъ, ни бороды, и такъ какъ въ то время бороды были еще запрещены дворянамъ, то онъ и уговорилъ остальныхъ предводителей и депутатовъ обрить ихъ, но бритыя фizioноміи получили затѣмъ наполовину сивій цвѣтъ, что заставило нѣкоторыхъ изъ нашей депутаціи по-очередно, сидя на кормѣ парохода, коптить на солнышкѣ свои подбородки. Я же, привыкшій носить бороду со времени моей службы на Кавказѣ, гдѣ въ то время это было дозволено, рѣшился остаться съ бородой, что и было причиной волненій Слѣпцова въ продолженіе всей дороги.

На половинѣ пути по Волгѣ на нашъ пароходъ пересѣлъ отозванный въ Петербургъ, герой Ташкента, генераль Черняевъ. Въ немъ мы встрѣтили крайне симпатичнаго человѣка, почему остальной путь по Волгѣ и сопровождался по-очередно даваемыми ему нами обѣдами и его отвѣтными завтраками, но въ Москвѣ мы съ нимъ разстались. Тутъ мы растерялись въ поѣздахъ желѣзной дороги и лишь встрѣтились въ Петербургѣ, въ заранѣе приготовленной для насъ гостиницѣ Belle-Vue. Официальными нашими визитами въ столицѣ были представленія всей депутаціей министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву и прибывшему изъ Западнаго края М. Н. Муравьеву, которому было высочайше поручено разслѣдованіе дѣла Каракозова. Его небольшая, довольно полная фигура съ цухленькими руками представляла собой далеко не того Муравьева, который слылъ грозой Западнаго края. Совершенно напротивъ, его привѣтливость и мягкость въ разговорѣ заставляли сомнѣваться въ розсказняхъ о его жестокостяхъ. Въ небольшой, но уютной гостиной этого сановника мы провели въ бесѣдѣ около получаса, и провожая насъ, онъ стоялъ въ дверяхъ залы до тѣхъ поръ, пока мы одѣлись и вышли.

Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней намъ дано было знать, что государю угодно принять насъ въ Царскомъ Селѣ, одновременно съ депутаціей отъ города Саратова и отъ дворянства Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи, къ средѣ котораго уже принадлежалъ пожалованный званіемъ дворянина извѣстный Комисаровъ. Къ предводителямъ и депутатамъ дворянства Саратовской губерніи присоединились еще двое находив-

шихся въ это время въ Петербургѣ нашихъ дворянъ: Кривскій и Аплечеевъ, которые, не имѣя при себѣ мундировъ, представлялись во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Въ Царскомъ въ громадныхъ залахъ дворца мы дождались окончанія обѣдни, послѣ которой и послѣдовалъ парадный выходъ ихъ величества. Ровно въ 11 часовъ камердинеръ государя извѣстилъ насъ, что ихъ величества идутъ изъ церкви, и едва депутаціи стали по мѣстамъ, какъ государь подъ-руку съ императрицей и въ сопровожденіи августѣйшей семьи вошелъ въ залъ. Ихъ величества прежде всего подошли къ намъ и государь взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ произнесъ:

— Вы, предводители, всѣ пріѣхали, благодарю васъ. Я понимаю ваше горе и самъ, какъ дворянинъ, вполне раздѣляю его, но семья не безъ урода, и потому совершенное злодѣяніе не должно касаться дворянства, въ преданности котораго я вполне увѣренъ.

На это мы всѣ единогласно отвѣтили, что между преступникомъ и дворянствомъ Саратовской губерніи ничего нѣтъ общаго и что преданное дворянство готово пожертвовать жизнью для его величества. Затѣмъ государь, выслушивая фамилии нашихъ предводителей, милостиво объяснилъ, подойдя къ аткарскому уѣздному предводителю Каракозову, что, согласно ходатайства послѣдняго, уже сдѣлано распоряженіе по департаменту герольдіи о предоставленіи ему фамилии Михайлова-Рославлева. Далѣе государь уже одинъ обошелъ нашу городскую депутацію и затѣмъ принялъ отъ буйскаго дворянства большую икону, и, подойдя къ Комисарову, который стоялъ въ концѣ этой депутаціи, пожалъ ему руку. Въ это время императрица бесѣдовала съ саратовцами, а стоявшіе вдали, еще совсѣмъ юный наследникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великіе князья, пристально вглядывались въ нашу депутацію, которая представляла большой контрастъ съ буйцами. Тогда какъ саратовцы, за исключеніемъ двоихъ, были сильнаго сложенія, очень большого роста, съ усами и бакенбардами; буйцы же — наоборотъ, какъ нарочно, всѣ были чрезвычайно маленькіе и съ выбритыми лицами, такъ что даже неособенно рослый Комисаровъ стоялъ выше ихъ на цѣлую голову. Послѣ этого представленія намъ были предоставлены придворные экипажи для осмотра достопримѣчательностей города и затѣмъ состоялся для депутаціи обѣдъ во дворцѣ. Затѣмъ депутація наша пробыла въ Петербургѣ лишь нѣсколько дней и передъ отъѣздомъ въ Саратовъ еще разъ была у министра Валуева, причемъ онъ спрашивалъ меня, намѣренъ ли я воспользоваться его рекомендаціей на мѣстнику Царства Польскаго и начальнику Западнаго края, отъ которыхъ мнѣ было предложено черезъ саратовскаго губернатора занять тамъ правительственную должность, но я отвѣтилъ, что, бывъ заинте-

ресованъ предстоящими реформами, желалъ бы еще послужать дворянству.

Вскорѣ послѣ этого, по распоряженію правительства, начались подготовительныя работы по предполагаемой городской реформѣ, и 8-го іюля 1866 года въ Саратовѣ была открыта коммиссія изъ представителей всѣхъ сословій города, со включеніемъ городского головы и полиціймейстера. Въ составѣ этой коммиссіи въ числѣ лицъ, назначенныхъ отъ правительства, находился и извѣстный писатель Д. Л. Мордовцевъ. На обязанности коммиссіи лежало пересмотрѣть высочайше утвержденное Положеніе 1839 года о доходахъ и расходахъ города Саратова. И такъ какъ предсѣдательство было возложено на губернскаго предводителя дворянства, то на мою долю, какъ исправлявшаго въ то время эту должность, и выпало открыть коммиссію въ зданіи городской думы.

По произведенному секретно отъ меня представленію губернатора и губернскаго предводителя, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ меня письмомъ продолжать начатыя въ ней занятія, почему я и предсѣдательствовалъ въ коммиссіи съ 8-го іюля 1866 г. по 25-е января 1868 г. Занятія коммиссіи были чрезвычайно сложными и возбуждали много пререканій, и такъ какъ въ нее входило до 30-ти лицъ, то мною она и разбита была на нѣсколько подкоммиссій, занимавшихся отдѣльно въ моей квартирѣ. Правительство, озабоченное скорѣйшимъ введеніемъ городской реформы, нерѣдко справлялось о ходѣ и результатахъ занятій, а затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ даже поспѣшить окончаніемъ работъ; въ виду этого я, въ свою очередь, торопилъ коммиссію, почему даже и вышелъ курьезный эпизодъ подачи на меня жалобы членами коммиссіи отъ купечества о томъ, что я не пускаю ихъ на Нижегородскую ярмарку.

Предсѣдательство въ этой коммиссіи, предоставивъ въ мое распоряженіе всѣ документы городского архива, дало мнѣ возможность начать крайне серьезное и большое дѣло по производившемуся до того времени обложенію городомъ Саратовымъ 291-го дворянскихъ имѣній Саратовскаго уѣзда государственнымъ налогомъ въ пользу города, который дѣлалъ это, основываясь на указѣ императора Петра I, пожаловавшаго Саратову земли въ окружности на 80 верстъ безъ мѣры, что составляло до 200.000 десятинъ; тогда какъ послѣдующими указами государей большая часть этой земли была пожалована дворянамъ, чиновному люду и казакамъ, а также заселялась государственнымъ и удѣльными крестьянами. Кромѣ того, нѣсколько изъ образовавшихся впоследствии уѣздовъ Саратовской губерніи подошли къ городу Саратову не далѣе 50-ти-верстнаго расстоянія, и многія изъ этихъ дворянскихъ имѣній уже перешли по продажѣ лицамъ другихъ сословій, и

при генеральномъ межеваніи ясно опредѣлено было указомъ, что и затѣмъ у города Саратова остается 84.000 десятинъ. Но городская дума, составлявшая смѣты обложеній, и губернское правленіе, до городской реформы утверждавшее эти смѣты, почему-то о томъ прималчивали; и этотъ, возбужденный мною процессъ, невольно затронувшій подлежащія власти, обрушилъ на мою голову цѣлый рядъ неудовольствій, а губернаторъ, князь Щербатовъ, состоя дворяниномъ Саратовскаго уѣзда, продолжалъ еще три года послѣ того отбывать по своимъ мнѣніямъ этотъ городской налогъ. Но, несмотря на всѣ каверзы и интриги противъ меня и значительные расходы города по веденію этого дѣла, на которое дворянство не истратило ни одной копейки, такъ какъ я велъ дѣло это самъ, безъ участія адвоката, указомъ Сената отъ 30-го октября 1872 года за № 34471, дѣло это было мною выиграно, и дворянство Саратовскаго уѣзда перестало быть данникомъ города Саратова.

Реформы императора Александра II быстро шли одна за другой. Едва успѣвала одна комиссія кончать свои работы, какъ открывалась новая, и съ 27-го августа по 20-е декабря 1868 года уѣздные предводители Саратовской губерніи работали уже по введенію въ дѣйствіе судебныхъ учреждений, и предсѣдательство по комиссіи Саратовскаго уѣзда также лежало на мнѣ. Въ экстренномъ земскомъ собраніи Саратовскаго уѣзда 19-го мая 1869 года послѣдовалъ первый выборъ мировыхъ судей какъ участковыхъ, такъ и почетныхъ, гдѣ въ числѣ прочихъ и я былъ избранъ въ почетные судьи, а въ іюнь того же года на первомъ сѣздѣ мировыхъ судей—и въ предсѣдателя этого сѣзда. Но такъ какъ въ томъ же году 6-го октября я былъ избранъ предсѣдателемъ земской управы, то мнѣ и пришлось занимать одновременно три должности и вдобавокъ, какъ уѣздному предводителю губернскаго города, часто и на продолжительные сроки исправлять должность губернскаго предводителя дворянства.

Чтобы ознакомиться съ обязанностями мировыхъ судей и ихъ сѣзда на практикѣ, мнѣ пришлось побывать въ Петербургѣ, гдѣ, присмотрѣвшись къ засѣданіямъ столичнаго мирового сѣзда, я позаимствовался настольнымъ реестромъ доктора государственнаго права мирового судьи Неклюдова, котораго, въ бытность мою предводителемъ въ Кузнецкѣ, я зналъ тамъ еще молодымъ студентомъ.

Сформировать первый составъ мировыхъ судей было не легко, такъ какъ дворянство еще не утратило въ то время своихъ традицій, по которымъ каждый стремился служить въ военной службѣ, а гражданская не была въ фаворѣ, какъ теперь; повтому большинство судей оказалось совершенно не подготовленными къ этой службѣ.

Въ виду сокращенія при этой реформѣ на половину числа мировыхъ

посредниковъ, служба которыхъ безъ особой протекціи ничѣмъ не награждалась, послѣдніе всѣ и пошли въ мировые судьи. Въ городѣ же заняли эту должность преимущественно отставные офицеры, пережившіеся на мѣстныхъ дворянкахъ, два учителя, чиновникъ, бывшій прежде уѣзднымъ судьей, и, наконецъ, изъ мѣстныхъ дворянъ гарнизонный прапорщикъ, служившій ранѣе по выборамъ дворянства председателемъ уголовной палаты. Что же касается почетныхъ судей, то затрудненій при выборѣ ихъ не оказалось.

Съѣздъ мировыхъ судей въ Саратовѣ, какъ новинка гласнаго суда, первые годы очень интересовала общество, и судебное зало, въ которомъ тогда засѣдало не менѣе 10—15 судей, каждый разъ было наполнено публикой, ожидавшей какого-нибудь скандальнаго дѣла. Тяжбы крестьянъ между собою, какъ и теперь, принадлежали разбору волостнаго суда и съѣзда мировыхъ посредниковъ, а потомъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Вскорѣ затѣмъ я, какъ председатель саратовскаго съѣзда мировыхъ судей, озаботился самъ ознакомиться на мѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ мировыхъ судей въ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что отъ одного изъ нихъ вовсе не поступало дѣлъ въ съѣздъ, и натолкнулся при этомъ на одинъ удивительный фактъ. Приѣзжаю я къ одному мировому судѣе и застаю разборъ имъ судебного дѣла между крестьянами на крыльцѣ; при чемъ онъ былъ въ халатѣ изъ термаламы, въ туфляхъ на босую ногу, съ папирсой во рту и съ судейской цѣпью на шеѣ. Пораженный такой необычной обстановкой суда, гдѣ не было ни стола, ни клочка бумаги, я дождался окончанія дѣла, которое судья, недолго думая, приказалъ сторонамъ покончить миромъ, и, сказавъ мнѣ съ улыбкой, что дѣла у него всегда такъ скоро кончаются, пригласилъ меня затѣмъ къ себѣ въ домъ. Находясь въ крайнемъ недоумѣніи, я объяснилъ ему о серьезной отвѣтственности, которой онъ можетъ быть подвергнутъ, ежели дойдетъ до начальства о такихъ его судебныхъ разборахъ, и просилъ показать мнѣ настольный реестръ и входящія и исходящія книги, но тутъ я увидѣлъ нѣчто уже совсѣмъ невѣроятное, — книги оказались совершенно чистыми и слѣдовъ судебного дѣлопроизводства никакихъ не было. Пораженный всѣмъ этимъ до крайности и боясь отвѣтственности съѣзда за подобные порядки, я указалъ на неприятыя послѣдствія быть за это подъ судомъ. Послѣ чего этотъ одинъ изъ образованнѣйшихъ мировыхъ судей и незамедлилъ выйти въ отставку.

Съ нѣкоторыми изъ городскихъ мировыхъ судей также не обходилось безъ курьеза. Такъ, одинъ изъ нихъ, отставной подполковникъ А..., имѣлъ обыкновеніе всегда представлять подлежащія разбору съѣзда свои дѣла передъ самымъ съѣздомъ и всегда забывалъ подписывать

свою фамилію. Онъ былъ до невѣроятности вспыльчивъ и разсѣянъ. Въ сѣздѣ являлся въ парикѣ задомъ напередъ и съ обожженными губами отъ паширось, которыя онъ безпрестанно бралъ въ ротъ не тѣмъ концомъ. Послѣдствіемъ его вспышекъ были неоднократныя жалобы въ сѣздѣ отъ лицъ, являвшихся къ нему съ просьбами, и которыхъ онъ выталкивалъ въ шею, если они приходили съ задняго крыльца. Ранѣе г. А... служилъ въ артиллеріи, послѣ Крымской войны велъ батарею въ Саратовъ и, подходя къ деревнѣ Идолгѣ, былъ встрѣченъ у ветхаго проселочнаго моста становымъ приставомъ. Неурочность моста взволновала А... и онъ, въ пылу своего негодованія, приказалъ своей командѣ привязать становаго пристава подъ орудіе за шею на веревку и такимъ образомъ, съ приставомъ на четверенькахъ, провелъ батарею черезъ мостъ. Исторія эта, въ свое время, надѣлала много шума и была замята бывшимъ саратовскимъ губернаторомъ Игнатьевымъ по просьбѣ начальника артиллерійской дивизіи.

Другой изъ городскихъ мировыхъ судей Аристовъ, кандидатъ правъ университета, служившій передъ тѣмъ судьей г. Ташкента, держалъ для порядка въ своей камерѣ отставнаго изъ моряковъ унтеръ-офицера, котораго называлъ Волкодавомъ, и какъ только кто-либо изъ публики во время суда нарушалъ тишину, Аристовъ кричалъ: «возьми его», и Волкодавъ, хватая за шиворотъ на кого было указано, вытаскивалъ изъ камеры и безцеремонно спускалъ его съ лѣстницы на улицу. Подобныя выходки сходили судѣ съ рукъ до тѣхъ поръ, пока онъ однажды во время суда, разсердившись на адвоката, снялъ съ себя судейскую цѣпь и при всей публикѣ отдулъ его, приказавъ Волкодаву также спустить его съ лѣстницы, а одного мѣщанина, дозволившаго себѣ громко разговаривать во время суда, поставилъ тутъ же на судѣ въ уголъ носомъ. Когда же мировой судья Аристовъ былъ преданъ за это суду, то онъ сдѣлалъ для своихъ товарищей большой обѣдъ, на которомъ, пропоясь, съ бокаломъ въ рукѣ, сказалъ: «Меня хотятъ выгнать изъ службы, но я ихъ надую, возьму да и умру!»—что дѣйствительно черезъ три недѣли послѣ того и случилось, такъ какъ Аристовъ былъ въ злѣйшей чахоткѣ.

Земство, забавляясь подобными выходками, продолжало избирать такихъ лицъ на разныя серьезныя должности, почему тотъ же подполковникъ А... впослѣдствіи служилъ еще четыре трехлѣтія председателемъ уѣздной земской управы и, несмотря на то, что во время своей службы роздалъ крестьянамъ безъ особенной надобности почти весь хлѣбъ изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ, такъ что голодный годъ засталъ населеніе въ ужасномъ положеніи, земство выбрало его председателемъ управы и на пятое трехлѣтіе. Когда же губернаторъ не утвердилъ его въ этой должности, то земское собраніе выдало г. А... въ

награду за доблестную службу 3.000 руб., о чемъ, въ свое время, писалось очень много даже въ столичныхъ газетахъ.

Второй составъ мировыхъ посредниковъ въ Саратовскомъ уѣздѣ оказался довольно сноснымъ, такъ какъ онъ принадлежалъ сравнительно къ людямъ также пожилымъ, но въ другихъ уѣздахъ назначалась молодежь, вслѣдствіе чего встрѣчались крупныя исторіи. Такъ, въ одномъ изъ уѣздовъ попалъ въ посредники Д. К.—ынъ, прямо съ университетской скамьи. Этотъ 25-ти лѣтній юноша, нахватавшись новыхъ вѣяній и красуясь появившимся тогда нигилизмомъ, явился передъ народомъ какимъ-то удалымъ малымъ; участокъ свой онъ объѣзжалъ въ кучерской поддевкѣ верхомъ, въ казачьемъ сѣдлѣ, съ нагайкой въ рукахъ, что для непривычныхъ глазъ крестьянъ казалось дикимъ, такъ какъ они привыкли видѣть въ прежнихъ мировыхъ посредникахъ своихъ старыхъ помѣщиковъ, съ извѣстнымъ авторитетомъ и при солидной обстановкѣ. Такая большая власть, дарованная неопытному, нигдѣ еще не служившему юношѣ, ударила ему въ голову и онъ, видимо, въ нормальномъ состояніи, обревизовывая однажды подвѣдомственные ему волостныя правленія и найдя тамъ безпорядки, припечаталъ своей должностною печатью бороды всѣхъ старшинъ къ столамъ волостныхъ правленій, при чемъ послѣднимъ и пришлось высидѣть въ такомъ неудобномъ положеніи болѣе сутокъ, пока г. К.—ынъ не освободилъ ихъ. А такъ какъ объ этомъ обстоятельствѣ тутъ же было доведено до свѣдѣнія губернскаго начальства, то г. К.—ынъ старался объяснить это сильными приливами къ головѣ и нѣкоторое время дѣйствительно находился на излеченіи въ городской больницѣ. По освидѣтельствованіи же его въ губернскомъ правленіи—сумасшедшимъ не оказался.

Незадолго передъ этимъ въ г. Саратовѣ впервые было открыто уѣздное рекрутское присутствіе подъ предсѣдательствомъ также уѣзднаго предводителя дворянства. И хотя подобныя присутствія до того времени существовали ранѣе въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, но уѣздныхъ рекрутскихъ присутствій въ губернскихъ городахъ не было, а они состояли тамъ при казенныхъ палатахъ, гдѣ даже существовало особое рекрутское отдѣленіе съ совѣтникомъ во главѣ.

И вотъ вспомню я, при какихъ условіяхъ пришлось открывать мнѣ впервые саратовское уѣздное рекрутское присутствіе въ зданіи городской думы. Тогда еще брили половину головы со стороны лба, тѣмъ, кто принимался въ рекруты, и брили затылокъ,—кто былъ забракованъ, и по залѣ то-и-дѣло раздавался возгласъ предсѣдателя: «любъ» или «затылокъ». Въ первомъ случаѣ, поступавшіе въ рекруты съ бритымъ лбомъ брались тутъ же подъ надзоръ находившагося въ присутствіи военнаго приѣмщика, а освобожденные отъ рекрутчины съ бритыми затылками, выскакивали на улицу и нерѣдко отъ радости совершенно нагіе

бѣжали зимой по городу, такъ что полиція нарочно ставилась въ большомъ количествѣ, чтобы ихъ ловить.

Пока рекрутскія присутствія находились при казенныхъ палатахъ. взятка тамъ доходила до ужасающихъ размѣровъ, послѣдствіемъ чего и было то обстоятельство, что во время рекрутскаго присутствія подъ моимъ предсѣдательствомъ мнѣ каждый день приходилось отправлять къ губернатору князю Щербатову для преслѣдованія, съ составленнымъ актомъ, стариковъ-крестьянъ, приносившихъ богатые дары по нѣсколькось рублей, запечатанныхъ въ конверты, или цѣлые цибикки чая съ нѣсколькими штукаами голландскаго полотна, а также пудами паюсную искру и проч., проч., чтобы только высвободить ихъ сыновей отъ рекрутства. Затѣмъ подобныя явныя приношенія прекратились, но продолжали процвѣтать въ средѣ осматривавшихъ рекрутовъ врачей, и былъ такой случай: однажды мнѣ пришлось, въ противность заявленія врача о болѣзненномъ состояніи освидѣтельствованнаго крестьянина сильнаго сложенія, принять его въ рекруты подъ моей личной отвѣтственностію какъ предсѣдателя. Когда онъ былъ принятъ, старикъ, его отецъ, упавъ передъ присутствующими въ ноги, со слезами обратился къ этому врачу, прося возвратить ему полученные 600 рублей. Старикъ былъ въ лаптяхъ и въ рубищѣ, объяснивъ что онъ все продалъ, чтобы собрать эти деньги за сына. Деньги ему были возвращены врачомъ, который, до того служа въ губернскомъ земствѣ, немедленно, навсегда оставилъ Саратовъ, избѣжавъ должной отвѣтственности благодаря лишь мягкосердечію князя Щербатова. Но я не могъ умолчать объ этомъ и сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву, отъ котораго и было получено распоряженіе о передачѣ мнѣ на слѣдующее время списка всѣхъ врачей города какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, съ правомъ назначенія ихъ для участія въ рекрутскомъ присутствіи внѣ очереди. А такъ какъ и послѣ этого было много подозрительныхъ случаевъ отправленія врачами въ больницу рекрутовъ для испытанія, подъ видомъ разныхъ внутреннихъ болѣзней, то, чтобы рекруты не знали, кто изъ врачей будетъ назначенъ присутствовать, я долженъ былъ наканунѣ по вочамъ самъ, когда уже все спало, развозить съ своимъ письмоводителемъ повѣстки врачамъ.

Всѣ эти порядки окончились въ послѣдствіи, при реформѣ существующихъ нынѣ присутствій по всеобщей воинской повинности. И мнѣ пришлось участвовать при введеніи этой реформы уже въ качествѣ члена губернскаго присутствія по должности губернскаго предводителя дворянства.

В. А. Шомпулевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сатира на князя Н. Гр. Рѣпина.

Знаменитый князь Н. Гр. Рѣпинъ, въ бытность малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, являлся постояннымъ защитникомъ того края, которымъ онъ начальствовалъ. Это доставило ему громадную популярность въ Малороссіи, усвоенную широкимъ образомъ жизни, не покинувшую его и тогда, когда онъ, выйдя въ отставку, поселился въ принадлежавшемъ ему м. Яготинѣ, Полтавской губерніи. Я въ дѣтствѣ слышалъ частые рассказы стариковъ-родственниковъ о постоянныхъ поѣздкахъ малороссійскихъ помѣщиковъ въ Яготинъ на поклонъ къ князю; а ко дню его именинъ къ нему съѣзжались выдающіеся помѣщики нѣсколькихъ ближайшихъ губерній. Въ Яготинѣ князь Рѣпинъ и скончался; тѣло же, по его завѣщанію, было погребено въ Густынскомъ монастырѣ, близъ г. Прилукъ (Полтавской же губ.), гдѣ у князей Рѣпинныхъ фамильный склепъ.

Но дѣятельность князя Рѣпина, какъ правителя Малороссіи, встрѣчала и осужденіе; одинъ изъ хулителей его и сложилъ печатаемую сатиру, которая, въ крайне плохой и неисправной копіи, сохранилась въ бумагахъ бывшаго черниговскаго губернатора Ал. П. Бутовича, нынѣ принадлежащихъ правнуку его В. Н. Бутовичу и переданныхъ мнѣ на разсмотрѣніе.

Князю Рѣпину.

Были князя

Наукъ и правоты друзья;
А нынѣ времена не тѣ уже настали:
Князь любить только балы.
Напрасно музыка огромная гремитъ,
Народа вопль и стонъ насъ болѣе разитъ.
Безмозглы головы, картежники, плуты,
Насталъ, къ несчастію, теперь вамъ вѣкъ златый:
Малороссійскій князь друзьями васъ считаетъ,
Для васъ свой долгъ и честь, и правду забываетъ.
Но что я говорю! О, Господи, прости!
Онъ отъ усердія доставитъ вамъ кресты!

Римованіе словъ: настали и балы, прости и кресты — показываетъ, что настоящий пасквиль сочиненъ малороссою.

Сообщ. Ал. Марковичъ.

Императоръ Павелъ I и англичане.

(Извлеченіе изъ дописаній Витворта).

I.

В Кончина Екатерины II и вступленіе на престолъ Павла I. въ исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей царствованіе императора Павла, несмотря на свою кратковременность, представляетъ особенный интересъ: Россія постепенно втягивается въ борьбу за чуждые ей интересы и защищаетъ ихъ съ самоотверженіемъ. На этомъ пути легко было уклониться отъ унаслѣдованныхъ историческихъ традицій и увлечься несбыточными иллюзіями. Гораздо реальнѣе и послѣдовательнѣе была вѣдшая политика Англіи и въ эту эпоху опредѣленнѣе сказывается ея основной и неизмѣнный до нашихъ дней характеръ: обезпеченіе собственныхъ интересовъ, ни на что не взирая и какими бы то ни было средствами.

6 (17) ноября 1796 г., въ четвергъ, пополудни, въ три четверти десятаго скончалась императрица Екатерина II. На другой же день послѣ ея смерти англійскій посолъ въ Петербургъ Карлъ Витвортъ эстафетой за № 57 ¹⁾ сообщилъ своему правительству нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни русской императрицы и началъ новаго царствованія. «Всѣ, кто видѣлъ императрицу въ послѣдній вторникъ, — пишетъ Витвортъ лорду Гренвиллю, — никогда не замѣчали ее болѣе веселой и оживленной, какъ она была въ этотъ день утромъ и вечеромъ. Ночью (т. е. съ 4-го на 5-е ноября) императрица спала очень хорошо и по обыкновенію встала въ среду, между 6 и 7 часами, пила кофе и за-

¹⁾ Дешети Витворта извлечены изъ Лондонскаго государственнаго архива (Publ. Rec. Off) Russia св. № 157 и др.

тѣмъ немного писала, какъ и всегда посвящая себя литературному труду въ утренніе часы, слишкомъ раніе для ея министровъ. Легкое расстройство желудка повторялось наканунѣ и въ этотъ день, не имѣя характера болѣзни, а императрица даже и не жаловалась на испытываемую ею колику ¹⁾). Однако, когда государыня удалилась въ свой кабинетъ — окружавшія ея лица стали беспокоиться, замѣчая, что она остается тамъ долѣе обыкновеннаго, и потому спустя полчаса открыли двери и нашли императрицу, лежащую на полу со всѣми признаками сильной апоплексіи. Помощь немедленно была оказана, всѣ средства обычныя въ этихъ случаяхъ были примѣнены, но безъ успѣха. ²⁾ Отъ перваго удара и до послѣдней минуты императрица не открывала глазъ, находясь въ состояніи летаргическаго забытья и въ послѣднюю ночь въ десять часовъ безъ четверти эта несравненная государыня закончила свое блестящее царствованіе».

Англійскій представитель сожалѣлъ о смерти Екатерины II въ виду выраженнаго ею рѣшенія принять участіе въ борьбѣ съ Франціей и отправить союзникамъ на помощь вспомогательный корпусъ. Теперь будущее оставалось неизвѣстнымъ, судьба русской внѣшней политики зависѣла отъ личныхъ взглядовъ новаго монарха, и Витвортъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы выяснитъ себѣ настроеніе русскаго государя и симпатіи окружающихъ его лицъ. Императоръ ненавидитъ демократическія тенденціи, и склоненъ къ ихъ подавленію еще болѣе, чѣмъ покойная государыня, сообщаетъ онъ въ той же депешѣ отъ 6 (17) ноября. «О своей странѣ онъ (т. е. Павель) болѣе дурного мнѣнія, чѣмъ даже она того заслуживаетъ (!)». Павель былъ убѣжденъ, что умы народа были заражены все-таки яacobинскими принципами, и эта зараза коснулась и арміи, которая, по его мнѣнію, пришла въ упадокъ и требовала реформъ. Вообще надежда на общій образъ дѣйствія въ войнѣ съ Франціей представлялась слабою.

II.

Присяга императору Павлу.—Представленіе новому императору дипломатическаго корпуса.—Личныя перемѣны.—Бумаги императрицы Екатерины.— Освобожденіе плѣнныхъ поляковъ.—Завѣщаніе императрицы.

Въ тотъ же день (6 ноября), въ началѣ двѣнадцатаго часа, генераль-прокуроръ графъ Самойловъ прочелъ въ придворной церкви манифестъ,

¹⁾ Въ общемъ, сообщеніе Витворта напоминаетъ извѣстную записку гр. Ѳ. В. Раstopчина, напечат. въ арх. кн. Воронцова, кн. VIII, стр. 153—174.

²⁾ По свидѣтельству гр. Раstopчина, докторъ Рожерсонъ пустилъ кровь, приложилъ шпанскія мухи, но былъ однако же съ прочими докторами того мнѣнія, что ударъ былъ въ голову и смертельный. Арх. кн. Воронцова VIII стр. 160.

возвѣщавшій о кончинѣ государыни императрицы Екатерины II и о вступленіи на престолъ императора Павла Петровича. Затѣмъ началась присяга. Первою присягала императрица Марія Ѳеодоровна, за нею объявленный наслѣдникомъ цесаревичемъ Александръ Павловичъ съ супругою, потомъ Константинъ Павловичъ съ супругою, великія княгиня, духовенство во главѣ съ митрополитомъ Гаврииломъ и прочія знатныя особы, находившіяся въ то время въ церкви Зимняго дворца.

Принесеніе присяги въ столицѣ какъ военными, такъ и гражданскими лицами происходило въ полномъ порядкѣ и спокойствіи ¹⁾, но въ то же время англійскій дипломатъ не могъ не замѣтить, что городъ быстро мѣнялъ свою внѣшнюю физіономію. Императоръ издавалъ новыя распоряженія о дисциплинѣ и обмундированіи войскъ. На первомъ вахтъ-парадѣ Павелъ Петровичъ былъ уже въ прусскомъ мундирѣ, который одѣли на себя и тѣ, кто желалъ выслужиться передъ нимъ. «Однимъ словомъ,—говоритъ Витвортъ,—дворъ и городъ приняли совершенно военный характеръ и мы съ трудомъ можемъ убѣдить себя, что мы находимся въ Петербургѣ, а не гдѣ нибудь въ Потсдамѣ».

9-го ноября, въ воскресенье, состоялся первый приемъ дипломатическихъ представителей. «Въ 11 часовъ, по словамъ камеръ-фурьерскаго журнала, въ кавалерской комнатѣ собрались всѣ знатныя, имѣющія входъ за кавалергардовъ, а равно и придворныя обоюгаго пола особы, прочія же, не имѣющія права быть за кавалергардами и господа послы, и чужестранные министры собрались въ кавалергардской комнатѣ». Изъ пословъ государь обратился прежде всѣхъ къ гр. Кобенцелю и съ удовольствіемъ отзывался о добрыхъ отношеніяхъ, существующихъ между Россіей и Австріей. Шведскому послу Павелъ Петровичъ сказалъ: *vous nous endendrons j'espère, monsieur l'ambassadeur* ²⁾. Рядомъ со шведскимъ посломъ стоялъ Витвортъ, и государь къ нему обратился со слѣдующими словами: *vous pouvez être sûr, monsieur, que je conserverai avec soin les relations qui existent entre nos deux pays et qui seront également utiles pour tous les deux* ³⁾. Подобное привѣтствіе Павелъ высказалъ и прусскому посланнику генералу гр. Тауэнцину, причемъ всѣ эти фразы на дипломатическихъ представителяхъ произвели такое впечатлѣніе, какъ будто бы онѣ заранѣе были выучены и сказаны въ такой формѣ, чтобы «не дать кому либо повода торжествовать или жаловаться».

¹⁾ Въ депешахъ Витворта есть указанія на волненія среди крестьянъ, вызванныя принесеніемъ присяги и слухами объ ихъ освобожденіи.

²⁾ Надѣюсь, мы сговоримся, г. посоль!

³⁾ Будьте увѣрены, м. г., что я постараюсь сохранить отношенія, существующія между двумя странами, и одинаково для нихъ обѣихъ полезныя.

Согласно своимъ инструкціямъ, дипломатическіе агенты Англій обязаны были обращать свое вниманіе и изучать характеръ, привычки лицъ, окружавшихъ монарха съ тѣмъ, чтобы при случаѣ воспользоваться ихъ услугами, получить отъ нихъ полезныя свѣдѣнія, или сдѣлать имъ соотвѣтствующія собственнымъ интересамъ внушенія. Пока въ новой средѣ Витвортъ не имѣлъ еще такихъ преданныхъ себѣ друзей, онъ не требовалъ для себя и чрезвычайныхъ кредитовъ, какъ это сдѣлалъ Кейтъ (въ 1762 г. ¹), и ограничивался однимъ перечисленіемъ новыхъ назначеній и наградъ.

«Императоръ, пишетъ онъ, объявилъ себя шефомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ, и изъ нихъ первымъ будетъ лично командовать, а остальными — великіе князья, его сыновья». Адъютантами назначены Плещеевъ, Шуваловъ, Растопчинъ и Куселевъ. Князь Бяратинскій и генералъ Пассекъ удалены отъ двора вслѣдствіе прикосновенности къ событіямъ послѣднихъ дней жизни Петра III. Для сообщенія иностраннымъ дворамъ о смерти императрицы Екатерины II опредѣлено было послать слѣдующихъ лицъ, камергеровъ: князя Михаила Голицына — въ Вѣну, Дмитрія Нарышкина — въ Берлинъ, графа Сергѣя Головкина — въ Стокгольмъ, Бибикова — въ Штутгартъ и Дурново — къ епископу Любекскому.

Орденъ св. Анны раздѣленъ на три степени ²) и имъ награждены лица, засвидѣтельствовавшія свою преданность Павлу въ то время, когда онъ былъ еще великимъ княземъ. Орденъ Св. Екатерины былъ пожалованъ гр. Ливень (7-го ноября).

8-го ноября гр. Николай Салтыковъ сдѣланъ фельдмаршаломъ. Императоръ разбиралъ бумаги покойной государыни и нашелъ нѣсколько уже подписанныхъ указовъ о наградахъ и милостяхъ и въ числѣ ихъ указъ объ освобожденіи всѣхъ плѣнныхъ поляковъ. Дѣйствительно ли существовалъ подобный указъ ³) — рѣшить

¹) Ср. указъ о переводѣ къ нему 100 тысячъ фунтовъ стерл. для секретныхъ расходовъ въ монахъ Матер. (Русскіе дил. агенты въ Лондонѣ въ XVIII в., т. II, стр. 98).

²) Статутъ ордена былъ изданъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года.

³) О бумагахъ покойной императрицы существуютъ рассказы, не лишены интереса. По камеръ-фурьерскому журналу, Павелъ Петровичъ еще 6-го ноября, взявъ императорскую печать, приказалъ «всѣ находящіяся въ кабинетѣ ея величества бумаги государскихъ дѣлъ собрать въ одно мѣсто и оныя запечатать, къ чему приступилъ и самъ, начавъ собирать оныя прежде всѣхъ». То же передаетъ и гр. Растопчинъ въ своей запискѣ (Арх. кн. Воронцова, кн. VIII, стр. 167). Но Саблуковъ передаетъ, хотя и со словъ другихъ лицъ, что «императоръ (Рус. Арх. 1869, 1887) дѣятельно занимался жженіемъ бумагъ ч документовъ въ кабинетѣ Екатерины II». Какъ бы дополняя эти слова

трудно, но весьма возможно, что въ первое время своего царствованія императоръ Павель высказывалъ взгляды на польскій вопросъ диаметрально противоположныя тѣмъ, которыхъ придерживалась покойная императрица. Какъ бы то ни было въ субботу 15-го (26 го) ноября императоръ въ сопровожденіи блестящей свиты и наслѣдника Александра Павловича прибылъ во дворецъ Орлова и, войдя въ комнату, въ которую переведенъ былъ Костюшко ¹⁾ изъ крѣпости—сказалъ ему: «генералъ, я пришелъ возвратить тебѣ свободу!» Подлинный разговоръ, происходившій между императоромъ и Костюшкою на французскомъ языкѣ, былъ записанъ кн. Гагаринымъ, но этотъ текстъ не сохранился и извѣстенъ лишь въ переложеніи на польскомъ языкѣ въ музеѣ Костюшки (въ Варрегсвул'ѣ на берегу Цюрихскаго озера). Освобождая И. Потоцкаго, Павель высказалъ свой взглядъ на будущее Польши. «Я всегда былъ (сказалъ онъ по свидѣтельству Нѣмцевича) противникомъ раздѣловъ Польши и считалъ его одинаково несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ. Для возстановленія Польши необходимо соглашеніе трехъ державъ, но согласится ли на то Австрія? Пруссія еще менѣе. Долженъ ли я ради Польши объявить имъ войну? Государство мое и безъ того уже послѣ продолжительныхъ и напрасныхъ войнъ нуждается въ отдыхѣ. Вамъ нужно подчиниться печальной необходимости» ²⁾.

Согласно высочайшему повеленію, гр. Раstopчянъ предложилъ гр. Воронцову оказать содѣйствіе Костюшкѣ при проѣздѣ его изъ Англии въ Америку, но такъ какъ Костюшко медлилъ своимъ отъѣздомъ, то вскорѣ навлекъ на себя нерасположеніе императора, и черезъ короткое время въ своемъ указѣ (отъ 29-го іюля 1798 г.) Павель называетъ его «варушителемъ своей присяги» ³⁾.

англійскій изслѣдователь Jouneville, основываясь на какихъ то другихъ данныхъ, утверждаетъ, что будто бы еще въ послѣдніе часы жизни императрицы Павель получилъ черезъ гр. Безбородко духовное завѣщаніе Екатерины II, хранившееся въ Сенатѣ, и собственноручно сжегъ его. Уничтоженъ былъ и другой экземпляръ того же завѣщанія, находившійся на сохраненіи у Московскаго митрополита Платона.

¹⁾ Нѣкоторые рассказываютъ, что освобожденія Костюшки состоялось по ходатайству сенатора Илинскаго. Днемъ освобожденія г. Шильдеръ считаетъ воскресенье 16-го (27-го) ноября, но вышеприведенная дата точнѣе, и ее принимаетъ и польскій историкъ г. Корзонъ: *Koscisko, Zyciorys z dokumentow wyputy przez K. Krakow 1894, s. 471.* Кромѣ того Витвортъ въ своей депешѣ отъ 15-го (26-го) ноября т. г. (за № 60) сообщилъ уже лорду Гренвиллю, что His Imperial Majesty has been pleased to restore the liberty all the Polish Prisoners of War, and the Prisoners of State Kosciusko and Count Ignac Potoski the former unconditionally the latter upon the security of some of his relations and of others of the chief there Polish nobility now in this capital.

²⁾ Корзонъ, Биографія Костюшки (на пол. яз.) стр. 476.

³⁾ Арх. кн. Воронцова, кн. XI, стр. 263.

III.

Перемены въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.—Друзья Витворта.—Вышняя политика императора Павла.—Участіе въ коалиціи противъ Франціи.

Англійское правительство, судя по первымъ его рескриптамъ къ Витворту, настоятельно желало знать, какое направленіе приметъ вышняя политика новаго царствованія. Личный составъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, повидимому, былъ скорѣе за союзъ съ Англіей, чѣмъ противъ нея. Одинъ изъ вліятельныхъ членовъ прошлаго царствованія А. И. Марковъ впалъ въ немилость, безличный Остерманъ получилъ «звание канцлера съ рангомъ фельдмаршала», но болѣе важную роль въ дѣлахъ призванъ былъ играть гр. А. А. Безбородко, о которомъ англійскій консулъ Итонъ (Етон), близко знавшій графа, сообщалъ въ письмѣ, отъ 21-го декабря 1796 г., что гр. Безбородко сторонникъ союза съ Англіей. Впрочемъ съ графомъ Безбородкомъ Витвортъ предпочиталъ поддерживать официальные сношенія, болѣе же близкими его друзьями были: князь Александръ Куракинъ и Екатерина Ивановна Нелидова ¹⁾ въ началѣ царствованія, гр. Никита Петровичъ Панинъ ²⁾, Ольга Александровна Жеребцова ³⁾—въ концѣ. Получая подробныя свѣдѣнія о томъ что происходитъ при дворѣ, Витвортъ замѣчаетъ, что направленіе вышней политики новаго царствованія всецѣло зависитъ отъ личнаго настроенія монарха, и что онъ одинъ является главнымъ ея руководителемъ. Императоръ не желалъ вышиваться въ борьбу съ Франціей, но онъ не сочувствовалъ и ненавидѣлъ якобинскіе принципы и являлся какъ бы естественнымъ защитникомъ тѣхъ, кто пострадалъ отъ революціи. «Имя въ виду благородныя намѣренія императора—пишетъ Витвортъ лорду Гренвиллю 3-го января 1797 года — я обратился къ нему съ просьбою о помощи оставшемуся безъ всякихъ средствъ къ жизни герцогу Полиньяку, ходатайствуя за него черезъ посредство князя Куракина, этого достойнаго министра своего монарха». Просьба Витворта была удовлетворена, и государь пожаловалъ Полиньяку въ потомственное владѣніе имѣніе, приносящее въ годъ 1000 фунт. ст. (т. е. около 10.000 руб. по курсу того времени).

Подъ вліяніемъ настойчивыхъ представленій Лондонскаго и Вѣн-

¹⁾ Объ участіи ея въ заключеніи коммерческой конвенціи отъ 10(21)го февраля 1797 г., см. депешу Витворта отъ 27-го февраля т. г. Витвортъ сообщаетъ, что онъ далъ Нелидовой будто бы 30.000 рублей.

²⁾ Тѣсная дружба Витворта съ гр. Панинымъ продолжалась болѣе 10 лѣтъ и отчасти подъ ея вліяніемъ гр. Панинъ пришелъ къ мысли объ учрежденіи регенства.

³⁾ Подр. см. въ ст. Адрианова. „Ист. Вѣст.“ 1895 г., дек. 844—865.

скаго кабинетовъ, искусныхъ происковъ французскихъ эмигрантовъ, а отчасти и образа дѣйствій французскаго правительства—императоръ рѣшился примкнуть къ коалиціи противъ Франціи. Онъ проникся убѣжденіемъ, что его призваніе состоитъ въ томъ, чтобы возстановить поверженные троны и алтари, разрушенные французскою революціею, дѣлая все возможное для внушенія правилъ безкорыстія и честности. Вскорѣ однако пришлось убѣдиться, что Пруссія уклоняется отъ борьбы съ Франціей и въ то же время ищетъ расширенія своей территоріи, основываясь на Базельскомъ мирѣ (5-го августа 1795 г.). Австрія преслѣдовала свои корыстные виды въ Италіи и на Рейнѣ, оставляя русскія войска въ Швейцаріи въ безпомощномъ положеніи. Чѣмъ болѣе императоръ возмущался образомъ дѣйствій Австріи—тѣмъ болѣе онъ стремился найти поддержку въ политикѣ Англіи, забывая что и послѣдняя пошла на отчаянную борьбу съ Франціей исключительно во имя собственныхъ, британскихъ интересовъ. Разрывъ и съ Англіей становился неизбѣжнымъ.

IV.

Опала Витворта.—Бѣгство Лизакевпча изъ Лондона.

Первоначально императоръ благосклонно относился къ Витворту, пожаловалъ ему даже вопреки желанію англійскаго правительства большой крестъ Мальтійскаго ордена (въ концѣ 1798 г.) и обсуждалъ съ нимъ планъ общей борьбы съ Франціей. Въ ноябрѣ (1799 г.) въ Петербургѣ уже замѣчали, что къ Витворту не благоволятъ. Рескриптомъ отъ 1-го февраля 1800 г. Павелъ потребовалъ отозванія Витворта изъ Петербурга, «желая избѣгнуть неприятныхъ послѣдствій, какія могутъ произойти отъ дальнѣйшаго пребыванія лживыхъ министровъ». Въ чемъ же заключалась «лживость» Витворта, или быть можетъ эти слова относились не къ личности Витворта, а имѣли въ виду общее направленіе вѣннской политики Лондонскаго двора. Возможно, кажется, одно предположеніе, а именно, что императору Павлу удалось получить свѣдѣнія о тѣхъ депешахъ Витворта, въ которыхъ послѣдній мрачными красками рисовалъ душевное состояніе императора. Вотъ чѣмъ объясняются рескрипты къ графу Воронцову ¹⁾, въ которыхъ Павелъ требовалъ назначенія другого представителя, о которомъ долженъ

¹⁾ Извлеченія изъ рескриптовъ см. въ нашемъ изслѣдованіи „Русскіе дипломаты въ Лондонѣ. въ XVIII в.“ т. I, стр. 75—77.

былъ предварительно донести въ Петербургъ графъ Воронцовъ. Въ началъ мая Витвортъ опасался даже за собственную безопасность, сложилъ всё свои вещи въ сундуки, отобралъ важнѣйшія бумаги въ посольскомъ архивѣ и со-дня-на-день готовился къ отъѣзду изъ Петербурга.

13-го мая императоръ Павелъ приказалъ графу Растопчину объявить англійскому посланнику, что «его величество позволяетъ ему ѣхать». Витвортъ надѣялся, что ему разрѣшать оставить своего повѣреннаго въ дѣлахъ Casanajor, и даже получилъ на это согласіе. 24-го мая (4-го іюня) Витворту было объявлено новое повелѣніе, гласившее: «почитая за обиду непосѣщеніе министра Гельса послу (т. е. русскому) барону Будбергу въ Стокгольмѣ (опредѣлено), дабы и повѣренный въ дѣлахъ англійскій здѣсь не оставался».

Почти одновременно опала постигла и графа С. Р. Воронцова. Императоръ былъ недоволенъ имъ за то, что онъ не настаивалъ на быстромъ замѣщеніи Витворта и съ похвалою отзывался о русскихъ офицерахъ, которымъ французское правительство предлагало перейти къ себѣ на службу по примѣру поляковъ. 4-го апрѣля 1800 г. графу Воронцову предложено было «просить увольненія отъ службы съ ношеніемъ мундира». Сообщая своему другу объ этой постигшей его немилости, графъ Растопчинъ писалъ Воронцову (въ шифрахъ): «видите ли, что долженъ я подписывать и могу ли оставаться! Если съ вами такъ обращаются, то какая будущность можетъ меня ожидать. Сердце мое обливается кровью, соболѣзнуя о васъ. Орошаю слезами ваши руки. Будемъ плакать вмѣстѣ. Дѣлать нечего».

Согласно высочайшему повелѣнію графъ Воронцовъ 4-го (15-го) мая 1800 г. представилъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лизакевича англійскому королю въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ и ввѣрилъ ему храненіе дѣлъ посольскаго архива. Лизакевичу, однако, не долго пришлось исправлять свои обязанности. 17-го (28-го) сентября курьеръ привезъ къ нему письмо отъ Растопчина, отъ 28-го августа, съ извѣщеніемъ о наложеніи въ Россіи эмбарго на имущество англичанъ и съ предписаніемъ уѣхать изъ Англии, какъ можно скорѣе. Лизакевичъ ¹⁾ быстро собрался къ отъѣзду изъ Англии, немедленно занялъ у банкира Нанпан'а 250 фунт. стерл., самъ приготовилъ для себя паспортъ (подъ вымышленнымъ именемъ), посольскія бумаги передалъ на храненіе священнику Я. И. Смирнову, и на другой же день 18-го (29-го) сентября (въ 2 часа дня) выѣхалъ изъ Лондона въ Ярмутъ съ тѣмъ, чтобы оттуда пере-

¹⁾ Высочайшій приказъ о переводѣ его въ Данію былъ подписанъ 13-го сентября т. г.

ѣхать въ Данію. На случай, если бы англичане узнали объ его отъѣздѣ, Смирнову поручено было отвѣчать, что Лизакевичъ уѣхалъ въ деревню.

V.

Первое и второе эмбарго.—Второй вооруженный нейтралитетъ.—Нотификація о смерти императора Павла.

Когда Лизакевичъ уѣхалъ изъ Англіи, въ Лондонѣ не было ни одного официальнаго представителя Россіи, и въ виду этого императоръ Павелъ высочайшимъ рескриптомъ (отъ 29-го сентября 1800 г.) повелѣлъ обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ исправлять священнику посольской церкви Я. И. Смирнову. Въ новѣйшей исторіи дипломатическихъ сношеній это былъ первый случай порученія подобнаго рода духовному лицу, но слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія особенности этого назначенія: въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ Смирновъ *de jure* не былъ признанъ со стороны англійскаго правительства, никакихъ вѣрительныхъ грамотъ онъ не получалъ и не представлялъ, хотя *de facto* поддерживалъ сношенія съ англійскимъ министерствомъ. Последнее установило даже за Смирновымъ тайный надзоръ, лишившій его возможности выѣхать изъ Англіи. Смирновъ сознавалъ вполне свое безвыходное положеніе: «если двинусь (т. е. попытаюсь уѣхать)—посадятъ въ тюрьму», писалъ онъ своему другу и благодѣтелю графу С. Р. Воронцову.

Съ разрывомъ дипломатическихъ сношеній на политическомъ горизонтѣ обрисовывалась новая война и притомъ съ могущественнѣйшею морскою державою. Послѣ пораженія французскаго флота при Абукирѣ (1-го августа 1798 г.) англійскій флотъ безконтрольно господствовалъ на моряхъ. Онъ по прежней своей системѣ захватывалъ новыя базы и не выказывалъ уваженія къ правамъ нейтральнаго флага. 13-го (25-го) іюля 1800 г., при входѣ въ Ламаншъ, англичане остановили торговый транспортъ датскихъ судовъ. Транспортъ слѣдовалъ подъ конвоемъ военнаго фрегата «Фрея» (*da Freya*), которымъ начальствовалъ капитанъ Крабе. Англичане потребовали осмотра судовъ, въ чемъ капитанъ отказалъ, заявивши, что на судахъ нѣтъ контрабанды. Вслѣдствіе такого отказа, вполне притомъ законнаго, англичане открыли пальбу по датскимъ судамъ, которая продолжалась 25 минутъ. Вслѣдствіе понесенныхъ потерь «Фрея» спустила флагъ и была захвачена англичанами. Путемъ подобнаго рода дѣйствій англійское правительство желало внушить страхъ Даніи и тѣмъ отвлечь ее отъ союза съ

Россіей. Въ Англіи не безъ основанія боялись образованія новой лиги сѣверныхъ державъ. И дѣйствительно, по словамъ Бернсдорфа, еще въ началѣ года король прусскій доказывалъ императору Павлу необходимость образованія общаго союза сѣверныхъ державъ, какъ объ этомъ сообщалъ Убри графу Панину, въ депешѣ отъ 11-го (23-го) февраля 1800 г. О происшествіи съ Краббе, датское правительство довело до свѣдѣнія императора черезъ Розенкранца нотою отъ 8-го (20-го) августа того же года. Розенкранцу было предписано освѣдомиться, въ какой степени датское правительство могло разсчитывать на помощь Россіи въ томъ случаѣ, если Великобританія откажетъ дать удовлетвореніе и доведетъ дѣло до крайности. Данія надѣялась, что Россія поддержитъ ее въ дѣлѣ защиты правъ нейтральныхъ и возстановитъ систему, которая является ея твореніемъ и составляетъ предметъ ея (т. е. Россіи) славы. Въ отвѣтѣ, сообщенномъ датскому посланнику 11-го августа, императоръ выражалъ свое согласіе принять подъ свою защиту торговлю нейтральныхъ державъ, но подъ условіемъ, чтобы Данія раздѣляла взгляды его императорскаго величества по этому предмету и вошла бы вмѣстѣ съ Швеціей и Пруссіей въ составъ лиги, которая заставитъ (другія державы) уважать свои права и нейтральную торговлю. Къ этой лигѣ императоръ надѣялся привлечь и Турцію. 16-го августа была составлена графомъ Н. П. Панинымъ декларация ко дворамъ: датскому, прусскому и шведскому, въ коей русскій императоръ выражалъ твердое намѣреніе возстановить во всей силѣ прежніе принципы вооруженнаго нейтралитета и обезпечить свободу морей. Конвенціи этого второго вооруженнаго нейтралитета были подписаны 4-го (16-го) декабря 1800 г. съ Даніей и 6-го (18-го) декабря—съ Пруссіей. Важнѣйшую особенность этого акта въ отличіе отъ перваго вооруженнаго нейтралитета (1780 г.) составляетъ опредѣленіе, по которому осмотръ судовъ не допускается, если офицеръ, командующій конвоемъ, объявитъ, что на судахъ вѣтъ контрабанды. По мысли императора репрессивныя мѣры противъ англичанъ шли еще далѣе.

Дабы обуздать своеволие англичанъ на морѣ—императоръ Павелъ повелѣлъ наложить эмбарго на суда англичанъ. Въ субботу, 25-го августа 1800 г., чины полиціи обошли дома англичанъ, жившихъ въ Петербургѣ, и потребовали отъ нихъ явиться въ тотъ же день къ 10 часамъ въ домъ военнаго губернатора, генерала-отъ-инфантеріи Н. С. Свѣчина. Въ назначенный часъ собралось до 50 англичанъ во главѣ съ Александромъ Шерпомъ, исправлявшимъ обязанности консула за отсутствіемъ своего брата, находившагося въ Лондонѣ. Свѣчинъ объявилъ англичанамъ, что на ихъ имущество, находящееся въ Россіи, налагается арестъ вслѣдствіе насильственнаго образа дѣйствій англійскаго правительства по отношенію къ датчанамъ и блокады Зунда, чѣмъ въ значи-

тельной степени подрывается торговля нейтральныхъ державъ въ Балтійскомъ морѣ. Каждому изъ англичанъ предложено было указать цѣнность своего имущества, и сколько кому кто долженъ былъ изъ русскихъ. Такъ какъ не всѣ англичане представили требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія, то 28-го августа полиція отобрала у нихъ торговыя книги. На слѣдующій день уполномоченные отъ Коммерцъ-коллегии спрашивали объясненій у Шерпа, но ничего не добились и, кромѣ того, въ тотъ же вечеръ Свѣчинъ прислалъ Шерпу увѣдомленіе, что эмбарго снимается ¹⁾, и торговыя сношенія могутъ продолжаться безъ перерыва. Пока императоръ считалъ возможною успѣшную борьбу съ властолюбіемъ Англіи при помощи общезданныхъ и общепризнанныхъ юридическихъ нормъ, каковыя и нашли свое выраженіе въ вышеупомянутыхъ деклараціи и конвенціяхъ второго вооруженнаго нейтралитета.

Самый ходъ событій не благоприятствовалъ мирному разрѣшенію столкновеній между Россіей и Англіей. Вопреки договору 19-го (30-го) декабря 1798 г., 5-го сентября (1800) англичане заняли Валетту своими войсками и подняли тамъ британскій флагъ. Сдача Мальты англичанамъ вызвала противъ послѣднихъ крайнее раздраженіе императора Павла. Онъ былъ гроссмейстеромъ (великимъ магистромъ) этого ордена и придавалъ ему важное политическое значеніе.

Въ его глазахъ этотъ уцѣлѣвшій въ Европѣ остатокъ рыцарства являлся представителемъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, естественнымъ противникомъ революціи, отъ которой онъ пострадалъ, врагомъ новыхъ демократическихъ ученій, съ которыми императоръ велъ борьбу ²⁾. Для англичанъ же, какъ и для Наполеона, Мальта имѣла прежде всего стратегическое значеніе, какъ база операціонныхъ дѣйствій флота, который жаждетъ господствовать въ Средиземномъ морѣ. По мнѣнію лорда Нельсона, обладаніе Мальтой обезпечиваетъ за англичанами безопасный путь въ Индію, преобладаніе въ Левантѣ и господство въ южной Италіи и Средиземномъ морѣ. Ту же мысль высказывали и другіе англичане, напр., Пофемъ, лордъ Эльджинъ, бывший посломъ въ Константинополь, и Витвортъ въ депешѣ изъ Петербурга отъ 3-го (15-го) мая 1800 г. ³⁾.

¹⁾ О наложеніи и снятіи эмбарго въ Кронштадтѣ, см. „Рус. дипл. агенты въ Лондонѣ“, т. I, стр. 81.

²⁾ По вѣрному замѣчанію Бруннова, на Мальтійскій орденъ императоръ смотрѣлъ, какъ на послушничество, въ которомъ дворянство всѣхъ европейскихъ странъ должно было почерпать чувство чести и вѣрности, необходимыя ему, чтобы противиться воцаренію идеи равенства, которая уже готова была охватить всѣ слои общества. Изъ записки барона Бруннова (Шильдеръ, „Императоръ Александръ I“, т. I, стр. 195, прим. 343).

³⁾ Витвортъ цѣнилъ и торговое значеніе Мальты, чему у насъ не придавали цѣны и дѣло объ учрежденіи факторіи на Мальтѣ приказано было считать оконченнымъ. („Арх. Там. Деп.“ № 369).

Уже въ то время у выдающихся государственныхъ людей Англіи складывается убѣжденіе, что Россія, посягая на Турцію, угрожаетъ Индіи.

Немедленно по полученіи извѣстія о сдачѣ Мальты, императоръ Павелъ, указомъ отъ 23-го октября, наложилъ новое эмбарго на суда и имущество англичанъ. Цѣлый рядъ другихъ репрессалій слѣдовало за этимъ указомъ, что составляетъ отличительную особенность этого эмбарго. Англійскіе магазины въ Петербургѣ были опечатаны, англійскіе купцы обязаны были подпиской представить опись своего имущества и капиталовъ («имѣнія своего балансы») и дать ручательство въ томъ, что до новаго указа они не будутъ заниматься торговлей. 19-го ноября изданъ указъ о непускѣ въ Россію англійскихъ кораблей, 22-го ноября опредѣлено приостановить уплату долговъ англичанамъ, а для конкурснаго расчета съ ними учреждены такъ называемыя ликвидационныя конторы въ Петербургѣ, Архангельскѣ и Ригѣ, на обязанности которыхъ лежало завѣдываніе, помимо уплаты долговъ, сохраненіемъ и продажей конфискованныхъ у англичанъ товаровъ. На рѣшеніе конторы апелляціи не полагалось. Англійскія суда, находившіяся въ Кронштадтѣ, были задержаны, матросовъ и капитановъ сослали во внутреннія города Россіи—Тверь, Смоленскъ и др. Въ судьбѣ послѣднихъ А. Шерпъ принималъ близкое участіе: онъ покупалъ для нихъ теплое платье, кибитки, выдавалъ имъ деньги на дорогу, а въ Лондонѣ секретно сообщалъ, что положеніе дѣлъ достигло крайнихъ предѣловъ и въ скоромъ времени должно измѣниться.

Борьба между тѣмъ грозила принять обширные размѣры, благодаря сближенію, до сихъ поръ не вполне выясненному, Павла съ Наполеономъ. Въ ноябрѣ (1800 г.) императоръ Павелъ совѣтуетъ маркизу Траверсе приготовиться къ борьбѣ съ англичанами будущей весной и укрѣпить Роченсальмъ. Позже Павелъ давалъ ему болѣе подробныя указанія относительно обороны Кронштадта. Рескрипты къ русскимъ дипломатическимъ агентамъ составлялись въ томъ же смыслѣ и съ высочайшаго соизволенія препровождались къ нимъ (въ Копенгагенъ, Константинополь, Стокгольмъ и др.) съ требованіемъ энергическаго противоудѣйствія видамъ англичанъ. «Всѣ силы и средства мои употреблю,—писалъ Тамара изъ Перы ¹⁾, 2-го (14-го) декабря 1800 года, — во исполненіе второго высочайшаго предписанія вашего императорскаго величества, отъ 26-го октября, о прилежномъ надзираніи за англичанами въ разсужденіи ихъ видовъ достигнуть до исключительнаго владычества на моряхъ притѣсненіемъ всякаго посторонняго кораблеплаванія и расположенія турокъ въ пользу Россіи», т. е. обѣщая имъ освобожденіе Египта. 31-го декабря въ своемъ письмѣ къ генералу Сухтелену императоръ

¹⁾ Тур. д. т. г. въ „Моск. Арх. М. И. Д.“.

дасть ему совѣтъ, какъ позаботиться о защитѣ Соловецкаго монастыря ¹⁾. Но наибольшее значеніе онъ придавалъ предположенному имъ походу на Индію ²⁾. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его собственноручные рескрипты къ атаману войска Донскаго, генералу-отъ-кавалеріи Орлову I. Въ первомъ изъ нихъ государь писалъ: «англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ—шведовъ и датчанъ. Я и готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе, и гдѣ меньше ожидаютъ», т. е. въ Индіи. Имѣлось въ виду не столько завоеваніе, сколько приведеніе ея въ зависимость отъ Россіи, т. е. установленіе русскаго протектората надъ индійскими владѣтельными князьями и развитіе выгодныхъ для Россіи торговыхъ сношеній съ Индіей. Въ отвѣтъ на желаніе перваго консула заключить скорый и неизмѣнный союзъ двухъ державъ, т. е. Россіи и Франціи—императоръ Павелъ отвѣчалъ 2-го (14-го) января 1801 г. согласіемъ и даже просилъ Бонапарта (въ письмѣ отъ 15-го (27-го) января 1801 г.) сдѣлать что-нибудь на берегахъ Англіи, дабы тѣмъ заставить ее раскаться въ своемъ деспотизмѣ и въ своемъ высокомеріи.

Озлобленіе англичанъ противъ Россіи и раздраженіе англійскихъ государственныхъ людей, вызванное политическою системою Павла—казалось не знали границъ. 4-го декабря (1800 г.) лордъ Гренвиль объявилъ Бакстеру, что исполненіе имъ обязанностей въ качествѣ русскаго генеральнаго консула прекращается. Тщетно русскій генеральный консулъ увѣрялъ его, что онъ во все время своей почти 30 лѣтней службы имѣлъ въ виду болѣе интересы Англіи, чѣмъ Россіи—статсъ-секретарь остался при своемъ рѣшеніи. 5-го декабря по поводу задержанія въ Портсмутѣ русскаго судна («Благонамѣренный») въ кабинетѣ было рѣшено наложить эмбарго и захватывать всѣ русскія суда. Указомъ королевскимъ (отъ 14-го января) эмбарго было распространено на суда датскія и шведскія. 28-го февраля (12-го марта) сильная англійская эскадра, подъ начальствомъ опытныхъ адмираловъ Паркера и Нельсона, вышла изъ Ярмута въ Балтійское море. Лордъ Нельсонъ ³⁾ горѣлъ желаніемъ

¹⁾ Шильдеръ, „Имп. Александръ I“, стр. 203, т. I.

²⁾ Впервые планъ похода на Индію былъ предложенъ еще при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1791 г., см. „Рус. дипл. агенты въ Лондонѣ“, т. I, стр. 90, и депешу Витворта отъ 15-го апрѣля 1791 г. („Лонд. Гос. Арх.“ Publ. Rec. Off. Russia № 142).

³⁾ Въ своемъ письмѣ, отъ 5-го мая, къ Аддингтону лордъ Нельсонъ писалъ: „мы еще не знали (тогда) о смерти Павла, мое намѣреніе было пробиться къ Ревелю, прежде чѣмъ пройдетъ ледъ у Кронштадта, дабы уничтожить 12 русскихъ военныхъ кораблей. Теперь я пойду туда въ качествѣ друга“.

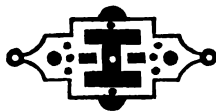
наказать Давію и Швецію и уничтожить русскій флотъ, зимовавшій въ Ревелѣ. Только неожиданная кончина императора Павла, въ ночь съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) марта, спасла Россію и Англію отъ дальнѣйшихъ тяжелыхъ осложненій. Курьеръ съ нотификаціей о восшествіи на престолъ императора Александра прибылъ въ Лондонъ ночью 1-го (13-го) апрѣля. Смирновъ тотчасъ же послалъ съ эстафетой къ гр. Воронцову письмо императора Александра, а нотификацію (написанную въ формѣ письма, а не грамоты) сообщилъ лорду Гауксбюри. Приводимъ текстъ этого письма, хранящагося въ Лондонскомъ государственномъ архивѣ (St. p. Russia № 170).

St.-Pétersbourg, 20 Mars 1801.

My Lord. Il a plu à l'Eternel de rappeler à Lui S. M. I. l'Empereur Paul I, décédé dans la nuit du 11 au 12 de ce mois d'un coup d'apoplexie et de réaliser les plus belles espérances du peuple Russe, en plaçant sur le trone l'auguste Alexandre. Les relations usitées ayant été interrompues entre nos deux cours par une suite d'événements inattendus, l'Empereur mon Maitre a jugé bon de faire parvenir la notification de son avènement au trone à S. M. Britanique, en m'ordonnant de l'adresser à Votre Excellence pour être transmise à sa destination.

Je saisis cette occasion pour Vous assurer de la haute consideration, avec laquelle j'ai l'honneur d'être, My Lord, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur le comte de Pahlen.

Проф. В. Александренко.

Алексеандръ Феодоровичъ Тюринъ.

(Биографическая замѣтка).

Въ каждомъ человѣкѣ, если глубоко и безпристрастно всмотрѣться въ него, найдется нѣчто такое, принадлежащее къ области качествъ нравственныхъ, чего нѣтъ въ насъ самихъ, и вотъ это нѣчто составляетъ его характеристику. Когда же мы замѣчаемъ въ человѣкѣ цѣлый рядъ нравственныхъ качествъ, влекущихъ къ нему души и сердца людей, обязанныхъ и не обязанныхъ находиться съ нимъ въ общеніи, тогда, въ отношеніи къ такому человѣку, едва ли можно ограничиться однимъ только внутреннимъ уваженіемъ и почитаніемъ благородной его личности. Память сердца побуждаетъ людей, находившихся въ общеніи съ такимъ человѣкомъ, огласить и сдѣлать общеизвѣстными достовѣрныя свѣдѣнія, касающіяся его личности и дѣятельности.

Такимъ человѣкомъ былъ умершій въ 1872 году, въ званіи сенатора, Александръ Феодоровичъ Тюринъ. Вотъ почему, вслѣдъ за его кончиною явилось въ печати нѣсколько биографическихъ о немъ замѣтокъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ изъ близко знавшихъ его лицъ, пожелавшихъ засвидѣтельствовать о высоконравственныхъ качествахъ этого замѣчательнаго человѣка, заявленныхъ въ общественной и частной его жизни.

Нынѣ же, на основаніи означенныхъ печатныхъ замѣтокъ, а также другихъ матеріаловъ (письменныхъ документовъ и достовѣрныхъ устныхъ сообщеній), представляется вниманію почитателей Александра Феодоровича краткій очеркъ жизни его и дѣятельности.

Александръ Феодоровичъ родился въ 1823 году. Воспитывался онъ сперва въ частномъ пансіонѣ въ Харьковѣ; потомъ въ Херсонской гу-

бернской гимназіи, директоромъ которой въ то время былъ отецъ его Теодоръ Леонтьевичъ (извѣстный тогда ученый математикъ), и заключилъ онъ свое образовательное воспитаніе въ памятномъ для харьковцевъ пансіонѣ Роберта. Въ 1839 г. Александръ Теодоровичъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Это былъ третій годъ по преобразованіи университета. На всѣхъ его факультетахъ въ числѣ профессоровъ находились еще многіе прежніе замѣчательные дѣятели (Кронебергъ, Павловскій, Луничъ, Мицкевичъ, Гордѣнко и друг.); стали являться и молодые ученые (Срезневскій, Ванцети, Валицкій и друг.), впослѣдствіи снискавшіе громкую извѣстность. Въ студентскихъ же рядахъ на всѣхъ факультетахъ оказывались люди, пришедшіе съ исключительною цѣлію учиться и сознаніемъ, что не своеволю и личное хотѣніе, а прочныя знанія, составляющія дѣйствительную силу, помогутъ быть полезными себѣ и другимъ. Къ этому кружку, изъ котораго вышло впослѣдствіи столько полезныхъ людей сороковыхъ годовъ, примкнулъ и Александръ Теодоровичъ, слушавшій курсъ юридическаго факультета. Впрочемъ и въ этомъ кружкѣ, кромѣ природныхъ дарованій и постоянно серьезнаго отношенія къ дѣлу ученія, молодой Тюринъ отличался своими привлекательными особенностями: преисполненною благодушія привѣтливостію и искренне-пріязненнымъ со всѣми общеніемъ, снискавшими общес къ нему расположеніе. Независимо отъ занятій по университету Александръ Теодоровичъ, обладая замѣчательными музыкальными способностями, старался объ ихъ развитіи съ особенною настойчивостію. Въ 1843 г. онъ окончилъ университетскій курсъ наукъ съ степенью кандидата правъ.

О первоначальной дѣятельности А. Θ. Тюриня по службѣ, въ которую онъ вступилъ въ концѣ 1843 г., свѣдѣнія весьма скудны. Извѣстно только, что сперва служилъ онъ въ канцеляріи Черниговскаго, Харьковскаго и Полтавскаго генераль-губернатора, а потомъ въ канцеляріи статсъ-секретаря у приватія прошеній, откуда выбылъ въ 1851 г., и что, за отличіе по службѣ, онъ пожалованъ въ титулярные совѣтники (въ 1846 г.) и подаркомъ (въ 1850 г.).

Къ тому же періоду времени, сколько извѣстно, относятся нѣкоторые изъ учено-литературныхъ трудовъ Александра Теодоровича по исторіи Русскаго права, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, равно и замѣчательное его сочиненіе: «Общественная жизнь и земскія учрежденія древней Руси».

Съ 18-го января 1851 г. по 16-ое мая 1852 г., А. Θ. Тюринъ состоялъ докладывающимъ на консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи. Въ это время онъ произведенъ за отличіе въ коллежскіе ассесоры. Такая награда, полученная въ этой должности, указываетъ на то, что при первой же возможности обнаружить свои

юридическія познанія и приложить ихъ къ дѣлу Александръ Ѳеодоровичъ съумѣлъ обратить особенное вниманіе на свои труды. Затѣмъ, бывъ причисленъ къ департаменту министерства юстиціи, онъ около двухъ лѣтъ занимался, подъ руководствомъ статсъ-секретаря графа Блудова, разными историко-юридическими работами. Эти работы настолько обращали на себя вниманіе графа Блудова, что онъ призналъ возможнымъ свидѣтельствовать объ ихъ достоинствѣ даже письменно. Такъ, въ письмѣ къ тогдашнему оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода отъ 4-го мая 1854 г. графъ Блудовъ заявлялъ, что Александръ Ѳеодоровичъ извѣстенъ ему не только по своей служебной дѣятельности, но и по весьма основательнымъ его сочиненіямъ, помѣщеннымъ въ періодическихъ изданіяхъ ¹⁾.

Въ 1854 г. А. Ѳ. Тюрицъ перемѣненъ на службу въ вѣдомство православнаго исповѣданія, гдѣ въ концѣ 1855 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника, назначенъ къ исправленію должности юрисконсульта при синодальномъ оберъ-прокурорѣ. Въ этой должности, заключающейся въ изготовленіи отъ имени оберъ-прокурора заключеній по присылаемымъ изъ Сенага дѣламъ, сопряженнымъ съ интересомъ духовныхъ учреждений, Александру Ѳеодоровичу представилась возможность проводить надлежащій судейскій взглядъ со стороны административнаго учрежденія, заинтересованнаго въ исходѣ дѣла. Эта заслуга, при тогдашнихъ условіяхъ направленія подобныхъ дѣлъ, настолько существенна, что на ней можно остановиться нѣсколько подробнѣе.

Служившимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ особенности въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, знакомо то особенное начало, какое вообще полагалось въ основу заключеній министерствъ и главныхъ управленій по дѣламъ, сопряженнымъ съ ихъ интересомъ. Отставаніе своихъ интересовъ, хотя бы къ тому не представлялось никакихъ юридическихъ основаній,—вотъ въ чемъ заключалась, по преимуществу, забота административныхъ учреждений при заявленіи ими Сенату своихъ заключеній. Въ особенности это замѣчалось по дѣламъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Повятно, что Сенатъ съ такими заключеніями могъ соглашаться въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Вслѣдствіе сего, дѣла переносились въ общее собраніе Сенага, иногда доходили даже до Государственнаго Совѣта, и такимъ образомъ замедлялись въ окончаніи нерѣдко на годъ и болѣе. Александръ Ѳеодоровичъ рѣшился дѣйствовать, насколько это отъ него зависѣло, въ другомъ направленіи. Въ письменныхъ докладахъ синодальному оберъ-прокурору Александръ

¹⁾ Къ сожалѣнію, за неподписаніемъ Александромъ Ѳеодоровичемъ сочиненій того времени своимъ именемъ остается неизвѣстнымъ, какія именно были это сочиненія.

Ѳеодоровичъ не затруднялся въ дѣлахъ, по которымъ духовныя учрежденія не имѣли достаточныхъ доказательствъ къ поддержанію своихъ правъ, разительно указывать на неосновательность исковъ сихъ учреждений. Но зато въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ права духовныхъ учреждений вытекали изъ юридическихъ основаній, какъ бы дѣла эти ни были сложны и трудны къ разработкѣ, Александръ Ѳеодоровичъ настолько старался выяснитъ эти права, что Сенату оставалось только соглашаться съ заключеніями синодальнаго оберъ-прокурора въ пользу духовныхъ учреждений.

Въ 1857 году А. Ѳ. Тюринъ, по волѣ своего начальства, долженъ былъ измѣнить родъ служебной дѣятельности. Оберъ-прокуроръ Синода графъ А. П. Толстой, особенно заботившійся о замѣщеніи подчиненныхъ ему должностей, какъ въ центральныхъ, такъ и въ епархіальныхъ управленіяхъ, по преимуществу людьми, лично ему извѣстными своими служебными и нравственными качествами, предназначилъ Александра Ѳеодоровича къ служенію въ Закавказскомъ край въ важной по тогдашнимъ мѣстнымъ условіямъ должности прокурора грузино-имеретинской Святѣйшаго Синода конторы. Какъ ни лестно было такое назначеніе, ибо въ немъ выражалось особенное личное довѣріе синодальнаго оберъ-прокурора, но при обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда находился Александръ Ѳеодоровичъ, ему нелегко было подчиниться волѣ начальства. Съ одной стороны, онъ считалъ себя достигшимъ давно желаннаго въ служебномъ отношеніи положенія, при которомъ, подчиняясь непосредственно и исключительно только оберъ-прокурору, представлялась возможность, при расположеніи и довѣрїи его, быть особенно полезнымъ своими юридическими познаніями и трудами, не лишая себя въ то же время ставшихъ для него необходимыми занятій по музыкѣ, изучать которую онъ продолжалъ съ увлеченіемъ. Съ другой стороны, Александру Ѳеодоровичу представлялась возможность осуществленія, въ недалекомъ будущемъ, если бы онъ оставался въ Петербургѣ, завѣтной его мысли: основать свою семью въ союзѣ съ давно любимой, вполне соответствовавшей ему по нравственнымъ качествамъ и образованію дѣвушкою, уже въ раннемъ возрастѣ обращавшею на себя вниманіе музыкальными дарованіями, что и послужило къ взаимному ихъ сближенію. Векорѣ однако, обстоятельства сложились такимъ образомъ, что Александръ Ѳеодоровичъ получилъ возможность отправиться къ мѣсту новаго назначенія, въ Тифлисъ, съ молодою супругою и съ надеждою въ непродолжительномъ времени возвратиться въ Петербургъ.

Отправляя Александра Ѳеодоровича на служеніе въ отдаленный край, ввѣренный тогда управленію князя А. И. Барятинскаго, графъ А. П. Толстой напутствовалъ вновь назначеннаго прокурора синодальной

конторы письмами къ мѣстнымъ властямъ, свидѣтельствующими, какъ понималъ его непосредственный начальникъ.

«Считаю долгомъ, писалъ графъ Толстой князю Барятинскому, обратить вниманіе ваше на сего усерднаго и достойнаго чиновника, котораго помѣститъ на настоящую должность по способностямъ его и образованію призналъ я вполне соответствующимъ пользѣ службы».

«Поставляю долгомъ представить Тюрина благосклонному вниманію вашего высокопреосвященства, писалъ онъ же экзарху Грузинъ Исидору, какъ чиновника извѣстнаго мнѣ съ самой лучшей стороны, по его служебнымъ и нравственнымъ качествамъ. Позволяю себѣ надѣяться, что Тюринъ оправдаетъ сдѣланное ему назначеніе, и буду душевно радъ, если онъ успѣетъ заслужить милостивое архипастырское расположеніе ваше, ибо при избраніи сего во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго чиновника для исправленія должности прокурора Грузино-Имеретинской синодальной конторы, столь важной по своимъ обязанностямъ, руководило меня искреннее мое желаніе сдѣлать пріятное для вашего высокопреосвященства».

И дѣйствительно, А. Т. Тюринъ оправдалъ сдѣланную о немъ рекомендацію.

Въ половинѣ 1858 г., оказавшіяся необходимыми перемѣны въ личномъ составѣ нѣкоторыхъ частей центральнаго управленія вѣдомства православнаго исповѣданія, побудили синодальнаго оберъ-прокурора призвать Александра Теодоровича къ новой дѣятельности: онъ былъ назначенъ вице-директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора.

При переѣздѣ изъ Тифлиса въ Петербургъ Тюрину по пути поручено было свидѣться съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ іерарховъ для переговоровъ по весьма важнымъ дѣламъ вѣрренныхъ имъ паствъ. Въ письмѣ графа А. П. Толстого къ одному изъ сихъ іерарховъ ¹⁾ ясно выраженъ взглядъ синодальнаго оберъ-прокурора на личность и служебную дѣятельность Александра Теодоровича. «Въ Тюринѣ, сказано въ этомъ письмѣ, вы найдете человека образованнаго, свѣдущаго въ дѣлахъ и искренне преданнаго церкви. Онъ пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ. Поэтому, если вамъ благоугодно будетъ, то вы, милостивый государь и архипастырь, можете сообщить ему все, что желали бы передать мнѣ по дѣламъ вѣрренной вамъ паствы, но не рѣшаетесь довѣрить почтѣ».

Въ должности вице-директора Александръ Теодоровичъ былъ также не долго. Въ январѣ 1860 г. онъ назначенъ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Въ этой должности Тюринъ сумѣлъ дать дѣятельности вѣрренняго ему административнаго управленія новое, живенное, благотворное на-

¹⁾ Преосвященному Димитрію, архіепископу херсонскому.

правленія. Этому немало содѣйствовали, съ одной стороны вполне заслуженная имъ личная пріязнь и довѣренность графа А. П. Толстого, а съ другой—искренняя любовь и безпредѣльное уваженіе подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ. Эти чувства выражены ими при оставленіи Александромъ Теодоровичемъ въ 1862 г. вѣдомства православнаго исповѣданія въ письменномъ адресѣ, подписанномъ всѣми чинами канцеляріи оберъ-прокурора:

«Съ горькимъ чувствомъ мы приняли тяжелую вѣсть, что ваше превосходительство оставляете насъ. Глубоко сознаемъ, какъ велика наша потеря. Около трехъ лѣтъ управляя канцеляріей, вы были ея душою, оживляя все своимъ просвѣщеннымъ умомъ. Зная въ совершенствѣ дѣло, относясь къ нему не механически, а разумно, вы всему давали направленіе, руководили самими дѣятелями, требуя отъ всѣхъ не формальной исправности, а серьезнаго разумнаго труда. Мы любили дѣйствовать по вашей мысли не столько по сознанію долга, сколько по убѣжденію въ ея вѣрности и основательности: подчинившись вамъ нравственно, мы забывали объ официальномъ подчиненіи. Въ вашей энергіи и неуспынныхъ трудахъ мы имѣли прекрасный примѣръ, увлекавшій насъ самихъ къ дѣятельности, поддерживавшій нашу собственную энергію. Мы съ удовольствіемъ чувствовали себя подъ вашимъ вліяніемъ свободными отъ безконечно мелкихъ требованій, которыя не поднимаютъ дѣла, а только связываютъ и отнимаютъ душевное спокойствіе. Работать было намъ такъ легко и пріятно. Мы считаемъ себя обязанными и за ваши личныя отношенія къ намъ. Они были искренни, деликатны, но безъ слабости. Вы являлись врагомъ всего посредственнаго и несправедливаго, съ безпристрастною правдивостью и твердостью указывали наши недостатки, наши промахи, но при всемъ томъ мы не знаемъ ни одного случая личнаго оскорбленія съ вашей стороны. Мы затрудняемся представить лучшее доказательство истиннаго благородства души. Мы съ гордостью видѣли, какое безграничное довѣріе вы пріобрѣли себѣ у высшаго начальства, съ какою готовностью и уваженіемъ оно принимало ваши представленія. Въ этой вашей силѣ мы видѣли свое силу. Многія ваши представленія касались собственно насъ, и вы, по рѣдкой добротѣ сердца, всегда направляли ихъ въ нашу пользу. При васъ большая часть насъ получили высшее назначеніе, прочимъ—или увеличено содержаніе или дана возможность увеличить его собственнымъ трудомъ. Нѣтъ никого изъ насъ, кто бы трудился съ слабобю надеждою на ваше вниманіе или улучшеніе своего положенія, особенно, когда у насъ на глазахъ были факты, что вы не давали открывавшихся мѣстъ постороннимъ лицамъ, мало извѣстнымъ по своей служебной дѣятельности, если вы и между нами находили достойныхъ. Не забыть намъ также, какъ много дѣлали вы для насъ въ раз-

ныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ нашихъ и для обезпеченія участи труженниковъ, оставлявшихъ службу. Словомъ мы не можемъ указать, чего вы не сдѣлали для нашего блага, когда было для васъ возможно. Потому наше уваженіе къ вамъ, преданность и признательность, безпредѣльны. Служеніе подъ вашимъ начальствомъ будетъ для насъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній. Тѣмъ грустнѣе съ вами разставаться. Надѣмся, ваше превосходительство не лишите насъ послѣднаго единственнаго утѣшенія, какое намъ остается: благосклонно примете настоящее выраженіе нашихъ чувствъ, какъ послѣднюю дань вашимъ достоинствамъ, какъ единодушное, искреннее слово нашего сердца».

Въ 1862-мъ году, А. Ѳ. Тюринъ перешелъ на службу во Второе отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. При этомъ, по всеподданнѣйшему докладу вновь назначеннаго синодальнаго оберъ-прокурора А. П. Ахматова объ отличныхъ заслугахъ и особыхъ трудахъ Александра Теодоровича по службѣ въ духовномъ вѣдомствѣ, онъ награжденъ орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владимира третьей степени. Въ новое мѣсто служенія влекли и наклонность его къ учено-законодательнымъ работамъ и занимавшіе его вопросы по предпринятой въ то время судебной реформѣ. Труды Александра Теодоровича по этой части, въ качествѣ старшаго чиновника Второго отдѣленія, приобрѣли ему почетную извѣстность не только въ мѣстѣ его служенія, но и вообще въ средѣ всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей судебного преобразования. Специально поручена была Тюрину разработка вопросовъ X тома Свода законовъ. Нѣкоторые изъ его трудовъ, напримѣръ по проекту закона о давности, нотаріальному уставу, опекамъ, ипотечной системѣ и друг., заслуживали бы, по своему научно-практическому достоинству, изданія во всеобщую извѣстность. Независимо отъ служебной дѣятельности по Второму отдѣленію Александръ Теодоровичъ состоялъ членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, и въ нѣсколькихъ особыхъ комитетахъ. За отлично ревностную и полезную службу Александръ Теодоровичъ всемилостивѣйше награжденъ: орденами св. Станислава 1-ой степени и св. Анны 1-ой степени, арендою въ 1500 р. на 12 лѣтъ, чиномъ тайнаго совѣтника, званіемъ сенатора и нѣсколькими единовременными денежными выдачами.

Но постоянныя, усиленныя работы, нерѣдко продолжавшіяся по 18 часовъ въ сутки вопреки воспрещенію медиковъ и мольбамъ жены, настолько разстроили здоровье Александра Теодоровича, что въ 1869 году, онъ долженъ былъ отправиться для леченія за границу, сперва въ Соденъ, потомъ въ Аркашонъ, а затѣмъ на островъ Мадеру. Несмотря однако на благотворенный климатъ этой послѣдней мѣстности и полнѣйшее по сознанию его домашнее счастье въ кругу

своей семьи, здоровье его не восстанавливалось. По требованію медиковъ, рѣшено было отложить возвращеніе на родину еще на годъ. Въ 1870 году, лѣтомъ, Александръ Теодоровичъ, съ семьєю поселился въ Неаполь. Но пребываніе здѣсь, продолжавшееся вслѣдствіе тяжелой болѣзни жены и дѣтей около 10 мѣсяцевъ, до того разстроило его, что вынудило, оставивъ семью въ Неаполь, переѣхать въ Каиръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя несравненно лучше. Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи въ Неаполь въ 1871 году, замѣченъ былъ новый недугъ въ Александрѣ Теодоровичѣ — сильное пораженіе праваго легкаго. Эта болѣзнь и внезапная смерть младшаго сына, общаго любимца всей семьи, еще болѣе разстроили его здоровье, нисколько не улучшившееся ни новымъ курсомъ леченія въ Соленъ и Эмсъ, ни вообще пребываніемъ за границею. Въ такомъ положеніи А. Т. Тюринъ рѣшился возвратиться въ Россію. Лѣто 1872 года на дачѣ въ окрестностяхъ Петербурга онъ провелъ относительно хорошо. Но подъ конецъ лѣта вслѣдствіе простуды болѣзненное состояніе усилилось. Съ наступленіемъ зимы, которую самъ онъ не разъ вазывалъ «последнею» для него, не представлялось уже сомнѣнія въ невозможности его исцѣленія.

24-го октября 1872-го года Александръ Теодоровичъ скончался на 50 году жизни—и похороненъ, по желанію его, въ Александро-Невской лаврѣ. Умеръ онъ съ глубокимъ упованіемъ на милосердіе Божіе, повторяя: «Господи, прими мою душу»...

Для общей характеристики А. Т. Тюрина можетъ служить замѣтка о немъ, помѣщенная въ «Русскомъ Мирѣ» (1873 года, № 23), слѣдующаго содержанія:

«Сенаторъ А. Т. Тюринъ скончался на 49 году жизни.

«Смерть преждевременно похитила одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. По серьезности и обширности познаній, по глубинѣ, блеску и прелести ума, по высокому благородству души, покойный былъ человѣкомъ, какихъ бываетъ немного—однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, исключительныхъ явленій между людьми.

«Одной изъ главныхъ особенностей личности А. Т. Тюрина и его образованія было рѣдкое богатство дарованій и при ихъ основательности—необычайная многосторонность познаній. Трудно указать на одну какую нибудь особенно выдающуюся специальность въ немъ, потому что въ каждой отрасли человѣческаго знанія, которою онъ занимался, А. Т. Тюринъ становился специалистомъ.

«Его труды и дѣятельность какъ юриста извѣстны. Предоставляя специалистамъ разобрать и оцѣнить ихъ обстоятельно, мы можемъ указать на ихъ ученый характеръ, на точность, ясность и сжатость изложенія, на удивительную быстроту, съ которою онъ работалъ,

овладѣвая труднѣйшими задачами, на даръ обнять вопросъ сразу свѣтлою и вѣрною мыслью.

«Въ своихъ законодательныхъ работахъ онъ неуклонно шелъ по разѣ избранному истинно практическому пути. Его политическія убѣжденія были отмѣчены въ годы его юности рѣдкой зрѣлостью, какъ въ болѣе зрѣлыя годы, и до послѣднихъ дней его согрѣты юношескимъ жаромъ, и ихъ цѣльность и стойкость никогда не измѣняли ему.

«Нѣкоторые, знавшіе А. Ф. Тюрина только по его ученой и служебной дѣятельности, не знали, что онъ былъ между прочимъ, замѣчательнымъ артистомъ—музыкантомъ. Не умѣя ничѣмъ заниматься слегка и поверхностно, онъ изучилъ теорію и исторію музыки во всѣхъ ея отрасляхъ: народной, оперной, симфонической, древне-церковной, какъ весьма немногіе. Онъ со страстью и постоянствомъ служилъ музыкальному дѣлу и посвятилъ многолѣтніе труды на изысканіе и собраніе народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ. Это собраніе съ текстомъ и аккомпанементомъ заключало уже нѣсколько сотъ пѣсенъ, а онъ все еще не находилъ его достаточно полнымъ и потому откладывалъ его появленіе въ свѣтъ. Но, помимо теоретическихъ познаній и приложеннаго къ нимъ серьезнаго труда, онъ обладалъ истиннымъ музыкальнымъ дарованіемъ. Къ сожалѣнію, благодаря его скромности, одной изъ отличительныхъ свойствъ его натуры, доходившей часто до болѣзненности, онъ постоянно колебался отдать въ печать лучшія свои сочиненія для фортепiano, голоса и оркестра, и только близко знавшіе его могли наслаждаться его художественной игрой на фортепiano и его музыкальными импровизаціями и сочиненіями, исполненными задушевною мелодичности, свѣжести и оригинальности мысли.

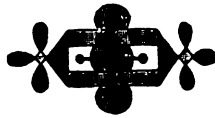
«Человѣкъ серьезный, въ высшемъ смыслѣ этого слова, по своему научному направленію и своимъ взглядамъ на жизнь, всегда стремившійся къ высшимъ жизненнымъ идеаламъ, артистъ въ душѣ и рѣдкій семьянинъ, горячо, глубоко любившій свою семью, находившій въ ней все свое счастье и всю свою высшую отраду, А. Ф. Тюринъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ обращеніи, былъ человѣкомъ истинно свѣтскимъ. Кто его близко не зналъ и встрѣчался съ нимъ только въ салонѣ, легко могъ подумать, что онъ исключительно посвятилъ себя задачѣ вращаться и блистать въ свѣтѣ. Только хорошо знавшіе его, или люди привыкшіе поглубже всматриваться въ оттѣнки каждой личности, должны были сознать, что его появленіе въ свѣтѣ, блескъ, легкость, игривость свѣтской рѣчи и изящество его манеръ были не послѣдствіемъ только тщательнаго, многосторонняго образованія, а прямымъ, естественнымъ выраженіемъ его изящной, высокодаровитой природы.

«Мы повторяемъ—рѣдко возможно встрѣтить въ человѣкѣ такое

*

соединеніе всего свѣтлаго, чистаго и высокаго. Но замѣчательнѣе всего, что при подобныхъ, выдающихся дарахъ природы, при своемъ общественномъ положеніи, достигнувши еще въ молодыхъ годахъ всякихъ почестей, сдѣлавши, что называютъ, быструю, блестящую карьеру, А. Ф. Тюринъ— это смѣло можно сказать— не имѣлъ ни одного врага. Онъ былъ настолько благороденъ, что никогда и никому не заграждалъ пути, а напротивъ, по возможности, всегда старался другимъ очищать и облегчать трудную жизненную дорогу, помогать нуждающимся и содѣйствовать начинающимъ. Насколько гордый, что никогда ни въ чемъ не заискивалъ и ни передъ кѣмъ не кланялся, онъ былъ такъ сердечно добръ и такъ искренно скромнень, что зависть, недоброжелательство и клевета никогда не прикасались къ его свѣтлой личности».

Ив. Ив. Полнеръ.

СУДЬБА.

(Разсказъ о добровольномъ сложеніи священства)

I.

Мое происхожденіе, юность и первоначальное воспитаніе.—Ожиданіе вакансіи.—Поступленіе учителемъ народной школы.—Жизнь у родителей.—Назначеніе полковымъ священникомъ.—Женитьба и скорое вдовство.

Я сынъ сельскаго священника. Родитель мой первоначально служилъ въ селѣ Скопновѣ Юрьевскаго уѣзда, гдѣ я и родился; а затѣмъ переведенъ былъ на лучшій приходъ въ Махринскую подмонастырную слободу Александровскаго уѣзда. Семейство у родителей было большое. Я родился третьимъ. Лѣта дѣтства проведены мною въ домѣ при родителяхъ, гдѣ я и обученъ былъ грамотѣ. Времена тѣ были еще суровыя. Учился я при свѣтѣ дымящейся лучины, подъ страхомъ трехъ-хвостной ременной плетки и родительской длани. Покончивъ домашнее обученіе, въ сентябрѣ 1858 года, я былъ опредѣленъ въ низшее отдѣленіе Переславскаго духовнаго училища, въ которомъ, для должнаго воздѣйствія на учащихся, царилъ въ тѣ времена и розги и ставленіе на колѣна и затретины по головѣ, до появленія звѣздъ въ глазахъ. Способы обученія и порядки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ того времени—хорошо извѣстны. Они такъ много и такъ часто описывались страдальцами тѣхъ тяжелыхъ временъ! ¹⁾

¹⁾ Между прочимъ, мое школьное время описано было мною въ статьѣ: „Корень ученія“, напечатанной въ „Владимірскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ въ 1882 году, такъ охотно читавшейся духовенствомъ владимірской епархіи, не исключая и бывшаго тогда въ Владимірѣ преосвященнаго архіепископа Теоноста, одобришаго къ печати означенную статью и лично выразившаго мнѣ свое удовольствіе по поводу ея.

Изъ Переславскаго училища, я переведенъ былъ во Владимірскую семинарію въ 1864 году; но не выдержалъ приѣмнаго экзамена и былъ возвращенъ назадъ въ училище. Впрочемъ, въ Переславль я не поѣхалъ, а поступилъ во Владимірское духовное училище, гдѣ поучившись два года (тогда курсъ былъ двухгодичный) перешелъ во Владимірскую семинарію, причемъ опять не блестяще выдержалъ приѣмный экзаменъ, несмотря на то, что былъ въ числѣ первыхъ учениковъ.

По окончаніи курса въ семинаріи, ректоръ архимандритъ Павелъ (Ковалевскій) призвалъ меня къ себѣ и убѣждалъ, чтобы я поступилъ въ академію. — Онъ и преподаватель священнаго писанія, магистръ богословія, архимандритъ Митрофанъ (Флоринскій) обѣщали написать рекомендательныя обо мнѣ письма ректору Кіевской академіи Филарету. — Эти добрые пастыри исполнили свое обѣщаніе, и Филаретъ, по прибытіи владимірцевъ въ академію, неоднократно спрашивалъ обо мнѣ; но я измѣнилъ свои намѣренія неожиданно для себя самого и въ Кіевъ не поѣхалъ.

Случилось это такъ. У меня былъ родной братъ, старше меня годовъ на пять, который служилъ военнымъ священникомъ въ 12-мъ гренадерскомъ Астраханскомъ полку. На бѣду или на радость мнѣ, этотъ братъ пріѣхалъ на родину въ отпускъ, и я на вакаціонное время тоже пріѣхалъ къ родителямъ. Братъ, въ глазахъ моихъ, являлся олицетвореніемъ довольства. Все въ немъ, сравнительно съ епархіальными священниками, было для меня заманчиво: воротнички, высматривавшіе изъ-подъ рясы, подстриженные волосы, чистые — съ выхолощенными ногтями руки, и элегантная жена, смотрѣвшая барыней! Все произвело на меня сильное впечатлѣніе, въ смыслѣ желанія устроиться подобно брату. Къ этому и братъ, узнавши о моемъ намѣреніи поступить въ академію, находилъ его непрактичнымъ, такъ какъ, по взгляду его, впрочемъ, правильному, академія отнявъ массу здоровья, не дала бы особыхъ жизненныхъ удобствъ; ибо участь преподавателей семинаріи, выпускаемыхъ академіей, въ смыслѣ экономическомъ, крайне незавидна. И братъ высказывалъ ту мысль, что лучше было бы поступить мнѣ въ полковые священники. Но для этого нужно было имѣть протекцію, которая какъ разъ мнѣ и подвернулась. Въ селѣ нашемъ существуетъ мужской монастырь, подвѣдомственный Сергіевской лаврѣ. Въ тѣ времена настоятелемъ Махринскаго монастыря былъ игуменъ Савва, происходившій изъ дворянскаго рода, имѣвшій связи и близкія отношенія къ намѣстникамъ лавры: Антонію и Леониду, особенно къ послѣднему. Этотъ отецъ Савва расположенъ былъ къ нашему родителю и нашему дому. И я, воспользовавшись случаемъ, выпросилъ у отца Саввы письмо къ главному священнику арміи и флотовъ Петру Евдокимовичу Покровскому, знакомому Саввѣ по Москвѣ, въ которой По-

кровскій служилъ въ санѣ протоіерея, въ одномъ изъ Кремлевскихъ соборовъ, до назначенія на должность главнаго священника.

Получивъ рекомендательное письмо отъ отца Саввы, я отправился въ Петербургъ, гдѣ и явился къ П. Е. Покровскому съ прошеніемъ о назначеніи на должность полковаго священника. Главный священникъ, прочитавъ рекомендательное письмо, написалъ на прошеніи моемъ о зачисленіи меня кандидатомъ и, отдавъ прошеніе въ мои руки, приказалъ мнѣ явиться къ правителю канцеляріи и передать ему прошеніе для надлежащихъ распоряженій. Ликующій и довольный, я шелъ по гѣстницѣ въ канцелярію, помѣщавшуюся внизу. Но мое ликующее настроеніе сразу померкло, когда правитель канцеляріи, блаженной памяти, Петръ Ивановичъ В—скій, столь извѣстный въ свое время военному духовенству, принявъ отъ меня прошеніе, швырнулъ его въ сторону. Я не зналъ что дѣлать. Петръ Ивановичъ занялся чтеніемъ бумагъ; а я стоялъ—нетрогаясь съ мѣста. Такъ продолжалось минутъ десять. Наконецъ, тучный правитель, повернувшись въ мою сторону, очень нелюбезно сказалъ мнѣ:

— Идите, вы больше совершенно не нужны.

Я сковфуженный вышелъ изъ кабинета. У самаго выхода, въ передней, нагналъ меня чиновникъ, отъ котораго сильно пахло водкой, и посоветовалъ мнѣ «частію» обратиться къ Петру Ивановичу, послѣ присутствія, въ его квартирѣ. Поблагодаривъ чиновника за любезность, я поспѣшилъ въ гостиницу, гдѣ меня ожидалъ братъ. Нужно замѣтить, что братъ, завися отъ главнаго священника гвардіи и гренадеръ, Петра Ивановича не зналъ. У главнаго священника гвардейскихъ и гренадерскихъ войскъ былъ свой секретарь Смирновъ, тоже очень извѣстный въ свое время въ средѣ военнаго духовенства.

Выслушавъ мой рассказъ, братъ порѣшилъ сдѣлать визитъ Петру Ивановичу и попросить его за меня «частно», при чемъ онъ взялъ и меня съ собою. Петръ Ивановичъ обѣщалъ сдѣлать все, что возможно, въ мою пользу.

Между тѣмъ время проходило, и я не получалъ назначенія. Я просилъ брата написать Петру Ивановичу, который и отвѣчалъ ему слѣдующее: ¹⁾ «Вслѣдствіе полученнаго мною 21-го января письма вашего, симъ честь имѣю сообщить вамъ, что вашъ братецъ студентъ NN очень уже нетерпѣливъ и напрасно усиливается какъ можно скорѣе получить мѣсто священника по армейскому вѣдомству.

«Когда вашъ братъ былъ у меня, я ему высказалъ, что есть уже въ запасѣ много кандидатовъ на занятіе священническихъ мѣстъ въ полкахъ, и ему не скоро придется получить назначеніе, такъ какъ

¹⁾ Письмомъ отъ 22-го января 1873 г.

необходимо размѣстить имѣющихся кандидатовъ. Вашъ же братецъ зачисленъ кандидатомъ только 22-го августа 1872 года, а прежде его зачисленныхъ въ кандидаты и не пристроенныхъ еще къ мѣстамъ. состоитъ 17 человекъ.

«У его высокопреподобія господина главнаго священника арміи и флотовъ такой принять порядокъ, чтобы не послѣднихъ изъ кандидатовъ опредѣлять прежде по мѣстамъ, а тѣхъ, кто прежде зачисленъ въ кандидаты. Такой порядокъ и всегда исполнялся, и признанъ всѣми справедливымъ и безобиднымъ. Въ крайнихъ только и известнѣхъ случаяхъ, порядокъ этотъ можетъ быть нарушенъ (на сторонѣ рукою брата отмѣчено: взятіе въ замужество родственницы главнаго священника). Если бы вашъ братецъ пожелалъ поступить въ Кавказскую армію, тогда онъ можетъ надѣяться и ранѣе предъ другими получить мѣсто, и то только въ томъ случаѣ, если откроется вакансія.

«Но онъ, о желаніи своемъ служить въ Кавказской арміи, долженъ письменно заявить или на имя его высокопреподобія господина главнаго священника арміи и флотовъ, или же на имя канцеляріи его высокопреподобія. Въ полки же внутри Россіи вашему братцу слѣдуетъ ожидать своей очереди. Число 17 кандидатовъ, кажется, не много; но та бѣда, что вакансіи открываются не часто. Не просить же Бога, чтобы онъ поубралъ къ себѣ нѣкоторыхъ священниковъ.

«Вашему братцу, до назначенія ему мѣста въ какомъ-либо полку не мѣшало бы частно пока заняться гдѣ либо учительскою должностію. При занятіяхъ не видно, какъ бы время шло да шло. А тамъ и назначеніе священническаго мѣста подоспѣло бы. Ему, вѣроятно, хочется жениться. Ну, что же, пусть женится, если со стороны епархіальнаго начальства не имѣется препятствій».

Послѣ такого письма мнѣ оставалось дѣйствительно одно: «заявиться учительскою должностію». Получить учительское мѣсто въ деревнѣ мнѣ не стояло большихъ трудовъ, и недѣли чрезъ двѣ, я уже былъ опредѣленъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ на должность учителя народной школы. Со всею энергіею молодыхъ силъ принялся я за дѣло, находившееся въ очень плохомъ положеніи. Вотъ что писалъ директоръ народныхъ училищъ, посѣтившій мою школу въ концѣ 1874 учебнаго года: «4-го мая я посѣтилъ Л. народное училище и нашелъ обстановку его далеко не блестящею; училище и учитель помѣщаются въ неудобной избѣ, которую учитель, къ сожалѣнію, нанимаетъ на свой счетъ, учебныхъ пособій совершенно нѣтъ въ школѣ; учебныхъ книгъ весьма мало; несмотря на все это, учитель своими усердными трудами и разумнымъ веденіемъ дѣла успѣлъ сдѣлать весьма многое для школы. Труды г. учителя сознаютъ и крестьяне, такъ какъ училище посѣщается тридцатью двумя мальчиками и

четырьмя дѣвочкамъ, несмотря на то, что оно помѣщается въ маленькой деревушкѣ»...

Не стану говорить о трудности школьнаго дѣла. Кто близко стоитъ къ нему, тотъ очень хорошо знаетъ тяжесть учительской профессіи; кто же не знакомъ съ этимъ дѣломъ, тотъ словамъ моимъ не повѣритъ. Одно скажу, что каждый урокъ я заканчивалъ кашлемъ, отпустивши учениковъ бросался въ постель, изъ которой вставалъ съ запекшимися кровью губами. Работая въ школѣ, я тѣмъ не менѣе, не считалъ свою профессію постоянной, и оставался въ трудной должности народнаго учителя мнѣ не представлялось надобности, какъ имѣющему права священства.

Мечта о службѣ въ полку меня не оставляла; хотя я прекратилъ всакую переписку съ Петромъ Ивановичемъ, тѣмъ не менѣе рано или поздно надѣялся получить мѣсто полковаго священника!

Время шло своимъ чередомъ. Я работалъ въ школѣ. Въ одинъ изъ лѣтнихъ июльскихъ дней, развертывая газету, узнаю крупную новость: руссійское дворянство призывается «стать на стражѣ народныхъ школъ», а предводители дворянствъ дѣлаются предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ. Я принялъ эту новость безъ особенныхъ волненій; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ оставить должность профессора азбуки, вслѣдствіе непріятнаго разговора съ предводителемъ по поводу не выдачи жалованья; конечно, я не былъ уволенъ, но уволился самъ, больше всего потому, что мнѣ очень наскучило учительство, и я радъ былъ придратъся къ случаю бросить трудное дѣло.

Оставивши должность учителя, я, конечно, никого не удивилъ, и на мое мѣсто сейчасъ же явился другой учитель, а я, удалившись отъ дѣла, лишился заработка и долженъ былъ помѣститься въ домѣ отца, на родительское содержаніе. Въ этотъ періодъ времени умеръ мой братъ—полковой священникъ, и я оказался въ положеніи не совсѣмъ красивомъ. Подъ вліяніемъ безвыходнаго положенія написалъ я трогательное письмо Петру Ивановичу В—му, и очень скоро получилъ отвѣтъ, что я состою 8 кандидатомъ на занятіе священническаго мѣста въ полку. Это было въ 1874 году, слишкомъ два года спустя, по занесеніи меня въ списокъ кандидатовъ. Въ ноябрѣ того же года, я вновь просилъ правителя канцеляріи помочь мнѣ въ моемъ опредѣленіи.—Въ отвѣтъ на это я получилъ письмо отъ довѣреннаго Петра Ивановича, который совѣтовалъ мнѣ, если можно, прислать Петру Ивановичу 10—15 руб. Требуемую сумму я немедленно послалъ въ Петербургъ, но не правителю канцеляріи, а довѣренному его чиновнику. Въ январѣ 1875 года я ѣздилъ въ Петербургъ и снова просилъ Петра Ивановича, который далъ мнѣ слово

предоставить мнѣ 2-ую священническую вакансію. Прошелъ январь, февраль, мартъ 1875 года, но я все не получалъ мѣста, и, наконецъ, написалъ Петру Ивановичу, что я дамъ ему двѣсти рублей, если онъ имѣетъ возможность исполнить мое желаніе. Петръ Ивановичъ усумнился въ моихъ словахъ и поручилъ мнѣ отвѣтить: «не журавли ли въ небѣ» обѣщанные мною 200 рублей. Я послѣдшилъ увѣрить правителя въ точномъ исполненіи обѣщаннаго, и въ томъ же апрѣлѣ получилъ назначеніе на должность священника въ одномъ изъ армейскихъ полковъ съ правомъ вступленія въ бракъ съ кѣмъ мнѣ заблаго-разсудится.

И теперь не могу достаточно надивиться, не могу понять и объяснить своего образа дѣйствій. Въмѣсто того, чтобы мучиться ожиданіями три года, отчего я не поступилъ въ духовную академію, имѣя всѣ права на то и личное знакомство съ ректоромъ московской духовной академіи С. К. Смирновымъ, и съ намѣстникомъ Лавры Леонидомъ. Просто, что называется, ума не приложу. Такова, полагаю надо, судьба.

«Наконецъ, писали мнѣ изъ Петербурга, могу утѣшить и поздравить васъ съ окончаніемъ дѣла вашего. О чемъ писалъ я въ послѣднемъ письмѣ, по просьбѣ моей и настойчивости, исполнилось. Сего 16-го апрѣля, вы опредѣлены на священническую вакансію въ N пѣхотный полкъ, находящійся въ городѣ N, гдѣ содержаніе священникамъ увеличено на двѣсти рублей въ годъ. Бумаги написаны и сего же числа отправлены, какъ командиру полка, начальнику дивизіи, благочинному, такъ и архіепископу, коему писано, чтобы онъ, когда вступите вы въ бракъ, рукоположилъ бы васъ во священника, сдѣлалъ бы распоряженіе о снабженіи васъ письменнымъ на проѣздъ видомъ, прогонными и путевыми деньгами—и о немедленномъ отправленіи васъ къ назначенному мѣсту служенія. Посему, слѣдуетъ вамъ, не ожидая ни отъ кого увѣдомленія объ опредѣленіи вашемъ, въ самоскорѣйшемъ времени явиться къ архіепископу и въ консисторію для полученія отъ послѣдней билета на бракъ.

«Какъ командиръ полка, такъ и благочинный прекрасны; а потому стоитъ только вамъ зарекомендовать себя съ хорошей стороны, на что вполне можно на васъ надѣяться. Какіе понадобятся вамъ мои со-вѣты на новомъ мѣстѣ вашего служенія, я всегда буду готовъ дѣлиться съ вами моими соображеніями, приобретенными практикой. Я очень и очень радъ, что это мѣсто не ускользнуло отъ васъ, и тѣмъ болѣе радъ, что вы совершенно уже отчаялись на скорое опредѣленіе. Дай Богъ вамъ вступить счастливо въ бракъ, чтобы таковой былъ для васъ на всегда радостенъ».

Пробѣжавши это письмо про себя, я прочелъ его громко родите-

лямъ. Они заплакали, я тоже прослезился, несмотря на всю пріятность новости, сообщенной мнѣ изъ Петербурга.

Чтобы не опустить даннаго мнѣ мѣста, я долженъ былъ поторопиться пріисканіемъ себѣ неvěсты, къ чему я немедленно и приступилъ. 23-го апрѣля, ночью, я прибылъ въ одно фабричное село, гдѣ священникъ имѣлъ двухъ дочерей неvěсты и славился своимъ богатствомъ. Ночевалъ я на почтовой станціи, и по утру, часовъ въ девять, отправился къ священнику. Подойдя къ дому я нашелъ ворота запертыми. Стучу въ окно, но въ отвѣтъ слышу только лай собаки, стучу шибче, окно осторожно отворяется, и молоденькая дѣвушка, какъ видно только вставшая съ постели, выглядывая стыдливо въ полуотворенное окно, спрашиваетъ меня:

- Что вамъ угодно?
- Батюшка у себя?
- Нѣтъ, въ церкви—у обѣдни.
- А матушка?
- И она въ церкви.
- Какъ жаль, сказалъ я, мнѣ очень было бы нужно ихъ видѣть.
- Пожалуйте послѣ обѣдни.

Черезъ часъ я сидѣлъ въ домѣ священника и объяснилъ ему причину своего посѣщенія. Выслушавши меня, батюшка за перегородкой пошептался съ матушкой. Черезъ полчаса вышла неvěста, въ которой я узналъ дѣвушку, говорившую со мной въ окно. Дѣло было слажено въ нѣсколько словъ. День свадьбы назначенъ былъ четвертаго мая.

Свадебный пиръ продолжался три дня и три noci и стоилъ тестю моему около тысячи рублей. Гости пошнрованши разѣѣхались, а я долженъ былъ спѣшить въ губернский городъ для посвященія въ духовный санъ—сначала діаконскій, а затѣмъ и іерейскій.

9-го мая, въ Николинъ день, я былъ посвященъ въ діаконы.— Народъ вышелъ изъ храма, шелъ и я съ своею женою, первый разъ надѣвши рясу и, путаясь въ ней отъ непривычки. Черезъ три дня, я посвященъ былъ во священники, а 22-го мая уже былъ въ Петербургѣ—на пути къ мѣсту служенія. По пріѣздѣ въ столицу, первымъ долгомъ я считалъ явиться къ своему патрону—Петру Ивановичу.

— А я думалъ, что вы меня понадуете, встрѣтилъ меня Петръ Ивановичъ фамиллярной фразой.

— Какъ же можно, помилуйте.

— У насъ, батюшка мой, всяко бываетъ: иной молодець наобѣщаетъ груду золота, просясь на мѣсто, а получить мѣсто—я шншь тебѣ.

Для того, чтобы успоить Петра Ивановича, я вынулъ изъ кармана приготовленные двѣ сто-рублевныя бумажки и вручилъ ихъ алчному

правителю. Петръ Ивановичъ не только взялъ поданную взятку, но и провѣрилъ, точно ли я ему даю столько, сколько обѣщалъ по условію.

— А что Петръ Ивановичъ, мнѣ вѣдь вѣроятно нужно явиться къ главному священнику, обратился я за совѣтомъ къ правителю.

— Ни, ни, батюшка, и не думайте. Вѣдь я, прося о вашемъ назначеніи, доложилъ главному священнику, что вы ближайшій родственникъ протопресвитеру Б., онъ припомнить и можетъ васъ спросить о родствѣ, тогда дѣло выйдетъ не ладно.

Разставшись дружелюбно съ Петромъ Ивановичемъ, я хотѣлъ женѣ своей показать Петербургъ, но къ моему несчастію у нея открылись такія болѣзненные припадки малокровія, которые заставили меня, не думая объ удовольствіяхъ, обратиться къ помощи столичныхъ докторовъ, отъ которыхъ я узналъ, что положеніе ея крайне серьезно. Набравъ по рецептамъ массу лекарствъ, я повезъ свою жену къ мѣсту своего служенія въ неизвѣстный мнѣ городъ, въ неизвѣстное общество!

Новый шумный городъ, новая семейная жизнь, новое гремящее оружіемъ и блестящее эполетами общество, новое положеніе, новыя обязанности поставили меня совсѣмъ въ другія жизненные условія, нежели тѣ, при которыхъ я жилъ въ деревнѣ, то въ роли школьнаго учителя, то внѣ всякой профессіи — въ ожиданіи священническаго мѣста.

Первый годъ моего служенія прошелъ незамѣтно въ хлопотахъ, устройствѣ и приспособленіи къ обществу. Черезъ годъ ровно, я взялъ отпускъ на 28 дней и поѣхалъ на родину вмѣстѣ съ своею женою. Но черезъ два мѣсяца, возвратился изъ отпуска одинъ, ибо моя жена умерла въ домѣ своихъ родителей, проживъ со мною въ замужествѣ четырнадцать съ половиною мѣсяцевъ.

Я овдовѣлъ на 25 году своей жизни. Возвратясь въ полкъ, я долженъ былъ начать вдовую и одинокую священническую жизнь.

II.

Положеніе вдовца—священника. — Моя жизнь въ полку. — Мои корреспонденціи въ газетахъ, вызвавшія неудовольствіе нѣмцевъ и начальства. — Переводъ мой въ другой полкъ. — Угнетенное состояніе духа. — Просьба о словеніи съ меня священническаго сана.

Не съ радостно бьющимся сердцемъ, не съ веселыми думами и пріятными мечтами вступилъ я за порогъ своей квартиры, возвратясь

изъ отпуска. Меня объяла такая тоска, такая скорбь одиночества, что я не выдержалъ, и, несмотря на присутствіе вѣстового, упалъ на диванъ обливаясь слезами. Каждая вещь, принадлежавшая женѣ, мнѣ напоминала покойную, вызывала боль въ сердцѣ и слезы на глазахъ. Ночи я не могъ спать: моему растроенному воображенію представлялись то заплаканныя лица родныхъ жены, то ихъ шопотливый голосъ, то хожденіе на ципочкахъ, то лежащая во гробѣ умершая жена...

Первые дни моего одинокаго бытія кое-какъ прошли, я собралъ всѣ вещи, принадлежавшія женѣ, и отправилъ къ ея роднымъ. Затѣмъ, нѣсколько поуспокоившись, поѣхалъ въ лагерь къ своему полку, расположенному верстахъ въ трехъ отъ города, въ которомъ я имѣлъ постоянную квартиру. Являюсь къ командиру полка, прекраснѣйшему и добродушнѣйшему человѣку, полковнику К—ку, всегда ко мнѣ ласковому и внимательному, несмотря на то, что онъ былъ шведъ по рожденію и лютеранинъ по вѣроисповѣданію, являюсь и не могу удержаться отъ слезъ; встрѣчаюсь въ полковой канцеляріи съ нашими офицерами и здѣсь встрѣчаю полное отъ всѣхъ сочувствіе. Вниманіе и сожалѣніе ко мнѣ сослуживцевъ моихъ было самое трогательное.

Прежде чѣмъ я возвратился къ полку, получилъ на родинѣ отъ нашего полкового адъютанта письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ отъ имени офицеровъ: «Слышимъ ваше горе, и какъ я, такъ и всѣ сослуживцы по полку глубоко сочувствуемъ дорогой для васъ потерѣ. Утѣшенія съ нашей стороны были бы неумѣстны, но все-таки позволяемъ себѣ сказать: мужайтесь и помните, что Предопредѣленія свыше никто еще не убѣгалъ». Помимо сочувствія сослуживцевъ по полку, я пользовался имъ, можно сказать, во всей дивизіи. Старшій адъютантъ штаба нашей дивизіи мнѣ писалъ: «Нельзя словомъ утѣшить въ горѣ человѣка, въ особенности, если оно велико, какъ ваше... Больно и грустно, но что будете дѣлать; отъ судьбы не убѣжишь. Одно нужно сказать, какъ бы вамъ на родинѣ хорошо ни было, но воспоминанія слишкомъ свѣжи и чувствительны, пріѣзжайте скорѣе сюда, все-таки дальше отъ воспоминаній».

Наступила глухая осень. Офицеры наши начали ѣздить въ театры, клубы, маскарады, а я сидя за книгой, задумывался надъ какой-нибудь интересной для меня мыслью, отвѣчающей или моему умственному умосозерпанію или приложимой къ моему бобыльскому бытію. Но это, конечно, скоро наскучило, и я попалъ на счастливую мысль — установить въ казармахъ вечернія бесѣды съ солдатиками. Эти бесѣды мнѣ были безпрепятственно разрѣшены и онѣ сразу расположили ко мнѣ и нижнихъ чиновъ и господъ офицеровъ, и какъ я думаю вотъ почему. Когда я занимался въ казармѣ, въ это время офицеры освобождались отъ занятій, что имъ не могло не доставлять удовольствія, а

солдатики, при моихъ бесѣдахъ съ ними, чувствовали себя болѣе свободно, нежели при занятіи съ ними ихъ начальниковъ. Да и матеріальнѣе бесѣды для нихъ были болѣе подходящій, такъ сказать, затрогивающій ихъ душевныя струны.

Престарѣлымъ іереямъ и протоіереямъ особливо не нравилось то, что я отказался отъ платы за требоисправленія. Нужно замѣтить, что содержаніе священника не особенно значительно въ полку. Семейныхъ офицеровъ очень мало, солдатики, хотя бы и женатые,—живутъ безъ женъ. Главный доходъ полкового священника — это великій постъ—исповѣдь. Но способъ, которымъ пріобрѣтается исповѣдный доходъ, до крайности неблаговиденъ. Офицеръ даетъ священнику за исповѣдь разумѣется, что хочетъ, но солдатика заставляютъ купить свѣчку копѣйки въ три. Свѣчку эту онъ кладетъ на аналой передъ священникомъ, а священникъ всѣ собранныя свѣчи обратно возвращаетъ въ церковный ящикъ, изъ котораго получаетъ сумму денегъ, причитающуюся за свѣчи. Этотъ образъ дѣйствій мнѣ представлялся, просто, кощунствомъ. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы солдатики не давали за исповѣдь мнѣ денегъ и не приносили свѣчъ. Отъ офицеровъ также не бралъ ни одного рубля—ни одной копѣйки. Само собою разумѣется, объ этомъ пошелъ говсръ, и у меня незамедлили явиться враги въ лицѣ своихъ собратій, но враги эти мнѣ страшны не были, ибо я пользовался расположеніемъ во всей нашей дивизіи и сочувствіемъ нашего благочиннаго. Въ городѣ я, что называется, взомель въ моду,—частныхъ уроковъ у меня было среднимъ числомъ до четырехъ въ день, кромѣ того, былъ я законоучителемъ учебной команды пограничной стражи, учебной команды саперной бригады, и законоучителемъ въ одномъ нѣмецкомъ женскомъ пансіонѣ, весьма извѣстномъ въ городѣ. Мое матеріальное положеніе было вполнѣ обезпечено. Первую зиму моего одиночества, я провелъ въ дѣлахъ, въ которыя я, скажу по совѣсти, влагалъ всю свою душу.

Года чрезъ три, я совершенно привыкъ къ своей вдовой жизни, помирился съ этой долей. Я предался всей душою русскому дѣлу въ Прибалтійскомъ краѣ и писалъ корреспонденціи и замѣтки уже въ такія крупныя столичныя изданія, какъ напримѣръ, «Голось». Какъ-то само собою сложилось, что я занялъ положеніе въ обществѣ болѣе или менѣе интеллигентномъ. Собирались офицеры разныхъ частей у меня, ходилъ я самъ и въ семейные дома и къ холостымъ болѣе или менѣе степеннымъ офицерамъ.

На пятомъ году моей священнической службы, случились два обстоятельства, одно съ другимъ связанныя. Одно изъ этихъ обстоятельствъ породило во мнѣ мысль о сложеніи священничества, а другое послужило побуждающимъ толчкомъ къ оставленію духовной

службы. Первое обстоятельство не сложно. Распространяться о немъ много не буду. Это не имѣло бы интереса для читателя, но я не могу умолчать о немъ. У насъ въ полку былъ офицеръ, капитанъ Ж. Офицеръ этотъ, какъ и многіе другіе, былъ со мною друженъ. По распоряженію начальства, капитанъ Ж. получилъ продолжительную командировку. Съ нимъ я изрѣдка переписывался, и однажды Ж. увѣдомилъ меня, что онъ нашелъ себѣ невѣсту, и что намѣренъ пріѣхать вѣнчаться въ нашу полковую церковь, при чемъ просилъ меня сдѣлать надлежащіе распоряженія и подготовленія къ его браку. Все было сдѣлано какъ слѣдуетъ. Въ назначенный день капитанъ Ж. пріѣхалъ съ поѣздомъ желѣзной дороги въ нашъ городъ. Съ женихомъ пріѣхали: невѣста, мать невѣсты и невѣстина сестра, дѣвушка очень симпатичная, веселая, хотя немного кокетливая. Послѣ вѣнчанія, шафера и я приглашены были капитаномъ Ж. на обѣдъ. Здѣсь я имѣлъ случай, какъ во время обѣда, такъ и послѣ него, говорить съ этой дѣвушкой, и образъ ея, какъ - то, помимо воли моей, запечатлѣлся во мнѣ. Съ этого рокового дня, я вновь почувствовалъ свое одиночество. Теперь меня начала огорчать, до степени невыносимаго мученія, не мысль уже о потерѣ покойной жены, а мысль о невозможности выхода изъ своего положенія. Въ моей головѣ начали зарождаться мысли то о бесполезности моей службы, то о недостойности моего служенія Богу. То мнѣ представлялась радость жизни, когда въ домѣ есть женщина, когда шелестъ ея платья даетъ жизнь, наполняетъ несносную пустоту прелестью. То мнѣ рисовалась соблазнительная картина въ образѣ жены, ласкающей своего мужа. То представлялъ я неизрѣченную радость во образѣ дѣтскаго плача. Подъ вліяніемъ этихъ воображаемыхъ прелестей, для меня недоступныхъ, по ихъ запретности, у меня родился однажды вопросъ: «а что если бы сложить савѣ, вѣдъ можно выбиться опять на Божій свѣтъ». Но одна мысль объ этомъ напугала меня самого. Мнѣ представилась та ужасная картина и то положеніе, которое выпадаетъ на долю тѣхъ лицъ, которые находятъ силу сбросить съ себя тяжесть духовнаго сана, вступаютъ въ міръ и добровольно лишаютъ себя всѣхъ правъ состоянія. Мнѣ казалось, что несчастіе меня итъ въ мірѣ человѣка. Нервы мои разстроились, всякая мелочь начала меня тревожить. Я искалъ иногда успокоенія въ молитвѣ, въ чтеніи книгъ, которыя предметомъ своимъ имѣли изобразить жизнь страдальцевъ и подвижниковъ за идею или въ области вѣры, или въ сферѣ научныхъ знаній, или, наконецъ, въ предѣлахъ ихъ личной жизни. Эти книги на время меня успокаивали, возвышали упавшій мой духъ; но закрываю книгу, вижу кипучую жизнь на улицѣ—и снова мое сердце обливается кровью. Хотѣлось бы жить вольной пташкой, но не имѣю права, и жизнь, этотъ драгоценнѣйшій даръ Божій,

мнѣ кажется невыразимымъ мученіемъ. Наконецъ, организмъ мой не выдержалъ, я заболѣлъ и, по совѣту докторовъ, долженъ былъ перемѣнить мѣсто служенія. Такъ я и намѣренъ былъ сдѣлать. Послалъ прошеніе о переводѣ меня въ другой военный округъ съ болѣе постояннымъ и теплымъ климатомъ. На мое прошеніе дано было знать, что мнѣ предоставится мѣсто по открытіи вакансіи, въ Варшавскомъ или въ Кіевскомъ военныхъ округахъ.

Между тѣмъ капитанъ Ж., чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своей женитьбы, возвратился въ полкъ изъ командировки. Сестра его жены, дѣвушка, о которой я только что упомянулъ выше, часто и подолгу гостила у своей сестры. Въ домѣ Ж.—хъ, я часто бывалъ и это обстоятельство меня сближало съ молодой дѣвицей. Она недурно играла на роялѣ, сестра ея хорошо пѣла. Въ этомъ пріятномъ для меня обществѣ, мнѣ было уютно; но зато въ квартирѣ, въ одиночествѣ, мнѣ дѣлалось все тяжелѣе и тяжелѣе. При всемъ этомъ, я съ русскимъ кружкомъ нашего незначительнаго общества не расходился. Мнѣ, какъ бы въ отраду и утѣшеніе, судьба послала сосѣда по квартирѣ, одного изъ мѣстныхъ публицистовъ, искренно и горячо преданнаго русскому дѣлу Л. И. В.—го. Этотъ независимый ни отъ какой служебной профессіи молодой человѣкъ часто заходилъ ко мнѣ и мы толковали помногу и подолгу о разныхъ вопросахъ, и общихъ и мѣстныхъ. Я также не оставлялъ писать какъ въ столичныхъ изданіяхъ, такъ и въ мѣстномъ органѣ печати.

Въ половинѣ августа мѣсяца, къ концу лагеря, въ нашемъ цюлку случилась неожиданная исторія, о которой въ свое время немало говорилось во всѣхъ русскихъ органахъ печати. Нѣмецкій баронъ побилъ капитана Ж., съ которымъ и съ семьей котораго я былъ такъ хорошъ. Исторія эта была и сама по себѣ возмутительна; но еще болѣе она возмущала русскую душу, когда начальство наше приняло подъ свое покровительство не русскаго офицера, а нѣмца. Я взялъ на себя смѣлость всю эту исторію представить русскому читающему міру въ настоящемъ свѣтѣ и поплатился за такую смѣлость.

Однажды вечеромъ изъ дивизионной канцеляріи мнѣ принесли записку за подписью начальника штаба, въ которой говорилось, что его превосходительство, начальникъ дивизіи (изъ нѣмцевъ) изволить требовать меня къ себѣ въ квартиру по весьма важному дѣлу къ 10-ти часамъ утра слѣдующаго дня. Являюсь.

— У насъ,—сказалъ генераль, принимая меня въ кабинетѣ,—завелись въ дивизіи корреспонденты. Я, какъ начальникъ дивизіи, вышвырну эту дрянь отъ себя; я покажу, что значить писать въ газетахъ о дѣйствіяхъ военныхъ начальниковъ.

— Виновать, ваше превосходительство, я не могу понять, къ чему вы изволите мнѣ это говорить.

— Я знаю къ чему говорю. Если вы не бросите писать въ газеты, то помните, вы человекъ и молодой и вдовый,—вамъ всегда можно ногу подставить.

Послѣ этихъ словъ и съ этого рокового дня я сдѣлался заклятымъ врагомъ нѣмцевъ и уже писалъ и печаталъ все, что доходило до моего свѣдѣнія о нѣмецкихъ генералахъ въ русскихъ мундирахъ, не только о дѣйствіяхъ нашего начальника дивизіи, но и о тѣхъ, которые выше его стояли.

Сидя въ своей одинокой квартирѣ, я послѣ ряда помѣщенныхъ корреспонденцій въ столичныхъ газетахъ получаю слѣдующій ордеръ ¹⁾ славнаго священника. «Препровождая при семъ къ вамъ копію съ поступившаго ко мнѣ конфиденціального отношенія штаба N—скаго военного округа, отъ 10-го сего октября за № 248, о томъ, что вы не пользуетесь со стороны общества офицеровъ полка должнымъ уваженіемъ, по своему неуживчивому характеру, предписываю вамъ немедленно донести мнѣ: почему именно послѣдовала на васъ означенная жалоба».

Конфиденціальное отношеніе вотъ что гласило:

«По заявленію начальника N армейскаго корпуса, священникъ N-скаго полка (такой-то) не пользуется со стороны общества офицеровъ должнымъ уваженіемъ по своему неуживчивому характеру.

«Находя, что за симъ священникъ (такой-то) не можетъ оставаться въ полку, командующій войсками округа изволилъ поручить мнѣ довести до свѣдѣнія вашего высокопреподобія, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить: не признаете ли возможнымъ перемѣстить упомянутаго священника въ войска внутри имперіи, а вмѣсто его назначить въ N полкъ другого священнослужителя».

Я отвѣчалъ оберъ-священнику слѣдующее:

«Во исполненіе предписанія вашего высокопреподобія отъ 14-го октября сего года за № 5553, имѣю честь донести, что конфиденціальное заявленіе командира корпуса барона N, сдѣланное командующему войсками округа и, по порученію его, сообщенное вашему высокопреподобию о моемъ будто бы неуживчивомъ характерѣ, вызывающемъ неуважительное отношеніе ко мнѣ гг. офицеровъ полка — не имѣетъ никакого дѣйствительнаго основанія, никакихъ фактическихъ данныхъ.

«Конфиденціально заявляя о моей неуживчивости, командиръ корпуса не указываетъ: гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ выразилась неуживчивость моего характера, какъ равнымъ образомъ не указываетъ и на тѣ факты, въ которыхъ бы выразилось неуважительное

¹⁾ Отъ 14-го октября 1880 года за № 5533.

отношеніе ко мнѣ гг. офицеровъ полка. Да и указать на такіе факты баронъ N не могъ, такъ какъ ихъ не существуетъ въ дѣйствительности.

«Служа около 6-ти лѣтъ въ одномъ полку, я со дня прибытія въ полкъ и по сей день пользуюсь должнымъ уваженіемъ и законнымъ вліяніемъ въ полку, что подтверждать: бывший командиръ полка, при которомъ я началъ службу, нынѣ свиты его величества генераль-майоръ К.,—настоящій командиръ полка, всѣ валичные гг. штабъ-офицеры и дивизионный благочинный. Мало этого, я имѣю данные-свидѣтельствовать передъ вашимъ высокопреподобіемъ, что я пользуюсь доброй извѣстностью во всей дивизіи и въ здѣшнемъ городѣ, что могутъ, въ случаѣ надобности, подтвердить представители здѣшнихъ русскихъ общественныхъ учрежденій. Будь я неуживчивъ, не соотвѣтствуй своему назначенію, то мои недобрыя качества прежде всего были бы извѣстны г. командиру полка и дивизионному благочинному, какъ моимъ непосредственнымъ начальникамъ, которые или предупредили бы меня, или бы немедленно донесли о моей неуживчивости вашему высокопреподобию, чего въ дѣйствительности не однажды не было, такъ какъ я не подавалъ повода къ подобнымъ донесеніямъ.

«Командиръ корпуса, баронъ N, по всей вѣроятности, разсматриваетъ мою дѣятельность съ нѣмецкой точки зрѣнія, какъ мѣстный уроженецъ, и ходатайствуетъ о моемъ переводѣ во внутрь имперіи, не потому, что имѣю неуживчивый характеръ,—неуживчивость характера одинаково не терпима, какъ внутри, такъ и на окраинахъ имперіи,—а потому, что я служу русскому дѣлу, и нерѣдко оглашаю въ органахъ печати оскорбительныя для русскихъ дѣянія фоновъ и бароновъ, и между прочимъ, въ одной изъ корреспонденцій «Голоса», безъ всякаго намѣренія оскорбить, упомянулъ имя командира корпуса барона N. Вслѣдствіе чего, начальникъ дивизіи генералъ В—ръ потребовалъ меня въ свою квартиру и высказалъ мнѣ полное порицаніе по поводу моего сотрудничества въ газетѣ «Голосъ», съ угрозою просить ваше высокопреподобіе удалить меня изъ дивизіи. Это было 9 го сентября, а чрезъ мѣсяцъ, во время моей поѣздки въ Петербургъ, угроза превращается въ фактъ, измышляется доносъ, чернятся мое доброе имя, моя честь!

«Моя гласная дѣятельность на пользу русскаго дѣла въ краѣ, въ ущербъ нѣмецкаго вліянія вызвала конфиденціальныи доносъ на мою неуживчивость, на мое неумѣнье заслужить въ полку уваженіе, тогда какъ въ дѣйствительности я имѣю счастье пользоваться любовью и уваженіемъ въ полку, за исключеніемъ, можетъ быть, военныхъ лицъ не русскаго происхожденія, не православной вѣры.

«Будь я неуживчивъ, не пользуюсь уваженіемъ въ полку, и командиръ корпуса какимъ-либо образомъ освѣдомился объ этомъ, то онъ,

естественно, приказалъ бы командиру полка, начальнику дивизіи или самъ непосредственно довелъ бы о моихъ не добрыхъ качествахъ вашему высокопреподобию, и едва ли бы нашелъ нужнымъ заявлять командиру войсками округа о неуживчивомъ характерѣ полкового священника.

«Нѣмецкому дворянству удалить меня изъ края желалось бы, а законнаго повода оно къ тому не имѣетъ, и вотъ, измышляется доносъ въ общей фразѣ: «неуживчивъ, не пользуется уваженіемъ»,—и чтобы доносъ имѣлъ непоколебимую силу, его прикрываютъ авторитетомъ вышшаго военнаго начальника—командующаго войсками округа, и чтобы оный доносъ не приобрѣлъ гласности и не обнаружилась онаго несостоятельность, его прикрываютъ конфиденціальною».

Въ заключеніе объясненія, я просилъ главнаго священника ограждать меня отъ незаслуженныхъ нареканій, «отъ кого бы они ни исходили».

28-го октября главный священникъ писалъ въ штабъ N—скаго военнаго округа:

«Вслѣдствіе отношенія штаба отъ 10-го текущаго октября за № 248, о переводѣ священника N изъ N полка въ другой полкъ, по его неуживчивому характеру, я почелъ нужнымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о службѣ и поведеніи священника N—ева, и получилъ слѣдующіе отзывы:

1) Отъ благочиннаго N дивизіи, что «священникъ N поведеніемъ весьма хорошаго, ссоръ, бляузъ и увязительныхъ заискиваній терпѣть не можетъ, отъ общества гг. офицеровъ полка уваженіемъ пользуется».

2) Отъ командира полка: «во время моего 3-хъ-лѣтняго командованія полкомъ, я успѣлъ близко узнать отличныя служебныя и нравственныя качества священника N, и онъ вполне заслуживаетъ награды за его отличную полезную службу».

3) По случаю осмотра г. министромъ финансовъ учебной команды пограничной стражи таможеннаго округа, 7-го августа сего года г. начальникъ бригады въ приказѣ написалъ: «считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность законоучителю священнику N полка N—еву, за неутомимую дѣятельность, вполне доказанную успѣшными результатами, кои удостоены лестнаго вниманія г. министра финансовъ».

«Почему покорнѣйше прошу штабъ N—скаго военнаго округа почтить меня увѣдомленіемъ, въ чемъ и въ какихъ именно дѣйствіяхъ обнаружился неуживчивый характеръ священника N—ева, лишившій его уваженія гг. офицеровъ полка, и за который слѣдуетъ перевести его въ другой полкъ».

*

Одновременно съ этѣмъ главный священникъ поручилъ правителю своей канцеляріи написать мнѣ слѣдующее:

«Священникъ N — евѣ, занявшись писаніемъ въ газеты обличительныхъ статей, взялся не за свое дѣло. Неужели онѣ не понималъ, что симъ только возбуждаетъ вражду между двумя національностями, составляющими одно государство. Писать о семъ найдутся и безъ насъ охотники пошеголять своимъ краснорѣчіемъ, да и правительство не оставитъ безъ преслѣдованія такой поступокъ съ русскимъ офицеромъ и безъ газетной рекламы.

«Пастырю церкви лучше было бы ревновать объ интересахъ церковныхъ, проповѣдывать среди своей паствы о мирѣ и любви и самому быть примѣромъ миролюбія. При томъ, какъ можно было не понять, что онѣ самъ возбуждаетъ лично противъ себя вражду и преслѣдованіе отъ своихъ ближайшихъ военныхъ начальниковъ, которымъ, кто бы они ни были, отъ царя ввѣрены высшія должности на пользу отечества, и не намъ смѣтъ судить объ ихъ достоинствахъ, и которые поему имѣютъ право требовать, чтобы у нихъ священникъ честно правилъ свое дѣло. А оправданіе, что это было писано безъ намѣренія оскорбить—даже смѣшно. Теперь дѣло стоитъ на томъ, что въ штабъ N—скаго военного округа посылается отношеніе, дабы штабъ разъяснилъ, въ чемъ именно обнаруживается неуживчивый характеръ вашъ, затѣмъ дѣло приметъ свое рѣшеніе. Впрочемъ, такъ какъ священникъ N—евѣ, какъ пишетъ полковой командиръ, желаетъ перемѣнить мѣсто служенія, то пусть пришлетъ прошеніе о переводѣ, или самъ изберетъ взаимно обмѣняться мѣстомъ съ желающимъ».

Въ то время, когда еще я идеально смотрѣлъ на жизнь, мнѣ бумага эта показалась оскорбительной, но теперь, поживши и переживши многое, я прихожу къ тому убѣжденію, что маститому старцу — главному священнику въ другомъ духѣ мнѣ отвѣчать не представлялось возможности. При этомъ, справедливость требуетъ сказать, что письмо это написано подѣ влияніемъ одной изъ моихъ корреспонденцій очень уже рѣзкой по своему тону и выраженіямъ, напечатанной утромъ того же дня, въ вечеру котораго писалось мнѣ вышеприведенное письмо.

Моя воинственная эпопея кончилась переводомъ меня въ другой полкъ, расположенный на югѣ Россіи.

Послѣ обѣда, даннаго мнѣ городскимъ обществомъ, я 8-го января съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ къ новому мѣсту служенія, прослуживъ при полку пять лѣтъ и семь мѣсяцевъ. Въ день моего отъѣзда въ мѣстномъ органѣ печати была помѣщена мною слѣдующая записка изъ жизни всезнаго духовенства, имѣющая въ то время большое значеніе.

«Передо мной лежитъ небольшая книжка г. Невзорова: «Истори-

чекскій очеркъ управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства». Въ своемъ очеркѣ г. Невзоровъ передаетъ въ высшей степени любопытные эпизоды изъ отношеній между военнымъ начальствомъ и военнымъ духовенствомъ. Такъ какъ между специальностью военачальниковъ и священниковъ нѣтъ никакой параллели и такъ какъ юридическія отношенія ихъ точно не опредѣлены, существующія же постановленія по этому предмету весьма эластичны, то и столкновения между военными священниками и военными начальниками весьма возможны.

«Одинъ изъ благочинныхъ по дѣлу о неудовольствіяхъ, замѣчаетъ въ своей книжкѣ г. Невзоровъ, возникшихъ между полковымъ командиромъ и полковымъ священникомъ, очень характеристично выразился, что полковники, если пожелаютъ, въ каждомъ поступкѣ священника, касающемся церковнаго благочинія, могутъ найти нарушеніе субординаціи». Всего чаще, продолжаетъ г. Невзоровъ, командиры изъ иновѣрцевъ становятся во враждебное отношеніе къ военному духовенству.

«Въ 1764 году священникъ Вятскаго пѣхотнаго полка доносилъ князю Трубецкому на полковника Гинцера, отъ котораго онъ «не точю не однажды держанъ былъ подѣ карауломъ, но по приказанію полковничьему, публично чрезъ городъ Ревель воинскою командою связанный ташень былъ».

«Въ 1802 году священникъ Навагинскаго мушкатерскаго полка Леонтьевъ доносилъ оберъ-священнику Озерецковскому, что шефъ означеннаго полка требовалъ снять наметъ съ полковой церкви и устроить подѣ нимъ обѣдъ. Священникъ возсталъ противъ шефа. Тѣмъ не менѣе, вопреки протесту священника, церковная утварь сложена была въ повозку, а подѣ наметомъ была поставлена музыка и устроены танцы.

«Было время, когда военное начальство даже аттестовало своихъ духовныхъ отцовъ. Въ 1827 году одинъ изъ командировъ полковъ такъ аттестовалъ своего полкового священника, въ графѣ: «какъ ведетъ себя по службѣ»—«взрядно, когда бываетъ трезвъ»; «какія имѣетъ способности ума»—«порядочныя»: «каковъ въ хозяйствѣ»—«плохъ». Аттестация, какъ видите, коротка и ясна.

«Разумѣется, нынѣ времена измѣнились. Аттестуетъ полкового священника уже не командиръ части, а благочинный, аресты же священниковъ смѣнились удаленіемъ нежелательныхъ военному начальству духовныхъ лицъ отъ «преблагословенныхъ» краевъ въ «мѣста не столь отдаленныя».

Въ самый часъ прощальнаго обѣда, даваемаго мнѣ, столичныя газеты помѣстили у себя телеграммы объ этомъ обстоятельствѣ, а «Голосъ» рассказалъ всю сдѣланную со мною несправедливость.

По прибытіи къ новому мѣсту моего служенія, я узналъ, что новый мой начальник—командиръ полка, не только вѣмецъ по рожденію, но въ довершеніе печали моей, даже баронъ. Господи, Боже мой! что же это будетъ, думалъ я, сидя въ гостиницѣ «Европа», въ новомъ для меня городѣ. Усталъ ли я съ дороги, проѣхавъ тысячъ полторы верстъ, или подъ вліяніемъ разныхъ думъ, но заснуть никакъ не могъ. Вопросъ о сложеніи съ себя священства, на первыхъ порахъ меня самого испугавшій, теперь снова лѣзъ въ голову, подъ вліяніемъ частаго свиданія съ дѣвушкой, симпатія и влеченіе къ которой усиливали мое воображеніе и рисовали соблазнительную прелесть семейной жизни. Но мечта—мечтой, дума—думой, а жизнь—жизнью, служба—службой. На утро слѣдующаго дня, по своему прибытіи къ штабу полка, въ который я былъ переведенъ, я разыскалъ полковую канцелярію, въ которой узналъ, что командиръ полка находится въ отпуску. По этой причинѣ, я представился командиру полка, у котораго попросилъ отпущеніе, такъ какъ я считалъ себя обязаннымъ явиться къ корпусному командиру, бывшему нашему начальнику дивизіи генералъ-адъютанту А. А. С. Тотъ весьма почтенный генералъ, несмотря на всю важность своего служебнаго положенія, принялъ меня и узналъ во мнѣ, во-первыхъ, прежняго подчиненнаго, во-вторыхъ, изгнанника изъ прежняго мѣста служенія, сдѣлавъ нѣсколько весьма серьезныхъ, весьма основательныхъ замѣчаній о неудобствѣ для военной дисциплины публичнаго обличенія дѣйствій военачальниковъ посредствомъ печати. Явился я и къ начальнику дивизіи, который не только ласково меня принялъ, но и пригласилъ обѣдать, каковою любезностью генерала я и воспользовался.

Да, теперь я попалъ на русскую землю, къ русскимъ людямъ и по всѣмъ вѣроятіямъ, служба моя или, лучше сказать—жизнь, облегчилась бы значительно. Но должно быть уже на роду мнѣ такъ суждено. Мысль о сложеніи священства точно кошмаръ душила, и подъ вліяніемъ этого гнетущаго состоянія, я рѣшилъ высказаться письменно предъ близкими мнѣ людьми о желаніи разстаться съ священнымъ саномъ. Въ отвѣтъ на свои сокровенныя думы я получалъ ободряющія меня строки.

«Что касается предположеній вашихъ объ измѣненіи вашей будущей дѣятельности,—писалъ мнѣ публицистъ и сосѣдь мой по квартирѣ въ прежнемъ мѣстѣ моего служенія, близкій мнѣ человекъ по чувству и убѣжденіямъ,—то я могу только сочувствовать имъ, такъ какъ полагаю, не безъ основанія, что подобная перемена можетъ только отозваться благотворно на вашей духовной жизни. Если перемена эта будетъ даже сопряжена съ извѣстнаго рода временными матеріальными лишеніями, то и въ такомъ случаѣ, духовное удовлетвореніе вознаградитъ васъ сто-

рицею. Не въ назиданіе говорю это—вы въ немъ не нуждаетесь, а для подкрѣпленія вашей благородной рѣшимости. Желаю отъ души, чтобы вы нашли себѣ поле дѣятельности, достойное еще совсѣмъ свѣжихъ вашихъ силъ и вашего независимаго и честнаго образа мыслей. Мое сочувствіе будетъ неизмѣнно слѣдовать за вами, куда бы васъ ни забросила жизнь».

«Съ чувствомъ живѣйшей радости, писалъ другой мнѣ близкій чело-вѣкъ, уже пожилой—прочиталъ я извѣстіе о вашей рѣшимости перемѣнить родъ жизни. Это значить, съ тернистаго, душнаго и непривѣтливаго пути выйти на просторную дорогу съ воздухомъ, свѣтомъ и свободою, да чувствовать себя воскресшимъ Лазаремъ. Не опасайтесь порицаній, ихъ и быть не можетъ. Честные люди встрѣтятъ съ уваженіемъ вашъ шагъ, согласованный съ убѣжденіями вашими, а мнѣніями односторонними сокрушаться нечего.

«Обладая запасомъ нравственныхъ силъ, любовью къ труду и способностью мыслить логически, вы, въ новомъ своемъ званіи, принесете обществу болѣе пользы, нежели въ званіи духовнаго лица, званіи, ставшемъ для васъ роковымъ разладомъ между идеей и жизнью. Итакъ, Богъ помощь вамъ! Не откладывайте и не раздумывайте только».

Не такъ смотрѣлъ на дѣло мой родитель, не то онъ и писалъ.

«Ты у насъ съ матерью не выходишь изъ головы и изъ устъ. Постоянно о тебѣ думаемъ и толкуемъ, что съ тобою дѣлается, и что ты задумалъ! Эти тяжелыя думы тѣмъ болѣе гнетутъ наши сердца, что ты, послѣ перваго письма, очень тяжелаго для насъ ничего не пишешь. Какое нравственное униженіе оставить то положеніе, при которомъ ты находишься, какими глазами посмотреть на тебя знакомые? А каково будетъ матеріальное положеніе? Положимъ, до святія сана проживешь? А тамъ, что будетъ? Ты думаешь, что знакомыя тебѣ высокопоставленныя лица доставятъ тебѣ высокое положеніе и выгодныя должности? Нѣтъ! Вспомни архимандрита Ѳедора (Бухарева), котораго, по сложеніи имъ сана, никто изъ бывшихъ друзей и товарищей въ Москвѣ не хотѣлъ принять къ себѣ. Вспомни объ одномъ инспекторѣ академіи, (о которомъ) писали въ «Церковно-общественномъ Вѣстникѣ», у котораго, разумѣется, и случаявъ, и ума, и силы воли было не менѣе твоего, но, по сложеніи сана, несчастія довели до того, что не имѣлъ ни крова, ни пищи, ни одѣянія и умеръ подъ заборомъ. И еще, если не читалъ, то прочитай въ томъ же «Церковно-общественномъ Вѣстникѣ» статью подъ заглавіемъ: «Горькая доля священника, сложившаго санъ». Въ этой статьѣ очень вѣрно описана участь этихъ господъ; у описываемаго священника въ перспективѣ голодная смерть отъ болѣзни, происшедшей отъ чрезвычайнаго труда. А твое то здравье каково?»

Ужь, другъ, лучше и надежнѣе теперешней священнической должности во вѣкъ не найти...

«Прости, не огорчайся, что неприятное написалъ. Это отъ сердца, желая тебѣ добра; можетъ быть, когда-нибудь вспомнишь и помянешь мои слова. Еще повторяю, не обижайся моимъ письмомъ! Кто тебѣ выскажетъ правду? Чужимъ никому не жалко, развѣ только посмѣются. А намъ-то каково? Мы съ матерью просимъ Господа, чтобы онъ послалъ намъ христіанскую кончину, прежде нежели увидимъ исполненіе твоего предпріятія».....

Весьма вѣроятно, ради этого скорбнаго, полнаго правды, хотя и не совсѣмъ согласнаго съ моими убѣжденіями, письма я не рѣшился бы снять свой духовный санъ. Было ли бы лучше—не знаю. Но родитель мой написалъ мнѣ это письмо 18-го февраля, а я 7-го февраля уже главнымъ священникомъ, согласно моему прошенію, уволенъ былъ въ свою епархію, и по прибытіи въ свой губернской городъ и уже подавши епархіальному епископу прошеніе о сложеніи сана, получилъ это письмо, присланное изъ штаба полка въ консисторію нашей епархіи. Поворотъ былъ по меньшей мѣрѣ неудобенъ. Подъ вліяніемъ сердечнаго увлеченія и чувствуя тяжесть того взгляда, какого у насъ держатся по отношенію къ духовенству и, наконецъ, имѣя въ виду дѣйствительные недостатки духовенства, рѣзко бросающіеся въ глаза, я рѣшилъ оставить духовную схиму и вступить въ рядъ мірянъ.

III.

Въ ожиданіи рѣшенія дѣла. — Литературныя занятія. — Корреспонденція въ газетѣ „Южный Край“, вызвавшая паденіе „Сельскаго Вѣстника“. — Сложеніе священническаго сана и поступленіе въ канцелярію губернатора.

Та же архіерейская пріемная, въ которой, пять съ половиною лѣтъ тому назадъ, стоялъ я предъ мѣстнымъ преосвященнымъ съ прошеніемъ въ рукахъ о рукоположеніи меня въ санъ священника на предоставленное мнѣ вакантное мѣсто въ полку. Обстановка архіерейской пріемной не измѣнилась, но перемѣнился преосвященный. Маслитый іерархъ оставилъ земное поприще. На мѣсто умершаго прибылъ въ епархію другой іерархъ, человекъ, относительно, молодой, доступный, трудолюбивый, просвѣщенный.

У преосвященнаго пріемъ ежедневный, съ ранняго утра. Просителей всегда полна пріемная. На ряду съ прочими просителями, 4-го марта 1881 г., стоялъ и я въ пріемной владыки, ожидая своей очереди для входа въ залъ къ его преосвященству. Пять лѣтъ тому назадъ, я

стоялъ въ этой приѣмной ликующей, торжествующей, ибо получилъ желаемое священническое мѣсто въ полку; а теперь я стоялъ въ приѣмной съ цѣлью просить, какъ особой милости, освободить меня отъ духовной должности, какъ отъ непосильной для меня ноши.

Какъ только дошла очередь до меня, я вошелъ въ просторный залъ владыки и явился къ нему съ подобающимъ почтеніемъ и соответствующимъ смиреніемъ.

— За что васъ уволили изъ армейскаго вѣдомства, — обратился съ первымъ вопросомъ ко мнѣ преосвященный, преподавъ благословеніе.

— Я самъ ходатайствовалъ о моемъ увольненіи, ваше преосвященство.

— Что же, вы намѣрены служить въ епархіальномъ вѣдомствѣ?

— Никакъ нѣтъ, владыка святой, я уволился изъ армейскаго вѣдомства съ цѣлью просить ходатайства вашего преосвященства о сложеніи съ меня духовнаго сана...

— О, какая тяжелая просьба, — отвѣтилъ мнѣ вздохнувъ преосвященный. — Вы безповоротно рѣшили важный вопросъ о сложеніи сана?

— Да, владыко, безповоротно.

— Разумѣется, силою заставить васъ служить нельзя. Вы сами должны понимать, что дѣлаете, но во всякомъ случаѣ, по существующему закону, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ васъ нужно убѣждать остаться въ духовномъ санѣ. Только, по истеченіи трехъ-мѣсячнаго срока, я имѣю право представить наше дѣло въ Синодъ. Знаете, — замѣтилъ мнѣ преосвященный; — есть должности, которыя, какъ священническую, стыдно оставлять.

Откланявшись преосвященному и выходя отъ него, я началъ встрѣчать своихъ знакомыхъ, то учителей духовнаго училища, то преподавателей семинарскихъ. Къ вечеру уже, кажется, весь городъ зналъ о моемъ рѣшеніи. Дабы избѣжать разспросовъ, я съ первымъ отходящимъ въ ночь поѣздомъ, переодѣвшись въ штатское платье, отправился, въ качествѣ заштатнаго священника, на свою родину, въ родной домъ къ своимъ родителямъ коротать время, ожидать, какъ великой милости, сложенія сана, который носить мнѣ было не подъ-силу.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, съ разнородными думами ѣхалъ я на парѣ почтовыхъ лошадей отъ стаянціи желѣзной дороги до своей родины. Мнѣ, то представлялся образъ дѣвушки, для обоюднаго счастья съ которой я рѣшился сдѣлать отчаянный шагъ, то страшило меня невѣдомое будущее, то, это будущее представлялось мнѣ заманчивымъ, свободнымъ.

При мысли о гражданской свободѣ, сердце мое радостно билось...

Нелегко мнѣ было ожидать окончанія начатаго мною предпріятія. Мнѣ, привыкшему къ обширному городу, къ многолюдному обществу, пришлось сидѣть въ маленькой деревнѣ, въ ожиданіи столичной милости. Недѣля черезъ двѣ, по пріѣздѣ моемъ на родину, мнѣ предписано было духовною консисторіею являться въ уѣздный городъ къ соборному протоіерею, для выслушанія его увѣщаній—остаться до конца дней жизни своей въ духовномъ санѣ. Явившись къ давно знакомому мнѣ мастиному отцу протоіерею, я принять былъ достойнымъ служителемъ алтаря самымъ радушнымъ образомъ. Оказалось, что отецъ протоіерей сочувствуетъ моему предпріятію, ибо онъ самъ, будучи священникомъ въ молодыхъ лѣтахъ, похоронилъ жену, и не зналъ бы, что съ собою дѣлать, если бы не осталась въ утѣшеніе ему единственная дочь, которая составляла все счастье для одинокаго протоіерея.

Со стороны увѣщанія меня никто не беспокоилъ. Явившись въ первый разъ къ протоіерею, я получилъ отъ него разрѣшеніе явиться черезъ три мѣсяца, для дачи письменнаго отзыва о неизмѣнномъ и безповоротномъ рѣшеніи къ сложенію священничества. Прошли три мѣсяца, и я писалъ ему: «Несмотря на всю важность, серьезность и глубину убѣжденій вашего высокопреподобія, я не могу остаться въ духовномъ санѣ, а потому имѣю честь покорнѣйше просить и т. д.» Сидя въ деревнѣ, я писалъ въ газеты и составлялъ рассказы изъ народнаго быта. За это время, между прочимъ, я помѣстилъ слѣдующую корреспонденцію въ «Южномъ Краѣ», вызвавшую изданіе «Сельскаго Вѣстника».

«Печальное явленіе, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ, не есть исключительная принадлежность какого-нибудь одного уѣзда или губерніи, а есть достояніе всей земли Русской. Разумѣю здѣсь села и деревни и исключая (хотя только отчасти) городъ. Кто живетъ въ деревнѣ, кто стоитъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ народомъ, кто присматривается къ жизни крестьянина и откровенному говору мужика, тотъ отлично знаетъ не только деревенскія нужды, но и задушевныя думы, искреннія желанія и нетерпѣливыя, или лучше сказать—терпѣливыя ожиданія мужика. Последнія событія, взбудоражившія всю Русь православную, событія—способныя растормозить и самого Обломова, расшевелили и деревню,—этого могучаго богатыря, сидѣвшаго, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ, только не тридцать лѣтъ и три года, а около цѣлой тысячи лѣтъ!.. Повѣрьте, мужикъ теперь не только почесываетъ свой традиціонный затылокъ, но начинаетъ про текушія событія судить и рядить, начинаетъ осматривать себя и задавать себѣ вопросъ: «что-де я такое въ ряду другихъ Божьихъ разумныхъ созданий?» Разумѣется, мужикъ судить и рядить обо всемъ по своему. Для крестьянина, кажется, нѣтъ никакой невозможности, для насъ, дере-

венскихъ обитателей—все возможно. Желается, напримѣръ, мужику сдѣлаться обладателемъ казеннаго лѣса, и крестьянинъ ничтоже сумняся, вѣрить нелѣпой, Богъ знаетъ кѣмъ пущенной, сплетнѣ, что вышло распоряженіе начальства отдать всѣ лѣса мужикамъ. Мужикъ вѣрить и ждетъ этого распоряженія. Желается крестьянину, чтобы увеличили его поземельный надѣлъ, и здѣсь, во все вѣрующій мужичекъ вѣрить всякимъ глупымъ слухамъ—о новыхъ надѣлахъ землю. Повѣрьте, что все это (да и гораздо большее) мужикъ говоритъ. Само собою разумѣется, что изъ рѣчей мужика всего меньше толку для него самого, т. е. для говорящаго и услаждающагося будущими благами крестьянина. Но здѣсь, т. е. при однородныхъ сужденіяхъ и невозможныхъ ожиданіяхъ мужика, можетъ быть и громаднѣйшій вредъ. Неосуществленіе ожиданій можетъ крестьянина довести до раздраженія, а при извѣстныхъ условіяхъ раздраженіе можетъ перейти въ озлобленіе, а отсюда одинъ шагъ до всевозможнаго сопротивленія...

«Если нужно въ городѣ, то въ деревнѣ въ тысячу разъ нужнѣе, печатное слово; но слово ясное, точное, понятливое. Деревня нуждается въ газетѣ, которая бы сообщала и разъясняла простымъ языкомъ правительственныя распоряженія, газетѣ, которая бы давала своевременно отчетъ о внутреннихъ событіяхъ,—газетѣ, которая не столько бы рассуждала о мудрыхъ словесахъ князя Бисмарка,—сколько о простыхъ рѣчахъ мужичка русскаго. Правда, у насъ мужикъ не читаетъ газетъ; но повѣрьте, это потому, что у насъ нѣтъ мужицкой газеты — ни по своему внутреннему содержанію, ни по своей цѣнѣ. Разумѣется, не всякому крестьянину доступна и рублевая газета, но во всякой деревнѣ найдется крестьянинъ, который въ состояніи заплатить два, три рубля за газету. Для мужичка главное нужна сторонняя инициатива. Подскажите мужику, что выписать газету необходимо, и онъ выпишетъ, но такъ какъ у насъ за это дѣло никто не берется, или не хочетъ вѣзаться, то и приходится наблюдать то печальное явленіе, что въ тысячахъ крестьянскихъ избахъ—не встрѣтите ни одной газеты.

«У насъ все невѣжество крестьянина обыкновенно объясняютъ то экономическимъ положеніемъ мужика, то предыдущими историческими неблагоприятными условіями. Разумѣется, подобное объясненіе имѣетъ основаніе; но намъ невольно припоминается Прибалтійскій край, гдѣ эстонскія и латышскія газеты расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, гдѣ и въ хуторѣ латыша и въ хатѣ эстонца намъ лично случалось встрѣчать газеты. Не говоримъ уже о городахъ Прибалтійскаго края, гдѣ каждая швейка каждодневно считаетъ своею обязанностію прочитатъ свою газету. Однако, насколько извѣстно, экономическое положеніе прибалтійскаго крестьянина и по сей часъ тяжелѣе крестьянина русскаго; какъ, равнымъ образомъ, извѣстно, что прибалтійскіе

фоны и бароны, кромѣ тьмы п глуши—ничего не вносили въ крестьянскую жизнь!..»

Что меня беспокоило, что меня убивало—это угнетенное состояніе стариковъ—моихъ родителей, которые, какъ я видѣлъ, страшались за мою будущность.

Сяжу, бывало, я въ своей миниатюрной комнаткѣ, и слышу входитъ какая-нибудь прѣвзжая матушка изъ сосѣдняго села; и сейчасъ же начинается изливать свое сочувствіе моей матери: «слышали, матушка, слышали, сударыня, какой вамъ послалъ крестъ Господь подь старость, что дѣлать—на все воля Божія—терпѣть нужно»...

Мать не можетъ удержаться отъ слезъ, начинаетъ плакать. Я иногда, чтобы прекратить сочувствіе душеспасительныхъ матушекъ, выходилъ самъ къ материнымъ гостямъ, и въ моемъ присутствіи разговоръ о тяжести креста, ниспосланнаго моимъ родителямъ въ лицѣ моемъ, сейчасъ же прекращался.

Въ Свѣтлый день Пасхи 1881 года я, совмѣстно съ родителемъ, отслужилъ въ послѣдній разъ божественную литургію, и больше не приступалъ къ священнослуженію. Представленіе преосвященнаго по моему дѣлу отправлено было въ Синодъ 12-го іюня. Теперь все дѣло перешло въ Петербургъ.

Государь императоръ, снисходя къ исключительности положенія моего, всемилостивѣйшіе повелѣтъ соизволилъ разрѣшить мнѣ, по сложеніи священства, вступить въ государственную службу, на правахъ родоприсхожденія и воспитанія моего, въ предѣлахъ Россійской имперіи, за исключеніемъ того края, гдѣ я проходилъ должность священника. Высочайшее повелѣніе состоялось 5-го сентября, а въ половинѣ октября данъ былъ Синодомъ указъ нашей духовной консисторіи о рѣшеніи моего дѣла на основаніи высочайшаго повелѣнія.

У насъ въ обществѣ, мало знакомомъ съ дѣлами и положеніемъ духовенства, сложились цѣлыя легенды «о растриженіи» священниковъ. Легенды эти о процессуальной сторонѣ «растриженія» заключаютъ въ себѣ чрезвычайно нелѣпныя сказанія. По сказаніямъ иныхъ, «процессъ» растриженія производится во время архіерейскаго богослуженія въ церкви, другіе не только рассказываютъ, но утверждаютъ, что «растраженіе» производится въ консисторіи, куда приглашается цирюльникъ, для стриженія волосъ лица слагающаго свой санъ. Всѣ эти нелѣпныя сказанія не заключаютъ въ себѣ ни одного слова правды. Собственно со мной вотъ что было въ консисторіи. Узнавъ о полученіи синодскаго указа я, заранѣе одѣвшись въ гражданское платье (я его и въ деревнѣ уже носилъ, подавши прошеніе о сложеніи священства), являюсь въ консисторію во фракъ и прошу столоначальника доложить секретарю о моемъ приходѣ. Секретарь вышелъ ко мнѣ въ канцелярію, очень лю-

безно предложилъ прочесть и подписать синодальный указъ о дозволеніи мнѣ сложить духовный санъ и вступить въ службу государственную. Я расписался въ прочтеніи указа, вручилъ секретарю свою ставленную грамоту, сургучная печать съ которой тутъ же была сорвана и уничтожена. Заси́мъ, по совѣту г. секретаря, я явился въ присутствіе консисторіи, поклонился отцамъ членамъ оной. Тѣ любопытно съ ногъ до головы осмотрѣли меня своими духовными очами,—тѣмъ все дѣло и кончилось. Изъ духовной консисторіи я отправился къ преосвященному, облобызалъ его святительскую руку и поклонился до сырой земли досточтимому іерарху за его истинно отеческое отношеніе къ немощамъ моимъ. Выходя отъ святителя, я хотя зналъ и чувствовалъ, что получилъ гражданскую свободу, но отказавшись отъ дѣлъ и очутившись внѣ всякой профессіи, долженъ былъ подумать о своемъ устройствѣ, долженъ былъ найти или опредѣленный родъ службы, или родъ занятій, дающій возможность существованія.

Благодаря моему службѣ по военному вѣдомству, у меня было много лицъ высокопоставленныхъ, на содѣйствія которыхъ, въ случаѣ надобности, я могъ рассчитывать. Главные же мои расчеты и надежды основаны были на обѣщаніи начальника таможенного округа дать мнѣ должность по таможенному вѣдомству. Но въ какой я пришелъ ужасъ, когда, при чтеніи указа въ консисторіи о дозволеніи вступать въ гражданскую службу, узналъ, что мнѣ запрещено служить въ томъ краѣ, гдѣ служилъ мой покровитель. Это меня поразило какъ громомъ. Запрещенія этого я никакъ не ожидалъ, и являясь къ преосвященному, высказалъ ему трудность своего положенія. Владыко мнѣ посоветовалъ обратиться къ мѣстному начальнику губерніи, какъ человѣку просвѣщенному, могущему понять мое положеніе... Совѣтъ архипастыря я исполнилъ и въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ я былъ зачисленъ въ штатъ канцеляріи губернатора.

16-го октября 1881 года изъ покоевъ Владимірскаго преосвященнаго Θεогноста я направился въ домъ владимірскаго губернатора І. М. Судіенко. Его я вовсе не зналъ и ему извѣстенъ не былъ.

— Я васъ лично не знаю,—сказалъ онъ,—но знаю вашу дѣятельность и готовъ васъ принять въ мою канцелярію, если противъ этого ничего не будетъ имѣть мѣстный владыка.

Я передалъ генералу, что по указанію преосвященнаго я явился къ нему.

— Побывайте денька черезъ два.

Такъ я и сдѣлалъ.

Являюсь вторично къ губернатору, чрезъ два дня, съ приготовленной докладной запиской, на которой, написавъ резолюцію, губернаторъ мнѣ сказалъ:

— Теперь идите въ мою канцелярію и познакомьтесь съ правителемъ дѣлъ.

Я спустился внизъ губернаторскаго дома — въ губернаторскую канцелярію.

Первый разъ въ жизни вступилъ я за порогъ этой канцеляріи, которая представляла собою переднюю, увѣшанную шубами и пальто чиновниковъ, за передней слѣдовала комната, освѣщаемая однимъ окномъ, — регистраторская, съ маленькимъ, худенькимъ старикашкой регистраторомъ на лицо; налѣво изъ этой комнатки ведетъ дверь въ комнату, съ двумя окнами, обращенными во дворъ, занятая чиновниками, въ моментъ моего входа, усердно работавшими перьями.

— Гдѣ пройти къ правителю канцеляріи, — спросилъ я сторожа-солдатика, взявшаго мое пальто въ передней.

— А вотъ извольте идти прямо и, затѣмъ, пройдя двѣ комнаты — налѣво.

Я прошелъ въ указанномъ направленіи въ кабинетъ правителя и предсталъ предъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, за которымъ сидѣлъ въ вицъ-мундирѣ господниѣ пожилыхъ лѣтъ, худой до крайности, съ папирсой во рту, съ перомъ въ рукѣ, заваленный ворохомъ бумагъ. Это и былъ правитель канцеляріи, который при моемъ приближеніи къ столу, поднялъ глаза и окинулъ ими меня съ ногъ до головы.

— По приказанію г. начальника губерніи, имѣю честь явиться, — обратился я къ правителю канцеляріи.

— Что угодно? — коротко спросилъ меня правитель.

— Его превосходительству угодно зачислить меня въ штатъ канцеляріи, и оны приказаль мнѣ представиться вамъ.

— Вы были у генерала?

— Да.

— У васъ въ канцеляріи нѣтъ мѣстъ, посмотрите, всѣ столы биткомъ набиты.

— Я зачисленъ въ штатъ канцеляріи г. начальникомъ губерніи и, являясь къ вамъ, исполняю волю его превосходительства.

— А я повторяю вамъ, у меня въ канцеляріи мѣстъ нѣтъ, куда же я васъ помѣщу.

Такой встрѣчей со стороны правителя канцеляріи я былъ разумѣется не особенно обрадованъ, и отлично понималъ, что возражать и непрактично и неудобно, а потому, принявъ выжидательную позу, молча стоялъ предъ столомъ правителя, который, бросивъ окурокъ папирсы, сталъ читать бумаги.

Такъ длилось минуты двѣ-три, показавшіяся мнѣ часомъ. Чиновники изъ-за своихъ столовъ осторожно посматривали въ мою сторону и очень тихо перешептывались.

Отбросивъ бумагу, правитель снова окинулъ меня взглядомъ, и какъ бы удивляясь тому, что я все еще стою предъ его столомъ, мимоходомъ замѣтилъ:

— Ничего не могу сдѣлать, буквально нѣтъ ни одного свободнаго стула.

— Что же мнѣ прикажете дѣлать? Я долженъ возвратиться къ его превосходительству и доложить, что вамъ не угодно допустить меня до занятій въ канцеляріи, но мнѣ беспокоить начальника губерніи докладомъ подобнаго рода не только не желательно, но даже совѣстно.

— Какъ угодно... впрочемъ, я переговорю съ генераломъ, придите денка черезъ два.

Я сдѣлалъ глубокой поклонъ правителю, а онъ кивнулъ головой.

Пріемъ правителя канцеляріи такъ меня озадачилъ, что я, просто, растерялся и не зналъ, что дѣлать. Два мучительные дня моего ожиданія показались мнѣ вѣчностью; но и эти два дня прошли, какъ все проходить въ жизни, и вотъ, я снова въ губернаторской канцеляріи, снова предъ правителемъ оной.

— А, вотъ и вы,—ласково встрѣтилъ меня правитель канцеляріи, подавая мнѣ, къ удивленію моему, руку. — Я думаю помѣстить васъ въ земскій столъ. Александръ Васильевичъ, пожалуйста сюда.

На приглашеніе правителя, вошелъ въ его кабинетъ весьма молодой, благообразный чиновникъ въ черномъ сюртукѣ, съ едва пробивающимися усами.

— Вотъ возьмите къ себѣ помощника, и научите его нашей премудрости,—сказалъ правитель молодому чиновнику, а обратясь ко мнѣ добавилъ:— а вы, на первыхъ порахъ, постарайтесь изучить здѣсь отношенія, а затѣмъ, привыкните и къ дѣлу.

Такъ началась моя гражданская служба, о которой расскажем въ будущемъ.

Н. С—въ.

**Дозволеніе прїѣзжать дворянамъ въ Благородное собраніе во
фракахъ.**

1802 г.

*Репорты московскаго оберъ-полиціймейстера Каверина московскому ге-
нералъ-губернатору графу И. П. Салтыкову.*

I.

Вчерашняго числа было благородное собраніе, гдѣ я по болѣзни моей быть не могъ, а г-нъ полиціймейстеръ полковникъ и кавалеръ Ивашкинъ увѣдомилъ меня, что въ ономъ было 225 персонъ, и что нѣкоторые прїѣзжали и были въ собраніи во фракахъ. Но какъ о семъ разрѣшенія отъ вашего сіятельства я не имѣю, то дабы не оставалось оное на отчетѣ моемъ, имѣю честь о томъ донести вашему сіятельству.

II.

Директоръ Благороднаго въ Москвѣ собранія господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Апполонъ Андреевичъ Волковъ вчерашняго числа, встрѣтись со мной въ манежѣ берейтора Хиарина и объяснилъ мнѣ, что Благородное собраніе по причинѣ чрезвычайно малаго сѣзда въ оное за непозволеніемъ быть тутъ во фракахъ, нынѣ почти совсѣмъ прекращается, далъ мнѣ знать, что при наступленіи теперь времени къ новой подпискѣ на оное для будущаго года, дабы совершенно не разрушить онаго, предполагаетъ онъ не воспрепятъ прїѣзжать въ оное и во фракахъ, приводя въ доказательство, что въ Англинскоѣ клубъ, коего статутъ удостоенъ высочайшей конфирмаціи, обыкновенно въ оныхъ сѣзжаются. Я сего числа нарочно былъ у господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Николая Ивановича Маслова, который также съ своей стороны находитъ дозволеніе сіе съ выгодами Благороднаго собранія сообразнымъ. Не могли (дать) самъ собою согласія моего, также и не имѣя права безъ согласія директоровъ допускать въ одѣяніи, называемомъ фракъ, буде бы кто въ сіе собраніе въ ономъ прїѣхалъ, представя о томъ вашему сіятельству, испрашиваю начальническаго въ резолюціи предписанія.

Графъ Ив. П. Салтыковъ разрѣшилъ прїѣзжать во фракахъ.

Сообщ. бар. Н. В. Дризень.

НЕ ПЕЙ ДРОЗДОВКИ.

(Изъ жизни духовенства Московской епархіи ¹⁾).

Въ селѣ верхнемъ или каменномъ Мячковѣ, Бронницкаго уѣзда Московской губ., священствовалъ около полустолѣтія всѣми уважаемый и любимый іерей Ѳеодоръ Климовичъ Сахаровъ. Онъ былъ законоучителемъ мѣстнаго училища вѣдомства государственныхъ имуществъ, усердно и успѣшно боролся съ расколомъ, значительно распространеннымъ въ той мѣстности, много лѣтъ состоялъ безсмѣнно благочиннымъ и даже имѣлъ камиллаву, что при Филаретѣ почиталось большою рѣдкостью не только среди сельскаго, но и городского духовенства.— Однимъ словомъ, отецъ Сахаровъ пользовался благоволеніемъ знаменитаго московскаго іерарха. Дѣйствительно, бывая въ Москвѣ, мячковскій благочинный всегда имѣлъ свободный доступъ къ Филарету и по часту бесѣдовалъ съ нимъ, чему многіе изъ духовенства завидовали.

Однажды, рассказывалъ намъ Ѳеодоръ Климовичъ, пріѣхалъ онъ въ Москву по дѣламъ своего благочинія и, запоздавъ на Троицкое подворье, гдѣ имѣлъ пребываніе митрополитъ, отправился къ одному знакомому, близко живущему консисторскому чиновнику, человѣку съ вѣсомъ и вліяніемъ. Тамъ онъ засталъ цѣлую компанію сослуживцевъ хозяина и нѣсколькихъ московскихъ священниковъ въ веселой оживленной бесѣдѣ. На столѣ была цѣлая батарея графиновъ и бутылокъ, разныя закуски и снѣди,—словомъ вся благая. Какъ хозяинъ, такъ и гости его были какъ говорится на второмъ взводѣ.

— А! отецъ благочинный, милости просимъ: гряди въ совѣтъ нечестивыхъ! весело привѣтствовалъ прибывшаго хозяинъ. Садись ближе

¹⁾ Записано со словъ Ѳ. К. Сахарова въ г. Бронницахъ въ 1867 году.

къ столу. Чѣмъ угощать дорогого гостя? Вотъ портвейнъ, мадера, хересь, малага, тенерафъ. Дерзай, друже!

— Э, Богъ съ вами!—говорить, поздоровавшись съ присутствующими, Ѳедоръ Климовичъ.—Это вы, московскіе щеголи, привыкли къ разнымъ заморскимъ пойламъ, а мы, люди деревенскіе, простые, ѣдимъ пряники неписанные: намъ бы вотъ дроздовочки. Гдѣ она тутъ у васъ?—И сталъ отыскивать между бутылками рябиновую настойку.

Консисторскіе значительно переглянулись.

Побесѣдовавъ часокъ-другой съ пріятелями и пропустивши рюмочки три дроздовочки, отецъ благочинный отправился ночевать на постоянный дворъ у Сухаревой башни, гдѣ по своему обыкновенію всегда останавливался. На другой день, вставши спозаранку, онъ тщательно осмотрѣлъ свою праздничную драповую рясу и, украсивъ себя мѣднымъ наперснымъ крестомъ на владимірской лентѣ въ память событій 1853—1856 г.г. и высокою фіолетовою камилавкой, часу въ 10-мъ поплелся пѣшечкомъ на митрополичье подворье.

Въ пріемной владыки никого еще не было, и келейникъ немедленно доложилъ о прибытіи мячковскаго благочиннаго, но долго пришлось послѣднему дожидаться аудіенціи, чего прежде до этого случая никогда не бывало: благочинный, какъ уже сказано, пользовался особымъ милостивымъ расположеніемъ митрополита. Наконецъ позвали въ кабинетъ. Владыка былъ замѣтно не въ духѣ и, послѣ троекратнаго земнаго ему поклоненія благочиннаго, сурово промолвилъ:

— Зачѣмъ пожаловаль? Я слышалъ, что у тебя по благочинію безпорядки. Ты, кажется, старъ становишься: вожжи то совсѣмъ распустилъ.

Не чувствуя за собою никакихъ особыхъ погрѣшностей и упущеній, о. Ѳедоръ осмѣлился робко возразить:

— Владыка святой, я по мѣрѣ силъ своихъ всегда старался оправдать ваше высокое ко мнѣ довѣріе и милостивое благоволеніе. Я не знаю чѣмъ...

— А я знаю, перебилъ митрополитъ, молчи! Ступай домой и жди ревизора: черезъ двѣ недѣли пришло.

Глубоко огорченный, никакъ не умѣя объяснить себѣ гнѣва владыки, возвратился благочинный во-свои въ Мячково. Перебралъ, пересмотрѣлъ всѣ дѣла свои, думалъ не было-ли на него какого доноса, но пришелъ къ убѣжденію, что ожидать этого было не за что, да и не отъ кого,—всѣ такъ его любили и, скрѣпя сердце, сталъ ожидать ревизіи. Прошло двѣ недѣли, обѣщаннаго ревизора не было. Прождавъ еще столько же, благочинный рѣшился наконецъ самъ съѣздить въ Москву и разузнать все досконально: неизвѣстность крайне его мучила. Въ Москвѣ, не заѣзжая ни къ кому, онъ прямо отправился на митро-

полныче подворье. Въ приемной и на этотъ разъ никого не было, но дожидаться ему долго не пришлось: его тотчасъ же приняли. Съ великимъ трепетомъ вступилъ благочинный въ кабинетъ митрополита, который въ то время кушалъ чай.

— Что скажешь? привѣтливо проговорилъ Филаретъ, преподавая ему благословеніе и обращаясь къ келейнику, приказалъ подать бывшему чашку чаю.

— Явился, владыка святой, узнать вашу волю: вы изволили обѣщать прислать ревизора въ мое благочиніе,—промолвилъ о. Ѳеодоръ, дрожащими руками принимая съ подноса чашку, принесенную ему келейникомъ.

— Скажи мнѣ, о. Ѳеодоръ, вскинувъ своими пронизательными глазами, быстро спросилъ митрополитъ: что ты дѣлаешь когда тебя кусаетъ блоха?

Озадаченный такимъ вопросомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ободренный ласковымъ тономъ митрополита, благочинный, съ минуту подумавъ, отвѣчалъ:

— Стараюсь изловить ее, владыка, закатать поплотнѣе между пальцами и на ноготь.

— А я такъ не дѣлаю: я вотъ чаемъ пою. Ступай съ миромъ, да будь осмотрительнѣе въ словахъ, не болтай зря пустяковъ: это простибельно только молокососамъ, а мы съ тобою не маленькіе.

Вышелъ благочинный отъ Филарета, хотя съ облегченнымъ сердцемъ, но недоумѣвая никакъ, къ чему онъ рассказывалъ ему такую притчу, за что обозвалъ его блохою и чѣмъ могъ онъ обезпокоить митрополита. За разъясненіемъ своихъ недоразумѣній отправился о. Ѳеодоръ къ одному благопріятелю изъ тѣхъ, что были на вечернемъ угощеніи въ первый свой пріѣздъ въ Москву, и рассказалъ ему со всѣми подробностями о двухъ своихъ свиданіяхъ съ Филаретомъ.

— Не пей дроздовки ¹⁾, о. благочинный, и благо ти будетъ и долготѣевъ будешь во благочиніи, пояснилъ благопріятель, выслушавъ рассказъ о. Ѳеодора.

Однимъ изъ наушниковъ, завидовавшимъ постоянной благосклонности митрополита къ мячковскому благочинному, передано было, что онъ глумился надъ фамиліею митрополита, называя рябиновую настойку дроздовкою.

Н. Кельшъ.

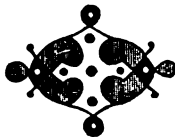
¹⁾ Митрополитъ Филаретъ происходилъ изъ фамиліи Дроздовыхъ.

Memento mori.

(Петергофское кладбище).

Я былъ на кладбищѣ, безмолвно кругомъ,
Лишь листья деревьевъ шуршали,
Да волны залива играя съ пескомъ,
Какую-то сказку шептали.
Быть можетъ той сказкѣ, повитые сномъ,
Жильцы Божьей нивы внимали?
Грустили, быть можетъ, о прошломъ быломъ,
О милыхъ друзьяхъ вспоминали?
Иль духомъ витая въ эфирѣ святомъ,
Всѣ тайны земли разгадали?...
Но снать непробудно повитые сномъ,
Надъ ними вѣка пробѣгаютъ....
А волны залива все также съ пескомъ
На солнышкѣ вѣчно играютъ.....

Ал. Ив. С — въ.

Медицинскія разсужденія о нынѣшнемъ состояніи здравія европейскихкихъ дворовъ (1734 г.).

Папа. Наше благословеніе есть генеральный медикаментъ на всѣ болѣзни.

Цесарь. Когда аглинская соль къ тому же прибудеть, то полевая моя аптека на всякія случаи учреждена и снабдена.

Россія. Отъ моихъ пидюль Станиславу и ево партіи проносъ до Данциха учинился.

Франція. Мои золотыя тинктуры у другихъ нарочитое дѣйство имѣли, а нынѣ мнѣ самому въ нихъ есть нужда.

Гишпанія. Я чрезъ цѣлый годъ уже лечюсь и употребляю всѣ десператныя лекарства, токмо болѣзнь всегда хужше становится, понеже я по онымъ себя не воздержу.

Англія. Болѣзнь есть прилипчивая: я буду больныхъ отъ здоровыхъ отлучать.

Португалія. Я не болна, однакожь и не здорова.

Швеція. Натура моя съ послѣдней моей болѣзни еще вѣсма слаба и для того, отъ всякихъ невоздержныхъ поступковъ себя ухранять (sic) принуждена.

Дачія. Я ожидаю пока болѣзнь болѣе явится.

Пруссія. Я имѣю какъ про себя, такъ и про другихъ довольно лекарствъ, токмо желанія не имѣю лечитися и охраняю себя отъ перваго вида (?) крови.

Король польскій. Нѣкоторый секретъ отъ орловой крови ¹⁾ мнѣ вѣсма способствовалъ.

Сардинія. Кромѣ саливаціи ²⁾ мнѣ трудно будетъ вылѣчится.

Голандія. Мы не охотники къ болнымъ ходить.

¹⁾ Вѣроятно помощь Россіи и Австріи, у коихъ орлы въ гербахъ.

²⁾ Слювотеченіе отъ отравы.

Станиславъ. Явившаяся паки болѣзнь моя гораздо хуже первой. Германскіе государственные князья. Когда мы токмо лихоратку изъ живота истребимъ, то опасности не будетъ.

Швейцары. Колите нашъ пометь заблаговременно, то въ нуждѣ способъ имѣть будете.

Соединенныя круги немѣцкаго государства. Главное наше попеченіе есть, чтобъ токмо животъ отъ запору предохранять.

Донъ-Карлосъ гишпанскій. Я принужденъ себя лѣчить отъ старыхъ лѣкаровъ и повивальныхъ бабокъ.

Персія. Потребно намъ есть новое лошадиное лѣкарство, чтобъ отъ лунной болѣзни вѣсма вылѣчится.

Турки. Оныя мужики жестокой клистеръ у насъ ставили.

Государственный примасъ польскій. Кто бы такихъ опасныхъ приключительствъ чаялъ? Жаль что я своихъ болныхъ въ Краковѣ послѣднимъ миромъ не помазалъ.

Списана мѣсяца апрілія 27-го числа 1734 года въ санктъ-питеръбургѣ.

Эти разсужденія написаны почеркомъ XVIII вѣка на 6 бѣлыхъ страницъ, въ концѣ печатной книги „книга учащая морского плаванія“ Деграфа, Амстердамъ, 1701 г., у Аврама Бремапа (6 пензи съ гравюрой + III + 24), находящейся въ библиотекѣ новгородскаго Софійскаго собора. „Разсужденія представляютъ изъ себя политическій памфлетъ на положеніе Европы въ 1733 году. Бѣгство безсильнаго, низложеннаго въ первый разъ въ 1709 году, Станислава Лещинскаго съ Варшавскаго сейма въ Данцигъ 22-го сентября 1733 года, поддержка короля Августа III-го русской арміей подъ начальствомъ Ласси, агитація за Станислава-Федора Потоцкаго, примаса гнѣзенскаго, нейтралитетъ Англіи и Голландіи (по Гагскому договору) въ войнѣ за прагматическую санкцію, война султана Махмуда съ персами—все это воспроизведено въ этомъ любопытномъ памфлетѣ, едва ли не первомъ памятникѣ политической сатиры въ Россіи. Переводъ ли это или оригиналъ (сужу по нгрѣ словомъ миръ въ рѣчи примаса),—рѣшить пока трудно. О прогностикахъ (предсказаніяхъ) одновременнаго польскаго календаря см. „Исторія Россіи“ Соловьева т. XX прилож. 4.

Сообщ. И. Шляпкинь.

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

О Т Ъ

МОСКВЫ ДО КРАСНОЙ ПАХРЫ.

V¹).

наши войска перешли р. Нару и заняли позицію, названную Тарутинскою, по селу этого имени, лежащему на половинѣ пути между Москвою и Калугой, на старой Калужской дорогѣ. Осмотрѣвъ мѣстность, князь Кутузовъ сказалъ: «Теперь ни шагу назадъ» и дѣйствительно, стоянка нашихъ войскъ при Тарутинѣ была послѣднею на пути отступленія²). «Въ день осмотра позиціи, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей-очевидцевъ, которая вполне удовлетворила предначертанному Кутузовымъ плану кампаніи, старикъ былъ очень веселъ и въ первый разъ заговорилъ о важности предстоящей зимней кампаніи. Онъ подозревалъ Толя и Комовницына и тутъ же отдалъ приказъ, чтобы написать губернаторамъ о заготовленіи полушубковъ для всей арміи. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, пилъ чай и диктовалъ подробности этого распоряженія, и

¹) См. „Русскую Старину 1897 г. № 10 (октябрь) стр. 189. Какъ эта такъ и слѣдующая глава печатаются съ черновыхъ набросковъ, для возстановленія по которымъ текста потребовалось нѣкоторое время, что и замедлило печатаніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что покойный А. Н. Поповъ не считалъ эти главы окончательно обработанными и приготовленными къ печати; но и въ черновыхъ наброскахъ его встрѣчается столько новаго, что они вполне заслуживаютъ вниманія и читателя и ученаго изслѣдователя этой эпохи. Ред.

²) Михайловскій-Данилевскій. Полн. собр. сочиненій, т. V, стр. 15.

много говорилъ о будущей зимней кампаніи и о томъ, какъ надобно беречь людей» ¹⁾).

Рѣшившись остановиться въ избранной позиціи, всё его мысли заняты были приготовленіями къ будущимъ дѣйствіямъ противъ непріятеля. Въ это время пріѣхалъ бар. Беннигсенъ. Конечно онъ не могъ сочувственно отвестись къ позиціи, въ избраніи которой сильное участіе принималъ Толь, котораго онъ ненавидѣлъ и презиралъ. Беннигсенъ началъ доказывать фельдмаршалу, что въ этой позиціи нельзя принять сраженія, потому что лѣвый ея флангъ, примыкавшій къ лѣсамъ, былъ чрезвычайно слабъ. Все сраженіе сосредоточилось бы на этомъ флангѣ, а въ случаѣ успѣха непріятеля онъ проберется къ Малоярославцу и откроетъ себѣ свободный путь къ отступленію, куда пожелаетъ. Беннигсенъ былъ совершенно въ этомъ правъ, по свидѣтельству всѣхъ военныхъ людей нашъ лѣвый флангъ былъ слишкомъ слабъ, но къ сожалѣнію во всей средней полосѣ Россіи было весьма трудно найти боевую позицію, которая, по природнымъ свойствамъ, представлялась бы вполне надежною.

Лѣвый флангъ Бородинской позиціи былъ также слабъ, но тѣмъ не менѣе Беннигсенъ приписывалъ ея выборъ себѣ. Находясь въ такомъ раздраженномъ состояніи, что даже не принималъ въ расчетъ никакихъ иныхъ соображеній и упираясь только на слабость лѣваго фланга Тарутинской позиціи, онъ упорно настаивалъ на томъ, что войска не должны въ ней оставаться. Разговоръ продолжался долго, говоритъ кн. Голицынъ, сперва разсуждали хладнокровно, но потомъ Кутузовъ, разгорячившись и не имѣя что возразить на представленія барона Беннигсена, сказалъ ему:

— Ваша позиція при Фридландѣ была хороша для васъ, ну, а я доволенъ этою позиціею, и мы на ней останемся, потому что я начальствую и отвѣчаю за все.

Кн. Кутузовъ самъ подробно объяснилъ причины, заставившія его остановиться при Тарутинѣ. Встрѣтившись впоследствии съ маркизомъ Паулуччи, въ Полоцкѣ онъ говорилъ ему:

— Кромѣ расчета времени, которое долженъ былъ стараться выигрывать всевозможными способами, я не долженъ былъ и думать отступить за Калугу; куда бы это насъ завело! При томъ это всегда оставалось въ нашей власти, если-бы непріятель пошелъ на насъ. Мнѣ нужно было остановиться на мѣстѣ, что бы переустроить войска и не слишкомъ беспокоить Наполеона. Эта позиція была не хуже всякой другой. Впрочемъ, я былъ почти увѣренъ, что Наполеонъ не рѣшится пасть въ ней на насъ, потому что для него гораздо выгоднѣе

¹⁾ Записки кн. А. Г. Голицына

было маневрировать, нежели дать сраженіе. Никто не могъ предвидѣть, чтобы онъ такъ долго могъ оставаться въ Москвѣ и что онъ изберетъ для своего отступленія большую Смоленскую дорогу. Каждый день, проведенный нами въ этой позиціи, былъ золотымъ днемъ для меня и для войскъ и мы хорошо имъ воспользовались.

Главная квартира расположилась въ небольшой деревнѣ Леташовкѣ въ трехъ верстахъ отъ Тарутина, по направленію къ Калугѣ. Ея помѣщеніе было крайне тѣсной неудобно, потому что въ Леташовкѣ не было ни помѣщичьей усадьбы, ни церкви. Фельдмаршалъ поселился въ простой крестьянской избѣ съ тремя окнами. Эта изба состояла изъ одной комнаты, въ углу которой у дверей помѣщалась большая печь и отъ нея шла тесовая перегородка до противоположной стѣны. За этой перегородкой устроена была кровать фельдмаршала; лицевая же комната составляла его кабинетъ, приемную и столовую. Неподалеку отъ квартиры кн. Кутузова помѣстился въ курной избѣ ген. Коновницынъ, гдѣ готовили кушанье; тамъ же производились всѣ работы канцеляріи главнаго штаба.

Такія же избы занимали Толь и конечно всѣ другіе высшіе чины главной квартиры. Только помѣщеніе бар. Беннигсена было нѣсколько просторнѣе; у него былъ хорошій поваръ; его походная кухня была снабжена достаточнымъ количествомъ запасовъ. Онъ держалъ открытый столъ и его посѣщали очень многіе.

Комендантъ главной квартиры полковникъ Ставраковъ на дворѣ той же избы, которую занималъ Коновницынъ, занималъ овечьій сарай безъ оконъ и безъ всякаго устройства. Въ немъ не было ни стола, ни стула и только земляной полъ былъ устланъ соломой. Но надъ воротами красовалась сдѣланная на доскѣ надпись: «Тайная канцелярія главной квартиры»; этотъ сарай былъ обширенъ сравнительно съ помѣщеніями въ избахъ и потому составлялъ пріютъ и убѣжище всѣмъ офицерамъ, являвшимся въ главную квартиру съ донесеніями или для полученія приказаній. Каждый вечеръ тамъ собирались молодые офицеры, состоявшіе въ свитѣ фельдмаршала; пили чай при свѣтѣ сальной свѣчи и гадательно толковали о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Подобныя разговоры велись конечно и въ другихъ избахъ Леташовки, занятыхъ высшими лицами главнаго штаба. «Толь, говоритъ его биографъ, былъ убѣжденъ, что Наполеонъ скоро долженъ будетъ рѣшиться на отступление, съ увѣренностію смотрѣлъ на будущее и ожидалъ важныхъ послѣдствій. Въ этомъ смыслѣ онъ выражалъ свои взгляды ежедневно въ маленькой комнаткѣ избы, занимаемой Коновницынымъ въ присутствіи офицеровъ тайной канцеляріи. Онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ скоро оставитъ Москву и тогда надо будетъ отбросить его на Можайскую дорогу, чтобы онъ принужденъ былъ отступить по этой опустошенной

мѣстности. Тогда, преслѣдуя его частію войскъ, главныя силы арміи должны слѣдовать параллельною дорогою. На Вязьму указывалъ Толъ, какъ на такой пунктъ, гдѣ надо предупредить непріятеля и преградить ему путь. Онъ указывалъ также и на другіе пункты, гдѣ можно было повторить то-же дѣйствіе, если бы непріятелю удалось прорваться у Вязьмы. При этомъ онъ чертилъ мѣломъ на столѣ, какъ должны двигаться войска. Молодымъ офицерамъ рѣчи Толя казались слишкомъ смѣлыми и мечтательными: но какое же въ ихъ глазахъ онъ послѣ получилъ значеніе, когда большая часть его соображеній осуществилась на самомъ дѣлѣ ¹⁾).

Быть можетъ, юнымъ слушателямъ Толя его предположенія и казались смѣлыми, но оставляя въ сторонѣ всѣ приписанныя ему подробности о томъ, какъ слѣдуетъ преслѣдовать отступающаго непріятеля, должно замѣтить, что не онъ только одинъ, но вообще всѣ были увѣрены, что непріятель въ крайне затруднительномъ положеніи, и что Наполеонъ долженъ будетъ скоро оставить Москву и рѣшиться на отступление, и что фельдмаршалъ ему готовитъ не завидную участь. «Наижесточайшіе враги Бонапарта, въ числѣ которыхъ я надѣюсь быть не изъ послѣднихъ, писалъ императору Р. Вильсонъ, не могутъ не пожелать ему иного положенія для приготовленія его гибели. Теперь нѣтъ ни одного офицера, ни солдата, которые не радовались бы тому, что онъ занялъ Москву, потому что всѣ увѣрены въ томъ, что пожертвованіе этимъ городомъ должно произвести избавленіе вселенной отъ тиранской власти, столь долго продолжавшейся». Это письмо было писано изъ Красной Пахры ²⁾. И съ тѣхъ поръ множество приводимыхъ въ лагерь плѣнныхъ не могли не убѣдить русскія войска въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ находится непріятель, и не возбудить въ нихъ надежды на скорый успѣхъ. Бернгарди постоянно желаетъ унижить значеніе кн. Кутузова и все то, что считаетъ необходимымъ одобрить въ его дѣйствіяхъ, приписываетъ влиянію на него Толя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность Толя въ 1812 году заслуживаетъ еще большей признательности за то, что самъ никогда не присвоивалъ себѣ заслугъ фельдмаршала, хотя усердный его поклонникъ и біографъ оказалъ ему послѣ его смерти такую услугу, отъ которой онъ самъ торжественно отказался при жизни. Когда въ 1824 году вышло въ Парижѣ сочиненіе о кампаніи 1812 г. ген. Батурлина, на него появилось много критикъ и въ одной изъ нихъ сказано: «все, что было сдѣлано хорошаго во время командованія русскими войсками кн. Кутузовымъ,

¹⁾ Bernhardi. Denkwürd. aus dem Leben des gr. Toll. ч. II ст. 207—208.

²⁾ Письмо Вильсона къ императору 13 (25) сентября изъ Красной Пахры.

принадлежитъ начальнику его штаба Толю» ¹⁾). Въ отвѣтъ на эту статью ген. Толь написалъ письмо къ ген. Батурину, прося его обнародовать. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «моя честь, прямодушіе свойственное всякому хорошему человѣку; сердечная признательность къ покойному фельдмаршалу, которую считаю священнымъ долгомъ сохранить и послѣ его кончины, налагаютъ на меня обязанность устранить отъ себя похвалы, которыя не основаны на истинѣ и вытекаютъ лишь изъ плодovitаго воображенія сочинителя статьи.

«Имѣвъ счастье служить во время достопамятной войны 1812 года подъ начальствомъ фельдмаршала въ качествѣ генераль-квартирмейстера, я считаю позволительнымъ гордиться тѣмъ, что раздѣлялъ съ нимъ тягости и труды этой славной кампаніи, былъ его главнымъ сотрудникомъ и первымъ исполнителемъ всѣхъ мѣръ, которыя онъ предпринималъ для уничтоженія непріятеля, и пользовался въ высшей степени его уваженіемъ и довѣренностію. Всѣ эти заслуги достаточно почетны для меня, и я не уступлю никому, но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы безчестно для меня сохранить молчаніе, когда дошло до моего свѣдѣнія сужденіе иностранца, который искажаетъ истину и бросаетъ ложный свѣтъ на заслуги великаго человѣка. Я считаю долгомъ объявить, что всѣ дѣйствія кн. Кутузова и мои во все продолженіе этой кампаніи хотя и стремились къ одной и той же цѣли, но тѣмъ не менѣе отличались существенно одни отъ другихъ, соотвѣтственно тѣмъ обязанностямъ службы, которыя были на насъ возложены. Онъ, слѣдуя съ твердostí и постоянствомъ тѣмъ наставленіямъ, которыя получилъ отъ августѣйшаго нашего государя, и начальствуя надъ всѣми русскими войсками, самъ почерпалъ изъ глубины своего обширнаго и опытнаго ума общіе планы для военныхъ дѣйствій, которые должны были привести къ совершенному истребленію непріятеля, и самъ опредѣлялъ время и мѣсто для успѣшнаго приведенія ихъ въ дѣйствіе. Я же, ограничиваясь кругомъ моихъ обязанностей, обрабатывалъ его мысли, составлялъ подробныя диспозиціи, необходимыя для всякихъ вообще военныхъ дѣйствій. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ всѣ пружины нашихъ военныхъ силъ, управляя дѣйствіями такимъ образомъ, чтобы наносить наибольше гибельные удары непріятелю; а я только направлялъ эти силы къ тѣмъ точкамъ, на которыя онъ указывалъ своимъ умомъ.

«Онъ, главный двигатель войскъ, возбуждалъ во всѣхъ слояхъ терпѣніе, самоотверженіе неустрашимость и увѣренность въ успѣхъ; а я самъ получалъ отъ него направленіе и новую ревность къ точному исполненію тѣхъ предписаній, которыя отъ него получалъ. Онъ достоинъ той

¹⁾ Эта статья помѣщена въ „Journal de Paris“ марта 25 по н. ст. 1824 г. № 85.

славы, которую воздаютъ ему его соотечественники и товарищи по оружію, называя его славнымъ именемъ спасителя отечества, а моимъ именемъ хотятъ только прикрыть себя завистники его славы и ослабить блескъ его лучей. Могу-ли? долженъ-ли я это стерпѣть?

«Конечно, мнѣніе о Кутузовѣ безымяннаго сочинителя статьи, по поводу которой пишу, не можетъ имѣть той силы, чтобы поколебать общее мнѣніе о заслугахъ фельдмаршала; но для своего собственнаго успокоенія, я считаю долгомъ повторить, что рѣшительно отрицаю, что относится до меня и что я поступаю точно такъ же въ отношеніи ко всякому сочиненію, написанному въ томъ же духѣ». Бернгарди считаетъ Толя правдивымъ и честнымъ человѣкомъ, поэтому то мы и вѣримъ свидѣтельству гр. Толя, а не личнымъ воззрѣніямъ его біографа.

Находясь въ такомъ положеніи къ фельдмаршалу бар. Толь едва-ли не болѣе всѣхъ могъ знать о предположеніяхъ и распоряженіяхъ кн. Кутузова, а потому его свидѣтельство о заслугахъ фельдмаршала получаетъ весьма важное значеніе. Зная общіе виды фельдмаршала, сочувствуя имъ конечно и проникнутый ими, онъ естественно могъ въ своихъ вечернихъ бесѣдахъ въ избѣ у Коновницына нападать на такія мысли и соображенія, которыя и совершились впоследствии по предначертаніямъ кн. Кутузова. Но Толь въ это время былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ для того, чтобы руководить общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій и давать наставленія фельдмаршалу. Онъ былъ искренно ему преданъ; и настолько уменъ, что понималъ мудрость его соображеній, настолько честенъ, чтобы не присвоивать себѣ чужихъ заслугъ и былъ вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній кн. Кутузова. Въ этомъ и состоитъ великая заслуга Толя предъ Россією, которая за то конечно должна быть къ нему весьма признательна.

Сентября 7-го наши войска подошли къ Красной Пахрѣ, 20-го вступили въ Тарутинскій лагерь и выступили изъ него 11-го октября. Въ продолженіе этихъ трехъ недѣль, главнѣйшею заботою фельдмаршала было доставить покой войскамъ, изнуреннымъ утомительнымъ, длиннымъ почти отъ самыхъ границъ имперіи продолжительнымъ отступленіемъ.

Эти войска, по выраженію Кутузова, составляли остатки первоначальной арміи, но закаленные въ бою могли дать прочную основу для новой арміи. «Главная забота моя, доносилъ императору кн. Кутузовъ, есть укомплектованіе войска».

Извѣщая о постепенно подходившихъ отрядахъ, онъ особенно былъ доволенъ приходившими конными полками и пожертвованіями лошадей. «Сии прибывающія лошади, писалъ онъ, и конница весьма мнѣ во-время, ибо многія части кавалеріи отъ безпрестанныхъ дѣйствій чрезвычайно ослабли. Теперь же, достигнувъ предполагаемой точки операціи, для

дѣйствія въ тылу непріятеля, кавалерія весьма нужна. Войска Донскаго атаманъ Платовъ увѣряетъ меня, что у него много въ скоромъ времени казаковъ прибыть должны; ихъ голову полагаетъ онъ уже въ Воронежѣ».

Подкрѣпленія начали подходить къ войскамъ, лишь только они перешли на Калужскую дорогу. «Всѣ прибывшія подкрѣпленія, доносили императору сэръ Р. Вильсонъ, которыя я видѣлъ, составлены изъ прекраснѣйшихъ людей, очень хорошо одѣты и окапированы. Сіи ежедневно подходящія подкрѣпленія умножаютъ и нравственныя и физическія силы нашего величества». Такъ писалъ онъ изъ Красной Пахры и затѣмъ повторяетъ и въ послѣдующихъ письмахъ изъ Мочи и Тарутинскаго лагеря, что «подкрѣпленія приходятъ ежедневно въ великомъ множествѣ», люди хорошо вооружены, лошади въ лучшемъ состояніи ¹⁾. Но что касается до вооруженія, то хорошо вооружены были только отряды изъ резервовъ; ополченіе почти вовсе не имѣло ружей и принуждено было довольствоваться топорами и пиками, хотя генералъ Барклай и увѣрялъ, что въ продолженіе 1810 и 1811 годовъ онъ успѣлъ пополнить арсеналы оружіемъ и учредить новые парки съ военными снарядами и другими потребностями всякаго рода²⁾. Но оружія недоставало и для регулярныхъ войскъ, поэтому пріобрѣтеніе его составляло одну изъ заботъ князя Кутузова. Послѣ Тарутинскаго сраженія генералъ Милорадовичъ писалъ къ графу Остерману: «прикажите сколько можно собрать ружей на мѣстѣ сраженія и оныя доставить въ главную квартиру. Его свѣтлость приказалъ за каждое ружье выдавать по 5-ти рублей»³⁾. «Наши подкрѣпленія, писалъ сэръ Робертъ Вильсонъ къ лорду Каткарту, подходятъ каждый день. Вчера наша армія состояла изъ 103 тысячъ человекъ, но до 15-ти тысячъ не имѣютъ еще ружей. Тула выставляетъ по 2000 въ недѣлю, и я видѣлъ ополченіе, которое съ своими пиками выходитъ на сраженіе съ такою же увѣренностію, какъ хорошо вооруженныя войска, и возвращается съ добычею, взятою у убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ ими въ плѣнъ непріятелей. До сихъ поръ еще не было ни одного примѣра, чтобы они уходили съ постовъ своихъ и многіе дѣйствуютъ въ переднихъ линіяхъ пѣхоты».

Не только вооруженіе ополченцевъ не соответствовало ихъ мужеству, но и для регулярныхъ войскъ недоставало ружей, поэтому оружіе было предметомъ не только заботъ фельдмаршала, но и общихъ заботъ

¹⁾ Письма Вильсона отъ 13-го (25-го) сентября изъ Красной Пахры; 15-го (27-го) сентября изъ Мочи. 27-го сентября (9-го октября) изъ Тарутина и др.

²⁾ Оправдательная записка, поданная Барклаемъ-де-Толли государю въ 1813 году.

³⁾ Ф. Н. Глинка: подвиги ген. Милорадовича. стр. 34.

въ Тарутинскомъ лагерѣ.—«Въ здѣшней арміи, продолжаетъ тотъ же англичанинъ, очень желаютъ имѣть англійское оружіе и это желаніе до такой степени обще и такъ часто повторяется, что я вынужденъ увѣдомить о томъ ваше сіятельство и надѣюсь, если привезено изъ Англій оружіе, что вы не откажетесь ходатайствовать, чтобы прислано было сюда нѣкоторое его количество»¹⁾). Товарищъ его лордъ Терконель, увѣдомля герцога Йоркскаго о многочисленности ополченій, прибавляетъ, «но въ нихъ мало будетъ пользы, пока не привезется оружіе изъ Англии. Я надѣюсь, что лордъ Каткартъ объяснилъ, какъ необходима эта мѣра, о которой всѣ русскіе офицеры постоянно говорятъ серу Роберту Вильсону и мнѣ»²⁾). Но оружіе не только не могло придти во время изъ Англии, но и Тульскій оружейный заводъ не могъ успѣть приготовить достаточное количество. Поэтому приходилось собирать непріятельскія ружья послѣ сраженій и отбирать отъ плѣнныхъ.

Каждое новое подкрѣпленіе, прибавляя силу нашимъ войскамъ поднимало и бодрость ихъ духа, но въ особенности самымъ радостнымъ событіемъ въ Тарутинскомъ лагерѣ было прибытіе казачьихъ полковъ съ Дона. Предписаніе атамана Платова о поголовномъ вооруженіи донцевъ, посланное имъ изъ Москвы 22-го августа, получено было 27-го въ Новочеркасскѣ, и 29-го сентября уже пять полковъ пришли въ Тарутинскій лагерь, и вслѣдъ за ними еще 21 полкъ. По полученію предписанія атамана «весь тихій Донъ взволновался, по свидѣтельству современника, всѣ отъ стараго до молодого летятъ на ратное поле защищать Россію, отмстить врагу коначнымъ его пораженіемъ или самимъ умереть. Во всѣхъ станицахъ раздался единодушный голосъ, умремъ за вѣру, за царя и отечество, не отдадимъ тихаго Дона врагамъ на поруганіе».

Со всѣхъ станицъ стекались сотнями, всѣхъ занимала одна мысль— спасеніе отечества, всѣ горѣли нетерпѣніемъ скорѣе быть на полѣ битвы и смерти. Атаманъ Платовъ отмѣнилъ изъ постановленія войскового правленія 23-го іюля о поголовномъ ополченіи нарядъ на службу 17 и 18 лѣтнихъ выростковъ, потому что они по молодости лѣтъ своихъ составлять будутъ одинъ только счетъ, и при томъ надобно, чтобы они оставались въ домахъ сколько для отбытія во внутренности войска повинностей, столько и для надзора за имуществомъ. Но всѣ донскіе старики, даже «прослужившіе отечеству болѣе сорока лѣтъ, покрытые ранами, отличенные честью и славою на своей родинѣ».

¹⁾ Письмо Вильсона къ лорду Каткарту 27-го сентября (9-го октября) изъ Тарутина.

²⁾ Письмо лорда Терконеля къ герцогу Йоркскому 20-го сентября (2-го октября) 1812 года.

вступили въ ополченіе, такъ же быстро собравшись какъ и достигши мѣста своего назначенія. Послѣ длиннаго утомительнаго похода они не искали отдыха, но просили ихъ немедленно по прибытіи въ Тарутинскій лагерь назначать для дѣйствій противъ непріятеля.

«Назначеніе 3-хъ полковъ, подъ командою генерала Грекова, писалъ генералъ Милорадовичъ Платову, 6-го октября, сейчасъ явившихся съ Дона въ дѣло противъ непріятеля, доказываетъ, сколь много ваше высокопревосходительство заботитесь объ общей пользѣ, изъ усердія къ службѣ и отечеству. Я приѣмлю съ благодарностію начальство надъ сими полками; отличная служба почтеннаго донскаго войска ведетъ всегда служащихъ съ ними къ чести и славѣ»¹⁾).

Это бородатое войско, какъ называетъ Вильсонъ, состоявшее изъ стариковъ и юношей, гдѣ часто дѣдъ находился рядомъ съ своими внуками, не могло не произвести впечатлѣнія на армію. Вся ратная жизнь Дона устремилась съ родныхъ пепелищъ на новые труды, на бой и на смерть. Свѣтлѣйшій самымъ пріятнымъ образомъ изумился такому неожиданному появленію столь значительнаго подкрѣпленія. Онъ встрѣтилъ донцевъ со слезами радости, обнялъ передъ ними съ чувствомъ искренней признательности знаменитаго вождя ихъ и принесъ моленіе Всевышнему, дабы благословилъ оружіе россіянъ новыми успѣхами. Все войско веселось, другъ друга ободряли: «какъ намъ не постоять за себя и не прогнать врага—и старики донскіе поднялись. Стыдно намъ будетъ, если отстанемъ, ихъ Богъ принесъ, онъ намъ поможетъ». Атаманъ Платовъ сказалъ имъ рѣчь, на которую они отвѣчали: «готовы умереть, гдѣ ты намъ прикажешь. Отомстимъ злодѣямъ за кровь нашихъ братьевъ умремъ и далѣе врага не пустимъ²⁾». Едва-ли не справедливо разсуждали тѣ изъ современниковъ, которые полагали, что князь Кутузовъ, зная, что къ войскамъ прибудетъ донское ополченіе, но молчалъ объ этомъ. Молчать онъ могъ не только потому, чтобы внезапнымъ появленіемъ этого ополченія произвести впечатлѣніе на войска и еще болѣе ободрить ихъ, но потому, что, вызовъ его состоялся безъ вѣдома государя. Притомъ переходъ по 60 верстъ въ сутки отъ береговъ Дона до береговъ Нары даже для донцевъ - стариковъ и донскихъ лошадей, могъ считаться едва-ли вѣроятнымъ; поэтому узнавъ, что передовые полки этого ополченія уже достигли Воронежа, онъ сообщилъ объ

¹⁾ О. Н. Глинки. Подвиги гр. Милорадовича. стр. 28—29.

²⁾ Н. Смирнаго: „Жизнь и подвиги гр. М. И. Платова“, ч. I стр. 191—196. О себѣ г. Смирный сказалъ: я былъ одинъ изъ близкихъ свидѣтелей его дѣяній, наблюдалъ его мысли и чувствованія. Въ теченіе послѣдней досто-славной съ французами войны, по высочайшему повелѣнію, я состоялъ при Платовѣ по дипломатической части.

этомъ государю, а потомъ постепенно его извѣщаль о ихъ прибытіи въ лагерь, и что непріятель долженъ скоро оставить Москву и начать отступленіе. Въ этомъ были увѣрены всѣ и каждый въ Тарутинскомъ лагерѣ въ это время. Что же касается князя Кутузова, то онъ предвидѣлъ это гораздо прежде и вѣроятно не безъ его вѣдома и согласія атаманъ рѣшился вызвать донское ополченіе. Могъ-ли не радоваться фельдмаршалъ ихъ прибытію во время, зная какую пользу можетъ принести легкая конница въ преслѣдованіи отступающаго врага. Послѣдствія оправдали его предусмотрительность, казаки оказали незабвенныя услуги Россіи въ преслѣдованіи великой арміи Наполеона и принудили ее не отступать, но бѣжать.

Каждый день стоянки въ Тарутинскомъ лагерѣ давалъ возможность не только увеличить составъ войскъ, но устроить ихъ вновь. «Армія теперь такъ сильна, писалъ серъ Робертъ Вильсонъ къ лорду Каткарту, что фельдмаршалъ отослалъ назадъ 15 тысячъ пѣхоты во Владимиръ»¹⁾. Дѣйствительно армія стала вдвое сильнѣе противъ того, какъ была при вступленіи въ Тарутинскій лагерь; вмѣсто 40 тысячъ строевого войска въ ней считалось уже 97 тысячъ, въ числѣ которыхъ состояло только 5 съ небольшимъ тысячъ плохо вооруженныхъ ополченцевъ; при этомъ - то устроенномъ ядрѣ войскъ состояло слишкомъ еще 20 тысячъ казаковъ.

«Мы жили спокойно въ Тарутинскомъ лагерѣ, говоритъ современникъ, не занимаясь французами. Насъ укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили тулупами, сапогами, удовольствовались сухарями, а лошадей овсомъ и сѣномъ въволю. Тутъ выдали намъ третное жалованье и сверхъ того нижніе чины за Бородинское сраженіе награждены были по пяти рублей ассигнаціями. Откуда что взялось! Изъ южной Россіи везли къ Тарутинскому лагерю по всѣмъ дорогамъ разные припасы. Среди биваковъ открылись у насъ лавки съ разными потребностями для военныхъ людей, завелась торговля и тутъ подлинно всѣ загуляли»²⁾. На мѣстѣ гдѣ было село Тарутино А. Н. Нарышкиной и въ его окрестностяхъ явился новый городъ, котораго гражданами были солдаты, а домами—шалаши и землянки. «Въ этомъ городѣ есть улицы, площади и рынки. На сихъ послѣднихъ изобиліе русскихъ краевъ выставляетъ всѣ дары свои. Здѣсь, сверхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ можно покупать арбузы, виноградъ и даже ананасы, тогда какъ французы ѣдятъ одну пареную рожь и, какъ говорятъ, даже конское мясо. На площадяхъ и рынкахъ Тарутинскихъ, солдаты продаютъ отнятыя у францу-

¹⁾ Письма изъ главной квартиры 24-го сентября (6 го октября) 25-го сентября (7-го октября) 1812 г. Письма лорда Терконея къ гр. Орловой 26-го сентября (8-го октября).

²⁾ Записки артиллериста ч. I гл. VII ст. 196.

зовъ вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водятъ лошадей, маркитанты торгуютъ виномъ и водкою. Здѣсь между покупщиками продающими и мѣняющими въ шумной толпѣ отдохнувшихъ отъ трудовъ воиновъ, среди ихъ пѣсенъ и музыки забылись на минуту и военное время, и то, что Россія уже за Нарою¹⁾. На рынкахъ Тарутинскихъ появился и особый родъ продавцевъ, — это плѣнные непріатели. «Многіе изъ нихъ имѣли у себя разныя вещи бронзовыя, серебряныя награбленныя ими въ Москвѣ, какъ то: перстеньки, серги и проч. Они торговали ими, и добрые солдаты послѣ вымѣнивали на хлѣбъ и сухари или покупали на деньги то, что могли бы отнять у грабителей какъ имъ принадлежащее»²⁾).

Но были недостатки въ лѣсѣ и соломѣ для устройства шалашей. Къ октябрю мѣсяцу, когда началось уже ненастье и даже небольшіе морозы, ихъ устраивали теплѣе, рыли даже землянки, а въ офицерскихъ шалашахъ появились каминныя; бивачныя костры горѣли повсюду. Заботы объ арміи простирались до того, что были устроены бани для солдатъ, не говоря уже объ изобиліи продовольствія и теплой одежды. Робертъ Вильсонъ въ письмахъ къ императору и лорду Каткарту постоянно повторяетъ, что войска изобилуютъ хлѣбомъ, мясомъ, водкою. «Только сѣна нельзя достать ближе, какъ за двадцать или за тридцать верстъ»³⁾. «Въ арміи большое изобиліе продовольствія и способы, какими обладаетъ эта страна въ отношеніи къ подвозамъ и передвиженію, превосходятъ все, что я могъ представлять себѣ въ этомъ отношеніи, писалъ лордъ Терконецъ⁴⁾. Кромѣ отдыха и прибытія постоянныхъ подкрѣпленій, духъ войскъ ободрялся и возвышался постоянно извѣстіями о томъ, что въ то время, когда наши силы умножаются и устроиваются, силы непріателя разстраиваются и уменьшаются ежедневно; когда наши войска снабжаются всѣмъ въ изобиліи — непріатели нуждаются въ продовольствіи и принуждены ѣсть пареную рожь и конину. Живымъ свидѣтельствомъ такого положенія противника были плѣнные. Ихъ приводили въ лагерь ежедневно и въ значительномъ количествѣ съ первыхъ дней вступленія войскъ на Калужскую дорогу.

«Плѣнныхъ продолжаютъ приводить въ большомъ числѣ, писалъ серъ Робертъ Вильсонъ къ лорду Каткарту; они единогласно рассказы-

¹⁾ О. Н. Глинки. Письма русскаго офицера ст. 39, письмо 30 сентября.

²⁾ О. Н. Глинки. Письма русскаго офицера ст. 186.

³⁾ Письма Вильсона къ императору 15-го (27-го) и 27-го сентября (9-го октября); къ лорду Каткарту 16-го (28-го) сентября.

⁴⁾ Письма лорда Терконецъ къ Л. М. въ Лондонъ 25-го сентября (7-го октября) Тарутино.

вають о состояніи ихъ армій, говорятъ, что ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ при вступленіи въ Москву, и объ общемъ неудовольствіи и что вовсе не исполняется общаніе скорого мира». Впослѣдствіи однако же, когда съ развитіемъ партизанскихъ дѣйствій и народной войны число плѣнныхъ достигло огромныхъ размѣровъ, они становились уже въ тягость нашей главной квартирѣ. «Потери непріятели плѣнными, писалъ лордъ Терконель въ Англію, превосходятъ всякое понятіе и въ такомъ количествѣ, что получаемыя непріятеlemъ подкрѣпленія едва ли могутъ замѣнить столь значительныя ежедневныя потери,—и я никогда не повѣрилъ бы, чтобы его войска могли ее вынести. Прислано было болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ въ то время, когда я былъ въ Красной Пахрѣ; а теперь приводятъ каждый день, почти каждый часъ сотнями казаки, которые вмѣстѣ съ крестьянами воюютъ нынѣ по-испански и принялись за средства весьма жестокия, хотя и не очень мучительныя бить до смерти. Они такъ озлоблены противъ непріятели, который и здѣсь, какъ въ Испаніи, оставилъ по себѣ слѣды опустошенія, грабительства и оскверненія, что не удивляюсь ихъ жестокости, но напротивъ удивляюсь ихъ терпѣнію. Чтобы дать тебѣ понятіе объ успѣхахъ разныхъ отрядовъ, скажу, что одинъ отрядъ изъ 1500 человекъ подъ начальствомъ Дорохова собралъ до двухъ тысячъ человекъ плѣнныхъ, другой изъ 150 человекъ взялъ около 600; но находя это число тягостнымъ, казаки большую часть изъ нихъ перебили. Я видѣлъ сей часъ офицера явившимся съ донесеніями къ генералу Беннигсену, что онъ съ отрядами изъ 150 человекъ взялъ въ плѣнъ одного полковника, двухъ офицеровъ и около двухъ сотъ рядовыхъ и шесть двѣнадцати фунтовыхъ орудій въ 12 верстахъ отъ Москвы и въ виду трехъ полковъ кавалеріи, а сегодня вечеромъ получено донесеніе о 600 плѣнныхъ, взятыхъ на Коломенской дорогѣ. Изъ многихъ другихъ я упоминаю объ этихъ случаяхъ, чтобы показать ежедневное уменьшеніе французскихъ войскъ, которыя если русскіе генералы будутъ дѣйствовать съ твердостью, дѣятельностью и осторожностью, то должны, по моему мнѣнію, не только быть разбиты, но истреблены совершенно».

Въ этихъ строкахъ выразилась хладнокровная ненависть британца къ Наполеону, не обращающаго вниманія на человѣческое существо тѣхъ, которые покорялись его могучей суровой волѣ и смотрѣвшаго на нихъ точно такъ же, какъ и самъ Наполеонъ, какъ на пушечное мясо. Такой взглядъ конечно былъ несогласенъ съ чувствомъ русскихъ людей. Вообще съ плѣнными обходились хорошо. «Плѣнныхъ,—говоритъ современникъ,—содержали за лагеремъ безоружныхъ, но въ присвоенной каждому одеждѣ. Любопытно было видѣть ихъ въ разнообразныхъ мундирахъ: голубой гусаръ стоялъ возлѣ малиноваго улана, длинный кирасиръ въ рыцарскомъ шпикаѣ величался подлѣ тощаго итальянскаго

стрѣлка, гвардейскій артиллеристъ въ куньей шапкѣ глядѣлъ съ презрѣніемъ на малорослаго вестфальца, французъ съ голландцемъ, испанецъ съ полякомъ, баварецъ съ итальянцемъ представляли странную смѣсь европейскихъ народовъ въ одной толпѣ. Они сами дивились своему стеченію. Многіе сами не понимали другъ друга, какъ при вавилонскомъ столпотвореніи и только нѣкоторыя слова господствовавшаго народа давали разумѣть, что всѣ они сподвижники одного генія-истребителя. Въ полдень раздавали имъ суточную порцію пропитанія. Иные, будучи еще голодны, принимали нехотя этотъ скудный даръ, иные съ униженною гордостію чувствуя свое бѣдствіе покорялись необходимости. Одни проголодовавшись тутъ же, по естественному побужденію для сохраненія жизни, языкомъ вбирали въ ротъ и глотали сухую муку, другіе завертывали ее въ тряпки, какъ драгоценность или пекли въ горячей залѣ лепешки. Плѣнные, имѣя на себѣ мундиры, воображали еще свое воинское бытіе, но принимая горсть муки, какъ даръ отъ непріятеля для продолженія жизни, со стыдомъ видѣли ничтожною существованіемъ».

Но постоянное умноженіе числа плѣнныхъ затрудняло и главную квартиру. Одинъ «отважный Фигнеръ доставлялъ почти ежедневно въ ея лагерь по 200 и 300 человѣкъ», такъ что стали тамъ затрудняться въ ихъ помѣщеніи и совѣтывали ему истреблять злодѣевъ. Въ одной изъ своихъ записокъ къ нему, Ермоловъ употребилъ выраженіе, «смерть врагамъ, переступившимъ рубежъ Россіи». Фигнеръ на это отвѣчалъ ему: «я не стану обременять плѣнными». Но не всѣ партизаны слѣдовали этому правилу. Съѣхавшись съ отрядомъ полковника Д. В. Давыдова Фигнеръ его спросилъ:

- Развѣ ты не разстрѣливаешь плѣнныхъ?
- Никогда! Вели хоть тайно разспросить о томъ моихъ казаковъ.
- Ну такъ походимъ вмѣстѣ,—продолжалъ Фигнеръ,—и ты вѣрно бросишь эти предрасудки?

— Если солдатская честь и состраданіе къ несчастію суть предрасудки, то я съ ними умру, заключилъ разговоръ Д. В. Давыдовъ ¹⁾.

Свѣдѣнія, сообщенныя плѣнными, повѣрялись и дополнялись другими болѣе вѣрными, которыя приносились изъ Москвы нашими выходцами. Весьма естественно, что въ обоихъ штабахъ враждебныхъ войскъ хотѣлось знать, въ какомъ положеніи находятся противники. Какъ неудачны были попытки Наполеона разузнать о положеніи нашихъ войскъ, такъ, напротивъ, удавались онѣ нашимъ военнопольщикамъ. Въ этомъ отношеніи довольно загадочною личностью представляется артиллерійскій капитанъ Фигнеръ, получившій громкую извѣстность своею храб-

¹⁾ Сочиненія Д. В. Давыдова ч. I стр. 76—77 и его письма.

ростію и отчаянною смѣлостію, какъ предводитель партизанскаго отряда. А. П. Ермоловъ пользовался вообще почетною извѣстностію въ войскахъ, но его особенно, какъ артиллерійскаго генерала, высоко цѣнили артиллеристы. Фигнеръ былъ одинъ изъ его обожателей и пользовался его благосклонностію. «Вскорѣ по оставленіи Москвы, -- говорить Ермоловъ, -- докладывалъ я князю Кутузову, что артиллеріи капитанъ Фигнеръ предлагаетъ доставить свѣдѣнія о состояніи французской арміи и буде есть какія чрезвычайныя приготовленія въ Москвѣ. Князь далъ полное соизволеніе. Въ штабѣ арміи приказалъ я дать ему подорожную въ Казань». Но еще въ то время когда наши войска находились подъ Москвою и вопросъ объ ея оставленіи безъ боя не былъ еще рѣшенъ окончательно, Фигнеръ, по свидѣтельству его товарища и помощника по службѣ, находился въ какомъ то восторженномъ состояніи духа. По-утру 1-го сентября онъ ѣздилъ въ Москву, молился тамъ въ церкви, потомъ, по его словамъ, объѣхалъ избранную подъ Москвою позицію для сраженія, замѣтилъ слабыя ея стороны и составилъ объ этомъ записку. Когда его товарищъ рассказывалъ ему свой странный сонъ, что въ эту ночь будто бы онъ, очутившись въ непріятельскомъ лагерѣ, хотѣлъ убить Наполеона, но убилъ вмѣсто его Мюрата, -- онъ усмѣхнулся и замѣтилъ, что и самъ видѣлъ подобный сонъ. Затѣмъ онъ переписалъ свою записку, обринулся, приодѣлся и отправился, чтобы представить ее фельдмаршалу. Возвратившись вечеромъ онъ съ удовольствіемъ рассказывалъ о своемъ свиданіи съ княземъ Кутузовымъ.

Послѣ перваго перехода отъ Москвы, когда главная квартира достигла с. Панковъ, по докладу Ермолова, фельдмаршалъ позволилъ Фигнеру собрать свѣдѣнія о состояніи непріятельскихъ войскъ и ихъ намѣреніяхъ. Какъ весьма ловкій и смѣлый человекъ, говорившій свободно почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, онъ, конечно, могъ доставить весьма важныя и вѣрныя свѣдѣнія о непріятеляхъ. Фигнеръ пробылъ въ Москвѣ болѣе двухъ недѣль и возвратился къ войскамъ, когда они вступили уже въ Тарутинскій лагерь. «Князь Кутузовъ вмѣсто всякихъ привѣтствій, поцѣловалъ его, и эту награду Фигнеръ почиталъ за величайшій знакъ отличія» ¹⁾.

Около того же времени на аванпостахъ нашего авангарда явился московскій купецъ 3-й гильдіи Петръ Ждановъ и, будучи представленъ генералу Милорадовичу, сообщилъ ему слѣдующія свѣдѣнія. Онъ былъ сторожилъ московскій, имѣлъ свой домъ и жилъ въ немъ съ женою и двумя малолѣтними дочерьми. Его домъ нѣсколько разъ грабили непріятельскіе солдаты и наконецъ сожгли. Несчастное семейство укры-

¹⁾ Записки А. П. Ермолова ст. 208.

залось нѣсколько времени въ саду между кустовъ, потомъ выбралось за заставу и со многими другими, укрывавшимися отъ буйства и насилія злобныхъ разбойниковъ, проводили дни въ овинахъ, подвалахъ и погребяхъ. На разсвѣтъ Ждановъ было вышелъ изъ своего убѣжища, но немедленно попался въ руки непріятелямъ, которые увели его съ собою въ горѣвшій со всѣхъ сторонъ городъ и требовали, чтобы онъ указывалъ богатые дома для ихъ грабежа. Онъ притворился больнымъ, его избили до безчувствія. Безъ сознанія пролежавъ въ этомъ состояніи до вечера, онъ опомнился наконецъ, и не видя никого вокругъ себя побрелъ туда, гдѣ оставилъ жену и дѣтей, но тамъ онъ не нашелъ никого и ничего, дымились только остатки сгорѣвшихъ построекъ... Въ отчаяніи считая жену и дѣтей погибшими, онъ вышелъ за городъ, прошелъ уже с. Алексѣевское и пойманъ былъ непріятельскимъ отрядомъ и возвращенъ въ Москву.

Бродя по пепелищамъ Москвы вмѣстѣ съ другими несчастными жертвами войны, онъ услышалъ, что у маршала Даву даются нѣкоторымъ особые пропускные виды на выходъ изъ Москвы и что этою выдачею завѣдуетъ особый чиновникъ, знающій русскій языкъ; онъ отправился на Дѣвичье поле къ дому г-жи Нарышкиной, гдѣ помѣщался герцогъ Эмюльскій, и нашелъ тамъ уже значительную толпу народа.

Вскорѣ вышелъ къ народу чиновникъ маршала и объявилъ: «кто имѣетъ жену и дѣтей, того отпущу и билетъ дамъ вольный». Всѣ молчали, всякій боялся сказать, что имѣетъ жену. Но когда Ждановъ объявилъ, что имѣетъ жену и дѣтей, тогда этотъ чиновникъ взялъ его за руку, ввелъ въ домъ, подробно разспросилъ, кто онъ и о его житьѣ-бытьѣ, заставилъ его перекреститься передъ образомъ въ знакъ того, что онъ исполнить возлагаемое на него порученіе, и затѣмъ сказалъ: «сходи въ главную русскую армію до Калуги и развѣдай нужное для насъ, а что именно—о томъ дадимъ тебѣ письменное наставленіе выучить наизусть». За это онъ обѣщалъ ему отыскать его жену и дѣтей и обезопасить ихъ существованіе, дать ему 1000 червонцевъ (12 тыс. руб.) и любой какой самъ выберетъ домъ въ Москвѣ.

Когда Ждановъ изъявилъ согласіе, этотъ чиновникъ представилъ его маршалу, потомъ далъ ему письменное наставленіе, чтобы онъ выучилъ наизусть и далъ провожатаго, съ которымъ онъ пошелъ отыскивать свою жену и дѣтей, и нашелъ ихъ въ погребѣ своего сожженнаго дома въ пустыхъ кадкахъ дрожащими, блѣдными и полумертвыми. Ждановъ выучилъ наизусть данную ему бумагу, пересказалъ свой урокъ чиновнику маршала и былъ отправленъ къ французскому авангарду, а его жена и дѣти были устроены въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара домовъ.

Сопрождавшіе его французскіе солдаты указали ему вдали огни и, сказавъ: «тамъ русскіе», оставили его одного и возвратились назадъ.

Дойдя до огней Ждановъ очутился на аванпостахъ нашего авангарда и былъ немедленно представленъ Милорадовичу, которому и рассказалъ, съ какими порученіями прислали его непріатели въ нашу армію. Обласкавъ его и поблагодаривъ за честный поступокъ, Милорадовичъ немедленно отправилъ его въ главную квартиру, гдѣ генераль Коновницынъ и отобралъ отъ него подробныя свѣдѣнія.

Заученное Ждановымъ наставленіе и переданное довольно подробно, послужило весьма важнымъ свидѣтельствомъ и подтвержденіемъ всѣхъ его показаній о томъ состояніи, въ какомъ находится непріатель въ Москвѣ. Это наставленіе показывало виды и желанія непріателя. Онъ хотѣлъ знать количество и составъ нашей арміи, пополнены ли полки послѣ Бородинскаго сраженія, подходятъ ли къ арміи подкрѣпленія? Что говоритъ народъ о мирѣ? Жданову поручено было разглашать, что въ Москвѣ весь хлѣбъ остался цѣль и что французы намѣрены тамъ зимовать. Но если бы онъ и не дойдя до Калуги узналъ, что наша армія идетъ на Смоленскую дорогу, то съ этимъ извѣстіемъ немедленно долженъ былъ поспѣшить обратно въ Москву. Конечно, узнать содержаніе этого наставленія, даннаго Жданову изъ канцеляріи маршала Даву, безъ сомнѣнія было очень важно для нашей главной квартиры, и вѣроятно она воспользовалась имъ. Въ нашихъ войскахъ въ то время дѣйствительно ходили слухи, что фельдмаршалъ разными путями поручалъ сообщать непріателю извѣстія, вводившія его въ заблужденіе. «Какъ хитро были пускаемы въ непріательскую армію слухи,—говоритъ одинъ изъ участниковъ въ событіяхъ этого времени,—будто наши войска находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ; будто лишь въ первыхъ рядахъ остались старые солдаты, а прочіе все рекруты и ратники; будто потеря Москвы разстроила дисциплину въ войскахъ. Для вѣроятія такихъ слуховъ, фельдмаршалъ явно поссорился съ атаманомъ казаковъ Платовымъ... Вскорѣ за этими слухами начали попадать въ руки французовъ наши курьеры съ мнимыми донесеніями фельдмаршала государю, что русскія войска находились въ бѣдственномъ положеніи и вовсе не имѣли духа сражаться; что фельдмаршалъ не смѣетъ дать рѣшительной битвы, а потому представляетъ его императорскому величеству единственное средство къ спасенію ускорить заключеніе мира съ какими бы то ни было пожертвованіями, полагая что и непріатель, находясь самъ въ очень невыгодномъ положеніи, ограничитъ свои требованія ¹⁾).

¹⁾ Записки артиллериста, ч. 1, гл. VII, стр. 198—201. Записки С. П. Глинки о 1812 г., стр. 181—182.

Въ какой степени вѣрны были эти слухи и какими способами сообщались неприятелю подобныя извѣстія, вводившія его въ заблужденіе опредѣлить невозможно; но что въ сущности они были справедливы, доказывается тѣмъ, что такія извѣстія разглашались въ Москвѣ между французскими войсками и приходили большею частію изъ авангарда Мюрата ¹⁾.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. И. Цуриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

¹⁾ Napoléon en 1812 par C-te R. Soltik гл. XI, стр. 331.

**Письмо императрицы Александры Теодоровны — г. Леонтьевой ¹⁾
по поводу кончины великой княгини Гессенъ-Кассельской.**

„ “ июль 1844 г.

При всей тяжелой скорби нашей, изъявленіе участія для насъ чувствительно. Хотя сердца наши поражены до смерти, но не огрубѣли въ несчастіи, и я васъ прошу, любезная мадамъ Леонтьева, изъяснить всѣмъ особамъ монастыря, а наипаче дѣтямъ нашимъ благодарность нашу за тѣ пламенные молитвы, которыя онѣ возсылали во время болѣзни нашего милого дитяти, и за тѣ, которыя онѣ возносятъ теперь о успокоеніи ея ангельской души! Она любила всѣхъ дѣтей, всѣхъ молодыхъ дѣвицъ воспитанницъ нашихъ заведеній, и послѣдній былъ ея выѣздъ въ Смольный монастырь, обѣщая посѣтить его еще разъ до отъѣзда своего. Но Богъ опредѣлилъ иначе!!! Она не только оставила Россію, она оставила землю для неба. Да запечатлѣтся навсегда въ сердцахъ нашихъ юныхъ воспитанницъ воспоминаніе о послѣднемъ ея посѣщеніи и желаю, чтобъ онѣ, подражая ея примѣру, старались усовершенствовать себя; ибо хотя моя Адина была очень молода, и едва вышедшая изъ прелестнаго дѣтскаго возраста, хотя она была и моя дочь, но могу сказать, она далеко уже была на пути къ добродѣтели и религіи! Да, слишкомъ можетъ быть, потому Господь и принялъ ее къ Себѣ, ибо она ангелъ въ небесахъ! я покоряюсь безъ ропота, но потокомъ слезъ оплакиваю потерю подобнаго дитяти.

Прощайте! я надѣюсь на молитвы всѣхъ васъ «Александра».

¹⁾ Директрисѣ Смольнаго монастыря, въ отвѣтъ на письмо, которое она писала къ ея величеству, испрашивая позволенія привести воспитанницъ къ тѣлу великой княгини.

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыкъ паша).

LIV¹⁾.

Положеніе турецкаго правительства по отъѣздѣ князя Меншикова. — Секретъ генерала Дембинскаго. — Мое предложеніе относительно сформированія казацкаго полка одобрено султаномъ. — Я произведенъ въ паши и назначенъ командующимъ казацкимъ полкомъ. — Сформированіе этого полка. — Опрежденіе поляковъ въ турецкое войско.

Мотя дипломатическія сношенія между Россіей и Портой были прерваны, но война ни съ той, ни другой стороны не была еще объявлена; существовала даже нѣкоторая надежда уладить возникшее недоразумѣніе дипломатическимъ путемъ. Вѣнскій кабинетъ съ согласія лондонскаго предложилъ державамъ созвать конференцію въ Вѣнѣ, на что Россія, Турція и прочіе кабинеты изъявили свое согласіе. По желанію австрійскаго интэрнунція, представителемъ Турціи на этой конференціи былъ назначенъ Али-паша, извѣстный своими миролюбивыми наклонностями. Онъ былъ временно назначенъ великимъ визиремъ, а Мехметъ-Али—сераскиромъ, такъ какъ лордъ Редклиффъ никакъ не соглашался на назначеніе въ эту должность Риза-паши, который одинъ могъ бы сформировать многочисленную и сильную армію. Мехметъ-Али-паша былъ преданный патріотъ, человекъ благородный и благонамѣренный, но онъ не былъ достаточно знакомъ съ военною службою и съ духомъ войска. Чтобы помочь этому горю предсѣдателемъ военнаго совѣта былъ назна-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь, 1898 г.

чень Мехметъ-Ружди-паша, дивизионный генералъ, который собственнымъ стараніемъ и упорнымъ трудомъ усовершенствовался въ наукахъ и во французскомъ языкѣ; онъ былъ трудолюбивъ и аккуратенъ, но при этомъ весьма педантиченъ и нерѣшителенъ, любилъ проволочки и былъ мелоченъ до крайности. Онъ утупалъ, можно сказать, въ бумагахъ, которыя подолгу у него залеживались; онъ не выпускалъ изъ рукъ ножичка, которымъ подчищалъ въ бумагахъ ореографическія ошибки и каллиграфическіе недочеты, на что у него уходило масса времени, такъ что онъ не успѣвалъ давать на бумаги надлежащія и быстрые отвѣты. Онъ много работалъ, но изъ его трудовъ выходило мало толка.

Съ другой стороны, этотъ паша, обязанный своей карьерой покровительству русскаго посланника, движимый чувствомъ благодарности, которая составляетъ одно изъ лучшихъ качествъ человѣка, не допускалъ возможности войны съ Россіей и медлил со своими приказаніями, въ надеждѣ что все окончится благополучно. Приготовленія къ войнѣ шли поэтому весьма медленно; однако Омеръ-паша, по требованію лорда Редклиффа, былъ посланъ въ Шумлу и принялъ начальство надъ войскомъ, сосредоточеннымъ въ Болгаріи.

Генералъ Дембинскій находился это время въ Стамбулѣ. Репутация человѣка смѣлаго, отважнаго и въ высшей степени благороднаго, установившаяся за нимъ послѣ 1831 года и послѣ Венгерской кампаніи, внушила къ нему уваженіе турокъ, и Решидъ-паша предложилъ ему остаться въ Турціи въ званіи дивизионнаго генерала. Дембинскій былъ очень польщенъ этимъ предложеніемъ, но скучалъ по Парижу, по бульварамъ и въ особенности по гризеткамъ, коимъ подобныхъ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, поэтому онъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, откровенно высказавъ причины своего отказа, а въ знакъ своей признательности оставилъ запечатанный конвертъ съ составленнымъ имъ самимъ планомъ обороны Турціи. Этотъ планъ, по его увѣренію, долженъ былъ доставить несомнѣнную побѣду туркамъ; на конвертѣ было написано, что въ случаѣ войны я, Садыкъ-бей Чайковскій, долженъ вскрыть его и прочесть. Подарокъ генерала Дембинскаго былъ принятъ въ-серьѣзъ и конвертъ былъ положенъ на храненіе въ казначейство; въ ту пору Решидъ-паша досталъ его, призвалъ меня и приказалъ исполнить волю генерала Дембинскаго.

Къ счастью меня оставили съ этимъ планомъ въ конакѣ и никто не былъ свидѣтелемъ моего крайняго изумленія, вызваннаго чтеніемъ рукописи. Генералъ предлагалъ дать ему милліонъ франковъ на покупку разныхъ снадобій, другой милліонъ на устройство и содержаніе на островѣ Кипрѣ лабораторіи и рабочихъ. Онъ обязывался приготовить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ такой составъ, который, будучи выпущенъ изъ орудій, истребитъ до тла войско, состоящее хотя бы изъ нѣсколь-

бихъ сотъ тысячъ чоловѣкъ; это дѣйствіе было бы произведено тѣмъ убійственнымъ запахомъ, какой будетъ издавать этотъ составъ. Я не могъ прійти въ себя отъ изумленія, что подобное предложеніе могло быть сдѣлано генераломъ Дембинскимъ. Я любилъ всѣмъ сердцемъ этого польскаго генерала за его доблестные подвиги, за его патриотизмъ, прямоту и честность; поэтому, не желая компрометировать его въ глазахъ турокъ, я самъ составилъ планъ оборонительныхъ дѣйствій на Дунаѣ и наступательныхъ въ Азіи, не ожидая прибытія союзниковъ, хотя, надо сознаться, я имѣлъ въ то время весьма недостаточное понятіе о положеніи дѣлъ въ краѣ, о его средствахъ и вооруженныхъ силахъ. Этотъ планъ былъ поданъ мною Решидъ-пашѣ подъ видомъ перевода съ рукописи Дембинскаго, былъ имъ одобренъ и посланъ Омеру и Сулейману папамъ, изъ коихъ послѣдній получилъ приказаніе отправиться въ Трапезонту. Но тайна тяготила меня; нѣсколько дней спустя я разсказалъ все откровенно Решидъ-пашѣ; онъ смѣялся до слезъ и сказалъ: «Если вы умѣете составлять такіе планы, которые заслуживаютъ одобренія самого лорда Редклиффа, то, навѣрно, сумѣете и воевать, чему я весьма радъ».

Я ничего не отвѣчалъ, но признаюсь, мнѣ вовсе не хотѣлось принимать на себя тяжелую отвѣтственность и браться за дѣло, не будучи увѣреннымъ, въ состояніи-ли я выполнить его или нѣтъ; я предпочелъ бы продолжать свою дипломатическую карьеру.

Между тѣмъ, въ Вѣнѣ начались засѣданія конференціи; Али-паша вполне надѣялся, что дѣло не дойдетъ до войны. Въ одномъ изъ писемъ, совѣтуя своему правительству согласиться на требованіе Россіи, Али-паша признавалъ за ней большее право покровительствовать христіанскимъ подданнымъ султана, исповѣдующимъ православную вѣру, нежели за Франціей, покровительствующей католикамъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылался на то, что нельзя слишкомъ разсчитывать на помощь союзниковъ Высокой Порты; что обязательства, которыя ей придется, быть можетъ, принять на себя по отношенію къ своимъ союзникамъ за оказанную ими помощь, могутъ быть тяжелѣе требованій, предъявляемыхъ Россіей. Онъ писалъ, что понималъ замыслы вѣнскаго кабинета и что на помощь Австріи, которая всего нужнѣе Турціи, можно разсчитывать не иначе, какъ цѣною уступки австрійскому правительству верховныхъ правъ надъ Молдавіей и Валахіей.

Решидъ-паша, пользовавшійся величайшимъ довѣріемъ султана Абдулъ-Меджида, и которому было поручено это дѣло, отвѣчалъ, по приказанію султана, что Высокая Порта не можетъ принять условій, предложенныхъ Россіей, ибо это значило бы отказаться отъ верховныхъ правъ на своихъ подданныхъ. Онъ умѣлъ повести дѣло такъ ловко, что французскій и англійскій посланники, не уговариваясь съ Высокой

Портой, сдѣлали о томъ же одновременно представленія своимъ правительствамъ, а австрійскій интернунцій предсказывалъ даже Турціи побѣду, ежели она исполнитъ требованіе Россіи.

Что касалось Молдавіи и Валахіи, то Решидъ-паша написалъ собственноручно: «Ежели австрійское правительство будетъ согласно вмѣстѣ съ Турціей и ея союзниками возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ и возвратитъ полякамъ Галицію, то Высокая Порта и султанъ откажутся отъ своихъ правъ на Молдавію и Валахію въ пользу австрійскаго императора, въ надеждѣ что они будутъ достаточно вознаграждены помощію, оказанной имъ его исконной союзницѣ, которая всегда была вѣрна Австріи, а независимая Польша будетъ защитой Турціи отъ нападковъ со стороны Россіи и отъ всякихъ столкновеній съ этой державою». Али-паша былъ уполномоченъ вести отъ имени своего монарха переговоры съ вѣнскимъ кабинетомъ, руководствуясь вышеизложенными соображеніями.

Я читалъ эту инструкцію передъ отправленіемъ ея въ Вѣну и былъ преисполненъ благодарности къ этому сановнику, у котораго разумъ шелъ всегда объ руку съ сердцемъ; это былъ истинный другъ Польши и поляковъ.

Прочитавъ его инструкцію, я ясно понялъ политику Решиды-паши и составилъ записку о казакахъ. Припомнивъ времена Дорошенко и Мазепы, я доказалъ, что запорожцы составляли регулярное войско Рѣчи Посполитой и короля польскаго, и таковымъ были признаны фирманами султановъ при переходѣ ихъ въ Турцію и поступленіи на службу Высокой Порты; въ 1828 г. многіе изъ нихъ ушли въ Россію, но многіе остались въ Турціи, а войсковое знамя, данное имъ Высокой Портой, осталось въ патриархатѣ.

Послѣ 1828 года не появлялось ни одного фирмана, которымъ запорожское войско было бы объявлено прекратившимъ свое существованіе, поэтому Высокая Порта имѣетъ право призвать ихъ снова подъ знамя, данное ею этому войску, на службу Турціи и для защиты имперіи; по обнаруженіи фирмана легко будетъ сформировать полкъ изъ поляковъ и другихъ славянъ, которые запишутся въ списки запорожцевъ, согласно съ правами и обычаями этого войска. Присоединивъ къ нему кубанскихъ (?) казаковъ или некрасовцевъ и казаковъ Добруджи, пользующихся одинаковыми правами съ некрасовцами, Турція будетъ имѣть прекраснѣйшій отрядъ кавалеріи, который можетъ повліять на украинскихъ и другихъ казаковъ и составить кадры настоящаго историческаго и богатаго традиціями польскаго войска.

Эта записка была прочитана Решидъ-пашою съ видимымъ удовольствіемъ и въ тотъ же день представлена имъ султану.

На слѣдующій день я былъ приглашенъ къ Решидъ-пашѣ, который

сказалъ мнѣ, что султанъ Абдуль-Меджидъ внимательно прочелъ мою записку, остался ею весьма доволенъ и повелѣлъ назначить меня миримиремъ-пашею (чинъ, данный кошевому атаману запорожскаго войска при переходѣ его въ Турцію) съ обязательствомъ сформировать новый кавалерійскій полкъ, присоединивъ къ нему некрасовцевъ и казаковъ Добруджи; это войско будетъ подчинено моему непосредственному начальству, о чемъ въ скоромъ времени будетъ обнародовано ираде и письменный приказъ султана. Онъ поручилъ мнѣ вызвать охотниковъ, высчитать, какая сумма потребуется для организациі этого войска, и набросать рисунокъ мундира, приказавъ держать все въ тайнѣ до появленія ираде, чтобы не вызвать интригъ дипломатовъ, что доставило бы Портѣ совершенно излишнія хлопоты.

Я приступилъ немедленно къ исполненію возложеннаго на меня порученія. Принявъ за основаніе систему Карла Ружицкаго, даже его боевой строй въ одну шеренгу, всѣ слова команды на казацкомъ, малороссійскомъ языкѣ, болѣе близкомъ къ польскому, нежели къ русскому языку,—я хотѣлъ этимъ воскресить запорожское войско, которое, служа турецкому падишаху, самому вѣрному и единственному союзнику Польши, не переставало быть войскомъ Рѣчи Посполитой и короли польскаго.

Мои занятія уже приходили къ концу, когда я былъ приглашенъ въ совѣтъ министровъ, гдѣ мнѣ заявили, что многолѣтняя моя дѣятельность, ознаменованная многочисленными услугами Оттоманскому государству, и всѣмъ извѣстная искренняя преданность моя султану,нискали мнѣ такое довѣріе правительства, что меня пригласили въ совѣтъ, на которомъ будетъ рѣшаться вопросъ о способѣ веденія войны, которая становится неизбежной, ибо конференція, происходившая въ Вѣнѣ, окончилась и Али-паша получилъ приказаніе вернуться въ Стамбуль.

Когда мнѣ было предложено высказать свое мнѣніе, я отвѣчалъ: надобно вести оборонительную войну на Дунаѣ до тѣхъ поръ, пока войска союзниковъ не высадутся на турецкій берегъ; въ Азіи необходимо начать какъ можно скорѣе наступательную войну, чтобы поднять черкесовъ и дагестанцевъ во имя магометанства и народной свободы. Я позволилъ себѣ замѣтить, что при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ союзниками было бы весьма полезно имѣть офицеровъ-иностранцевъ, знающихъ съ западными языками, а также съ русскимъ и другими славянскими языками;—такіе офицеры были бы прекрасными помощниками старымъ и храбрымъ турецкимъ воинамъ.—Я закончилъ свою рѣчь указаніемъ на то, что для этого были бы болѣе всего пригодны офицеры-поляки, на преданность которыхъ Высокая Порта можетъ вполне положиться и которые всегда и вездѣ будутъ стоять за интересы Турціи, какъ за свои собственные.

Мое предложеніе было принято единогласно и мнѣ было поручено снести по этому поводу отъ имени Высокой Порты съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, но выборъ старшихъ офицеровъ былъ предоставленъ на мое усмотрѣніе. Я выбралъ слѣдующихъ лицъ:

Дивизионнымъ генераломъ, командующимъ корпусомъ, который долженъ былъ высадиться на Кавказѣ въ Батумѣ и поднять черкесь, я предлагалъ назначить генерала Хржановскаго. Командующимъ корпусомъ въ дунайской арміи, въ званіи дивизионнаго генерала—полковника польскихъ войскъ, Карла Ружицкаго, моего бывшего начальника; ему же я предполагалъ вѣрить начальство надъ казаками. Зная его выдающіяся военныя способности и славу, какой имя его пользовалось на Украинѣ, я былъ увѣренъ въ томъ, что мой выборъ будетъ удаченъ и что эта прекрасная кавалерія будетъ имѣть достойнаго начальника.

Полковникъ польскихъ войскъ, Владиславъ Замойскій, въ званіи дивизионнаго генерала, долженъ былъ состоять при штабѣ Омера-пашы, главнокомандующаго дунайской арміей. Дипломатическія способности Замойскаго и его социальное положеніе дѣлали его какъ нельзя болѣе пригоднымъ къ этой должности. Благодаря своему имени и положенію онъ могъ пользоваться уваженіемъ и авторитетомъ въ глазахъ военныхъ уполномоченныхъ союзныхъ дворовъ при главной квартирѣ главнокомандующаго; тѣмъ болѣе, что въ главной квартирѣ вѣроятно не разъ понадобилась бы помощь дипломата. Замойскій могъ съ честью фигурировать въ штабѣ и оказать несомнѣнныя услуги Турціи и Польшѣ.

Графъ Лудвигъ Быстроновскій, произведенный въ подполковники венгерскаго войска, долженъ былъ состоять въ званіи бригаднаго генерала при штабѣ главнокомандующаго войсками въ Азіи, на обязанности котораго лежало поднять Дагестанъ.

Каждый изъ этихъ генераловъ уполномочивался взять съ собою нѣсколько офицеровъ штаба.

Мое представленіе было утверждено Высокой Портою; Антону Аллеону велѣно было выслать двадцать шесть тысячъ франковъ на путевыя издержки поляковъ, чтобы эти господа могли пріѣхать какъ можно скорѣе.

Я просилъ генераловъ и офицеровъ поспѣшить пріѣздомъ, чтобы занять мѣста, на которыя, безъ сомнѣнія, нашлось бы не мало охотниковъ, пользующихся покровительствомъ иностранныхъ посольствъ; я хотѣлъ передать этимъ, до нѣкоторой степени, начальство надъ турецкой арміей въ руки поляковъ и освободить Высокую Порту отъ неприятныхъ объясненій и отъ переполненія штаба ся арміи пришлыми авантюристами со всего свѣта. Я вызывалъ также молодежь, желающую поступить въ казацкое войско, и выхлопоталъ у Высокой Порты, чтобы каждому будущему въ Турцію съ намѣреніемъ поступить въ казаки выдавались

деньги на дорогу, о чемъ было послано распоряженіе турецкому посланнику въ Парижъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ моему пріятелю, первому драгоману французскаго посольства, Матюрину Цору, что императоръ Наполеонъ III, давъ этимъ казакамъ отъ себя приличное вооруженіе, загладилъ бы этимъ свой несправедливый поступокъ по отношенію ко мнѣ, лишивъ меня французскаго паспорта и покровительства Франціи, и показалъ бы, что онъ сочувствуетъ Польшѣ и готовъ помочь ей. Мое письмо было написано въ такихъ выраженіяхъ, что оно могло быть показано самому Наполеону; такъ оно и случилось; въ результатъ полное вооруженіе на тысячу человекъ кавалеріи было прислано въ даръ отъ французскаго императора султану для раздачи казакамъ, которые должны были состоять подъ моею командою.

Али-паша вернулся изъ Вѣны; ему было позволено отдыхать, оплакивая бѣдствія, причиняемыя войною. Великимъ визиремъ былъ назначенъ Мустафа-паша, по происхожденію арнаутъ, бывший дивизионный генералъ при вице-кородѣ египетскомъ Мехметъ-Али. Это былъ энергичный и дѣльный воинскій начальникъ и прекрасный администраторъ; онъ былъ главнымъ управителемъ острова Крита.

Я былъ вызванъ въ Высокую Порту за полученіемъ приказа о производствѣ моемъ въ паши; тамъ же мнѣ былъ врученъ другой фирманъ о назначеніи моемъ организаторомъ казацкаго полка и командующимъ всѣми казаками Оттоманской имперіи.

Я тотчасъ избралъ своимъ начальникомъ штаба Мехметъ-бея (Люборадскаго), а моимъ адъютантомъ Махмуда-агу (Муху).

Маіору Клементію Пршевлочкому (Przewlosky) было поручено завѣдывать въ казармахъ сѣзжающими въ Стамбуль охотниками. Этотъ офицеръ служилъ въ венгерскомъ войскѣ подъ командою генерала Бама. Маіора Воронича я послалъ въ Добруджу вербовать охотниковъ, а капитана Вержицекаго—въ Адрианополь для сформированія тамъ второй сотни подъ наблюденіемъ управлявшаго этимъ вилайетомъ Кибризи Мехмета-паши, моего добраго пріятеля.

Первую и третью сотню я набиралъ въ Стамбуль; командиромъ первой сотни я назначилъ Людовика Піотровскаго, изъ венгерскихъ уланъ, а командиромъ третьей сотни—Каэтана Ходыльскаго-Остоя, бывшаго инженера, весьма дѣльнаго и образованнаго офицера. Въ казацкій полкъ поступило человекъ около двадцати поляковъ; мнѣ дали также четырехъ дезертировъ изъ русскаго войска, остальныхъ надобно было набрать изъ болгаръ, сербовъ, босняковъ и прочихъ славянъ. Наборъ этихъ рекрутъ обошелся мнѣ не даромъ, но шелъ довольно бойко. Ко мнѣ пріѣхалъ, съ цѣлью поступить въ казаки, молодцоватый офицеръ русскаго войска, отставной гвардіи поручикъ князь Бзеделахъ, родомъ кабарди-

нецъ, и румынскій дворянинъ Дмитрій Кречулеско. Болѣе двадцати болгаръ-разбойниковъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, подали прошеніе о принятіи ихъ въ мой полкъ, заявляя о своемъ желаніи искупить свою вину сражаясь за султана и за Турцію; по моему ходатайству, они были зачислены въ казацкій полкъ и добросовѣстно несли въ немъ службу.

Начальникомъ казаковъ въ Стамбулѣ былъ въ то время грекъ Тооли, братъ Аристарха, великаго Лагофета. Я потребовалъ, чтобы онъ выставилъ мнѣ казаковъ-охотниковъ, онъ обѣщалъ сдѣлать это, но не сдержалъ слова, тогда я велѣлъ посадить его подѣ арестъ, послѣ чего онъ подалъ въ отставку, а я назначилъ на его мѣсто Берто-деръ-Давида, бывшаго сербскаго драгомана, человѣка весьма дѣятельнаго и способнаго. Я употребилъ все стараніе къ тому, чтобы какъ можно скорѣе сформировать полкъ, на который я возлагалъ въ будущемъ большія надежды и онѣ навѣрное могли оправдаться, если бы поляки, понимая смыслъ исторіи и традицій, помогли мнѣ въ этомъ дѣлѣ, начатомъ такъ удачно. Но изъ Парижа и изъ Франціи никто не пріѣзжалъ; прошло нѣсколько почтъ, а отвѣта отъ князя Адама все не было; была получена только квитанція, присланная Замоискимъ о полученіи денегъ, посланныхъ на путевыя издержки польскихъ генераловъ и ихъ штабныхъ офицеровъ. Наконецъ, было получено письмо отъ князя Адама, изъ котораго рѣшительно нельзя было понять, чего собственно онъ хотѣлъ; онъ одобрялъ начатое мною дѣло, но говорилъ, что онъ обязанъ дѣйствовать осторожно и не вмѣшиваться въ дѣло поляковъ безъ вѣдома и одобренія западныхъ кабинетовъ, чтобы поляки не увлеклись снова несбыточными фантазіями и чтобы ихъ начинанія не послужили имъ во вредъ какъ это до сихъ поръ случалось. Въ письмѣ приводилась даже пословица: «что обжегшись на молокѣ, будешь дуть и на воду».

Замоискій въ пространномъ письмѣ совѣтывалъ поторговаться насчетъ денегъ, чтобы не случилось того же, что въ италіанскую кампанію, которая принесла весьма мало денегъ въ желѣзную кассу, или въ венгерскую кампанію, которая не принесла кассѣ ни малѣйшей выгоды. Онъ говорилъ, что надобно поторговаться съ турками, узнать сколько они дадутъ и выманить у нихъ какъ можно болѣе денегъ; кромѣ того, попробовать, нельзя ли будетъ получить что-нибудь отъ Франціи и отъ Англіи. Въ письмѣ не было ни малѣйшаго намека ни о генералахъ, ни объ офицерахъ, ни о какихъ-либо распоряженіяхъ относительно посланныхъ мною и полученныхъ Замоискимъ денегъ.

Людовикъ Звѣрковскій жаловался на нравственный упадокъ князя Адама и на то, что около него нѣтъ людей, которые въ состояніи бы понять важность происходящихъ событій и въ высшей степени благоприятное положеніе, въ которое, по милости Божіей, были поставлены поляки. По его словамъ, только одинъ генералъ Хржановскій понималъ всю важ-

ность событій, происходившихъ въ Стамбулѣ, но онъ не хотѣлъ ѣхать туда, не желая имѣть ничего общаго съ Замоискимъ и участвовать въ дѣлѣ, во главѣ котораго будетъ стоять князь Адамъ, который въ настоящее время не руководитъ уже ни дѣлами, ни своими собственными поступками, а какъ ребенокъ во всемъ подчиняется Замоискому. Онъ сказалъ сгоряча Звѣрковскому: «Напишите Чайковскому, что съ Замоискимъ нельзя имѣть дѣла, ибо если привести его съ войскомъ на берега Днѣстра и показать ему бродъ, по которому онъ могъ бы перейти на польскую землю, то онъ скажетъ, что онъ тутъ не хочетъ идти, а хочетъ идти чрезъ Китай, такъ какъ этотъ путь длиннѣе и принесетъ болѣе выгоды желѣзному фонду; я жалѣю Чайковскаго, пусть онъ порветъ съ ними всякія сношенія, тогда каждый изъ насъ поѣдетъ на его призывъ и можно будетъ сдѣлать что-либо путное, но съ Замоискимъ никогда не будетъ толку!»

Звѣрковскій писалъ также, что Карлъ Ружицкій отправился въ Швецарію къ Товянскому, спросить его совѣта и разрѣшенія, но таковаго не получилъ, ибо этотъ пророкъ не вѣритъ въ войну и самъ не знаетъ чего онъ хочетъ; онъ писалъ наконецъ, что католическая партія сильно возстаетъ противъ того, чтобы поляки входили въ сношеніе и въ союзъ съ тѣми самыми бусурманами, которыхъ польскія войска побѣдили подъ Вѣною, покрывъ себя славой передъ лицомъ всего свѣта, спасши христіанскій міръ, и что помогать магометанамъ, значило бы отречься отъ всего своего историческаго прошлаго. Въ заключеніе Звѣрковскій писалъ, что изъ поляковъ въ Стамбулъ поѣдетъ развѣ Замоискій ради денегъ, да Быстроновскій за чинами и орденами. Онъ сожалѣлъ о моихъ трудахъ и совѣтывалъ мнѣ дѣйствовать по моему собственному усмотрѣнію, прекративъ всякое сношеніе съ княземъ Адамомъ.

Сердце болѣло видя, какъ мало поляки имѣютъ политическаго смысла; впрочемъ это меня не удивляло, ибо я былъ къ этому подготовленъ и былъ даже увѣренъ, что никакія бѣдствія не заставятъ поляка дѣйствовать благоразумно; хотя бы у него украли изъ конюшни лошадь, онъ не запретъ ее на замокъ, пока въ ней будутъ стоять другія лошади, а когда уведутъ всѣхъ коней, то онъ сожжетъ конюшню, чтобы некуда было ставить новыхъ; точно такъ дѣйствуютъ поляки въ дѣлахъ политики.

Предложеніе порвать съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ и его польскою политикою не соотвѣтствовало ни моему характеру, ни моимъ политическимъ убѣжденіямъ; я всегда надѣялся, что достигну, наконецъ, желанной цѣли, и что когда дѣло подвинется впередъ и будетъ надежда на успѣхъ, то поляки вострепнутся, станутъ умнѣе и, возвращаясь въ Польшу, поневолѣ должны будутъ заняться польскими дѣлами.

Я былъ вполне увѣренъ, что дѣятельность, не основанная на данныхъ исторіи, на традиціяхъ и на монархическомъ принципѣ, поведетъ только къ пущему бѣдствію и къ новымъ невздамъ, и поэтому держался съ самаго начала неизмѣнно подъ знаменемъ князя Адама Чарторыйскаго.

Русскія войска заняли Молдавію и Валахію; ихъ военные посты были разставлены по берегамъ Дуная; наше турецкое войско также подошло къ берегамъ этой славянской рѣки, однако война все еще не была объявлена. Главная квартира русской арміи находилась въ Букарестѣ, главная квартира турецкой арміи—въ Шумлѣ. Заграничные кабинеты не хотѣли вымолвить слово «война», и еще была надежда на сохраненіе мира; задоръ дипломатовъ мало-по-малу утихалъ.

Въ Стамбулѣ были созваны на совѣтъ всѣ вукелы и риджалы,—такъ назывались сановники перваго и втораго класса Оттоманской имперіи. Совѣтъ долженъ былъ происходить въ Высокой Портѣ; съѣхалось болѣе пятисотъ сановниковъ.

Послѣ того какъ Решидъ-паша изложилъ сущность дѣла и весь ходъ переговоровъ, происходившихъ между Россіей и Турціей, великій визирь сказалъ, что первые и вторые чины Оттоманской имперіи созваны, по волѣ султана, съ тою цѣлью, чтобы они высказали свое мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли воевать или нѣтъ и съ кѣмъ слѣдуетъ заключить союзъ? Когда эти министры закончили свою рѣчь, шейхъ-исламъ обратился къ мусульманамъ съ увѣщаніемъ, чтобы они въ своихъ отвѣтахъ высказали правду, одну только правду. Первому предоставлено было высказаться Сеферъ-пашѣ Занъ-Оглу; онъ полагалъ, что нужно вести войну съ Россіей и привлечь къ участию въ ней прочихъ мусульманъ; второй, Кіани-паша совѣтывалъ не нарушать мира; стараться уладить недоразумѣніе съ Россіей безо всякихъ посредниковъ, а если это окажется невозможнымъ, то воевать своими собственными силами, не прибѣгая къ посторонней помощи; третьимъ пришлось говорить мнѣ, я высказалъ рѣшительно, что необходимо объявить войну Россіи, искать союза съ западными державами и рассчитывать на помощь поляковъ и казаковъ, стремясь къ восстановленію Польши въ ея прежнихъ границахъ. Всѣ высказали такимъ образомъ свое мнѣніе, которое каждый изъ насъ записывалъ собственноручно въ особой книжкѣ. Тевфикъ-бей, сановникъ, пользовавшійся большою извѣстностью, совѣтывалъ начать наступательную войну, двинувъ турецкое войско прямо на Москву или на Петербургъ. Али-паша спросилъ его съ усмѣшкою:

— Какъ же мы туда отправимся и какъ туда доберемся?

— Съ паспортами, выданными вашимъ достоинствомъ, — отвѣчалъ онъ.

Али-паша совѣтывалъ не начинать войны, которая, по его словамъ, могла погубить Турцію.

Огромное большинство было за войну и за союзъ съ западными державами; нѣсколько человекъ изъ числа самыхъ уважаемыхъ вукеловъ совѣтовали вмѣстѣ съ тѣмъ подумать и о польской справѣ; еще меньшее число за миръ и за соглашеніе съ Россіей; это мнѣніе было высказано всего десятью членами совѣта да и тѣ были ближайшіе друзья Али-паши. Решидъ-паша торжествовалъ и прямо изъ засѣданія отправился съ великимъ визиремъ во дворецъ, чтобы представить султану отчетъ о результатахъ этого необычайнаго совѣта.

Приготовленія къ войнѣ шли своимъ чередомъ, помаленьку; иначе и быть не могло, такъ какъ этимъ дѣломъ завѣдывалъ Мехмедъ-Рюшди-паша. Однако я получилъ прекрасныхъ, по большей части арабской породы, лошадей на два эскадрона или на двѣ сотни; эти лошади были пожертвованы сановниками и богатыми жителями Стамбула; лошади были весьма цѣнные и прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ. Однажды Мехмедъ-Али-паша пожелалъ видѣть нѣсколько казаковъ верхомъ; я выбралъ самыхъ лучшихъ наѣздниковъ и выхлопоталъ у Арифа-паши позволеніе взять для нихъ нѣсколько офицерскихъ лошадей. Когда казаки выѣхали на дворъ сераскирата и мимо него замелькали ихъ красныя шапки, а по вѣтру стали развѣваться ихъ откидные рукава, то онъ былъ внѣ себя отъ восторга, глядя на молодцоватыхъ казаковъ, и тотчасъ приказалъ отдать въ мое распоряженіе 240 офицерскихъ лошадей; это были все заводскіе жеребцы. Когда я посадилъ первый эскадронъ на коней, то сердце мое едва не выпрыгнуло отъ радости; при одномъ взглядѣ на это войско было видно, что наѣздники въ немъ на подборъ одинъ лучше другого. Для третьяго эскадрона уже были готовы лошади и онъ обмундировался; въ Биневле было послано сказать некрасовцамъ, чтобы они собирались въ Стамбуль.

Не ожидая далѣе распоряженій отъ князя Адама Чарторыйскаго, я началъ помѣщать поляковъ въ турецкое войско.

Всѣ поляки, давно уже перешедшіе въ магометанство, были причислены по моему ходатайству къ корпуснымъ и дивизіоннымъ штабамъ. Я роздалъ мѣста нѣсколькимъ докторамъ изъ поляковъ: Наркевичу, Пржіялковскому, Войцеховскому и другимъ; однимъ словомъ, я наполнилъ турецкое войско поляками, и если бы между ними было нѣкоторое единодушіе и они сознавали бы цѣль, къ которой имъ надлежало стремиться, то они составили бы мощную силу, но объ этомъ нечего было и думать.

Изъ поселенія Адамовки пріѣхало нѣсколько охотниковъ, желавшихъ поступить въ казацкій полкъ; всѣ жители колоніи были не прочь сдѣлать тоже, но мнѣ не хотѣлось лишить колонію ея жителей, чтобы она могла служить пріютомъ не только для поляковъ, пріѣзжающихъ изъ Стамбула, но и для тѣхъ, которые были бы ранены или отстали бы

*

отъ войска, чтобы у нихъ было куда приклонить голову и гдѣ отдохнуть.

LV.

Магометане жаждутъ войны.—Волненіе софтовъ.—Бѣгство лорда Редклиффа и англійской колоніи на суда.—Водвореніе спокойствія.—Объявленіе войны.—Пріѣздъ генерала Высоцкаго.—Проектъ лорда Редклиффа относительно сформированія аристократическаго польскаго легіона въ Румелин и демократическаго легіона въ Аватоліи.—Примиреніе Решиды и Ризы пашей.—Походъ лорда Дудлей-Стюартъ.—Предложеніе сербовъ.—Поляки и болгары.—Пріѣздъ въ Стамбулъ Замоискаго.—Его дѣятельность.

Магометане жаждали войны. Во главѣ воинствующей партіи стоялъ Мехмедъ-Али-паша, бывшій въ то время сераскиромъ. Решидъ-паша, также желавшій войны, медлил ея объявленіемъ, получивъ отъ англійскаго и французскаго посольствъ увѣдомленіе, что ихъ войска не могутъ еще выступить на помощь Турціи. Русскіе также не объявляли войны. Ожиданіе наскучило мусульманамъ и выводило ихъ изъ терпѣнія.

Нѣкоторые изъ молодыхъ сановниковъ и служащихъ Высокой Порты составили общество съ цѣлью заставить правительство немедленно объявить войну. Члены этого общества сгруппировались около Мехмеда-Али-паши. Самымъ дѣятельнымъ и ревностнымъ изъ нихъ былъ Неджибъ-эфенди, грузинъ, любимецъ Мехмеда-Али. О существованіи этого общества и о томъ, что ему покровительствовалъ Мехмедъ-Али-паша я узналъ совершенно случайно. Члены общества напечатали воззваніе съ требованіемъ объявить войну, разбрасывали его по городу, пригнѣпляли на углахъ, на казенныхъ зданіяхъ.

Эти воззванія, само собою разумѣется, должны были вызвать волненія среди мусульманъ. Первыми взволновались софты, т. е. молодежь, учившаяся въ духовныхъ школахъ и готовившаяся къ духовному званію; они отправились къ конаку Решидъ-паши, выбили у него нѣсколько оконъ, крича: «хотимъ войны, хотимъ войны».

Однако Решидъ-паша успѣлъ благополучно ухъать изъ конака и добраться до Безикъ-таша, гдѣ жилъ его сынъ Мехмедъ-Джесмиль-бей, третій секретарь султана. Отправившись къ нему по его приглашенію, я засталъ Решидъ-пашу довольно спокойнымъ; его чрезвычайно забавлялъ рассказъ г. Пизани, перваго драгомана англійскаго посольства, о страхѣ лорда Редклиффа, который разослалъ всѣмъ членамъ англійской колоніи письменное предложеніе, чтобы они перебрались со сво-

ими семьями и со всѣмъ ихъ имуществомъ на суда, не ожидая вспышки мусульманскаго фанатизма.

Решидъ-паша, въ присутствіи г. Пизани, поручилъ мнѣ отправиться въ Стамбуль, въ сераскиратъ (военное министерство), разузнать обстоятельно въ чемъ дѣло и съ разрѣшенія сераскира привести, если понадобится, казаковъ-христіанъ для защиты посольствъ и христіанъ, проживающихъ въ Перѣ.

Я сѣлъ съ моимъ адъютантомъ и съ чаусами на приготовленныхъ для насъ лошадей; одного изъ нихъ я послалъ въ казармы къ Даудъ-пашѣ, съ приказаніемъ посадить казаковъ на лошадей и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій съ моей стороны; самъ же отправился въ сераскиратъ. На улицахъ было совершенно спокойно; на дворѣ сераскирата кучками стояли софты, которые кричали во все горло и бранили бригаднаго генерала Ахмета-пашу, который уговаривалъ ихъ разойтись.

Въ сераскиратѣ я засталъ сераскиря; онъ хохоталъ до упада, получивъ извѣстіе, что лордъ Редклиффъ и вся англійская колонія бѣжала на суда. Я сообщилъ ему о порученіи, которое мнѣ было дано Решидъ-пашею, и такъ какъ я находился съ сераскиромъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и чрезвычайно былъ расположенъ къ нему, то я высказалъ ему свое опасеніе, какъ бы лордъ Редклиффъ, устыдившись своего поступка, не сдѣлалъ изъ мухи слона, не обвинилъ во всемъ сераскира и не потребовалъ его отставки, въ чемъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, врядъ ли ему могли отказать. Я совѣтовалъ пригласить въ сераскиратъ великаго визиря, арестовать софтовъ, отвести ихъ въ казармы, откуда тотчасъ выпустить ихъ другими дверями и донести султану, что порядокъ въ городѣ возстановленъ. Въ доказательство же того, что манифестация софтовъ не была плодомъ мусульманскаго фанатизма, но была вызвана единственно желаніемъ войны, поставить на часахъ у казармъ, въ которыя будутъ заключены софты, казаковъ, т. е. христіанское войско.

Сераскирь одобрилъ мое предложеніе; тотчасъ было послано за казаками, дано знать великому визирю, а пѣхотнымъ солдатамъ, находившимся въ сераскиратѣ, отдано приказаніе арестовать софтовъ. Вскорѣ пріѣхалъ великій визирь, пришли и казаки изъ казармъ, которыхъ толпа пріѣтствовала сочувственными кликами, крича: «они также хотятъ войны, это наши братья, солдаты султана». Начался допросъ софтовъ въ присутствіи великаго визиря.

Я послалъ моего адъютанта, Мехмедъ-бея (Люборадскаго) къ Решидъ-пашѣ съ донесеніемъ о всемъ мною сдѣланномъ. Проѣзжая чрезъ Перу онъ встрѣтилъ англійскаго посланника, выѣзжавшаго уже изъ посольскаго дома со всей своей семьей и съ цѣлой свитой. Онъ остано-

виль Люборадскаго и спросилъ его, въ какомъ положеніи находятся дѣла; тотъ наговорилъ ему такихъ страстей, такихъ ужасовъ, что посланникъ какъ ошпаренный побѣжалъ не оглядываясь къ каику и отплылъ на суда. Я сдѣлалъ впоследствии Люборадскому выговоръ по этому поводу; онъ извинялся, говоря, что если бы онъ сказалъ правду, то лордъ не замедлилъ бы отправиться во дворецъ и потребовалъ бы отставки сераскира, теперь же со страху онъ будетъ сидѣть на судахъ, а мы успѣемъ все сдѣлать какъ слѣдуетъ. Онъ уже не въ состояніи будетъ измѣнить сдѣланнаго, когда, опомнившись отъ страха, вернется въ Стамбуль. Кажется, Люборадскій отчасти былъ правъ.

Все совершилось какъ по писанному: софты были арестованы, а затѣмъ выпущены на свободу; наиболѣе скомпрометированнымъ было разрѣшено отправиться на пароходъ въ Бруссу или Адрианополь, бывшія столицы Турціи, и пробить тамъ до тѣхъ поръ, пока все успокоится.

Великій визирь отправился въ Высокую Порту, а сераскиръ, взявъ меня въ свой экипажъ, поѣхалъ во дворецъ съ устнымъ донесеніемъ султану. Мы ѣхали въ открытой коляскѣ и встрѣтили въ Топхане драгомана Пизани, спѣшившаго въ посольство за извѣстіями. Онъ остановилъ нашъ экипажъ, и Мехмедъ-Али разсказалъ ему со смѣхомъ о напрасномъ страхѣ лорда; все это было передано ему самымъ точнымъ образомъ, равно и то, что я ѣхалъ вмѣстѣ съ сераскиромъ и что казаки караулили софтовъ.

Обсудивъ дѣло и посовѣтывавшись съ нами Решидъ-паша отправился вмѣстѣ съ сераскиромъ къ султану и вернувшись объявилъ, что султанъ подписалъ манифестъ о войнѣ; нѣсколько часовъ спустя бригадный генералъ Тевфикъ-паша повезъ его въ Шумлу къ Омеру-пашѣ.

Лордъ Редклиффъ не скоро пришелъ въ себя, и когда поѣхалъ во дворецъ, то манифестъ уже былъ отосланъ. Султанъ заявилъ ему, что былъ вынужденъ сдѣлать это, исполняя волю своихъ подданныхъ мусульманъ и христіанъ. Лорда Редклиффа не столько раздражало то обстоятельство, что война была объявлена, ибо онъ этого ожидалъ и его кабинетъ считалъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ, но онъ не могъ успокоиться по поводу того, что такое важное рѣшеніе было принято безъ его совѣта и разрѣшенія, ибо онъ былъ дѣйствительно не прочь играть маленькаго или втораго султана, какъ его называли въ стамбульскомъ обществѣ. Редклиффъ не могъ простить сыгранной съ нимъ комедіи, какъ онъ называлъ этотъ фактъ, и, не имѣя возможности отомстить ея главнымъ дѣятелямъ, онъ мстилъ болѣе маленькимъ людямъ. Не имѣя возможности ничего сдѣлать Мехмеду-Али, его гнѣвъ обрушился на меня, такъ какъ поляки, по своему обыкновенію, наговорили ему, что во всемъ былъ виноватъ я. Онъ жаловался на меня Решидъ-пашѣ и

даже самому султану Абдуль-Меджиду, но безуспѣшно; принявъ во вниманіе, что лордъ былъ заранѣе озлобленъ противъ меня за то, что я защищалъ генерала Бема, а теперь былъ оскорбленъ тѣмъ, что Высшая Порта безъ его разрѣшенія и даже вѣдома самостоятельно объявила войну Россіи, не имѣя возможности измѣнить принятаго рѣшенія, онъ сталъ бы, пожалуй, на зло задерживать присылку помощи со стороны Англіи, ежели бы въ это самое время турецкій флотъ не былъ сожженъ русскимъ флотомъ при Синогѣ.

Въ мою задачу не входитъ описаніе всѣмъ извѣстныхъ подробностей этого сраженія, я хочу только сказать, что послѣ этого западная держава не могла долѣе медлить и должны были принять участіе въ войнѣ.

Мнѣ сообщили наконецъ изъ Парижа, что ѣдутъ генералы, но кто именно—не писали. Въ то же время ко мнѣ явился Бѣлинскій съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ генералъ Высоцкій и желаетъ со мною переговорить; я отвѣчалъ, что я всегда готовъ его принять, но предупреждаю, что если онъ хочетъ имѣть дѣло со мною отъ имени князя Адама, то встрѣтитъ съ моей стороны полнѣйшую готовность оказать ему всяческое содѣйствіе и помощь; въ противномъ же случаѣ, я не только отказываюсь въ чемъ-либо помогать ему, но даже буду дѣйствовать противъ него, ибо мы можемъ достигнуть своей цѣли не иначе, какъ дѣйствуя съ полнымъ единодушіемъ, а разладъ поведетъ только къ бѣдствію. Со своей стороны, я былъ готовъ дѣйствовать съ нимъ единодушно и не скрою, что если бы генералъ Высоцкій пришелъ ко мнѣ лично или прибѣгнуть къ посредничеству кого-нибудь другаго, а не Бѣлинскаго, то онъ остался бы въ Турціи и это имѣло бы вѣроятно самыя благія послѣдствія. Бѣлинскій же, человекъ эгоистичный, надѣялся именованъ генерала выхлопотать себѣ какое-нибудь назначеніе, а польская справа была для него вещь совершенно чуждая. По протекціи англичанъ, среди которыхъ у него были знакомые и которые покровительствовали въ то время мадьярамъ, въ пику французамъ, которые болѣе сочувствовали полякамъ, онъ выдалъ себя за венгерца и проникъ къ лорду Редклиффу. Не знаю, чего онъ добивался отъ англійскаго посольства, какіе планы предлагалъ ему генералъ Высоцкій или лучше сказать Бѣлинскій, я знаю только, что у Ресидъ-паши неожиданно появился планъ, предложенный ему лордомъ Редклиффомъ. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

Сформировать въ Румелии аристократическій польскій легіонъ, коего ядро составить казацкій полкъ; въ Анатолии сформировать легіонъ демократовъ, раздѣливъ такимъ образомъ двѣ враждебныя партіи, которыя, будучи вмѣстѣ, всегда будутъ враждовать; когда же онѣ будутъ раздѣлены, всякое соперничество само собою будетъ устранено; эти легіоны

не возбуждать тогда опасеній Австріи и Пруссіи; если поляки не будутъ составлять отдѣльнаго войска, то не будетъ и единого польскаго знамени. Наконецъ, что весьма желательно, поляки, при подобной организаціи, не могутъ помѣшать сохраненію мира съ Россіей, если же они будутъ находиться всѣ вмѣстѣ, если образуютъ дѣйствительно одно цѣлое, то могутъ стать во главѣ войска и помѣшать заключенію мира до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены ихъ польскія вождедвія, что вовсе не соотвѣтствуетъ интересамъ союзниковъ.

Решидь-паша не одобрилъ плана, изложеннаго въ этой запискѣ; фізіономія генерала Высоцкаго не понравилась сараскиру-пашѣ и по его мнѣнію, онъ вовсе не походилъ на генерала и на военного человѣка. Когда спросили мое мнѣніе, я отвѣчалъ, что не имѣю и не могу имѣть ничего общаго съ дѣятельностью генерала Высоцкаго, что лично я его даже не знаю; и хотя считаю единоклюбіе трудно достижимымъ, а быть можетъ и совершенно невозможнымъ, тѣмъ не менѣе всякое раздѣленіе или раздвоеніе было бы, по моему мнѣнію, величайшей и непростибельной ошибкой; заключеніе, приводимое лордомъ Редклиффомъ, я считаю одинаково вреднымъ для польскихъ и для турецкихъ интересовъ, которые въ этой войнѣ должны быть тѣсно слиты.

Планъ лорда Редклиффа не былъ приведенъ въ исполненіе; генераль Высоцкій не получилъ никакого назначенія, а Бѣлинскій былъ произведенъ въ подполковники и участвовалъ въ кампаніи, не знаю въ какомъ полку, состоя при какихъ-то англійскихъ генералахъ, которые нахлынули на службу Турціи, воспользовавшись тѣмъ, что поляки медлили пріѣздомъ.

Я до сихъ поръ сожалѣю о томъ, что не познакомился съ генераломъ Высоцкимъ и не переговорилъ съ нимъ. Само собою разумѣется, мнѣ было бы пріятнѣе видѣть его на службѣ въ турецкомъ войскѣ нежели видѣть въ немъ разныхъ Каноновъ, Маргаровъ и другихъ англичанъ, ибо несомнѣнно онъ могъ бы быть полезнѣе для Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ для Польши. Всему этому былъ виною Бѣлинскій, ярый демократъ. Какъ мнѣ говорили потомъ, его нерасположеніе ко мнѣ погубило въ немъ всѣ шляхетскія чувства.

Отсутствіе генерала Хржановскаго измѣнило первоначальный планъ кампаніи на Кавказѣ; я рѣшилъ дѣйствовать иначе. При Решидь-пашѣ состоялъ черкесь, абадзехъ, изъ невольниковъ по имени Бехчетъ-бей; онъ получилъ прекрасное образованіе въ Парижѣ, говорилъ на иностранныхъ языкахъ; былъ у Решидь-паши хранителемъ печати, его приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ. Я подаль мысль назначить его, какъ черкеса, пачальникомъ отряда, посылаемаго на Кавказъ, давъ ему въ помощники офицеровъ-поляковъ и кадры для польскаго легіона, который могъ бы быть сформированъ на Кавказѣ изъ поляковъ и дезертировъ. Мое пред-

ложеиіе было принято; Решидъ-паша пожертвовалъ на эту экспедицію изъ собственнаго своего кармана миллионъ пиастровъ, ради Бехчетъ-бея, который былъ произведенъ въ паши. Изъ военныхъ складовъ было выдано десять тысячъ платья съ обувью и бѣльемъ для черкесъ. Серакиръ, по моему ходатайству, приказалъ смотрителю казармъ въ Скутари на азиатскомъ берегу отводить помѣщеніе и давать сѣстные припасы подъ росписку Арслана-паши всѣмъ солдатамъ, которые будутъ къ нему присланы.

Я условился съ капи-кегаемъ, начальникомъ латинской канцеляріи, къ которой причислялись всѣ славяне-католики и откуда они получали паспорта, что онъ доставитъ мнѣ за десять пиастровъ съ головы тысячу охотниковъ для сформированія этого легіона. Въ Стамбулѣ было достаточное количество офицеровъ мадяровъ, валаховъ, румынъ и даже поляковъ, которые были готовы поступить въ легіонъ за извѣстное вознагражденіе.

Въ такомъ положеніи было дѣло въ тотъ моментъ, когда я выѣхалъ изъ Стамбула. Вышеупомянутый планъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе чрезмѣрнаго скряжничества генерала Быстроновскаго, который не хотѣлъ выдавать премій вербуемымъ охотникамъ и офицерамъ, не сумѣлъ достать денегъ у Бехчета-паши и у правительства и, быть можетъ, не чувствовалъ себя способнымъ взяться за это дѣло. Это была съ его стороны большая ошибка; имѣя свой отрядъ, каковъ бы онъ ни былъ, онъ былъ бы настоящимъ пашею, начальникомъ, а безъ отряда онъ игралъ роль статиста, стоящаго во главѣ штаба. Очтившись въ фальшивомъ положеніи, безъ команды, безъ отряда, не зная мѣстнаго языка, не имѣя способныхъ штабныхъ офицеровъ, онъ отправился въ путь съ муширомъ, Мустафою-Зарифи-пашою, и попалъ во власть англичанъ, отъ которыхъ ни онъ, ни муширъ не сумѣли отдѣлаться. Поляки сами были кругомъ виноваты въ этомъ, все было бы иначе, если бы они дѣйствовали толковѣе.

На Дунаѣ войска играли роль обсервационнаго корпуса, они не дѣлали разъѣздовъ и повидимому не думали, чтобы война могла вестись иначе; союзники все еще не выставили на помощь Турціи ни одного солдата. Лордъ Редклиффъ торопилъ отправкою казаковъ изъ Стамбула и хотѣлъ, чтобы я выѣхалъ вмѣстѣ съ ними; Решидъ-паша поддерживалъ его.

Редклиффъ дѣйствовалъ въ Шумлѣ чрезъ посланныхъ туда англичанъ въ томъ смыслѣ, чтобы склонить Омера-пашу требовать скорѣйшаго прибытія моего и казаковъ въ Шумлу; отъ маіора Воронича было получено, какъ говорили англичане, донесеніе изъ Тульчи, что у него записалось шестьсотъ казаковъ изъ Добруджи, на которыхъ онъ беретъ

жалованье и получает провіантъ, и ожидаетъ казаковъ, чтобы идти вмѣстѣ съ ними куда прикажутъ.

Омеръ-паша отвѣчалъ весьма резонно, для чего же набирать болгаръ и людей разныхъ національностей, когда мы имѣемъ казаковъ.

Мнѣ было извѣстно отъ Гончарова, что въ Добруджѣ дѣло обстояло совершенно иначе.

Лишь только была объявлена война, я послалъ Гончарову и Жуковскому приказаніе, чтобы, взявъ съ собою старовѣрческаго епископа со всемъ духовенствомъ метрополитской церкви въ Славѣ, они ѣхали немедленно въ Стамбуль. Я предоставлялъ въ ихъ распоряженіе мой фольварокъ Зашлы-Босню, гдѣ они могли пребыть все время войны; давая пріютъ епископу я хотѣлъ заштитить его и сохранить отъ всякой опасности. Мое распоряженіе было исполнено въ точности, такъ какъ Гончаровъ былъ человѣкъ проворный и практичный.

Онъ разсказалъ мнѣ, что Ворона, какъ онъ называлъ Воронича, ведетъ себя очень глупо, бѣгаетъ за бабами и ровно ничего не знаетъ; онъ приблизилъ къ себѣ какого-то италіанца по имени Канелли, большого пройдоху, какъ выразился о немъ Гончаровъ, который зачислялъ въ полкъ всевозможныхъ пьяницъ, всякую сволочь, представлялъ ихъ Воронѣ, мудиру или каймаку, правительственному чиновнику, съ которымъ дѣлился деньгами, вырученными отъ продажи таймовъ. Ворона любитъ списками, говорилъ Гончаровъ, но у него нѣтъ ни одного охотника, котораго онъ могъ бы послать. Я тотчасъ написалъ объ этомъ маіору Вороничу и даже Омеръ-пашѣ, котораго просилъ вытребовать охотниковъ въ Шумлу, чтобы я могъ съ ними сѣхаться.

Решидъ-паша жаловался мнѣ, что сборъ войска идетъ очень медленно, что Мехмедъ-Али, несмотря на все свое желаніе и искренній патриотизмъ, не умѣетъ вести дѣло, а Мехмедъ-Рюшди медлитъ и теряетъ время даромъ. Онъ присовокупилъ, что одинъ только Риза-паша могъ бы ускорить это дѣло, но онъ находится съ нимъ въ столь дурныхъ отношеніяхъ, что не можетъ предложить ему управлять министерствомъ, хотя сдѣлалъ бы это весьма охотно, несмотря на явное нежеланіе лорда Редклиффа.

Я сказалъ Решидъ-пашѣ, что я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Риза-пашею и что если бы я умѣлъ свободно говорить по-турецки, то могъ бы уговорить его и объяснить ему, чего отъ него ожидаютъ. Паша улыбнулся и сказалъ:

— И хорошо, что вы не умѣете говорить по-турецки, ибо если бы ваша попытка не удалась, то вы обвинили бы во всемъ свое незнаніе турецкаго языка.

Я отправился къ Риза-пашѣ и передалъ ему весь нашъ разговоръ. Риза-паша спросилъ, точно ли все это сказалъ Решидъ, я отвѣчалъ

утвердительно. Онъ тотчасъ сѣлъ со мною въ экипажъ и поѣхалъ къ Решидь-пашѣ, выразилъ ему свою полную готовность исполнить его желаніе, сказавъ, что онъ всегда готовъ забыть личности, когда дѣло идетъ о пользѣ страны и о службѣ султану. Они обнялись и условились, что Решидь-паша доложить султану нѣсколько дней спустя о необходимости назначить Риза-пашу сераскиромъ, а Риза тѣмъ временемъ сдѣлаетъ нужныя распоряженія для сбора войскъ.

На слѣдующій день я выступилъ изъ Стамбула съ первой сотней и съ кубанскими казаками ¹⁾; съ третьей сотней я оставилъ Мехмедъ-бей (Люборадскаго) такъ какъ сѣдла и мушкетеры еще не были готовы. Я рѣшилъ взять изъ патриархата знамя прежнихъ запорожцевъ только тогда, когда будетъ окончательно сформированъ полкъ, который долженъ былъ состоять изъ шести сотенъ.

На первомъ этапѣ, въ Буюкъ-Чекмедже, мы встрѣтили лорда Дудлея Стюарта, пріятеля князя Адама Чарторыйскаго, весьма сочувственно относившагося къ польской справѣ. Сердце этого англичанина было всецѣло предано Польшѣ. Онъ возвращался изъ Шумлы, куда ѣздилъ, чтобы взглянуть своими собственными глазами на то, что творилось въ Турціи. Стюартъ былъ проѣздомъ въ Бѣлградъ и привезъ мнѣ объемистый пакетъ, который дали ему мои пріятели—сербы.

Этотъ пакетъ былъ вложенъ въ хорошенькій малахитовый ящичекъ съ золотыми украшеніями; въ немъ находилась между прочимъ карта Болгаріи и Румыніи, снятая русскимъ штабомъ въ 1827 и 1828 годахъ. Она имѣла для меня большое значеніе, такъ какъ была составлена весьма подробно. Кромѣ того, въ пакетъ было вложено длинное письмо или лучше сказать записка, составленная Авраамомъ Петроневичемъ и написанная по-русски и по-сербски, такъ какъ онъ не зналъ французскаго языка. Въ этой запискѣ онъ высказывалъ желаніе князя Александра и сербскаго правительства сохранить прежнія отношенія къ султану и Высокой Портѣ, отвѣчать отказомъ на предложеніе Россіи и заявить ей, чтобы она не рассчитывала ни на какую помощь и сочувствіе со стороны Сербіи, такъ какъ сербы останутся вѣрны своему истинному монарху; далѣе говорилось, что ежели бы Высокой Портѣ понадобилась помощь сербскаго войска, то это легко было бы устроить, такъ какъ сербы обязаны помогать ей, въ силу своихъ ленныхъ статутовъ; къ этому обязываетъ ихъ также преданность и признательность къ султану Абдуль-Меджиду. Онъ радовался тому, что мною сформированъ полкъ, который онъ называлъ казацко-польско-славянскимъ, выражая желаніе, чтобы этотъ полкъ вмѣстѣ съ сербскимъ войскомъ со-

¹⁾ По словамъ автора, русскими подданными, прибывшими на службу султану.

ставилъ зародышъ славянскаго войска, которое будетъ служить султану и славянской федераціи, образуемой подъ верховной властью турецкихъ султановъ, которые являются естественными наслѣдниками бывшихъ сербскихъ королей. Авраамъ Петровичъ уполномочивалъ меня сообщить это письмо Решидъ-пашѣ и сказать ему, что сербы и сербское правительство готовы исполнить его приказаніе.

Я тотчасъ послалъ этотъ документъ съ переводомъ на французскій языкъ къ Решидъ-пашѣ и сообщилъ о немъ лорду Дудлею-Стewartу, который свернулъ съ своего пути, чтобы провести съ нами ночь и вдоволь наговориться. Онъ рассказывалъ намъ о Калафатѣ, о томъ, что туда стянута масса русскихъ войскъ. По его мнѣнію, которое раздѣляли и турецкіе генералы, русскіе намѣревались перейти Дунай у сербской границы, поднять христіанъ противъ турецкаго правительства, сильно рассчитывая при этомъ на новое возстаніе въ Босніи, гдѣ послѣ усмиренія этой провинціи Омеръ-пашею господствовало сильное неудовольствіе противъ правительства. Если русскіе не воспользовались этимъ неудовольствіемъ въ своихъ видахъ, то это надобно всецѣло приписать сербамъ, которые не хотѣли возстать противъ власти султана, а напротивъ были готовы сражаться подъ его знаменемъ, что отлично было извѣстно русскимъ. Если бы русскіе могли рассчитывать на сербовъ, то они легко взволновали бы болгаръ, босняковъ, черногорцевъ, овладѣли бы турецкимъ войскомъ, находящимся въ провинціяхъ, и арнаутами и, двинувшись на Софію и Филиппополь, могли бы предупредить появленіе союзныхъ войскъ въ Дарданелахъ, отбросить турецкое войско къ Стамбулу и тамъ окончательно съ нимъ расправиться. Тогда Австрія заключила бы вѣроятно союзъ съ Россіей на погибель Оттоманской имперіи. Сербія спасла Турцію отъ неминуемой бѣды; султанъ Абдулъ-Меджидъ и Решидъ-паша отлично понимали это, но западныя державы не хотѣли признать этого факта и настаивали на необходимости требовать отъ Сербіи помощи войскомъ.

Австрія зорко слѣдила за тѣмъ, что происходило въ славянскихъ земляхъ, и помѣшала Турціи принять предложеніе сербскаго правительства. Я не удивлялся въ этомъ случаѣ Англіи, но былъ крайне удивленъ тѣмъ, что Франція дѣйствовала въ томъ же духѣ чрезъ де-Буркене, который въ то время былъ французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ.

Узнавъ о томъ, я написалъ де-Буркене длинное письмо. Признаюсь, я былъ раздраженъ этимъ непониманіемъ славянскихъ дѣлъ и собственно даже французскихъ интересовъ; я имѣлъ на это право, такъ какъ я дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ славянскомъ вопросѣ и всегда находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Я цѣнилъ де-Буркене, и мнѣ было прискорбно видѣть, что онъ далъ провести себя австрійскимъ и англійскимъ дипломатамъ. Мнѣ было также прискорбно

видѣть, что западныя державы и въ особенности Франція такъ плохо понимали славянъ и идею славянства или просто не хотѣли понять ее.

Сердечно простившись съ лордомъ Дудлеемъ, мы двинулись далѣе, напутствуемые его благословеніемъ и пожеланіемъ, чтобы мы побѣдно вступили въ Кіевъ, Варшаву и Краковъ.

Въ Чорлу кубанскіе казаки страшно загуляли; я призвалъ стариковъ и сдѣлалъ имъ строгій выговоръ, требуя, чтобы подобныхъ безобразій болѣе не повторялось.

На слѣдующій день, едва успѣли мы отъѣхать нѣсколько верстъ отъ города, старики подѣхали ко мнѣ, прося позволенія наказать виновныхъ по правиламъ и обычаямъ войска Игнатія Некрасова. Я далъ на это свое согласіе. Мы остановились; сотни слѣпились. Два старика, состоявшіе при сотнѣ въ качествѣ совѣтника и судьи, поцѣловали полы моего платья, взяли въ руки хоругвь и бунчукъ сотни, воткнули его на курганъ. Поклявшись нѣсколько разъ святымъ крестомъ, они громко заявили, что съ разрѣшенія атамана-паши будутъ примѣнены правила войска. Всѣ сняли шапки и стояли съ обнаженными головами; старики объявили, что въ этотъ моментъ въ войскѣ нѣтъ старшихъ, всѣ равны передъ закономъ, коего они являются блюстителями.

Изъ кожанаго футляра была вынута трость Игната Некрасова; позвали сотниковъ, каждый изъ стариковъ отсчиталъ виновнымъ по тридцати здоровыхъ ударовъ палкою, приговаривая, что онъ не умѣлъ повиноваться начальству, за то и получаетъ должное наказаніе въ науку, чтобы онъ впредь зналъ, какъ надо быть сотникомъ. Виновный вставалъ, цѣловалъ руку старикамъ, которые надѣвали ему на голову шапку и давали въ руки трость, приговаривая: «господинъ сотникъ, исполняй свою обязанность».

Сотникъ охотно принимался исполнять ее, вызывалъ казаковъ одного за другимъ по имени и ретиво билъ ихъ палкою; подвергшійся наказанію цѣловалъ руку сотнику и старикамъ и возвращался въ шеренгу.

Когда требованіе закона было соблюдено, хоругвь снята, казаки вскочили на коней и отправились въ походъ распѣвая удалыя пѣсни; съ тѣхъ поръ не было болѣе примѣрнаго войска, какъ кубанскіе казаки; правду говорятъ, что за одного битаго двухъ небитыхъ дають и даже болѣе, ибо битые всегда бываютъ лучше.

Съ поляками было бы не такъ легко справиться. Отличительныя черты характера, свойственныя польской шляхтѣ, послушаніе и непокорность, которыми они прониклись, служа въ венгерскомъ и польскомъ войскѣ, то и дѣло порождали недоразумѣнія; офицеры были не лучше унтеръ-офицеровъ и солдатъ; они хотѣли смѣнить офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, выбрать новыхъ, ссылаясь на примѣры, бывшіе въ Венгріи.

Я былъ вынужденъ нерѣдко арестовывать и наказывать ихъ; къ счастью не всѣ были таковы, между ними попадались также личности, имѣвшія всѣ данныя, чтобы стать хорошими, дѣльными кавалерійскими офицерами, каковыми они впоследствии и показали себя.

Болгары и прочіе славяне вели себя образцово въ отношеніи повиновенія, трудолюбія и исполнительности; счастье, что мы имѣли въ полку болгаръ, ибо несмотря на все мое стараніе, на всѣ мои усилія и на помощь многихъ дѣльныхъ личностей, состоявшихъ подъ моею командой, я сомнѣваюсь, чтобы мы могли что-либо сдѣлать съ одними поляками. Нашъ отрядъ постигла бы та же участь, какаю постигла всѣ прочіе польскіе отряды, сформированные за границей; храбрые, воинственные на полѣ битвы, они были своенравны и своевольны въ мирное время. Организованный нами полкъ имѣлъ то преимущество, что въ немъ можно было опереться, смотря по надобности, на три главные элемента: на казаковъ, на поляковъ и болгаръ; это уравнивало силы и давало возможность соблюсти цѣлость и единство.

Мы вступили въ Адрианополь, пріветствуемые выраженіями сочувствія и расположенія къ намъ мусульманъ и христіанъ. Управителемъ этой провинціи былъ мой давнишній хорошій пріятель Кибризли Мехмедъ-паша; онъ тотчасъ пригласилъ меня съ моимъ штабомъ и князя Грегора Стурдзу, назначеннаго бригаднымъ генераломъ подъ именемъ Мелиса-паши, въ свою квартиру, и далъ намъ у себя помѣщеніе и полное содержаніе.

Мулись-паша (князь Грегоръ Стурдза) сынъ одного изъ извѣстнѣйшихъ и богатѣйшихъ господрей Молдавіи, служилъ въ русскихъ уланахъ, а впоследствии былъ полковникомъ и командовалъ полкомъ въ Молдавіи. Прекрасный строевой офицеръ и высоко-образованный офицеръ штаба, онъ пожелалъ служить султану, какъ ленникъ своему монарху, и отправился со мною въ Шумлу въ распоряженіе Омерж-паши.

Капитанъ Вержбицкій уже на вербовалъ человекъ до двадцати охотниковъ-болгаръ, но когда мы пришли, мундиръ нашихъ казаковъ до того прельстилъ всѣхъ, что въ теченіе двухъ дней набралось достаточное число охотниковъ для комплектованія двухъ сотенъ, но для нихъ не было ни мундировъ, ни сбруи, ни лошадей; кромѣ оружія, присланнаго изъ Франціи, у насъ ничего не было. Кибризли Мехмедъ-паша, природный шляхтичъ, патріотъ, такъ былъ прельщенъ казацкою кавалеріей, что пообѣщалъ мнѣ, если я останусь недѣли двѣ въ Адрианополѣ, доставить лошадей, обмундированіе и все нужное для цѣлой сотни. Я донесъ о томъ Омерж-пашѣ и сераскиру; тѣмъ временемъ начали скупать лошадей, шить мундиры и выдавать намъ все нужное для сотни, которую я сформировалъ. Обмундированіе шло весьма успѣшно. Прз-

вославный архіепископъ пожертвовалъ лошадей для офицеровъ, жидовскій кагаль далъ бѣлье, зимнія носки и рукавицы, купцы и бей также приняли участіе въ пожертвованіяхъ, но главныя пожертвованія шли изъ кармана Кибризли-паши; сѣдла мы взяли изъ артиллерійскаго склада.

Омеръ-паша разрѣшилъ намъ пробывать тутъ нѣсколько дней для обмундированія этой сотни, но велѣлъ поспѣшить. Сераскиръ Мехмедъ-Али-паша, который былъ не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ Кибризли-пашою, писалъ мнѣ, что я хорошо сдѣлалъ, принявъ его пожертвованіе, но что я не долженъ вступать съ нимъ ни въ какіе расчеты, не долженъ выдавать никакихъ росписокъ и квитанцій въ полученіи лошадей и вещей, а принявъ все, что мнѣ дадутъ, идти скорѣе въ Шумлу. Онъ написалъ Кибризли Мехмеду-пашѣ, что сдѣлаетъ представленіе султану о его пожертвованіи, котораго никто не просилъ, но которое дѣлаетъ ему большую честь, такъ какъ онъ помогаетъ своими средствами правительству.

Кибризли-паша былъ человѣкъ неподкупной, безупречной честности, щедрый до расточительности; онъ прочиталъ письмо сераскира безъ ропота и удвоилъ стараніе, чтобы обмундированіе шло какъ можно скорѣе и чтобы все было самага лучшаго качества.

Я написалъ объ этомъ донесеніе на французскомъ языкѣ; мой рапортъ, при посредствѣ Антона Аллеона и Эдхема-паши, попалъ на глаза султану, который былъ такъ доволенъ поступкомъ Кибризли-паши, что не только пожаловалъ ему денежный подарокъ, но въ скоромъ времени назначилъ его капуданъ-пашою, т. е. морскимъ министромъ.

Я получилъ изъ Стамбула письмо съ извѣстіемъ, что Замойскій наконецъ пріѣхалъ и началъ свою дипломатическую дѣятельность.

Во-первыхъ, онъ открылъ какіе-то переговоры съ генераломъ Высоцкимъ, которые не привели ни къ чему, но вызвали крайнее раздраженіе демократовъ противъ князя Адама. Онъ надобѣлъ туркамъ и въ особенности Риза-пашѣ, который былъ военнымъ министромъ, своими разспросами и пустой болтовней.

Окруженный людьми неспокойными, каковы были Колинко, Владиславъ Иорданъ и тому подобныя личности, онъ дозволилъ имъ образовывать клубы и тайныя общества, которыя только компрометировали насъ. Притворяясь ревностнымъ католикомъ, онъ постоянно сидѣлъ въ костелѣ, молился и бесѣдовалъ съ ксендзами, что разумѣется не могло нравиться такому истому протестанту, какимъ былъ лордъ Редклиффъ. Корча изъ себя англмана, придавая особенное значеніе тому, что дѣлала Англія, и относясь съ пренебреженіемъ къ французамъ и къ ихъ дѣятельности, Замойскій уронилъ свой авторитетъ въ глазахъ французскаго посольства; однимъ словомъ, онъ какъ нельзя болѣе повредилъ

своей репутаціи челоѣка, призваннаго занимать видное положеніе въ войскѣ турецкаго правительства, а принялъ на себя роль политическаго афериста, который наблюдаетъ за тѣмъ, что дѣлають другіе, а самъ не знаетъ, что предпринять.

Для меня было очевидно одно: выдвигая во что бы то ни стало Коспельскаго, даже помимо его воли, Замоѣскій подкапывался подъ занимаемое мною мѣсто.

Меня предостерегали насчетъ этого, а длинное письмо, полученное мною отъ Замоѣскаго, наполненное туманными фразами, убѣждало меня въ его неискренности и недобрыхъ замыслахъ. Онъ ничего не говорилъ въ этомъ письмѣ обо мнѣ и о польской справѣ, которая при столь удачномъ началѣ нашей дѣятельности и такихъ большихъ средствахъ могла окончиться ничѣмъ, вслѣдствіе недовѣрія и непрактичности челоѣка способнаго, высоко-образованнаго, готоваго дѣйствовать на пользу дѣла, но до такой степени жаждавшаго власти и значенія, что онъ всю жизнь воевалъ съ созданными его воображеніемъ соперниками и призраками, какъ съ вѣтранными мельницами, и поэтому всю жизнь былъ злымъ гениемъ польской sprawy.

LVI.

Присяга.—Европейская колонія въ Карагачѣ.—Способъ примѣненія тенджимата, придуманный Кибризли-пашою.—Прибытіе въ Шумлу.—Наборъ рекрутъ, неудавшійся въ Добруджѣ, продолжается въ Болгаріи.—Переходъ русскихъ черезъ Дунай.—Безтолковое отступленіе корпуса Мустафы-паша.—Военный совѣтъ въ Варшѣ.—Новый планъ военныхъ дѣйствій.—Казакъ изъ Добруджи.—Передача знамени и документовъ въ знакъ возстановленія Запорожскаго войска.

Кибризли Мехмедъ-паша выразилъ желаніе, чтобы казаками была торжественно принесена присяга на вѣрнопопданство султану; я былъ этимъ какъ нельзя болѣе доволенъ. На слѣдующій день во дворѣ конака выстроились три сотни казаковъ верхомъ, въ полной парадной формѣ. По правую руку отъ крыльца сталъ Кибризли-паша, возлѣ него всѣ высшіе сановники и должностныя лица, иностранные консулы, я и Мулисъ-паша—всѣ въ полной парадной формѣ. По лѣвую руку—муфти и кади, православный архіепископъ, настоятель католическаго костела и хахамъ-баши; всѣ въ праздничномъ церковномъ облаченіи. Позади ихъ держали коранъ, евангеліе и пятикнижіе. Передъ присягою Кибризли Мехмедъ-паша произнесъ рѣчь о важности присяги, о данномъ христіанамъ правѣ защищать Оттоманскую имперію и объ истинномъ

братствѣ христіанѣ и мусульманѣ подѣ отеческимъ скипетромъ султана Абдуль-Меджидь-хана. По окончаніи присяги всѣ мусульманскіе, христіанскіе и еврейскіе цехи пѣли гимны, прославляя султана.

Этой, самой по себѣ простой церемоніи былъ приданъ столь торжественный, трогательный характеръ, что всѣ присутствующіе были глубоко ею растроганы; особенное впечатлѣніе она произвела на болгаръ, которые были потрясены и говорили: теперь и мы солдаты султана, теперь и мы подобны мусульманамъ. Ихъ лица выражали искреннюю радость и вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то затаенную думу, отблескъ тѣхъ воинственныхъ порывовъ, которые одушевляли нѣкогда воиновъ Атиллы и которые ихъ потомки должны были скрывать во время долгихъ лѣтъ неволи.

Европейская колонія, жившая въ той части города, которая называлась крѣпостью, Кале, дала по случаю бракосочетанія одной изъ дѣвицъ Вернаци большой балъ, на который были приглашены Кибризли-паша и всѣ казацкіе офицеры. Во всѣхъ христіанскихъ и еврейскихъ домахъ принимали и угощали казаковъ. Это было весьма кстати; обязанный имъ ласковый приѣмъ поднялъ духъ этого молодого войска; «вѣрно мы, что-нибудь да значимъ», говорили казаки, коли насъ такъ принимаютъ. Честь и слава Кибризли-пашѣ за то, что онъ сумѣлъ такъ высоко поставить въ глазахъ турокъ это войско, составленное изъ столь разнородныхъ, хотя и славянскихъ элементовъ.

На слѣдующій день мы были приглашены вмѣстѣ съ Мулисѣ-пашою и со всѣми офицерами въ засѣданіе суда, на которомъ присутствовалъ Кибризли-паша и весь совѣтъ, меджилисѣ; разбиралось дѣло богатѣйшаго въ городѣ мѣстнаго банкира армянина, который обобралъ своихъ родныхъ племянниковъ и подкупилъ муфти-эфенди. Кибризли-пашѣ подробно было извѣстно какъ велика была полученная имъ сумма и гдѣ она хранилась. Онъ допросилъ муфти-эфенди и укорялъ его въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ, тотъ во всемъ сознался; тотчасъ было послано въ его конакъ, откуда принесены полученные имъ деньги, которыя были положены на столъ передъ пашою. Въ это самое время во дворъ въѣхалъ банкиръ-армянинъ въ прелестномъ плетеномъ шарабанѣ вѣнской работы, запряженномъ пугомъ четверкою породистыхъ лошадей одинаковой масти, съ роскошной сбруей. Онъ былъ въ элегантномъ костюмѣ европейскаго покроя, но при этомъ въ фескѣ, въ лакированныхъ сапогахъ и лайковыхъ перчаткахъ. Войдя въ комнату съ шумомъ и гамомъ онъ направился прямо къ Кибризли-пашѣ, протягивая ему руку; паша сдѣлалъ ему знакъ остановиться, а кавасы (полицейскіе) отвели его къ стѣнѣ. Кибризли-паша перечислилъ ему все, въ чемъ его обвиняли, когда же армянинъ попытался отъ всего отпереться, то паша указалъ ему на лежавшія передъ нимъ деньги и приказалъ муфти по-

вторить свое показаніе. Армянинъ побѣднѣлъ и выказалъ свою армянскую натуру, закричавъ: Аманъ, Аманъ! По знаку паши кавасы схватили его подъ-руки и повели во дворъ, гдѣ возлѣ шарабана сняли съ него лакированные сапоги, накинуди ему на ноги веревку, повалили его на землю и отсчитали ему по-старинному турецкому обычаю изрядное количество ударовъ по пятамъ. Это было своеобразное, но быть можетъ самое дѣйствительное примѣненіе тенджимата.

Кибризли-паша, несмотря на всѣ свои прекрасныя качества и на взгляды истинно передового человѣка, не могъ отрѣшиться отъ прежней системы наказаній; подчиненныхъ ему беевъ онъ нерѣдко наказывалъ собственноручно, своимъ чубукомъ, запиралъ ихъ на двое, на трое сутокъ въ отхожее мѣсто; воровъ и мошенниковъ велѣлъ нещадно бить розгами, а пойманныхъ разбойниковъ—вѣшать. Адрианопольскіе бей, наживавшіе большія состоянія злоупотребленіями, вымогательствомъ и интригами, только его и боялись, и во время управленія имъ провинцій злоупотребленій и разбоевъ почти не было. При одномъ его имени всѣ трепетали.

Нѣсколько лѣтъ позднѣе, стоя съ войскомъ въ Адрианополь, я отправился однажды на охоту съ борзыми въ урочище, называемое Карабайръ, черная гора; старекъ-турокъ, котораго я встрѣтилъ въ полѣ, сказалъ мнѣ: тутъ есть одинъ заяцъ, но тебѣ его не поймать, его зовутъ Кибризли. Я просилъ его показать намъ этого Кибризли; вскорѣ мимо насъ пробѣжалъ заяцъ; я спустилъ свору моихъ андалузскихъ борзыхъ; долго бѣгали онъ и метались во всѣ стороны, наконецъ поймали зайца у села Кара-Мурадъ. Старикъ-турокъ скакалъ вмѣстѣ съ нами; пріѣхавъ въ село онъ расцѣловалъ борзыхъ, а зайца разрубилъ на мелкіе куски. Впослѣдствіи онъ разсказалъ намъ, почему онъ такъ упорно хотѣлъ поймать этого зайца и почему онъ былъ такъ доволенъ, что это ему удалось. Кибризли страстно любилъ охоту съ борзыми; онъ нѣсколько лѣтъ охотился на зайцевъ, но ему никакъ не удавалось затравить ихъ, разгнѣванный паша приказалъ надѣть на голову борзымъ колпачки, въ родѣ тѣхъ какіе носятъ на головѣ дервиши. Заѣзжая во время охоты въ село онъ всякій разъ находилъ тамъ какой-нибудь безпорядокъ и пользовался этимъ предлогомъ, чтобы наказать нѣсколько человѣкъ ударами по пятамъ. Поймавъ зайца турокъ надѣялся, что имъ не придется болѣе быть въ отвѣтъ передъ грознымъ пашою.

Погостивъ въ Карагачѣ и вдоволь повеселившись благодаря Кибризли-пашѣ мы выступили въ походъ. Болгары имѣютъ обыкновеніе говорить каждому солдату, каждому прохожему, зашедшему поѣсть въ ихъ хату: «нѣма, ничего нѣма», но какъ только имъ пригрозятъ палкой, у нихъ тотчасъ найдется все нужное; для насъ же ни въ чемъ не было отказа, солдатъ угощали дичью, свиной, водкой и

разнаго рода сорта винами. Не видавъ своими глазами, трудно повѣрить, до какой степени зажиточны и богаты болгаре; какая-нибудь деревушка хижинъ въ двадцать въ состояніи прокормить съ мѣсяць цѣлый полкъ кавалеріи. Въ Болгаріи прошло въ то время до пятисотъ тысячъ регулярнаго и иррегулярнаго турецкаго войска; тамъ не было никакихъ казенныхъ магазиновъ или запасовъ, не было даже казенныхъ подрядчиковъ, а между тѣмъ войско имѣло въ деревняхъ не только всего доволья, но можно сказать даже въ изобиліи.

Когда мы прибыли въ Шумлу, тамъ было не особенно много войска; военные отряды расположились на зимнія квартиры въ разныхъ мѣстностяхъ Болгаріи, а въ самой Шумлѣ была масса пашей и иностранцевъ, иностранныхъ военныхъ комиссаровъ и разныхъ лицъ, желавшихъ поступить на службу въ турецкое войско, въ томъ числѣ бездна англичанъ; многіе желали быть зачислены въ румынскій легіонъ. Во главѣ ихъ стояли: Фекъ, Голеско и Эліадесъ и нѣсколько поляковъ, между коими особенно выдѣлялся панъ Сокульскій; къ сожалѣнію, легіонъ не былъ сформированъ, а изъ нихъ можно было бы образовать порядочный отрядъ, если бы они согласились подчиниться князю Стурдзѣ (Мулисъ-пашѣ), румыну, которому роль начальника подходила наиболѣе. Въ Шумлѣ находился между прочимъ, полякъ Вольскій, съ умомъ и наружностью Мефистофеля; это была какая то темная, таинственная личность. Получивъ образованіе въ военномъ училищѣ въ Вѣнѣ, онъ служилъ къ качеству артиллерійскаго офицера въ польскомъ войскѣ, затѣмъ былъ помощникомъ генерала Скржинецкаго, командовавшаго польскимъ войскомъ; когда же этотъ генералъ былъ похищенъ графомъ Быстроновскимъ (Левъ-паша) и увезенъ въ Бельгію, то Вольскій исчезъ и только теперь появился въ Балканахъ, въ Сливнахъ, гдѣ онъ занимался врачебной практикой, выдавая себя за доктора-гомеопата. Когда была объявлена война, онъ поспѣшилъ въ Шумлу, съ проектомъ образовать отрядъ телеграфистовъ, которые развозили бы телеграммы верхомъ, въ галопъ; его проектъ былъ одобренъ и ему было ввѣрено начальство надъ эскадрономъ, съ которымъ онъ маневрировалъ въ окрестностяхъ Шумлы для поддержанія коммуникаціи между конакомъ главнокомандующаго и укрѣпленіями и редутами Шумлы.

Особеннымъ вліяніемъ у главнокомандующаго пользовался англійскій комисаръ Сименсъ, бывшій гражданскій инженеръ, нынѣ полковникъ, полу-англичанинъ, полу-турокъ, во многомъ напоминавшій лорда Редклиффа, котораго онъ копировалъ; подобно тому какъ Редклиффъ разыгрывалъ роль маленькаго падишаха, Сименсъ хотѣлъ играть главную роль въ своей сферѣ. Французскимъ комисаромъ былъ полковникъ Dieu, человекъ способный, благородный и вполнѣ достойный, но англійскій комисаръ всячески оттиралъ его такъ, что даже италіанскій ко-

*

мисарь Govode, которому покровительствовалъ Сименсъ, имѣлъ гораздо болѣе значенія и вѣса. Австрійскій комисарь, полковникъ Левенталь, какъ всякій австріецъ, пользовался уваженіемъ Омерь-паши и имѣлъ на него большое вліяніе.

Союзныя войска уже высадились въ Галиполи и на азіатскомъ берегу Стамбула, и двинулись даже къ Адрианополю и Варнѣ, когда было получено извѣстіе о появленіи русскихъ въ Добруджѣ, подъ Исакчей, Гирсовомъ и Тульчей. Въ Тульчѣ, гѣхота, находившаяся на островѣ, защищалась храбро, но предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, должна была сдаться. Дивизіонный генераль, Мустафа-паша, находившійся въ Добруджѣ съ двадцати-тысячнымъ корпусомъ, поспѣшно отступилъ; въ войскѣ произошло замѣшательство, такъ какъ на него нагнали страхъ башибузуки, которые самымъ варварскимъ образомъ грабили и расправлялись съ солдатами; отрядъ Мустафа-паши бѣжалъ въ Шумлу никѣмъ не преслѣдуемый, такъ какъ русское войско не пошло дагѣ Бабадага. Это бѣгство произвело среди турокъ страшный переполохъ, и если бы русскіе пошли впередъ, трудно сказать, какая судьба постигла бы наше войско въ Шумлѣ.

Турецкіе паши и ихъ совѣтники были до того увѣрены, что русскіе двинуть всѣ свои силы къ сербской границѣ, что Силистрію не снабдили въ достаточномъ количествѣ ни провіантомъ, ни амуницией, въ ней не было даже достаточно сильнаго гарнизона. Только теперь въ крѣпость двинули близъ стоявшія войска, нѣсколько баталіоновъ египтянъ: ополченцевъ-арнаутовъ и первый полкъ конной гвардіи.

Въ то время какъ все это происходило на Дунаѣ, въ Варну прибыли: Риза-паша, Кибризли-Мехмедъ-паша, французскій маршалъ Сентъ Арно и лордъ Рогланъ. Омерь-паша былъ приглашенъ на военный совѣтъ; онъ взялъ меня съ собою, и, по его желанію, я былъ допущенъ, съ общаго согласія, на совѣтъ, такъ какъ онъ не владѣлъ еще въ то время такъ свободно французскимъ языкомъ, какъ впоследствии.

Планъ кампаніи, который обсуждался и былъ принятъ въ Варнѣ, заключался въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ: половина французскаго и англійскаго флота должна была немедленно отправиться въ Черное море и блокировать Севастополь, другая половина должна была эскортировать суда, на которыхъ предполагалось отправить десантъ французскаго и англійскаго войска на лѣвый берегъ Днѣстра, къ Овидіополю, гдѣ предполагали устроить укрѣпленный лагерь. Корпусъ генерала Боске и англійская кавалерія должны были идти изъ Адрианополи въ Шумлу и вмѣстѣ съ арміей Омера-паши отбросить русское войско къ Дунаю или за Дунай и пройти чрезъ Румынію въ окрестности Аккермана на соединеніе съ войскомъ союзниковъ; тогда только долженъ былъ окончательно выясниться вопросъ, придется ли двинуть войско къ Пере-

копу, чтобы отрѣзать Крымъ — что было бы весьма умно и практично — или начать одновременно военныя дѣйствія на Украйнѣ и въ Польшѣ, ежели поляки выказали бы желаніе и готовность взяться за оружіе.

Когда планъ былъ утвержденъ, генералу Боске было послано приказаніе идти какъ можно поспѣшнѣе съ войскомъ въ Шумлу, куда отправились генералы союзныхъ войскъ и всѣ паши, чтобы произвести смотръ войску, осмотрѣть укрѣпленія и укрѣпленный лагерь. Въ тотъ же день подъ вечеръ мы прибыли въ Шумлу, куда уже собрались войска на смотръ.

Омеръ-паша въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ бригадныхъ генераловъ достигъ званія фельдмаршала; носился слухъ, что онъ будетъ назначенъ сердарь-экремомъ, главнокомандующимъ турецкихъ войскъ. Ему покровительствовалъ султанъ Абдуль-Меджидъ и многіе вліятельныя сановники, какъ напр. Решидъ-паша, Мехметъ-Али и Фети-Ахметъ, которые считали его однимъ изъ даровитѣйшихъ турецкихъ пашей, что было впрочемъ совершенно справедливо; но многіе завидовали ему и были недовольны тѣмъ, что имъ придется подчиняться челоуѣку, который не былъ ихъ соотечественникомъ и который былъ вначалѣ христианиномъ. Всѣмъ было извѣстно, что Омеръ-паша находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ Риза-пашею; между ними произошло когда-то столкновеніе, о которомъ тотъ и другой затаили въ душѣ воспоминаніе. Начальникомъ штаба главной арміи былъ въ то время Рифатъ-паша; онъ воспитывался въ Вѣнѣ, но не усвоилъ себѣ европейскихъ взглядовъ, какъ всякій турокъ ненавидѣлъ все иноземное, былъ лукавъ и развращенъ, какъ истый византіецъ. Онъ сталъ во главѣ партіи, интриговавшей противъ Омеръ-паши, и своими навѣтами поселилъ между нимъ и Риза-пашею такой разладъ, что дѣло грозило окончиться весьма серьезно. Пріѣхавъ въ Шумлу паши, отправились въ свои конаки; къ Кибризли-пашѣ зашли главнокомандующіе англійской и французской арміи; Риза и Омеръ-паши не выходили изъ дома; въ войскѣ толковали о томъ кто за Омера, кто за Риза-пашу. Кибризли-паша рѣшилъ ни во что не вмѣшиваться; Сентъ-Арно и Рогланъ пожимали плечами; первый былъ за сераскира, второй — за главнокомандующаго. Я рѣшилъ дѣйствовать энергично и отправился къ Риза-пашѣ. Я воззвалъ къ его патриотизму, къ его государственному уму; послѣ продолжительнаго разговора онъ согласился съ тѣмъ, что я правъ. Хотя былъ уже поздній часъ, однако я отправился немедленно къ Омеръ-пашѣ и привезъ его къ Риза-пашѣ, они помирились въ присутствіи Кибризли-паши. На другой день было удивительно смѣшно видѣть смущеніе Рифата-паши и всѣхъ его приспѣшниковъ, которые пріѣхали съ торжествующимъ видомъ, надѣясь услышать о назначеніи новаго главнокомандующаго; увидѣвъ, что сановники вышли въ приемную подъ-руку, они спустили носъ

на квинту и были такъ пристыжены, что чуть не упали Омеръ-пашѣ въ ноги.

Такова натура турокъ. Риза-паша улыбался, а Омеръ-паша смотрѣлъ на всѣхъ съ презрѣніемъ. Въ тотъ же день у него былъ большой обѣдъ, на которомъ всѣ пашаи, интриговавшіе противъ него, до того перешились съ радости, что пустились въ плясъ; подъ-конецъ ихъ вынесли одного за другимъ изъ комнаты. Многие сановники были на-веселѣ, но все же чинно бесѣдовали съ маршаломъ Сентъ-Арно; лордъ Рогланъ спокойно уснулъ въ креслѣ, а Омера-паша, въ то время пившій только нѣсколько рюмокъ вина за обѣдомъ, указывалъ на нихъ мнѣ и Мулисъ-пашѣ, приговаривая:

— И это генералы турецкаго войска.

Въ такомъ видѣ Омеръ-паша представилъ ихъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, отомстивъ столь великодушно за всѣ ихъ проски и интриги.

Дѣла могли принять самый дурной оборотъ, если бы эти сановники не помирились, такъ какъ русское войско массами переходило черезъ Дунай, который не былъ защищенъ, и стягивалось къ Силистріи.

Начали понемногу стягиваться и войска Мустафа-пашаи; они подходили отдѣльными ротами, эскадронами и полубатарейми. Пришли и добруджинскіе казаки, въ числѣ 240 всадниковъ; такъ какъ уже всѣ сотни были на лицо, кромѣ четвертой, которая была откомандирована въ Ка-лафатъ, то я устроилъ церемонію торжественной передачи имъ запорожскаго знамени. На двувѣтномъ знамени, на красномъ полѣ былъ изображенъ серебряный мусульманскій полумѣсяцъ, а на бѣломъ полѣ—золотой православный крестъ.

Мы получили такимъ образомъ всѣ законныя права и привилегіи, дарованныя нѣкогда славному запорожскому войску; и нашъ полкъ былъ возродившимся славнымъ запорожскимъ войскомъ или войскомъ польскаго короля и республики, состоявшимъ на службѣ султана, союзника Польши. Эта церемонія, послѣ которой нашъ полкъ сталъ пользоваться историческими правами и привилегіями бывшаго запорожскаго войска, должна была, по моему мнѣнію, произвести сильное впечатлѣніе на поляковъ и повліять на ихъ политическіе взгляды. Къ сожалѣнію этого не случилось. Турки и даже французы поняли ея значеніе, но поляки никогда не поймутъ смысла этого историческаго факта.

Я могу сказать не преувеличивая, что съ самаго начала этой важной эпохи, приведшей къ войнѣ, я работалъ для Польши безъ поляковъ, помимо ихъ желанія и даже вопреки ему, ибо они скорѣе мѣшали мнѣ нежели помогали. Работая для польской sprawy и для самихъ поляковъ, выхлопывая тому или другому изъ нихъ генеральскій, полковничій чинъ и т. п. я на другой же день видѣлъ съ ихъ стороны самую чер-

ную, самую гнусную неблагодарность; однимъ словомъ вмѣсто того, чтобы создать войновъ и защитниковъ отчизны, я создалъ массу интригантовъ, которые постоянно подкапывались подъ меня. Разумѣется были исключенія, но весьма рѣдкия; были и между поляками дѣльные и порядочные люди, но къ сожалѣнiю ихъ легко было пересчитать по пальцамъ.

Однако, я не задумывался продолжать свою дѣятельность, имѣя для служенiя Польшѣ историческое, богатое традициями войско.

Я написалъ Владиславу Замойскому, что я передамъ ему командованiе этимъ войскомъ, какъ только мы будемъ по ту сторону Днѣстра; что онъ будетъ командовать имъ на польской землѣ и что я поступлю подъ его начальство или оставлю военную службу, смотря по надобности и согласно его желанiю. Теперь же я не отказываюсь командовать полкомъ единственно потому, что пользуюсь довѣрiемъ Высокой Порты, расположенiемъ султана и уваженiемъ турокъ и поэтому имѣю возможность дѣйствовать въ Турции успѣшнѣе всякаго другого; при томъ, если бы вновь сформированный полкъ потерпѣлъ пораженiе, то вина въ этомъ пала бы исключительно на одного меня и это не повредило бы польской справѣ, тогда какъ если въ неприятное положенiе будетъ поставленъ Замойскiй, человекъ стариннаго рода, занимающiй видное социальное положенiе, племянникъ князя Адама, то это можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствiя для нашего общаго дѣла.

Мнѣ писали изъ Стамбула, что Замойскiй человекъ не искреннiй, фальшивый, что врядъ ли мнѣ слѣдуетъ на него разсчитывать, что по словамъ Калинки, любимца Замойскаго, они прiѣхали сюда скорѣе съ цѣлью торговаться нежели воевать. По мнѣнiю Замойскаго, поляки не должны брать оружiя въ руки до тѣхъ поръ, пока въ Варшавѣ, Краковѣ, Вильнѣ и даже въ Киевѣ не появятся красные брюки ¹⁾; тогда они безъ труда овладѣютъ Польшей, а покуда надобно стараться добыть отъ турокъ и отъ союзниковъ какъ можно болѣе денегъ, чтобы устроить Польшу, когда ее завоюютъ для поляковъ французы, такъ какъ того желаетъ Замойскiй; это единственная цѣль, къ которой онъ стремится, вовсе не желая сражаться за турокъ.

Калинко, страшный болтунъ и хвастунишка, все это разболталъ; онъ кичился тѣмъ, что ему все извѣстно, что у Замойскаго отъ него нѣтъ тайнъ, что онъ во всемъ съ нимъ совѣтуется.

¹⁾ Французы.

LVII.

Назначеніе сердарь-экрема.—Измѣненіе первоначальнаго плана войны; причины, вызвавшія эту переѣну.—О томъ, что происходило въ Парижѣ и что дѣлали тамъ поляки.—Я назначенъ командовать отрядомъ, которому приказано занять Дели-Орманъ.

Изъ Стамбула пріѣхалъ Шекибъ-эфенди, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ Высокой Порты, съ фирманомъ, коимъ Омеръ-Луфти-паша назначался сердарь-экремомъ, генералиссимусомъ оттоманскаго войска; фирманъ былъ торжественно прочитанъ въ ковакѣ Омеръ-паши, но сердарь-экремъ отказался дать Шекибу-эфенди обычную награду (бакшишъ), которая должна была бы равняться по меньшей мѣрѣ 200 тысячамъ піастровъ. На требованіе выдать этотъ бакшишъ сердарь-экремъ отвѣчалъ: тотъ, кому фирманъ даетъ право проливать кровь за престолъ и отечество, за это не платитъ, а ему должны платить. Такъ и не далъ онъ ему денегъ и ограничился какимъ-то незначительнымъ подаркомъ.

Корпусъ генерала Боске не пошелъ къ Шумлѣ, а остался въ Варнѣ; планъ военныхъ дѣйствій былъ измѣненъ; было рѣшено высадить войско въ Крымъ и идти къ Севастополю, чтобы локализовать войну.

Такая комбинація всѣмъ понравилась. Англія находила для себя выгоднымъ уничтоженіе русскаго флота и самаго главнаго русскаго военнаго порта на Черномъ морѣ. Пруссія и Австрія также было выгодно, чтобы польскія дѣла оставались въ прежнемъ положеніи. Турція могла еще питать надежду вернуть Крымъ и свои закавказскія владѣнія, но Франція, не имѣя цѣлью возстановить Польшу, уподобилась Донъ-Кихоту воюя на пользу Англіи и Австріи, ибо въ случаѣ самыхъ блистательныхъ побѣдъ она имѣла въ перспективѣ только огромные и невознаградимые убытки. Впослѣдствіи, одна личность, пользовавшаяся полнымъ довѣріемъ императора Наполеона и съ которой я былъ давно и близко знакомъ, рассказывая мнѣ, что императоръ принялъ этотъ планъ потому, что полякъ, съ которымъ планъ былъ ему присланъ, увѣрялъ его, что въ Польшѣ нѣтъ ни малѣйшаго желанія къ повстанію, что поляки къ нему совершенно не подготовлены и, будучи безсильны, относятся совершенно равнодушно къ войнѣ, предпринимаемой западными державами, и къ могущимъ быть результатамъ этой войны. Они пожелали узнать по этому поводу мнѣніе князя Адама, который отвѣчалъ въ томъ же смыслѣ, и полагалъ, что возбуждать Польшу къ новому возстанію было бы равносильно добиваться ея окончательной гибели. Императору сказали между прочимъ, что изъ поляковъ я одинъ смотрю серьезно на эту войну и убавкиваю себя мечтами о казачествѣ и Польшѣ, которыя я проповѣдывалъ въ

своихъ повѣстяхъ и которыя я стараюсь теперь осуществить на дѣлѣ. Наполеонъ разумѣется долженъ былъ повѣрить тому, что ему сообщили изъ столь вѣрныхъ источниковъ; однако, желая испробовать, нельзя ли будетъ разбудить въ полякахъ казацкій духъ, онъ послалъ для казацкаго полка оружіе и былъ намѣренъ внимательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ.

Оружіе было уже доставлено въ Стамбулъ, но я получилъ его лишь по прошествіи полутора мѣсяца въ Русукѣ.

Письма Людовика Звѣрковскаго были мрачны, безнадежны; онъ такъ-же, какъ и всѣ прочіе ясно видѣлъ, что энергія оставила князя Адама, что его сыновья не спѣшили и даже не желали служить отечеству; они радовались локализациі войны, такъ какъ это давало имъ возможность не спѣшить на поле битвы, не нести трудовъ военного времени и не жертвовать жизнію. Они говорили во всеуслышаніе: «это не принесетъ никакой пользы Польшѣ, тамъ обойдутся и безъ насъ».

Такъ писалъ мнѣ Звѣрковскій, повторяя въ концѣ письма: «вотъ до чего дошли Ягеллоны,—не рассчитывай на нихъ; что касается политическаго разума поляковъ, то надъ нимъ остается посмѣяться; западъ для нихъ тарабарская грамота, они знаютъ о немъ столько же, сколько познанскіе философы. Когда окончится турецкая война они начнутъ повстанье, чтобы ихъ расколотили въ пухъ и прахъ, какъ они возстали въ 1831 г. послѣ войны 1828 г., таковъ нашъ разумъ; мы никогда не научимся тому, что намъ нужно, и готовы забыть все то, что могло бы быть поставлено намъ въ заслугу».

Мнѣ писали также изъ Стамбула, что Замойскій занятъ только мыслями о желѣзной каскѣ и интригами, что онъ очень радъ тому, что война будетъ локализована, и говорить, что только теперь онъ будетъ въ состояніи провести свой планъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, а не дѣйствовать на рискъ, на авось. Въ Стамбулѣ наѣхала масса поляковъ, которые собирались наблюдать за военными дѣйствіями; они шумѣли, галдѣли, писали пасквили въ прозѣ и стахахъ, писали сатирическіе дневники; составляли общества, кружки, но ѣхать въ армію никому не приходило въ голову. Все это должно было переполнить грустью сердце всякаго истиннаго поляка. Въ Шумлу пріѣхали Танскій и Градовичъ, назначенные состоять корреспондентами при штабѣ французскихъ войскъ; во главѣ бюро корреспондентовъ стоялъ Танскій. Эти господа также говорили, что на поляковъ совершенно нельзя рассчитывать, такъ какъ они хуже тѣхъ безтолковыхъ крикуновъ, которые были въ Варшавѣ, и вовсе не хотятъ сражаться; въ Польшѣ, по ихъ словамъ, то и дѣло получались письма отъ демократовъ, отъ князя Адама и отъ духовенства съ при-

казаніемъ не двигаться, смирно сидѣть по домамъ, поэтому никто не отважится даже въ-одиночку пріѣхать въ Турцію.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ Шумлу пріѣхалъ адъютантъ султана, Махмудъ-паша, съ извѣстіемъ, что на военномъ совѣтѣ, въ которомъ участвовали главнокомандующіе союзныхъ войскъ, военный и другіе министры и который былъ созванъ для обсужденія принятаго плана военныхъ дѣйствій, было рѣшено эшелонировать оттоманскія войска отдѣльными дивизіями отъ Виддина вдоль по берегу Дуная за Туртукай до самой Силистріи и отъ Дели-Ормана чрезъ Базарджикъ до Бальчика и стоять на мѣстѣ, наблюдая за русскими войсками, находящимися въ Румыніи и подошедшими къ Силистріи до тѣхъ поръ, пока союзныя войска не соберутся въ Варнѣ, чтобы скрыть такимъ образомъ свое передвиженіе.

Этотъ планъ, по повелѣнію султана, былъ присланъ сердарь-экрему съ приказаніемъ собрать на военный совѣтъ всѣхъ генераловъ, которые должны были высказать о немъ свое мнѣніе.

Сердарь-экремъ тотчасъ созвалъ совѣтъ и приказалъ мнѣ присутствовать на немъ, хотя я имѣлъ всего чинъ миримара-паши.

Когда собрался совѣтъ, на которомъ присутствовали маршалы и до двадцати дивизіонныхъ генераловъ, начальникъ штаба Рифать-паша прочиталъ присланный изъ Стамбула планъ военныхъ дѣйствій, въ которомъ были поименованы всѣ пункты, въ которыхъ предполагалось эшелонировать дивизіи. Генералы начали обсуждать, какимъ образомъ привести этотъ планъ въ исполненіе, начали высчитывать сколько потребуется подводъ для перевозки дивизій съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ онѣ находились, въ тѣ пункты, гдѣ онѣ должны были стать эшелономъ; начали смотрѣть по картѣ и высчитывать сколько потребуется продовольствія и фуража и откуда онъ можетъ быть доставленъ.

Я слушалъ и молчалъ; когда меня спросили, почему я молчу, я сказалъ, что я не понимаю такого совѣта. Султанъ хочетъ знать наше мнѣніе о планѣ военныхъ дѣйствій, а мы его не обсуждаемъ, а толкуемъ о томъ, что касается сердарь-экрема, о томъ, что долженъ выработать его штабъ и что насъ вовсе не касается.

Всѣ переглянулись, а Рифать-паша сказалъ:

— Какъ же мы можемъ обсуждать планъ, одобренный въ Стамбулѣ!

— Коль скоро султанъ этого желаетъ, сказалъ я, мы обязаны исполнить его приказаніе.

Тогда Гассанъ сказалъ: какое же твое мнѣніе, говори, ты младше насъ.

— Коли прикажете, извольте; весь планъ дурень и отъ начала до конца никуда не годится, онъ угрожаетъ гибелью нашей арміи и не

защитить войскъ союзниковъ. Если русскіе имѣютъ подъ Силистріей 16 тысячъ войска, что весьма вѣроятно, то, когда наша армія будетъ раздѣлена, они разобьютъ одну дивизію за другой и подойдутъ къ Варнѣ скорѣе, нежели туда можетъ быть стянута достаточное количество союзныхъ войскъ; войска, находящіяся въ Румыніи, перейдутъ Дунай, могутъ атаковать наши дивизіи, стоящія на лѣвомъ флангѣ, и участь войны сразу можетъ быть рѣшена.

Меня снова спросили: такъ какъ же по твоему мнѣнію слѣдуетъ поступить? я отвѣчалъ: сосредоточить всѣ наши силы подъ Шумлой, оставивъ незначительное количество кавалеріи на берегу Дуная, занять Дели-Орманъ, такъ чтобы русскіе не могли къ нему подойти, поддержать коммуникацію между Силистріей и Шумлой и Силистріей и Варной; оборонять Силистрію до послѣдней возможности и придти ей на помощь со всѣми нашими силами. Надобно спасти армію, чтобы спасти государство, ибо въ настоящее время вся сила государства въ войскѣ.

Меня спросили: можешь ли ты тотчасъ изложить все это письменно?

— Могу, отвѣчалъ я.

Мнѣ дали перо и бумагу; я изложилъ письменно свое мнѣніе и подписалъ его. Гассанъ первый сказалъ: я присоединяюсь къ мнѣнію Садыкъ-паши и скрѣпляю свою подпись приложеніемъ моей печати; за нимъ подписался Гиритли-Мехметъ-Оглу и всѣ остальные. Сообщеніе окончилось; маршалы отправились съ этой бумагой къ сердарь-экрему, который согласно приказанію, полученному изъ Стамбула, не присутствовалъ на совѣтѣ, я же съ прочими пашиами отправился домой; но въ скоромъ времени за мною прислалъ сердарь-экремъ, у котораго уже собрались всѣ присутствовавшіе на совѣтѣ. Онъ обіялъ меня сказать, что своимъ здравымъ сужденіемъ и смѣлостью, съ которой оно было высказано, я спасъ армію и государство. Запечатавъ написанную мною бумагу вмѣстѣ со своимъ донесеніемъ султану онъ послалъ ее съ Махмудъ-пашею, приказавъ ѣхать какъ можно скорѣе, чтобы безъ задержки получить отвѣтъ.

Отвѣтъ былъ полученъ нѣсколько дней спустя; султанъ утвердилъ мнѣніе шумлянскаго совѣта и повелѣлъ привести его въ исполненіе.

Мнѣ говорили впоследствии, что султанъ остался очень доволенъ мною, велѣлъ призвать Риза-пашу, и этотъ достойный человекъ сознался, что онъ былъ не правъ, что мое мнѣніе справедливо и написалъ мнѣ весьма сочувственное письмо, хваля мою ревность къ службѣ.

По повелѣнію султана, Омеръ-паша раздѣлилъ армію на четыре корпуса: первый корпусъ, сформированный изъ войскъ гвардіи, былъ посланъ къ Виддину и Калафату, второй корпусъ, названный столичнымъ, находился подъ командою Гассанъ-паши; третій былъ сформированъ изъ румелійскихъ войскъ. Въ каждомъ корпусѣ было не менѣе 50 тысячъ

регулярнаго войска и отъ 20 до 30 тысячъ башибузуковъ. Четвертый резервный корпусъ подъ номинальнымъ начальствомъ Гиритли-Мехмеда-Оглу состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ четвертаго румелійскаго пѣхотнаго полка, двѣнадцати баталіоновъ пѣшихъ стрѣлковъ, казаковъ и втораго конно-гвардейскаго полка съ 8 батареями артиллеріи.

Мнѣ было приказано занять Дели-Орманъ. Для начала мнѣ дали моихъ казаковъ, четыре эскадрона 2-го гвардейскаго полка и 500 башибузуковъ изъ Дамаска, подъ командою Мурадъ-бея (Сентъ Андре); при второмъ гвардейскомъ полку состоялъ англичанинъ Ogeilly, незаконный сынъ лорда Пальмерстона, принятый на турецкую службу въ чинѣ маіора подъ именемъ Гассанъ-бея. Въ моемъ отрядѣ было не болѣе 1.700 человекъ кавалеріи.

Дели-Орманъ, бѣшенный лѣсъ, начинается въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Шумлы; онъ растетъ на неровной мѣстности, на пригоркахъ и долинахъ, отдѣльными группами и чащами, между которыми видѣются прекрасныя, тучныя поля и большія селенія, въ коихъ живутъ по большей части мусульмане изъ секты кизилбашей; это потомки бывшихъ сипаевъ султановъ Мурада и Сулеймана, поселенныхъ въ видѣ стражи между Дунаемъ и Балканами. Этотъ лѣсъ тянется на разстояніи восьми часовъ ѣзды по большой дорогѣ отъ Шумлы къ Силистріи до самаго Алфатара, гдѣ начинаются поля, на которыхъ растутъ кое-гдѣ рѣдкия, но высокія деревья; этими полями четыре часа ѣзды до Силистріи. Этотъ лѣсъ имѣетъ видъ подковы, обращенной дугою къ югу, а Силистрія находится противъ середины этой дуги. Эта мѣстность какъ нельзя болѣе приспособлена для кавалерійскихъ разѣздовъ и дозоровъ благодаря деревьямъ, разбросаннымъ на поляхъ, темнымъ рошицамъ и болотцамъ, которыя даютъ возможность пробраться всюду незамѣченнымъ и скрыться отъ погони. Это единственное въ своемъ родѣ мѣсто для устройства засады.

Въ сторону этотъ лѣсъ тянется вправо до степей Добруджи, до Хаджи-Базарджика и до Варны, влево до Разграда и до самаго Рушука. По близости отъ Рушука находятся большія возвышенности. Вслѣдствіе отсутствія источниковъ эта прекрасная мѣстность почти безводна, такъ какъ рѣчки, ее орошающія, совершенно пересыхаютъ весною, и поэтому въ поляхъ и на большихъ дорогахъ устроены колодцы, замѣняющіе фонтаны, коими такъ изобилуетъ Турція. Для скота въ каждой деревнѣ и даже у опушки каждаго лѣса существуютъ лужи, которыя наполняются дождевой водой; ея вполне достаточно для буйволовъ и гусей, которыхъ мѣстные жители держатъ въ огромномъ количествѣ. Эти лужи и колодцы находятся въ такихъ укромныхъ мѣстахъ, что ихъ можно найти только при помощи мѣстныхъ жителей. Мѣстность изобилуетъ хлѣбомъ. Самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ

Дели-Орманъ былъ въ то время силистрійскій паша, Ибрагимъ, которому принадлежало село и фольварокъ; ни одинъ турокъ, ни одинъ чловѣкъ не умѣлъ получить съ земли и отъ болгаръ большаго дохода, какъ онъ.

Онъ смотрѣлъ на болгаръ не какъ на людей, а какъ на рабочій скотъ, но какъ разумный помѣщикъ не выколачивалъ изъ нихъ послѣднихъ силъ; онъ переѣзжалъ на нихъ черезъ болота какъ на ослахъ; болгары должны были идти на четверенькахъ и переносить на себѣ старика, въ доказательство того, что они составляли его скотъ. Онъ не морилъ ихъ голодомъ, не доводилъ до истощенія: пускай себѣ работаютъ весь день, говорилъ онъ, а ночью спать, чтобы никакія мысли не лѣзли имъ въ голову, да пусть хорошенько ѣдятъ и будутъ хорошо одѣты, чтобы не убѣжали. Болгары мирились съ этимъ положеніемъ. Онъ никому не позволялъ притѣснять ихъ, но самъ дѣлалъ съ ними, что ему вздумается. Подъ его покровительствомъ мусульмане разыгрывали роль чиншевой шляхты; онъ позволялъ имъ угнетать гяуровъ, но только до известной степени, чтобы это не переходило границъ; они могли безнаказанно присвоивать женъ и дочерей болгаръ, но не ихъ скотъ.

Въ Дели-Орманскомъ округѣ не знали султана, т. е. знали его только по имени, какъ какой-то мнѣ, какъ нѣчто очень далекое, облачное, а на землѣ для жителей существовала только власть Ибрагима-паши.

Разбойники и мошенники могли убивать и грабить въ его округѣ всѣхъ, кромѣ мѣстныхъ жителей, лишь бы они въ точности доставляли въ конакъ половину забраннаго. Хотя Ибрагимъ-паша не былъ послѣдователемъ Христа, но онъ отлично зналъ, что Богово Богови, а Кесарево Кесареви; несомнѣнно это былъ чловѣкъ ловкій и прозорливый, если онъ не заплатился въ правленіе султана Махмуда за свои продѣлки жизнию и сохранилъ свое деребейство.

Въ это-то намѣстничество я былъ посланъ съ продовольствіемъ всего на нѣсколько дней и съ приказаніемъ достать на мѣстѣ все необходимое не только для войска, которое шло со мною, но и для нѣсколькихъ тысячъ солдатъ, которые должны были подойти позднеѣ, а также доставлять провіантъ въ Силистрію, въ которой было не особенно много запасовъ. Я нашелъ буквально всѣ селенія пустыми; кромѣ стада гусей, кошекъ, да собакъ и дичи въ лѣсу, въ селахъ не осталось живой души: всѣ жители ушли въ лѣсъ и увели съ собою скотъ.

Я избралъ для главной квартиры Рахманъ-Ачакларъ, какъ центральный пунктъ, находившійся на полпути изъ Шумлы въ Силистрію. Это было главное мѣстожительство Ибрагимъ-паши; тамъ было довольно много хорошихъ строеній.

Я произвелъ въ одинъ день рекогносцировку всей мѣстности, заключенной, если можно такъ выразиться, въ Силистріійской подковѣ, и видѣлъ русскій лагерь подъ Ада-Кале, на самомъ берегу Дуная, и подъ Кара-Орманомъ, въ двухъ часахъ разстоянія къ юго-востоку отъ Альфатара.

Войско было распределено мною слѣдующимъ образомъ: Петръ Суходольскій съ сотней кубанскихъ казаковъ сталъ близъ Альфатара со стороны Шумлы; капитанъ, князь Бзеделахъ, съ шестой сотней регулярныхъ казаковъ и 250 башибузуками изъ Дамаска, занялъ лѣвую сторону подковы, адъютантъ майоръ Кречулеско съ пятой сотней регулярныхъ казаковъ и остальными башибузуками сталъ по правую сторону; на полпути между Альфатаромъ и Рахманъ-Ачикларомъ сталъ въ видѣ резерва полковникъ Саидъ-бей съ четырьмя эскадронами второго гвардейскаго полка. Обѣ сотни добруджскихъ казаковъ, отъ которыхъ было взято порядочное количество проводниковъ, такъ какъ они одни прекрасно знали Дели-Орманъ, остались въ Рахманъ-Ачикларѣ въ качествѣ гарнизона и полицейской стражи; три первыхъ сотни регулярныхъ казаковъ образовали летучій отрядъ, который переносился на каждый пунктъ, гдѣ въ немъ была надобность и оставался подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ.

Днемъ часовые и передовые посты были разставлены по внутренней дугѣ подковы; по линіи все время расхаживали патрули; ночью летучіе отряды и резервъ переходили за линію, безпокоили неприятельскихъ часовыхъ и даже доходили до его лагеря.

Сообщеніе съ Силистріей поддерживалось двумя путями: черезъ Айдемиръ съ редутомъ Меджидіз и чрезъ Татаринку, селеніе, населенное казаками-старовѣрами на самомъ берегу Дуная, непосредственно съ Силистріей. Устроивъ такимъ образомъ караульную службу, я занялся магазинами. Съ помощью добруджинскихъ казаковъ мы разыскали мѣста, гдѣ скрывались жители, и я препроводилъ въ Рахманъ-Ачикларъ всѣхъ имамовъ и мухтаровъ селенія, требуя, чтобы они сказали, гдѣ спрятанъ хлѣбъ и куда дѣвали скоть.

Имамы и мухтары не рѣшались сказать правду: до такой степени они боялись Ибрагимъ-пашу. Тогда добруджинскіе казаки посоветовали запереть ихъ всѣхъ въ огромную бесѣдку, въ которой стѣны были сдѣланы изъ стеклянныхъ рамъ, снявъ занавѣси, такъ, чтобы солнце пекло со всѣхъ сторонъ; жара была невыносимая; двери были заперты на ключъ, возлѣ нихъ поставлена стража изъ казаковъ; въ бесѣдкѣ не оставили даже стакана воды. Когда ихъ продержали тамъ нѣкоторое время, они стали кричать: «ради Бога, дайте воды»; на это не обратили ни малѣйшаго вниманія, а между тѣмъ казаки обносили вокругъ бесѣдки воду, пили ее, проливали. Заключеннымъ было объявлено, что они по-

лучать воду только тогда, когда скажутъ, гдѣ спрятанъ хлѣбъ. Что касалось скота, мы объ немъ не спрашивали, такъ какъ казаки пригнали достаточно быковъ и овецъ. Хотя имамамъ и мухтарамъ въ бесѣдѣ было вѣроятно не сладко, но у нихъ было терпѣніе Тантала. Однако ни одинъ изъ нихъ не выдержалъ этой муки 24 часа и они указали склады, въ которыхъ былъ спрятанъ хлѣбъ; его складывали въ огромныхъ ямахъ, выложенныхъ камнемъ, вымазанныхъ глиною, смѣшанной съ изрубленной соломой или съ мякиной и хорошо просушенныхъ. Въ этихъ ямахъ хранилось нѣсколько тысячъ кило зернового хлѣба. Сверху онѣ были обложены дерномъ, а нѣкоторыя засажены кустами; небольшія отверстия, съ желѣзными рѣшетками, служили для провѣтриванія, но и тѣ были заложены дерномъ; эти ямы находились по всему лѣсу въ самыхъ невѣроятныхъ мѣстахъ, надъ нѣкоторыми изъ нихъ проходила большая дорога и вились тропинки. Мы нашли въ этихъ складахъ такую массу зерна, что правительство, по расчету, выдало за него Ибрагимъ-пашѣ долговыхъ обязательствъ на 500 тысячъ піастровъ. Гнѣвъ Ибрагимъ-паши на меня и на казаковъ доходилъ до бѣшенства. Этотъ прекрасный патріотъ заключилъ, какъ оказалось, чрезъ подставныхъ людей контракты съ интендантствами французскаго и англійскаго войска, отъ которыхъ онъ получилъ бы за все наличными деньгами, тогда какъ отъ насъ онъ получилъ однѣ росписки; онъ затѣялъ противъ меня процессъ, подавъ жалобу сердарь-акрему и Высокой Портѣ, но проигралъ его въ обѣихъ инстанціяхъ, а я получилъ благодарность.

Я устроилъ тотчасъ мельницу и пекарню и велѣлъ печь сухари. Силистрія правильно снабжалась мною всѣмъ нужнымъ провіантомъ и у меня было всего вдоволь для прибывавшаго войска. Обеспечивъ такимъ образомъ продовольственную часть и устроивъ форпостную службу, я отправился въ фортъ Меджидіа, чтобы донести обо всемъ Гиритли-Мехмедъ-оглу и получить отъ него дальнѣйшія приказанія. Возлѣ форта стояли лагеремъ конные башибузуки; я упросилъ генерала отослать ихъ всѣхъ въ Разградъ, откуда ихъ можно было бы требовать частями, смотря по надобности, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что, находясь по близости отъ регулярныхъ войскъ, они не посмѣютъ творить никакихъ безчинствъ. Оставаясь въ крѣпости, они не приносили никакой пользы, безъ толку истребляли съѣстные припасы, находившіеся въ крѣпости, а въ случаѣ блокады были бы не только лишніе, но даже могли принести вредъ. Старикъ согласился съ моими доводами; онъ оставилъ подъ Силистріей одинъ полкъ съ пятьюстами башибузуками, разрѣшилъ мнѣ взять ихъ сколько понадобится въ Дели-Орманъ, а остальныхъ отослать въ Разградъ. Впослѣдствіи выяснилось, что я оказалъ этимъ большую услугу Силистріи.

Я взялъ съ собою полкъ курдовъ, коимъ командовалъ Баку-эфенди,

шляхтичъ изъ Курдистана. Вступивъ въ лѣсъ, я тотчасъ велѣлъ прочитать имъ инструкцію, написанную мною для войска, именно тѣ пункты, въ которыхъ говорилось о форпостной службѣ. Этой инструкціей самымъ строжайшимъ образомъ воспрещалось стрѣлять вблизи отъ непріятеля по звѣрю или на вѣтеръ. Когда она была прочитана, я легъ отдохнуть подъ дубомъ; со мною находилась третья сотня регулярныхъ казаковъ и нѣсколько кубанцевъ, составлявшихъ мою личную стражу. Едва успѣлъ я сомкнуть глаза, какъ послышались выстрѣлы; я очнулся и спросилъ, что это значитъ; мнѣ отвѣчали, что курды стрѣляютъ на-ура. Я крикнулъ кубанцамъ, чтобы они привели ко мнѣ стрѣлявшихъ; они вскочили на коней и привели Баку-эфенди; никто какъ онъ насмѣялся надъ инструкціей и вдобавокъ нахально оправдывался; кубанцы, не ожидая моего приказанія, повалили его на землю и отсчитали ему двадцать ударовъ ногойкой Игната Некрасова. Я ожидалъ, что курды будутъ страшно раздражены, но ни одинъ изъ нихъ не шевельнулся, а Баку-эфенди, вставъ, подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ полу моего платья, благодаря меня за наказаніе, и, вернувшись къ своимъ, во всеуслышаніе сказалъ, что они видѣли, какъ его наказали за ослушаніе, такъ точно и онъ будетъ наказывать ихъ за каждое нарушеніе приказаній. Съ этого дня курды были наилучшимъ войскомъ изъ башибузуковъ; мы ихъ не отдали ни французамъ, ни англичанамъ, они остались при турецкомъ войскѣ, а Баку-эфенди былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ полковниковъ среди башибузуковъ.

Каждую ночь мы имѣли стычки съ русскими войсками; это дѣлалось съ цѣлью держать ихъ въ неизвѣстности относительно того, какъ велики наши силы, которыя увеличались между тѣмъ шестью эскадронами третьяго Румелійскаго полка и шестью эскадронами четвертаго кавалерійскаго полка, прибывшаго изъ Стамбула; у насъ было также шесть пушекъ конной артиллеріи. Впослѣдствіи мнѣ прислали еще восемь баталіоновъ египетской пѣхоты и баталіонъ пѣхотныхъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ составилъ маленькій отрядъ; къ сожалѣнію, я не могъ ничего предпринять съ нимъ, ибо сердаръ-экремъ наистрожайше приказалъ не выводить войска изъ Рахманъ-Ачиклара безъ созванія меджилиса, совѣта пашей и полковниковъ, и не взявъ отъ нихъ мазбата, свидѣтельства, что это движеніе нужно и что оно произведено съ согласія меджилиса.

Русское войско не выказывало ни малѣйшаго намѣренія вторгнуться въ Дели-Орманъ и не занимало даже высотъ, лежащихъ къ югу отъ Силистріи, которыя помогли русскимъ овладѣть этой крѣпостью въ 1828 году; они ни разу не пытались даже атаковать бастионъ или новое укрѣпленіе Меджидіа. Для поддержанія свободнаго сообщенія между Силистріей и Шумлой и между Силистріей и Варною мнѣ не нужно было особенно большого прикрытія; ему только дважды пришлось всту-

пять въ бой. Всѣ силы русскихъ упирались флангомъ въ Дунай и были сосредоточены на укрѣпленіяхъ Илонъ и Арабъ, кои защищались арнаутами-католиками съ небольшимъ гарнизономъ регулярныхъ войскъ. Я звалъ сердаръ - экрема въ Дели-Орманъ, чтобы атаковать русскихъ со всѣми нашими силами, что было вполне возможно, и просилъ разрѣшенія сдѣлать диверсію съ тѣми силами, которыя находились въ моемъ распоряженіи, но получилъ приказъ, въ которомъ говорилось, что я уже сдѣлалъ болѣе, нежели можно было ожидать, и что этимъ нужно удовольствоваться.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гувернеръ прошлаго столѣтія

«1775 года іюля ... контрактъ сей учиненъ промежь отставнымъ капитаномъ Денисомъ Васильевичемъ Юрасовскимъ и французомъ графомъ Генрихомъ-де-Бланжія на три года.

«Я нижеподписавшійся графъ Бланжія, обезуюсь обучать обоихъ сыновей Деніса Васильевича, малолѣтнихъ барчуковъ Петра и Алексѣя, не только языкамъ французскому и немецкому, но также и славнымъ манерамъ; обезуюсь какъ за ними малолѣтними Петромъ и Алексеемъ Денисьевичами, такъ и за всѣми людьми, ихъ окружающими, имѣть смотрѣніе неустанное: обезуюсь спать съ ними вмѣстѣ въ отдѣльной горницѣ и ѣздить въ деревню и всюду, куда бы Денисъ Васильевичъ съ дѣтьми и со всею фамиліею своею ни поѣхалъ бы. Обезуюсь обязанности эти исполнять какъ то честному и порядочному человѣку надлежитъ.

Я же съ своей стороны обещаюся заплатить ему, графу Бланжія, за каждый годъ по 200 рублей, а всего значить 600 рублей; платить ихъ обезуюсь по третямъ года впередъ и первую треть, едва вступивши въ домъ мой. Обезуюсь сшить по парѣ платья новаго въ году, когда только онъ, графъ Бланжія, того захочетъ. Обедать и ужинать онъ, Бланжія, будетъ со мною и все то, что буду ѣсть и пить и я самъ. Кромѣ того обезуюсь еще дать ему отдѣльную горницу во флигелѣ со всѣмъ полнымъ приборомъ. Предоставить коляску лѣтомъ тройкою, а зимою сани паркою для его, съ дѣтьми моими катанія, да еще кучеровъ двухъ, да конюха, да лакея въ ливреѣ, да еще двухъ крѣпостныхъ дѣвокъ по его, графа Бланжія, выбору, для смотрѣнія за его отдѣльнымъ кабинетомъ. Всѣ эти лошади и люди всегда должны быть въ его полнѣйшей диспозиціи. Ко всему сему прибавлять кажись бы и нечего, но я, графъ Бланжія, полагаю не лишнимъ, коли для вящаго назиданія прибавлено будетъ, что я не столь за изряднымъ жалованіемъ, сколь за благодарнымъ приемомъ гонюсь».

На подлинномъ контрактѣ подписано:

Капитанъ Денисъ Юрасовскій.

Theophil Henri Vicomte de Blang.

Сообщилъ князь А. Л. Голицынъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ
въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

XVII ¹⁾.

Выступление изъ дер. Корнари.—Дѣло подѣ Филиппополемъ 3-го января —
Переправа черезъ Марицу 5-го января.—Городъ Филиппополь.—Куклены.—
Станимаки.

Въ разсвѣтомъ 3-го января, насъ повели по шоссе, по направлению къ Филиппополю, причемъ колонной командовалъ его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Не имѣя никакого понятія о томъ, что дѣлается впереди, мы шли спокойно и сначала никакой перестрѣлки не слышали; но пройдя верстъ 10—15, вдали и немного вправо отъ дороги послышались орудійные выстрѣлы. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались, канонада усиливалась и наконецъ намъ сдѣлалось ясно, что по ту сторону р. Марицы, идетъ горячее дѣло. Мы подошли такъ близко къ полю сраженія, что артиллерія нашей колонны могла принять участіе въ дѣлѣ; и открыла огонь по неприятелю, сидѣвшему по ту сторону рѣки въ окопахъ. По приказанію принца, Семеновскій полкъ свернулъ вправо, подбѣжалъ къ самой Марицѣ и открылъ огонь по туркамъ. Мы же свернули съ шоссе влѣво и, занявъ дѣсокъ, растущій вдоль рѣки, рассыпались по берегу и открыли огонь.

Покуда мы не добрались до этого дѣска, пришлось пережить тяже-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1898 г.

для минуты; непріятель все время угощаль насъ гранатами, которыя ложились совсѣмъ близко, но къ счастью, весьма рѣдко разрывались. Трудно было опредѣлить, откуда онѣ летѣли, но все-таки наша цѣпь открыла огонь примѣрно по тому направленію, гдѣ должны были находиться турки. 1-ый и 2-ой баталіоны шли въ первой линіи. Въ нашемъ 2-омъ баталіонѣ 6-ая и 7-ая роты шли цѣпью, а моя 5-ая рота и 8-ая держались недалеко отъ цѣпи. Цѣпь, подъ прикрытіемъ порохового дыма, пододвигалась незамѣтно для непріятеля впередъ; но положеніе всѣхъ сомкнутыхъ частей, двигавшихся за нами безъ выстрѣла, было скверное. Укрыться отъ пуль было некуда: мы шли по гладкому полю, покрытому снѣгомъ и служили непріятелю прекрасной мишенью въ видѣ черныхъ пятенъ на бѣломъ фонѣ. Я все время не упускалъ изъ виду 6-ой роты, находившейся передо мной, и дѣлалъ наступленіе перебѣжками. Съ большимъ трудомъ, при помощи прапорщика Сергѣя Арсеньевича Обухова, мы стянули подъ огнемъ людей и продолжали перебѣжки; но люди сейчасъ же снова растянули фронтъ; всякій по своему примѣнялся къ мѣстности, какъ ему было удобнѣе. Держать людей подъ сильнымъ огнемъ въ сомкнутомъ строѣ оказалось прямо невозможнымъ, люди раздавались въширь инстинктивно.

Для пули, летящей болѣе чѣмъ на версту, разстояніе между первой и второй линіей въ какіе нибудь 200 или 300 шаговъ не представляетъ большой разницы, такъ что уставное правило, требующее во 2-ой линіи сомкнутой строй, оказалось на дѣлѣ непримѣнимымъ и даже опаснымъ. Непріятель посылалъ массу свинца видимо только туда, гдѣ онъ замѣчалъ какую нибудь сомкнутую часть. Въ этомъ дѣлѣ страдали даже 3-ий и 4-ый баталіоны, которые находились въ резервѣ въ сомкнутомъ строѣ. Во время боя были такіе моменты, въ которые непріятель направлялъ всю силу своего огня не по наступающимъ въ первой линіи, а по резервамъ, благодаря только тому, что онъ видѣлъ вдали сомкнутыя части.

Моя рота не могла добѣжать до лѣсочка сразу; на такомъ сравнительно небольшомъ разстояніи ей пришлось три раза ложиться въ снѣгъ, чтобъ только отвлечь отъ себя вниманіе непріятеля. Послѣдній, потерявъ изъ виду цѣль, которую представляла моя рота, направлялъ огонь на другую сомкнутую часть и принимался ее разстрѣливать; тогда я живо подымалъ роту и мы опять дѣлали перебѣжку. Черезъ нѣсколько минутъ рота снова удостоивалась вниманія непріятеля: пули снова залетали къ намъ и заставили мою роту опять ткнуться въ снѣгъ. Наконецъ мы добѣжали до лѣса. Вмѣстѣ съ нами подъ самый сильный огонь попалъ и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, лично ведшій наши баталіоны впередъ. Въ этотъ день подъ нимъ была лошадь, которой не нравились гранаты; но его высочество подъ самымъ сильнымъ огнемъ живо привелъ ее въ порядокъ и продолжалъ съ нами наступать.

Несмотря на скверное наше положеніе во время перебѣжекъ, веселое расположеніе духа не оставляло солдатъ; слышались солдатскія шутки и прибаутки; такъ напр. передъ самымъ лицомъ одного молодого солдата, лежавшаго возлѣ меня, полоснула по свѣгу пуля и онъ довольно громко, а главное ужъ очень наивно ахнулъ; его сосѣдъ сейчасъ же подшутилъ надъ нимъ и сказалъ: «Что братецъ, не любишь»; другіе начали надъ нимъ смѣяться; нѣсколько минутъ спустя, этотъ солдатикъ былъ раненъ въ плечо.

Вообще я замѣтилъ, что во время дѣла, когда было не до шутокъ, всегда находились въ ротѣ шутники, которые всѣхъ смѣшили. Мнѣ кажется, что нѣкоторые дѣлали это отчасти въ возбужденномъ состояніи, чтобъ хоть немного отвлечь отъ себя страхъ; но другіе были просто хвастунишки—ухари, которые даже подъ пулями не могли удержаться, чтобъ не похвастать своимъ пренебреженіемъ къ смерти. Надъ каждой шуткой, сказанной во время дѣла даже самой плохой, люди смѣялись всегда очень дружно. Я убѣжденъ, что эти шутки дѣйствовали освѣжительно на тяжелое психическое состояніе человѣка, находившагося подъ пулями, именно тѣмъ, что вносили въ его взвинченную психику свѣжія мысли. Трудно себѣ вообразить положеніе хуже того, которое мы тогда испытывали: чистое снѣжное поле, негдѣ укрыться, непріятель стрѣляетъ въ насъ, какъ въ мишень, а откуда летятъ въ насъ пули, мы не знаемъ, почему и не можемъ ему отвѣчать. Всякая стрѣльба, даже не по непріятелю, а просто въ воздухъ, облегчила бы намъ переходъ черезъ эту поляну: во-первыхъ, пороховой дымъ скрылъ бы насъ отъ непріятеля, а во-вторыхъ, во время пальбы, наше незавидное положеніе, въ которомъ мы очутились, не было бы столь очевиднымъ для насъ.

Во время этой перебѣжки, у меня въ ротѣ оказалось двое убитыхъ и семь человѣкъ раненыхъ; всѣ они остались назади на полянѣ. Ни одного изъ нихъ мнѣ не пришлось видѣть, и я узналъ объ этомъ лишь тогда, когда мы вѣжали въ лѣсокъ. Мнѣ было ужасно жарко, я былъ насквозь мокрый отъ бѣготни, а главное отъ возни съ ротой. Спустившись въ низину, заваленную снѣгомъ, я сейчасъ же провалился въ рыхлый снѣгъ по самый поясъ. При помощи людей, бывшихъ при мнѣ, я вытѣлъ изъ него и мнѣ сдѣлалось еще жарче. Съ усиліемъ переводя дыханіе, пришлось на минутку присѣсть около громаднаго дерева, и въ продолженіе самаго короткаго времени въ это дерево ударились двѣ непріятельскія пули, но оно было такъ толсто, что могло насъ всѣхъ прикрыть. Мой жалонеръ Пѣтуховъ и не думалъ о закрытіи, стоялъ въ сторонѣ и преспокойно грызъ сухарь. Я не могъ не позавидовать повою этого простого человѣка, но въ то же время приказалъ ему встать за дерево.

Войдя въ лѣсъ я прежде всего старался собрать роту. Конечно всѣ

люди были тутъ же возлѣ меня въ кустахъ, но они такъ ловко въ нихъ скрылись, что дѣсь казался пустымъ. Моя рота наткнулась на цѣпь 6-ой роты, залегшей по берегу Марицы и перестрѣливающейся съ непріателемъ, находившимся недалеко отъ берега по ту сторону рѣки. Идти далѣе было уже некуда. Подпоручикъ Ладыженскій (Сергій Федоровичъ), желая пробраться еще ближе къ непріателю, полѣзъ съ небольшой кучкой людей въ воду и хотѣлъ занять маленькій островокъ, лежащій среди рѣки; но раненый пулей въ ногу, долженъ былъ вернуться.

Еще засвѣтло, турки начали понемногу очищать свои позиціи и отступать; ихъ артиллерія замолкла и къ ночи перестрѣлка прекратилась. Когда кончилось дѣло, я приказалъ фельдфебелю раздѣлить между людьми водку, купленную еще въ Софійи и разлитую въ четыре большія фляги, которыя поочередно носились всей ротой; но фляги оказались пустыми, а кто ихъ выпилъ и когда, то вѣдаетъ Аллахъ; всякій говорилъ что получалъ флягу уже пустою.

Мы начинали забнуть и кочевѣть отъ долгаго сидѣнія на одномъ и томъ же мѣстѣ; наконецъ пришло приказаніе выйти на шоссе, которое было тутъ же возлѣ дѣса, и, несмотря на ночь, продолжать движеніе на Филиппополь, отъ котораго мы были не болѣе какъ въ десяти верстахъ. Весь полкъ собрался на шоссе; расскажем не было конца, а товарищи, при встрѣчѣ въ эту ночь, жали другъ другу руку какъ то особенно крѣпко, выражая тѣмъ радость, что Богъ помиловалъ.

Изъ офицеровъ были въ этотъ день ранены: командиръ полка князь Николай Николаевичъ Оболенскій, полковникъ Стрезовъ (командиръ 1-го баталіона), скончавшійся нѣсколько дней спустя отъ раны, и подпоручикъ Сергій Ладыженскій; изъ нижнихъ же чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными человекъ около ста. Командованіе полкомъ принялъ на себя флигель-адъютантъ полковникъ Федоръ Алекс. Авиновъ. Въ продолженіе всего дня я былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно той роли, которую намъ приходилось играть въ этотъ день; только лишь ночью, когда дѣло уже кончилось, я узналъ, что нашъ полкъ вступилъ въ демонстративный бой и тѣмъ ослабилъ огонь непріателя, всецѣло направленный на 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію графа Шувалова, которая сильно отъ него терпѣла. Его высочество принцъ Ольденбургскій рассказалъ намъ, что во время дѣла, графъ Шуваловъ потребовалъ къ себѣ на ту сторону рѣки нашу бригаду; но исполнить это приказаніе было невозможно, такъ какъ бригада была уже введена въ дѣло. Тутъ же на шоссе, мы узнали, что графъ Шуваловъ имѣлъ дѣло съ Сулейманомъ, который засѣлъ по ту сторону рѣки въ горахъ, верстахъ въ десяти недоходя до Филиппополя; потомъ рассказывали про переправу чрезъ Марицу Архангелогородскаго

полка 5-ой дивизіи, который верхомъ на лошадахъ подъ огнемъ переходилъ рѣку вбродъ. Всѣ новости передавалась намъ ординарцами отдѣльныхъ начальниковъ, которые всегда были болѣе свѣдуши въ общемъ ходѣ дѣла, чѣмъ нашъ братъ—пѣхотинецъ. Въ этотъ день главная атака противъ непріятеля велась на той сторонѣ Марицы; съ этой же стороны, нашу бригаду ввели въ дѣло для флангового воздействия на него, а остальные войска были въ то-же время направлены къ Филиппополю. Ходъ боя на той сторонѣ постоянно мѣнялся, такъ что артиллерія, находившаяся на нашемъ берегу, была часто въ недоумѣніи и боялась стрѣлять по своимъ; отличить же издали своихъ отъ непріятеля было трудно. Одновременно съ нашимъ боемъ, 3-я гвард. пѣх. дивизія была уже возлѣ Филиппополя и вела дѣло съ непріятелемъ, уничтожившимъ мостъ черезъ Марицу и занявшимъ важную нагорную часть города; а кавалерія была уже далеко за Филиппополемъ и угрожала пути отступленія арміи Сулеймана.

Весь отрядъ генерала Гурко ввязался въ этотъ день въ дѣло; Сулейманъ походилъ на волка, котораго травятъ со всѣхъ сторонъ. Филиппопольское дѣло было лебединой пѣсенкой турокъ. Сулейманъ не могъ не знать, что наша Шипкинская армія уже идетъ на Адрианополисъ; ему оставалось только одно—отступить на югъ въ Родопскія горы, что онъ и сдѣлалъ. Паденіе Шипки и Филиппопольскій бой были два момента, рѣшившіе кампанію. Похоронивъ солдатиковъ и досыта наговорившись съ товарищами о впечатлѣніяхъ дня, мы двинулись по направленію къ Филиппополю.

Все, что намъ рассказывали про этотъ городъ, дѣйствительно подтвердилось; верхній городъ, расположенный по ту сторону рѣки, еще не былъ покинутъ непріятелемъ; нижній же городъ, по сю сторону, былъ ими очищенъ; большой мостъ черезъ Марицу былъ разрушенъ и сожженъ. Было уже совсѣмъ темно, когда мы подошли къ нижнему городу и расположились на ночь по избамъ и дворамъ; всюду затрещали костры и началась варка пици. Въ эту ночь намъ было не до турокъ, которые были по ту сторону рѣки совсѣмъ близко отъ насъ; у всѣхъ было только одно на умѣ—облегчить ноги, растянуться и поѣсть что нибудь горячее. Всѣ очень устали, во-первыхъ—отъ шестидневнаго усиленнаго марша безъ дневокъ отъ Софіи до Филиппополя, потомъ отъ 40-ка верстнаго перехода наканунѣ, и наконецъ отъ самаго боя въ этотъ день.

Несмотря на очень большую усталость, я не могъ скоро заснуть, мои нервы были слишкомъ напряжены; сильныя ощущенія, которыя мнѣ пришлось въ этотъ день испытать, не выходили изъ головы и не давали мнѣ забытья.

За эти шесть дней, моя рота сильно порѣдѣла; кромѣ убитыхъ и

раненыхъ, я потерялъ по дорогѣ отсталыми 22 человекъ. Одни отставали дѣйствительно отъ утомленія, теряли дырявые сапоги, натирали себѣ ноги и проч., а другіе отставали просто отъ жадности; все, что только имъ попадалось подъ руку, они навьючивали на себя, тяжелѣли и не поспѣвали за ротой. Хотя мы и принимали самыя энергичныя мѣры для уменьшенія числа отсталыхъ, но все-таки люди ухитрялись незамѣтно отставать. Послѣдніе усиленные переходы подѣйствовали губительно и на наши вьюки; спины животныхъ оказались до того сильно потертыми, что при видѣ ранъ, меня даже коробило. Мой маленькій осликъ, который всегда весело шелъ впереди всѣхъ вьюковъ, на послѣднемъ 40-ка верстномъ переходѣ крикнулъ; я его подарилъ болгарину, и вмѣстѣ купилъ себѣ лошадь.

Турки, какъ и надо было ожидать, покинули Филиппополь и отступили частью на югъ въ горы, а частью по дорогѣ на Адрианополь. 4-го января утромъ насъ ввели въ нижнюю часть города и размѣстили по домамъ; но видно намъ было не суждено отдохнуть въ Филиппополѣ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ наша 1-я бригада съ ея командиромъ принцемъ Ольденбургскимъ во главѣ, была выведена изъ города, по приказанію генерала Гурко, въ поле. Вмѣсто того, чтобъ отдохнуть въ теплѣ, послѣ такого тяжелаго времени, насъ заставили раскинуть бивакъ въ грязи и въ снѣгу, подъ самымъ городомъ; но несмотря на то, хорошій духъ насъ не покидалъ.

Все 4-ое января мы провели въ грязи, лежа въ палаткахъ или сидя у костровъ. Въ продолженіе всего дня слышалась въ горахъ за Филиппополемъ сильная ружейная перестрѣлка съ довольно рѣдкими орудійными выстрѣлами; вѣсти, приходившія оттуда, были самыя утѣшительныя: непріятель, преслѣдуемый нашими войсками, поспѣшно и безпорядочно отступилъ, даже бѣжалъ, на югъ въ горы и по всему пути отступленія побросалъ орудія; а ихъ было болѣе ста.

На другой день, 5-го января, наша бригада была вызвана на помощь 3-ей гвард. пѣхотной дивизіи, которая вела дѣло съ отступающимъ непріятелемъ. Мы прошли весь нижній городъ и подошли къ Марицѣ, которая уже была въ весеннемъ разливѣ. Куски льда быстро уносились теченіемъ, а сама рѣка широко выступила изъ своихъ береговъ. Отъ сожженнаго моста остались одни только каменные устои, которыхъ было что то очень много; саперы приводили въ порядокъ разрушенный мостъ, но обѣщали исправить его не ранѣе какъ къ вечеру. Такъ какъ намъ невозможно было дожидаться до вечера, то мы начали переправу черезъ рѣку. Съ того берега рѣки были потребованы маленькіе паромы и лодки, на которыхъ греки начали перевозку людей. Переправа шла черепашьимъ шагомъ; болѣе двадцати человекъ заразъ не умѣщались на паромѣ, а паромовъ было не много. Эскадронъ лейбъ-уланъ перепра-

вился на нашихъ глазахъ на ту сторону, гдѣ вплавь, а гдѣ и вбродъ; точно такъ-же перебрались и наши вьючныя животныя; но возни съ ними было не мало. Мой денщикъ, освободивъ спину лошадей отъ вьюковъ, которые были переправлены на паромѣ, привязалъ лошадей одну къ другой за хвостъ, самъ же сѣлъ на мою верховую лошадь и благословясь двинулся со своимъ караваномъ въ путь. Болѣе всего я боялся за ослицу, которая во время плаванія легко могла отстать отъ лошадей; но этого не случилось и мои животныя, 3 лошади и ослица, благополучно добрались до того берега. Во время переправы потонуло нѣсколько лошадей и ослось; денщики думали переправить ихъ съ вьюками на спинѣ, но лошади вязли, падали и захлебывались водой.

Наконецъ весь полкъ былъ переправленъ на правый берегъ Марицы, мы поднялись къ верхнему городу, прошли по его нижнимъ улицамъ и вышли на Адрианопольскую дорогу. Чтобъ дать возможность поднянуться отставшимъ людямъ, мы остановились на одной улицѣ города минутъ на десять; въ это время мнѣ удалось купить у одного болгарина два мѣшка краденыхъ турецкихъ галетъ, которыя сейчасъ же были раздѣлены между солдатами; каждому досталось по двѣ галеты. Братушка оказался недогадливымъ воромъ, онъ спросилъ за эти два мѣшка всего только два четвертака; если бы онъ потребовалъ три рубля или даже болѣе, то можно было охотно ихъ дать, но онъ видно еще не зналъ настоящей цѣны нашимъ деньгамъ.

По выходѣ изъ города въ поле, мы тотчасъ же перешли черезъ плотно желѣзной дороги; было пріятно увидѣть послѣ дикой балканской природы рельсы, по которымъ въ другое время можно было бы, въ мягкомъ вагонѣ, доѣхать прямо до Константинополя. Мы шли по ровной мѣстности; вправо отъ насъ въ горахъ слышалась перестрѣлка. На ночь мы остановились въ брошенной турецкой деревнѣ Куклены, утопавшей въ лѣсѣ грецкихъ орѣховъ: всюду вокругъ деревни были виноградники. Деревня была чисто турецкая; въ чистенькихъ турецкихъ домикахъ мы нашли большіе запасы орѣховъ и варенья. Въ виду отсутствія въ Кукленахъ болгарскаго элемента, намъ было разрѣшено забрать въ этой деревнѣ все, что только могло быть для насъ полезнымъ. Въ теченіе похода, ни разу не выдавалось людямъ такого праздника, ни разу не приходилось получать такого пріятнаго разрѣшенія; но зато много разъ приходилось отвѣчать за какую-нибудь болгарскую овцу въ тѣхъ случаяхъ, когда голодный желудокъ не разсуждалъ о томъ, принадлежала ли она туркамъ или братушкамъ. Солдатамъ было приказано турку бить, а братушку беречь; первое они исполняли прекрасно, но противъ второго часто грѣшили вслѣдствіе голода. Съ людей взыскивали за это, а они только недоумѣвали и не понимали, за что имъ приходится от-

вѣчать: въ одной деревнѣ имъ говорятъ: не смѣй трогать, а въ другой: бери сколько влѣзетъ.

Роты отрядили команды преимущественно изъ малороссовъ для забора гуляющаго вблизи деревни турецкаго скота; на долю моей роты достался цѣлый десятокъ здоровыхъ воловъ, которые слѣдовали все время за ротою и расходовались по мѣрѣ надобности. На слѣдующій день, 6-го января насъ повели далѣе по Адрианопольской дорогѣ на деревню Станимаки, которая лежала немного вправо отъ шоссе; вдали въ горахъ, вправо отъ нашего движенія, виднѣлись на сѣвномъ фонѣ хвосты отступающихъ турокъ, которыхъ преслѣдовали по пятамъ наши войска; непріятель отступалъ прямо на югъ. Деревня Станимаки была послѣднимъ пунктомъ, въ которомъ держались турки; въ эту ночь, когда мы ночевали въ Кукленахъ, непріятель ее покинулъ и кинулся въ горы. Продолжать отступление на Адрианополь Сулейманъ - паша побоялся, потому что по дорогѣ отъ Филиппополя до Адрианополя (180 верстъ) не было ни единого мѣста, въ которомъ онъ могъ бы намъ оказать серьезное сопротивленіе. Желѣзной же дорогой изъ Филиппополя въ Адрианополь онъ не успѣлъ воспользоваться; да къ тому же на Адрианополь шла наша Шипкинская армія. Все это турки прекрасно взвѣсили и рѣшили, ради своего спасенія, отступить въ горы и, побросавъ всѣ орудія, пробраться по горнымъ тропинкамъ въ Македонію, чтобъ выйти гдѣ нибудь къ Эгейскому морю. Это былъ для Сулеймана единственный исходъ, чтобъ не погубить окончательно армію.

Во время нашего пребыванія въ Адрианополѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ директоромъ желѣзной дороги, австрійскимъ нѣмцемъ, который рассказалъ мнѣ, что въ то время, когда мы подходили къ Филиппополю, Сулейманъ, сидя на Филиппопольской телеграфной станціи, посылалъ въ Адрианополь телеграмму за телеграммой съ просьбой прислать ему воинскіе поѣзды для перевозки войскъ въ Адрианополь. Директоръ дѣлалъ о томъ запросы въ Константинополь и каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ — ему приказывали употребить всѣ свободные поѣзды исключительно только на перевозку турецкихъ жителей Адрианополя въ Константинополь. Это распоряженіе было вызвано той паникой, которая охватила Адрианополь тотчасъ же по полученіи извѣстія о паденіи Шипки, оттуда шла прямая дорога на этотъ городъ. Кромѣ того, управленіе желѣзной дороги, боясь чтобъ весь подвижной составъ не достался бы въ наши руки, приказало убрать изъ Филиппополя лишніе вагоны. Всѣ эти распоряженія привели къ тому, что по взятіи Филиппополя мы не могли воспользоваться рельсовымъ путемъ.

Разказы этого директора были очень интересны, въ особенности когда онъ меня посвящалъ въ подробности того, что происходило у него на желѣзной дорогѣ во время охватившей всѣхъ паники. Страхъ обу-

ялъ всю Турцію; а въ Адрианополѣ боялись главное того, что ринувшая съ Шипкинскихъ горъ наша армія можетъ легко отрѣзать путь отступленія на Константинополь. Вопросъ объ отступленіи изъ Адрианополя былъ живо рѣшенъ, и желѣзная дорога безъ отдыха увозила войска изъ этого города въ Царьградъ.

Переходъ 6-го января изъ Кульенъ въ чисто греческій городокъ Станимаки невеликъ. Мы шли весело, но все-таки посматривали направо въ горы, которыя начинались возлѣ самой дороги. Трудно было предполагать, чтобъ турки потревожили насъ съ фланга; но они во всякомъ случаѣ были недалеко отъ насъ, такъ какъ отступили въ горы только что въ минувшую ночь.

Подходя къ Станимаки, мы увидѣли крестный ходъ по случаю Крещенія, а можетъ быть и по случаю нашего прихода. Впереди шло греческое духовенство въ облаченіи, съ хоругвями и образами, а за нимъ масса народу съ обнаженными головами. Завидя насъ, всѣ двинулись намъ на встрѣчу; но къ несчастью, въ это самое время, нашъ полкъ долженъ былъ свернуть съ дороги въ сторону, такъ что мы не попали подъ благословеніе и окропленіе святой водой; намъ было только видно, какъ кто-то изъ старшихъ начальниковъ со свитой подошли къ духовенству и приняли окропленіе.

Станимаки мнѣ очень понравились; всѣ дома были выстроены изъ дерева и обшаты досками; доски были некрашены, а потому городокъ имѣлъ довольно темный, сѣрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ чистый видъ. Вокругъ города, по выдающимся горамъ, виднѣлись наскоро вырытыя турками укрѣпленія, а кое-гдѣ еще дымились ихъ костры. Въ самомъ городкѣ, греки указывали домъ, въ которомъ, будто-бы, ночевалъ Сулейманъ-паша. Меня сначала поразило то обстоятельство, что городъ былъ нетронутъ турками; но объяснилось это непривычное для насъ явленіе тѣмъ, что населеніе Станимаки было греческое, а съ греками турки жили всегда въ ладу. Вообще я могъ замѣтить въ продолженіе всего похода, что турки щадили только тѣ мѣста, гдѣ были иностранные консулы, и мѣста, гдѣ жили греки и армяне; все же остальное уничтожалось. Въ Станимаки между греками попадались и болгары, но ихъ одѣяніе было уже не чисто болгарское: на головѣ они носили что то въ родѣ турецкой чалмы, обмотанной около фески; это придавало имъ совсѣмъ турецкій видъ. Чистокровный балканскій братушка началъ здѣсь уже пропадать и перемѣнять свой внѣшній видъ, помѣшавшись съ грекомъ.

Всѣ жители Станимакъ, по случаю праздника, были пьяны и относились къ намъ, повидимому, очень радушно, хотя я склоненъ думать, что грекамъ наша война съ турками была не по вутру; при туркахъ имъ жилось хорошо и вся торговля была у нихъ въ рукахъ; теперь же болгары навѣрно будутъ съ ними конкурировать и тѣмъ подорвутъ ихъ

благосостояніе. Попробовавъ мѣстное вино я пришелъ отъ него въ восторгъ; такого вкуснаго, ароматнаго вина я нигдѣ еще не встрѣчалъ. Судя по большимъ бочкамъ, которыя показаль у себя на дворѣ мой хозяинъ, уже можно было судить о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ выдѣлывалось здѣсь вино. Во избѣжаніе соблазна людямъ, я приказаль поставить часового возлѣ бочекъ; эта мѣра, можетъ быть, сохранила вино моему хозяину, но нисколько не воспрепятствовала людямъ найти другіе источники.

Грекъ, у котораго я устроился, жилъ очень чисто и въ довольствѣ; кромѣ винныхъ подваловъ, я нашель у него на дворѣ куръ, индѣекъ, всякую живность и фонтанъ воды въ мраморной оправѣ. Въ домѣ было чисто; мнѣ предложили мягкія, пуховыя подушки, отъ которыхъ я конечно не отказался. Послѣ моей походной подушки, надуваемой воздухомъ, онѣ показались даже слишкомъ мягкими; но все-таки я на нихъ проспаль всю ночь такъ хорошо, какъ давно не спаль. Съ вечера я велѣль закупить у грековъ провизію, свѣжаго хлѣба, куръ и проч. Обѣ мои болгарскія деревянныя фляги были наполнены краснымъ виномъ; всего этого хватило мнѣ до самаго Адрианополя, а хлѣбъ даже не успѣль почерствѣть, такъ какъ мы дошли до него въ семь дней.

Кстати скажу нѣсколько словъ о болгарскихъ деревянныхъ флягахъ; жидкость въ нихъ не согрѣвается отъ солнца, онѣ помѣстительны, удобны для носки, ихъ можно даже ставить на столъ; онѣ были очень распространены въ походѣ.

Начиная съ Софіи, у насъ было всего вдоволь; люди были сыты, а говядины было даже въ избыткѣ. Мы шли на Адрианополь скоро и весело и знали, что впереди насъ и до самаго этого города не было неприятеля.

XVIII.

Изъ г. Станимакъ въ Адрианополь. — Папасли. — Каялы. — Хаскюй. — Германлы.

7-го января мы сдѣлали переходъ изъ Станимакъ въ дер. Папасли, лежащую на дорогѣ изъ Филиппополя въ Адрианополь. Эта деревня была вконецъ разорена турками, въ особенности же турецкими ея жителями; они обирали болгаръ, жгли ихъ дома, вступали съ ними въ борьбу на смерть. На улицахъ валялись въ грязи мертвые болгары и турки; у всѣхъ труповъ были перерѣзаны горла. Оставшіеся въ живыхъ болгары, потерявшіе во время погрома все свое имущество, шлялись по деревнѣ изъ угла въ уголь.

Возлѣ моей избы, въ которой я остановился, вдругъ послышался раздражающій душу женскій крикъ; я выскочилъ на дворъ и увидѣлъ, что мои солдаты разсматривали какое то женское платье, которое держалъ въ рукахъ одинъ изъ нихъ, а возлѣ нихъ кричала старуха—болгарка. Весь шумъ вышелъ изъ за того, что мои люди нашли въ закромѣ подъ молочной кукурузой женское платье; одному солдату пришлось въ голову опустить свою руку въ кукурузу и пошарить на нѣтъ закрома, надѣясь тамъ чтонибудь найти. Съ триумфомъ онъ вытащилъ оттуда расшитый костюмъ болгарки и самъ не зная, что съ нимъ дѣлать; болгарка до того испугалась, что пропадетъ ея драгоценность, что начала кричать, точно ее кто рѣзалъ. Я пристыдилъ солдатъ и велѣлъ отдать ей платье; она его схватила и, несмотря на преклонный ея возрастъ, побѣжала въ свою избу. Солдаты потѣшались надъ старухой и рѣшили, что баба ужъ больно хитро придумала мѣсто; а тотъ солдатъ, который нашелъ платье, вѣроятно одаренный необыкновенно острымъ чутьемъ, отвѣтилъ имъ: «хитра, да не совсѣмъ, когда я ее перехитрилъ».

Дойдя до Папасли, мы очутились въ авангардѣ тѣхъ войскъ, которые шли въ Адрианополь. Въ ожиданіи сухарей и провіанта, безъ которыхъ нельзя было продолжать наступленіе, мы просидѣли въ этихъ развалинахъ болѣе двухъ дней. Мы иногда любили сухарныя задержки: изъ-за нихъ назначались лишніе дневки, и мы могли лишній разъ отдохнуть; но для успѣшнаго хода кампаніи онѣ были убійственны. Не время было останавливаться, когда требовалось энергичное преслѣдованіе непріятеля; отовсюду приходили извѣстія о томъ, что турки бѣгутъ, а намъ пришлось сидѣть въ Папасли и ждать у моря погоды. Стоянка въ Папасли была изъ ряду вонъ выходящая по унынію и однообразію, но тамъ случилось въ нашей 1-й бригадѣ выдающееся событіе, которое было принято съ великою радостью одинаково всѣми безъ исключенія чинами бригады—нашъ бригадный командиръ, его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій получилъ Георгія 4-й степени за дѣло подъ Филиппополемъ. Преображенскій полкъ, въ ожиданіи приѣзда принца, былъ выстроенъ покоемъ; а при появленіи его высочества, съ крестомъ въ петлицѣ, прокричали ему очень громкое и очень продолжительное ура. Принцъ, будучи видимо тронутъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ родного ему полка, старался съ присущею ему скромностью умалить свои заслуги, говоря, что онъ дѣлалъ только то, что слѣдовало дѣлать каждому на его мѣстѣ. При этихъ словахъ я вспомнилъ то обстоятельство, что онъ преспокойно могъ бы остаться во время Филиппопольскаго дѣла гдѣнибудь съ резервами своего отряда, а между тѣмъ онъ былъ въ первой линіи; я его видѣлъ возлѣ моей роты въ тотъ самый моментъ, когда я не зналъ, куда укрыться

отъ непріятельскихъ пуль; объ этихъ скверныхъ минутахъ я уже писалъ выше; командиръ полка князь Оболенскій, бывшій тоже вмѣстѣ съ нами впереди, былъ раненъ именно въ этотъ періодъ боя.

Людей, собранныхъ для поздравленія принца, распустили по палаткамъ, а мы, офицеры, остались около его высочества, который привезъ намъ нѣсколько утѣшительныхъ новостей о движеніи Шипкинской арміи на Адрианополь, которая должна была подойти къ нему ранѣе насъ. Всѣхъ занимала одна и та же мысль—окажутъ ли турки сопротивление въ Адрианополѣ, или же бросятъ его и отступятъ къ Константинополю?

Въ этотъ вечеръ проскакали мимо Папасли по дорогѣ на Филиппополь казакъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ слышалъ, какъ онъ кричалъ, на всемъ скаку, что Адрианополь очищенъ турками, и что наши войска уже въ немъ. Это извѣстіе было настолько правдоподобно, что можно было ему повѣрить. Послѣ паденія Шипки и послѣ пораженія Сулеймана подъ Филиппополемъ, оставаться имъ въ Адрианополѣ было невозможно. Филиппополь произвелъ на нихъ потрясающее впечатлѣніе; они потеряли довѣріе къ своимъ силамъ. И Шипка и Филиппополь навели на турокъ такую панику, что они побросали чудныя, надежныя укрѣпленія около Адрианополя, и всѣ ихъ долготнѣе труды пропали даромъ.

Въ то веселое для насъ время, каждый день приносилъ съ собой какіянибудь хорошія вѣсти; всѣмъ хотѣлось скорѣй добраться до Адрианополя, а тутъ сиди въ какомънибудь Папасли да жди сухарей.

Наконецъ ихъ привезли; людямъ выдали фунтовъ по десяти на челоуѣвка, и 10-го января мы двинулись далѣе. До Адрианополя оставалось около 150 верстъ, которые предположено было пройти въ пять дней безъ всякихъ дневокъ; ночлеги были назначены въ Каялы, Хаскію, Германлы, Мустафа-паша и Адрианополѣ, куда мы должны были придти не ранѣе 14-го января къ вечеру; но мы прибыли въ Адрианополь днемъ раньше, а именно 13-го января вечеромъ, благодаря только тому, что нашъ полкъ былъ перевезенъ изъ Мустафа-паша въ Адрианополь по желѣзной дорогѣ.

Мы дѣлали ежедневно переходы по 30-ти верстѣ; это были самыя веселые дни изъ всего похода. Намъ было весело отъ того, что мы уже болѣе не видимъ балканскихъ снѣжныхъ горъ, которыя намъ надоѣли и напоминали издали только голодъ да холодъ; вдаль за нами надъ горизонтомъ виднѣлся лишь ихъ темный контуръ, да и то какъ бы въ туманѣ. Теперь мы шли по мѣстамъ хотя и неровнымъ, но все-таки гористыми ихъ назвать нельзя; вообще въ Турціи нигдѣ не встрѣтишь совсѣмъ ровной мѣстности, она вездѣ холмистая, и кругозоръ вслѣдствіе того былъ всегда болѣе или менѣе ограниченъ.

Дорога, по которой мы шли, то подымалась, то шла подъ гору; но

подъемы были такъ нечувствительны, что артиллерія уже болѣе не нуждалась въ нашей помощи и шла самостоятельно вплоть до Константинополя.

Погода дѣлалась все теплѣе; мѣхъ и тулупы, которые еще недавно были такъ пріятны, были уже невыносимы; теплыя перчатки оставались въ карманѣ, а обнаженные руки пріятно обдувались теплымъ живымъ вѣтромъ. Вѣтеръ часто мѣнялъ направленіе: дуй съ сѣвера съ балканскихъ горъ, онъ всегда приносилъ съ собой холодъ, а иногда даже подмораживалъ шоссеиную дорогу, по которой тогда дѣлалось невыносимо скользко идти. Въ такихъ случаяхъ я надѣвалъ поверхъ сапогъ войлочныя широкія туфли. Вообще же на шоссе днемъ было много слякоти; снѣгъ всюду растаялъ, только кое-гдѣ въ оврагахъ на сѣверныхъ склонахъ еще были видны небольшія бѣлыя пятна.

Все наше хорошее настроеніе, вызванное въ насъ и положеніемъ дѣлъ и возраждающею весной, отравлялось тѣми сценами, которыя намъ пришлось увидѣть во время нашихъ переходовъ до Адрианополя.

По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ въ до-Балканской Болгаріи, всѣ турецкіе жители до-Балканскихъ деревень бѣжали за Балканы, забравъ въ пароволовьи каруццы свои семейства и весь свой домашній скарбъ; они устроились биваками на южныхъ склонахъ Балканъ. Но послѣ нашего зимняго, неожиданнаго для нихъ перехода черезъ Балканы, всѣ эти бѣженцы бросились отъ страха уже далѣе по большой дорогѣ, ведущей на Филиппополь. Къ нимъ присоединились обозы забалканскихъ турокъ изъ горъ Софіи, изъ Софійскаго округа и изъ всѣхъ многочисленныхъ деревень, лежащихъ по дорогѣ на Филиппополь; все это было объято паникой. До Филиппополя обозы дошли благополучно; но уже далѣе начались бѣдствія. Судя по брошеннымъ турками вещамъ, которыя намъ приходилось видѣть по дорогѣ, можно было заключить, что первоначально турки забирали въ каруццы все свое достояніе, но гдѣ нибудь по дорогѣ ломалась каруцца или падалъ отъ истощенія волъ; тогда имъ приходилось дѣлать уже болѣе строгую разборку и они бросали ненужныя вещи. По дорогѣ валялись поломанныя каруццы, а возлѣ нихъ были разбросаны веретена, теплыя драныя одѣяла, подушки, много всякаго цвѣтнаго тряпья, отъ котораго еще издали пестрѣла дорога; тутъ же валялись кораны и пр. Мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ ночевалъ ихъ обозъ, нельзя было пройти безъ того, чтобъ не заткнуть отъ вони носъ и не отплюнуться сто разъ. Всѣ турецкіе биваки вообще отличаются особенною вонью, но на этихъ ночлежныхъ пунктахъ, кромѣ того, еще носились міазмы отъ разлагающихся труповъ.

Хотя мы всегда спѣшили проходить мимо этихъ ночлеговъ, но все таки нельзя было не замѣтить слѣдовъ тѣхъ драмъ, которыя здѣсь разыгрывались. Масса поломанныхъ телѣгъ, частью тутъ же сожжен-

ныхъ въ кострахъ, валялись по всему биваку; изнеможенные и брошенные волы лежали безъ корму, безъ жвачки; а нѣкоторые изъ нихъ, которые еще кое-какъ могли передвигаться, бродили по биваку и глодали валяющіяся въ грязи метелки изъ жесткой травы, которыми турки подметали у себя въ домѣ полы. Но самое ужасное было видѣть трупы стариковъ, старухъ и больныхъ дѣтей, брошенныхъ еще живыми, какъ лишній хламъ и умершихъ отъ голода, холода, болѣзни, истощенія. По положенію труповъ можно было заключить, что эти дѣти боролись со смертію; нѣкоторые старики лежали мертвые на спинѣ съ застывшими открытыми глазами, прижавъ къ груди корань. Старыя турчанки съ распущенными выкрашенными въ ярко рыжій цвѣтъ волосами и ногтями, лежали въ самыхъ отчаянныхъ положеніяхъ. Все это лежало въ грязи, а нѣкоторыя дѣти вовсе съ нею смѣшались; у нѣкоторыхъ лица были изъѣдены свѣжей оспой. Трудно выразить, до чего это печальное зрѣлище дѣйствовало на мой духъ; я старался побороть въ себѣ тяжелое чувство, но при каждомъ новомъ ужасномъ явленіи, меня опять начинало коробить. Наши лошади подозрительно фыркали при видѣ подъ ногами мертваго тѣла и сами бережно его обходили.

Среди всѣхъ этихъ ужасовъ, я замѣтилъ одну сидѣвшую закутанную турчанку; подойдя къ ней, я увидѣлъ, что возлѣ нея лежалъ умирающій ея ребенокъ, бросить котораго у ней не хватило силъ. Въ другомъ мѣстѣ лежалъ старикъ, повидимому мертвый, но на самомъ дѣлѣ еще хлопавшій глазами въ предсмертной агоніи; онъ былъ покрытъ хорошимъ, яркимъ, ковровымъ одѣяломъ. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ слабое движеніе вѣкъ; а возлѣ него уже сидѣлъ братушка и покуривалъ трубочку. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе хищника, стерегущаго добычу, или ворона, сидящаго около падали; для меня не было сомнѣнія, что братушка мѣтилъ на одѣяло и съ нетерпѣніемъ ждалъ нашего ухода.

Живыя дѣти были подобраны нѣкоторыми полками; ихъ отогрѣвали въ фургонахъ, нянчились съ ними въ продолженіе всего похода; затѣмъ привезли ихъ въ Россію и воспитывали; дѣвочекъ выдавали замужъ и считали ихъ свадьбу семейнымъ полковымъ торжествомъ.

Солнце сильно способствовало быстрому разложенію труповъ, запахъ котырыхъ расходился на далекое разстояніе. Какъ то разъ, желая сдѣлать небольшой привалъ около рѣчки, мы нашли около нея слѣды турецкаго ночлега. Зараза была на столько велика, что мы должны были пройти еще цѣлую версту, чтобъ только выдти изъ зараженнаго района. Я себѣ легко воображаю, во что обратились, мѣсяць спустя, всѣ эти ночлежные пункты. Дезинфекція тыла еще не была въ то время устроена, такъ что виды на появленіе всякихъ тифовъ, оспы, чумы и проч. были очень большіе.

Весь полуторасто-верстный путь отъ Папасли до Адрианополя мы сдѣлали легко; на день выходило по 30-ти верстѣ; ночи проводили спокойно, никто насъ не тревожилъ; впереди не предстояло никакого столкновенія съ неприятелемъ. Всѣ переходы были очень однообразны по впечатлѣнιάмъ, такъ что даже не о чемъ и вспоминать.

На первомъ ночлегѣ въ Каялы я устроился не совѣтъ удачно; въ избѣ, гдѣ мнѣ пришлось ночевать, въ продолженіе всей ночи стонала больная болгарка, которую турки, во время потасовки съ болгарами, до того избивли, что она съ трудомъ могла дышать. Одинъ изъ ея сыновей былъ тоже сильно помятъ, и харкалъ кровью; а у другого шея и руки были изрублены во время схватки съ турками. На ихъ скотину было жалъ смотрѣть; она стояла безъ корму, потому что некому было ее кормить; она глодала плетень около дому и силилась достать до соломённой крыши.

Еще до выступленія въ походъ, я прочелъ статью, написанную извѣстнымъ Макъ-Гаханомъ объ ужасахъ, которые ему пришлось видѣть въ 1877-мъ году, когда турки вырѣзывали болгарскія деревни въ окрестностяхъ Филиппополя. Его описанія казались мнѣ тогда преувеличенными; но пройдя отъ Филиппополя до Адрианополя, я могъ лично убѣдиться, что все видѣнное нами по этой дорогѣ, еще ужаснѣе того, о чемъ онъ писалъ.

Уцѣлѣвшіе болгары не зѣвали; они пристраивались къ какому нибудь полку и шли съ нимъ все время до тѣхъ поръ, покуда не почували гдѣ нибудь по дорогѣ наживу. Они сдирали съ павшихъ воловъ кожи для ихъ выдѣлки, ловили шляющійся по полямъ скотъ, запрягали его въ поломанныя и наскоро поправленныя каруццы, складывали въ нихъ все, что только валялось на дорогѣ, и увозили къ себѣ въ деревню.

Недоходя 11-го января до дер. Хаскюй, мы встрѣтили громадный обозъ турецкихъ бѣженцовъ, который тянулся на нѣсколько верстѣ въ два ряда по дорогѣ; онъ стоялъ на мѣстѣ и не могъ двигаться впередъ, такъ какъ генераль Струковъ, войдя съ кавалеріей въ покинутый Адрианополь, распорядился не допускать обоза до города и приказалъ вернуть его обратно. Бѣженцы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ чело-вѣкъ, оказались въ безвыходномъ положеніи; уходить отъ насъ впередъ, теперь уже не имѣло смысла, а возвращаться домой въ свои покинутыя деревни, было не зачѣмъ: все хозяйство было уже уничтожено болгарами, скотъ разграбленъ. Къ тому же болгары начали бы имъ чувствительно мстить за прошлое и снова учинили бы рѣзню. Съ братушками было теперь плохо шутить, они заважничали и очень часто были даже смѣшны. Мнѣ много разъ приходилось видѣть, какъ они навѣвчивали на себя всевозможное старое оружіе, вовсе негодное къ

употребленію, затѣмъ расхаживали по деревнѣ и забавлялись этимъ какъ дѣти; ихъ тѣшило то, что вдругъ послѣ четырехъ сотъ лѣтняго турецкаго ига, они могутъ носить оружіе и никто имъ этого не запрещаетъ.

Въ то время всѣ эти ужасы, происходившіе на задворкахъ войны, скользили по насъ и, вообще говоря, не оставляли въ насъ очень глубокаго впечатлѣнія, мнѣ кажется оттого, что мы уже приглядѣлись къ нимъ, а потомъ и оттого, что наши мысли въ то время были далеко впереди насъ. И слава Богу, что во время войны мы схватывали одну только внѣшнюю картину, и не углублялись въ несочувствіе; не то пожалуй не хватило бы энергіи продѣлать походъ съ бодримъ духомъ.

Во время нашего перехода 13-го января изъ Германлы въ Мустафа-пашу, мы вдругъ услышали вдали свистъ локомотива; мы знали, что параллельно нашей дорогѣ идетъ рельсовый путь, но никакъ не подозрѣвали, что движеніе поѣздовъ уже налажено. Знакомый свистъ, отъ котораго уже успѣли отвыкнуть, подѣйствовалъ на насъ весьма пріятно; вдали показался дымокъ, а вскорѣ подкатилъ къ намъ поѣздъ, наполненный войсками; на локомотивѣ, на тендерѣ и всюду, даже на крышахъ вагоновъ, были размѣщены солдаты. Поѣздъ двигался тихо по направленію къ Адрианополю; полки принадлежали къ дивизіи Скобелева, который съумѣлъ выпросить себѣ поѣздъ изъ Адрианополя, гдѣ былъ захваченъ небольшой подвижной составъ, состоящій изъ двухъ локомотивовъ и 26-ти вагоновъ.

Несмотря на нашу общую радость увидѣть въ непріятельской странѣ налаженное желѣзнодорожное движеніе, ни одинъ изъ солдатъ не крикнулъ ура, которое мнѣ кажется было бы въ этомъ случаѣ вполне естественно и кстати. Виню въ этомъ не ихъ, а насъ, офицеровъ, которые не подали примѣръ; мнѣ кажется, что въ это время мы всѣ были заняты одной и той же мыслью объ удобствѣ ѣхать въ вагонѣ и о неудобствѣ шагать по грязи; или, другими словами, мы просто завидовали тѣмъ, кому посчастливилось прокатиться въ Адрианополь по желѣзной дорогѣ. Привожу этотъ фактъ какъ примѣръ, показывающій что такъ называемые шкурные интересы могутъ въ походѣ заглушать чувства болѣе высшаго порядка.

Недоходя до Мустафа-паши, намъ сообщили, что насъ тоже перевезутъ въ Адрианополь по желѣзной дорогѣ; а для того насъ направили не въ деревню, а на станцію Мустафа-пашу, немного вправо отъ дороги. До Адрианополя оставался всего только одинъ переходъ верстъ въ тридцать, который мы должны были сдѣлать на слѣдующій день. Но такъ какъ великій князь Николай Николаевичъ рѣшилъ на слѣдующее утро 14-го января совершить торжественный вѣздъ въ Адрианополь,

поль, то въ виду этого и приказалъ перевезти туда въ ночь нашъ полкъ для предстоящей торжественной встрѣчи.

Извѣстіе о перевозкѣ полка по желѣзной дорогѣ, было встрѣчено нами съ восторгомъ; мы до того отвыкли отъ удобныхъ сообщеній; до того намъ надоѣли утомительные переходы и грязные биваки, что путешествіе въ вагонѣ казалось намъ праздничной прогулкой. Намъ пришлось довольно долго ждать на станціи, покуда не вернулся изъ Адрианополя тотъ самый поѣздъ, который свезъ туда армейцевъ. Я пошелъ въ телеграфную комнату, чтобъ узнать у телеграфиста о поѣздѣ; онъ сообщилъ мнѣ очень много интереснаго относительно желѣзнодорожнаго движенія въ данный моментъ. Онъ имѣлъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ теперь находились отступающіе турки, гдѣ нашъ авангардъ и проч. Между прочимъ онъ разсказалъ намъ о тѣхъ страхахъ, которые ему пришлось претерпѣть за послѣднее время; онъ показалъ мнѣ стоящій въ углу несгораемый ящикъ, въ которомъ онъ хранилъ казенныя деньги; ящикъ былъ сильно помятъ и исцарапанъ турецкими черкесами, которые до прихода русскихъ занимали на этой станціи наблюдательный постъ. Сначала они до него не дотрогивались, но когда увидѣли вдали нашихъ казаковъ, шедшихъ впереди спускавшихся съ Шинки нашихъ войскъ, тогда они бросились, на прощанье, на этотъ желѣзный ящикъ и начали его ломать. Ящикъ былъ надежный, такъ что ихъ труды оказались напрасными.

Вскорѣ послѣ удаленія черкесовъ, прибыли на станцію казаки; со страху, телеграфистъ заперся у себя въ комнатѣ, но долго тамъ не просидѣлъ—онъ все боялся за цѣлость ящика. Выйдя изъ своей комнаты, онъ увидѣлъ, что ящикъ былъ цѣлъ, но телеграфный аппаратъ былъ разрушенъ: винты вывинчены и брошены, всѣ части тронуты со своихъ мѣстъ. По своимъ грубымъ понятіямъ о телеграфѣ, казаки не нашли достаточнымъ только перервать проволоку, а сочли нужнымъ, непременно повредить самый аппаратъ.

Нѣсколько дней спустя по словамъ телеграфиста, прибылъ на эту станцію генералъ Струковъ; онъ такъ хорошо обошелся съ нимъ, такъ убѣдительно просилъ его хоть кое-какъ возстановить телеграфное сообщеніе, что телеграфистъ тотчасъ же занялся труднымъ дѣломъ исправленія механизма. Въ первый день, по исправленіи, депеши передавались неважно; но въ тотъ день, когда мы поджидали поѣздъ, телеграфъ былъ уже въ полномъ порядкѣ. Мы сейчасъ же воспользовались имъ и просили телеграфировать на станцію Адрианополь, чтобъ къ нашему пріѣзду приготовили что нибудь поѣсть.

Часамъ къ 7-ми вечера, подѣхалъ на станцію изъ Адрианополя очень длинный, пустой поѣздъ; онъ могъ вмѣстить всего только два баталіона. 1-ый и 2-ой баталіоны были въ немъ размѣщены, а 3-ій п

4-ый должны были дожидаться на станціи до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не вернется къ нимъ изъ Адріанополя. Послѣ всего пережитаго, было какъ то странно и въ то же время отраднo сидѣть на пружинныхъ подушкахъ и катиться плавно по рельсамъ. Я не могъ не улыбаться тѣмъ мыслямъ, которыя лѣзли мнѣ въ голову. Нашъ истрепанный видъ совсѣмъ не подходилъ къ вагонамъ 1-го класса, обитымъ бархатнымъ трипомъ; мнѣ вдругъ подумалось, что такой пестрой командѣ здѣсь вовсе не мѣсто и что насъ слѣдовало бы вывести вонъ изъ чистыхъ вагоновъ.

XIX.

Пріѣздъ въ Адріанополь.—Перемиріе.

Въ 9 часовъ вечера 13-го января мы подѣхали къ станціи Адріанополя, которая отстояла отъ города въ трехъ верстахъ.

Въ тотъ памятный для всѣхъ періодъ войны, просто глазамъ не вѣрилось, какъ быстро перемѣнялись обстоятельства на театрѣ военныхъ дѣйствій. Еще недѣлю тому назадъ, когда мы возились съ Филиппопольскою арміею Сулеймана, Адріанополь казался намъ гдѣ то очень далеко; мы были увѣрены, что турки не отдадутъ намъ даромъ тѣ образцовыя укрѣпленія, которыя они понастроили около города; и вдругъ теперь мы вѣзжаемъ въ него по желѣзной дорогѣ и посылаемъ туда депешу насчетъ ужина.

Я думалъ найти тамъ большую станцію съ буфетомъ и другими удобствами для публики; но жестоко ошибся—вмѣсто благоустроенной станціи, оказались только большія грязныя сѣни съ каменнымъ поломъ и большими вѣсами для взвѣшиванія товаровъ. Станція была не освѣщена, а ея начальникъ былъ навеселѣ. Баталіоны расположились на ночь возлѣ станціи въ грязи. По причинѣ темноты и отсутствію экипажей, мы не могли отойти далеко отъ станціи. Вблизи оказался какой-то грязный трактиричекъ; тамъ намъ подали макароны, говяжій рагу, кофе и наикислѣйшее мѣстное красное вино. Грязь въ трактирѣ и невкусная пища насъ возмущали; но въ то же время мы ѣли и даже повторяли порціи; отъ краснаго вина стягивало ротъ,—мы его пили и требовали еще. Другихъ офицеровъ, вмѣстѣ съ принцемъ Ольденбургскимъ, начальникъ станціи свелъ немного дальше въ заведеніе Вейдемана, старичка нѣмца, котораго мы впоследствии очень полюбили. При помощи красивой, бѣлокурой, жирной нѣмки, завѣдывавшей кухней, онъ всегда умѣлъ угодить на нашъ вкусъ. Послѣ ужина надо было гдѣ нибудь

устроиться на ночь. Я дерзнулъ послать своего денщика въ домъ директора желѣзной дороги, туть же возлѣ станціи, съ просьбою разрѣшить мнѣ переночевать у него въ домѣ. Денщикъ явился ко мнѣ съ приглашеніемъ.

Директоръ, рыжій австрійскій нѣмецъ, принялъ меня радушно, угостилъ хорошимъ мѣстнымъ краснымъ виномъ и нѣсколько разъ принимался меня разспрашивать о нашемъ зимнемъ переходѣ черезъ Балканы. Онъ высказалъ мнѣ, что всѣ безъ исключенія были убѣждены въ томъ, что намъ не справиться зимой съ Балканами. Это убѣжденіе было до того сильно, что при первомъ же появленіи русскихъ войскъ на южныхъ склонахъ горъ, паника сразу охватила Адрианополь; а послѣ паденія Шипки, въ немъ началось уже столпотвореніе. Со всѣхъ концовъ стали собираться на станцію всякій народъ и съ ятаганамн въ рукахъ требовалъ поѣздовъ въ Константинополь. Поѣзды были переполнены, народъ садился даже на крыши вагоновъ; но и пхъ конечно не могло хватить на всѣхъ. Начался ропотъ, пошли безпорядки; дорожное начальство совѣмъ потеряло голову, пряталось отъ народа и наконецъ потребовало изъ Адрианополя одинъ таборъ для поддержанія порядка. Когда же отѣхали въ Константинополь послѣднія турецкія войска, то въ городѣ началась настоящая анархія: народъ безобразничалъ, грабилъ, разносилъ оружейные склады, безчинствовалъ на всѣ лады. Всѣ стали съ нетерпѣніемъ ожидать прибытія русскихъ войскъ, появленіе которыхъ должно было прекратить анархію и успокоить волнующійся народъ.

По словамъ директора, громадныя поѣзда съ турецкими войсками все время двигались изъ этого города по направленію къ Константинополю, вплоть до того дня, когда вступила въ Адрианополь наша кавалерія. Но самое интересное свѣдѣніе, почерпнутое мною изъ нашей ночной бесѣды, было о Сулейманѣ, который въ то время, когда мы подошли къ Филиппополю, требовалъ у директора поѣздовъ для вывоза своей арміи изъ Филиппополя, но таковыхъ не получилъ, потому что всѣ вагоны работали по линіи Адрианополь-Константинопольской.

Наговорившись съ нимъ до сыта, я отправился съ денщикомъ къ нему въ кабинетъ, предоставленный мнѣ на ночь. Я легъ на диванъ, а денщикъ устроился возлѣ, на полу. Выйди утромъ на балконъ, я узналъ, что возлѣ меня, въ корридорѣ, провели ночь шесть турецкихъ солдатъ; дѣло въ томъ, что директоръ просилъ у наши, отѣзжавшаго въ Константинополь съ послѣднимъ воинскимъ поѣздомъ, оставить ему шесть надежныхъ аскеровъ, которыхъ директоръ обѣщалъ взять подъ покровительство австрійскаго консульства. Въ то время народъ такъ волновался, что директоръ боялся остаться безъ всякой защиты. Эти шесть турокъ скрывались въ его домѣ и боялись показаться наружу.

Я былъ очень доволенъ, что не зналъ объ этомъ съ вечера, не то провелъ бы безпокойную ночь, зная что возлѣ меня находятся наши враги. Домъ стоялъ особнякомъ, въ непосредственной близи никого изъ нашихъ не было; а на дворѣ было ночью совсѣмъ темно, хоть глаза выколи.

14-го января съ самаго ранняго утра, полкъ началъ чиститься и приводить себя въ порядокъ для торжественнаго въѣзда великаго князя въ Адрианополь. Въ моей ротѣ оказалось, что человекъ десять не могли быть выведены въ строй; у нѣкоторыхъ вмѣсто фуражекъ были фески, у другихъ были какіе то ярко красные штаны, у третьихъ были сожжены шинели и. т. д. Этихъ людей пришлось оставить при ротныхъ вещахъ. Людей подвели къ станціи и разставили шпалерами по шоссе, идущему отъ станціи къ городу; полкъ вытянулся въ двѣ шеренги чуть ли не на версту. Въ ожиданіи поѣзда съ великимъ княземъ, людямъ было велѣно составить ружья, а большая часть офицеровъ отправилась погрѣться на станцію.

Мимо насъ проѣхалъ по направленію изъ Адрианополя къ станціи, ординарецъ генерала Скобелева, ночевавшаго въ эту ночь въ самомъ городѣ. Подъѣзжая къ оставшимся при ротныхъ офицерамъ, онъ прикладывался къ козырьку и передавалъ просьбу генерала Скобелева не беспокоиться при его проѣздѣ изъ города на станцію и не разбирать ружей. Немного погоди, я вдругъ вижу, что мои люди живо разбираютъ, безъ моего приказанія, ружья, становятся во фронтъ и сами, безъ команды, берутъ ружье на плечо. Въ это время съ лѣвой стороны подъѣзжалъ къ моей ротѣ на бѣломъ конѣ генераль Скобелевъ со своими ординарцами. Солдаты много про него слышали, но до сихъ поръ ни разу его не видѣли; люди впились въ него глазами, у всѣхъ было радостное выраженіе на лицѣ. Генераль сказалъ въ полголоса каждой ротѣ что нибудь пріятное; на мою роту выпали слѣдующіе слова: «Слышала я, ребята, про вашу Филиппопольскую побѣду; наконецъ то мы добрались до Адрианополя, гдѣ уже сорокъ девять лѣтъ не было нашихъ знаменъ». Генераль говорилъ эти слова на ходу; его привѣтливое лицо, его обыкновеніе говорить просто съ солдатами, наконецъ умѣнье задѣть за живую струнку, все это вмѣстѣ произвело громадный эффектъ на людей.

Оставшіеся на дорогѣ наши офицеры, въ томъ числѣ и я, отправились на станцію (шагахъ въ двухъ стахъ отъ насъ), чтобъ поближе посмотреть на Скобелева; мы не менѣе солдатъ интересовались этимъ совсѣмъ изъ ряду вонъ выходящимъ молодымъ генераломъ, въ которомъ вмѣщался умный, образованный стратегъ, военная натура, прекрасно понимающая солдата, и вмѣстѣ съ тѣмъ ловкій, забавный, элегантный, свѣтскій офицеръ, любящій пожить. Генераль дѣлалъ на плат-

формѣ станціи смотрѣ почетному караулу, назначенному изъ его 16-ой дивизіи для встрѣчи великаго князя.

На станцію прибѣжали нашъ солдатикъ съ извѣстіемъ, что генераль Гурко подѣхалъ къ полку и очень сердится, что нѣтъ офицеровъ. Мы, сломя голову, побѣжали къ своимъ ротамъ. Этотъ неприятный эпизодъ могъ бы не случиться, если бы насъ предупредили, что генераль вочуетъ въ Адрианополь и поѣдетъ на станцію для встрѣчи великаго князя. Мы бросились въ роты и намъ пришлось выслушать строгое замѣчаніе генерала Гурко.

Вдали послышался свистъ локомотива; къ станціи подошелъ поѣздъ, войска взяли «на плечо», великій князь сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи большой свиты, двинулся шагомъ по направленію къ Адрианополю. При видѣ своего дѣтища (такъ онъ называлъ гвардію), великій князь весело улыбался и, по своему обыкновенію, отрывисто кивалъ намъ головой. За свитой ѣхала карета, въ которой сидѣли два турецкихъ офицера; о нихъ будетъ рѣчь впереди. Въѣздъ въ самый городъ, по словамъ присутствующихъ, былъ совершенъ съ подобающею событію торжественностью. Великій князь остановился въ конакѣ, т. е. въ домѣ, гдѣ обыкновенно проживалъ турецкій генераль-губернаторъ.

Въ этотъ же день нашъ полкъ былъ переведенъ въ Адрианополь и размѣщенъ по теплымъ квартирамъ; меня же съ моею ротой назначили комендантомъ мѣстечка Карагача, лежащаго въ пяти минутахъ ходьбы отъ станціи; туда я перешелъ съ ротой на жительство. Эта командировка послѣдовала вслѣдствіе просьбы иностранцевъ, жившихъ въ Карагачѣ и просившихъ, ради спокойствія ихъ семействъ, отрядить къ нимъ на постой небольшую часть войска. Очередь пала на мою роту.

Мы устроились въ Карагачѣ очень удобно въ теплыхъ квартирахъ моя комната приняла совѣмъ жилой, уютный видъ. Карагачъ оказался; славнымъ мѣстечкомъ; судя по тутовымъ плантаціямъ, жители занимались даже шелководствомъ. Въ немъ было много красивыхъ на европейскій ладъ построенныхъ домовъ, нѣсколько магазиновъ, содержимыхъ удалившимися изъ отечества поляками, больница, школа для дѣтей, устроенная французскимъ благотворительнымъ обществомъ, католическая церковь, много маленькихъ лавочекъ, торговавшихъ хлѣбомъ, виномъ, кожей и наконецъ ресторація старика Вейдемана, о которой я упоминалъ выше. Его домикъ былъ съ виду не казистый, но впоследствии оказался очень симпатичнымъ—въ немъ всегда можно было получить вкусный домашній столъ, кофе со сладкимъ хлѣбомъ, приготовленнымъ по вѣски, мѣстное, спосное вино и проч. Радужный Вейдеманъ только и думалъ о томъ, чтобъ намъ угодить; а захворавшаго нашего офицера барона Федора Леопольдовича Корфа, онъ даже приютилъ у себя и ухаживалъ самъ за нимъ во время болѣзни. Когда я вступалъ въ Кара-

гачъ, то на улицахъ никого не было видно; всѣ сидѣли дома съ закрытыми ставнями и боялись выходить; Карагачъ казался мертвымъ. Но это обошлось скоро; публика къ намъ приглядѣлась и стала понемногу выходить на улицу.

Я былъ очень доволенъ своей командировкой, никто меня не беспокоилъ, службы никакой не было; моя рота могла вполне отдохнуть, оправиться, помыться, почиститься и починиться.

Менѣ всего пришлось людямъ поправлять обувь; по совѣту фельдфебеля Мазурова, я велѣлъ купить, еще въ Петербургѣ, подметки и товаръ для чинки сапогъ, такъ что по мѣрѣ надобности, люди чинили себѣ сапоги.

Устроившись въ Карагачѣ, я въ первый же день съѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ Адрианополь. До города было всего только три версты; но прежде чѣмъ вѣхатъ въ городъ, надо было переѣхать по мосту рѣку Марицу. Мостъ былъ каменный на каменныхъ устояхъ, очень длинный, а на мосту была выстроена небольшая часовенка. Въ то время было половодье, рѣка разлилась очень широко, мутныя весеннія воды неслись очень быстро и увлекали съ собой все, что только попадалось имъ по дорогѣ. Картина весенняго половодья была очень красивая; я долго стоялъ на мосту и любовался бушевавшей рѣкой.

Подѣзжая къ Адрианополю, можно было замѣтить нѣсколько громадныхъ редутовъ, расположенныхъ примѣрно верстахъ въ трехъ отъ города.

Въ этотъ день я побывалъ только въ конакѣ, въ которомъ засталъ настоящій военный раутъ; туда были всѣ вхожи толпились въ большой залѣ, одни изъ нея выходили, другіе входили, встрѣчались знакомые, сообщались новости. Тутъ же передавались самые невозможные слухи, напоминавшіе мнѣ новости, приносимыя гимназистами изъ гимназіи, въ родѣ того, что будто бы султанъ уже убѣжалъ со своимъ гаремомъ изъ Константинополи въ Бруссу. Но въ то-же время передавалось и то, что всякое сообщеніе съ Константинополемъ прервано, и что тамъ происходитъ, того знать нельзя. Многіе пріѣзжали представиться великому князю; всюду слышался шумъ и говоръ. Я радъ былъ повидаться съ моимъ старымъ знакомымъ и сотоварищемъ по музыкѣ ротмистромъ Дмитрій Антоновичемъ Скалономъ, адъютантомъ великаго князя. Въ продолженіе всей кампаніи, онъ былъ ближе всѣхъ къ великому князю, зналъ всѣ его помыслы; чрезъ него великій князь отдавалъ всѣ свои приказанія.

Я конечно тотчасъ же закидалъ ротмистра вопросами, которые меня и вообще всѣхъ насъ интересовали; но я узналъ отъ него немного. Онъ рассказалъ мнѣ, что сообщеніе съ Константинополемъ дѣйствительно прервано, а сплетня о бѣгствѣ султана не заслуживаетъ вниманія. Меж-

ду прочимъ, онъ разъяснилъ мнѣ присутствіе при въѣздѣ великаго князя двухъ турецкихъ офицеровъ, которыхъ везли сзади въ каретѣ.

Еще въ послѣднихъ числахъ декабря, въ то самое время, когда мы встрѣтили въ Ихтиманѣ посланнаго Сулейманомъ въ нашъ отрядъ турецкаго офицера, явились отъ султана въ главную квартиру великаго князя тоже два турецкихъ посла Намыкъ-паша и Серверъ-паша съ предложеніемъ о перемиріи. Великій князь заявилъ, что торговаться съ ними не желаетъ, и сообщилъ свои условія перемирія, которыя тотчасъ же были отправлены съ турецкимъ курьеромъ въ Константинополь; общее же наступленіе войскъ не было остановлено. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже болѣе двухъ недѣль, не было никакого отвѣта отъ султана, а двое турецкихъ пословъ состояли при главной квартирѣ; они продѣлали вмѣстѣ съ великимъ княземъ весь переходъ черезъ Шинку до Адрианополя. Директоръ желѣзной дороги, у котораго я ночевалъ, далъ мнѣ еще нѣсколько добавочныхъ свѣдѣній объ этихъ уполномоченныхъ; онъ разсказалъ, что они привезли съ собою изъ Константинополя цѣлый вагонъ съ посудой и прочими принадлежностями для угощенія; они вѣроятно имѣли въ виду, въ случаѣ удачныхъ переговоровъ, давать обѣды, а кончили тѣмъ, что ихъ самихъ кормили при главной квартирѣ.

По утрамъ приходили ко мнѣ съ жалобами жители Карагача, одинъ жаловался на то, что у него передъ домомъ гнѣтъ надалъ; другой привелъ какого то солдатика, который велъ по дорогѣ принадлежащихъ жалобщику двухъ воловъ, недавно кѣмъ то у него украденныхъ. Приходилось посылать за чорбаджи (городской голова) Карагача и вмѣстѣ съ нимъ сличать какія то клейма на волахъ и проч., а самому чорбаджи, подъ угрозой взысканія, приказывалось мною немедленно же исполнять мои приказанія.

Старикъ нѣмецъ Вейдеманъ пришелъ ко мнѣ тоже съ жалобой на то, что ему не даютъ по ночамъ покоя; въ продолженіе всей ночи, шлюющійся народъ стучится въ запертыя двери его гостиницы и требуетъ, чтобъ ее отперли. Я давалъ ему по ночамъ трехъ солдатъ, которые поочередно оберегали покой несчастнаго старика. Эта командировка была для людей не службой, а праздникомъ; старикъ ихъ хорошо кормилъ и угощалъ краснымъ виномъ.

Большая часть консуловъ оказались купцами, имѣвшими въ Карагачѣ свои дома; они торговали рисомъ, виномъ и проч. Приходя ко мнѣ, какъ будто съ визитомъ, они сейчасъ же предлагали товаръ и просили сдѣлать у нѣкоторыхъ ненадежныхъ жителей Карагача обыскъ съ цѣлью отобрать отъ нихъ оружіе. Я это сдѣлалъ для ихъ успокоенія.

Вечера я проводилъ у инспектора желѣзной дороги г. Коста, очень образованнаго австрійца; онъ явился ко мнѣ на другой же день съ при-

глашеніемъ у него отобѣдать. Его жена съ ужасомъ вспоминала о тѣхъ страхахъ, которые ей пришлось испытать до насъ. Въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ теперь, стояли зейбеки, полудикіе азіаты; они нѣсколько разъ пробовали вламываться къ намъ во дворъ (инспекторъ жилъ противъ меня), но не могли этого сдѣлать только потому, что ворота и ставни были сооружены съ особенною прочностью, свойственною вообще на Востокѣ всякимъ защитнымъ отъ нападеній сооруженіямъ.

По вечерамъ мои солдаты выходили на улицу, становились въ кружокъ и пѣли пѣсни; прохожіе останавливались и съ любопытствомъ слѣдили за лихими плясунами, выдѣлывавшими такую необыкновенную гимнастику ногами, которая, безъ сомнѣнія, никогда не снилась мирнымъ жителямъ Карагача. Мнѣ сказали, что турки никогда не поютъ и всегда въ какомъ то мрачномъ настроеніи; такъ что добродушный видъ русскаго солдата и его постоянное хорошее настроеніе не могли не поражать жителей.

Однажды вечеромъ, когда я усѣлся въ своей уютной комнатѣ писать письма, ко мнѣ вбѣжалъ фельдфебель и доложилъ, что въ Адрианополѣ пожаръ и слышна перестрѣлка. Я выскочилъ на дворъ, дѣйствительно увидѣлъ пожаръ и услышалъ отдѣльные выстрѣлы; зарево все увеличивалось, а выстрѣлы учащались. Мы все разинули рты; смотримъ и не понимаемъ, что тамъ творится. Я тотчасъ же послалъ туда верхового на моей лошади, который вернулся черезъ часъ и разъяснилъ намъ загадочную перестрѣлку. Въ Адрианополѣ горѣли казармы, въ которыхъ былъ помѣщенъ какой то гвардейскій полкъ; люди, выбѣгая отсюда, второпяхъ всюду раскидали патроны; когда же огонь добирался до патроновъ, то они лопались и производили трескотню, издали напоминающую перестрѣлку. Не могу забыть того глупаго положенія, въ которомъ я находился, слыша въ продолженіе цѣлаго часа перестрѣлку и въ то-же время не понимая, отчего бы она могла произойти.

Я пользовался своимъ авторитетнымъ положеніемъ и вѣдиль часто на станцію на телеграфъ, гдѣ телеграфисты показывали мнѣ всѣ телеграммы, которыя посылались великимъ княземъ въ передовой отрядъ генералу Струкову, ушедшему впередъ верстъ на 80-ть по направленію къ Константинополю. Въ телеграммахъ передавалась русская рѣчь, но писалась она латинскими буквами; телеграфистъ грекъ автоматически передавалъ буквы, но смысла депеши не понималъ. Читая эти телеграммы, я поправлялъ ему ошибки, которыхъ было не мало. Отъ генерала Струкова получались отвѣтныя депеши тѣмъ же шифромъ. Въ то время у него были ежедневныя стычки съ турецкими черкесами, оберегавшими арьергардъ отступившихъ турокъ.

Наше передвиженіе войскъ по желѣзной дорогѣ по направленію къ Константинополю было задержано не турками, а однимъ нашимъ моло-

дымъ кавалеристомъ, выказавшимъ *trou de zèle*. Находясь въ самомъ переди со своимъ разъѣздомъ, въ то горячее время, когда турки уже отступали, а наши войска подходили къ Адрианополю, онъ налетѣлъ на желѣзнодорожный мостъ, находившійся по дорогѣ изъ Адрианополя на Константинополь, и сильно его попортилъ съ цѣлью прервать желѣзнодорожное сообщеніе.

Одна изъ радостныхъ и интересныхъ телеграммъ, прочитанныхъ мною на станціи, была получена отъ инженернаго капитана Иванова изъ Деде-Агача, городка, лежащаго недалеко отъ впаденія Марицы въ Эгейское море. Этотъ капитанъ проѣхалъ туда въ сопровожденіи одной роты и нагналъ такой страхъ на небольшое количество оставшихся тамъ турецкихъ солдатъ, что они сейчасъ же разбѣжались, и Деде-Агачъ, приморскій пунктъ, оказался въ нашихъ рукахъ. Въ этомъ городѣ капитанъ Ивановъ забралъ много вагоновъ и нѣсколько локомотивовъ; объ этомъ цѣнномъ приобрѣтеніи онъ и телеграфировалъ великому князю. Я тотчасъ же велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь и поскакалъ въ Адрианополь сообщить объ этомъ радостномъ событіи товарищамъ, которымъ я часто, благодаря своей командировкѣ, могъ сообщать животрепещущія новости даже раньше чѣмъ онѣ доходили до великаго князя.

Я ѣздилъ ежедневно въ Адрианополь и обязательно заѣзжалъ въ конакъ, чтобъ узнавать о новостяхъ. По слухамъ, въ то время уже велись переговоры между великимъ княземъ и султаномъ. Люди, близко стоящіе къ дѣлу, не имѣли права оглашать ихъ до поры до времени; но по ихъ улыбкамъ, легкимъ намекамъ и спокойствію, можно было заключить, что дѣла идутъ на ладъ, и что вскорѣ мы узнаемъ о перемиріи.

Адрианополь поражалъ меня своею грязью и тѣсною улицъ; самая главная улица, на которой сосредоточивалась вся жизнь города, была до того узка, что двѣ пароволыны подводы могли съ трудомъ разъѣхаться, а пѣшеходамъ уже не оставалось мѣста. На этой улицѣ были лавки, рестораны, цырюльни, булочныя, кузницы и проч.; но все это имѣло восточный оттѣнокъ, вовсе непохожій на то, что мы привыкли видѣть въ Европѣ. Въ городѣ было замѣтно большое оживленіе, ковечно, благодаря только приходу русскихъ войскъ; по улицамъ шло много народа: офицеры пѣшкомъ и верхомъ, солдаты, братушки, греки, турки въ фескахъ и разноцвѣтныхъ чалмахъ, волыны каруцы, городскія колыски, обитыя свѣтлоокраснымъ бархатнымъ трипомъ; общій говоръ и шумъ не умолкалъ ни на минуту. Мнѣ припомнилась наша толкучка, только съ тою разницею, что у насъ она представляетъ темную массу; здѣсь же на Востокѣ, она имѣла совѣмъ своеобразный пестрый характеръ, благодаря разноцвѣтнымъ яркимъ цвѣтамъ костюмовъ.

Въ городѣ попадались такъ называемые испанскіе евреи тоже съ фесками на головѣ—это были потомки древнихъ мавровъ, когда-то пришедшихъ изъ Аравіи въ Европу; въ нихъ не было ничего жидовскаго

въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать евреевъ. Всѣ они довольно крупнаго роста съ большимъ открытымъ лицомъ, съ подстриженою бородой, но все-таки, глядя на нихъ, нельзя было не замѣтить что-то сродное евреямъ эпохи патриарховъ. Они всѣ хорошіе ремесленники, но торговлю не любятъ и не оспариваютъ ее у грековъ — настоящихъ торгашей въ Турціи. Мнѣ кажется, что турки не могли бы существовать безъ грековъ и евреевъ; ихъ жизнь въ полной зависимости отъ этихъ предприимчивыхъ людей. Вообще говоря, турокъ было все-таки не много въ городѣ, и то только одни старики въ чалмахъ при воловьихъ повозкахъ. Въ лавкахъ торговали халвой, изюмомъ, мпндалемъ, орѣхами и всякою восточною дрянью. На улицахъ жарилась на жаровняхъ для народа какая то снѣдь, отъ которой отдавало горькимъ масломъ. Тутъ же стояли кальяны съ нѣсколькими каучуковыми кишками, выходящими изъ одного и того же резервуара; вокругъ него постоянно сидѣли курильщики; одни уходили, другіе садились на ихъ мѣсто.

Портные-евреи и сапожники занимались на улицахъ чинкой; около нихъ толпилось много солдатъ и чтобъ починить обувь или одежду, всякій ожидалъ своей очереди. Сапоги солдатъ пришли въ такой жалкій видъ, что кромѣ еврея, мнѣ кажется, никто не сдумѣлъ бы ихъ починить.

Лучшія лавки находились въ большомъ адрианопольскомъ базарѣ; это былъ длинный, высокій и довольно темный корридоръ, который освѣщался сверху, гдѣ на потолокъ были устроены окна. По обѣ стороны корридора шли лавки, одна подлѣ другой; полъ лавокъ былъ приподнятъ на цѣлый аршинъ выше прохода, по которому ходила публика. На полу лавокъ были разложены ковры, на которыхъ сидѣли по-турецки торговавшіе армяне и греки; ихъ туфли стояли въ уголку, а они сами ходили по коврау въ шерстяныхъ чулкахъ; но это случалось весьма рѣдко. такъ какъ они весь день сидѣли, упорно молчали и, съ идіотскимъ выраженіемъ лица, курили свой кальянъ, прихлебывая въ то-же время изъ чашки черной кофе *à la turca*, т. е. сваренный вмѣстѣ съ сахаромъ и налитый вмѣстѣ съ гущей, которая понемногу осѣдаетъ въ чашкѣ. Я останавливался нѣсколько разъ передъ этими словно застывшими людьми и съ любопытствомъ слѣдилъ за ихъ лѣнливыми, неповоротливыми движеніями; они нисколько не стѣснялись моимъ испытующимъ взглядомъ и продолжали пребывать въ блаженной нирванѣ, не слѣша, переноса свой тупой взглядъ то на кофе, то на кальянъ.

Войдя со свѣту на базаръ, въ немъ казалось сначала очень темно, но мало-по-малу глазъ привыкалъ къ темнотѣ и начиналъ ясно различать всѣ предметы. Я имѣлъ большое желаніе купить себѣ что нибудь оригинальное, восточное, но ничего такого не нашель. Въ Адрианополѣ остались одни только подонки торговаго міра; все, что только было хорошаго и интереснаго въ городѣ, то было уже давно увезено изъ него: а то, что осталось и продавалось на большомъ базарѣ, то было гадко и

дорого. Я былъ не мало пораженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованъ, когда увидѣлъ тамъ наши московскіе ситцы съ восточнымъ рисункомъ.

На главной улицѣ между ресторанами, если только можно такъ назвать комнаты, въ которыхъ на накрытыхъ не совсемъ чистыхъ столахъ стояли пустыя горчичницы и солонки, былъ даже нотный и книжный магазинъ, въ которомъ продавался табакъ, мука, соль и проч. Этотъ магазинъ помогаль офицерамъ ориентироваться относительно разныхъ кабачковъ. Я зашелъ въ магазинъ и попросилъ показать мнѣ ноты. Выборъ пьесъ былъ допотопный, но я все таки ради памяти купилъ себѣ два турецкихъ марша, одинъ Османіэ-маршъ, а другой Меджидіэ-маршъ; оба казались образцовою дрянью.

Мы все побывали въ восточныхъ цырюльняхъ и привели себя въ порядокъ, но бородъ не брили; я рѣшилъ до тѣхъ поръ не бриться, покуда не прикажетъ начальство, тѣмъ болѣе, что походъ еще не былъ оконченъ. Но нѣкоторые офицеры все-таки воспользовались случаемъ сбрили себѣ бороды и привяли свой прежній петербургскій вядъ. На Востокъ цырюльники необыкновенно ловки, вѣроятно отъ большой практики. Турки брѣютъ себѣ головы, а греки и армяне одаренные отъ природы богатою растительностью волосъ, брѣютъ себѣ бороды, лобъ, затылокъ и брови, чтобъ казаться красивѣе.

Въ Адрианополѣ замѣчательна по внутренней отдѣлкѣ мечеть Селима; она очень обширна. По преданію, это былъ въ старину византийскій храмъ, обращенный султаномъ Селимомъ въ мечеть. Судя по шарообразному куполу и по колоннамъ внутри мечети, это преданіе не подлежитъ сомнѣнію. Ея внутренность поражаетъ пестротой отдѣлки, свѣтъ проникаетъ въ мечеть чрезъ цвѣтныя стекла и даетъ весьма оригинальное освѣщеніе; все стѣны и колонны украшены цвѣтными шкаликами въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются у насъ на плохихъ иллюминаціяхъ; ихъ зажигаютъ въ торжественные магометанскіе праздники. Къ мечети пристроены четыре минарета, которые нисколько не подходятъ къ стилю храма.

По дорогѣ домой въ Карагачъ, я заѣхалъ на выѣздѣ изъ города въ кузницу, чтобъ подковать мою лошадь. Въ то время все кузницы были завалены работой; онѣ работали день и ночь надъ телѣгами полковыхъ обозовъ; не было ни единой телѣги, которая не требовала бы починки. Одна только русская телѣга могла выдержать балканскій походъ; она вязла въ снѣгу, въ грязи, опрокидывалась въ овраги, ея немазанная колеса визжали словно звѣрь, просящій ѣсть, но все-таки не сдала, не крикнула и вмѣстѣ съ нами дошла до Царьграда. Я думаю, что послѣ этого похода, тотъ англичанинъ, который предлагаль большую премію за изобрѣтаніе чего нибудь хуже русской телѣги, долженъ былъ переимѣнить свое мнѣніе о ней.

Настало 19-ое января. Въ этотъ день великій князь во всеуслы-

шаніе объявилъ о заключенномъ съ турками перемиріи. Узнавъ утромъ въ Карагачѣ изъ вѣрныхъ источниковъ объ этомъ (я прочелъ на телеграфѣ депешу великаго князя къ Струкову), я собралъ свою роту, которая не подозрѣвала, зачѣмъ я ее собираю. Узнавъ объ этомъ радостномъ событіи, люди грянули такое громкое и продолжительное «ура», которое только однажды въ жизни и пришлось мнѣ слышать; мы съ фельдфебелемъ Мазуровымъ даже облобызались. Моментъ былъ слишкомъ торжественный, слишкомъ изъ ряду вонъ выходящій.

Жители Карагача высыпали изъ своихъ домовъ на улицу и подходили къ намъ, чтобъ узнать въ чемъ дѣло. Нѣкоторые изъ нихъ говорили мнѣ, что къ такимъ дружнымъ крикамъ турки неспособны, да и вообще они рѣдко прибѣгаютъ къ такому способу выраженія радости.

Въ довершеніе этого счастливаго дня, я приказалъ раздать людямъ пудъ русской махорки, присланной мнѣ женой изъ Сисова еще тогда когда мы были въ Яблоницѣ; а вмѣстѣ съ табакомъ и по стакану ракин, болгарской водки не особенно крѣпкой съ анисовымъ запахомъ. Перемиріе, махорка, водка! Люди были въ восхищеніи.

Я поѣхалъ верхомъ въ Адрианополь; тамъ было большое оживленіе, всѣ поздравляли другъ друга, лобызались. Изъ всего тамъ слышаннаго и могъ вынести такое заключеніе, что наши войска, согласно условіямъ перемирія, будутъ пододвинуты къ Константинополю. Это движеніе официально мотивировалось необходимостью устроить болѣе удобное размѣщеніе для войскъ, какъ ради здоровья такъ и ихъ продовольствованія. Въ сущности же войска должны были пододвинуться къ Константинополю для того, чтобъ сдѣлать турокъ сговорчивѣе.

На другой день, 20-го января было назначено въ большомъ Адрианопольскомъ греческомъ соборѣ торжественное богослуженіе съ колѣнопреклоненіемъ. Въ соборѣ было приготовлено великому князю почетное мѣсто на небольшомъ возвышеніи подъ балдахномъ; соборъ былъ биткомъ набитъ военными; всѣ были въ наилучшемъ настроеніи. Послѣ молебствія маститый, самый старшій изъ русскихъ священниковъ подошелъ къ главнокомандующему и произнесъ подходящую событію рѣчь; въ ней онъ восхвалялъ святую цѣль войны, мудрыя распоряженія августѣйшаго вождя, переплывшаго со своимъ храбрымъ войскомъ Дунай аки лебедь, вознесшагося на Балканы аки орелъ. Въ появившемся послѣ того приказѣ по войскамъ, великій князь, отдавая должную справедливость солдатамъ, благодарилъ ихъ за службу и въ одномъ мѣстѣ приказа, тоже упомянулъ объ орлахъ и лебедяхъ. Лучшаго, болѣе картиннаго сравненія, мнѣ кажется, трудно было и подыскать, потому что дѣйствительно мы иногда залѣзали на такую высь, гдѣ было хорошо орламъ, но гдѣ людямъ, вообще говоря, нечего было тамъ дѣлать.

Алексан. Алексан. Берсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Масляница въ Одесѣ при графѣ Ланжеронѣ.

Одесса, 4-го февраля 1860 г.

Я помню здѣсь при Ланжеронѣ,
Воловъ парь двадцать запрягутъ
И на доскахъ,—не въ фѣтонѣ,
Пашу по улицѣ везутъ.
Тарелки, бубны и литавры
Вкругъ биндюговъ большихъ гремятъ,
Волами правятъ турки, мавры,
А масокъ тысячи слѣдятъ.
Пищитъ болгарская коза,
А въ тактъ ей каждый подпѣваетъ,
И будь хотя съ дождемъ гроза —
Она гулявню не мѣшаетъ.
И церемонія такая
Въ восторгъ въ графскій домъ спѣшитъ,
И пѣсни хоромъ напѣвая,
Порядокъ съ тишиной хранить.
Вотъ на крыльцо графъ Ланжеронъ
Съ улыбкой доброю выходитъ,
Даритъ гостей поклономъ онъ
И удовольствіе находитъ.
Въ богатой маскѣ, не спѣша,
Глаза поднявши, съ умиленьемъ,
Встааетъ съ сѣдалища паша;
Подходить къ графу съ поздравленьемъ.
Тогда графъ въ домѣ жилъ Рено,
Съ крыльца глядѣлъ и любовался,
А въ бочкахъ пѣнилось вино —
И каждый къ бочкамъ добивался.

По улицамъ нельзя пройти,
Чудили маски осторожно;
Гулянья лучшаго найти —
Въ то время было невозможно.
А въ частныхъ въ городѣ домахъ —
Блины давали безконечно,
Подъ музыку на вечерахъ
Плясали всѣ чистосердечно.
Театръ какъ-будто бы трещать
Отъ лицъ во время маскарада;
Какъ хочеть сердце пусть груститъ —
Явись на балъ—и гдѣ досада?
Было то время золотое,
Какъ радостно намъ вспомнать,
И время то ничто земное —
Не можеть вновь опять вернуть.
Тогда учился я въ Лицеѣ—
И сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ живу,
Но тѣ гулянья, тѣ затѣи —
Какъ-будто вижу на яву.

архива. П. П. Сумароковъ известенъ своимъ стариннымъ стихамъ и какъ основатель журнала „Притишъ, превращающійся в Парену“, выходившаго съ 1789 по 1811 г.; низъ же издавался въ 1793 и 94 гг. журналъ „Библиотека ученыхъ, экономическихъ, просвѣдательная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствие всакаго любящаго чтенія“. Въ 1802 г. П. П. Сумароковъ редактировалъ „Журналъ приятнаго любительнаго и забавнаго чтенія“; въ 1804 г. оеъ приниалъ было за изданіе „Листка Европы“, начатаго въ 1802 г. Н. М. Карамзинимъ, но скоро отказался отъ этой мысли и передалъ журналъ М. Т. Захаровскому.

Въ одиннадцатой главѣ мы находимъ довольно обстоятельно составленную биографію В. П. Безобразова, сенатора, писателя, известнаго многотысячными учебными учебными трудами по экономическимъ вопросамъ.

Биографія П. Н. Харламова, писателя, критика и агитатора русскаго раскола, биографія котораго пользовалась известностью, занимають двѣнадцатую главу.

Въ тринадцатой главѣ А. В. Смирновъ дѣлаетъ свѣдѣнія объ ординарномъ профессорѣ Московскаго университета въ землѣ частной анатоміи и терапіи, Я. П. Ельцинскомъ, занимавшемъ въ научнѣйшій изъ нѣмыхъ вопросъ объ леченіи сифилиса консервативнѣе. Вопросъ этотъ, хотя и возбуждалъ въ то время много шума, но всецѣло не послужилъ, къ сожалѣнію, ни оному человечеству, — дальнѣйшія изысканія показали несостоятельность этого способа леченія, да и самъ В. П. Ельцинскій смѣлѣе открыто отказался отъ него. Въ то время подняты и другой важный вопросъ — основательно устройства врачебной части въ деревняхъ. Съ 1874 по 1877 г. оеъ редактировалъ „Московскую медицинскую газету“.

Въ четырнадцатой главѣ, при описаніи жизни и дѣятельности М. М. Снегирева, бывшего ординарнаго профессора Московскаго университета, авторъ сообщаетъ довольно интересныя свѣдѣнія о Тульской семинаріи.

Пятнадцатая глава содержитъ въ себѣ биографію А. П. Беневоленаго, бывшего профессора Кавказской духовной академіи по библейской и церковной исторіи, историкъ и публицистъ. Слѣдующая глава изведена авторомъ биографіи П. А. Мана, представителями изшей драматической литературы, весьма дѣятельнаго сотрудника многихъ газетъ и журналовъ, бывшего сначала членомъ, потомъ вице-президентомъ и наконецъ, президентомъ театральнаго-литературнаго комитета. Служа въ государствен-

ной канцеляріи, П. А. Манъ занималъ въ ней различныя должности: заведывалъ, въ качествѣ статсъ-секретаря, канцелярскою частью, по управленію Маріинскаго дворца, но составленію всеподданнѣйшихъ отчетовъ по Государственному Совѣту и принималъ дѣятельное участіе въ работѣ комитетовъ.

Въ семнадцатой главѣ сосредоточены свѣдѣнія о Д. А. Смирновѣ, биографъ А. С. Грибоедова и мировомъ посредникѣ перваго призыва. Будучи родственникомъ автора „Горя отъ ума“, Д. А. Смирновъ занимался собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ материаловъ для биографіи А. С. Грибоедова и для восстановленія подлиннаго текста его комедій. По словамъ П. А. Шалкина, собраннаго г. Смирновимъ матеріала представляють сводный текстъ — работу одного изъ лучшихъ знатоковъ Грибоедова, съ первоначальнымъ текстомъ комедій и обширнымъ введеніемъ, — и служили и служатъ однимъ изъ основныхъ текстовъ для изданія „Горя отъ ума“.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности небезызвѣстнаго химика и технолога П. А. Александрова мы находимъ въ восемнадцатой главѣ.

Въ девятнадцатой главѣ помѣщена биографія старшаго учителя 1-ой Московской гимназіи по латинскому языку И. В. Смирнова, автора известнаго руководства для переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ; низъ составлена латинская грамматика — краткая и пространная, и обработана для чтенія въ гимназіяхъ тексты Саллюстія и „метаморфозъ“ Овидія; послѣднія были изданы вскорѣ послѣ смерти И. В. Смирнова В. П. Павловимъ.

Въ послѣдней, двадцатой главѣ авторъ даетъ биографію А. Г. Столѣтова, заслуженнаго профессора Московскаго университета по математикѣ, физикѣ и метеорологіи. Благодаря старанію, заботамъ и умѣлости А. Г. Столѣтова, возникло, развилось и стало образцовымъ такое вспомогательное учебное учрежденіе при Московскомъ университетѣ, какъ физическая лабораторія, низъ стѣнъ которой вышли многочисленные ученики Столѣтова, до сего времени съ честью занимающіе профессорскія кафедры въ нѣсколькихъ русскіхъ университетахъ. А. Г. Столѣтовъ известенъ и какъ авторъ многочисленныхъ и разнообразныхъ статей строго-научнаго содержанія; низъ редактировалъ физико-математическій отдѣлъ „Ученыхъ записокъ Московскаго университета“ и „Труды отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго Московскаго общества любителей естествознанія“.

Вотъ, въ краткомъ пересказѣ, содержаніе книги А. В. Смирнова.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цена за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ деятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкой. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.** — въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ близкомъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Мохоман, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсапова). Въ Кавказѣ — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Шмидтская ул.) Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о важнѣхъ эпохахъ и отдельныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіяхъ достопамятныхъ русскихъ деятелей: людей государственн. значенія, военн. писателей духовн. и свѣтск. искусствъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переноска, автобиографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Статьи о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челоубитица, переписка и документа, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Редисловія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ невозлученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о невозлученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8 рублей**; и съ 1888—1897 по **9 рублей**.

Въ конторѣ редакціи издается въ продажѣ выпяга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс его письма. Цена **3 рубля**. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2 рубля**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

НОЯБРЬ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Россія и Германія въ XIX вѣтѣ.....	241—262	X. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Версъ.	421—438
II. Памяти графа М. Н. Муравьева. П. Майковъ.	263—277	XI. М. Б. Шенъ при иномъ историческомъ освѣщеніи. Д. Плавайскій.	439—450
III. Разказы о графѣ М. Н. Муравьѣвѣ:
1) М. Н. Муравьевъ губернаторомъ въ Курскѣ. С. Д. Слатинъ.....	279	XII. Записки Михаила Чайковскаго. В. В. Тимошукъ.	451—468
2) М. Н. Муравьевъ въ Вильнѣ. В. З.....	287	XIII. Архіепископъ Савриаль и графъ Д. Е. Остенъ-Санденъ въ письмахъ къ А. Г. Троицкому.....	469—475
3) Кн. А. А. Суворовъ и графъ Муравьевъ.....	293	XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Прѣдсѣтели пнп. Александра Пидепутатова С.-Петербургскаго дворянства. (стр. 278).— Письмо пнп. Паска (П. О. Клодрингу. 19 сент. 1788 г. (296).— Письмо гр. Веннгерсона къ ген. Торшасову. 17 (29) марта 1814. Сообщ. П. М. Майковъ. (384).— Офорія-деждамъ почетныхъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена. 31 дек. 1800 г.—(4) заѣвъ слова „отрадитъ“ словомъ „нарядитъ“. 26 июня 1830 г. (320).— Необходимая поправка. М. Михельсонъ. (476).— Стихи уаина-невилья. Сообщ. С. А. Пругавицъ. (477—480).	
IV. Между Славянофилами и Западиннами. Н. А. Мельгуновъ. Историко-литературной очеркъ. А. И. Кирвичниковъ.....	297—330	XV. Библиографическіе листокъ (на оберткѣ).	
V. Александръ Дмитріевичъ Боровиковъ и его автобиографическія записки. Сообщ. Н. А. Воронковъ.	331—362		
VI. Переписка В. А. Жуковскаго съ имп. Маріей Теодоровной и Г. И. Вилламовымъ. Сообщ. Евгеній Шумигорскій.....	363—366		
VII. Во время реформы императора Александра II. В. А. Шохвулевъ.....	367—383		
VIII. Императоръ Николай I и анадеминъ Парротъ. М. Мардарьевъ.....	385—396		
IX. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. А. Н. Поцовъ. Сообщ. П. В. Пуриковъ.	397—419		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Рис. Гр. М. Н. Муравьевъ въ рабочемъ набин. въ г. Вильнѣ Грав. И. Хельмицкія.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудн.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 страп. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 29.

1898.

XI-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1898 г.

Библиографическій листокъ.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригин. рисунк. П. К. Айвазовскаго, заставкамъ В. Я. Суреньяна, съ 2 отдѣльными большими группами армянь-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и со множествомъ портретовъ, видовъ, типовъ Закавказья, Турецкой Арменіи и пр. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. Москва 1898 г.

Совокупный трудъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, живо откликнувшихся на зовъ „Братской Помощи“,—увѣчался полнымъ успѣхомъ: 3,600 экз. перваго изданія разошлись въ 4 мѣсяца давъ, благодаря щедрости вносимъ на почетные экземпляры, чистаго дохода болѣе 21,000 руб. Нельзя не признать, что успѣхъ сборника немало способствовало въ высшей степени сочувственное отношеніе со стороны нашей печати, съ замѣчательнымъ единодушіемъ давшей о немъ самые лестные отзывы.

Если признать во всемъ наиблаготворительное настроеніе, при которомъ начиналось первое изданіе „Братской Помощи“, то сумма въ 21,000 руб. можетъ показаться довольно большою; но она кажется совершенно незначительною если сравнить ее съ суммами, собранными въ другихъ странахъ¹⁾, а главное—если сравнить съ тою необятною нуждою пострадавшихъ армянъ, которая требуетъ немедленной помощи. Число одинокъ круглыхъ сиротъ,—какъ видно изъ сообщенія армянскаго патріархата въ редакцію „Братской Помощи“ отъ 28 февраля 1898 г. —достигаетъ теперь 50,000 а патріархатъ могъ дать пристанище въ армянскихъ монастыряхъ только тысячъ малоютокъ. Въ одной только Байбуртской казѣ (убѣзѣ),—какъ явствуетъ изъ письма въ редакцію русскаго генеральнаго консула въ Эрзерумъ отъ 10 марта 1898 г.,—насчитывается тысяча сиротъ.

Приводимъ эти данныя,—завлечется въ предисловіи,—не затѣмъ чтобы у добрыхъ людей опускались въ бездѣли руки,— пусть каждый дѣлаетъ, что можетъ и долженъ, и будетъ правъ предъ совѣстью,—а затѣмъ чтобы указать фальшь застрѣній, будто армянскіе сироты и переселенцы нуждаются не болѣе другихъ... Нужно потерять всякую мѣру безпристрастія и справедливости, чтобы положеніе ограбленныхъ, лишенныхъ крова и кормильцевъ, физически и морально истерзанныхъ, турецкихъ армянъ, бѣжавшихъ съ семьями въ Россію отъ ножа убійцъ, наславшихъ своимъ же правительствомъ,—приравнивать къ обычнымъ нашимъ рабочимъ партиямъ и переселенцамъ, страдающимъ отъ безработицы и другихъ экономическихъ условий современной жизни.

¹⁾ Швейцарія напримѣръ въ одинъ годъ дала 1 милліонъ франковъ.

Разсвѣтливашее нами, второе, заново переработанное изданіе, съ одной стороны, значительно дополнено статьями двухъ категорій: одиѣ изъ нихъ, какъ напримѣръ статья В. А. Гольцштрема „Сила вѣры Христовой“, пастора В. Гельдерблома „Гоненія на христіанъ въ XIX столѣтіи“, д-ра Ленсиуса „Правда объ Арменіи: I. Сухія цифры. II. Пытка для кривыхъ церквей“⁴⁾ профессора графа Л. А. Камаровскаго объ армянскомъ вопросѣ, Влад. С. Соловьева и друг.,—даютъ новыя свидѣнія объ ураганѣ, пронесшемся надъ многострадальными армянами Турціи; другія же, какъ статьи профессора С. А. Бѣларова, „Изъ цикла армянскихъ народныхъ сказаній“ и „Черты быта армянскихъ крестьянъ“, проф. Д. П. Аулича „Армяне въ антропологическомъ и географическомъ отношеніи“, проф. В. И. Герье „Развитіе Россіи на Восходѣ“, К. Д. Кавелина „объ инородцахъ и инобродцахъ Россіи“, проф. П. И. Марр „Али, столица древней Арменіи“ и друг. касаются разныхъ сторонъ армяновѣдѣнія и знакомятъ съ бытомъ армянъ, древнихъ и нынѣшнихъ; кромѣ того добавлено много новыхъ рисунковъ, въ томъ числѣ даѣ большія группы армянъ-переселенцевъ. Съ другой стороны, въ виду множества новыхъ статей, въ этомъ изданіи сокращены нѣкоторые, несоразмѣрно большія статьи, помѣщенные въ первомъ изданіи, а нѣкоторые и совсѣмъ опущены.

Въ заключеніе нельзя не пожелать изданію самаго полного успѣха, какъ оно, несомнѣнно, заслуживаетъ какъ по дѣлу своей, богатству содержанія, такъ и по вѣнкости, которая не оставляетъ желать лучшаго.

Н. Н-шъ.

⁴⁾ Для иллюстраціи зверствъ надъ армянами приводимъ выдержку (стр. 145)... „Вотъ петроль и керосинъ! Власть выдала ихъ, чтобы поджигать дома и уничтожать жизненные припасы и жилища. Но, разумѣется, они не будутъ зрѣтиши, если изъ пет, оля и керосина будетъ сдѣлано болѣе полезное употребленіе. Посмотрите на этого человека: это фотографъ, по имени Мардиросъ. Какая у него большая борода! Сприсните-ка ее петролемъ и подожгите! Вложите христіанъ вмѣстѣ, поливайте ихъ керосиномъ и, пока они горятъ, бросайте въ эту кучу другихъ, чтобы они задохлись отъ ѣдкаго дыма! Какіе роскошные волосы у этой женщины! Посыпьте на нихъ порошкомъ,—у правительства хватить еще, пусть наорезетъ ей голову!“ Или еще: „Въ селеніи Гуссейника (въ Харнутакомъ вилайетѣ) 600 теловъ солдатъ (а гдѣ солдаты, тамъ и офицеры) собрали у себя въ лагерѣ приблизительно такое число армянскихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. По удовлетвореніи совершенно открыты всякимъ страстямъ, солдаты безжалостно перебили всѣхъ жертвъ своего сластолюбія“.

Россія и Германія въ XIX вѣкѣ.

XII ¹⁾.

Александръ III, Вильгельмъ I и Вильгельмъ II.

Императоръ Александръ III и его взглядъ на политику.—Циркулярная нота Н. К. Гирса, вступившаго мѣсто кн. Горчакова.—Свиданіе въ Данцигѣ императоровъ Александра III и Вильгельма I.—Враждебность русскаго общества къ Германіи.—Рѣчи М. Д. Скобелева.—М. Н. Катковъ.—Свиданіе Н. К. Гирса съ кн. Бисмаркомъ.—Болгарскій вопросъ.—Положеніе Россіи и Австріи.—Посредничество кн. Бисмарка.—Указъ объ иностранцахъ, приобрѣтшихъ земли въ Россіи.—Александръ III въ Берлинѣ.—Свиданіе его съ кн. Бисмаркомъ.—Усиленіе германской арміи.—Рѣчь императора Вильгельма I.—Союзный договоръ Австріи съ Германіею.—Кончина Вильгельма I.

Началь, вызванная въ Германіи кончиною императора Александра II, была искренна и глубока. Оплакивая этого благороднаго, гуманнаго монарха, нѣмецкое общество понимало, что оно потеряло въ немъ искренняго друга Вильгельма I-го и вѣроятно послѣдняго изъ русскихъ монарховъ, основывавшаго всю систему своей внѣшней политики на союзѣ съ Германіею. Восьмидесятилѣтній князь Горчаковъ жилъ не у дѣль въ Германіи, и Европа очутилась неожиданно лицомъ къ лицу съ новымъ монархомъ и съ его новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Рѣшимость измѣнить внѣшнюю политику Россіи, съ какою императоръ Александръ III вступилъ на престоль, ничѣмъ не проявилась

¹⁾ См. «Р. С.» октябрь, 1898 г.

въ первые дни его царствованія. Оба двора обмѣнялись изъявленіями скорби и дружескихъ чувствъ.

«Вы имѣете преданныхъ сосѣдей, вамъ это какъ нельзя лучше извѣстно», писалъ императоръ Вильгельмъ. Наслѣдный принцъ (Фридрихъ III) отправился въ Петербургъ присутствовать на похоронахъ Александра II въ качествѣ представителя своего отца. Принимая депутацію нѣмецкой колоніи, пріѣхавшей изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы привѣтствовать его, принцъ поручилъ ей передать своимъ соотечественникамъ, что «дружественныя отношенія, издавна существующія между обѣими державами, сдѣлались традиціонны; они будутъ существовать впредь, и дружескія чувства новаго поколѣнія будутъ такъ-же прочны какъ чувства, одушевлявшія ихъ предшественниковъ; они имѣютъ значеніе не только для сосѣднихъ имперій, но и для спокойствія всей Европы».

Первые офіціальныя шаги новаго правительства не противорѣчили этимъ увѣреніямъ и обѣщаніямъ. Г. Гирсъ, наслѣдовавшій князю Горчакову въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, ознаменовалъ начало новаго царствованія и свое собственное вступленіе въ управленіе министерствомъ циркуляромъ, въ которомъ преобладающею нотой являлись миролюбивыя увѣренія. Россія, говорилось въ этомъ циркулярѣ, достигнувъ полнаго развитія своихъ силъ, не чувствуетъ ни зависти, ни недовольства, она думаетъ только объ упроченіи своего могущества и о защитѣ своихъ границъ. Внѣшняя политика императора будетъ вполнѣ миролюбива. Россія будетъ вѣрна своимъ друзьямъ; она сохранитъ неизмѣнно свои симпатіи, освященныя традиціями, и отвѣтитъ взаимностью на дружелюбное отношеніе прочихъ державъ; она будетъ заботиться о соблюденіи политическаго равновѣсія и совмѣстно съ прочими правительствами явится блюстительницею всеобщаго мира, основаннаго на уваженіи закона и на соблюденіи трактатовъ.

Перемѣна во внѣшней политикѣ императора Александра III совершилась не столь поспѣшно, какъ опасались въ Германіи и какъ повидному ожидала славянофильская партія. Императоръ, человекъ характера спокойнаго, дѣйствовавшій всегда обдуманно, очевидно хотѣлъ сначала ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и дать своимъ мѣропріятіямъ время созрѣть. Къ тому же, печальныя событія, омрачившія конецъ предыдущаго царствованія, слишкомъ озабочивали императора, чтобы онъ могъ, черезчуръ поспѣшно измѣнить свою внѣшнюю политику.

Разумѣется царь не позабылъ, что его ближайшіе сосѣди заключили договоръ, коимъ они выказали недовѣріе по отношенію къ Россіи; од-

нако, не питая со своей стороны никакихъ завоевательныхъ плановъ, онъ желалъ сохранить свое мѣсто среди трехъ императоровъ.

Когда окончился срокъ глубокаго траура, Александръ III приказалъ объявить берлинскому кабинету о своемъ желаніи видѣться съ императоромъ Вильгельмомъ, который собирался въ это время на маневры въ Восточную Пруссію. Мѣстомъ свиданія былъ избранъ Данцигъ. Это было первое заграничное путешествіе Александра III по вступленіи на престолъ. Съ той и съ другой стороны свиданію былъ приданъ высокаторжественный характеръ. Русскаго царя сопровождали два брата, министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ и многія высокопоставленные лица. Императора Вильгельма окружали наслѣдный принцъ, великій герцогъ Мекленбургскій, князь Бисмаркъ и чины русскаго посольства въ Берлинѣ. Въ тѣ немногіе часы, которые продолжалось посѣщеніе царя, между монархами и въ особенности между царемъ и германскимъ канцлеромъ происходили продолжительныя бесѣды, коими обѣ стороны, какъ было заявлено официально, вполне остались довольны. «Результатомъ свиданія, какъ говорилъ правительственный органъ Бисмарка, было согласіе, установившееся между императорами и ихъ министрами относительно необходимости не измѣнять миролюбивыхъ традицій, которыя оказывали неоднократно свое благотѣльное вліяніе. Императоръ австрійскій, не участвовавшій въ этомъ свиданіи, присутствовалъ на немъ мысленно. Сердечное согласіе между тремя имперіями, охранявшее европейскій миръ въ теченіе десяти лѣтъ, будетъ существовать веварушимо попрежнему».

Подобныя же мысли высказалъ и Гирсъ въ циркулярной депешѣ, разосланной имъ изъ Данцига русскимъ дипломатическимъ агентамъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, императоръ Александръ III послалъ телеграмму австрійскому императору, высказавъ ему удовольствіе, доставленное ему свиданіемъ съ императоромъ Вильгельмомъ, «этимъ достоуважаемымъ другомъ, съ коимъ насъ соединяютъ узы взаимнаго дружескаго расположенія». Съ другой стороны, австрійскій посланникъ въ Берлинѣ увѣдомлялъ своего монарха, что императоръ Александръ и г. Гирсъ остались какъ нельзя болѣе довольны бесѣдою съ княземъ Бисмаркомъ, который питаетъ во всѣхъ отношеніяхъ самыя миролюбивыя намѣренія; они могли убѣдиться, что въ сферѣ внѣшней политики не существуетъ ни малѣйшаго тревожнаго симптома. Наконецъ самъ императоръ Вильгельмъ, въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, упомянувъ о свиданіи въ Данцигѣ, заявилъ, что дружескія отношенія, существующія съ двумя сосѣдними государствами, служатъ гарантіей мира, который составляетъ главную цѣль политики трехъ монарховъ.

Однако всѣ эти увѣренія, коими ознаменовались личныя и офи-

ціальныя отношенія монарховъ, далеко не соответствовали чувствамъ русскаго общества. Газеты, за исключеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», не придавали этимъ дружескимъ и миролюбивымъ манифестациямъ никакого значенія, а генераль Скобелевъ произносилъ въ Москвѣ, въ Парижѣ и Варшавѣ враждебныя рѣчи по отношенію къ Германіи и Австро-Венгріи. Русскіе патриоты не могли помириться съ неудачнымъ исходомъ кампаніи 1877 г. и тѣмъ болѣе не могли питать дружескихъ чувствъ къ Германской имперіи, преданной союзницѣ Австріи, стоявшей Россіи на пути къ Константинополю. Такое настроеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи весьма естественно имѣло послѣдствіемъ еще болѣе тѣсное сближеніе Германіи съ Австро-Венгрією. Въ исходѣ 1882 г. эти правительства возобновили на шесть лѣтъ договоръ 1879 г., коему срокъ истекалъ въ 1884 г.

Между тѣмъ въ Петербургѣ все еще не отказывались отъ дружественной политики къ сосѣднимъ державамъ. Г. Гирсу повелѣно было посѣтить Римскій и Вѣнскій дворы и имѣть въ Варцинѣ совѣщаніе съ княземъ Бисмаркомъ. Катковъ восхвалялъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» эти миролюбивыя попытки русскаго правительства, обвиняя князя Горчакова во всѣхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ послѣ Берлинскаго конгресса; онъ превозносилъ союзъ съ Германіей, говоря что «интересы обоихъ государствъ соприкасаются, но никогда не сталкиваются», и обвинялъ прочія газеты въ томъ, что онѣ подстрекали къ войнѣ съ Германіей, радѣя о польскихъ и французскихъ интересахъ, и говорилъ что онѣ инспирированы княземъ Горчаковымъ.

Поѣздка г. Гирса увѣичалась самыми благоприятными результатами въ интересахъ охраненія мира; онъ былъ особенно доволенъ бесѣдою съ княземъ Бисмаркомъ. Согласіе трехъ императоровъ не нарушалось въ томъ смыслѣ, что всѣ они выражали намѣреніе поддерживать существующій *statu quo*. Обмѣнъ визитовъ и миролюбивыхъ увѣреній продолжался и въ послѣдующіе годы.

Россія не была подготовлена къ тому, чтобы поднять Восточный вопросъ съ надеждою на благоприятное его рѣшеніе. Она вела переговоры въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ надеждѣ заинтересовать ту или другую изъ этихъ державъ въ своихъ планахъ относительно Балканскаго полуострова.

Поѣздка г. Гирса за границу въ 1883 и 1884 г.г., его свиданія съ министрами, руководившими иностранной политикою западныхъ кабинетовъ, имѣли цѣлью главнымъ образомъ поддержать, до поры до времени, союзъ трехъ императоровъ, если съ ними нельзя было заключить отдѣльнаго соглашенія.

Царь письменно еще разъ увѣрилъ императора Вильгельма въ своей твердой рѣшимости поддерживать миръ. Между тѣмъ Германія и Австрія

возобновили, какъ мы сказали, договоръ 1879 года; къ нему присоеди-
нилась Италия, обративъ, такимъ образомъ, союзъ двухъ державъ въ
тройственный союзъ. Возможно ли, чтобы эта новая комбинація не нару-
шила тройственного союза сѣверныхъ державъ? Какое значеніе могли
имѣть послѣ этого многочисленныя увѣренія въ дружбѣ, на которыя не
скупались бывшіе союзники?

Въ 1884 году Александръ III назначилъ посланникомъ въ Берлинъ
князя Орлова, личнаго друга князя Бисмарка. Въ томъ же году въ
газетахъ появились извѣстія о частыхъ случаяхъ братанья русскихъ и
нѣмецкихъ офицеровъ на границѣ обѣихъ государствъ. Въ рѣчи, провоз-
несенной императоромъ Вильгельмомъ въ рейхстагъ, снова превозноси-
лись благодаренія, доставляемые «наслѣдственной дружбой» трехъ импе-
рій. Монархи подтвердили эти слова, съѣхавшись на свиданіе въ Скер-
невицкій замокъ, близъ Варшавы. Правительственные органы отмѣтили,
что миръ обезпеченъ болѣе чѣмъ когда-либо. Въ началѣ слѣдующаго
года прусское правительство оказало любезность царю, подписавъ дого-
воръ о выдачѣ политическихъ преступниковъ.

Въ столкновении, возникшемъ въ это время между Англіей и Рос-
сіей въ Центральной Азій, берлинскій кабинетъ открыто принялъ сто-
рону послѣдней. Въ своемъ официальномъ органѣ онъ поздравилъ сул-
тана съ тѣмъ, что тотъ не допустилъ англичанъ въ Дарданеллы и тѣмъ
охранилъ Россію отъ нападенія на Черномъ морѣ.

Германскій и русскій министры иностранныхъ дѣлъ имѣли въ корот-
кое время свиданія въ Фридрихсруэ, Франценсбадѣ и Берлинѣ. Гирсъ
совѣщался съ Бисмаркомъ, но съ другой стороны Бисмаркъ совѣщался
съ министрами новыхъ союзницъ Германіи, Австріи и Итали и даже
съ самимъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ, посѣтившимъ императора
Вильгельма въ Гастейнѣ. Россія не участвовала въ этихъ совѣщаніяхъ,
на которыхъ обсуждался животрепещущій вопросъ о Болгаріи, сдѣлав-
шейся вскорѣ истиннымъ камнемъ преткновенія между членами Свя-
щеннаго союза. Ходъ событій въ этой странѣ не согласовался съ ви-
дами русской политики: князь Александръ Баттенбергскій, родственникъ
императора Александра, повидимому былъ одушевленъ въ началѣ са-
мыми лучшими намѣреніями, но ему создали затруднительное положе-
ніе, давъ его странѣ конституцію по образцу западно-европейскихъ,
соблюденіе которой встрѣтило въ скоромъ времени серьезныя препят-
ствія въ возгорѣвшейся ожесточенной борьбѣ партій. Князь, съ согла-
сія русскихъ комиссаровъ, приостановилъ въ 1881 году временно дѣй-
ствіе конституціи, учредавъ нѣкотораго рода диктатуру; но по проше-
ствіи двухъ лѣтъ онъ былъ вынужденъ возобновить ее—этотъ разъ про-
тивъ воли Россіи. Положеніе становилось все болѣе и болѣе запутан-
нымъ и усложнилось въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1885 года возстаніемъ бол-

гарь въ Восточной Румелии, заявившихъ о своемъ желаніи присоединиться къ княжеству. Собственно говоря, это было бы осуществленіемъ Санъ-Стефанскаго договора, поэтому можно было ожидать, что Россія не будетъ противъ этого. Но случилось иначе. Русское правительство, видѣвшее съ неудовольствіемъ всѣ дѣйствія болгарскаго правительства, не было расположено поддерживать его въ вопросѣ о присоединеніи Восточной Румелии; къ тому же оно подозрѣвало, что смѣлое предпріятіе румелійцевъ не обошлось безъ участія Англіи, и предвидѣло, что его вліянію грозитъ опасность въ Болгаріи, слишкомъ скоро позабывшей долгъ признательности по отношенію къ своему освободителю. Порта отказывалась вмѣшаться въ это дѣло силою оружія: да и стоило ли ей проливать кровь и тратить деньги для того, чтобы образумить подвластную ей нѣкогда провинцію, которую державы не согласились бы вновь подчинить ей власти? Такъ какъ Англія и Австрія были противъ вмѣшательства Россіи и ни одна изъ прочихъ державъ не захотѣла вмѣшаться въ это дѣло, то болгары остались хозяевами положенія.

Князю Александру посчастливилось упрочить свою военную славу, одержавъ побѣду надъ Сербіей, когда сербскій король, пользуясь смутнымъ положеніемъ, вздумалъ овладѣть нѣкоторой частью Болгаріи.

Порта согласилась наконецъ на компромиссъ, въ силу котораго главное управленіе Восточной Румеліей было ввѣрено князю Александру. Этотъ договоръ былъ утвержденъ державами съ поправкою, на которой настаивала Россія, а именно, что эта уступка дѣлается не князю Александру лично, но князю, правящему Болгаріей. Петербургскій кабинетъ, какъ видно, хотѣлъ принять извѣстныя мѣры на случай перемѣны правителя въ Софіи. Его предположенія вскорѣ оправдались.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1886 года въ Болгаріи составился заговоръ противъ князя, который былъ схваченъ заговорщиками ночью и препровожденъ на русскую территорію, откуда онъ отправился въ Австрію. Контръ-революція, встрѣтившая поддержку со стороны населенія Софіи, возвратила престолъ князю, но онъ удержался на немъ только нѣсколько недѣль. Не имѣя поддержки въ Россіи, такъ какъ Александръ III отвѣчалъ на его просьбу о помощи, что болѣе продолжительное пребываніе князя въ Болгаріи будетъ пагубно для страны, онъ сложилъ съ себя власть и уѣхалъ изъ княжества. Въ Болгаріи учредилось временное правительство. Въ это время туда былъ посланъ русскимъ комиссаромъ генераль Каульбарсъ, которому было поручено установить надъ этой страной протекторатъ Россіи, но это ему не удалось. Отношенія между освободителемъ и освобожденными обострились. Болгарское правительство послало своихъ уполномоченныхъ во всѣ столицы Европы: ему совѣтовали вездѣ придти къ соглашенію съ Россіей. Императоръ Александръ отклонилъ всѣ попытки къ сближенію.

Послѣ долгихъ поисковъ кандидата на вакантный престолъ, болгарское народное собраніе избрало, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1887 года, принца Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго. Это избраніе, противъ котораго не возражалъ султанъ и большинство державъ, не было признано Россіей, которая объявила его несогласнымъ съ условіями Берлинскаго договора. Принцъ Фердинандъ, принявъ престолъ въ надеждѣ, что его избраніе будетъ одобрено Россіей, ошибся въ расчетѣ.

Намъ пришлось нѣсколько забѣжать впередъ и передать вкратцѣ тѣ перипетіи, чрезъ которыя прошелъ болгарскій вопросъ съ 1881 года до возведенія на престолъ принца Фердинанда Кобургскаго, для того, чтобы тѣ раздоры, которые были порождены этимъ вопросомъ въ отношеніяхъ Германіи и Россіи, могли быть понятнѣе.

Политика берлинскаго кабинета и политика князя Бисмарка въ частности были поставлены болгарскими смутами въ крайне щекотливое и затруднительное положеніе, въ особенности когда эти смуты приобрѣли серьезное значеніе послѣ Филиппопольскаго переворота 18-го сентября 1885 года. Интересы Россіи и Австро-Венгріи въ болгарскомъ вопросѣ были диаметрально противоположны. Россія, слѣдуя политическимъ традиціямъ Екатерины Великой, хотѣла подчинить своему вліянію христіанскія государства Балканскаго полуострова и чрезъ нихъ установить его на берегахъ Босфора. Съ этой цѣлью, въ цѣломъ рядѣ войнъ, она жертвовала своими деньгами и кровью своихъ подданныхъ и у нея оспаривали плоды принесенныхъ жертвъ, когда она считала себя почти уцѣли. Съ другой стороны, Австро-Венгерская монархія сознавала, что ея спокойствіе будетъ нарушено, ежели она допуститъ образованіе у своей южной границы новыхъ государствъ, освобожденныхъ изъ-подъ ига Турціи только для того, чтобы перейти въ зависимость могущественной славянской монархіи. Съ этой точки зрѣнія интересы Австріи требовали, чтобы вновь образовавшіяся балканскія государства были включены въ сферу вліянія Австро-Венгерской монархіи или, по крайней мѣрѣ, чтобы было устранено преобладающее на нихъ вліяніе Россіи. Дилемма была такова: эти государства были нужны Россіи какъ этапы на пути къ Босфору. Австрія же хотѣла создать изъ нихъ оплотъ противъ завоевательныхъ замысловъ Россіи.

Князю Бисмарку приходилось лавировать между этими противоположными интересами. Озабоченный желаніемъ не допустить союза Россіи съ Франціей, онъ долженъ былъ всячески щадить Россію. Съ другой стороны, союзный договоръ 1879 года налагалъ на Германію извѣстные обязательства по отношенію къ Австро-Венгріи. Обѣ державы обязались взаимно оказывать другъ другу поддержку, если бы которая-либо изъ нихъ подверглась нападенію со стороны Россіи. Это обязательство, относившееся, разумѣется, прежде всего къ случаю прямого нападенія

на ихъ территорію, могло быть распространено и на тотъ случай, если бы Австрія пришлось воспротивиться вмѣшательству Россіи въ дѣла государствъ, лежащихъ къ югу отъ Дуная или отъ Балканъ. Князь Бисмаркъ все еще льстил себя надеждою, что ему удастся разрѣшить эту дилемму, склонивъ соперничающія державы подѣлить между собою сферу вліянія или даже протекторатъ надъ государствами Балканскаго полуострова. Онъ не считалъ Германію лично заинтересованною въ этихъ вопросахъ и даже въ вопросѣ о Дарданельскомъ проливѣ; по его мнѣнію, лучшимъ рѣшеніемъ вопроса было бы предоставить Россіи восточную часть, а Австро-Венгріи западную часть полуострова. Этотъ способъ не нравился правительственнымъ лицамъ вѣнскаго кабинета, такъ какъ онъ повелъ бы къ расширенію нравственнаго вліянія Россіи на Румынію и Болгарію—передовыя стражи на пути къ Константинополю. Австрія заявляла, что она не добивается нигдѣ преобладающаго вліянія, но не можетъ допустить такового и со стороны Россіи; государствамъ Балканскаго полуострова надобно предоставить устраиваться и жить независимо; это не помѣшаетъ Россіи пріобрѣсти тамъ симпатіи и даже вліяніе, но безъ законнаго на то права. Таковъ былъ рядъ идей и аргументовъ, на которыхъ вертѣлись всѣ переговоры, не приводя къ желаемому германскимъ канцлеромъ результату.

Стараясь согласовать противоположныя и почти непримиримыя интересы, его политика приняла двусмысленный и колеблящійся характеръ, который озлоблялъ русскихъ, не удовлетворяя австрійцевъ. Канцлеръ подвергался нападкамъ обѣихъ державъ и своихъ собственныхъ соотечественниковъ.

Общественное мнѣніе Германіи смотрѣло на этотъ вопросъ такъ же какъ Австрія; оно было возмущено тѣмъ, что канцлеръ относился такъ равнодушно къ успѣхамъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, и находило, что Германіи угрожала опасность точно также какъ Австріи и что она должна была помочь ей. Чувства, обнаруженныя прессой и рейхстагомъ передъ войною 1877 г. и во время ея, вспыхнули съ новою силою въ эпоху смутъ, потрясавшихъ Болгарію. Общественное мнѣніе Германіи было послѣдовательно на сторонѣ князя Александра и принца Фердинанда, признанныхъ Австріей и отвергнутыхъ Россіей; оно было возмущено тѣмъ, что Бисмаркъ охладѣвалъ къ нимъ по мѣрѣ того, какъ они впадали въ немилость у Россіи. Оппозиционные органы помѣщали самыя рѣзкія статьи противъ Россіи и противъ канцлера, который поддерживалъ ее; его упрекали въ томъ, что онъ позволяетъ Россіи преслѣдовать свои виды на Константинополь, и намекали даже, что Германіи слѣдуетъ помѣшать тому силою оружія. Въ рейхстагъ, въ январскую сессію 1887 г., канцлеръ энергично возсталъ противъ этихъ наускиваній къ войнѣ съ Россіей. Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ также энергично воору-

жился противъ католиковъ и либераловъ, которые дѣйствовали сообща, одушевляемые ненавистью къ Россіи. Это случилось при обсужденіи проекта закона объ увеличеніи подвижнаго состава германской арміи въ мирное время. Указывая на опасность, могущую угрожать Германской имперіи со стороны Франціи, онъ восхвалялъ преимущества дружескаго согласія съ Россіей, которая не угрожала Германіи ни въ какомъ отношеніи. Германія, въ свою очередь, не думала нападать на Россію. «Что могло бы побудить насъ задирать русскихъ?» спрашивалъ канцлеръ. Онъ не вѣрилъ въ возможность коалиціи Россіи и Франціи противъ Германіи, и если бы императоръ Александръ III питалъ враждебныя намѣренія, то онъ первый предупредилъ бы о томъ германское правительство. Бисмаркъ обвинялъ газеты, желавшія посорить Германію съ Россіей изъ-за болгаръ. «Весь этотъ Восточный вопросъ не составляетъ для насъ вопроса о войнѣ, говорилъ онъ; мы предпочитаемъ дружбу Россіи расположенію болгаръ и тѣхъ друзей, коихъ они имѣютъ у насъ. Для германскаго кабинета вся затруднительность положенія заключается въ томъ, чтобы не допустить столкновенія между Россіей и Австріей. Мы рискуемъ, что въ Австріи и Венгріи насъ обвинятъ въ приверженности къ Россіи, тогда какъ русскіе называютъ насъ австрійцами. Германское правительство не можетъ подчинить свою политику безусловно политикѣ Австріи и Россіи; каждой странѣ приходится охранять и защищать свои собственные интересы. Австрія видѣе, какіе интересы ей надлежитъ преслѣдовать въ Константинополѣ; у Германіи тамъ нѣтъ интересовъ и потому она не будетъ воевать съ Россіей».

Эти пылкія рѣчи не удовлетворяли русскую публику. Въ Германіи оппозиція требовала, чтобы Бисмаркъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Австріей противъ Россіи, а русскіе заявляли, что всѣ доброжелательныя рѣчи германскаго канцлера ни мало не трогаютъ ихъ, что желая быть признаннымъ другомъ, надобно поступать такъ какъ поступаютъ друзья, т. е. поддерживать претензіи Россіи противъ Австріи.

Въ теченіе всего лѣта 1887 г. петербургскія и московскія газеты въ отзывѣхъ о Германіи и ея канцлерѣ соперничали въ рѣзкости тона съ нѣмецкой прессой. Они обвиняли Германію въ неблагодарности, говорили, что князь Бисмаркъ предалъ Россію, позволивъ на Берлинскомъ конгрессѣ отнять у Россіи всѣ плоды ея побѣдоносной войны. Главный пунктъ, на который они ссылались, въ подтвержденіе справедливости своихъ жалобъ, касался Босніи и Герцеговины, турецкихъ провинцій, которыя при содѣйствіи канцлера были переданы Австріи, въ то время какъ онъ заставилъ Россію вывести ея войска изъ Болгаріи. Эта полемика, начатая русской прессой, нашла отголосокъ въ офиціозной прессѣ Берлина, Буда-Пешта и Вѣны и подала поводъ къ любопытнымъ разоблаченіямъ. Князь Бисмаркъ велѣлъ своему органу напечатать, что

передъ началомъ кампаніи 1877 г. князь Горчаковъ завелъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ частные переговоры, безъ вѣдома германскаго правительства, относительно Босніи и Герцеговины. Въ силу этихъ переговоровъ, начатыхъ лѣтомъ 1876 г. во время свиданія русскаго и австрійскаго императоровъ въ Рейхштадтѣ и завершившихся въ Вѣнѣ конвенціей, заключенной 15 января 1877 г., Австро-Венгрии было предоставлено право занять эти провинціи, съ условіемъ, что она не будетъ препятствовать военнымъ дѣйствіямъ Россіи съ Турціей.

Эти разоблаченія дали новую пищу народнымъ страстямъ, давно уже возбужденнымъ противъ нѣмцевъ и союза съ ними. Но Бисмаркъ снова старался успокоить русскихъ и избѣжать съ ними разрыва.

Въ то время, когда русскіе обвиняли канцлера въ вѣроломствѣ, нѣмецкія газеты нападали на него за то, что онъ желалъ снискать милость Россіи. Это обвиненіе было вызвано тѣмъ, что его официальные органы осуждали безчестность болгарскихъ правителей по отношенію къ ихъ освободителямъ, воздавая должное одинаково эксъ-князю Александру и принцу Кобургскому; Бисмаркъ осуждалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ «орлеанистско-кобургскую затѣю». Принцъ Кобургскій, по словамъ органа князя Бисмарка, болѣе своего предшественника нарушилъ договоры, которые германское правительство твердо рѣшило заставить уважать.

Полемика нѣмецкихъ журналовъ приняла вскорѣ другое направленіе, не менѣе опасное для поддержанія мира между обоими государствами. Русское правительство, подъ вліяніемъ славянофильской и національной партіи, издало въ маѣ мѣсяцѣ законъ, коимъ иностранцамъ воспрещалось приобрѣтать недвижимыя имущества въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ; лица, владѣвшія таковыми, обязывались продать ихъ въ теченіе трехлѣтняго срока. Этотъ указъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ прусскихъ подданныхъ, владѣвшихъ многочисленными помѣстьями въ этомъ краѣ. Нѣмецкія газеты воспользовались этимъ случаемъ и потребовали у правительства, чтобы оно отплатило Россіи тѣмъ же. Надобно потребовать, говорили они, чтобы публика не помѣщала капиталовъ въ русскія цѣнности и чтобы нѣмецкій рынокъ былъ закрытъ для русскихъ займовъ. Эти увѣщанія возымѣли свое дѣйствіе. Началась слѣпшая продажа русскихъ бумагъ; биржевая цѣна на эти фонды сильно упала. Настоящій смыслъ этой враждебной демонстраціи заключался въ томъ, что она была видимо вызвана самимъ канцлеромъ, официальный органъ котораго дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ особымъ рвеніемъ. Безъ того натянутое положеніе между кабинетами обострилось еще болѣе.

Въ это самое время нѣмецкая пресса усиленно обсуждала вопросъ о предполагавшемся приѣздѣ въ Берлинъ русскаго императора. Офи-

ціозная пресса утверждала, что его прїѣздъ не будетъ имѣть никакого вліянія на политическія отношенія державъ.

Раздраженіе канцлера выразилось вскорѣ еще болѣе рѣзкимъ образомъ. 10 ноября н. ст. въ официальномъ органѣ было помѣщено извѣщеніе имперскаго банка, что онъ не принимаетъ болѣе русскихъ цѣнностей въ погашеніе русскихъ займовъ. Подобная мѣра не могла быть принята безъ согласія Бисмарка, стоявшаго во главѣ этого учрежденія. Это произошло за недѣлю до прїѣзда царя, прибывшаго въ Берлинъ 18 ноября н. ст. Несмотря на недавнія увѣренія, этому простому акту вѣжливости по отношенію къ маститому императору было придано значеніе политическаго событія. Князю Бисмарку, отсутствовавшему изъ Берлина, было приказано вернуться въ столицу. При берлинскомъ дворѣ настроеніе было не праздничное. Наслѣдный принцъ (Фридрихъ III) былъ при смерти въ Сень-Ремо, въ Италіи; императоръ Вильгельмъ, удрученный грозившею катастрофою и лѣтами, былъ серьезно боленъ. Приемъ, оказанный царю и его семейству, былъ дружественный, но запечатлѣнъ грустью. Послѣ обѣда, Александръ III, по просьбѣ канцлера, имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду, во время которой были затронуты вопросы первостепенной важности.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ князь Бисмаркъ былъ извѣщенъ, что царемъ получены документы, свидѣтельствующіе о неискренности берлинскаго кабинета въ болгарскомъ вопросѣ; изъ нихъ будто бы явствовало, что, заявляя официально о полномъ согласіи во взглядахъ съ русской политикою, онъ поддерживалъ втайнѣ принца Кобургскаго. Эти документы, предъявленные канцлеру были объявлены имъ подложными и ихъ подложность была имъ доказана. Онъ увѣрялъ царя, что его ввели въ заблужденіе интриганы, славянофилы и извѣстная прусская партія, распространявшая слухъ, что канцлеръ находится въ разногласіи съ императоромъ Вильгельмомъ и дѣйствуетъ въ свою голову. Упомянувъ въ разговорѣ о тройственномъ союзѣ, Бисмаркъ заявилъ, что этотъ союзъ исключаетъ всякую мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ со стороны союзниковъ. Когда царь со своей стороны протестовалъ противъ какихъ либо враждебныхъ замысловъ по отношенію къ Германіи, то канцлеръ признался, что Германія, по смыслу договора, заключеннаго съ Австріей, обязана, въ случаѣ нападенія на Австро-Венгрію, придти ей на помощь. Александръ III заявилъ, что Россія не думаетъ напасть и на эту державу, если она сама не подастъ къ тому повода какимъ либо вызывающимъ поступкомъ. Изъ этой бесѣды императоръ Александръ вынесъ можетъ быть убѣжденіе, что канцлеръ былъ искрененъ въ своихъ объясненіяхъ относительно подложности документовъ; но Бисмаркъ самъ сознался ему въ существованіи обязательствъ, связывавшихъ Германію и Австрію, которыя могли вовлечь первую, при из-

вѣстныхъ обстоятельствахъ, въ войну съ Россіей. Кромѣ того, канцлеръ могъ обѣщать этотъ разъ только нейтралитетъ въ болгарскомъ вопросѣ, что имѣло значеніе лишь по отношенію дѣйствій Россіи противъ принца Кобургскаго.

Самолюбіе канцлера во время этого свиданія было польщено, и онъ испыталъ нравственное удовлетвореніе. Царь заявилъ ему, что онъ не питаетъ болѣе никакихъ сомнѣній относительно корректности его поведенія, и похвалилъ канцлера, выразивъ опасеніе, что его преемникъ можетъ быть не будетъ питать столь дружественныхъ чувствъ къ Россіи. На это замѣчаніе канцлеръ поспѣшилъ отвѣтить довольно смѣлымъ заявленіемъ, что онъ до конца жизни останется канцлеромъ Германской имперіи.

Несмотря на всѣ эти заявленія, увѣренность царя въ дружелюбномъ отношеніи Германіи была поколеблена, вѣроятно, безъ возврата; его логичный здравый смыслъ не допускалъ мысли, чтобы держава, стоявшая во главѣ тройственнаго союза могла поддерживать насущные интересы Россіи. Его собесѣдникъ также не могъ заблуждаться насчетъ тѣхъ чувствъ, съ коими царь уѣхалъ изъ Берлина.

Оба они пришли къ заключенію, что русскія и германскія газеты, своими необдуманнми нападками и своимъ рѣзкимъ тономъ, много способствовали озлобленію публики, въ которой они посеяли тревогу. Русскія газеты, точасъ послѣ берлинскаго свиданія, возобновили свои нападки противъ германскаго канцлера. Если царь, какъ утверждалъ Бисмаркъ впоследствии, заявилъ, что онъ довѣряетъ ему, то его подданные не раздѣляли этихъ чувствъ. Русскій народъ знаетъ, говорили газеты, что маститый германскій императоръ готовъ исполнить всѣ свои обязанности въ качествѣ родственника и друга царя, но онъ не вѣритъ въ дружбу канцлера и въ возможность для него вернуться въ политикѣ на иной путь; онъ никогда не дѣйствовалъ искренно въ болгарскомъ вопросѣ, вся его политика отмѣчена враждебнымъ отношеніемъ къ Россіи: доказательствомъ этого служить возобновеніе тройственнаго союза и мѣры, принятыя имъ противъ русскихъ фондовъ. Словомъ, говорили газеты, онъ ведетъ свою собственную политику, не согласную съ видами его монарха.

Открытіе сессіи рейхстага, состоявшееся нѣсколько дней спустя послѣ посѣщенія царя, показало, что Бисмаркъ находилъ болѣе необходимымъ считаться съ враждебнымъ ему общественнымъ мнѣніемъ Россіи, нежели съ успокоительными увѣреніями миролюбиваго царя. Въ предъидущую сессію, рейхстагъ вотировалъ увеличеніе наличнаго состава арміи; этотъ разъ Бисмаркъ предложилъ ему проектъ увеличенія всѣхъ резервныхъ частей. Въ заключительныхъ словахъ рѣчи, произнесенной при открытіи рейхстага, были упомянуты причины, вызвавшія это

предложеніе. Германія не желаетъ и не можетъ вести оборонительной войны съ сосѣдями, говорилось въ императорскомъ посланіи, «но мы достаточны сильны, чтобы отразить нападеніе и отстоять свою независимость и съ Божьей помощью хотимъ быть настолько сильны, чтобы встрѣтить спокойно всякую опасность». Этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, не было, какъ увѣряли русскія газеты, обычной двойственности въ германскомъ правительствѣ. Германскій императоръ, принимая членовъ рейхстага, подтвердилъ имъ то же самое, что было заявлено офіціально въ императорскомъ посланіи.

— Я сожалѣю, сказалъ онъ, что не могъ открыть сессію лично; мнѣ очень хотѣлось самому произнести заключительныя слова рѣчи. Мнѣ хотѣлось сказать вамъ лично, продолжалъ императоръ, возвышая голосъ, что я желаю мира, но что я вооруженъ для обороны.

Къ кому были обращены эти слова? Это выяснилось вскорѣ въ томъ впечатлѣніи, какое эта рѣчь произвела въ Россіи. Нѣмецкія газеты обратили вниманіе на то обстоятельство, что на австрійской границѣ Галиціи началось послѣпное передвиженіе русскихъ войскъ. Согласно приводимымъ ими цифрамъ, силы русскихъ превосходили вдвое силы австрійцевъ на той же границѣ. Это извѣстіе, само собою разумѣется, перепечатанное австрійскими газетами, вызвало оживленный обмѣнъ мыслей въ русскихъ и нѣмецкихъ военныхъ журналахъ. Въ Петербургѣ эту мобилизацію войскъ, совершенную въ мирное время объясняли недостаточностью желѣзнодорожной сѣти, которая заставляла Россію заблаговременно принять мѣры противъ возможности нападенія со стороны Германіи и Австріи. Такъ какъ тройственный союзъ значительно увеличилъ свои боевыя силы, то, сказано было въ «Русскомъ Инвалидѣ», и Россія имѣетъ право дѣйствовать въ томъ же смыслѣ «въ виду своей защиты и охраны своей территоріи и чести». Прусскій военный журналъ, возражая на это, доказывалъ, что въ пограничныхъ крѣпостяхъ, прусскія силы несравненно менѣе значительны, нежели силы Россіи на одинаковой поверхности территоріи.

Пререканія, возникшія между военными, предвѣщали оборотъ, который примутъ пренія рейхстага. У парламента требовали увеличенія резервовъ и чрезвычайнаго кредита въ 280 милліоновъ марокъ. Преніямъ предшествовало обнародованіе весьма важныхъ документовъ. 31-го декабря 1887 г. офіціальный органъ германскаго правительства, возвращаясь къ вопросу о подложныхъ документахъ въ болгарскомъ вопросѣ, заявилъ, что произведенное по этому поводу дознаніе обнаружало, что документы были сочинены съ цѣлью заставить заподозрѣть искренность германской политики и придать ей характеръ двоедушія.

Германское правительство съ самаго начала считало предпріятіе принца Кобургскаго не совмѣстнымъ съ трактатами, говорилось въ офи-

ціальномъ органѣ, и въ этомъ смыслѣ постоянно отзывалось о немъ всѣмъ кабинетамъ и въ особенности русскому правительству.

Эта замѣтка не произвела въ Россіи того дѣйствія, на какое рассчитывали въ Берлинѣ. Ни передвиженіе войскъ, ни вооруженіе не были пріостановлены; не прекратились и нападкн русской прессы. Тогда въ первыхъ числахъ февраля (н. ст.) 1888 года въ официальныхъ органахъ Берлина, Вѣны и Буда-Пешта, появилось въ одинъ и тотъ же день весьма важное сообщеніе, а именно: былъ обнародованъ текстъ союзнаго договора, заключеннаго въ 1879 г. между Германіей и Австро-Венгріей, о которомъ было упомянуто выше. Оба правительства заявили, что обнародованіе этого документа имѣло цѣлью прекратить ложные слухи, распространяемые газетами, и показать, что заключенный договоръ имѣлъ исключительно оборонительную цѣль. Впрочемъ, оба кабинета, наканунѣ обнародованія этого документа, предупредили о томъ русскаго императора, хотя это обнародованіе, собственно говоря, не открывало ему ничего такого, что не было бы ему заранѣе извѣстно, такъ какъ императоръ Александръ II былъ предъувѣдомленъ объ этомъ актѣ императоромъ Вильгельмомъ, а самъ императоръ Александръ III былъ предупрежденъ о томъ же Бисмаркомъ при посѣщеніи имъ Берлина.

Впечатлѣніе, произведенное обнародованіемъ этого акта въ Россіи и въ Германіи, было далеко не успокоительное. И тамъ и тутъ оно было принято какъ предостереженіе по адресу Россіи. Русскіе были обижены тѣмъ, что имъ приписывали замыслы наступательнаго характера; нѣмцы понимали, что это сообщеніе имѣло руководящій характеръ и что правительство хотѣло имъ разъяснить обществу, чѣмъ былъ вызванъ новый проектъ усиленія арміи.

Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, рейхстагъ приступилъ 6-го февраля н. ст. къ обсужденію проекта новаго закона, который послѣ четырехдневныхъ преній былъ принятъ, въ главныхъ чертахъ, единогласно. Бисмаркъ, въ самой пространной рѣчи, произнесенной имъ въ теченіе своей долголѣтней карьеры, заявилъ какъ нельзя болѣе ясно и опредѣленно, что опасенія, существовавшія въ предыдущемъ году относительно Франціи, исчезли, уступивъ мѣсто таковымъ по отношенію къ Россіи.

Германскій канцлеръ перечислялъ всѣ поводы къ жалобамъ, которыя Германія могла прелъгивать къ Россіи: вападкн русской прессы, дислокація и вооруженіе войскъ на границѣ и различныя враждебныя демонстраціи. Царь лично не пытается виновственныхъ замысловъ, говоритъ канцлеръ, онъ въ этомъ поручился и его слову слѣдуетъ вѣрить болѣе, чѣмъ газетамъ, проповѣдующимъ вражду къ Германіи. Но ея географическое положеніе между двумя большими военными государ-

ствами требуетъ осторожности. Наступательная война Франціи противъ Германіи не вызываетъ неминуемо войны между Россіей и Германіей, но если Россія нападетъ на Германію, то Франція тотчасъ приметъ участіе въ войнѣ. Впрочемъ, продолжалъ канцлеръ, этого нѣтъ причинъ опасаться. Сосредоточивая свои силы на границѣ, Россія имѣетъ въ виду быть готовой, на всякій случай, къ защитѣ своихъ интересовъ на Западѣ. Что касается Германіи, то она никогда не нападетъ на своихъ сосѣдей, она желаетъ жить съ ними въ мирѣ, въ особенности съ Россіей.

— Но мы ни за кѣмъ не бѣгаемъ, прибавилъ Бисмаркъ съ горечью, мы не добиваемся любви ни Франціи, ни Россіи; эти времена прошли. Русская пресса, русское общественное мнѣніе указали двери старому, могущественному и вѣрному другу. Мы сдѣлали только попытку возстановить прежнія добрыя отношенія. Отказъ еще болѣе заставляетъ насъ уважать права Россіи, утвержденныя договорами. Впрочемъ, Германія не станетъ поддерживать Россію, если она прибѣгнетъ къ силѣ, чтобы защитить свои права. Болгарія вещь слишкомъ ничтожная, чтобы вовлечь ради нея Европу въ войну отъ Москвы до Пириней, исходъ которой невозможно предвидѣть, но Германія всегда готова поддерживать дипломатическимъ путемъ требованія Россіи, при условіи, чтобы она выразила на то свое желаніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что если русскій императоръ сочтетъ нужнымъ воевать изъ-за Балканскаго полуострова, то война будетъ объявлена, но что заставитъ его объявить войну Германіи?

Заканчивая свою рѣчь, канцлеръ еще разъ приписалъ все случившееся русской прессѣ, которую онъ обвинялъ въ томъ, что она затрудняетъ всѣ старанія, дѣлаемыя германскимъ правительствомъ въ пользу поддержанія мира.

— Совѣтую ей воздержаться отъ этихъ угрозъ, которыхъ мы не боимся, сказалъ канцлеръ. Всякая страна отвѣтственна въ концѣ концовъ за свою прессу. Намъ легко привлечь доброжелательствомъ, но не угрозами. Мы, нѣмцы, боимся только Бога и болѣе ничего въ мирѣ.

Послѣднимъ актомъ царствованія Вильгельма I было утвержденіе закона объ увеличеніи арміи, представленнаго на обсужденіе парламента съ вышеприведенными комментаріями. Единодушное вотированіе этого закона обрадовало монарха, находившагося на смертномъ одрѣ; онъ велѣлъ особенно благодарить за это рейхстагъ. Больного, умирающаго, его озабочивала и терзала мысль о возможной войнѣ съ Россіей. Въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ съ внукомъ (императоромъ Вильгельмомъ II) онъ повторилъ традиціонную въ императорскихъ семьяхъ просьбу соблюдать дружескія и мирныя отношенія между Россіей и Германіей.

XIII.

Вступленіе на престолъ Фридриха III.—Поведеніе Бисмарка.—Императоръ Вильгельмъ II.—Взаимное положеніе Россіи и Германіи.— Историческій взглядъ на положеніе иностранцевъ въ Россіи.—Внутренняя политика императора Александра III.—Переходъ Россіи на сторону Франціи.

Въ моментъ кончины императора Вильгельма I, послѣдовавшей 9-го марта н. с. 1888 г., отъ политики Священнаго союза уцѣлѣло весьма немногое, точно такъ же, какъ и отъ союза, заключеннаго тремя императорами въ 1872 г. Условія, при коихъ эти союзы были заключены, исчезли. Монархи и государственные дѣятели, заключавшіе ихъ, скончались, вмѣстѣ съ ними отошли въ вѣчность воспоминанія и товарищескія узы, соединявшія ихъ съ дѣтства и пріучившія ихъ къ отношеніямъ, основаннымъ на взаимной симпатіи и уступкахъ.

Узы родства съ теченіемъ времени также ослабли. Въ Берлинѣ, въ семьѣ вступившаго на престолъ Фридриха III, близкое родство съ англійскимъ дворомъ ослабляло вліяніе, коимъ такъ долго пользовались русскіе монархи. Всѣ эти обстоятельства разумѣется не могли смягчить натянутость политическихъ отношеній между Германіей и Россіей.

Послѣ объясненій, данныхъ въ рейхстагѣ, князь Бисмаркъ удвоилъ предупредительность по отношенію къ Россіи и довелъ ее до того, что раздражилъ этимъ общественное мнѣніе Германіи и въ особенности Австріи. Онъ отослалъ болгарскому князю обратно письмо, присланное имъ императору Фридриху III съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу кончины Вильгельма I. Мало того, онъ энергично возсталъ противъ предполагаемаго брака между княземъ Александромъ Баттенбергскимъ и дочерью императора Фридриха, помѣшавъ этимъ исполненію плановъ императрицы и англійской королевы. Онъ хотѣлъ доказать русскому двору свое желаніе избѣгнуть всего, что могло его оскорбить и не допустить вліянія Англии на внѣшнюю политику Германіи.

Послѣ смерти Фридриха III, императоръ Вильгельмъ II, по совѣту князя Бисмарка, посѣтилъ Россію прежде, чѣмъ посѣтитъ своихъ союзниковъ въ Вѣнѣ и Римѣ. Молодой монархъ возобновилъ свой визитъ два года спустя и этотъ разъ кажется противъ желанія канцлера. Царь, въ свою очередь, былъ въ Берлинѣ осенью 1889 года, но на вторичное посѣщеніе германскаго императора отвѣтилъ только два года спустя, въ Килѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько часовъ.

Дружественный пріемъ, оказанный въ Россіи императору Вильгельму II, относился скорѣе лично къ его особѣ и не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на политическія отношенія обѣихъ имперій. Притомъ въ

отношеніяхъ царственныхъ особъ не замѣчалось уже той интимности и близости, какая существовала при Александрѣ I, Николаѣ I и Александрѣ II. Вильгельмъ II очаровывалъ всѣхъ своею любезностью, но Александръ III, несмотря на все свое радушіе, былъ довольно сдержанъ. Императоръ Вильгельмъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, за столомъ у царя и у себя въ Берлинѣ, охотно воспоминалъ о товариществѣ обѣихъ армій; Александръ III старательно избѣгалъ малѣйшаго намека въ этомъ родѣ, вѣроятно, съ цѣлью щадить щекотливость Франціи, къ которой съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проявлялись симпатіи русскаго общества.

Въ то время, какъ монархи пожимали другъ другу руки, пресса той и другой страны сильно волновалась. «Московскія Вѣдомости» привѣтствовали пріѣздъ германскаго императора статью подъ заглавіемъ: «Въ ожиданіи лучшаго»; лучшее, по ихъ мнѣнію, былъ союзъ съ Франціей. Даже «Journal de Saint-Petersbourg» смягчилъ офидіозное выраженіе радостныхъ чувствъ «пожеланіемъ», чтобы согласіе обоихъ монарховъ было выразителемъ народныхъ чувствъ. Этихъ-то чувствъ и не доставало.

Ничто такъ не свидѣтельствуетъ объ охлажденіи бывшихъ друзей, какъ упреки въ неблагодарности, коими они осыпаютъ другъ друга. Начиная съ Берлинскаго конгресса это была одна изъ излюбленнѣйшихъ темъ русской и нѣмецкой прессы; самъ Бисмаркъ невольно поддался общему теченію въ рѣчи, произнесенной имъ 6-го февраля в. ст. 1888 г. Русскіе вспоминали походы 1813 и 1814 гг., когда Александръ I явился съ русскою арміею на освобожденіе Пруссіи и Германіи, тогда какъ онъ могъ остаться по ту сторону Вислы, не преслѣдуя французскую армію; вспоминали Вѣнскій конгрессъ, на коемъ Александръ I поддержалъ притязанія Пруссіи, и Австро-Прусскую войну 1866 года, когда Александръ II дозволилъ уничтожить и присоединить къ Пруссіи столько нѣмецкихъ государствъ; наконецъ, войну 1870 г., когда русское правительство удержало Австрію, которая была готова соединиться съ Франціей, и прикрыло тылъ германской арміи.

Нѣмцы, не отрицая этихъ услугъ, старались, съ своей стороны, умалить ихъ значеніе или противопоставить имъ болѣе или менѣе важныя, если не болѣе существенныя услуги, оказанныя Россіи Германіей; къ этому присоединялись разныя обвиненія противъ Россіи. Александръ I покинулъ ее, говорили нѣмцы, послѣ Іенскаго сраженія, предоставивъ злобѣ Наполеона, съ которымъ онъ сблизился въ Тильзитѣ; онъ бросилъ ее вторично въ Эрфуртѣ и, помѣшавъ ей въ 1814 г. извлечь изъ ея побѣдъ возможныя выгоды, онъ не исполнилъ своихъ обязательствъ къ Пруссіи по отношенію къ Саксоніи. А императоръ Николай! Не онъ ли задерживалъ либеральное и національное движеніе въ Германіи, не онъ

ли поддерживалъ Австрію противъ Пруссіи и усиливъ реакцію въ Берлинѣ?

Князь Бисмаркъ высказывался въ томъ же духѣ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ рейхстагѣ, онъ призналъ, что Пруссія была обязана своимъ возстановленіемъ въ 1814 г. доброжелательству Александра I. «Чувство признательности, говорилъ онъ, преобладало во все царствование Фридриха-Вильгельма III; но этотъ счетъ поконченъ, онъ исчерпанъ вмѣстѣ съ дружбою, могу даже сказать съ рабствомъ Пруссіи, продолжавшимся все царствование императора Николая, и окончательно уплоченъ въ Ольмюцѣ. Въ Ольмюцѣ императоръ Николай не поддерживалъ Пруссію, не защитилъ насъ отъ прискорбныхъ послѣдствій, даже отъ нѣкотораго униженія; его симпатіи были на сторонѣ Австріи. Убѣжденіе, что за все сдѣланное въ его царствование мы должны быть благодарны Россіи, не болѣе какъ историческая легенда».

— Не помня зла за Ольмюцъ,—сказалъ канцлеръ между прочимъ,— Пруссія осталась вѣрна союзу съ Россіей, во время Крымской кампаніи, рискуя навлечь на себя этимъ большую опасность. Благожелательное отношеніе Россіи къ Пруссіи въ 1866 г. объясняется тѣмъ, что русскіе были довольны видѣть Австрію униженной. Что же касается услуги, оказанной ею Германіи въ 1870 г., то Россія потребовала въ вознагражденіе пересмотра тѣхъ статей Парижскаго трактата, которыя касались Чернаго моря.

Бисмаркъ, какъ видно, цѣнилъ довольно легко услуги, оказанныя Россіей. Несомнѣнно, что Пруссія оказала Россіи дружескую поддержку во время польскаго возстанія въ 1863 г. и во время Крымской кампаніи, и этимъ спасла ее отъ большихъ бѣдъ; но, разсуждая съ точки зрѣнія Бисмарка, русскіе могли сказать въ свою очередь, что, помогая Россіи во время польскаго мятежа, Пруссія ограничила этимъ революціонное движеніе прусскихъ поляковъ, а принявъ сторону Россіи во время Крымской кампаніи, она имѣла въ виду Австрію, мечтавшую воспользоваться пораженіемъ Россіи.

Въ Россіи, само собою разумѣется, не допускали мысли, что этими услугами со стороны Пруссіи былъ уплоченъ долгъ за 1866 и 1870 гг.; въ особенности, что Пруссія поквиталась за франко-прусскую войну тѣмъ, что она помогла Россіи отдѣлаться отъ унижительной для нея статьи Парижскаго трактата. Ей слѣдовало уплатить долгъ признательности въ 1877 г., говорили въ Россіи; въ 1866 году Россія могла оспаривать плоды ея побѣдъ надъ Австріей, а въ 1870 г. ея побѣды надъ Франціей.

Въ Россіи всѣ рѣшительно, вмѣстѣ съ покойнымъ княземъ Горчаковымъ, обвиняли Бисмарка въ томъ, что онъ пожертвовалъ на Берлинскомъ конгрессѣ Россіей Австріи. Никакія объясненія германскаго

канцлера не были въ состояніи искоренить этого убѣжденія. Мало того, русская печать укоряла канцлера въ томъ, что онъ желалъ созвать конгрессъ и принудилъ Россію участвовать въ немъ, чтобы дать ее обобратъ, вмѣсто того, чтобы поощрять созванію конгресса и предоста-вить Россіи самой свести счеты съ Турціей и Европой. Эти разсужденія сводились къ тому, что Германія, желая вернуть дружбу Россіи, должна вернуться по отношенію къ Австріи къ прежней враждебной политикѣ. Русская печать не придавала значенія тому факту, что на Берлинскомъ конгрессѣ на пути Россіи стояла Англія со своими требованіями и претензіями, и что если бы ея домогательства не были, такъ или иначе, удовлетворены, то, весьма вѣроятно, могла возгорѣться евро-пейская война.

Къ этимъ дѣйствительнымъ и мнимымъ причинамъ неудовольствія, которыя высказывались въ Россіи противъ Германіи, присоединился антагонизмъ славянской и германской расы. Отношенія между Герма-ніей и Россіей, не взирая на родственныя связи и на дружескія отно-шенія, существовавшія между ихъ монархами, были отиѣчены, начи-ная со времяъ Петра Великаго, чувствомъ непріязни, какою русскій народъ питалъ къ иностранцамъ вообще и къ нѣмцамъ въ особенности. Петръ Великій, желая цивилизовать свой народъ, нуждался въ ино-странцахъ, чтобы обучить его наукамъ, ремесламъ и поставить адми-нистрацію страны на уровень европейскихъ державъ; онъ привлекалъ въ Россію фабрикантовъ, рабочихъ, профессоровъ, артистовъ и учи-телей изъ всѣхъ странъ, раздавалъ иностранцамъ видныя должности; при его преемникахъ между иностранцами преимущество отдавалось нѣмцамъ. Присоединеніе къ Россіи Прибалтійскихъ губерній усилило приливъ и вліяніе этой національности, но русскіе никогда не смо-трѣли на дворянство и на бюргеровъ этихъ провинцій, какъ на своихъ соотечественниковъ; въ ихъ глазахъ это были иностранцы, отбивавшіе мѣста у настоящихъ русскихъ. Въ царствованіе императрицъ Екате-рины I, Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны вліяніе нѣмцевъ было весьма значительно, и русскіе по-прежнему относились крайне несим-патично къ нѣмцамъ, назвавшимъ изъ Германіи, и къ уроженцамъ Прибалтійскихъ губерній. Русское войско было переполнено офице-рами-нѣмцами, слова команды, муштровка солдатъ были нѣмецкія; къ этой же національности принадлежали многіе генералы и притомъ наи-болѣе извѣстные. Нѣмецкій элементъ преобладалъ въ канцеляріяхъ министерствъ, въ дипломатическомъ мірѣ. Въ городахъ крупная тор-говля сосредоточивалась въ рукахъ нѣмцевъ; въ деревняхъ нѣмецкій колонистъ, трудолюбивый и экономный земледѣлецъ, пользовавшійся къ тому же огромными привилегіями, былъ предметомъ зависти для крѣпостного крестьянина. Россія терпѣла этотъ порядокъ вещей, пока

*

иностранцы были ей нужны, но насталъ день, когда русскіе почувствовали себя въ силахъ стать на собственныя ноги, быть самостоятельными; тогда началась реакція противъ иностраннаго элемента.

Въ царствованіе Александра I правительственныя сферы еще не раздѣляли этаго взгляда. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 7-го декабря и. ст. 1817 г. по вопросу о податяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, поставивъ вопросъ «полезно ли для Россіи, чтобы къ намъ пріѣзжали иностранцы?» отвѣчалъ на него, что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Мы можемъ, къ чести нашей, признать съ благородной откровенностью, говорить онъ, что Россія обязана иностранцамъ многому, что возвысило ее въ ряду цивилизованныхъ націй и что побудило прочіе народы не смотрѣть на насъ болѣе какъ на варваровъ. Исторія Петра Великаго служитъ тому разительнымъ примѣромъ. Иностранцы внесли къ намъ много наукъ и искусствъ; безъ нихъ у насъ едва ли существовали бы школы и фабрики. Они открыли намъ наши естественныя богатства, которыя почти не были намъ извѣстны до тѣхъ поръ. Мы обязаны имъ въ значительной мѣрѣ нравственнымъ совершенствомъ, преимуществами гражданской жизни, даже религіей и славой нашего оружія, коимъ сами они были поражены, и особенно любопытно то обстоятельство, что въ то время заботились не объ ограниченіи наплыва иностранцевъ, но старались помѣшать ихъ выѣзду изъ Россіи, измышляя для этого разныя средства. По этому поводу министръ внутреннихъ дѣлъ говоритъ въ томъ же докладѣ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что если иностранецъ найдетъ въ чужой странѣ болѣе выгодъ и удобствъ, обезпечивающихъ ему болѣе спокойное и безбѣдное существованіе нежели въ его странѣ, то онъ не вернется на родину. Это единственное средство, съ успѣхомъ могущее пріостановить выѣздъ людей и вывозъ ихъ имущества и капиталовъ. Въ наше время, когда торговля связываетъ государства и когда политика связываетъ ихъ интересы, а либеральныя и гуманныя законы распространяются среди всѣхъ націй, возвратъ къ среднимъ вѣкамъ немислимъ». Сказанное министромъ было правильно по отношенію къ предыдущей эпохѣ, но уже не было вполне примѣнимо къ его современникамъ и было совершенно ошибочно въ примѣненіи къ будущему. Петру Великому нужны были иностранцы; они исполнили свою образовательную роль, но ихъ присутствіе не нравилось русскимъ, поэтому съ теченіемъ времени пришлось измѣнить систему Петраго I.—Лица, наиболѣе знавшія Россію, удостовѣряютъ, что послѣ каждаго внутренняго или вѣшняго переворота, особенно рѣзко высказывалась нелюбовь народа къ иностранцамъ. Прусскій генералъ Герлахъ, сопровождавшій принца Вильгельма (императоръ Вильгельмъ I) въ Петербургъ въ 1826 г., говоритъ:

— Любопытно видѣть, до какой степени здѣсь сильна въ настоящее

время ненависть къ иностранцамъ; императору это не безызвѣстно и онъ съ этимъ считается; нѣмцы сознають, что имъ завидуютъ и что имъ готовы всегда подставить ногу. Русскіе утверждаютъ, что имъ предпочитаютъ «иностранныя провинціи» (Прибалтійскія губерніи). Графъ Лявенъ для нихъ иностранецъ. Точно также Дибичъ, Нессельроде, Витгенштейнъ, Бенкендорфъ, Остенъ-Сакенъ, по ихъ мнѣнію, могутъ быть названы иностранцами.

Разумѣется, въ глазахъ русскаго народа это были иностранцы, и болѣе того — нѣмцы. Въ царствованіе Александра I, во время веденныхъ имъ войнъ, столкновеніе между русскими генералами и генералами нѣмцами, уроженцами балтійскихъ губерній, были явленіемъ зауряднымъ; то же самое было въ царствованіе Николая I во время турецкой войны. Самые извѣстные русскіе писатели, даже русскіе эмигранты льстили этому чувству, что доставляло имъ популярность; нападая на нѣмцевъ они тѣмъ самымъ нападали на правительство, которое имъ покровительствовало.

Императоръ Александръ III, первый изъ русскихъ монарховъ вступивъ на путь національной политики, поступалъ согласно съ чувствомъ народа. Взгляды, коихъ онъ держался, будучи наследникомъ престола, были примѣнены имъ къ управленію государствомъ. Объединеніе всѣхъ частей имперіи въ отношеніи религіозномъ и національномъ или, лучше сказать, ихъ обрусеніе, таковъ былъ основной принципъ его внутренней политики. Изъ этого вытекали различныя мѣры, принятыя имъ по отношенію къ иностранцамъ и нѣмцамъ прибалтійскихъ губерній.

Рядъ ограничительныхъ мѣръ, принятыхъ относительно этихъ губерній начиная съ 1887 г., врядъ ли былъ случайнымъ совпаденіемъ съ разрывомъ дружескихъ отношеній между Россіей и Германіей. Уже въ слѣдующемъ, 1888 г., нѣмецкій языкъ пересталъ быть официальнымъ административнымъ языкомъ въ Лифляндіи; въ 1889 г. были ограничены права Дерптскаго университета; въ 1891 г. нѣмецкій языкъ пересталъ быть официальнымъ языкомъ балтійскихъ общинъ. Мы уже упоминали объ указѣ, коимъ иностранцамъ воспрещалось владѣть и управлять недвижимыми имуществами въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ. Во всѣхъ этихъ вопросахъ правительство Александра III повиновалось тому чувству національнаго единства, которое начало проявляться за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ живутъ совмѣстно нѣсколько націй. Господствующее племя старается подчинить себѣ прочія расы. Такъ поступала Пруссія по отношенію къ полякамъ, стараясь ихъ онемечить.

Индивидуальныя и народныя симпатіи и антипатіи бываютъ безотчетны; онѣ возникаютъ и исчезаютъ безо всякой видимой причины. По мѣрѣ того какъ русскіе отдалялись отъ нѣмцевъ ихъ

влекло къ французамъ; симпатія къ Франціи, бывшая нѣкогда принадлежностью высшаго русскаго общества, раздѣляется въ настоящее время почти всеѣмъ русскимъ народомъ. Посѣщеніе французской эскадры Кронштадта въ 1892 г. было яркимъ тому доказательствомъ. Александръ III только санкціонировалъ эти симпатіи русскаго общества и порвалъ, этой политической манифестаціей, съ традиціями, завѣщанными его тремя предшественниками.

Князь Бисмаркъ отлично понималъ опасность, угрожавшую Германіи отъ сближенія Россіи съ Франціей, и поэтому старался удовлетворять всѣ желанія Россіи, насколько это было совмѣстимо съ интересами Германіи, но не могъ удовлетворить ихъ относительно Балканскаго полуострова. Стараясь отдалить по мѣрѣ возможности столкновение съ Россіей, онъ всегда утверждалъ, что Германія не имѣетъ интересовъ на Востокѣ. Если бы между Германіей и Россіей возгорѣлась война, то она приняла бы вѣроятно размѣры войны общеевропейской и была бы предвѣстницей еще болѣе грандіозной борьбы, въ которой Западъ столкнулся бы съ Востокомъ. По размѣрамъ этой гигантской борьбы рассчитаны тѣ грозныя арміи, которыя Европа вооружаетъ вотъ уже двадцать лѣтъ; одна мысль о столкновеніи этихъ стотысячныхъ армій приводитъ въ трепетъ самые смѣлые умы; и предотвратить его будетъ великою заслугою передъ культурою и человечествомъ.

Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева.

Восьмого ноября, въ г. Вильнѣ, предполагается открытіе памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, со дня кончины котораго прошло уже болѣе четверти вѣка. Въ этотъ періодъ времени очень многіе свидѣтели неутомимой дѣятельности графа сошли уже въ могилу. На смѣну имъ явилось новое поколѣніе, которому не вполнѣ извѣстны ни заслуги, оказанныя графомъ нашему отечеству, ни даже жизнь его, хотя бы и въ общихъ чертахъ. Желаніе по возможности возобновить въ памяти читателей полезную дѣятельность графа Муравьева, побуждаетъ редакцію помѣстить ниже слѣдующія краткія біографическія о немъ свѣдѣнія.

М. Н. Муравьевъ родился въ 1796 году, въ г. Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, и первые годы своей юности провелъ въ деревнѣ (въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, гдѣ и скончался), подъ непосредственнымъ руководствомъ своей матери, очень много заботившейся о воспитаніи своихъ дѣтей. «Если мы вышли порядочными людьми, говаривалъ часто Михаилъ Николаевичъ, а не сорванцами, то обязаны единственно покойной матушкѣ; отцу не было времени и онъ не могъ съ нами заниматься» ¹⁾. Мать его ²⁾ была женщина очень религіозная и съ ранняго дѣтства вселила въ сыновьяхъ своихъ горячую привязанность къ православной вѣрѣ и строгое соблюденіе всѣхъ обрядовъ и установленій православной церкви. Она умерла довольно рано и

¹⁾ См. Кропотковъ—„Жизнь графа М. Н. Муравьева“, 1874 г., стр. 35.

²⁾ Александра Михайловна Мордвинова, вступила въ бракъ съ Н. Н. Муравьевымъ въ 1791 году.

для надзора за дѣтьми супругъ ея, переселившійся въ 1801 году въ Москву, пригласилъ сперва французскаго эмигранта Пельта, а потомъ нѣкоего Гатто, уроженца Лотарингіи, человѣка очень строгихъ нравственныхъ правилъ, основательно знавшаго математику и классическіе языки и очень хорошо обучавшаго дѣтей. Кромѣ того, въ домѣ жилъ англичанинъ Эдуардъ Лоостъ, ненавидѣвшій французовъ, какъ истый сынъ Альбіона. Еще будучи студентомъ Московскаго университета М. Муравьевъ собралъ изъ числа своихъ товарищей небольшой кружокъ для распространенія математическихъ познаній (на которыя въ то время была какъ бы мода во всей Европѣ) и написалъ уставъ общества математиковъ, который былъ рассмотрѣнъ предварительно его отцомъ и затѣмъ, чрезъ министра народнаго просвѣщенія, удостоился утвержденія императора Александра I. Общество открыло свое дѣйствіе, то-есть чтеніе разныхъ лекцій, въ 1811 году, въ великомъ посту и собиралось у отца молодого Муравьева, предложившаго свою квартиру. Вице-президентомъ общества былъ избранъ молодой Муравьевъ, имѣвшій тогда съ небольшимъ четырнадцать лѣтъ ¹⁾.

Наступившій достопамятный 1812 годъ положилъ конецъ дѣятельности этого общества. Молодой Муравьевъ поступилъ, 11-го декабря 1811 года, на службу въ колоновожатые, и 27-го января 1812 года былъ произведенъ въ прапорщики. Сначала М. Н. Муравьевъ состоялъ при штабѣ 5-го (или гвардейскаго) корпуса въ Свияцанахъ, а потомъ, по распоряженію главнокомандующаго князя Кутузова, назначенъ къ Беннигсену, въ то время начальнику главнаго штаба, для исполненія различныхъ порученій. Въ сраженіи подъ Бородинымъ М. Н. Муравьевъ былъ раненъ въ лѣвую ляжку ядромъ. Онъ упалъ въ безпамятствѣ, былъ съ трудомъ вынесенъ съ поля сраженія и затѣмъ увезенъ на телѣгѣ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ при хорошемъ уходѣ поправился довольно скоро.

Въ началѣ 1813 года онъ снова прибылъ въ армію, находившуюся уже за предѣлами отечества, и участвовалъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ. Однако полученная при Бородинѣ рана принудила его отправиться на воды въ Пятигорскъ, но леченіе не принесло пользы, и онъ ходилъ на костыляхъ. Въ это время отецъ его вышелъ въ отставку и основалъ въ Москвѣ, у себя на дому, учебное заведеніе для колоновожатыхъ, въ которомъ самъ преподавалъ военныя науки небольшому числу молодыхъ людей, ему знакомыхъ и родственныхъ. Къ нему

¹⁾ См. Кропотковъ, стр. 62. Президентомъ общества былъ его отецъ. Это общество является зародышемъ будущаго московскаго учебнаго заведенія для колоновожатыхъ, основаннаго послѣ 1814 года, отцомъ Муравьева также у себя на дому.

прикомандированъ былъ сынъ его М. Н. Муравьевъ, въ то время уже поручикъ генеральнаго штаба, значительно расширившій программу обученія въ этомъ заведеніи.

Живя въ Москвѣ, М. Н. Муравьевъ вступилъ, 26-го августа 1818 г., въ бракъ съ дочерью отставнаго гвардіи капитанъ-поручика Василія Петровича Шереметьева, 17-ти-лѣтнею дѣвицею Пелагеею Васильевною и возымѣлъ мысль сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ. Онъ подалъ просьбу объ отставкѣ, но начальникъ главнаго штаба князь П. М. Волконскій не согласился его уволить, а разрѣшилъ ему пробить въ отпуску столько времени, сколько потребуется для возстановленія его здоровья. Муравьевъ поселился въ Смоленской губерніи, въ имѣнны своей супруги, и скоро ознакомился на дѣлѣ со всѣми условіями крестьянскаго быта. Пребываніе въ деревнѣ было однако не очень продолжительно. Въ 1820 г. Михаилъ Николаевичъ вернулся къ военной службѣ, былъ капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба и назначенъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части. Но въ томъ же году болѣзнь отъ раны заставила его проситься въ отставку, и указомъ 20-го ноября 1820 г. Муравьевъ былъ уволенъ, поселился съ женою въ селѣ Лазины (близъ г. Ельни) ¹⁾ и принялся снова съ горячимъ рвеніемъ за сельское хозяйство.

Событіе 14-го декабря 1825 года въ Петербургѣ привлекло къ отвѣтственности и М. Н. Муравьева, такъ какъ онъ былъ знакомъ со многими участниками тайнаго общества. 12-го января 1826 года вечеромъ московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ арестовалъ его и привезъ въ Петербургъ, гдѣ, по причинѣ вновь разболѣвшей ноги, Муравьевъ содержался въ первомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ на Выборгской Сторонѣ, въ офицерскомъ отдѣленіи. Муравьевъ, какъ и многіе его близкіе родственники, принадлежалъ къ обществу Союзъ Благоденствія и намѣревался вмѣсто него написать уставъ Союза Добродѣтели (нѣмецкій Тугендбундъ) и сдѣлать общество открытымъ (т. е. явнымъ), представивъ самый уставъ на утвержденіе императора ²⁾. Разслѣдованіе обнаружило, что Муравьевъ не только не былъ заговорщикомъ, но и препятствовалъ развитію заговора. Поэтому онъ былъ освобожденъ отъ ареста и возвратился въ семейство.

Баронъ И. И. Дибичъ, служившій ранѣе съ Михаиломъ Николаевичемъ и хорошо знавшій его, предложилъ ему вновь вступить въ службу, и въ іюль 1826 года онъ былъ зачисленъ подполковникомъ по арміи. Не имѣя опредѣленныхъ занятій и чувствуя потребность къ дѣятельности, М. Н. приводилъ въ порядокъ свои различныя замѣтки и бумаги и со-

¹⁾ См. Кропотовъ, стр. 115.

²⁾ Кропотовъ, стр. 216 и слѣд.

ставилъ въ это время записку объ улучшеніи мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учреждений и объ искорененіи взяточничества, которую въ началѣ 1827 года представилъ императору Николаю I. Въ запискѣ совершенно прямодушно и смѣло были указаны многія темныя стороны нашего гражданскаго строя того времени. Государь остался очень доволенъ этою запискою, приказалъ объявить Муравьеву благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовать отъ него нѣкоторыя дополнителныя свѣдѣнія. Муравьевъ прислалъ ихъ, и въ 1827 году, переименованный въ коллежскіе совѣтники, былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ г. Витебскъ. Это послужило началомъ его семилѣтней служебной дѣятельности въ Западномъ краѣ, въ которомъ ему лѣтъ чрезъ тридцать суждено было вновь оказать знаменательную услугу своему отечеству.

Полезная дѣятельность Муравьева, какъ вице-губернатора, снискала ему большое довѣріе императора, выразившееся въ назначеніи его въ 1828 году моголевскимъ губернаторомъ. При объѣздѣ ввѣренной ему губерніи, Муравьевъ нашелъ большіе беспорядки въ администраціи и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ указывалъ на необходимость отмены дѣйствовавшаго тогда въ губерніи Литовскаго статута, введеніе порядка судопроизводства, установленнаго для губерній великороссійскихъ (какъ это и было предписано ранѣе въ 1773 году), на необходимость преобразованія всѣхъ учебныхъ заведеній края, устраненіе католическаго духовенства отъ участія въ образованіи и воспитаніи юношества и замѣну онаго вездѣ русскими учителями и т. д.

Между тѣмъ въ 1830 году въ Варшавѣ вспыхнулъ мятежъ, и М. Н. по желанію фельдмаршала Дибича состоялъ при главномъ штабѣ арміи для исполненія порученій по гражданской части. Назначенный вслѣдъ затѣмъ гродненскимъ губернаторомъ, онъ своею опытностью и близкимъ знакомствомъ съ различными условіями края много содѣйствовалъ усмиренію возстанія.

Онъ устроилъ строгій полицейскій надзоръ за подозрительными лицами и монастырями, сосредоточилъ всѣ получаемыя свѣдѣнія о ходѣ мятежа въ однихъ рукахъ, составилъ мѣстную полицію изъ коренныхъ русскихъ и т. д. Все это доставило Муравьеву возможность сообщать весьма точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ мятежниковъ бывшему главнокомандующему резервною арміею графу Петру Александровичу Толстому. По его предложенію были обложены денежными штрафами въ пользу казны всѣ прямо или косвенно содѣйствующіе и сочувствующіе мятежу. Выскивая опредѣленные заранѣе штрафы съ неукоснительною точностью, Муравьевъ вселилъ такой страхъ, что члены конфедерацій сами стали приводить къ нему лицъ, прикосновенныхъ къ мятежу.

По прекращеніи мятежа въ литовскихъ губерніяхъ Муравьевъ про-

изводилъ обширное политическое слѣдствіе, давшее ему возможность близко познакомиться съ ходомъ возстанія. Результатомъ этого знакомства была представленная государю императору подробная записка, въ которой прямо высказывается, что возстаніе 1831 года является дѣломъ католическаго духовенства въ губерніяхъ западныхъ и Царства Польскаго, а такъ-же шляхты, но отнюдь не народа. М. Н. Муравьевъ предлагалъ рядъ мѣръ къ отвращенію подобныхъ печальныхъ событій на будущее время. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указывалъ на необходимость возвысить положеніе православнаго духовенства въ Западномъ краѣ, обративъ вниманіе какъ на его личный составъ, такъ и на матеріальное его положеніе, заботиться о большемъ боголѣіи православныхъ церквей, въ виду роскоши и богатства костеловъ католическихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдить за дѣйствіями католическаго духовенства и въ особенности различныхъ монашескихъ его орденовъ, такъ какъ опытъ доказалъ, что съ католичествомъ неразлучно вредное политическое вліяніе на все населеніе края.

Одновременно онъ предлагалъ усилить и возвысить русскую народность въ краѣ, заботиться о распространеніи русскаго языка, замѣщать лицами русскаго происхожденія всѣ должности по управленію краемъ и заселять край сколько можно русскими и старообрядцами.

Въ 1835 году Муравьевъ былъ переименованъ въ генералъ-майору и назначенъ губернаторомъ въ Курскъ ¹⁾, въ 1839 году послѣдовало назначеніе его директоромъ департамента податей и сборовъ, а въ 1842 году онъ назначенъ сначала сенаторомъ, а потомъ главноуправляющимъ межевымъ корпусомъ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на исправленіе губернскихъ межевыхъ картъ (атласовъ), пользуясь при этомъ учеными средствами Императорскаго русскаго географическаго общества, членомъ учредителемъ котораго состоялъ съ самаго его основанія. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился объ улучшеніи личнаго состава межевого корпуса.

Сдѣланный въ 1849 году членомъ Государственнаго Совѣта, а затѣмъ, въ 1856 году, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи, Муравьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента удѣловъ, а въ слѣдующемъ 1857 году—министромъ государственныхъ имуществъ. Во время управленія его удѣлами былъ основанъ въ 1858 году въ Москвѣ сеудный торговый промышленный банкъ, для содѣйствія торговымъ оборотамъ удѣльныхъ крестьянъ Московской губерніи, а затѣмъ учрежденъ такой же банкъ въ Красномъ Селѣ, при самарской и вятской удѣльныхъ конторахъ.

Въ томъ же 1858 году Муравьевымъ введено обязательное взаим-

¹⁾ О дѣятельности его въ Курскѣ см. ниже стр. 279.

ное страхованіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ и въ 1864 году состояло уже застрахованныхъ до трехсотъ тысячъ крестьянскихъ домовъ, на сумму свыше двѣнадцати милліоновъ рублей.

Хотя еще при графѣ Перовскомъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ былъ уже введенъ поземельный сборъ съ крестьянъ вмѣсто прежняго подушного и производилась надлежащая для этого оцѣнка земли по ея доходности и урожайности, но это дѣло подвигалось по многимъ причинамъ весьма медленно. Новыя работы по этой части, на болѣе широкихъ основаніяхъ и съ болѣею энергіею, производились при Муравьевѣ по плану однообразному съ принятымъ для государственныхъ крестьянъ, поступившихъ также въ его вѣдѣніе.

Еще 20-го іюня 1858 года (т. е. за два съ половиною года до 19-го февраля 1861 года) послѣдовалъ именной указъ министру императорскаго двора и удѣловъ о дарованіи удѣльнымъ крестьянамъ личныхъ и имущественныхъ правъ, предоставленныхъ лицамъ прочихъ свободныхъ сельскихъ сословій. При Муравьевѣ всѣ заботы были направлены къ подготовленію рѣшенной уже въ принципѣ отѣны крѣпостного права, и 5-го марта 1861 года послѣдовалъ указъ о составленіи новаго положенія о земельномъ устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ, при чемъ имъ отводились въ надѣлъ земли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а земли, оставшіяся излишними за этимъ надѣломъ, но находившіяся ранѣе въ пользованіи крестьянъ, оставлены во временномъ пользованіи ихъ на двадцать лѣтъ изъ платежа неизмѣннаго оброка.

Управление Муравьева министерствомъ государственныхъ имуществъ съ 1857 года выдается особеннымъ стремленіемъ въ увеличенію доходовъ государственной казны. Указами 11-го и 23-го февраля 1859 года возвышена общая сумма оброчной подати въ каждой изъ окадастрованныхъ губерній, соразмѣрно прибыли ревизскихъ душъ, происшедшей послѣ переложенія податей съ души на земли. Изданы были въ 1859 году новыя правила о кадастровыхъ работахъ, которыя были произведены въ 14 губерніяхъ, но изъ нихъ до 1866 года оброчная плата введена была только въ девяти губерніяхъ, при чемъ оброчная подать была значительно повышена.

При возникшихъ предварительныхъ работахъ по улучшенію быта государственныхъ крестьянъ на началахъ, изложенныхъ въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 года, Муравьевъ обратилъ вниманіе на собраніе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о земляхъ, состоявшихъ до 1861 года въ пользованіи государственныхъ крестьянъ. Свѣдѣнія эти послужили основаніемъ для изданныхъ уже впоследствии правилъ о преобразованіи общественнаго управленія бывшихъ государственныхъ крестьянъ и о поземельномъ ихъ устройствѣ въ 36 губерніяхъ.

Разстроенное непрерывными трудами здоровье побудило Муравьева

въ концѣ 1861 года оставить министерство государственныхъ имуществъ и въ началѣ 1862 года отправиться за границу для леченія. Возвратясь осенью того же года онъ испросилъ увольненіе и отъ управленія департаментомъ удѣловъ, а такъ-же и межевымъ корпусомъ, съ цѣлью отправиться вновь за границу на болѣе продолжительное время.

Вскорѣ послѣ этого въ началѣ 1863 года вспыхнуло возстаніе какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. Пользовавшіеся довѣріемъ императора Александра II генералъ Назимовъ (въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ) и маркизъ Велепольскій (въ губерніяхъ Царства Польскаго) не находили средства къ подавленію мятежа. Въ Петербургѣ, подѣ влияніемъ ноть западныхъ державъ, заботились только о томъ какъ бы примириться съ возставшими, дѣлая имъ разныя уступки, которыя лишь увеличивали ихъ притязанія, дошедшія подѣ конецъ до того, что мятежники требовали признанія независимости Польскаго королевства и притомъ въ предѣлахъ его въ 1772 году (т. е. до перваго раздѣла Польши). Начинали опасаться уже не за Литву, а за ближайшія къ столицѣ губерніи, когда мятежникъ графъ Платеръ подѣ Динабургомъ (Двинскомъ) разграбилъ транспортъ съ оружіемъ и намѣревался даже овладѣть самимъ городомъ. Окрестные старообрядцы сами вооружились, разсѣяли мятежную шайку и взяли въ плѣнъ графа Платера.

При такомъ положеніи дѣла, 25-го апрѣля 1863 года, М. Н. Муравьевъ былъ вызванъ въ Зимній дворецъ къ государю¹⁾, который выразилъ желаніе ввѣрить ему управленіе всѣмъ Сѣверо-Западнымъ краемъ и всѣми войсками въ немъ расположенными. Мих. Никол. Муравьевъ, изъявивъ готовность исполнить волю государя, доложилъ его величеству, что для успѣшной борьбы съ мятежемъ необходимо принять какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Литвѣ однообразную систему дѣйствія, направленную къ строгому и неуклонному преслѣдованію мятежа и къ возвышенію достоинства русскаго народа и войска въ этихъ мѣстностяхъ, и что успѣхъ борьбы существенно обусловливается тѣмъ, чтобы всѣ высшіе органы правительства прониклись сознаніемъ необходимости этой системы дѣйствія. Государь поручилъ Муравьеву переговорить по этому поводу съ нѣкоторыми министрами (какъ-то княземъ В. А. Долгорукимъ, Д. А. Милютинымъ, П. А. Валуевымъ, Зеленымъ), послѣ чего 1-го мая послѣдовалъ указъ о назначеніи его генералъ-губернаторомъ всего Сѣверо-Западнаго края, на мѣсто генерала Назимова, просившаго еще ранѣе о своемъ увольненіи.

¹⁾ См. Записки графа Муравьева. „Русская Старина“ 1882 г., ноябрь, декабрь и 1883 г. январь.

Откланявшись ихъ императорскимъ величествамъ, при чемъ государыня императрица произнесла слова: «если бы мы могли удержать за собою хотя Литву» ¹⁾, Муравьевъ 12-го мая помолился въ Казанскомъ соборѣ, а затѣмъ немедленно выѣхалъ въ Вильно съ нѣкоторыми лицами, приглашенными имъ на службу въ Западномъ краѣ.

Прибывъ въ Динабургъ Муравьевъ созвалъ предводителей дворянства и мѣстныхъ дворянъ, а такъ-же различныхъ чиновъ военнаго и гражданскаго управленій, и высказалъ имъ свой взглядъ на возстаніе и на мѣры, необходимыя къ его прекращенію. Онъ отдалъ тогда же подъ строгій надзоръ полиціи предводителя дворянства—двоюроднаго брата графа Платера, о которомъ говорилось выше.

Въ Вильно Муравьевъ прибылъ 14-го мая 1863 года въ три часа пополудни. Мятежъ былъ въ полномъ разгарѣ. Презрѣніе къ русской власти, къ русскому правительству, войску и т. д., словомъ ко всему русскому доходило до крайнихъ предѣловъ. Мятежники имѣли своихъ начальниковъ, которые вполнѣ свободно распоряжались и дѣйствовали по своему усмотрѣнію. Генералъ Назимовъ принялъ Муравьева очень радушно, но не могъ сообщить ему свѣдѣній о секретной организаціи мятежа.

Войска встрѣтили прибытіе новаго начальника съ большимъ сочувствіемъ, гражданскіе чины—съ видимымъ неудовольствіемъ, а евреи, главные двигатели всего въ краѣ—двусмысленно. Римско-католическое духовенство, съ епископомъ Красинскимъ во главѣ, показывало видъ, что стремленіе подавить мятежъ не будетъ имѣть успѣха, и заявляло, что мятежа вовсе и нѣтъ и только напрасно преслѣдуются какіе-то несчастные повстанцы.

Посвятивъ нѣсколько дней на подробное ознакомленіе съ положеніемъ дѣлъ и со всѣмъ служебнымъ составомъ края, Муравьевъ прежде всего озаботился о правильномъ размѣщеніи войскъ и учрежденіи военнаго управленія по уѣздамъ и составленіи полной инструкціи для управленія на мѣстахъ участками, на которые раздѣлены были уѣзды.

Это была одна изъ практичныхъ мѣръ къ прекращенію самаго мятежа, такъ какъ явилась на мѣстахъ правильная полиція, которой до этого на дѣлѣ не было въ краѣ, потому что всѣ полицейскія должности были заняты поляками-приверженцами мятежа. Въмѣстѣ съ тѣмъ установлены были значительные штрафы съ сельскихъ и городскихъ обществъ за каждаго ушедшаго въ мятежъ изъ среды ихъ. За ношеніе траура былъ назначенъ также штрафъ. Приговоры надъ захваченными въ мятежныхъ шайкахъ постановлялись чрезвычайно быстро и немедленно приводились въ исполненіе по ихъ конфирмаціи. Эти мѣры произвели

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1882 г. ноябрь, стр. 397 и слѣд.

особенно большое влияние послѣ того, какъ были казнены два ксендза въ одну недѣлю, а также Сѣраковскій (бывшій капитанъ генеральнаго штаба) и Колышко (оба начальники мятежныхъ бандъ). Банды получали продовольствіе, вооруженіе и все для нихъ необходимое отъ самихъ землевладѣльцевъ, которые тайно все покровительствовали мятежу. Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы все землевладѣльцы отправились немедленно въ свои владѣнія, и отвѣчали бы за спокойствіе въ оныхъ, и подѣ опасеніемъ военнаго суда и наказанія, если не дадутъ заблаговременно знать о близкомъ находеніи банды или отдѣльныхъ мятежниковъ. Это доставило возможность въ скорости переловить главныхъ дѣятелей мятежа, тайно содѣйствовавшихъ образованію бандъ. Не имѣя опоры и поддержки со стороны населенія, сами банды стали уничтожаться. Крестьяне постепенно освобождались отъ обуявшаго ихъ страха и помогали войскамъ преслѣдовать мятежниковъ. Скоро изъ самихъ крестьянъ была сформирована вооруженная стража. Для болѣе успѣшнаго преслѣдованія бандъ прорубались въ лѣсахъ широкія просѣки въ 50 сажень шириною.

Результатомъ всехъ этихъ мѣръ, проведенныхъ весьма настойчиво и рѣшительно, было то, что мятежъ въ Виленской губерніи сталъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г. быстро прекращаться. Муравьевъ внушилъ тогда дворянству мысль ходатайствовать о помилованіи; это имѣло успѣхъ, и 27-го іюня 1863 года была составлена первая просьба за подписью двухсотъ лицъ въ Вильно. Адресъ этотъ былъ сдѣланъ главнымъ съ цѣлью еще болѣе усилить подобное движеніе.

Около этого времени варшавскіе революціонеры стали посылать въ Литву агентовъ для поддержанія мятежа, которыхъ скоро переловили, но они успѣли образовать команду тайныхъ кинжальщиковъ для убійства самого Муравьева и другихъ правительственныхъ лицъ края. Въ числѣ этихъ кинжальщиковъ былъ и Беньковскій, которому, поручено было убить г. Домейко. Его точно изранили, но не опасно; убійцу же схватили 6-го августа 1863 года и повѣсили вмѣстѣ съ семью другими соучастниками¹⁾. Это окончательно прекратило ихъ дѣятельность и самый мятежъ.

Тѣми же мѣрами мятежъ былъ прекращенъ въ губерніяхъ Ковенской и Минской.

Къ ноябрю 1863 года спокойствіе и тишина были настолько восстановлены въ Сѣверо-Западномъ краѣ, что послѣдовало распоряженіе о возвращеніи войскъ гвардейскаго корпуса въ Петербургъ. За усмиреніе мятежа Муравьевъ, при особомъ рескриптѣ 30-го августа 1863 г., былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Со всехъ кон-

¹⁾ См. ниже стр. 292.

цовъ Россіи стали получаться въ Вильгѣ привѣтственные и благодарственные адреса и телеграммы за усмиреніе мятежа.

Ободренный такимъ сочувствіемъ, Михаилъ Николаевичъ приступилъ къ полному преобразованію внутренняго быта края и водворенію среди онаго русской народности и православія. Объ этихъ мѣропріятіяхъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ для большаго уясненія заслугъ М. Н. Муравьева.

Положеніе крестьянскаго населенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ было опредѣлено еще указами 19-го февраля 1861 года, изданными ранѣе прибытія Муравьева въ этотъ край. Но эти указы не были приведены въ дѣйствіе. Во многихъ мѣстахъ даже въ 1863 году отправлялась барщина. Мировые посредники, избранные изъ мѣстныхъ дворянъ-поляковъ—были агентами мятежа и, превратно толкуя правила Положеній 1861 года, содѣйствовали тому, что крестьяне, по уставнымъ грамотамъ лишившись лучшихъ земель, вмѣстѣ съ тѣмъ были обложены высокимъ денежнымъ оброкомъ. Кромѣ того, многіе посредники говорили крестьянамъ, что имъ будутъ дарованы новыя льготы, милости и земли, если они будутъ содѣйствовать мятежу. Въ началѣ мая 1863 года большая часть посредниковъ въ грубой формѣ просили еще у Назимова увольненія отъ службы. Муравьевъ немедленно ихъ всѣхъ отрѣшилъ, а за дерзкія выраженія арестовалъ многихъ изъ нихъ. Послѣ этого, закрывъ во всей Литвѣ учрежденія мировыхъ посредниковъ, Муравьевъ непосредственное огражденіе крестьянъ и ихъ правъ поручилъ военно-окружнымъ начальникамъ и уѣздной полиціи, которымъ даны были въ руководство подробныя правила для повѣрки и пересмотра составленныхъ ранѣе уставныхъ грамотъ и для введенія обязательнаго выкупа крестьянами всего ихъ земельного надѣла. Это, конечно, вызвало сильный ропотъ со стороны помѣщиковъ-землевладельцевъ, которые несли при этомъ существенныя матеріальныя потери, но этимъ самымъ было упрочено положеніе сельскаго населенія, освобожденнаго отъ всякаго вліянія на нихъ помѣщиковъ и всецѣло ставшаго на сторону русскаго правительства.

Одновременно Муравьевъ принималъ мѣры къ надѣленію землею безземельныхъ крестьянъ различныхъ наименованій, а также къ поселенію въ Литвѣ старообрядцевъ, назначая на это помѣстья, секвестрованные у разныхъ лицъ польскаго происхожденія за участіе ихъ въ мятежѣ.

Глубоко убѣжденный въ томъ, что лучшимъ ручательствомъ прочности возстановленнаго порядка въ Западномъ краѣ и связи его съ остальною Россіею является усиленіе православія, Муравьевъ принялъ мѣры къ улучшенію быта православнаго духовенства въ западныхъ губерніяхъ посредствомъ отдачи церковному причту участковъ земель, а

также и къ сооружеію и возстановленію православныхъ храмовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ была открыта новая Виленская православная епархія, которую управлялъ Іосифъ Сѣмашко съ двумя викаріями.

Одновременно съ этимъ изданы правила о закрытіи многихъ католическихъ костеловъ и монастырей, въ чрезмѣрномъ излишествѣ находившихся въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Все воспитаніе юношества было въ рукахъ католическаго духовенства, относившагося враждебно и къ русскому правительству и ко всему русскому. Это дѣлало необходимымъ полное преобразование учебной части виленскаго округа. Муравьевъ далъ сильный толчокъ образованію народа въ строгомъ смыслѣ, открывъ въ Молодечнѣ (Ошмянскомъ уѣздѣ) учительскую семинарію, и обратилъ вниманіе на устройство возможно большаго числа народныхъ школъ, какъ въ селеніяхъ такъ и въ городахъ, причѣмъ въ школахъ преподавали русскую и славянскую грамоту, а сами школы—находились въ рукахъ русскаго духовенства, въ помощь которому, по мѣрѣ надобности, назначались и свѣтскія лица. Во многихъ городахъ были учреждены двухъ-классныя училища. Въмѣстѣ съ тѣмъ воспрещена была продажа польскихъ букварей и другихъ всякаго рода учебныхъ руководствъ на польскомъ языкѣ, издаваемыхъ въ Варшавѣ съ явно революціонною цѣлію.

Въ концѣ апрѣля 1864 года, Муравьевъ отправился въ Петербургъ и, будучи боленъ, не могъ немедленно явиться къ государю. Петербургское общество, несмотря на явное противодѣйствіе князя Суворова (тогда генераль-губернатора въ С.-Петербургѣ)¹⁾, встрѣтило Муравьева, по его собственнымъ словамъ, съ сочувствіемъ. Государь же императоръ принялъ его сухо. Муравьевъ сталъ излагать его величеству причины, побуждающія его покинуть край, но государь выразилъ желаніе, чтобы онъ еще остался. Послѣ совѣщаній съ лицами, содѣйствовавшими его дѣятельности, онъ подалъ 14-го мая 1864 года государю лично записку о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго края, которая во многомъ удостоилась высочайшаго одобренія.

Муравьевъ вернулся въ Вильно, которую скоро (7-го іюля 1864 г. вечеромъ), удостоилъ своимъ посѣщеніемъ императоръ Александръ II, по возвращеніи своемъ изъ-за границы. Его величество осматривалъ православную церковь, принималъ депутаціи отъ крестьянскихъ обществъ, дѣлалъ смотръ войскамъ и изволилъ пожаловать Михаила Николаевича шефомъ Пермскаго пѣхотнаго полка, чѣмъ онъ былъ глубоко тронутъ. Вечеромъ, Муравьевъ имѣлъ личный докладъ о необходимости продолжать и поддерживать во всей силѣ мѣры, принятыя къ обрусенію края, и сохранить также военное положеніе. Государь импе-

¹⁾ См. ниже стр. 293 и слѣд.

раторъ все это одобрилъ, а Муравьевъ, чувствуя необходимость лечиться и отдохнуть, испросилъ высочайшее разрѣшеніе на отлучку въ свою деревню, въ томъ предположеніи, что скоро прибудетъ назначенный ему помощникъ Александръ Львовичъ Потаповъ. Но сей послѣдній прибылъ только въ августъ мѣсяцъ. Здоровье Муравьева все болѣе и болѣе разстраивалось. Это побудило его въ мартъ 1865 года ѣхать снова въ Петербургъ, съ твердою рѣшимостію болѣе не возвращаться въ Вильно. Больной онъ прибылъ въ столицу 19-го марта, когда много говорили въ Петербургѣ о всепрощеніи мятежниковъ. Явившись 24-го марта его величеству, Муравьевъ былъ принятъ очень милостиво и пріятливо, но государь безмолвно и довольно равнодушно слушалъ его предположенія о дальнѣйшемъ управленіи краемъ.

6-го апрѣля 1865 года, Муравьевъ имѣлъ снова аудіенцію у императора и представилъ лично особую записку, въ которой указывалъ какія мѣры необходимо еще удержать и на будущее время, для огражденія спокойствія. Къ числу ихъ относилось: 1) не снимать военного положенія еще нѣсколько лѣтъ; 2) не отмигать установленнаго процентнаго сбора съ имѣній; 3) не возвращать еще долгое время въ край лицъ, высланныхъ изъ онаго въ Россію; 4) стремиться къ просвѣщенію крестьянскаго населенія и къ утверженію православія; 5) поддерживать русское духовенство и строго слѣдить за католическимъ; 6) умножить число русскихъ школъ; 7) ввести русскія буквы въ жмудское нарѣчіе; 8) правильнымъ преподаваніемъ исторіи уничтожить превратное и враждебное намъ направленіе, распространенное польскими школами и т. д. («Русскій Архивъ» 1885 г., № 6). вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ опять просилъ уволить его отъ управленія краемъ. Государь оставилъ эти предположенія у себя и, получивъ изъ Ниццы самыя тревожныя извѣстія о состояніи здоровья наслѣдника цесаревича Николая Александровича, поспѣшилъ 6-го апрѣля уѣхать къ своему умирающему августѣйшему сыну.

М. Н. Муравьевъ снова просилъ объ увольненіи и на этотъ разъ получилъ его. «Снисходя къ желанію вашему, писалъ ему императоръ въ рескриптѣ отъ 17-го апрѣля, и съ сожалѣніемъ увольняя васъ отъ занимаемыхъ должностей, въ ознаменованіе заслугъ, возвелъ васъ съ нисходящимъ потомствомъ въ графское достоинство имперіи. Искренно вамъ благодарный Александръ».

Муравьевъ отправился на отдыхъ въ свое имѣніе «Сырецъ» Лужскаго уѣзда Петербургской губерніи, гдѣ, занимаясь хозяйствомъ, началъ также постройку на свой счетъ православной церкви, въ память русскихъ воиновъ, убитыхъ при усмирении послѣдняго мятежа.

Но отдыхъ его былъ непродолжителенъ. Въ апрѣлѣ 1866 года въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ саду было совершено Каракозовымъ

злѣдѣйское покушеніе на жизнь императора, къ счастью не имѣвшее послѣдствій. Муравьевъ довѣріемъ монарха былъ призванъ къ разслѣдованію сего преступленія и назначенъ предсѣдателемъ особо учрежденной для этого комиссіи. Труды его по исполненію этой новой возложенной на него обязанности были не менѣ велики и тягостны, требовали неменьшей силы соображенія и характера и быть можетъ еще большей энергіи. Онъ, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей» (1866 г., № 182), работалъ неутомимо и, доведя разслѣдованіе до конца, вернулся опять въ деревню и кончилъ сооруженіе начатаго имъ храма, который былъ торжественно освященъ 26-го августа 1866 года, при значительномъ скопленіи окрестныхъ жителей и другихъ лицъ, пріѣхавшихъ на этотъ религіозный праздникъ.

Для черезъ два послѣ этого, Муравьевъ, по обыкновенію, отправляясь довольно рано спать, поговорилъ нѣсколько со своимъ камердинеромъ, служившимъ ему тридцать четыре года, а затѣмъ легъ и заснулъ... на вѣки. На другой день, 29-го августа, камердинеръ, войдя въ спальню, засталъ графа уже мертвымъ. Посланное ему 30-го августа 1866 года новое доказательство монаршей милости—алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго,—не могло уже порадовать графа, а только послужило украшеніемъ его похоронъ. Толпы крестьянъ одна передъ другою просили разрѣшенія запрягать лошадей въ печальную колесницу, а подъ конецъ сами повезли брѣнные останки графа до станціи желѣзной дороги. Торжественное отпѣваніе и погребеніе графа Муравьева происходило 2-го сентября 1866 года въ соборѣ Александро-Невской Лавры ¹⁾, въ присутствіи наслѣдника-цесаревича—будущаго императора Александра III.

Графъ М. Н. Муравьевъ былъ прекрасный семьянинъ, очень привѣтливый и гостепріимный хозяинъ ²⁾. Онъ горячо любилъ семью и уважалъ истинную доброту въ людяхъ. Все въ немъ носило отпечатокъ коренного русскаго человѣка: складъ ума, взглядъ на вещи, разговоръ, тонъ рѣчи, вкусы и привычки и даже крѣпкое тѣлосложеніе. Онъ обращалъ вниманіе рѣшительно на все; умѣлъ самъ работать и привлекать къ труду другихъ, требуя пріятномъ полнѣйшей добросовѣстности. Онъ обладалъ даромъ слова и любилъ выслушивать основательное, добросовѣстное мнѣніе. При этомъ онъ умѣлъ распознавать людей и довѣрялъ людямъ достойнымъ. Несмотря на свои обширныя служебныя занятія, графъ Муравьевъ удѣлялъ много времени ученымъ трудамъ и состоялъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, многихъ университетовъ,

¹⁾ „Русскій Инвалидъ“ 1866 г., № 225; „Московскія Вѣдомости“ 1866 г., № 182.

²⁾ См. „Современная Лѣтопись“ 1867 г., № 12

Московского, Харьковскаго и Кіевскаго, Императорской Публичной Библиотеки, Императорскаго московскаго общества испытателей природы и т. д. ¹⁾). Крім того онъ принималъ дѣятельное и непосредственное участіе въ занятіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества ²⁾). Въ продолженіе семи лѣтъ онъ былъ вице-президентомъ этого общества, удостоясь этого избранія 22-го февраля 1850 года. Подъ наблюденіемъ Муравьева снаряжено самое большое предпріятіе общества—именно сибирская экспедиція, результатомъ которой явилась подробная карта Восточной Сибири и различные труды по географіи и естествознанію. Изданный обществомъ атласъ Тверской губерніи на 50-ти листахъ останется навсегда замѣчательнымъ памятникомъ трудовъ и попеченій покойнаго графа для развитія русской картографіи. Крім того, при его вице-президентствѣ основаны отдѣлы общества: Сибирскій и Кавказскій. Съ назначеніемъ въ 1857 году Муравьева министромъ государственныхъ имуществъ, онъ былъ вынужденъ сложить съ себя званіе вице-президента общества, но не переставалъ принимать дѣятельное участіе въ трудахъ его и до послѣдняго времени посѣщалъ его собранія.

Обращаясь въ заключеніе къ самой оцѣнкѣ дѣятельности графа Муравьева, мы должны сказать, что безпристрастный судъ исторіи еще не наступилъ для сего государственнаго дѣятеля. Но приговоръ этотъ отчасти предрѣшенъ какъ тѣмъ единодушнымъ заявленіемъ глубочайшей признательности русскаго народа, выраженнымъ во множествѣ адресовъ, телеграммъ и стихотвореній, поднесенныхъ своевременно графу Муравьеву, такъ и предстоящимъ открытіемъ ему памятника въ Вильно. Сужденія о дѣятельности Муравьева, какъ вообще сужденія о всякихъ дѣйствіяхъ, до безконечности различны и разнообразны. Но обсуждая дѣятельность графа, не должно забывать по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей» (1866 г., № 182), что ему приходилось бороться не съ одними матеріальными затрудненіями, но и съ нравственными; не съ одною силою, но и съ обманомъ. Онъ спасъ Россіи Литву и этимъ исполнилъ желаніе, выраженное ему государынею. Россія оцѣнила его подвигъ. Задача Муравьева была тѣмъ труднѣе еще, что гражданскій духъ у насъ былъ тогда въ упадкѣ и надъ разслабленными умами господствовало убѣжденіе, что отречься отъ отечества, его чести, интересовъ, отдавать его на расхищеніе—есть вверхъ либерализма и долгъ образованнаго человѣка. Обстоятельства, среди коихъ Муравьевъ принужденъ былъ дѣйствовать, требовали мѣръ сильныхъ и рѣшительныхъ, а въ настоящее время, совершенно упуская изъ виду эти обстоятельства,

¹⁾ См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 10.

²⁾ „Извѣстія Имп. Геогр. Общества“ 1866 г., № 6, октябрь, стр. 163.

едва ли правильно порицать Муравьева, какъ это многіе дѣлаютъ ¹⁾, за рѣшительныя и даже суровыя мѣры, благодаря которымъ намъ сохранены губерніи, приобретенныя отъ враговъ кровью нашихъ предковъ. Казалось бы правильнѣе послѣдовать словамъ народнаго поэта:

„Бокалъ заздравный поднимая
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края,
Такъ много-жъ лѣтъ ему: „ура!“
Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги.
Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ,
Тогда и самый врагъ твой скажетъ
Великъ твой подвигъ... и вздохнетъ ²⁾).

П. Майковъ.

¹⁾ Напр. авторъ статей въ „Наблюдателѣ“ 1883 года № 11, 12, называетъ дѣятельность Муравьева—брандтъ-маіорскою дѣятельностью.

²⁾ Изъ стихотворенія Некрасова, прочитаннаго имъ въ англійскомъ клубѣ 27-го апрѣля 1865 года на обѣдѣ въ честь Муравьева. См. „Русскій Архивъ“ 1885 года, № 6.

Рѣчь Императора Александра II депутатамъ С.-Петербургскаго дворянства при восшествіи его на престоль.

Господа! Я желалъ васъ видѣть, чтобы передать вамъ слова покойнаго нашего благодѣтеля, незабвеннаго моего родителя. — Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ уже читать самъ выраженія вашихъ чувствъ. — Эта пріятная обязанность была возложена на меня. — Ваше усердіе, господа, усладило его послѣднія минуты. — Выслушавъ меня императоръ сказалъ:

«Благодарю ихъ, благодарю искренно. — Скажи имъ, что я никогда не сомнѣвался въ ихъ преданности, а теперь еще болѣе убѣдился».

Я увѣренъ, господа, что слова покойнаго императора глубоко залягутъ въ вашемъ воспоминаніи. — Вы — во главѣ другихъ, — передайте ихъ вашему сословію, передайте ихъ вашему дворянству.

Времена трудныя. Я всегда говорилъ покойному государю, что Богъ милостивъ. — Мы думали радоваться вмѣстѣ... Но Богу было угодно рѣшить иначе!

Я въ васъ, господа, увѣренъ, не унывайте! Вы за меня. Я за васъ, — ни шагу назадъ! Я вамъ ручаюсь, что не уступлю ничего. — Господь намъ да поможетъ. — (Тутъ государь, сотворивъ крестное знаменіе присовокупилъ). Не посраимъ земли русскія! Христосъ съ вами! (обнявъ губернскаго предводителя государь заплакалъ). Еще разъ въ вашемъ лицѣ благодарю дворянство! Прошайте господа!...

Разказы о графѣ М. Н. Муравьевѣ.

I.

М. Н. Муравьевъ губернаторомъ въ Курскѣ.

Вѣсть о назначеніи генерала Муравьева (въ 1835 г.) изъ Гродно въ Курскъ быстро разнеслась по губерніи... Страхомъ и трепетомъ обуяла эта вѣсть туземное чиновничество, какъ бы призывъ предъ страшный судъ за долгія и тяжкія прегрѣшенія нашихъ судей и администраторовъ!... Хорошо всѣ знали, что такое Муравьевъ... Слухомъ, какъ говорятъ, земля полнится, и «гласъ-народа—гласъ Божій!» какъ проповѣдуетъ вѣковое преданіе. Одна только канцелярія губернатора, такъ мало причастная общему грѣху, мирно и чинно ожидала нашествія сѣверо-западной тучи; дѣла ея, благодаря Бога и честному направленію управлявшаго канцелярією г. С— ва, текли ровно и гладко, хотя подъ-часть и медленно. Въ ней трудно было самому взыскательному ревизору зацѣпиться за пень или колоду—ихъ между смиренно-грудовой братіей не существовало.

Но вотъ, наконецъ, ожидаемая около двухъ мѣсяцевъ грозовая туча надъ губернскимъ городомъ разразилась. Громовой ударъ грянулъ и показалъ на дѣлѣ, что не даромъ волновались души и трепеть обуреваютъ сердца грѣшниковъ!... Смѣна за смѣною, реформа за реформою въ губернскомъ правленіи, палатахъ и судахъ—пошли быстрымъ ходомъ... Не прошло 2-хъ мѣсяцевъ, какъ Курскъ совершенно обновился: весь старый хламъ разобранъ, растасованъ, выброшенъ! его замѣнили новыя личности и тѣ, которыя прибыли съ губернаторомъ изъ Гродно, Петербурга и Москвы въ числѣ около двадцати человекъ и постепенно наѣзжавшіе и съ сѣвера, и съ запада, и юга, и востока!...

Тѣхъ, которые удержались на своихъ мѣстахъ нетрудно перечестъ: три засѣдателя судебныхъ палатъ, одинъ изъ совѣтниковъ казенной палаты, директоръ гимназіи, одинъ изъ губернскихъ стряпчихъ, опера-

торъ врачебной управы, да два чиновника особыхъ порученій, получившіе вскорѣ назначеніе на высшія должности, итого девять человѣкъ. Вотъ все, что осталось Курску отъ прежняго чиновнаго персонала... При такихъ реформахъ и преобразованіяхъ, новымъ начальникомъ губерніи произведенныхъ, произошли нѣкоторыя измѣненія и въ составѣ его канцеляріи: штатъ чиновниковъ сократился до minimum'a; взамѣнъ этого сокращенія вновь учреждено при канцеляріи ревизіонное отдѣленіе, гдѣ сосредоточивалась отчетность всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ губерніи, вѣдомству губернатора непосредственно подчиненныхъ, и этимъ новымъ учрежденіемъ, слѣдившимъ зорко и строго за дѣйствіями тѣхъ и другихъ, данъ сильный толчокъ дѣятельности всѣхъ и каждаго.

Въ канцеляріи и губернскомъ правленіи денно-нощная работа, какъ говорится—огнемъ горѣла и ключемъ кипѣла!... Шестнадцатю часами суточныхъ занятій, безъ исключенія воскресныхъ и праздничныхъ дней, опредѣлялось трудовое время, на молодя, большею частью, рамена нагруженное!... Еженедѣльные ревизіи канцеляріи, производимыя самимъ губернаторомъ, всегда по воскресеньямъ съ 11—12-ти часовъ утра до часа и двухъ ночи и ежемѣсячныя губернскаго правленія не допускали мысли о свободѣ и праздности. Разительный примѣръ неусыпнаго труда и необычайной дѣятельности всѣ имѣли предъ глазами—въ особѣ М. Н. Муравьева: дни и ночи проводилъ онъ за рабочимъ столомъ своего кабинета съ перомъ въ рукѣ! Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ генерала былъ вице-губернаторъ Г. Ф. Авсѣенко. Это былъ замѣчательный человѣкъ по высокой честности, деликатности въ обращеніи и необычайному трудолюбію. Онъ былъ воплощенная правда и истина! М. Н. любилъ и уважалъ его искренно, называлъ его не иначе, какъ своею правою рукою, на которую смѣло можно было опереться при трудномъ управленіи такою губерніею, какова Курская.

Но грозовая туча все еще не прошла и не очистила горизонта для Курской губерніи... Она мрачною пеленою висѣла и разстилалась надъ нею! Зловѣщій второй ударъ грома разразился изъ этой грозной тучи, когда новый губернаторъ, спустя четыре мѣсяца по прибытіи въ Курскъ, отправился для обозрѣнія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ...

Въ концѣ концовъ дошло до того, что не имѣлось уже въ виду кѣмъ замѣщать сотни очищенныхъ вакантныхъ мѣстъ по всѣмъ отраслямъ уѣзднаго управленія. Явилась необходимость братья за иногороднихъ; и вотъ, почты понесли по всѣмъ направленіямъ отношенія къ сосѣднимъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ о приглашеніи желающихъ служить въ Курской губерніи, которая такимъ образомъ приняла на себя роль Кавказа и Сибири, куда идутъ чиновники лишь по вызову за неимѣніемъ туземцевъ.

Со всѣхъ сторонъ слетались въ Курскъ: орлы и орлята, коршуны и ястребы, смиренные агныцы и бодливые козлища, хитрые лисы и хищные волки, и вся эта ржа и тля до того заполонила было губернію, что скоро потребовались самыя энергичныя полицейскія мѣры, чтобы только выворотить за черту губерніи большую часть налетѣвшей саранчи и выпроводить во свояси эту тяжелую кару раздраженнаго неба!

Насилу-то, насилу года въ полтора въ два, упорядочился составъ губернскихъ и уѣздныхъ должностныхъ лицъ! Въ самомъ губернскомъ правленіи, въ продолженіе почти цѣлаго года оставались праздыми мѣста двухъ совѣтниковъ; ихъ занимали по назначенію губернатора: бѣлгородскій городничій, гвардейскій подпоручикъ В—въ и засѣдатель Дмитріевскаго уѣзднаго суда, подпоручикъ же арміи С—кій, уцѣлѣвшіе отъ общаго погрома, какъ чиновники дѣйствительно достойные, обратившіе на себя при ревизіи особое вниманіе его превосходительства. Въ г. Щиграхъ отправлялъ должность городничаго около года начальникъ мѣстной инвалидной команды маіоръ П—въ. Вотъ доказательство, до какой степени доходило затрудненіе въ замѣщеніи свободныхъ вакантныхъ мѣстъ въ губерніи.

Между тѣмъ усидчивая работа въ губернаторской канцеляріи и губернскомъ правленіи не прекращалась и лишь по прошествіи двухъ лѣтъ служащіе труженники достигли какъ-бы обновленія своей жизни: порядокъ былъ возстановленъ всюду, куда проникала крѣпкая власть начальника губерніи; рабочая машина, хорошо приспособленная, правильно и отчетливо совершала свое дѣло; все вошло въ надлежащую, прочно пробитую колею, не выскакивая изъ рельсовъ. Трудъ совершилъ свое дѣло, и свобода служащаго люда получила до нѣкоторой степени права гражданства! Только тогда лишь всѣ оцѣнили вполне ту неусыпную заботливость, всю силу той необычайной энергіи, съ какими стремился къ благоустройству губерніи нашъ образцовый и незабвенный начальникъ. Твердость убѣжденій, глубокій здравый смыслъ, неподкупная ни какими земными благами правда были отличительными чертами его характера; они составляли блистательный ореолъ его замѣчательной личности!

Надобно правду сказать, не легка была задача новаго губернатора среди такого непроходимаго хаоса, въ какомъ находилась тогда Курская губернія: многіе сотни тысячъ казенныхъ недоимокъ и податей, тяготѣвшихъ на всѣхъ сословіяхъ чрезъ бездѣйствіе администраціи, многими годами накопленныхъ, и свыше 30-ти тысячъ дѣлъ въ одномъ губернскомъ правленіи, укоренившаяся праздность въ массѣ губернскихъ и уѣздныхъ должностныхъ лицъ—заставили генерала Муравьева принять рѣшительныя и быстрыя мѣры, какъ къ очищенію недоимокъ, такъ и къ перемѣнѣ почти всего чиновнаго персонала въ губерніи и въ замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ лицами болѣе благонамѣренными и дѣятель-

ными. Въ томъ и другомъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ со строгою непреклонною законностью. Независимо распоряженій по первому изъ сихъ предметовъ, удостовѣрясь лично въ беспорядочномъ веденіи уѣздными казначействами податныхъ регистровъ и въ неправильности учета казенныхъ и земскихъ сборовъ, онъ учредилъ въ каждомъ городѣ особыя комисіи для разбора недоимокъ подъ предсѣдательствомъ исправниковъ, чиновниковъ казенной палаты и уѣздныхъ стряпчихъ и, слѣдя настойчиво за успѣхомъ дѣйствій сихъ комисій, далъ вполне разумное и отчетливое направленіе этому важному государственному дѣлу. Едва ли не свыше милліона рублей по его представленіямъ было сложено въ губерніи недоимокъ давнихъ лѣтъ, какъ неправильно начтенныхъ, такъ и ко взысканію невозможныхъ. Если же недовольные дѣйствіями его по усиленному взысканію недоимокъ указываютъ на продажу въ имѣніяхъ неплательщиковъ—движимыхъ ихъ имуществъ, усматривая въ томъ превышеніе будто-бы власти губернатора, но такая крайняя мѣра, отнюдь не противорѣча установленнымъ въ законѣ правиламъ, не представляла, слѣдовательно, собою повода къ недовольству; тѣмъ болѣе, что рѣшительныя и энергичныя распоряженія губернатора суть слѣдствіе настоятельной воли государя, объявленной лично при посѣщеніи его величествомъ Курска въ августѣ мѣсяцѣ 1835 года, и потому никакое замедленіе, а тѣмъ паче послабленіе неплательщикамъ были не мыслимы и не могли имѣть мѣста тамъ, гдѣ исполненіе дѣла лежало на строгой личной отвѣтственности начальника губерніи.

Пристрастіе и лицепріятіе во все время управленія генерала Муравьева губерніею было совершенно немыслимо: это доказывается тѣмъ, что когда одинъ ихъ прибывшихъ съ нимъ изъ Гродно, въ числѣ 16-ти чиновниковъ, занявшій въ Курскѣ мѣсто совѣтника губернскаго правленія, воспользовавшись отъѣздомъ генерала въ началѣ 1839 года въ Петербургъ и разнесшимися слухами о назначеніи его директоромъ департамента вновь образованнаго тогда министерства государственныхъ имуществъ, задумалъ лишь соединять частныя свои интересы съ служебными, то тотчасъ же по возвращеніи губернатора въ Курскъ устраненъ былъ отъ должности; напротивъ (же) два чиновника особыхъ порученій, служившіе при бывшемъ губернаторѣ, получили по ходатайству генерала Муравьева мѣста совѣтниковъ: одинъ въ губернскомъ правленіи, другой въ гражданской палатѣ.

Съ помощью присущей мощной натурѣ генерала Муравьева дѣятельности, энергіи и неодолимой силы воли, четырехъ-лѣтнее управленіе его преобразовало до неузнаваемости губернію и, можно безъ преувеличенія сказать, возродило ее къ новой, разумно-честной жизни. Система такого управленія, достойно поддержанная въ теченіе послѣдующихъ 11-ти лѣтъ двумя преемниками его: генералъ-маіоромъ Ф. и еще

болѣ дѣйств. ст. сов. У—мъ, павшимъ въ послѣдствіи безвинною жертвою низкой интриги, порожденной враждебными столкновениями съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ тузовъ, прочно держалась и въ нѣкоторой степени доселѣ удерживается въ Курской губерніи.

Достаточно взглянуть на представленія генерала Муравьева и отчеты его государю и министру внутреннихъ дѣлъ за 1835 и 1836 годы, а также на предложенія, данныя губернскому правленію въ тѣ годы, чтобы убѣдиться, въ какомъ положеніи принята была имъ въ свое управленіе Курская губернія и что за чиновничество составляло ея судъ и администрацію! Ознакомившись близко съ этими фактами, не будетъ повода удивляться, что по вступленіи на должность губернатора, генераль Муравьевъ поспѣшилъ измѣнить въ ней почти весь чиновничій персоналъ, уничтожая, такъ сказать, всю старую, негодную закваску и стремясь всемѣрно замѣнить ее свѣжими, болѣе свѣтлыми элементами служебной нравственности; и если, въ числѣ потерпѣвшихъ fiasco чиновниковъ, состояло пять, шесть болѣе или менѣе благонамѣренныхъ, то вѣдь генералу Муравьеву не было времени долго всматриваться въ ихъ личныя достоинства, и онъ не находилъ возможнымъ безъ всеобщаго намѣненія прежняго персонала достигнуть скоро и прочно цѣли предпринятыхъ имъ реформъ и улучшеній. Не менѣе упрекали генерала Муравьева пожалуй и за то, что увольняемые и отрѣшаемые чиновники обращаемы были имъ во временной комплектъ для окончанія имѣвшихся на рукахъ ихъ дѣлъ и для разбора архивовъ, найденныхъ при ревизіи его въ неимовѣрномъ безпорядкѣ; таковою обязанности не избѣгли ни совѣтники губернскаго правленія, ни члены полицейскихъ управленій. Но вопросъ: какими же другими средствами возможно было съ желаннымъ успѣхомъ преодолѣть тѣ затрудненія, исправить тѣ капитальныя безпорядки, какіе царили въ губерніи въ продолженіе почти двадцати лѣтъ? Понятное дѣло, послѣ совершеннаго погрома должностныхъ лицъ и неуклонно строгаго преслѣдованія все еще кое-гдѣ скрытно гнѣздившихся въ губерніи злоупотребленій, весьма немного оставалось такихъ, которые были бы довольны подобными дѣйствіями и прославляли его управленіе; но послѣдствія убѣдили въ необходимости тѣхъ крутыхъ мѣръ, какія приняты были предусмотрительностью генерала Муравьева для уничтоженія зла, какъ говорится, съ корнемъ! Самыя проводы его изъ губерніи въ іюль 1839 года, когда перемѣщенъ онъ былъ въ министерство финансовъ, на должность директора департамента податей и сборовъ, наглядно свидѣлствуютъ живѣйшую благодарность дворянства и другихъ сословій за принесенную его управленіемъ пользу. Едва-ли съ такимъ почетомъ и сожалѣніемъ провожали кого-либо изъ всѣхъ его предшественниковъ, занимавшихъ постъ Курскаго губернатора со

времени образованія этой губерніи? Цѣлая вереница экипажей дворянства, губернскихъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ города тянулась за его дорожнымъ дорезомъ отъ Курска до Коренской пустыни, гдѣ предназначенъ былъ послѣдній прощальный ему обѣдъ въ заключеніе нѣсколькихъ, данныхъ чиновничествомъ, дворянствомъ и купечествомъ, подобныхъ обѣдовъ въ Курскѣ. Болѣе 200 особъ участвовали на Коренскомъ обѣдѣ и проводы были по истинѣ образцовыя!... А потомъ, когда по временамъ генералу Муравьеву случалось быть проездомъ въ Курскѣ, какъ, напримѣръ: изъ Кіева въ 1851-мъ, кажется, году, потомъ въ 1856-мъ для ревизіи межевыхъ дѣлъ и наконецъ, въ 1858-мъ по званію министра государственныхъ имуществъ и главнаго директора межевого корпуса для ревизіи палаты государственныхъ имуществъ и посреднической комисіи по размежеванію земель, надобно было видѣть то громадное стеченіе публики, которая собиралась для привѣтствія своего бывшаго губернатора! Не только пріемные покои квартиры его переполнены были пообѣтителями, но улицы, прилегающія къ этому дому, буквально запружены были народомъ! Благіе результаты управленія генерала Муравьева скоро выяснились въ положеніи губерніи: почти всѣ многомилліонныя казенныя недоимки были погашены; залежавшіяся во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ десяткамъ тысячъ дѣлъ данъ такой толчекъ, что быстрота производства и рѣшенія ихъ изумляла всѣхъ и cadaго; и можно съ полною увѣренностью сказать: пробудь Муравьевъ еще годъ или два губернаторомъ въ Курскѣ, не оставалось бы въ губерніи и слѣда прежняго неустройства и неурядицы!

Въ заключеніе, не лишнее будетъ замѣтить, какъ много генералъ Муравьевъ, на пути предпринятыхъ имъ улучшеній въ судебномъ и административномъ управленіи въ губерніи ему ввѣренной, встрѣчалъ разнородныхъ реакціонныхъ преградъ со стороны высшихъ правительственныхъ властей, не исключая и Правительствующаго Сената. Почти на первыхъ же порахъ служебной дѣятельности его въ Курскѣ противъ него явно возстали министры: военный, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющій путями сообщенія и 1-й департаментъ Сената—и противодѣйствія эти ясно отражались въ отрицаніи самыхъ дѣльныхъ и воплѣтъ законныхъ его представленій, слѣдствіемъ чего онъ не разъ вынуждаемъ былъ крайностью входить, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, шефа жандармовъ, а иногда и лично, со всеподданнѣйшими докладами къ государю и только тогда достигались предпринятая имъ мѣры. А между тѣмъ время доказало, какъ тяжело отзываются подобныя отношенія лицъ, болѣе или менѣе зависимыхъ, съ властію, стоящею ступенью или двумя выше на іерархической лѣстницѣ. Если указать на причины тѣхъ непріязненныхъ столкновеній съ высшими сановниками,

какія выпали на долю М. Н. Муравьева, то они покажутся болѣе странными, чѣмъ дѣльными и основательными. Такъ, напримѣръ: военный министръ вознегодовалъ на Муравьева собственно за назначеніе имъ начальника цигровской инвалидной команды къ временному исправленію должности городничаго въ Щиграхъ, впредь до замѣщенія этой вакансіи со стороны комитета о раненыхъ. На запросъ министра: «чѣмъ руководствовался военный губернаторъ при такомъ распоряженіи, не испросивъ предварительно его согласія», генераль Муравьевъ не обинуясь отвѣчалъ, что при ревизіи имъ цигровскихъ присутственныхъ мѣстъ настоящаго городничаго въ городѣ не было; исправляющій же эту должность частный приставъ встрѣченъ имъ пьянымъ; уѣздный судья, на котораго можно-бъ было возложить временно обязанность городничаго, находился въ болѣзненномъ положеніи и должность его исправлялъ ни къ чему неспособный застѣдатель уѣзднаго суда; что при такихъ обстоятельствахъ, губернатору предстояли двѣ крайности: или оставить городъ безъ всякаго полицейскаго управленія или же поручить обязанность городничаго начальнику мѣстной инвалидной команды, которая составляетъ собою какъ бы пособіе полицейскому управленію въ охраненіи спокойствія и порядка въ городѣ.

Такимъ категорическимъ отзывомъ конечно не удовольствовался военный министръ, хотя дальнѣйшія возраженія его и остались безъ послѣдствій. Далѣе—министръ юстиціи, при участіи Правительствующаго Сената, возсталъ противъ Муравьева за личный всеподданнѣйшій докладъ его государю императору, при посѣщеніи его величествомъ Курска въ августѣ мѣсяцѣ 1835 года, о совершенной неблагонадежности предѣдателя Курской уголовной палаты Г—го, слѣдствіемъ чего было немедленное удаленіе его по высочайшему повелѣнію отъ должности и опредѣленіе представленнаго на это мѣсто лично Муравьевымъ, помимо министра и Сената, одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія. Дѣйствіе Муравьева въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе раздражило министра юстиціи и Правительствующій Сенатъ, что Г—кій, служа нѣсколько лѣтъ въ Курскѣ, получалъ по ходатайству министра ежегодныя награды, и уголовная палата, вопреки справедливости, выставлялась почему-то въ числѣ образцовыхъ. И въ силу-то подобной, несогласной съ дѣйствительностью. аттестаціи, ни министр юстиціи, ни Сенатъ не признавали удобнымъ согласиться съ представленіями губернатора объ удаленіи Г—го отъ должности предѣдателя.

Затѣмъ, вотъ причина, послужившая къ неудовольствію на генерала Муравьева со стороны гр. Клейнмихеля: въ 1836 или 37-мъ году въ Курскомъ губернскомъ правленіи предназначалось въ продажу весьма капитальное имѣніе умершаго помѣщика Анненкова, бывшаго до 1831

года губернскимъ предводителемъ. Имѣніе это находилось въ разныхъ уѣздахъ губерніи, и губернаторъ Муравьевъ, изъ желанія привлечь къ торгамъ возможно большее число конкурентовъ и тѣмъ выгоднѣе произвести продажу имѣнія Анненкова, чтобы сколько-нибудь гарантировать печальную будущность его семейства, сдѣлалъ распоряженіе о распродажѣ имѣній его по частямъ, въ томъ справедливомъ убѣжденіи, что съ большимъ капиталомъ трудно было ожидать достаточнаго числа желающихъ приступить къ торгамъ на покупку имѣнія свыше тысячи ревизскихъ душъ съ большимъ количествомъ земли, въ цѣломъ составѣ его. Кто-бы, казалось, могъ протестовать противъ подобнаго, вполне практичнаго распоряженія? Но вышло противное: гр. Клейнмихель имѣлъ виды на имѣніе Анненкова, и узнавъ о намѣреніи губернатора пустить его въ раздробительную продажу съ особою оцѣнкою каждой изъ деревень, письменно относился къ М. Н. Муравьеву объ устраненіи такого предположенія, выразивъ прямо желаніе свое участвовать въ торгахъ на все вообще имѣніе, и что на предметъ этотъ, онъ уполномочилъ уже отъ себя довѣренное лицо. Губернаторъ, какъ и слѣдовало ожидать, не изъявилъ согласія на отміну своего распоряженія, и имѣнія проданы врознь, не только безъ ущерба для наслѣдниковъ Анненкова, но и съ значительною для нихъ пользою. Едва ли бы кто другой на мѣстѣ М. Н. Муравьева рѣшился послѣдовать его примѣру, и въ видахъ справедливости и безпристрастія, отважился возстановить противъ себя негодованіе такого мощнаго сановника, какимъ былъ въ то время гр. Клейнмихель? Кто сколько-нибудь знакомъ съ характеромъ и честолюбіемъ графа, тотъ легко можетъ представить себѣ впечатлѣніе, произведенное на его сіятельство отказомъ губернатора отъ выполненія его задушевныхъ желаній.

Нельзя сказать, чтобы благоволилъ къ Муравьеву и министръ внутреннихъ дѣлъ и сочувственно, какъ бы слѣдовало, относился къ его служебной дѣятельности, при полномъ соблюденіи законности и благонамѣренности въ его распоряженіяхъ. Подтверженіемъ такому неблаговоленію г. министра можетъ служить то, что почти всѣ представленія губернатора къ наградамъ достойнѣйшихъ изъ его сотрудниковъ и подчиненныхъ, въ большинствѣ, оставались безъ послѣдствій. Были нерѣдко случаи отказа въ ходатайствахъ его, болѣе чѣмъ наивные и странные. Такъ напримѣръ: то возвращались представленія по неразборчивости будто-бы подписи фамиліи губернатора; то по невыслугѣ рекомендуемыми лицами трехъ лѣтъ кряду въ одной и той же должности; то, наконецъ, оставались представленія его безъ уваженія, — смѣшно сказать, — по неразборчивости отмітки въ графѣ аттестаціи формуляра должностнаго, представляемаго къ награждѣ лица, тогда какъ въ самыхъ представленіяхъ точно и опредѣленно рекомендо-

вались труды и заслуги каждого. Послѣ такого упорнаго невниманія со стороны министерства къ ходатайству начальника губерніи, конечно, не оставалось ничего болѣе, какъ прекратить дальнѣйшія представленія, и вслѣдствіе того, награды служившимъ подъ начальствомъ его чиновникамъ были необычайною рѣдкостью.

Весьма естественно предполагать, что такое натянутое отношеніе министра и директоровъ департаментовъ къ губернатору было слѣдствіемъ формальныхъ представленій его о неопредѣленіи въ Курское губернское правленіе на должности совѣтниковъ, служащихъ или причисленныхъ къ министерству лицъ, безъ особой съ его стороны рекомендаціи, такъ какъ онъ не могъ разсчитывать на способность и готовность министерскихъ, вовсе неизвѣстныхъ ему чиновниковъ, нести тотъ тяжелый трудъ, какой необходимъ былъ при приведеніи губернскаго правленія и вообще губерніи въ должное благоустройство и порядокъ изъ царившаго въ нихъ хаоса.

Независимо сего, назначеніе Муравьевымъ къ временному исправленію обязанностей совѣтниковъ: бѣлгородскаго городничаго В—ва и засѣдателя Дмитріевскаго уѣзднаго суда С—го, безъ предварительнаго разрѣшенія министерства, неблагопріятно повліяло на министра и директоровъ его департаментовъ; но подобныя впечатлѣнія прошли предъ губернаторомъ Муравьевымъ безслѣдно, какъ-бы незамѣченными. Другихъ причинъ отсутствія симпатіи въ министрѣ къ служебной дѣятельности Муравьева за управленіе его Курскою губерніею современная хроника не представляетъ.

С. Д. Слатинъ.

II.

М. Н. Муравьевъ въ Вильнѣ.

(Изъ разсказовъ губернскаго прокурора).

О закрытіи монастыря Визитокъ въ г. Вильнѣ.

М. Н. Муравьевъ, бывший генералъ-губернаторомъ Западнаго края, усмиривъ польскій мятежъ (1863 г.) предпринялъ такого рода распоряженія, которыя уничтожали бы всякую идею о возможности произвеста мятежъ въ будущемъ.

Женскій монастырь Визитокъ, въ г. Вильнѣ, былъ самый богатый и обширный во всемъ Западномъ краѣ; тамъ являлись своихъ представителей всѣ аристократическія и богатѣйшія семейства польскаго проис-

хожденія. При монастырѣ была школа, состоявшая изъ двухъ отдѣленій: одного для дѣвочекъ и дѣвицъ дворянскихъ фамилій, а другого для разночинцевъ. Эта школа подъ видомъ образованія была основана собственно для пропаганды противъ русскаго правительства и всего русскаго. М. Н. Муравьевъ, убѣдившись въ этомъ, предполагалъ закрыть эту школу и уничтожить монастырь. Но какъ визитки имѣли громадныя связи со всѣми польскими аристократическими лицами не исключая Петербурга, то на представленіе генераль-губернатора о закрытіи монастыря визитокъ ему было отвѣчено изъ Петербурга: «н еобходимъ важный и доказанный поводъ и вообще по-временить».

Между тѣмъ игуменья визитокъ получила письмо изъ Петербурга отъ какой то дамы высшаго общества, которая между прочимъ ей писала: «*Moua wief vous mangera*». Эта фраза переполошила игуменью и весь монастырь; всѣ до того потеряли голову, что несмотря на строгій циркуляръ генераль-губернатора безъ его вѣдома никому не входить ни въ какія переписки и переговоры ни съ папою, ни съ кардиналами, ни съ епископами, ни съ кѣмъ изъ духовенства и монашества изъ иностранцевъ, игуменья написала жалобное письмо одному французскому епископу. Въ письмѣ этомъ, не взирая на свой санъ, не постыдилась нагать, что будто бы она съ сестрами находится въ самомъ мучительномъ положеніи, что ихъ тѣснятъ и сошлютъ въ Сибирь, и умоляла его принять ее со всѣми сестрами въ монастырь визитокъ находящійся подъ его вѣдѣніемъ. Французскій епископъ, очень хорошо зная, что визитки всѣ изъ богатыхъ и важныхъ фамилій, отвѣчалъ, что онъ съ радостью и съ распростертыми руками ихъ всѣхъ приметъ. Узнавъ объ этой перепискѣ, М. Н. Муравьевъ тотчасъ поручилъ прелату Немекши объявить игуменья и всѣмъ визиткамъ, что какъ, съ одной стороны, онѣ нарушили его циркуляръ, а съ другой стороны — желаютъ выѣхать изъ Россіи и что ихъ съ радостью примутъ во Франціи, то онъ не находитъ никакого препятствія къ ихъ отъѣзду, а назначаетъ имъ двухъ-недѣльный срокъ на приготовленіе къ дорогѣ и сдачи монастырскаго зданія и имущества правительству. Прелатъ Немекша исполнилъ порученіе генераль-губернатора въ точности, а визитки остались весьма довольны и начали приготовляться къ отъѣзду. Черезъ недѣлю послѣ этого М. Н. Муравьевъ послалъ городского архитектора осмотрѣть наружныя части зданій монастыря, а также церкви въ предположеніи устройства вмѣсто католическаго православнаго монастыря.

Архитекторъ отправился туда въ сопровожденіи прелата Немекши. На вопросъ сего послѣдняго, приготовляются ли онѣ къ путешествію, игуменья отвѣчала, что онѣ всѣ совершенно готовы хоть сейчасъ

ѣхать. Когда въ тотъ же день объ этомъ отвѣтъ узналъ М. Н. Муравьевъ, онъ поручилъ прелату Немекши немедленно отправиться къ визиткамъ и объявить игуменѣ, что онъ очень доволенъ, что онѣ всѣ до срока имъ даннаго приготовились къ отъѣзду, поэтому теперь уже нѣтъ никакой нужды оставаться долѣе здѣсь и что завтра съ экстреннымъ поѣздомъ онѣ будутъ отправлены за-границу. Игуменья поблѣднѣла при этомъ извѣстїи и всѣ сестры были поражены этою внезапностью, повидимому онѣ все еще чего-то ждали, на что-то надѣялись. Игуменья попробовала было сказать, что какъ же онѣ поѣдутъ не уведомивъ французскаго епископа? На это Немекша отвѣчалъ:—«генераль-губернаторъ позабылся телеграфировать вашему будущему епископу, что вы выѣзжаете завтра». Ничего не оставалось имъ дѣлать какъ ѣхать.

Дѣйствительно на другой день въ сопровожденїи одного расторопнаго квартальнаго надзирателя игуменья и всѣ визитки въ числѣ 80 отправились съ экстреннымъ поѣздомъ за границу и никакихъ овацій, ни безпорядковъ при этомъ не было.

Надо предполагать, что игуменья раздумала ѣхать за границу и писала о томъ тайно куда слѣдуетъ, потому что генераль-губернаторъ вечеромъ въ тотъ день, какъ визитки были отправлены, получилъ изъ Петербурга телеграмму: «прїостановить отправку визитокъ». М. Н. Муравьевъ, прочитавъ телеграмму только улыбнулся и на вопросъ адъютанта, что отвѣчать, сказалъ: «погодите, когда квартальный съ границы мнѣ телеграфируетъ, что визитки уже не на русской землѣ, тогда надобно отвѣчать, что визитки уже за границею»; при этомъ прибавилъ: «эта игуменья сама устроила отправку и сама же ее ускорила». Нѣкоторые увѣряютъ, что телеграма объ остановкѣ отправки визитокъ была получена наканунѣ отъѣзда визитокъ, но это—неправда.

При осмотрѣ всѣхъ зданїи монастыря одно окно, видимое снаружи, не могло быть отыскано, къ какой оно принадлежитъ комнатѣ, несмотря на всѣ старанїя архитекторовъ. Рѣшились было сдѣлать подмостки и отворить окно снаружи, но когда доложили объ этомъ М. Н. Муравьеву ему пришла мысль, что въ эту таинственную комнату вѣроятно существуетъ потаенная дверь, и дѣйствительно наконецъ дверь эта была найдена и открыта; таинственная комната оказалась очень комфортабельной спальней....

Монастырь визитокъ преобразованъ въ православную обитель св. Марїи, гдѣ также основана школа для дѣвочекъ и дѣвицъ, но только на другихъ основанїяхъ чѣмъ было у визитокъ.

Прощеніе грѣховъ въ Доминиканскомъ монастырѣ.

Чтобы взойти въ церковь Виленскаго Доминиканскаго монастыря, надобно проходить чрезъ весьма обширный коридоръ слабо освѣщенный. — Въ концѣ коридора при входѣ въ церковь на стѣнѣ видна была икона св. Доминика, передъ которою постоянно теплилась лампада; по обѣ стороны иконы были повѣшены двѣ таблицы: на одной означены самыя тяжкіе грѣхи, а на другой небольшіе, и тѣ и другіе были подъ номерами. — Ниже образа были прикрѣплены къ стѣнѣ двѣ кружки и повѣшены два мѣшка съ номерами на манеръ тѣхъ, съ которыми играютъ въ лото. Подлѣ образа на низкомъ табуретѣ постоянно сидѣлъ старый монахъ.

Всякій желавшій прощенія одного изъ написанныхъ грѣховъ на таблицахъ долженъ былъ преклониться передъ иконою, потомъ положить въ кружку для прощенія тяжкаго грѣха 2 з л о т а (30 к.), а для менѣ важнаго 1 з л о т ѣ (15 к.); затѣмъ монахъ бралъ одинъ изъ мѣшковъ, смотря прощенія какого грѣха желали получить, трясъ его, все равно какъ при лото, и подавалъ грѣшнику. — Сей послѣдній вынималъ изъ мѣшка номеръ, подыскивалъ по таблицѣ, какому грѣху соответствуетъ вынутый номеръ; такимъ образомъ найденный на таблицѣ по вынутому номеру грѣхъ прощается.

Во время постовъ и праздниковъ грѣшники сильно играли въ это лото, что приносило не малые доходы монастырю.

Когда М. Н. Муравьевъ узналъ объ этомъ, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи этого лото или лотереи, а икону со всѣми принадлежностями приказалъ поставить въ одну изъ своихъ пріемныхъ залъ для общаго обозрѣнія. Эта икона долго оставалась во дворцѣ.

Обѣдин и молитвы на смерть.

Однажды въ Вильнѣ приходитъ ко мнѣ какъ къ губернскому прокурору заплаканная молодая женщина.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я ее.

— Я пришла жаловаться на ксендза.

— Расскажите въ чемъ дѣло.

— Я занимаюсь прачешнымъ мастерствомъ и довольно порядочно зарабатываю денегъ, но мужъ мой ничѣмъ не занимается, пьяница, всѣ мои заработанныя деньги пропиваетъ и благодаря этому мы часто бываемъ безъ копѣйки, и при этомъ мужъ мой меня бьетъ и ругаетъ. Не зная что дѣлать я жаловалась начальству, но это ни къ чему не послужило. Я хотѣла развестись съ мужемъ, на это мнѣ сказали, что нѣтъ за-

конной причины къ разводу. — Вслѣдствіе этого не зная что дѣлать я между тѣмъ услышала, что можно служить обѣдню и молиться на смерть и что этимъ занимается одинъ изъ ксендзовъ церкви св. Матильды ¹⁾—Я отправилась къ этому ксендзу и, рассказавъ ему все свое горе и несчастье, просила его служить молебны и вообще молиться на смерть моего мужа. Ксендзъ этотъ безъ всякаго затрудненія согласился исполнить мою просьбу, говоря, что въ теченіе шести недѣль надобно служить обѣдни два раза въ недѣлю и кромѣ того всякій день онъ будетъ усердно молиться о смерти мужа, и тогда онъ навѣрно умретъ въ скоромъ времени. За обѣдни каждую недѣлю ксендзъ бралъ съ меня 20 рублей, при чемъ говорилъ, что ничего не требуетъ за особыя его молитвы въ церкви. Въ теченіе шести недѣль мужъ мой одинъ разъ сильно занемогъ, но вскорѣ поправился и теперь прошло болѣе мѣсяца, какъ обѣдни и молитвы прекратились, а мужъ мой живъ и здоровъ и продолжаетъ пить, буйствовать и меня бить. Я отправилась къ ксендзу и просила о возвращеніи мнѣ моихъ денегъ, такъ какъ его обѣдни и молитвы не имѣли ожидаемыхъ послѣдствій, но ксендзъ не только не возвратилъ мнѣ денегъ, но просто-на-просто выгналъ отъ себя.

— Есть ли у васъ другія лица, которыя могли бы удостовѣрить, что ксендзъ этотъ дѣйствительно занимается такого рода обѣднями и молитвами, и можете ли вы узнать въ лицо этого ксендза?—спросилъ я у прачки.

— Да, я знаю нѣсколькихъ женщинъ, которыя прибѣгали къ ксендзу съ тѣми же просьбами и его сейчасъ же могу узнать.

По докладу мною объ этомъ М. Н. Муравьеву, было сдѣлано распоряженіе о строжайшемъ изслѣдованіи этого дѣла.—Призванные и спрошенные лица всѣ подтвердили сказанное прачкой, но только ксендза такого въ этой церкви не оказалось и ни прачка, ни свидѣтели не могли признать ни одного изъ ксендзовъ церкви св. Матильды за служившаго обѣдни на смерть. Само собою разумѣется, что ксендзъ-виновникъ былъ скрытъ. М. Н. Муравьевъ приказалъ на нѣкоторое время приостановить слѣдствіе и тайнымъ образомъ слѣдить за ксендзами этой церкви и за ихъ дѣйствіями.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ приостановки слѣдствія, однажды вечеромъ церковь св. Матильды была сильно освѣщена, но всѣ двери были заперты и послѣ того какъ свѣтъ въ церкви прекратился, никого не видать было выходящаго изъ церкви; полицейскіе агенты были у всѣхъ дверей и у выходной двери ксендзовъ. Изъ этой двери вышла вскорѣ личность, оказавшаяся именно отыскиваемымъ ксендзомъ.

¹⁾ Эта католическая церковь подлѣ Остробрамской Божьей Матери, можетъ быть, носить теперь другое названіе.

М. Н. Муравьевъ не хотѣлъ предавать его суду, а выслалъ въ одинъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ городовъ Россіи съ воспрещеніемъ священнодѣйствовать; изъ проданнаго его имущества ушложено все, что имъ взято отъ прачки, а съ пропозита (заступающій мѣсто епископа), прелата и ксендзовъ св. Матильды, за сокрытіе отыскиваемаго полиціею ксендза, взысканъ большой штрафъ.

Поимка покусившагося убить Виленскаго губернскаго предводителя дворянства Домейко. 1863.

Въ одно утро Домейко сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ креслахъ и читалъ газету, какъ вдругъ никѣмъ не замѣченный незнакомецъ подкрался сзади и нанесъ ему тяжкую рану ножомъ въ плечо, вѣроятно желая попасть ниже въ сердце; это было такъ неожиданно и мгновенно, что Домейко не успѣлъ ни вскрикнуть, ни позвать на помощь, какъ незнакомецъ исчезъ никѣмъ не замѣченный. Впрочемъ Домейко впоследствии объяснилъ, что онъ только примѣтилъ, что преступникъ этотъ былъ очень бѣлокуръ.

Доктора удостовѣрили, что рана, нанесенная Домейко,—не смертельная, но мучительная и требуетъ внимательнаго леченія и ухода.

Преступный незнакомецъ, несмотря на самые тщательные поиски, долго не могъ быть найденнымъ, что весьма озабочивало М. Н. Муравьева.

Однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія прибыли изъ города двое молодыхъ людей на виленскую станцію желѣзной дороги, слишкомъ за два часа до отправки поѣзда.—Оба незнакомца были брюнеты, и имѣли при себѣ сакъ-вожат.

Это раннее прибытіе на станцію обратило вниманіе дежурнаго жандармскаго офицера, и онъ спросилъ ихъ, куда они намѣреваются ѣхать.

— Въ Варшаву,—былъ ихъ отвѣтъ.

— Зачѣмъ же вы прибыли теперь, когда поѣздъ пойдетъ только черезъ два часа?

При этомъ вопросѣ одинъ изъ нихъ нѣсколько смутился, но другой смѣло отвѣчалъ, что рассчитавшись съ квартирнымъ хозяиномъ, не хотѣли долѣе оставаться въ квартирѣ и, не зная куда дѣваться, пріѣхали на станцію.

На требованіе жандармскаго офицера показать паспортъ, тотъ же самый очень замѣшался, сначала поблѣднѣлъ, а потомъ сдѣлался красенъ какъ ракъ.

Паспорты были рассмотрѣны. Когда жандармъ спросилъ у того, который конфузился, зачѣмъ пріѣхалъ изъ Варшавы въ Вильну, онъ

до того замѣшался, что долго не могъ ничего отвѣчать, наконецъ сказалъ: чтобы отыскать себѣ мѣсто по ремеслу.

— А какое ваше ремесло?

Тутъ онъ совершенно потерялся, началъ заикаться и съ трудомъ произнесъ, что онъ столяръ.

— Гдѣ ваше было жительство въ Вильнѣ?

— Въ Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ Левина.

Жандармскій офицеръ тотчасъ же послалъ унтеръ-офицера своей команды узнать, дѣйствительно ли эти молодые люди проживали въ этомъ домѣ. Унтеръ-офицеръ послѣ получаса возвратился съ извѣстіемъ, что въ означенномъ домѣ никакихъ подобныхъ мелкихъ жильцовъ не проживало.

Замѣшательство, ложное показаніе мѣста своего жительства и несвоевременное прибытіе на станцію убѣдили жандармскаго офицера, что эти молодые люди весьма подозрительные; поэтому онъ ихъ арестовалъ. Когда объ этомъ подробно было доложено М. Н. Муравьеву, онъ тотчасъ же сказалъ, что одинъ изъ нихъ долженъ быть покусившійся убить Домейку, и велѣлъ содержать ихъ и допрашивать порознь. Прошло много времени. Ничего отъ нихъ не могли добиться, хотя въ показаніяхъ они часто другъ другу противорѣчили, но М. Н. Муравьевъ въ оставался при своемъ убѣжденіи, что одинъ изъ нихъ преступникъ. Когда же ему сказали, что они оба брюнеты, а покусившійся на жизнь Домейко былъ бѣлокуръ, М. Н. Муравьевъ приказалъ отвести ихъ въ баню и мыть въ особенности волосы.—Послѣ трехъ бань, тотъ, который конфузился, оказался бѣлокурнымъ, и когда его показали Домейко, онъ удостовѣрилъ, что это именно тотъ, который нанесъ ему рану.

Послѣ долгаго заперательства онъ сознался и объявилъ, что онъ цирюльникъ изъ Варшавы и долженъ былъ убить Домейку, по приказанію Варшавскаго народнаго ржонда.—Цирюльникъ этотъ былъ повѣшенъ.

В. З.

III.

Графъ М. Н. Муравьевъ и князь А. А. Суворовъ.

Въ 1864 г., съ высочайшаго соизволенія и по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, производился въ С. Петербургской губерніи сборъ частныхъ пожертвованій всякаго рода на устройство православныхъ храмовъ и народныхъ училищъ въ Западныхъ губерніяхъ. Сборъ

этотъ поддерживалъ и петербургскій военный генералъ губернаторъ князь А. А. Суворовъ ¹⁾).

Но вмѣстѣ съ этимъ сборомъ, въ Царскосельскомъ и Петергофскомъ уѣздахъ были получены отъ виленскаго губернатора Панютина приглашенія къ подпискѣ на сооруженіе въ Вильнѣ храма во имя св. Архангела Михаила. На открытіе подписки по этому сбору послѣдовало также высочайшее соизволеніе на докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ удостовѣрилъ петергофскій уѣздный исправникъ баронъ Ник. Ос. Веліо. Приглашеніе Панютина было причиною переписки между княземъ Суворовымъ и петербургскимъ губернаторомъ Влад. Як. Скарятинимъ. Суворовъ писалъ послѣднему:

«Виленимъ гражданскимъ губернаторомъ Панютинымъ разсланы мѣстамъ и лицамъ, состоящимъ въ управленіи С. Петербургской губерніи, циркуляры съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ на возобновленіе въ г. Вильно храма, для увѣковѣченія въ потомствѣ благодарности къ христіанской дѣятельности генерала Муравьева въ Западномъ краѣ.

«Царскосельскимъ мировымъ съѣздомъ подписка на сей предметъ отклонена по недостатку сочувствія къ подвигамъ этого генерала, въ Петергофскомъ же уѣздѣ такая подписка открыта уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ.

«Такъ какъ, съ одной стороны, права, которыми пользуется мѣстное начальство въ Западныхъ губерніяхъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ распространяться на С. Петербургскую губернію и никакое постороннее начальство не должно считать себя въ правѣ посылать циркуляры какимъ либо губернскимъ или уѣзднымъ учрежденіямъ или офиціальнымъ лицамъ помимо высшаго губернскаго начальства, съ другой же—нѣтъ никакой надобности привлекать незажиточное сельское населеніе адѣшней губерніи къ тѣмъ сборамъ, которые учреждены въ Западныхъ губерніяхъ по поводу мятежа, я протестовалъ предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ противъ превышенія власти и вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство увѣдомить меня: не получены ли уѣздными полицейскими управленіями С. Петербургской губерніи подобныя же циркуляры, а также не приступлено ли было ими къ открытію подписокъ, какъ это сдѣлано было въ Петергофскомъ уѣздѣ. Въ случаѣ же такого распоряженія ваше превосходительство не оставите приказать немедленно остановить начатый сборъ, внушивъ подвѣдомственнымъ вамъ мѣстамъ и лицамъ, чтобы на будущее время они не позволяли себѣ приводить въ исполненіе какихъ либо распоряженій постороннихъ властей помимо прямого своего начальства» ²⁾).

¹⁾ См. отношеніе его лужскому уѣздному предводителю отъ 17 марта № 4815.

²⁾ Конфиденціальное письмо отъ 17 іюня 1864 г. № 10805.

Черезъ двѣ недѣли князь Суворовъ писалъ Скарятину:

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ я входилъ въ сношеніе о воспрещеніи начальникамъ Западныхъ губерній дѣлать какія либо распоряженія по С. Петербургской губерніи, помимо главнаго ея начальника, увѣдомилъ меня, что такъ какъ извѣстный ванему превосходительству циркуляръ, по поводу котораго я нашелъ нужнымъ обратиться съ изъясненнымъ требованіемъ, распубликованъ вилеяскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ газетахъ, то при настоящихъ обстоятельствахъ, онъ затрудняется входить съ сношеніе по сему предмету съ генераломъ Муравьевымъ.

«Поставленный за такимъ отзывомъ статсъ-секретаря Валуева въ необходимость ограждать самъ собою права здѣшняго губернскаго начальства отъ превышенія власти и произвольныхъ распоряженій чиновъ Западныхъ губерній, считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство о всякомъ подобномъ распоряженіи или циркулярѣ немедленно увѣдомлять меня» ¹⁾.

¹⁾ Конфиденціальное письмо отъ 2 іюля № 11792.

Собственноручное письмо императора Павла I-го генералъ-майору Богдану Федоровичу Кноррингу.

С.-Петербургъ, сентября 19-го, 1788 г.

Извините меня естли на письмо ваше по руски отвѣчаю, причина тому что по немецки не свободно довольно изъясняться могу. Вамъ извѣстенъ долженъ быть мой образъ мыслей вообще изъ обращенія моего и персонально противу васъ изъ частныхъ нашихъ съ вами разговоровъ. И такъ не можете предполагать, чтобъ я въ одну минуту могъ его перемѣнить; за долгъ-же почитаю съ вами объясниться тѣмъ паче что со удовольствіемъ вижу подвигъ вашъ противу себя. Вамъ извѣстно было положеніе вѣщей и обстоятельствъ они побудила насъ обѣихъ быть нѣсколько недѣль съ ряду того мнѣнія чтобъ не атаковать Гогферса, сіе происходило у меня въ комнатѣ. Въ самый день когда осматривали мы лагирь вы сказали мнѣ при всѣхъ, что вы находите возможность атаки. Мнѣ показалось что сей отзывъ могъ многимъ казаться какъ родъ обвиненія всѣхъ тѣхъ, которые, зная обстоятельства, не сего мнѣнія были, а какъ объяснить ихъ тутъ не у мѣста было и вамъ напоминать о сихъ обстоятельствахъ, то и не оставалось мнѣ инаго какъ вамъ удивленіе свое изъяснить о перемѣнѣ вашихъ мыслей, а особливо когда Кюменегардской берегъ таковъ, что кавалерія негдѣ построить; что переходъ чрѣзъ рѣку подъ батареями на картечной дистанціи и притомъ въ плавъ и по четырьѣ; что переѣхавъ рѣку надобно вѣхъ въ деревню возлѣ самой батареи. Позадъ же самой деревни нигдѣ мѣста нѣтъ построиться, а тѣмъ паче, что тамъ была засѣвка, потомъ ретранжаментъ, передъ которымъ лагирь, и притомъ что дѣлать и для какого намѣренія. Вы видите что вы поставили сами меня въ то положеніе вамъ сіе сказать, ибо молчать не могъ. Что же до рѣчей ген. Нумсену и прочимъ съ нимъ стоявшимъ касается, то я долженъ былъ какъ и въ Кюменегардѣ самое тоже сказать, но конечно ни васъ, ни кого не поминалъ. Вотъ все что происходило и вотъ лутчее доказательство моего къ вамъ разположенія съ каковымъ и ожидаю вашего къ себѣ пріѣзда и съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ Павелъ.

Между Славянофилами и Западниками.

Н. А. Мельгуновъ.

Историко-литературный очеркъ, по неизданнымъ документамъ.

Да, легко Хомяковымъ съ братьей строить теоріи, съ помощью и по примѣру нѣмцевъ, но куда какъ трудно и примѣнять ихъ и оправдывать ихъ дѣйствительностью! Время—и скоро—все уравниваетъ. Вы были у насъ необходимы. Исключительное склоненіе вѣсовъ русскихъ къ иностранному надо было уравнивать столько же исключительнымъ склоненіемъ ихъ къ народному. Теперь мы находимся въ періодѣ колебанія, но далеко не равновѣсія. Гармоническая жизнь русская начнется тогда лишь, когда явится и утвердится у насъ третья, вышеназванная партія, которая признаетъ необходимость и Ebenbürtigkeit (равнородство) обоихъ направленій, которая неоспоримо докажетъ, что Россія есть Россія, но вмѣстѣ и часть Европы, что мы должны не противопоставлять ей себя, а идти съ нею дружно, разумѣется, опираясь твердо сознательно на свою народную основу. (Изъ письма Мельгунова къ Погодину).

Я предлагаю читателямъ очеркъ жизни и дѣятельности одного литератора 30-хъ и 40-хъ годовъ, до того малоизвѣстнаго и маловліятельнаго, что не такъ давно его объявили умершимъ какъ разъ по срединѣ его литературной карьеры, за 27 лѣтъ до его дѣйствительной смерти, и, сколько знаю, такіа преждевременныя похороны не вызвали ни съ чьей стороны возраженія. Мельгуновъ интересенъ не по тому, что совершилъ онъ, а больше по тому, что собирался совершить, что онъ думалъ и чувствовать, интересенъ, какъ типъ лучшей части русской публики, какъ характерный представитель той фракціи нашей интеллигенціи, которая не столько боролась, сколько созерцала борьбу, составляла фонъ для картины, но не сѣрый и безцвѣтный, а мягкій и отрадный, отъ котораго въ значительной степени зависитъ полнота впечатлѣнія. Поставленный судьбою въ очень счастливыя условія жизни, обладавшій недюжиннымъ умомъ, превосходно образованный, искренно, горячо и дѣятельно любящій литературу, искусство

и науку, Мельгуновъ почти полстога́тїя шелъ въ переднихъ рядахъ общества и почти всегда былъ за работой, но онъ не оставилъ по себѣ имени и замѣтнаго слѣда главнымъ образомъ потому, что слишкомъ старательно избѣгалъ рѣзкостей и крайностей. Совоспитанникъ и другъ выдающихся славянофиловъ, онъ въ послѣдствїи близко сошелся съ Бѣлинскимъ, Грановскимъ и Герценомъ и долго, долго (и, конечно, безплодно) посредничалъ между двумя знаменитыми партїями, трудился надъ примиренїемъ «восточныхъ» съ «западными». Да и во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ, по свойству своего мягкаго характера и широкаго ума, стремился быть посредникомъ, примирителемъ: въ началѣ 30-хъ годовъ онъ занималъ среднее мѣсто между безусловными поклонниками Пушкина и его неблагосклонными критиками; а какъ повѣствователь—между романтиками и реалистами того времени. Немного позднѣе онъ съ большей удачей посредничаетъ между нѣмецкой и русской словесности: даетъ впервые Германїи, а черезъ нее и остальной Европѣ здоровое и независимо честное представленіе о нашей литературѣ, а русскихъ читателей вводитъ въ кругъ идей Запада, гдѣ онъ чувствуетъ себя дома никакъ не меньше, чѣмъ въ Россїи. Даже въ началѣ 60-хъ годовъ Мельгуновъ, больной, изломанный жизнью старикъ, пытается посредничать между пылкой молодежью и старцами, между слишкомъ увлечшимися прогрессистами и озлобленными консерваторами, при чемъ самъ онъ остается неизмѣнно вѣренъ культурно-гуманнымъ идеямъ своей юности.

Мельгуновъ и въ личной жизни своей представляется мнѣ очень типичнымъ русскимъ интеллигентнымъ дворяниномъ 40-хъ годовъ, ближайшее знакомство съ которымъ можетъ послужить прекраснымъ комментариемъ къ романамъ и повѣстямъ Тургенева. Мягкая, податливая, тонко чувствительная натура, человекъ безусловно порядочный въ самомъ лучшемъ значенїи этого слова (иностранцы, имѣвшіе съ нимъ дѣло, и при томъ такіе иностранцы, какъ Гумбольдтъ и Фарнгагенъ, говоря о немъ, прибавляли къ его фамиліи эпитетъ—*der edle Melguhoff*), онъ былъ, навѣрно, драгоценнымъ членомъ общества и умѣлъ внушать горячую привязанность, въ особенности женщинамъ, которыхъ и самъ онъ любилъ, повидимому, по-тургеневски; но въ дѣлахъ онъ былъ, по выраженїю Погодина, *homme à projets*, мало внушавшїй довѣрія, несмотря на все свое усердіе, благія намѣренїя и таланты. Архивропеецъ по своей высокой культурности, онъ былъ настоящимъ русскимъ барчукомъ по своей безалаберности и отсутствію дѣловитости; онъ чувствовалъ органическое отвращеніе ко всему заранее обдуманному, «ко всякому счету и мѣрѣ»; онъ и м п р о в и з и р о в а лъ свою жизнь и вводилъ эту импровизацію въ теорїю. Матеріальные результаты теорїи оказались крайне печальны: наследникъ довольно крупнаго состоянїя,

скромный кабинетный человекъ, свободный отъ страстей и слабостей, онъ ухитрился разориться до нищеты, до необходимости занимать у всѣхъ и cadaго и вымалывать по десяткамъ рублей у Краевского!

Когда появился «Подростокъ» Достоевскаго, въ обществѣ и, если не ошибаюсь, въ печати высказывалось сомнѣніе въ типичности Версилова, какъ русскаго дворянина—европейца, одного изъ той «тысячи» истинно-культурныхъ людей, для созданія которой будто бы столько вѣковъ трудилась Россія. Достоевскій, по особенностямъ своего фантастически страстнаго таланта, преувеличилъ историческое значеніе Версилова и напрасно вложилъ ему въ уста сознаніе такой высокой мисси: въ числѣ недостатковъ нашей интеллигенціи того времени не было самомнѣнія; но Мельгуновъ, по моему убѣжденію,—наглядное доказательство того, что художникъ творилъ на основаніи дѣйствительности.

Мой очеркъ, несмотря на свой порядочный объемъ, не можетъ претендовать на полноту, въ особенности въ послѣдней своей части (50-ые и 60-ые года): здѣсь у меня оказался недостатокъ матеріала. Но все же, я надѣюсь, онъ можетъ дать достаточно ясное понятіе о человекѣ и дѣятелѣ, обширныя литературныя и дружескія связи котораго заставятъ не одинъ разъ поминать его на страницахъ историческихъ журналовъ. А можетъ быть, найдутся бумаги и самого Мельгунова, въ домашнемъ архивѣ котораго (если только вѣчныя странствованія позволили ему собирать архивъ), навѣрно, окажется много интереснаго для исторіи русской литературы и культуры.

Приношу глубокую благодарность И. А. Бычкову за его содѣйствіе при разборѣ писемъ Мельгунова къ Шевыреву и Краевскому, а В. И. Саитову и С. А. Венгерову—за ихъ дѣльныя библиографическія указанія.

Николай Александровичъ Мельгуновъ родился въ 1804 г. въ Орловской губерніи въ Ливенскомъ уѣздѣ ¹⁾, гдѣ его отецъ Александръ Ермолаевичъ, отставной майоръ, владѣлъ довольно большимъ имѣніемъ почти въ 300 душъ. Родъ Мельгуновыхъ былъ старо-дворянскій и происходилъ, говорятъ, отъ польскаго благороднаго выходца Яна Мингалева или Минигалева, который выѣхалъ на Москву при Василии Темномъ или въ началѣ княженія Ивана III ²⁾. Съ конца XVI вѣка Мельгуновы уже были на службѣ и «въ пожалованіи». При Екатеринѣ они получили гербъ съ медвѣдемъ. Но та вѣтвь, отъ которой происходилъ Н. А., по-

¹⁾ Отсюда его псевдонимъ Н. Ливенскій.

²⁾ См. общій Гербовникъ № 65 и ср. „Всем. Иллюстрація“ 1882 г. № 688. Мингалевъ, можетъ быть, былъ татарскаго происхожденія (Аминъ-Али?).

видимому, до крупных чинов не дослуживалась: дѣдъ его Ермолай вышелъ въ отставку или скончался коллежскимъ совѣтникомъ ¹⁾.

Семья Мельгуновыхъ была, очевидно, изъ очень интеллигентныхъ, и сыну, повидимому, единственному, старалась дать наилучшее образованіе: съ 7 лѣтняго возраста Н. А. уже имѣлъ гувернера швейцарца и русскаго учителя. Отъ здороваго деревенскаго воздуха онъ былъ крѣпокъ физически и казался старше своего возраста. Когда мальчику было 11 лѣтъ, родители ради него переѣхали въ Харьковъ, который въ то время славился своимъ молодымъ, но хорошо обставленнымъ университетомъ. Намѣренія ихъ было подготовить сына въ студенты и остаться здѣсь при немъ до окончанія курса, «въ концѣ котораго имъ видѣлось уже и докторское званіе, тогда еще такъ скоро достававшееся», рассказывалъ впоследствии Мельгуновъ. Случай, когда двадцатилѣтніе дворяне, порядочно подготовленные по латыни и по двумъ новымъ языкамъ, получали степень доктора философіи и соединенныя съ нею права по службѣ, были въ то время не рѣдки ²⁾.

Домъ Мельгуновыхъ въ Харьковѣ былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ въ городѣ: у нихъ бывали и губернскіе аристократы, и профессора университета изъ иностранцевъ, и попечитель З. Я. Корнѣевъ, и офицеры, только что возвратившіеся изъ заграничнаго похода; рассказы послѣднихъ сильно дѣйствовали на впечатлительнаго мальчика, и онъ началъ мечтать о военной службѣ. Но эти мечты не мѣшали ему учиться съ усердіемъ и любовью. Какъ разъ въ это время судьба послала ему на полгода въ руководителя отличнѣйшаго педагога.

На Украинѣ проживалъ тогда швейцарецъ Вернетъ (Vernet), горячій послѣдователь идей Руссо ³⁾, человекъ очень образованный (фран-

¹⁾ Архивъ Мин. Иностранн. Дѣлъ, изъ бумагъ о службѣ Николая Мельгунова.

²⁾ Такъ А. А. Перовскій, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго, «произведенъ въ доктора философіи и словесныхъ наукъ» въ Московскомъ университетѣ равно 20 лѣтъ отъ роду 16 окт. 1807 г. (см. мои «Очерки по исторіи новой русскои литературы» СПб. 1896 г. стр. 80).

³⁾ «Современникъ» 1847 т. I, стр. 167—195: «Ив. Фил. Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій литераторъ. Изъ воспоминаній обыкновеннаго человека». Статья подписана буквою Л., но принадлежность ея Мельгунову вѣ сомнѣніи. Она первоначально предназначалась для альманаха Бѣлинскаго и была въ его рукахъ. 20 марта 1845 г. онъ пишетъ о ней московскимъ друзьямъ (А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій Спб. 1876 г. II, 252): «Статья М — ва мнѣ очень понравилась, я очень благодаренъ ему за нее. Особенно мнѣ нравятся первая половина и тотъ старый румянцевскій генералъ, который Суворова, Наполеона, Веллингтона и Кутузова называетъ мальчишками». Вообще, въ этой статьѣ много мемуарнаго интереса; читая ее, переносишься въ доброе старое время и впадаешь въ какое то тихое раздумье».

цузскій и нѣмецкій языкъ были для него оба родными; по латыни онъ зналъ прекрасно), способный и гуманный педагогъ отъ природы. Въ Россію попалъ онъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ качествѣ чтеца къ знаменитому Суворову, и остался здѣсь навсегда. Онъ служилъ учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназій, былъ воспитателемъ въ лучшихъ южныхъ фамиліяхъ (у Зарудныхъ, Булацелей и др.), скопилъ себѣ маленькій капитадецъ, оставилъ педагогію и теперь жилъ на проценты, беззаботно отдаваясь своей страсти къ перемѣнѣ мѣста и изученію людей. Русскимъ языкомъ владѣлъ онъ вполне не только практически, но и теоретически. Процентовъ хватало ему, чтобы жить безбѣдно, но онъ не могъ дѣлать на нихъ экстраординарныхъ расходовъ. Въ 1816 г. ему понадобилось обновить свой гардеробъ, пришедшій въ совершенную негодность. Тогда онъ заявилъ отцу Мельгунова (домъ котораго онъ посѣщалъ до тѣхъ поръ въ качествѣ гостя, всегда пріятнаго, и который въ то время какъ разъ искалъ воспитателя для сына), что охотно приметъ на себя учительско-воспитательскія обязанности при его сынѣ на $\frac{1}{2}$ года за 400 рублей. Мельгуновъ очень обрадовался; такого учителя нельзя было найти ни за какія деньги. Вернетъ проработалъ съ мальчикомъ установленные 6 мѣсяцевъ и принесъ ему великую пользу. Но и самому Вернету пребываніе въ домѣ Мельгуновыхъ открыло новое поприще дѣятельности: его ученикъ бралъ въ это время уроки русскаго языка у адъюкта университета Разумника Тим. Гонорскаго ¹⁾, который съ 1816 г. издавалъ вмѣстѣ съ Е. Филомаѣнтскимъ журналъ «Украинскій Вѣстникъ». Гонорскій познакомился у Мельгуновыхъ съ Вернетомъ и уговаривалъ его писать для печати, вслѣдствіе чего швейцарецъ Вернетъ и сталъ подъ старость «русскимъ литераторомъ» ²⁾.

Въ томъ же «Украинскомъ Вѣстникѣ» приблизительно черезъ полтора года выступилъ и 14-лѣтній ученикъ Вернета и Гонорскаго; въ январской книжкѣ за 1818 г. (ч. IX, стр. 154—5) онъ перевелъ «изъ Сень-Піера» небольшой прозаическій отрывокъ «Приближеніе весны», перевелъ языкомъ дѣтскимъ, но довольно правильнымъ и съ гордостью подписалъ его полнымъ именемъ и фамиліей: Николай Мельгуновъ. Вотъ какъ рано началъ онъ свою литературную дѣятельность.

Въ той же статьѣ Мельгунова, изъ которой мы заимствуемъ вышеприведенныя свѣдѣнія о его жизни въ Харьковѣ, авторъ знакомитъ насъ съ нѣсколькими любопытными людьми изъ харьковскаго общества

¹⁾ Род. въ 1790 г., воспитывался въ Тульской семинаріи, потомъ въ педагогическомъ институтѣ; умеръ 29 лѣтъ отъ роду (см. Г. Геннади, Справочный Словарь I, 244).

²⁾ Вернетъ умеръ до 1827 г.

и въ томъ числѣ съ знаменитымъ В. Н. Каразинымъ, основателемъ Харьковскаго университета ¹⁾).

Вотъ характерный для духа времени рассказъ объ одномъ пожилomъ довольно важномъ губернскомъ чиновникѣ, фамилію котораго онъ не называетъ. Герой рассказа былъ отчаяннымъ кутилой въ ранней молодости. Недовольная его поведеніемъ мать одинъ разъ жестоко упрекала его. Нечестивый сынъ осмѣлился поднять руку и пригрозить родительницѣ, которая изрекла за то ему нѣчто въ родѣ проклятiя. Прошло нѣсколько лѣтъ; мать его умерла, оставивъ ему крупное состояніе. Сынъ вышелъ немедленно въ отставку (онъ служилъ въ артиллеріи), пріѣхалъ въ свое имѣніе и на радостяхъ задалъ пиръ пріятелямъ. Чтобы увеличить торжество, онъ велѣлъ достать старую небольшую пушку, зарядилъ ее и выстрѣлилъ. Пушку разорвало, осколкомъ оторвало у помѣщика именно кисть той руки, которую онъ поднимать на мать, и перебросило на свѣжую могилу умершей. Такимъ же отчаяннымъ остался этотъ господинъ и впослѣдствіи; Мельгуновъ рассказываетъ, какъ онъ въ его время проигралъ въ карты родную дочь, по счастью, челоуѣку, который искренно любилъ ее и былъ любимъ взаимно. Авторъ заключаетъ это повѣствованіе сентенціей: *Le vrai quelque fois n'est pas vraisemblable.*

Вотъ какъ въ то время романтическая фантастика, носившаяся, такъ сказать, въ воздухѣ, прививалась «полудѣтямъ».

Въ Харьковскомъ тогдашнемъ обществѣ было замѣтно смѣшеніе двухъ столѣтій: еще многіе ходили съ напудренной головой; не рѣдко встрѣчались и эмигранты (въ томъ числѣ и извѣстный Дегуровъ).

Мельгунову не суждено было воспользоваться университетскимъ образованіемъ: родители его «по совѣту одного призваннаго и опытнаго въ этомъ дѣлѣ судьи», рѣшились въ 1818 г. промѣнять Харьковскій университетъ «на только что открывшійся тогда въ Петербургѣ пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, переименованный впослѣдствіи въ университетскій пансіонъ» ²⁾).

Этимъ «призваннымъ судьей» оказывается вышеназванный З. Я. Корнѣевъ, старинный другъ дома Мельгуновыхъ.

Изъ изслѣдованія покойнаго Г. С. Чиркова ³⁾ мы узнаемъ, что Захаръ Яковлевичъ Корнѣевъ былъ когда-то орловскимъ вице-губернаторомъ (отсюда и его близость съ Мельгуновыми), потомъ губерна-

¹⁾ Мельгуновъ, безъ сомнѣнія, съ родителями былъ у него въ имѣніи, порядки въ которомъ оказываются нѣсколько напоминающими деревню полковника Кошварева (см. стр. 172).

²⁾ *Ib.* стр. 169.

³⁾ Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета „Рус. Ст.“ 1877 г. т. XVII, стр. 463—490.

торомъ въ Минскѣ, потомъ сенаторомъ, съ 1810 г. членомъ Государственнаго Совѣта, а съ 1817 г.—попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Онъ былъ масонъ и мистикъ, и духъ положительной науки, господствовавшей въ подвѣдомственномъ ему университетѣ, былъ ему вовсе не по нраву. Онъ принялся бороться съ нимъ: вытѣснилъ ректора Осиповскаго и учредилъ библейское «сотоварищество» изъ студентовъ, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые молодые профессора, желавшіе подслужиться начальству; но число таковыхъ, къ чести университета, было невелико; вотъ откуда и его совѣтъ Мельгуновымъ увести сына въ Петербургъ.

Мы не имѣемъ никакого основанія полагать, что родители Мельгунова (тѣмъ менѣе самъ юноша) увлеклись мистицизмомъ Корнѣева; они только подчинились совѣту стариннаго друга, котораго не вполне основательно считали компетентнымъ судьей въ дѣлѣ воспитанія. Ошибка ихъ тѣмъ извинительнѣе, что З. Я. Корнѣевъ въ сущности былъ человѣкъ добрый ¹⁾, только односторонній и подъ старость слабый. Тѣмъ не менѣе раннее и близкое знакомство съ выдающимся мистикомъ не могло пройти совсѣмъ безъ вліянія на мировоззрѣніе Мельгунова, какъ увидимъ это далѣе.

Совѣтъ стараго масона прежде всего оказался пагубнымъ для здоровья юнаго Мельгунова: по словамъ своего однокашника по пансіону и пріятеля, знаменитаго впоследствии композитора М. И. Глинки ²⁾, Мельгуновъ оставался въ учебномъ заведеніи вслѣдствіе «слабости здоровья» недолго, никакъ не болѣе 2-хъ лѣтъ, такъ какъ въ 1820 г. онъ уже вмѣстѣ съ отцомъ ³⁾ уѣзжаетъ за границу.

О Петербургскомъ періодѣ юности Мельгунова мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что и здѣсь Мельгуновъ не былъ одинокъ: будущій композиторъ Глинка бывалъ въ домѣ его родныхъ, и черезъ сыновей познакомились и отцы ихъ. Любовь къ музыкѣ, вѣроятно, и до тѣхъ поръ не чуждая Мельгунову, очевидно, усилилась въ немъ подѣ вліяніемъ Глинки. Молодые люди сблизились настолько, что отецъ Глинки едва не отпустилъ его съ Мельгуновыми за границу.

Немного знаемъ мы и о пребываніи Н. А. Мельгунова за границей ⁴⁾. 60 лѣтнимъ старикомъ пишетъ онъ изъ Висбадена А. А. Краев-

¹⁾ См. Г. С. Чириковъ о. с. стр. 478.

²⁾ См. „Русск. Ст.“ 1874 г. т. IX, стр. 713. Ср. „Записки М. И. Глинки“ изд. 1885, стр. 573, 593, 594.

³⁾ О матери Мельгунова мы съ этихъ поръ не встрѣчаемъ упоминанія: вѣроятно, она умерла между 1818 и 1820 гг.

⁴⁾ По словамъ Н. П. Барсукова (Жизнь и труды М. П. Погодина I стр. 105, безъ указанія на источникъ), Мельгуновъ ѣздилъ за границу съ проф. Василевскимъ.

скому ¹⁾: «Что же, писать-ли для «Отеч. Зап.» о Форстеръ и о моемъ первомъ пребываніи за границею (1820 — 1823)? Последнее было бы, право, интересно и даже поучительно». А въ 1845 г. онъ напечаталъ въ «Москвитяинѣ» ²⁾ «Письмо изъ Параж», гдѣ пишетъ Погодину: «Тебѣ извѣстно, что я провелъ здѣсь около года въ последнее время царствованія Людовика XVII».

Вотъ почти и все, пока намъ извѣстное ³⁾; мы можемъ только догадываться изъ послѣдующаго, что неторопливое путешествіе по Европѣ въ эти годы (отъ 16 до 19) должно было принести огромную пользу умственному и нравственному развитію Мельгунова, изощрить его наблюдательность и эстетическое чувство и сдѣлать его навсегда тѣмъ архи-европейцемъ изъ русскихъ дворянъ, типъ котораго старается обработать Достоевскій. Но съ другой стороны, это флианрованіе въ тотъ возрастъ, когда всѣ другіе учатся или начинаютъ службу, карьеру, могло оставить и, дѣйствительно, оставило на Мельгуновѣ слѣдъ иного рода: онъ оказался на всю жизнь только наблюдателемъ, идеалистомъ и теоретикомъ, неспособнымъ ни къ какой практической дѣятельности и, при всей природной живости и кажущейся энергіи, закоренѣлымъ врагомъ борьбы и усилій.

По возвращеніи въ отечество, Мельгуновы поселяются въ Москвѣ подъ Новинскимъ, въ собственномъ домѣ, вѣроятно, тогда же купленномъ для собственнаго жилья. Сынъ сталъ готовиться къ экзамену при университетѣ «на основаніи указа 1809 г. августа 6-го». Черезъ годъ или полтора Н. А. этотъ экзаменъ благополучно выдержалъ и получилъ аттестатъ, копія съ котораго имѣется въ дѣлахъ Московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Вотъ какіе «успѣхи оказалъ» онъ:

1. Въ грамматическомъ познаніи російскаго языка, въ сочиненіи на ономъ и въ переводахъ съ французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ на русскій—х о р о ш і е.

2. Въ исторіи всеобщей, древней и новой, въ исторіи отечественной, съ частями, къ нимъ принадлежащими: географіи и хронологіи, въ статистикѣ вообще, особенно же Россійскаго государства—х о р о ш і е.

3. Въ правѣ естественномъ, въ законахъ уголовныхъ и политической экономіи — о ч е н ь х о р о ш і е; въ правахъ римскомъ и частномъ гражданскомъ съ приложеніемъ сего послѣдняго къ російскому законодательству — х о р о ш і е.

¹⁾ Письмо 26-го іюня (5-го іюля) 1864 г. Рук. Имп. Публ. Библи. Архивъ Краевскаго, буква М.

²⁾ №№ 5 и 6 стр. 17--44.

³⁾ Въ своемъ письмѣ къ Шевыреву 1831 г. Мельгуновъ упоминаетъ, что во время своего перваго заграничнаго путешествія онъ видѣлся съ Жуковскимъ („Ист. Вѣстн.“ 1897 г. апрѣль стр. 148).

4. Въ ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи — хорошіе; въ физикѣ — достаточныя.

Итакъ, экзаменъ на основаніи указа 1809 г. требовалъ, если онъ производился безъ послабленія, порядочнаго общаго образованія съ прибавленіемъ къ нему нѣкотораго образованія юридическаго. Аттестатъ о выдержаніи этого экзамена давалъ право поступить въ число такъ называемыхъ «архивныхъ юношей» въ званіи актуаріуса, каковымъ правомъ Н. Мельгуновъ немедленно воспользовался, и былъ утвержденъ въ должности 17 іюля 1825 г. Служба актуаріуса, очевидно, была не номинальная и не совсѣмъ бездѣятельная, судя по тому, что при поступленіи на нее взыскивалось 50 руб. 58¹/₄ коп. (размѣръ мѣсячнаго жалованья.) Два лѣта бѣдный Мельгуновъ и деревни не видалъ; и только 4 апрѣля 1827 г. получилъ онъ отпускъ на 4 мѣсяца въ разныя губерніи, которымъ и воспользовался для путешествія на югъ Россіи ¹⁾. Черезъ три года послѣ поступленія на службу Николай Мельгуновъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Веневитиновымъ, произведенъ изъ актуаріусовъ въ переводчики, опять таки со взысканіемъ мѣсячнаго жалованья въ размѣрѣ 58 р. 91¹/₂ коп. Въ 1830 г. онъ опять воспользовался 4-хъ мѣсячнымъ отпускомъ (съ 26 апрѣля) въ Орловскую и Воронежскую губерніи. 27 іюля 1831 г. (ровно черезъ 6 лѣтъ службы) онъ произведенъ въ титулярныя совѣтники, а 24 апр. 1833 г. назначенъ помощникомъ бібліотекаря. Въ февралѣ 1834 г. Мельгуновъ подалъ по болѣзни въ отставку, при чемъ ему выданъ аттестатъ (12 апр.), гдѣ за отцомъ его показано «родового имѣнія въ Орловской губ. Ливенскаго уѣзда 265 душъ, благопріобрѣтеннаго Воронежской губерніи и уѣзда 100 душъ и домъ въ Москвѣ деревянный». Во время «прохожденія» Мельгуновымъ службы въ архивѣ возникла о немъ довольно любопытная переписка ²⁾ по слѣдующему поводу:

Въ 1831 г. при отношеніи отъ 5 января получилъ онъ, Мельгуновъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшеніе издавать въ Москвѣ журналъ: «Журналистъ». Въ концѣ 1832 г., намѣреваясь при-

¹⁾ Эти и послѣдующія свѣдѣнія заимствованы изъ дѣлъ арх. мин. ин. дѣлъ въ Москвѣ 1825—1834 г. О путешествіи Мельгунова по Россіи (смѣлая и оригинальная для того времени идея!) мы имѣемъ обстоятельное его сообщеніе въ письмѣ Погодину, съ которымъ онъ, какъ и большинство «архивныхъ юношей» познакомился черезъ директора архива Малиновскаго. Это интересное письмо, писанное изъ Кіева и напечатанное полностью Н. П. Барсуковымъ («Жизни и труды М. П. Погодина», II, 106—110) свидѣтельствуетъ о серьезныхъ стремленіяхъ, тонкой наблюдательности и обширныхъ свѣдѣніяхъ 23 лѣтняго чиновника. О сношеніяхъ М-ва съ Погодинымъ въ 20-хъ гг. см. также у Н. П. Барсукова I, 301; II, 42, 69, 300 и пр.

²⁾ Въ дѣлахъ 1832 г.

ступить къ изданію, онъ подалъ прошеніе въ московскій цензурный комитетъ «о перемѣнѣ названія и программы не въ сущности, а въ формѣ, по плану, приложенному къ поданному имъ прошенію». Тогда московскій цензурный комитетъ (въ отношеніи отъ 14 декабря 1832 г. за подписью члена Ивана Снегирева) запросилъ архивъ мин. ин. дѣлъ о личности Мельгунова и «о способности издателя выполнить принимаемую имъ на себя обязанность, также и о нравственной его благонадежности». (Программы или плана журнала при дѣлѣ нѣтъ). Хотя архивъ и былъ изстари однимъ изъ центровъ московской образованности, все же категорическій запросъ цензурнаго комитета поставилъ его въ затруднительное положеніе, и онъ поспѣшилъ списаться съ Петербургомъ: 19 декабря того же 1832 г. идетъ изъ него бумага въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, сущность которой въ слѣдующихъ ея словахъ: «архивъ хотя и аттестуетъ г. Мельгунова какъ чиновника весьма способнаго къ службѣ и поведенія отлично-хорошаго, но не находя себя ни въ правѣ, ни въ возможности принять отвѣтственность ручательства (sic) въ издаваніи (sic) имъ журнала, покорнѣйше проситъ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, по новости сего случая, довести сіе обстоятельство до свѣдѣнія высшаго начальства».

Бумагою отъ 30 декабря 1832 г. департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ м-ва народнаго просвѣщенія рекомендуетъ архиву отвѣтить московскому цензурному комитету, что «начальство не можетъ принять на себя ручательство за издаваемые подчиненными его журналы и тѣмъ подвергать себя отвѣтственности въ дѣлѣ, для него совершенно постороннемъ», и совѣтуетъ препроводить въ комитетъ формулярный списокъ Мельгунова.

Тѣмъ и кончилось это курьезное дѣло, и «Журналистъ» на свѣтъ Божій не появлялся. За это время Мельгунова навѣщаль два раза его товарищъ по пансіону М. И. Глинка; въ первый разъ онъ пріѣзжалъ къ нему изъ Петербурга весною 1828 г. и пробылъ у него до 9 мая (день именинъ Мельгунова); здѣсь онъ познакомился съ Шевыревымъ ¹⁾, который, какъ извѣстно, тоже началъ свою службу «архивнымъ юношею».

Въ іюнѣ 1834 г., возвращаясь изъ-за границы, Глинка заѣзжаетъ въ Москву опять таки съ цѣлью повидаться съ Мельгуновымъ «Онъ жилъ въ томъ же собственномъ домѣ подъ Новинскимъ, пишетъ М. И. Глинка. Миѣ отвели комнаты, въ которыхъ, съ насмѣшкою сказали миѣ Мельгуновъ, всѣ тѣ, которые поживутъ, непременно женятся, на примѣръ Шевыревъ».

¹⁾ О. с. 573.

Въ это время отецъ Мельгунова жилъ довольно открыто, и у него собиралось нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ высшему обществу. «Въ мезонинѣ дома Мельгунова жилъ тогда Павловъ ¹⁾».

Итакъ 30 лѣтъ отъ роду Н. А. Мельгуновъ, человекъ съ отличнымъ образованіемъ и хорошими средствами, оставляетъ службу (съ нема-лымъ, по тому времени, чиномъ) и оставляетъ ее навсегда.

Чѣмъ же будетъ онъ заниматься? Его выборъ давно уже сдѣланъ: онъ изъ тѣхъ, по мнѣнію фамусовскаго общества, «опасныхъ мечтателей», у которыхъ есть если не даръ, то во всякомъ случаѣ большая любовь

къ искусствамъ творческимъ, прекраснымъ.

Во-первыхъ, онъ композиторовствуетъ, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ ²⁾, а во-вторыхъ уже съ самаго начала своей службы онъ усердно работаетъ на пользу отечественной словесности, на что указываетъ и вышеупомянутое его намѣреніе издавать журналъ. Въ 1826 г. ³⁾ вышелъ въ Москвѣ переводъ знаменитой въ свое время книжки Л. Тика «Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изящнаго». Эта книжка, послужившая въ самомъ началѣ столѣтія однимъ изъ манифестовъ романтической школы и объединявшая творческое «вдохновеніе» съ «откровеніемъ» и религіознымъ экстазомъ ⁴⁾, переведена съ позднѣйшаго изданія и каждая изъ 22 главъ ея подписана инициалами переводчиковъ С. Ш., Н. М. и В. Т. Извѣстный библиографъ Геннади уже въ 1869 г. ⁵⁾ указалъ, что подъ ними скрываются: Шевыревъ, Титовъ и Николай Мельгуновъ, на долю котораго пришлось 4 главы: одна общаго содержанія (I-го отдѣла гл. 6-я: «О всеобщности, терпимости и любви къ ближнему въ искусствѣ») и три специально музыкальныхъ (II-го отдѣла главы: 3-я, 4-я и 5-я: «Чудеса музыки», «О разныхъ родахъ искусства и въ особенности церковной музыки», «Отрывокъ изъ письма Іосифа Берлингера»). Итакъ въ этомъ триумvirатѣ архивныхъ юношей «лю-

¹⁾ Ib. тр. 59 4.

²⁾ Въ „Молвъ“ за 1832 г. стр. 96 мы читаемъ такое объявленіе: „Въ музыкальномъ магазинѣ К. Ленгольда и во французской книжной лавкѣ Урбеня и Копп. продаются вышедшіе на дняхъ: Пѣсни и романсы, положенные на музыку Н. Мельгуновымъ; а именно: 1—3) три пѣсни изъ трагедіи „Ермакъ“, Хомякова, 4) Русская пѣсня: „Ахъ ты ночь ли ноченька“ Б. Дельвига, 3) романсъ: „Я помню чудное мгновенье“, А. Пушкина, 6) „Дивовія“, стихотвореніе Языкова и 7) „Водопадъ“, стихотвореніе Баратынскаго. Цѣна тетради съ приложеніемъ словъ 3 руб. асс. съ пересылкою 6 руб. асс.“.

³⁾ Цензорская помѣта 8 апрѣля.

⁴⁾ О ней см. Наум, Die romantische Schule.

⁵⁾ „Русск. Арх.“ стр. 2005.

бителей изящнаго» Н. А. Мельгуновъ считался, очевидно, специалистомъ по музыкѣ.

Въ продолженіе слѣдующихъ 5 лѣтъ (отъ 1826 до 1831) Мельгуновъ, сколько знаемъ, не выступаетъ въ печати, но очень усердно читаетъ, такъ что становится однимъ изъ немногихъ, и можетъ быть, и единственнымъ въ то время знатокомъ русской новѣйшей библиографіи ¹⁾ формируетъ свои убѣжденія, пытается силы въ самостоятельной творческой дѣятельности не въ стихахъ, къ которымъ онъ, очевидно, не чувствовалъ призванія и расположенія ²⁾, а въ формѣ повѣсти и мечтаетъ о большихъ литературныхъ предпріятіяхъ ³⁾.

Какъ повѣствователь Мельгуновъ выступаетъ передъ публикою въ первый разъ въ «Телескопѣ» въ 1831 г. съ небольшою повѣстью «Кто же онъ?», повѣстью по сюжету фантастическою, изъ «страшныхъ», съ неособенно удачною попыткою примиренія фантастики и правды. Языкъ повѣсти бойкій и красивый, рассказъ живой; видно основательное знаніе «Горе отъ ума», тогда еще ходившаго въ рукописи.

Затѣмъ слѣдуютъ три года молчанія Мельгунова, въ продолженіе которыхъ онъ изготовляетъ цѣлый томъ повѣстей. Окончивъ надъ нимъ работу и уже сдавъ его въ типографію ⁴⁾, онъ какъ-бы въ видѣ образчика печатаетъ въ томъ же «Телескопѣ» Надеждина за 1834 г. ⁵⁾ одну главу изъ большой своей повѣсти «Да или нѣтъ» (съ выноской, объявляющей о скоромъ выходѣ въ свѣтъ «Разсказовъ»). Въ томъ же 1834 г. въ Москвѣ выходитъ его книга «Разсказы о быломъ и небываломъ» ⁶⁾ съ очень характернымъ предисловіемъ: приводимъ его цѣликомъ.

«Издаваемые нынѣ повѣсти были писаны не для печати. Авторъ отдыхалъ за ними въ минуты досуга, не имѣя притязаній на талантъ и славу литератора. Но нѣкоторыя изъ этихъ бездѣлокъ случайно попали въ руки друзей, которые благосклонно ихъ одобрили и тѣмъ побудили

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1831 г. И. М. Снегиревъ пишетъ В. Г. Анастасевичу: „Н. А. Мельгуновъ занимается составленіемъ указателя всѣхъ статей въ журналахъ русскихъ, книга полезная, хотя и не блестящая! Я ему совѣтовалъ раздѣлить сіи статьи по наукамъ въ ученыхъ полимагическихъ журналахъ“ (Древняя и Новая Россія 1880 г. т. XVIII, стр. 574).

²⁾ И въ письмахъ и въ позднѣйшихъ многочисленныхъ статьяхъ своихъ онъ чрезвычайно рѣдко цитируетъ стихи.

³⁾ См. выше переписку о „Журналистѣ“. 18 февраля 1831 г. онъ пишетъ Шевыреву, что изданію его энциклопедическаго журнала помѣшала холера. Изъ этого же письма узнаемъ мы, что Мельгуновъ собирался основывать въ Москвѣ публичную бібліотеку, въ основу которой хотѣлъ пожертвовать свои и собиралъ въ ея пользу прозаическія Альманахи.

⁴⁾ Цензорская помѣтка на разсказахъ подписана въ мартѣ 1833 г.

⁵⁾ Ч. XIX стр. 144—62.

⁶⁾ Изданіе очень изящное, съ двумя рисунками.

автора выйти изъ златой неизвѣстности. Можетъ быть, его ожидаетъ неизвѣстность менѣ завидная; но онъ полагается на благосклонность публики, всегда столь снисходительной ко всякому начинанію, и почитать себя вполнѣ счастливымъ, если она обратитъ на эти повѣсти хотя минутное вниманіе. Въ противномъ случаѣ, авторъ вѣчно будетъ раскаиваться, что извлекъ изъ скромнаго портфеля незрѣлые плоды своей фантазіи. Что-же касается до критики, то онъ не боится ея перуновъ, и заранѣе отвѣчаетъ ей извѣстнымъ стихомъ:

«La critique est aisée, et l'art est difficile».

«Такъ водится говорить въ предисловіяхъ. Но вѣдь это разсказъ о небываломъ; кто ему повѣритъ? «Нѣтъ, издаваемые нынѣ повѣсти были писаны для печати; и авторъ отнюдь не думалъ беречь ихъ въ портфель. Онъ не отдыхалъ, но въ потѣ лица трудился надъ ними. Если-бы онъ не находилъ повѣстей своихъ достойными вниманія публики, то, конечно, не подумалъ бы издавать ихъ; но онъ надѣется основать на нихъ свою извѣстность, и отъ всего сердца желаетъ, чтобъ его имя осталось нераздѣльно съ твореніемъ. Авторъ клянется и божится, что друзья его ни душой, ни тѣломъ не виновны во всемъ этомъ, и въ случаѣ, если критикъ его похвалитъ, онъ на себя одного принимаетъ всю отвѣтственность. Если же его раскритикуютъ, чего онъ крайне боится, то постарается утѣшить себя мыслию, что личность и пристрастіе управляли его строгимъ судіемъ, и что потомство отдастъ ему полную справедливость». Такъ про себя всѣ думаютъ. Но кто эту быль рѣшится сказать вслухъ?

«Во всемъ нужна мѣра, и въ скромности, и въ искренности. Уравняйте одну другую; будьте вмѣстѣ и искренны, и скромны: вотъ задача жизни, вотъ тайна предисловій.

«То же и въ искусствѣ: ни голой правды, ни голаго вымысла. Правда стыдлива и носитъ покровъ; но этотъ покровъ долженъ не скрывать, а только прикрывать ея строгія формы. Задача искусства—слить фантазію съ дѣйствительною жизнью.

«Счастливъ авторъ, если въ его рассказахъ заслушаются былого, какъ небывлицы, а небывалому повѣрятъ, какъ были.

Н. Мельгуновъ».

Помимо довольно тонкаго остроумія, направленнаго противъ такъ называемыхъ «литературныхъ приличій», надъ которыми раньше Мельгунова издѣвались нѣмецкіе романтики, а немного поздиѣ его и значительно удачнѣе глумился Гоголь, въ этомъ предисловіи нельзя не обратить вниманія на основную мысль: «Задача искусства слить фантазію съ дѣйствительною жизнью», мысль, конечно, и въ то время не новую, но какъ

манифестъ молодого литератора, недавняго переводчика ультраромантическаго Тика—г. Ваккенродера, очень характерную.

Книга Мельгунова состоитъ изъ 2-хъ частей; 1-я заключаетъ въ себѣ четыре значительно раньше написанныхъ повѣсти: «Зимній вечеръ», «Кто-же онъ?» (см. выше) «Пророческій сонъ» и «Любовь-воспитатель». Всѣ онѣ написаны легко и изящно, мѣстами остроумно, но ни въ одной не видно творчества и оригинальности. Три первыя повѣсти фантастичны по завязкѣ и реальны по развязкѣ; четвертая—«Любовь-воспитатель» разрабатываетъ (не углубляясь, впрочемъ, въ предметъ) очень интересную психологическую задачу, какъ умная дѣвушка превращаетъ своимъ любящимъ влияніемъ фата-офицера въ очень и очень порядочнаго человѣка, способнаго даже на героизмъ. 2-я часть, болѣе обширная, вся заполнена одной большой повѣстью (вѣрнѣй небольшимъ романомъ): «Да или нѣтъ?», написанной, по словамъ автора, въ 1832 г. и основанной на фактѣ, который будто бы онъ лично наблюдалъ много лѣтъ назадъ въ Парижѣ. Эта повѣсть—явленіе очень замѣчательное для своего времени не въ художественномъ, а въ социальномъ и историческомъ отношеніи. Какъ художникъ, Мельгуновъ и здѣсь только полезная посредственность: онъ придумалъ два довольно оригинальныхъ характера: Левендорфа и Клары, которые воплощаютъ приблизительно одну идею (роковыя или кажущіяся таковыми положенія могутъ изъ честнаго и порядочнаго мужчины сдѣлать чуть не злодѣя, и изъ сильной и смѣлой женщины—до сумасшествія болѣзненную и упрямую трусиху), и создалъ, можетъ быть, на основаніи какого-либо изъ парижскихъ causes célèbres времени реставраціи, интересную сильно-драматическую интригу¹⁾; но дѣло не въ ней и не въ характерахъ, а въ живомъ и вѣрномъ до мельчайшихъ подробностей изображеніи суда присяжныхъ (съ рѣчами прокурора и адвоката, съ букввальнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ судебныхъ формулъ и съ указаніемъ §§ различныхъ Codes), съ явной едва замаскированной въ угоду русской цензурѣ тенденціей—показать, насколько съудъ совѣсти гуманнѣй, законнѣй и справедливѣе нашего закрытаго бумажнаго суда съ его «сильнымъ» и простымъ «подозрѣніемъ», которое,

¹⁾ Французскій офицеръ, сынъ наполеоновскаго солдата, съ юности влюбленъ въ итальянскую аристократку и любимъ ею взаимно; онъ покидаетъ свою возлюбленную и бѣжитъ съ нею во Францію. Другой претендентъ на руку героини, русскій богатый офицеръ Левендорфъ, поощряемый ея отцомъ, гонится за ними; между соперниками происходитъ поединокъ безъ свидѣтелей, вслѣдствіе котораго герой попадаетъ на скамью подсудимыхъ за покушеніе на убійство. Благодаря героизму крестьянскаго мальчика Маргина, обвиненный бѣжитъ изъ тюрьмы наканунѣ суда, но узнавъ и вновь арестованъ. На судѣ происходитъ рядъ раздирательныхъ сценъ и открытій; но окончаніе для всѣхъ благополучное.

оставляя безнаказаннымъ виновнаго, мараётъ невиннаго и дѣлаетъ порядочнаго человѣка на всю жизнь несчастнымъ ¹⁾. Здѣсь же несправедливо обвиненный герой выходитъ изъ судебной залы не только оправданнымъ, но и примиреннымъ съ обществомъ и вполне счастливымъ; предсѣдатель говоритъ ему въ концѣ повѣсти: «Благодаря сему величественному сословію Присяжныхъ (въ оригиналѣ такъ и напечатано съ заглавной буквы), которые однимъ словомъ разрушили козни злобы и суевѣрія, вы отнынѣ свободны». «Болѣе десяти лѣтъ прошло, прибавляетъ отъ себя авторъ, послѣ этой незабвенной сцены, но она и теперь живо представляется моему воображенію».

Живая идея повѣсти «Да или нѣтъ» была очевидно понята, какъ слѣдуетъ, образованными читателями, и Мельгуновъ удостоился похвалъ изъ разныхъ лагерей. Въ «Молвѣ» при «Телескопѣ» (1834 г. т. XX стр. 182—5) безымянный рецензентъ по поводу его книги говоритъ о повѣстяхъ вообще и о сатирическихъ въ частности и затѣмъ прибавляетъ: «г. Мельгуновъ, благодаря судьбѣ, не слѣдовалъ этому нравственно-сатирическому направленію». Особенно превозноситъ критикъ повѣсть «Да или нѣтъ?», какъ «живую и вѣрную картину хода французскаго уголовнаго судопроизводства»; по справедливому его заключенію, для насъ, русскихъ, этотъ «предметъ новъ и мало извѣстенъ»; онъ заключаетъ пожеланіемъ, чтобы авторъ продолжалъ «писать съ натуры, сохраняя простоту и неискusstvenность разсказа, кои суть несомнѣнно лучшія его достоинства».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ «Молвы» (ib. стр. 221) неизвѣстный, подписавшій свою замѣтку значкомъ (F), обращается къ издателю журнала съ упреками, что онъ слишкомъ мало сказалъ о замѣчательной книжкѣ Мельгунова; онъ перечисляетъ рядъ прекрасныхъ частности въ повѣстяхъ молодого автора и особенно восхищается повѣстью «Да или нѣтъ?», не скрывая, что ему больше всего нравится ея идея—восхваленіе суда присяжныхъ. Тамъ, гдѣ есть таковой судъ по его убѣжденію «никакой умыслъ рока на человѣка чистаго и невиннаго не можетъ устоять противъ внутренняго голоса правосудія». Рѣшеніе присяжныхъ есть «какъ будто приговоръ самого Бога».

Скептический и черезчуръ осторожный Сенковскій въ «Библиотекѣ для Чтенія» (1834 г. т. III, Лит. лѣтопись стр. 5) о судѣ присяжныхъ

¹⁾ Выстъ съ Левендорфомъ на судѣ присутствуетъ другой русскій офицеръ, Сленскій, и пока присяжные совѣщаются, онъ наивно (даже черезчуръ наивно) доказываетъ адвокату, что было бы гораздо проще оставить, по нашему, героя „въ подозрѣніи“. А изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ ясно, что въ данномъ случаѣ полуоправданіе было хуже обвиненія невиннаго.

умалчиваетъ, но неумѣренно расхваливаетъ повѣсти Мельгунова (хотя и могъ догадываться, что авторъ не принадлежитъ къ числу почитателей его «направленія»). По его словамъ, эти повѣсти—«такіе милые рассказы, какихъ давно не читали по русски, исключая «Пиковой Дамы» Пушкина» ¹⁾ Г. Мельгуновъ—«человѣкъ съ примѣчательнымъ и пріятнымъ дарованіемъ... un jolî conteur». Рецензентъ обѣщаль вернуться къ этой книгѣ, но, сколько мы знаемъ, обещанія своего не исполнилъ.

«Московскій Телеграфъ» при тогдашней малочисленности московскихъ литераторовъ, конечно, зналъ Мельгунова, зналъ и о его замыслахъ издавать журналъ и въ рецензіи на «Рассказы» сумѣлъ соединить справедливость и вѣрность своимъ принципамъ съ искуснымъ униженіемъ возможнаго соперника. Его рецензентъ (часть 56-ая стр. 149—150) признаетъ, что предисловіе написано остроумно, но несогласенъ съ тѣмъ, что говоритъ въ немъ авторъ о сущности искусства. «Задача искусства—творчество, доказываетъ критикъ романтическаго журнала, а для него все равно, откуда ни взять предметъ: изъ дѣйствительной ли жизни или изъ головы писателя, потому что и въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ все-таки будетъ взятъ изъ дѣйствительной жизни».

Въ «Рассказахъ», по словамъ «Телеграфа», «виденъ писатель образованный. Языкъ его правиленъ, легокъ; приличія литературныя, приличія хорошаго общества соблюдены; въ подробностяхъ рассказа нѣтъ ничего отталкивающаго читателя»... «Но чего-то не достаетъ въ повѣстяхъ г. Мельгунова! Его читатель остается какъ-то холодень, несмотря на все желаніе автора быть игривымъ и занимательнымъ».

Поставивъ себѣ вопросъ, чего именно недостаетъ Мельгунову, критикъ самъ и отвѣчаетъ себѣ: недостаетъ «творчества»; оттого «Рассказы» «можно съ удовольствіемъ прочесть, но не перечесть»; оттого «они и не оставляютъ послѣ себя сильнаго впечатлѣнія». Такую оцѣнку должно признать вѣрной по существу; но въ умолчаніи объ особомъ (хотя и не эстетическомъ) достоинствѣ повѣсти «Да или нѣтъ» мы не можемъ не видѣть враждебнаго отношенія къ автору со стороны Полеваго, который въ этотъ періодъ своей дѣятельности былъ очень чутокъ къ подобнымъ свѣтлымъ идеямъ.

¹⁾ Тонкое и довольно ехидное, но несправедливое замѣчаніе: „Рассказы“ Мельгунова, какъ мы видѣли выше, были уже цензурованы въ 1833 г., а написаны и того раньше; между тѣмъ „Пиковая Дама“ была напечатана только въ № 2 „Библіотеки для Чтенія“ за 1834 г. Фантастика первой части „Рассказовъ“, дѣйствительно, напоминала нѣсколько фантастику „Пиковой Дамы“, конечно, не къ выгодѣ начинающаго автора.

Едва ли Мельгуновъ былъ сильно огорченъ рецензіей «Телеграфа»: въ 30-хъ годахъ наши литераторы, подъ влияніемъ свѣжихъ воспоминаній о литературныхъ обществахъ и кружкахъ, все еще несравненно больше дорожили одобреніемъ друзей, нежели отзывами «органовъ печати», а друзья Мельгунова, очевидно, очень высоко ставили повѣсть «Да или нѣтъ?», настолько высоко, что внушали самому автору, обыкновенно очень скромно цѣнившему свой произведеніа, чрезмѣрное къ ней уваженіе. На это мы имѣемъ косвенное, но вполне убѣдительное доказательство: ровно черезъ четверть столѣтія Мельгуновъ, находившійся за-границей въ отчаянномъ денежномъ затрудненіи (далеко не въ первый и не въ послѣдній разъ, какъ увидимъ ниже), телеграфируетъ Краевскому: *Vendez roman «Cour assises»*, разумѣя подъ этимъ 2-ое изданіе своей повѣсти «Да или нѣтъ?». Конечно, въ 1859 г. она не могла найти себѣ новаго издателя. Но въ срединѣ 30-хъ годовъ благодаря именно ей, Мельгуновъ приобрѣлъ себѣ литературное имя и сталъ полноправнымъ членомъ московскаго передоваго кружка, къ которому принадлежали Кирѣевскіе, Хомяковъ, Кошелевъ, Баратынскій, Чаадаевъ, Шевыревъ и мн. др.

Благодаря тому, что одинъ изъ видныхъ членовъ этого кружка Алексѣй Веневитиновъ въ началѣ 30-хъ годовъ въ Москвѣ бывалъ только наѣздами, другой же наиболѣе близкій Мельгунову, Шевыревъ, два раза на продолжительное время покидалъ не только Москву, но и Россію, а Мельгуновъ и любилъ и умѣлъ писать письма, мы черезъ его посредство можемъ заглянуть и въ домашнюю и въ духовную жизнь интересной эпохи.

Н. П. Барсуковъ въ своемъ почтенномъ изслѣдованіи «Жизнь и труды М. П. Погодина» (т. III, стр. 195—6) издалъ большую часть очень любопытнаго письма Мельгунова къ Веневитинову отъ 17 янв. (1830 г.), въ которомъ авторъ описываетъ время препровожденіе кружка и приглашаетъ своего корреспондента принять участіе въ задуманномъ Альманахѣ, который, впрочемъ, не появился на свѣтъ ¹⁾.

¹⁾ По поводу этого проекта практичный Погодинъ въ письмѣ къ Шевыреву такъ характеризуетъ Мельгунова (ib. 196): „Мельгуновъ прекрасный, предобрый, преблагонамѣренный человекъ; но не совѣтую тебѣ вступать съ нимъ ни въ какія обязательныя сношенія. У него нѣтъ основательности; *c'est un homme à projets*. Нынѣшній годъ у него такихъ мыльныхъ пузырей двадцать. Что же толку“.

Пользуясь любезностью М. А. Веневитинова, доставившаго намъ и копію съ этого письма и интересный къ нему комментарий, позвоаемъ себѣ напечатать цѣликомъ и то и другое.

„Здравствуй! Здоровъ ли? Давно не было отъ тебя вѣсточки. Не думаешь ли вѣсто письма самъ прикатить къ намъ? Оно бы кстати. Графиня здѣсь; мы всѣ, твои друзья и пріатели, на лицо. За чѣмъ остановка?“

Съ Шевыревымъ Мельгуновъ былъ въ самой дѣятельной и дружественной перепискѣ, въ 1830 г. Онъ очень высокаго мнѣнія о природныхъ дарованіяхъ своего бывшаго сослуживца и сотрудника и уговариваетъ его не зарывать таланта въ землю. 18 февраля 1831 г. онъ пишетъ ему, поощряя его къ творчеству: «Пушкина пора прошла, а чередъ Языкова никогда не придешь». Мельгуновъ находитъ, что послѣднія произведенія Пушкина зрѣлы, но вліяніе ихъ меньше. «Не обвиняй меня въ вандализмъ за смѣлость, съ какою я говорю о Пушкинѣ, и не забудь, что рѣчь идетъ не о безусловномъ (intrinsèque) его достоинствѣ, а объ относительномъ. Вчера еще спросили при мнѣ у Ширяева, каково расходится «Борисъ Годуновъ» Пушкина.—«Ну, что о Пушкинѣ!» пробормоталъ онъ сквозь носъ и отворотился съ медвѣжьей неповоротливостью.—Худо, коли книгопродавцы начинаютъ отворачиваться при имени Пушкина».

„Ты получишь это посланіе черезъ князя. Писалъ бы прямо, да не знаю твоего адреса. Кирѣевскій тоже позабылъ. Увѣдомъ.

„Пишу къ тебѣ съ двойкою цѣлію: 1) возобновить съ тобою переписку; я бы радъ былъ время отъ времени перекидываться съ тобою письмами; 2) предложить тебѣ быть вкладчикомъ въ общій нашъ Альманахъ, который имѣетъ быть изданъ къ будущей Святой недѣлѣ, и гдѣ участниками всѣ наши. Подробише узнаешь отъ Одоевскаго. Есть твоя повѣсть у Кирѣевскаго, позволь ее тиснуть. Сверхъ того, какъ наблюдатель петербургскаго общества, ты могъ бы прислать намъ нѣсколько сценъ изъ свѣтской жизни, или по крайней мѣрѣ нѣсколько оригинальныхъ каламбуровъ. Впрочемъ, что хочешь, только пришли и пришли непременно. Свербеевъ, Баратынскій, Кирѣевскій, Кошелевъ, Хомяковъ, Шевыревъ, я, мы всѣ участвуемъ. Я прошу князя о томъ же. Жаль, что поздно придумали, а то бы надо было отписать и къ Титову. Итакъ рѣшено: твоя статья въ нашемъ Альманахѣ безотговорочно.

„Софьи Владиміровны ни я, ни Кирѣевскій еще не видали. Мы были у нея вмѣстѣ, онъ даже два раза. Извѣстно намъ лишь то, что она здорова и, кажется, нигуда почти не выѣзжаетъ.

„Мы всѣ здѣсь переболѣли гриппомъ; Кирѣевскій былъ запѣвалой перхотнаго хора: онъ занемогъ едва ли не первый въ городѣ; теперь моя очередь, и я пишу къ тебѣ подъ аккомпанементъ ваяшя. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ собираться по пятницамъ у Свербеевыхъ, по воскресеньямъ у Кирѣевскихъ, иногда по четвергамъ у Кошелевыхъ и время отъ времени у Баратынскаго. Два, три раза въ недѣлѣ мы всѣ въ сборѣ; дамы непремѣнныя участницы нашихъ бесѣдъ, и мы проводимъ время какъ нельзя веселѣе: Хомяковъ споритъ, Кирѣевскій поучаетъ, Кошелевъ рассказываетъ, Баратынскій поэтизируетъ, Чаадаевъ проповѣдуетъ или возводитъ очи къ небу, Герке дурчатся, Мещерскій молчитъ, мы остальные слушаемъ; подчасъ наша бесѣда оживляется хоромъ цыганъ, танцами, бѣганьемъ въ запускъ, гдѣ особенно отличается Христъ Ивановичъ. Спроси его, онъ тебѣ скажетъ.

„Пріѣзжай провести съ нами нѣсколько вечеровъ; право, веселѣе, чѣмъ въ вашемъ Питерѣ. Павловъ еще въ деревнѣ, пишетъ повѣсти; Сварятинъ

Недавно Н. А. Вълззерская въ своей цѣнной монографіи о книг. З. А. Волконской напечатала небольшой отрывокъ изъ этого письма ¹⁾ гдѣ Мельгуновъ нападаетъ на Пушкинскаго «Бориса Годунова»; но она напечатала его съ выпусками и не совсѣмъ точно ²⁾; воспроизводимъ его цѣликомъ также съ ореографіей подлинника.

«Спрашиваю, что новаго открылъ Пушкинъ послѣ Карамзина въ своемъ Борисѣ? Это—Карамзинъ въ звучныхъ, превосходнѣйшихъ стихахъ, но съ тѣмъ же невѣрнымъ историческимъ взглядомъ, съ тѣми же несообразностями въ характерахъ, если еще не съ большими, съ тѣмъ же, если также не съ большимъ недостаткомъ единства въ цѣломъ, и вдобавокъ съ забавными анахронизмами (Борисъ говоритъ объ утраченной молодости, Лжедмитрій о высокомъ санѣ поэта по случаю латинскихъ стишонковъ какого-то риемоплета). Погодинъ, одинъ изъ твоихъ педантовъ-изыскателей, право лучше Пушкина - поэта понимаетъ этотъ періодъ нашей исторіи. Въ изученіи ея есть три степени: изыскателя, историка-философа, и наконецъ—историка-художника.

завелъ славную академію; онъ берется сдѣлать нѣсколько гравюръ для нашего Альманаха. Ты видишь, что всѣ участвуютъ; даже Энгельгардъ берется быть нашимъ переплетчикомъ—ты знаешь тестя Баратынскаго? Еще одно: придумай названіе для Альманаха; до сихъ поръ не нашли приличнаго. Окрести его, будь воспріемникомъ нашего первенца. Но я заговорился; прощай, и и и, обнимаю тебя. Твой Н. М.»

Примѣчанія М. А. Веневитинова:

К и р ѣ в с к і й, безъ сомнѣнія, Иванъ.

Г р а ф и н я—гр. Софья Владиміровна Комаровская, урожд. Веневитинова, сестра Алексѣя Владиміровича. Мужъ ея—Егоръ Евграфовичъ (см. о немъ въ „Р. Архивѣ“, 1896, июль).

К н я з ъ, несомнѣнно, не Вяземскій, но Вл. Ф. Одоевскій.

Г е р к е, Христіанъ Ивановичъ, воспитатель умершаго въ дѣтствѣ старшаго брата А. В. Веневитинова.

Мещерскій—князь, Алексѣй Александровичъ, одинъ изъ „архивныхъ юношей“.

Почему повѣсть А. В. Веневитинова въ 1830 г. могла оказаться безъ употребленія у И. В. Кирѣевскаго? Если она предназначалась для „Европейца“, какъ могъ Мельгуновъ просить ее для Альманаха? Да и на что былъ Альманахъ въ виду „Европейца“?

Не отнеси-ли это писъмо къ позднѣйшему времени, 1832—1834 г.г., когда на рукахъ у Кирѣевскаго оставался матеріалъ отъ запрещеннаго „Европейца“ и когда Мельгуновъ съ большими противъ прежняго рвеніемъ отдавался литературѣ?

Рѣшить вопросъ можетъ точная дата и адресъ вышеприведенной записки Погодина Шевыреву о Мельгуновѣ.

¹⁾ „Ист. Вѣстн.“ 1897 г. № 4 стр. 145—6.

²⁾ Безъ сомнѣнія, это корректурные недосмотры. Кстати исправимъ такіе же недосмотры въ примѣчаніи на страницѣ 141: Мельгуновъ умеръ не въ 1876 г. а въ 1867 г.; онъ Ник. Александровичъ, а не Алексѣевичъ.

«Но сей послѣдній не возможенъ безъ двухъ первыхъ. Безъ предварительнаго критическаго изысканія матеріаловъ и безъ глубокаго философскаго анализа, поэтъ въ наше время ничего не уразумѣетъ въ исторіи. Его дѣло — излагать, координировать (sic) запасы, собранные и очищенные другими; онъ одинъ можетъ вдохновить жизнь, воскресить прошедшее, вложить душу въ тѣло исторіи; но не прежде, какъ когда ножъ анатомика уже гулялъ по этому тѣлу, и Физиологъ сравнилъ уже части онаго, и изъ ихъ сходства или различія вывелъ законы устройства сего тѣла. Пока нѣтъ еще фізіологіи исторіи, пока не узнаны законы, по коимъ она правится, поэтъ можетъ лишь воскрешать въ половину, Гальванически; пусть онъ не заносится бесплодной мечтою, будто онъ можетъ силою вдохновенія разомъ достигнуть того, что приобрѣтается тяжелыми трудами, кровавымъ потомъ, будто въ одинъ мигъ онъ можетъ перешагнуть столѣтія изысканій. Поэтъ есть рабъ науки, и не онъ открылъ истинное движеніе свѣтилъ небесныхъ. Къ чему ведетъ все мною сказанное? Къ тому, что надо съ точностію размежевать область философіи и поэзіи, дабы, слѣдуя простонародной пословицѣ, всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ» ¹⁾).

Отвѣчая на это письмо, Шевыревъ, какъ видно, обвинялъ Мельгунова въ недостаткѣ почтенія къ нашему величайшему поэту. Мельгуновъ въ письмѣ отъ 20 іюля упорно защищаетъ: онъ любитъ поэта Пушкина попрежнему, но сознается, что «уже не такъ безотчетно и неограниченно» удивляется ему²⁾).

¹⁾ Рукоп. Импер. Публ. Библ.; бумаги Шевырева.

²⁾ Между этимъ письмомъ и послѣдующими Мельгуновъ писалъ Шевыреву 12 ноября 1831 г.

„Я поджидалъ отъ тебя письма, милый другъ, но не тутъ то было. Гдѣ ты, и что съ тобою? Въ Римѣ ли? И когда во святую Русь, въ объятія непригожей матери?“

Сообщивъ нѣсколько неважныхъ подробностей о себѣ и Погодинѣ, Мельгуновъ продолжаетъ: „Лзыковъ напоминаетъ мнѣ вечеръ, проведенный мною у Елагиной дня съ три тому назадъ. Тамъ были Жуковский, Ал. Тургеневъ, Вяземскій, Хомяковъ и пр. Расскажу (sic) тебѣ объ нихъ поочередно. Жуковского я видѣлъ въ первый разъ (я не считаю свиданія съ нимъ въ чужихъ краяхъ: я былъ ребенкомъ); онъ говорилъ весьма мало. Толкуя со мной о саксонской Швейцаріи, въ которой мы были въ одно время, онъ сказалъ, что послѣ этой прогулки ему стало понятно, почему въ горахъ такъ много сказокъ о духахъ и волшебствѣ. Нигдѣ туманы такъ не живописны, какъ въ горахъ; нигдѣ въ нихъ нѣтъ столько фантазіи, какъ тамъ, они творятъ сказки, жители только переводятъ ихъ на языкъ. — Еще, забавно совѣтовалъ онъ Кирѣевскому не читать разбираемыхъ имъ книгъ: стоитъ только говорить диаметрально противное „Телеграфу“ и выйдетъ правда. Онъ сказалъ это по случаю двухъ рецензій въ послѣд. № „Телеграфа“, гдѣ въ самомъ дѣлѣ говорилось все на выворотъ.“

Еще рѣзче, почти до неприличія рѣзко, отзывается Мельгуновъ о Пушкинѣ въ письмѣ къ тому же Шевыреву отъ 21 декабря того же 1831 г.

«Мнѣ досадно, что ты хвалишь Пушкина за послѣднія его вирши ¹⁾. Онъ мнѣ такъ огадился какъ человекъ, что я потерялъ къ нему уваженіе, даже какъ къ поэту. Ибо одно съ другимъ неразлучно. Я не говорю о Пушкинѣ, творцѣ Годунова (sic. см. выше) и пр.; то былъ другой Пушкинъ, то былъ поэтъ, подававшій великія надежды и старавшійся оправдать ихъ. Теперешній же Пушкинъ есть человекъ, остановившійся на половинѣ своего поприща, и который, вмѣсто того, чтобъ смотрѣть прямо въ лицо Аполлону, оглядывается по сторонамъ и ищетъ другихъ божествъ, для принесенія имъ въ жертву своего дара, Упаль, упаль Пушкинъ и—признаюсь, мнѣ весьма жаль этого. О често(любіе) и златолюбіе!—Онъ избавляетъ меня отъ труда описывать, тебѣ его новыя произведенія, ибо ихъ нѣтъ» ²⁾.

„Ал. Тургеневъ—русскій медвѣдь зимою: дремлетъ и ворчитъ себѣ подъ ность. Не повѣришь, какъ забавно хвастливъ онъ; чего онъ не насказалъ въ своей дремотѣ! Впрочемъ Шатобрианъ прекрасно и безъ намѣренія (какъ кажется) характеризуетъ его въ своихъ études: M-g le comte de T., ex-ministre de l'instruction publique en Russie, l'homme de toutes sortes de savoir. И подлинно, чего не знаетъ! однако не болѣе, какъ сколько онъ знаетъ женщинъ. Его судьба—волочиться за ними и за музами по пустыкамъ.

„...Хомяковъ, только что приѣхалъ (sic) изъ деревни. Лѣто онъ провелъ на Кавказѣ. До Рождества онъ намѣренъ жить затворникомъ: на душѣ у него новая трагедія. Первое дѣйствіе уже написано; но онъ его еще не показываетъ. Чудный малой (sic); жаль, что софистъ такой, что мочи нѣтъ. Но это софизмы не философа, а поэта, и я ему прощаю. Однако желалъ бы видѣть его вмѣстѣ съ Баратынскимъ. Они никогда другъ съ другомъ не говорили: я увѣренъ, что если они свидятся и поспорятъ, то хоть сколько нибудь выхѣчатся отъ страсти оригинальничать наперекоръ истинѣ и убѣжденію. Ничто такъ не исправляетъ, какъ собственный недостатокъ въ чужомъ: это славное зеркало“... (Далѣе опять личныя и неинтересныя дѣла).

¹⁾ Безъ сомнѣнія, разумѣются: „На взятіе Варшавы“ и „Клеветникамъ Россіи“, о которыхъ у Кѣнига (русск. пер. стр. 109 — 110) сказано, что они повредили Пушкину „въ общественномъ мнѣніи, частью своимъ содержаніемъ. а еще болѣе разительной перемѣной въ образѣ мыслей“.

Рѣзкость выраженій не можетъ удивить того, кто въ записной книжкѣ кн. П. А. Вяземскаго (Соч. IX, 155 и слѣд.), близкаго друга Пушкина и Жуковскаго, читалъ его отзывъ о „шинельныхъ“ стихотвореніяхъ на взятіе Варшавы. Совершенно иного мнѣнія держался Чаадаевъ (см. его письмо къ Пушкину отъ 28 сент. у П. И. Бартенева, бумаги А. С. Пушкина I, 156), которому особенно не нравилось стих. aux ennemis de la Russie (sic), но онъ самъ прибавляетъ: „Tout le monde n'est pas de mon avis ici“.

²⁾ Это письмо напечатано Н. А. Бѣлозерской, (Р. с. 149 прим.) но тоже съ пропусками и неточностями.

Приблизительно то же мнѣніе высказываетъ Мельгуновъ и въ письмѣ отъ 9 февраля 1832 г., въ которомъ онъ знакомитъ Шевырева съ 2-мя вышедшими нумерами «Европейца».

«Въ нашей литературѣ наступаетъ кризисъ: это видно уже по упадку Пушкина. На него не только проходитъ мода, но онъ явно упадаетъ талантомъ; пора школы Вяземскаго (?) проходить и ни одной порочной въ виду нѣтъ». Немного ниже говорить онъ о Марлинскомъ, что это рѣдкій, самобытный талантъ» (sic).

Было бы крупной ошибкой, на основаніи приведенныхъ отрывковъ, считать Мельгунова за сознательнаго врага Пушкинской школы; напротивъ, онъ одинъ изъ самыхъ горячихъ адептовъ новаго направленія, къ которому перешелъ онъ вмѣстѣ съ другими отъ крайностей нѣмецкаго романтизма (вспомнимъ переводъ Тика).

Таковымъ является онъ и въ повѣстяхъ своихъ, пытающихся, какъ мы видѣли, соединить фантастику съ реализмомъ; таковымъ же оказывается онъ и здѣсь: въ самыхъ противурѣчивыхъ нападкахъ его на главу новой поэзіи чувствуется глубокая вѣра въ геній Пушкина и слышится нѣсколько наивное негодованіе юнаго поклонника на то, что предметъ его поклоненія не ежеминутно творитъ чудеса. Начитанный 27-лѣтній «архивный юноша» вѣрно понимаетъ отрицательныя стороны современной ему литературы — въ концѣ письма отъ 18-го февраля 1831 г. онъ довольно мѣтко выражается, что наша словесность страдаетъ отъ ледовитаго Булгарина и отъ огнедышащаго Полевого, — но онъ еще плохо можетъ разобраться въ томъ положительномъ, что даетъ она ¹⁾.

Онъ, можетъ быть, и самъ сознаетъ неустойчивость своихъ воззрѣній и при всей своей пылкой любви къ литературѣ, даже и покинувъ службу, въ печати выступаетъ только какъ критикъ музыкальн ы й.

Въ качествѣ такового, Мельгуновъ въ 1834 г. работаетъ въ «Молвѣ» и «Телескопѣ». «Въ «Молвѣ» (стр. 355—6) онъ даетъ короткій отзывъ о Музыкальныхъ вечерахъ Гебеля; подробнѣй о нихъ же говорить онъ въ «Телескопѣ» (ч. XXV, стр. 312 и слѣд.). Мельгуновъ считаетъ Гебеля величайшимъ послѣ Бетховена композиторомъ ²⁾ квартетной му-

¹⁾ Нѣкоторую роль въ этомъ строгомъ отношеніи Мельгунова къ Пушкину играло, можетъ быть, и принципиальное различіе во взглядахъ литературно-свѣтскаго кружка Пушкина и литературно-философскаго кружка московскаго, но роль небольшую: „философія“ москвичей, которая не очень нравилась Пушкину еще въ 1826—27 году (см. Барсуковъ, Погодинъ, II, 44 и слѣд.), не помѣшала имъ восторгаться „Борисомъ Годуновымъ“, да и Мельгуновъ до своей вторичной повѣдки за границу едва-ли былъ серьезно увлеченъ ею.

²⁾ Онъ пишетъ: композитѣръ.

зыка, но указывает и у него технические недостатки. Къ модному направленію европейской музыки рецензентъ относится отрицательно.

Внезапное запрещеніе «Телеграфа» въ 1834 г. возбудило въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Мельгуновъ, сильнѣйшее желаніе имѣть свой собственный органъ; начались усиленныя хлопоты ¹⁾, которыя, при содѣйствіи генераль-губернатора кн. Д. Голицына, завершились разрѣшеніемъ «Московского Наблюдателя». Мельгуновъ волновался и старался едва ли не больше всѣхъ; въ письмѣ къ А. В. Веневитинову ²⁾ онъ такъ горячо убѣждалъ пріятеля принять участіе въ журналѣ «всѣхъ нашихъ», какъ будто отъ этого зависѣло счастье его жизни.

Съ первой же книжки «Наблюдателя» Мельгуновъ выступаетъ въ немъ съ «Музыкальною лѣтописью» (стр. 144 — 169), къ которой Бѣлинскій, въ то время еще критикъ «Телескопа», отнесся съ большимъ сочувствіемъ: по его мнѣнію (можетъ быть, подогрѣтому воспоминаніемъ о повѣсти Мельгунова «Да или нѣтъ?»), она написана «ловко, умно, живо, съ знаніемъ дѣла».

Недолго Мельгуновъ наслаждался въ Москвѣ участіемъ въ собственномъ органѣ. Весною 1835 г. мы видимъ его уже на пути за-границу, куда онъ ѣдетъ лечиться. Но по дорогѣ въ Петербургъ онъ еще всецѣло преданъ интересамъ «Наблюдателя». 24-го мая онъ пишетъ Шевыреву.

«Пушкинъ, съ которымъ я видѣлся у Вяземскаго и Жуковскаго и который пеняетъ, что мы не помѣстили его имени въ числѣ участниковъ, говоря, что онъ нашъ, а не шайки Смирдинской, заодно съ княземъ Одоевскимъ, совѣтуетъ перенести «Наблюдатель» въ Петербургъ; Вяземскій и Пушкинъ, а также Одоевскій, Солмогубъ и пр. общали нѣсколько статей».

25-го мая Мельгуновъ выѣхалъ за границу на пароходѣ и повидимому немедленно сталъ собирать матеріалъ для корреспонденцій въ «Наблюдатель», которыя и помѣщались въ немъ за полной подписью автора, подъ заглавіемъ «Путевые очерки», начиная съ 8-й части.

Эти «Очерки» очень любопытны для характеристики эпохи и самого Мельгунова, который здѣсь нашелъ наиболѣе подходящую форму для выраженія своей личности и взглядовъ. Оказалось, что Мельгуновъ обладалъ талантомъ фельетоннымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: онъ умѣлъ легко и пріятно высказывать серьезныя мысли, разнообразить наблюденія и описанія довольно интересными набросками повѣстей, «по духу времени и вкусу» умѣренно-романтическихъ.

¹⁾ О нихъ см. Н. П. Барсуковъ IV, 228 и слѣд.

²⁾ Напечатано у Н. П. Барсукова IV, 230 и слѣд.

Разказавъ въ первомъ очеркѣ объ отплытіи парохода и о томъ, какъ пассажиры знакомятся между собою и какъ инстинктивно вступаютъ въ комплотъ «противъ правительства», т. е. капитана, онъ рисуетъ нѣсколькихъ своихъ спутниковъ. Авторъ вступаетъ въ разговоръ съ дамой, нападающей на прозаическіе пароходы, и такъ защищаетъ современность:

— Поэзія нашего вѣка есть поэзія внутренняя, ума, а не формъ. Пароходъ — это цѣлая поэма, поэма, переведенная въ пары, поэма о силѣ мысли.

Дама — стародумъ, безъ сомнѣнія, служащая выразительницей извѣстной серіи мыслей самого автора, продолжаетъ изливать свое негодование на нынѣшнее поколѣніе, у котораго «пошлость и расчетъ замѣнили мѣсто генія», у котораго деньги — мѣра всему, и даже любовь, «самое живое выраженіе личности, переходитъ въ холодную систему или въ отвлеченности. Предполагается, что каждый изъ насъ любитъ человѣчество, но до людей нѣтъ намъ дѣла» (стр. 36).

Авторъ находитъ, что собесѣдница его отчасти права, но объясняетъ современный эгоизмъ тѣмъ, что наше время — переходное отъ періода военно-героическаго къ періоду мирнаго труда и успѣховъ гражданственности. Теперь, дѣйствительно, меньше любви, но за то меньше и ненависти. Исчезаютъ великіе люди, но зато исчезаетъ и грубая толпа; все выравнивается и успокаивается».

Несвободный отъ колебаній въ сторону романтизма и воинствующаго націонализма 10-хъ годовъ столѣтія, Мельгуновъ въ основѣ своей — горячій поклонникъ европейской цивилизациі: на первый заграничный городъ онъ смотритъ «съ неизъяснимымъ чувствомъ блаженства, чувствомъ заключеннаго, когда послѣ долгаго заточенія онъ вдругъ выпущенъ на свѣтъ Божій» (стр. 20).

Во второмъ очеркѣ Мельгунова (ib. II, 143—193) мы находимъ рядъ повѣстей, будто бы разказанныхъ пассажирами и связанныхъ ихъ же разсужденіями о психологіи любви и пр., въ родѣ «Серапіоновыхъ братьевъ» Гофмана. Повѣсти эти романтическаго характера и опять таки съ замѣтнымъ стремленіемъ соединить фантастическое съ воспроизведеніемъ обыденной дѣйствительности.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, изъ-за чего Мельгуновъ оставался за границею (въ Германіи) на всю зиму 1836—7 года и только изъ послѣдующаго можемъ заключить, что онъ переживалъ за это время какое-то сердечное увлеченіе. Судя по сохранившимся письмамъ ¹⁾, Мельгу-

¹⁾ Въ перепискѣ Мельгунова съ Шевыревымъ неоднократно встрѣчаются явные пропуски, которые можно объяснить только умышленнымъ изытіемъ нѣкоторыхъ сляшкомъ интимныхъ писемъ Мельгунова изъ коллекціи, поступившей въ Публичную Библіотеку.

новъ и въ это время горячо интересуется судьбами русской литературы.

22 ноября 1836 г. онъ спрашиваетъ о положеніи Чаадаева, пострадавшаго за философское письмо ¹⁾.

20 февраля 1837 г., недовольный «Наблюдателемъ», онъ убѣждаетъ Шевырева издавать съ нимъ вмѣстѣ журналъ по 4 книжки въ годъ. 14-го марта онъ пишетъ ему изъ Франкфурта:

«Ты общаешь мнѣ подробное извѣстіе о смерти Пушкина. Это происшествіе произвело здѣсь сильное впечатлѣніе, и въ теченіе 2-хъ или 3-хъ недѣль всѣ газеты, нѣмецкія и французскія, были имъ полны. Такъ что иное я, можетъ быть, знаю обстоятельнѣе, чѣмъ вы».

Смерть Пушкина даетъ ему поводъ еще энергичнѣе уговаривать Шевырева взяться за журналъ: вѣроятно, прекратится «Современникъ», «послѣдній скольконибудь значущій contrepoid противъ журнальной трилогіи извѣстныхъ триумвировъ. Пушкинъ былъ, что ни говори, злой бичъ на эту братію».

Въ этомъ же письмѣ онъ рассказываетъ Шевыреву, что началъ бесѣдовать о Пушкинѣ, а потомъ и о другихъ русскихъ писателяхъ съ однимъ нѣмецкимъ литераторомъ Кёнигомъ, и изъ бесѣдъ этихъ выходитъ книжка, заключающая всего до сорока біографій.

Итакъ вотъ начало извѣстной книги, которая впервые въ общедоступной и интересной формѣ ознакомила Европу съ главными представителями новой русской литературы. Зерномъ, изъ котораго развилась она, оказывается преждевременная трагическая смерть Пушкина, поразившая воображеніе всей читающей Европы ²⁾.

¹⁾ „Что съ Чаадаевымъ? Продолжаетъ ли онъ посѣщать общество?“

²⁾ Кёнигъ говоритъ въ концѣ статейки о Пушкинѣ: „Die Umstände seines Duells und Todes sind noch aus den Zeitungen in frischer Erinnerung (Literarische Bilder aus Russland. Hsbg. von H. Koenig. Mit den Bildnissen von Dereschavin und Puschskin. Stuttg. u. Tübing. I. G. Cotta'sche Buchhandlung. 1837, s. 153).

Вотъ что сообщаетъ Кёнигъ въ своей книжкѣ (подписано Hanau, zu Pfingsten 1837) о Мельгуновѣ: Herr Melgunoff, in Russland selbst als Einer der jüngern Schriftsteller mit Ehren benannt, hat sich besonders seit den letzten acht Jahren sehr mit seiner vaterländischen Literatur beschäftigt. Während er sich ärztlicher Behandlung halber wiederholt in unserer Stadt aufhielt, habe ich ihn durch monate langen Umgang als genauen Kenner auch der ältern und neuern Literaturen, besonders der deutschen, kennen gelernt. Diese Kenntnisse und Einsichten sind von vorurtheilfreier Wahrheitsliebe, von höherem wissenschaftlichem Blick und von Begeisterung für Poesie und Philosophie geleitet, so dass ich, bei meiner Unkunde des Russischen, ihn zu beurtheilenden Vergleichen unsere, westlichen Literaturen mit der russischen für durchaus competent ansehen, und ihm mein eigenes Vertrauen schenken musste (s. VII).

Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что Кёнигъ во время бесѣдъ съ

Въ письмѣ къ Шевыреву безъ даты, очевидно, отъ конца іюня или отъ іюля того же 1837 г., Мельгуновъ настаиваетъ на необходимости переустроить редакцію «Наблюдателя», положеніе котораго очень печально, и заранѣе приходитъ въ отчаяніе, что рекомендованному имъ Кёнигу не заплатятъ за его статьи ¹⁾. Здѣсь же онъ сообщаетъ, что въ *Zeitung für die elegante Welt* (Лейпцигъ, редакторъ Kühne) въ № 124 отъ 26 іюня 1837 г. уже появился очень похвальный отзывъ о книгѣ König und Melgunoff, хотя она еще не успѣла выйти въ свѣтъ. Въ августѣ того же 1837 г. Мельгуновъ былъ въ Майнцѣ на празднествѣ открытія памятника Гутенбергу, а въ сентябрѣ онъ уже въ Россіи, въ имѣніи отца «Петровское», въ 450 верстахъ отъ Москвы. 18 сентября онъ пишетъ Шевыреву длинное и откровенное письмо ²⁾. Мельгуновъ намѣренъ остаться здѣсь только до зимняго пути, а потомъ снова уѣдетъ на цѣлый годъ, такъ какъ въ Германіи у него осталась «суженая», которую онъ называетъ «мадонной», но не итальянской, а нѣмецкой; красота ея вызываетъ не на поцѣлуй, а на преклоненіе передъ ея нравственной и физической чистотой. Онъ уже говорилъ объ ней съ отцомъ, и тотъ ничего не имѣетъ противъ его брака. Мельгуновъ нѣсколько разъ былъ «влюбленъ», но находитъ, что кромѣ перваго раза, который былъ плодомъ совѣсти и раскаянія, это не было истинное чувство, а только замаскированное вожделѣніе. Теперь совѣтъмъ другое...

Это упоминаніе о первой любви, результатомъ которой явилось раскаяніе, объясняетъ намъ, откуда у Мельгунова тайны отъ отца (но не

Мельгуновымъ о русской литературѣ дѣлалъ замѣтки, почему въ книгѣ его и оказались многие личные взгляды Мельгунова (не говоря уже о фактахъ, которые Кенигъ узналъ hauptsächlich отъ Мельгунова), но что, съ другой стороны, обрабатывалъ эти замѣтки Кенигъ самостоятельно, и Мельгуновъ его обработки до печати не редактировалъ. Такъ, напр., въ той же статьѣ о Пушкинѣ мнѣніе о народности (Volksthümliche) его поэзіи, изображеніе наружности Пушкина, способа его рѣчи, сопоставленіе Пушкинскаго и Карамзинскаго взгляда на Бориса Годунова съ Погодинскимъ (стр. 143) и т. д. и т. д.—все это заимствовано у Мельгунова. Кое-гдѣ сквозь нѣмецкую оболочку мелькаетъ способъ выраженія Мельгунова, знакомый намъ по письмамъ. Но не могъ же Мельгуновъ сказать Кенигу, что герой „Кавказскаго Пѣлѣтника“ (ein russischer Krieger—sic) потому рѣшилъ разстаться съ черкешенкой, что не рѣшился жить, какъ дикарь (Er kann sich nicht zu dem wilden Leben entschliessen стр. 140). Фагетъ вѣстѣ Заремы въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, мнѣ кажется, прямо указываетъ на неразобранную карандашную записку.

Но всего нагляднѣй мнѣнія Мельгунова въ статьяхъ о знаменитыхъ триумвирахъ русской журналистики: Гречѣ, Булгаринѣ и Сенковскомъ.

¹⁾ Изъ письма отъ 18 октября 1839 г. видно, что страхъ его былъ не напрасенъ и что онъ долженъ былъ заплатить Кёнигу свои деньги.

²⁾ Или онъ не видался съ Шевыревымъ въ Москвѣ, или не имѣлъ случая поговорить съ нимъ съ глазу на глазъ.

отъ Шевырева) долги и зачѣмъ онъ высылаетъ черезъ пріятеля деньги въ Балебей. Вотъ какое оригинальное и характерное убѣжденіе высказываетъ онъ, между прочимъ, въ этомъ письмѣ:

«По моему, всего вѣрнѣй импровизировать жизнь (разумѣется импровизация должна быть вдохновенная): разсчитывая и мѣряя, всегда обманешься».

Мельгуновъ возвратился въ Россію, конечно, черезъ Петербургъ, гдѣ видѣлся кое съ кѣмъ изъ литераторовъ Пушкинскаго кружка, и обѣщаль сотрудничать въ «Современникѣ». Вѣроятно, тогда же онъ сошелся и съ Краевскимъ, «Литературныя Прибавленія» котораго, какъ извѣстно, шли весьма бойко. Для этихъ «Прибавленій» Мельгуновъ въ первый же мѣсяцъ пребыванія въ деревнѣ написалъ довольно объемистую статью «Празднества въ Майнцѣ $\frac{2}{14}$ — $\frac{4}{16}$ августа 1837 г.» (Изъ Путевыхъ Записокъ), которая и была напечатана въ №№ 8, 9, 10 и 11 за 1838 г. Статья составлена живо и остроумно, и сразу показываетъ, что авторъ ея свой человѣкъ въ литературной Германіи. Онъ лично знакомъ съ Менцелемъ и даже пользовался его гостепріимствомъ, но не одобряетъ его поведенія относительно «молодой Германіи», хотя въ то же время критически относится и къ ея ученіямъ. Какъ и въ «Наблюдателѣ», онъ искусно пересыпаетъ свои наблюденія и размышленія занимательными анекдотами, благодаря которымъ статья его получаетъ интересъ и для массы публики. Нельзя не призвать мѣткою его характеристику двухъ націй, ему хорошо извѣстныхъ: на Рейнѣ, по его словамъ, оканчивается идеальный міръ нѣмцевъ, и близость Франціи указываетъ «на жизнь внѣшнюю, дѣятельную, болѣе веселую и общественную, отчасти и болѣе матеріальную» (стр. 142). Немного ниже говоритъ онъ по поводу праздника Гутенбергу:

«Нѣмцы истинно веселятся лишь въ ту мнвуту, когда прочтутъ или сами напишутъ, что они веселились, или должны веселиться. Безъ этого печатнаго самопознанія имъ никакое наслажденіе неполно... прочесть въ книгѣ, а еще болѣе написать самому о томъ, что случилось, или что случится, необходимо нѣмцу: это второй желудокъ для его умственной пищи, для его дѣятельности. Вотъ почему книгопечатаніе должно было родиться въ Германіи, и нигдѣ кромѣ Германіи, ибо здѣсь только оно есть потребность почти что животной жизни»¹⁾).

Мельгунову не удалось попасть за границу такъ скоро, какъ ему того хотѣлось. Проживая въ Петровскомъ, онъ въ ноябрѣ заболѣлъ глазами, такъ что долженъ былъ диктовать свои письма, что продолжалось

¹⁾ Ср. стр. 188: „нѣмецъ не можетъ съ перваго разу придти въ восторгъ; онъ достигаетъ того умомъ; ему надо напередъ обдумать и сообразить, а также и прочесть въ газетахъ“.

и весь декабрь. Тѣмъ не менѣ Мельгуновъ очень энергично слѣдитъ за текущей русской словесностью (бранить «Библіотеку для Чтенія», въ то время все еще самый распространенный журналъ, и ея руководителя Сенковского за его легкомысленное отношеніе къ литературѣ и за его издѣвательство надъ представителями московской интеллигенціи) и усердно работаетъ для нея: онъ диктуетъ повѣсть объ *ученикѣ Эйлера* и статью о свиданіи съ Шеллингомъ. Все это онъ предназначаетъ для будущаго «Москвитянина». Послѣднее его письмо изъ деревни—отъ 2 января 1838 г. Глазь его выздоровѣлъ, и онъ собирается ѣхать въ Москву. Въ Москвѣ онъ, безъ сомнѣнія, часто выдается съ Шевыревымъ и съ Погодинымъ, который читаетъ ему свои лекціи и спорить съ нимъ изъ-за его западничества ¹⁾.

Мы не знаемъ, гдѣ Мельгуновъ провелъ весну и лѣто 1838 г. ²⁾, а между тѣмъ это именно тотъ годъ, когда Мельгуновъ приобрѣлъ уже не кружковую, а всероссійскую (хотя и не долговременную), и даже европейскую извѣстность, главнымъ образомъ вслѣдствіе настойчивыхъ и злостныхъ преслѣдованій Булгарина и К^о.

Книжка Кѣнига распространилась не вдругъ, но къ началу новаго года успѣла заинтересовать очень и очень многихъ ³⁾ такъ что скоро удостоилась нѣсколькихъ переводовъ. Булгаринъ и Гречь, которымъ въ ней досталось даже больше, нежели третьему и наиболѣе антипатичному для Мельгунова тріумвиру Сенковскому, не были настолько наивны, чтобы обстоятельной самозащитой обратить вниманіе русской

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, о. с. V 162. Здѣсь почтенный авторъ увѣряетъ, не указывая ни на время, ни на источники, что Мельгуновъ, по смерти отца, не желая владѣть крѣпостными людьми, продалъ всѣ свои имѣнія, такъ что читатель можетъ отнести этотъ фактъ къ 30-мъ годамъ; но въ VII томѣ (стр. 132—133) онъ же приводитъ письмо Мельгунова, изъ котораго оказывается, что у него въ 1843 г. есть управляющій, подвергающійся придираньямъ становаго пристава; да и отецъ Мельгунова жилъ еще долго (см. ниже).

²⁾ Относительно лѣта 1838 г. само напрашивается предположеніе, что онъ провелъ его въ Москвѣ, пользуясь минеральными водами, заведеніе которыхъ недавно было открыто на Остоженкѣ. Въ Одескомъ Альманахѣ за 1840 г. (стр. 204—237) помѣщена его повѣсть „Жизнь есть сонъ“ (одно изъ наименѣ удачныхъ его произведеній, по обыкновенію, хорошо написанное, по обыкновенію, соединяющее фантастику съ реализмомъ, но почти совсѣмъ бесодержательное: весь сюжетъ въ томъ, что красиваго офицера полюбила барышня, офицеръ женился на другой, а барышня съ горя умерла; характеры и нравы отсутствуютъ), которая начинается съ обстоятельнаго описанія московскаго заведенія минеральныхъ водъ, гдѣ авторъ увидѣлъ героиню своего рассказа.

³⁾ Бодявскій пишетъ Погодину (о. с. V, 163), что она надѣлала много шума и возбудила споръ о томъ, живое ли лицо Мельгуновъ или вымышленное.

публики на это опасное для нихъ произведеніе ¹⁾, но самый опытный и даровитый ихъ сотрудникъ, скрывшійся подъ буквами А. А., будто мимоходомъ въ «Смѣси» № 35, похваливъ *Magazin für die Literatur des Auslandes* за вниманіе, оказываемое имъ Россіи, жестоко накинулся на книжку Кёнига, которую называетъ пасквилемъ и клеветою, и на Мельгунова, поведеніе котораго онъ считаетъ по малой мѣрѣ неприличнымъ. Чтобы почувствительнѣе уколоть противника, А. А. дѣлаегъ видъ, будто имя г. Мельгунова ему, какъ и всей русской публикѣ, совершенно неизвѣстно, и высказываетъ предположеніе, что это выдуманная фамилія, псевдонимъ, прикрывающій любителя «бросать камни изъ-за угла».

Ударъ былъ рассчитанъ вѣрно и, безъ сомнѣнія, достигъ своей цѣли; Мельгуновъ долженъ былъ проглотить обиду: вѣдь неловко же ему было доказывать, что онъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ на свѣтѣ и не безызвѣстенъ въ русской литературѣ.

Но вотъ во второй половинѣ 1838 г. появляется объявленіе о возобновленіи «Отечественныхъ Записокъ», и въ спискѣ ихъ сотрудниковъ стоитъ ненавистное «Пчелѣ» имя Мельгунова, котораго къ тому же недавно похвалили въ нѣмецкомъ журналѣ «*Freihafen*». Тогда Булгаринъ уже самъ въ № 232 въ отдѣлѣ «Журвальная мозаика» напалъ заодно и на «Отечественныя Записки» и на Мельгунова, задѣвъ попутно и «добраго» Гоголя, изъ котораго глупые поклонники хотять сдѣлать великаго писателя, и Шевырева.

Эту статью излагаетъ Мельгуновъ въ любопытномъ письмѣ къ Шевыреву въ Римъ, посланномъ изъ Москвы 1-го (13-го) ноября 1838 г. Мы приводимъ его почти цѣликомъ въ виду его значенія для исторіи журналистики той эпохи. Извинившись за долгое молчаніе болѣзью, сложнымъ лѣченіемъ, переѣздомъ на другую квартиру и бранью съ Булгаринымъ въ нѣмецкихъ и русскихъ газетахъ, Мельгуновъ продолжаетъ: «Булгаринъ не отстаегъ, и мало того что бранить меня, задѣваетъ и тебя, и Гоголя, Богъ знаетъ, изъ чего. Дѣло въ томъ, что во 2 № des «*Freihafen*» (издается въ Альтонѣ) помѣщена статья о русской словесности—чья, не вѣдаю—гдѣ между прочимъ сказано довольно глупо: Шевыревъ и Мельгуновъ,—лучшіе русскіе критики. Ты—согласенъ, но не я. Похвала незаслуженная такъ-же оскорбительна для самолюбія, какъ и незаслуженная брань. Какъ бы ни было (Булгаринъ) этимъ воспользовался. «Слыхали мы, говоритъ онъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что г. Шевыревъ что-то полисываетъ, о г-нѣ же М(ельгуновѣ) никогда не слыхали».

¹⁾ Русскій переводъ ея при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ не могъ появиться. Онъ вышелъ только въ 1862 г. (Кёнигъ, Очерки русской литературы. Спб.).

Въ «Hamb. Correspondenten» въ то же время (появилась) другая статья, подписанная Iwanow, гдѣ повторено противъ меня все, что, помнишь, сказано въ первой статьѣ «Сѣверной Пчелы», съ прибавкою нѣсколькихъ подлостей. Тутъ также досталось и тебѣ, и особенно Гоголю, котораго вмѣстѣ съ тобою хвалятъ въ «Freihafen». Про тебя Ивановъ говоритъ: авторъ плодovitыхъ gelehrt sein sollenden Kritiken, которыхъ никто не читаетъ. Я на это огвѣчалъ (уже послано къ Кёнигу), что это такъ-же справедливо, какъ и все остальное; и тонъ, въ какомъ о тебѣ выражаются, показываетъ, что г. Ивановъ, мнимый или истинный, первый читаетъ твои критики, и что онѣ мѣтко попадають въ цѣль, куда назначены; что, наконецъ, уваженіе, которымъ пользуются твои критики между почетнѣйшими литераторами русскими, служить достаточнымъ отвѣтомъ г. Иванову. О Гоголѣ наговорены тамъ мерзости, что онъ осмистанъ студентами и долженъ былъ со стыдомъ оставить каеэдру. Что за гадина!—Кстати о литературѣ: послѣ тебя мало показалось утѣшительнаго. На дняхъ вышелъ «Искуситель» Загоскина. Говорятъ, скученъ и вялъ. Павловъ говоритъ про него, что онъ сдѣланъ домашними средствами, въ родѣ экипажей, что дѣлаются въ деревняхъ у помѣщиковъ. Ужъ ничего заморскаго; напротивъ, на все заморское, проклятiе. Искуситель не болѣе, не менѣе, какъ самъ чортъ; но онъ, кажется, человѣкъ самый незлобный, и я ужасно подозреваю, что Загоскинъ взялъ его съ меня, когда, помнишь, я явился искусителемъ въ театральную школу. Является въ Петербургѣ новый журналъ, или лучше сказать, воскресшій изъ мертвыхъ, «Отечественныя Записки», издатель Краевскій же, что не помѣшаетъ продолженію и «Литературныхъ Прибавленій». Обѣщаютъ противодѣйствіе, благонамѣренность, безпристрастіе и всѣ возможныя журнальныя добродѣтели. Наши имена будутъ красоваться наряду съ Межевичемъ, Жуковскимъ, Стромилковымъ и Вяземскимъ. Не упечь ли и тебя туда же? Или ты уже тамъ?—Какія еще новости? Дай Богъ память. Четыре Смирдинскихъ разбойника, изъ которыхъ онъ настанваеть укусъ для утоленія жаждущей публки, безпрестанно ссорятся и мирятся между собою. В(улгаринъ) съ П(олевымъ) чуть было нынѣшнимъ лѣтомъ не дошли до святыхъ власовъ; П(олевоу) вызывалъ того на дуэль, но В(улгаринъ), какъ *русскій* дворянинъ, отказался драться съ купцомъ. Слѣдствіемъ было то, что «Сѣверный Архивъ» снятъ съ обертки «Сына Отечества», и будетъ, говорили, выходить отдѣльно. Теперь эта вражда замолка, зато поднялась новая, между В(улгаринымъ) и С(енковскимъ). Смирдинъ издаетъ съ новаго года 100 русскихъ литераторовъ, съ ихъ портретами, и пр. С(енковскій), который завѣдываетъ изданіемъ, не включилъ въ первый томъ ни Г(реча), ни В(улгарина), между тѣмъ какъ включилъ П(олеваго), Зотова, дѣвицу Александрову, и еще Богъ

знаетъ кого. Достаточно, чтобы возгорѣться войнѣ непримиримой. С(енковскій) по обыкновенію отмалчивается, Б(улгаринъ) стрѣляетъ въ него безпрестанно хлопущими. Ужъ это не потѣшная ли война для привлеченія подписчиковъ, въ которой въ дуракахъ будетъ одна публика?—Вотъ, кажется, и все. Мы, москвичи, по обыкновенію, ничего не дѣлаемъ. Павловъ до сихъ поръ не можетъ кончить своей повѣсти. Хомяковъ затѣялъ трудъ весьма серьезный и обширный: говорилъ, что начнетъ въ деревнѣ; увидимъ. Только сомнѣваюсь. «Наблюдатель» будетъ съ новаго года выходить по тому въ мѣсяцъ, въ подражаніе петербургскимъ журналамъ. Издателемъ попрежнему достолюбезный Бѣлинскій. Прекраснодушный Аксаковъ, на сихъ дняхъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ, будетъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ. Призрачный же Андросовъ, для котораго теперь болѣе, чѣмъ когда либо, все прахъ и суета (кромѣ свекловичнаго завода гр. Бобринскаго) собирается выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, заплативъ, однако, напередъ долги свои, какъ говорить онъ»...

Конецъ этого длиннаго письма, снова возвращающійся къ частнымъ дѣламъ и мнѣніямъ Мельгунова, написанъ чужой рукой: у него снова разболѣлись глаза.

Черезъ два мѣсяца, 1-го января 1839 г., Мельгуновъ рассказываетъ Шевыреву, какъ общіе московскіе пріятели встрѣчали у него жженкой и шампанскимъ новый годъ. Былъ и Хомяковъ, только что пріѣхавшій и ничего не написавшій: «толкуетъ о хозяйствѣ, въ которомъ ничего не смыслить». Мельгуновъ завелъ себѣ писца, которому диктуетъ статью: «Ученый и литературный Берлинъ лѣтомъ 1835 г.», предназначенную для «Отечественныхъ Записокъ»; готовитъ новый томъ повѣстей. Въ заключеніе онъ пишетъ: «съ Булгаринымъ ратоборствовать порусски мнѣ, какъ видно, нельзя. Краевскому, если онъ не вретъ, на строго запрещено принимать отъ меня возраженія. Моя вторая статья имѣла участь первой. Впрочемъ здѣшняя цензура не знаетъ ничего о запретѣ; но спрашиваю, гдѣ здѣсь печать?»

Свѣдѣнія о первой статьѣ, повидимому, мы находимъ въ письмѣ Мельгунова къ А. А. Краевскому отъ 11-го марта (1834 г.)¹⁾.

«Вотъ, м. г. А. А., послѣ продолжительнаго и недобровольнаго молчанія, наскоро набросанная статейка въ мою защиту. Могу сказать о ней только то, что она написана не мной и не въ Москвѣ. Пошлю съ нея копію, писанную въ двѣ руки, прося васъ исправить, что нужно, и потомъ, какъ можно скорѣе, помѣстить ее въ вашемъ журналѣ. Боюсь одного, чтобы г. Плюшаръ, издатель «Россиа», не воспро-

¹⁾ Бумаги Краевскаго въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Томъ I.—М.

тивился ей помѣщенію. Въ такомъ случаѣ, появленія «Современника» ждать долго, да онъ имѣеть и мало читателей, лучше-бъ было, если-бъ вы взяли на себя трудъ, напечатали бы ее на мой счетъ отдѣльно, и попросили-бъ Воейкова приложить въ видѣ приложения къ «Инвалиду». Онъ ужъ, конечно, на это согласится. Надѣюсь на васъ и увѣренъ, что если можно, вы не откажете мнѣ въ убѣжищѣ противъ обвиненій «Сѣверной Пчелы».

Статья должна быть подписана буквами Б. Б. (въ соотвѣтствіе статьи «Пчелы» въ № 35).

Далѣ Мельгуновъ увѣряеть, что онъ еще до сихъ поръ и не видалъ книги Кёнига, въ которой далеко не всѣ факты принадлежать ему: такъ, указанія на личные недостатки Ломоносова, Пушкина, Загоскина, Кукольника, Кёнигъ заимствовалъ изъ нѣмецкихъ газетъ. Въ нѣмецкихъ журналахъ «безпрестанно помѣщаютъ всякую всячину о Россіи и русской литературѣ».

Но Мельгуновъ не скрываетъ, что онъ очень интересуется судьбой книги Кёнига, съ которой такъ тѣсно связано его имя, желаетъ знать, кто готовитъ ея французскій переводъ ¹⁾, а въ письмѣ отъ 14-го апрѣля того же года пишетъ Краевскому: «Предоставляю князю Вяземскому дополнить и исправить книгу Кёнига, какъ ему угодно. Его литературныя убѣжденія (во многомъ, если не во всемъ), сколько мнѣ извѣстно, такъ сходны съ моими, что я заранѣе соглашаюсь на всѣ его поправки и дополненія ²⁾».

Очевидно, князь Вяземскій собирался переводить книгу Кёнига, но по цензурнымъ условіямъ это оказалось дѣломъ бесполезнымъ.

Что касается до второй статьи Мельгунова, за нее хлопоталъ Павловъ, писавшій Краевскому 26-го октября 1838 г. ³⁾: «Мельгуновъ посылаетъ вамъ статью для «Литературныхъ Прибавленій». Ради Бога напечатайте. Ему отъ Буд(гарина) житья нѣтъ».

Но и это ходатайство и повтореніе его черезъ пять мѣсяцевъ ⁴⁾ остались безплодными.

28-го февраля 1839 г. Мельгуновъ пишетъ Шевыреву:

«Наконецъ представилась мнѣ, кажется, возможность отвѣчать Будгарину. Пишу особую брошюру и напечатаю ее въ нѣсколькихъ тыся-

¹⁾ „Не Сиркуръ ли?“ спрашиваетъ онъ Краевскаго въ этомъ письмѣ, а въ письмѣ отъ 14-го апрѣля сообщаетъ, что его догадка оказалась справедлива. (Сиркуръ—близкій пріятель Чаадаева).

²⁾ Въ этомъ же письмѣ Мельгуновъ отъ имени Шевырева и своего благодаритъ Краевскаго за знакомство съ Кольцовымъ, который, впрочемъ, вчера не засталъ ихъ.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1897 г. № 3, стр. 449.

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1897 г. № 3, стр. 451.

чахъ экземпляровъ. Нѣмецкій отвѣтъ, какъ кажется, передѣланный Кёнигомъ, будетъ напечатанъ въ «Freihafen». На-дняхъ я получилъ письмо отъ Фаригагена, гдѣ онъ разсыпается въ похвалахъ о тебѣ (sic). Онъ вздумалъ перевести нѣсколько повѣстей Одоевскаго и моихъ; «Миргородъ» Гоголя переводится другимъ, знающимъ по-русски; вообще любопытство и вниманіе нѣмцевъ къ нашей словесности возбуждены очень сильно».

11-го марта Мельгуновъ извѣщаетъ Шевырева, находившагося въ то время въ Парижѣ, что брошюра его уже въ цензурѣ, а черезъ три дня благодаритъ Краевскаго за согласіе разослать его «Исторію одной книги» (названіе, какъ видно изъ того же письма, придумано Краевскимъ) при его журналахъ. Виѣстъ съ слѣдующимъ къ нему письмомъ (безъ числа) Мельгуновъ посылаетъ 1200 экземпляровъ своей брошюры, которая вышла изъ цензуры порядочно урѣзанною и смягченною, для разсылки при № 4 «Отечественныхъ Записокъ», и проситъ непременно послать по экземпляру «каждому изъ 4-хъ разбойниковъ смирдинскаго укуса», а 15-го апрѣля посылаетъ остальные 2600 экземпляровъ ¹⁾. «Штука стала мнѣ болѣе 400 рублей», прибавляетъ онъ въ заключеніе.

Благодаря щедрой разсылкѣ, брошюра Мельгунова имѣется во всякой порядочной библіотекѣ, и потому мы не будемъ излагать ея содержанія. Въ общемъ мы должны замѣтить, что Мельгуновъ оказался далеко не сильнымъ въ полемикѣ того тона, къ которому не необходимо было прибѣгать, воюя съ Булгаринымъ и К⁰; онъ держится слишкомъ бѣлоручкой, да и цензурная неудача двухъ его возраженій дѣлала его чрезвычайно осторожнымъ. Мельгуновъ оказывается на высотѣ своей задачи только тамъ, гдѣ частный и личный случай возводитъ въ общее явленіе, на примѣръ, на страницѣ 13—14: «Не повторяю здѣсь обвиненій газеты и, разумѣется, не позволю себѣ въ нихъ оправдываться; приведу лишь одно наивное замѣчаніе противника, которое достаточно обозначить духъ его критикъ. «Насъ удивляетъ еще и то, говоритъ онъ ²⁾, какой это сердитый г. Мельгуновъ (все это въ предположеніи, что я диктовалъ или, какъ очень учтиво выражается газета, нашептывалъ г. Кёнигу его книгу); и за что это онъ сердится, особенно на Булгарина». Не видите-ль вы въ этомъ неоправданномъ признаніи ключа, которымъ объясняется большая часть теперешнихъ критикъ? Газета удивляется за что я (или NN: все равно) сержусь на Б или X, пред-

¹⁾ Изъ письма къ Шевыреву отъ 8-го мая видно, что брошюра напечатана въ 5000 экземплярахъ; 1200, вѣроятно, оставлены у себя или разосланы авторомъ. Помѣтка цензора на ней (И. Снегирева) 14-го марта.

²⁾ Разумѣется статья А. А. въ № 35.

почтительно передъ Y или Z? Что такого сдѣлалъ мнѣ X? Онъ меня никогда не бранилъ, и даже не хвалилъ никогда; стало быть, за что бы мнѣ на него сердиться? Журнально взять—вещь ясная. Литературная редакція газеты до того привыкла всѣ свои сужденія основывать на личныхъ отношеніяхъ, что она и понять не въ состояніи, какъ можетъ въ сердцѣ человѣческомъ существовать негодованіе чистое, безкорыстное, слѣдствіе не похвалы или брани, негодованіе не на человѣка частнаго, котораго вы не знаете, но на писателя, котораго сочиненія, по мнѣнію вашему, въ Россіи содѣйствовали бы распространенію дурного вкуса, кривыхъ сужденій, приторной правоучительности, не согрѣтой чувствомъ и подкрѣпляемой примѣрами, вовсе не назидательными; а въ чужихъ краяхъ дали-бъ иностранцамъ ложное понятіе о нашихъ нравахъ, образѣ жизни, характерѣ... Вотъ чего газета не можетъ понять».

Переходя отъ нападеній «Пчелы» къ «Сыну Отечества» (т. е. къ Полевому), Мельгуновъ отдаетъ ему предпочтеніе въ смыслѣ соблюденія литературныхъ и общественныхъ приличій и защищаетъ не столько Кёнига, сколько статью Фарнгагена о Пушкинѣ, которая до невозможности плохо переведена въ томъ-же «Сынъ Отечества». Съ вышеупомянутымъ псевдо-Ивановымъ и съ Менцелемъ, который считаетъ «Выжигина» хорошимъ романомъ, Мельгуновъ раздѣляется только попутно ¹⁾.

А. И. Кирпичниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изначно изданная брошюра Мельгунова составила ровно два печатныхъ листа.

Александръ Дмитріевичъ Боровковъ

и его

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

VI).

Кончина императора Александра I.—14 е декабря въ С.-Петербургѣ.—Указъ Татищеву о назначеніи его предсѣдателемъ комитета по изысканію о злоумышленномъ обществѣ.—А. Д. Боровковъ правитель дѣлъ этого комитета.—Первые допросы.—Порядокъ слѣдствія и суда надъ виновными.—Д. Н. Блудовъ, какъ составитель доклада о злоумышленникахъ.

Кончина императора Александра Благословеннаго была началомъ моего политическаго бытія. Новый монархъ назначилъ меня къ производству столь важнаго государственнаго дѣла, которое наполнить занимательныя страницы русской исторіи. Конечно и прежде я былъ замѣченъ въ многочисленной толпѣ неутомимыхъ труженниковъ гражданской службы; но безъ событія, изумившаго Россію, это замѣчаніе могло бы ограничиться обыкновеннымъ удѣломъ служащихъ, не имѣющихъ особенныхъ связей и знатнаго родства.

Въ 1825 г. ноября 19-го, въ 10 ч. 52 мин. пополудни великодушный государь, побѣдитель Наполеона, миротворецъ Европы, возстановитель законныхъ династій, испустилъ послѣдній вздохъ. Великая душа его воспарила въ горнія въ Таганрогѣ, куда препровождалъ онъ больную свою супругу.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, октябрь, 1898 г.

Неисповѣдимы судьбы твои, Господи! Благотворное вліяніе полуденнаго климата возстановляло мало-по-малу здоровье изнеможенной императрицы Елисаветы; а здоровый государь подвергся болѣзни, продолжавшейся тринадцать дней, и кончилъ жизнь, драгоценную не только для Россіи, но и для Европы.

Печальное извѣстіе о кончинѣ монарха привезено въ С.-Петербургъ 27-го ноября, поутру въ половинѣ 12-го часа. Скоро распространилось оно по столицѣ и разлило уныніе. Неопредѣленное чувство страха закралось въ сердце жителей; пролетѣла молва, что цесаревичъ Константинъ отказывается отъ престола, что великій князь Николай также не хочетъ принять бразды правленія; носились несвязные толки о конституціи и содрагались благонамѣренные.

Между тѣмъ собрался Государственный Совѣтъ, открылъ завѣщаніе покойнаго императора, назначившаго наслѣдникомъ великаго князя Николая, такъ какъ цесаревичъ Константинъ добровольно отрекся отъ престола еще въ 1823 году. Здѣсь явились смиреніе и самоотверженіе, поставившія великаго князя Николая превыше властолюбивыхъ завоевателей. Онъ рѣшительно отвергаетъ вручаемое ему обольстительное самодержавіе, упорно настаиваетъ предоставить державу старшему брату и первый присягаетъ императору Константину, а за нимъ безмолвно и всѣ присутствовавшіе.

Военный министръ Татищевъ, возвратившись изъ Совѣта, еще подъ вліяніемъ слышаннаго и видѣннаго, со слезами говорилъ мнѣ:

— Посмотрѣлъ бы ты, какъ великій князь Николай былъ дѣйствительно великъ душою и характеромъ! Звонкій голосъ его потрясалъ всѣхъ насъ, а твердая воля убѣждала. Никто изъ насъ не пикнулъ, и какъ стадо овецъ, мы за нимъ начали присягать Константину, хотя нѣкоторымъ и казалось это несправедливымъ, потому что воля покойнаго императора должна быть священною, тѣмъ болѣе, что цесаревичъ Константинъ добровольно отрекся отъ престола.

Того же 27-го ноября, вечеромъ въ 11-мъ часу, состоялось опредѣленіе Сената о всеобщей присягѣ. Въ ночь посланы указы во всѣ концы обширной имперіи, а военнымъ министромъ сообщено главнокомандующимъ арміями и командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ; гвардія же и другія войска, расположенныя въ столицѣ и окрестностяхъ, уже присягнули. Рапортъ военнаго министра о присягѣ по военной части написанъ мною въ его кабинетѣ прямо на-бѣло. Не знаю достовѣрно, для чего это дѣлалось съ такою глубокою тайною и такъ поспѣшно; можетъ быть министръ боялся, чтобы не послѣдовало перемѣны, а можетъ и для того, чтобы первому поздравить. Рапортъ отправленъ императору Константину въ Варшаву, въ часъ пополудни, съ адъютантомъ министра, ротмистромъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка Сабуровымъ.

Константинъ, пребывая твердъ въ намѣреніи своемъ не принимать императорской короны, прислалъ формальное отреченіе 12-го декабря вечеромъ, а 14-го назначена была присяга императору Николаю. Въ то же время получено изъ Таганрога донесеніе начальника главнаго штаба его величества барона Дибича (впослѣдствіи графъ и генераль-фельдмаршалъ) на имя императора Константина объ открытіи въ войскѣ тайнаго общества, замышляющаго разрушить существующій образъ правленія. Въ этомъ донесеніи указаны и главные заговорщики, живущіе въ С.-Петербургѣ. Военный министръ Татищевъ, которому его величество 13-го декабря по утру читалъ это донесеніе, испрашивалъ соизволенія арестовать указанныхъ злоумышленниковъ.

— Нѣтъ!—сказалъ государь,—этого не дѣлай. Не хочу, чтобы присягѣ предшествовали аресты. Подумай, какое дурное впечатлѣніе сдѣлаемъ на всѣхъ.

— Но,—докладывалъ министръ,—безпокойные заговорщики могутъ произвести безпорядки.

— Пусть такъ,—прервалъ государь,—тогда и аресты никого не удивятъ; тогда не сочтутъ ихъ несправедливостію и произволомъ.

— Видя твердую волю и хладнокровную самоувѣренность государя,—сказалъ мнѣ министръ,—я не смѣлъ возражать; но сердце мое билось.

По утру 14-го декабря, въ одиннадцатомъ часу, министръ возвратился изъ дворца по принесеніи присяги. Я занимался въ его кабинетѣ разборомъ бумагъ, приготовленныхъ къ докладу.

Лишь только вошелъ онъ, взялъ меня подъ руку, вывелъ въ комнату за кабинетомъ, тайно отдавъ мнѣ бывшіе у него подъ мундиромъ бумаги и сказавъ: «на! почитай!» вышелъ и притворилъ плотно за собою дверь. Развернувъ торопливо, съ первыхъ строкъ я увидѣлъ, въ чемъ дѣло: въ рукахъ моихъ былъ рапортъ Дибича, о которомъ мнѣ сказывалъ министръ, и на французскомъ языкѣ донесеніе государю императору генераль-адъютанта Чернышева (впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба, князь). Покойный императоръ изъ Таганрога посылалъ Чернышева удостовѣриться въ дѣйствительности доставленныхъ ему свѣдѣній о злодѣйскихъ замыслахъ политическаго общества, распространяющагося особенно во 2-й арміи, и принять мѣры осторожности къ предупрежденію гибельныхъ послѣдствій. Съ жадностію пріялся я за чтеніе. Не прошло получаса, входитъ министръ.

— Подай донесенія,—сказалъ онъ.—Надобно спрятать ихъ подальше. Въ Морской ¹⁾ показались солдаты Московскаго полка съ офицерами,

¹⁾ Домъ Татищева былъ въ Большой Морской.

кричать: «ура, Константинъ!» и бушуютъ. Пожалуй, увидятъ у меня часовыхъ и вздумаютъ зайти!

Однако они прошли мимо дома спокойно и направились на Петровскую площадь, къ памятнику Петра Великаго. Министръ тотчасъ отправился во дворецъ, а я поспѣшилъ домой. Воображеніе представляло мнѣ ужасныя картины мятежа, котораго настоящую причину я связывалъ съ замыслами тайнаго общества, открытаго въ полуденной Россіи.

Происшествія 14-го декабря, омрачившія чернымъ пятномъ русскую исторію, подробно описаны во всѣхъ вѣдомостяхъ того времени. Не стану повторять. Я намѣренъ изобразить только то, что самъ дѣлалъ, видѣлъ и слышалъ.

Я порывался взглянуть на мѣсто дѣйствія, но жена со слезами удержала меня; мнѣ совѣстно было оставить семейство въ такое смутное время. Просидѣвъ цѣлый день дома ¹⁾ въ страшныхъ ожиданіяхъ и предчувствіяхъ, я не видалъ, однако, на улицѣ никакого необыкновеннаго движенія; все было тихо. Наступилъ вечеръ, а затѣмъ ночь—все безмолвно. Около второго часа я легъ въ постель и, утомленный душевными волненіями, начиналъ засыпать, какъ громкій звонъ колокольчика у моихъ дверей разбудилъ меня. Вошедшій въ спальню мой человекъ сказалъ: «Фельдъегеръ сейчасъ съ нимъ же зоветъ къ министру». Хотя и прежде призывы къ министру бывали весьма часты, однако поздній часъ и событія того дня заставили меня невольно содрогнуться. Одѣвшись на-скоро, я вышелъ къ фельдъегерю и спросилъ:

— Что новаго?

— Слава Богу,—отвѣчалъ онъ,—все кончили! Разогнали бунтовщиковъ, забрали зачинщиковъ; министръ сейчасъ пріѣхалъ изъ дворца и послалъ за вами.

Министръ былъ въ кабинетѣ одинъ; задумчиво сидѣлъ онъ, примѣтно изнеможенный. Передъ нимъ лежали бумаги, на которыя онъ пристально смотрѣлъ, но не читалъ.

— Возьми эти бумаги,—сказалъ онъ мнѣ,—напиши на мое имя указъ объ открытіи комитета. Вотъ и записочка государя о назначеніи членовъ и правителя дѣлъ. Завтра въ 12 часовъ привези проектъ. Прощай.

Возвратясь домой, я начиналъ—было читать привезенныя бумаги—не читается; начиналъ—было писать указъ—не пишется. Утро ночи мудренѣе, подумалъ я и бросился въ постель. проспавъ до 8 ми часовъ.

Въ назначенный часъ я представилъ министру проектъ высочайшаго указа, набросанный, такъ сказать, сплеча. Вотъ онъ:

«Указъ военному министру генераль-отъ-инфантеріи Татищеву 1-му.

¹⁾ Я жилъ въ Коломиѣ, на набережной Фонтанки.

«Начальникъ главнаго штаба нашего, баронъ Дибичъ донесъ намъ отъ 4-го декабря сего года о зловредномъ обществѣ, возникшемъ въ войскѣ къ нарушенію благосостоянія и спокойствія государства, высочайшимъ Промысломъ попеченію нашему ввѣреннаго.

«Пагубныя слѣдствія злоумышленія ознаменовались частію въ 14-й день сего декабря; но съ помощію Всевышняго тогда же уничтожены и нѣкоторые изъ сообщниковъ взяты подъ стражу.

«Чтобы искоренить возникшее зло при самомъ началѣ, признали мы за благо учредить комитетъ подъ вашимъ предѣдательствомъ, назначивъ членами: его императорское высочество генераль-фельдцейхмейстера, генераль-адъютантовъ: Голеницева-Кутузова, Бенкендорфа и генераль-маіора Орлова.

«Комитету сему повелѣваемъ: 1) открытъ немедленно засѣданія и принять дѣятельнѣйшія мѣры къ изысканію соучастниковъ сего гибельнаго общества, внимательно, со всею осторожностію разсмотрѣть и опредѣлить предметъ намѣреній и дѣйствій каждаго изъ нихъ ко вреду государственнаго благосостоянія; ибо, руководствуясь примѣромъ августѣйшихъ предковъ нашихъ, для сердца нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію;

«2) производство сего дѣла и съ кѣмъ нужно будетъ переписку вестъ по секрету отъ вашего имени;

«3) по приведеніи всего въ надлежащую ясность, постановить свое заключеніе и представить намъ какъ о поступленіи съ виновными, такъ и о средствахъ истребить возникшее злоупотребленіе;

«4) правителемъ дѣлъ сего комитета повелѣваемъ быть состоящему при васъ по особымъ порученіямъ военному совѣтнику Боровкову, а помощникомъ флигель-адъютанту полковнику Адлербергу и находящемуся при васъ 9-го класса Карасевскому.

«Возлагая на комитетъ столь важное порученіе, мы ожидаемъ, что онъ употребитъ всѣ усилія точнымъ исполненіемъ воли нашей дѣйствовать ко благу и спокойствію государства».

Министръ, одобривъ совершенно этотъ проектъ, приказалъ, несмотря на мой некрасивый почеркъ, переписать мнѣ самому, ибо соблюдалась строжайшая тайна, опасались разглашенія, которымъ могли бы воспользоваться злоумышленники. Декабря 16-го по-утру министръ поднесъ этотъ указъ къ высочайшему подписанію. Государь императоръ, дочитавъ 1-й пунктъ, обнялъ министра и сказалъ:

— Ты проникнулъ въ мою душу; полагаю, что многіе впутались не по убѣжденію въ пользѣ переворота, а по легкомыслію, такъ и надобно отдѣлать тѣхъ и другихъ.

Его величество соизволилъ только въ этомъ указѣ прибавить собственноручно карандашемъ, въ число членовъ комитета, дѣйствительнаго

тайнаго совѣтника князя А. Н. Голицына и, вычеркнувъ Орлова, поставилъ Левашева. Алексѣй Орловъ (впослѣдствіи графъ, шефъ жандармовъ) исключенъ потому, что родной братъ его Михаилъ Орловъ участвовалъ въ злоумышленномъ обществѣ.

Я снова переписалъ указъ, и 17-го декабря по-утру онъ удостоенъ высочайшаго подписанія. Впослѣдствіи, когда уже комитетомъ приведены были въ извѣстность составъ и цѣль злоумышленныхъ обществъ, назначены еще членами комитета дежурный генераль главный штаба Потаповъ, а потомъ возвратившійся изъ Таганрога генераль-адъютантъ Чернышевъ.

Въ тотъ же день 17-го декабря вечеромъ комитетъ открылъ засѣданіе во дворцѣ, въ комнатѣ подлѣ залы казачьяго пикета. Три засѣданія разсматривали первоначальные допросы, отобранные отъ мятежниковъ, взятыхъ 14-го декабря. Вопросы и отвѣты эти, какъ отобранные на-скоро, были весьма поверхностны. Сообразивъ ихъ съ донесеніями Дибича и Чернышева о существованіи тайнаго политическаго общества, я составилъ вопросы съ бѣльшею опредѣлительностью, первоначально для главныхъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ, заключенныхъ въ крѣпость въ самый день мятежа.

Чтобы не возить преступниковъ по городу, комитетъ собирался для допросовъ по вечерамъ въ Петропавловской крѣпости, въ комнатахъ, занимаемыхъ комендантомъ. Въ первое тамъ засѣданіи, 21-го декабря, были спрошены: князь Трубецкой, Рылѣвъ и Якубовичъ. Отвѣты Трубецкаго были уклончивы, Рылѣва отрывисты, а Якубовича многословны, но не объясняли дѣла. Онъ старался увлечь болѣе краснорѣчіемъ, нежели откровенностью. Такъ, стоя посреди залы въ драгунскомъ мундирѣ, съ черною повязкою на лбу, прикрывавшую рану, нанесенную ему горцемъ на Кавказѣ, онъ импровизировалъ довольно длинную рѣчь и въ заключеніе сказалъ.

— Цѣль наша была благо отечества; намъ не удалось—мы пали; но для устраненія грядущихъ смѣльчаковъ нужна жертва. Я молодъ, виденъ собою, извѣстенъ въ арміи храбростью; такъ пусть меня растрѣляютъ на площади, подлѣ памятника Петра Великаго.

Чтобы показать духъ и направленіе замѣчательныхъ злоумышленниковъ, стремившихся къ произведенію переворота въ правленіи, я набросаю характеристику нѣкоторыхъ, основанную на ихъ показаніяхъ и по соображеніи моемъ съ устными ихъ объясненіями при допросахъ¹⁾.

¹⁾ Характеристика эта сдѣлана, конечно, по первому внѣшнему впечатлѣнію, производимому допрашиваемыми на судей. Она не можетъ считаться безусловно вѣрною, какъ говоритъ и самъ А. Д. Боровковъ. При болѣе подробномъ изученіи, характеристика эта должна видоизмѣниться. Р е д.

Полковникъ князь Трубецкой. Надменный, тщеславный, малодушный, желавшій дѣйствовать, но по робости и нерѣшительности ужасавшійся собственныхъ предначертаній—вотъ Трубецкой. Въ шумныхъ собраніяхъ, предъ начатіемъ мятежа въ С.-Петербургѣ, онъ большею частію молчалъ и удалялся, однако единогласно избранъ диктаторомъ, повидимому для того, чтобы во главѣ возстанія блисталъ княжескій титулъ знаменитаго рода. Тщетно ожидали его соумышленники, собравшіеся на Петровскую площадь: отважный диктаторъ блѣдный, растерянный просидѣлъ въ главномъ штабѣ его величества, не рѣшившись высунуть носу. Онъ самъ призналъ себя виновникомъ возстанія и несчастной участи тѣхъ, кого вовлекъ въ преступленіе своими поощреніями, прибавляя хвастливо, что если бы разъ вошелъ въ толпу мятежниковъ, то могъ бы сдѣлаться истиннымъ исчадіемъ ада. Судя по его характеру—сомнительно!

Полковникъ Пестель. Пестель, глава южнаго общества, умный, хитрый, просвѣщенный, жестокій, настойчивый, предприимчивый. Онъ безпрестанно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества; онъ управлялъ самовластно не только южною думою, но имѣлъ рѣшительное вліяніе и на сѣверную. Онъ безусловно господствовалъ надъ своими членами, обворожалъ ихъ обширными, разносторонними познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ его намѣреніямъ. Равнодушно по пальцамъ считалъ онъ число жертвъ., обрекаемыхъ имъ на умерщвленіе. Для произведенія этого злодѣяства предполагалъ найти людей внѣ общества, которое послѣ удачи, приобрѣтя верховную власть, казнило бы ихъ, какъ неистовыхъ злодѣевъ, и тѣмъ очистило бы себя въ глазахъ свѣта. Замысловатѣе не придумалъ бы и самъ Макиавель! Если бы онъ успѣлъ достигнуть своей цѣли, то по всей вѣроятности не усумнился бы пожертвовать соумышленниками, которые могли бы затемнять его. Пестель сочинилъ Русскую Правду въ республиканскомъ духѣ.

Поручикъ Рылѣевъ. Рылѣевъ въ душѣ революціонеръ, сильный характеромъ, безкорыстный, честолюбивый, ловкій, ревностный, рѣзкій на словахъ и на письмѣ, какъ доказываютъ его сочиненія. Онъ стремился къ избранной имъ цѣли со всѣмъ увлеченіемъ: принималъ многихъ членовъ, возбуждалъ къ дѣятельности, писалъ возмутительные пѣсни и вольнодумныя стихотворенія, взялся составить катехизисъ вольнаго человѣка. . . . Рылѣевъ былъ пружиною возмущенія; онъ воспламенялъ всѣхъ своимъ воображеніемъ и подкрѣплялъ настойчивостью, давалъ приказанія и наставленія, какъ не допускать солдатъ до присяги и какъ поступать на площади. Рылѣевъ дѣйствовалъ не изъ личныхъ видовъ, а по внутреннему убѣжденію въ ожидаемой пользѣ

для отечества, предполагая, что съ переменною образа правленія прекратятся безпорядки и злоупотребленія, возмущавшія его душу.

Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Храбрый, рѣшительный, нетерпѣливый, готовый на все для исполненія даннаго общанія. Онъ безпрестанно возбуждалъ къ началю возстанія, къ покушенію на императора при Бобруйскѣ въ 1823 году, въ Бѣлой Церкви въ 1824 г. и въ Таганрогѣ въ 1825 г. Онъ поднялъ на мятежь Черниговскій полкъ въ Васильковѣ. Когда близъ деревни Королевы онъ съ поборниками своими былъ окруженъ отрядомъ гусаръ и артиллеріею, то защищался упорно, ставъ впереди предводимыхъ имъ бунтовщиковъ прямо противъ пушекъ. Повергнутый на землю картечнымъ ударомъ, онъ хладнокровно приказалъ опять посадить себя на лошадь и командовалъ: впередъ братцы, на артиллерію!

Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Восторженный, отчаянный, дѣятельный, вкрадчивый, способный увлечь и словомъ и энергіею. Онъ торжественно проповѣдывалъ свободомысліе, читалъ наизусть вольнодумныя сочиненія, раздавалъ съ нихъ копіи, составлялъ прокламаціи, говорилъ рѣчи, возбуждая къ преобразованію правленія. Онъ отыскалъ общества соединенныхъ славянъ и польское, и открылъ съ ними сношеніе, направляя къ своей цѣли. Бестужевъ-Рюминъ, крѣпкій духомъ, отклонилъ отъ самоубійства Сергѣя и Матвея Муравьевыхъ-Апостоловъ, хотѣвшихъ застрѣлиться, чтобы предупредить взятіе ихъ подъ стражу.

.
Бестужевъ достигъ цѣли: возстаніе вспыхнуло, онъ взятъ подъ арестъ на полѣ сраженія.

Капитанъ Никита Муравьевъ. Характера кроткаго, скромнаго, нерѣшительнаго. Напитанный идеями нѣмецкой школы, Муравьевъ только мечталъ, разсуждалъ, но дѣйствовалъ слабо. Будучи въ числѣ основателей общества, временно предсѣдателемъ южнаго, потомъ первымъ членомъ думы сѣвернаго, онъ зналъ сокровенную цѣль, и самъ всегда страшился ужаснѣйшаго исполненія. При переворотѣ онъ думалъ быть законодателемъ, усердно подготовлялъ конституцію, а при совѣщаніяхъ не дерзалъ оспаривать ожесточенныхъ, буйныхъ республиканцевъ. Въ обращеніи съ ними, особенно съ Пестелемъ, онъ былъ холоденъ.

Поручикъ князь Оболенскій. Дѣловитый, основательный умъ, твердый, рѣшительный характеръ, неутомимая дѣятельность къ достиженію предположенной цѣли—вотъ свойства Оболенскаго. Онъ былъ въ числѣ учредителей сѣвернаго общества и ревностнымъ членомъ думы. Сочиненія его въ духѣ общества, объ обязанностяхъ гражданина, служили оседкомъ для испытанія къ принятію въ члены, смотря по впечатлѣнію, какое производило оно на слушателя. Оболенскій

былъ самымъ усерднымъ сподвижникомъ предпріятія и главнымъ, послѣ Рыльева, виновникомъ мятежа въ С.-Петербургѣ. За неприбытіемъ Трубецкаго на мѣсто возстанія, собравшіеся злоумышленники единогласно поставили его своимъ начальникомъ. Такъ, свершить государственный переворотъ доставалось въ удѣлъ поручику. Когда военный генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ приблизился къ возмущившимся и началъ ихъ увѣщевать, Оболенскій, опасаясь вліянія знаменитаго, храбраго полководца, ранилъ его штыкомъ въ правый бокъ: онъ также ударилъ саблею полковника Стюрлера ¹⁾. Такія злодѣянія не были однако плодомъ отчаяннаго неистовства; рукою его водилъ холодный расчетъ устранить препятствія въ успѣхѣхъ предпріятія.

Поручикъ Коховскій. Неистовый, отчаянный и дерзкій. Въ собраніи общества, за два дня до мятежа, онъ съ запальчивостью кричалъ: ну, что-жь господа! еще нашелся человѣкъ, готовый пожертвовать собою! мы готовы для цѣли общества убить кого угодно. Въ нетерпѣніи своемъ Коховскій наканунѣ возстанія говорилъ: съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь; тутъ просто надобно рѣзать, да и только. Неистовство Коховскаго проявлялось и въ самомъ дѣйствіи: во время мятежа онъ прогналъ митрополита Серафима, подошедшаго съ крестомъ въ рукахъ увѣщевать заблудившихся; онъ пистолетными выстрѣлами убилъ графа Милорадовича, полковника Стюрлера и ранилъ свѣтскаго офицера ²⁾.....

Полковникъ Артамонъ Муравьевъ. Вотъ другой неистовый только на словахъ, а не на дѣлѣ. Суетное тщеславіе и желаніе казаться рѣшительнымъ вовлеки его въ общество ...; съ бѣшеною запальчивостью настаивалъ о неотложномъ ускореніи возмущенія, но когда оно проявилось въ Васильковѣ, къ нему пріѣхалъ Андреевичъ 2-й съ приглашеніемъ присоединиться, Муравьевъ отвѣчалъ: «уѣжайте отъ меня ради Бога! Я своего полка (Ахтырскаго гусарскаго) не поведу; дѣйствуйте тамъ, какъ хотите, меня же оставьте и не губите; у меня семейство!»

Подполковникъ Поджіо. Воспріимчивый, пламенный поборникъ республиканскаго правленія, неукротимый въ словахъ и сужденіяхъ. Онъ твердилъ своимъ соумышленникамъ, и увѣрялъ, что для блага общаго готовъ всегда на собственную гибель... Когда въ домъ его взяли Лихарева, Поджіо сказалъ своему брату: «другъ мой! теперь я исполню роковое обѣщаніе; спасу васъ отъ гоненій; простись со мною, я тутъ же мертвъ паду—я присоединюсь къ Муравьеву!» Но порывъ его встрѣтилъ преграду—онъ взять подъ стражу генераломъ Набелемъ.

Капитанъ Якубовичъ. Краснорѣчивый болтунъ, исполненный

¹⁾ Оба факта не вѣрны. Ред.

²⁾ Разсказъ невѣрный. Ред.

болѣе хвастовства, нежели храбрости. Онъ членомъ общества не былъ; но цѣль зная вполнѣ и предъ мятежемъ участвовалъ въ собраніяхъ, говорилъ всегда съ жаромъ въ духѣ злоумышленниковъ и воспалялъ колеблющихся. Когда Рылѣевъ приглашалъ Якубовича вступить въ общество, онъ отвѣчалъ: «я не люблю никакихъ тайныхъ обществъ; по мнѣнію моему, одинъ рѣшительный человекъ лучше всѣхъ карбонаровъ и масоновъ. Я знаю съ кѣмъ говорю, и потому не буду опасаться. Я жестоко оскорбленъ! Вотъ приказъ по гвардіи о переводѣ меня въ армію! Восемь лѣтъ ношу его при себѣ на груди; восемь лѣтъ жажду мщенія!» Потомъ сорвавъ со лба своего перевязку такъ, что показалась кровь, продолжалъ: «рану можно было залечить и на Кавказѣ, но я не захотѣлъ и рѣшилъ, хотя съ гнилымъ черепомъ, добраться до оскорбителя. Наконецъ, я здѣсь и увѣренъ, что ему не ускользнуть отъ меня; тогда пользуйтесь случаемъ, дѣлайте, что хотите, дурачьтесь досыта!»..... Поведеніе Якубовича 14-го декабря было двусмысленно: онъ былъ нѣсколько времени на площади съ мятежниками, потомъ на бульварѣ, гдѣ находился государь императоръ, потомъ возвратился къ нимъ парламентаромъ отъ имени его величества.

Штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ. Умственные способности Бестужева извѣстны любителямъ русскаго чтенія; онъ занялъ почетное мѣсто въ отечественной литературѣ какъ подъ родовымъ, такъ и принятымъ впослѣдствіи прозваніемъ Марлинскаго. Характеръ его пылкій, нравственность чистая, сердце доброе, воображеніе быстрое. «Языкъ, воображеніе, а не сердце, говорилъ онъ, вовлекли меня въ общество» и—говорилъ правду; онъ не хотѣлъ только присокупить и дружбу съ Рылѣевымъ. Сначала Бестужевъ такъ былъ холоденъ, что Рылѣевъ и Оболенскій часто упрекали его и насмѣшливо повторяли: «ты отдашь все общество за густые эпoletы и флигель-адъютантскій аксельбантъ». Послѣ кончины императора Александра, когда разнесся слухъ, что царевичъ Константинъ отказывается отъ престола, и что Польша съ Литвою и Подолією отойдутъ отъ Россіи, неуѣдливый патріотизмъ возмущилъ рассудокъ Бестужева; онъ сталъ на совѣщаніяхъ повторять за другими, чтобы противиться присягѣ, увлечь своимъ примѣромъ полки. Бестужевъ любилъ пускать остроты; такъ, перешагнувъ однажды порогъ Рылѣева кабинета, онъ сказалъ: «я переступаю Рубиконъ, т. е. руби кого ни попало», но въ душѣ совершенно неспособенъ былъ къ злодѣйству. На другой день послѣ мятежа онъ самъ явился во дворецъ для принесенія повинной, изъявляя чистосердечное раскаяніе. Всемилоствѣннѣйшій государь обѣщалъ возможную пощадку, если откроетъ всю правду. Бестужевъ далъ слово и сдержалъ: еще до вопросовъ его въ комитетъ, онъ прислалъ въ комитетъ исповѣдь своихъ дѣйствій, изложилъ цѣль и планы дѣйствій общества, не называя однако своихъ

соумышленниковъ. Царь также сдержалъ обѣщаніе: Бестужевъ, осужденный вѣчно на каторгу, разжалованъ былъ въ солдаты.

Лейтенантъ Завалишинъ. Мечтатель до сумасбродства, мистикъ, коварный, гордый, безпокойный. Онъ показывалъ, что еще въ дѣтствѣ представлялись ему видѣнія и откровенія, побуждавшія стремиться къ возстановленію истины и предвѣщавшія несчастный его конецъ. Въ бытность его въ 1822 г. въ Англіи, онъ замышлялъ сдѣлать контръ-революцію въ Испаніи. По прибытіи въ Калифорнію, прельщенный богатствомъ страны, желалъ присоединить ее къ Россіи, разсѣивалъ тамъ мысли отложиться отъ Мексики и намѣревался съ этою цѣлью основать тамъ орденъ, въ который вовлечь нѣсколько значительныхъ лицъ тамошняго правленія. По возвращеніи въ Россію Завалишинъ увѣрялъ своихъ слушателей, что существуетъ Вселенскій орденъ возстановленія, имѣющій цѣлью связь общую между народами, введеніе представительныхъ или республиканскихъ правленій съ возстановленіемъ правъ каждаго гражданина, сколь можно, уравниельнѣе и ближе къ естественнымъ, что вѣтви этого ордена распространяются во всѣхъ государствахъ. Онъ увѣрялъ, что состоитъ въ числѣ командоровъ, показывалъ символы — мечъ и кинжалъ. Онъ воспламенилъ молодыхъ флотскихъ офицеровъ и толкнулъ ихъ въ погибель. Увлеченный самонадѣянностью, пишетъ онъ въ своихъ показаніяхъ, продолжалъ ходить въ грязи, думая, что не замараются; самолюбіе его находило пищу, онъ не устоялъ противъ ложной славы и поскользнулся, возмечтавъ о себѣ высоко, считая себя необходимымъ даже самому небу; такъ онъ изъ ангела невинности сдѣлался преступникомъ съ злѣдѣйскими намѣреніями.

Поручикъ Борисовъ 2-й. Основатель общества соединенныхъ славянъ, Борисовъ 2-й, воображенія пылкаго, характера твердаго, готовый рѣшиться на все для исполненія предположенной цѣли. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ бредилъ объ измѣненіи правленія въ отечествѣ и еще бывши юнкеромъ, онъ составилъ въ 1818 году тайное общество, имѣвшее цѣлью усовершенствованіе въ наукахъ и художествахъ, потомъ присоединилъ улучшеніе нравственности и очищеніе религіи отъ предразсудковъ. Мало-по-малу развивая между сочленами задушевные свои республиканскія идеи, онъ преобразовалъ общество, принявъ въ основаніе начала философа Платона, написалъ уставъ, клятвенное обѣщаніе, большую часть правилъ и установилъ разныя девизы. Расширяя свои дѣйствія, онъ учредилъ въ 1823 г. общество соединенныхъ славянъ съ обширною цѣлью соединить всѣ славянскія поколѣнія федеральнымъ союзомъ, въ центрѣ котораго построить городъ, гдѣ помѣщались бы всѣ депутаты и главное управленіе. Въ 1825 г. Борисовъ, видя, что обще-

ство его малочисленно и незначительно, охотно присоединилъ его къ южному обществу для совокупнаго дѣйствія къ достиженію цѣли.

Подполковникъ Батенковъ. Гордый, высокоумный, скрытный, съ яснымъ и дѣльнымъ умомъ, обработаннымъ положительными науками. Онъ пользовался благосклонностью графа Сперанскаго, который обратилъ на него вниманіе, бывъ въ Сибири генералъ-губернаторомъ, и поставилъ его правителемъ дѣлъ Сибирскаго комитета, учрежденнаго въ С.-Петербургѣ. Гордость увлекла Батенкова въ преступное общество: онъ жаждалъ сдѣлаться лицомъ историческимъ, мечталъ при переворотѣ играть важную роль и даже управлять государствомъ, но видовъ своихъ никому не проявлялъ, запрятавъ ихъ въ тайникѣ своей головы. Искусно подстрекалъ онъ къ возстанію; по полученіи извѣстія о кончинѣ императора, онъ провозглашалъ, что постыдно этотъ день пропустить... Въ предварительныхъ толкахъ о мятежѣ онъ продолжалъ воспламенять ревностныхъ крамольниковъ, давалъ имъ дѣльные совѣты и планы въ ихъ духѣ, но дѣломъ нисколько не участвовалъ, ни въ полкахъ, ни на площади не являлся; напротивъ, во время самаго мятежа присягнулъ императору Николаю.

Подпоручикъ баронъ Штейнгель. Просвѣщенный, умный, дѣльный, кроткій и честный. Несчастныя обстоятельства и стѣсненное положеніе втокнули его въ общество: бывши отличнымъ директоромъ канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора, онъ подвергся навітамъ государю въ противузаконномъ стяжаніи, былъ лишенъ службы и погруженъ съ семействомъ въ крайнюю нужду, вопреки предположенія о его богатствѣ. При переворотѣ Штейнгель думалъ снова стать на ноги, ибо чувствовалъ, что во всякомъ образѣ правленія онъ съ достоинствомъ могъ бы исполнять почетную должность. Въ мятежѣ онъ не участвовалъ, да и не желалъ, чтобы начали; но когда соумышленники отправились на площадь, онъ пошелъ въ свою комнату писать порученные ему манифестъ къ народу и приказъ къ войскамъ.

Комитетъ, дѣйствуя въ духѣ кротости и снисхожденія августѣйшаго монарха, благосклонно спрашивалъ призванныхъ къ допросамъ, позволялъ имъ говорить свободно, выслушивалъ терпѣливо. Заготовленные вопросы, послѣ личныхъ объясненій, отдавали имъ въ казематы, чтобы они могли обдумать свои отвѣты. Главное упорство большей части допрашиваемыхъ состояло въ открытіи соумышленниковъ; но когда имъ показали бывшіе въ комитетѣ списки членовъ ихъ обществъ, когда сказали имъ, что они почти всѣ уже забраны, тогда они стали чистосердечнѣе. Однако комитетъ съ чрезвычайною осторожностью руководствовался ихъ указаніями; онъ не прежде призывалъ къ допросу, какъ удостовѣрившись въ соучастіи сличеніями разныхъ показаній и свидѣній. Великій князь Михаилъ Павловичъ часто говорилъ:

— Тяжела обязанность вырвать изъ семейства и виновнаго; но запереть въ крѣпость невиннаго—это убійство.

Добрый предсѣдатель комитета, не взирая на полную ко мнѣ довѣренность и убѣжденіе въ моей осмотрительности, съ большимъ упорствомъ подписывалъ требованія о присылкѣ членовъ злоумышленныхъ обществъ.

— Смотри, братъ!—говаривалъ онъ мнѣ,—на твоей душѣ грѣхъ, если подхватимъ напрасно.

Допросы отбирались изустно въ полномъ присутствіи комитета, собиравшагося каждый вечеръ; только въ Рождество Христово и Новый годъ не было засѣданія. О всѣхъ допросахъ и отвѣтахъ, тотчасъ послѣ присутствія, составлялъ я ежедневно краткія меморіи для государя императора; онѣ подносились его величеству на слѣдующій день поутру, какъ только онъ изволилъ проснуться. Конечно, эти меморіи, написанныя на-скоро поздно ночью, послѣ тяжкаго утомительнаго дня, безъ сомнѣнія необработанны, но онѣ должны быть чрезвычайно вѣрны, какъ отраженіе живыхъ, свѣжихъ впечатлѣній.

Къ концу января 1826 года взяты и допрошены были не только главные дѣятели заговора, но почти всѣ соучастники, такъ что развѣ очень немногіе и то совершенно незначительные остались еще неизвѣстными.

Въ половинѣ февраля я представилъ комитету очеркъ о составѣ и цѣли тайныхъ политическихъ обществъ, извлеченный изъ показаній главнѣйшихъ членовъ и добровольныхъ открытій нѣкоторыхъ отклонившихся отъ общества.

Изъ свѣдѣній этихъ было уже извѣстно, что по окончаніи Отечественной войны 1812 года и возвращеніи російскихъ войскъ изъ-за границы, молодые офицеры, напитавшіеся либеральными идеями, составили въ 1815 и 1816 гг. политическія общества въ тѣсныхъ кругахъ родственниковъ и близкихъ пріятелей, не объявивъ опредѣленной цѣли и никакихъ правилъ; но учредители, полковники ¹⁾ Александръ Муравьевъ, Пестель, кн. Трубецкой и капитанъ Никита Муравьевъ, опредѣлили цѣлью ввести въ Россіи представительное монархическое правленіе. Чтобы расширить кругъ своихъ дѣйствій и привлечь болѣе соучастниковъ, учредители совокупили всѣ свои мелкія отрасли, въ концѣ 1817 г. и въ началѣ 1818 г., въ одно общество подъ названіемъ «Союза Благоденствія» или «Зеленой Книги», въ которой заключались уставъ общества, извлеченный изъ тугендъ-бунда съ нѣкоторыми перемѣнами. Прикрываясь благовиднымъ предлогомъ благотворенія неимущимъ вдо-

¹⁾ Чины показаны тѣ, въ конхъ они состояли, когда были призваны для допросовъ въ комитетъ.

вамъ и сиротамъ заслуженныхъ воиновъ, а также искорененіемъ злоупотребленій въ отправленіи правосудія, избличая оныя передъ правительствомъ, общество въ число членовъ своихъ вовлекло даже поборниковъ неколебности престола, отличныхъ поведеніемъ и талантами. Весьма немногимъ соумышленникамъ была извѣстна сокровенная цѣль—приготовление всѣхъ сословій государства къ преобразованію коренныхъ началъ правительства, распространяя исподволь просвѣщеніе въ духѣ общества. Отсюда вытекло учрежденіе школъ по методѣ Ланкастера; отсюда проявленіе либеральныхъ идей въ прозѣ и стихахъ. Чтобы дѣйствовать и на безграмотныхъ, придумывали средства собирать толпы народа, въ которыхъ злоумышленники могли бы разсѣвать свое ученіе. Такъ родились въ то время нелѣпыя сказки о таинственной женщинѣ, ходившей по Васильевскому острову, о погѣ съ козлиною головою, привезенномъ въ Казанскій соборъ, и необыкновенномъ колоколѣ, ожидаемомъ изъ Валдая.

Въ 1818 году, когда многіе члены общества находились въ Москвѣ въ отрядѣ гвардейскаго корпуса, князь Трубецкой написалъ туда, что государь императоръ намѣревается Польскія губерніи, принадлежащія Россіи, присоединить къ Царству Польскому. Неумѣстный патриотизмъ воспламенилъ злоумышленниковъ такъ, что для предупрежденія совершиться этому предположенію, опредѣлено было посягнуть на жизнь императора. Ужасное злодѣйство это оставлено было безъ дѣйствія, ибо они видѣли себя недовольно сильными для произведенія всеобщаго переворота.

Такимъ образомъ шли дѣла общества медленно, неопредѣлительно. Дерзкіе умы, соскучивъ притворствомъ, собрали въ С.-Петербургѣ въ началѣ 1820 г., коренную думу, состоящую изъ членовъ, бывшихъ при учрежденіи «Союза Благоденствія». Тамъ присутствовали, подъ предсѣдательствомъ графа Федора Толстаго и блюстителя князя Долгорукова. Федоръ Глинка ¹⁾, Николай Тургеневъ, Луинъ, Иванъ Шиповъ, Сергій Матвѣй, Никита Муравьевы и Пестель. По предложенію сего послѣдняго принято было стремиться къ республиканскому правленію; Тургеневъ кричалъ *un président sans phrases*; одинъ только Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе, кромѣ монархическаго.

Разномыслія, возникшія между членами, побудили ихъ назначить въ 1821 г. въ Москвѣ съѣздъ. Тамъ, въ собраніи подъ предсѣдательствомъ Тургенева многіе члены, услышавъ обнаружившіеся сокровенные замыслы разрушить существующій образъ правленія въ отечествѣ, ему

¹⁾ Всѣ трое вскорѣ раскаялись и удалились отъ общества.

свойственный и вѣками утвержденный, отказались рѣшительно отъ общества, которое и положено уничтожить.

Изъ самаго разрушенія возродилось новое политическое общество, облекшееся завѣсомъ большей таинственности и начавшее сильнѣе дѣйствовать, принявъ болѣе осторожности въ выборѣ членовъ и въ своихъ сношеніяхъ.

Это возродившееся общество раздѣлилось на двѣ отрасли: на южную, подъ предсѣдательствомъ Пестеля, распространившуюся въ арміяхъ, главнѣйше во второй и частію въ первой; и сѣверную, основанную въ С.-Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ Никиты Муравьева. Сверхъ того были: общество соединенныхъ славянъ, дѣйствовавшее сначала отдѣльно, а потомъ въ соединеніи съ южнымъ, и малороссійское—совсѣмъ не дѣйствовавшее.

Южная отрасль, воспламеняясь началами демократическими, намѣревалась ввести республику, сѣверная—стремилась къ правленію монархическому представительному. Соединенные славяне хотѣли образовать въ республиканскомъ духѣ славянскій союзъ изъ восьми колѣнъ: Россіи, Польши, Богеміи, Моравіи, Далмаціи, Кроаціи, Венгріи съ Трансильваніею, Сербіи съ Молдавіею и Валахіею, не нарушая, впрочемъ, независимости каждаго колѣна. Общество это, основанное подпоручикомъ артиллеріи Борисовымъ въ 1823 году, было незначительно и по званію, и по числу членовъ (только 23). Малороссійское общество намѣревалось образовать изъ масонскихъ ложъ: въ Полтавѣ бывший правитель канцеляріи военнаго губернатора Новиковъ, и въ Черниговской губерніи маршалъ Лукашевичъ, и предположили цѣлю независимость Малороссіи, но остались при попыткахъ, и общество не осуществилось.

Южная отрасль вошла въ 1824 году въ сношеніе съ польскимъ обществомъ, которое имѣло два департамента: одинъ — въ Варшавѣ, а другой—въ Дрезденѣ. Сверхъ того, оно состояло въ связяхъ съ обществами въ Венгріи, Испаніи, Англии и Франціи, стремившимися къ преобразованію правительствъ во всей Европѣ. Цѣль польскаго общества была соединить въ одно цѣлое отдѣльныя польскія провинціи какъ русскія, такъ австрійскія и прусскія. Сношенія южной отрасли съ польскимъ обществомъ перемѣнили образъ мыслей тѣхъ, кои прежде сильно возставали противъ отдѣленія польскихъ провинцій отъ Россіи; они дружелюбно обязывались помогать другъ другу и начать дѣйствія въ Россіи и Польшѣ въ одно время.

Послѣ многихъ совѣщаній злоумышленники рѣшились приступить къ дѣлу непремѣнно въ 1826 г., надѣясь возмутить войско вооруженною силою идти къ Москвѣ и не только произвести революцію со всѣми

ужасами, съ нею неразлучными, но разорвать отечество, отторгнуть отъ него польскія области.

Между тѣмъ какъ цесаревичъ Константинъ прислалъ подтвердительное отреченіе отъ престола; между тѣмъ какъ готовилась присяга на вѣрноподданничество императору Николаю, злоумышленники вздумали употребить этотъ случай для возбужденія нѣкоторыхъ офицеровъ и солдатъ къ мятежу, подъ предлогомъ остаться вѣрными присягѣ, данной Константину, внушая всѣмъ, что онъ задержанъ и что отреченіе его—ложный вымыселъ. Такимъ средствомъ злоумышленники возмнили основать придуманный ими образъ правленія, приготовили проектъ манифеста къ народу и мечтали собрать на всеобщій соборъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій государства.

Твердостью и рѣшительностью государя уничтоженъ мятежъ 14-го декабря въ С.-Петербургѣ, а неколебимую вѣрностью войскъ—въ Васильковѣ, Киевской губерніи, гдѣ шесть ротъ Черниговскаго полка возбуждены къ возмущенію подъ тѣмъ же предлогомъ вѣрноподданности Константину. И такъ, туча бѣдствій, висѣвшая надъ Россією, разсѣяна при самомъ началѣ.

Мятежъ 14-го декабря былъ только необдуманное, стремительное дѣйствіе сѣвернаго общества, хотѣвшаго воспользоваться, по мнѣнію его, удобнѣйшимъ случаемъ. Лица, принимавшія участіе въ этомъ происшествіи, раздѣляются на два разряда: одни какъ члены тайнаго общества, уготовлявшіе сокровенно гибельную революцію, а другія, какъ мгновенно увлеченныя мнимымъ предлогомъ неправильной присяги.

Тайныя общества почитали непремѣнною обязанностью имѣть соумышленниковъ во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ родахъ службы и даже между духовенствомъ; но духъ преобразования нашель отголосокъ только между военными служащими или отставными, а изъ числа гражданскихъ извѣстны три или четыре человѣка; изъ прочихъ же сословій нѣтъ никого.

Изъ этого очерка мнѣ приказано было составить донесеніе комитета государю императору. Его величество высочайше повелѣтъ соизволилъ о тѣхъ содержащихся въ крѣпости, о которыхъ приведены слѣдствіемъ въ извѣстность всѣ обстоятельства, до нихъ относящіяся, и которые не будутъ слѣдовать къ суду, представить на его усмотрѣніе о каждомъ особую записку, чтобы томленіемъ подъ стражею не отягощать невинныхъ или неумышленно виновныхъ. Государь оказывалъ много состраданія и благоснисхожденія къ преступникамъ; даже семействамъ закоренѣлыхъ крамольниковъ, какъ на примѣръ Рылѣва, посылалъ денежные пособія.

Усердно занялся я составленіемъ записокъ о каждомъ прикосновенномъ къ слѣдствію, не ослабляя въ то же время и работы подго-

товленія вопросовъ. Несмотря на то, государь безпрестанно подтверждалъ о скорѣйшемъ окончаніи изслѣдованія. Чтобы исполнить волю его величества, я представилъ комитету слѣдующій докладъ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что наказаніе, слѣдуя сколь возможно скорѣе за преступленіемъ, производитъ разительнѣйшій примѣръ, слѣдовательно, достигаетъ своей цѣли; ибо, по словамъ Екатерины Великія, наказанія не для того должны быть, чтобы мучать виновнаго, но для того, чтобы другихъ удержать отъ преступленія¹⁾».

«Когда вина у каждаго почти передъ глазами, когда она еще занимаетъ мысли, тогда и приговоръ суда и милосердіе государя сильнѣе дѣйствуетъ на душу. Медленность въ сужденіи изглаживаетъ изъ памяти преступленіе, и наказаніе склоняетъ къ невольному чувству состраданія.

«Для ускоренія суда, необходимо ускорить изслѣдованіе, которое предшествуетъ суду; но тутъ встрѣчаются такія затрудненія, какія слѣдователь, при всемъ усердіи, преодолѣть не можетъ, а иногда самое усердіе служитъ главнѣйшею причиною медленности²⁾».

«Въ таковомъ положеніи находится комитетъ для изысканія о злоумышленномъ обществѣ. Онъ забралъ уже важнѣйшихъ соучастниковъ, открылъ ужасные ихъ замыслы и даже весьма многія подробности, служащія къ поясненію дѣла; но при всемъ томъ не можетъ рѣшительно опредѣлить окончаніе своихъ дѣйствій, ибо почти въ каждомъ засѣданіи онъ встрѣчаетъ новыя лица, или знавшія о тайномъ обществѣ, или полу-принятія.

«Неоднократный опытъ показалъ, что послѣднешятахъ лицъ все участіе въ злонамѣренномъ обществѣ состояло въ томъ, что они были членами, ни мало не дѣйствуя и не стремясь къ предположенной цѣли. Часто молодость, любопытство и суетность побуждали нѣкоторыхъ проникнуть тайну; а ложный стыдъ и неосновательное понятіе о чести удерживало объявить о томъ правительству.

«Строгія мѣры въ забираніи подъ арестъ, столь необходимыя при началѣ, совершенно измѣнились. Тогда, не зная главнѣйшихъ злоумышленниковъ, всякій казался опаснымъ; напротивъ теперь, если и остаются не взятые сочлены, то уже такіе, которые совѣмъ по обществу не дѣйствовали.

«И такъ, чтобы ускорить окончаніе изслѣдованія, возложеннаго на комитетъ, по мнѣнію моему, есть надежнѣйшее средство прекратить требованіе въ С.-Петербургъ прикосновенныхъ къ дѣлу о злоумышленномъ

1) Наказъ комиссіи о составленіи „Новаго Уложенія“.

2) Здѣсь я намекалъ на генераль-адъютанта Чернышева, который при допросахъ вдавался въ самыя мелкія, ни къ чему не ведущія подробности.

обществѣ, кромѣ такихъ, кои по важности показанія обратятъ на себя особенное вниманіе. Но дабы они ни въ какомъ случаѣ не могли дѣйствовать къ нарушенію спокойствія въ государствѣ, то для учрежденія за ними бдительнаго надзора давать знать о служащихъ по начальству, а объ отставныхъ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ».

Комитетъ и государь одобрили это предположеніе, и слѣдствіе быстро начало подвигаться къ окончанію. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, добрѣйшій послѣ предсѣдателя Татищева изъ членовъ комитета, обнявъ меня, сказалъ:

— Вашимъ предложеніемъ вы соорудили себѣ памятникъ въ сердцахъ многихъ семействъ; жаль, что они никогда не узнаютъ своего благодѣтеля.

Прошла недѣля Пасхи, наступилъ май. Приближенные государя умоляли совершить обрядъ коронованія, но его величество не хотѣлъ возложить на главу царскій вѣнецъ, пока совершенно не кончится дѣло о злоумышленникахъ и слѣдствіемъ, и судомъ. Конечно, въ то время все уже было дознано; но для округленія предстояло еще согласовать нѣкоторыя противорѣчія, сдѣлать очныя ставки, подготовить о каждомъ особое дѣло и записку. Несмотря на это предсѣдатель настаивалъ, чтобы я принялся за составленіе окончательнаго донесенія государю императору. Озабоченный этимъ приказаніемъ и не имѣя самъ досуга сего исполнить, я указалъ на средство, которое укоротило открывшійся мнѣ быстрый полетъ къ возвышенію по службѣ. Въ комитетъ присланъ былъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Блудовъ, для составленія журнальной статьи о ходѣ и замыслахъ тайныхъ обществъ въ Россіи. Я давалъ ему матеріалы для этого труда, кромѣ тѣхъ, которыхъ его величеству не благоугодно было оглашать. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые злоумышленники показывали, что надежды ихъ на успѣхъ основывали они на содѣйствіи членовъ Государственнаго Совѣта графа Мордвинова, Сперанскаго и Киселева, бывшаго тогда начальникомъ штаба 2-й арміи, и сенатора Баранова. Изысканіе объ отношеніи этихъ лицъ къ злоумышленному обществу было произведено съ такою тайною, что даже чиновники комитета не знали; я самъ собственноручно писалъ производство и хранилъ у себя отдѣльно, не вводя въ общее дѣло. По точнѣйшемъ изысканіи обнаружилось, что надежда эта была только выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ. Не думаю, чтобы объ этомъ было извѣстно подвергнувшимся безъ вѣдома ихъ слѣдствію; по крайней мѣрѣ, когда я, исправляя должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, сблизился весьма хорошо съ графомъ Мордвиновымъ и пользовался его благосклонностію, а бывъ предсѣдателемъ комитета для передѣлки Свода Военныхъ Постановленій, часто и откровенно бесѣдовалъ съ графомъ Сперанскимъ, они ничего

миѣ не говорили и ничего не спрашивали о сдѣланномъ противъ ихъ извѣтѣ. Можетъ быть мятежники льстили себя надеждою на ихъ содѣйствіе, увлекаясь свободнымъ и рѣзкимъ изложеніемъ ихъ миѣній. Такъ, графъ Мордвиновъ, при сужденіи дѣла объ отобраніи отъ графа Кутайсова эмбенскихъ рыбныхъ ловель, пожалованныхъ ему императоромъ Павломъ, въ миѣніи своемъ написалъ: «въ понятіи власти произвольной все смѣшано, и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго; ибо она сама первая несправедливость». Миѣніе это ходило по рукамъ, его читали съ жадностію; немудрено, что оно воспламеняло горячія головы нашихъ революціонеровъ и питало надежды ихъ на содѣйствіе такихъ лицъ.

Обращаюсь къ донесенію. Блудовъ читалъ миѣ свою работу и пользовался моими совѣтами и указаніями, какъ человекъ, провикнувшіаго духъ и направленіе не только цѣлаго тайнаго общества со всѣми его отраслями, но каждаго злоумышленника. Предсѣдатель безпрестанно повторялъ миѣ:

— Скоро ли займемся донесеніемъ? Государь требуетъ представить скорѣе.

Наскучивъ повтореніемъ, я сказалъ:

— Если непременно надобно ускорить, такъ прикажите статью подготавливаемую Блудовымъ для журналистовъ, обратить въ донесеніе. Въ ней немного нужно пополнить и передѣлать, и она достаточна будетъ, чтобы показать вообще ходъ дѣла и замыслы общества; а разборъ и судъ виновныхъ будетъ не по донесенію, но по моимъ отдѣльнымъ запискамъ о каждомъ прикосновенномъ къ слѣдствію.

Мысль принята. Блудовъ занялся приготовленіемъ донесенія; а я употребилъ всѣ усилія округлять слѣдствіе и подготавливать записки. Донесеніе представлено государю 30-го мая 1826 г., когда еще о нѣкоторыхъ крамольникахъ, казавшихся мелочными, потому что не были членами общества, окончательное не было обслѣдовано, да и вообще не о всѣхъ еще сдѣлано предварительное распредѣленіе. Отъ этого вышло, что иные осужденные Верховнымъ уголовнымъ судомъ на тяжкое наказаніе въ донесеніи совѣмъ не упоминаются; напротивъ, о другихъ въ донесеніи говорится, а въ приговорѣ объ нихъ ни слова, потому что и къ суду они отсылаемы не были.

Не стану повторять того, что извѣстно изъ донесенія, напечатаннаго особою брошюрою и помѣщеннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ за 1826 г. Оно заключаетъ въ бѣльшемъ развитіи то, что сжато представлено было государю императору въ февралѣ.

Послѣ этого донесенія, которое хотя послано государю 30-го мая, но предварительно было доложено, помнится, около 10-го мая, комитетъ, принявъ въ уваженіе, что многіе вошли въ общество, увлекаясь худо понятою любовію къ отечеству, суетностію, возбужденнымъ любопыт-

ствомъ, родственными и пріятельскими отношеніями, легкомысліемъ и молодостію, счелъ противнымъ справедливости, великодушію и милосердію августѣйшаго монарха предать всѣхъ ихъ суду.

На семь основаніи комитетъ испросилъ высочайшее соизволеніе не отсылать къ суду:

1) бывшихъ членовъ «Союза Благоденствія», которымъ не была открыта сокровенная цѣль ¹⁾);

2) всѣхъ тѣхъ, которые хотя знали вполне цѣль общества, но отпали отъ него послѣ объявленнаго закрытія на сѣздѣ въ Москвѣ въ 1821 году;

3) тѣхъ, которые тогда не рѣшительно отреклись отъ общества, однако не были съ нимъ въ сношеніи до 1822 года, когда всѣ тайныя общества въ Россіи повелѣно было закрыть; а послѣ этого повелѣнія совершенно удалились и не дѣйствовали;

4) знавшихъ о существованіи общества или приготовленіе мятежа въ С.-Петербургѣ, но не донесшихъ.

Вотъ и еще причина, что нѣкоторые члены, представленные въ донесеніи основателями общества толкующими о царевубійствѣ, въ приговорѣ Верховнаго уголовного суда совсѣмъ не упоминаются. Помню, это весьма удивило и произвело толки о пристрастіи, какъ обыкновенно бываетъ, когда превратно пересуживаютъ дѣйствія правительства, не имѣя данныхъ и не зная побужденій. Отъ сего часто самое благо представляется зломъ.

Разсмотрѣвъ внимательно замыслы и поступки прикосновенныхъ къ слѣдствію, комитетъ представилъ:

Предать суду	121.
Подвергнуть исправительнымъ наказаніямъ.	57.
Освободить	11.
Итого	189.

Сюда не вошли весьма многіе, освобожденные въ продолженіе слѣдствія, по представленію комитета и самимъ государемъ, по отобраніи предварительнаго допроса во дворцѣ дежурными генераль-адъютантами; а также мятежники, не бывшіе членами тайнаго общества. Объ нихъ разборъ и судъ производился по своему начальству.

Исправительныя наказанія состояли: въ прудержаніи въ крѣпостяхъ нѣсколько мѣсяцевъ и не долѣе четырехъ лѣтъ, соразмѣряя по возмож-

¹⁾ Изъ нихъ нѣкоторые освобождены были прежде, по частнымъ разрѣшеніямъ, а иные, лично извѣстные государю, и къ допросамъ не были привлекаемы.

ности вины, въ переводѣ изъ гвардіи въ армію, изъ арміи въ гарнизонъ или отдаленныя полки.

Всѣ дѣла о преданныхъ суду, съ особыми о каждомъ записками, отправлены въ Верховный уголовный судъ, учрежденный манифестомъ 1-го іюня 1826 г. Начальникъ главнаго штаба его величества, баронъ Дибичъ объявилъ мнѣ высочайшее повелѣніе отправиться въ тотъ судъ, для указанія справокъ и поясненій изъ слѣдствія. Неприличнымъ показалось мнѣ это назначеніе. Въ иностранныхъ газетахъ того времени приписывали мнѣ разныя наименованія, какъ имѣющаго влияние на слѣдственную комиссію. Я вообразилъ, что участіе мое въ Верховномъ уголовномъ судѣ Европа отнесетъ къ желанію императора преслѣдовать и настаивать къ усугубленію наказанія виновныхъ. Священнымъ долгомъ вѣрноподаннаго считалъ я отклонить поводъ клеветать на моего государя. Затаявъ глубоко мою задушевную мысль, я отказался рѣшительно отъ назначенія отправиться въ судъ, представляя барону Дибичу, что у меня еще весьма много дѣла по комитету, какъ напримѣръ, разборъ и представленіе государю о подлежащихъ къ исправительному наказанію, что сверхъ того я управлялъ въ то же время канцелярією военнаго министра, и проч., и проч., и опять указалъ на Блудова. Дибичъ, будучи вспыльчивъ и откровененъ, съ неудовольствіемъ слушалъ мои возраженія, назвалъ меня ослушникомъ воли государя; но видя мое упорство, согласился, сказавъ притомъ:

— Я цѣню высоко ваши достоинства; мнѣ жаль, вы пропускаете этотъ случай.

Время оправдало слова Дибича; два отреченія мои—писать донесеніе комитета и находиться въ Верховномъ уголовномъ судѣ, дали быстрый ходъ Блудову, доставили ему званіе статсъ-секретаря, министра, члена Государственнаго Совѣта и титулъ графа, а я едва доползъ до званія сенатора, съ сознаніемъ въ душѣ, что дѣйствовалъ по совѣсти, охраняя чистоту имени моего государя, хотя можетъ быть и ошибался въ моемъ предположеніи.

Пока продолжался судъ, комитетъ занимается разборомъ и докладами государю о подлежащихъ исправительнымъ наказаніямъ и освобожденію.

Наконецъ комитетъ кончилъ совершенно возложенное на него порученіе и закрытъ 25-го іюня слѣдующимъ рескриптомъ на имя предсѣдателя Татищева:

«Александръ Ивановичъ! Неутомимые труды и дѣятельность, съ ковыми руководили вы слѣдственную комиссію, для открытія злоумышленниковъ учрежденную, по званію предсѣдательствующаго оной, благоразумное, усѣбное и вполнѣ съ ожиданіемъ моимъ согласное приведеніе къ окончанію дѣлъ ея, налагаютъ на меня пріятный долгъ изъ-

явить вамъ совершенную мою признательность. Я вамъ поручаю объявить равномерно всѣмъ членамъ коммисіи вообще и каждому, въ особенности, благоволеніе мое за отлично усердное и ревностное исполненіе возложеннаго на нихъ порученія, чѣмъ въ полной мѣрѣ оправдали выборъ мой и сдѣланное имъ мною довѣріе, заслуживъ тѣмъ благодарность мою и отечества».

Канцелярія комитета также не была забыта: всѣ награждены, правду сказать нещедро, по соразмѣрности съ неимоверными трудами и важностію дѣла. Я, будучи начальникомъ, пользующимся полною довѣренностію, получилъ слѣдующій чинъ и званіе помощника статсъ-секретаря въ видѣ почета и пенсіи, ибо оставленъ былъ въ прежней должности при военномъ министрѣ.

Въ ожиданіи рѣшенія суда мнѣ поручено было, по высочайшему повелѣнію, составить записку о степени виновности cadaго изъ отосланныхъ къ суду. Графъ Татищевъ сказалъ мнѣ:

— Государь желаетъ злодѣевъ закоренѣлыхъ отдѣлить отъ легкомысленныхъ преступниковъ, дѣйствовавшихъ по увлеченію. Твою записку приметъ онъ въ соображеніе при разсмотрѣніи приговора Верховнаго уголовного суда. Я лично представляю ее государю. Смотри! никто не долженъ знать о ней не только изъ чиновниковъ въ канцеляріи, но и помощниковъ твоихъ.

Я понялъ важность этого порученія: о каждомъ преданномъ суду изобразилъ добросовѣстно, какъ мнѣ представлялось изъ совокупности слѣдствія и личной извѣстности. Сладко мнѣ было видѣть плоды этой моей работы въ указѣ Верховному уголовному суду 10-го іюля 1826 г. Тамъ облегчены наказанія: въ пунктѣ II—Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Къхельбекеру, Александру Бестужеву, Никитѣ Муравьеву, князю Волконскому, Якушкину; въ VII—Александру Муравьеву; въ VIII—Берстелю и графу Булгари, и въ IX—Бодиско 1-му.

Странно показалось мнѣ, что Верховный уголовный судъ не помѣстилъ князя Трубецкаго внѣ разрядовъ вмѣстѣ съ приговоренными къ смертной казни Пестелемъ, Рылѣвымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, Бестужевымъ-Рюминымъ и Коховскимъ. Развѣ Трубецкому вмѣнили въ заслугу, что при возмущеніи 14-го декабря онъ не явился на площадь командовать мятежниками; однако онъ былъ диктаторомъ, дѣятельнымъ распорядителемъ заговора; слѣдовательно и въ наказаніе долженъ быть поставленъ во главѣ.

Въ августѣ отправился я съ министромъ въ Москву на торжество коронаціи. Тамъ государь приказалъ разыскать о существованіи иллюминатовъ, ибо его величество узналъ, что Никита Муравьевъ бралъ уроки прагматической исторіи у бывшаго въ Россіи профессора Раупаха, извѣстнаго иллюмината, и былъ съ нимъ въ тѣсной связи. За указаніе

слѣдовъ Муравьеву, осужденному въ каторгу, обѣщано отъ имени государя прощеніе; но онъ рѣшительно отозвался, что никогда не былъ членомъ этого общества. Не предполагаю, чтобы Муравьевъ изъ преданности иллюминатамъ или изъ упрямства не хотѣлъ воспользоваться случаемъ заслужить прощеніе; вѣрнѣе заключить, что онъ не только опредѣлительно, но и приблизительно не зналъ ни состава ихъ, ни средствъ, ни лицъ, ни мѣстопробываніе правителей. Допросомъ Муравьева кончилось изслѣдованіе объ иллюминатахъ; обращаться съ вопросами къ другимъ не было ни поводовъ, ни основаній.

По возвращеніи государя императора въ С.-Петербургъ, мнѣ переданы отвѣты судимыхъ о взглядѣ ихъ на внутреннее состояніе государства въ царствованіе императора Александра. Изъ этихъ отвѣтовъ я составилъ для его величества сводъ въ систематическомъ порядкѣ, приведя ихъ въ единство и откинувъ повторенія и пустословіе; но мысли, даже въ способѣ изложенія, оставилъ я по возможности безъ перемѣны. Сводъ главнѣйше извлеченъ изъ отвѣтовъ Батенкова, Штейнгеля, Александра Бестужева и Переца. Привожу его здѣсь дословно:

1) *Введеніе.*

Начало царствованія императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами: всѣ сословія радовались; всѣ ожидали благоденствія Россіи. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на уподокъ кредита; войска учились безъ отягощенія, ученые учились чему хотѣли; всѣ свободно говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшаго. Къ несчастію обстоятельства къ тому недопустили — надежды остались безъ исполненія. Неудачная война 1807 года и другія многостоящія разстроили финансы. Наполеонъ вторгся въ Россію; тогда народъ русскій ощутилъ свою силу; тогда пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произносило слова: свобода, освобожденіе! Оно само разсѣивало сочиненія о неограниченной власти Наполеона! Еще война длилась, когда ратники, возвратясь въ дома, первые разносили ропотъ въ народъ: «мы проливали кровь,—говорили они,—за спасеніе отечества, а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ; мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа!» Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши въ отечество, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ краяхъ. Сначала пока говорили о томъ безпрепятственно, слова разносились вѣтромъ; ибо умъ, подобно пороку, опасенъ только сжатый. Лучъ надежды, что государь императоръ дастъ конституцію, какъ упомянулъ

онъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, и попытка нѣкоторыхъ генераловъ освободить крестьянъ своихъ, еще ласкали многихъ. Но съ 1817 годомъ все измѣнилось: люди, видѣвшіе худое или желавшіе лучшаго, окруженные множествомъ шпионовъ, принуждены стали разговаривать скрытно и тѣснѣе сблизались.

2) *Воспитаніе.*

Плодовитый корень республиканскихъ порывовъ скрывался въ самомъ воспитаніи и образованіи; въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ само правительство, какъ млеко, питало юношество свободомысліемъ. Вступая на поприще жизни, восторженные юноши на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе.

3) *Законы.*

Твердые, ясные и короткіе законы, вѣзвываясь легко въ памяти, предупреждаютъ ябеды и злоупотребленія. У насъ указъ на указъ одно разрушаетъ, другое возобновляетъ; на каждый случай найдутся многія противорѣчущія узаконенія. Отъ этого сильные и ябедники торжествуютъ, а бѣдность и невинность страдаютъ.

4) *Судопроизводство.*

Образованіе нашего судопроизводства весьма сложно. Отъ земскаго суда до Государственнаго Совѣта столько переходовъ, что нужно долгое время и большія средства, чтобы провести дѣло по всѣмъ инстанціямъ, въ которыхъ судять, пересуживаютъ, и часто рѣшеніемъ самаго высшаго мѣста предоставляютъ только снова начать тяжбу судомъ по формѣ. Такимъ образомъ недостаточно жизни дождаться окончанія! Къ сему должно присовокупить несправедливости, злоупотребленія, волокиту и лихоимство; все это до крайности истощаетъ тяжущихся.

5) *Система правленія.*

Правительство отличалось непостоянствомъ: въ управленіи государственномъ не было твердаго, положительнаго плана.

а) Учрежденіе о губерніяхъ, твореніе Екатерины Великой, измѣнилось въ существенныхъ основаніяхъ; сила суда въ нижнихъ инстанціяхъ ослабѣла; губернаторы присвоили себѣ всю мѣстную власть;

опредѣленіе генераль-губернаторовъ довершило неиспроверженіе губерньскихъ мѣстъ, всѣ дѣла стеклись къ этимъ сатрапамъ; само правитель-ство смотрѣло только ихъ глазами. Но во всѣ двадцать пять лѣтъ ничего особенно не сдѣлано къ улучшенію губернскаго управленія. Въ 1822 году дозволено генераль-губернатору Балашеву произвести опытъ преобразованія. Начатый безъ свѣдѣнія Сената, не распубликованный его указами опытъ этотъ принятъ обывателями съ негодованіемъ на невыносимыя и умноженіе инстанцій, а о той пользѣ, какая произойдетъ, никто и не говорилъ.

б) Коллегии, коихъ учрежденіемъ обязана Россія Петру Великому, устоявшія среди разныхъ внутреннихъ перемѣнъ въ теченіе семи царствованій, уничтожены.

в) Сенатъ, это хранилище законовъ, блюститель правосудія и благоустройства, обращенъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу, пользующемуся довѣренностію монарха.

г) Министерство. Учрежденіе министерствъ наполнено въ существѣ своемъ важныхъ недостатковъ; очевидно оно составлено было на скорую руку. Не бывъ надлежащимъ образомъ связано съ губерньскимъ управленіемъ, оно мѣшало ему и само отъ него встрѣчало препятствія.

д) Комитетъ министровъ. Отсутствие императора изъ столицы подало поводъ къ учрежденію комитета министровъ. Ничего не возможно было придумать лучшаго къ прикрытію всѣхъ безпорядковъ предъ государемъ и выставкѣ одного лица его предъ народомъ. Все производство дѣлъ оставалось въ тайнѣ; формы, подъ видомъ простоты и скорости, прикрывали всѣ опущенія и своевольство. Канцелярія могла дѣлать все, что хотѣла; такъ, вмѣсто обѣщанной учрежденіемъ министерствъ отвѣтственности каждого лица, они всѣ совокупно съ министрами прикрывались на все высочайшими соизволеніями; отъ сего государь одинъ несъ на себѣ всю тягость пререканія за ошибки и неустройства.

Это произвело три важныя послѣдствія:

1) Множество самыхъ мелочныхъ дѣлъ, привлеченныхъ въ комитетъ, восходя до государя, напрасно затрудняли его.

2) Каждый производитель въ министерствѣ легко могъ скрывать свои ошибки и достигать частныхъ видовъ, не опасаясь взысканія.

3) Высочайшія повелѣнія потеряли свойственную имъ силу и важность.

Но этого мало: придумали еще особенные пути къ смѣшенію! По множеству частныхъ случаевъ учреждали разные комитеты съ такою же силою, какъ и главный; одинъ перевершивалъ дѣла другого: рѣшенія,

*

утверждаемая высочайшею властію, являлись часто по одному и тому же дѣлу въ совершенномъ между собою противорѣчіи.

Такимъ образомъ верховное правительство въ послѣдніе годы можно сказать, разсыпалось, потеряло единство и представляло нестройную громаду.

Вообще гражданская часть — краеугольный камень въ зданіи государственнаго благоустройства, была какъ бы въ нѣкоторой опалѣ. Покойный императоръ видѣлъ зло, считалъ его неизпѣлимымъ и ограничивался только тѣмъ, что не скрывалъ своего отвращенія, не имѣя округъ себя въ виду людей, съ коими могъ бы взяться за исправленіе.

6) *Жалованье чиновникамъ.*

Жалованье чиновниковъ должно обеспечивать ихъ существованіе: оно у насъ совершенно неуравновѣшено: гражданскому губернатору, хозяину губерніи, назначено менѣе вице-губернатора, который въ сущности только предсѣдатель казенной палаты; а чиновники цѣлаго уѣзда, вмѣстѣ взятые, не получаютъ жалованья и противъ одного надзирателя питейнаго сбора. Сколько чиновниковъ, едва имѣющихъ занятіе, пользуются большими окладами изъ двухъ и трехъ мѣстъ! Сколько такихъ же получаютъ пенсіи на службѣ! Но въ то же время большая, несравненно большая часть бѣдствуетъ, нуждаясь даже въ пропитаніи, будучи обременена притомъ работою до упаду.

Состояніе приказныхъ достойно состраданія: за тридцать или сорокъ рублей ассигнаціями въ годъ они обречены работать съ утра до вечера! Надобно видѣть въ губерніяхъ несчастное положеніе этихъ людей, чтобы принять въ судьбѣ ихъ живое участіе.

7) *Взиманіе податей.*

Подати, налагаемая для дѣйствительныхъ государственныхъ потребностей, не могутъ быть тягостны, особенно если онѣ располагаются соразмѣрно процентамъ съ капитала, котораго не разрушаютъ. Но какое обширное поле злоупотребленій и народнаго бѣдствія представляли земскія повинности, оставаясь въ совершенномъ произволѣ мѣстнаго начальства! Никакихъ формъ, ни повѣрки, ни учета не наблюдалось въ умноженіи налога, особенно въ повинностяхъ личныхъ. Народъ тѣмъ прискорбнѣе переносилъ эти тягости, что онѣ налагались самовольно, безъ посредства высшей власти, которую одну считаетъ онъ священной. Стоило губернатору пожелать награды, вся губернія, стенамя, вынуждена была приносить величайшія пожертвованія.

8) *Дорожная повинность.*

Безпрестанные выгоны крестьянъ для дѣланія дорогъ, часто въ страдную пору, во время сѣнокоса или жатвы, довели ихъ до совершеннаго разоренія. Надобно присовокупить къ сему, съ одной стороны, частыя переѣзны въ планѣ, а съ другой — злоупотребленія земскихъ чиновниковъ, которые допускаютъ сдѣлать то, что послѣ заставляютъ разрушить подъ предлогомъ, что сдѣлано не по формѣ. Мало этого: они назначаютъ ближайшихъ поселянъ на работы въ отдаленные участки, и наоборотъ; за увольненіе берутъ взятки съ тѣхъ и другихъ; а дороги остаются неисправленными, непроѣзжими.

9) *Недоимки.*

Народъ, отягощенный неправильнымъ собираніемъ податей и отправленіемъ разнаго рода повинностей, впалъ въ недоимки. Строжайшія мѣры, принятыя ко взысканію ихъ, довели до разоренія. У крестьянъ стали продавать домашній скотъ, лошадей и самые дома; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выбитъ, выколотитъ недоимку сдѣлалось техническимъ выраженіемъ. Должно присовокупить, что всѣ капиталы и все обращеніе ихъ привлечены въ столицу, расположенную на оконечности имперіи. Здѣсь собрана величайшая часть казенныхъ заведеній, здѣсь только производились всѣ важныя работы; отъ этого отдаленныя губерніи, а также неимѣющія водяныхъ путей къ столицѣ, скоро пришли въ упадокъ, оскудѣли и упали духомъ, не зная къ чему направить свою дѣятельность, куда сбывать свои произведенія.

10) *Казенное хозяйство.*

Казна посягнула на монополію. Подъ видомъ хозяйственныхъ способовъ правительство мало-по-малу отдѣлилось отъ народа; оно лишило пропитанія цѣлыя семейства, отнимая у нихъ промышленность, коею они занимались со временъ незапамятныхъ. Въмѣсто того разныя улучшенія распространять въ народѣ, чтобы разныя улучшенія распространять въ государствѣ, ихъ дѣлали исключительною собственностію казны, съ которою частные люди естественно не могли входить въ состязаніе.

Изъ этого начала возникли:

а) Казенная продажа вина. Система винной продажи, по обширному ея влиянію, есть одна изъ бѣдственнѣйшихъ мѣръ казенной

монополіи. Она привела многія дворянскія фамиліи, и безъ того уже разстроенныя залогомъ почти всѣхъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ, въ совершенный упадокъ. Она явила примѣръ соблазна для чиновниковъ, ибо способы наживаться стали предпочитать понятіямъ о чести. Она обратила множество суммъ въ стоячіе капиталы, ибо чиновники, обогатившіеся преступнымъ стяжаніемъ, большею частію или не смѣли, или не умѣли дѣлать изъ этихъ капиталовъ правильного употребленія. Она послужила источникомъ чрезмѣрно губельнаго народнаго разврата. Повсюду размножены трактиры, харчевни, портерныя лавочки, питейные дома, временныя выставки, изъ нихъ нѣкоторыя съ биллярдами, музыкою и другими приманками для черня. Съ такими мѣрами первые годы точно принесли значительную прибыль; но вскорѣ оказалось, что она была временная: въ послѣдніе годы недобиралось уже многіе милліоны.

б) Казенная продажа соли. На соль, главнѣйшую потребность въ жизни, возвышена цѣна. До 1812 года правительство, для облегченія бѣднѣйшихъ классовъ народа, не только не извлекало изъ этой операціи никакихъ доходовъ, но еще терпѣло убытки; а въ послѣдствіи съ каждымъ годомъ цѣна на соль увеличивается такъ, что бѣдный поселянинъ едва въ состояніи приготовить солью скудную свою пищу, нимало не помышляя удѣлать для своего скота.

в) Взысканіе съ откупщиковъ и подрядчиковъ. Дѣйствія министерства финансовъ въ послѣдніе десять лѣтъ были, можно сказать, ужасны. Съ откупщиковъ и подрядчиковъ производились строгія и неослабныя взысканія; но когда они предъявляли свои претензіи на казну, то имъ предоставлялось просить о себѣ. Дѣла съ казною разорили знатнѣйшихъ купцовъ и подрядчиковъ, а съ ними ихъ кредиторовъ и залогодателей затыжкою уплаты, учетами и неправильными прижимками въ пріемѣ.

Напротивъ того, истиннаго, настоящаго хозяйства нигдѣ не соблюдалось: оно состояло въ однихъ только искусно составленныхъ отчетахъ, которые не сводились ни съ предыдущими годами, ни съ отчетами другихъ управленій, имѣющихъ между собою непосредственныя соотношенія.

11) Торговля.

Тарифъ 1810 года, благодѣтельный для російской промышленности, внезапно измѣненъ въ 1816 г. новымъ въ пользу Австріи, Пруссіи и Польши на 12 лѣтъ. По крайней мѣрѣ коммерсанты могли располагать своими спекуляціями на опредѣленное время; но и въ томъ ошиблись: въ 1819 г. послѣдовало новое всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, коими вскорѣ новоднили Россію. Многіе купцы обанкрутились,

фабриканты вконецъ разорились, а народъ лишился способовъ къ пропитанію и къ оплачиванію податей. Тогда увидѣли ошибку, исправили ее тарифомъ 1823 года; но причиненный вредъ не возмратенъ! Шаткость тарифа не только разорила многихъ купцовъ и фабрикантовъ, но породила недовѣріе къ правительству. Наконецъ въ 1824 г. послѣдовало дополнительное постановленіе о гильдіяхъ, послѣ котораго изданы еще многія дополненія и поясненія, за всѣмъ тѣмъ мѣстныя начальства нашлись въ невозможности ихъ выполнить, ибо у бѣдныхъ мѣщанъ, особенно живущихъ въ малыхъ городахъ, отняты даже ограниченныя способы къ пропитанію. Такимъ образомъ торговля наша была въ болѣзненномъ состояніи.

12) *Состояніе флота.*

По флоту, на основаніи адмиралтейскаго регламента Петра Великаго, «едва корабль заложится на стемпель, должно раздавать по всѣмъ мастерствамъ пропорціи, дабы къ назначенному сроку всѣ принадлежности вооруженія были въ готовности»; но этого во все управленіе морскимъ министерствомъ маркиза де-Траверсе не соблюдалось. Корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и нерѣдко гнили, не сдѣлавъ ни одной кампаніи. И такъ переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ.

13) *Военныя поселенія.*

Насильственная мѣра водворенія поселеній принята была съ изумленіемъ и ропотомъ. Впослѣдствіи объявлена цѣль ихъ—освобожденіе отъ тяжелой рекрутской повинности. Но уменьшеніе срока службы до 12 лѣтъ удовлетворило бы этой цѣли справедливѣе, простѣе, безопаснѣе и прочнѣе, ибо тогда во всей Россіи разлился бы духъ воинскій; крестьяне столь же легко стали бы разставаться съ дѣтьми, какъ дворяне. Возвратившіеся въ семейства солдаты могли бы жениться, заниматься крестьянскимъ бытомъ и, наживая дѣтей, воспитывали бы ихъ заранѣе быть воинами, а сами были бы готовые ландверы. Конечно, это нѣкоторымъ образомъ противорѣчило бы крѣпостному состоянію; но можно придумать средства устранить такое затрудненіе.

14) *Экономическій капиталъ поселеній.*

Въ военномъ министерствѣ считалось болѣе 20 тыс. руб. капитала, составившагося экономически, а частью отъ снисхожденій провіантскаго

и комиссаріатскаго вѣдомствѣ; но въ существѣ не такъ: военныя поселенія много стоятъ деньгами, землями, лѣсами, работою и народомъ. Если сдѣлать всему правильную оцѣнку, то конечно пятипроцентнымъ доходомъ съ употребленнаго капитала неоконченнаго еще водворенія какого-нибудь полка 1-й гренадерской дивизіи можно было бы навѣки обезпечить содержаніе этого полка во всѣхъ отношеніяхъ.

15) Состоянія.

а) Дворяне-помѣщики. Поступки помѣщиковъ съ крестьянами ихъ ужасны! Продавать въ розницу семьи, похищать невинность, развращать крестьянскихъ женъ считается ни во что и дѣлается явно, не говоря уже о тягостномъ обремененіи барщиною и оброками. Мелкопомѣстные дворяне особенно составляютъ язву Россіи: всегда виноватые и всегда ропщущіе, они, усиливаясь жить не по достатку, а по прихотямъ, нещадно мучать бѣдныхъ крестьянъ.

б) Личныя дворяне. Личныя безпомѣстные дворяне, подобныя польской шляхтѣ, быстро распространяются. Они, считая низкимъ всякій трудъ и ремесло, живутъ различными изворотами; они составляютъ разрядъ людей, которые при переворотахъ надѣются что-нибудь выиграть, а потерять ничего не могутъ.

в) Духовенство. Сельское духовенство въ жалкомъ состояніи. Не имѣя никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьянъ, принуждено угождать имъ; отъ этого впадаетъ въ пороки, особенно въ пьянство до такой степени, что правительство вынуждено было чрезъ гражданскихъ губернаторовъ распубликовать указъ, чтобы крестьяне не поили священниковъ до-пьяна. Между тѣмъ какъ сельское духовенство нищенствуетъ, въ неуваженіи, указъ объ одеждахъ женъ священническихъ привелъ въ волненіе и ропоть богатое городское духовенство.

г) Купечество. Купечество, стѣсненное гильдіями и затрудненное въ путяхъ доставки, потерпѣло важный уронъ съ 1812 года. Многіе капиталисты погибли, другіе разстроились. Развратъ мнѣній далъ силу потачки вексельному уставу: злостныя банкротства умножились и довѣріе упало. Права, облагораживающія гражданъ, присвоены не лицу, а капиталу. Отъ этого происходитъ двойное слѣдствіе: богатый, честный купецъ невинно разорился; потеря богатства есть само по себѣ несчастіе; но законъ, вмѣсто утѣшенія, угнетаетъ его болѣе отнятіемъ самыхъ правъ, отличавшихъ его отъ низшаго класса. Добродѣтельный, но бѣдный купецъ остается въ низшемъ званіи; напротивъ, безчестный, но богатый, объявля капиталъ, получаетъ права, равняющія его съ знатнѣйшимъ дворянствомъ. Вотъ гибельный соблазнъ для гражданской добродѣтели.

е) Мѣщане. Классъ мѣщанъ, значительный и почтенный въ другихъ государствахъ, у насъ ничтоженъ, бѣденъ, обремененъ повинностями и лишенъ средствъ къ пропитанію, особенно постановленіемъ, чтобы они для мелкой торговли или записывались въ гильдіи, или брали свидѣтельства съ платежемъ пошлины. Упадокъ торговли отразился на нихъ сильнѣе по ихъ бѣдности.

ж) Казенные крестьяне. Казенные крестьяне, завися отъ земскаго и уѣзднаго судовъ, губернскаго правленія и казенной палаты, частыми набѣгами чиновниковъ этихъ мѣстъ совершенно разоряются, всё требуютъ, но никто не печется и не отвѣтствуетъ за ихъ благосостояніе. Хотя въ казенной палатѣ и есть отдѣленіе экономическое, завѣдывающее казенными имѣніями, но вліяніе его слабо, потому что земская полиція, уѣздный судъ и губернское правленіе имѣютъ равное съ нею или еще большее вліяніе.

з) Удѣльные крестьяне. Въ противоположность казеннымъ поставляются удѣльные крестьяне, коихъ состояніе описывается лучшими красками. Они пользуются своими правами, имѣютъ свои конторы, которыя не только управляютъ ими, но и ограждаютъ отъ насилій земской полиціи и другихъ властей. Управляющій конторою отвѣтствуетъ за благоустройство крестьянъ, состоящихъ въ его вѣдомствѣ; но власть его ограничена: онъ не можетъ произвольно вводить своихъ выдумокъ, не можетъ безъ особеннаго разрѣшенія министра смѣнить голову, поставленнаго міромъ. У нихъ всё раскладки и учрежденія производятся на общихъ совѣщаніяхъ.

16) *Заключеніе.*

Кратко изображенное внутреннее состояніе государства показываетъ, сколь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ воспріялъ скипетръ нынѣ царствующій императоръ и сколь великія трудности предлежатъ къ преодолѣнію. Надобно даровать ясныя, положительныя законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, къ чему призываетъ Гаити и Америки, словомъ,—исправить неисчисленныя безпорядки и злоупотребленія.

Этотъ Сводъ представленъ государю императору 6-го февраля 1827 г.

Его величество изволилъ оставить у себя въ кабинетѣ, а списки: одинъ отослалъ въ Варшаву къ цесаревичу Константину, а другой далъ князю Кочубею, бывшему тогда предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

— Государь императоръ,—сказывалъ мнѣ впоследствии князь Кочубей,—часто просматриваетъ вашу любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго; да и я часто къ нему прибѣгаю. Вы хорошо и ясно изложили разсѣянные идеи, кажется, добавили и своихъ свѣдѣній.

Мнѣ пріятно было слышать лестный отзывъ умнаго государственнаго мужа о моей работѣ, но еще пріятнѣе было видѣть проявленіе ея въ разныхъ постановленіяхъ и улучшеніяхъ, выходящихъ съ того времени.

Послѣднею моею работою, по слѣдствію и злоумышленныхъ обществахъ, было составленіе для государя императора алфавитнаго списка о всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу, даже и тѣхъ, которые и не были требуемы къ допросу въ Комитетъ и о коихъ разборъ и судъ производился въ мѣстахъ ихъ служенія или жительства.

Сообщ. Н. А. Боровковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕПИСКА В. А. ЖУКОВСКАГО

СЪ ИМПЕРАТРИЦЕЙ

Маріей Теодоровной и Г. И. Вилламовымъ.

1.

Императрица Марія Теодоровна—В. А. Жуковскому ¹⁾.

9 февраля 1815 г. С.-Петербургъ.

Василій Андреевичъ! Я получила посланіе ваше къ императору, любезнѣйшему моему сыну, и не только съ чувствительнымъ удовольствіемъ, но съ сердечнымъ умиленіемъ читала сіе изящное твореніе вашего стихотворческаго дарованія, которому, какъ вамъ уже извѣстно, я отдаю полную справедливость. Приемля съ признательностью посвященіе вашего посланія, составляющаго украшеніе нашей словесности и свидѣтельствующаго о любви вашей къ государю и отечеству, я поспѣшила доставить оное къ тому, къ кому писано, а съ моей стороны стараюсь, чтобы изданіе сего сочиненія въ печать наружнымъ видомъ, по колику возможно, соответствовало внутреннему его достоинству. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонною. Марія.

¹⁾ Письмо это составляютъ отвѣтъ на представленное императрицѣ Жуковскимъ и ей посвященное „Посланіе императору Александру“, написанное поэтомъ въ 1814 году по низложеніи Наполеона. Жуковскій въ это время еще не былъ лично извѣстенъ императрицѣ.

2.

В. А. Жуковскій—императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

„ “ апрѣля 1815 г.

Всемиловѣйшая государыня!

Я имѣвъ счастье получить недавно всемиловѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества, приношу чувства пламенной благодарности ко стопамъ моей государыни.

Вашему величеству угодно было сказать мнѣ, что мои стихи, внушенные малымъ дарованіемъ, но великимъ удивленіемъ къ характеру лучшаго изъ царей, тронули ваше сердце: могу ли вообразить что-нибудь выше такой награды?

Вашему величеству угодно было еще сказать, что сіи стихи свидѣтельствуютъ мою любовь къ государю и отечеству; съ восхищеніемъ благодарю ваше величество за такое выраженіе. Слышать его изъ устъ вашихъ есть счастье неизъяснимое.

Въ сію минуту, когда Провидѣніе посылаетъ новые опыты челоувѣчеству, всѣ—не только мы, русскіе, но и чужіе народы съ твердостію мыслятъ, что сильнѣйшій между царями, управляющими ихъ судьбою, соединяетъ съ могуществомъ и прекрасную душу, вѣрную челоувѣческому благу. На него устремлены всѣ надежды, подтвержденныя уже опытомъ. Благо народовъ твердо, пока Александръ на тронѣ.

Счастливейшая минута жизни моей будетъ та, въ которую удостоюсь быть представленъ вашему императорскому величеству. Хотя и не осмѣливаюсь ласкать себя такимъ счастьемъ, но благодарность, которою сердце мое къ вашему императорскому величеству исполнено, даетъ мнѣ право желать его.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій
Василій Жуковскій.

3.

В. А. Жуковскій—Г. И. Вилламову ¹⁾.

22-го марта 1837 г., С.-Петербургъ.

Милостивый государь

Грагорій Ивановичъ!

Государыня императрица соизволила согласиться, чтобы моя родственница Марья Воейкова ²⁾ была принята немедленно въ Екатеринин-

¹⁾ Г. И. Вилламовъ—статсъ-секретарь по учрежденіямъ импер. Маріи.

²⁾ Дочь А. Ѳ. Воейкова и жены его, Александры Андреевны урожден. Протасовой, племянницы Жуковскаго и родной сестры Маріи Андреевны Протасовой, которая была предметомъ первой и послѣдней любви поэта.

скій институтъ съ тѣмъ, чтобы за остающійся годъ до выпуска деньги были уплочены мною; на слѣдующіе же годы ея величеству угодно годовую плату взять на себя.

Благоволите, милостивый государь Григорій Ивановичъ, поспѣшить представить ея величеству для подписанія приказаніе начальницѣ института о принятіи Воейковой. Сія поспѣшность нужна потому, что Екатерина Аванасьевна Протасова ¹⁾, привезшая Воейкову сюда, спѣшитъ ѣхать изъ Петербурга, дабы захватить еще хорошую дорогу, внучки же ей здѣсь оставить не у кого.

Прошу васъ убѣдительно исполнить мою покорную просьбу.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть
вашего высокопревосходительства покорнымъ слугою
В. Жуковскій.

4.

Отношеніе Г. И. Вилламова совѣту Екатерининскаго института.

23-го марта 1837 г., С.-Петербургъ.

Государыня императрица высочайше повелѣтъ изволила дочь статскаго совѣтника Воейкова, Марію, принять немедленно въ С.-Петербургское училище ордена Св. Екатерины пенсіонеркою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго до выпуска 1838 года, а потомъ считать ее пенсіонеркою на иждивеніи ея величества, о какой высочайшей волѣ, учрежденный при с.-петербургскомъ училищѣ ордена Св. Екатерины совѣтъ увѣдомитъ честь имѣю.

5.

Г. И. Вилламовъ—В. А. Жуковскому.

23-го марта 1837 г.

Я имѣлъ счастье докладывать государынѣ императрицѣ по содержанію письма вашего превосходительства ко мнѣ отъ 22-го сего марта,

¹⁾ Мать Маріи Андреевны и Александры Андреевны Протасовыхъ. Несмотря на страстную любовь дочери къ поэту, она въ теченіе пяти лѣтъ на предложенія Жуковскаго отвѣчала суровымъ отказомъ, а въ 1817 году выдала дочь замужъ за профессора Мейера. Черезъ шесть лѣтъ послѣ того Марія Андреевна скончалась.

и ея величество высочайше повелѣтъ изволила родственницу вашего превосходительства Марью Воейкову принять немедленно въ здѣшнее училище ордена Св. Екатерины вашею пансіонеркою до выпуска 1838 года, а потомъ считать ее пансіонеркою на иждивеніи ея величества. Объявивъ вмѣстѣ съ симъ такое высочайшее повелѣніе училищу ордена Св. Екатерины, честь имѣю васъ, милостивый государь, объ ономъ увѣдомить, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

6.

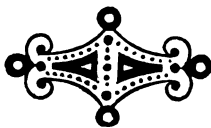
10-го декабря 1837 г.

Милостивый государь

Иванъ Павловичъ! ⁴⁾

По высочайшему повелѣнію государыни императрицы родственница г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго, дочь статскаго совѣтника Воейкова, Марья, въ мартѣ текущаго года принята въ здѣшнее училище ордена Св. Екатерины пансіонеркою на иждивеніи господина Жуковскаго, съ тѣмъ, чтобы, послѣ предстоящаго въ 1838 году общаго выпуска изъ онаго училища, она числилась пансіонеркою ея императорскаго величества. Увѣдомляя ваше превосходительство объ ономъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Сообщилъ Евгеній Шумигорскій.

⁴⁾ Иванъ Павловичъ Шамбо, тайный совѣтникъ, секретарь императрицы Александры Феодоровны.

Во время реформъ императора Александра II-го.

(Записки стараго помѣщика).

III¹⁾.

Посредническая комиссія полюбовнаго размежеванія.—Саратовско-Тамбовская желѣзная дорога и исторія ея постройки.—Административныя дѣятели.—Опекаемая дѣвица С.—Провинціальныя интриги.—Губернаторъ князь Щербатовъ.

Въ этотъ трехлѣтній періодъ службы губернскимъ предводителемъ, Стѣпцовъ, значительную часть послѣдняго года живя въ деревнѣ, былъ не у дѣлъ и должность эту исправлялъ я. По свойственному мнѣ беспокойному характеру, я все время хлопоталъ съ посреднической комиссіей. Учрежденіе это, существовавшее съ давнихъ временъ, состояло подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя изъ депутатовъ дворянства, съ уѣзднымъ предводителемъ губернскаго города, губернскаго землемѣра и секретаря съ канцеляріей, стоившее правительству и дворянству не мало тысячъ въ годъ, такъ какъ подвѣдомственные этой комиссіи особые посредники полюбовнаго размежеванія, избиравшіеся дворянствомъ отъ каждаго уѣзда на шестилѣтній срокъ, получали жалованья съ разъѣздными и на свои канцеляріи около 2.000 рублей въ годъ и вдобавокъ, состоя въ шестомъ классѣ, за прослуженіе установленныхъ сроковъ, награждались наравнѣ съ пред-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1898 г.

водителями орденомъ св. Владимира. Почему не желая разставаться съ такимъ пріятнымъ положеніемъ, посредники эти затягивали дѣла полюбовнаго размежеванія на цѣлые десятки лѣтъ, назначая черезъ извѣстные промежутки времени сѣзды помѣщиковъ, которые, по разнымъ причинамъ, никогда не составлялись, такъ что, даже по моему, напримѣръ, имѣнію, начатое полюбовное размежеваніе земли моей бабкой въ 40-хъ годахъ, окончено мною только въ началѣ 60-хъ годовъ, и то благодаря тому, что я былъ тогда уже предводителемъ дворянства и состоялъ членомъ этой комиссіи.

Главными заправилами дѣлъ посреднической комиссіи были всегда губернскіе землемѣры и служившій съ давнихъ поръ, сѣдовласый секретарь, надворный совѣтникъ Н—въ, къ которому не только посредники, но и ожидавшіе размежеванія помѣщики, по прежнему обычаю, ко дню ангела и разнымъ праздникамъ возили дань. Но въ это время, къ моему благополучію, губернскимъ землемѣромъ былъ назначенъ г. Вельтищевъ, человекъ умный, дѣльный и въ высшей степени благородный, что даже и выдвинуло его, впоследствии, на должность директора межевой канцеляріи. И вотъ, съ помощью Вельтищева, я какъ хорошо уже познакомившійся съ порядками комиссіи порѣшилъ тогда положить предѣлъ безконечной проволочкѣ полюбовнаго размежеванія, для чего, желая сначала уладить дѣло мирно, пригласилъ къ себѣ повѣстками въ домъ дворянства, гдѣ помѣщалось присутствіе посреднической комиссіи, всѣхъ господъ посредниковъ; но такъ какъ они отказались явиться, то и вынужденъ былъ назначить ревизію всѣхъ дѣлъ этой комиссіи, послѣдствіемъ которой было устраненіе отъ должности посредниковъ съ преданіемъ суду, и увольненіе отъ службы секретаря Н—ва безъ прошенія, по третьему пункту.

Какъ теперь помню, какой страшный переполохъ надѣлала эта исторія. Губернаторъ князь Щербатовъ, узнавъ объ этомъ, немедленно явился въ посредническую комиссію, заставъ которую въ полномъ составѣ, умолялъ меня отмѣнить постановленіе о преданіи суду посредниковъ, объявляя, что это надѣляетъ шуму на всю Россію, и будто бы скомпрометируетъ всѣхъ бывшихъ ранѣе губернскихъ предводителей. Относительно секретаря Н—ва просилъ дать ему возможность прослужить еще три мѣсяца, чтобы получить орденъ св. Владимира за 35 лѣтъ, но я наотрѣзъ отказалъ въ послѣднемъ князю Щербатову, который черезъ нѣсколько дней снова явился въ комиссію, но уже не одинъ, а съ посредниками, представившими при этомъ просьбы объ отставкахъ. Исторія съ посредниками тѣмъ и кончилась. Но, для того чтобы доказать, что они были излишними и что всѣ дѣла посреднической комиссіи могли быть завершены въ одинъ годъ, мною былъ представленъ къ утвержденію на должность посредника полюбовнаго

размежеванія старикъ Заборовскій, который и былъ утвержденъ уже отъ правительства.

Заборовскій служилъ ранѣе въ этой должности и потому прекрасно зналъ всѣ порядки, при которыхъ она существовала. Ему отпущено было двойное содержаніе на разъѣзды и канцелярію и, при усиленномъ комплектѣ межевыхъ чиновъ, онъ съ успѣхомъ закончилъ все дѣло полюбившаго размежеванія въ губерніи съ небольшимъ въ одинъ годъ. И такъ какъ оставалась не размежеванной лишь только одна Турковская дача, Балашовскаго уѣзда, гдѣ невозможно было согласить до 40-ка составляющихъ ее помѣщиковъ, то по постановленію Правительствующаго Сената, Саратовская посредническая коммиссія была упразднена, а дальнѣйшія дѣла по размежеванію Турковской дачи переданы въ распоряженіе губернскаго правленія.

Едва окончилась исторія съ посреднической коммиссіей, какъ наше губернское земство задумало постройку Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги, предполагая выхлопотать концессию съ правительственной гарантіей 4% платежа, а пятый процентъ брало на себя, для чего и были отправлены въ Петербургъ уполномоченные отъ Саратовскаго и Кирсановскаго земствъ. Въ это время, послѣ очереднаго губернскаго дворянскаго собранія, губернскимъ предводителемъ уже былъ сынъ знаменитаго партизана 1812 года, Н. Д. Давыдовъ, а я продолжалъ служить предводителемъ въ Саратовскомъ уѣздѣ, все чаще и чаще исправляя должность губернскаго предводителя, такъ какъ Давыдовъ ежегодно, кромѣ разрѣшенной закономъ для губернскихъ предводителей 4-хъ мѣсячной отлучки, бралъ еще отпускъ. Поэтому и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ мнѣ пришлось принять не малое участіе, выразившееся въ протестахъ противъ земской гарантіи всѣхъ 5%, такъ какъ правительство совершенно отказалось отъ всякихъ на этотъ предметъ расходовъ.

Постройка Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги была передана тремъ лицамъ, въ числѣ которыхъ купецъ Г. принималъ исключительно дѣятельное участіе и дорога эта обошлась настолько дорого, что земству Саратовской губерніи пришлось платить ежегодно гарантіи 260.000 рублей, Кирсановскому земству 50.000 рублей и пожелавшему участвовать въ этихъ платежахъ, г. Саратову 75.000 руб., а всего 385.000 металлическихъ рублей, что съ переводомъ на кредитный рубль, одно Саратовское губернское земство должно было платить ежегодно 413.095 руб. 3 коп.

Мои протесты, какъ саратовскаго уѣзднаго предводителя и предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія и управы, были основаны на весьма крупной цифрѣ обложенія уѣзда на гарантію въ суммѣ 71.914 руб. 31 коп. въ годъ, тогда какъ линія этой дороги пролегала по уѣзду на

самомъ короткомъ разстояніи и лишала уѣздъ первенствующаго значенія на Саратовскомъ рынкѣ.

При этомъ не лишнимъ будетъ прибавить къ этому дѣлу маленькую иллюстрацію и именно первое и послѣднее знакомство мое съ Г., который, узнавъ о моихъ протестахъ противъ гарантіи, явился ко мнѣ и, прося моего содѣйствія къ осуществленію этого земскаго предпріятія и передачѣ ему постройки дороги, предложилъ мнѣ продать ему мой дровяной лѣсъ по 300 рублей за десятину, объяснивъ при этомъ, что по принятому обычаю, желѣзнодорожные строители всегда просятъ лицъ, стоящихъ во главѣ учреждений, съ которыми они имѣютъ дѣло, принять на память значительный кушъ акцій. Чѣмъ кончился этотъ нашъ разговоръ, знаетъ только одинъ Г. да швейцаръ моего дома, отворявшій ему двери, кавказскій унтеръ-офицеръ Козловъ. А о такомъ предложеніи Г. въ тотъ же день узналъ отъ меня бывший губернаторъ и черезъ мѣсяцъ послѣ того Саратовское уѣздное земское собраніе, записавшее это мое заявленіе въ журналъ. Черезъ день послѣ этого гласный Лупандинъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, и который, затѣмъ, былъ избранъ Саратовскимъ губернскимъ земствомъ въ директоры желѣзной дороги, объяснилъ уѣздному собранію, что онъ о заявленіи моемъ телеграфировалъ строителямъ въ Петербургъ и что противъ меня будетъ возбуждено преслѣдованіе за клевету. Чего однако же не послѣдовало.

Въ желѣзнодорожную комиссію по постройкѣ линіи входила цѣлкомъ губернская земская управа, во главѣ съ ея предсѣдателемъ Михайловымъ-Рославлевымъ и нѣкоторыми другими лицами, избранными отъ земства, которой, вмѣстѣ съ директорами Лупандинымъ и Болховскимъ, и принадлежала вся инициатива осуществленія желѣзной дороги отъ Саратова до Тамбова.

Какъ была выстроена эта дорога съ ея плохими мостами и страшными уклонами и какія существовали на ней порядки—говорить излишне, такъ какъ съ первыхъ же лѣтъ требовался не только постоянный на нее ремонтъ, но и новыя постройки, въ виду безпрестанныхъ пожаровъ, такъ что рассчитывать Саратовско-Кирсанскому вѣдомству когда-либо и на какой-либо дивидендъ отъ этой дороги было немислимо. Почему, въ виду всей этой неурядицы Саратовское уѣздное земство возбудило процессъ противъ постройки этой дороги губернскимъ земствомъ, а равно и того обстоятельства, что Саратовское губернское земство было введено въ заблужденіе своими уполномоченными, которые, категорическій отказъ императора Александра II въ правительственной гарантіи, при словахъ, что ежели земство желаетъ строить эту дорогу, пусть само ее гарантируетъ, объяснили, что государь будто бы выразилъ желаніе, чтобы земство само приняло на себя всю га-

рантію. Я, какъ предсѣдатель уѣзднаго земскаго собранія и управы, долженъ былъ принять непосредственное участіе въ этомъ процессѣ, подачею прошеній всюду, гдѣ слѣдовало, не исключая Сената и даже подъ конецъ на высочайшее имя.

Результатомъ этого процесса хотя и не было тогда освобожденіе Саратовскаго уѣзда отъ гарантіи, но не менѣе того, послѣдовалъ законъ, воспреещающій впредь губернскимъ земскимъ собраніямъ постройку желѣзныхъ дорогъ безъ согласія уѣздныхъ земствъ.

Протесты эти, которые главнымъ образомъ приписывали мнѣ, возбуждали противъ меня сильную вражду желѣзнодорожныхъ заправиль, имѣвшихъ на своей сторонѣ бывшаго саратовскаго вице-губернатора, Набокова, и прокурора Веселкина, которые, чтобы избавить желѣзнодорожное дѣло отъ моего вліянія, старались всѣми способами выжить меня изъ предводителей дворянства и предсѣдателей земской управы. Вслѣдствіе чего Набоковъ, воспользовавшись отпускомъ губернатора князя Щербатова и исправляя его должность, надумалъ произвести ревизію саратовской дворянской опеки, въ надеждѣ найти тамъ упущенія, и составивъ въ противность закона, особую комиссію изъ предсѣдателя гражданской палаты и представителя контрольной палаты, явился съ ними рано утромъ въ казначейство, откуда вытребовавъ денежный сундучекъ опеки, вскрылъ его безъ меня и членовъ въ присутственной загѣ этой опеки, сломавъ находившуюся на сундучкѣ мою печать. Когда же пересчитанныя суммы свыше 100.000 рублей всѣ оказались на лицо, то Набоковъ съ комиссіей произвели ревизію дѣлъ опеки, гдѣ, не найдя ничего кромѣ полного порядка, остановились на двухъ неисполненныхъ указахъ гражданской палаты и затѣмъ выкопали еще одно обстоятельство, касавшееся несовершеннолѣтней дворянки В. А. С., которая при жизни родителей съ блестящимъ успѣхомъ училась въ гимназіи, но послѣ ихъ почти одновременной смерти попала въ домъ дяди со стороны матери, бывшаго правителя губернаторской канцеляріи Васильева. Устроивъ надъ ней попечительство съ правами опекуна въ лицѣ нѣкоего чиновника не изъ дворянъ, Васильевъ взялъ ее изъ гимназіи и эксплуатировалъ ее весьма богатымъ состояніемъ, развѣзжалъ въ продолженіе лѣта съ ней и своимъ семействомъ на ея счетъ по разнымъ городамъ и въ столицы, подъ предлогомъ посѣщенія святыхъ мѣстъ; а зимою, вмѣсто ученія, для этой 16-ти-лѣтней дѣвушки дѣлались безпрестанно вечера съ танцами, съ молодежью изъ мелкихъ чиновниковъ губернскаго правленія и полиціи, причемъ, увлекшіеся ею двое квартальныхъ надзирателей даже дрались на дуэли. Кромѣ сего Васильевы возили ее по театрамъ, маскарадамъ и другимъ зрѣлищамъ, такъ что, прошелъ только съ небольшимъ годъ и С. успѣла схватить сильнѣйшій ревматизмъ, отчего у нее на рукахъ образовались костыды.

Все это, конечно, вызвало протестъ родныхъ со стороны ее отца, которые, изложивъ мнѣ письменно о подробностяхъ, просили устранить дальнѣйшіе растраты ея уже значительно уменьшившагося состоянія. Такое выходящее изъ ряда обыкновенныхъ обстоятельство ставило меня въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ С., какъ я сказалъ выше, было уже 16-ть лѣтъ и за это время она привыкла не только къ моднымъ туалетамъ, но и къ свободной жизни, почему, посовѣтовавшись съ начальницей саратовскаго дворянскаго института Эрнстъ, я просилъ ее принять С. для окончанія тамъ курса, въ классъ соотвѣтствующій ея возрасту, съ тѣмъ чтобы она, живя въ комнатѣ у классной дамы, имѣла свою обувь, бѣлье и вообще пользовалась нѣкоторой свободой. Для того же, чтобы помѣстить ее въ институтъ, я вытребовалъ полиціймейстера и, съ помощью приглашенной мною институтской классной дамы, насильно отправилъ С. въ каретѣ въ институтъ, такъ какъ отецъ и сынъ Васильевы сильно противились этому даже съ оружіемъ въ рукахъ. Вотъ это-то самое обстоятельство и вызвало со стороны Набокова производство дознанія, при опросѣ въ моемъ отсутствіи, въ институтскомъ совѣтѣ дѣвицу С., которая въ это время, пробывъ въ институтѣ около двухъ лѣтъ, кончала уже курсъ, имѣя надъ собою другого попечителя изъ потомственныхъ дворянъ. Когда Набоковъ потребовалъ объясненія отъ С. по настоящему дѣлу, сказавъ, что это нужно для представленія въ Сенатъ, то она, совершенно неожиданно для меня и комиссіи, на-отрѣзъ отказалась что-либо сказать ему, добавивъ, что сама изложитъ и отошлетъ всѣ нужныя разъясненія Сенату; послѣ же того какъ ей замѣтили, что учащіяся лишены права самостоятельно подавать вообще въ присутственныхъ мѣстахъ просьбы, С. тутъ же заявила, что, достигнувъ уже опредѣленнаго возраста для самостоятельныхъ дѣйствій, она немедленно оставляетъ институтъ и уѣзжаетъ къ роднымъ отца, и несмотря на всѣ увѣщанія начальницы, Набокова и всего совѣта пребыть послѣдніе два мѣсяца, чтобы получить аттестатъ, С. распорядилась посылкою за экипажемъ, заявивъ, что хотя я и помѣстилъ ее въ институтъ противъ желанія, но что она теперь хорошо понимаетъ какъ много я этимъ для нея сдѣлалъ, почему и считаетъ своимъ долгомъ быть тамъ, гдѣ ожидаетъ опасность ея благодѣтеля.

Протоколъ ревизіи этой Набоковъ посѣдшилъ представить къ министру внутреннихъ дѣлъ для передачи въ Сенатъ, но такъ какъ вслѣдъ за этимъ С. подала оправдательное для меня прошеніе Сенату и изъ моего объясненія оказалось, что два упоминаемые указа гражданской палаты не были исполнены опекою, потому что дѣла, по которымъ даны были указы, находились болѣе года у самой гражданской палаты, и что ревизію исправлявшій должность губернатора Набоковъ имѣлъ право

производить только лично, но не составлять для того комиссіи, а равно не вскрывать денежнаго сундука безъ меня и членовъ опеки, то всѣ послѣдствія этой ревизіи обрушились на Набокова и членовъ комиссіи.

Но обстоятельство этихъ неудачъ моихъ противниковъ хотя послѣ того и заставило ихъ наружно особенно быть со мною любезными, даже извиниться, что они произвели эту ревизію единственно въ видахъ устраненія какихъ-то будто бы неблагопріятныхъ для меня слуховъ, но тѣмъ не менѣе, они тайно все-таки искали случая отъ меня отдѣлаться, какъ лица, стоявшаго во главѣ уѣзднаго дворянства и земства и весьма часто исправлявшаго должность губернскаго предводителя.

Въ постройкѣ Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги губернаторъ князь Щербатовъ принималъ самое теплое участіе, но совершенно безкорыстно, такъ какъ человекъ онъ былъ безукоризненно-честный и въ высшей степени религіозный, никогда неподозрѣвавшій въ другихъ ничего дурнаго, что даже довело его, вскорѣ послѣ этого, до необходимости оставить свою должность, почему и будетъ безъинтересно оставаться на его личности.

Князь Щербатовъ, послѣ непродолжительной службы въ 50-хъ годахъ въ чинѣ поручика саратовскаго ополченія, началъ общественную дѣятельность при выборѣ его дворянствомъ Саратовской губерніи въ печители мѣстной мужской гимназіи, а затѣмъ вскорѣ и въ качествѣ саратовскаго губернскаго предводителя дворянства. Его старинная княжеская фамилія, громадное состояніе его и жены и ихъ родственныя связи давали ему возможность пользоваться вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ, и за пять лѣтъ его службы губернскимъ предводителемъ смѣнившіеся трое саратовскихъ губернаторовъ чувствовали это достаточно. Онъ какъ губернскій предводитель былъ самымъ выдающимся и лучшимъ изъ всѣхъ которыхъ я зналъ. Министръ Валуевъ за эти пять лѣтъ нѣсколько разъ предлагалъ ему губернаторство, но онъ на-отрѣзъ отказывался принять эту должность въ другихъ губерніяхъ кромѣ Саратовской, куда, наконецъ, и былъ назначенъ послѣ кратковременной службы Муравьева.

Князь Щербатовъ, будучи губернаторомъ, продолжалъ еще нѣсколько лѣтъ пользоваться не только вліяніемъ въ министерствахъ, но и особымъ къ нему царскимъ вниманіемъ, и однажды я былъ свидѣтелемъ какъ на петербургской выставкѣ въ манежѣ императоръ Александръ II, проходя среди густой массы народа и замѣтивъ во вторыхъ рядахъ стоявшаго со мною князя Щербатова, остановился и протянулъ ему руку черезъ разступившуюся толпу, сказавъ:

— А, ты здѣсь князь, буду радъ тебя видѣть.

Но несмотря на такое исключительное положеніе, авторитетъ князя Щербатова какъ губернатора съ каждымъ годомъ началъ уменьшаться

а при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Тимашевѣ дошло даже до того, что онъ долженъ былъ подать въ отставку.

Князь Щербатовъ, какъ я выше сказалъ, былъ образцовый губернский предводитель дворянства, но сдѣлавшись губернаторомъ, совершенно неожиданно, все прежнюю свою любовь къ дворянству перенесъ на подвѣдомственную ему полицію и окружающихъ его должностныхъ лицъ, изъ-за которыхъ онъ готовъ былъ на каждомъ шагу становиться въ контры, при малѣйшимъ ихъ порицаніи. Почему чиновный людъ и особенно полиція, сильно пользуясь его слабостью, дѣлали, что хотѣли. Полиція брала взятки чѣмъ попало, и никто не смѣлъ ему объ этомъ говорить, не исключая даже извѣстныхъ въ то время своею честностью саратовскаго полиціймейстера и нѣкоторыхъ исправниковъ, переведенныхъ бывшимъ губернаторомъ Муравьевымъ изъ Рязани. Выборъ же самимъ Щербатовымъ должностныхъ лицъ былъ крайне неудачный, почему даже въ правители его канцеляріи попали А., хотя и честный человекъ съ университетскимъ образованіемъ, но подверженный запое; о чемъ Щербатову рѣшились, однажды, сказать, но больше уже о томъ не повторяли, такъ какъ онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы назначенные имъ чиновники имѣли какіе-либо пороки. Неизвѣстно, сколько бы времени продолжались въ губерніи эти щербатовскіе порядки, если бы одинъ рельефный случай не положилъ имъ конца. Такъ, губернскимъ земскимъ собраніемъ было представлено по одному дѣлу черезъ министра ходатайство въ Сенатъ, по которому, не получая цѣлый годъ отвѣта, оно въ слѣдующемъ своемъ собраніи запросило министра телеграммой и получило отвѣтъ, что распоряженіе Сената уже нѣсколько мѣсяцевъ было сообщено губернатору; но князь Щербатовъ, не найдя слѣдовъ поступленія къ нему этой бумаги, рѣшился наконецъ, поручить полиціймейстеру тайно осмотрѣть, въ отсутствіи А...ева, всѣ помѣщенія его квартиры, гдѣ въ ящикахъ его письменнаго стола и за столомъ, оказались груды растрепанныхъ дѣловыхъ бумагъ и кромѣ того на чердакѣ цѣлый мѣшокъ съ нѣсколькими сотнями этихъ бумагъ въ распечатанныхъ конвертахъ, въ числѣ которыхъ оказался и разыскиваемый сенатскій указъ. Но такъ какъ въ этомъ мѣшкѣ усмотрѣны были и такія бумаги, при которыхъ препровождались ордена, то, по дознанію, обнаружилось, что неграмотная содержанка А...ева, принимая во время его заоя пакеты, распечатывала ихъ и выбирала ордена и медали, употребляя этотъ благородный металлъ себѣ на броши и браслеты, причемъ бумага на пожалованную золотую медаль старшей городской акушеркѣ Констанціи Миллеръ за 25-ть лѣтъ службы оказалась также ваявшейся въ этомъ мѣшкѣ цѣлыхъ два года, въ продолженіе которыхъ содержанка наполняла найденный мѣшокъ дѣловыми бумагами.

Вся эта возмутительная исторія хотя и была замята княземъ Щер-

батовымъ, но тѣмъ не менѣе она дошла до министерства и вызвала командированіе въ Саратовскую губернію директора департамента полиціи исполнительной Косоговскаго, который, обозрѣвая порядки въ селеніяхъ губерніи, нашелъ повсюду изрытыя, по распоряженію Щербатова, улицы, съ построенными передъ каждой избой землянками для лѣтняго варева пищи, якобы въ видахъ предупрежденія отъ пожаровъ, такъ что мѣстами на улицахъ трудно было развѣхаться двумъ тѣлгамъ. Землянки эти, по приказанію Косоговскаго, тотчасъ же были полиціей уничтожены и ямы зарыты, что, конечно, задѣло Щербатова, и онъ вышелъ въ отставку, исхлопотавъ, между прочимъ, по своей чрезмѣрной добротѣ своему правителю канцеляріи А...еву мѣсто ассесора губернскаго правленія въ другой губерніи.

Интересно еще и то обстоятельство, что за время семилѣтняго губернаторства князя Щербатова, въ Саратовѣ перебивало пять вице-губернаторовъ, изъ которыхъ одинъ только маленькій, но уже пожилой N, сумѣлъ свискать его расположеніе своею фарисейскою набожностью и угодливостью Грибоѣдовскаго Молчалина. Припоминаю какъ онъ, бывало, въ своемъ видѣ-мундирномъ фраккѣ съ орденомъ на шеѣ, ползалъ на четверенькахъ по ковру въ домѣ Щербатова, забавляя его маленькую дочку; а когда Щербатову приносили отъ святыхъ мѣсть шапочки, рукавички и пузырьки съ деревяннымъ масломъ, то N, крестясь, благоговѣнно надѣвалъ первые на себя и, обмакивая палецъ въ святое масло, дѣлалъ имъ на своемъ лбу крестъ. N... какъ извѣстно, еще въ бытность губернаторомъ князя Щербатова, благодаря связямъ послѣдняго, быстро дошелъ до степеней извѣстныхъ и получилъ затѣмъ весьма высокое назначеніе.

Князь же Щербатовъ хотя и получилъ послѣ отставки званіе гофмейстера высочайшаго двора, но тѣмъ и закончилъ свою служебную карьеру и, послѣ ряда тяжелыхъ для него обстоятельствъ, началъ терять рассудокъ и умеръ душевно-больнымъ. Къ числу этихъ обстоятельствъ принадлежала и получившая всеобщую извѣстность тяжба съ нимъ крестьянъ, домогавшихся отобрать у него наслѣдственные земли въ Саратовской губерніи, подъ тѣмъ предлогомъ, что земля эта, будто бы, была куплена крѣпостными крестьянами на имя отца князя Щербатова. Причемъ крестьяне, не довольствуясь подачею своей жалобы на Щербатова государю и не получивъ удовлетворенія въ своемъ домогательствѣ, рѣшились на небывалый курьезъ: обжаловать царскій имъ отказъ датскому королю Христіану, прося его за нихъ заступничества передъ императоромъ Александромъ III, и, какъ тестя, повліять въ ихъ дѣлѣ на его величество. Упорство крестьянъ въ этомъ домогательствѣ дошло до того, что они дозволили себѣ силой воспретить экономіи Щербатова

распоряжаться этой землей передъ посѣвомъ, вслѣдствіе чего, для усмиренія крестьянъ, были посланы войска и многіе изъ нихъ наказаны.

IV.

Посѣщеніе Саратова наслѣдникомъ цесаревичемъ съ супругою и великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ въ 1869 г. — Губернаторъ кн. Гагаринъ. — Желѣзнодорожная эпопея. — Покушеніе на мою жизнь. — Столкновеніе съ прокурорами. — Слѣдствіе и указъ Сената. — Губернаторъ М. Н. Галкинъ-Врасскій и его дѣятельность. — Пропаганда социалистовъ.

За все время пребываніе князя Щербатова въ Саратовѣ губернскимъ предводителемъ и затѣмъ губернаторомъ, гостиняя его супруги была лучшимъ салономъ въ губерніи, и балы, даваемые ими зимой сначала каждую недѣлю, а затѣмъ чрезъ недѣлю, соединяли въ ихъ домѣ лучшее общество. Время это для саратовцевъ было самое веселое и интересное, такъ какъ, кромѣ баловъ и пріемовъ у княгини, нерѣдко устраивались въ дворянскомъ собраніи также балы, живыя картины, концерты и маскарады, а въ періодъ службы Слѣпцова губернскимъ предводителемъ, его женой въ томъ-же домѣ дворянства устраивались и любительскіе спектакли.

Въ іюль 1869 года, дворянство Саратовской губерніи, саратовское городское общество и весь чиновный людъ съ исправлявшимъ должность губернатора встрѣчали на берегу Волги прибывшихъ на пароходѣ ихъ высочества: наслѣдника цесаревича Александра Александровича съ супругою и великаго князя Алексѣя Александровича. Сотни тысячъ народа, съѣхавшагося со всѣхъ концовъ губерніи, оглашали воздухъ радостными кликами ура! И высокіе гости, впервые посѣтившіе Саратовъ, были видимо тронуты всеобщимъ энтузіазмомъ. Они пробыли въ Саратовѣ три дня, въ продолженіе которыхъ былъ обѣдъ у ихъ высочества, съ приглашеніемъ къ столу предводителей дворянства, мѣстнаго архіерея, саратовскаго городского головы и высшихъ чиновъ администраціи и военнаго вѣдомства. Затѣмъ въ загородномъ лагерѣ былъ смотръ войскамъ, а 24-го іюля балъ дворянства, съ участіемъ саратовскаго городского общества.

Балъ удался вполне. Улицы, по которымъ среди ликующаго народа слѣдовали ихъ высочества, кромѣ иллюминаціи домовъ, горѣли сплошь разноцвѣтными бенгальскими огнями; домъ же дворянства положительно утопалъ въ морѣ огней. У раскрытыхъ дверей подъѣзда дворянство и дамское общество встрѣтили дорогихъ гостей подъ неумолкаемые

блики народа и могучіе звуки гимна хора полковой музыки. Широкая, устланная пурпуровымъ сукномъ лѣстница, ведущая въ belle-étage, имѣла видъ возвышавшейся аллеи тропическихъ покрытыхъ плодами деревьевъ, а на ступеняхъ ея по обѣ стороны стоявшія дамы при-вѣтствовали ихъ величествъ, осыпая путь живыми цвѣтами. Большая проходная гостиная вся была декорирована высокими цвѣтущими рододендрами, азалиями, камеліями и проч. тепличными растеніями, подъ тѣнью которыхъ, за устроеннымъ буфетомъ, дамы въ продолженіе бала угощали яствами и прохладительными напитками. Зала-же собранія имѣла настолько красивый видъ, что даже наслѣдникъ цесаревичъ, войдя въ нее, выразилъ мнѣ свое полное удовольствіе, сказавъ: «какъ здѣсь хорошо, это мнѣ напоминаетъ залу петербургскаго дворянскаго собранія»; и дѣйствительно, залу, въ миниатюрѣ, до нѣкоторой степени было похоже на петербургское, хотя устроенный у насъ на этотъ разъ фонтанъ былъ почти до потолка и въ его бассейнѣ плавали осетры и большія стерляди. Въ залѣ, какъ и повсюду, была масса зелени, среди которой, на возвышеніяхъ, рельефно выдѣлялись задрапированные въ малиновый бархатъ съ золотыми украшеніями и гербами, императорскій, во весь ростъ, портретъ и устроенная для ихъ высочествъ боковая ложа, гдѣ были особо приготовлены различные фрукты и прохладительное питье.

Затѣмъ высокіе гости оставили Саратовъ при громадномъ стеченіи народа, и когда пароходъ ихъ высочествъ отчалилъ отъ пристани, то на другомъ, ранѣе заготовленномъ, пароходѣ дворянство съ своими женами и дочерьми провожало высокихъ гостей нѣсколько верстъ внизъ по теченію Волги. При слѣдованіи парохода ихъ высочествъ мимо расположеннаго по берегу Волги загороднаго лагеря войскъ, 40-я пѣхотная дивизія была выстроена шпалерой, а находившаяся впереди ея артиллерійская бригада, салютовала пушечными выстрѣлами; послѣ чего наша дворянская семья, поднявъ бокалы, послала свои пожеланія счастливаго пути высокимиъ гостямъ, причемъ при уменьшенномъ ходѣ парохода, въ отвѣтъ намъ наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Алексѣй Александровичъ махали фуражками, а цесаревна Марія Ѳеодоровна платкомъ; тогда на нашемъ пароходѣ хоръ полковой музыки исполнилъ гимнъ и мы вернулись домой.

Вскорѣ послѣ этого въ Саратовъ прибылъ новый губернаторъ, переведенный съ той-же должности изъ Архангельска, князь Гагаринъ. Его аристократическое происхожденіе и большая семья надѣлали не мало хлопотъ городскому обществу въ присканіи подходящей квартиры, такъ какъ до Гагарина въ Саратовѣ особаго губернаторскаго дома не было. Полиція же ожидала его со страхомъ и трепетомъ, потому что о стро-

гости и дѣятельности Гагарина по Архангельской губерніи было уже извѣстно.

За отпускомъ губернскаго предводителя Давыдова, мнѣ пришлось на общемъ представленіи у Гагарина знакомить его какъ съ дворянами, находившимися въ Саратовѣ, такъ и мировыми судьями, представителемъ которыхъ я состоялъ, и отношенія мои съ Гагаринымъ установились съ первыхъ-же дней самымъ хорошимъ, а впоследствии даже и дружескимъ, почему я не только имѣлъ возможность заручиться его сочувствіемъ къ моимъ протестамъ, по поводу творившихся безобразій при постройкѣ Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги, но и содѣйствіемъ въ этихъ протестахъ у министра внутреннихъ дѣлъ.

На желѣзнодорожниковъ началось тогда сильное съ его стороны гоненіе. Саратовскій городской голова, бывшій ранѣе земцемъ и членомъ желѣзнодорожной комиссіи, не былъ имъ утвержденъ головой при вторичномъ выборѣ, какъ и многія лица въ разныхъ другихъ должностяхъ, причастныя къ этой исторіи; вслѣдствіе чего желѣзнодорожная лига смотрѣла на Гагарина, какъ на своего врага, но не смѣла высказать этого, въ виду сильной его поддержки въ Петербургѣ, гдѣ, бывшій въ крестьянскую реформу предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, отецъ его, извѣстный Павелъ Павловичъ Гагаринъ, пользовался особымъ расположеніемъ императора Александра II.

Не прошло и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ саратовскимъ городскимъ обществомъ былъ впервые приобрѣтенъ для губернатора одинъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ съ роскошной обстановкой, и на заброшенной, загородной губернаторской дачѣ уже кипѣла работа, приготовлявшая достойное помѣщеніе для такого аристократа, какимъ былъ князь Сергій Павловичъ. Князь былъ очень разборчивъ въ своемъ знакомствѣ и, чуждый свѣтскихъ развлеченій, мало съ кѣмъ сближался, употребляя большую часть своего времени для дѣловыхъ занятій, почему въ домѣ его можно было встрѣтить весьма немногихъ и только изъ числа людей солидныхъ, такъ что даже вице-губернаторъ являлся къ нему лишь въ вицъ-мундирномъ фракѣ по дѣламъ службы.

Гагаринъ былъ въ высшей степени человѣкъ правдивый и отзывчивый на все честное и благородное, но къ сожалѣнію, его пребываніе въ Саратовѣ было очень непродолжительно, всего около двухъ лѣтъ. Жилъ онъ настоящимъ магнатомъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ общественной. Даваемые имъ изрѣдка балы отличались роскошью и широкимъ гостепримствомъ, и на этихъ балахъ онъ, какъ и вообще въ своемъ домѣ, никогда не допускалъ картежной игры.

Въ это время работы по постройкѣ Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги приходили къ концу, и преслѣдуемая Гагаринымъ желѣзнодорожная лига, лишенная возможности приобрѣсти его сочувствіе, обра-

тила всю свою злобу на меня, считая меня главнымъ виновникомъ своихъ неприятностей съ губернаторомъ, и такъ какъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ числѣ прочихъ лицъ былъ избранъ и я для принятія, вмѣстѣ съ правительственной комиссіей, отъ строителей эту желѣзную дорогу, то пущены были въ ходъ всевозможныя средства, чтобы устранить мое участіе въ этомъ дѣлѣ, не стѣняясь никакими способами,

И вотъ, въ продолженіе одного мѣсяца, слѣдуютъ два необычайныхъ со мной случая: 3-го октября, ночью, когда я спалъ, кто-то сквозь двойную раму моей спальни, выходявшей окнами на улицу, бросилъ трехъ-фунтовую гирю, которая, пробивъ стекла, упала на стоявшій возгъ моей головы столъ, и такъ какъ видѣвшему это ночному караульщику не удалось задержать барски одѣтаго злоумышленника, который успѣлъ ускакать на хорошей лошади въ крытомъ фаятонѣ, то произведенное полиціей по этому предмету дознаніе не могло его обнаружить. 16-го числа того-же мѣсяца я возвращался изъ своего имѣнія вмѣстѣ съ управляющимъ саратовскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Шарбау въ своей дорожной коляскѣ, у которой верхъ былъ на половину откинутъ, и, при вѣздѣ въ городъ, на одной изъ довольно людныхъ улицъ, Константиновской, послѣдовали два выстрѣла изъ пистолета. Лошади понесли и хотя мы слышали крики «держи, держи его!» но стрѣлявшій, бывъ въ экипажѣ, успѣлъ, пользуясь сумерками, опять ускакать. Остановивъ лошадей, мы осмотрѣли коляску и нашли въ дугѣ полуоткинутаго ея верха двѣ маленькія пули, засѣвшія въ деревѣ, какъ разъ противъ моего затылка. Разслѣдованіе этого обстоятельства также не привело ни къ чему, но послѣ этого мои знакомые уже избѣгали мнѣ сопутствовать. По поводу этихъ происшествій я, конечно, не имѣлъ ни на кого подозрѣній, но могу лишь только добавить, что передъ этимъ я, какъ предсѣдатель земской управы, озабоченный возможностью распространенія тифа, который свирѣпствовалъ среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ, нашелъ въ больничномъ баракѣ села Курдюмы невозможные беспорядки, гдѣ на нарахъ лежали, безъ всякаго призора, рядами, по нѣсколько тифозныхъ рабочихъ съ гангренозными ранами, о чемъ мною своевременно былъ составленъ актъ и переданъ губернатору. И кромѣ того для приѣма этой дороги я заручился серьезными документами касательно злоупотребленій и массы неправильностей постройки, секретно полученныхъ мною отъ специалиста, наблюдавшаго за работами. Съ какими документами, для большаго ознакомленія себя со всѣми неправильностями постройки, я и проѣзжалъ по линіи до самаго Кирсанова.

Желѣзнодорожная партія была въ то время довольно сильна, такъ какъ не были окончательно разоблачены причины ея сочувствія къ

обложенію земцевъ на 80 лѣтъ гарантіей въ 413.095 р. 3 к. въ годъ, почему она и заручилась поддержкой многихъ лицъ, служащихъ отъ правительства, въ числѣ которыхъ въ Саратовѣ, кромѣ упомянутаго мною ранѣе вице-губернатора, еще былъ и губернскій прокуроръ. Этотъ послѣдній, набавунѣ дворянскихъ выборовъ при разговорѣ съ нимъ князя Гагарина о двухъ на меня покушеніяхъ, дозволилъ себѣ выразиться, что его нисколько не удивляютъ эти происшествія, такъ какъ я человекъ будто-бы способный самъ à chacun souper le ventre и что какъ предводитель дворянства я не желателенъ, обладая слишкомъ безпокойнымъ характеромъ. Когда же князь Гагаринъ замѣтилъ ему, что онъ самъ рискуетъ быть съ распоротымъ животомъ, если до меня дойдутъ эти слова, о которыхъ онъ, искренно ко мнѣ расположенный, не можетъ умолчать, то прокуроръ сказалъ, что это его нисколько не пугаетъ. Вслѣдствіе чего на другой же день, въ залѣ дворянства, во время перерыва засѣданій по выборамъ, я и потребовалъ отъ прокурора удовлетвореніе, но получилъ отказъ, послѣ котораго прокуроръ, объявивъ дворянству, что жизнь его въ опасности, оставивъ собраніе, донесъ телеграммами о томъ министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, а также и шефу жандармовъ; почему въ ожиданіи распоряженія о назначеніи вмѣсто устранившагося прокурора другаго лица для присутствованія въ дворянскомъ собраніи, послѣднее цѣлыя сутки не могло продолжать свои засѣданія. И затѣмъ исторія эта, по распоряженію министра юстиціи, повлекла за собою слѣдствіе, вмѣстѣ съ которымъ я обязанъ былъ подпиской о невыѣздѣ изъ города Саратова, тогда какъ всѣ обязанности мои по должности предсѣдателя земской управы были въ уѣздѣ, но это было нужно желѣзнодорожной партіи, потому что при этомъ я лишень былъ впослѣдствіи возможности участвовать въ приѣмѣ дороги, а такъ какъ затѣмъ отказались принимать дорогу и остальные мои коллеги, то она и была принята лишь одной правительственной комиссіей. Эта желѣзнодорожная эпопея, въ свое время, была описана въ «Отечественныхъ Запискахъ» подѣ заглавіемъ: «Гвельфы и Гибелины». Авторъ этой статьи, видимо хорошо знакомый съ дѣломъ постройки Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги, назвалъ меня только одного полной фамиліей, какъ предводителя правой стороны, вынесшаго на своихъ плечахъ всю тяжесть протеста противъ гарантіи этой дороги земствомъ. О лицахъ же, которыя были особенно заинтересованы закабалить земство на 80 лѣтъ этой гарантіей, онъ выразился довольно остроумно, сказавъ, что главный Асмодей получилъ за это восемьсотъ тысячъ, второй—шестьсотъ тысячъ, третій—триста тысячъ рублей, а остальные мелкіе духи получили каждый сообразно своего удѣльнаго вѣса.

Слѣдствіе по моему дѣлу съ прокуроромъ было очень торжественно и производилось особо назначеннымъ лицомъ въ присутственной залѣ

саратовской соединенной палаты уголовного и гражданского суда и затѣмъ было передано на усмотрѣніе 1-го департамента Правительствующаго Сената. Дѣло это тянулось около полутора года, въ продолженіе которыхъ прокуроръ В., продолжая считать свою жизнь въ опасности, не вступалъ въ должность, а я, воспользовавшись пребываніемъ въ Петербургѣ губернатора князя Гагарина, разъяснившего тамъ, гдѣ было нужно, всю подкладку этой исторіи, отправился туда же. У министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи я встрѣтилъ сочувственное отношеніе, при чемъ графъ Паленъ былъ крайне удивленъ такимъ отношеніемъ прокурора ко мнѣ, какъ председателю съѣзда мировыхъ судей, и даже не затруднился сказать, что подобныя дѣла между дворянами только и кончаются пудей. Сенатъ же, получивъ рапортъ саратовскаго губернатора князя Гагарина, свидѣтельствующій, что въ его домѣ прокуроръ В. дѣйствительно дозволилъ себѣ оскорбительно обо мнѣ отзываться, разобралъ дѣло по пунктамъ и указомъ за № 2183 прекратилъ надо мной слѣдствіе.

Князь Гагаринъ останавливался въ Петербургѣ у своего отца, князя Павла Павловича, которому, какъ послѣдняя почесть, былъ государемъ предоставленъ Елагинскій дворецъ, гдѣ, благодаря дружескимъ отношеніямъ ко мнѣ его сына, я не только былъ любезно принятъ этимъ маститымъ сановникомъ, но по его просьбѣ навѣщать уже больного въ это время Сергѣя Павловича, бывалъ у нихъ каждый день, что дало мнѣ возможность познакомиться съ весьма многими интересными людьми большаго петербургскаго чиновничьяго міра. Столичные врачи опредѣлили у князя Сергѣя Павловича чахотку въ послѣдней степени и отправили его за границу; откуда, возвращаясь въ Саратовъ, онъ на пути въ Казани скончался. Преемникомъ ему былъ назначенъ Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Врасскій. Онъ отличался отъ всѣхъ его предшественниковъ необычайной вѣжливостью и умѣнемъ съ первыхъ шаговъ сойтись съ обществомъ, которое за все время его управленія Саратовской губерніей отзывчиво помогало ему въ различныхъ предпріятіяхъ, и надо отдать ему справедливость, что за его время Саратовъ во многомъ измѣнился къ лучшему. Полицейскіе пристава-юсы, хотя и подтянутые Гагаринимъ, но не пользовавшіеся довѣріемъ горожанъ, были замѣнены щеголеватыми отставными военными офицерами и, продолжая служить подъ ближайшимъ начальствомъ все того же опытнаго и во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго полиціймейстера изъ рязанскихъ помѣщиковъ П., сразу облагородили составъ полиціи. Губернаторомъ Галкинъ-Врасскимъ открыто въ Саратовѣ отдѣленіе Краснаго Креста, отдѣленіе императорскаго музыкальнаго общества, отдѣленіе общества спасанія на водахъ, нѣсколько пріютовъ для дѣтей, пріютъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и многое другое. За время его губернаторства въ Саратовѣ мнѣ

пришлось прослужить съ нимъ по должности губернскаго предводителя дворянства трехлѣтіе съ 1873 г. по 1876 годъ, заступивъ мѣсто Михайлова-Рославлева, который послѣ одного трехлѣтія службы губернскимъ предводителемъ былъ избранъ на второе, но по неизвѣстной причинѣ вскорѣ вышелъ въ отставку.

Реформы Александра II все еще продолжались и въ Саратовской губерніи были открыты новыя судебныя учрежденія съ присяжными засѣдателями, введена всеобщая воинская повинность, за которую на мою долю выпало благодарить государя поднесеніемъ адреса дворянства Саратовской губерніи.

Разнообразныя новыя реформы стали отвлекать массу интеллигентнаго люда въ чиновничій міръ, и военная служба мало-по-малу начала терять свое прежнее обаяніе, тѣмъ болѣе, что кадетскіе корпуса, служившіе лучшей школой для образованія военныхъ съ спартанскимъ характеромъ, были замѣнены военными гимназіями.

Вскорѣ за этимъ временемъ уже начало усиленно проявляться на Руси социальное движеніе, которое быстро распространилось и въ провинціи, гдѣ для пропаганды былъ широкій просторъ среди уѣзднаго населенія, при ничтожномъ полицейскомъ надзорѣ исправниковъ съ двумя становыми приставами, нерѣдко на разстояніи полутораста верстъ, и такъ какъ должность мировыхъ посредниковъ была тогда уже уничтожена, то пропагандисты, пользуясь этимъ, могли безпрепятственно поселять въ народѣ смуту. Саратовская губерніа, гдѣ до сихъ поръ еще живо сохранились преданія о Стенькѣ Разинѣ, и даже о немъ и его курганѣ надъ Волгой сложена студенческая пѣснь, особенно влекла къ себѣ эти темныя неразумныя силы, и у насъ перебивали почти всѣ главные государственные преступники, увлекавшіе своими идеями неустановившуюся молодежь: Соловьевъ, покушавшійся на жизнь императора Александра II, проживалъ передъ тѣмъ въ Вольскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ въ большомъ фаворѣ у мѣстныхъ должностныхъ лицъ, за что, какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нихъ и заплатились; Ширяевъ, сынъ волостного старшины, взрывавшій Зимній дворецъ, былъ ученикомъ саратовской гимназіи; Фигнеръ и Филиппова проживали: одна въ Саратовѣ, имѣя дѣтскій садъ, куда многія извѣстныя семейства посылали своихъ дѣтей, а другая была земскою акушеркой въ Петровскомъ уѣздѣ, и ею восхищалось общество, пока она оттуда не скрылась; Гартманъ, подъ именемъ Николая Степанова Лихачева, нѣсколько мѣсяцевъ служилъ въ Поповской волости, Саратовскаго уѣзда, помощникомъ волостного писаря, откуда съ фамиліей саратовскаго мѣщанина Сухорукова и отправился въ Москву взрывать съ Перовскою императорскій поѣздъ. Онъ, находясь въ шести верстахъ отъ моего имѣнія, не разъ являлся ко мнѣ вмѣстѣ съ волостнымъ старшиной, но пропаганда его тщательно скрывалась кре-

стьянами; только однажды, во время работъ у меня на гумнѣ, ко мнѣ подошелъ, живой еще доселѣ, одинъ изъ моихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и съ улыбкой, таинственно, заявилъ, что помѣщичья земля скоро вся отойдетъ имъ, а помѣщикамъ, говорятъ, «будетъ» — и онъ выразительно провелъ пальцемъ по горлу. Когда же я сталъ допытываться, откуда они это взяли, то онъ, успокаивая меня, сказалъ:

— Ты баринъ у насъ хорошій, и тебя мы не тронемъ, и даже кое-что изъ твоего добра тебѣ оставимъ!

Конечно, я, имѣя вліяніе на своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, разъяснилъ имъ нелѣпость и опасность всѣхъ этихъ толковъ, а потомъ узналъ, что въ то же время въ Саратовѣ начальникомъ дивизіи объявлялось, по высочайшему повелѣнію, войскамъ о томъ, что никакого земельного передѣла у крестьянъ не будетъ, такъ какъ вслѣдствіе этихъ слуховъ, выслужившіе срокъ солдаты, не оставаясь на вторичную службу, спѣшили уходить домой.

В. А. Шомпулевъ.

Письмо графа Беннигсена къ генералу Торماسову.

17-го (29-го) марта 1814 г. Виссбергъ.

Вотъ, мой дорогой другъ, письмо къ канцлеру графу Румянцову, которымъ я прошу его, въ исполненіе вашего желанія, прислать мнѣ вашего племянника; отправляйте его скорѣе и я уже о немъ позабочусь.

Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы ничего говорите мнѣ о вашемъ здоровьѣ; это даетъ мнѣ основаніе надѣяться, что оно таково, какое я для васъ желаю отъ души.

Новости, какія могу сообщить вамъ, не важны; дерутся, но безъ особенныхъ послѣдствій. Долженъ впрочемъ сдѣлать замѣчаніе, что по всему видно, что не Кутузовъ защищаетъ Парижъ, а быть можетъ также и Наполеонъ потерялъ голову и не считаетъ—какъ это полагалъ и выполнилъ первый,—что при подобныхъ обстоятельствахъ выгодно отдать и пожертвовать большою столицею; увидимъ, кто изъ этихъ двухъ великихъ людей судилъ правильно.

Здѣсь у насъ стояла зима, какую никто не запомнить, только нѣсколько дней какъ началъ таять снѣгъ, а Эльба еще покрыта льдомъ. Это препятствовало мнѣ до настоящихъ дней начать правильную осаду; дней чрезъ пятнадцать я надѣюсь близко подойти къ маршалу Даву и его сотоварищамъ.

Король датскій, который снабжаетъ меня осадною артиллеріею, выразилъ намѣреніе тѣмъ временемъ вступить въ переговоры съ маршаломъ Даву и мною, относительно сдачи Гамбурга. Я не могъ отклонить этого, такъ какъ это желаетъ очень король; но я ни за что не откажусь отъ моего требованія, чтобы Даву со всѣмъ гарнизономъ крѣпости сдѣлалъ бы намъ честь остаться у насъ до самаго окончанія войны. Вы можете быть увѣрены, что капитуляція врядъ ли состоится, несмотря на всѣ газетные объ этомъ толки.

Вполнѣ увѣренный въ вашей ко мнѣ дружбѣ и добромъ ко мнѣ расположеніи, остаюсь преданный Беннигсенъ.

Сообщилъ П. М. Майновъ.

Императоръ Николай I и академикъ Парротъ.

(Академія наукъ. — Пулковская обсерваторія. — Пониженіе уровня водъ въ Чудскомъ и Псковскомъ озерахъ).

Фридрихъ Парротъ почти въ теченіе 30 лѣтъ состоялъ сначала ординарнымъ академикомъ, а съ декабря 1840 года почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Трудясь на пользу науки, онъ въ то же время былъ преданъ всею душою Академіи, особенно въ тяжелые для нея годы, и постоянно заботился о ея процвѣтаніи. Академикъ К. С. Веселовскій, въ рѣчи, читанной на торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1864 г. ¹⁾, говорить, что труды Паррота по физикѣ столь же многочисленны, какъ и обильны практическими приложеніями. Парротъ обогатилъ науку геогностическими изслѣдованіями, произведенными въ разныхъ частяхъ Россіи.

Непремѣнный секретарь Академіи Наукъ Фуссъ, перечисляя труды академиковъ ²⁾, упоминаетъ о геологическихъ изысканіяхъ Паррота въ Лифляндіи. Замѣчательенъ также проектъ Паррота о пониженіи уровня воды въ озерахъ Чудскомъ и Псковскомъ для осушенія окрестностей и доставленія тѣмъ жителямъ Псковской губерніи земли способной къ обработыванію. Проектъ этотъ, представленный Парротомъ императору Николаю Павловичу при письмѣ отъ 26-го ноября 1846 года, мы приведемъ ниже.

¹⁾ Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ. Рѣчь академика К. С. Веселовскаго. Спб. 1865 года.

²⁾ См. рѣчь Фусса, читанную имъ на торжественномъ засѣданіи Академіи наукъ въ честь ея президента 12-го января 1834 г.

I.

Въ 1803 году императоръ Александръ I даровалъ Академіи Наукъ уставъ, которымъ далъ академикамъ возможность съ новою силою приняться за труды. Но такое благоприятное положеніе продолжалось недолго: политическія осложненія не преминули отразиться и на наукѣ, и на искусствахъ въ Россіи, а быстрое обезцѣненіе денегъ поставило академикомъ снова въ такое безвыходное положеніе, что они принуждены были, чтобы сводить концы съ концами, искать себѣ постороннихъ частныхъ занятій. Многіе изъ нихъ не выдержали и покинули Академію; оставалось еще нѣсколько ветерановъ, которые съ честью поддерживали за границей прежнюю ея славу. Что касается Россіи, то русскіе мало интересовались Академіею Наукъ и знали о существованіи ея лишь по издаваемымъ ею газетѣ, да календарю. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ въ 1810 году Академія осталась безъ президента, призваннаго государемъ на болѣе высшій постъ. Несмотря на всю экономію, касса Академіи совершенно опустѣла. Положеніе было самое критическое, Академія влачила свое существованіе; даже кунсткамера была закрыта.

Наконецъ въ 1817 году государь далъ Академіи Наукъ новаго президента—графа Уварова. Съ его назначеніемъ началось, какъ говорится въ рѣчи Фусса, возрожденіе Академіи. Была введена болѣе правильная экономія, а главное—испрошена была субсидія въ 25 тысячъ рублей, что дало возможность расширить и улучшить помѣщеніе Академіи.

Въ 1826 году исполнилось столѣтіе Академіи Наукъ и это былъ памятный для нея моментъ. Хотя въ уставѣ 1803 г. и было высочайше указано устраивать ежегодно публичныя засѣданія, но такихъ засѣданій давно уже не было, и новый президентъ ничего не могъ предпринять за неимѣніемъ мѣста для публичныхъ собраній. И вотъ послѣ долгаго перерыва, въ день столѣтняго юбилея Академіи, въ перестроенномъ большомъ залѣ состоялось торжественное засѣданіе, которое почтили своимъ присутствіемъ: императоръ Николай Павловичъ, императрицы Александра и Марія, великіе князья Александръ и Михаилъ и великая княгиня Елена Павловна. Послѣдствія для Академіи были болѣе чѣмъ блестящи: возобновились ежегодныя публичныя собранія, начали появляться ежегодные отчеты о дѣятельности Академіи, предпринято было изданіе «Научныхъ извѣстій» (*Bulletin scientifique*); академики стали читать публичныя лекціи. Еще большее значеніе имѣли высочайшія милости, выражавшіяся неоднократно въ матеріальной поддержкѣ Академіи, и наконецъ самое главное—послѣдовавшее высочайшее соизволеніе на дарованіе Академіи наукъ новаго устава и штатовъ, въ силу чего мате-

риальное положеніе академикомъ улучшилось настолько, что можно было снова привлекать въ Академію выдающіяся ученые силы.

Однако, хотя на введеніе въ Академіи наукъ новаго устава и штатовъ и было испрошено высочайшее согласіе, но они долгое время не вводились. Парротъ, радѣя объ интересахъ Академіи и имѣя возможность, съ разрѣшенія государя, писать ему, обратился къ его величеству, 3-го мая 1827 года, со слѣдующимъ письмомъ по поводу новыхъ штатовъ Академіи:

«Позвольте, ваше величество, замолвить нѣсколько словъ въ пользу вашей Академіи наукъ. Академіи дали надежду, ссылаясь на предварительное согласіе вашего императорскаго величества улучшить ея матеріальное положеніе послѣ столѣтняго юбилея, каковой вы удостоили вашимъ личнымъ присутствіемъ. Но дѣло объ этомъ ведется такъ медленно, что Академія до сихъ поръ еще не видитъ никакихъ результатовъ. Удостойте, ваше величество, во избѣжаніе дальнѣйшихъ проволочекъ, рѣшить это дѣло сами и прикажите, чтобы новое положеніе было введено въ Академіи съ 1-го января сего года, т. е. со дня вступленія Академіи во второе столѣтіе своего существованія.

«Я чувствую, что злоупотребилъ бы снисходительностью ко мнѣ вашего величества, если бы осмѣлился представить записку по этому предмету. Но удостойте повѣрить моей опытности, что все, что проситъ ваша Академія, есть минимумъ, что необходимо для ея процвѣтанія и для того, чтобы дать ей возможность исполнять, такъ сказать, возложенную на нее цѣль».

На это письмо Паррота никакого отвѣта не послѣдовало. Черезъ семь мѣсяцевъ (9-го декабря) Парротъ снова обратился съ письмомъ къ государю.

«Ваше величество, писалъ онъ, вотъ уже и годъ подходитъ къ концу, а ваша Академія наукъ до сихъ поръ еще не имѣла счастья получить извѣщеніе, какая участь постигла поданную ею вашему величеству въ февралѣ мѣсяцѣ сего года просьбу объ увеличеніи суммы на ея содержаніе. Все, что я знаю, вы отослали это дѣло въ комитетъ министровъ, который въ свою очередь направилъ его въ Государственный Совѣтъ; послѣдній нашелъ просьбу Академіи не только справедливою, но даже крайне скромною. Въ Академіи наукъ въ настоящее время имѣется семь вакантныхъ мѣстъ академикомъ, которыя, согласно уставу, должны быть замѣщены, но до сихъ поръ всѣ попытки Академіи привлечь ученыхъ, достойныхъ занять ихъ, не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ жалованье академикомъ слишкомъ ничтожно: оно составляетъ лишь одну треть той суммы, на которую могъ бы прожить хотя и скромно академикъ. Президентъ Академіи ходатайствуетъ о назначеніи такихъ содержаній, кои получаютъ хотя бы, напримѣръ, профессора Дерптскаго университета.

*

т. е. по 5.000 руб., хотя жизнь въ Петербургѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Дерптѣ. Просить же возстановить вполнѣ то, что было назначено императоромъ Александромъ I въ 1803 году, когда ординарные профессора получали по 6.600 руб., онъ не рѣшился, боясь, что сумма покажется слишкомъ большою, что и можетъ послужить мотивомъ къ отказу.

«Ваше императорское величество, удостоивая постоянно Академію наукъ высокимъ вниманіемъ и покровительствомъ, не захотите, разумѣется, чтобы она закончила настоящій годъ, не получивъ отъ васъ испрашиваемой милости: вѣдь это не только парализовало бы еще на годъ возможность привлечь въ Академію выдающихся ученыхъ, но и подало бы поводъ думать, что ваше императорское величество не удостоиваете ее болѣе вашими милостями или по крайней мѣрѣ не настолько, чтобы исполнить ея самыя скромныя желанія.

«Ваше величество особенно осчастливили бы Академію, если бы удостоили разрѣшить ввести новые штаты съ 1-го января сего года, т. е. со дня вступленія ея во второе столѣтіе существованія: такой подходящий моментъ для особой высочайшей милости».

Результатомъ этихъ двухъ писемъ было свиданіе Паррота съ графомъ Бенкендорфомъ, послѣ чего Парротъ обратился къ графу со слѣдующимъ письмомъ, отъ 7-го марта 1828 года:

«Ободренный любезностью, кою вы удостоили меня вчера при разговорѣ о новыхъ штатахъ для Академіи наукъ, позволяю себѣ изложить въ этомъ письмѣ мотивы, которыми руководствовалась Академія при представленіи своего ходатайства. Вотъ они:

«1) Настоящее содержаніе петербургскихъ академикомъ такъ незначительно, что, не говоря уже о Парижской Академіи наукъ и Лондонскомъ королевскомъ обществѣ, оплачиваемыхъ очень щедро, можно съ увѣренностью сказать, что члены другихъ европейскихъ академій получаютъ въ три, даже четыре раза болѣе петербургскихъ академикомъ.

«2) Наша Академія, при настоящемъ безвыходномъ положеніи, не можетъ привлекать достойныхъ ученыхъ: всѣ переговоры съ ними по этому поводу кончаются ничѣмъ.

«3) Высочайшая воля, выраженная его величествомъ на торжественномъ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1826 г., извѣстна заграничѣ; тамъ полагаютъ, что Академія уже пользуется съ 1-го января сего года дарованными ей новыми штатами.

«4) Если высочайшая милость будетъ отложена до будущаго года или до окончанія имѣющей открыться войны, то это непремѣнно броситъ тѣнь на русскія финансы. Если же, наоборотъ, новые штаты будутъ дарованы теперь же, въ Европѣ увидятъ въ этомъ актѣ щед-

рости не только покровительство нашего августѣйшаго монарха наукамъ, но и блестящее состояніе русскихъ финансовъ, и это будетъ гораздо лучшимъ доказательствомъ, чѣмъ всѣ официальные отчеты. Все, что дѣлаетъ правительство для просвѣщенія страны—есть какъ бы пульсъ государства, по которому узнаются всѣ внутреннія силы.

«Беру на себя смѣлость ко всему вышеназложенному прибавить слѣдующее: Петербургская Академія наукъ цѣнится гораздо болѣе за границею, чѣмъ въ Россіи, что совершенно доказывается послѣднимъ путешествіемъ извѣстнаго Парри ¹⁾. Этотъ ученый и отважный мореплаватель являлся вездѣ какъ почетный членъ нашей Академіи наукъ, зная какимъ обаяніемъ пользуется это званіе повсюду въ Европѣ.

«Не откажите, милостивый государь, представить эту записку на милостивое воззрѣніе его величества, и упросить государя даровать Академіи новые штаты съ 1-го января».

Несмотря, однако, на всѣ ходатайства Паррота, новый уставъ былъ введенъ въ Академіи наукъ, какъ извѣстно, лишь съ 1-го января 1830 года, по окончаніи турецкой войны.

II.

Первая обсерваторія въ Россіи была расположена въ высокой башнѣ, построенной надъ зданіемъ Академіи наукъ. Она находится тамъ и понынѣ. Устройство этой обсерваторіи съ теченіемъ времени оказалось неудовлетворительнымъ, хотя въ свое время она была одной изъ лучшихъ обсерваторій въ Европѣ, благодаря дорогимъ инструментамъ, считавшимся тогда превосходнѣйшими.

Новый и наиболѣе блистательный періодъ астрономической дѣятельности нашей Академіи наукъ начинается съ того времени, когда въ ея члены былъ избранъ В. Я. Струве ²⁾. Онъ прославился уже и прежде трудами въ Дерптской обсерваторіи. Въ 1834 году императоръ Николай Павловичъ выразилъ свое соизволеніе на учрежденіе въ окрестностяхъ Петербурга Главной въ Россіи обсерваторіи и указалъ на пулковскую возвышенность, какъ на приличнѣйшее мѣсто для подобнаго учрежденія, которое въ ученомъ отношеніи должно было находиться въ

¹⁾ Парри, Вильямъ Эдвардъ, извѣстный англійскій мореплаватель, родился 1790 г. † въ 1855 г.

²⁾ Струве, Вильгельмъ, астрономъ, родился въ 1793 году въ Альтонѣ; въ 1817 году былъ назначенъ директоромъ Дерптской обсерваторіи, а съ 1839 г. директоромъ Пулковской обсерваторіи.

ближайшей связи съ Академіей наукъ. Щедроты императора дали средства воздвигнуть великолѣпнѣйшую обсерваторію, которая, по своему устройству и обилію превосходныхъ инструментовъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между существующими нынѣ обсерваторіями. При самомъ основаніи директоромъ ея былъ назначенъ В. Я. Струве и на него возложены были всѣ попеченія о построеніи обсерваторіи и снабженіи ея инструментами, сообразно съ современными требованіями науки. В. Я. Струве очень успѣшно исполнилъ это порученіе ¹⁾, и знаменитѣйшіе ученые пріѣзжали изъ разныхъ странъ осматривать этотъ образцовый памятникъ науки.

Академикъ Парротъ, какъ бывшій профессоръ физики, принималъ не малое участіе въ постройкѣ новой обсерваторіи. Онъ былъ очень недоволенъ медленностью производства работъ и по этому поводу неоднократно обращался письменно къ императору Николаю I.

«Ваше величество, писалъ онъ 8-го февраля 1834 года. Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ учрежденный, по вашему приказанію, комитетъ по постройкѣ обсерваторіи представилъ записку о необходимости перевозки матеріаловъ, хотя бы тѣхъ изъ нихъ, кои крайне нужны къ предстоящему лѣту, тѣмъ болѣе, что будетъ и сокращеніе расходовъ по перевозкѣ, вѣдь перевозить зимою матеріалъ гораздо дешевле, чѣмъ лѣтомъ на колесахъ; равно и о необходимости начатія многихъ подготовительныхъ работъ, которыя должны быть произведены прежде, чѣмъ приступать къ самой постройкѣ зданія. Хотя предложенія комитета неотложны, но до сихъ поръ еще не послѣдовало рѣшенія вашего величества и неизвѣстно, одобрены-ли вами или нѣтъ эти предположенія. Такимъ образомъ, время проходитъ и ничего не предпринимается. Я не могу себѣ представить, чтобы ваше величество ихъ не одобрили, потому что они не могутъ вызвать никакихъ основательныхъ возраженій, да кромѣ того комитету было бы уже извѣстно о такомъ вашемъ рѣшеніи, тѣмъ болѣе, что я, да и всѣ мы знаемъ, что ни одна бумага не залеживается на вашемъ столѣ и никогда не остается безъ отвѣта.

«Еще одно обстоятельство, о которомъ только что узналъ: г. Струве, несмотря на постигшее его горе—смерть жены, хотѣлъ вернуться въ послѣднихъ числахъ января, чтобы присутствовать въ комитетѣ при рассмотрѣніи архитектурныхъ плановъ постройки, но управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія ²⁾ послалъ ему увѣдомленіе, что онъ можетъ отложить свой пріѣздъ до начала марта. Слѣдовательно, планы будутъ окончены лишь къ тому времени! Могъ-ли я, ваше ве-

¹⁾ См. рѣчь академика К. С. Веселовскаго (Спб. 1865).

²⁾ Бывшій президентъ Академіи наукъ графъ Серг. Сем. Уваровъ утвержденъ въ должности министра народнаго просвѣщенія въ 1834 году.

личество, думать, что нужно столько времени для составленія плановъ сравнительно небольшого зданія! Если бы еще дѣло касалось вопроса, какое нужно зданіе и приходилось бы преодолевать большія затрудненія, а то просто рѣчь идетъ лишь о распланировкѣ помѣщенія очень небольшого зданія, каковую распланировку ваше величество сами нашли очень простою, когда я имѣлъ смѣлость набросать ее въ вашемъ присутствіи. Кромѣ того, вы уже одобрили ее въ чертежахъ, которые я имѣлъ счастье представить вамъ и получить отъ вашего величества за нихъ благодарность, хотя работа эта была слишкомъ незначительна и таковой не заслуживала.

«Возложенная на меня вашимъ величествомъ работа: необходимыя для успѣшной постройки обсерваторіи физическія и математическія исчисленія, уже окончены, какъ равно и всѣ нужные къ нимъ планы, за исключеніемъ подвижныхъ башенъ, рисунки и описанія которыхъ я скоро начну. Все это, разумѣется, не имѣетъ такого слѣха, какъ каменные работы.

«Времени, посвященнаго мною на эту работу, совершенно довольно, чтобы составить полные планы обсерваторіи. А между тѣмъ два молодыхъ архитектора ¹⁾, въ цвѣтѣ силъ, имѣя помощниковъ и чертежниковъ, слишкомъ самонадѣянныя, чтобы работать съ такимъ старикомъ какъ я, еще ничего не окончили, хотя начали работу мѣсяцемъ раньше! Это просто непостижимо! Не невѣжды же они какіе нибудь, да и достаточно, кажется, получили свѣдѣній отъ г. Струве и, вѣроятно, видѣли мои первые планы, которые могли лишь увеличить, или, если бы признали нужнымъ, даже исправить ихъ.

«Позвольте, ваше величество, сказать вамъ напрямки: мнѣ кажется, есть желаніе во что бы то ни стало затянуть насколько возможно всю работу, чтобы утомить ваше величество и даже, можетъ быть, отклонить васъ отъ этого предпріятія, тѣмъ болѣе, что Государственный Совѣтъ высказалъ мнѣніе, что въ теченіе трехъ лѣтъ еще достаточно будетъ времени рассмотретьъ и ввести представленный проектъ устава и штатовъ новой обсерваторіи, которая еще собственно не существуетъ.

«Сравните, ваше величество, поспѣшность, съ какою вамъ были тотчасъ же поднесены проекты устава и штатовъ, о чемъ вы даже не просили, и небрежное отношеніе къ заготовкѣ необходимыхъ матеріаловъ для постройки, что вы приказали сдѣлать. Сравните и судите.

«Но что же дѣлать теперь? Позвольте высказать вашему величеству мое мнѣніе, какъ устроить дѣло не дразня гусей и чтобы не знали,

¹⁾ Брюловъ и Тонъ.

что именно я довелъ до вашего свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣла, потому что я уже не въ тѣхъ годахъ, чтобы вести борьбу.

«Прикажите явиться графу Уварову и спросите у него, переданы ли архитекторами въ комитетъ планы, обѣщанные ими къ концу января мѣсяца, и почему комитетъ до сихъ поръ еще ничего не доложилъ по этому дѣлу? Кромѣ того, спросите у графа Уварова, что сдѣлалъ комитетъ для приготовленія къ началу работъ по постройкѣ? Затѣмъ, не откажите приказать, чтобы архитектурные планы, закончены ли они вполнѣ или хотя въ чертежахъ, были представлены черезъ десять дней въ комитетъ, и чтобы г. Струве (который, вѣроятно, уже успѣлъ сдѣлать необходимыя распоряженія насчетъ своихъ многочисленныхъ дѣтей) явился къ тому времени для присутствія въ комитетѣ при разсмотрѣніи этихъ плановъ.

«Вамъ извѣстно, ваше величество, что я отклонилъ отъ себя веденіе постройки этой единственной въ мірѣ обсерваторіи, которая сдѣлаетъ честь Россіи, покажетъ Европѣ ваше просвѣщенное покровительство наукамъ и послужитъ примѣромъ для постройки большихъ обсерваторій. Слѣдовательно у меня нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ самого дѣла. Все, что я сдѣлалъ за все время, все, что я теперь дѣлаю для этой обсерваторіи, даже инициативу ея сооруженія, все это я предоставляю тому лицу, которое вамъ будетъ угодно назначить руководить постройкой. Самъ Господь Богъ не можетъ, кажется, потребовать отъ меня большаго. За все это прошу ваше величество быть лишь твердымъ и потребовать категорически, чтобы были устранены всѣ затрудненія, дѣйствительныя или вымышленныя, чтобы въ моментъ, когда оттааетъ земля, тотчасъ же приступили къ постановкѣ фундамента, и чтобы все было подготовлено къ постройкѣ, какъ потребуетъ комитетъ. Задержки станутъ вамъ въ копѣчку, но я тутъ не причемъ, и задержки эти не должны воспрепятствовать исполненію вашей высочайшей воли.

«Неужели до конца жизни придется мнѣ вести борьбу!»

На этомъ письмѣ положена слѣдующая резолюція:

«Demander à Ouwaroff de la part de l'Empereur ou en est l'affaire de la bâtisse, sans dire que c'est de Parrot que nous avons les nouvelles» ¹⁾).

12-го февраля графомъ Бенкендорфомъ было написано графу Уварову, чтобы онъ далъ требуемыя государемъ свѣдѣнія, на это С. С. Уваровъ отвѣтилъ, что уставъ и штаты новой обсерваторіи были представлены на усмотрѣніе государя въ декабрѣ 1833 года и по высочайшему повелѣнію внесены 30-го декабря въ комитетъ министровъ, изъ коего переданы въ Государственный Совѣтъ, гдѣ теперь и находятся

¹⁾ «Спросить у Уварова отъ имени государя, въ какомъ положеніи дѣло постройки, не говоря, что свѣдѣнія нами получены отъ Паррота».

Проекты же плановъ для сей обсерваторіи составляются архитекторами Брюловымъ и Тономъ и, по общанію ихъ, въ текущемъ мѣсяцѣ будутъ окончены, а потомъ, по разсмотрѣніи въ нарочно учрежденномъ для постройки сей обсерваторіи комитетѣ съ мнѣніемъ онаго будутъ представлены его императорскому величеству.

Государь изволилъ положить на этомъ отношеніи слѣдующую резолюцію: «между тѣмъ время проходитъ для заготовленія матеріаловъ и хорошо бы не пропустить удобнаго времени для перевозки». Эта резолюція государя была немедленно сообщена графомъ А. Бенкендорфомъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія.

2-го апрѣля Парротъ снова писалъ государю: «Ваше величество, вчера я узналъ, что управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія ждетъ лишь вашего приказанія, чтобы представить проекты плановъ обсерваторіи. Осмѣливаюсь напомнить вашему величеству о моей просьбѣ не рѣшать ничего, прежде чѣмъ выслушаете меня. Я не могу привыкнуть къ мысли, чтобы это прекрасное предпріятіе, къ которому вы относитесь съ такимъ большимъ интересомъ, могло имѣть существенные недостатки. Ваше величество, въ теченіе семи лѣтъ я пользовался вашимъ постояннымъ довѣріемъ и вниманіемъ, неужели же я долженъ потерять все это изъ-за дѣла, которое касается во воѣхъ отношеніяхъ той именно специальности, которой я посвятилъ всю мою жизнь. Не я ли изобрѣтатель такого рода обсерваторій и подвижныхъ башенъ, и развѣ я ихъ не сооружалъ съ большимъ успѣхомъ въ Дерптѣ? Никогда я не утѣшусь, если эта большая обсерваторія, одно изъ великихъ сооружений вашего царствованія, не будетъ послѣднимъ словомъ науки, чего оно можетъ и должно достигнуть, или, чего Боже упаси, совершенно не удастся. И развѣ вы, ваше величество, не будете сожалѣть объ этомъ? Избавьте себя отъ этого и удостойте еще разъ выслушать вашего Паррота».

На письмѣ этомъ положена слѣдующая резолюція:

«Il a donné son avis, il l'a fait par écrit, il peut protester par écrit dans le Comité» ¹⁾).

III.

Письмо и проектъ о пониженіи уровня водъ Чудскаго (Шейпусъ) и Псковскаго озеръ, представленные академикомъ Парротомъ 26-го ноября 1846 года императору Николаю I.

«Ваше величество. Нѣсколько дней тому назадъ я находился въ об-

¹⁾ Онъ уже высказалъ свой взглядъ и сдѣлалъ это письменно; можетъ письменно же протестовать въ комитетѣ.

ществѣ очень почтенныхъ и свѣдущихъ людей. Зашелъ разговоръ о бѣдственномъ положеніи населенія Псковской губерніи и о принятомъ вашимъ величествомъ рѣшеніи организовать переселеніе части жителей Псковской губерніи въ болѣе плодородныя мѣстности. Возвращаясь домой, я все думалъ нельзя-ли найти средство дать возможность этому несчастному населенію остаться и жить тамъ, куда оно призвано Провидѣніемъ. Результатъ моихъ размышленій позволяю себѣ представить вашему величеству въ прилагаемой запискѣ.

«Но какъ, ваше величество, знаете уже по опыту, все, что я предлагаю, отклоняется начальствомъ, поэтому убѣдительно прошу васъ не упоминать объ имени автора записки. Я не вдавался въ ней въ технические подробности, чтобы тѣмъ самымъ не выдать себя.

«Всего было бы лучше, если бы ваше величество высказали эту мысль отъ себя и приказали бы произвести предварительныя буренія почвы, которыя бы рѣшили возможно ли выполнить эту задачу, и дали бы приблизительную цифру необходимыхъ расходовъ.

«Единственно во имя блага для дѣла осмѣливаюсь просить ваше величество принять на себя инициативу такого полезнаго предпріятія, за которое не только настоящее, но и будущее поколѣнія будутъ вамъ благодарны ¹⁾).

¹⁾ Записка Паррота была слѣдующаго содержанія:

Псковская губернія, въ которой приходится не болѣе двадцати жителей на квадратную версту, не можетъ содержать даже это, сравнительно, небольшое населеніе. Его величество, нашъ августѣйшій монархъ, заботясь непрестанно о своихъ подданныхъ, пожелалъ, несмотря на большіе расходы, дать возможность части жителямъ переселиться въ другія отдаленныя губерніи. Непогодородіе южной части Ингерманландіи обязано, главнымъ образомъ, болотамъ и топкамъ мѣстностямъ, коими она изобилуетъ.

Подготовить къ обработыванію столько сырой мѣстности, гдѣ, кромѣ того, и климатъ, благодаря сырости, крайне вреденъ, было бы слѣдовательно большимъ благодѣяніемъ для Псковской губерніи. Но возможно ли это? Безъ сомнѣнія: природа сама даетъ намъ средство, а именно, озера Пейпусъ и Псковское, соединенныя природнымъ каналомъ въ 28 верстъ длины, имѣющимъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ до 2¼ верстъ ширивы.

Въ Пейпусъ впадаетъ лишь одна значительная рѣка Эмбахъ, берущая свое начало изъ озера Вирцьервъ (Озеро въ Лифляндской губ.), а въ Псковское озеро рѣка Великая, менѣе значительная, чѣмъ Эмбахъ. Большая часть водъ попадаютъ въ эти оба озера посредствомъ фильтраціи изъ прилегающихъ мѣстностей и имѣютъ лишь одинъ стокъ, а именно, въ рѣку Нарову. Слѣдовательно, очевидно, если понизить уровень воды въ обоихъ озерахъ на десять футовъ, или даже менѣе, то всѣ воды изъ мѣстностей окружающихъ эти озера и изъ ихъ притоковъ, посредствомъ фильтраціи, или по протекающимъ въ этихъ мѣстностяхъ небольшимъ рѣкамъ и ручейкамъ, или по небольшимъ каналамъ, которые землевладѣльцы поспѣшатъ прорыть, чтобы скорѣе достигъ плодородности для своей земли, устремятся въ эти два большіе резервуара.

На письмѣ академика Паррота положена слѣдующая резолюція государя императора Николая I: «Поблагодарить и изложенный проектъ высочайше повелѣваю передать графу Клейнмихелю, не упоминая отъ кого».

Графъ Бенкендорфъ, отправивъ, по приказанію государя, этотъ проектъ къ графу Клейнмихелю, обратился къ академику Парроту со слѣдующимъ письмомъ:

«Его величество государь императоръ, прочитавъ представленный

Результатомъ такого пониженія явится, сверхъ того, приобрѣтеніе большой полосы земли вокругъ двухъ озеръ, большая часть которой превратится скоро въ прекрасные луга или пастбища для многочисленнаго скота, что дастъ возможность, во-первыхъ, снабжать столицу гораздо болѣе дешевымъ мясомъ и, во-вторыхъ, завязать торговлю соленымъ и копченымъ мясомъ съ Гамбургомъ и Лондономъ, которые охотно закупали бы запасы въ Нарвѣ.

Для желаемого пониженія двухъ озеръ природа даетъ легкое и вѣрное средство—это Нарвскій водопадъ, паденіе котораго простирается на 30 футовъ. Образующій этотъ водопадъ баръ состоитъ изъ раковиннаго известняка, довольно мягкаго, такъ что онъ совершенно поддается буренію и можетъ быть взорванъ хлопчато-бумажнымъ порохомъ Шенбейна.

Прежде чѣмъ положить, однако, планъ, какъ снести этотъ баръ, да будетъ мнѣ позволено сказать, какое временное значеніе будутъ имѣть эти работы. Онѣ дадутъ заработки тѣмъ именно многочисленнымъ крестьянамъ Псковской губерніи, которые теперь терпятъ страшную нужду.

Работы по пониженію уровня воды обоихъ озеръ должны быть поручены непременно людямъ науки, а самое предпріятіе долженъ принять на себя нашъ августѣйшій монархъ, который всегда умѣетъ находить средства для работъ такой очевидной важности и пользы.

Авторъ этой записки беретъ на себя смѣлость предложить слѣдующій планъ работъ.

Необходимо прорыть около водопада обходный каналъ—судоходный, по которому, при помощи трехъ шлюзовъ и воротъ при выходѣ изъ рѣки, могли бы проходить барки изъ внутренней Наровы къ морю, отстоящему всего въ 15 верстахъ. Этотъ каналъ долженъ имѣть 11 футовъ глубины ниже уровня водопада. Когда каналъ откроется, уровень озеръ тотчасъ же начнетъ понижаться и понизится настолько, сколько приметъ въ себя воды обходный каналъ; тогда спадетъ вода и съ бара, что облегчитъ уничтоженіе его.

Но прежде чѣмъ приступать къ работамъ, необходимо сдѣлать многія подготовительныя изслѣдованія, каковыя очень удобно и легко произвести нынѣшнею зимою.

1) Измѣрить зондомъ берега обоихъ озеръ, на двѣ или три версты, для изслѣдованія дна и находенія той полосы, гдѣ глубина достигаетъ десяти футовъ. Границы этой полосы нужно обозначить кольями. Затѣмъ изслѣдовать самый грунтъ на два фута глубины, чтобы удостовѣриться, состоитъ-ли онъ изъ песку или изъ ила (limon).

2) Измѣрить середину озеръ, преимущественно въ направленіи отъ юга къ сѣверу, чтобы узнать наибольшую глубину ихъ.

3) Измѣрить также природный каналъ, соединяющій оба озера, чтобы

вами ему проектъ объ осушеніи болотъ въ Псковской губерніи при посредствѣ пониженія уровня водъ Чудскаго и Псковскаго озеръ, и отдавая справедливость добрымъ намѣреніямъ, которыми вы руководились при составленіи этого проекта, поручилъ мнѣ выразить вамъ высочайшую благодарность».

Вышеприведенный проектъ академика Паррота тѣмъ болѣе интересенъ, что въ настоящее время, кажется, дѣлаются изысканія для прорытія обходнаго канала у Нарвскаго водопада въ видахъ безпрепятственнаго судоходства по рѣкѣ Наровѣ.

М Мардарьевъ.

узнать, останется-ли онъ судоходнымъ для барокъ и баржъ, если уровень его водъ также понизится на десять футовъ; при этомъ нужно помѣтить мѣста, гдѣ окажется необходимымъ произвести выемку земли. Пониженіе уровня воды канала также обнажатъ по обѣ стороны полосы земли, которая можно будетъ съ пользою утилизировать.

4) Произвести измѣренія въ рѣкѣ Наровѣ отъ Пейпуса до водопада, чтобы также узнать, останется-ли она судоходною для барокъ (длинные и широкія барки, сидяція не болѣе двухъ футовъ въ водѣ, совершенно достаточны для предполагаемой торговли) при пониженіи уровня воды на десять футовъ.

5) Измѣрить водопадъ, чтобы узнать ширину образующаго его известкового бара, на десять футъ глубины ниже его уровня. Это изслѣдованіе дастъ возможность рассчитать приблизительно главные расходы всего предпріятія.

Кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ выгодъ можно прибавить еще, что пониженіе уровня водъ озера Пейпуса повліяетъ также благопріятно и на мѣстности, лежація вокругъ небольшого озера Вирцьервъ и вдоль рѣки Эмбаха.

Въ заключеніе авторъ позволяетъ себѣ замѣтить, что если измѣренія докажутъ, что пониженіе уровня водъ на десять футовъ представитъ слишкомъ большія затрудненія, то можно ограничиться 7 или 8 футами и то получатся блестящіе результаты.

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

О Т Ъ

МОСКВЫ ДО КРАСНОЙ ПАХРЫ.

VI ¹⁾.

Свиданіе князя Кутузова съ Лористоновъ.

Не только вниманіе всей Россіи съ тревожнымъ ожиданіемъ спасенія отечества было обращено на Тарутинскій лагерь, но и привлекало вниманіе самого Наполеона. Если даже самоувѣренность завоевателя и отклоняла мысль объ опасности, которая грозитъ ему оттуда въ военномъ отношеніи, то послѣ неудачи войти въ переговоры о мирѣ, непосредственно съ русскимъ императоромъ, онъ понималъ, конечно, что могъ начать ихъ единственно чрезъ посредство только князя Кутузова. Рѣшившись сдѣлать первый шагъ, обращаясь къ императору Александру, онъ могъ уже, разъ побѣдивъ свою гордость, сдѣлать и второй — обратиться къ его главнокомандующему. Такъ поступилъ повелитель всей Западной Европы!

На третій день послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Тарутинскій лагерь, князь Кутузовъ, отдавая окончательныя порученія князю Волковскому, котораго немедленно собирался отпустить обратно въ Петербургъ, получилъ слѣдующее письмо маршала Бертье къ неаполитанскому королю: «Императоръ, намѣреваясь послать одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ къ главнокомандующему Кутузову, желаетъ знать день, часъ и мѣсто, гдѣ и когда онъ пожелаетъ его принять»²⁾.

¹⁾ См. «Русск. Стар.» октябрь, 1898 г.

²⁾ Письмо Бертье къ Мюрату 4-го октября н. ст. 1812 года. Смори «Chambroy Histoire de l'expédition en Russie», Vol. 3, приложение къ втор. изданію документы, стр. 418—419.

— Чего хочеть отъ меня Наполеонъ, — сказалъ, прочитавъ это письмо фельдмаршалъ, и, предугадывая значеніе этого посольства и соображая, какъ имъ лучше воспользоваться, спросилъ:—который теперь часъ?

— 10 часовъ,—отвѣчалъ князь Волконскій.

— Я спросилъ объ этомъ для того,—продолжалъ князь Кутузовъ, отвлекая вниманіе своего собесѣдника отъ гнѣздившихся въ его головѣ соображеній, что должно выиграть время и сколь возможно долѣе держать французовъ въ бездѣйствіи. Обыкновенно они атакуютъ не ранѣе полудня, отобѣдавъ. Надо извѣстить, что я самъ приѣду на передовые посты для переговоровъ, а между тѣмъ пройдетъ день ¹⁾).

Едва ли можно предполагать, что въ предложеніи Наполеона князь Кутузовъ усматривалъ обманъ и опасался внезапнаго нападенія французовъ; но предвидя значеніе неожиданной попытки Наполеона завязать переговоры, онъ желалъ обдумать, какъ воспользоваться этимъ случаемъ и какія принять къ тому мѣры.

Слухъ, что приѣдетъ посольство Наполеона для переговоровъ съ фельдмаршаломъ, немедленно распространился по лагерю и произвелъ тревогу. Всѣмъ и каждому была противна мысль о мирѣ или о перемиріи съ врагомъ отечества, къ которому всѣ и каждый воодушевлены были только чувствомъ мщенія, но это общее всѣмъ чувство выражалось различно. Войска, питавшія глубокое довѣріе къ фельдмаршалу, видѣли въ этой попыткѣ къ миру слабость непріятеля и почувствовали свою силу; люди, преданные князю Кутузову, были увѣрены, что онъ ловко воспользуется этимъ обстоятельствомъ для пользы отечества. Умышленные и неумышленные враги фельдмаршала, которыми орудовали первые безъ ихъ собственнаго сознанія, выражали вообще всѣ сильное негодованіе. Имъ казалось, что не слѣдовало входить ни въ какія сношенія съ Наполеономъ, что согласіе князя Кутузова принять его уполномоченнаго обнаруживало слабость характера престарѣлаго вождя, унижало достоинство Россіи, угрожало законнымъ видамъ Европы. Они собрались въ квартирѣ Беннигсена и рѣшили дѣйствовать въ этомъ случаѣ чрезъ сэра Роберта Вильсона, который желалъ во что бы ни стало отклонить фельдмаршала отъ этого намѣренія: горячился, угваривалъ другихъ содѣйствовать ему въ его предпріятіи и прямо заявлялъ, что если состоится это свиданіе, то выгоды Англіи требуютъ, чтобы онъ въ такомъ случаѣ присутствовалъ при немъ.

— Успокойтесь, господа, — сказалъ князь Кутузовъ окружавшимъ

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, «Исторія Отечеств. войны», т. V, полное собр. соч., гл. IV, стр. 53, со словъ князя Волконскаго.

его офицерамъ и генераламъ, — Наполеонъ можетъ меня разбить, но обмануть никогда.

Наканунѣ пріѣзда Лористона въ Тарутинскій лагерь, сэръ Робертъ Вильсонъ отправился изъ главной квартиры въ нашъ авангардъ. На другой день рано утромъ на всѣхъ рысяхъ прискакалъ къ нему казакъ съ запискою отъ Беннигсена, въ которой онъ просилъ его какъ отъ себя, такъ и отъ лица многихъ генераловъ немедленно возвратиться въ главную квартиру, извѣщая, что фельдмаршалъ согласился на свиданіе съ Лористономъ сегодняшнюю ночью за нашими аванпостами. Извѣстивъ о своемъ отъѣздѣ начальника авангарда Милорадовича, Вильсонъ явился въ квартиру Беннигсена, который ожидалъ его вмѣстѣ съ нѣсколькими другими генералами. Они рассказали ему, что фельдмаршалъ согласился на свиданіе даже за нѣсколько верстъ отъ нашихъ войскъ и далъ объ этомъ письменное извѣщеніе; вѣроятно, при этихъ переговорахъ будетъ присутствовать самъ Наполеонъ, что можно предполагать по тому, что Лористонъ будто-бы увѣдомилъ, что при немъ будетъ находиться одинъ изъ его пріятелей. Эти нелѣпые слухи волновали генераловъ; они говорили даже, что фельдмаршалъ, оставляя свой станъ и отправляясь къ непріятелю для переговоровъ, тѣмъ самымъ слагаетъ съ себя свою власть и они могутъ отказать ему въ повиновеніи. Такимъ образомъ генералъ Беннигсенъ поощрялъ почти явное возстаніе противъ фельдмаршала. Они просили генерала Вильсона отправиться къ фельдмаршалу и отклонить его отъ этого намѣренія.

Представитель англійскаго правительства въ нашемъ военномъ станѣ и притомъ облеченный довѣріемъ императора, какъ считалъ себя сэръ Робертъ Вильсонъ, получивъ дозволеніе писать къ нему непосредственно, принялъ это предложеніе. Полагая, что онъ поставленъ наставникомъ и руководителемъ нашихъ военачальниковъ и представителемъ европейскихъ интересовъ, конечно, съ точки зрѣнія Англій, что практикуется и доселѣ со стороны ея агентовъ, онъ явился къ князю Кутузову.

— Вѣроятно, вы привезли мнѣ извѣстія изъ авангарда?—спокойно спросилъ его фельдмаршалъ.

Но когда англійскій генералъ объяснилъ цѣль своего посѣщенія, князь Кутузовъ измѣнился въ лицѣ и сказалъ ему, что онъ главнокомандующій войсками и знаетъ, что можетъ быть вредно или полезно вѣренному ему дѣлу. Онъ объявилъ ему, что непремѣнно исполнить свое намѣреніе и совѣтовалъ ему увлекаться на этотъ разъ болѣе преданностью къ русскому императору, чѣмъ уже извѣстнымъ своимъ негодованіемъ къ

Наполеону ¹⁾. Сэръ Робертъ Вильсонъ вышелъ отъ Кутузова въ высшей степени раздраженнымъ и громко порицалъ его намѣренія. Потомъ, когда сэръ Роберту Вильсону удалось уговорить герцога Виртембергскаго и принца Ольденбургскаго вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ фельдмаршалу и снова просить его отказаться отъ своего намѣренія, князь Кутузовъ, встрѣтивъ сильное противоборство своему мнѣнію, какъ часто встрѣчала и всѣ его предположенія со стороны тѣхъ лицъ, которые считали себя въ правѣ и призванными къ тому, чтобы противорѣчить и спорить съ нимъ, обѣщаль послать для свиданія съ уполномоченнымъ Наполеона князя Волконскаго.

Возвратившись въ свою квартиру послѣ этого свиданія, Вильсонъ немедленно написалъ письмо къ императору и лорду Каткарту: «Имѣю честь донести вашему величеству, писалъ онъ къ государю, что фельдмаршалъ князь Кутузовъ сообщилъ мнѣ сегодня поутру о своемъ намѣреніи имѣть свиданіе съ Бонапартовымъ генераль-адъютантомъ на передовыхъ постахъ. Я счелъ долгомъ сдѣлать ему самыя твердыя и рѣшительныя представленія противъ такого намѣренія, которое не соотвѣтствовало бы достоинству вашего величества и непременно оказало бы вредное вліяніе, совершенно несогласное съ выгодами вашего величества, потому что оно ободрило бы непріятеля, возбудило бы неудовольствіе въ войскахъ и недоувѣріе въ иностранныхъ государствахъ.

«Я представилъ фельдмаршалу, что такое нарушеніе этикета легко можетъ быть истолковано въ худую сторону и притомъ не принесетъ никакой пользы и можетъ показаться для многихъ остаткомъ вашей личной дружбы къ Наполеону. Его королевское величество герцога Виртембергскій и принцъ Ольденбургскій поддерживали мое мнѣніе, и наконецъ фельдмаршалъ согласился на наше предложеніе послать князя Волконскаго, который присутствовалъ при нашемъ разговорѣ и теперь поѣхалъ навстрѣчу генерала Лористона».

Возможность свиданія князя Кутузова съ генераломъ Лористономъ такъ озабочивала сэра Роберта Вильсона, что вслѣдъ за письмомъ къ императору онъ въ тотъ же день написалъ объ этомъ и къ лорду Кат-

¹⁾ Это обстоятельство вложено Вильсономъ въ его повѣствованіи о войнѣ 1812 г. (*Geheim Geschichte*, стр. 158—165), и только это одно обстоятельство я почерпываю изъ этого сочиненія, хотя о немъ не упоминается ни въ его современныхъ письмахъ къ императору и лорду Каткарту. Но онъ могъ умолчать о немъ въ своихъ письмахъ, потому что дѣло шло о такихъ дѣйствіяхъ Беннигсена, которыхъ, безъ сомнѣнія, не потерпѣлъ бы императоръ. Онъ не хотѣлъ поставить его въ непріятное положеніе, будучи его другомъ, почитателемъ его военныхъ дарованій, предлагавшимъ смѣнить Кутузова и замѣстить Беннигсеномъ. Что же касается до дневника, то онъ только тѣмъ отличается отъ современныхъ писемъ Вильсона, что заключаетъ въ себѣ много пропусковъ.

карту, въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ, добавивъ при томъ, что такое нарушеніе этикета можетъ показаться остаткомъ личной дружбы государя къ Наполеону, и свои опасенія, что можетъ быть фельдмаршалъ и не раздѣляетъ тѣхъ чувствъ въ отношеніи къ Бонапарту и значенію этой войны, которыми преисполненъ императоръ. Его лѣта и состояніе его здоровья не дѣлаютъ его способнымъ къ производству строгой кампаніи, а его дряхлость всегда болѣе или менѣе будетъ склонять его къ желанію мира.

Въ этихъ словахъ выразилась настоящая причина, почему предстоящее свиданіе князя Кутузова съ Лористономъ такъ волновало и озабочивало англійскаго агента. Онъ догадывался, что князь Кутузовъ прежде всего русскій человѣкъ и не можетъ быть слѣпымъ орудіемъ англійской политики; что онъ можетъ мыслить согласно съ нею только въ той мѣрѣ, въ какой она согласовалась съ выгодами Россіи.

Но въ чемъ же заключалось бы нарушеніе этикета, если бы фельдмаршалъ выѣхалъ на свои аванпосты для свиданія съ Лористономъ? Выборъ мѣста свиданія зависѣлъ вполнѣ отъ него, а предметъ переговоровъ не былъ никому извѣстенъ. Почему въ этомъ случаѣ князь Кутузовъ явился бы не въ качествѣ главнокомандующаго, а какъ бы полномочнымъ лицомъ отъ императора, и его свиданіе съ Лористономъ могло бы имѣть видъ остатка той личной дружбы, которую императоръ выражалъ нѣкогда въ отношеніи къ Наполеону.

Притомъ главнокомандующимъ враждебными арміями и въ самый разгаръ войны могутъ представляться случаи входить въ переговоры между собою, что и совершается по обстоятельствамъ очень часто. Конечно, фельдмаршалъ, зная, что войска только недавно прибыли въ Тарутинскій лагерь, который онъ не успѣлъ еще привести въ надлежащее оборонительное положеніе, не желалъ въ такомъ видѣ показать его французскому генералу. Но дѣйствительно ли онъ рѣшился имѣть свиданіе съ Лористономъ на аванпостахъ, утверждать вполнѣ нельзя.

Послѣ же разговора съ Вильсономъ и его товарищами фельдмаршалъ поручилъ князю Волконскому ѣхать на передовые посты, вызвать генерала Лористона, спросить его, съ какою цѣлью онъ присланъ, и если имѣетъ письмо отъ Наполеона, то взять и привезти его.

Очевидно, князь Кутузовъ, давая такое порученіе, желалъ показать, будто-бы онъ уступаетъ требованію генерала Вильсона и его сообщниковъ, которые предполагали, что тѣмъ самымъ и окончатся всѣ попытки начать переговоры.

Фельдмаршалъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ, что генералъ-адъютантъ французскаго императора, присланный для личныхъ съ нимъ переговоровъ, не согласится исполнить подобнаго требованія. Доста-

точно опытный царедворецъ князь Волконскій тоже не могъ этого не понять.

— Но что прикажете дѣлать,—сказалъ онъ князю Кутузову,—если Лористонъ не захочетъ объяснить мнѣ своего порученія и не отдастъ письма?

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—скажи, что пошлешь ко мнѣ за приказаніями; но только вели адъютанту ѣхать какъ можно тише.

Такъ и случилось; конечно, генераль Лористонъ, выѣхавъ немедленно по вызову князя Волконскаго на аванпосты, отвѣчалъ на его предложеніе отказомъ и объявилъ, что онъ посланъ императоромъ Наполеономъ для переговоровъ лично съ фельдмаршаломъ, поэтому не можетъ ни объяснить ему своего порученія, ни передать письма императора къ князю Кутузову. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, князь Волконскій, исполняя приказаніе фельдмаршала, объявилъ, что онъ пошлетъ къ нему своего адъютанта, и просилъ подождать дальнѣйшихъ распоряженій. Генераль Лористонъ согласился.

Хотя онъ былъ самъ по себѣ честный и добрый человекъ, но какъ всѣ клеветы Наполеона до такой степени былъ зараженъ гордостью своего повелителя и такъ былъ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми, въ качествѣ французовъ и вѣрныхъ слугъ Наполеона, что подобный поступокъ сговорчивости и уступчивости Лористона служилъ явнымъ доказательствомъ бѣдственнаго положенія французовъ.

Отправивъ къ фельдмаршалу своего адъютанта Нащокина, князь Волконскій поручилъ ему пустить въ скачъ свою лошадь, пока не уѣдетъ изъ виду французовъ, а потомъ ѣхать шагомъ и какъ можно тише. Князь Кутузовъ, задержавъ Нащокина на столько, чтобы Лористонъ могъ пріѣхать въ Тарутино уже ночью, поручилъ ему передать князю Волконскому, чтобы онъ заявилъ французскому уполномоченному, что фельдмаршалъ готовъ его принять въ своей главной квартирѣ.

Отправивъ адъютанта къ князю Кутузову, князь Волконскій предложилъ Лористону отправиться каждому въ свой авангардъ.

Но въ это время отъ передовой цѣпи французовъ подѣхалъ Мюратъ, а отъ нашей—Беннигсенъ и Милорадовичъ. Вѣроятно, барону Беннигсену, такъ громко осуждавшему недавно фельдмаршала, за согласіе на свиданіе съ уполномоченнымъ Наполеона, захотѣлось и самому заявить о своемъ присутствіи въ русскихъ войскахъ. Что же касается до Милорадовича, то ему не разъ уже приходилось встрѣчаться на аванпостахъ съ неаполитанскимъ королемъ. Подѣхавъ къ нему, какъ старому знакомому, Мюратъ сказалъ:

— Долго ли еще будетъ продолжаться война?

— Не мы начали войну,—отвѣчалъ Милорадовичъ.

— Я нахожу, что вашъ климатъ суровъ для неаполитанскаго короля, — замѣтилъ Мюратъ.

Извѣстіе, что Беннигсенъ ѣздилъ на аванпосты, чтобы показать себя Лористону и Мюрату, крайне взволновало его постоянного защитника и поклонника генерала Вильсона.

Къ приготовленному уже письму къ лорду Каткарту, въ 8 часовъ вечера, въ тотъ же день онъ приписалъ: «Я къ сожалѣнію долженъ сообщить, что генераль Беннигсенъ поѣхалъ на передовые посты и объявилъ желаніе видѣть Мюрата, если онъ близко находится. Мюратъ появился и, послѣ взаимныхъ учтивостей, выражалъ надежду на переговоры, которые могутъ положить конецъ войнѣ. Эти добровольныя свиданія и вѣжливость генерала Беннигсена произвели непріятное впечатлѣніе».

«Между тѣмъ, говорить одинъ изъ современниковъ очевидцевъ, приказано было перемѣстить войска и нѣкоторые полки, для того чтобы скрыть отъ непріятели настоящее ихъ расположеніе и размѣщеніемъ ихъ по обширности мѣста дать видъ многочислія. Приказано было къ вечеру во всѣхъ полкахъ развести огни, варить кашницу съ мясомъ, пѣть пѣсни и играть музыкѣ. Такимъ образомъ по всему лагерю открылась у насъ иллюминація и шумное веселье; радость всѣхъ была непринужденна, когда услышали, что въ этотъ вечеръ пріѣдетъ къ фельдмаршалу посланникъ просить мира. Тогда мы уже совершенно были увѣрены, что наша беретъ и скоро погонимъ французовъ изъ Россіи»¹⁾.

Князь Кутузовъ, носившій всегда военный сюртукъ, въ первый разъ надѣлъ мундиръ и такъ какъ у него не оказалось новыхъ эполетъ, то взялъ ихъ у Коновницына.

Выйдя изъ избы, онъ сказалъ обратясь къ окружавшимъ его офицерамъ:

— Господа! можетъ быть съ Лористонемъ пріѣдутъ французскіе офицеры, то прошу васъ ни о чемъ другомъ не говорить съ ними, какъ о дождѣ и о погодѣ.

Въ половинѣ одиннадцатаго часа пополудни пріѣхалъ въ Тарутино Лористонъ, на дрожкахъ вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, безъ всякой свиты. Въ простой крестьянской избѣ его принялъ фельдмаршалъ въ присутствіи нѣсколькихъ генераловъ, въ числѣ которыхъ находился и Вильсонъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій онъ далъ знакъ, чтобы всѣ удалились и обращаясь къ англійскому агенту, сказалъ:

¹⁾ Записки артиллериста, ч. I, стр. 218.

-- Прощайте генераль Вильсонъ (*general Wilson je vous souhaite le bon soir*).

Потерпѣвъ неудачу въ исполненіи своего намѣренія присутствовать при переговорахъ фельдмаршала съ генераломъ Лористономъ, раздраженный англичанинъ вышелъ изъ избы и приблизился къ небольшой кучкѣ офицеровъ, которыхъ собрало тревожное любопытство около этой избы. Въ числѣ ихъ находился баронъ Кроссаръ. Случайно онъ первый оказался вблизи Вильсона и долженъ былъ выслушать его желчный рассказъ, какъ выпроводилъ его отъ себя князь Кутузовъ.

— Я слушалъ,—говоритъ онъ,— выраженія его неудовольствія, его обвиненія Кутузова и подозрѣнія, которыя его волновали. Въ моемъ положеніи¹⁾ я не могъ позволить себѣ выражать такъ-же громко мои порицанія; но и я, поддакивая англійскому генералу, оскорблялъ Кутузова подозрѣніемъ, конечно, не въ измѣнѣ своему государю, но въ слабости, робости, готоваго пожертвовать Россією, и слѣдовательно Европою, уступая весьма невеликодушнымъ чувствамъ Я считалъ его ниже положенія дѣлъ. Какое оскорбленіе! Какое заблужденіе! До какой степени было преступно это наше заблужденіе. Геній Кутузова былъ гораздо выше тѣхъ затрудненій, которыми онъ былъ окруженъ²⁾.

Благородное сознаніе честнаго челоуѣка избавляетъ его отъ упрека исторіи, но въ то же время клеймитъ позоромъ мелочности и увлеченія страстью тѣхъ современниковъ, которые даже и впослѣдствіи не успѣли отрезвиться и одуматься, а особенно тѣхъ еще потомковъ, которые, послѣ многихъ лѣтъ принимаясь за дѣло историка, или заднимъ числомъ увлекаются страстью, или неспособны добросовѣстно относиться къ историческимъ даннымъ.

Въ маленькой избѣ, въ одно окно, былъ поставленъ простой крестьянскій столъ, съ двумя на немъ свѣчами, и по обѣимъ сторонамъ два такихъ же стула, на которыхъ сѣли одинъ противъ другого князь Кутузовъ и генераль Лористонъ. Столъ былъ поставленъ передъ маленькимъ оконцемъ избы, и все, что тамъ происходило, было видно кучкѣ офицеровъ, зорко наблюдавшихъ за движеніями разговаривавшихъ. Словъ не слышали и слышать не могли по отдаленности; но по движеніямъ того или другого изъ собесѣдниковъ, догадывались не о содержаніи, конечно, рѣчей, но о тѣхъ чувствахъ, которыя ихъ одушевляли.

«Когда генераль Лористонъ, говоритъ баронъ Кроссаръ, объяснилъ цѣль своего посольства, намъ было ясно видно, что Кутузовъ слушалъ его спокойно; но съ первыхъ же словъ его отвѣта мы замѣтили, что

¹⁾ Кроссаръ только недавно пріѣхалъ въ армію.

²⁾ Mémoires militaires et historiques par Baron de Crossard. Vol. V chap. XLV, стр. 4.

генераль Лористонъ сдѣлалъ движеніе, которое показывало, что онъ съ удивленіемъ отрицаетъ обращенное къ нему обвиненіе. Вообще всѣ послѣдовавшія затѣмъ движенія показались намъ со стороны Кутузова, какъ упреки, а со стороны Лористона оправданія, которымъ онъ, по видимому, желалъ придать важность. Наконецъ, это свиданіе окончилось скорѣе нежели предполагали».

Дѣйствительно, послѣ получаса времени князь Кутузовъ пригласилъ князя Волконскаго, и затѣмъ черезъ четверть часа съ нимъ вышелъ изъ избы и генераль Лористонъ и немедленно отправился къ своимъ передовымъ постамъ. Хотя при переговорахъ съ обѣихъ сторонъ была соблюдена въ высшей степени учтивость и не было замѣтно никакой раздражительности, однако при отъѣздѣ офицеры примѣтили, по нѣкоторымъ движеніямъ, что Лористонъ былъ смущенъ, а нѣкоторымъ показалось, что даже онъ ворчалъ про себя, какъ недовольный. Они заключали по этому, что ему не удалось достигнуть цѣли своего посольства—и не ошиблись.

Въ чемъ состоялъ разговоръ нашего фельдмаршала съ уполномоченнымъ Наполеона?

Главнымъ источникомъ и историческимъ свидѣтельствомъ, на основаніи котораго можно отвѣчать на этотъ вопросъ, должно служить донесеніе о немъ императору. Вотъ оно: «я еще одни сутки долженъ былъ задержать генераль-адъютанта князя Волконскаго, получивъ сегоднешняго утра чрезъ парламентаря письмо, которымъ означено, что императоръ Наполеонъ желаетъ съ важными препорученіями отправить ко мнѣ своего генераль-адъютанта. Князь Волконскій донесетъ вашему величеству обо всѣхъ пересылкахъ, которыя по сему случаю были, и наконецъ къ вечеру прибылъ ко мнѣ Лористонъ, бывшій въ С.-Петербургѣ посолъ, который распространился о пожарахъ бывшихъ въ Москвѣ, не виня французовъ, но малое число русскихъ оставшихся въ Москвѣ; предлагалъ размѣнъ плѣнныхъ, въ которомъ ему отъ меня было отказано, а болѣе всего распространялся объ образѣ варварской войны, которую мы съ ними ведемъ. Сіе относительно не къ арміи, а къ жителямъ нашимъ, которые нападаютъ на французовъ по-одиночкѣ или въ маломъ числѣ ходящихъ, поджигаютъ сами дома свои и хлѣбъ съ полей собравный,—съ предложеніемъ неслыханнымъ, такіе поступки унять.

«Я увѣрялъ его, что ежели бы я и желалъ перемѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не могъ бы успѣть для того, что они войну сію почитаютъ равно какъ бы нашествіе татаръ, и я не въ состояніи перемѣнить ихъ воспитаніе. Наконецъ, дошелъ до истиннаго предмета его посланія, т. е. говорить сталъ о мирѣ, что дружба, существовавшая между вашимъ императорскимъ величествомъ и императоромъ Наполеономъ,

разорвалась несчастливымъ образомъ, по обстоятельствамъ совѣмъ постороннимъ и что теперь могъ бы еще быть удобный случай оную возстановить. Эта война необыкновенная, ужасная, говорилъ онъ, должна ли вѣчно продолжаться? Государь, мой повелитель, искренно желаетъ положить конецъ несогласіямъ между двумя народами, великими и великодушными, и положить его навсегда. Я отвѣтствовалъ ему, что я никакого наставленія на сіе не имѣю, и что при отправленіи меня къ арміи названіе мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ, всѣ сіи слова, отъ него мною слышанныя, происходятъ ли они, какъ его собственныя разсужденія, или имѣютъ источникъ свыше, что я сего разговора ни въ которомъ случаѣ и передать государю своему не желаю. Меня бы прокляло потомство, если бы узнало, что я подалъ первый поводъ къ какому бы то ни было примиренію. Таково теперь общее настроеніе нашего народа. При семъ случаѣ подалъ онъ мнѣ письмо императора Наполеона, съ коего при семъ списокъ прилагается, и просилъ меня испросить у вашего величества согласія ему, Лористону, по сему предмету прибыть въ Петербургъ и предложить, въ ожиданіи сего отвѣта, перемиріе, въ которомъ я ему отказалъ. При семъ случаѣ разсчитывалъ съ нетерпѣніемъ время, когда на сіе отвѣтъ придти можетъ. Сіе требованіе его обѣщалъ ему исполнить, т. е. донести о желаніи семъ императора Наполеона вашему императорскому величеству» ¹⁾.

Императоръ Наполеонъ, занявъ Москву, провозгласилъ себя побѣдителемъ, и вся Европа ему вѣрила; онъ былъ увѣренъ, что русскій императоръ будетъ умолять его о заключеніи мира. Конечно тяжело было покориться жестокой необходимости и самому предложить миръ въ письмѣ къ императору. Еще тяжелѣе было ему, не получивъ отвѣта на свое письмо, писать къ русскому главнокомандующему, и вѣроятно, Лористону поручено было, только въ крайнемъ случаѣ, передать его письмо князю Кутузову. Приведенное донесеніе государю даетъ поводъ къ такому предположенію. Изъ него видно, что Лористонъ, уже послѣ многихъ разговоровъ, передалъ это письмо князю Кутузову. Но если ему не хотѣлось или было тяжело немедленно, пріѣхавъ на свиданіе, передать его, то безъ сомнѣнія князю Кутузову нужно было убѣдиться въ его существованіи и получить это письмо. Съ этою цѣлью, конечно, выслушавъ наконецъ заявленія Лористона о желаніи его государя окончить войну и заключить миръ, онъ объявилъ рѣшительно, что такого заявленія не позволитъ себѣ даже довести до свѣдѣнія русскаго государя.

Только послѣ такого отвѣта со стороны князя Кутузова Лористонъ передалъ ему слѣдующее письмо Наполеона.

¹⁾ Донесеніе князя Кутузова императору изъ Тарутина, сентября 23-го дня 1812 г.

«Князь Кутузовъ! [я посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генераль-адъютантовъ для переговоровъ о многихъ важныхъ предметахъ. Я желалъ бы, чтобы ваша свѣтлость вѣрила тому, что онъ вамъ скажетъ и особенно, когда выразитъ вамъ чувства уваженія и особеннаго вниманія, которыя издавна я къ вамъ питаю. За симъ молю Бога, чтобы онъ сохранилъ васъ, князь Кутузовъ, подъ своимъ покровомъ» ¹⁾).

Прочитавъ это письмо, когда Лористонъ сталъ просить его о томъ, чтобы онъ исходатайствовалъ ему дозволеніе императора Александра пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ, князь Кутузовъ согласился исполнить его желаніе, прибавивъ что счастливый случай дастъ ему самый вѣрный способъ:

— Князь Волконскій,—сказалъ онъ,—котораго вы видѣли и который пользуется полнымъ довѣріемъ государя, завтра ѣдетъ въ Петербургъ и я съ нимъ отправлю мое донесеніе.

— Не лучше ли послать курьера,—замѣтилъ Лористонъ,—онъ доѣдетъ скорѣе.

Но князь Кутузовъ отклонилъ это предложеніе и велѣлъ пригласить къ себѣ князя Волконскаго. Когда онъ вошелъ, фельдмаршалъ, обращаясь къ Лористону, сказалъ:

— Государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе. Спросите у князя Волконскаго, онъ присланъ сюда подтвердить мнѣ сію монаршую волю,—и, передавъ Волконскому сущность переговоровъ съ французскимъ уполномоченнымъ, сказалъ, что съ нимъ пошлетъ свое донесеніе государю о желаніи императора Наполеона, объявленномъ ему генераломъ Лористономъ.

Получивъ отказъ объ отправленіи курьера, Лористонъ предложилъ князю Волконскому для сокращенія пути ѣхать черезъ Москву. Конечно и это странное предложеніе было также отклонено, но оно самымъ очевиднымъ образомъ обличало, какъ и все общее поведеніе Лористона во время свиданія, то безвыходное положеніе непобѣдимаго Наполеона съ его великою арміею, при которомъ единственнымъ спасеніемъ могло быть заключеніе мира, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Французскій уполномоченный, шадя гордость своего повелителя, долго не передавалъ его письма, которое по своему содержанію есть вѣрующая грамота на полномочіе говорить отъ лица Наполеона. Князь Кутузовъ бесѣдуетъ съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ, почтеннымъ лицомъ Франціи, но когда рѣчь дошла до того, какое значеніе можетъ имѣть эта бесѣда, то онъ прямо заявляетъ, что не придаетъ ей ника-

¹⁾ Письмо Наполеона помѣчено: à Moscou le 3 octobre 1812 г., на пакетѣ подпись: à M. le prince Koutouzow généralissime de l'armée russe.

кого государственнаго и политическаго характера, а потому и не до-несеть о ней своему государю.

Представитель гордаго завоевателя, вмѣсто того, чтобы немедленно прервать переговоры, смиренно представляетъ князю Кутузову письмо Наполеона. Получивъ же его согласіе на представленіе о томъ государю, разсчитываетъ дни, когда можетъ быть полученъ отвѣтъ, проситъ послать фельдъегеря, который доѣдетъ скорѣе, а затѣмъ предлагаетъ князю Волконскому, для сокращенія пути, ѣхать черезъ Москву!

Князь Кутузовъ вполне достигъ своей цѣли; онъ, конечно, понималъ, что, занявъ Москву, Наполеонъ поставилъ свое войско въ безвыходное положеніе, но ему нужно было подтвержденіе справедливости его взгляда со стороны самихъ непріятелей; ему нужно было такъ сказать собственное сознаніе подсудимаго, и онъ получилъ все это въ письмѣ Наполеона, въ образѣ дѣйствій и рѣчахъ его уполномоченнаго. Онъ вполне сознавалъ, что Наполеону далѣе уже идти было не возможно, оставалось только отступать. Отступление на Смоленскъ, по той же самой дорогѣ, по которой онъ пришелъ, опустошенной на большія пространства по обѣимъ ея сторонамъ, было бы самымъ для него невыгоднымъ, ужаснымъ, грозившимъ большими опасностями и потерями для войскъ. Но именно поэтому всѣ соображенія русскаго военначальника и должны были состоять въ томъ, чтобы заставить его отступать по этой дорогѣ. Съ этою цѣлью и совершенно было боковое движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую.

Но могъ ли предполагать князь Кутузовъ, на третій день послѣ того, какъ русскія войска остановились лагеремъ въ Тарутинѣ, когда они еще не успѣли отдохнуть послѣ утомительнаго отступления почти отъ самыхъ границъ, когда убыль не была еще пополнена, подкрѣпленія еще не прибыли, когда войско не было устроено—выдержать напоръ доведеннаго до отчаянія непріятели, предводимаго Наполеономъ?

Не задаваясь желаніемъ отгадать то, какія могли бы произойти послѣдствія, если бы оно совершилось на самомъ дѣлѣ, а потому не отвѣчая на этотъ вопросъ ни положительно, ни отрицательно, нельзя не замѣтить, что онъ долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе фельдмаршала. Онъ не только не долженъ былъ вызывать опасности, но напротивъ, если не отклонить ее совершенно, то отсрочить, принявъ всѣ способы для того, чтобы противодѣйствовать непріятели съ полною надеждою на успѣхъ. Для этого нужно было усилить и устроить войско, что, конечно, требовало времени. Выиграть время, усыпить Наполеона въ Москвѣ, какъ выражался самъ князь Кутузовъ — вотъ къ какой цѣли направлены были всѣ его помыслы и дѣйствія.

Поэтому онъ отклонялъ непрерывныя настоянія непрошенныхъ совѣтниковъ дѣйствовать наступательно; поэтому онъ поддерживалъ

надежду Лористона на возможность мирныхъ переговоровъ и тѣмъ заставилъ ожидать отвѣта изъ Петербурга на предложенія Наполеона. Нужно ли говорить о томъ, что князю Кутузову, какъ представителю общаго настроенія русскаго народа въ это время, не могла приходить въ голову мысль о мирѣ съ Наполеономъ,—и оправдывать его отъ такихъ нелѣпыхъ подозрѣнй.

Два мѣсяца спустя послѣ свиданія съ Лористономъ, князь Кутузовъ говорилъ въ Копылѣ одному изъ плѣнныхъ французскихъ генераловъ, «что всего болѣе удивляется тому, какъ легко удалось ему тѣ хитрости, которыми онъ старался задержать Наполеона въ Москвѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавилъ онъ, какъ мнѣ были смѣшны всѣ его притязанія на миръ тогда, когда онъ, очевидно, не имѣлъ уже достаточныхъ силъ продолжать войну»¹⁾).

Свиданіе князя Кутузова съ Лористономъ составляетъ одно изъ важныхъ событій въ исторіи 1812 года, а потому всякая подробность ихъ разговора обращаетъ на себя особое вниманіе. Донесеніе фельдмаршала императору по самой своей краткости свидѣтельствуемъ, что оно не могло обнимать всѣхъ подробностей разговора, продолжавшагося полчаса, а можетъ быть онъ и не желалъ утомлять вниманіе императора всѣми подробностями, изложивъ только одни главныя основанія, и кромѣ того, вѣроятно, не имѣлъ и времени. Его донесеніе написано немедленно послѣ разговора, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, прежде нежели память могла собрать и привести въ порядокъ съ послѣдовательностью его теченіе, и къ тому же оно было написано на-скоро, чтобы не задержать долѣе князя Волконскаго, который, исполняя волю государя, торопился возвратиться въ Петербургъ.

Лористонъ уѣхалъ изъ Тарутина въ половинѣ 12-го часа ночи; а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня князь Волконскій собирался выѣхать, и дѣйствительно отправился изъ главной квартиры рано утромъ, везя съ собою донесеніе фельдмаршала государю объ этомъ свиданіи.

Разказы князя Волконскаго имѣютъ важное значеніе въ отношеніи конца разговора, при которомъ онъ самъ присутствовалъ, а что говорилось до него, онъ могъ узнать только по разказамъ самого фельдмаршала. Но князь Кутузовъ не ему одному вынужденъ былъ положеніемъ дѣлъ разказывать содержаніе своего разговора съ уполномоченнымъ Наполеона, чтобы успокоить недовольныхъ, и особенно генерала Вильсона, и тѣмъ предотвратить ложные слухи, которые могли распространяться въ лагерь и далѣе.

¹⁾ Письма о войнѣ въ Россіи 1812 г. Шюисбюска генераль-провіантмейстера французскихъ войскъ. Письмо изъ Кохкса 30-го ноября (11-го декабря) 1812 г., стр. 143 и 144.

Если онъ не зналъ, что Вильсонъ имѣлъ право прямо писать императору, то, конечно, хорошо ему было извѣстно, что онъ переписывается съ своимъ посланникомъ въ Петербургѣ, лордомъ Каткартомъ, который всегда можетъ сообщить его извѣстія государю.

Когда уѣхалъ Лористонъ, генераль Вильсонъ вмѣстѣ съ герцогомъ Виртембергскимъ и принцемъ Ольденбургскимъ вошли къ фельдмаршалу. Онъ разсказалъ имъ сущность своего разговора съ Лористономъ, но благоразумно умолчалъ о томъ, что обѣщалъ ему сообщить предложенія Наполеона императору, и тѣмъ поддержалъ надежду на миръ и далъ поводъ ожидать отвѣта изъ Петербурга. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ имъ нѣкоторыя подробности, о которыхъ не упоминаетъ въ донесеніи государю.

Генераль Лористонъ, писалъ Вильсонъ лорду Каткарту, увѣрялъ фельдмаршала, что Москва сожжена не французами, что такой поступокъ такъ несообразенъ съ французскимъ характеромъ, что если бы мы даже взяли Лондонъ, говорилъ онъ, то не сожгли бы и этого города.

Фельдмаршалъ, не признавая въ этомъ дѣлѣ виновными французовъ, сказалъ, что это было послѣдствіемъ общаго мнѣнія русскихъ, которые уважаютъ Москву, но готовы пожертвовать и ею, какъ всякимъ другимъ городомъ имперіи. Этотъ отвѣтъ важенъ потому, что показываетъ, какъ князь Кутузовъ не ошибался и въ этомъ случаѣ, когда ошибалось даже общественное мнѣніе въ Россіи въ это время.

«Фельдмаршалъ увѣрилъ насъ, что потомъ весь этотъ разговоръ былъ о вещахъ весьма не важныхъ; по всему видно, что главный предметъ послышки Лористона состоялъ въ томъ, чтобы договориться о перемиріи, и можетъ быть, развѣдать о его полномочіяхъ, намѣреніяхъ и желаніяхъ, а также о состояніи позиціи. Я увѣренъ, что вы согласитесь со мною, хотя это происшествіе и смягчается отъ перемѣны первоначальнаго намѣренія фельдмаршала принять Лористона на форпостахъ; но тѣмъ не менѣе не можетъ произойти ничего добраго, а произойдетъ вредъ, какъ отъ этого, такъ и будущихъ подобныхъ свиданій. Поэтому необходимо нужно, чтобы его императорское величество объявилъ свою волю, чтобы сообщеніе съ непріателемъ производилось не иначе, какъ письменно, и для поддержанія императорскаго достоинства, чтобы его королевское высочество герцогъ Виртембергскій имѣлъ свѣдѣнія о всѣхъ подобныхъ сношеніяхъ», т. е. чтобы главнокомандующій всѣхъ русскихъ войскъ отдавъ былъ подъ надзоръ подчиненнаго ему генерала.

«Я писалъ уже вамъ, продолжаетъ Вильсонъ, о неосторожности генерала Беннигсена, который имѣлъ свиданіе съ маршаломъ Мюратомъ; но князь Волконскій, присутствовавшій при этомъ свиданіи по при-

глашенію Беннигсена, увѣряетъ, что онъ не слыжалъ, чтобы маршалъ Мюратъ изъявилъ желаніе о мирѣ. Онъ сказалъ только, что здѣшній климатъ не годится для неаполитанскаго короля и развѣ только эти слова можно считать за намекъ о томъ. Я думаю, что генералъ Беннигсенъ теперь уже понимаетъ свою ошибку, однако же, судя по разговору, который я имѣлъ съ нимъ въ присутствіи лорда Терконеля, желательно, чтобы императоръ далъ ему ясно понять, что онъ одинъ предоставляетъ себѣ опредѣлить то время, когда будетъ прилично приступить къ перемирію или къ инымъ переговорамъ съ непріателемъ».

Послѣднія слова показываютъ, что и Беннигсена, англійскаго подданнаго, стѣсняла эта опека, которую присвоилъ себѣ надъ русскими полководцами Робертъ Вильсонъ, несмотря на то, что Беннигсенъ старался ладить съ нимъ, пользуясь имъ какъ орудіемъ, чтобы свергнуть князя Кутузова и самому занять его мѣсто.

«Сверхъ того, писалъ сэръ Робертъ Вильсонъ лорду Каткарту, два дня спустя послѣ свиданія съ Лористономъ, фельдмаршалъ говорилъ, что забылъ упомянуть въ своемъ донесеніи государю, что Лористонъ, убѣждая его заключить перемиріе, сказалъ: «Не думайте, что наши дѣла въ отчаянномъ положеніи, наши арміи почти равны (à peu près égales), правда, что вы ближе къ своимъ подкрѣпленіямъ и про довольствію, но и мы получаемъ подкрѣпленія. Можетъ, дошли до васъ непріятныя для насъ извѣстія о положеніи нашихъ дѣлъ въ Испаніи».

— Да, отвѣчалъ фельдмаршалъ, мнѣ сообщилъ ихъ сэръ Робертъ Вильсонъ, котораго вы сейчасъ видѣли здѣсь. «Генералъ Вильсонъ можетъ имѣть свои причины преувеличивать эти извѣстія», отвѣчалъ Лористонъ, но вслѣдъ затѣмъ сказалъ: «дѣйствительно мы имѣли тамъ неудачи, которыми обязаны глупостямъ Мармона. Мадритъ на время занять англичанами, но наши дѣла въ Испаніи скоро поправятся, туда идутъ уже большіе корпуса войскъ»¹⁾.

Въ нашемъ лагерѣ не знали еще о взятіи Мадрита англичанами. Генералъ Лористонъ первый сообщилъ это извѣстіе, проговорившись князю Кутузову, и потомъ оставилъ нашимъ офицерамъ нумеръ газеты, въ которомъ оно было помѣщено²⁾.

Кромѣ извѣстій Вильсона, нельзя не остановить вниманія на разсказѣ о свиданіи князя Кутузова съ Лористономъ, записанномъ въ журналѣ первой арміи. «Главнoкомандующій чувствовалъ, сказано въ немъ, что въ разговорѣ съ нимъ нужно будетъ дать всю надежду на миръ, и

1) Письмо Вильсона къ лорду Каткарту изъ Тарутина 24-го сентября (6-го октября) 1812 года Private Diary, ч. 1, стр. 185, Narrativ.

2) Письмо лорда Терконеля къ лорду М. 25-го сентября (7 октября) изъ Тарутина.

тѣмъ еще болѣе усыпить Наполеона въ Москвѣ. Послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій Лористонъ въ рѣчахъ своихъ изложилъ миролюбивое расположеніе императора Наполеона, сколь много уважаетъ онъ императора Александра и народъ россійскій. Что Россія и Франція должны быть между собою во всегдашнемъ мирѣ, въ доказательство чего императоръ Наполеонъ готовъ пожертвовать не только всѣми завоеваніями, но согласенъ даже на присоединеніе герцогства Варшавскаго къ Россіи, если бы со стороны правительства нашего были взяты мѣры для продовольствія французской арміи на обратномъ ея маршѣ за Нѣманъ.

«Фельдмаршалъ князь Кутузовъ, выслушавъ предложеніе Лористона, отвѣчалъ: императоръ Наполеонъ, конечно, не сомнѣвается въ миролюбивомъ характерѣ государя моего, который, еще за нѣсколько дней до вступленія войскъ вашихъ въ наши границы, истощилъ всѣ средства, чтобы отклонить императора Наполеона отъ предстоящей войны, но государь вашъ чаялъ покорить Россію, какъ покорилъ Германію. Вы въ Москвѣ, но далеко еще до покоренія Россіи!.. Я предупреждаю васъ, что не имѣю полномочія заключить миръ, что могу только поспѣшить отправленіемъ курьера къ государю моему и ожидать его повелѣній. Впрочемъ, я почти увѣренъ, что на предложенія, вами сдѣланныя, государь вашъ получитъ удовлетворительный отвѣтъ. Послѣ сего генераль Лористонъ просилъ прекращенія военныхъ дѣйствій до полученія отвѣта изъ Петербурга, на что фельдмаршалъ отвѣчалъ, что не имѣя и на то полномочія онъ военныхъ дѣйствій прекратить не можетъ. Потомъ, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ насчетъ жестокости войны, Лористонъ далъ почувствовать, что столь продолжительная война должна быть губельна для обѣихъ сторонъ. Ваша правда, отвѣчалъ фельдмаршалъ, но несчастія сіи нераздѣльны съ войною, которая въ самомъ существѣ лишь теперь только начинается».

Этотъ журналъ писанъ въ то время полковникомъ, а впоследствии графомъ Толемъ, человекомъ не только по служебному положенію, какъ генераль-квартирмейстеръ войска, но и по личнымъ отношеніямъ близкимъ князю Кутузову.

Конечно, такое пропсшествіе, какъ пріездъ уполномоченнаго Наполеона въ станъ русскихъ войскъ, былъ предметомъ толковъ и разговоровъ, которые могли преувеличивать и измѣнять извѣстія, вышедшія изъ первоначальнаго источника и сообщать даже вмѣсто ихъ свои предположенія, они даже могли войти въ частныя записки современниковъ, но не въ журналъ, который велъ графъ Толь. Въ немъ выражена существенная причина, которая заставила князя Кутузова принять Лористона и войти съ нимъ въ переговоры, несмотря на упорныя возраженія со стороны Вильсона, котораго поддерживали принцы Вир-

тембергскій и Ольденбургскій и многія вліятельныя лица въ главной квартирѣ. Князь Кутузовъ сначала сохранялъ побудившую его причину къ свиданію въ тайнѣ, и въ то время могли ее знать только самые близкіе къ нему люди, на скромность которыхъ онъ могъ полагаться, какимъ и былъ графъ Толь.

Придавая же значеніе его показаніямъ—нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что князь Кутузовъ въ своемъ донесеніи государю объ этихъ переговорахъ умолчалъ, что Лористонъ предлагалъ миръ на условіи не только отказаться отъ всѣхъ завоеваній въ Россіи, но и соглашался на присоединеніе къ ней Варшавскаго герцогства; т. е. предлагалъ Россіи большее вознагражденіе, нежели какое она получила послѣ Вѣнскаго договора въ 1815 году.

Это умолчаніе служитъ также доказательствомъ того, до какой степени была далека отъ князя Кутузова въ это время мысль о заключеніи мира съ Наполеономъ.

Можетъ быть онъ не упомянулъ въ своемъ донесеніи о предложеніи Лористона и потому, что зналъ о существованіи въ Петербургѣ многихъ вліятельныхъ людей, которые хотѣли во что бы то ни стало заключить миръ съ Наполеономъ.

Но въ какой мѣрѣ было чужда князю Кутузову и всей Россіи тогда мысль о мирѣ, въ такой же степени она составляла общее желаніе непріятели и единственную его надежду на спасеніе. Пѣвныя единогласно говорили, что императоръ Наполеонъ обѣщалъ своимъ войскамъ заключить немедленно миръ послѣ занятія Москвы. При каждой встрѣчѣ французскихъ генераловъ съ нашими на аванпостахъ, они также выражали это желаніе. Мюратъ говорилъ Беннигсену, что нашъ климатъ непригоденъ для неаполитанскаго короля. Дня черезъ два послѣ того, съѣхавшись съ Милорадовичемъ, онъ выразилъ яснѣе свою мысль и, доказывая необходимость мира, прибавилъ:

— Лично я желаю мира, потому что, какъ король, я долженъ не драться, а управлять своимъ государствомъ.

— Сколько вы желаете мира,—отвѣчалъ Милорадовичъ,—столько мы желаемъ продолженія войны. Впрочемъ, если бы кто у насъ и пожелалъ теперь заключить миръ, то русскіе этого не захотятъ и, правду сказать—я раздѣляю ихъ мнѣніе.

— Надо искоренять народные предрассудки,—замѣтилъ Мюратъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Милорадовичъ,—противъ такихъ предрассудковъ дѣйствовать страшно.

Стоя въ виду одного противъ другого, авангарды обѣихъ армій часто давали случаи съѣзжаться ихъ предводителямъ и говорить между собою.

— Я желалъ бы посмотреть на хорошую кавалерійскую атаку,—

сказалъ Милорадовичъ Мюрату;—мои офицеры и солдаты только того и желаютъ на такомъ открытомъ полѣ. Но ваша кавалерія никогда не показывается безъ прикрытія пѣхотой и артиллеріей.

Мюратъ—молчалъ, а Милорадовичъ продолжалъ.

— Право, не хорошо, что такое множество вашихъ мертвыхъ остается не зарытыми, а ранеными наполненъ лѣсъ. Я дамъ вамъ позволеніе прислать сюда людей, чтобы собрать ихъ.

«Нѣтъ человѣка, писалъ сэръ Робертъ Вильсонъ, сообщая приведенныя извѣстія лорду Каткарту, способнѣе вести разговоры съ этими людьми, какъ Милорадовичъ. Питомецъ Суворова, сподвижникъ незабвеннаго Багратіона, его находчивость, громкій, одушевленный голосъ, живость движеній, даетъ ему превосходство надъ Мюратомъ, а отличная храбрость и неограниченное довѣріе къ нему войскъ заставляютъ и самого непріятеля имѣть къ нему уваженіе».

Генераль баронъ Корфъ также встрѣтился на передовыхъ постахъ съ генераломъ Армандомъ, который завелъ съ нимъ рѣчь.

— Мы, право, очень устали отъ этой войны, — говорилъ онъ, — дайте намъ подорожную и уйдемъ!..

— Нѣтъ генераль, — отвѣчалъ ему Корфъ, — вы пожаловали къ намъ не званые, а потому и уходить вамъ приходится по-французскому обычаю не откланявшись!

— Шутки въ сторону, — продолжалъ французскій генераль, — не грустно ли, что два народа, уважающіе одинъ другого, ведутъ такую истребительную войну! Мы просимъ извиненія въ томъ, что были зачинщиками и охотно соглашаемся помириться съ вами на прежнихъ границахъ.

— Мы вѣримъ, что въ это послѣднее время вы научились уважать насъ, — отвѣчалъ баронъ Корфъ, — но мы сомнѣваемся, чтобы и на будущее время вы сохранили это уваженіе къ намъ, если мы допустимъ васъ уйти съ оружіемъ въ рукахъ.

— *Parbleu!* должно быть, нечего намъ и говорить болѣе съ вами о мирѣ, намъ не удается о немъ договориться, — заключилъ разговоръ французскій генераль.

Между тѣмъ положеніе французскаго авангарда день-отъ-дня становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Его сообщенія съ Москвою постоянно перерѣзывались нашими летучими отрядами. Недостатокъ продовольствія увеличивался: люди уже давно питались конною, лошади изнурялись и падали сотнями, отъ совершеннаго недостатка въ кормѣ; фуражиры не могли даже на незначительныя пространства удаляться отъ лагера: ихъ били, ловили и брали въ плѣнъ казаки вмѣстѣ съ партизанскими отрядами, которые со всѣхъ сторонъ, какъ кольцо окружили непріятельскіе авангарды.

Мюратъ, съѣхавшись съ Милорадовичемъ, жаловался, что его бѣднымъ людямъ не даютъ возможности добыть немножко корму для лошадей и для себя, и просилъ дозволенія фуражировать его кавалерію по правой и лѣвой сторонамъ лагеря.

— Зачѣмъ вы хотите лишить насъ удовольствія ловить вашихъ лучшихъ кавалеристовъ, какъ куръ? (*comme des poules*) — отвѣчалъ Милорадовичъ.

— О, если такъ, — съ досадою продолжалъ Мюратъ, — то и я приму надлежащія мѣры и выведу по флангамъ колонны, съ пѣхотою и артиллерію.

— Того-то я только и желаю, — замѣтилъ Милорадовичъ; — моя войска нетерпѣливо этого ожидаютъ.

«Мюратъ поскакалъ прочь, писалъ Вильсонъ лорду Каткарту; но вмѣсто того, чтобы выслать колонны, для прикрытія фуражировъ, наши казаки прошлою ночью взяли въ плѣнъ 43-хъ кирасировъ, а нынѣшнимъ утромъ — 53-хъ, и такъ продолжалось ежедневно до Тарутинскаго сраженія».

Извѣстія, полученныя императоромъ Александромъ I изъ донесенія князя Кутузова и извѣстнаго рапорта князя Волконскаго, какъ очевидца-свидѣтеля всего совершившагося, который вмѣстѣ донесъ также и о хорошемъ состояніи арміи, конечно, должны были произвести пріятное на него впечатлѣніе. Онъ понялъ, конечно, что долженъ начаться поворотъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, если гордый непріятель принужденъ просить мира, что онъ долженъ предпринять отступленіе, и предначертанный имъ планъ военныхъ дѣйствій можетъ быть приведенъ въ исполненіе, обѣщающее блистательный успѣхъ. Но къ удовольствію должно было примѣшаться и чувство грусти и досады, возбужденное донесеніями Вильсона. Конечно, государь хорошо зналъ, что фельдмаршалъ не поддастся обману; что онъ не думаетъ о мирѣ при такомъ уже благопріятномъ положеніи дѣлъ; но его не могли не озабочивать волненія въ арміи, подозрѣнія о возможности заключенія мира. Онъ вѣрилъ, что фельдмаршалъ дѣйствуетъ робко и съ недостаточною увѣренностію.

Въ тотъ же или на другой день, какъ возвратился князь Волконскій въ Петербургъ, императоръ назначилъ свиданіе сенатору графу Огинскому, съ которымъ онъ часто видался въ это время, по случаю заботившаго его вопроса о Польшѣ и полякахъ.

«Войдя въ кабинетъ императора, я нашелъ его, говорить Огинскій, гораздо болѣе оживленнымъ, нежели при свиданіяхъ въ предшешіе дни.

— Ну вотъ видите, — сказалъ онъ, — что Наполеонъ старается уже завести мирные переговоры съ нами. Лористонъ былъ присланъ въ лагерь Кутузова; но мнѣ досадно, что фельдмаршалъ имѣлъ съ нимъ раз-

говорить... Кутузовъ слишкомъ уменъ (*est trop fin*) для того, чтобы позволить себя обмануть увѣреніями, что Наполеонъ питаетъ особенную ко мнѣ дружбу, но я не желаю, чтобы могли даже предполагать, что мы можемъ войти въ какія-нибудь соглашенія. Въ такомъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся, нельзя и думать ни о какомъ соглашеніи, пока непріятель не будетъ выгнанъ за границы Россіи... Я увѣренъ, что съ помощію Божію мы принудимъ его къ отступленію, и если мои проекты удадутся, то Наполеону трудно будетъ добраться до Франціи, а если и удастся, то съ величайшими пожертвованіями... Мой планъ рѣшенъ... Кутузовъ будетъ дѣйствовать сообразно движеніямъ непріятеля изъ Москвы; я послалъ повелѣніе Витгенштейну и Штейнгелю начать наступательныя дѣйствія. Въ настоящее время Чичаговъ уже въ Волыни съ войсками, которыя сражались противъ турокъ, и онъ принялъ подъ свое начальство всѣ войска, назначенныя дѣйствовать противъ Шварценберга. Заставивъ его отступить, что непременно должно случиться, онъ оставитъ для наблюденія надъ нимъ корпусъ, а самъ пойдетъ на Минскъ, гдѣ, по моему предположенію, черезъ три недѣли у него будетъ до 80 тысячъ войскъ. Я надѣюсь, если Богу будетъ угодно, мы заставимъ очистить не только русскія области, но и Бѣлоруссію и Литву. Поэтому-то я и пригласилъ васъ къ себѣ, чтобы предупредить васъ, что я имѣю намѣреніе обнародовать воззваніе къ полякамъ, подданнымъ имперіи.

Эти слова показываютъ настроеніе духа императора, которое произвело въ немъ полученное отъ князя Кутузова извѣстіе. Онъ съ увѣренностію уже говорилъ объ исходѣ кампаніи и дѣлалъ новыя распоряженія, которыя намѣревался предпринять послѣ изгнанія непріятелей изъ русскихъ областей. Но несмотря на то, уступая сообщеніямъ англичанъ, онъ счелъ нужнымъ отвѣтить фельдмаршалу слѣдующимъ, нѣсколько суровымъ, собственноручнымъ рескриптомъ:

«Изъ донесенія вашего съ княземъ Волконскимъ я извѣстился о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генераломъ Лористономъ. При самомъ отправленіи вашимъ къ вѣрнымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ объясненій съ вами извѣстно вамъ было твердое и постоянное желаніе мое удалиться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріателемъ. Нынѣ же послѣ сего происшествія, долженъ съ тою же рѣшимостію повторить вамъ, дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами исполняемо. Равнымъ образомъ, съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ я, что генералъ Беннигсенъ имѣлъ свиданіе съ королемъ неаполитанскимъ и еще безъ всякой къ тому побудительной причины. Поставя ему на видъ сей несомнѣнный поступокъ, требую отъ васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы не

имѣли никогда никакихъ свиданій, а колыми паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всевозможно оныхъ избѣгать. Всѣ свѣдѣнія, отъ меня къ вамъ доходящія, и всѣ предначертанія мои, въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, однимъ словомъ все, убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отмстить за оскорбленное отечество. Пребываю вамъ всегда благосклонный» ¹⁾).

Но еще наканунѣ дня, когда былъ написанъ рескриптъ и гораздо прежде, нежели могъ получить егс фельдмаршалъ, полковникъ французской арміи Бертеми (Berthemu) привезъ ему слѣдующее письмо отъ князя Невшательскаго:

«Генералу Лористону поручено было войти въ соглашеніе о томъ, чтобы придать войнѣ болѣе согласный съ установленными правилами характеръ и принять мѣры къ устраненію тѣхъ бѣдствій, которыя влечетъ за собою такого рода война. Дѣйствительно, опустошеніе своей собственной страны столько же вредно для Россіи, сколько грустно смущаетъ императора; поэтому вы поймете, князь, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю окончательныхъ рѣшеній вашего правительства въ этомъ отношеніи» ²⁾).

Появленіе въ русскомъ станѣ новаго парламентаря съ письмомъ къ фельдмаршалу снова встревожило его недоброжелателей. Въ тотъ же день генералъ Вильсонъ увѣдомилъ лорда Каткарта, что «фельдмаршалъ Кутузовъ, несмотря на всѣ представленія и весьма сильныя со стороны генерала Беннигсена, допустилъ къ себѣ адъютанта Мюрата, пріѣзжавшаго подъ предлогомъ отысканія тѣла генерала Дери и развѣдыванія объ обстоятельствахъ его смерти. Но я узналъ отъ весьма вѣрнаго и знающаго человѣка, что этотъ офицеръ привезъ къ фельдмаршалу письмо отъ Бертье, въ которомъ Бонапартъ выражаетъ желаніе узнать, полученъ ли отвѣтъ отъ императора на предложеніе о перемѣнѣ способа вести войну.

«Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что не было еще физической возможности получить отвѣтъ; но что онъ рѣшительно можетъ увѣрить, что никто не посмѣетъ предложить народу, такъ сильно раздраженному, о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ способѣ войны съ непріятелемъ.

«Эта переписка содержится въ глубокой тайнѣ; я знаю, что фельдмаршалъ не смѣетъ, боясь свою жизнь подвергнуть опасности, начать какіе-либо переговоры, и увѣренъ, что императоръ счелъ бы того измѣн-

¹⁾ Рескриптъ императора князю Кутузову. Спб. октября 9-го дня 1812 г.

²⁾ Письмо Бертье 8-го (20-го) октября *Fain Manuscripte de 1812 г., ч. 2, стр. 221.*

никомъ, который бы позволилъ себѣ предложить ему объ этомъ; но подобныя сношенія производятъ непріятное впечатлѣніе и вредны какъ въ отношеніи къ внутреннимъ и военнымъ дѣламъ, такъ и внѣшней политики до такой степени, что могутъ повлечь за собою гибельныя послѣдствія. Всѣ вообще раздражены ими и самыя разсудительныя наиболѣе встревожены.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что фельдмаршалъ расположенъ ухаживать за непріятелями, французскіе комплименты ему очень нравятся и онъ уважаетъ этихъ хищниковъ, пришедшихъ съ тѣмъ, чтобы отторгнуть отъ Россіи Польшу, произвести революцію въ самой Россіи и взбунтовать донцовъ, какъ народъ, къ которому они питаютъ особенное уваженіе и котораго расположеніе желаютъ снискать ласкою.

«Признаюсь, я до такой степени раздраженъ такимъ образомъ дѣйствій, что рѣшился просить васъ, милордъ, если фельдмаршалъ сохранить начальство надъ этою арміею, а государь не запретитъ входить въ такія личныя сношенія, уволить меня по крайней мѣрѣ отъ всякой переписки до тѣхъ поръ, пока я не получу другого назначенія отъ правительства его величества»¹⁾.

Англійскій генералъ рѣшительно поставилъ вопросъ: «или я—или князь Кутузовъ». Но онъ не дождался, конечно, смѣны фельдмаршала, и дальнѣйшій ходъ происшествій доказалъ вѣрность соображеній князя Кутузова и, кажется, заставилъ даже самого Вильсона отказаться отъ нелѣпныхъ подозрѣній, которыя онъ имѣлъ неосторожность выразить въ этомъ письмѣ, сгоряча написанномъ.

Онъ не повторяетъ ихъ уже въ своемъ дневникѣ при разсказѣ объ этомъ происшествіи. Генералу Вильсону не удалось присутствовать, какъ онъ желалъ, и при этомъ свиданіи князя Кутузова съ французскимъ посланнымъ, какъ и при свиданіи съ графомъ Лористономъ. Это раздражило его, и тѣ волненія и непріятныя впечатлѣнія, которыя онъ самъ испытывалъ, онъ приписываетъ и другимъ. Конечно, не безъ умысла фельдмаршалъ не пригласилъ его присутствовать при этомъ свиданіи; но оно не было ни для кого тайною и никого не смущало. Фельдмаршалъ даже пригласилъ присутствовать при немъ Анстета, нашего чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, находившагося при главной квартирѣ для дипломатической переписки, которому и поручалъ написать отвѣтъ на письмо маршала Бертье. Вотъ этотъ отвѣтъ:

«Полковникъ Бертеми, котораго я принялъ въ моей главной квартирѣ, передалъ мнѣ письмо вашей свѣтлости. Предметъ новыхъ запросовъ, какъ вамъ извѣстно, представленъ мною на благоусмотрѣніе импе-

¹⁾ Письмо лорду Катварту, секретно, въ 9 часовъ вечера, изъ Таругина 8-го (20-го) октября 1812 г.

ратора черезъ генераль-адъютанта князя Волконскаго. Отвѣта мнѣ физически не было еще возможности получить, принимая въ соображеніе отдаленность Петербурга и дурныя дороги въ это время года. Повтому мнѣ остается только обратить ваше вниманіе на то, что я говорилъ уже генералу Лористону. Впрочемъ, я могу повторить ту истину, значеніе которой вы, конечно, поймете во всемъ ея объемѣ, что трудно, если бы даже и было желаніе, остановить народъ, раздраженный тѣмъ, что совершается въ его глазахъ, народъ, который въ продолженіе трехсотъ лѣтъ не видалъ непріятеля въ своей землѣ, который готовъ на всѣ жертвы на спасеніе отечества и который не знаетъ принятыхъ обычаевъ въ обыкновенныхъ войнахъ.

«Что же касается до войскъ, которыми я предводительствую, то я увѣренъ, князь, что всѣ должны сознаться, что ихъ дѣйствія согласны съ тѣми началами, которыя должны одушевлять народъ храбрый, честный и великодушный. Я никогда не руководствовался иными началами во все время моей продолжительной военной службы и льщу себя надеждою, что непріятели, съ которыми я сражался, всегда отдавали справедливость образу моихъ дѣйствій»¹⁾.

Это письмо было послѣднее... Наполеонъ уже оставилъ Москву, его войска отступали. Полковникъ Бертеи былъ посланъ только съ цѣлью узнать, находятся ли еще русскія войска въ Тарутинскомъ лагерѣ и по возможности скрыть хотя на нѣсколько времени отступление отъ русскаго главнокомандующаго, чтобы направить свою армию на Калугу и оттуда черезъ Ельну—на Смоленскъ.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

¹⁾ Письмо пазъ Тарутина 9-го (21-го) октября 1812 г. (Fain, manuscrite de 1812 г., ч. II, стр. 222—223).

О формѣ одежды почетныхъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена.

Отношеніе экспедитора Свѣчина въ священный советъ державнаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго.

31-го декабря 1800 г.

Государь императоръ соизволилъ указать, чтобы всѣ почетные кавалеры державнаго ордена, кои суть подданные его императорскаго величества, также и всѣ тѣ, кои исповѣдуютъ греческую вѣру, носили мундиръ великаго пріорства російскаго; всѣ же иностранцы, кои удостоены и впредь удостовѣняться будутъ званіемъ почетныхъ кавалеровъ, должны носить общій державнаго ордена мундиръ.

О замѣнѣ слова «отрядить» словомъ «нарядить».

Циркулярное распоряженіе оберъ-прокурора Сената оберъ-секретарямъ.

26-го іюня 1800 г.

Его высокопревосходительство г-нъ генераль-прокуроръ и кавалеръ предписать мнѣ изволилъ: поставить на прамѣчаніе всей канцеляріи 1-го Сената департамента, чтобы ни въ какихъ бумагахъ не употреблять рѣченія: *отрядить*, а писать вмѣсто того: *нарядить*. Давъ знать о семъ къ надлежащему и непремѣнному исполненію всѣмъ г. оберъ-секретарямъ, рекомендую вашему высокородію объявить и всѣмъ подчиненнымъ вашимъ, въ дѣлопроизводствѣ упражняющимся, дабы и они поступали по сему въ самой точности, за чѣмъ и имѣете вы наблюдать.

ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ
въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

XX.

Выступление изъ Адрианополя.—Выходъ къ Мраморному морю.—Силиври.

Выступление изъ Адрианополя было назначено на 24-ое января. Конечнымъ пунктомъ нашего движенія былъ маленькій городокъ Силиври, лежащій на Мраморномъ морѣ; до него мы должны были дойти въ девять дней; а промежуточными пунктами для ночлеговъ были опредѣлены: Хавса, Баба-Эски, Люле-Бургасъ, Караштиранъ, Чорлу, Чанта и наконецъ Силиври.

Мы выступили изъ Адрианополя въ полной надеждѣ, что вскорѣ наступитъ конецъ войны и мы вернемся въ Россію. Но мы жестоко тогда ошибались и ни за что не повѣрили бы тому ясновидящему, который сказалъ бы намъ, что мы простои́мъ въ Турціи еще цѣлыхъ семь мѣсяцевъ!

Все обширное пространство отъ Адрианополя до Силиври очень мало заселено; намъ случалось дѣлать переходы по 27 верстъ и не встрѣчать ни единой деревни. Я не ожидалъ найти тамъ такую бѣдность населенія; по обѣ стороны дороги, на сколько было возможно окинуть глазомъ, всюду было пусто, а земля была мало обработана. Объясняю

¹⁾ См. «Русск. Стар.», 1898 г., октябрь.

это тѣмъ, что тамъ земля ужъ очень плохого качества, глинистая, липкая; настоящему земледѣльцу-болгарину въ этой южной полосѣ Турціи нечего дѣлать. Недаромъ туркамъ было такъ тяжело разставаться съ черноземной Болгаріей—единственною ихъ житницею въ Европейской Турціи.

Ночлежныя пункты были населены довольно густо, но не болгарами, а больше греками, которые твердо засѣли на югѣ Турціи и вообще по всему побережью Мраморнаго, Эгейскаго и другихъ южныхъ морей, въ томъ числѣ конечно и Чернаго моря.

Мы двигались по дорогѣ, шедшей все время между холмами, которыми изобилуетъ весь югъ Турціи. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ высоки, что съ нихъ отрывался кругозоръ версты на тридцать во всѣ стороны.

Солнце съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пригрѣвало; воздухъ дѣлался, по мѣрѣ приближенія къ морю, все мягче, теплѣе и влажнѣе. Кое гдѣ уже начала показываться свѣжая трава. Скворцы табунились тысячами. Такихъ громадныхъ стай мнѣ никогда не приходилось видѣть; они безпокоились, прыгали по полямъ, дрались; а щебетанье такого большого количества птицъ было слышно еще издали. У нѣкоторыхъ жаворонковъ уже начинала слагаться весенняя витѣватая пѣснь; они свѣчей подымались вверхъ, но высоко еще не рѣшались залетать, тотчасъ же спускались на землю и прерывали пѣніе. Изрѣдка стали попадаться чайки—вѣстники близости моря. Изъ всѣхъ птицъ, онѣ были для меня самыя пріятныя, потому что напоминали нашъ скорый выходъ къ теплому южному морю. Вообще говоря, эти девять дней прошли быстро и очень однообразно. Припоминаю общія впечатлѣнія этого походнаго движенія: убійственное однообразіе, разцвѣтъ весны и самыя свѣтлыя розовыя мечты о будущемъ.

Наша дневка въ дер. Чанта 31-го января, верстахъ въ пятнадцать отъ Силиври, отличалась особеннымъ оживленіемъ. Нисколько не разоренная, какъ и всѣ греческія деревни, Чанта была населена одними греками. Они безсмысленно улыбались и плохо соображали; на всѣ вопросы, они отвѣчали съ идіотскою улыбкой одно и то же: «не знаемъ, не знаемъ»; этимъ исчерпывалось все ихъ знаніе русскаго языка. Жилось имъ здѣсь, должно быть, хорошо; деревня была окружена виноградниками и занималась выдѣлкой вина. Греки живо пронюхали, что мы щедро платимъ за все серебромъ, и сейчасъ же стали намъ показывать бочки съ виномъ. Въ этотъ день было выпито въ Чанта не мало вина; греки съ нами подружились и не отставали отъ насъ въ этомъ дѣлѣ. На душѣ у всѣхъ было весело: завтра мы должны были выйти къ морю, а дальше идти уже некуда, Балканъ больше не увидимъ, Константинополь—рукой подать.

Я вышелъ изъ дома и сѣлъ на крылечкѣ; ко мнѣ подошелъ нашъ

полковой докторъ Фавелинъ и еще кое кто изъ офицеровъ. Погода была чудная; мой хозяинъ грекъ принесъ намъ хлѣба, копченой рыбы и своего лучшаго бѣлаго вина. Мы ѣли съ аппетитомъ, мирно бесѣдовали и смаковали вкусное вино. Шагахъ въ пятидесяти отъ насъ тоже собралась группа молодыхъ офицеровъ, которые взялись за дѣло познергичнѣе насъ: для своей забавы, они начали спаивать грековъ.

1-го февраля утромъ, мы выступили изъ Чанга по дорогѣ къ Силиври; дорога къ морю шла все время подъ гору. За ночь переѣхали вѣтеръ, подулъ съ сѣвера; воздухъ посвѣжѣлъ и вскорѣ заморосилъ дождикъ. Мраморное море виднѣлось вдали какъ въ туманѣ, а то вдругъ вовсе пропадало у насъ изъ глазъ. Въ этомъ отношеніи нашъ выходъ къ морю былъ не совсѣмъ удаченъ; въ хорошую, ясную погоду, видъ на море долженъ быть очарователенъ, но дождь испортилъ все дѣло, тѣмъ болѣе что вскорѣ обратился въ снѣгъ, и поля вдругъ начали бѣлѣть. Рѣзкая переѣна погоды была поразительна; она напомнила мнѣ нѣчто похожее на то, что иногда бываетъ у насъ въ Петербургѣ весной, когда послѣ чудной погоды вдругъ выпадаетъ снѣгъ. Мнѣ было жаль, что, приближаясь къ морю, не удалось вполне испытать того отраднaго чувства, которое я предвкушалъ въ продолженіе всего полуторасто-верстнаго пути отъ Адрианополя до Силиври. Мы приблизились къ самому берегу моря, но снѣгъ до того заѣплялъ намъ глаза, что ничего нельзя было видѣть впереди; въ это время я мало думалъ о морѣ, а болѣе мечталъ о томъ, какъ бы скорѣй добраться до Силиври и укрыться отъ непогоды. Но все-таки я никогда не забуду тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыя, несмотря на бурю, овладѣли мной, когда я увидѣлъ неподвижно сидящихъ совсѣмъ возлѣ насъ на самомъ берегу на пескѣ чаекъ, а главное, когда я услышалъ плескъ волнъ.

Насъ размѣстили въ Силиври, въ покинутой турецкой части города.

Силиври былъ греческій городокъ, выстроенный на высококомъ берегу надъ самымъ моремъ; онъ былъ очень грязный съ узкими, вонючими улицами, но въ то же время издали очень красивъ, въ особенности если выѣхать на лодкѣ въ море и посмотреть на него оттуда. Азіятскій берегъ по ту сторону моря былъ ясно виденъ; снѣговья вершины горъ красиво освѣщались въ ясные дни солнцемъ и казались, какъ будто, не въ очень далекомъ отъ насъ разстояніи, а между тѣмъ до того берега моря было очень далеко, а до горъ еще дальше. Силиври находился всего только въ двухъ переходахъ отъ Царьграда; впереди насъ виднѣлась Азія, идти далѣе некуда. Своимъ географическимъ положеніемъ, это мѣсто мнѣ показалось очень интереснымъ и сознавалось, что мы совершили большой подвигъ, что мы достигли чего-то очень хорошаго, что мы участвуемъ въ историческомъ событіи.

Первые дни мы бѣдствовали; всѣ лавки были закрыты, а греки, какъ будто, боялись торговать и даже бѣлаго простого хлѣба нельзя было достать. Прогуливаясь на другой день послѣ нашего прихода по берегу моря, я высмотрѣлъ у одного грека, прибывшаго изъ Царьграда въ лодкѣ, черствый бѣлый хлѣбъ. Я его купилъ за четвертакъ и вполнѣ довольный своимъ пріобрѣтеніемъ отправился домой. Товарищи мнѣ завидовали и спрашивали, нѣтъ ли у него еще продажнаго хлѣба; въ то время черствый бѣлый хлѣбъ считался лакомствомъ.

Наше бѣдствіе продолжалось не болѣе двухъ дней; греки почуяли наживу, открыли лавки и начали торговать, но не сразу раскусили, что въ нашемъ бумажномъ рублѣ было менѣе четырехъ четвертаковъ. Я видѣлъ, что они принимали бумажный рубль какъ за серебряный; многіе воспользовались въ первый день ихъ незнаніемъ, но уже на второй день, ни одного грека нельзя было надуть.

Ежедневно приходилъ изъ Царьграда въ Силиври пароходъ; онъ привозилъ оттуда хлѣбъ, вино, провизію, зелень, овощи, мѣстные французскія газеты. Кромѣ пароходовъ стали приходять отовсюду парусныя лодки, нагруженныя пшеничнымъ хлѣбомъ; все это скупалось нашимъ полкомъ и раздавалось людямъ по три фунта хлѣба въ сутки. Рисъ покупался у мѣстныхъ купцовъ, мяса было достаточно, пища варилась вкусная и обильная. Люди начали отъѣдаться и стали видимо поправляться. Для чинки обмундированія, мы выписывали изъ Царьграда чернаго и краснаго сукна; все, что намъ желалось сегодня, было уже завтра привозимо съ пароходомъ оттуда. Цѣны на все были очень высокія, но денегъ у насъ было довольно, и мы платили охотно. Денежной единицей сдѣлался въ Силиври нашъ четвертакъ; бывало что не спросишь, за все просили четвертакъ, и за нумеръ газеты, и за яфѣскій апельсинъ, и за хлѣбъ и проч. Но были и дешевые продукты; напр. зелень была поразительно дешева, въ особенности же цвѣтная капуста, которая въ это время, въ началѣ февраля, начинаетъ тамъ поспѣвать; я помню, что за 8 копеекъ величиною, какъ выразился Гоголь, съ добрую чиновничью голову, я заплатилъ всего только два четвертака; изъ нихъ мнѣ варили щи въ продолженіе цѣлой недѣли.

Въ городѣ были назначены комендантъ и начальникъ порта для надзора за прибывающими въ бухту судами. По городу ходили наши солдатики — городовые съ номеромъ на груди; вездѣ водворялся порядокъ. Было организовано правильное печеніе хлѣба; за пекарнями слѣдилъ шт. кап. Галлеръ, ¹⁾ которому поручена было вмѣстѣ съ тѣмъ и задача хлѣба.

Въ то время, моя рота была очень богата мясомъ; по дорогѣ изъ

¹⁾ Нынѣ интендантъ гвардейскаго корпуса.

Чанта въ Силиври, двое отсталыхъ солдатъ примѣтили въ горахъ, вдали отъ всякихъ селеній, стадо пасущихся безъ пастуха овецъ птукъ около ста. Все это стадо, вѣроятно турецкое, они пригнали въ Силиври на дворъ, гдѣ была расположена моя рота. Ихъ расходовали по мѣрѣ надобности; но отъ недостатка корма овцы были тощи: шашлыкъ выходилъ совсѣмъ сухой, мясо не поджаривалось въ своемъ соку, а только пригорало; весна—плохой сезонъ для шашлыка.

Чтобъ занять людей и отвлечь ихъ отъ всякой блажи, приказано было заняться съ ними одиночнымъ обученіемъ, т. е. ружейными приемами, стойкой, маршировкой и вообще всей первоначальной азбукой обученія; это было для нихъ очень полезно. Послѣ ученья, они накидывались съ особеннымъ аппетитомъ на ѣду, а недостатка въ ней не было; поѣдать, затѣмъ лягутъ спать, смотришь, скоро и дню конецъ. Такимъ образомъ проходили дни за днями безъ всякихъ безобразій: люди отъѣдались и отсыпались.

Я замѣтилъ во время похода, что какая нибудь незначительная рѣченка уже оживляла бивачную жизнь; такое же живительное воздѣйствіе на всѣхъ имѣло Мраморное море. Его близость разнообразила нашу жизнь, а влажнымъ воздухомъ дышалось легко. Плохая погода держалась не долго, вѣтеръ повернулъ, и снова сдѣлалось тепло; море успокоилось и очистилось отъ тумановъ; азіатскій берегъ выяснился вполне.

Мнѣ говорили, что Мраморное море любимо всеми моряками; войдя въ него, капитаны спокойно отправляются отдыхать въ каюту. Они знаютъ, что ничего не можетъ случиться: подводныхъ камней и мелей нѣтъ, а большихъ бурь никогда не бываетъ. Весь день кувыркались передъ нами дельфины; солдаты, никогда не видѣвшіе ни моря, ни его обитателей, стояли на берегу по часамъ и слѣдили съ любопытствомъ за этими животными; но все таки они мнѣ не повѣрили, когда я имъ сказалъ, что они питаютъ своихъ дѣтенышей молокомъ. Цвѣтъ воды этого моря зеленовато-голубой, напоминающій разрѣзъ толстаго зеркальнаго стекла; а сама вода гораздо теплѣе чѣмъ въ Черномъ морѣ и не такъ темна. Въ городѣ можно было достать свѣжую мѣстную рыбу, какъ то: кефаль, моферъ, скумбрію и др. Однажды грекъ носилъ по улицѣ какое то морское чудовище изъ породы слизняковъ, у котораго трудно было сразу разобрать, гдѣ голова, а гдѣ хвостъ; всѣ его обязательно тыкали палкой или чѣмъ попало, переворачивали. Мы часто потѣшались надъ греками, заставляя ихъ входить по колѣно въ воду, доставать со дна всякую морскую слизь, улитокъ и при насъ же ихъ съѣдать; для насъ это была потѣха, за которую мы имъ давали мелкія монеты, а для нихъ это былъ цѣлый завтракъ, Они привыкли, взявъ съ собой кусокъ хлѣба, шпаться по цѣлымъ часамъ въ водѣ и

наѣдаться до сыта морскими слизняками; зато съ ними нельзя было близко говорить, до того они воняли морскимъ сырьемъ.

Возлѣ Силиври были небольшія болотистыя мочевины; я ходилъ туда выпугивать утокъ, куликовъ и бекасовъ, которые всѣ зимовали по берегамъ Мраморнаго моря. Вся эта весенняя обстановка природы — дичь, трава, теплое море, свѣжія овощи, свѣжая зелень и проч. какъ то плохо вязалась съ понятіемъ о февралѣ, который не то что въ Россіи, но даже въ сѣверной Болгаріи, не позволилъ бы какому нибудь бекасу неходить себѣ кормъ; а между тѣмъ эта дичь сыта здѣсь въ продолженіе всей зимы, что доказываетъ благодатный климатъ морского побережья.

Мы подошли къ Мраморному морю въ полномъ невѣдѣніи того, что совершается на бѣломъ свѣтѣ и готовы были вѣрить всему, что только намъ приходилось слышать. Въ этотъ періодъ войны, почту мы получали изрѣдка, извѣстія, которыя черпали изъ писемъ и телеграммъ, были конечно запоздалыя. Такъ, телеграмма, посланная мнѣ женою изъ Систово, гуляла по Болгаріи 10 дней. Какъ примѣръ нашей отсталости могу привести такой фактъ: мы съ удивленіемъ узнали изъ французскихъ газетъ, что на италіанскомъ тронѣ возсѣдаетъ уже не Викторъ-Эммануилъ, а сынъ его Гумбертъ. Точно также мы не знали о плѣненіи на Черномъ морѣ «Вестой» турецкаго парохода «Пендераклин», на которомъ перевозили 700 турецкихъ солдатъ. Все это уже было старо, объ этомъ перестали говорить, а между тѣмъ для насъ это было новостью. О смерти полковника Стрезова мы узнали только тогда, когда намъ сообщилъ объ этомъ нашъ казначей поруч. фонъ-Вломъ, пріѣхавшій къ намъ изъ Филиппополя, много дней спустя послѣ его похоронъ. Въ Силиври въ греческой церкви, была совершена по немъ панихида.

Въ одной изъ французскихъ газетъ, издаваемыхъ въ Царьградѣ, мы прочли, въ первые же дни нашего пребыванія въ Силиври, одну новость, которая привела насъ въ полное недоумѣніе. Нѣсколько дней до нашего выхода къ Мраморному морю, появился на этомъ морѣ англійскій броненосный флотъ въ числѣ шести судовъ. Англичане нарушили международное право относительно прохода чрезъ Дарданеллы, ворвались въ Мраморное море какъ пираты и встали близъ Царьграда у Принцевыхъ острововъ. Они сдѣлали это противъ желанія султана, который боялся, что этимъ насиліемъ они могутъ только нарушить правильнѣйшій ходъ мирныхъ переговоровъ между Россіей и Турціей. До сихъ поръ мы были покойны и не подозрѣвали никакихъ политическихъ осложненій, но это извѣстіе насъ совсѣмъ смутило; не было сомнѣній, что англичане хотятъ намъ помѣшать. Но въ чемъ именно заключался ихъ ловкій шахматный ходъ, того мы въ то время не понимали и никто не могъ намъ его разъяснить; поневолѣ приходилось

вѣрить разнымъ газетнымъ сплетнямъ и сенсационнымъ рассказамъ приѣзжавшихъ изъ Царьграда грековъ, которые, какъ люди торговые, видѣли все въ мрачномъ свѣтѣ.

Въ числѣ предпріимчивыхъ людей, приѣхавшихъ въ Силиври, былъ одинъ французъ м-г Douce, содержавшій когда то на Кавказѣ гостиницу, а теперь занимавшійся тѣмъ же дѣломъ въ Царьградѣ. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ Силиври, онъ явился къ намъ съ предложеніемъ устроить ресторанъ, гдѣ бы можно было играть въ карты, читать газеты, ѣсть и пить. Появленіе жиденкаго француза показалось всѣмъ очень симпатичнымъ. Его свели къ принцу Ольденбургскому, которому онъ поднесъ по русскому обычаю хлѣбъ-соль въ видѣ паштета изъ дичи. Онъ предложилъ принцу сѣздить съ нимъ на лодкѣ на пришедшій изъ Царьграда пароходъ, чтобъ дать возможность убѣдиться, что у него дѣйствительно есть поваръ, посуда, бѣлье и вообще всѣ принадлежности для хорошаго ресторана. Его высочество взялъ съ собой нѣсколькихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и меня, и мы отправились на маленькой лодкѣ на пароходъ. На пароходѣ м-г Douce подвелъ къ принцу своего повара, который сейчасъ же показалъ часы, подаренныя ему великимъ княземъ Николай Николаевичемъ во время его путешествія къ Святымъ мѣстамъ. Кромѣ того онъ перечислилъ намъ всѣхъ тѣхъ великихъ князей, которыхъ ему приходилось кормить, хотя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были намъ вовсе не извѣстны. М-г Douce во время разговора его высочества съ поваромъ таялъ отъ удовольствія, его глаза все время перебѣгали съ принца на повара и обратно; своей мимикой онъ старался какъ бы дополнить рассказъ хвастливаго повара.

Въ присканіи удобнаго помѣщенія въ городѣ этому французу было оказано полное содѣйствіе; полковые плотники застучали топорами и такъ успѣшно, что уже на другой день былъ назначенъ, для открытія ресторана, общій обѣдъ для офицеровъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Надо было только удивляться храбрости м-г Douce, не побоявшагося принять такое большое общество гвардейскихъ офицеровъ, со вкусами которыхъ, судя по его разговорамъ, онъ былъ хорошо знакомъ. За неизмѣнимъ прислуги, ему отрядили ловкихъ солдатиковъ для службы за столомъ, а самъ м-г Douce предвидя, что ему придется во время обѣда избѣгать версты пятьдесятъ, надѣлъ вмѣсто салогъ туфли.

На этомъ обѣдѣ присутствовалъ нашъ бригадный командиръ принцъ Ольденбургскій. Когда всѣ разошлись по мѣстамъ, тогда м-г Douce приказалъ подать всѣмъ по стакану пива, о которомъ мы забыли и думать. Стаканы моментально опустѣли: первое впечатлѣніе было весьма хорошее, и м-г Douce улыбался отъ удовольствія. Когда же всѣ потребовали *bis*, тогда онъ полетѣлъ въ буфетъ, расположенный двумя сту-

пенями ниже столовой, и съ этого момента уже не переставалъ летать взадъ и впередъ до самаго конца обѣда. Ступени для него не существовали, онъ перепрыгивалъ ихъ съ одинаковою быстротою какъ внизъ, такъ и вверхъ; мнѣ казалось, что его скачекъ вверхъ былъ даже энергичнѣе; какъ ядро, онъ вылеталъ изъ буфета съ бутылками въ рукахъ и подъ мышками. Въ этотъ день винный погребокъ былъ его *cheval de bataille*. Офицеры, почуя трактирный запахъ, а главное услышавъ звуки полковой музыки, всѣ сразу начали требовать вина, сердились отъ нетерпѣнія и кончали тѣмъ, что сами приносили его себѣ изъ буфета.

Обѣдъ былъ приготовленъ не дурно, но тянулся очень долго; при каждомъ тостѣ, которыхъ было безъ конца, музыка играла тушь.

Обѣдъ кончился. М-г Douce успокоился. Онъ началъ подумывать о сборѣ денегъ съ офицеровъ, но не зналъ какъ взяться за дѣло; разнообразіе нашихъ вкусовъ приводило его въ недоумѣніе; онъ ничего не записывалъ и не зналъ, какъ сосчитать эту массу пустыхъ бутылокъ. Мы посовѣтовали ему подходить къ каждому и сводить съ нимъ счеты; онъ такъ и сдѣлалъ; обѣдъ безъ вина обошелся по 12-ти четвертаковъ съ персоны.

Въ этотъ же день вернулся обратно въ нашъ полкъ штабсъ-капитанъ Дмитрій Николаевичъ Мартыновъ ¹⁾, который вмѣстѣ съ капитаномъ Петръ Павловичемъ Гессе ²⁾, еще до мобилизаци гвардіи, отправились въ дѣйствующую армію и продѣлали весь походъ въ рушукскомъ отрядѣ наслѣдника цесаревича, состоя первый въ Днѣпровскомъ полку, а второй—въ Украинскомъ. Капитанъ Гессе прибылъ къ намъ въ Силиври днемъ позже штабсъ-капитана Мартынова.

Получивъ разрѣшеніе вернуться обратно въ полкъ, штабсъ-капитанъ Мартыновъ и капитанъ Гессе (въ то время подполковникъ 47-го Украинскаго полка) сѣли на коней, снарядили легонькую плетеную паровозовую повозку, забрали провизію, консервы и, въ сопровожденіи однихъ только денщиковъ, отправились изъ рушукскаго отряда чрезъ всю Турцію въ длинный путь отыскивать свой полкъ. Они держали путь на Тырново, Шипку, Казанлыкъ и т. д. и руководствовались картой. Ночи проводили или въ уцѣлѣвшихъ хатахъ или въ палаткахъ. Въ исходѣ третьей недѣли, они дошли наконецъ до рельсоваго пути, шедшаго изъ Филиппополя на Адрианополь. Встрѣтившійся казакъ рассказалъ имъ, что тутъ недалеко есть станція Семеново (Сейменли), откуда господа изволятъ ѣздить по желѣзной дорогѣ въ Адрианополь. Дѣйствительно на этой станціи путешественниковъ посадили въ вагонъ и довели до Адрианополя.

Штабсъ-капитанъ Мартыновъ, выѣхавшій далѣе изъ Адрианополя,

¹⁾ Нынѣ варшавскій губернаторъ.

²⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ.

однимъ днемъ ранѣе капитана Гессе, долженъ былъ выйти на одной промежуточной станціи, считавшейся ближайшею къ Силиври, гдѣ въ то время стоялъ нашъ полкъ. Дальнѣйшій путь отъ этой станціи до Мраморнаго моря ему пришлось сдѣлать уже пѣшкомъ, такъ какъ на станціи не нашлось повозокъ. До Силиври онъ добрался къ ночи. Его направили прямо къ ресторану, въ который онъ вошелъ именно въ тотъ моментъ, когда температура воздуха и темпераментовъ достигла наивысшаго давленія. Его сразу охватили два совершенно противоположныя чувства; одно необыкновенно пріятное: онъ увидѣлъ послѣ 9-ти мѣсячной разлуки своихъ товарищей, изъ которыхъ многихъ, я думаю, не сразу узналъ; мы всѣ обросли бородами, обрюзгли, наши голоса поглубили; а другое чувство было тягостное—не легко было войти свѣжему человѣку, только что дышавшему чуднымъ, чистымъ, морскимъ воздухомъ, въ помещеніе, гдѣ ему приходилось дышать однимъ только табачнымъ дымомъ. Оба эти офицеры были переведены обратно въ нашъ полкъ прежними чинами.

Живо вспоминаю то наслажденіе, которое я испытывалъ, когда по выходѣ поздно вечеромъ изъ ресторана, снова началъ дышать полною грудью воздухомъ теплаго южнаго моря.

XXI.

Выступленіе изъ Силиври. — Каликрата. — Кучукъ-Чекмедже.

Мы были въ полномъ убѣжденіи, что простои́мъ въ Силиври до самаго заключенія мира, но вышло иначе; наша бригада, совершенно неожиданно была переведена въ деревню Каликрата, лежащую ближе къ Царьграду и тоже на Мраморномъ морѣ. Великій князь главнокомандующій счелъ необходимымъ, чтобъ сдѣлать турокъ сговорчивѣе, пододвинуть всю армію еще ближе къ Царьграду. 8-го февраля мы простились съ Силиври, только не съ м-г Douce, который послѣдовалъ за нами туда же. Переходъ показался мнѣ пріятной прогулкой; все время мы шли по берегу моря и посматривали на него, думая увидѣть мониторы нашихъ недоброжелателей; но ихъ нельзя было видѣть, потому что они стояли гдѣ то въ бухтѣ на азіатскомъ берегу за Принцевыми островами, откуда слѣдили за ними, какъ хищникъ за намѣченной добычей. Въ Каликрата мы размѣстились по квартирамъ.

Рѣчка, протекавшая возлѣ деревни, считалась, по условію перемирія, демаркаціонной линіей, переступать черезъ которую намъ было строго запрещено. Черезъ рѣчку былъ перекинутъ мостъ, соединявшій Кали-

крату съ деревней Біюкъ-Чекмедже, лежащей сейчасъ же по ту сторону рѣчки. Въ этой деревнѣ не было турецкихъ войскъ, а ея жители постоянно перебѣгали къ намъ и приносили кое-что на продажу. Самый ближайшій къ намъ турецкій отрядъ былъ расположенъ въ одномъ переходѣ отъ насъ въ деревнѣ Кучукъ-Чекмедже на берегу моря. Въ Каликратѣ мы нашли то же что и въ Силиври; тѣ же греки, то же торговое движеніе, то же ежедневное сообщеніе съ Царьградомъ; только квартиры были уютнѣе и теплѣе; греки поняли съ кѣмъ имѣли дѣло и уступали намъ свои лучшія комнаты. Въ этой деревнѣ нашъ полкъ снова вступилъ подъ команду своего законнаго командира князя Николая Николаевича Оболенскаго, оправившагося въ Филиппополь послѣ пятинедѣльнаго леченія отъ раны, полученной въ дѣлѣ подъ Филиппополемъ.

Въ Каликратѣ мы узнали, что въ главной квартирѣ главнокомандующаго состоялся приказъ, въ которомъ объявлялось, что въ виду вступленія въ непродолжительномъ времени нашихъ войскъ въ Царьградъ, будетъ для того сформированъ избранный отрядъ изъ полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго, гвардейскихъ саперъ, стрѣлковой гвардейской бригады, лейбъ-уланъ и нѣсколькихъ гвардейскихъ батарей; этому отряду будетъ предписано пододвинуться къ демаркаціонной линіи и ждать приказаній. Кромѣ того, въ этомъ приказѣ намекалось, что во главѣ этого отряда, во время вступленія въ Царьградъ, будетъ находиться особое лицо; надо полагать, что подъ этимъ особымъ лицомъ, подразумѣвался самъ великій князь. Самое оригинальное въ этомъ приказѣ было то, что господамъ офицерамъ воспрещалось, во время занятія столицы, устраивать въ Царьградѣ кутежи, которые могли бы повлечь за собой нежелательныя объясненія и столкновенія между сторонами. Изъ этого приказа было видно, что вопросъ о занятіи Царьграда былъ рѣшенъ утвердительно; намъ даже называли казармы, въ которыхъ мы должны были тамъ расположиться.

Въ эту эпоху мы переживали хорошіе дни; я чувствовалъ себя вполне счастливымъ, что не сегодня—завтра, мнѣ придется быть свидѣтелемъ и участникомъ одного изъ величайшихъ событій въ исторіи русскаго народа. Сомнѣнія не могло быть, коль скоро о вступленіи въ Царьградъ упоминалось въ приказѣ; а между тѣмъ въ это время въ Европѣ рѣшался, а можетъ быть уже былъ рѣшенъ другой вопросъ диаметрально противоположный нашимъ розовымъ мечтамъ.

Въ виду вступленія въ Царьградъ, ежедневно производили всѣмъ полкомъ церемональный маршъ. Велика была разница между церемональнымъ маршемъ въ Акчаирѣ передъ царскимъ смотромъ, когда впереди насъ была одна только неизвѣстность, и этимъ церемональнымъ

маршемъ, когда намъ предстояло только торжественное вступленіе въ Царьградъ и скорое возвращеніе домой.

Въ ночь съ 10-го на 11-е февраля, насъ подняли по тревогѣ. Я живо одѣлся и съ беспокойнымъ духомъ выбѣжалъ на улицу, гдѣ мои люди въ темнотѣ дѣлили сухари, которые въ-торопяхъ были высыпаны изъ мѣшковъ въ одну кучу. Сдѣлать правильной дѣлежки было невозможно: всякій забиралъ сколько хотѣлъ. На улицахъ происходила бѣготня; въ темнотѣ люди сталкивались и всѣ бѣжали къ тому ровному мѣсту на берегу рѣчки, гдѣ мы ходили церемоніальнымъ маршемъ. Мы не знали причины тревоги, но у всѣхъ промелькнула одна и та же мысль—мы думали, что переговоры съ турками идутъ не ладно и что великій князь имѣетъ въ виду сдѣлать на нихъ нажимъ. Несмотря на перемиріе, мнѣ казалось въ эту ночь, что столкновение съ турками весьма возможно.

Когда весь отрядъ былъ въ сборѣ, то начальникъ его графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ собралъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ. Пользуясь темнотой, я тоже подбѣжалъ къ кружку, собранному графомъ, и слышалъ его слова. Его взглядъ на предстоящій нашъ маневръ былъ мрачный; онъ сказалъ, что задача, заданная нашему отряду, можетъ оказаться весьма серьезной. Отряду предписано подойти къ деревнѣ Кучукъ-Чекмедже, которая сама по себѣ уже представляетъ чудную позицію для турокъ; эта деревня была занята турками. Къ нимъ будетъ посланъ парламентаръ съ предложеніемъ очистить эту позицію и отступить къ Царьгару для того, чтобы мы могли ее занять. Буде же турки того не исполнятъ, тогда отряду слѣдуетъ развернуться въ боевой порядокъ и начать бомбардировать Кучукъ-Чекмедже; причемъ графъ приказалъ внушить людямъ, чтобы при наступленіи они не смѣли начинать пальбу.

Послѣ рѣчи графа, мы перешли демаркаціонную линію въ томъ убѣжденіи, что въ этотъ день легко можетъ завязаться съ турками дѣло. Мы не знали, что наше передвиженіе совершалось въ силу обоюднаго соглашенія обѣихъ сторонъ. Великій князь, съ согласія султана, рѣшилъ перевести свою главную квартиру въ Санъ-Стефано—мѣстечко, лежащее на берегу Мраморнаго моря, куда онъ могъ проѣхать по желѣзной дорогѣ. А для того надо было предварительно очистить отъ турокъ ближайшую къ Санъ-Стефано станцію—Кучукъ-Чекмедже. Туркамъ было приказано изъ Царьграда, мирно покинуть этотъ пунктъ, а намъ предстояло его мирно же занять. Въ этомъ и состояла вся задача.

Взводъ лейбъ-уланъ, съ нашимъ парламентаромъ гусаромъ Сухановымъ во главѣ, вышелъ первымъ изъ Каликрата; за нимъ начала вытягиваться пѣхота; нашъ полкъ шелъ во главѣ. Не доходя до деревни Кучукъ-Чекмедже, насъ остановили на дорогѣ, но такъ, что турки могли

насть видѣть. Здѣсь графъ Шуваловъ рѣшилъ дожидаться возвращенія парламентаря. Мы остановились на такомъ высокомъ пригоркѣ, съ котораго открылся чудный видъ на Царьградъ; даже невооруженнымъ глазомъ можно было вдаль различить бѣлыя строенія, минареты, большія мечети. Я чувствовалъ, что переживаю историческій моментъ, который не забуду до конца жизни; я ощущалъ нѣчто подобное тому, что должны чувствовать глубоко вѣрующіе христіане и магометане, когда, добравшись пѣшкомъ до Іерусалима или Мекки, издали впервые завидятъ зданія этихъ обѣтованныхъ мѣстъ. Мы направили на городъ бинокли; а нѣкоторымъ офицерамъ даже мерещилось, что они видятъ храмъ Св. Софіи, что было, конечно, невозможно, такъ какъ трудно было разобраться въ сплошной массѣ бѣлыхъ строеній.

Направивъ на деревню Кучукъ-Чекмедже свою подзорную трубу, я разглядѣлъ, что турецкія войска начали очищать деревню; но въ то же время я видѣлъ, какъ группы какого-то народа сбѣгали съ соседнихъ горъ и входили въ нее. Это движеніе было для меня загадкой, но вечеромъ, когда мы вошли въ Кучукъ-Чекмедже, я узналъ, что при извѣстїи о нашемъ приближенїи, всѣ жители деревни, боясь возникновенія дѣла, удалились въ горы; убѣдясь же въ мирномъ разрѣшенїи вопроса, они начали возвращаться къ своимъ домамъ.

Парламентарь прислалъ изъ деревни графу Шувалову донесеніе, что паша готовъ отвести свои войска къ Царьграду, но только стѣсняется относительно артиллерїи и складовъ, которые требуютъ времени для перевозки. Графъ послалъ туда другого парламентаря съ предложенїемъ пашѣ оставить въ деревнѣ при орудїяхъ и складахъ только необходимое число солдатъ, остальныхъ же немедленно удалить. Такъ и было сдѣлано; мы вошли въ деревню, когда уже было темно, прошли ее насквозь и расположились бивакомъ въ полѣ. Графъ Шуваловъ провелъ ночь въ самой деревнѣ.

На другое утро, гуляя по деревнѣ, я замѣтилъ, что всѣ склады охранялись одновременно двумя часовыми, русскимъ и турецкимъ; наши люди живо подружились съ турками. Мѣстомъ ихъ сближенія была маленькая лавченка, гдѣ продавали ракію. Между турками я замѣтилъ одного стараго воина, у котораго висѣла медаль за Крымскую компанїю 1854 года. Утромъ были увезены изъ деревни остальные турецкія орудїя, и наши солдаты, видя что турецкія лошадки плохо везли орудїя въ гору, не могли удержаться, чтобъ имъ не помочь; воспоминаніе о балканскихъ мученїяхъ съ орудїямъ было еще свѣжо въ памяти людей.

Въ это же утро 12-го февраля, проѣхавъ мимо насъ, по желѣзной дорогѣ, въ Санъ-Стефано великій князь и тотчасъ же потребовалъ къ себѣ изъ Кучукъ-Чекмедже Преображенскій полкъ. Полкъ поспѣшилъ испол-

нить приказаніе, такъ какъ возлѣ великаго князя въ Санъ-Стефано, кромѣ небольшого конвоя терцевъ и кубанцевъ, вовсе не было русскихъ войскъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы уже были тамъ.

Къ этому же времени надо отнести письмо полученное принцемъ А. П. Ольденбургскимъ отъ наслѣдника цесаревича, въ которомъ онъ проситъ его высочество передать гвардіи его глубокое сожалѣніе, что ему не пришлось продѣлать походы вмѣстѣ съ вѣренными ему гвардейскимъ корпусомъ. Принцъ Ольденбургскій собралъ офицеровъ Преображенскаго полка и прочелъ вслухъ это письмо. Не легко было цесаревичу, въ такой серьезный моментъ жизни какъ походъ, быть вдали отъ своей гвардіи, которую онъ такъ любилъ и зналъ. Если бы это зависѣло отъ него одного, то его императорское высочество былъ бы безъ сомнѣнія все время съ нами.

XXII.

Вступленіе въ Санъ-Стефано. — Объявленіе мира.

Великій князь встрѣтилъ насъ радостно. Судя по его веселому настроенію, можно было заключить, что дѣла по замиренію шли хорошо. Это было 12-го февраля. Этимъ днемъ, собственно говоря, оканчивается наша походная жизнь и начинается 180-ти дневное нытье въ ожиданіи возвращенія въ Россію.

Нашъ полкъ былъ остановленъ подъ самымъ городомъ; но такъ какъ квартирный вопросъ еще не былъ вполне выясненъ, то намъ пришлось эту ночь провести въ полѣ. Кое-кто изъ санъ-стефанскихъ жителей явились къ намъ на бивакъ поглазѣть на рослыхъ преображенцевъ; между ними былъ американскій консулъ, пріѣхавшій изъ Царьграда съ привѣтствіемъ къ великому князю. Онъ просилъ меня показать ему бивачную жизнь, о которой онъ не имѣлъ никакого понятія. Я свелъ его въ государеву роту и показалъ ему правофланговаго рядового; увидѣвъ его ростъ, американецъ разинулъ ротъ, подошелъ къ нему и сталъ съ нимъ мѣряться. Американскій консулъ мнѣ понравился тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ англичанъ и сочувственно относился къ Россіи. Онъ никакъ не могъ понять, какъ можно было зимой перевалить черезъ Балканы. Этотъ вопросъ подымался рѣшительно всѣми, съ кѣмъ мнѣ только приходилось разговаривать; всѣ удивлялись и пожимали плечами. Генералъ Раухъ былъ правъ, когда онъ высказалъ въ своемъ приказѣ передъ самымъ нашимъ переходомъ на южный склонъ Балкановъ, что въ этотъ моментъ на насъ устремлены глаза всего свѣта.

На слѣдующій день, нашъ полкъ былъ введенъ въ городъ и размѣщенъ по обывательскимъ квартирамъ; людямъ было строго внушено, чтобъ они вели себя хорошо, не шнылись по городу, не шумѣли, не пѣли, не попадались бы на глаза великому князю, который тоже устроился въ городѣ.

Сначала мы думали, что въ Санъ-Стефано дѣйствительно живутъ лорды и лэди, но потомъ оказалось, что тамъ жили не лорды, а всякіе армяне, греки и разный торговый народъ. Дѣйствительно, въ городѣ былъ отель для прїѣзжающихъ—чудное четырехъэтажное зданіе «Hôtel de St. Stefano»; но онъ былъ пустъ. Полагаю, что царьградскіе европейцы, въ виду того, что миръ еще не былъ заключенъ, боялись ѣздить въ Санъ-Стефано, который въ это время изображалъ изъ себя русскій военный лагерь. Моей ротѣ достался домъ, въ которомъ жили французы-доктора Красной Луны. Сначала они были очень любезны и ничего не имѣли противъ того, чтобъ моя рота расположилась въ пустой, незанятой ими части дома; но когда они провели ночь въ сосѣдствѣ съ шумной ротой, распустившей по всему дому солдатскій духъ, тогда потребовали очищенія дома, грозя въ противномъ случаѣ поднять изъ-за этого международный вопросъ, такъ какъ учрежденіе Красной Луны состоитъ подъ такимъ же общеевропейскимъ покровительствомъ, какъ и Красный Крестъ. Прикрываясь знакомъ Красной Луны, заносчивымъ, тощимъ французамъ удалось достигнуть того, что мою роту вывели изъ дома. Комендантъ Санъ-Стефано, генераль Штейнъ, просилъ меня «ради Бога» скорѣй увести куда-нибудь мою роту, чтобъ только не подымать изъ-за пустяковъ исторіи. Нечего было дѣлать, пришлось переночевать въ полѣ, а слѣдующее утро мою роту снова размѣстили въ городѣ, но не въ одномъ домѣ, а въ нѣсколькихъ. Вскорѣ эти французы сами покинули и домъ и Санъ-Стефано.

На первыхъ порахъ, люди были рады устроиться въ теплѣ, но скорѣй имъ показалось въ городѣ и тѣсно и душно; они такъ привыкли къ свободной бивачной жизни, что постои въ городѣ ихъ началъ тяготить.

Великій князь помѣстился въ большомъ домѣ, принадлежавшемъ кн. Дадіанъ. Возлѣ этого дома, на площади, сосредоточивалась въ первые дни вся санъ-стефанская уличная жизнь. Ежедневно по утрамъ на этой площади происходило нѣчто въ родѣ ярмарки: тутъ торговали греки, армяне, выкрикивались царьградскія газеты; тутъ же появлялись походныя кухни на жаровняхъ; вездѣ слышался шумъ, говоръ, пахло сквернымъ масломъ и вообще грязнымъ востокомъ. Но эта толкучка продолжалась всего только нѣсколько дней: для рынка отвели другое мѣсто на краю города, а на площади устроили гауптвахту; площадь вывели, разставили на ней полицейскихъ городовыхъ (изъ надежныхъ солдатиковъ); въ самомъ городѣ водворилась тишина, чистота и покой.

На этой площади былъ, при нашемъ вступленіи въ городъ, всего только одинъ ресторанъ. Офицеры съ жадностью накинулись на закуски, сыръ, пиво. Вилочкѣ и ножей не полагалось; по восточному обычаю ѣли пальцами, въ которыхъ, какъ говорятъ на Востокѣ, начинается вкусъ. Вдругъ вносятъ изъ кухни громадное блюдо со слоеными пирожками; всѣ накидываются на него и разбираютъ до послѣдняго. Но ѣсть такую мерзость, приготовленную на деревянномъ маслѣ, было невозможно; всѣ бросаютъ пирожки и начинаютъ отшлеиваться.

Первый предприимчивый грекъ, прѣхавшій въ Санъ-Стефано изъ Царьграда и открывшій приличную съѣстную лавку, былъ Спонецкъ; его кто-то окрестилъ, за богатый выборъ закусокъ, Смуровымъ и ему даже намалевали вывѣску съ надписью «Смуровъ». За нимъ появились другіе, которые открыли уже настоящіе рестораны; всѣ эти заведенія прекрасно торговали потому, что все съѣстное, привозимое изъ Царьграда, полностью поѣдалось.

Недовольство жителей, вслѣдствіе постоя войскъ, возрастало, такъ что пришлось ихъ вывести изъ города и расположить по близости биваками. Нашъ полкъ устроился въ полуверстѣ, а офицерамъ было разрѣшено остаться въ городѣ.

Въ первые дни послѣ нашего прибытія въ Санъ-Стефано, фуражъ былъ до того дорогъ, что я сейчасъ же рѣшилъ распродать своихъ вьючныхъ животныхъ, тѣмъ болѣе, что идти далѣе было уже некуда. Легко было сказать, чтобъ ихъ продали, но покупателей не находилось. Тогда я рѣшилъ оставить себѣ только мою верховую лошадь, а остальныхъ двухъ лошадей и ослицу велѣлъ, во что бы то ни стало, сбыть. Моему денщику посчастливилось продать одну вьючную лошадь и ослицу за два рубля, а другую лошадь онъ свелъ подальше въ поле и пустилъ ее на всѣ четыре стороны. Сначала за сѣно мы платили по два серебряныхъ рубля за пудъ; потомъ, когда его стали подвозить, то цѣна ему уменьшилась, но все-таки мы все время платили за пудъ болѣе рубля.

Въ продолженіе первыхъ двухъ-трехъ недѣль жизнь въ Санъ-Стефано не отличалась большимъ оживленіемъ; въ виду ожиданія скорого отплытія въ Россію, находилось мало людей, которые рѣшались дѣлать непродуманныя затраты на устройство для насъ, на такое короткое время, ресторановъ, разныхъ увеселеній и проч. Мы объ этомъ, впрочемъ, и не думали; у всѣхъ было одно на умѣ—какъ бы скорѣе добраться домой.

Великій князь дѣлалъ изрѣдка войскамъ военныя прогулки въ виду Царьграда, съ цѣлью поугагать турокъ и понудить ихъ къ скорѣйшему заключенію мира, который думали подогнать къ 19-му февраля, ко дню восшествія на престолъ императора Александра Николаевича.

*

Турки однокоже упорно торговались изъ-за мелочей и дѣлали все возможное, чтобъ только затянуть мирные переговоры.

Наконецъ настало 19-е февраля. Съ утра было молебствіе, а въ часъ былъ назначенъ парадъ всѣмъ войскамъ. Великій князь объѣхалъ войска и велѣлъ составить ружья; мы сначала удивились этому, но вскорѣ разнеслась по войскамъ вѣсть, что его высочество ожидаетъ изъ Царьграда извѣстій о подписаніи мира, а потому и медлить съ церемоніальнымъ маршемъ. Проходить часъ, другой; всѣ начинаютъ поглядывать на часы; пробило пять часовъ, а извѣстій все еще нѣтъ. У всѣхъ на лицѣ полное недоумѣніе; разговоръ идетъ о возможности военной демонстраціи противъ Царьграда. Уже начинается смеркаться. Вдругъ мы видимъ, что изъ Санъ-Стефано, по направленію къ великому князю, несется коляска съ графомъ Игнатьевымъ, который, поднимая высоко надъ головой свертокъ бумаги, потрясалъ имъ въ воздухѣ. Войска заколыхались, а люди всѣ сразу заговорили. Великій князь взялъ этотъ свертокъ, приподнялся на стременахъ и своимъ яснымъ, сильнымъ голосомъ возвѣстилъ намъ миръ. Воодушевленіе, охватившее всѣхъ при этомъ извѣстии, было особенное, изъ ряду выходящее.

Великій князь потребовалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, благодарилъ ихъ за труды и вспомнилъ о нашихъ занятіяхъ въ Красномъ Селѣ, которые, по его словамъ, не пропали даромъ. Затѣмъ послѣдовало молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и съ провозглашеніемъ вѣчной памяти убиеннымъ.

Начался парадъ; нашъ полкъ дефилировалъ впереди, такъ что намъ удалось раньше другихъ добраться до Grand Hôtel S.-Stefano, гдѣ въ эту ночь былъ пиръ горой. Здѣсь мы узнали отъ одного изъ генераловъ, хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ, о тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, въ которыхъ была намѣчена, по Санъ-Стефанскому договору, Болгарія; онъ указалъ намъ на картѣ проектированныя границы, которыя доходили даже до Эгейскаго моря и захватывали портъ Кавалу. Къ западу отъ Болгаріи была намѣчена автономная Македонія, а Турціи былъ оставленъ весьма небольшой клочекъ земли, вмѣщавшій въ себя Адрианополь съ его округомъ и все пространство между нимъ и Константинополемъ. Турція была, въ силу этого договора, почти что совсѣмъ уничтожена; глядя на карту, дѣлалось весело на душѣ. Поужинавъ, я вышелъ изъ гостиницы на улицу, а парадъ все еще продолжался; было уже совсѣмъ темно.

Вслѣдъ за этимъ парадомъ появился приказъ великаго князя по войскамъ. Сильный, правдивый, понятный для каждаго солдата, вылившійся въ чисто русскіе выраженія прямо изъ души главнокомандующаго; онъ производилъ большое впечатлѣніе. Такой приказъ могъ написать

только человекъ, любившій военное дѣло, хорошо понимавшій русскаго солдата. Ему онъ отвелъ въ приказѣ первенствующее мѣсто; ему онъ отдалъ вполне заслуженную дань.

Утромъ 19-го февраля, въ день парада, является ко мнѣ посланный отъ его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго и передаетъ мнѣ приглашеніе явиться къ его высочеству. Войдя къ принцу, я получилъ изъ его рукъ телеграмму, адресованную моею женою къ его высочеству, въ которой она проситъ сообщить мнѣ, что она пріѣхала изъ Одессы въ Константинополь, находится въ данную минуту на Босфорѣ, на французскомъ пароходѣ «Messageries Maritimes» и проситъ меня выслать ей кого-нибудь, чтобы доставить ее ко мнѣ, въ Санъ-Стефано. Я былъ пораженъ неожиданностью извѣстія: миръ еще не былъ заключенъ, наше положеніе было самое неопредѣленное, военная демонстрація противъ Царьграда считалась возможной и я не зналъ, на что рѣшиться. Я обратился за совѣтомъ къ его высочеству; но и принцъ, въ виду могущихъ быть усложненій, не рѣшался мнѣ посовѣтовать перевезти жену въ Санъ-Стефано. Намъ помогъ рѣшить вопросъ генераль-адъютантъ Поповъ, бывшій въ это время съ визитомъ у его высочества. Привыкшій, какъ морякъ, ко всякимъ международнымъ отношеніямъ онъ высказалъ, что не видитъ ничего особеннаго въ томъ, что барыня желаетъ пріѣхать къ своему мужу, и можетъ только поздравить супруга. Въ сущности, адмиралъ не далъ намъ никакого совѣта; но для меня было уже довольно услышать спокойную рѣчь, чтобы принять рѣшеніе. Я тотчасъ же послалъ какого-то грека за женою, и 20-го февраля утромъ она пріѣхала въ Санъ-Стефано, гдѣ и прожила, какъ бы на дачѣ съ чуднымъ купаніемъ въ Мраморномъ морѣ, вплоть до нашего возвращенія въ Россію, т. е. въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Съ ея легкой руки, вслѣдъ за объявленіемъ мира, потянулись въ Санъ-Стефано, изъ всей Россіи, и другія барыни. Жена пріѣхала въ Царьградъ съ видомъ, выданнымъ ей въ Одессѣ англійскимъ консуломъ. вмѣстѣ съ ней на французскомъ пароходѣ ѣхалъ полковникъ Б. съ письмомъ къ великому князю отъ императора Александра Николаевича. Подѣхавъ на пароходѣ къ Царьграду, полковникъ узналъ, что миръ еще не былъ заключенъ. Тогда онъ высказалъ моему женѣ свои предположенія, что весьма легко могутъ возникнуть вовсе нежелательныя осложненія, и что его, какъ военнаго, могутъ даже и не пропустить въ Санъ-Стефано. Полковникъ былъ правъ, дѣлая такія предположенія. Въ то неопредѣленное время не то что вновь прибывшій, но даже мы, близко стоявшіе къ дѣлу, были въ продолженіе всего 19-го февраля (день заключенія мира) въ полномъ невѣдѣніи того, что насъ ожидаетъ. Полковникъ Б. обратился къ моему женѣ съ просьбой дать ему слово въ томъ, что если его задержатъ турки, то она лично доставитъ, по пріѣздѣ

438 воспом. оф. л.-гв. преобр. полка о походе въ турцію въ 1877—78 г.г.

въ Санъ-Стефано, это письмо великому князю. Мою жену, бывшую тогда подъ покровительствомъ Англій, конечно не могли задержать ни въ какомъ случаѣ. Этотъ незначительный эпизодъ вполне характеризуетъ то тревожное время, которое мы всѣ тогда переживали.

Александръ Александр. Берсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Б. Шейнъ при иномъ историческомъ освѣщеніи.

Занимаясь царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича, я невольно остановился надъ Смоленскимъ походомъ Шейна, какъ надъ событіемъ, во-первыхъ, въ политическомъ отношеніи крайне важнымъ для своего времени, а во-вторыхъ, въ культурномъ отношеніи очень любопытномъ по своимъ подробностямъ. И прежде источники для него не были скудны, а въ послѣдніе годы они очень обогатились предпринятымъ Академіей наукъ изданіемъ «Актовъ Московскаго государства», которыхъ первый томъ вышелъ въ 1890 году, подъ редакціей покойнаго Николая Александровича Попова. Тутъ помѣщено много документовъ Московскаго разряда (т. е. военнаго вѣдомства того времени), относящихся къ Смоленскому походу Шейна. Затѣмъ въ 1895 году, въ Варшавѣ, въ XIII томѣ «Библіотеки Красинскихъ» появился *Dyaguzsz wojny Moskiewskiej 1633 roku*, изданный подъ редакціей Рембовскаго. Благодаря этимъ двумъ изданіямъ, мы имѣемъ возможность изобразить событія не только съ большими, чѣмъ прежде, подробностями, но и съ большею точностію; особенно установить хронологію и вообще послѣдовательность фактовъ, а также устранить изъ прежняго матеріала многое, что оказывается невѣрнымъ или имѣеть легендарную основу.

Свою историческую обработку Смоленскаго похода я, насколько позволяло время, сообщилъ на публичной лекціи 4-го апрѣля 1897 года, имѣя въ виду слушателей по преимуществу военныхъ. Въ заключеніе своего сообщенія я провелъ параллель между поведеніемъ Шейна и маршала Базена: послѣдній также своимъ бездѣйствіемъ и безцѣльнымъ сидѣніемъ въ Мецѣ довелъ армію до позорной сдачи и заставилъ Францію жестоко заплатить за свое командованіе. Въ поведеніи обоихъ главнокомандующихъ, русскаго и французскаго, я нашелъ столько

общихъ чертъ, что позволилъ себѣ назвать Шеина «русскимъ маршаломъ Базеномъ XVII столѣтія».

Послѣ того появились въ печати нѣкоторыя возраженія на мою оцѣнку дѣйствій Шеина, оцѣнку, подтверждающую справедливость судебного надъ нимъ приговора.

Въ № 361 (16-го сентября 1897 г.) военно-литературнаго журнала «Развѣдчикъ» помѣщенъ «отвѣтъ» мнѣ неизвѣстнаго автора, озаглавленный: «Измѣна или бездарность?» Этотъ отвѣтъ возражаетъ противъ моего обвиненія Шеина въ измѣнѣ и говоритъ о его бездарности. Такое возраженіе основано на недоразумѣніи, и потому устраняется само собою. Лично я и не думалъ обвинять Шеина въ сознательной измѣнѣ; а обвиняли его такъ современники. На томъ же основаніи авторъ «отвѣта» возражаетъ и противъ уподобленія Шеина Базену, который, по его мнѣнію, былъ несомнѣнно измѣнникомъ, и потому-де сходство между ними только вѣншее, а не внутреннее. Но для моего уподобленія совершенно достаточно одинаковаго образа ихъ дѣйствія или точнѣе бездѣйствія, приведшаго къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Относительно бездарности тоже нельзя безъ оговорокъ согласиться съ «отвѣтомъ», въ виду прежней репутаціи Шеина, пріобрѣтенной защитою Смоленска (скорѣе видимъ черты стараго московскаго самодура). Точно также преувеличены его представленія о несостоятельности нашего военнаго искусства въ данную эпоху или собственно о слабыхъ боевыхъ качествахъ той арміи, которая была ввѣрена Шеину. Наконецъ онъ дѣлаетъ мнѣ упрекъ за опущеніе на лекціи заключительныхъ сужденій и выводовъ, обозначенныхъ въ программѣ. Но такое сокращеніе произошло по недостатку времени, и безъ того лекція затянулась почти на три часа. Въ настоящей замѣткѣ ниже приведены изъ моей книги эти опущенныя тогда сужденія. Только, употребленное для большей наглядности, сравненіе съ Базеномъ принадлежало лекціи, и, разумѣется, не вошло въ самый текстъ «Исторіи Россіи».

Особенно рѣзко выступилъ въ защиту Шеина другой мой возражатель, именно г. Оглоблинъ въ статьѣ, озаглавленной «Правда о бояринѣ М. Б. Шейнѣ» («Историч. Вѣст.» 1898, іюнь). На немъ мы нѣсколько остановимся.

Авторъ этой защиты отстаиваетъ собственно мнѣніе С. М. Соловьева. Покойный историкъ неудачу Шеинова похода между прочимъ гадательно объяснялъ интригою противъ него бояръ, которые мстили ему въ особенности за извѣстныя его презрительныя о нихъ слова, сказанныя при отпускѣ у государя. Г. Оглоблинъ говоритъ: «Дѣлая намекъ на боярскую месть, доведшую Шеина до плахи, Соловьевъ основывался только на своемъ чутьѣ и прозорливости, не имѣя здѣсь почти никакой фактической документальной основы». Итакъ авторъ подтверждаетъ, что

мнѣніе о боярской интригѣ основывалось пока на одномъ чутьѣ и прозорливости; недоставало документовъ. Но вотъ явились будто бы и документы. «Чутье С. М. Соловьева относительно правды въ Шейнскомъ дѣлѣ и на этотъ разъ его не обмануло: эта правда рѣшительно подтверждается недавно открытыми въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи А. Н. Зерцаловымъ новыми архивными матеріалами о Смоленскомъ походѣ Шейна» (Напечатаны во 2-й книгѣ «Чтеній Об. Ист. и Др. за 1897 г.» въ отдѣлѣ «Смѣсь»).

Читатель, разумѣется, ждетъ, что затѣмъ изъ этихъ новыхъ матеріаловъ будутъ представлены такіе оправдательные въ пользу Шейна документы, которые рѣшатъ вопросъ о немъ безапелляціонно. Но оказывается, что никакихъ такихъ документовъ, обличающихъ боярскую противъ него интригу, намъ все еще не предъявлено. А далѣе излагается кратко что-то въ родѣ очерка Смоленскаго похода, но въ высшей степени тенденціозно и фактически невѣрно, хотя и съ какими то ссылками на Соловьева и Зерцалова. Напримѣръ, Шейнъ, выступившій въ августѣ, долженъ былъ спѣшить походомъ, чтобы успѣть дойти до Смоленска, прежде чѣмъ наступитъ осенняя распутица; а по г. Оглоблину «его торопили выходомъ изъ Москвы, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, оборвать его личное вліяніе на царя и за-глазами приняться за свое злое дѣло мести». Въ подтвержденіе сего домысла ровно никакого документа не приводится. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что съ Шейнымъ въ началѣ похода отпущено болѣе 10.000 пудовъ пороху и свинцу, 116 пицалей, 1.200 однихъ запасныхъ мушкетовъ и прочее въ соответственныхъ размѣрахъ; а г. Оглоблинъ увѣряетъ, что «онъ вышелъ изъ Москвы почти съ голыми руками». Далѣе, увѣренія его относительно недостатка денегъ и кормовъ опровергаются все тѣми же достовѣрными документами; изъ нихъ мы узнаемъ, что въ теченіе года, потраченнаго Шейнымъ на бездѣятельность и бесплодное сидѣніе то въ Дорогобужѣ, то подъ Смоленскомъ, доставлено ему болѣе полумилліона рублей (не нашихъ, конечно, рублей, а того времени), и съѣстныхъ припасовъ въ количествѣ 1.500 четвертей сухарей, 2.300 четвертей крупъ, 2.500 четвертей толокна и пр. и пр. въ тѣхъ же размѣрахъ. Доставка денегъ и провіанта прекратилась только вмѣстѣ съ блокадою русской арміи поляками; а г. Оглоблинъ говоритъ о какой-то «голодовкѣ, начавшейся уже подъ Дорогобужемъ». Къ нему постоянно шли не только обозы съ провіантомъ, но и подкрѣпленія, такъ что его армія подъ Смоленскомъ съ 30.000 достигла до 40.000 человекъ; а г. Оглоблинъ утверждаетъ, что съ декабря 1632 г. Шейнъ «засѣлъ здѣсь надолго, совершенно брошенный Москвою!»

Въ томъ же родѣ очерчены весь походъ и Смоленская осада; вездѣ мерещится интрига бояръ, которые, если вѣрить сему очерку, только

и заботились, какъ бы помѣшать успѣхамъ Шеина и довести его до гибели со всей русской арміей. Благодаря такой тенденціи, авторъ статьи, напримѣръ, видитъ боярскую интригу и въ томъ, что рейтарскій полкъ Карла Девберта пришелъ изъ Москвы подъ Смоленскъ не такъ скоро, какъ бы слѣдовало. Отсюда возникли пререканія между полковникомъ и двумя московскими чиновниками, везшими «государеву казну»; чиновники обвиняли въ «мѣшкотѣ» полковника, а полковникъ чиновниковъ, которые, по его словамъ, завели его съ полкомъ въ бездорожицу и грязь, «для своей бездѣльной корысти». Изъ отписки его нельзя понять, въ чемъ тутъ собственно состояла корысть чиновниковъ; но нѣтъ основанія голословно отвергать его показаніе. Тѣмъ не менѣе г. Оглоблинъ отвергаетъ его и видитъ тутъ не корысть собственно, а прямое желаніе чиновниковъ угодить боярамъ замедленіемъ прихода рейтаръ подъ Смоленскъ, какую-то «продѣлку враговъ Шеина». Рядомъ съ произвольными толкованіями идетъ и явная неточность въ передачѣ свидѣтельства. Отписка полковника говоритъ только, что его завели въ грязь и бездорожицу (можетъ быть, желая сократить путь); а защитникъ Шеина передаетъ, будто его повели дальнѣею дорогою.

Что же собственно новаго даютъ намъ новооткрытые архивные матеріалы А. Н. Зерцалова (теперь уже покойнаго)?

Они даютъ намъ нѣсколько подробностей, преимущественно по части денежныхъ расходовъ, ибо извлечены изъ книги Денежнаго стола. Отсюда мы узнаемъ, напримѣръ, сколько кому изъ ратныхъ и посолныхъ людей выдано рублей, алтынъ и денегъ за то или другое дѣло, сколько заплачено за сальные свѣчи, печеный хлѣбъ и т. п. А затѣмъ въ статьѣ Зерцалова идутъ разныя натяжки, чтобы оправдать недостойное поведеніе Шеина, и притомъ со ссылками на матеріалы, уже до него изданные; причѣмъ всякое замедленіе той или другой посылки объясняется не московскими порядками вообще, дурнымъ состояніемъ дорогъ, недобросовѣстностію чиновниковъ и т. п., а прямо-таки интригою бояръ противъ Шеина, и Богъ въсть на какомъ основаніи. Никакихъ документовъ, доказывающихъ эту интригу, не представлено. Статья Зерцалова заканчивается сопоставленіемъ обвиненія и смертнаго приговора Шеина съ отрывками изъ тѣхъ же уже изданныхъ матеріаловъ, собственно съ отписками самого Шеина изъ-подъ Смоленска. Причѣмъ правительственнымъ обвиненіямъ противопоставляется что бы вы думали? Донесенія Шеина, лживость которыхъ теперь вполне обнаружена. Объ этой лживости я не мало распространялся на своей лекціи.

Фактическое изученіе всего похода, благодаря новымъ указаннымъ выше источникамъ, вполне подтверждаетъ справедливость официально изложенныхъ обвиненій. Для историка главный вопросъ не въ томъ, что писалъ Шеинъ въ Москву и какъ онъ сваливалъ на другихъ при-

чину своихъ неудачъ, а въ томъ, какъ самъ онъ себя велъ и какъ онъ распоряжался тѣми силами и средствами, которыя правительство ему ввѣрило. Напримѣръ, судебный приговоръ обвинилъ его въ томъ, что подъ Смоленскомъ онъ ни самъ никогда на бой не ходилъ, ни товарища своего не пускалъ. Достоверные источники, польскіе и русскіе, вполне подтверждаютъ это обвиненіе. Въ то время, когда Владиславъ всѣми силами нападаетъ и отнимаетъ у русскихъ постепенно одну позицію за другой, что дѣлаетъ въ это время Шейнъ? Сидитъ въ своихъ окопахъ и безучастно смотритъ на пораженіе отдѣльныхъ отрядовъ или посылаетъ имъ какую-нибудь ничтожную помощь на явную гибель. Во всю кампанію мы ни разу не видимъ его на полѣ сраженія во главѣ русской арміи; это не мѣшало ему доносить въ Москву въ такомъ родѣ: «Поляки приступали жестокимъ приступомъ два дня, а онъ (Шейнъ) съ товарищи, прося у Бога милости, безотступно два дня да двѣ ночи стояли и бились безпрестанно». Если гг. архивисты въ своихъ статьяхъ подобныя описки могутъ принимать за чистую монету и на ихъ основаніи оспаривать справедливость судебного приговора, то историки этого сдѣлать не могутъ, а должны къ источникамъ относиться критически и провѣрять ихъ всѣми доступными способами.

Покойный Зерцаловъ хотя представилъ несостоятельную защиту Шейна, но написалъ ее скромнымъ тономъ, безъ того полемическаго задора, который проявилъ его сослуживецъ по архиву.

По отношенію къ судебному приговору гг. архивисты пытаются подвергнуть его юридическому анализу; причемъ казуистическія и стилистическія тонкости нашего времени прилагаютъ къ неискусно построенной или редактированной формулировкѣ обвиненія въ официальномъ актѣ XVII столѣтія. Между прочимъ, г. Оглоблинъ напираетъ на несправедливое обвиненіе Шейна въ измѣнѣ. Но, во-первыхъ, слово измѣна въ древней Руси употреблялось въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ теперь: всякое нерадѣніе государственнымъ дѣломъ могло считаться за измѣну. Въ данномъ случаѣ напрасно было бы придиратся къ этому слову и отвергать справедливость приговора только потому, что нѣтъ доказательствъ подкупа Шейна королемъ; никто его въ этомъ подкупѣ теперь не обвиняетъ. А, во-вторыхъ,—и это главное—его позорное поведеніе, особенно его крайнее упорство въ своемъ бездѣйствіи вполне могли дать московскимъ людямъ поводъ обвинять его въ измѣнѣ. Г. Оглоблина ссылается на гетмана Радивиля, который съ негодованіемъ отвергъ всякую мысль объ измѣнѣ Шейна. Негодованіе это вполне понятно: допустить мысль объ измѣнѣ значить умалить славу польской побѣды. По той же самой причинѣ нѣмцы несогласны съ обвиненіемъ маршала Базена въ измѣнѣ, и тѣмъ болѣе, что на военномъ судѣ эта измѣна документально не была доказана; но она чувствовалась во всемъ

его поведеніи. Какъ сказано выше, лично я не обвиняю Шеина въ сознательной измѣнѣ; но, повторяю, своимъ поведеніемъ онъ давалъ поводъ современникамъ къ подобному обвиненію.

Въ своемъ усердіи обѣлить Шеина («жертву и мученика боярскихъ интригъ», по его словамъ), г. Оглоблинъ приводитъ въ связь съ его казнью глухо упоминаемую современникомъ «великую рознь» или волненіе въ народѣ и случившіеся тогда на Москвѣ большіе пожары. «Этими пожарами, когда выгорѣла масса боярскихъ дворовъ, народъ отомстилъ боярамъ за неповинную кровь Шеина». Сими словами онъ заканчиваетъ свою «Правду о Шеинѣ». Выходитъ, будто бы московскій народъ былъ такъ возмущенъ несправедливою казнью, что бросился жечь боярскіе дома. По исторической справкѣ, однако, дѣло происходило совсѣмъ наоборотъ.

Вотъ что по сему поводу рассказываетъ въ своихъ запискахъ извѣстный Адамъ Олеарій (Кн. III, гл. 6):

«Въ Москвѣ неудачу Смоленской осады приписали измѣнѣ Шеина. Когда войско воротилось, то оно прямо жаловалось на измѣну своего предводителя. Сначала жалобщиковъ не уважили и поступили съ ними строго; тогда вспыхнуло возстаніе; чтобы утишить его, народу обѣщали казнить Шеина. Послѣдняго обманули: сказали ему, что онъ только для виду будетъ выведенъ на казнь, но что въ послѣднюю минуту его помилуютъ. Довѣряясь этому обѣщанію, а особенно слову патріарха, Шеинъ спокойно легъ на землю, и ему тотчасъ отрубили голову. Сынъ Шеина въ тотъ же день, по требованію народа, былъ до смерти засѣченъ кнутомъ; а пріятели его сосланы въ Сибирь».

Изъ послѣдняго извѣстія видно, что Олеарію кто-то передавалъ не совсѣмъ точныя свѣдѣнія: мы знаемъ, что сынъ Шенна просто былъ сосланъ и умеръ на дорогѣ. Хитрость, будто-бы употребленная для казни самого Шеина, также есть плодъ досужихъ языковъ. Конечно, возмущеніе народное въ этомъ разказѣ сильно преувеличено; но для насъ важно, что если и было какое-нибудь возмущеніе, то не за Шеина, а противъ него. Несомнѣнно, что воротившіеся изъ-подъ Смоленска ратные люди своими рѣчами о поведеніи Шеина возбудили противъ него народное негодованіе и обвиненіе въ измѣнѣ. Общественное мнѣніе требовало его публичной казни. Совсѣмъ отвергнуть это сообщеніе Олеарія мы не можемъ: онъ прибылъ въ Москву спустя только три мѣсяца съ нѣсколькими днями послѣ казни Шеина; здѣсь были еще свѣжи впечатлѣнія Смоленской катастрофы, и толки о Шеинѣ, какъ измѣнникѣ, еще не замолкли.

Итакъ, повторяю, архивистъ, выступающій на полемическую арену, для своихъ сужденій объ историческихъ лицахъ и событіяхъ можетъ считать излишнимъ для себя фактическое, детальное изученіе предмета,

близкое, разностороннее ознакомленіе съ его литературою, особенно съ источниками, и тщательную ихъ критику. Но для историка все это обязательно. Въ данномъ случаѣ для него, между прочимъ, обязательно и нѣкоторое знакомство съ состояніемъ Шейнова противника. А изъ этого знакомства мы убѣждаемся, что польско-литовская армія, разгромившая Шенна, была слабѣе не только числомъ, но, повидимому, и качествомъ, что она была хуже снабжена всякаго рода запасами, чѣмъ русская армія, а въ особенности страдала недостаткомъ денежныхъ средствъ и неуплатою жалованья.

Въ настоящей краткой замѣткѣ я не касаюсь вопроса, почему не состоялась выручка Шейна другими воеводами, особо для сего назначенными (тутъ его защитники также усматриваютъ боярскую интригу). О томъ достаточно говорится въ имѣющемъ появиться новомъ выпускѣ моей «Исторіи Россіи»—выпускѣ, посвященномъ эпохѣ Михаила Ѳеодоровича Романова. Тамъ есть цѣлая глава, вмѣщающая «Смоленскую эпопею». Предоставляю серьезной исторической критикѣ на досугъ разбирать качества моей работы. А теперь, въ виду возникшей уже полемики, приведу изъ своей книги конецъ означенной главы или мои заключительные выводы объ этой эпопеѣ.

Для историка предстоитъ вопросъ: справедливъ ли былъ смертный приговоръ, произнесенный надъ Шейнымъ и его товарищемъ?

Какъ ни прискорбна эта казнь, но надобно признаться, что она была бы справедлива не только для его, но и для нашего времени. Хотя бы прямой, сознательной измѣны тутъ не было, хотя бы главною виною была неспособность, за которую трудно судить человѣка; во всякомъ случаѣ явное нерадѣніе о государевѣ промышлѣ, крайнее бездѣйствіе и даже противодѣйствіе другимъ начальникамъ въ ихъ попыткахъ къ болѣе энергичному веденію войны, живыя донесенія, тупое упрямство въ неисполненіи инструкціи и вообще высшихъ распоряженій—все это подлежитъ смертной казни, по военнымъ законамъ всѣхъ странъ и народовъ. А главное, если мы возьмемъ въ расчетъ, какъ Шейнъ погубилъ даромъ большую, прекрасно вооруженную и обильно снабженную армію, какіе громадные убытки и земельныя потери причинилъ онъ государству, то предъ такими слѣдствіями его начальствованія трудно возбудить къ нему сожалѣніе. Конечно, прежде всего виновать тотъ, кто назначилъ подобнаго главнокомандующаго, не справившись тщательно съ его способностями и образомъ мыслей, и эта вина, главнымъ образомъ, падаетъ на Филарета Никитича. Достоинъ также сожалѣнія, что самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, при такихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ никакихъ воинственныхъ наклонностей: онъ не сѣлъ на коня

и не явился лично во главѣ войска, подобно своему противнику королю Владиславу.

Въ нашей историографіи сложились мнѣнія, что главною виною бѣдственнаго исхода Смоленской эпопеи было плохое состояніе тогда нашего военнаго искусства, т. е. его полная отсталость отъ западно-европейскаго, что наемъ нѣсколькихъ тысячъ иноземцевъ не принесъ намъ пользы, такъ какъ они будто-бы не соблюдали дисциплины и часто измѣняли, а начальники ихъ не слушали главнокомандующаго и заводили ссоры между собою, и что Шеина кромѣ того погубили интриги его завистниковъ бояръ. Приписывали также большое вліяніе на исходъ войны нападенію крымцевъ на южные предѣлы. Такія мнѣнія могли сложиться только по недостатку точнаго и подробнаго знакомства съ фактами. Ближайшее разсмотрѣніе сихъ фактовъ, подкрѣпленное нѣкоторыми новыми матеріалами, приводитъ насъ къ другимъ выводамъ.

Во-первыхъ, армія, выставленная московскимъ правительствомъ для войны съ Польшею, превосходила польскую не только числомъ, но, по видимому, и качествомъ. Сами поляки отзываются, что пѣхота русская была лучше ихъ пѣхоты. Тутъ разумѣются, конечно, солдатскіе полки, обученные иноземному строю: а такихъ русско-нѣмецкихъ полковъ было десять, численностью приблизительно въ 15.000 человекъ. Это регулярное ядро арміи въ хорошихъ рукахъ было бы достаточно, чтобы разгромить противника, у котораго ни дисциплина, ни военное искусство вообще не стояли тогда на гораздо высшей степени, чѣмъ у насъ. Онъ только превосходилъ насъ качествомъ своей гусарской конницы. Гусарскія хоругви или эскадроны (отъ 100 до 200 коней) представляли тяжело вооруженныхъ всадниковъ, закованныхъ въ желѣзныя латы и шлемы и дѣйствовавшихъ копьями въ 17 футовъ длины (почти двѣ съ половиною сажени). Только состоятельная шляхта могла служить въ этой конницѣ: кромѣ дорогаго вооруженія, она сидѣла на дорогихъ, сильныхъ коняхъ. Наши дѣти боярскіе, непріученные къ регулярному конному строю, вооруженные саблею и лукомъ, обыкновенно не выдерживали дружнаго удара гусарскихъ копій. Но у Шеина было небольшое количество регулярной кавалеріи, именно рейтарскій полкъ Карла Деберта, числомъ почти въ 2.000 человекъ: мы видѣли, что онъ при случаѣ сражался молодецки, и въ хорошихъ рукахъ, конечно, послужилъ бы надежнымъ ядромъ для массы всей нашей конницы. Притомъ холмистая, лѣсистая, пересѣченная мѣстность вокругъ Смоленска была вообще неблагоприятна для открытыхъ конныхъ атакъ, и слѣдовательно пѣхота получала тамъ господствующее значеніе. Наконецъ, наша великолѣпная артиллерія (нарядъ) имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ неприятельской. Какъ бывший передъ войной начальникъ Пушкарскаго

приказа, Шейнъ, очевидно, питалъ пристрастіе къ большому наряду и вытребовалъ его изъ Москвы, но воспользоваться имъ не умѣлъ.

Во-вторыхъ, нареканія на иноземцевъ не совсѣмъ справедливы, и не они виноваты въ нашемъ поражениі. Иноземцы, кажется, довольно добросовѣстно исполняли свою службу, и во всякомъ случаѣ не хуже такихъ же наемниковъ, которые сражались противъ нихъ въ рядахъ польскаго войска. Дисциплина пошатнулась между ними только въ концѣ сидѣнья подъ Смоленскомъ, когда неспособность и неумѣлость Шейна сдѣлались для всѣхъ очевидными; тогда увеличилось и количество перебѣжчиковъ; но иноземцы-перебѣжчики были также изъ польскаго лагеря въ русскій. Изъ полковниковъ иноземныхъ ни одинъ не измѣнилъ и всѣ остались вѣрны своимъ обязательствамъ до конца. Можно только указать на Сандерсона, котораго Лесли обвинилъ въ измѣнѣ и убилъ. На сей именно случай, оставшійся неразъясненнымъ, и только на одинъ этотъ случай обыкновенно ссылаются въ доказательство взаимныхъ ссоръ иноземцевъ и неповиновенія главнокомандующему. Но онъ произошелъ въ концѣ Шейнова сидѣнья, когда положеніе нашей арміи было уже безнадежно и беспорядки сдѣлались неизбежны. Въ донесеніяхъ Шейна мы не встрѣчаемъ никакихъ жалобъ на иноземныхъ полковниковъ; а судебный приговоръ подтверждаетъ, что онъ не только не слушалъ ихъ совѣтовъ, но и препятствовалъ имъ, когда они хотѣли дѣйствовать или «чинить государевъ промыселъ», какъ тогда выражались. Слѣдовательно и съ этой стороны главная причина неудачи возводится все къ тому же предводительству. Напомнимъ дѣйствія пяти тысячнаго наемнаго шведскаго отряда въ царствованіе Шуйскаго. Пока во главѣ войска стоялъ его знаменитый племянникъ, Делгарди съ своимъ разноплеменнымъ отрядомъ помогалъ нашимъ побѣдамъ; а какъ только Скопинъ умеръ и главное начальство перешло въ руки неспособнаго Дмитрія Шуйскаго, подъ Клушинымъ этотъ отрядъ не только не спасъ отъ пораженія, напротивъ способствовалъ ему. Въ то время наемныя дружины еще дѣйствовали отдѣльно отъ русской рати. Теперь же они составляли кадры смѣшанныхъ русско-иноземныхъ полковъ, обучавшихся иностранному строю. Такимъ образомъ наше военное искусство при Михаилѣ Теодоровичѣ находилось уже на переходной ступени отъ прежнихъ ополченій къ регулярной арміи Петра Великаго, т. е. развивалось правильно, и въ это время оно у насъ совсѣмъ не было такъ плохо, какъ о немъ доселѣ думали нѣкоторые историческіе писатели. Послѣ же сей войны московское правительство сдѣлало дальнѣйшій шагъ: оно отказалось отъ найма иноземныхъ солдатъ въ значительномъ количествѣ, а стало ограничиваться собственно наемными инструкторами для образованія чисто русскаго регулярнаго войска.

Повторяю, главная причина бѣдствія подъ Смоленскомъ—это самъ

Шейнъ, а слѣдовательно и тѣ, кто ввѣрилъ ему начальство. Не вполне справедливо было бы въ данномъ случаѣ ссылаться на мѣстничество, часто препятствовавшее назначенію болѣе способныхъ предводителей. Если бы захотѣли, напримѣръ, назначить главнымъ воеводою Пожарскаго, то царь и патріархъ могли бы это сдѣлать, выбравъ ему въ товарищи кого-либо изъ родовъ не самыхъ знатныхъ или могли бы сдѣлать его товарищемъ при воеводѣ болѣе знатномъ, но мягкаго характера, который бы его слушался (какъ то не разъ бывало въ другихъ случаяхъ). Но, кажется, Филаретъ Никитичъ не желалъ еще болѣе выдвигать Пожарскаго: можетъ быть, онъ не хотѣлъ забыть его мимолетной кандидатуры при царскомъ избраніи. Впрочемъ, и помимо Пожарскаго, если бы былъ назначенъ главнымъ воеводою любой изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ бояръ, только не Шейнъ, навѣрно нашъ Смоленскій походъ не окончился бы такъ бѣдственно и безславно.

Въ-третьихъ, существуетъ мнѣніе о какихъ-то боярскихъ интригахъ, мѣшавшихъ успѣхамъ Шеина и въ особенности его выручкѣ изъ-подъ Смоленска: это мнѣніе основано на однихъ произвольныхъ догадкахъ. Никакихъ интригъ такого рода въ дѣйствительности мы не видимъ и въ источникахъ никакихъ указаній на нихъ не находимъ. Напротивъ, довѣріе царя и патріарха къ Шеину продолжалось слишкомъ долго и глаза ихъ на его истинное поведеніе раскрылись слишкомъ поздно. Всѣ его требованія правительство обыкновенно исполняло или старалось исполнить; одна исторія съ доставкой большаго наряда изъ Москвы подъ Смоленскъ ясно это доказываетъ. Его безконечныя жалобы на нѣтчиковъ и бѣглецовъ вызывали цѣлый рядъ мѣропріятій; но бояре не виноваты въ томъ, что служилые люди бѣжали изъ полковъ Шеина и не хотѣли къ нему возвращаться. А если его не выручили, то мы видѣли, какъ трудно было это сдѣлать съ тѣми малыми силами, которыя удалось собрать къ концу его позорнаго сидѣнья подъ Смоленскомъ, собрать преимущественно изъ тѣхъ же нѣтчиковъ и бѣглецовъ, которые ушли отъ того же Шеина. Если и проявилась вражда къ нему со стороны бояръ за его непомѣрную гордость и самовосхваленіе, то развѣ во время суда надъ нимъ и приговора. Но тогда военное дѣло было уже кончено и его позорное поведеніе уже вполне выяснилось.

Что касается вліянія татарскаго набѣга на ходъ Смоленской осады, то это неблагоприятное вліяніе у насъ доселѣ слишкомъ преувеличивали: въ дѣйствительности оно было незначительно, какъ это видно теперь изъ первоисточниковъ, т. е. изъ актовъ самого Разряда.

Защитники Шеина пытаются указывать нѣкоторые пункты его обвиненія, будто-бы не выдерживающіе критики: напримѣръ, правительство съ одной стороны въ своихъ наказахъ поручало ему беречь отъ разграбленія съѣстные припасы въ окрестностяхъ Смоленска; а въ судномъ

приговорѣ ставило ему въ вину, что онъ уберегъ ихъ для непріятеля. Но подобныя противорѣчія неважны и конечно не въ нихъ главная сила приговора. Дѣло въ томъ, что Шейнъ села, деревни и рыбныя пруды Смоленскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ распредѣлил между собою, Измайловымъ и его сыновьями такимъ образомъ, чтобы крестьяне всякіе хлѣбныя и рыбныя запасы доставляли именно этимъ воеводамъ; а сія послѣдніе дорогою цѣною продавали ихъ ратнымъ людямъ, русскимъ и нѣмцамъ. Итакъ, Шейнъ запятналъ еще себя низкимъ корыстолюбіемъ; причеиъ, не позволяя своимъ отрядамъ ходить въ названныя уѣзды за припасами и конскими кормами, онъ дѣйствительно уберегъ кое-что для непріятеля.

Тѣ же защитники ссылаются на распоряженія изъ Москвы, будто бы стѣснявшія Шейна, а также на постоянное одобреніе его дѣйствій правительствомъ. И эта защита не серьезна. Шейнъ именно отличился упрямствомъ и самовластными поступками; онъ менѣе всего стѣнялся распоряженіями свыше и прямо ихъ не слушалъ, если имъ не сочувствовалъ: такъ, онъ медлил походомъ и вездѣ задерживался, вопреки понужденіямъ изъ Москвы; въ отношеніи же польскаго лагеря подъ Краснымъ прямо поступалъ противъ даннаго ему наказа. А что патріархъ и царь ему довѣряли и присылали свое одобреніе его дѣйствіямъ, причиною были, какъ его ложныя донесенія, такъ и понятная политика не огорчать, не смущать воеводу и въ лицѣ его поощрять вообще всѣхъ ратныхъ людей. Но правительство довѣряло ему слишкомъ долго, и въ этомъ оно несомнѣнно виновато: ибо изъ актовъ Разряда мы убѣждаемся, что почти все происходившее не только въ русскихъ войскахъ, но и въ непріятельскихъ дѣлалось извѣстнымъ московскому правительству при посредствѣ многочисленныхъ гонцовъ, лазутчиковъ, плѣнниковъ, перебѣжчиковъ и т. п., которыхъ тщательно разспрашивали въ Разрядѣ и всѣ ихъ показанія записывали. Странно, что ни патріархъ, ни царь не пользовались этимъ источникомъ, чтобы знать постоянно истинное положеніе дѣлъ и своевременно принять свои мѣры и противъ непріятеля, и противъ самого Шейна, съ его лживыми донесеніями. Это обстоятельство, наоборотъ, свидѣтельствуетъ, что предполагаемые враги его, т. е. бояре завистники, слишкомъ мало слѣдили за его поведеніемъ и не пользовались даннымъ источникомъ, чтобы во-время раскрыть на него глаза.

Въ судебномъ приговорѣ еще ставится въ вину Шейну какая-то тайная присяга, данная во время его плѣна Сигизмунду III. Это пунктъ темный; самое существованіе такой присяги недоказано. Но, очевидно, долгое пребываніе въ Польшѣ повліяло разслабляющимъ и развращающимъ образомъ на его характеръ и патріотизмъ, и онъ вернулся оттуда уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ до своего плѣна: примѣры распущенности и надменности польскихъ вельможъ наложили на него свой отпе-

чатокъ. Хотя бы съ его стороны и не было умышенной измѣны, но образъ его дѣйствій до того походилъ на измѣну, что многіе современники въ ней не сомнѣвались. Свой смертный приговоръ Шейнъ вполне заслужилъ, такъ какъ его позорное поведеніе было главною виною несчастнаго исхода войны и гибели многочисленной, храброй, хорошо вооруженной и достаточно всѣмъ снабженной русской арміи.

Есть основаніе полагать, что и самый этотъ приговоръ совершился подъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія, въ высшей степени возмущеннаго, когда, послѣ возвращенія остатковъ нашей арміи, всѣ подробности позорнаго поведенія воеводы сдѣлались извѣстны отъ многочисленныхъ и близкихъ свидѣтелей.

Д. Иловайскій.

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LVIII ¹⁾.

Сосредоточеніе турецкихъ войскъ подъ Шумлюю. — Осада Силистрии. — Приготовленія къ отправкѣ въ крѣпость конвоя съ транспортомъ. — Удачное выполненіе этого замысла. — Появленіе кавалеріи. — Возвращеніе въ Шумлу. — Отношеніе англичанина Сименса къ дезертирамъ-полякамъ. — Записка Вл. Замоискаго.

Турецкое войско было сосредоточено подъ Шумлюю. Румелийскій отрядъ стоялъ у входа въ Доли-Орманъ со стороны Шумлы; Стамбульскій отрядъ находился близъ самой Шумлы, а Гаки-Измаилъ-паша съ гвардейскимъ корпусомъ ушелъ изъ Калафата и находился уже между Разградомъ и Арнаутъ-кюемъ. Съ нимъ выступило восемь полковъ кавалеріи и четвертая сотня регулярныхъ казаковъ; всеи этой кавалеріей командовалъ дивизионный генералъ Халимъ-паша.

Сердаръ-экремъ имѣлъ такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи отъ 120 до 150 тысячъ войска, массу кавалеріи и не менѣе 300 орудій. Со столь значительными силами онъ смѣло могъ напасть на русскихъ, у которыхъ было не болѣе 80 тысячъ въ лагеряхъ подъ Ада-кюемъ и Кара-Орманомъ; сердаръ-экремъ могъ идти лѣсами и оврагами, весьма удобной дорогой, гдѣ войско было бы все время прикрито. Въ восьми верстахъ отъ русскаго лагеря мѣстность начинала понижаться къ Дунаю

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь, 1898 г.

и поросла рѣдкимъ лѣсомъ, чрезвычайно удобнымъ для стрѣлковъ. Русское войско, попавъ между войскомъ Омеръ-паши и Силистріей, и которому угрожала бы на открытой мѣстности кавалерія Халима-паши и нѣсколько тысячъ баши-бузуковъ, было бы вынуждено снять осаду крѣпости или, рѣшась вступить въ сраженіе съ турками, было бы отброшено къ Дунаю.

Я былъ твердо убѣжденъ въ этомъ и поэтому позволилъ себѣ изложить свое мнѣніе не въ официальномъ донесеніи, а въ частномъ письмѣ, которое послалъ Омеръ-пашѣ, приложивъ къ нему подробнѣйшій списокъ русскихъ войскъ съ обозначеніемъ номеровъ каждаго полка и фамилій генераловъ и полковыхъ командировъ. Сердарь-экремъ не отвѣчалъ на это письмо ни слова и впослѣдствіи, когда я заводилъ о немъ рѣчь, онъ тотчасъ переводилъ разговоръ на другую тему. Омеръ-паша совершенно не полагался на храбрость турецкихъ солдатъ и на умѣнье турецкихъ офицеровъ маневрировать на полѣ битвы. Достигнувъ, благодаря счастливой случайности, такого положенія и власти, о коихъ ему и во снѣ не снилось, онъ не хотѣлъ поставить все на карту, рискуя проиграть сраженіе. Къ этому присоединилось вліяніе Австріи, которая въ то время контролировала уже всѣ наши дѣйствія, всѣ наши планы, вмѣшивалась рѣшительно во все, ловко сдумала окружить сердарь-экрема преданными ей людьми и дѣйствовала на него чрезъ своего военного и англійскаго комисаровъ; кромѣ того, Омеръ-паша со времени своей службы въ австрійской арміи невольно подчинялся вліянію Австрій, отъ котораго онъ и впослѣдствіи не могъ вполнѣ отдѣлаться.

Вмѣсто всего войска въ Дели-Орманъ былъ присланъ англійскій генералъ Канонъ (Байрамъ-паша) съ нѣсколькими баталіонами пѣхоты, съ одной батареей артиллеріи и баши-бузуками изъ Алеппо, подъ командою Али-бея. Генералу Канону было поручено отвести пѣхоту въ Силистрію, смѣнить находившіеся въ крѣпости пять баталіоновъ, измученныхъ продолжительной службой и остаться подъ моею командою въ Дели-Орманѣ. Оставивъ алеппскихъ баши-бузуковъ въ Рахманы-Ачиклярѣ, я провелъ отрядъ Байрама-паши подъ прикрытіемъ казаковъ въ крѣпость и благополучно вывелъ его обратно, что, впрочемъ, не было сопряжено ни съ малѣйшей опасностью; мы обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами съ донцами, которые не причинили никому ни малѣйшаго вреда. Комендантъ Силистріи заявилъ мнѣ рѣшительно, что крѣпость не въ состояніи обороняться, что рано или поздно ей придется сдаться и что лучше капитулировать и выйти изъ крѣпости съ оружіемъ и военными почестями, нежели быть вынужденнымъ къ сдачѣ и быть взятымъ въ плѣнъ. Онъ говорилъ, что ему недостаетъ военныхъ запасовъ и провіанта, который онъ получаетъ только отъ меня, и если непріятель будетъ блокировать крѣпость, то онъ будетъ вынужденъ сдаться, поэтому лучше принять

мѣры своевременно. Ему извѣстно было, что русскіе не прочь начать переговоры о капитуляціи и что будетъ не трудно выговорить для гарнизона самыя выгодныя условія при сдачѣ; наконецъ, ему было извѣстно, какъ онъ говорилъ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что русскіе не намѣрены идти въ глубь страны.

Я отвѣчалъ, что это меня не касается; однако, я сообщилъ объ этомъ частнымъ письмомъ Омеръ-пашѣ, совѣтуя ему стянуть войска въ Дели-Орманъ; я писалъ, что ежели онъ не подойдетъ съ вспомогательнымъ отрядомъ, то крѣпости придется сдаться на капитуляцію, чтобы не тратить даромъ людей. Сердаръ-экремъ отвѣчалъ на это: нельзя обречь войско на вѣрную гибель; уступить превосходству силъ и неизбѣжной силѣ обстоятельствъ не можетъ считаться преступнымъ и постыднымъ. Отвѣтъ былъ достаточно ясенъ, чтобы я могъ заключить изъ него, что мысль о капитуляціи уже носилась въ воздухѣ; невольно сгрустнулось, но я подумалъ, чисто по-польски: будь, что будетъ. Я сталъ всячески угождать старику Мехметъ-пашѣ и постарался сблизиться съ нимъ не только по дѣламъ службы, но и стать къ нему лично въ самыя близкія отношенія.

По возвращеніи въ Ачикляръ, я имѣлъ крайне непріятное столкновение съ Байрамъ-пашою. Во время этой кампаніи англичане обращались съ турецкими пашами и съ турецкими властями по-своейски, какъ съ индѣйскими сипаями; у нихъ никогда не было ласковаго слова для смиренныхъ пашей, которые дрожали при мысли о томъ, что англичане могутъ донести лорду Редклиффу и навлечь на нихъ строгія наказанія или уволить ихъ отъ занимаемаго мѣста, ибо маленькій султанъ не былъ такъ милостивъ и великодушенъ, какъ Абдуль-Меджидъ. Байрамъ-паша хотѣлъ распоряжаться въ Ачиклярѣ точно такъ, какъ его соотечественники распоряжались во всей Турціи; онъ потребовалъ, чтобы интендантство доставило ему фуражъ на двѣ тысячи лошадей для алеппскихъ баши-бузуковъ и уплатило ему деньгами за то время, когда онъ кормилъ ихъ на свой счетъ; онъ наговорилъ всѣмъ непріятностей, когда отъ него потребовали о томъ формальнаго приказа по полку; англичанинъ хотѣлъ, чтобы интенданты удовольствовались его роспиской. Это дѣло происходило на моихъ глазахъ; англичанинъ былъ грубъ и невѣжливъ. Я приказалъ алеппской конницѣ выѣхать впередъ и, выслушавъ рапортъ ея командира, что всѣ люди и лошади на лицо и нѣтъ отсутствующихъ, приказалъ казакамъ пересчитать лошадей, которыхъ какъ стадо овецъ впускали по одной въ огороженное пространство. Англичанинъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ, но онъ не могъ ускользнуть, такъ какъ я пригласилъ весь со-вѣтъ, меджились, присутствовать при повѣркѣ лошадей, конхъ оказалось всего навсего 66; тогда я приказалъ арестовать Али-бея; онъ оправды-

вался тѣмъ, что дѣйствовалъ по приказанію Байрамъ-паши; однако, мое приказаніе было исполнено. Я сдѣлалъ англичанину выговоръ за его поступокъ самымъ спокойнымъ тономъ и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Онъ сказалъ, что я запятналъ его честь, что онъ отказывается отъ командованія и хочетъ немедленно отправиться къ сердарь-экрему. Я изъявилъ на то свое согласіе и онъ уже болѣе не служилъ подъ моею командою.

Такъ какъ главные силы турецкой арміи не пришли въ Дели-Орманъ, то русскіе распустили слухъ о своемъ намѣреніи осадить крѣпость. Предувѣдомленный объ этомъ съ форпостовъ, я отправился ночью въ укрѣпленіе Меджидіе, чтобы переговорить съ маршаломъ; старикъ зналъ о движеніи русскихъ, но утверждалъ, что это не болѣе какъ пустая демонстрація. Я передалъ ему рапортъ Рифаата-паши къ сердарь-экрему, писанный по-нѣмецки; на мой вопросъ знаетъ ли онъ содержаніе этого рапорта, онъ отвѣчалъ отрицательно; тогда я сказалъ, что Рифаатъ-паша поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно не согласно съ правилами службы, и посовѣтовалъ распечатать пакетъ и прочесть его, что мы и сдѣлали. Въ рапортѣ говорилось, что въ крѣпости нѣтъ ни провіанта, ни патроновъ, что непріятель обложилъ ее и намѣренъ штурмовать, что уже начаты переговоры о капитуляціи и ожидаютъ только приказаній сердарь-экрема. Я написалъ нѣсколько словъ Рифаату-пашѣ, обѣщая доставить ему подкрѣпленіе, провіантъ и боевые снаряды.

Я приказалъ уложить во вьюки всѣ снаряды, доставленные изъ Шумлы, которые были у артиллеристовъ въ Ачиклярѣ; ими было навьючено 500 лошадей; столько же лошадей было навьючено зерномъ и сухарями; такъ же было приведено 2.000 слишкомъ быковъ и овецъ; все это было собрано къ вечеру. Мѣстные жители мигомъ доставили болѣе число лошадей, нежели было нужно; они дѣлали это съ величайшей охотою, движимые патріотизмомъ. Командованіе прикрытіемъ было вѣрено моему начальнику штаба, капитану Остою, которому я далъ для конвоя сотню казаковъ и взводъ кубанцевъ; по пути ему было разрѣшено взять съ собою, смотря по надобности, шестую сотню Бзеделаха, которому уже было дано устное приказаніе избрать для слѣдованія отряда наилучшій путь. Остою дана была инструкція такого рода, чтобы онъ послѣдовалъ какъ можно скорѣе пройти между Айдемиротъ и Татаринкой, сдать транспортъ и вернуться обратно, позаботившись о томъ, чтобы изъ крѣпости было выпущено нѣсколько ракетъ, по три сразу, что служило бы для меня знакомъ, что конвой благополучно прибылъ по назначенію.

Сдѣлавъ соотвѣтствующія распоряженія, я созвалъ меджилісъ, показавъ ему просьбу Рифаатъ-паши, таковую же Мехметъ-паши, которую я принялъ отъ него лично, и донесенія съ форпостовъ; однимъ словомъ,

изложивъ имъ положеніе дѣла я сказалъ, что прикрытіе готово, и просилъ ихъ высказать свое мнѣніе о томъ: возможно или нѣтъ доставить въ крѣпость транспортъ, и если вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно, то сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія, поручивъ выполнение этого дѣла Селиму и Али-пашамъ. Я просилъ ихъ дать немедленно рѣшительный отвѣтъ; они толковали, обсуждали, заглянули въ воинской уставъ и послѣ продолжительнаго совѣщанія рѣшили, что это дѣло невозможное, что оно несогласуется съ военнымъ уставомъ. Тогда я попросилъ ихъ написать мазбатъ съ ихъ рѣшеніемъ, и когда онъ былъ подписанъ и къ нему были приложены печати, и мнѣ подали его для приложенія моей печати, то я взялъ мазбатъ, сложилъ его и спряталъ въ карманъ сказавъ, что на ихъ сторонѣ право, военные уставы и правила, которымъ всѣ обязаны подчиняться, но тутъ идетъ дѣло о крѣпости, о спасеніи людей, о славѣ войска моего монарха, поэтому я принимаю всю отвѣтственность на себя и исполню это дѣло самъ съ моей бригадой, а на это время передаю начальство надъ моей частью Селиму-пашѣ, какъ старшему въ чинѣ.

Въ тотъ же день мы выступили въ походъ, оставивъ меджились въ крайнемъ изумленіи. Мѣстные жители, съ оружіемъ въ рукахъ, добровольно присоединились къ конвою, эскортировавшему отрядъ и принесли намъ большую пользу присматривая за вьюками.

Ночь была темная; все благопріятствовало намъ; мы шли безъ шума, никѣмъ не замѣчаемые. Проводникъ привелъ насъ къ густой чащѣ, гдѣ мы стали фронтомъ къ русскому лагерю со стороны Силистріи. Транспортъ отправился далѣе и скоро мы увидѣли условныя ракеты, пущенныя по три сразу; тогда мы благополучно отступили обратно, не потеряли въ этомъ дѣлѣ ни одного человѣка, не понесли ни малѣйшей потери. Конвой съ обозомъ благополучно достигъ Силистріи и крѣпость имѣла провіантъ и снаряды.

Бомбардированіе Силистріи продолжалось двое сутокъ, но не особенно успѣшно. Я находился близъ Бабока (?), когда болгары прибѣжали ко мнѣ съ извѣстіемъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ получилъ какую-то бумагу и что по всей вѣроятности русская армія отступить на лѣвый берегъ Дуная и прекратить осаду Силистріи. Я послалъ сердарь-экрему съ капитаномъ Бзеделахомъ краткое донесеніе о полученномъ извѣстіи и писалъ ему, что теперь было бы своевременно двинуться впередъ и послать всю кавалерію, чтобы тревожить непріятеля и забрать у него хоть нѣсколько плѣнныхъ. Своимъ казакамъ я приказалъ быть наготовѣ выступить ежеминутно. Я намѣревался идти на слѣдующій день прямо къ Кара-Орману, но Бзеделахъ вернулся ночью съ приказаніемъ, чтобы я обождалъ прибытія Халима-паши, который уже выступилъ со всей кавалеріей.

Я приготовился принять его; подъ вечеръ, какъ и слѣдовало, пріѣхалъ Халимъ-паша, весь красный какъ свекла, маленькій ростомъ, толстопузый, кругленькій, съ блестящими глазками, болѣе похожій на сдобную булку нежели на предводителя кавалеріи; чрезъ добрыхъ четверть часа послѣ его пріѣзда показались полки, шедшіе не въ особенно стройномъ порядкѣ. Впереди ихъ ѣхали толстенкіе полковники; но эта кавалерія казалась безжизненной, въ ней не было замѣтно одушевленія, энергіи, бодрости.

Начальникъ кавалеріи тотчасъ усѣлся за обѣдъ, приготовленный у Эдхемъ-бей, не отдавъ никакихъ приказаній, ничѣмъ не распорядившись; мнѣ пришлось размѣстить кавалерію безъ участія въ этомъ полковниковъ, которые, сошедши съ лошадей, также сѣли за столъ. Начальника изъ-за стола снесли прямо въ постель; онъ уже спалъ, когда его несли, а какъ положили въ постель, тотчасъ захрапѣлъ.

Онъ проснулся только на другой день около полудня и, весь заспанный, въ турецкомъ халатѣ выслушалъ мой докладъ, что русскіе вышли изъ Кара-Ормана, сняли посты, переходятъ черезъ мостъ и что ихъ обозы находятся уже по ту сторону рѣки.

— Пусть себѣ удираютъ,—отвѣчалъ онъ,—коли не хотятъ подождать; не стоитъ ихъ догонять, поѣдемъ впередъ тихонько, не спѣша.

Подъ вечеръ, когда уже повѣяло холодкомъ, мы выступили длинной колонной; я совѣтовалъ идти нѣсколькими дорогами, чтобы двигаться впередъ скорѣе. Паша на это не согласился и хотѣлъ имѣть всю кавалерію подъ рукою; намъ пришлось идти до Альфатаръ степью двадцать верстъ цѣлую ночь. Когда уже совсѣмъ разсвѣло, мы подошли къ Альфатару; лошади были голодны и измучены совершенно ненужнымъ ночнымъ переходомъ. Только черезъ четыре часа подошелъ хвостъ колонны; пять часовъ мы поили лошадей у колодцевъ и только къ вечеру были готовы идти далѣе.

Мы увидѣли на другой день, что на правомъ берегу Дуная не осталось ни одного русскаго солдата и что мостъ былъ отведенъ на другой берегъ. Тогда мы выступили съ одиннадцатю полками кавалеріи, по 6 эскадроновъ въ каждомъ, церемоніальнымъ маршемъ въ Ада-Кале, таща за собою двѣ трехфунтовыя пушки, предназначавшіяся для обстрѣливанія мѣстности.

Халимъ-паша дремалъ на своемъ иноходцѣ и придумалъ со своимъ штабомъ слѣдующую штуку: выстроить кавалерію колоннами противъ русскаго лагеря, поставить впереди обѣ пѣвалки на какую-то старую насыпь и стрѣлять изъ нихъ въ непріятеля; бѣдняжки забыли, что у русскихъ были двѣнадцати-фунтовыя тяжелыя орудія! На мой вопросъ, переправимся-ли мы затѣмъ черезъ Дунай, чтобы атаковать непріятеля, Халимъ-паша отвѣчалъ:

— Разставляй войско какъ хочешь, мнѣ все равно, дѣлай какъ знаешь, это твое дѣло; я въ это не вмѣшиваюсь.

Я поставилъ кавалерію подѣ прикрытіемъ такъ, чтобы въ нее не могло попасть ни одного выстрѣла, приказалъ людямъ сойти съ лошадей и почивать не на лаврахъ, но въ надеждѣ на лавры, которые доставятъ имъ пѣшалки. Подѣхавъ къ холму я увидѣлъ, что Халимъ-паша съ искрившимися глазами разставлялъ орудія, штабные прицѣливались и стрѣляли; чистая комедія, игра въ войну! Послѣ долгаго промежутка раздалось наконецъ два выстрѣла со стороны русскихъ. Шесть артиллеристовъ-турокъ и четыре лошади были убиты, двое солдатъ и пять лошадей ранены. Начальникъ со штабомъ вышли изъ редута, сѣли на лошадей и возвратились въ Силистрію, а изъ селенія Ада-Кале были посланы вола за орудіями; счастье, что русскіе ничего болѣе не предприняли.

Такъ окончилась осада Силистріи, и мы возвращались въ Дели-Орманъ послѣ побѣды съ понуренной головой; у Альфатара мы встрѣтили сердарь-экрема съ его штабомъ и свитой. Кавалерія выстроилась для приѣма главнокомандующаго. Омеръ-паша былъ доволенъ, сердечно благодарилъ меня за мою ревностную службу, а затѣмъ велѣлъ прочитать передъ фронтомъ благодарность султана казакамъ за ихъ полтора-мѣсячную службу въ Дели-Орманѣ. Кавалерія пошла отдыхать въ Шумлу.

Англійскій комисаръ Сименсъ, увидавъ въ Силистріи восемнадцать дезертировъ, которые были почти всѣ уроженцы Кіевской губерніи, выхлопоталъ у Рифаатъ-паши, на основаніи какой-то статьи англійскаго военнаго устава, позволеніе заковать ихъ въ кандалы и отправить въ Стамбуль. Также точно онъ хотѣлъ поступить и съ дезертиромъ-татаринкомъ Мурадъ-беемъ, который былъ въ свитѣ фельдмаршала Паскевича и оказалъ Рифаатъ-пашѣ большія услуги во время осады.

Этотъ несчастный паша, по приказанію англичанина, велѣлъ заковать въ кандалы челоуѣка, который сидѣлъ за его столомъ, котораго онъ употреблялъ какъ офицера своего штаба и котораго самъ представлялъ къ производству къ офицеры. Мурадъ-бею удалось бѣжать; онъ спрятался у меня. Я пошелъ къ Рифаатъ-пашѣ и, воспользовавшись вліяніемъ, которые давали мнѣ мои заслуги и немного возвысивъ голосъ, такъ напугалъ его, что онъ приказалъ снять со всѣхъ дезертировъ кандалы и отдалъ ихъ мнѣ; а я тотчасъ отправилъ ихъ съ четырьмя кубанцами въ полкъ, гдѣ ихъ размѣстили по сотнямъ. Взявъ съ собою татарина Мурада я отправился съ нимъ къ сердарь-экрему, у котораго засталъ Рифаатъ-пашу и полковника Сименса. Ни мало не смутившись я представилъ его сердарю, перечислилъ его заслуги, сослался на свидѣтельство Рифаатъ-паши и просилъ произвести его въ поручики и дать ему мѣсто хотя бы въ казацкомъ полку. Полковникъ Сименсъ не посмѣлъ про-

изнести ни слова, а сердарь-экремъ обѣщаль исполнить все, о чемъ я его просилъ. Однако на другой день онъ не исполниль обѣщаннаго, сказавъ что онъ обязанъ отослать Мурада къ сераскиру въ Стамбуль, но все же представилъ его къ производству въ офицеры; я узналъ впоследствии, что это была уступка, сдѣланная англійскому комисару. Для Мурада это вышло къ лучшему, такъ какъ сераскирь произвелъ его въ капитаны, а я вовсе и не добивался имѣть его въ казаккомъ полку.

Удивительно поступалъ полковникъ Сименсъ по отношенію къ дезертирамъ-полякамъ. Впоследствии, въ Евпаторіи, гдѣ меня не было, но гдѣ находилось много поляковъ при штабѣ Омеръ-паши, когда шла рѣчь объ обмѣнѣ баши-бузуковъ, взятыхъ въ плѣнъ, и русскихъ плѣнныхъ не хватило для обмѣна, то полковникъ Сименсъ предложилъ отдать вмѣсто нихъ дезертировъ поляковъ; ихъ отдали безъ малѣйшаго протеста со стороны прочихъ лицъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи и находившихся при штабѣ.

Это было плохое поощреніе для поляковъ къ поступленію въ турецкое войско или въ армію союзниковъ.

Нѣсколько дней спустя по приѣздѣ въ Шумлу я былъ у сердарь-экрема; еще разъ поблагодаривъ меня за мою службу въ Дели-Орманѣ и сказавъ, что онъ считаетъ меня за одного изъ лучшихъ генераловъ и болѣе всѣхъ довѣряетъ мнѣ,—онъ вынулъ изъ портфеля бумагу, сказавъ:

— Видишь, какъ турки умѣютъ цѣнить твои способности и твое ревностное отношеніе къ службѣ; отъ султана до послѣдняго солдата всѣ отдають тебѣ должное, а вотъ взгляни какъ относятся къ тебѣ поляки, да еще тѣ, которыхъ ты, смѣло можно сказать, поставилъ на ноги въ политическомъ отношеніи, ибо безъ тебя они сгнили бы на парижской мостовой въ дрязгахъ, ссорахъ и бездѣйствіи. Читай!

Я принялся читать бумагу; это оказалась записка, поданная Омеръ-пашѣ Замойскимъ, въ которой онъ, восхваляя мои дипломатическія способности, доказывалъ различными аргументами, что я не имѣю военныхъ дарованій, и что ежели правительство хочетъ, по непонятнымъ для него причинамъ, удержать меня на занимаемомъ мною мѣстѣ, то мнѣ слѣдуетъ назначить въ помощники подполковника Владислава Косцельскаго, какъ опытнаго и искуснаго строевого офицера, который будетъ командовать войскомъ, а я буду пользоваться званіемъ командира.

Однимъ словомъ, это была самая гнусная іезуитская махинація, направленная противъ меня. Возмущенный Омеръ-паша не скупился на разные эпитеты по адресу Замойскаго и передалъ мнѣ записку, чтобы я отослалъ ее обратно. Когда эта записка была показана мною Замойскому, онъ не сталъ отрицаться и сказалъ даже, что имъ представлена съ нея копія сераскиру, но что онъ сдѣлалъ это изъ дружескаго распо-

ложеиія ко мнѣ, чтобы вывести меня изъ затруднительнаго положенія, въ какомъ я могъ очутиться нежданно-негаданно для себя; онъ очень радъ, что счастье благопріятствовало и дало мнѣ возможность выказать мои военныя дарованія, которыя теперь очевидны всѣмъ и каждому, а тѣмъ болѣе ему; онъ радъ этому какъ новому и весьма важному приобрѣтенію для польской справы.

Если нужно, говорилъ онъ, я самъ готовъ поѣхать къ Омеръ-пашѣ и признать мои опасенія неосновательными, какъ я уже отказался отъ нихъ передъ сераскромъ и прочими лицами.

Это объясненіе служило дополненіемъ записки въ дипломатическомъ кодексѣ этого свѣтскаго іезуита; онъ бросилъ тѣнь на мою репутацію какъ человѣка военнаго и поспорилъ меня съ Косцельскимъ, отъ добраго согласія съ коимъ зависѣли мои отношенія къ Ксаверію Браницкому; а Замоискій никоимъ образомъ не хотѣлъ допустить моего сближенія съ нимъ.

LIX.

Гассанъ-паша овладѣваетъ островомъ Ромадана.—Журжево.— Приѣздъ сердаръ-экрема.—Консулъ пяти державъ.—Рапортъ полковника Сименса.— Приѣздъ Замоискаго.— Проектъ сформированія втораго казачкаго полка.— Скиндеръ-бей (Илинскій) него проказы.— Стрѣльба картечью въ башни-бузуковъ.

Мы уснули на лаврахъ, одержанныхъ австрійскими нотами и проспали бы вѣроятно долго, если бы насъ не разбудилъ Гассанъ-паша. Посланный, послѣ перехода русскихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная, со стамбульскимъ корпусомъ въ Рушукъ, онъ переправился черезъ Дунай на одномъ пароходѣ и на лодкахъ, вытѣснилъ изъ редута и съ острова Ромадана русское войско, послѣ довольно упорнаго сраженія, въ которомъ русская кавалерія впервые встрѣтилась съ турецкою пѣхотою. Это было одно изъ самыхъ смѣлыхъ дѣлъ этой кампаніи, продолжавшейся цѣлыхъ полтора года; по смѣлости, съ которой оно было совершено, и по результатамъ, оно стоитъ выше сраженія при Ольтеницѣ, ибо подъ Ольтеницей противники только помѣрились силами, не имѣя при этомъ никакой цѣли, и войску, одержавъ побѣду, пришлось даже отступить; это была битва, не имѣвшая, съ военной точки зрѣнія, никакого оправданія, и если бы не побѣда, которая все оправдываетъ, не знаю какого названія заслужило бы это слишкомъ отважное предпріятіе; тогда какъ занятіе острова Ромадана было блистательной побѣдой и открывало намъ вмѣстѣ съ тѣмъ дорогу въ Румынію; оно могло

не нравиться австрійцамъ, но должно было вызвать восторженные похвалы со стороны турецкихъ властей. Этотъ подвигъ, свидѣтельствовавшій о смѣлости и замѣчательной дальновидности начальника отряда и храбрости солдатъ, затмилъ дѣло подъ Ольтеницей и былъ совершенъ не генераломъ, вышедшимъ изъ военной школы или получившимъ образование за границей, но простымъ туркомъ потомкомъ деребеевъ, не умѣвшимъ, къ сожалѣнію, ни читать, ни писать, но который обладалъ смѣлостью, отвагой и духомъ истинно военного человѣка, не придерживался уставовъ и правилъ и не дожидался мазбата меджлиса, чтобы дѣйствовать согласно съ его приказаніями, но полагался на свой глазъ, на свое сердце и на совѣсть мусульманина, защищающаго державу своего монарха. Въ главномъ штабѣ и по отзывамъ другихъ генераловъ, этотъ подвигъ, напоминавшій былые славные подвиги мусульманъ, строго осуждался, ибо это былъ, какъ они выражались, шальной подвигъ и стоилъ многимъ жизни; они сожалѣли не только своихъ, но и убитыхъ непріятелей; въ такомъ смыслѣ было послано объ этомъ дѣлѣ донесеніе въ Стамбуль. Но тамъ взглянули на дѣло иначе. Султанъ Абдуль-Меджидъ повелѣлъ Риза-пашѣ, который былъ въ то время сераскиромъ, чтобы онъ приказалъ нашему войску идти впередъ за Дунай, не ожидая появленія въ Румыніи союзниковъ австрійцевъ, которыхъ главный штабъ во что бы ни стало хотѣлъ дожидаться.

Я обѣдалъ у сердарь-экрема, въ то время когда были получены донесенія изъ Рупука. Гассанъ-паша доносилъ о подробностяхъ сраженія и занятіи острова Ромадана и просилъ, какъ можно скорѣе прислать меня съ казаками, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что я хорошо знакомъ съ русскимъ войскомъ, что ему извѣстны мои успѣшныя дѣйствія въ Делли-Орманѣ, и что я ему необходимъ и буду полезнѣе всякаго иного кавалерійскаго офицера.

Сердарь-экремъ осуждалъ смѣлый поступокъ стараго Гассана говоря, что онъ хотѣлъ прославиться такимъ подвигомъ каково было Ольтеницкое сраженіе, но что это для него трудновато, такъ какъ онъ человѣкъ не ученый, не умѣющій даже читать и писать; хотя его подвигъ былъ дѣломъ безразсуднымъ, но все же, говорилъ сердарь, его нельзя оставить безъ помощи, поэтому онъ былъ бы очень радъ, если бы я могъ отправиться къ нему, хотя онъ знаетъ, что я отпустилъ дня два тому назадъ, согласно его приказанію, лошадей на пастбище и поэтому врядъ ли могу это исполнить. Я отвѣчалъ, что сегодня же ночью выступлю съ четырьмя сотнями регулярныхъ казаковъ и тремя сотнями иррегулярныхъ. Сердарь-экремъ былъ очень доволенъ моею готовностью исполнить его желаніе и сказалъ: «такъ то будетъ спокойнѣе, я надѣюсь, что ты не допустишь никакого безразсуднаго поступка».

Эти слова подтверждали мнѣ то, что я слышала отъ Рустемъ-бея (Вольскаго), правителя канцеляріи сердаря.

— Австрійцы,—говорилъ онъ,—вступать въ Букарестъ первые, это дѣло рѣшеное; что бы вы, генераль, ни затѣяли, тутъ ничего не подѣлаешь, ибо это рѣшено окончательно.

Я догадался, что сердарь-экремъ не хотѣлъ идти къ Рушуку и послать туда войско, тѣмъ болѣе, что Измаилъ-пашѣ было послано приказаніе занять съ гвардейскимъ корпусомъ Туртукай и Силистрію и не двигаться оттуда, а въ Добруджу послать только легкіе патрули и небольшой отрядъ для рекогносцировки, который, къ слову сказать, могла постигнуть та же участь какъ татаръ Мирзы-хана. Этотъ офицеръ, посланный на рекогносцировку, придя въ Черноводы и желая спокойно провести ночь, перешелъ на островъ, находившійся на озерѣ Карасу, и тамъ расположился. Первый полкъ донскихъ казаковъ подъ командою гусарскаго подполковника князя Любомірскаго, слышавъ ржанье жеребцовъ татарскаго полка, напалъ на островъ съ трехъ сторонъ, разбилъ полкъ, взялъ татаръ въ плѣнъ и отвелъ въ Гирсово. Мирза-хану едва удалось бѣжать съ нѣсколькими несѣдланнми лошадьми. Наша кавалерія не могла ни подойти украдкою къ неприятелю, ни укрыться на военныхъ постахъ не обнаруживъ своего присутствія, такъ какъ ее выдавало ржанье жеребцовъ. Легкая кавалерія, посаженная на жеребцахъ, никогда не можетъ исполнять какъ слѣдуетъ свои служебныя обязанности.

Съ извѣстіемъ объ этомъ несчастіи отправился въ Стамбуль адъютантъ Омеръ-паша; я послалъ съ нимъ Аллеону небольшую записку, въ которой объяснилъ всю важность занятія острова Ромадана, благодаря которому мы находимся почти въ Румыніи, ибо островъ отдѣлился отъ румынскаго берега только небольшимъ бродомъ, который легко можно было перейти. Я писалъ ему, что для славы турецкаго войска весьма важно, чтобы мы вступили въ Букарестъ прежде австрійцевъ, и чтобы мы сдѣлали наконецъ что либо сами, не представляя все союзникамъ; я далъ ему право показать эту записку кому онъ захочетъ, и утверждалъ, что австрійцы не въ состояніи особенно скоро прибыть въ Румынію, что на это потребуется съ мѣсяць и никакъ не менѣе двадцати дней, поэтому мы свободно можемъ опередить ихъ. Въ случаѣ надобности оправданіемъ послужитъ намъ то обстоятельство, что это было вынуждено занятіемъ острова Гассанъ-пашою. О томъ, что австрійцы еще не готовы, я узналъ отъ Рустемъ-бея (Вольскаго), у котораго Люборацкій научилъ меня вывѣдывать секреты.

Рустемъ-бей, какъ я уже говорилъ, былъ настоящій Мефистофель въ дѣлахъ политики; отъ него никогда нельзя было узнать правды и съ нимъ всегда приходилось быть на-сторожѣ, чтобы не выдать ему своей

тайны. Но онъ питалъ такую страстную привязанность къ Австріи, что если кто нибудь начиналъ нападать на это правительство или насмѣхаться надъ нимъ или надъ австрійцами, то въ немъ закипала кровь, онъ начиналъ восторженно хвалить Австрію и австрійцевъ, и въ свою очередь надсмѣхаться надъ турками и французами; въ такіе моменты онъ не скупился на аргументы и высказывалъ нечаянно все то, что ему было извѣстно и что отъ него хотѣли узнать. Я такъ и поступалъ съ нимъ и всегда съ успѣхомъ.

Прибывъ на островъ Ромаданъ я принялъ командованіе четвертымъ полкомъ кавалеріи стамбульскаго корпуса и полкомъ чербаджій (нѣчто въ родѣ конныхъ стрѣлковъ, причисленныхъ къ тому же корпусу), и расположился лагеремъ противъ Журжева, разставивъ посты у Журжевскаго и Слободскаго бродовъ; послѣдній былъ такъ мелокъ, что вода едва доходила лошадямъ до колѣна, а на Журжевскомъ бродѣ была по брюхо.

На островѣ находился Али-паша, бригадный генералъ, съ четырьмя баталіонами пѣхоты, которые расположились въ редутѣ, оставленномъ русскими, и охраняли только его, а не самый островъ. Али-паша ничего не зналъ ни о численности русскаго войска, ни о томъ гдѣ находился непріятельскій лагерь и его посты.

Въ ту же ночь я перешелъ бродъ съ тридцатью кубанцами и напалъ на Журжево, гдѣ мы захватили двухъ гусаръ вѣстовыхъ, которые рассказали намъ, что гусарскіе офицеры Павлоградскаго и Ахтырскаго полковъ провели цѣлый день въ журжевской гостиницѣ съ румынками; они видѣли, какъ мои казаки переправились на паромахъ на островъ, и поэтому отправились въ лагерь, оставивъ плѣнныхъ для того, чтобы эскортировать фуру съ румынками во Фратешти; отъ нихъ же я узналъ, что въ городѣ, у консула, находится вахмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка, который кончаетъ какой то счетъ. Я приказалъ арестовать его, что и было исполнено безо всякаго затрудненія, и самъ заѣхалъ къ консулу, который принялъ меня чуть не упавъ мнѣ въ ноги, какъ начальнику болгарскихъ казаковъ, какъ сказали ему кубанцы; онъ самъ былъ по происхожденію болгаринъ. Консулъ—представитель пяти державъ: Франціи, Англіи, Пруссіи, Австріи и Италіи носилъ платье французскаго покроя, прусскій жилетъ, итальянскія сапоги, а на головѣ англійскую шапку съ галуномъ. Надъ его домомъ по очереди подымали пять флаговъ; принимая кого-нибудь офиціально, онъ пять разъ выходилъ изъ комнаты и пять разъ возвращался, каждый разъ въ качествѣ консула какой либо иной державы; пять разъ подавали у него сласти, кофе и трубки; притомъ онъ торговалъ всевозможными вещами, начиная отъ горчицы до шампанскаго, отъ колбасъ до паштетовъ, отъ румынокъ до лягавыхъ собакъ; всякій

находилъ у него то, что хотѣлъ и за какую угодно цѣну. Такъ какъ русскіе взяли въ плѣнъ всѣхъ властей города, то консулъ исполнялъ ихъ обязанности; на помощь ему было дано нѣсколько жандармовъ-доробанцевъ съ офицеромъ, который вмѣстѣ съ консуломъ изъявилъ готовность признать власть султана и исполнять всѣ мои приказанія.

Вахмистръ Григорій сообщилъ намъ, что русскіе находятся подъ Фратешти; русскимъ войскомъ командуетъ генералъ Сакенъ; ихъ не болѣе 40 тысячъ человекъ, а кавалерія ихъ состоитъ изъ двухъ гусарскихъ, двухъ уланскихъ полковъ и четырехъ полковъ донскихъ казаковъ, коими командуетъ генералъ Анрепъ; дѣсокъ, находящійся противъ Слободки, занятъ полкомъ донскихъ казаковъ и полъ-батареей донской артиллеріи.

Я имѣлъ уже нѣкоторое понятіе о силахъ, находившихся во Фратешти, и узналъ, что въ Букарестѣ осталась только одна драгунская дивизія, а прочія войска корпуса Данненберга ушли въ Бессарабію, а оттуда въ Крымъ. Это извѣстіе въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе не пытались взять обратно островъ Ромаданъ, что было бы весьма легко, заставило меня думать, что причиною этого было какое-либо тайное соглашеніе между Австріей и Россіей.

Я донесъ объ этомъ Омеръ-пашѣ. Мы провели нѣсколько дней совершенно спокойно; русскіе не двигались изъ своего лагеря, а мы изъ своего; консулъ пяти державъ доставлялъ намъ все необходимое. Наконецъ, пришло извѣстіе, что сердаръ-экремъ идетъ со всею арміею и что ему приказано вторгнуться въ Валахію. Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ сердаръ-экремъ со своимъ штабомъ, военными комиссарами, англійскими и нѣмецкими журналистами.

Пріѣхалъ Скиндеръ-бей (Илинскій) съ сорока баши-бузуками и трубочемъ, которые составляли его личный конвой; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхало до десяти корреспондентовъ разныхъ журналовъ, которыхъ онъ поилъ, кормилъ и коимъ онъ диктовалъ разныя реляціи для ихъ корреспонденцій. Надобно сознаться, онъ умѣлъ отлично руководить журнальной частью и даже одерживать блистательныя побѣды. Скиндеръ-бей не носилъ общепринятаго мундира, а ходилъ въ платьѣ какого-то удивительнаго покроя и самыхъ невѣроятныхъ цвѣтовъ; его свита была одѣта такъ же фантастично. Синяя бумага отъ сахарныхъ головъ нерѣдко замѣняла имъ головной уборъ; при этомъ на каждомъ была масса побрякушекъ; каждый имѣлъ при себѣ собаку. Скиндеръ-бей выкидывалъ самые невозможные фарсы, но съ нимъ было весело, только Рустемъ-бей (Вольскій) смотрѣлъ на него косо.

Я получилъ изъ Константинополя извѣстіе, сообщенное мнѣ изъ чѣрнаго источника, что султанъ и высшіе сановники Турціи желали, тобы наши войска вступили въ Букарестъ прежде австрійцевъ и чтобы

они участвовали въ оккупациі этого княжества, на что нельзя рассчитывать, если мы будемъ переходомъ черезъ Дунай и австрійцы займутъ Бухарестъ безъ насъ. Но, такъ какъ соображенія политическаго характера не позволяли дать подобнаго приказанія изъ опасенія возбудить гнѣвъ австрійскаго правительства, и тѣмъ самымъ навлечь на себя выговоръ Англій и Франціи, которые добивались союза съ Австріей, то султанъ желалъ, чтобы это произошло какъ-нибудь случайно, подобно тому какъ былъ занятъ островъ Ромаданъ. Я прекрасно понималъ это положеніе и дипломатическія соображенія, руководившія султаномъ; изъ всего, что мнѣ удалось выпытать у Рустемъ-бея я зналъ положительно о желаніяхъ Австріи, но въ то же время прекрасно понималъ, что сердарь-экремъ не рѣшится ничего предпринять по собственной своей инициативѣ, хотя всегда признаетъ совершившійся фактъ, лишь бы онъ не заставилъ его ничѣмъ рисковать и принести бы ему новую славу.

Сердарь-экремъ по совѣту комисара а быть можетъ Рустемъ-бея, и какъ всегда довольный случаю помедлить, рѣшилъ укрѣпить Слободку, которая, неизвѣстно по какимъ стратегическимъ или тактическимъ соображеніямъ, должна была служить базисомъ для его дальнѣйшихъ военныхъ операцій; онъ донесъ рапортомъ сераскиру, что не двинется впередъ до тѣхъ поръ, пока это укрѣпленіе не будетъ готово.

Противъ Слободки, на островѣ Ромаданѣ, стояло девять полковъ регулярной кавалеріи подъ командою Халима-паши; противъ Журжева стояли казаки и четвертый Стамбульскій кавалерійскій полкъ, коимъ командовалъ я. Нѣсколько дней подъ-рядъ пѣхотные солдаты вызывались для работъ въ Слободкѣ, а кавалерія Халимъ-паши выходила, чтобы служить имъ прикрытіемъ, рассыпаясь между Слободкой и лѣскомъ, такъ, что рабочіе, сооружавшіе укрѣпленіе, чуть не сидѣли на хвостѣ у лошадей; донцы выбѣгали изъ лѣса, стрѣляли, артиллерія выпускала нѣсколько гранатъ и кавалерія Халима-паши ретировалась, а работы по укрѣпленію почти не подвигались, напоминая трудъ Пенелопы.

Однажды сердарь-экремъ заѣхалъ ко мнѣ въ лагерь и завелъ объ этомъ рѣчь; я сказалъ ему безъ обиняковъ, что эта неудача происходитъ вслѣдствіе неумѣлыхъ дѣйствій кавалеріи. Сердарь спросилъ меня пошло ли бы дѣло иначе, если бы обязанность прикрывать работниковъ была возложена на меня? Я отвѣчалъ, что по всей вѣроятности дѣло пошло бы иначе, если бы мнѣ была предоставлена полная свобода дѣйствовать по моему усмотрѣнію.

Мнѣ было приказано на разсвѣтъ быть въ Слободкѣ съ моими казаками. Я явился къ назначенному времени и вскорѣ прибыла вся кавалерія Халима-паши; казакамъ велѣно было идти въ авангардѣ. Я приказалъ маіору Мухѣ напасть на лагерь донцовъ со всѣми сотнями

иррегулярныхъ казаковъ, а самъ шелъ за ними со своими казаками. За нами слѣдовала кавалерія Халимъ-паши.

Иррегулярные казаки бодро вступили въ лѣсъ, но капитанъ Піотровскій выстрѣлялъ, какъ онъ утверждалъ впоследствии, въ волка, но какъ мнѣ кажется, просто изъ трусости, чтобы произвести между донцами панику и избѣжать такимъ образомъ съ ними встрѣчи. Встревоженные донцы выкатили орудія, завязалась перестрѣлка; въ лѣсу было убито семь донцовъ, а пятеро было взято въ плѣнъ; у насъ было убито два добрудженскихъ казака и пятеро отдѣлившись отъ товарищей были взяты въ плѣнъ русскими.

Усаковскій храбро гналъ донцовъ въ лѣсу, а я пустился съ регулярными казаками рысью по опушкѣ лѣса, чтобы придти ему на помощь и отвлечь донцовъ отъ русскаго лагеря. Въ этотъ моментъ на горахъ показались эскадроны русской кавалеріи, несшіеся изъ лагеря.

Вскорѣ прилетѣлъ Скиндеръ-бей, посланный Халимъ-пашею съ приказаніемъ остановиться, кричать и тѣмъ напугать русскихъ. Затѣмъ прискакалъ другой адъютантъ съ приказаніемъ, чтобы я вернулся. Съ этимъ адъютантомъ пріѣхалъ англійскій комисаръ Сименсъ и двое или трое французскихъ офицеровъ. Я сказалъ адъютанту, чтобы онъ передалъ пашѣ, что я не могу вернуться до тѣхъ поръ, пока не стану всю свою команду, и снова поѣхалъ рысью. Англичанинъ и французъ остались съ нами. Мы подошли къ оврагу, который тянулся почти вплоть до русскаго лагеря; кончаясь въ верстѣ отъ него онъ переходилъ въ открытое поле, засаженное кукурузой, скрывавшей насъ отъ русскихъ, которые не могли видѣть какъ незначительны были наши силы. Началась горячая перестрѣлка, огонь былъ по всей линіи, у казаковъ дважды не хватило патроновъ; первый разъ мы взяли ихъ у третьяго Румелійскаго полка, который составлялъ какъ бы нашъ резервъ, но котораго никоимъ образомъ нельзя было вывести на линію огня; второй разъ намъ привезли патроны изъ лагеря подъ Журжевымъ. Мы продолжали стрѣлять до самой ночи; съ той и съ другой стороны было убито нѣсколько чело-вѣкъ, но уронъ былъ невеликъ, какъ это бываетъ обыкновенно при кавалерійскихъ стычкахъ. Сердаръ-экремъ присылалъ раза два сказать намъ, что если мы измучились, то можемъ отступить, но я дождался ночи, ибо иначе мнѣ было бы трудно отступить въ виду столь многочисленныхъ силъ непріятельской кавалеріи.

Казаки дрались храбро, такъ что полковникъ Сименсъ написалъ въ своемъ рапортѣ: «Чтобы оцѣнить значеніе казаковъ, нужно видѣть ихъ въ бою; признаюсь, я никогда не представлялъ себѣ такой храброй и дѣльной кавалеріи». Это былъ отзывъ англичанина, чело-вѣка, относившагося къ намъ недоброжелательно, тѣмъ болѣе его слова имѣютъ значенія и заслуживаютъ довѣрія.

Ночью мы возвратились въ Журжево; сердарь-акремъ выѣхалъ намъ на встрѣчу со своимъ штабомъ и, поблагодаривъ насъ, вручилъ мнѣ орденъ Меджидіа 3-й степени.

Въ Журжево, въ отелѣ, былъ заказанъ большой обѣдъ для всѣхъ казацкихъ офицеровъ, на которомъ присутствовали кубанцы и казаки Добруджи; сердарь-акремъ и войско угощало обѣдомъ казаковъ. Солдатъ великолѣпно угостили въ лагерѣ.

Мы не успѣли еще опомниться и выспаться послѣ веселой бесѣды, устроенной въ нашу честь, какъ мнѣ дали знать, что пріѣхалъ Владиславъ Замоискій и полковникъ Киркоръ. Первый едва не задушилъ меня въ своихъ дружескихъ объятіяхъ, а со вторымъ мы стали припоминать то золотое времячко, когда онъ былъ подхорунжимъ, а я юношею. Говоря откровенно, ихъ пріѣздъ чрезвычайно обрадовалъ меня. Я думалъ, что Замоискій протянетъ мнѣ наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, руку отъ чистаго сердца, по-шляхетски, по-польски и что мы пойдемъ рука объ руку, не такъ, какъ дѣйствуютъ демократы, но какъ дѣйствовала нѣкогда ляхская (польская) шляхта и казацкая молодежь подъ Клушинимъ, подъ Хотиномъ и Конотопомъ. Замоискій сказалъ мнѣ:

— Обращаюсь къ тебѣ: забудь прошлое, какъ ты умѣешь забывать, когда дѣло касается польской sprawy; дѣлай что знаешь, я буду повиноваться.

Мы оба заплакали; я отъ чистаго сердца, а онъ не знаю, подъ напльвомъ какихъ чувствъ.

Я отправился въ Рушукъ къ Омеръ-пашѣ и представилъ ему Замоискаго; я видѣлъ удивленіе сердаря, но такъ какъ я привыкъ дѣйствовать всегда прямо, то я просилъ Омеръ-пашу сдѣлать представленіе султану о сформированіи второго казацкаго полка, на что сердарь охотно изъявилъ свое согласіе, но съ условіемъ, что я всегда буду командовать главнымъ полкомъ и что иного командира онъ не хочетъ. Затѣмъ онъ приказалъ написать представленіе для подачи сераскиру-пашѣ.

На слѣдующій день, соединившись съ Халимъ-пашою и со всей его кавалеріей мы пошли далѣе. Русскіе ушли изъ Фратешти; мы вступили въ это селеніе, принадлежавшее женѣ князя Стурдзы (Мулисъ-паша); жители сообщили намъ, что три дня тому назадъ послѣдніе русскіе отряды выступили изъ села. Халимъ-паша расположился въ разстояніи полмили, на горахъ, какъ вдругъ между селеніемъ и лагеремъ Халима-пашы послышалась въ кукурузѣ довольно сильная перестрѣлка. Халимъ-паша тотчасъ началъ ретироваться съ кавалеріей. Я послалъ адъютанта за адъютантомъ, чтобы удержать его и увѣрить, что тутъ нѣтъ русскихъ, что это какая-нибудь продѣлка Скиндеръ-бея и его башибузуковъ, но все было напрасно; самъ Мулисъ-паша послѣшно уѣхалъ

несмотря на это увѣреніе, а Халимъ-паша, оставивъ кавалерію на мою отвѣтственность, отправился въ Руцукъ. Я, спустившись въ долину, возлѣ какой-то кормчы увидѣлъ Скиндеръ-бея съ Мухой, которые расшивали водочку, окруженные горстью казаковъ и баши-бузуковъ, которые также пировали.

Я собирался разбранить ихъ, какъ они того заслуживали, но Скиндеръ-бей, чудакъ, подобнаго которому не сыщешь на свѣтѣ, всталъ говори:

— Удивляюсь, генераль, что вы хотите обращаться съ турками, какъ съ прочими людьми; правдой и честностью съ ними далеко не уѣдешь, вотъ увидите; если бы вы въ это дѣло не мѣшались, Халимъ-паша бѣжалъ бы со всей своей кавалеріей, а я бы похвасталъ, что прогналъ и утопилъ въ Дунаѣ восемь донцовъ; мнѣ повѣрили бы, ибо никто изъ турокъ не рѣшится поѣхать и взглянуть въ глаза даже убитымъ донцамъ, боясь, какъ бы они грѣхомъ не возстали изъ мертвыхъ. Я получилъ бы такой же Меджидѣ за вранье, какой вы, генераль, получили за дѣйствительный подвигъ.

Маіоръ Муха былъ какъ разъ пара ему; вернувшись въ лагерь, они сочинили цѣлую исторію о томъ, что русскіе, уходя изъ Фратешти и желая прикрыть свое отступление, надѣлали чучель и надѣли на нихъ шинели и мундиры пѣхотныхъ солдатъ, а они будто бы напали на это войско, состоявшее изъ однихъ чучель. Это очень всѣмъ понравилось, даже самому сердаръ-экрему; всѣ повѣрили этому разсказу, не исключая военныхъ комисаровъ, а корреспонденты сообщили въ свои газеты о хитрости русскихъ и о стычкѣ Скиндеръ-бея съ чучелами.

Другой разъ онъ погнался съ комисарами и корреспондентами въ кукурузномъ полѣ за бѣлыми казаками, настоящими сибиряками; по нимъ стрѣляли изъ пистолетовъ, а когда нагнали ихъ, то оказалось, что это были просто на просто румыны въ бѣлыхъ рубахахъ, въ соломенныхъ шляпахъ и съ косами въ рукахъ; ихъ забрали въ качествѣ плѣнныхъ; Мулисъ-паша отпустилъ ихъ съ миромъ, узнавъ, что это были его рабочіе.

Много смѣялись и шутили надъ этимъ случаемъ, но въ концѣ концовъ сердаръ-экремъ отнялъ у Скиндеръ-бея его вѣрныхъ башибузуковъ и съ тѣхъ поръ онъ разъѣзжалъ съ одной своей свитой. Нѣсколько отрядовъ башибузуковъ было оставлено въ Руцукѣ; прочіе были отданы французамъ и англичанамъ; французы отлично справлялись со своими башибузуками, но англичане никакъ не могли обуздать ихъ. Однажды башибузуки взбунтовались, побили генерала и офицеровъ и убѣжали въ Руцукъ, а оттуда на островъ Ромаданъ, полагая, что имъ легче удастся скрыться, смѣшавшись съ башибузуками, которые находились на этомъ островѣ.

*

Побитые генераль и офицеры принесли жалобу сердарь-экрему, сообщили ему, что виновные находятся на островѣ и требовали ихъ выдачи, но товарищи отказались выдать ихъ, говоря: ихъ тутъ нѣтъ; заптѣвъ, посланныхъ отыскать ихъ, они побили и прогнали изъ лагеря. Сердарь-экремъ, чрезвычайно раздраженный этимъ и подстрекаемый англичанами, отдалъ приказъ, что на островѣ Ромаданѣ не должно быть ни одного башибузука, ибо правительство не желаетъ, чтобы они находились въ Румыніи. Черезъ полчаса по полученіи этого приказа, когда башибузуки не успѣли еще сѣсть на коней, появилось двѣнадцать орудій, заряженныхъ картечью. Возлѣ пушекъ находились сердарь-экремъ и англичане верхами. Сердарь закричалъ: не хотятъ уходить, такъ мы ихъ попросимъ выйти, и приказалъ стрѣлять.

Башибузуки верхомъ и пѣшкомъ бросились въ воду, на лодки, на паромы, а картечь такъ и свистѣла; масса людей и лошадей была убита и ранена. Войско смотрѣло на это равнодушно, ибо это дѣлалось по приказанію главнокомандующаго, а затѣмъ стало очищать мѣстность отъ раненыхъ и убитыхъ. Это былъ новый способъ добиться быстрого исполненія приказаній.

Этотъ случай чрезвычайно раздражилъ и возмутилъ мусульманъ, но нѣсколько времени спустя раздраженіе улеглось и служба пошла своимъ порядкомъ какъ будто никогда ничего не случилось, до такой степени мусульмане привыкли повиноваться власти.

Сравнивая эту стрѣльбу картечью со стрѣльбою изъ орудій по индусамъ, когда они возстали противъ англичанъ, невольно приходитъ на мысль, что эта была выдумка англичанъ, приведенная только въ исполненіе сердаромъ. Это такъ и было объяснено въ Стамбулѣ лордомъ Редклиффомъ, такъ что отъ сердаря не потребовали никакихъ объясненій. Таковы были въ ту пору вліяніе и власть Англіи и въ частности лорда Редклиффа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архієпископъ Гавріиль и графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ

въ письмахъ къ А. Г. Тройницкому.

I.

Преосвященный Гавріиль ¹⁾, въ міръ Василій Ѳеодоровичъ Розановъ, родился 26-го января 1781 г. въ с. Рождественкѣ, Костромской губ. (кажется Нерехтскаго уѣзда), гдѣ его отецъ былъ священникомъ; умеръ въ тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ 11-го сентября 1858 г. Онъ управлялъ епархіями: Орловскою въ 1821—1828 гг., Екатеринославскою въ 1828—1837 гг.; съ 9-го мая 1837 г. до марта 1848 г.—Херсонскою и, наконецъ, Тверскою до марта 1857 г., когда уволенъ былъ, по своей просьбѣ, на покой. Архієпископъ Гавріиль выѣхалъ изъ Екатеринослава 30-го іюня, а въ Одессу пріѣхалъ 24-го іюля 1837 г. и въ этотъ день въ первый разъ совершалъ въ одесскомъ соборѣ литургію и произнесъ рѣчь къ новой паствѣ, отъ имени которой ему произнесено было привѣтствіе настоятелемъ собора протоіереемъ Мих. Жуковскимъ.

Вскорѣ затѣмъ архієпископъ Гавріиль встрѣтилъ императорскую семью, прибывшую въ Одессу послѣ вознесенскаго смотра резервной кавалеріи и посѣтившую соборъ 6-го сентября; въ томъ же году на долю архієпископа Гавріила досталось не мало трудовъ по случаю постигшей Одессу холеры и его неутомимая, самоотверженная дѣятельность въ это скорбное время вызвала со стороны генералъ-губернатора князя Воронцова, въ февралѣ 1838 г., выраженіе искренней призна-

¹⁾ См. о немъ: а) „Воспоминанія о преосвященномъ Гавріилѣ“—протоіерей С. Серафимова. Одесса, 1859 г. б) „Семь херсонскихъ архієпископовъ“ (стр. 1—31)—свящ. С. Петровскаго. Одесса, 1894 г. в) Одесса 1794—1894 гг. „Къ столѣтію города“. Одесса, 1894 и 1895 гг.

тельности «за благодѣтельное содѣйствіе во время минувшаго бѣдствія», а 2-го апрѣля того же года всемилостивѣйшій рескриптъ съ пожалованіемъ ордена Владимира 2-й степени въ изъявленіе особеннаго благоволенія «за назидательный образъ дѣйствованія въ трудные дни города Одессы».

Другимъ особо выдающимся дѣломъ архіепископа Гавриила въ Одессѣ было учрежденіе при Михайловской церкви женскаго монастыря, начатаго постройкою въ 1841 г. и освященнаго 9-го мая 1844 г., съ училищемъ для образованія и воспитанія малолѣтнихъ дѣвицъ-сиротъ духовнаго званія «не безъ снисхожденія въ принятіи и къ мірскимъ сиротамъ». При утвержденіи предположеній по этому предмету архіепископа Гавриила Святѣйшій Синодъ призналъ, что означенное училище является учрежденіемъ совершенно новымъ въ Россіи, первую мыслію духовнаго начальства.

Проводы архіепископа Гавриила изъ Одессы, 2-го мая 1848 г., были такъ же сердечны и трогательны, какъ и проводы его изъ Екатеринослава (см. «Одесскій Вѣстникъ» 1837 г., № 66 и 1848 г., №№ 35 и 36).

I.

Письма архіепископа Гавриила—А. Г. Тройницкому.

1.

7-го февраля 1842 г.

Наичувствительнѣйше благодарю ваше высокоблагородіе за присылку мнѣ нѣсколькихъ нумеровъ «Одесскаго Вѣстника», особенно за припечатаніе въ немъ извѣстія о соборной колокольнѣ¹⁾. Это знакъ большой преданности вашей святой церкви и богомольцамъ о васъ.

Въ надеждѣ на такое ваше къ намъ расположеніе, буду просить васъ еще кое-что возвѣстить публикѣ о учреждаемомъ въ Одессѣ женскомъ монастырѣ. Вчера я послѣдній получилъ изъ Св. Синода указъ, конемъ утверждаются всѣ мои относительно того проекты. Тутъ излагаются и всѣ науки, которымъ обучаться должны сироты духовныя, безъ исключенія и мірскихъ. Пастыри могутъ отдавать дочерей своихъ и въ видѣ пансіонерокъ. Вещь точно новая, какъ и Св. Синодъ выражается. Въ городѣ нашемъ нѣкоторые пожелали, чтобы это напечатано было и особю брошюркою. То составить и потщуся я при усердномъ

¹⁾ Въ 10-мъ № «Одесскаго Вѣстника» за 1842 г. статья (безъ подписи) „Колокольня при одесскомъ каедральномъ Преображенскомъ соборѣ“.

содѣйствіи вашемъ, о которомъ прошу, а болѣе надѣюсь; и есмь вашъ, милостиваго государя, препокорный слуга Гавріиль архіепископъ херсонскій.

2.

12-го марта 1844 г.

Не обрѣтаю словъ, чтобы возблагодарить васъ за припечатаніе моего воззванія въ газетѣ ¹⁾. Хотя не большіе, однако есть уже плоды отъ онаго.

Внявъ благодаренію, преклоните ухо ко услышанію и покорной просьбы. Говорятъ, инспекторъ семинаріи, іеромонахъ Іоасафъ, приносилъ къ вамъ какую-то для напечатанія брошюрку, которую однако вы не одобрили и припечатать не соизволили. Одолжите меня присылкою копій съ оной. При искреннемъ же почтеніи есмь вашего высокоблагородія и почитатель и богомолецъ Гавріиль архіепископъ херсонскій.

3.

24-го іюля 1844 г.

Милостивый благодѣтель! Сказано: другъ-друга тяготы носите. Посему обяжите меня къ сердечной вамъ благодарности присылкою ко мнѣ росписанія часовъ, въ кои бываетъ по институту преподаваемо ученіе того или другого предмета. Если сіе прошеніе не неумѣстно, то присовоюплю другое, чтобы соблаговолили обрадовать меня присылкою того, если не сегодня, то завтра. Всеусердный богомолецъ вашъ, Гавріиль архіепископъ херсонскій.

4.

20-го іюля 1848 г. Тверь.

Никто не одолжилъ меня толико, никто, какъ ваше превосходительство. Ибо, когда предъявленъ мнѣ былъ жребій оставить Одессу, вы утѣшили меня, усѣяли путь мой къ новой паствѣ ²⁾ добрыми, благозвучными вѣстями: и, прежде нежели устѣлъ я прибыть въ Кременчугъ, вы достигли меня первыи своимъ письмомъ, и обрадовали несказанно.

¹⁾ Въ № 20-мъ „Одесскаго Вѣстника“ за 1844 г. „Пастырское воззваніе къ православнымъ города Одессы сословіямъ“ Гавріила, архіепископа херсонскаго и таврическаго

²⁾ Біографы преосвященнаго Гавріила—Серафимовъ и Петровскій, говорятъ, что онъ съ большимъ сожалѣніемъ разставался съ Одессою и одеситами.

Вотъ ваше благодареніе, за которое и примите мою благодарность. Она посылается очень поздно: зато вдвое или втрое обыкновенной усерднѣе. Одного прошу не забудьте меня; а я емь и не престану быть вашего превосходительства, покорнѣйшій слуга и богомолецъ Гавриилъ архіепископъ тверскій и кашинскій.

II.

Письма графа Д. Е. Остенъ-Сакена—А. Г. Тройницкому.

Баронъ (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, родился въ 1763 г.; въ началѣ крымской войны онъ завѣдывалъ обороною сѣвернаго побережья Чернаго моря и въ этомъ званіи былъ распорядителемъ обороны г. Одессы; потомъ былъ начальникомъ севастопольскаго гарнизона, 10-го апрѣля 1855 г. возведенъ въ графское достоинство; умеръ 3-го марта 1881 года.

1.

(Безъ числа и подписи).

Увѣренъ, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ, что вы не вознегодуете на меня за убѣжденіе мое, которое передаю вамъ: *O Rule Britannia* ¹⁾.

Мнѣ кажется, что стихи:

- 1) «Стыдомъ британскій флагъ» и пр.
- 2) «Лже-Царя» (признанъ Россією).
- 3) «Жиль-блязь 2-го декабря».
- 4) «Каторжной славой».

не соотвѣтствуютъ желанію государя и напечатаніе ихъ можетъ возбудить негодованіе Его.

Отъ всего сердца обнимаю васъ.

¹⁾ Это эпиграфъ кн. П. А. Вяземскаго къ его стихотворенію „Одесса“, изъ котораго приводятся затѣмъ наиболѣе рѣзкія выраженія, остановившія напечатаніе его въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“; это вызвало сѣтованіе арх. Иннокентія (см. его письмо къ А. Г. Тройницкому, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1896 г., № 9, стр. 159). Стихи появились безъ перемѣнъ 1-го іюня въ № 121 „Сѣвер. Пчелы“ и уже послѣ того 10-го іюня въ № 62 „Одес. Вѣст.“ за 1854 г. Въ заключеніе настоящей статьи помѣщено „московское письмо“, о которомъ упоминается въ вышеуказанномъ письмѣ арх. Иннокентія.

2.

Яссы, 5-го августа 1854 г.

Потребностию сердца моего написать къ вамъ нѣсколько словъ, достойный, искренно любимый Александръ Григорьевичъ. Вы мнѣ вполнѣ не достаєте, и какъ желалъ-бы я, хотя изрѣдка, отвести душу въ вашихъ пріятныхъ бесѣдахъ!

Жизнь моя здѣсь какая жалкая проза, въ сравненіи съ Одессою, дорогою мнѣ Одессою, сроднившеюся со мною и составляющею для меня второе отечество. Кромѣ нѣжно любимой и глубокоуважаемой жены, столько оставилъ я въ ней залоговъ, близкихъ моему любящему сердцу! Тамъ самая война, или способы войны, валъ поэзіи: сегодня градъ разрушительныхъ снарядовъ, завтра, въ виду враговъ, гулянье на бульварѣ, ключъ боеваго зрѣлища. Войска, 100 тыс. жителей всѣхъ сословій, племень и вѣроисповѣданій, соединенныхъ въ одно тѣло, въ одну душу, въ одно желаніе—славы русскому оружію и царю Россіи, и сраму врагамъ ея.

Простите неопрятности письма, но не довѣряю неразборчивому почерку моему, который самъ съ трудомъ разбираю.

Передайте мой усердный поклонъ Вѣрѣ Ильинишнѣ. Соотечественникамъ моимъ, одессцамъ, не забудьте напомнить о взаимной любви моей.

Испрашивая на всѣхъ васъ благодать святаго Духа, съ любовію отъ души обнимаю васъ.

Баронъ Дмитрій Остенъ-Сакенъ.

Р. S. Невыразимо я былъ обрадованъ такъ славно заслуженною наградою храбраго нашего Иннокентія, героя тревожнаго для Одессы времени.

3.

Севастополь, 21-го февраля 1855 г. 161-й день обороны.

Здравствуйте почтенный, искренно любимый Александръ Григорьевичъ.

Позвольте вамъ попенять за одну статью въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»¹⁾; вы могли сказать о послѣдствіяхъ взрывовъ нашихъ, не показывая количества пороха и не говоря о томъ, что подъ землю, ибо это тайна.

Третьяго дня и сегодня были у насъ опять удачные взрывы.

¹⁾ Въ № 15 „Одесскаго Вѣстника“ 8-го февраля 1855 г. помѣщены (стр. 66) извѣстія о взрывахъ непріятельскихъ траншей и укрѣпленій, произведенныхъ нашими войсками 22 и 26 января 1855 г.

Жалѣю, что не имѣю времени писать болѣе.

Отъ души обнимаю васъ, прося передать мой искренній поклонъ Вѣрѣ Ильинишнѣ.

Баронъ Дмитрій Остенъ-Сакенъ.

4.

Севастополь, 13-го апрѣля 1855 г. 212-й день обороны.

Радушное привѣтствіе ваше изъ самаго сердца Россіи, въ незабвенный роковой день, близкій сердцу моему, Александръ Григорьевичъ, обрадовало меня въ дни бомбардированія Севастополя.

Отъ души благодарю васъ за взаимное ко мнѣ расположеніе и сочувствіе.

Письмо мое застанетъ уже васъ въ сроднившейся со мною Одесѣ, и я завидую вашему счастью.

Статья ¹⁾, написанная въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» о минахъ въ ваше отсутствіе, не имѣла послѣдствій.

Спаситель видимо хранитъ насъ и благословляетъ наше оружіе.

Прошу васъ передать мой искренній поклонъ Вѣрѣ Ильинишнѣ.

Съ любовію отъ всего сердца обнимаю васъ.

Баронъ Дмитрій Остенъ-Сакенъ.

5.

Пріютъ 15-го іюня 1861 г.

Отправляя сына моего Ивана въ С.-Петербургъ, пишу съ нимъ и прошу васъ, достойный, искренно-любимый Александръ Григорьевичъ, принять выраженіе искренней благодарности моей за присланную, вашего сочиненія, тетрадку, что напомнило мнѣ и постоянную дружбу вашу и краткое, но пріятное время, проведенное мною въ 1854 году въ Одесѣ, въ совмѣстномъ съ вами служеніи.

Поручаю участію вашему первороднаго сына моего.

Прошу васъ передать мой искренній поклонъ супругѣ вашей.

Призываю на васъ, семейство и служеніе ваше благословенье свыше, съ любовію и сочувствіемъ обнимаю васъ.

Графъ Д. Остенъ-Сакенъ.

¹⁾ Въ 1855 г., съ 16-го до 23-го апрѣля А. Г. Тройницкій не былъ въ Одесѣ; онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ и на обратномъ пути прожилъ въ Москвѣ съ 16-го марта до 5-го апрѣля.

Письмо А. Я. Булгакова ¹⁾ къ архіепископу Иннокентію.

Москва, 20-го мая 1854 г.

(Изъ бумагъ арх. Иннокентія, хранищихся въ Императорской публичной библіотекѣ).

Высокопреосвященный владыко!

По порученію князя Петра Андреевича Вяземскаго, имѣю честь препроводить при семь стихи, имъ сочиненные и внушенные ему безстыднымъ бомбардированіемъ англо-французами мпролюбивой, беззащитной Одессы. Князь проситъ меня передать вамъ свое душевное высокопочитаніе, равно какъ и сожалѣніе свое, что не можетъ самъ къ вашему высокопреосвященству писать, садясь такъ сказать въ дорожную повозку, чтобы ѣхать изъ Дрездена въ Карлсбадъ. Онъ желаетъ, чтобы стихи сіи были напечатаны въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», и, конечно, они весьма достойны быть всѣми читаны, какъ въ отношеніи прекрасной поэзіи, такъ и по чувствамъ истинно русскимъ, коими они отличаются. Мнѣ кажется, что къ напечатанію стиховъ сихъ представится одно только препятствіе и вотъ какое именно: императорскій титулъ Наполеона признанъ нашимъ государемъ, который не только даетъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ уваженія царскому сану, но оказывается всегда твердымъ защитникомъ всѣхъ престоловъ. Какъ послѣ сего можетъ цензура допустить напечатаніе сихъ, впрочемъ справедливыхъ, но колкихъ стиховъ: «Жиль-блазъ 2-го декабря?!» Все это можно однако же легко исправить, замѣня (буде удобно вамъ будетъ сіе одобрить) «Жиль-блаза» словомъ «Герой». Конечно и громкій сей титулъ можетъ быть принятъ въ видѣ насмѣшки, но мысль поэта все-таки смягчится.

Все, что происходило въ Одессѣ къ вѣчному посрамленію богоотступныхъ англо-французовъ, бомбардировавшихъ городъ сей въ самый день Великія Субботы, очень здѣсь извѣстно, и благочестивая древняя столица наша восхищалась съ благоговѣніемъ твердости, оказанной вашимъ высокопреосвященствомъ при семь роковомъ и вмѣстѣ славномъ для Россіи случаѣ.

Препоручая себя вашимъ молитвамъ и прося архипастырскаго вашего благословенія, имѣю честь быть съ глубокимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга.

¹⁾ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (старшій сынъ дипломата и писателя Яв. Иван. Булгакова) род. 15-го ноября 1781 г. въ Перѣ, умеръ въ 1863 г. въ Дрезденѣ, въ званіи сенатора; въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898 г. (№№ 3—9) печатается переписка его съ отцомъ; о немъ упоминается въ печатаемыхъ тамъ же запискахъ гр. М. Д. Бутурлина (№ 8, стр. 570).

Необходимая поправка.

Въ № 9 «Русскаго Архива» появилось возраженіе на мои воспоминанія объ А. С. Норовѣ, напечатанныя въ августовской книжкѣ «Русской Старины». Возраженіе имѣетъ цѣлю дать иной смыслъ моей статьѣ, вполне точной и исторически вѣрной ¹⁾. Такъ, неоспоримый и официальнымъ дознаніемъ доказанный случай въ ресторанѣ, по словамъ защитника А. С. Норова, будто бы происходилъ не между министромъ и его секретаремъ, а между министромъ и его камердинеромъ, котораго за границую при немъ не было. Вотъ ужъ по истинѣ медвѣжья услуга, оказанная Аврааму Сергѣевичу. Г. Поливановъ отрицаетъ присутствіе при А. С. Норовѣ личнаго секретаря—иностраннаго ученаго и бывшаго наставника сына русскаго вельможи и замѣняетъ пирующаго съ министромъ секретаря—пирующимъ камердинеромъ.

Въ виду приведенныхъ мною писемъ начальника саксонской жандармеріи и лично мнѣ извѣстныхъ фактовъ, считаю необходимымъ защитить Авраама Сергѣевича противъ такого недостойнаго измышленія. Что же касается до выражений, направленныхъ противъ меня лично, то г. Поливановъ не можетъ разсчитывать, чтобы я велъ съ нимъ дальнѣйшую полемику и отвѣчалъ по поводу его своеобразныхъ и рискованныхъ литературныхъ приѣмовъ.

М. Михельсонъ.

¹⁾ Она наша подтвержденіе въ *Bibliothèque Universelle et Revue Suisse* № 32 d'Août 1898 г., p. 424—425.

Стихи узника - невольника.

«Стихъ» этотъ найденъ нами въ бумагахъ покойнаго С. А. Приклонскаго, въ особой тетради подъ заглавіемъ: «Духовные стихи, извлеченные изъ рукописей странниковъ». С. А. Приклонскій довольно долгое время служилъ правителемъ канцеляріи олонецкаго губернатора. Горячо интересуясь народной жизнью, онъ не могъ, разумѣется, не обратить вниманія на расколъ, который съ давнихъ поръ играетъ весьма видную роль въ исторіи Олонецкаго края. Особенно же его заинтересовала до сихъ поръ весьма мало изслѣдованная секта бѣгуновъ или странниковъ, получившая, какъ извѣстно, чрезвычайно сильное распространеніе въ Олонецкой губерніи.

Пользуясь своимъ официальнымъ положеніемъ С. А. Приклонскій имѣлъ полную возможность собрать подробныя свѣдѣнія о современномъ состояніи страннической секты въ Олонецкомъ краѣ. Свѣдѣнія эти послужили ему матеріаломъ для цѣлаго рода статей о сектѣ странниковъ, которыя были напечатаны въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и въ свое время обратили на себя вниманіе печати и публики.

Послѣ его смерти остались нѣкоторые матеріалы, относящіеся до исторіи раскола на сѣверѣ; супруга покойнаго, К. П. Приклонская любезно предоставила эти матеріалы въ наше распоряженіе, за что мы и приносимъ ей глубокую и искреннюю благодарность.

Поздно, поздно вечерами,
Какъ утихнеть весь народъ
И осыплется звѣздами
Необъятный неба сводъ.—
Тутъ въ безмолвіи глубоко
И въ унылой тишинѣ,

Въ заключеніи жестокомъ
 Запертый наединѣ
 Узникъ тяжело въздыхаетъ,
 Сидя за полночь безъ сна,
 Пѣснь прощальну напѣваетъ
 У тюремнаго окна:

«Буйны вѣтры, полетите
 Въ мой любимый край родной,
 Обо мнѣ вѣсть отнесите,—
 Что случилось здѣсь со мной.

«Пусть друзья мои узнаютъ:
 Мнѣ страдать пришла череда —
 И меня не ожидаютъ
 Въ край любимый никогда.

«День тотъ вѣчно не настанетъ,
 Чтобъ на родинѣ мнѣ быть;
 Жизнь моя грустя завинетъ
 Въ чужой плѣнной сторонѣ.

«Въ пиръ веселый разъ собрались
 Наши ближніе друзья.
 И собравшись угѣшались,
 Въ той бесѣдѣ былъ и я.

«Забывъ горе и печали
 Всѣ сидѣли ввечеру.
 Часы быстро пролетали...
 Но я мраченъ былъ въ пиру.

«Что-то грусть меня томила,
 Робкій духъ мной обладалъ,
 Буря на сердцѣ крушила...
 Отчего?... Я самъ не зналъ.

«Вскорѣ таинство открылось:
 Этотъ пиръ несчастный былъ;
 Не напрасно сердце билось:
 Воли онъ меня лишилъ.

«Въ клятву съ крѣпкими стѣнами
 Я за пиръ тотъ посаженъ,
 За рѣшетками, замками,
 Грозной стражей окруженъ.

«Кромѣ неба голубого
 Ничего не видно мнѣ,
 Или штыкъ у часового
 Просверкаетъ лишь въ окнѣ.

«И еще ударъ печальный
Надо мною будетъ разъ—
Отошлютъ меня въ край дальнй
На изгнанье въ Закавказь.

«Прикують мою свободу
Къ закавказскимъ горамъ,
Всѣхъ лишать друзей и роду,
Заклучать на вѣки тамъ.

«Не долинь мнѣ жаль цвѣтушихъ
Въ русской родинѣ моей,
Не луговъ, ручьевъ текущихъ,
Сель прекрасныхъ и полей.

«Но остался садъ прекрасный.
Гдѣ бывало я гулялъ:
Лишь по немъ грущу ужасно:
Какъ бы садъ тотъ не завялъ.

«Вѣчный буду я изгнанникъ
И въ чужой землѣ пришлецъ,
Одинокъ безъ крова стравникъ,
Для родныхъ живой мертвецъ.

«Съ кѣмъ разсѣять мысль унылу—
Никого тамъ не найдешь,
И съ увынiя въ могилу
Прежде времени сойдешь.

«Племена тамъ кочевыя
Обитають въ тѣхъ мѣстахъ,—
Нравомъ дикiя, презлыя,
На степи живутъ въ шатрахъ.

«Кончу жизнь мою въ страданьи.
Смертнй часъ когда придетъ,—
Пѣснь надгробну во изгнаньи
Мнѣ никто не воспоеть.

«Мнѣ въ отечествѣ томъ новомъ
Ручейки будутъ друзья,
А пещера будетъ домою,
А постель—сыра земля.

«Часъ вечернй какъ настанеть,
Боръ задремлетъ въ тишинѣ,
Изъ-за тучъ луна проглянетъ,—
Тутъ прогулка будетъ мнѣ.

«Я тогда съ душой унылой
Съ высоты кавказскихъ горъ

Въ ту страну, гдѣ край мой милый
Устремлю печальный взоръ,—

«Гдѣ остались мнѣ родные
И любимые друзья,
Гдѣ я видѣлъ дни златые,
Утѣшался, жилъ гдѣ я.

«Полечу туда мыслями
Съ холму тѣхъ высокихъ горъ.
Умъ мой свидится съ друзьями,
Тамъ до тѣхъ пребудеть поръ,
«Какъ востокъ ужъ загорится

Отъ небеснаго огня,
Утренняя заря явится,
Какъ посланница отъ дня.

«Но судьбѣ я покоряюсь;
Буду Вышняго просить,
Чтобъ далъ помощь. Я рѣшаюсь
Все съ терпѣніемъ сносить.

«Пусть меня терзаетъ скука,
Жизнь невольная томить:
Ни изгнанье, ни разлука
Духъ во мнѣ не измѣнить.

«И затѣмъ меня простите
Всѣ друзья и край родной;
Вы хоть разъ о томъ вздохните,
Кто любилъ васъ всей душой».

Сообщилъ С. А. Пругавинъ.

А. Я. Конисский. Жизнь украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка (Критико-биографическая хроника). Съ портретами Т. Г. Шевченко и его друзей и видами хаты и могилы его. 1814—1861. Одесса 1898. Изд. Высоч. утв. Южно-Русск. о-ва печатнаго дѣла. Цѣна 1 р. 75 коп.

Со дня смерти Т. Г. Шевченка (26 февраля 1361 г.) проходитъ уже тридцать восьмой годъ, и у насъ не имѣется сколько-нибудь подробной биографіи этого, — какъ называлъ его извѣстный критикъ Аполонъ Григорьевъ, — „последняго кобзаря и новаго великаго поэта новой великой литературы славянскаго міра“.

Для написанія биографіи такой выдающейся личности, вышедшей изъ темной закрѣпощенной массы „мужиковъ“, тѣмъ болѣе для оцѣнки его произведеній въ связи съ исторіей культуры, — говорить въ своемъ предисловіи г. Конисский, — у насъ не настало еще время. Но можно и должно сдѣлать хотя быныя критическаго изслѣдованія того биографическаго матеріала о Шевченкѣ, который въ продолженіе 37 лѣтъ появлялся на страницахъ русской, а отчасти и иностранной печати, и который, все-таки, даже еще не весь оубыкновенявъ. Другиыя словами и опредѣляется характеръ труда А. Я. Конисскаго, — это не биографіа въ широкомъ значеніи слова, а критико-биографическая хроника.

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ предисловія и четырнадцати главъ.

Въ первыхъ двухъ главахъ говорится о дѣтствѣ, отрочествѣ и юности Т. Г. Шевченка. Родился онъ 25 февраля 1814 г. въ деревнѣ Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи. Отецъ его кромѣ земледѣлія занимался чумачествомъ. До восьми лѣтъ жизни его текла тихо и мирно подъ родительской кровлей. Но въ 1823 году умерла его мать, Катерина Акимовна, оставивъ пятерыхъ дѣтей, и отецъ женился на другой.

Въ третьей главѣ говорится объ ученіи Шевченки въ Академіи Художествъ, куда онъ поступилъ въ 1830 году и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Брюлова.

Въ главѣ четвертой по восьмую мы находимъ свидѣнія объ арестѣ Шевченка, слѣдствія и смыслъ его, которая продолжалась 10 лѣтъ, до 21 іюня 1857 г., когда онъ получилъ прощеніе и 2-го августа этого года выѣхалъ изъ Новолетровскаго укрѣпленія, а 27-го марта 1858 года, получивъ право жить въ столицѣ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ Академіи Художествъ, гдѣ ему дали мастерскую, какъ художнику Академіи. Десятилѣтняя военная служба солдатомъ, прекращеніе всякаго сношенія съ міромъ, съ обществомъ, особенно же недостатокъ духовной пищи не могли не оставить своихъ послѣдствій и не повліять на духъ поэта.

Описанію жизни Шевченка въ Петербургѣ отведена десятая глава. Въ Петербургѣ Тарасъ Григорьевичъ жила въ качествѣ отставнаго рядового Оренбургскаго № 1 баталіона, находясь подъ надзоромъ полиціи и подъ попеченіемъ гр. Ф. П. Толстого. Академическое начальство должно было заботиться не только о плавленіи его таланта, но и о томъ, чтобы своего таланта онъ не употреблялъ во зло“.

Въ десятой главѣ авторъ описываетъ поѣздку Шевченки въ Украину. Возвратясь въ сентябрѣ 1859 года въ Петербургъ, Тарасъ Григорьевичъ хлопочегъ объ освобожденіи своихъ родныхъ изъ крѣпостной зависимости и объ окончаніи дѣла съ возвучкою земли, чтобы скорѣе оставить разрушающій его, издорваннаго силкою, силъ Петербургъ, скорѣе переѣхать на берега родного и страстно любимаго Днѣпра. (11-я гл.)

Въ двѣнадцатой главѣ говорится о неудачныхъ поискахъ поѣсти въ тринадцатой о послѣднихъ дняхъ его жизни, а въ четырнадцатой описано погребеніе поэта.

О характерѣ дѣятельности Т. Г. Шевченки А. Я. Конисский говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Идея высокохудожественной поэзи Шевченка есть „пѣсня-слеза“ закрѣпощеннаго и поверженнаго во тьму крѣпостную народа. Нельзя указать другаго поэта въ исторіи всемірной литературы, который былъ бы къ народу болѣе близокъ во всѣхъ отношеніяхъ, болѣе понятенъ народу. — болѣе, такъ сказать, народенъ, чѣмъ Шевченка. Какъ высоко въ своихъ произведеніяхъ онъ поднимался Шевченко въ сферу общечовѣческихъ идеаловъ гуманности, онъ нигдѣ не отрывается отъ народа, нигдѣ не теряетъ своей народности, онъ всадѣ и всегда глубоко и истинно народенъ, потому что онъ родился и выросъ на почвѣ народной исторіи; онъ сосредоточивалъ въ себя все дурнаго и хорошаго свойства своего народа, въ немъ выразилась вся національно народная душа. Вотъ почему въ средѣ народной массы онъ одинъ полтъ не былъ такъ понятенъ, какъ Шевченко и такъ популяренъ „подъ сельской стрѣдой“ (крышей), какъ онъ... Это былъ голосъ ясный, опредѣленный, сильный и тѣмъ болѣе могучій, что онъ былъ не просто голосъ писателя, но стоиъ, волеъ писателя изъ убогой темной избы крѣпостного крестьянина. Это былъ голосъ поэта, мужаина, испытаннаго на своей собственной спицѣ всѣ ужасы крѣпостнаго ярма, все варварство челоуѣка надъ челоуѣкомъ; это былъ поэтъ, у котораго не было ни одного мускула, ни одного нерва, не соизвѣннаго болѣю коллективной народной души. Ему суждено было сдѣлаться гениемъ украинско-русскаго народнаго слова, — обновивъ его не только художественно, но и идейно, и украинскую литературу ввести въ семью не только славянскихъ но и европейскихъ литературъ.“

На нашъ взглядъ, такая оцѣнка вполне правильна.

Н. К.-ш.-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.** — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсацова), въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Г. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о пѣвнѣхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8 рублей**; и съ 1888—1897 по **9 рублей**.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІИ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ 2 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

ДЕКАБРЬ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. О. Дубровинъ. 481—516	
II. Два доноса въ 1831 году Н. К. Шпальдеръ. 517—538	
III. Изъ хроникъ семейства Львовыхъ. Е. Ватагова. 539—549	
IV. Между Славянофилами и Западниками. Н. А. Мельгуновъ. Историко-литературный очеркъ. (Оконч.). А. П. Киричниковъ 551—585	
V. Смоленскій епископъ Пароній Солковскій. (Биографическ. замѣтка). Сообщ. Д. Вишневскій. 587—590	
VI Александръ Дмитріевичъ Боровковъ и его автобиографическія записки. (Окончаніе). Сообщ. Н. А. Боровковъ. 591—616	
VII. Изъ дневника П. Г. Дивова 1829 г. 617—632	
VIII. Молдавія и Валахія предъ турецкой войной 1787 г. (Изъ прошлаго россійскаго консульства въ Яссахъ). А. А. Гирсъ. 633—655	
IX. Императоръ Николай I въ Елисаветградѣ въ 1851 г. (Изъ воспоминаній стараго солдата). Н. П. 657—665	
X. Записки Михаила Чайковскаго. В. В. Тихошукъ. 667—689	
XI. Какъ создались памятники графу М. Н. Муравьеву. (По официалн. документамъ). А. М — в т. 691—698	
XII. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. (Окончаніе) А. А. Версъ. 699—715	XIII. Объясненіе гравюры, приложенной къ настоящей книжкѣ. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ. 717—719
	XIV. Записная книжка „Русской Старины“. Къ исторіи цензуры. 14 го іюля 1801 г. (стр. 556). — Назначеніе М. Л. Кутузова Кіевскимъ воен. губернаторомъ 28-го сентября 1806 г. (586). — О доволненіи П. М. Карамзину читать рукописи въ монастыряхъ, 17-го декаб. 1803 г. — Письмо графа Головкина—П. Н. Новосильцову объ академикѣ Клапротѣ. 25-го іюля 1806 г. (656). — Устройство памятника Петру I въ Полтавѣ. 1-го августа 1811 г. (666). — Польскій на коронаціи императора Александра I. — Пожертвованіе Демидова. 4-го апр. 1803 г. (692). — Пожертвованіе адмирала Ушакова. 2-го января 1807 г. (716). — Особженіи формы одежды сенатск. чиновник. 21 янв. 1798 г. (720)
	XV. Указатель личныхъ именъ въ 93, 94, 95 и 96 томахъ „Русской Старины“ изд. 1898 года.
	XVI. Библиографическ. листокъ (изъ обертки).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Гравюра. Молитва королевы Прусской Луизы съ дѣтьми и прус. генерал. о побѣдѣ, въ присутствіи вел. князя Константина Павловича. Граф. Н. Хольмидкій. Приемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 1/2 пополуиди.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъячская, 39.

1898.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1898 г.

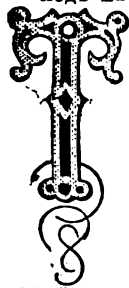

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка ¹⁾.

I.

Обязательства, приняты императоромъ Александромъ I въ Тильзитѣ.—Отношенія его къ Наполеону.—Заключеніе мира.—Рескриптъ императора Александра С. К. Вязмитинову.—Молебствіе въ Петербургѣ и Москвѣ.—Рѣчь архіепископа Августина.—Манифестъ о мирѣ.—Возвращеніе гвардіи.—Переходъ на мирное положеніе.—Восторгъ печати.—Поклоненіе Наполеону.

Тильзитскій миръ произвелъ существенныя перемѣны въ политической картѣ Европы и положилъ рѣзкую грань во внѣшней и внутренней жизни Россіи. Заключенный договоръ состоялъ изъ 29-ти статей, 7-ми отдѣльных секретныхъ и изъ 9-ти статей союзнаго договора наступательнаго и оборонительнаго. Не касаясь подробностей заключенныхъ условій ²⁾, мы упомянемъ только о тѣхъ, которыя относились непосредственно къ Россіи. Наполеонъ согласился возвратить королю прусскому

¹⁾ Исторія государства дѣлится на двѣ части: на внѣшнюю, политическую или исторію правительства, и на внутреннюю или исторію народа. Здѣсь имѣется въ виду послѣдняя, и мы будемъ касаться политической части лишь настолько, насколько она необходима для объясненія внутренней жизни нашихъ предковъ.

²⁾ Подробности переговоровъ изложены въ соч. С. М. Соловьева „Императоръ Александръ I“, изд. 1877 г.; у Н. К. Шильдера—„Императоръ Александръ I“; у М. И. Богдановича—„Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время“ и у другихъ.

часть отнятыхъ у него земель, областей и городовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ большей части польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, было образовано Варшавское герцогство, отданное въ управленіе короля саксонскаго. Для постановленія сколь можно естественныхъ границъ между Россією и Варшавскимъ герцогствомъ присоединена къ имперіи Бѣлостокская область. Императоръ Александръ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Франціи съ Англіей, а Наполеонъ— въ примиреніи Россіи съ Турцією.

Россія обязалась заключить перемиріе съ Турцією и вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, которыхъ турки не должны были занимать до заключенія, при посредствѣ Франціи, окончательнаго мира. Если Порты не приметъ посредничества Франціи или, принявъ его, не заключитъ мира съ Россією въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то Александръ и Наполеонъ войдутъ въ соглашеніе объ избавленіи отъ ига и притѣсненія турокъ всѣхъ областей Турціи въ Европѣ, за исключеніемъ Константинополя и Румелии.

Точно также, если бы Англія не согласилась, при посредничествѣ Александра, примириться съ Францією, то Россія будетъ дѣйствовать противъ нея за-одно съ Наполеономъ. При этомъ союзники пригласятъ копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы запереть англичанамъ свои гавани и отозвать изъ Лондона своихъ посланниковъ. Въ случаѣ отказа этихъ трехъ державъ, Россія и Франція поступятъ съ отказавшимся или съ отказавшимися, какъ съ неприятелями. Такое постановленіе должно было въ будущемъ вызвать непременно одну или нѣсколько новыхъ войнъ, совершенно безплодныхъ для Россіи.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли и отвлечь вниманіе Александра отъ Западной Европы, Наполеонъ предложилъ ему овладѣть Финляндією и установить границу болѣе естественную и вполне обезпеченную отъ нечаянныхъ нападеній Густава IV.

— Правда,—говорилъ Наполеонъ императору Александру,—шведскій король вашъ зять и вашъ союзникъ, обязанный слѣдовать вашей политикѣ, либо испытать послѣдствія своего упрямства. Петербургъ слишкомъ близокъ къ Финляндской границѣ; русскія красавицы въ Петербургѣ не должны болѣе слышать изъ своихъ дворцовъ грома шведскихъ пушекъ.

Это указаніе было весьма соблазнительно и вполне совпадало съ желаніемъ императора Александра, сознававшаго, что близость шведской границы опасна для столицы.

Еще въ 1803 году шведскій король Густавъ IV, недовольный дружбою Россіи съ Францією, во время дипломатической переписки по этому предмету, приказалъ, въ минуту гнѣва, пограничный мостъ, соединяющій Малый-Аборфорсъ съ островомъ Германсари и выкрашенный, для

обозначенія границы, на половину русскимъ официальнымъ цвѣтомъ, а на половину шведскимъ—выкрасить весь шведскимъ. Нашъ посланникъ Алопеусъ потребовалъ возстановленія прежнихъ красокъ, но шведское правительство не только не отвѣтило на ноту русскаго посланника, но дало понять, что Швеція имѣетъ право удержать не только эту черту, но и за нею права ея еще не совсѣмъ потеряны. Императоръ Александръ приказалъ тогда привести немедленно въ оборонительное состояніе Кюменегродскую крѣпость, воздвигнуть укрѣпленіе на р. Кюмени, вооружить гребную флотилію, а сухопутнымъ войскамъ двинуться на шведскую границу. Это образумило Густава IV, и хотя мостъ былъ выкрашенъ по-прежнему, но сумасбродство короля оставалось въ памяти, и императоръ Александръ не могъ не сознавать опасности, постоянно угрожающей столицѣ отъ такого близкаго сосѣда.

Спустя нѣкоторое время, съ осложненіемъ политическихъ событій, императоръ нерѣдко собиралъ въ своемъ кабинетѣ для совѣщаній лицъ, пользовавшихся его довѣренностію. На одномъ изъ такихъ собраній, смотря на карту Европы и указывая на нашу границу съ Швеціею, государь обратился къ графу Петру Корнилевичу Сухтелену и сказалъ:

— Гдѣ бы ты думалъ всего выгоднѣе для обоихъ государствъ назначить границу?

Графъ Сухтеленъ взялъ карандашъ и провелъ черту отъ г. Торнео до океана.

— Что это ты!—сказалъ императоръ.—Это ужъ слишкомъ много...

— Ваше величество требовали,—отвѣчалъ графъ Сухтеленъ,—выгодной границы для обоихъ государствъ: другой безопасной и выгодной черты нѣтъ и быть не можетъ.

— Но вѣдь шведскій король мой своякъ, разсердится,—сказалъ государь шути.

— Посердится и забудетъ,—отвѣчалъ графъ Сухтеленъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого разговора, и вотъ въ Тильзитѣ Наполеонъ предлагаетъ Александру то же самое. Какъ было не воспользоваться такимъ предложеніемъ! Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ попытка къ отдаленію шведской границы могла вызвать протестъ многихъ державъ, но теперь договаривающіеся были единственными распорядителями на материкѣ Европы. Императоръ Александръ могъ вполне разсчитывать на успѣхъ въ приобрѣтеніи Финляндіи, а Наполеону было весьма важно отвлечь отъ себя вниманіе сильнаго союзника, и, пожалуй, нѣсколько ослабить его, чтобы распорядиться самостоятельно и предписывать законы Западной Европѣ.

Вообще Наполеонъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы опутать весьма легко воспламенявшагося Александра, оказывая ему всѣ види-

мые знаки расположенія, уваженія и готовности сдѣлать все для русскаго императора. Такъ онъ велъ себя съ княземъ Д. Лобановымъ-Ростовскимъ уполномоченнымъ заключить перемиріе. Послѣдній собственно-ручно писалъ императору Александру ¹⁾:

«Имѣю счастье повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества актъ перемирія, подписанный мною и фельдмаршаломъ Бертье въ домѣ Бонапарта, съ которымъ обо всемъ былъ у меня переговоръ изустнымъ, по предъявленіи высочайше данной мнѣ на то полной мочи.

«По окончаніи трактаціи приглашенъ я былъ Бонапартомъ къ обѣденному столу, хотя я уже обѣдалъ, ибо былъ седьмой часъ. Въ продолженіе стола, спрося шампанскаго вина и наливъ себѣ и мнѣ, ударились вмѣстѣ рюмками и выпили за здоровье вашего императорскаго величества. По окончаніи стола, почти до девяти часовъ вечера, остался я съ нимъ одинъ; веселье и говорливъ былъ до безконечности, повторялъ мнѣ не одинъ разъ, что онъ всегда былъ преданъ и чтитъ ваше императорское величество. Польза же взаимная обѣихъ державъ всегда требовала союза; ему же собственно никакихъ видовъ на Россію имѣть нельзя было, а закончилъ тѣмъ, что истинная натуральная граница російская должна быть рѣка Висла.

«Все сіе осмѣливаюсь я представить черезъ дивизионнаго адъютанта моего гвардіи штабсъ-капитана Завалишина».

При личномъ свиданіи въ Тильзитѣ Наполеонъ еще болѣе старался очаровать Александра, внушить къ себѣ уваженіе и вызвать дружбу своего новаго союзника. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Александръ смотрѣлъ на Тильзитскій миръ иначе, какъ на необходимое перемиріе, но нельзя также отрицать и того, что, временно, онъ былъ очарованъ Наполеономъ, успѣвшимъ обмануть его. Положившись на честность новаго союзника и на твердость его въ исполненіи данныхъ обѣщаній, императоръ Александръ пошелъ на такія уступки, на которыя при другихъ условіяхъ онъ никогда бы не согласился. Въ Тильзитѣ было заключено нѣсколько тайныхъ соглашеній, основанныхъ только на однихъ словахъ, на однихъ обѣщаніяхъ, не записанныхъ въ журналъ, не скрѣпленныхъ письменными документами и никогда не обнародованныхъ. Всѣ они были слѣдствіемъ довѣрія къ честному слову, котораго у Наполеона не существовало, чего, впрочемъ, онъ и самъ не скрывалъ. Въ томъ же Тильзитѣ онъ говорилъ императору Александру, что въ его привычки не входитъ исполненіе данныхъ обѣщаній.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 10-го іюня 1807 г. Арх. главнаго штаба, секретныя донесенія по военно-походн. канцеляріи.

— Иной разъ,—прибавлялъ онъ,—весьма полезно кое-что общать.

Въ дипломатіи честное слово имѣетъ значеніе лишь временное, исполняется часто только въ теченіе короткаго времени, пока это выгодно, а затѣмъ измѣна данному слову легко объясняется переменною обстоятельствомъ и политической обстановки. Въ обыденной жизни часто называютъ «дипломатомъ» человѣка, который двуличничаетъ и ловко обманывается. Такое вѣроломство, судя по всѣмъ предыдущимъ поступкамъ, особенно относилось къ Наполеону. Еще въ 1806 году три товарища министровъ: князь Чарторыйскій, Новосильцовъ и графъ Строгановъ, представляя императору Александру записку о внутреннемъ положеніи Россіи и о мѣрахъ, какія необходимо предпринять въ тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, совѣтовали ему быть осторожнымъ съ Наполеономъ. Они называли его хищникомъ, который «употребляетъ на сей конецъ и миръ, и войну, и успѣхъ оружія, и вѣроломство негодяцій» ¹⁾.

Императоръ Александръ, издавна не расположенный къ Наполеону, въ глубинѣ души презиравшій самозванца-императора, скрывалъ это чувство, какъ тщательно скрывалъ онъ свое нерасположеніе и ко многимъ другимъ лицамъ, которыхъ держалъ однако же возлѣ себя. Онъ подходилъ къ Наполеону съ недоверіемъ, и чѣмъ сильнѣе было оно, тѣмъ сильнѣе было очарованіе послѣ нѣсколькихъ личныхъ свиданій.

Вспоминая позже тильзитское свиданіе, Александръ I говорилъ графинѣ Эдлингъ:

— Тогда мы по-долгу бесѣдовали, такъ какъ онъ (Наполеонъ) любилъ высказывать мнѣ свое превосходство, говорилъ съ любезностью и расточалъ передо мною блески своего воображенія.

Къ этому графиня Эдлингъ прибавляетъ, что, терпѣливо выслушивая говорившаго, Александръ будто-бы не подчинился его вліянію. «Онъ признавалъ превосходство его генія, но не былъ ослѣпленъ имъ и не возымѣлъ къ нему вреднаго для себя довѣрія» ²⁾.

Все это говорилось значительно позже, когда увлеченія исчезли, но было противоположно тому, что происходило на самомъ дѣлѣ. Какъ признавать въ человѣкѣ превосходство генія и не подчиниться ему—иначе генія не существуетъ. Трудно не принять внушеній человѣка, который ласкаетъ ваши завѣтныя мечты и общаетъ содѣйствовать ихъ осуществленію. А эти ласки, эти общанія были употреблены Наполеономъ въ широкихъ размѣрахъ—и Александръ I временно поддался имъ. По склонности къ мечтательному увлеченію, онъ «не заботился о надлежащемъ формулированіи и внесеніи въ секретныя статьи договора всѣхъ тѣхъ общ-

¹⁾ „Русская Старина“ 1894 г., № 8, стр. 212.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1887 г., № 2, стр. 220.

щаній и предположеній, которыя Наполеонъ расточалъ щедрою рукою въ бесѣдахъ съ своимъ удивленнымъ слушателемъ. Александръ ошибся, полагая, что можно рѣшать на словахъ столь важные вопросы, которые въ своемъ конечномъ результатѣ приводили, такъ сказать, къ мировому раздѣлу. Поэтому неудивительно, что словесныя соглашенія оказались въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ письменнымъ договоромъ: случилось даже, что живое слово тильзитскихъ бесѣдъ совершенно расходилось съ мертвой буквой трактата» ¹⁾).

Въ послѣдующее время Наполеонъ руководствовался только статьями писаннаго трактата, не придавая значенія обѣщаніямъ, даннымъ въ Тильзитѣ, или же предлагалъ заключить новыя условія, не соотвѣтствовавшія политическимъ видамъ императора Александра. Отсутствіе письменныхъ актовъ давало возможность отказываться отъ данныхъ обѣщаній то тою, то другою стороною и въ особенности потому, что договаривающіеся дѣйствовали вполне эгоистично. При помощи этого эгоизма Наполеонъ успѣлъ вырвать у Александра согласіе на разныя уступки, относившіяся до возстановленія правъ германскихъ владѣтелей, признанія владѣтельныхъ особъ, посаженныхъ Наполеономъ, и самого его императоромъ Франціи.

Тильзитскій миръ возвелъ его на высшую степень могущества и славы, и онъ могъ вполне гордиться одержанною дипломатическою побѣдою. Странно, что и императоръ Александръ гордился тѣмъ же, но скоро, впрочемъ, долженъ былъ разочароваться какъ въ своей побѣдѣ, такъ и въ своемъ новомъ другѣ и союзникѣ. Лишь только, по возвращеніи въ Петербургъ, Александръ сталъ руководствоваться словесными обѣщаніями Наполеона относительно Турціи, какъ изъ Парижа его попросили слѣдовать буквѣ письменнаго трактата или же согласиться на новыя уступки и пожертвованія на счетъ Пруссіи. Такое требованіе, конечно, вызвало въ Александрѣ сознаніе, что онъ обманутъ, и заставило его быть осторожнѣе въ будущемъ. Нельзя было не понять, что Наполеонъ оставилъ вожжи въ своихъ рукахъ, чтобы удержать, когда будетъ нужно, вредный для него ходъ политическихъ событій.

Переговоры о мирѣ вели съ нашей стороны князь А. Б. Куракинъ и князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, а со стороны Франціи—Талейранъ; но главное участіе и направленіе переговоровъ принадлежало двумъ императорамъ.

25-го іюня (7-го іюля) мирныя условія были подписаны, а 27-го іюня (9-го іюля) — ратификованы. Императоръ Александръ поручилъ князю Куракину поднести Наполеону пять знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго, назначавшихся: самому Наполеону, вест-

¹⁾ Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I“, т. II, 192.

фальскому королю Иерониму, Мюрату, Талейрану и Бертье. Наполеонъ тотчасъ же прислалъ пять знаковъ ордена «Почетнаго Легіона»: императору Александру, великому князю Константину Павловичу, министру иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу, князю А. Б. Куракину и князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

Въ тотъ же день императоръ Александръ, въ лентѣ Почетнаго Легіона, а Наполеонъ—въ орденѣ св. Андрея, съѣхались верхами на улицѣ и, послѣ взаимныхъ привѣтствій, отправились къ дому, занимаемому русскимъ императоромъ, гдѣ и произошелъ обмѣнъ ратификацій.

О прекращеніи военныхъ дѣйствій и заключеніи мира Россія прежде всего узнала изъ рескриптовъ императора, отправленныхъ къ начальникамъ областей, генералъ-губернаторамъ и нѣкоторымъ гражданскимъ губернаторамъ. Никто такъ не радовался заключенію мира, какъ Александръ. Онъ былъ въ полномъ восхищеніи, и дружба съ Наполеономъ казалась ему благодѣяніемъ боговъ. Уже на другой день послѣ ратификаціи мирныхъ условій, а именно 28-го іюня, государь писалъ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ С. К. Вязмитинову:

«Упорная и кровопролитная между Россією и Францією война, въ которой каждый шагъ, каждое дѣйствіе ознаменованы неустрашимомъ храбростью и мужествомъ войскъ російскихъ, заключеннымъ 27-го дня сего мѣсяца миромъ—Богу благодареніе—прекращена. Возстановлено блаженное спокойствіе, неприкосновенность и безопасность границъ російскихъ охранена новымъ приращеніемъ¹⁾ и Россія симъ обязана геройскимъ единственно подвигамъ и рвенію, съ которыми храбрые сыны на всѣ бѣдствія и на самую смерть безстрашно стремились. Я спѣшу о семъ благополучномъ происшествіи васъ увѣдомить, для извѣщенія во всемъ начальствѣ вашемъ».

Вмѣстѣ съ этимъ рескриптомъ курьеръ привезъ высочайшее повелѣніе ознаменовать заключеніе мира торжественнымъ молебствіемъ. 2-го іюля церемоніймейстерская часть разослала отъ двора слѣдующее объявленіе:

«Для торжествованія мира, въ 27-й день съ Францією заключеннаго, его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ быть здѣсь въ городѣ молебствію, каковое и назначается сего іюля 3-го числа, т. е. въ среду. И въ оный день, по восхожденіи солнца, означено будетъ 21-мъ изъ крѣпости пушечнымъ выстрѣломъ, вслѣдствіе чего отъ придворной конторы симъ повѣщается, дабы придворные и прочіе чины въ 10 часовъ поутру съѣхались въ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, именуемую Казанскою, и ожидали-бъ прибытія ихъ императорскихъ величествъ государынь императрицъ и ихъ импера-

¹⁾ Присоединеніемъ къ имперіи Бѣлостокской области.

торскихъ высочествъ. По окончаніи жь службы Божіей, по объявленіи о мирѣ и по отправленіи благодарнаго молебна, ихъ величества и ихъ высочества возвратятся въ Таврическій дворецъ. Въ сей день быть дамамъ въ русскомъ платьѣ, а кавалерамъ въ праздничныхъ кафтанахъ».

Большинство, какъ всегда и вездѣ, не зная подробностей и условій заключеннаго мира, съ полнымъ самодовольствомъ прислушивалось 3-го іюля къ пушечнымъ выстрѣламъ, возвѣщавшимъ Петербургу о торжественномъ празднованіи мира. Толпы народа слѣпили въ Казанскій соборъ, куда ѣхали обѣ императрицы и собирались придворные чины. Въ этотъ день при дворѣ былъ парадный обѣдъ ¹⁾, а на слѣдующій, 4-го іюля, императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ, остановился въ Таврическомъ дворцѣ и 5-го числа присутствовалъ на молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ; вечеромъ столица была иллюминирована.

Спустя два дня, 7-го іюля, подобное торжество происходило и въ Москвѣ. Преосвященный Августинъ, епископъ дмитровскій и викарій московскій сказалъ въ Успенскомъ соборѣ слово, произведшее глубокое впечатлѣніе на слушателей по своему увлеченію ²⁾.

— Итакъ,—сказалъ онъ ³⁾,—умолкли грома брани, прекратились мщеніе и убійство, остановились потоки крови, копіе и мечъ возвратились въ мѣсто свое, и благословенный миръ паки озарилъ любезное отечество наше и всюду разлилъ веселье и радость. Народъ, ослѣпленный счастьемъ оружія своего, позналъ наконецъ крѣпкую и высокую руку Божію, по насъ поборающую. Позналъ въ повелителѣ Сѣвера духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости и, чувствуя суетность совѣтовъ своихъ (народъ—французы) преклонилъ гордую выю предъ великимъ въ владыкахъ земныхъ Александромъ. Позналъ до какой степени простираются твердость и мужество россовъ, безстрашно на всѣ опасности и на самую смерть устремляющихся и, исполненный удивленія, почелъ верхомъ славы своей пріобрѣсти дружбу столь славнаго и храбраго народа. Въ надменіи своемъ нѣкогда рекъ онъ: пойду и сокрушу твердыни ихъ, опустошу селенія, рассыплю грады и господствовать будетъ на нихъ рука моя; но наконецъ уязвленный и пораженный призналъ, что монарху россовъ, обладающему полусвѣтомъ, достоинъ еще распространить владычество свое и господствовать надъ чужими языки.

— Какую же благодарность воздадимъ мы Господу?—спрашивалъ Августинъ, и отвѣчалъ:

¹⁾ „Геній времени“ 1807 г., № 11.

²⁾ Письмо Т. И. Тутолмина—князю А. Н. Голицыну 9-го іюля 1807 г., арх. Синода, д. № 595.

³⁾ Тамъ же.

— Вознесемъ молитвы и принесемъ сыновнюю благодарность государю. Драгоценные металлы образуютъ колосъ, воздвигнутый во славу героя. Смертный въ изумленіи удивляется ему; но камень внезапно отторгается отъ горы и все обращаетъ въ прахъ. Благодаритель народовъ славу имени своего сохраняетъ не въ мѣди и мраморѣ, но въ сердцахъ человѣческихъ, въ памяти потомства. Богъ и царь—образъ божества на землѣ—требуютъ, чтобы благодарность, имъ приносимая, состояла не въ словахъ, а паче въ дѣлахъ, сообразныхъ ихъ волѣ и законамъ, въ любви къ ближнему. Любовь къ отечеству—вотъ жертва, которую достойно возблагодарить мы можемъ и Бога, удѣляющаго на насъ милости свои, и государя, назидающаго и хранящаго спокойствіе и блаженство наше.

Августинъ приглашалъ cadaго исполнять свои обязанности, быть удаленнымъ отъ лицепріятія и издоимства, чуждымъ пристрастія, корысти и обмана, быть правосуднымъ и честнымъ въ своихъ поступкахъ, словомъ приобрести всѣ тѣ качества, которыми была такъ бѣдна тогдашняя Россія. Узнавъ объ этой проповѣди, императоръ Александръ пожаловалъ Августину панагію, украшенную драгоценнымъ камнями ¹⁾ и писалъ московскому военному губернатору Г. И. Туголину ²⁾.

«Донесеніе ваше о движеніяхъ радости, съ коими вѣсть о мирѣ принята была въ Москвѣ, принесло мнѣ истинное удовольствіе. Знаменитые російскаго воинства подвиги, коими миръ сей приобрѣтенъ, заслужили сію справедливость. Мнѣ пріятно было видѣть, что обыватели московской столицы симъ вновь ознаменовали, сколь благо отечества имъ драгоценно.

«Благородному московскому дворянству, всегда подвижному побужденіями чести и по первому воззванію всегда готовому дѣйствовать ко благу отечества, изъясните отъ меня, что въ войнѣ и мирѣ я съ признательностью видѣлъ новые опыты приверженности его любви къ отечеству.

«Знаменитому московскому купечеству, усердіемъ, пожертвованіями и благотворительными его видами постоянно себя отличающему, объявите, что мнѣ особенно пріятно видѣть чувства, его одушевляющія.

«Увѣрьте всѣ состоянія обывателей московской столицы, что цѣль моихъ желаній есть и всегда будетъ, да вѣрные мои подданные, подъ сѣнію благословеннаго мира, постоянно наслаждаются плодами ихъ трудолюбія и промышленности».

Къ сожалѣнію, послѣднія слова были несогласны съ условіями мира,

¹⁾ Письмо князя А. Н. Голицына—Августину 31-го іюля 1807 г. Арх. Синода, дѣло № 595.

²⁾ Отъ 30-го іюля 1807 г., Арх. Сената. Копія высоч. повелѣній, книга 293.

какъ видно изъ манифеста, послѣдовавшаго 9-го августа, при которомъ были приложены и всѣ статьи трактата.

«Война между Россією и Францією,—было сказано въ манифестѣ¹⁾,—сильною помощю Вышняго и отличною храбростью нашихъ войскъ окончена; благословенный миръ паки возстановленъ.

«Въ теченіе сей войны Россія испытала, сколь великіе способы въ любви и приверженности сыновъ своихъ во всѣхъ положеніяхъ обрѣсти она можетъ. Духъ отечественной ревности, возбужденный обстоятельствами. мгновенно объялъ всѣ состоянія и произвелъ великіе опыты мужества, пожертвованій и рвенія къ общему благу.

«Въ войскахъ онъ вездѣ знаменовалъ себя безпримѣрною храбростью, незабываемымъ безстрашіемъ, геройскими подвигами. Вездѣ, куда призывалъ ихъ гласъ чести, всѣ опасности битвъ предъ нимъ исчезли. Знаменитыя ихъ дѣянія въ лѣтописяхъ народной славы пребудутъ незабвенны, и благодарное отечество, въ примѣръ потомству, всегда воспоминать ихъ будетъ.

«Въ гражданскихъ сословіяхъ, дворянство, шествуя по слѣдамъ его предковъ, знаменовало себя не только жертвами имуществва, но и совершенною готовностью положить жизнь за славу отечества.

«Купечество и всѣ другія состоянія, не щадя ни трудовъ, ни стяжаній, несли съ радостнымъ чувствомъ бремя войны и готовы были всѣмъ жертвовать его (отечества) безопасности.

«При такомъ единодушномъ сліяніи мужества и любви къ отечеству, Всевышній, пріосѣняя воинство наше Своею помощю, укрѣпляя его въ жестокихъ сраженіяхъ, напослѣдокъ, въ награду неустрашимости, благоволилъ положить счастливый конецъ сей кровопролитной брани и даровалъ благословенный миръ.

«Въ основаніяхъ сего мира всѣ предположенія къ распространенію нашихъ предѣловъ, а паче изъ достоянія нашего союзника, признали мы несогласными съ справедливостю и достоинствомъ Россіи. Въ ополченіи нашемъ не расширенія пространной нашей имперіи мы искали, но желали возстановить нарушенное спокойствіе и отвратить опасность, угрожавшую державѣ намъ сопредѣльной и союзной. Постановленіемъ настоящаго мира не токмо прежніе предѣлы Россіи во всей ихъ неприкосновенности обезпечены, но и приведены въ лучшее положеніе присоединеніемъ къ нимъ выгодной и естественной грани».

Итакъ, война была прекращена, миръ заключенъ и первый періодъ борьбы Россіи съ Наполеономъ былъ оконченъ. 24-го августа императоръ Александръ встрѣчалъ на Петергофской дорогѣ свою гвардію,

¹⁾ Полн. Собр. Заков., т. XXIX, № 22584.

возвращавшуюся съ похода. Толпы народа стекались со всѣхъ сторонъ, и неизвѣстный поэтъ привѣтствовалъ возвращавшихся стихами: ¹⁾

Россы, кончивъ подвигъ бранный,
 Послѣшайте въ край родной;
 Часъ пришелъ для васъ желанный;
 Восхищаемъ: миръ—душой.
 Ждутъ любовь васъ здѣсь и дружба;
 Мы сердцама къ вамъ летимъ;
 Насъ хранила ваша служба,
 Васъ мы, васъ благодаримъ.
 Къ вамъ мы души устремляемъ.
 Къ вамъ, герои странъ родныхъ,
 Васъ мы всѣхъ равно встрѣчаемъ
 Въ чувствахъ радостныхъ своихъ.

Благодаря всѣмъ сословіямъ за усердіе и любовь къ отечеству, императоръ Александръ установилъ золотую медаль для ношенія въ петлицѣ на владимірской лентѣ всѣмъ служащимъ въ милиціи чиновникамъ, а тѣмъ, которые были въ сраженіи, пожалована медаль на георгіевской лентѣ. Тѣхъ чиновниковъ, которые получили при увольненіи отъ службы первые офицерскіе чины, разрѣшено было, при дворянскихъ выборахъ, допустить въ гражданскую службу ²⁾). Ратники, бывшіе въ сраженіи, награждены серебряною медалью на георгіевской лентѣ, а всѣмъ чиновникамъ вообще разрѣшено носить ополченскій мундиръ той области, въ которой они находились ³⁾).

Указомъ военной коллегіи 15-го іюля 1807 года повелѣно вдовамъ убитыхъ въ сраженіяхъ офицеровъ производить въ пенсію полное жалованье; въ случаѣ же смерти женъ обращать оную на дѣтей и выдавать: сыновьямъ до 16 лѣтъ, если рѣше не поступятъ на службу, а дочерямъ до замужества или до вступленія въ какое-либо воспитательное государственное заведеніе. Въ то время для призрѣнія больныхъ, раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ не существовало никакихъ казенныхъ учреждений, и лишившіеся средствъ къ существованію воины должны были довольствоваться и прибѣгать къ частной благотворительности ⁴⁾).

¹⁾ „Пѣснь славяно-россіянокъ сынамъ отечества“. „Русскій Вѣстникъ“ 1808 года, № 1, стр. 80 и 81.

²⁾ Высочайшій указъ 10-го марта 1808 г. Арх. Минист. Юстиціи, дѣло № 2878.

³⁾ Циркулярный рескриптъ главнокомандующимъ областями земскаго войска 27-го сентября 1807 г. Арх. Сената.

⁴⁾ Въ этомъ отношеніи всякое пожертвованіе частнаго лица вызывало благодарность правительства и, конечно, потомства. Съ этою цѣлью приводимъ рескриптъ императора Александра московскому военному генералъ-губернатору Туттолмиану отъ 30-го іюля 1807 года:

„Тимофей Ивановичъ! Расположеніе московскаго городского головы Кирия-

Оцѣнивая Тильзитскій миръ только съ вѣншей стороны, русская печать восторгалась имъ.'

«Убійственная и кровопролитная брань совершенно прекратилась, печаталось въ одномъ журналѣ ¹⁾). Смѣлый и пылкій покоритель толкихъ государствъ долженствовалъ, наконецъ, самъ признать неустрашимую храбрость російскихъ ополченій и отречься отъ своихъ намѣреній.

«Слава тебѣ, вѣчное Провидѣніе! Слава тебѣ, Александръ—другъ человечества! Да осѣнитъ сей миръ крылами своими всю Европу. Да исцѣлитъ онъ язвы твои, бѣдная разоренная Германія. Да будетъ онъ продолжителенъ и вѣченъ! Миръ съ Франціей заключенъ въ Тильзитѣ іюня 27-го дня, въ тотъ же самый день, когда за 98 лѣтъ Петръ Великій одержалъ надъ Карломъ XII рѣшительную побѣду подъ Полтавою,—побѣду, которая навсегда освободила его отъ страшнаго соперника и утвердила на вѣкъ власть его въ Европѣ ²⁾). Сердце каждаго истиннаго сына отечества воспламеняется желаніемъ, дабы и сей миръ имѣлъ для Россіи тѣ великія и благотворныя послѣдствія, которыя нѣкогда произошли отъ Полтавской побѣды.

— Сладки плоды мира, купленнаго геройскими подвигами! повторяли увлеченные современники. Франція, страшная для всѣхъ прочихъ державъ, отдаетъ должное уваженіе достоинству и величію Россіи ³⁾).

— Ну что-жь,—говорили люди равнодушные,—была война—мы побѣдили непріятеля, потому онъ насъ побилъ, а тамъ, обыкновенно какъ водится—миръ. И, слава Богу, не будетъ рекрутскаго набора.

кова въ установленіи особаго отдѣленія для раненыхъ и увѣчныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ приносятъ истинную честь просвѣщенному образу его мыслей и благотворительнымъ его видамъ. Мнѣ пріятно было видѣть примѣръ такого пожертвованія, особенно въ лицѣ главы такого сословія, которое всегда отличалось благонамѣренностію и ревностнымъ побужденіемъ на пользу общую.

„Утверждая всѣ расположенія городского головы во всей ихъ силѣ такъ, какъ въ прошеніи его они изображены, я поручаю вамъ удостовѣрить его моимъ именемъ въ отличномъ моемъ благоволеніи и въ незабвенно и п а м я т и сего достохвальнаго поступка.

„Въ награду онаго и въ означеніе всему московскому купеческому сословію, въ лицѣ главы его, особеннаго моего благоволенія, пожаловалъ я его кавалеромъ ордена св. Анны второго класса, коего знаки, при особенномъ рескриптѣ, поручаю вамъ ему доставить“. (Арх. Сената копія съ высочайшихъ повелѣній, книга 293).

¹⁾ „Геній Временъ“ 1807 г., № 4.

²⁾ Ниже мы увидимъ, что число подписанія трактата 27-го іюня было поводомъ къ неудовольствію общества и послужило укоромъ императору Александру.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1807 г., ч. XXXIV, стр. 235.

Простой народъ былъ поставленъ заключеннымъ миромъ въ самое большое затрудненіе. Онъ помнилъ еще блестящія побѣды Румянцова и Суворова, а изъ воззваній Синода зналъ, что онъ воюетъ съ антихристомъ ¹⁾ и потому былъ увѣренъ, что миръ заключенъ при содѣйствіи нечистой силы ²⁾.

— Какъ же это, — говорилъ одинъ мужичекъ другому, — нашъ батюшка православный Царь могъ рѣшиться сойтись съ этимъ окаяннымъ, съ этимъ нехристомъ. Вѣдь это страшный грѣхъ!

— Да какъ же ты, братецъ, — отвѣчалъ другой, — не разумѣешь и не смекаешь дѣла. Развѣ ты не знаешь, что они встрѣтились на рѣкѣ? Нашъ батюшка именно съ тѣмъ и повелѣлъ приготовить плоть, чтобы сперва крестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его передъ свои свѣтлыя царскія очи.

И, дѣйствительно, спустя нѣсколько дней разговаривавшіе узнали, что высочайше повелѣно было воззваніе Синода, въ которомъ Наполеонъ именовался антихристомъ болѣе въ церквахъ не читать ³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, отъ печати потребовалось полнѣйшее уваженіе къ Наполеону и прежнее имя его Бонапартъ приказано было исключить изъ употребленія въ Россіи. Журналы, не измѣнившіе своихъ взглядовъ на прямо противоположные, подвергались преслѣдованію. Точно такому же преслѣдованію подверглись и книги, уже бывшія въ обращеніи. Въ сентябрѣ 1807 года было отобрано болѣе 5 т. экземпляровъ сочиненія «Тайная исторія новаго французскаго двора», переведеннаго съ нѣмецкаго языка и изданнаго съ дозволенія С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. Все изданіе было сожжено по предписанію С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, а издатель былъ удовлетворенъ за убытки и притомъ крупною суммою въ 6.500 руб. изъ Кабинета Его Величества. Въ томъ же году появилось объявленіе книгопродавца Клостермана слѣдующаго содержанія: «Его превосходительство, военный губернаторъ Вязмитиновъ, поручилъ мнѣ объявить моимъ собратамъ, что если у нихъ имѣется брошюра: «Réflexions sur la paix etc.», то чтобы они немедленно донесли о томъ его превосходительству ⁴⁾.

Въ началѣ 1808 года министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, запретилъ вновь издавать напечатанную въ Москвѣ въ 1807 г.

¹⁾ Объявленіе Синода см. въ статьѣ нашей „Наполеонъ въ русской литературѣ“ и проч. „Русскій Вѣстникъ“ 1895 г., № 4, стр. 234. и „Поли. Собр. Законовъ“, т. XXIX, № 22394.

²⁾ Сочиненія кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 255.

³⁾ Объявленіе Синоду кн. А. Н. Голицына 17-го іюля 1807 г. Арх. Синода.

⁴⁾ „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“. Изд. 1862 г., стр. 14 и 15.

книгу «Картина французской политики и короли Бонапартовской фабрики». Зато надворный совѣтникъ Пфейферъ удостоился похвалы и поощренія. Онъ перевелъ на французскій языкъ изданное графомъ Н. П. Румянцовымъ сочиненіе о русской торговлѣ подъ заглавіемъ «Tableaux du commerce de l'Empire de Russie» и посвятилъ его Наполеону. «Это есть первое приношеніе, сказано было въ «Политическомъ журналѣ» ¹⁾, великому монарху отъ русскаго подданнаго».

«Седьмой годъ XIX столѣтія, говорила русская печать при внушенных ей новыхъ условіяхъ, составляетъ эпоху весьма достопримѣчательную. Онъ разрушалъ и творилъ, творилъ и разрушалъ. Онъ расторгъ древнія связи, для составленія новыхъ, перемѣстилъ Югъ на Сѣверъ (?!), произвелъ многія революціи престоловъ, основалъ новыя области на развалинахъ государствъ испроверженныхъ. Націи, совершенно упавшей, возвратилъ отчасти бытіе; примирилъ обѣ колоссальныя державы между собою и изъ Сарматской земли, потоками крови упоенной, произростилъ оливу дружества, которая, скоро возвысившись, объяла вѣтвями своими Францію и Россію» ²⁾.

Эти объятія крайне не нравились многимъ...

II.

Толки по поводу войны и мира.—Неудовольствіе войскъ.—Пристрастіе Александра къ иностранцамъ.—Лихоимство интендантскихъ чиновниковъ.—Одѣвка обществомъ статей мирнаго трактата.—Ненависть къ Наполеону.—Разрывъ съ Англіею.—Подметное письмо.—Тревожные слухи, полученные изъ Лондона о существующемъ будто-бы въ Россіи заговорѣ.—Положеніе императора Александра I.

За увлекавшимися современниками-журналистами стояло большинство людей образованныхъ, людей государственныхъ и, наконецъ, народъ, выносившій на себѣ всю тягость борьбы и недовольный созданымъ политическимъ положеніемъ дѣлъ.

Войны, веденныя почти непрерывно, начиная съ 1805 года и на нѣсколькихъ театрахъ дѣйствій—съ Наполеономъ, въ Турціи и на Кавказѣ—тяжело отражались на экономическомъ положеніи государства и ложились особенно тяжкимъ бременемъ на сельское сословіе. Въ 1806 году была собрана милиція съ нѣсколькихъ губерній, въ числѣ

¹⁾ „Политическій журналъ“ 1808 г., т. IV, стр. 129.

²⁾ „Историческая и политическая картина 1807 г.“ „Политическій журналъ“ 1808 года, т. I, книга II, стр. 82 и 83.

612 тысячъ человѣкъ, и сверхъ того, съ разныхъ мѣстъ имперіи собирались въ значительномъ числѣ погонщики, повозки, лошади и волы. Когда, послѣ сраженія при Пултускѣ, непріятель остановилъ наступленіе, то признано было возможнымъ распустить часть милиціи и оставить на службѣ только одну треть, въ числѣ 252 тысячъ человѣкъ. Изъ этого числа было составлено такъ-называемое «подвижное земское войско», которое уже не возвратилось въ свои дома и, сверхъ производившихся рекрутскихъ наборовъ, оказалось оторваннымъ отъ семействъ и отъ земли. Многіе говорили, что вмѣсто милиціи лучше бы было взять по одному и даже по два рекрута со ста душъ. «Нѣтъ никого,—донесилъ И. В. Лопухинъ ¹⁾),—кромѣ видимыхъ видами личныхъ выгодъ или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской жизни. Кто скажетъ вамъ иное, государь, тотъ—обманщикъ».

Податное населеніе роптало и его нельзя было убѣдить, что милиція собирается временно и потомъ будетъ распущена. Крестьяне сознавали только то, что ихъ отрываютъ отъ полевыхъ работъ, нарушаютъ ихъ хозяйство. Къ усиленію неудовольствія служили административные беспорядки: распоряженіе о сборѣ ратниковъ было сдѣлано, но на какихъ основаніяхъ сборъ этотъ долженъ былъ производиться, никто не зналъ. Разъясненія пришли гораздо позже, и только тогда милиціонеры узнали, что могутъ оставаться въ своей одеждѣ, не брить лба и бороды и жить въ домахъ своихъ. «Но и сіе,—писалъ И. В. Лопухинъ ²⁾),—не можетъ совершенно успокоить ни поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство вообще разстраивается.

«Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посылки или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣста жительства; но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахотныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ требуютъ нерѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ». Какъ было поступать тѣмъ, имѣнія которыхъ и селенія находились вдали отъ городовъ? Въ этомъ случаѣ милиціонеры, собираемые періодически военнымъ начальствомъ для обученія, были бременемъ для помѣщиковъ и сельскихъ обществъ.

Сборъ милиціи производился только съ части имперіи и эта часть обязана была поставить, вооружить и снабдить на свой счетъ всѣмъ необходимымъ ратниковъ ³⁾). Въ это же самое время другая часть госу-

¹⁾ Во всеподд. донесеніи отъ 4-го января 1807 года. „Русскій Арх.“, 1884 г., № 1, стр. 122.

²⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе Лопухина отъ 11-го января 1807 г. Тамъ же стр. 124.

³⁾ Ратники собирались съ 31-й губерши. См. Полное Собр. Законовъ, т. XXIX, № 22373.

дарства и пограничныя губерніи приглашались только къ добровольнымъ пожертвованіямъ деньгами, хлѣбомъ, оружіемъ и амунициею.

— Можетъ быть,—говорили дворяне, крестьяне и мѣщане,—губерніи, избавленныя отъ сбора милиціи и принесуть больше жертвъ, но онѣ имѣютъ право и ничего не приносить, тогда какъ мы обязаны манифестомъ къ опредѣленной и тягостной повинности.

Всѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали роспуска милиціи, что, доносилъ Лопухинъ ¹⁾, «въ царствованіе вашего императорскаго величества благодѣтельныйшій будетъ тотъ день, въ который отмѣнится земское войско».

День этотъ наступилъ въ сентябрѣ 1807 года, но не могъ быть названъ благодѣтельнымъ. Въ манифестѣ о роспускѣ милиціи и обращеніи ратниковъ въ первобытное состояніе было предоставлено всѣмъ помѣщикамъ, мѣщанскимъ обществамъ и казеннымъ селеніямъ въ замѣнъ рекрутскихъ наборовъ оставить въ военной службѣ всѣхъ тѣхъ ратниковъ, которыхъ они оставить пожелаютъ ²⁾. Такимъ образомъ обѣщаніе, что всѣ милиціонеры вернутся въ свои дома, не было исполнено и породило множество недовольныхъ среди городского и сельскаго населенія.

Имя Наполеона, какъ виновника всѣхъ бѣдъ, стало ненавистнымъ для русскаго человѣка и при каждомъ удобномъ случаѣ подвергалось насмѣшкамъ. Провозглашеніе Наполеона императоромъ совпало съ провозглашеніемъ имперіи на негртыанскомъ островѣ Сень-Доминго.

— Императорское общество, сказалъ князь А. Н. Голицынъ въ присутствіи Александра I, становится не совсѣмъ прилично (*Les empereurs commencent à devenir de mauvaise compagnie*).

Увѣряютъ, что государь смѣялся, слушая это острословіе своего любимца ³⁾.

Въ русскихъ людяхъ, сознательно или безсознательно, вкоренилось убѣжденіе, что отношенія Россіи къ Наполеону до Тильзитскаго мира были самыя правильныя и сообразныя съ достоинствомъ могущественной имперіи. Въ лицѣ Наполеона видѣли хищника, попирающаго всѣ народныя права и порабощающаго народы. Россія одна высказывала протестъ противъ такого порабощенія, не признавала грубой силы и насилія и, защищая слабыхъ, постоянно боролась съ хищникомъ. «Но

¹⁾ Всеподданѣйшее донесеніе Лопухина 1-го марта 1807 г., „Русскій Арх.“ 1884 г., № 1, стр. 133.

²⁾ Полное Собр. Закон., т. XXIX, № 22684.

³⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русск. Арх.“ 1831 г., кв. III (1), стр. 46.

теперь, послѣ Тильзита, это возвышенное положеніе было потеряно; русскій государь, бывшій постоянно вѣрнымъ святому знамени, которымъ гордилась Россія, бросилъ его, протянувъ руку побратался съ тѣмъ, кого привыкли называть врагомъ человѣчества. И для чего?.. Союзъ съ Наполеономъ—значить постоянная война, ибо онъ постоянно воюеть, и Россія будетъ теперь ходить на войну, куда онъ захочетъ» ¹⁾).

Однажды, на вечерѣ у Г. Р. Державина, говорили о желаніи императора Александра I достигнуть общаго мира въ Европѣ.

— Цѣль великая,—сказалъ при этомъ графъ П. В. Заводовскій,—но едва ли достижимая. Помирившись съ французами, мы будемъ воевать съ англичанами. Государь желаетъ мира, чтобы приняться за необходимыя преобразованія для блага Россіи, а, можетъ быть, и всего человѣчества; но именно по этой-то причинѣ и не оставитъ насъ въ покоѣ. Не говорю о Бонапартѣ, который заклятый врагъ спокойствія Россіи, потому что она одна въ состояніи полагать преграды ненасытному его властолюбію; но и державы намъ дружественныя или, вѣрнѣе сказать, тѣ, которыя мы почитаемъ дружественными, не будутъ спокойно смотрѣть на наше могущество, возрастающее по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, образованности и усовершенствованія внутренняго управленія въ государствѣ, о чемъ такъ печется государь съ самаго восшествія своего на престолъ ²⁾).

Зная характеръ Наполеона и его предыдущую дѣятельность, никто не вѣрилъ въ прочность дружбы съ нимъ; союзъ съ Франціею не одобрялся большинствомъ и прежде всего войсками, высказывавшими свое неудовольствіе еще до заключенія мира, во время начатыхъ переговоровъ.

Съ отвѣтомъ на предложенное Беннигсеномъ перемиріе, былъ присланъ въ нашу главную квартиру адъютантъ маршала Бертье, племянникъ Талейрана, Луи Перигоръ. Онъ былъ принятъ нами очень вѣжливо, но самъ велъ себя нагло, надменно и совершенно неприлично. Въ залу, гдѣ находился Беннигсенъ и многіе генералы съ непокрытыми, конечно, головами, Перигоръ вошелъ въ мѣдвѣжьей шапкѣ, оставался въ ней за обѣдомъ и не снималъ ее до самаго отъѣзда. Все это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, что французскій военный уставъ запрещаетъ снимать шапки и каски офицерамъ, когда на нихъ лядунка, означающая время службы. Но развѣ онъ не могъ снять ее, чтобы снять и шапку? Справедливо порицая подобный поступокъ, противный правиламъ деликатности и общественной вѣжливости, многіе офицеры, въ томъ числѣ

¹⁾ С. М. Соловьевъ „Императоръ Александръ I“ изд. 1877 г., стр. 156 и 157.

²⁾ Записки С. П. Жихарева. „Русскій Архивъ“ 1891 г., № 3. Приложеніе, стр. 359.

и Д. В. Давыдовъ, не сомнѣвались, что поведеніе Перигора было слѣдствіемъ внушеній Наполеона. Съ увлеченіемъ и остроуміемъ, свойственнымъ поэту, Давыдовъ пишетъ: «Какъ знать? легко могло случиться, что, если бы мы сбили шапку съ головы Перигора, (то) изъ головы Наполеона вылетѣло бы и нѣсколько (неудобныхъ для Россіи) статей мирнаго трактата. Дѣло было въ шляпѣ, но мы не хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ»¹⁾.

Поведеніе Перигора вызвало всеобщее негодованіе и нерасположеніе къ французамъ. «Боже мой! пишетъ тотъ же Д. В. Давыдовъ, какое чувство злости и негодованія пробудилось въ сердцахъ нашей братіи, молодыхъ офицерахъ, свидѣтеляхъ этой сцены! Тогда еще между нами не было ни одного космополита; всѣ мы были люди стариннаго воспитанія и духа, православными россиянами, для конхъ оскорбленіе чести отечества было то же, что оскорбленіе собственной чести».

Возникшее нерасположеніе нашихъ офицеровъ къ французскимъ и даже къ самому Наполеону продолжалось во все время мирныхъ переговоровъ. Когда первому баталіону Преображенскаго полка было приказано перейти на лѣвый берегъ Нѣмана, то командиръ его, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ²⁾, не желая видѣть того, что будетъ происходить въ Тильзитѣ, сказался больнымъ и передалъ командованіе баталіономъ полковнику Козловскому³⁾.

Только любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями свиданія двухъ императоровъ привлекало нашихъ офицеровъ въ Тильзитъ. «Общество французовъ намъ ни къ чему не служило, говоритъ Давыдовъ; ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе, — вслѣдствіе тайнаго приказа Наполеона, — привлекать насъ всякаго рода привѣтливостями и вѣжливостію. За привѣтливости и вѣжливости мы платили привѣтливостями и вѣжливостями — и все тутъ».

Возвратясь затѣмъ въ отечество, войска принесли съ собою неудовольствіе и ропотъ. Они недовольны были главнокомандующимъ Беннигсеномъ и результатами трудовъ, положенныхъ ими для поддержанія славы Россіи.

Гдѣ ты дѣвалась, русска слава,
Гремѣвшая столь много гдѣтъ?
Гдѣ блескъ твой, сильная держава,
Которому дивился свѣтъ?...

¹⁾ Собраніе сочиненій Д. В. Давыдова. Изд. 1860 г., ч. II, стр. 245.

²⁾ Вслѣдствіи князь и намѣстникъ Кавказа. Извѣстно, что искони вѣковъ вся фамилія Воронцовыхъ была сторонниками Англіи.

³⁾ „Военно-учен. Арх.“, отд. II, дѣло № 1585. См. также сочин. Шильдера „Императоръ Александръ“, т. II, 188.

О, Беннигсенъ! Ты нашу славу
Затмилъ!— перевернулъ вверхъ дномъ. . ¹)

Такъ говорилъ воинъ-поэтъ, припоминая весь ходъ кампаніи. Беннигсена обвиняли въ безпорядкахъ по продовольствію войскъ, хотя въ этомъ онъ былъ совершенно невиноватъ; обвиняли его въ нерѣшительности дѣйствій, излишней осторожности и скрытности; говорили, что онъ уронилъ дисциплину въ рядахъ арміи, что онъ человекъ не русскій. По заключеніи мира Беннигсенъ, сдавъ армію такому же нѣмцу, какъ онъ, скрылся въ своемъ имѣніи Закретъ, близъ Вильны, и никуда не показывался: во время празднованія мира Петербургъ не видалъ его. «Онъ не могъ быть популяренъ въ войскѣ, говоритъ С. М. Соловьевъ ²), ибо не только носилъ иностранную фамилію, что нисколько не мѣшало ему быть истымъ русскимъ и популярнымъ между русскими, но онъ не владелъ русскимъ языкомъ, не могъ говорить съ солдатами». Въ назначеніи генерала Беннигсена главнокомандующимъ видѣли пристрастіе и явное предпочтеніе, оказываемое императоромъ Александромъ иностранцамъ противу русскихъ. Онъ принужденъ былъ оправдываться и объяснять это необходимою. Когда адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ укорялъ государя въ такомъ пристрастіи, то Александръ отвѣчалъ ему ³):

«Постараюсь доказать вамъ, что самыя ваши возраженія были несправедливы. Про Себастьяни вы выразились: кто онъ такой? и не иноземецъ-ли для Франціи, потому что онъ сардинецъ. Но развѣ это резонъ, чтобы Бонапарте не употреблялъ его для своей службы? Могу-ли я помочь тому, что образованіе у насъ еще такъ отстало, и—до тѣхъ поръ, покуда не сознаютъ нужды, чтобы родители поболѣе о немъ заботились—если бы я не прибѣгалъ къ содѣйствію извѣстныхъ иностранцевъ, дарованія которыхъ испытаны, число способныхъ людей, и безъ того малое, еще уменьшилось бы значительно. Что сдѣлалъ бы Петръ I, если бы не пользовался службою иностранцевъ? Чувствую, что въ то же время въ этомъ есть зло; но это зло меньшее изъ двухъ, ибо можемъ-ли мы отсрочивать событія до тѣхъ временъ, въ которыя наши земляки будутъ находиться на высотѣ всѣхъ тѣхъ должностей, которыя они должны занимать? Все это я сказала вамъ для того только, чтобы доказать, что въ данную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцевъ».

Какъ бы то ни было, но командованіе арміею Беннигсена всѣмъ осуждалось. Интриги въ главной квартирѣ государя и въ таковой же

¹) „Русская Старина“ 1897 г., № 12, стр. 569.

²) С. М. Соловьевъ, „Императоръ Александръ I“. Изд. 1877 г., стр. 137.

³) Отъ 9-го марта 1806 г. „Русская Старина“ 1886 г. № 5, стр. 239.

Беннигсена, неповиновеніе генераловъ главнокомандующему и воровство по продовольственной части, доходившее до того, что обвиняли супругу Беннигсена, будто бы бравшую богатые подарки—все это вызывало неудовольствіе въ войскахъ и въ обществѣ. Не лихоимство, а можно сказать, открытое хищничество многихъ комисариатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ выходило изъ всякихъ предѣловъ и вынудило императора Александра прибѣгнуть къ самымъ строгимъ и почти необычайнымъ мѣрамъ.

«Во время продолжавшейся между Россійскою Имперіею и Франціею войны, писалъ государь военной коллегіи ¹⁾,—кося дѣйствія теперь, благодареніе Всевышнему, прекращены, комисариатскій и провіантскій департаменты не исполнили обязанности своей въ снабженіи и пропитаніи арміи. Храбрыя войска наши часто терпѣли недостатокъ и нужду въ томъ, и въ другомъ, и важныя предпріятія были черезъ сіе останавливаемы ко вреду имперіи нашей. Усердіе и рвеніе къ пользѣ службы управляющихъ сими департаментами не могли имѣть успѣха, ибо большая часть чиновниковъ, имѣющихъ въ виду обогащеніе свое изъ суммъ, имъ ввѣренныхъ, полагали тому непреоборимыя препоны. Съ жадными поставщиками дѣлили они сіе хищеніе и, возвышеніемъ цѣнъ на всѣ припасы увеличивая непомерно расходы, истощевали казну нашу.

«Многія открываются дѣянія ихъ, коими долгъ чести и присяга совсѣмъ нарушены. Столь гнусные поступки возбудили справедливое негодованіе наше и мы повелѣли примѣрно наказать тѣхъ, кои уже оказались и кои еще найдутся виновными въ помянутыхъ преступленіяхъ; всѣмъ же служащимъ въ комисариатскомъ и провіантскомъ департаментахъ запрещаемъ употребленіе общаго армейскаго мундира, изъясняя только изъ сего запрещенія генераль-кригсъ-комисара Обрѣзкова и генераль-провіантмейстера князя Шаховскаго, которые, служивъ съ честію въ полѣ и недавно вступивъ, по волѣ нашей, въ сіе званіе, не имѣли еще времени истребить зла укоренившася. Для вновь вступившихъ въ сіи департаменты достойныхъ и способныхъ людей, а равно для отличающихся трудами и безкорыстіемъ даны будутъ особыя мундиры.

«Мы желаемъ, чтобы оба сіи департамента отъ всѣхъ излишнихъ, праздныхъ и предосудительныхъ людей были очищены, оставя въ оныхъ однихъ тѣхъ, которые дѣйствительно замѣчаются по ревностной службѣ, по своей способности и по непереткновенному поведенію, для чего и

¹⁾ Въ указѣ отъ 28-го іюня 1807 г. изъ Таурогена. Арх. Севаста. Копія съ высочайшихъ повѣлѣній, кн. 293. См. также „Полное Собраніе Законовъ“, т. XXIX, № 22542.

представить намъ немедленно о всѣхъ комисаріатскихъ и провіантскихъ чиновникахъ подробные послужные списки».

Лихоимство чиновниковъ было давно предметомъ осужденія общества, но столь строгой мѣры и огульнаго наказанія всего вѣдомства никто не ожидалъ. Въ частныхъ собраніяхъ осуждали эту мѣру правительства, а И. А. Крыловъ, въ своей баснѣ «Хозяинъ и мыши», поучалъ невѣдующихъ и неопытныхъ:

Коль въ домѣ стануть воровать,
 А нѣтъ прилики вору,
 То берегись клепать,
 Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
 Ты вора этимъ не уймешь
 И не исправишь,
 А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
 И отъ меньшей бѣды въ большую попадешь.

 . . . Чѣмъ бы вора подстеречь,
 И наказать его, а правыхъ побережь,
 Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
 Услыша приговоръ такой замисловатый,
 И правый тутъ, и виноватый
 Скорѣ со двора долой ¹⁾).

Дѣйствительно многіе чиновники немедленно подали въ отставку, не желая нести общаго, ими не заслуженнаго наказанія. Тогда гр. Аракчеевъ, только что вступившій въ управленіе военнымъ министерствомъ, опасаясь, чтобы и небольшое число честныхъ людей не оставило службы, испросилъ высочайшее повелѣніе, чтобы чиновниковъ провіантскаго и комисаріатскаго департаментовъ не увольнять въ отставку до тѣхъ поръ, пока департаменты эти не отдадутъ по своему вѣдомству надлежащихъ отчетовъ ²⁾. Въ обществѣ стали говорить, что распоряженіе это нарушаетъ права дворянской грамоты и лишаетъ возможности людей честныхъ и исправныхъ, выходямъ въ отставку, смѣть съ себя пятно, наложенное на нихъ незаслуженно.

Неудовольствіе не ограничивалось однимъ этимъ; оно шло гораздо дальше и лежало въ тѣхъ условіяхъ и обязательствахъ, которыя были положены въ основанія мирнаго трактата.

По мнѣнію Н. М. Карамзина, не слѣдовало принимать другого мира «кромѣ честнаго», безъ всякаго обязательства расторгнуть выгодныя для насъ торговыя связи съ Англіею и воевать съ Швеціею, въ

¹⁾ „Полное собраніе басенъ Крылова“, изд. 1895 г., стр. 67 и 68.

²⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“, ч. III, стр. 21. См. также „Рус. Архивъ“. 1874 г., т. I, стр. 500.

противность святѣйшимъ уставамъ человѣчества и народнымъ. Безъ стыда могли бы мы отказаться отъ Европы, но безъ стыда не могли служить въ ней орудіемъ Наполеоновымъ, обѣщавъ извѣститъ Европу отъ его наслія.

Ни теперъ, ни впослѣдствіи, Карамзинъ не могъ простить Александру I образованія герцогства Варшавскаго. «Лучше было согласиться, говорить онъ ¹⁾, чтобы Наполеонъ взялъ Швецію, самый Берлинъ, нежели признать Варшавское герцогство». Не одно признаніе, но и мысль объ образованіи герцогства лежала на душѣ Александра I. Польша служила для Наполеона не цѣлью ея возстановленія, а только средствомъ для достиженія различныхъ преслѣдуемыхъ имъ политическихъ видовъ.

О возстановленіи Польши онъ никогда не думалъ, а мечталъ объ этомъ, съ юности своей; русскій императоръ, считавшій раздѣлъ Польши дѣломъ несправедливымъ. Его стѣсняло только то, что для полнаго ея возстановленія пришлось бы отнять отъ Пруссіи коренныя польскія области, доставшіяся ей по послѣднему раздѣлу. Но въ Тильзитѣ императору Александру представился удобный случай, при помощи Наполеона, такъ сказать его рукою, стать истиннымъ и единственнымъ творцомъ Варшавскаго герцогства ²⁾.

Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ русскій императоръ игралъ въ руку Наполеона, создавая ему выгодный базисъ, для удержанія Россіи отъ непріязненныхъ дѣйствій въ томъ случаѣ, если бы она перешла на сторону враговъ Франціи. Въ интересахъ Наполеона было ослабленіе всякими средствами могущественнаго союзника, и потому онъ не только охотно согласился, но и содѣйствовалъ возстановленію герцогства Варшавскаго.

Такъ судили русскіе люди, и нельзя сказать, чтобы они были неправы. Намъ, непринимавшимъ участія, необходимо оцѣнивать событія съ точки зрѣнія современниковъ и стать въ ихъ положеніе. Нельзя предположить, что наши предки были все люди слѣпые, не могшіе стать въ уровень съ событіями и оцѣнить ихъ. Они сознавали, что Наполеонъ не можетъ остаться въ покоѣ и не перестанетъ воевать, пока не сломитъ себѣ шею; но прежде, чѣмъ это случится, пройдетъ еще нѣсколько томительныхъ лѣтъ, полныхъ тревоги и опасностей, и будущее въ своемъ теченіи поставитъ Россію въ еще болѣе трудное положеніе. Были и такіе, которые вѣрили въ неизбѣжность вторженія Наполеона въ Россію и спрашивали, зачѣмъ отсрочивать время, предоставлять

¹⁾ Въ запискѣ о древней и новой Россіи. „Русскій Арх.“ 1870 г., т. II, 2279.

²⁾ Подробности см. у Н. К. Шильдера: „Императоръ Александръ I“, т. II, стр. 199.

ему полное господство въ Европѣ, давать средства усиливаться и! усложнять политическое положеніе Россіи—лучше покончить сразу.

«Еще въ 1805 году, говоритъ С. Н. Глинка ¹⁾, когда Наполеонъ, по занятіи Вѣны, передъ портретомъ Маріи-Терезіи упрекалъ Австрію въ утратѣ древней славы германцевъ, я говорилъ моимъ знакомымъ, что и до Москвы дойдетъ очередь завоеванія». Въ 1806 году это предчувствіе обратилось у Глинки въ убѣжденіе; онъ написалъ объ этомъ письмо и, передавая его своему пріятелю, сказалъ:

— Наполеонъ будетъ въ Москвѣ; вотъ письмо о томъ. Если умру или паду подъ знаменами ратными, то прочитай слова мои нашимъ знакомымъ. Я не пророкъ и не суюсь въ пророки, но есть времена, когда будущее сливается съ настоящимъ. Сердце вѣщунъ: оно опережаетъ предположенія и рассчетъ.

«У Дашкова за обѣдомъ, писалъ англичанинъ Пойль ²⁾, въ январѣ 1806 года,—какъ и въ-частую было много споровъ про то, про сѣ, много говорили о Наполеонѣ, о быточныхъ или несбыточныхъ мечтахъ его: быть въ Москвѣ или Петербургѣ. Князь (Дашковъ) не отрицалъ этихъ намѣреній военнаго счастливца, но утвердительно прорекъ ему гробъ въ Россіи. Надобно было видѣть то ваше дворянство, которое тутъ находилось! По ихъ слову душе в н о м у теперь вѣрю, что Наполеонъ въ войнѣ съ русскими людьми проспоритъ многое».

Такіе-то люди и осуждали поспѣшность, съ которою былъ заключенъ Тильзитскій миръ и тѣ обязательства, которыя приняла на себя Россія.

— Очень хорошо помню, говорятъ А. П. Бутеневъ ³⁾, что столица была опечалена не столько неудачею нашихъ войскъ, какъ быстрымъ заключеніемъ мира, который считался унижительнымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что трактатъ подписанъ былъ 27-го іюня, въ самую годовщину славной побѣды, которую ровно 98 лѣтъ назадъ Петръ Великій одержалъ при Полтавѣ. Общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлалось крайне враждебно къ Наполеону, и императоръ Александръ, несмотря на любовь къ нему народа, былъ холодно встрѣченъ въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Тильзита.

Подъ впечатлѣніемъ только что заключеннаго мира Г. Р. Державинъ написалъ оду и представилъ ее императрицѣ, но Александръ не разрѣшилъ ее напечатать потому, что Наполеонъ изображенъ былъ

¹⁾ „Записки С. Н. Глинки“, изд. 1895 г., стр. 196.

²⁾ Въ письмѣ къ Макарову. „Литературный вечеръ“. Москва, изд. 1844 г., стр. 258.

³⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русскій Арх.“ 1881 г., кн. III (1), 46.

алчнымъ завоевателемъ, а Александръ — миротворцемъ. Впослѣдствіи (въ 1815 году), отправляя копию съ оды Мерзлякову для напечатанія, Державинъ писалъ ему:

«Миръ былъ не весьма выгоденъ, радоваться было можно, какъ просто сказать, съ оглядкою, а для того и не могъ я предаться полному вдохновенію; а какъ боецъ, спешій съ поля сраженія, хотя показывался торжествующимъ, но, будучи глубоко раненъ, изливаль радость свою съ нѣкоторымъ уныніемъ».

По словамъ Ѳ. В. Булгарина, миръ «приводилъ въ отчаяніе русскихъ патріотовъ. Наше народное самолюбіе было тронуто, и война съ Англіей не могла возбудить энтузіазма, не представляя никакихъ пользъ и видовъ и лишая насъ выгодъ торговли. Вотъ что породило общій ропотъ» ¹⁾.

Ропотъ овладѣлъ почти всѣми, кто заглядывалъ въ ближайшее будущее. На такихъ лицъ миръ произвелъ самое удручающее впечатлѣніе: въ союзъ съ Наполеономъ видѣли только одно порабощеніе и даже признаніе его власти надъ собою. Возмущенный такимъ положеніемъ дѣлъ, жившій въ то время въ Англіи графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ предлагалъ, чтобы лица, подписавшія мирный договоръ, совершили торжественный вѣздъ въ Петербургъ на ослахъ.

«Il n'y a, писалъ онъ ²⁾, que messieurs Kourakin et Labanoff qui ont signé le traité et m-r Budberg, qui a contresigné la ratification, qui auraient du parader dans une entrée solennelle, montés sur des ânes».

— Странная судьба моя! говорилъ вскорѣ послѣ того князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій. Живу себѣ преспокойно на своемъ винномъ заводѣ и занимаюсь хозяйствомъ. Вдругъ получаю высочайшее повелѣніе явиться въ армію и тутъ же подписываю прелиминаріи Тильзитскаго мира.

— Да, въ самомъ дѣлѣ очень странно,—замѣтилъ ему Ѳедоръ Ивановичъ Киселевъ;—если бы послѣ подписанія этихъ прелиминаріи сослали васъ на заводъ, то это было бы понятнѣе ³⁾.

Неприятно было, конечно, выслушивать подобное замѣчаніе, но таково было тогдашнее настроеніе общества. Мысль о мщеніи и народная ненависть къ Наполеону росли ежедневно. «Чувство ненависти къ французамъ послѣ Тильзитскаго мира, пишетъ К. А. Полевой ⁴⁾, было во всѣхъ мыслящихъ русскихъ».

¹⁾ Воспоминанія Ѳ. В. Булгарина. Ч. III, стр. 327.

²⁾ Письмо графа С. Р. Воронцова къ сыну его М. С. Воронцову отъ 1-го октября нов. ст. 1807 г. „Арх. кн. Воронцова“, кн. XVII, стр. 172.

³⁾ „Полное собраніе соч. кн. Вяземскаго“, т. VII, стр. 98.

⁴⁾ Записка Ксеноф. Алексѣев. Полевого „Историческій Вѣстникъ“ 1887 г., № 6, стр. 541.

«Ненависть моего отца, говоритъ И. А. Арсеньевъ ¹⁾, къ Бонапарту не имѣла границъ, а когда произносили имя узурпатора, онъ, изъ самаго добродушнаго, сердечнаго человѣка превращался въ лютаго звѣря. У отца было двѣ собаки: одна прозывалась Жозефинкой, а другая—Наполеонкой; такимъ невиннымъ выраженіемъ негодованія къ Наполеону онъ успокаивалъ себя. До мозговъ костей легитимистъ, онъ не могъ допустить мысли, чтобы кромѣ законнаго наследника, родившагося на престолѣ, могъ кто-нибудь другой занять этотъ престолъ.

— Наслѣдственный монархъ, говоритъ онъ, не можетъ быть пристрастенъ, не можетъ никого ненавидѣть уже потому, что по своему положенію не можетъ имѣть личныхъ враговъ. Законному монарху не для чего хитрить и лукавить; между тѣмъ какъ узурпаторы прежде всего принуждены платить жирно тѣмъ, которые помогали имъ сѣсть на престолъ. Они невольно должны лгать и обманывать народъ. Всѣ узурпаторы мошенники, проходимцы, грабители и воры.

Ненависть къ Наполеону была такъ сильна, что провинція, вообще мало читавшая, пополняла свои жиденькія бібліотеки исключительно сочиненіями его осуждавшими. Авторъ статьи «Кое-что изъ прошлаго» упоминаетъ объ одной изъ такихъ бібліотекъ. «Заглавіи книгъ теперь не припомню, говоритъ онъ ²⁾, но хорошо помню ихъ содержаніе, потому что мнѣ давали читать ихъ. Дѣло въ томъ, что сколько разъ я ни принимался за нихъ, всегда находилъ одно и то же—неистовыя ругательства на Наполеона: и воръ онъ, и разбойникъ, и сатана, и самъ, наконецъ, антихристъ».

«Тильзитскій миръ, пишетъ А. С. Шишковъ ³⁾, уничижилъ чело могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для нея условій, превратившихъ презираемаго доселѣ и страшившагося насъ Бонапарта въ грознаго Наполеона. Онъ принудилъ насъ, а за нимъ уже другія державы, какъ-то Австрію, Пруссію и проч. не только признавать себя французскимъ императоромъ, но даже сдѣлаться нѣкоторымъ образомъ повелителемъ и господиномъ надъ всѣми. Посоль его Коленкуръ ⁴⁾, прибывшій въ Петербургъ, былъ первѣйшею въ немъ особою, едва не считавшею себя наравнѣ съ Александромъ I».

Въ общемъ было мало такихъ лицъ, которыя одобряли заключенный союзъ. «Кто бы могъ вообразить, писалъ анонимный авторъ ⁵⁾, что

¹⁾ „Слово живое о неживыхъ“. „Историч. Вѣстн.“, 1887 г. т. XXVII, № 1, стр. 72.

²⁾ „Русскій Арх.“ 1879 г., т. II, 228.

³⁾ Записки А. С. Шишкова. Берлинское изданіе, т. I, стр. 95.

⁴⁾ О поведеніи Коленкура будетъ сказано впоследствии.

⁵⁾ Письмо это было написано изъ Москвы отъ 22-го ноября 1807 г. отъ

нашъ императоръ заключить союзъ съ начальникомъ гильотины, съ величайшимъ убійцею и недостойнѣйшимъ тираномъ, какой едва-ли когда существовалъ... Я вижу ясно, что начальникъ общества гильотины разорить эту страну».

Такого разоренія больше всего боялось дворянство. Оно было особенно сильно встревожено сближеніемъ двухъ императоровъ и, зная характеры ихъ, не сомнѣвалось, что Александръ будетъ уступать и въ концѣ-концовъ подчинится Наполеону; что въ будущемъ предстоятъ новыя жертвы, налоги и всѣ тягости, неизбѣжныя съ войнами. Среди такихъ опасеній, 24-го октября 1807 года было объявлено о разрывѣ мира съ Англіей.

«Чѣмъ болѣе императоръ Всероссийскій цѣнилъ дружбу его величества короля Великобританскаго, сказано было въ деклараціи ¹⁾, тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ видѣлъ, что монархъ сей совершенно отъ нея удаляется». Удаленіе это видѣли въ томъ, что въ двукратныхъ войнахъ Россіи съ Наполеономъ, послѣдствія которыхъ должны были отразиться и на Англіи, она, несмотря на предложенія, отказалась отъ всякаго содѣйствія. «Не къ соединенію войскъ ея съ русскіими она была призываема, но чтобы произвести диверсію; къ удивленію его величества, въ собственномъ ея дѣлѣ она пребывала въ бездѣйствіи». Оставаясь, по словамъ деклараціи, равнодушною къ тому, что происходило въ большей части Европы, Англія отправила часть своихъ войскъ для овладѣнія Буеносъ-Айресомъ, а другую—для овладѣнія Египтомъ. Нарушая существующіе трактаты Англія угнетала торговлю русскихъ подданныхъ, и въ какое время?—«когда кровь россиянъ проливалась въ знаменитыхъ сраженіяхъ, гдѣ противъ войскъ его величества были направлены и удерживаемы всѣ воинскія силы императора французскаго, съ коимъ Англія была, какъ и теперь еще находится, въ войнѣ».

Несмотря на все это, сказано было въ деклараціи, императоръ Александръ предложилъ свое посредничество въ примиреніи Англіи съ Франціею, но англійское министерство не только отвергло такое предложеніе, но отправило свой флотъ и войско къ берегамъ Даніи, «чтобы произвести насиліе, коему равнаго во всей исторіи, толико во всѣхъ примѣрахъ обильной, найти трудно». Все это побудило русское правительство прервать всякое сношеніе съ Англіей, отозвать свое посольство и объявить, что уничтожаются навсегда всѣ акты до сего времени заключенные съ Англіею и что миръ не будетъ возстановленъ до тѣхъ

Флори къ Караше, но по разслѣдованію оказалось, что обѣ фамиліи вымышленныя. Дѣла комитета 1807 г.

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ, т. XXIX, № 22,653.

поръ, пока не будутъ удовлетворены русскіе подданные и Данія во всѣхъ справедливыхъ ихъ претензіяхъ.

«Когда, говорилось въ заключеніе, его величество императоръ Всероссийскій удовлетворенъ будетъ во всѣхъ вышеозначенныхъ отношеніяхъ и именно въ отношеніи мира между Франціею и Англіею, безъ коего ни одна держава въ Европѣ не можетъ предвѣщать себѣ постоянной тишины—тогда его величество съ удовольствіемъ паки восприметъ дружественныя съ Великобританіею сношенія».

Черезъ четыре дня послѣдовалъ указъ министру комерціи ¹⁾, о наложеніи эмбарго на всѣ англійскія суда и товары и запрещеніи англичанамъ продавать, закладывать и передавать въ другія руки недвижимыя имущества.

Извѣстіе о разрывѣ съ Англіею произвело самое невыгодное впечатлѣніе на общество. Финансовое разстройство должно было еще болѣе увеличиться и всякая виѣшняя торговля прекратиться.

«Въ это время, говоритъ Ф. Вигель ²⁾, внезапный упадокъ государственнаго кредита производилъ чрезвычайное уныніе и какъ будто оправдывалъ жалобы людей, болѣе другихъ вопіявшихъ противъ союза съ Наполеономъ... Ассигнаціонный рубль, который въ сентябрѣ еще стоилъ 90 копѣекъ серебромъ, къ 1-му января 1808 года упалъ на семьдесятъ пять, а весною давали за него только 50 копѣекъ серебромъ. Для помѣщиковъ, владѣльцевъ домовъ и купечества такое пониженіе курса не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо цѣны на всѣ продукты въ той же мѣрѣ стали возвышаться. Для капиталистовъ же и людей живущихъ однимъ жалованьемъ было сущимъ разореніемъ...»

Недовольство росло «и вотъ эпоха, замѣчаетъ тотъ же Вигель, въ которую нѣжнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды—въ чувство какого-то омерзенія».

Низшій классъ служащихъ чиновниковъ и простой народъ относились къ Наполеону весьма непріязненно и, несмотря на официальное признаніе его императоромъ, называли его не иначе какъ Бонапартиемъ. Провинція еще не забыла, какъ, въ 1806 году, съ амвоновъ сельскихъ церквей называли его антихристомъ, какъ для борьбы съ нимъ ставили подводы, милиціонеровъ и рекрутовъ—и имя Бонапартія стало ненавистнымъ и извѣстнымъ во всѣхъ уголкахъ Россіи. На почтовой станціи одной изъ отдаленныхъ губерній Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ замѣтилъ въ комнатѣ смотрителя портретъ Наполеона приклеенный къ стѣнѣ.

¹⁾ Отъ 28 октября 1807 г. Тамъ же № 22,664.

²⁾ Записки Ф. Вигеля, т. III, стр. 21.

— Зачѣмъ держишь ты у себя этого мерзавца?—спросилъ онъ смотрителя.

— А вотъ зачѣмъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ смотритель, — что если неравно Бонапартій, подъ чужимъ именемъ или съ фальшивою подорожною, прійдетъ на мою станцію, я тотчасъ по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу да и представлю начальству.

— А, это другое дѣло! — сказалъ довольный такимъ отвѣтомъ Пушкинъ¹⁾.

Къ такому настроенію общества присоединились толки о беспорядкахъ во внутреннемъ правленіи и тяжеломъ экономическомъ положеніи государства. Неудовольствіе сдѣлалось всеобщимъ. Оно не было временнымъ или мимолетнымъ, но продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ, почти до Отечественной войны.

Въ ноябрѣ 1808 года М. Л. Магницкій писалъ императору Александру²⁾: «Общее мнѣніе въ Россіи взяло съ нѣкотораго времени направленіе противъ правительства. Порицать все, что правительство дѣлаетъ, осуждать и даже осмѣивать лица его составляющія, давать предчувствовать, подъ видомъ нѣкоторой тайственности, важныя послѣдствія отчаяннаго якобы положенія вещей — сдѣлались модою или родомъ обычая, отъ самаго лучшаго до самаго низкаго общества... Обычай или духъ сей столь открыто усиливается и умами совершенно овладѣть стремится, что хвалить правительство, оправдывать поступки его значить выставлять себя какъ бы его наемникомъ.

«Пагубный духъ сей изъ одной столицы перешелъ въ другую.

«Письма, въ Москву отправляемыя, и пріѣзжіе изъ Петербурга непрестанно наполняютъ ее слухами для правительства вредными. Слухи же сіи, не взирая на нелѣпость ихъ, съ жадностью внимаются и распространяются съ чрезмѣрною быстротою въ обширномъ городѣ, составленномъ по большей части изъ людей праздныхъ или отставныхъ и дворянъ недовольныхъ и почитающихъ себя независимыми отъ правительства потому только, что подъ благотворною его сѣнію пользуются достаточными имуществами, которое оно же имъ охраняетъ.

«Изъ древней столицы сей, куда каждую зиму съѣзжается со всѣхъ концовъ Россіи богатѣйшее дворянство, гибельная мода порицать правительство переходитъ въ провинціи, тревожитъ добрыхъ гражданъ, служитъ пагубнымъ для злыхъ орудіемъ и благотворную довѣренность къ правительству, въ важныхъ положеніяхъ его столь драгоценную, въ основаніи ея и повсемѣстно колеблетъ».

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1874 г., т. II, стр. 193.

²⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ подъ заглавіемъ: „Нѣчто объ общемъ мнѣніи въ Россіи и верховной полиціи“. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета, 1826 г. № 25.

И вотъ при такихъ условіяхъ стало ходить по рукамъ письмо, будто бы поданное императору Александру.

Письмо это было слѣдующаго содержанія ¹⁾:

«Государь! При вступленіи вашего императорскаго величества на престолъ, торжественное обѣщаніе, данное вами народу, управлять по духу и сердцу августѣйшей бабки вашей, наполнило сердца вашихъ подданныхъ блистательной надеждой, ожиданіями и приобрѣло всеобщую къ вамъ привязанность. Кто могъ безъ восторга взирать на юнаго монарха, врага роскоши, суетнаго тщеславія, хранящаго святость государственныхъ постановленій, возобновляющаго преимущество Сената, подтверждающаго права сихъ первыхъ подпоръ государства, кои приобрѣли всеобщее уваженіе.

«Руководствуясь сими надежными правилами, вы слѣдовали стезею истиннаго величія: уничтоженіе тайной экспедиціи, намѣреніе преобразовать Гражданское Уложеніе, подтвержденное терпимостью вѣръ, строгая экономія во всѣхъ излишнихъ издержкахъ, неограниченная щедрость на все то, что истинно полезно для государства, прибавка жалованья офицерамъ, устроеніе городовъ, портовъ, каналовъ; покровительство и учрежденіе новыхъ челоѣколюбивыхъ заведеній, поощреніе наукъ, торговли и промышленности, милосердіе и справедливость въ управленіи— вотъ права на всеобщую любовь подданныхъ.

¹⁾ Одинъ изъ списковъ этого письма напечатанъ въ „Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей“ (1873 г., кн. III, стр. 154) и отнесенъ къ апрѣлю 1812 года, что неѣдино. Письмо это появилось вскорѣ послѣ Тильзитскаго договора, распространилось во множествѣ экземпляровъ и ходило отъ имени разныхъ лицъ: сенатора Теплова, гр. Маркова, Н. С. Мордвинова, В. С. Попова и даже графа Расгочина. Вотъ что писалъ собственноручно императоръ Александръ графу Николаю Ивановичу Салтыкову изъ Вильно отъ 13-го мая 1812 года: „При семъ возвращаю журналъ комитета 13-го января 1807 года. Равноѣрно прилагаю здѣсь записку, присланную отъ С. К. Вязмитинова, со вложеніемъ въ оную письма довольно дерзкаго. Нужно добратъся подробно, кто сочинитель подобныхъ бумагъ. Сіе письмо уже дошло до меня и другимъ путемъ, какъ равно и другое, здѣсь приложенное отъ имени сенатора Теплова. Оно не новое и нѣсколько лѣтъ уже ходило подъ подписью Маркова. Желательно весьма обратитъ на сія предметы должное вниманіе. При семъ прилагаю также рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его нужно обратитъ въ комитетъ 13-го января. Наконецъ записку о толкахъ, ходящихъ по Петербургу единственно для соображеній“. (См. Арх. Госуд. Совѣта. Дѣло комитета 1807 г., 1812 г., № 5). Распространенное во множествѣ экземпляровъ письмо это списывалось и искажалось людьми малограмотными, пропускавшими и измѣнявшими текстъ такъ, что нѣтъ возможности отыскать подлинникъ. Въ нашемъ распоряженіи пять копій—всѣ видоизмѣненные и несходящіеся между собою. Мы помѣщаемъ здѣсь болѣе полный и менѣе искаженный текстъ.

«Ваше императорское величество снискали сіе въ первыя лѣта вашего царствованія. Въ семъ благополучномъ положеніи учреждены министерства, которыя хотя по существу дѣлъ и были раздѣлены на разные департаменты, но соединенныя въ общій комитетъ министровъ, подъ благотворительнымъ вліяніемъ монарха, должныствовали быть душою правленія и средоточіемъ всѣхъ властей. Таковое учрежденіе, по очевидной пользѣ своей, безъ сомнѣнія было пріятно для народа. Послѣдующія постановленія уничтожили смыслъ и справедливость по этой части.

«Но вашему императорскому величеству болѣе всѣхъ извѣстно, сколько много удалось учрежденіе сіе отъ предмета перваго своего основанія, и сіе ясно доказываетъ, что при началѣ царствованія вашего руководствовались вы правилами мудрыхъ наставниковъ вашихъ, и которые, какъ кажется, къ несчастью, изглажены изъ памяти вашей. Самый опытъ показалъ, какъ нужна въ государственныхъ постановленіяхъ твердость и сколь опасны въ такихъ случаяхъ неполныя мѣры, принятыя съ нерѣшительностью и недовѣрчивостью; сколь нужно государю величіе души, мужество и твердость и сколь опасенъ ему робкій духъ.

«Минута, въ которую осмѣливаюсь призывать ваше императорское величество обратить вниманіе на пользу народа вашего, есть можетъ быть послѣдняя, для предупрежденія ужаснаго и неизбѣжнаго бѣдствія, угрожающаго какъ любезному отечеству, такъ и лицу перваго повелителя его, равномѣрно какъ и послѣднему изъ подданныхъ.

«Уже время, государь, оставить безпечность, скрывающую отъ насъ предстоящія бѣдствія. Мудрость состоитъ въ томъ, чтобы предупредить оныя. Не время закрывать завѣсою будущее и быть довольнымъ тѣмъ, чтобы судьба наша на нѣсколько времени еще не совершилась. Обратите взоры на то, что происходитъ внутри государства, въ столицахъ вашихъ и даже вокругъ собственной особы вашей. Горестными опытами удостовѣритесь, что одни измѣнники и низкія души могутъ скрывать бездну, разверстую передъ вами. Только соединенныя усилія мудрости, осторожности, любви и усердія къ отечеству могутъ исторгнуть Россію изъ бездны, въ которую надменность, невѣжество, коварство и всеобщее развращеніе нравовъ ее ввергнули.

«Наконецъ обнародованъ сей миръ, бывшій столь долгое время тайною для націи. Новый союзникъ вашъ поспѣшилъ открыть въ публичныхъ листахъ бѣдствія, которыми онъ намъ угрожалъ. Блистательный вѣкъ славы, когда Россія давала всѣмъ законы, хотя уже прошелъ, но сыны Россіи скорѣе рѣшились бы пожертвовать послѣднею каплею крови, нежели столь постыднымъ образомъ преклонить выю подъ иго того, который имѣлъ только то преимущество, что воспользовался слабостью начальниковъ, ихъ невѣжествомъ и измѣною. Никогда бы я не дерзнулъ

быть голосомъ, изрекающимъ ужасныя истины, если-бы не могъ вмѣстѣ съ ними предложить средства къ облегченію ихъ.

«Всеобщее негодованіе, столь ясно выражающее духъ народа, открывая опасность, коя предстоитъ отечеству, обнаруживаетъ все, что ваше императорское величество можете ожидать отъ великодушнаго вашего народа, если будете шествовать по блистательной дорогѣ, проложенной вашими знаменитыми предками.

«Позвольте, государь, усердію моему исполнить священную обязанность; позвольте говорить съ тою откровенностью и безпристрастіемъ, которыхъ имѣете право ожидать отъ вашего вѣрноподданнаго; позвольте представить въ настоящемъ видѣ положеніе государства, напомнить данныя вами обѣщанія отечеству и показать плоды ихъ.

«Ежели ваше императорское величество удостоите обратить взоръ на дѣйствія правленія, какая ужасная картина всеобщаго разстройства представится очамъ истиннаго сына отечества и отеческому вашему сердцу. Моровая язва, опустошившая Грузію и Астраханскую губернію, приближается къ нашимъ границамъ и угрожаетъ даже распространеніемъ внутри государства; возмущеніе всѣхъ кочующихъ народовъ отъ Астрахани до китайскихъ предѣловъ обитающихъ, почти всеобщее; прекращеніе внутренней и вѣшной торговли; неповиновеніе уральскихъ казаковъ и работниковъ на пермскихъ желѣзныхъ заводахъ. Крестьяне въ нѣмецкихъ провинціяхъ ожидаютъ только перваго знака къ бунту. Жиды, притѣсняемые въ гражданскомъ ихъ существованіи безъ всякой основательной причины, побуждаемые вѣшнимъ вліяніемъ, готовы предпринять все противъ такого правительства, которое съ ними одними нарушаетъ терпимость вѣры. Польскіе крестьяне, ободренные примѣромъ ихъ соотечественниковъ, которымъ дана свобода, также желаютъ расторгнуть цѣпи, ихъ угнетающія. Крымскіе татары готовы соединиться съ турками. Необыкновенная дороговизна въ столицахъ, голодь въ пограничныхъ губерніяхъ, недостатокъ людей, похищенныхъ отъ земледѣлія рекрутскимъ наборомъ и сборомъ милиціи. Отъ сѣвера къ югу во всѣхъ губерніяхъ, всѣ классы подданныхъ огягощены и разорены податями и налогами; дворянство, духовные, купцы, крестьяне одинаково исполнены чувствами негодованія и отчаянія—всѣ рошцуть. Къ единому терпѣнію должно приписать спокойствіе народа, чѣмъ народъ русскій издревле отличался отъ прочихъ. Истощеніе финансовъ двумя войнами, отъ одного невѣжества несчастными, патріотическія пожертвованія, собранныя уже по окончаніи войны и истраченныя безъ всякой пользы; чрезвычайное умноженіе ассигнацій и средства къ государственнымъ доходамъ уничтожаются безпрестанно разореніемъ крестьянъ... Настоящія государственныя потребности неудовлетворены отъ ненасытимой алчности грабителей, которыхъ, кажется, само правительство ободряетъ.

«Армія потеряла прежній духъ свой чувствуя, что пролито столь много крови бесполезно: она не имѣетъ начальника, къ которому могла бы имѣть совершенное довѣріе, презираетъ тѣхъ, коихъ одна личная привязанность и благосклонность монарха поддерживаетъ противъ общаго мнѣнія и возводитъ въ достоинство не за заслуги. Притомъ же видитъ себя побѣжденною и принужденною со стыдомъ отступать на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде въ маломъ числѣ, подъ предводительствомъ Румянцева, Репнина и Суворова, поражало тьмучисленные непріятельскія ополченія. Вновь укомплектованная рекрутскими наборами армія безъ повиновенія, безъ правилъ настоящаго устройства, терпитъ попеременно недостатокъ то въ провіантѣ, то въ оружіи, то въ военныхъ снарядахъ. Милиція, обманутая въ справедливой довѣренности ея къ торжественному обѣщанію монарха, бывъ образована только на время войны, на послѣдокъ употреблена на укомплектованіе армій, какъ обыкновенные рекруты. Обѣщаніе монарха, торжественно данное подданнымъ своимъ, должно быть соблюдаемо имъ столь же свято, какъ и клятвенное обѣщаніе подданнаго ему. Можетъ ли народъ имѣть довѣренность къ монарху, обманувшему его.

«Морскія наши силы еще болѣе разстроены, нежели армія: вмѣсто флота мы имѣемъ одну только эскадру Сенявина, и морской департаментъ заслуживаетъ сіе имя потому только, что стоитъ государству чрезвычайныхъ и бесполезныхъ издержекъ. Сенявинъ, заслужившій своею храбростію и поведеніемъ всеобщее уваженіе народа, притѣсняемъ и нетерпимъ потому только, что онъ воспитанникъ Мордвинова, того Мордвинова, который любитъ говорить правду монарху. Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ властвовали россійскіе флоты, нынѣ россійскій флотъ не смѣетъ показаться.

«Департаментъ иностранныхъ дѣлъ, управляемый при заключеніи мира иностранцемъ, оставилъ отечеству по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что не русскаго имя будетъ покрыто вѣчнымъ посрамленіемъ.

«Духовные привлекли на себя пренебреженіе народа ненавистію и ругательствами, которыхъ требовалъ отъ нихъ патріотизмъ противъ врага отечества.

«Если внутреннее положеніе Россіи возбуждаетъ справедливое опасеніе, то и внѣшнія отношенія ея не представляютъ ничего утѣшительнаго.

«Новый союзникъ вашъ, не довольствуясь тѣмъ, что проникъ въ тайны кабинета вашего и что умѣлъ обольстить приближенныхъ къ вамъ, но и по самымъ отдаленнымъ провинціямъ имѣетъ лазутчиковъ, которые, какъ вамъ уже извѣстно, были открыты и представлены вашему величеству. Не ясно ли тѣмъ обнаруживаются коварные его замыслы, на пагубу отечества нашего совершаемые, и которые война съ Испа-

нею заставила его на нѣкоторое время отложить. Уже болѣе нѣтъ у насъ союзниковъ: они всѣ увлечены тщетными обѣщаніями въ гибельную войну, обольщены пустыми надеждами и оставлены безъ всякаго вниманія. Государи и народы Австріи, Англіи, Пруссіи и Швеціи и короли неаполитанскій, сардинскій, фамилія Бурбоновъ, греки, черногорцы, славяне, республика семи соединенныхъ острововъ, отданы французамъ противъ всякаго права и имѣютъ неоспоримое право сдѣлать намъ укоризну.

«Между тѣмъ, война съ турками производится такъ, какъ-будто только теперь начата и съ великою для насъ потерей какъ людей, такъ и денегъ. Въ Персіи война продолжается также безъ всякаго успѣха. Англія и Швеція угрожаютъ намъ важными безпокойствами. Наполеонъ же, слѣдуя обыкновенной своей методѣ, пронырствами своими старается привести въ разстройство всѣ части въ государствѣ, самъ будучи готовъ всегда напасть на насъ открытою силою. Его средства безпрестанно увеличиваются, а мы лишаемся способовъ противостать ему.

«Итакъ, отрекшись отъ прежняго нашего достоинства, отъ прежнихъ нашихъ союзниковъ, отъ надежды кончить войну побѣдою, мы подверглись вѣчнымъ безпокойствамъ, пожертвованіямъ и опасностямъ.

«Вотъ, государь, ужасное, но вѣрное изображеніе нашего критическаго положенія. Государство достигло почти до верха возможнаго несчастья, но средства къ исправленію еще въ вашихъ рукахъ. Первѣйшее преимущество, полученное вами въ наслѣдство отъ предковъ, есть стоять всегда выше обстоятельствъ. Среди самыхъ величайшихъ бѣдствій Петръ I сдѣлалъ прочное основаніе славы своей и благосостоянія народа.

«Государь! будьте столь же велики, какъ и ваши предки, предшественники. Кормило правленія должно быть въ рукахъ героя; при настоящихъ обстоятельствахъ нужно мужество.

«Государь! Украсьте себя добродѣтелями, наслѣдственными въ вашей фамиліи, послѣдуйте примѣру августѣйшей бабки вашей, имѣйте неограниченную привязанность и совершенную довѣренность къ вашему народу и предпочтите его всему прочему. Отдайте отъ себя толпу иностранцевъ, которые подобно хищнымъ вранамъ питаются ранами отечества нашего. Вы всего можете ожидать отъ истинныхъ русскихъ. Одушевитесь ихъ духомъ и будьте сильны ихъ силою и мужественны ихъ мужествомъ; гордитесь ихъ славою—и признательное потомство причислитъ васъ къ числу великихъ государей, на пользу отечества царствовавшихъ.

«Положитесь болѣе всего на дворянство, на сію истинную подпору трона вашего, на то сословіе, которое поставляетъ себѣ всегда преимуществомъ пролить кровь за отечество, признаетъ государя своимъ по-

кровителемъ и гордится его довѣренностью. Въ сей взаимной довѣренности государя къ дворянству, а дворянства къ государю найдете надежные способы соединить членовъ правленія, одушевить ихъ однимъ духомъ и стремленіемъ къ общей цѣли. Тогда каждый гражданинъ поставитъ себѣ священною обязанностью и честью всѣми силами содѣйствовать общему благу; тогда прекратятся всѣ гнусныя пронырства, а правительство восприметъ ту дѣятельность, то единство и счастливое согласіе во всѣхъ частяхъ, безъ коихъ самыя величайшіе гении не могутъ ничего предпринять къ благосостоянію государства».

Письмо это произвело большое впечатлѣніе въ обществѣ. Оно ходило по рукамъ, о немъ разсуждали въ гостиныхъ и выражали полное сочувствіе автору, мнимому сенатору Теплому. Неудовольствіе росло, и неудивительно, что шведскій посланникъ графъ Стедингъ приходилъ въ ужасъ отъ всего рассказываемаго въ публикѣ.

«Недовольство государемъ, писалъ онъ королю ¹⁾, все увеличивается и злорѣчія, слышимыя повсюду, ужасны. Вѣрные слуги и друзья императора въ отчаяніи, но ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи помочь горю. Не имѣя мужества довести до свѣдѣнія самого государя объ опасности, въ которой онъ находится. Они говорятъ, что не видятъ къ тому средства потому, что государь упоренъ въ своемъ мнѣніи, что ему не безызвѣстны злорѣчія, но онъ ихъ приписываетъ вѣшнымъ причинамъ—милліонамъ, которые бросаютъ англичане, чтобы имѣть сторонниковъ, и что желая одного блага своихъ подданныхъ, онъ не имѣетъ причины ихъ бояться.

«Между тѣмъ болѣе, чѣмъ вѣрно, что въ частныхъ обществахъ и даже въ публичныхъ собраніяхъ идутъ разговоры о переимѣнѣ царствованія и, забывая свой долгъ, говорятъ, что вся мужская линія царствующей фамиліи должна быть удалена и въ виду того, что императрица-мать и императрица Елисавета не имѣютъ надлежащихъ качествъ, надо было бы возвести на престолъ великую княгиню Екатерину. Что еще можетъ до нѣкоторой степени успокоить по отношенію къ этому заговору—это публичность разговоровъ и отсутствіе главы, способнаго вести этотъ заговоръ по своему зрѣлому обсужденію. Армія не лучше расположена, чѣмъ остальные подданные» ²⁾.

Всѣ эти происшествія особенно радовали пруссаковъ. Шедшія за границу вѣсти изъ Россіи были тревожнаго свойства и, прикрашиваясь и усиливаясь, дошли до парадоксальныхъ слуховъ о покушеніи на жизнь императора Александра I.

«Государь! писалъ ему Алопеусъ изъ Лондона ³⁾.—Заѣхавъ вчера по утру къ первому государственному секретарю г. Каннингу, я услы-

¹⁾ Отъ 28-го сентября (10-го октября) 1807 г. изъ Петербурга.

²⁾ Н. К. Шильдеръ—„Императоръ Александръ“, т. II, примѣчаніе 364.

³⁾ Отъ 10 (22) декабря 1807 г. (Переводъ съ французскаго). Госуд. Арх. XV, № 260.

шалъ, что онъ намѣренъ со мною переговорить о предметѣ величайшей важности; что онъ не скрываетъ отъ себя, сколь содержаніе разговора должно быть деликатно и сколь я этимъ буду затронутъ; но поразмысливъ надъ тѣмъ, что всѣ эти соображенія отступаютъ на задній планъ, въ виду важности предмета, онъ, наконецъ, рѣшился со мною объ этомъ переговорить.

«Продолжая затѣмъ свою рѣчь г. Каннингъ замѣтилъ сначала, что печальное событіе, которое столь негаданно нарушило дружбу и единодушіе между обоими дворами (Россією и Англією), отнюдь не могло изгладить тѣхъ чувствованій, которыя являлись долгомъ по отношенію къ государю, который въ болѣе счастливыя времена, съ самаго восшествія своего на престолъ, неизмѣнно показывалъ себя истиннымъ другомъ Великобританіи; что эти чувствованія и побуждаютъ г. Каннинга довѣрить мнѣ, что онъ имѣлъ случай видѣть частное письмо, писанное изъ С.-Петербурга, къ нѣкоей личности въ Лондонъ, гдѣ шла рѣчь о заговорахъ, составленныхъ противъ правительства и взрывъ конхъ описывался предстоящимъ въ ближайшее время; что такъ какъ письмо было составлено въ общихъ выраженіяхъ, и притомъ довольно темныхъ, то невозможно было изъ него и заключить, будутъ ли заговоры эти направлены непосредственно противъ священной особы моего августѣйшаго государя, или же они угрожаютъ существующей формѣ правленія и учрежденіямъ государственнымъ.

«На мой вопросъ гѣмъ было написано это письмо и къ кому оно было адресовано, министръ отвѣчалъ, что письмо было безъ подписи, и листокъ этотъ, въ томъ видѣ какъ ему былъ представленъ, не имѣлъ на себѣ никакого адреса. Спросивъ затѣмъ о числѣ и мѣсяцѣ, которые были выставлены на письмѣ, г. Каннингъ могъ припомнить лишь то обстоятельство, что письмо относилось ко времени, послѣдовавшему уже за деклараціею противъ Великобританіи.

«На высказанное мною желаніе получить съ того письма копію г. Каннингъ меня увѣрилъ, что ему и самому было позволено лишь прочесть его; письмо было написано по-французски.

«Я не преминулъ возразить государственному секретарю мою совершеннѣйшую признательность за это сообщеніе, хотя оно меня и смутило самымъ болѣзненнѣйшимъ образомъ. Да отвратитъ десница Всемогущаго всякое враждебное посягательство на драгоцѣнные дни и великое предназначеніе вашего императорскаго величества.

«Я долженъ отдать справедливость г. Каннингу, что и онъ возсылалъ тѣ же пожеланія, а съ тѣмъ вмѣстѣ выражалъ и желаніе выяснить или принять мѣры къ тому, чтобы положенъ былъ конецъ враждебнымъ отношеніямъ между обѣими націями, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ усвоившихъ во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ единогласіе и дружбу».

Нѣтъ сомнѣнія, что существованіе заговоровъ въ Россіи и получе-

ніе письма изъ Петербурга было сочинено самимъ Каннингомъ, но чтобы подобное сочиненіе имѣло хотя нѣкоторую долю вѣроятія, необходимы подходящіе матеріалы, которые и истекали изъ всеобщаго недовольства. Во всякомъ случаѣ письмо Алопеуса, какъ и все происходящее вокругъ, должны были подѣйствовать самымъ удручающимъ образомъ на императора Александра I-го тѣмъ болѣе, что во главѣ недовольныхъ стояла вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Она не стѣсняясь осуждала новую политику, и «всѣ недовольные, число которыхъ очень велико, сплачиваются вокругъ нея, прославляютъ ее до небесъ, и никогда еще она не привлекала столько народа въ Павловскъ, какъ въ этомъ году»¹⁾.

Положеніе Александра было трудное и онъ стоялъ одиноко, не имѣя поддержки и сочувствія въ своихъ сподвижникахъ и въ своихъ подданныхъ. Онъ и самъ не могъ быть доволенъ обязательствами, данными въ Тильзитѣ, но какъ государь—принужденъ былъ скрывать это и не высказываться.

«Онъ зналъ все, говоритъ С. М. Соловьевъ²⁾, зналъ даже въ превеличественномъ видѣ, благодаря людямъ, находившимъ свои выгоды напугать его, представить слова дѣлами или близкими къ дѣлу,—онъ зналъ какъ смотрѣли на Тильзитъ и не могъ не уважать основаній этого взгляда. Онъ не перемѣнялъ системы, не отказывался отъ борьбы съ Наполеономъ; но не могъ не признать, что имѣлось основаніе толковать о крутой перемѣнѣ системы, о слабости, непостоянствѣ чловѣка способнаго къ такимъ перемѣнамъ, о невозможности полагаться на него; самый снисходительный отзывъ могъ состоять въ томъ, что онъ былъ обольщенъ Наполеономъ. Какъ страшно должно было страдать самолюбіе!»

Это самолюбіе, конечно, не позволяло Александру сознаться въ своей ошибкѣ; онъ принужденъ былъ выслушивать съ разныхъ сторонъ сообщенія о всеобщемъ недовольствѣ и отстаивать свое поведеніе. «Крики меня мало беспокоятъ, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ кн. Чарторыйскому, они обыкновенно бываютъ порожденіемъ духа партій»,—политическихъ конечно прибавимъ мы. Но Александру, ближе чѣмъ кому-нибудь другому, было извѣстно, что внутреннее состояніе Россіи было таково, что не только существованіе заговора, но и образованіе какихъ бы то ни было политическихъ партій невозможно. «Общество, говоритъ А. П. Бутеневъ, искало только разсѣянія, будучи не занято ни политикою, ни какимъ серьезнымъ дѣломъ».

Оно было разрозненно, шумѣло, кричало—и только.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны матери отъ 29 августа 1807 г. См. Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ», т. II, 211.

²⁾ Императоръ Александръ I. Изд. 1877 г., стр. 157.

Два доноса въ 1831 году.

I.

Въ 1830 году военный совѣтникъ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ спокойно доживалъ свой вѣкъ въ деревнѣ въ Клинскомъ уѣздѣ¹⁾. Причисленный указомъ императора Александра отъ 23-го марта 1816 года къ герольдін съ жалованіемъ по 4.000 руб. ассигн. въ годъ, Сангленъ, повидимому, никому болѣе не былъ опасенъ. Къ тому же онъ и не искалъ случая выставить кого-либо въ неблаговидномъ свѣтѣ, пользуясь наступавшимъ новымъ царствованіемъ, а зная онъ, конечно, многое больше и лучше, чѣмъ нѣкоторымъ личностямъ могло казаться желательнымъ. Но если Сангленъ безмолвствовалъ, то недоброжелатели его съ своей стороны искали случая причинить ему

¹⁾ Я. И. де-Сангленъ скончался въ 1864 г. въ Москвѣ и похороненъ на лютеранскомъ кладбищѣ. Надгробная надпись на памятникѣ гласитъ слѣдующее:

„Подъ симъ камнемъ покоится тѣло военного совѣтника и кавалера Якова Ивановича де-Сангленъ, скончавшагося 1864 года апрѣля 1-го дня на 94-мъ году добродѣтельной жизни.—Вѣчная память достойному“.

Судя по этой надписи слѣдовало бы заключить, что Сангленъ родился въ 1771 году. Между тѣмъ оказывается, что отецъ Санглена женился въ Москвѣ лишь въ 1775 году на дѣвицѣ de Brosas, и Яковъ Ивановичъ родился въ 1775 году; слѣдовательно онъ умеръ на 88-мъ году отъ рожденія.

Отецъ Якова Ивановича былъ французскій дворянинъ и служилъ капитаномъ въ *mousquetaires du roi*. Поссорившись съ какимъ-то офицеромъ знатнаго рода и убивъ его на дуэли, онъ принужденъ былъ покинуть Францію и отправился въ Россію, причемъ переименовалъ первоначальную свою фамилію de Saint-Glin на de Sanglin.

непріятности и почему-то внезапно рѣшились нарушить покой правителя канцеліріи бывшаго министерства полиціи. Въ Москвѣ начали вдругъ распространяться на его счетъ разные неблаговидные слухи.

Тогда Сангленъ 10-го января 1831 года обратился къ императору Николаю съ слѣдующимъ письмомъ:

«Всемиловѣйшій государь!

«Натискъ времени, обстоятельствъ и духъ современный возлагаютъ нынѣ на каждого вѣрноподданнаго священную обязанность не таить въ душѣ своей ни единого скрытаго слова, ни единой мысли, и изъясненіемъ ихъ передъ престоломъ вашимъ предупреждать всякое желаніе откровенности, какъ предъ престоломъ Бога!

«Не внемлите, великій государь, клеветѣ, очернившей служеніе мое и характеръ; она несообразна ни съ собственно моимъ желаніемъ оставить службу, когда въ 1816 году все поступило подъ начальство графа Аракчеева, ни съ предложеніями удержать меня въ оной—ссылаясь на самого графа, ни съ значительностію дѣлъ, кои сдалъ по высочайшему повелѣнію господину начальнику главнаго штаба,—ни съ указомъ императора, марта 23-го дня 1816 года, причислить меня къ герольдіи съ произвожденіемъ жалованія въ годъ по четыре тысячи рублей. Передъ августѣйшимъ лицомъ вашего императорскаго величества готовъ я, несомнѣнными драгоценнѣйшими для меня документами, доказать истину словъ моихъ и опровергнуть возставшія противъ меня злобу—за незапятнанную преданность, зависть—за доброжелательство императора и клевету—за презрѣніе, оказываемое мною пороку. Государь! я вручаю участь мою въ руки вашего, свыше земного, величія. Справедливость ваша, государь, не отвергнетъ усердія вѣрноподданнаго, готоваго доказать на опытѣ, что трудно превзойти въ вѣрности и преданности того, который ложью никогда не осквернялъ ни устъ, ни пера, и который въ полнотѣ сердца есть и будетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, всемиловѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный Яковъ де-Сангленъ»¹⁾).

Результатомъ этого письма было появленіе 27-го января у Санглена въ деревнѣ фельдъегерскаго корпуса поручика Виммера, получившаго приказаніе препроводить его въ Петербургъ въ главный штабъ къ дежурному генералу Потапову; вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣно было Санглену взять съ собою всѣ имѣющіеся у него акты и документы, которые нужны для объясненія и доказательства того, что онъ желалъ объяснить государю.

¹⁾ Письмо это было напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1883 года въ запискахъ Я. И. де-Санглена, но по неисправному списку; между прочимъ оно было отнесено къ 6-му января 1831 года, тогда какъ на подлинникѣ написано: „Москва. Генваря 10-го дня 1831 года“.

По прибытіи въ Петербургъ, Сангленъ оставался нѣкоторое время секретнымъ гостемъ А. Н. Потапова.

Любопытное пребываніе Санглена въ главномъ штабѣ и сдѣланный ему допросъ, вызванный всеподданнѣйшимъ письмомъ его отъ 10-го января, подробно изложены въ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1883 года. Припомнимъ здѣсь, что императоръ Николай приказалъ тремъ довѣреннымъ лицамъ: графу Чернышеву, графу Орлову и генераль-адъютанту Адлербергу рассмотреть акты и документы, находившіеся у Санглена.

Яковъ Ивановичъ наотрѣзъ отказалъ имъ въ этомъ и сказалъ:

— Доложите государю, что у меня ихъ отнять можно только у мертвого. Я пребуду вѣренъ императору Александру, который запретилъ мнѣ кому-либо показывать; и я приказаніе его исполню, хотя и улыбки отъ покойнаго императора получить болѣе не могу. Царь—другое дѣло, отъ него ничего не должно быть скрыто.

Вслѣдствіе этого рѣшительнаго заявленія, доложеннаго государю, послѣдовало повелѣніе доставить бумаги въ запечатанномъ видѣ въ собственные руки его величества.

Сангленъ исполнилъ въ точности высочайшую волю, приложивъ къ бумагамъ объяснительное письмо, помѣченное 4-го февраля 1831 г. ⁴⁾.

«Всемилоствѣннѣйшій государь, писалъ Сангленъ, вѣрноподданническое письмо мое изъ Москвы, писанное въ убѣжденіи, что удостоюсь счастья лично изложить предъ вами то, чѣмъ былъ, чѣмъ есть и чѣмъ быть готовъ—успѣха не имѣло. Сію минуту получилъ я отъ господина дежурнаго генерала высочайшее повелѣніе представить всѣ бумаги въ запечатанномъ конвертѣ къ вашему императорскому величеству. Повинуясь священной волѣ вашей, повергаю оныя къ стопамъ моего монарха, но не могу, имѣя много враговъ,—враговъ истины святой,—угаить предъ вашимъ величествомъ, что желать бы скрыть оныя отъ зависти и злобы. Вамъ довѣрялъ я, въ письмѣ моемъ, по собственному добровольному побужденію, государь, участь мою. Вамъ, вашей справедливости единственно довѣряю оную и теперь.

«Дерзаю, почитая то нужнымъ, изложить краткое описаніе приложенныхъ бумагъ:

«Во второмъ отдѣленіи моего письма идетъ рѣчь о службѣ и характерѣ моемъ. Бумаги, сюда принадлежащія суть: сдача дѣлъ начальнику главнаго штаба, росписка о принятіи оныхъ въ исправности князя Мен-

⁴⁾ Письмо отъ 4-го февраля 1831 года, напечатанное въ „Русской Старинѣ“ 1883 года въ запискахъ Санглена (т. 37-й, стр. 566), воспроизведено по невѣрному списку, подобно вышеприведенному письму отъ 10-го января 1831 года.

шикова ¹⁾); засимъ инструкція бывшаго настоящаго моего мѣста—директора центральной канцеляріи, всѣ прочія мои должности были для сокрытія сей настоящей, которая раздѣлялась на двѣ части: 1-я, сокрытая отъ министра, принадлежала самому государю; 2-я—военнаго министра; сія инструкція въ оригиналѣ передана начальнику главнаго штаба.—Копія съ послѣдняго обо мнѣ указа; всѣ аттестаты по службѣ; краткое мое мнѣніе о высшей полиціи, коимъ государь велѣлъ мнѣ руководствоваться; двѣ бумаги, кои докажутъ попеченіе мое и въ деревнѣ о благѣ ближнихъ; наконецъ, благодарность комитета на случай холеры.—Всѣ сіи бумаги свидѣтельствуютъ о моемъ служеніи и характерѣ, а г. фельдъегерь, меня сюда привезшій, можетъ свидѣтельствовать о скорби, плачѣ моихъ людей и постороннихъ, вида меня отъѣзжающаго съ фельдъегеремъ неизвѣстно куды!

«Въ третьемъ отдѣленіи моего письма дерзнулъ я изъявить желаніе предъ августѣйшимъ лицомъ монарха доказать правоту мою драгоценнѣйшими для меня документами. Это нѣсколько записокъ императора, оставленныя имъ у меня, за исключеніемъ тѣхъ, кои ему угодно было удержать—записокъ, драгоценныхъ для меня, ибо доказываютъ отчасти тѣ отношенія, въ которыя императоромъ поставленъ былъ. Сюда принадлежитъ мнѣніе мое о министерствахъ, сочиненное по волѣ императора, воспослѣдовавшей послѣ продолжительнаго разговора о несвязности частей между собою сего огромнаго зданія, въ которомъ спокойно жить негдѣ! Всѣ замѣтки карандашемъ—рукою императора. Вслѣдствіе сего уничтожено только министерство полиціи, а передача дѣлъ графу Аракчееву остановила прочія преднамѣренія императора, мнѣ извѣстныя.

«1-е отдѣленіе—гдѣ рѣчь идетъ о духѣ современномъ и заключеніе вѣрноподданческаго письма моего, содержитъ вкратцѣ смыслъ: въ нынѣшнія времена каждый человѣкъ, не обольщенный самолюбіемъ, но чувствуя себя по справедливости способнымъ на истинную и вѣрную службу, долженъ, хотя и отринуть былъ бы, предложить себя, таланты свои, на пользу государя, отечества—и съ откровенностью указать на то, что впослѣдствіи времени вреднымъ быть можетъ.—И здѣсь я останавливаюсь! Государь! Есть предметы, кои суть нераздѣльная собственность царей; объ нихъ съ другими говорить ни писать—не должно! Глубокомысленное взвѣшиваніе предметовъ, тайна и исполненіе твердое суть единственныя средства къ достиженію безопасности государя, государства,—кои нераздѣльны.

¹⁾ Флигель-адъютантъ полковникъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ занималъ въ то время мѣсто директора канцеляріи начальника главнаго штаба; онъ принялъ отъ Санглена 143 дѣла 15-го марта 1816 года.

«Повергая, по волѣ вашей, все прилагаемое къ стопамъ вашего императорскаго величества, скорбью, что бумаги сіи, лишенныя истолкованія причинъ, производившихъ оныя на свѣтъ,—мертвыя буквы! Душа, жизнь ихъ были сужденія государя.

«Исполняя священную для меня волю вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь со слезами умолять васъ, государь, приказать возвратить меня семейству, оставленному мною въ горестивѣйшихъ, объ участи моей, страданіяхъ. Добрый гражданинъ и вѣрный сынъ отечества узнается лишь по тому, хорошій ли онъ семьянинъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь и буду, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрнопоподанный Яковъ Де-Сангленъ».

Черезъ нѣсколько дней Потаповъ получилъ записку отъ государя, въ которой было сказано: «Пришлите мнѣ вашего гостя сегодня, въ семь часовъ вечера. За нимъ прійдетъ фельдъегерь».

Это случилось 6-го или 7-го февраля 1831 года.

— Вы хотѣли меня видѣть; вотъ—я, сказалъ императоръ Николай стоявшему передъ нимъ де-Санглену.

Въ запискахъ, напечатанныхъ «Русскою Стариною», Сангленъ передаетъ кое-что о своемъ разговорѣ съ государемъ, но, конечно, не все. Между прочимъ императоръ Николай сказалъ своему собесѣднику слѣдующее:

— Я испытаю вашу откровенность; у меня есть доносъ на всю Россію князя Андрея Борисовича Голицына; онъ ужаснулъ меня. Нѣтъ пощады никому; по мнѣнію его, я окруженъ измѣнниками, даже не пощажень князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, котораго я люблю. Ему довѣряю я жену, дѣтей во время моихъ отъѣздовъ; enfin nous nous sommes, прибавилъ государь, и я долженъ въ немъ сомнѣваться. Вы были тогда сами дѣйствующимъ лицомъ, и объ васъ упомянуто. Вы можете мнѣ объяснить всѣ обстоятельства этого времени. Я вамъ отдамъ эти бумаги, объясните ихъ и не затрудняйтесь моими замѣтками, сдѣланными карандашемъ ¹⁾. Когда вы это окончите, пришлите мнѣ всѣ въ запечатанномъ тремя печатами пакетѣ.

¹⁾ Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ отгѣтовъ императора Николая на доносъ князя Голицына по поводу клеветъ, возводимыхъ имъ на разныхъ лицъ:

„Корфъ слылъ всегда отличнымъ чиновникомъ и я имъ весьма доволенъ; нынѣ онъ поступаетъ въ комитетъ министровъ“.

„Арсеньева я знаю давно и всегда былъ имъ совершенно доволенъ;—Германъ, кромѣ женскихъ институтовъ, сколько знаю, нигдѣ не употребленъ“.

„Булгарина и въ лицо не знаю и никогда ему не довѣрялъ“.

„Гдѣ доказательства и на чемъ буду основывать свои дѣйствія, если мнѣ согласится приступить къ какимъ-либо мѣрамъ осторожности“.

Затѣмъ государь передалъ Санглену огромный фоліантъ и приказалъ завернуть въ бумагу и запечатать тремя печатями:

— Я буду ожидать вашего отвѣта на эту громаду,—сказалъ императоръ и въ заключеніе бесѣды разрѣшилъ Санглену написать по почтѣ семейству, что онъ былъ у государя, и что тотъ имъ доволенъ.

По возвращеніи къ Потапову въ главный штабъ, Сангленъ тотчасъ же принялся за чтеніе даннаго ему фоліанта и на каждый пунктъ писалъ свои опроверженія. «Скажу вкратцѣ, пишетъ Сангленъ въ своихъ запискахъ, доносъ былъ едва ли не на всѣхъ, окружавшихъ покойнаго государя и оставшихся при Николаѣ I. Всѣ были объявлены иллюминатами: князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, Кочубей, Сперанскій и прочіе, самъ императоръ Александръ, даже митрополитъ Филаретъ безъ малѣйшихъ доказательствъ. Я все опровергалъ съ надлежащими доводами и объявилъ доносителя фанатикомъ».

Вотъ все, что рассказываетъ Сангленъ объ этомъ дѣлѣ. Оно настолько любопытно и служитъ столь яркою характеристикю возрѣвшаго и чувствъ извѣстной части русскаго общества того времени, что мы считаемъ не лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности о твореніи князя Андрея Борисовича Голицына ¹⁾.

„Если мнѣ князь Голицынъ не вѣритъ, такъ и мнѣ дозволено ему не вѣрить!“

„Князь Грузинскій безчестный человѣкъ, и если у князя Голицына на все подобныя свидѣтели, то не высокое о себѣ даетъ мнѣніе“.

„Князь Голицынъ забылъ видно, что Магницкій подъ судомъ“.

„Князь Голицынъ можетъ на себя брать что захочетъ, за себя и отвѣчаетъ, но если ссылаться будетъ на другихъ, то не уйдетъ отъ очной ставки, ибо здѣсь совершенная клевета и подлая, давно мнѣ извѣстная интрига, въ которую его ввели, выставляя его на жертву, чтобъ самимъ остаться сзади“.

Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ доноса часто встрѣчаются такого рода помыслы:

„Требую доказательствъ“. „Гдѣ доказательство“. „Совершенно наглая ложь: я требую доказательствъ“.

¹⁾ До поступленія бумагъ князя Голицына къ Санглену, доносъ разсматривали уже, по высочайшему повелѣнію, графъ Чернышевъ и графъ Орловъ. Во всеподданнѣйшей запискѣ, отъ 15-го января 1831 года, собственноручно написанной графомъ Чернышевымъ, читаемъ:

„Мы имѣемъ счастье, согласно желанію князя А. Голицына, представить у сего, въ особо запечатанномъ имъ самимъ пакетѣ, всѣ бумаги и показанія его насчетъ извѣстнаго вашему величеству дѣла. Причемъ мы священною обязанностью поставляемъ донести, что на всѣ наши разпросы князь Голицынъ ничего не могъ намъ представить положительнаго относительно обвиненія поименованныхъ имъ лицъ, кромѣ того, что ваше величество изволили найти во всеподданнѣйшемъ письмѣ его и прочихъ бумагахъ.“

„При семъ осмѣливаемся представить, что слѣдую наставленію, данному намъ вашимъ величествомъ объ отобраніи у князя Голицына самымъ тайнымъ

II.

Въ разсматриваемомъ доносѣ является одна центральная фигура, Сперанскій, около котораго группируются прочія затронутыя авторомъ лица; они являются какъ бы маріонетками пьесы, которою управляетъ главный злодѣй и измѣнникъ; весь доносъ состряпанъ ради бывшаго государственнаго секретаря Александра I. Читая пасквиль князя Голицына, невольно поражаешься однимъ обстоятельствомъ, до какой степени живуча была еще злоба противъ Сперанскаго, и какъ мало улеглись страсти, волновавшія нѣкогда русское общество въ эпоху, предшествовавшую нашествію Наполеона. Александровскіе вельможи ненавидѣли Сперанскаго, какъ попovichа-высочку за то, что онъ возвысился надъ всѣми. Это чувство пустило такіе глубокіе корни, что въ 1830 году ненависть и недоброжелательство къ Сперанскому были такъ же сильны, какъ въ 1812 году, когда надъ нимъ разразилась опала.

«Мнѣ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, писалъ М. П. Погодинъ въ 1871 году,—проводить покойнаго Иннокентія изъ Москвы до Всесвятскаго. Впереди ѣхалъ въ каретѣ онъ съ архимандритомъ донскимъ Теофаномъ. За нимъ я въ коляскѣ съ однимъ родовымъ княземъ. Мы разговорились о Сперанскомъ. «Вотъ онъ!» сказалъ мой спутникъ, указывая на служку, трясшагося на запяткахъ за архіерейской каретой. Надо было слышать, сколько заключалось злости и презрѣнія въ этомъ односложномъ восклицаніи: «вотъ онъ!»¹⁾

образомъ всего того, что онъ имѣлъ открытъ по означенному предмету, мы въ необходимости напались ограничиться терпѣливымъ выслушаніемъ его объясненія и стараніемъ, сколь сіе зависѣло отъ насъ, направленіемъ письменнаго его изложенія болѣе понятнымъ и менѣе сбивчивымъ, въ чемъ однако же мы совершенно успѣть не могли.

„Мы утвердительно сказать можемъ, что князь Голицынъ прямыхъ сношеній ни прежде, ни теперь съ г. Сангленомъ не имѣлъ; какая же побудительная причина могла сего послѣдняго заставить написать свое всеподданнѣйшее письмо отъ 10-го января, графъ Чернышевъ будетъ имѣть счастье объяснить завтрашняго числа при докладѣ.

„Въ заключеніе долгомъ полагаемъ донести, что окончательныя объясненія князя Голицына, отъ которыхъ, по словамъ его, мы ожидали большихъ открытій и доказательствъ, не соответствовали нашему ожиданію, и, ни мало не сомнѣваясь въ добрыхъ его намѣреніяхъ, должны признаться, что способы его собственныхъ понятій, со всѣмъ его рвеніемъ, не могутъ, безъ помощи другихъ, обнять и раскрыть столь обширное и по существу своему великое дѣло, каково существованіе и продолженіе въ Россіи зловредныхъ дѣйствій иллюминатской секты“. Графъ А. Чернышевъ. Графъ А. Орловъ.

¹⁾ М. П. Погодинъ: Сперанскій, „Русскій Архивъ“ 1871 года, стр. 1133.

Погодинъ не называетъ фамиліи этого родового князя, но легко возможно, что это былъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, авторъ доноса 1831 года! ¹⁾

Фоліантъ или громада, какъ назвалъ императоръ Николай произведеніе князя Голицына, носило заглавіе: «О иллюминатствѣ въ 1831 году» и состояло изъ двухъ частей. Въ первой части авторъ излагалъ цѣль иллюминатства. Во второй части князь переходилъ къ обзору существованія иллюминатства въ Россіи; затѣмъ слѣдовали: философскій взглядъ на Россію въ 1831 году, политическій взглядъ на Россію въ 1831 году и обширныя приложенія: документы для подкрѣпленія записки объ иллюминатахъ ²⁾.

Въ приложенномъ къ сочиненію князя А. Б. Голицына всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 14-го января 1831 года авторъ пишетъ:

«Великій государь!

Я исполнилъ долгъ вѣрноподданнаго, сложилъ съ себя бремя тяжкое и, повергая весь трудъ мой, изложенный въ скорости, къ подножію престола вашего императорскаго величества, счастливъ, если онъ удостоится глубокаго вниманія вашего; я готовъ дать всякое поясненіе, въ случаѣ какой-нибудь неясности въ моей запискѣ.

«Всевышній, хранящій въ длани своей сердце земныхъ царей, расположить и ваше, государь! Онъ далъ и мнѣ недостойному узелъ столь важныхъ событій, для представленія вашему императорскому величеству.

«Развязка всего зависитъ отъ обстоятельства, столь ничтожнаго, что я стыжусь помыслить, чтобы всѣ мѣры не были бы устроены свыше, невидимою благодатною рукою Всевѣдущаго, для представленія въ ясность весь кругъ бѣдствія и спасенія Россіи.

¹⁾ По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ скончался въ 1871 году, по другимъ въ 1861 году (род. въ 1790 году).

²⁾ Они заключались въ слѣдующемъ:

- 1) Выписка изъ книгъ нѣкоторыхъ правилъ Вейсгауптова ученія.
- 2) Выписка изъ уроковъ профессора Арсеньева.
- 3) Выписка изъ уроковъ профессора Германа.
- 4) О правѣ естественномъ—Куницына.
- 5) Проповѣдь Филарета.
- 6) О философіи Шеллингова.
- 7) Выписки изъ ученія профессора Германа съ опроверженіемъ.
- 8) Копія съ оригинальныхъ донесеній почитателя Рунича.
- 9) Уставъ объ иллюминатахъ въ выпискахъ.

Одно приведенное нами оглавленіе приложеній къ труду князя А. Б. Голицына даетъ понятіе о характерѣ и направленіи сочиненія, представляющаго собою плодъ болѣзненной фантазіи автора.

«Повергнется рыдающій къ стопамъ монарха, виновникъ столь великаго государственнаго преступленія.

«Припадутъ и соучастники его; вложенные къ сему документы сдѣлаются приступомъ ко всему дѣлу. Но до того мгновенія суть нѣкоторые предварительныя для полнаго успѣха отношенія, которыя я желалъ бы удостоиться поставить въ тайнѣ на воззрѣніе вашего императорскаго величества и повергнуть лично на благоуваженіе ваше наброшенный слегка взглядъ, для розыгрыша столь чудесной драматической пьесы такъ искусно, что и самымъ жестокимъ либераламъ и самому Филиппу I¹⁾ нечего будетъ говорить!

«Здѣсь ни капли не прольется крови человѣческой, прольются въ изобиліи теплыя и сладкія слезы и благодарность подданныхъ вашихъ, которые вознесутъ къ престолу Всевышняго молебствія свои за благодать имѣть на престолѣ монарха - христіанина, одареннаго столь великою силою и глубокою премудростью. Августѣйшій монархъ, вашего императорскаго величества вѣрноподданѣйшій князь Андрей Голицынъ, состоящій по кавалеріи генераль-маіоръ».

Въ приведенномъ здѣсь всеподданѣйшемъ письмѣ князь Голицынъ выражается довольно туманнымъ образомъ и не называетъ Сперанскаго; между тѣмъ авторъ сочиненія подразумѣвалъ его, когда говорилъ о рыдающемъ виновникѣ великаго государственнаго преступленія. Въ послѣдующихъ своихъ письмахъ князь Голицынъ сбрасываетъ маску и прямо называетъ Сперанскаго, утверждая, что онъ все доказалъ: «historiquement, mathématiquement, logiquement et victorieusement».

Поставивъ себѣ цѣлью открыть государю «весь ужасный, тайный, злоумышленный 25-ти-лѣтній заговоръ противъ престола, самодержавія и славы Россіи», князь Голицынъ писалъ императору Николаю 15-го января 1831 года: «Открывъ по соизволенію Божию предъ вашимъ императорскимъ величествомъ настоящее начало хаоснаго состоянія Россіи, я объявляю главнымъ виновникомъ онаго: члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михайлу Михайлова Сперанскаго. Я призываю его на судъ государя самодержавнаго Всероссийскаго передъ августѣйшее лицо вашего императорскаго величества»²⁾).

¹⁾ Король французовъ Людовикъ-Филиппъ (Louis Philippe), воцарившійся послѣ июльскихъ дней 1830 года. Н. III.

²⁾ Графу Кочубею тоже плохо пришлось въ доносѣ князя Голицына хотя въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Сперанскому. Вотъ, что Голицынъ пишетъ о графѣ Кочубѣ въ особой запискѣ отъ 15-го января 1831 года:

„Хотя имѣю самыя большія подозрѣнія на благонамѣренность графа Виктора Павловича Кочубея, я сознаюсь, что не имѣю прямыхъ способовъ

За этимъ слѣдуютъ обвинительныя статьи числомъ двадцать четыре. Выпишемъ изъ нихъ нѣкоторые наиболѣе любопытные пункты.

«Въ 1808 году, во время Эрфуртскаго конгресса, онъ, Сперанскій, былъ принятъ въ высокую степень иллюминатства, сдѣланъ провинціальнымъ начальникомъ и данъ ему былъ въ помощь отъ главы ордена Вейсгаупта иллюминатъ Фесслеръ, изъ разстриженныхъ католическихъ монаховъ, изгнанныхъ изъ Пруссіи за свое превратное ученіе. и сей Фесслеръ и поднесъ продолжаетъ тайныя совѣщанія.

«Цѣль иллюминатства во всей подробности изложена предъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ подлинныхъ бумагахъ и актахъ Вейсгаупта; она ведетъ къ мечтательному водворенію всеобщей морали, долженствующей все замѣнить у человѣка и приводить чрезъ постепенныя революціи всѣ государства въ разрушеніе, и обѣщаетъ человѣку какое-то патріархальное состояніе, для достиженія коего должны исчезнуть всѣ цари земныя и народы! Для приведенія столь благой цѣли въ Россіи, Сперанскій устремляется двадцать лѣтъ и получилъ званіе регента (что цѣль сія истинно такая, всѣ дѣйствія къ тому постепенно, скрытно устроены и нечувствительны, — подтвердить готовы Магницкій, Сангленъ, князь Грузинскій и я нижеподписавшійся).

«Когда въ 1811 году дядя мой, князь Грузинскій, при разговорѣ... совѣтовалъ Сперанскому постараться о сближеніи монарха съ августѣйшею супругою, Сперанскій отвѣчалъ «...пора намъ сдѣлаться русскими», на что дядя мой отвѣчалъ, «что же, не тебя ли уже въ цари русскіе», а онъ какъ будто въ шутку прибавилъ, «а хотя бы и меня, не меня одного и васъ; мало ли людей русскихъ кромѣ нѣмцевъ», намекая тѣмъ на республиканское правленіе. Сіе съ самымъ, можетъ быть, малѣйшимъ

онимъ доказать; но полагаю, что настоящая цѣль иллюминатовъ не могла быть ему извѣстна; какое бы утѣшеніе могъ имѣть отецъ семейства многочисленнаго приводить отечество свое въ совершенно разорительное состояніе, и потому заключаю, что иллюминаты открыли ему только первую цѣль—конституціонную, къ которой онъ содѣйствуетъ съ давнихъ временъ; но обязанъ по долгу вѣрноподданнаго здѣсь объявить: а) что въ 1826 году графъ Аракчеевъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ сильныя доказательства противъ графа Кочубея, и что государь увидитъ когда-нибудь какъ онъ в) Когда Гежельнскаго въ первый разъ посадили на гаубтвахту, то онъ сказалъ: если я буду въ крѣпости, то и потащу туда повыше себя (слыхано мною у Корсаковой).

„Прочихъ самыхъ главныхъ содѣйствующихъ лицъ Сперанскому полагаю утвердительно—Фесслера, Балугіанскаго, прилагающія въ сильномъ содѣйствіи; Мейсдорфъ, Корфъ, профессоръ Германъ, другой мнѣ невѣстный старикъ профессоръ Шилингъ, Ореусъ, генералъ Линденъ, а всю цѣль держать и самое важное по своему посту лицо—фонъ-Фокъ.

„Созваніе Сперанскаго всѣхъ обнаружить и всѣхъ спасти“.

измѣненіемъ одного или другого незначительнаго слова подтвердить присягою на Евангеліи князь Григорій Грузинскій.

«Таковая неблагонамѣренность, въ другихъ только выраженіяхъ, была доведена до свѣдѣнія Александра Павловича въ Твери чрезъ великую княгиню Екатерину Павловну и сдѣлалась одною изъ главныхъ причинъ удаленія Сперанскаго (что имъ самимъ сказано князю Грузинскому въ Нижнемъ Новгородѣ, сіе подтвердится его свѣтлостью).

«Магницкій свидѣтельствуетъ о словахъ ласкательныхъ Вейсгаупта къ нему, Сперанскому, поручая ему великій трудъ: искоренять въ Россіи предрасудки, въ числѣ коихъ поставлены греко-россійская церковь, обязанности къ законному престолу и къ отечеству (подтвердится княземъ Грузинскимъ, Магницкимъ и Сангленомъ).

«Покушеніе Сперанскаго, согласно съ наставленіями Вейсгаупта, который говоритъ, что высокой его цѣли препятствуютъ цари, попы и дворянство,—на униженіе сего сословія, присоединивъ къ оному множество людей, напитаанныхъ въ университетахъ правилами Вейсгаупта и способныхъ ему къ достиженію цѣли, доказывается указомъ 1809 года, дающимъ такія значительныя преимущества самому превратному ученію.

«Покровительство, оказанное илюминату Фесслеру Сперанскимъ, и успѣшное домогательство опредѣлить его въ профессору богословія и философіи безъ экзамена въ Невскую лавру, откуда онъ былъ вскорѣ отрѣшенъ, свидѣтельствуетъ его неблагонамѣренность и покушеніе на основаніе вѣры, согласно съ правилами Вейсгаупта, повелѣвающаго опредѣлять своихъ адептовъ въ семинаріи, ибо безъ священниковъ нельзя до б р а т ь с я д о н а р о д а. Превратность же и опасность лекцій Фесслера, преподающаго электическую и Спинозову и Платонову философію, доказывается конспектомъ Фесслера и протестомъ преосвященнаго Теофилакта Рязанскаго.

«Участіе Фесслера и вліяніе его на все законодательство наше согласно также съ правилами Вейсгаупта, а что сіи совѣщанія дѣлались въ присутствіи графа Кочубея, Сперанскаго, Тургенева, Балугіанскаго и другихъ подтвердить Сангленъ, который подслушивалъ все по высочайшему повелѣнію, и Магницкій.

«Когда Фесслеръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Саратовскую губернію въ деревню зятя Сперанскаго Злобина, въ Вольскомъ уѣздѣ, всѣ проекты новыхъ постановленій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посылались на разсмотрѣніе его, Сперанскимъ, и ничего не дѣлалось безъ его, Фесслера, совѣта (сіе подтвердитъ Магницкій, Сангленъ и князь Грузинскій изъ словъ самого Сперанскаго).

«Злоумышленная цѣль Сперанскаго разорить финансовую систему Россіи обнаруживается изъ манифеста, имъ писаннаго объ ассигна-

ціяхъ, и вообще явно вездѣ согласно съ правилами Вейсгаупта, гдѣ онъ положилъ свою руку (Магницкій свидѣтельствуеъ сіе злоумышленіе и тогда работалъ съ нимъ вмѣстѣ).

«Продолженіе вреднаго вліянія Сперанскаго на всѣ учрежденія доказывается тѣмъ, что онъ жилъ въ Новгородской губерніи, близъ большой Московской дороги, такъ, чтобы всѣ нужные ему значительныя лица могли бы съ нимъ совѣщаться непримѣтнымъ образомъ, ибо весь разрушительный планъ на Россію, согласно съ уставомъ, вашему императорскому величеству мною представленнымъ, долженъ былъ приведеннымъ быть въ дѣйствіе тихо, непримѣтно, безъ огласки, и связывать нечувствительно руки царямъ и народамъ.

«Обнаруживается злонамѣреніе въ формѣ состава комитета гг. министровъ и производствѣ дѣлъ, что доказываетъ Магницкій (какъ сотрудникъ).

«Государственный Совѣтъ и весь бумажный ходъ государственнаго правленія, злоумышленно устроеннаго, обнаруживаетъ одинакую цѣль законодателя, доказывается показаніемъ сотрудника единогодушнаго (тогда) Магницкаго.

«Соучастіе во многомъ статсъ-секретаря Балугіанскаго, а особенно въ основаніи иллюминатскаго ученія доказывается Магницкимъ и Сангленомъ».

Въ заключеніе придуманныхъ имъ обвинительныхъ пунктовъ князь Голицынъ пишетъ:

«Благодать Божія, охраняющая престолъ Великороссійскій, вѣру греко-россійскую и Россію, приклонить повинную голову грѣшника къ стопамъ вашего императорскаго величества, если духъ лести не обуялъ совершенно его сердцемъ. Но если же окажется съ его стороны упорство въ сознаніи, то я прошу всеподданнѣйше ваше императорское величество допустить до очистительной присяги меня и другихъ, которые отъ оной не откажутся для обличенія коварства источника гибели отечества, въ первомъ случаѣ принять всемилостивѣйше кающаго грѣшника, а во второмъ—предать всей строгости законамъ».

Но князь Голицынъ неудовольствовался всѣми приведенными нами гнусными навѣтами на Сперанскаго; его ненависть и злоба разыгрались наконецъ до того, что въ письмѣ къ графу Чернышеву отъ 21-го января 1831 года онъ для великаго государственнаго преступника придумалъ даже особое наказаніе, о которомъ нельзя прочесть безъ омерзѣнія.

«Преступленіе Сперанскаго, писалъ князь Голицынъ, столь чудовищно, что нельзя колебаться въ выборѣ оружія противъ него—или четвертовать его—или, оружіе по смѣянія, изводить его каждый день

издѣвательствомъ, осмѣивать въ теченіе всей его остальной жизни. Недавно мнѣ пришла въ голову мысль, которая, можетъ быть, покажется забавной. Онъ мѣтилъ на патриархальное царствованіе, на высокій постъ, на полную независимость. Все это можетъ быть предоставлено ему. Въ Москвѣ имѣется вакантное мѣсто, которое одно лишь совершенно независимо. Это — мѣсто «пономаря патриархической колокольни Ивана Великаго». Его костюмъ по положенію красный; онъ очутился бы «въ первобытномъ состояніи» и на посту, гдѣ каждый день подвергался бы издѣвательствамъ всей черни. Местъ была бы извинительна ¹⁾».

Не менѣе назидательно и слѣдующее разсужденіе въ томъ же письмѣ: «Пусть Сперанскій пойдетъ по стопамъ своего отца, который былъ духовникомъ, пусть онъ исповѣдуются: это все, чего мы требуемъ отъ него». ²⁾ Князь Голицынъ желалъ принять на себя эту роль духовника Сперанскаго, сказавъ ему: «у васъ нѣтъ другого выбора — полное признаніе, или берегитесь (avec sans restriction ou gare à vous)», будучи увѣренъ, что ему удастся убѣдить грѣшника. Въ противномъ случаѣ князь соглашался быть разжалованнымъ въ солдаты, а сына отдать въ школу кантонистовъ!!!

9-го февраля 1831 года Сангленъ представилъ императору Николаю записку, заключающую въ себѣ разборъ доноса князя Голицына ³⁾. Содержаніе этой записки было слѣдующее:

«Я читалъ съ достоюлжною примѣчательностью бумаги князя А. Б. Голицына. Прежде нежели перейти къ постепенному разбору оныхъ, необходимымъ почитаю кинуть общій взоръ на сію *chambre obscure*, гдѣ каждый, все я всякая проходитъ мимо очей, какъ тѣнь гигантская. Кажется, что князь Голицынъ, увлеченный фанатизмомъ вѣковъ прошедшихъ, пристрастіемъ, можетъ быть, ненавистью къ нѣкоторымъ лицамъ, перешагнулъ за законъ нравственности, который позволяетъ раз-

¹⁾ „Le forfait de Spéransky à mes yeux, est tellement énorme qu'il n'y a pas deux armes à employer contre lui — ou à l'écarteler — ou l'arme du ridicule, l'assommer tous les jours de risées, le bafouer tout le reste de sa vie. Il m'est venu dernièrement une idée qui peut-être paraîtrait drôle. Il visa au règne patriarcal à un poste élevé et à une indépendance totale. Tout cela peut lui être accordé. Il y a une place vacante à Moscou, qui est la seule indépendante entièrement. C'est celle de пономарь патриархической колокольни Ивана Великаго. Son costume est rouge de rigueur — il se retrouverait въ первобытномъ состояніи et à un poste où chaque jour il serait livré aux risées de toute la populace. La vengeance serait excusable“.

²⁾ „Que Spéransky imite son père, qui était confesseur, qu'il se confesse, c'est tout ce que nous lui demandons“.

³⁾ Въ помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ запискахъ Санглена разборъ доноса князя Голицына не былъ помѣщенъ, за исключеніемъ немногихъ строкъ, напечатанныхъ въ подстрочномъ примѣчаніи, къ тому же, въ искаженномъ видѣ.

бирать дѣянія людей, а не намѣренія, отъ насъ, человѣковъ, сокрытыя, извѣстныя одному Богу сердцевѣдцу. Въ запальчивости своей забываетъ онъ всѣ приличія, ссылается даже на людей, которыхъ едва въ лицо знаетъ, никогда съ ними не говаривалъ, а правила ихъ еще менѣе ему извѣстны, какъ, напримѣръ, я. И наконецъ князь Голицынъ, думая видѣть упущенія по нѣкоторымъ частямъ государственнаго управленія, искалъ причину, корень оныхъ, и, узнавъ отъ людей, которые въ свое время то знать должныствовали, кое-что объ иллюминатствѣ, подвелъ все подъ сию единицу. Обманщикъ, обманутый, все, безъ разбору, по его мнѣнію, вредный иллюминатъ. Со всѣмъ тѣмъ нельзя не отдать справедливость, что фанатическое усердіе водило перомъ его, и что среди произведеній испуганнаго его иллюминатствомъ воображенія—грядеть что-то, какъ-будто основное, ему темно понятное, похожее на карательную немезиду, угрожающую въ будущемъ какимъ-то бѣдствіемъ, и что кое-гдѣ въ развалинахъ протекшаго онъ ударяетъ на истину.

«Первая значительная бумага есть письмо на высочайшее имя отъ 15-го января 1831 года.

«Я Вейсгаупта не иначе читалъ, какъ отрывками, но никакъ утверждать не могу и не готовъ, чтобы Сперанскій получилъ званіе регента, даже принять ли онъ въ иллюминаты, ибо сего доказать не могу. Слышалъ отъ многихъ, самъ подозрѣвалъ, но это ничего. Доказательствъ не имѣю, слѣдовательно, не знаю. Надобно, кажется, быть самому иллюминату, чтобы это знать навѣрное, а я не иллюминатъ.

«Чтобы тайну эту узнать ¹⁾, должно было бы слышать оную изъ устъ Магницкаго или Сперанскаго, а я увидѣлъ ихъ въ первый разъ, когда отправлялъ ихъ изъ Петербурга. Слѣдовательно, никакъ подтвердить не могу, ибо о порученіи Вейсгаупта Сперанскому не только не знаю, но и знать не могу.

«О вліяніи Фесслера на законодательство рѣшительно не знаю. Относительно до второго пункта ²⁾: смѣю ли спросить, почему полагають, будто я способенъ на такую подлость—сидѣть подъ столомъ и подслушивать, когда осмѣливаются подобное низкое повелѣніе вложить въ уста императора Александра? Отвергаю совершенно столь наглую и дерзкую клевету и готовъ подтвердить присягой, для меня дѣломъ не шуточнымъ, истину словъ моихъ.

«О выѣздѣ Фесслера въ Саратовъ я зналъ и знаю; но чтобы Сперан-

¹⁾ Князь Голицынъ писалъ, что Сангленъ можетъ подтвердить порученіе, данное Вейсгауптомъ Сперанскому: искоренить въ Россіи предрасудки.

²⁾ Князь Голицынъ утверждалъ, что Сангленъ по высочайшему повелѣнію подслушалъ совѣщаніе между графомъ Кочубеемъ, Сперанскимъ, Тургеньевымъ, Балугянскимъ и другими лицами.

скій всё проекты новыхъ постановленій посылалъ къ Фесслеру и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ — не знаю. Сомнѣваюсь, однакожь; кажется, не ускользнуло бы это!

«Я Балугіанскаго не знаю; слѣдовательно, отъ кого я это слышать бы могъ? ¹⁾ Отъ услужливо повирающей публики, шпионовъ? Я безъ доказательствъ ничего не приѣмлю и ничего не говорю.

«Вотъ все, что до меня въ семь писемъ относится, и я отвѣчалъ по совѣсти, чести и справедливости, какъ передъ Богомъ сердцеѣдцемъ, карающимъ рано или поздно всякую неправду.

«Слѣдуетъ толстая тетрадь подъ заглавіемъ о Иллюминатствѣ въ 1831 году. Тотчасъ на первомъ листѣ какого-то рода введенія или вступленія князь Голицынъ говоритъ: «Я просилъ во всеподданнѣйшемъ послѣ писемъ государя императора допустить меня до открытія величайшаго заговора иллюминатовъ въ Россіи противъ христіанской вѣры, противъ самодержавія и противъ народа русскаго».

«Кажется, очень опредѣлительно, но нигдѣ не доказывается во всемъ семь вступленіи, чтобы иллюминаты существовали нынѣ въ 1831 году въ Россіи, что, однакожь, въ заглавіи обѣщано. Восклицанія: «хотятъ исказить греко-россійскую вѣру, заводятъ ереси, убивать въ сердцахъ русскихъ всякую любовь къ отечеству, лишать народы своей національности, нравовъ, здоровья (??), обычаевъ и проч. и проч.—должны еще доказаны быть; но гдѣ же это дѣлается въ Россіи, и въ 1831 году, и съ помощію иллюминатовъ? и когда это дѣлалось? Если я скажу, что великій Петръ помощію иллюминатовъ дѣлалъ въ Россіи всё полезныя перемены, которыя въ его время столько же имѣли противниковъ, какъ и въ нынѣшнія, мнѣ на-слово не повѣрятъ, потребуютъ доказательствъ — и справедливо!

Въ 1-мъ отдѣленіи ²⁾ излагается сперва Вейсгаупта система, уставъ, Codex.—Это родилось въ Германіи, но не доказывается, чтобы то же введено было и въ Россіи, равно и не отрицается, какъ равно и не доказывается, чтобы не было иллюминатства, потому что Сперанскій сказалъ пять лѣтъ назадъ, Вейсгауптъ давно умеръ; система его осталась. Послѣ чего опять идетъ рѣчь о Вейсгауптѣ, гдѣ, однакожь, много и натяжки; будемъ справедливы и противъ враговъ! Я Вейсгаупта мало читалъ, не могу судить, вѣренъ ли переводъ; а сумасшедшаго сего опредѣленіе морали: «мораль есть искусство, научающее людей выйти изъ малолѣтства, вырваться изъ-подъ опеки, вступить въ мужалый воз-

¹⁾ Князь Голицынъ утверждалъ, что Сангленъ докажетъ соучастіе Балугіанскаго въ основаніи иллюминатскаго ученія.

²⁾ Замѣтимъ здѣсь, что князь Голицынъ называетъ отдѣлы своего доноса частями, а Сангленъ въ дѣлаемомъ разборѣ—отдѣленіями.

расть и обходиться безъ царей» — я совсѣмъ не зналъ; но все нѣтъ доказательства, чтобы сія гнусная мораль была введена въ Россіи! «Россія атакуется съ трехъ сторонъ, разрушеніе ея поручено тремъ пропагандамъ: Саксонской (главной), Гамбургской и Парижской» — ничѣмъ и нигдѣ не доказано; равно какъ на стр. 5-й о начальникахъ департамента и на стр. 6-й о Собственной канцеляріи Его Величества. Я Сперанскаго, какъ уже сказалъ, видѣлъ рѣдко, — одинъ разъ; никто, можетъ быть, столь много не писалъ противъ его учрежденій, какъ я; но я имѣлъ въ виду сочиненія, а не сочинителя. Можетъ быть, въ Собственной канцеляріи невинно имѣлъ враговъ. Но Боже избави меня что-либо взвестъ на нихъ безъ доказательства, а ихъ не имѣю. Странно, князь Голицынъ, не давъ никакихъ доказательствъ ни о доносимыхъ имъ людяхъ, ни объ иллюминатствѣ, заключаетъ сіе 1-е отдѣленіе или часть словами: «Я изложилъ, кажется, довольно убѣдительно существованіе иллюминатства, которое нельзя оспорить».

«2-я часть, какъ-будто доказательная, начинается систематически. Иллюминатство существуетъ въ Россіи: 1) въ ученіи; 2) въ новыхъ учрежденіяхъ церкви; 3) во всѣхъ учрежденіяхъ государства.

«Большая часть сей статьи относится къ временамъ позже 1816 года, время, въ которое я удалился въ деревню; я ничего не могу сказать о предметахъ и лицахъ, здѣсь названныхъ, ибо формально ничего новаго не знаю. Но сомнѣваюсь, князь ли Голицынъ писалъ сію бумагу? Это болѣе похоже на Магницкаго, который Голицына, кажется, пустилъ какъ воина въ авангардъ. Я не утверждаю, но весьма вѣроятно послѣ шума, надѣланнаго Магницкимъ по ученой части, по возвращеніи изъ ссылки и отступленія отъ Сперанскаго. Скажутъ, Голицынъ писалъ здѣсь; матеріалы должны быть заготовлены прежде; такія бумаги не такъ скоро пишутся. Все, что сказано въ сей 2-й части о лицахъ, которыхъ не знаю, дышетъ жестокимъ фанатизмомъ, который обращается не на предметы, а на лица!

«Слѣдуетъ статья объ учрежденіи духовнаго правленія.

«Я объ этой статьѣ мало сказать имѣю; повѣствованіе о Фесслерѣ и ходъ дѣлъ довольно кажется мнѣ справедливъ; но кто могъ князю Голицыну это такъ подробно сообщить, какъ не Магницкій? И подозрѣніе мое усиливается, что едва ли статья и сія не его.

«Ограничусь оговорить одно мѣсто въ сей статьѣ. На оборотѣ стр. 19-й и далѣе князь Голицынъ говоритъ: «Я замѣчалъ сколько разъ въ его величествѣ наклонность къ всеобщей религіи, которая его поставляла въ нѣкоторое недовѣріе къ греко-россійской церкви. Изданіемъ періодическаго «Сіонскаго Вѣстника» и ученіемъ Фесслора государь думалъ посѣять настоящій христіанскій духъ, вывести нечувствительно изъ спасительныхъ формъ нашей церкви внутреннее христіанство и

быть орудіемъ всѣхъ церквей. Я почувствовалъ, что силы мои недостаточны были для убѣжденія государя, поѣхалъ въ Москву, жилъ цѣлую недѣлю въ Юрьевскомъ монастырѣ; тутъ я открылъ все богомерзкое ученіе Фотію, далъ ему много документовъ въ руки, потомъ наслалъ на него Магницкаго еще съ новыми доказательствами, и Фотій началъ дѣйствовать чрезъ графа Аракчеева». Неосторожно, самолюбиво и несправедливо. Опреѣлительно сказать могу, что государь со всѣмъ жаромъ души пламенной желалъ добра, истиннаго просвѣщенія своему народу: и гдѣ же они, коли не въ соединеніи религіи съ моралью, ибо по законамъ предвѣчной истины ни та, ни другая отдѣльно существовать не могутъ. Я ни къ какой сектѣ не принадлежу,—я читатель Евангелія—это божественное соединеніе религіи съ моралью. Государь ни спасительныхъ формъ церкви нарушить, ни самъ быть орудіемъ не хотѣлъ, а соединенія всѣхъ церквей желалъ, поелику о томъ молится ежедневно церковь наша. Желалъ внутренняго христіанства своему народу, ибо внутреннее, а не наружное рѣшаетъ о достоинствѣ истиннаго христіанина. Гдѣ же то богомерзкое ученіе, которое князь Голицынъ открылъ Фотію, наслалъ Магницкаго и проч.? Князь Голицынъ не всегда взвѣшиваетъ слова свои.

«Изъ всего этого кажется мнѣ, что нелѣпость смѣняется другой нелѣпостью, какъ будто нарочно, чтобы страхомъ иллюминатизма привести все въ сомнѣніе, всѣхъ людей подвергнуть подозрѣнію, а себя и своихъ выставить единственно защитниками вѣры, государя и отечества.

«*О расколыническихъ сектахъ.* Прохожу мимо—опять извѣты, доносы, о которыхъ ничего не слыхалъ, живучи въ деревнѣ! Малому вѣру, ибо лицепріятелей много. Сверхъ того, все уставы Вейсгаупта, а не доказываетъ ясно, чтобы точно онымъ слѣдовали тѣ, коихъ имена представлены.

«*Философскій взглядъ на Россію въ 1831 году.* Писано безъ философіи; опять Вейсгауптъ; тѣ же восклицанія, извѣты—и вдругъ, на стр. 39: «И люминаты дрожатъ предъ государемъ императоромъ». Коли дрожатъ, такъ уже безвредны и иллюминатства въ 1831 году нѣтъ: «Я не говорю: все пропало и нечего дѣлать, напротивъ того—все спасено, познайте только гнѣздо, гдѣ кроется опасность». На это гнѣздо, надобно было указать съ ясными доказательствами, а не наводить подозрѣнія, не смѣшивать протекшаго съ 1831 годомъ, въ которомъ нигдѣ на иллюминатство не показано. Оно дрожитъ, сказано выше, и, слѣдовательно, все противорѣчія.

«*Политическій взглядъ на Россію въ 1831 году.* Политики нѣтъ. Рассказы есть. Экспедиція въ Китай иллюминатства. Наблюденіе магнитной стрѣлки, тоже—это вездѣ только отыскивать иллюминатство безъ малѣйшихъ даже правдоподобныхъ доказательствъ. Потомъ: «что не одолѣеть

царь русскій съ народомъ русскимъ, ко мнѣ дѣти мои, наши!» вотъ волшебныя слова! «и двинется полъ свѣта!» Это истина святая, которую я кровію своею запечатлѣть готовъ; такъ гдѣ же опасность, гдѣ зловерное иллюминатство въ 1831 году? Всѣ эти противорѣчія, лицепріятія заставляютъ меня думать, что князь Голицынъ только фанатикъ, состоящій подъ влияніемъ Магницкаго, котораго наслалъ на Фотія, и который стремится только всплыть на поверхность производствъ, наградъ и проч. Не государь, не отечество въ виду, а собственная личная польза. Общественная—никакого лицепріятія не имѣетъ, говорить о дѣлахъ ясно, съ доказательствами, опирается на самой себѣ, на истинѣ, въ лицахъ нужды не имѣетъ, а свидѣтели—Богъ, совѣсть и честь!

«Документы для подкрѣпленія записки объ иллюминатахъ. № 1. Выписка изъ книгъ Вейсгаупта. Интересна, но не идетъ къ дѣлу, ибо не доказано, руководились ли ею въ Россіи. № 2. Выписка изъ уроковъ профессора Арсеньева. № 3. Выписка изъ уроковъ профессора Германа. № 5. Проповѣдь Филарета.—Какая есть лекція, какое сочиненіе въ мірѣ, которая въ выпискахъ умысленныхъ, съ упущеніемъ изъ виду цѣлаго, съ толкованіемъ частнымъ, съ прибавкою словъ, какъ въ проповѣди митрополита Филарета, не могли бы быть искажены, представлены въ преступномъ видѣ и не приведены подъ иллюминатство? Едва св. Августинъ, Босюетъ, нашъ Платонъ избѣгнули бы подобнаго же нареканія. № 6. Замѣчанія на лекціи профессора Давыдова. Кажется, уже правительствомъ изслѣдовано. № 7. Выписка изъ лекціи о статистикѣ,—съ примѣчаніями, не всегда человѣколюбивыми.

№№ 4 и 8—двѣ официальныя бумаги въ копіи. № 4—миѣніе главнаго училищъ правленія члена Рунича и № 8—копія съ представленія исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго округа и проч. Какъ онѣ сюда попали? Чтобъ ими подкрѣпить выписки? или хотѣли тутъ кого, напримѣръ, министра, задѣтъ? Дурно. Долгъ честнаго чловѣка идти прямо; есть доказательства—снимай маску съ кого слѣдуетъ, а нѣтъ—молчи!

«Извлеченіе изъ книги «истинный иллюминатъ». Это извлеченіе коли вѣрное, такъ и сказать нечего.

«Выписка сдѣланнмъ отмѣткамъ на запискѣ о иллюминатствѣ, съ объясненіями князя Голицына.

«На вопросъ: что Вейсгаупту повелѣно было Наполеономъ обратить свое вниманіе на статсъ-секретаря Сперанскаго», князь Голицынъ объясняетъ: Все это подтвердить князь Грузинскій, Магницкій и Сангленъ, который все знаетъ и получаетъ отъ казны 6,000 руб. за молчаніе. Нѣтъ ни единого слова правды. Во-первыхъ, я всего знать никакъ не могу, а уже, что повелѣно Наполеономъ Вейсгаупту не только не знаю, но я не понимаю,

какимъ бы образомъ знать могъ. Во-вторыхъ, пенсіи не получаю, числясь въ герольдіи съ жалованьемъ по 4,000 руб. въ годъ. Въ-третьихъ, если за молчаніе про дѣла Сперанскаго, такъ за что жъ казнѣ, а не самому Сперанскому платить?

«Путаница видна во всѣхъ отвѣтахъ.

«*Заключеніе.* Начинается неправдой: обнаруживъ всѣ дѣйствія иллюминатовъ въ Россіи. Рѣшительно нигдѣ, а подозрѣній навлечено пропасть. Предложеніе мое, кажется, оправдывается: Магницкій можетъ совершенно настроить, а именно, выказать всѣмъ и какими лицами ввелось и поддерживается иллюминатство въ Россіи. Пусть онъ и возьметъ на себя этотъ трудъ, а я, истинно, не знаю!

«*Дополнительная записка,* которая ничего не дополняетъ желаемаго, а развѣ—умножаетъ число подозрѣній на разные лица. Здѣсь обнаруживаетъ князь Голицынъ желаніе, чтобы его показанія, и недостаточныя къ убѣжденію, были приняты въ видѣ гипотезъ или предположеній. Я согласенъ, коли и лица, имъ названныя, приняты будутъ въ видѣ гипотезъ или предположеній.

«*Дополненіе къ поданной запискѣ.* Въ оной князь Голицынъ признается, что имѣетъ подозрѣнія безъ малѣйшихъ доказательствъ и именуетъ лица, забывая, что и прежнія безъ малѣйшихъ доказательствъ.

«*Върноподданническое мое мнѣніе.* Во всѣхъ бумагахъ князя Голицына поименованныхъ лицъ много, доносовъ пропасть, жи несчетно и едва ли можно доселѣ что-либо принять въ доказательство. Не менѣе того есть иныя мѣста, которыхъ прямо клеветой назвать не смѣю, а за истину принять то же не могу—ясныхъ доказательствъ нѣтъ! Нѣтъ даже того теплаго отголоска, который встрѣчаемъ въ самыхъ простыхъ изложеніяхъ, въ коихъ истина немедленно въ душѣ отзывается истиной! Въ заносчивости своей, увлеченный фанатизмомъ, худо понятымъ усердіемъ, не падить онъ ничего, никого, ни даже самого себя. Это страшный судъ; явитесь живые и мертвые! Давнопротекшее сливается съ настоящимъ, а настоящее теряется въ давнопрошедшемъ. Среди сего смѣшенія, хаоса, князь Голицынъ, какъ утопающій, ухватывается за соломенки; ссылается на Магницкаго—это въ порядкѣ; на дядю, князя Грузинскаго—и это дѣло; наконецъ, на меня, котораго совсѣмъ не знаетъ—это уже не дѣльно! Мнѣ кажется, что вся эта громада рассказовъ есть не что иное, какъ собраніе тѣхъ временъ толковъ, зависти, злобы, клеветы и безразсудства, приведенныя здѣсь въ систему иллюминатства. Чтобы подозрѣнія вообще обратить въ убѣжденіе, нужны несомнительныя доказательства.

«Съ другой стороны, трудно предположить, чтобы всѣ сіи бумаги

были писаны безъ причины, чтобы въ нихъ чего-либо не крылось. Но, что такое? На что поставленъ я, котораго не знаетъ? Не думаетъ ли, что я, недовольный, желаю всплыть на вершину почестей и обрадуюсь сему случаю, буду свидѣтельствовать за нихъ? Все это, по моему мнѣнію, раскрыть нужно и приступить къ дѣйствию. Дерзаю повергнуть здѣсь планъ мой.

«Нужно избрать человѣка одного, безъ письмоводителя, писаря, облеченнаго монаршею довѣренностію. Онъ долженъ стараться получить письменные отзывы отъ тѣхъ, кои въ сихъ бумагахъ оклеветаны, и коихъ честь требуетъ, чтобы они, оправдаясь, сокрушили клевету. Когда отвѣты собраны будутъ, представить оные его императорскому величеству и симъ покончить первое отдѣленіе сего дѣйствія.

«Во второмъ отдѣленіи надобно то же сдѣлать съ Магницкимъ, княземъ Грузинскимъ, Руничемъ, Шервудомъ-Вѣрнымъ, Хотяинцевой и кто окажется принадлежащимъ къ тѣмъ лицамъ, на коихъ ссылается князь Голицынъ.

«Если то императору угодно, по возвращеніи моемъ въ Москву, я могу по давнишнему знакомству съ княземъ Грузинскимъ получить многое для развязки сего дѣла. Онъ меня уважаетъ и боится.

«Въ третье отдѣленіе поступилъ бы одинъ князь А. Б. Голицынъ.

«Когда всѣ сіи свѣдѣнія собраны будутъ, сдѣлать имъ сводъ изъ показаній той, другой и третьей стороны. Здѣсь можетъ открыться неожиданное: во-первыхъ, относительно до лицъ второклассныхъ и ниже. Во-вторыхъ, Магницкій и князь Грузинскій не принадлежать ли сами къ какой-либо сектѣ, вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ. Не принадлежать ли они къ фанатической сектѣ Якова Бема, родившагося въ 1579 году;—изъ сей секты породилось впоследствии иллюминатство. У насъ много приверженцевъ Якова Бема, и часто не любятъ они иллюминатовъ; одинъ изъ величайшихъ фанатиковъ Бемовой секты былъ Кульманъ, сожженный въ Москвѣ въ 1684 году. Лабзинъ, Лънивцевъ—здѣсь, Поздѣвъ—въ Москвѣ, всѣ читатели были Якова Бема и много есть и теперь. Его важнѣйшія творенія: «De la vie intellectuelle», «Du Mystère céleste et terrestre», «L'Aurore naissante, la triple vie» etc. etc. Хотя это просто фанатическая секта визионеровъ, однакожь, лучше знать ихъ, дабы не дать перехода въ иллюминатство, ибо демаркаціонную линію соблюдать трудно.

«Повергаю все на благоусмотрѣніе моего императора со всеподданническою преданностію. Яковъ де-Сангленъ».

III.

Императоръ Николай остался вполне доволенъ объясненіями Санглена, сказавъ, что у него лица въ сторонѣ, и все доказывается и опровергается самими происшествіями и духомъ того времени.

Государь повелѣлъ, чтобы къ отправленію Санглена къ его семейству, «буде пожелаетъ оставить Петербургъ», не было дѣлаемо препятствія. Кроме того, императоръ Николай, 12-го февраля, пожаловалъ Санглену брильянтовый перстень въ двѣ тысячи рублей и велѣлъ выдать 3.000 руб. ассигнаціями на путевыя издержки.

Козни князя Голицына не обошлись ему даромъ. 21-го января 1831 года Голицыну была объявлена высочайшая воля, чтобы онъ отправился въ Кексгольмъ ¹⁾.

Когда князь Голицынъ покинулъ Кексгольмъ, намъ не удалось установить въ точности: кажется, это случилось тотчасъ послѣ прочтенія государемъ записки Санглена ²⁾.

Гдѣ проживалъ затѣмъ князь Голицынъ—не знаемъ; но, вѣроятно, этотъ неисправимый фанатикъ продолжалъ утруждать государя своими доносами, потому что въ 1835 году отставной уже генераль-маіоръ князь Андрей Голицынъ за склонность къ вздорнымъ доносамъ подвергся со стороны III-го отдѣленія внушенію воздерживаться отъ подобныхъ писаній, съ обязательствомъ жить безвыѣздно въ своемъ имѣніи, гдѣ за нимъ учреждено было наблюденіе со стороны мѣстной полиціи. Въ 1836 году князю Голицыну дозволено было жить гдѣ пожелаетъ, кроме столицъ. Когда же въ 1844 году князь Голицынъ просилъ снять съ него это запрещеніе, императоръ Николай положилъ по этому поводу, 1-го ноября, слѣдующую резолюцію: «Въ Москву, но отнюдь не сюда, ибо я не разъ былъ имъ обманутъ».

Въ доносѣ 1831 года князь Голицынъ постоянно ссылался на Магницкаго, проживавшаго тогда въ Ревелѣ, выставляя его вездѣ, по выраженію Санглена, «какъ воина въ авангардѣ». Вслѣдствіе этого

¹⁾ Въ письмѣ къ генераль-адъютанту Потапову отъ 28-го января 1831 г. князь Голицынъ жалуется на стѣсненія, причиненныя ему плацъ-маіоромъ: „il avait imaginé le premier soir de me faire escorter même au lieu d'aisance par deux sentinelles avec fusils“.

7-го февраля князь Голицынъ писалъ графу Чернышеву:

„Je n'ai pas même la liberté d'être seul dans ma chambre, et si j'y suis, j'ai des visites du major de place qui tremble quand il voit un encrier sur ma table“.

²⁾ Сангленъ въ своихъ запискахъ ошибочно замѣчаетъ, что князь Голицынъ былъ освобожденъ изъ Шлиссельбургской крѣпости.

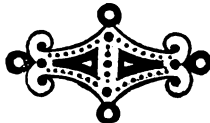
императоръ Николай потребовалъ отъ Магницкаго объясненія по поводу иллюминаговъ и тотъ незамедлилъ представить государю обширную записку подъ заглавіемъ:

«Обличеніе всемірнаго заговора противъ олтарей и троновъ, публичными событіями и юридическими актами».—«О водвореніи иллюминатства подъ разными видами въ Россіи».

Долго искали мы въ разныхъ архивахъ слѣдовъ этого творенія Магницкаго, но тщетно. Наконецъ намъ удалось найти эту записку въ частномъ собраніи рукописей, съ которою и познакомимъ читателей «Русской Старины». Записка Магницкаго служитъ необходимымъ дополненіемъ и поясненіемъ доноса его несравненно менѣе даровитаго сотрудника, князя Голицына.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ хроники семейства Львовыхъ.

Въ «Русской Старинѣ», за 1880 годъ, мы читали записки Елисаветы Николаевны Львовой, состоящія исключительно изъ разныхъ сообщеній и разсказовъ изъ временъ царствованія императора Николая Павловича. Въ ту пору Елисавета Николаевна уже была вдовою и жила съ пасынкомъ своимъ Алексѣемъ Теодоровичемъ Львовымъ, извѣстнымъ композиторомъ гимна «Боже Царя храни».

Нынѣ, изъ записокъ дочери ея, Н. Ѳ. Самсоновой и частью изъ отрывковъ журнала Елисаветы Николаевны—мы имѣли возможность собрать нѣсколько не безъинтересныхъ свѣдѣній касательно жизни самой Елисаветы Николаевны, память о которой до сихъ поръ свято чтится въ нисходящихъ поколѣнιάхъ ея огромнаго семейства.

Елисавета Николаевна была дочь тайнаго совѣтника Николая Александровича Львова, въ свое время извѣстнаго строителя и писателя въ царствованіе Екатерины II. Оставшись 16-ти лѣтъ сиротой, она вмѣстѣ съ сестрами и братьями, была взята въ домъ тетки своей Дарьи Алексѣевны Державиной, гдѣ и провела свою молодость до самаго замужества. Въ то время домъ Гавріила Романовича Державина былъ центромъ собраній государственныхъ дѣятелей, а потому въ средѣ серьезно развитыхъ людей, развивалась и молодая, красивая, умная дѣвушка, горячо любимая дядей и теткой и до крайности балованная всѣми ея окружающими.

Имя собственное прекрасное состояніе, Елисавета Николаевна жила въ домѣ Державиныхъ совершенно самостоятельно: она занимала отдѣльное помѣщеніе вверху, держала свой экипажъ, свой столъ и выѣзжала со старушкой француженкой M-me Lebossef, куда и когда хотѣла.—Каждое утро она поднималась наверхъ здороваться съ дядей

и теткой, а два раза въ недѣлю принимала ихъ у себя къ обѣду. На литературныхъ вечерахъ Гавріила Романовича, Елисавета Николаевна присутствовала всегда и съ живымъ интересомъ слѣдила за всѣми новыми произведеніями своего дяди, которыя читались и разбирались его современниками. Державинъ скоро замѣтилъ въ своей племянницѣ особую чуткость ко всему возвышенному, сталъ часто относиться къ ней какъ къ существу вполне разумному, бесѣдовать съ нею и наконецъ эта 17-ти-лѣтняя, балованная дѣвочка является у него въ кабинетѣ уже въ должности секретаря, пишущаго подъ диктовку поэта его стихотворенія. Впослѣдствіи Державинъ подарилъ Елисаветѣ Николаевнѣ всѣ свои сочиненія съ правомъ печататъ ихъ послѣ его смерти.

Рядомъ съ этимъ разумнымъ направленіемъ, привлекавшимъ къ ней людей пожилыхъ и серьезныхъ, Елисавета Николаевна живостью и веселостью своего характера не могла быть не замѣчена въ свѣтѣ и при дворѣ Павла Петровича, куда она начала выѣзжать съ своей теткой Дарьей Алексѣевной и гдѣ вскорѣ цѣлая вереница поклонниковъ окружила эту оригинальную и привлекательную дѣвушку. Въ своемъ журналѣ, Елисавета Николаевна вскользь упоминаетъ о томъ какъ король прусскій, гостившій въ то время при нашемъ дворѣ, оказывалъ ей особое вниманіе и какъ однажды, уловивъ минуту когда, во время бала въ Эрмитажѣ, она проходила одна чрезъ зимній садъ, онъ бросился передъ нею на колѣна и просилъ, какъ милости, на память хотя одну розу изъ ея волосъ. Въ томъ же журналѣ Елисавета Николаевна сознавалась сама какъ часто она безчеловѣчно поступала со своими поклонниками, особенно въ то время, когда дома, ради шалости, съ распушенными волосами носилась по комнатамъ, прыгала по мебели, разбивая, если попадались ей подъ руку, фарфоръ или стекла. Въ такихъ оригинальныхъ приступахъ безумія, Дарья Алексѣевна, да и самъ Державинъ, бѣгая за сумасшедшей племянницей, приказывали прислугѣ скорѣе убирать все цѣнное, такъ какъ въ эти минуты она не щадила ничего; въ особенности страдали отъ нея влюбленные въ нее ея двоюродныя братья (одинъ изъ нихъ, Ярцевъ, спасаясь отъ ея преслѣдованія выскочилъ въ палисадникъ и сломалъ себѣ ключицу). Повидимому, въ то время подобныя забавы не представляли ничего предосудительнаго, такъ какъ Елисавета Николаевна очень просто въ нихъ сознается сама, и говоритъ о себѣ, какъ о своевольной балованной дѣвочкѣ, страшно любившей шалить и дурачиться.

Тѣмъ не менѣе, и несмотря на представлявшія ей блестящія партіи, эта красивая и богатая дѣвушка не думала о замужествѣ. Чувствуя себя независимой и счастливой въ семьѣ своихъ родствен-

никовъ, она не поддавалась никакому сердечному увлеченію, что серьезно начинало беспокоить ее тетку, съ которой она выѣзжала въ свѣтъ. Въ то время за нее сватался богатѣйшій графъ Марковъ, бывшій впоследствии нашимъ посломъ при Наполеонѣ въ Парижѣ. Елисавета Николаевна отказала ему, несмотря на всю выгоду такой партіи и привлекательность самого Маркова, который былъ однимъ изъ блестящихъ дѣятелей того времени. Огорченная отказомъ тетка хотѣла было настаивать на согласіи племянницы, но послѣдняя оставалась тверда, а затѣмъ замѣтно начала вовсе уклоняться отъ всякихъ свѣтскихъ развлеченій и выѣздовъ, предпочитая занятія и чтенія дома, среди своихъ братьевъ и сестеръ.

Отецъ Елисаветы Николаевны, Николай Александровичъ Львовъ имѣлъ, по отцу, двоюроднаго брата Ѳедора Петровича Львова¹⁾, который въ ранней молодости женился на дочери свояченицы Николая Александровича, а именно: на Надеждѣ Ильинишнѣ Березиной. Родственный бракъ этотъ еще тѣснѣ связалъ дружбу двухъ двоюродныхъ братьевъ и дѣти обѣихъ семей, съ колыбели, росли въ Петербургѣ вмѣстѣ. А дѣтей было много: у Николая Александровича 5 человекъ, а у Ѳедора Петровича 15, изъ коихъ, въ живыхъ осталось 10.

Елисавета Николаевна, во второй части своего журнала часто упоминаетъ о Ѳедорѣ Петровичѣ Львовѣ, называя его своимъ «Cousin», хотя онъ скорѣй приходился ей дядей. Горячо любя какъ его, такъ и его жену, она часто къ нимъ ѣздила, всегда восхищалась высокимъ умомъ Ѳедора Петровича, кротостью Надежды Ильинишны и ихъ прелестными дѣтьми, которые уже съ ранняго дѣтства оказывали необыкновенныя музыкальныя способности. Будучи сама богата, она часто сокрушалась, что любимые друзья ея, такъ нуждаются въ необходимомъ и наконецъ 2-ю часть своего журнала она кончаетъ такъ: *ma cousine Nadine est au plus mal. Elle a mis au monde une charmante enfant, nommée Alexandrine et les docteurs la trouvent sans espoir de guérison! Je ne quitte pas son lit; la douleur de Théodore navre mon coeur! Le bonheur de cette délicieuse famille, que chacun admirait—le voilà brisé pour toujours! Quel affreux malheur!...²⁾*

Елисаветѣ Николаевнѣ было 19 лѣтъ, когда овдовѣлъ Ѳедоръ Петровичъ. Ему въ то время было за сорокъ лѣтъ и около него росли 10 человекъ дѣтей, нравственные и матеріальныя заботы о которыхъ ле-

¹⁾ Впоследствии директора пѣвческой капеллы и члена Государственного Совета.

²⁾ Моя кузина Надя опасно больна. У нея родилась дочь Александра, послѣ чего она настолько ослабѣла, что доктора находятъ ее безнадежною. Я не отхожу отъ ея постели. Горе Ѳедора раздираетъ мое сердце! Счастье этой чудной семьи навсегда разбито! Какое ужасное испытаніе!

жали всецѣло на немъ одномъ. Не имѣя почти никакого состоянія, онъ часто нуждался въ средствахъ, и если бы, въ то время, онъ не занималъ хорошаго мѣста на государственной службѣ, то не имѣлъ-бы положительно возможности поддерживать свое огромное семейство. Все свободное время отъ служебныхъ занятій, Ѳеодоръ Петровичъ проводилъ въ домѣ Державиныхъ, и преимущественно внизу у Львовыхъ, гдѣ общество Елисаветы Николаевны сдѣлалось вскорѣ для него необходимою. И вотъ каково было положеніе Львова, когда умная, богатая, красивая и свѣтская дѣвушка влюбилась въ него безъ ума.

Уже не разъ въ журналѣ Елисаветы Николаевны просвѣчивало какъ бы презрѣніе къ пустотѣ свѣтской жизни, которая, не удовлетворяя потребностямъ ея души, начинала надоѣдать ей, но когда овдовѣлъ Ѳеодоръ Петровичъ и передъ глазами ея предстало настоящее горе цѣлаго семейства, она до того охладѣла къ свѣту, что выѣзжала только по принужденію дяди и тетки, которые все еще надѣялись выдать ее замужъ.

Вскорѣ Ѳеодоръ Петровичъ, не имѣя болѣе силъ таить свою любовь, которая только росла при убѣжденіи, что она взаимна, сталъ искать случая открыть свое сердце Державинымъ, но въ первый разъ, когда въ присутствіи Елисаветы Николаевны, онъ рѣшился заговорить съ ними объ этомъ обстоятельстве, то оба такъ были глубоко поражены, а затѣмъ разразились такимъ негодованіемъ, что всякая надежда на ихъ согласіе на бракъ, окончательно исчезла. Характеръ Дарьи Алексѣевны былъ всегда твердый, даже сухой, и она безпощадно клеймила Елисавету Николаевну неблагодарностью, а Ѳеодора Петровича просила навсегда прекратить свои посѣщенія. — Такъ прошелъ длинный мучительный годъ.

Въ это время старики Державины дѣлали все возможное, чтобы развлечь племянницу и веселить ее при дворѣ, гдѣ вскорѣ опять представилась ей хорошая партія, но послушная во всемъ, кромѣ вопроса замужества, Елисаветѣ Николаевнѣ все чаще и чаще приходилось напоминать имъ, что она сердцемъ не свободна и ни за кого замужъ не выйдетъ. Предстоялъ еще какой-то балъ, и по приказанію Дарьи Алексѣевны, для Елисаветы Николаевны былъ приготовленъ прелестный туалетъ, но она не смѣла заикнуться о своемъ рѣшеніи не ѣхать. а между тѣмъ, при случайномъ свиданіи съ Ѳеодоромъ Петровичемъ дала ему слово отказаться отъ этого бала. Часъ одѣванія насталъ, все было готово къ отъѣзду, когда отчаянная дѣвушка, не долго думая, перочиннымъ ножомъ такъ глубоко разрѣзала себѣ пятку, что обуться оказалось безусловно невыполнимымъ.

Прошло еще нѣкоторое время и на неоднократную просьбу Елисаветы Николаевны разрѣшить ей вступить въ бракъ съ Ѳеодоромъ

Петровичемъ, послѣдовалъ тотъ же рѣзкій и твердый отказъ. Дѣлать было нечего! Всякая надежда на полученіе согласія со стороны горячо любимаго дяди Державина пропала окончательно, и тогда Елисавета Николаевна рѣшилась на великій шагъ: повѣнчаться съ Федоромъ Петровичемъ тайно.

Въ сопровожденіи своихъ братьевъ, Леонида и Александра, Елисавета Николаевна вечеромъ уѣзжаетъ изъ дома и вѣнчается съ Федоромъ Петровичемъ въ церкви при с. Ульянкѣ, на Петергофской дорогѣ. Тотчасъ же послѣ совершения брака, молодые пріѣхали въ домъ Державиныхъ, въ надеждѣ, на колѣнахъ, вымолить себѣ прощеніе. Но они ошиблись, рассчитывая на снисхожденіе стариковъ. Не желая разрывать свои отношенія съ тѣми, кто въ теченіе столькихъ лѣтъ замѣняли ей отца и мать, Елисавета Николаевна осталась въ ихъ домѣ одна, а мужъ ея уѣхалъ къ себѣ, предоставляя женѣ дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ родными по ея усмотрѣнію. Не прошло, конечно, и нѣсколькихъ дней, какъ послѣдовало со стороны стариковъ вынужденное прощеніе, и счастливая молодая переѣхала въ домъ своего мужа, гдѣ ожидала ее огромная семья.

Неудовольствіе, вызванное этой свадьбой въ семьѣ не только Державиныхъ, но и всѣхъ другихъ родственниковъ, было весьма понятно. Хотя Федоръ Петровичъ былъ горячо любимъ и цѣнимъ всѣми, но его семья и съ нею чуть не бѣдность не могли не устрашать всѣхъ и не пугать мыслью, что неопытная и увлекающаяся натура Елисаветы Николаевны не понимала всей важности совершаемаго ею поступка. Однако, одаренная самыми возвышенными чувствами, эта необыкновенная молодая женщина, съ перваго дня своего замужества, стала твердо на избранномъ ею пути и непоколебимо шла по немъ до конца своей жизни. Правда, что она была горячо поддержанна любовью человѣка, не менѣе ея достойнаго и высокаго, но тѣмъ не менѣе избранная ею доля была полна труда и самоотверженія.

3-я часть журнала Елисаветы Николаевны начинается такъ: *je suis mariée, mariée à Théodore que j'adore; j'ai dix enfants auprès de moi...*¹⁾ и т. д. Страницы этого журнала полны радостей и заботъ о дѣтяхъ мужа, которые всѣ кажутся ей прелестными. Нужно было дивиться, откуда хватало столько силъ и времени у молодой женщины, чтобы вести домъ и 10 человѣкъ дѣтей такъ, какъ она повела ихъ съ перваго дня своего замужества.

Сначала она удалила тѣхъ гувернантокъ и боннъ, которые не удовлетворяли ея требованія. Затѣмъ она старалась сколько возможно быть съ дѣтьми неразлучна, вслѣдствіе чего они скоро привязались къ

¹⁾ Я замужемъ; замужемъ за Федоромъ, котораго боготворю, у меня десять человѣкъ дѣтей... и т. д.

ней, какъ къ родной матери и тогда ей стало легко вести ихъ такъ, какъ она того хотѣла. Къ старшимъ ходили преподаватели, съ младшими она занималась сама: учила ихъ русскому и французскому языкамъ, музыкѣ, пѣнію и всевозможнымъ рукодѣліямъ, на которыя была удивительная мастерица. вмѣстѣ съ тѣмъ, преобразовавъ весь порядокъ въ домѣ, она повела всѣ домашніе расходы и книги сама, а если къ этому прибавить, что она почти всегда была беременна, такъ какъ въ теченіи 25 лѣтъ замужества у нея было 16 родовъ, то дѣйствительно нельзя не признать и не удивляться неимоверной дѣятельности и энергіи этой исключительной женщины.

Когда стали подростать ея собственныя дѣти, то старшія дѣти ея мужа пришли къ ней на помощь въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія младшимъ. Огромная семья эта росла вся вмѣстѣ и несмотря, что дѣти были отъ разныхъ матерей, между ними никогда не было ни малѣйшей розни ни въ чувствахъ къ родителямъ, ни въ любви между собою.

Съ возрастомъ старшихъ дочерей Ѳедора Петровича, у Елисаветы Николаевны прибавилась новая забота и обязанности: она стала вывозить ихъ въ свѣтъ, и съ той поры Коломенскій большой деревянный домъ Ѳедора Петровича, названный дѣтьми «Новымъ Ковчегомъ» сдѣлался однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ домовъ для молодежи. Въ немъ устраивались музыкальные вечера (сыновья играли на разныхъ инструментахъ, дочери имѣли прекрасные голоса), домашніе спектакли, душой которыхъ была все та же Елисавета Николаевна, еще въ то время красивая, веселая и здоровая женщина.

При такой большой семьѣ и въ то время, когда одинъ сынъ за другимъ поступали на службу, нужда въ самомъ необходимомъ часто давала себя чувствовать, но и эти лишенія скользили легко при той дружбѣ, которая связывала братьевъ и сестеръ между собою. Нужна, напримеръ, брату шинель, сестры дѣлаютъ между собою складчину и принимаютъ даже старушку-няню въ долю, которая со счастьемъ несетъ имъ свои послѣдніе рубли. То же дѣлаютъ братья для сестеръ. Простота жизни того времени была необычайная: въ обыкновенные дни зала и гостиная не освѣщались, въ лакейской горѣла сальная свѣча, а лишь въ одной «цвѣточной» комнатѣ, каждый вечеръ послѣ уроковъ, всѣ дѣти, какъ муравьи, тѣснились около родителей со своими работами, и другими занятіями. То были единственные свободные часы, которые Ѳедоръ Петровичъ проводилъ въ своемъ семействѣ. Ежедневный столъ отличался тоже простотой: кухня была русская, а послѣ обѣда, на радость дѣтей иногда подавали вмѣсто десерта мороженную клюкву, которую всѣ дѣти съ особеннымъ удовольствіемъ ѣли съ медомъ, полученнымъ изъ деревни. Случалось, что пріѣзжали ко Львовымъ ихъ друзья и знакомые и вмѣстѣ съ всеми проводили вечеръ за-просто, за

чайнымъ столомъ, при чемъ ни особыхъ нарядовъ, ни угощенія не требовалось. Зато остались памятны всему поколѣнью тѣ праздники, которые устраивались Елисаветою Николаевною со старшими дѣтьми, среди которыхъ уже тогда выдѣлялись замѣчательные таланты. Домашняя музыка, живопись, чуть не всѣ искусства всегда содѣйствовали устройству чего либо выходящаго изъ ряда общахъ увеселеній, привлекавшихъ сначала петербургскій beau-monde, а впоследствии и всю царскую семью.

Вотъ описаніе двухъ такихъ праздниковъ, взятое изъ записокъ Н. О. Самсоновой.

«Бабушка Державина, которая насъ всѣхъ очень любила и баловала, задумала сдѣлать для насъ праздникъ съ тѣмъ, чтобы расходы были ея, а заботы и гости—наши. Такъ какъ гостей должно было быть много, а именно 400 человекъ, то въ нашемъ домѣ принять всѣхъ было невозможно и рѣшили пригласить гостей въ домъ Державиной, что у Измайловскаго моста (нынѣ домъ католической консисторіи). Со смерти дѣдушки, парадныя покои нижняго этажа не открывались, а бабушка жила наверху. Помню съ какимъ восхищеніемъ осматривали мы всѣ эти комнаты! Особенно осталась у меня въ памяти спальная, кторая вся была исписана въ видѣ боскета, гдѣ мѣстами вѣтки точно отдѣлялись отъ стѣнъ. На потолкѣ, въ росписныхъ облакахъ, красовалась луна, свѣтъ которой освѣщаль всю комнату. Въ эту комнату во время бала приходили отдыхать.

«Балъ долженъ былъ быть маскированный, и все петербургское общество было имъ крайне заинтересовано. Это было на масляницѣ, а такъ какъ въ это время баловъ вездѣ много, то покойный государь Николай Павловичъ самъ назначилъ для него день и просилъ моего отца приготовить отдѣльный подъѣздъ, намекая что императрица желала бы, подъ маской, посѣтить нашъ вечеръ.

«Когда въ 10 часовъ зала была полна приглашенныхъ, изъ боковой двери показалась маленькая тельжка полная соломы, которую везли два мальчика въ красныхъ рубашкахъ. Дойдя до середины залы, они остановились, солома распалась на двое, и изъ середины выскочилъ амуръ, который, сталъ бросать всѣмъ афиши, напечатанныя на разноцвѣтныхъ атласныхъ лентахъ. На афишахъ было сказано: общій полонезъ, за тѣмъ нѣсколько точекъ; это обозначало, что будетъ сюрпризъ для публики. Загѣмъ вальсъ и опять нѣсколько точекъ и т. д. Костюмы полонеза и вообще всѣ были, по истинѣ, безподобны.

«Вслѣдъ за тѣмъ всѣ перешли въ особый залъ, гдѣ была устроена сцена и на ней давали одинъ актъ изъ оперы, передѣланной Теофиломъ Матвѣевичемъ Толстымъ: *Turca in Italia*, въ которой фигурировала сестра Маша и я.

«Затѣмъ сейчасъ же опять начинались танцы: вальсъ.—Вдругъ изъ четырехъ угловъ залы показались «четыре времени года», четыре хорошенькія, пятнадцатилѣтнія дѣвочки, прелестно одѣтыя. Помню двоюродную сестру мою Вареньку Броздину, — впоследствии замужемъ за Воейковымъ; — въ костюмѣ зимы, въ креповомъ бѣломъ платьѣ усѣянномъ блестками и съ вѣнкомъ на головѣ изъ кристаллическихъ сухихъ вѣтовъ. Она была прелестна. — Протанцовавъ «*pas de quatre*», дѣвочки стали посреди залы и начали манить кого то рукой. Тогда появились съ разныхъ сторонъ четыре части свѣта: Европа, Азія, Африка и Америка. Европу изображала Маша Безобразова съ братомъ. Она была одѣта и причесана à la *Ninon de l'Auclos*, а онъ во фракѣ покроя того времени, и протанцовавъ мину-еть, она низко присѣла своему кавалеру, а онъ церемонно ея поклонился. Слѣдомъ за ними шла Азія, а именно я, съ моимъ мужемъ, тогда еще и не думавшимъ на мнѣ жениться. Началось съ того, что я, среди залы, одна раскрывалась и закрывалась длинной газовой фатой. а онъ ловилъ минуты, чтобы заглянуть мнѣ въ лицо. «*Pas*» кончался тѣмъ, что я угрожала ему кинжаломъ. Оба мы были въ богатыхъ персидскихъ костюмахъ. Вслѣдъ за нами явилась Африка, которую изображали Маша Восикова¹⁾ съ Николаемъ Безобразовымъ. Все лицо и руки Маши были мастерски обтянуты чернымъ крепомъ, губы подкрашены, а на головѣ красные караллы. Костюмы обоихъ были прекрасны. Кончая свое «*pas*» она тоже угрожала своему кавалеру стрѣлой. Америку представляли сестра Маша съ Балабинымъ, въ богатѣйшихъ костюмахъ.

«Нашъ кадрилъ произвелъ совершенный фуроръ, всѣхъ заставляя повторять и аплодисменты еще все продолжались, когда музыка уже приглашала желающихъ приняться за танцы. Послѣ нашего кадрили, была представлена французская шарада въ акціяхъ: «*Paris*». Сперва маленькая С. Пирхъ протанцовала «*un pas de châte*», а вслѣдъ за ней замѣчательная красавица М. Кайсарова явилась *en vendeuse d'amours ou les rîes*, въ бѣломъ платьѣ греческаго покроя, съ гладкимъ золотымъ поясомъ, открытыми до плеча рукавами и съ золотой діадемой на головѣ. Она толкала передъ собою большую клѣтку на колесахъ. въ которой сидѣло нѣсколько прелестныхъ дѣтей, одѣтыхъ амурами съ крылышками. Затѣмъ Парисъ стрѣлялъ въ яблоко и три богини: Венера, Юнона и Минерва стояли около него въ классическихъ позахъ.

«Помню, что танцы уже далеко зашли за полночь, балъ подходилъ къ концу, я стояла при входѣ въ залу и видѣла какъ три министра: князь Волконскій, министръ двора. князь Чернышевъ—военный и графъ

¹⁾ Впоследствии замужемъ за Поленовымъ, отцомъ извѣстнаго художника.

Нессельроде—иностранныхъ дѣлъ, стоваривались уѣзжать по домамъ и шли по направленію къ выходу, когда изъ боковой двери, подъ звукъ заманчивой мазурки, влетѣли въ залъ, въ польскихъ костюмахъ, 12 паръ дамъ съ кавалерами, какъ бы на подборъ, одна пара лучше другой. Въ одно мгновеніе всѣ три министра, какъ юноши, вскочили на окно, чтобы лучше видѣть танцующихъ».

Вотъ другой праздникъ, описанный Н. Э. Самсоновой.

«Я была уже замужемъ, и братъ Алексій Ѳеодоровичъ женатъ. Это было въ его домѣ на Караванной улицѣ и въ присутствіи всей царской фамиліи, начиная съ государя Николая Павловича.—Одна не большая часть залы была отдѣлена натынутымъ чернымъ сукномъ отъ потолка до пола, посреди котораго вырѣзанъ большой кругъ, тоже временно закрытый. Лишь только всѣ приглашенные собрались и вошли въ залу, какъ потушили свѣчи и въ ту же минуту кругъ какъ бы освѣтился волшебнымъ фонаремъ, возлѣ котораго стоялъ довольно плотный, красивый французъ, М-г Guillon. Онъ съ забавной болтовней обратился къ обществу, обѣщая показать ему китайскія тѣни (l'auterne magique). Но вотъ вдругъ въ кругу показалась картина: le berceau de Louis XV¹). (Если не ошибаюсь картина эта находится въ Луврѣ). За кулисами, на фисъ-гармоніи, заигралъ братъ Ѳеодоръ, аккомпанируя хоръ пѣвческой капеллы, въ полголоса поющаго что то прекрасное, но что не помню. Показалась колыбель, въ которой лежала наша Лиза, тогда трехъ-лѣтняя дѣвочка, вся въ кружевахъ и тюлѣ. Надъ нею какъ бы парили три ангела, три необыкновенныя красавицы, въ бѣлыхъ легкихъ одеждахъ, съ огромными поднятыми надъ колыбелью бѣлыми же крыльями. Это были: Маша Фулонъ, Маша Абаза ²), а третью не помню.—Онѣ были такъ хороши, освѣщеніе такъ эффектно, что пораженная публика на мгновеніе какъ бы замерла, а затѣмъ уже разразилась восторженными аплодисментами, а государь Николай Павловичъ не только хлопалъ руками, но билъ о паркетъ своею саблею. Картину эту показывали нѣсколько разъ.

«Вторая картина—сцена изъ времянъ инквизиціи,—была тоже поразительно хороша. Въ то время была въ Петербургѣ извѣстная красавица Алферьева (послѣ замужемъ за Масловымъ). Высокая, стройная, съ распущенными волосами, въ бѣломъ платьѣ, перетянутаго веревкою вмѣсто пояса, она лежала на соломѣ въ темницѣ, окруженная всякими атрибутами инквизиціи, а два монаха, одинъ лицомъ смуглый съ блестящими глазами, а другой совсѣмъ сѣдой наблюдали за красавицей. Эту картину, по требованію общества показывали тоже нѣсколько разъ, перемежая

¹) Колыбель Лувина XV.

²) Впослѣдствіи замужемъ за Н. А. Милютинимъ.

положеніе фигуръ: то дѣвушка была на колѣняхъ между монахами, то ее страшали истязаніями, и картины выходили все лучше и лучше.

«Всѣхъ картинъ было около двадцати, были и веселыя и смѣшныя, но каждая въ своемъ родѣ безукоризненна по своей обстановкѣ.— Всѣ лучшіе художники того времени помогали братьямъ ставить и освѣщать ихъ, и не удивительно что онѣ производили сильное впечатлѣніе на всѣхъ своею художественностью.— Устроено было такъ: позади черной завѣсы, на паркетномъ полу, положены были рельсы, по которымъ на чугунныхъ колесикахъ ходила взадъ и впередъ платформа. На этой платформѣ ставили картины, и показывали по нѣскольку разъ каждую, а М-г Cuillon предупреждалъ о нихъ общество, объясняя ихъ содержаніе. Я помню, что великая княгиня Марья Николаевна Лейхтенбергская, заинтересованная механическимъ устройствомъ этихъ картинъ, пожелала посмотрѣть какъ все было сдѣлано и взошла въ то время, когда перекофуженный братъ Николай сидѣлъ на высокой лѣстницѣ и помогалъ снимать декораціи.— Но вотъ все окончилось, всѣ перешли въ гостиную и пока подавали чай и мороженое, все изъ залы было вынесено, огромная хрустальная люстра повѣшена на мѣсто и зажжена, и минутъ черезъ 20, зала преобразовалась въ балъную.

«Объ этомъ вечерѣ долго говорили вездѣ. Картины, въ видѣ китайскихъ тѣней, устраивали послѣ и при дворѣ и у многихъ частныхъ лицъ, но всѣ соглашались, что устройство нашей *lanterne magique* было самое удачное».

Такіе вечера повторялись каждый годъ въ домѣ Львовыхъ. По мѣрѣ того, какъ старшіе обзаводились своими семьями и уходили изъ родительскаго дома, подростали младшія дѣти, для которыхъ Елисавета Николаевна находила также необходимымъ доставлять всевозможныя удовольствія, развивать ихъ умъ и сердце. Молодежь иной вечеръ веселится до упада, но на другой день ее поднимають своевременно и требуютъ отъ нея исполненія всѣхъ обыденныхъ обязанностей каждаго. Елисавета Николаевна возила ихъ съ собою по бѣднымъ, которымъ дѣти раздавали ими же спитыя бѣлье и платье, но и тутъ она находила удобнымъ напоминать имъ, что не слѣдуетъ увлекаться свѣтскими удовольствіями, не жить слишкомъ долго воспоминаніями о нихъ, а скорѣе приниматься за дѣло и обязанности, которыхъ она для нихъ находила такъ много.

Первое глубокое горе, поразившее эту рѣдкую семью—была смерть Ѳедора Петровича. Умирая онъ поручилъ Елисавету Николаевну попеченію своего старшаго сына Алексѣя Ѳедоровича, въ домъ котораго она и переѣхала и гдѣ кончила жизнь 74-хъ лѣтъ, горячо оплакивае-

мая дѣтьми, внуками, правнуками, ¹⁾ друзьями, прислугой и тою массою бѣдныхъ, которымъ всю жизнь свою она находила и время и возможность приходить на помощь.

24-го декабря 1864 года, Елисавета Николаевна соборовалась еще сидя и такъ молилась, что видѣть ее безъ слезъ было невозможно. Такъ какъ вся жизнь этой замѣчательной женщины прошла въ заботахъ о другихъ, то и умирая, она осталась себѣ вѣрна: прощаясь съ дѣтьми, она просила ихъ, чтобы они не простудились на похоронахъ ея, «чтобы Алексѣй не забылъ надѣть теплыя калоши», и т. д.

Н. О. Самсонова кончаетъ свои записки такъ: «ударилъ громъ и рассыпалась вся наша семья. Мы разъѣхались въ разныя стороны и мало-по-малу когда то счастливая, дружная, полная жизни семья Львовыхъ стала умаляться, и наконецъ обнажилось окончательно дорогое родовое наше деревцо. Все въ волѣ Божіей!»

Е. Ваганова.

¹⁾ Въ то время все поколѣніе Федора Петровича Львова состояло изъ 113 человекъ.

Къ исторіи цензуры.

Записка А. Беклешова Сенату.

14-го іюля 1801 г.

Его императорское величество по случаю представленія санктпетербургскаго гражданскаго цензора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Туманскаго, что въ противность именнаго указа сентября 16-го 1796 г. послѣдовавшаго, выпущено безъ дозволенія и одобренія цензуры и безъ означенія типографіи, въ которой печатано, новое сочиненіе подъ названіемъ «Филосоръ горы Алаунской, или мысли при кончинѣ государя императора Павла Перваго и при вступленіи на престолъ Александра Перваго», высочайше повелѣтъ соизволилъ подтвердить отъ Правительствующаго Сената, о точнѣйшемъ исполненіи означеннаго высочайшаго о учрежденіи цензуръ указа съ тѣмъ, дабы въ предупреденіе всякаго злоупотребленія, отъ самовольнаго печатанія книгъ произойти могущаго, содержатели всѣхъ типографій какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, никакихъ книгъ, подлежащихъ разсмотрѣнію цензуръ, безъ одобренія одной изъ нихъ не печатали подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взысканія; при томъ на всѣхъ сочиненіяхъ, которыя будутъ печататься по одобреніямъ цензуръ, непременно означать на заглавныхъ листахъ годъ, въ какой типографіи и по одобренію которой цензуры печатано.

А. Беклешовъ.

Между Славянофилами и Западниками¹⁾.

Н. А. Мельгуновъ.

Историко-литературный очеркъ, по неизданнымъ документамъ.

1839 годъ одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ въ литературной дѣятельности Мельгунова: въ томъ самомъ № «Отечественныхъ Записокъ», при которомъ разсылалась его брошюра, онъ напечаталъ небольшую статью о Шеллингѣ (№ 3, стр. 112—128), которою, какъ онъ самъ разъясняетъ въ письмѣ къ Краевскому (отъ 26-го марта 1839 г.), онъ даетъ щелчекъ «Библиотекѣ для Чтенія», а въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» помѣстилъ рядъ очень характерныхъ статей подъ заглавіемъ «Журнальныя выдержки» (т. I, №№ 18, 19, 20 и 21). Онъ убѣжденъ, что до 1820—25 годовъ у насъ не было совсѣмъ литературы, такъ какъ не было своей оригинальной мысли; она развернулась только въ послѣдніе годы. «Умственный переворотъ начался Москвою... Въ ней и до сихъ поръ поддерживается направленіе философическое, жизнь мыслящая, а отъ этого-то, можетъ быть, и мало дѣятельная» (стр. 415). Но въ этой только что пробудившейся энергіи русской мысли замѣчается одно своеобразное и очень печальное явленіе—перевѣсъ литературныхъ промышленниковъ надъ истинными литераторами²⁾. Въ значительной степени въ этомъ виноваты послѣдніе, такъ какъ они занимаются литературой между прочимъ (курсивъ въ подлинникѣ), пишутъ очень мало, чуть не по 90 строчекъ въ годъ, тогда какъ промышленники—по 90 листовъ въ мѣсяцъ. Въ этомъ от-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1893 г.

²⁾ Изъ живыхъ таковыми считаетъ онъ Жуковского, Крылова, Вяземскаго Баратынскаго, Языкова, Хомякова, Гоголя и Павлова; немного ниже онъ называетъ Лермонтова молодымъ поэтомъ съ большимъ дарованіемъ.

ношеніи у насъ былъ только одинъ энергичный литераторъ: это—Пушкинъ», неутомимый дѣлатель на новіи (курсивъ въ подлинникѣ). Онъ, «подобно трудолюбивымъ колонистамъ Сѣверной Америки, одною рукою воздѣлывалъ поле, а другою защищалъ его отъ набѣга дикихъ»¹⁾. Оттого въ его время, благодаря ему и Жуковскому, начала складываться и объединяться русская образованная публика. Теперь же, когда промышленники подавили массою своихъ произведеній нашихъ талантливыхъ дилетантовъ, она снова распадается, и верхній слой ея попрежнему обращается къ французскимъ книгамъ, а нижній поневолѣ долженъ довольствоваться литературой офеней.

Вотъ какъ высоко понимаетъ Мельгуновъ значеніе литератора: «онъ долженъ быть, конечно, человекъ съ талантомъ, но при томъ и еще болѣе—человекъ съ твердыми убѣжденіями, съ крѣпкой волей, съ душою чистою. Онъ больше, чѣмъ писатель; онъ—public character. Отъ него требуютъ не одного дарованія, но и благородства; надобно, чтобы слово его, которое имѣетъ всю важность поступка, могло, какъ поступокъ, быть подвергаемо суду мнѣнія и смѣло выдерживать его критику».

Въ тѣхъ-же «Литературныхъ Прибавленіяхъ» во II ч. за 1839 г. (№ 1, стр. 6—11) Мельгуновъ напечаталъ небольшую, но очень содержательную статейку о берлинскомъ профессорѣ-юристѣ Эдуардѣ Гансѣ, умершемъ на 42 году отъ роду, краснорѣчивыя лекціи котораго Мельгуновъ когда-то слушалъ съ большой пользой и удовольствіемъ (а о краснорѣчии онъ можетъ судить, такъ какъ въ юности онъ слушалъ въ Парижѣ Вильмена).

Въ № 6 «Отечественныхъ Записокъ» Мельгуновъ помѣстилъ въ отдѣлѣ наукъ (стр. 82—96) чрезвычайно живо и, главное, искренно написанную статью «Баронъ Александръ Гумбольдтъ», гдѣ онъ рассказываетъ о своемъ свиданіи съ Гумбольдтомъ въ Берлинѣ²⁾

Весною 1839 г. Мельгуновъ, несмотря на усердное московское лѣченье, чувствовалъ себя настолько плохо, что рѣшилъ снова ѣхать лѣчиться въ Ганау. Оттуда онъ ведетъ оживленную переписку съ Шевыревымъ (съ 1-го октября), изъ которой мы узнаемъ о направленіи и ходѣ его занятій; очевидно, лѣченіе имъ не препятствовало. Онъ хло-

¹⁾ Какое умное оправданіе полемическихъ произведеній Пушкина и какъ остроумно выраженное!

²⁾ Гумбольдтъ сохранилъ о Мельгуновѣ самыя лучшія воспоминанія: А. И. Тургеневъ въ „Современникѣ“ за 1840 г. т. XXI, стр. 9, въ статьѣ „Хроника русскаго въ Германіи“ пишетъ: „Онъ (Гумбольдтъ) изъявилъ искреннее негодованіе на статью противъ умнаго и благороднаго нашего литератора Мельгунова“. (Очевидно, разумѣется статья по поводу книги Кеннига).

почетъ о второмъ изданіи книги Кёнига; уже имѣеть для него примѣчанія Надеждина; желаетъ получить Шевыревскія.

Вмѣстѣ съ Кенигомъ онъ переводить на нѣмецкій языкъ «Записки Сумасшедшаго» (письмо отъ 18-го октября), которыя и печатаетъ въ «Morgenblatt» (отъ 27-го ноября). Въ «Lpz. Allg. Zeitung» онъ безъ подписи помѣстилъ статью объ руссизмѣ галичанъ (ib.). Онъ много читаетъ по философіи и исторіи церкви (такъ, между прочимъ, онъ прочелъ 11 томовъ Неандера) и до того вошелъ въ нѣмецкую мысль, что ему уже становится трудно думать по-русски (ib.). Онъ готовитъ для «Blätter f. d. litter. Unterhaltung» большую статью подъ заглавіемъ: Russische Litteratur u. ihre gegenwärtige Richtungen ¹⁾ (отъ 25-го декабря). Онъ всецѣло погрузился въ изученіе нѣмецкихъ мистиковъ, и совершенно серьезно пишетъ своему пріятелю: «Я еще не совсѣмъ убѣдился въ личности сатаны и не знаю, истекаетъ ли она необходимо изъ идеи христіанства». И потомъ: «это крайне опасное ученіе. Отъ вѣры въ сатану до костровъ одинъ шагъ». Онъ очень недоволенъ гегелианцами, которые возстаютъ противъ положительнаго христіанства, подчуя насъ его голый идеей, приправленной по своему» (ib.). Въ томъ-же письмѣ онъ сообщаетъ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ:

«Ты спрашиваешь о франкфуртской знакомѣ ²⁾; она еще не вышла замужъ, между тѣмъ какъ младшая ея сестра вышла прошлаго года. Она, говорятъ, отклоняетъ всѣхъ жениховъ». Мельгуновъ не думаетъ, что она въ него влюблена, но собирается поѣхать и посмотрѣть... И онъ не влюбленъ въ нее, но онъ слышитъ внутренній голосъ, который говорить ему: вотъ тебѣ жена! Къ сожалѣнію, этотъ голосъ заглушается невѣріемъ въ себя.

Въ то время, какъ Мельгуновъ предавался этимъ сладостнымъ мечтамъ въ Ганау, въ Россіи его недобримъ словомъ поминалъ Гречъ, разнотившій на своихъ публичныхъ лекціяхъ книгу Кенига ³⁾. И сердечныя дѣла Мельгунова на этотъ разъ потерпѣли неудачу. 2-го марта онъ пишетъ Шевыреву: «Моя матримоніальная фантазія кончилась: m-lle Heitern выходитъ замужъ за третьяго Бетмана; богатъ, молодъ, хорошъ собой, и качествами лучшій изъ всѣхъ братьевъ. Дай Богъ ей счастья, какъ слышу, она его заслуживаетъ. Гдѣ мнѣ, больному старику (sic) входитъ въ состязаніе съ такимъ соперникомъ? Все къ лучшему; да будетъ во всемъ воля Божія».

¹⁾ Едва ли была она окончена.

²⁾ Очевидно это та же мадонна, о которой онъ писалъ два года назадъ, какъ о своей суженой.

³⁾ См. письма Павлова къ Шевыреву („Рус. Арх.“ 1876 г. № 4) и Краевскому (ib. 1877 г. № 3, стр. 463).

Конечно, Мельгуновъ не лицемерилъ, называя свое чувство этого времени только матримоніальной фантазіей (два года назадъ оно, безъ сомнѣнія, носило болѣе теплый характеръ); непосредственно за этимъ печальнымъ извѣстіемъ онъ съ большимъ интересомъ бесѣдуетъ съ Шевыревымъ совершенно о другомъ дѣлѣ, весьма любопытномъ для исторіи русской науки.

«Недавно я вошелъ въ сношенія съ Яковомъ Гриммомъ. Онъ въ Касселѣ, безъ мѣста (онъ былъ изъ числа 7 геттингскихъ профессоровъ). Тебѣ извѣстно, что онъ знаетъ многіе славянскіе языки и читаетъ по-русски. Снегиревъ говорилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ, что переслалъ къ нему свои пословицы и народныя праздники, кажется, черезъ Погодина. Такъ какъ зять Кѣнига ему близкій родня, то я и просилъ его узнать отъ Гримма, получилъ ли онъ упомянутыя книги, а вмѣстѣ предложилъ доставлять тѣ изъ русскихъ книгъ, которыя ему будутъ нужны. Онъ въ отвѣтѣ благодаритъ меня за вызовъ, говоритъ, что славянскими книгами снабжаютъ его Шафарикъ, Копитаръ, недавно вызвался Курторга изъ Петербурга, но книгъ черезъ Погодина или другого кого онъ не получалъ. Я перешлю тебѣ письмо Гримма въ Мюнхенъ и буду просить показать его московскимъ археологамъ, которымъ предлагаю доставлять книги для Гримма въ Ганау на имя Кѣнига: этотъ, черезъ своего зятя, будетъ пересылать по принадлежности».

Итакъ, вотъ одинъ изъ путей, которымъ великій нѣмецкій филологъ знакомился съ результатами русскихъ работъ по изученію старины и народности. Въ томъ сравнительно тяжеломъ положеніи, въ какомъ Гриммъ былъ тогда, любезность русскаго «благороднаго» литератора, безъ сомнѣнія, была очень ему пріятна¹⁾.

Черезъ полтора мѣсяца 14-го (28-го) (sic) апрѣля Мельгуновъ пишетъ все еще изъ Ганау Шевыреву. «Проѣзжая здѣсь съ наслѣдникомъ, Жуковскій остановился на нѣсколько часовъ для Рейтерна, своего пріятеля (и) былъ такъ добръ, что навѣстилъ меня больно; я уже былъ въ состояніи выходить, былъ также у него и узналъ кое-что о матушкѣ-

¹⁾ Въ Ганау около этого времени Мельгуновъ написалъ большую и обстоятельную статью о своемъ старинномъ пріятелѣ подъ заглавіемъ: „Глинка и его музыкальныя произведенія“, которую А. Струговщиковъ напечаталъ въ „Русск. Старинѣ“ за 1874 г. (IX, 713—725) вмѣстѣ съ письмомъ Мельгунова Глинкѣ, гдѣ авторъ указываетъ необходимость рекламы, рекомендуетъ другу устроить статью въ какой-нибудь распространенной газетѣ, хотя бы въ „Сѣверной Пчелѣ“, но безъ его имени, о себѣ же сообщаетъ, что онъ съ прошлаго іюля боленъ и живетъ въ Ганау.

А. Струговщиковъ увѣряетъ (стр. 724) будто кончина Мельгунова послѣдовала „почти вслѣдъ за присланной имъ статьей о Глинкѣ“ (!?).

Россіи, да о сиротѣхъ литературѣ русской. Конечный результатъ о послѣдней весьма не утѣшителенъ. Наканунѣ прїѣзда наслѣдника попалась мнѣ въ руки брошюра Греча противъ меня. Читаль ли ты ее и что ты на это скажешь? Я никогда не былъ высокаго мнѣнія о Гречѣ, но никакъ не думалъ, чтобъ онъ могъ быть подлецомъ до такой степени. Я отвѣчалъ кротко въ «Allg. Zeitung» (кажется № 112) въ объявленіяхъ: Кенигъ хочетъ писать подробнѣе. Я показывалъ брошюру Жуковскому, онъ тоже въ негодованіи: Фарнгагенъ пишетъ ко мнѣ въ томъ же духѣ; онъ помѣстилъ въ «Elegante» нѣсколько словъ о ней рѣзкихъ, но справедливыхъ. Б. Розенъ пишетъ Жуковскому (который мнѣ показывалъ письмо его), что собирается также съ своей стороны отвѣчать Гречу по-нѣмецки, ибо думаетъ, что по его положенію, голосъ будетъ имѣть вѣсь въ Германіи. Все это показываетъ, что благородныя (курсивъ въ оригиналѣ) за меня, и мнѣ, какъ кажется, этого печатнаго доноса бояться нечего».

Брошюра, о которой здѣсь идетъ рѣчь, носитъ заглавіе: H. Königs Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt von N. Gretsch. Aus russischen uebersetzt von W. v. O., (1840 г., 76 стр.)¹⁾. Издана она очень изящно, написана довольно ловко и краснорѣчиво, переведена хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ, но названія печатнаго доноса заслуживаетъ вполне. Начинаетъ авторъ съ того, что, прочтавъ книгу Кенига, онъ вознамѣрился отвѣчать на нее немедленно и изготовилъ статью, но знакомый его, переведшій ее на нѣмецкій языкъ, довелъ до его свѣдѣнія, что ни одинъ изъ извѣстныхъ (von Ruf) нѣмецкихъ журналовъ не рѣшится высказаться противъ книги, написанной въ духѣ молодой Германіи (стр. 2).

Чтобы понять всю соль этого сообщенія, надо имѣть въ виду, что брошюра напечатана въ Берлинѣ, а извѣстно, какой симпатіей прусскаго и русскаго правительствъ пользовалась тогда «молодая Германія».

Далѣе Гречъ рассказываетъ, какъ книжку похвалили въ «Современникѣ» и въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», издатели которыхъ, вѣроятно, не читали ея, и приводитъ почти полностью умышленно небрежную и довольно ядовитую рецензію «Сѣверной Пчелы», написанную тогдашнимъ ея сотрудникомъ Полевымъ²⁾. Далѣе онъ приводитъ съ

¹⁾ Экземпляръ ея нашелся въ Румянцевскомъ музеѣ. Въ концѣ ея въ 25 строкахъ петита Гречъ перечисляетъ всѣ свои изданія и титулы, до члена фармацевтическаго общества въ Петербургѣ, но за исключеніемъ статскаго совѣтника.

²⁾ Von dem damaligen Mitarbeiter derselben Polewoy (стр. 3). Ловкій божовой ударъ, поражающій сразу двоихъ: Мельгунова, который не зная, кто такой А. А., отдавалъ предпочтеніе критику „Сына Отечества“ за его приличный

такую же обстоятельностью отзывъ предполагаемаго Н. Иванова въ газетѣ «*Namb. Corresponnent*» и вкратцѣ статью въ «*Freihafen*» (см. выше). Въ заключеніе этого введенія онъ обрушивается на «Исторію одной книги» Мельгунова, причемъ довольно ловко пользуется его недомолвками¹⁾, хвастается, что тотъ самъ только теперь указалъ на его—Гречеву Исторію русской литературы, какъ на источникъ для Кёнига, и въ противность всѣмъ литературнымъ приличіямъ называетъ его полуграмотнымъ писакой, который набросился на русскихъ писателей, раздраженный малымъ вниманіемъ русской публики къ его жалкимъ произведеніямъ²⁾.

Предупреждая недоумѣніе читателей, зачѣмъ отвѣчать такому «писакѣ», Гречъ объясняетъ, что книжкѣ Кёнига, къ несчастью, повѣрили за границей и въ новомъ *Conversations Lexicon*ѣ характеристика Булгарина основана «nach Königs Worten и Melgunows Angaben wie pamentlich darin erklärt wird. Торжественно заявивъ, что все путное въ книгѣ Кёнига-Мельгунова взято изъ его Исторіи литературы, Гречъ раздѣляетъ вздоръ и ложь ея на 3 отдѣла: 1) безвредная ложь; 2) возвеличеніе плохихъ писателей и униженіе лучшихъ и 3) оскорбительная ложь и клевета. Въ отдѣлѣ первомъ Гречъ къ указаніямъ на мелкія неточности и недомолвки Кёнига и къ своимъ личнымъ мнѣніямъ (напримѣръ, что Полтава одно изъ слабѣйшихъ произведеній Пушкина, что Дельвига нельзя и поминать рядомъ съ его великимъ другомъ и проч.), съ ловкостью, достойной лучшаго дѣла, примѣшиваетъ весьма прозрачныя намеки на политическую неблагонадежность авторовъ (при чемъ, конечно, себя самого выставляетъ горячо убѣжденнымъ защитникомъ «основъ»). Такъ, напримѣръ, приведя ихъ мнѣніе, что Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» не выказалъ пониманія великихъ интересовъ эпохи, Гречъ говоритъ (стр. 26): «онъ понималъ событія вполнѣ, а только не пѣлъ Карманьолы и не надѣвалъ красной шапки». Или, напримѣръ, авторы утверждаютъ, что Кукольникъ за свою трагедію «Рука Всевышняго отечество спасла» получилъ доходное мѣсто, и вообще не разъ даютъ понять, что русское правительство награждаетъ писателей за патріотизмъ; но Гречъ считаетъ своимъ долгомъ увѣрить иностранную публику, что патріотизмъ русскихъ писателей свободенъ отъ всякихъ эгоистическихъ расчетовъ и есть черта ихъ

тонъ, и Полевого, который такимъ образомъ выставялся подъ удары друзей Мельгунова.

¹⁾ Но любопытно, что онъ не понималъ самаго лучшаго мѣста у Мельгунова и снова повторяетъ, что тотъ оскорбилъ людей, die ihm nicht das Geringste zu Leide gethan haben (стр. 15).

²⁾ Стр. 18. ein halbgeschulter Scribar, aus Verdruss ueber den Mangel an Theilnahme, den das russ. Publikum seinen erbärmlichen Sudeleien schenkt.

сердца, а правительство скорѣй даже ставить преграды въ этомъ отношеніи. Такъ всѣ похвалы царствующему императору безжалостно (*mit-leidslos*) вычеркиваются цензурой, и «мы, издатели газетъ, съ величайшимъ трудомъ получаемъ позволеніе сказать объ немъ сердечное слово. Это фактъ, всему свѣту извѣстный фактъ!»¹⁾

Второй отдѣлъ въ книгѣ Греча самый краткій, такъ какъ онъ не желаетъ уподобиться своимъ противникамъ и унижать русскихъ, хотя бы и плохихъ писателей, передъ иностранцами (онъ только намекаетъ на московскихъ философовъ и псевдо-историческихъ поэтовъ); онъ ограничивается краткимъ перечисленіемъ всѣхъ на Руси извѣстныхъ писателей, которыхъ книга Мельгунова-Кёнига обходитъ несправедливымъ молчаніемъ: это—Петровъ, Аблесимовъ, митрополитъ Евгений, Востокъ, Костровъ и т. д. до «милаго новеллиста Ушакова» и «народно-солдатскаго писателя Скобелева». Но особенно виноваты авторы книги тѣмъ, что они не видятъ, какой «могучій импульсъ къ духовному и нравственному прогрессу получила Россія съ начала нынѣшняго царствованія» (стр. 40). Какъ бы пользуясь случаемъ хвалить правительство безъ стѣсненія со стороны цензуры, Гречъ перечисляетъ всѣхъ помощниковъ императора, въ то время живыхъ и вліятельныхъ.

Послѣдній отдѣлъ, естественно, самый обширный и сильный. Гречъ начинаетъ его ехиднымъ заявленіемъ, что, по его мнѣнію, многія и наиболѣе ужасныя изъ клеветъ принадлежатъ не Мельгунову: «русскій, какъ бы онъ ни былъ низокъ и глупъ, не въ состояніи сказать того, что напечатано въ книгѣ Кёнига» (42): «рука у него не поднимется» (43). Образцы: 1) «Проповѣди Филарета одно время были запрещены»; 2) «здоровье Ломоносова и Петра Великаго пострадало отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ»; 3) «Екатерина II была несправедлива къ Радищеву» и пр., и пр. Особенно ожесточенно возстаетъ онъ противъ призванія Рылѣева поэтомъ-гражданиномъ (хорошъ гражданинъ, восклицаетъ онъ, который и т. д., у насъ хорошихъ гражданъ не вѣшаютъ), противъ предположенія, что Пушкинъ въ 1826 году ожидалъ себѣ ссылки въ Сибирь (кого у насъ безъ суда отправляли въ Сибирь?) и противъ мнѣнія Мельгунова (см. выше), что стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «На взятіе Варшавы» повредили Пушкину въ общественномъ мнѣніи.

Послѣдняя треть книги (стр. 52—76), представляющая немалый—конечно, условный—историко-литературный интересъ, посвящена самозащитѣ, вѣрнѣе, самовосхваленію Греча и восхваленію Булгарина²⁾.

¹⁾ Das ist Thatsache, eine der ganzen Welt bekannte Thatsache (стр. 33).

²⁾ Ненависть Мельгунова къ редакторамъ „Сѣверной Пчелы“ и Сенковскому Гречъ объясняетъ очень характерно—завистью къ барышамъ журналистовъ (стр. 53).

Кёнигъ не замедлилъ печатнымъ отвѣтомъ Гречу. Въ томъ же 1840 г. явилась въ Ганау ¹⁾ его книжка подъ заглавіемъ: N. Gretsch und die russische Literatur in Deutschland. Отвѣтъ написанъ опытнымъ и умнымъ литераторомъ легко и остроумно. Авторъ отъ начала до конца, за исключеніемъ двухъ-трехъ страницъ, выдерживаетъ шуточный ²⁾, будто бы добродушный, но на самомъ дѣлѣ очень язвительный тонъ, показывающій, что онъ смотритъ на Греча сверху внизъ, какъ на челоуѣка, у котораго послѣ заслуженной трепки разыгралась желчь чуть не до потери сознанія. Какъ дважды два четыре, Кёнигъ доказываетъ Гречу, что къ «молодой Германіи» ни онъ, Кёнигъ, ни книга не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія, и если журналы отказались принять возраженіе Греча, то, конечно, не изъ страха молодой Германіи, а изъ нежеланія имѣть съ нимъ, Гречемъ, дѣло; потому и ни одинъ книгопродавецъ не взялся самъ напечатать его брошюру и на ней стоитъ недестная надпись: in Commission. Чтобы окончательно уронить своего противника въ глазахъ нѣмецкой публики, Кёнигъ прибѣгаетъ къ такому способу: подъ предлогомъ ближе познакомить читателей съ личностью Греча, онъ будто бы черезъ посредство одного молодого нѣмца, изучившаго русскій языкъ ³⁾ дѣлаетъ рядъ выписокъ изъ недавно вышедшей книги Греча «Reisebriefen» (Путевыя письма) и сопоставляетъ ихъ съ его брошюрой. Кёнигъ остритъ надъ его самовосхваленіемъ, надъ его ненавистью къ нѣмецкой философіи, выписываетъ его бранный отзывъ о нѣмецкой литературѣ, особенно о Жанъ Полѣ Рихтерѣ, и характеризуетъ его, на основаніи его же собственныхъ словъ, какъ челоуѣка, который все на свѣтѣ переводитъ на рубли. Отвѣчая на обвиненія Греча, онъ говоритъ, что книгой его онъ, дѣйствительно, пользовался, но только кое-гдѣ для годовъ и формулярныхъ списковъ писателей, признаетъ свои и Мельгуновскіе недосмотры въ ничтожныхъ мелочахъ и ловко парируетъ всѣ придирки Греча; что касается пропусковъ, за которые его упрекаетъ Гречъ, онъ ссылается на названіе книги: Bilder и обѣщаетъ помянуть всѣхъ великихъ людей царствованія Николая I, когда будетъ писать исторію русской цивилизаціи; тутъ войдетъ и исторія русской полиціи, предметъ особенно дорогой сердцу гг. Греча и Будгарина (стр. 38).

¹⁾ Verlag von Friedrich König, 60 стр., экземпляръ ея оказался въ Румянцевскомъ музеѣ въ одномъ переплетѣ съ „Исторіей одной книги“.

²⁾ Изрѣдка встрѣчаются шутки и довольно сомнительнаго достоинства, напримѣръ, надъ фамиліей Gretsch, гдѣ 6 безгласныхъ приходится на одну гласную, надъ толстой палкой Загоскина, передъ которой „не знаю изъ какого инстинкта“ благоговѣть г. Гречъ и пр. Кёнигъ называетъ противника обывновенно Herr Staatsrath, иногда der gute Gretsch, одинъ разъ фарисей Гречъ.

³⁾ Вѣроятно, этотъ нѣмецъ—тотъ же Мельгуновъ.

Пасмѣшливо-презрительный тонъ Кёнига измѣняется только тамъ, гдѣ онъ доказываетъ, что книжка Греча по существу есть не что иное, какъ рядъ инсинуацій, скрытыя доносы, цѣль котораго подвести подъ отвѣтственность ни въ чемъ неповиннаго (напротивъ, принесшаго своему отечеству пользу и честь) благороднаго человѣка, не его, Кёнига: онъ не имѣетъ и не будетъ имѣть никакого дѣла съ русскимъ правительствомъ, — а русскаго подданнаго Мельгунова. Авторъ мастерски обнаруживаетъ все передержки, которыя позволилъ себѣ Гречъ съ этимъ благороднымъ намѣреніемъ, приводитъ независимыя, но сочувственныя правительству и патриотическія мнѣнія Мельгунова, которыя Гречъ прошелъ умышленнымъ молчаніемъ, и беретъ на себя тѣ мнѣнія Мельгунова, въ которыхъ не можетъ оправдать его другимъ способомъ (такъ, на стр. 54, мнѣніе о стихотвореніяхъ Пушкина противъ поляковъ). Для нѣмецкой публики Кёнигъ объясняетъ сущность дѣла такимъ образомъ: въ русской литературѣ теперь два направленія или точнѣе одно благородное направленіе и одна пошлая клика ¹⁾; послѣднюю составляютъ популярныя журналисты, которые въ Россіи не могутъ быть независимы и должны подольщаться и къ правительству и къ толпѣ; типичными представителями этой клики являются Гречъ и Булгаринъ. Кёнигъ кончаетъ свой отвѣтъ выпиской изъ клики Греча (Письмо II, 128—129), гдѣ тотъ передъ С. Бевомъ защищаетъ русскую цензуру и доказываетъ, что только «она даетъ русской литературѣ характеръ благородства, приличія, скромности». Не слѣдовало, полагаетъ Кёнигъ, старому Гречу, столь долго и часто испытывавшему на себѣ это благодѣтельное вліяніе, обращаться къ свободной нѣмецкой печати ²⁾. Гречъ въ концѣ концовъ не достигъ своей политической цѣли; Мельгуновъ, повидимому, никогда не подвергался правительственному преслѣдованію ни за книгу Кёнига и ни за что другое; но, какъ увидимъ ниже, Гречъ и Булгаринъ съумѣли навсегда излѣчить впечатлительнаго Мельгунова если не отъ любви къ русской литературѣ, то отъ стремленія имѣть литературное имя.

Въ іюнѣ того же 1840 г. Мельгуновъ въ Мюнхенѣ видѣлся съ Шевыревымъ, потомъ лѣчился въ Гастейнѣ (неудачно) и затѣмъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ прожилъ больше года, отчасти хворая, отчасти занимаясь

¹⁾ Eine gemeine Clique стр. 41; ср. выше, что Мельгуновъ говоритъ о литераторахъ и промышленникахъ; только Кёнигъ выражается откровеннѣе.

²⁾ Изъ письма Мельгунова къ Шевыреву отъ 5-го (17-го) октября 1840 г. (о немъ см. ниже) видно, что Гречъ издалъ въ отвѣтъ Кёнигу вторую брошюру и Мельгуновъ уже сочинялъ ему отвѣтъ, гдѣ намѣревался доказать, что Гречъ есть ein Schuft. Но этой брошюры Греча я не могъ отыскать; а Мельгуновъ, повидимому, своей брошюры не дописалъ, да и хорошо сдѣлалъ: инцидентъ былъ исчерпанъ.

нѣмецкой литературой, философiей и музыкой. Онъ имѣеть въ виду работать для «Москвитянина», но скоро не общаетъ ничего: у него отвращенiе къ журналистикѣ. Онъ познакомился здѣсь съ Цейдлицемъ, авторомъ «Ночного смотра», надѣется познакомиться съ Ленау, Грильпарцеромъ и Бауэрнфельдомъ и др. (письмо къ Шевыреву отъ 5-го (17-го) октября ¹⁾).

Въ январѣ 1831 г. Мельгуновъ пишетъ сразу нѣсколько вещей для «Москвитянина»; но онъ усердно проситъ Шевырева ни гдѣ не ставить его имени: еслибъ онъ былъ записнымъ литераторомъ и могъ надѣяться извлечь русскую литературу «изъ грязи и навоза», тогда другое дѣло, а теперь за чѣмъ портить себѣ кровь? Изъ этого же письма (отъ 1-го января) мы узнаемъ фамилию той особы, которой Мельгуновъ тайно отъ отца ²⁾ посылаетъ деньги теперь въ Фатежъ (обыкновенно онъ называетъ ее просто Катей); высылается ей по 800 рублей (въ годъ или въ полгода—неизвѣстно); повидимому, она женщина нѣсколько образованная: Мельгуновъ проситъ выслать ей журналъ съ картинками, а съ 1844 г. онъ же подписывается для нея и на «Отечественныя Записки».

Осень и зиму 1841 г. и начало 1842 г. Мельгуновъ проводитъ въ Италиі, главнымъ образомъ во Флоренціи; онъ усердно учится по-итальянски, читаетъ Тассо, но еще усерднѣе занимается музыкой и даже композиторствомъ; онъ пишетъ Шевыреву (11-го ноября), что «сочинилъ на-дняхъ новый вальсъ, который напѣвають даже итальянцы, его слышавшіе».

¹⁾ Изъ послѣдующаго видно, что съ Ленау онъ, дѣйствительно, познакомился и даже подружился. Въ этомъ же письмѣ отъ 5-го (17-го) октября, Мельгуновъ сообщаетъ, между прочимъ, какъ новость: „Жуковскій женился на старшей дочери Рейтерна, нашего художника въ Дюссельдорфѣ. Она ростомъ съ Иванъ Великій (sic) и не хороша собой, но sehr gemüthlich. Жуковскій ist ueberglücklich, какъ онъ пишетъ Коплу“ (д-ръ въ Ганау, лѣчившій Мельгунова, прiятель Жуковского).

²⁾ Отецъ его жилъ еще въ 1841 г.; онъ очень добръ и щедръ къ сыну, и тотъ самъ безвзвонится, не изъ капитала ли высылаются ему деньги? (къ январю 9.000 р.). Что касается до отношеній Мельгунова къ „Катѣ“ (фамилію ея, вовсе не историческую, приводитъ считаемъ лишнимъ), Мельгуновъ поясняетъ ихъ въ одномъ изъ писемъ къ Шевыреву безъ даты такимъ образомъ: „Это страшный мнѣ урокъ, который доказываетъ, какъ опасно шутить сердцемъ женщины. Правда, я не шутилъ имъ, и самъ былъ ослабленъ, но это ослабленіе было безъ истинной любви, и оно во мнѣ прошло, въ ней же осталось“. Онъ не былъ соблазнителемъ, но несетъ всю тяжесть поступка. Уже около 10 лѣтъ онъ не имѣеть покоя съ одной стороны отъ отца, „котораго никакъ не могу увѣрить, что во мнѣ нѣтъ любви, но одно чувство состраданія“, съ другой—отъ ея слезъ и страданій.

Возвратился Мельгуновъ въ Россію черезъ любезную его сердцу Германію, гдѣ, повидимому, останавливался на довольно продолжительное время въ разныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и въ Берлинѣ, оттуда онъ привезъ москвичамъ извѣстіе о побѣдѣ Шеллинга надъ Гегелемъ ¹⁾. Лѣтомъ 1842 г. онъ уже въ Россіи; Шевыревъ пишетъ о немъ А. В. Веневитинову ²⁾: «Мельгуновъ поѣхалъ по деревнямъ своимъ. Онъ сталъ молодцомъ хоть куда. Въ сентябрѣ вы увидите его проѣздомъ».

Очевидно, Мельгуновъ опять собирался ѣхать за границу, но намѣренія своего почему то не исполнилъ и, повидимому, надолго остался въ Москвѣ. Мы имѣемъ документальныя свидѣтельства, что онъ былъ въ Москвѣ и въ началѣ 1843 г. и въ самомъ концѣ его ³⁾: 10-го января у Павлова обѣдали Шевыревъ, Погодинъ и Мельгуновъ и послѣ обѣда написали А. В. Веневитинову поздравительное «соборное посланіе», ⁴⁾ а 4-го декабря Шевыревъ и Мельгуновъ въ присутствіи Павлова имѣли ожесточенный диспутъ (при чемъ Павловъ былъ на сторонѣ Мельгунова, но, по увѣренію послѣдняго, больше вредилъ ему, чѣмъ помогалъ) о важнѣйшихъ вопросахъ философіи, религіи и исторіи, во время котораго Мельгуновъ старался высказать свои убѣжденія, результаты его заграничныхъ штудій и размышленій; но, не умѣя на словахъ отстаивать свои мысли, онъ невольно впадалъ въ парадоксы. На другой день Мельгуновъ пишетъ Шевыреву длинное письмо, заключающее его profession de foi. Оно интересно во многихъ отношеніяхъ, и мы позволяемъ себѣ привести его почти цѣликомъ (исключивъ только личное введеніе). Вотъ что пишетъ Мельгуновъ:

«Моя точка отправления есть опытъ и разумъ. Одинъ—представляетъ намъ данныя, другой—познаетъ ихъ, у разумъ в а е т ъ ихъ значеніе. Изъ ч и с т а г о разума, безъ опыта, построить вселенной невозможно; но и безъ разума невозможно вселенную себѣ присвоить. Одно разумное убѣжденіе есть истинное; но чтобъ это истинное проникло внутрь, въ душу, для того нуженъ больше чѣмъ разумъ, нужна любовь. Мы можемъ убѣдиться только въ томъ, что мы признаемъ разумнымъ; что противорѣчитъ нашему разуму, то не можетъ перейти во внутреннее убѣжденіе, то можетъ развѣ только остаться на степени вѣры. А чтобъ разумно убѣдиться, для того нужно отрѣшиться отъ себя, сколько возможно человѣку, все произвольное, все субъективное, какъ гово-

¹⁾ См. Барсуковъ, о. с. VI, 292.

²⁾ Архивъ М. А. Веневитинова.

³⁾ Лѣтомъ Мельгуновъ, кажется, съѣздивъ не надолго за границу и былъ въ Готтенбургѣ въ Южной Швеціи (см. его статью въ „Отеч. Зап.“ 1859 г., сент., стр. 177—194 „Народности въ исторіи“); говоримъ: в а ж е т с я потому, что не имѣемъ никакихъ другихъ указаній на это путешествіе.

⁴⁾ Архивъ М. А. Веневитинова.

рять нѣмцы. Чисто разумное есть чисто объективное; истинное то, что есть. Вотъ моя точка отправленія, и отсюда — метода. Моя система — историческая; основа — сущее; но это сущее должно быть усвоено разумно. Разумъ, и одинъ разумъ, долженъ рѣшить, на что и почему.

«Мое послѣднее слово выражается въ эпиграфѣ, который я намѣренъ дать своему труду: да придетъ царствіе Твое! Это требуетъ, однако, поясненія. Христіанство, какъ религія, есть союзъ людей съ Богомъ; но христіанство есть явленіе историческое, совершившееся во времени и пространствѣ, черезъ людей, стало, прошедшее сквозь человѣческій процессъ, каково бы впрочемъ ни было его происхожденіе. Какъ таковое, оно было противодѣйствіемъ, реакціей божественнаго духа противъ крайностей человѣческой природы, чувственности. Въ этомъ историческомъ его положеніи и заключается его односторонность. Христіанство утвердило союзъ Бога съ человѣкомъ; но оно, въ своихъ крайностяхъ (ибо, какъ всякое явленіе, оно также имѣло свои крайности) не только поставило Бога надъ человѣкомъ, но оно почти совсѣмъ вычеркнуло человѣка, сдѣлало его однимъ сосудомъ, пассивнымъ орудіемъ высшей, внѣшней власти. Человѣкъ палъ не черезъ себя, не собственной силой, а черезъ внушеніе сатаны; человѣкъ могъ и возстать лишь черезъ Искупителя; въ немъ же самомъ не было на то ни силы, ни возможности. Такое вѣрованіе положило печать свою на всѣ средніе вѣка, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Человѣкъ смирился и уничтожился передъ Богомъ, такъ что всѣ самобытныя проявленія человѣческаго духа на Западѣ, котораго силы были переполнены и ничѣмъ не могли быть сдержаны, проявленія, прославившія Западъ, суть не иное что, какъ возстаніе титановъ, гордая, инстинктивная протестація въ пользу правъ человѣка (въ выноскѣ: Россія была вполнѣ страна смиренная, гдѣ человѣкъ уничтожался передъ невидимымъ Богомъ и видимымъ царемъ и не смѣлъ протестовать въ свою пользу). Эта протестація олицетворилась, наконецъ, въ Лютерѣ, который выразилъ мысль человѣчества и положилъ основаніе эмансипаціи человѣка. Съ этихъ поръ начался новый періодъ, періодъ необходимый, хотя также въ свою очередь односторонній и дошедшій въ наше время до своей крайности. Протестантизмъ повторилъ опредѣленіе религіи, какъ связь (sic) человѣка съ Богомъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, признавъ крайность католическаго (западнаго и восточнаго) направленія, провозгласилъ самобытность человѣка, его Ebenbürtigkeit. Человѣкъ пересталъ быть пассивнымъ орудіемъ Бога; онъ, кромѣ Бога внѣ себя, призналъ также Бога и въ самомъ себѣ; онъ, сначала темно, потомъ гласно, сказалъ себѣ, что и въ немъ есть сила, столь же божественная, которой одной онъ можетъ возстать и совершенствоваться; что христіанство не выразило ничего такого, что бы искони не таилось уже и въ душѣ чело-

вѣка; что, стало, это есть явленіе не сверхъ-естественное, но человеческое; что это, словомъ, проявленіе его собственнаго духа. На такомъ пути, въ основаніи истинномъ, но одностороннемъ, онъ долженъ былъ неизбежно дойти до той крайности, что отвергнулъ вовсе и Бога и религію, и что и высшее и низшее онъ заключилъ въ одномъ и томъ же—въ самомъ себѣ. Въ первомъ періодѣ христіанства Богъ былъ все, человѣкъ—ничто; теперь другая крайность—человѣкъ есть все, Богъ—ничего, или иначе, человѣкъ и Богъ есть одно и то же. Ощутительно, что дол же н ѣ, и скоро, наступитъ новый періодъ, гдѣ связь Бога, какъ высшаго, съ человѣкомъ, какъ съ низшимъ, опять заключится, но уже на болѣе справедливымъ, всестороннемъ основаніи, для чего протестантскій періодъ, до сихъ поръ еще продолжающійся, былъ необходимъ. Онъ необходимъ, какъ живое доказательство и сознаніе свободы человѣка, не пассивности, но самобытности его въ предѣлахъ Богомъ ему данной и разумомъ, этимъ намѣстникомъ Божиимъ, управляемой свободы. Вотъ почему свобода есть кличъ новаго міра, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода дѣйствія. Нашъ вѣкъ готовится къ великому обѣтованію—царствія Божія на земли. Вотъ откуда и его стремленіе къ благамъ міра сего, къ промышленности, къ комфорту, и пр. Но на этомъ чисто человѣческомъ пути міръ остаться не можетъ и не останется. Онъ вспомнить о высшемъ надъ-человѣческомъ началѣ, о Богѣ живомъ; но не смирится передъ нимъ въ прахъ, какъ рабъ, а подыметъ смѣло, хоть и почитательно, свою голову, какъ сынъ, какъ подобіе Божіе, подобіе потому, что онъ, также же, какъ и Богъ свободенъ. Онъ оснуетъ и довершитъ *civitas Dei*, которому положилъ уже на Западѣ столь широкое основаніе; и когда союзъ человѣка съ Богомъ, уже не тамъ только, но и здѣсь, возстановится и утвердится, тогда наступитъ послѣдній высшій періодъ человѣчества, періодъ любви, любви другъ друга въ Богѣ, любви истинной, полной, ибо разумной и свободной.

«Вотъ мое послѣднее слово. Все это представлено мною догматически, для краткости. Въ сочиненіи своемъ я разовью эту мысль и исторически, и рационально, утверждая опытъ разумомъ и подкрѣпляя разумъ опытомъ».

Читателя этого письма не можетъ не поразить сходство (не тождество) какъ основной идеи, такъ и многихъ частныхъ мыслей Мельгунова съ знаменитыми Философскими письмами Чаадаева въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ихъ по изданію Гагарина ¹⁾; а между тѣмъ у насъ нѣтъ

¹⁾ Изъ частныхъ отмѣтокъ положенный въ основу текстъ: да придетъ царствіе Твое—у Чаадаева: *adveniat regnum Tuum* и взглядъ на смиренную вѣру древней Руси.

никакого основанія предположить, чтобы Мельгуновъ былъ ученикомъ Чаадаева, тѣмъ болѣе, что конечные выводы, къ которымъ приходятъ они, различны (хотя и не противоположны; въ общемъ, *in cuncto*, можетъ быть, можно составить непрерывную пропорцію изъ релігіозно историческихъ взглядовъ Хомякова, Чаадаева и Мельгунова, въ которой послѣдній окажется среднимъ геометрическимъ количествомъ). Мы видѣли выше, что Мельгуновъ былъ еще въ юности хорошо знакомъ съ Чаадаевымъ, это знакомство продолжалось и много лѣтъ спустя ¹⁾; но отношенія ихъ никогда не были особенно близки, и Мельгуновъ позволялъ себѣ подсмѣиваться надъ слишкомъ торжественными манерами Чаадаева ²⁾. Вліяніе Чаадаева и Хомякова на Мельгунова допустить необходимо, но оно ограничивается возбужденіемъ вопросовъ, которые, впрочемъ, помимо московскихъ философовъ, были поставлены самою жизнью, а къ рѣшенію ихъ Мельгуновъ шелъ самостоятельнымъ путемъ; мѣстами онъ ближе подходилъ къ Чаадаеву потому, что оба они были въ нѣкоторой зависимости отъ знаменитаго европейскаго учителя—Шеллинга.

Вышеприведенное письмо есть только программа будущаго сочиненія Мельгунова; нужно ли прибавлять, что это сочиненіе такъ же мало имѣло шансовъ появиться на свѣтъ Божій, какъ и книга Теннетникова о Россіи? ³⁾

Зато Мельгуновъ снабжалъ журналъ друзей своихъ «Москвитининъ» очень мило написанными повѣстями, подъ которыми подписывался Н. Л.—скій (т. е. Ливенскій). Въ № 1-мъ за 1844 г. напечатанъ его рассказъ «Живая и мертвая вода»; дѣйствіе въ немъ происходитъ на водахъ въ Германіи, курорты которой описаны съ большимъ знаніемъ предмета и въ то же время остроумно и живо. Герой рассказа англичанинъ сэръ Томасъ, недурно отдѣланный типъ британскаго джентельмена, прямого, честнаго, храбраго, но до крайности неловкаго вслѣдствіе своей прямолинейности.

Въ № 3-мъ за тотъ же годъ опять повѣсть Н. Л.—скаго подъ названіемъ «Систематикъ», начинающаяся такъ: «Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ...

— Помилуйте, что за классическое начало!

¹⁾ Въ письмѣ безъ даты, но, несомнѣнно, отъ конца 40-хъ или начала 50-хъ годовъ, Мельгуновъ пишетъ Шевыреву: „Я думалъ встрѣтить тебя вчера у Чаадаева“; есть и еще нѣсколько подобныхъ указаній.

²⁾ Мы видѣли выше, что на патріотическія пьесы Пушкина 1831 г. Чаадаевъ и Мельгуновъ смотрѣли разными глазами.

³⁾ Очень характерно восклицаніе Мельгунова въ письмѣ къ Погодину лѣтомъ 1844 г. (Барсуковъ, VII, 386—388): „Ахъ, коли-бъ поскорѣй написалось мое сочиненіе!“

— Ну, если угодно: въ одинъ изъ тѣхъ бурныхъ осеннихъ вечеровъ, когда...

— А это ужъ слишкомъ романтично¹⁾.

Все бѣда; какъ же быть? Вотъ третье начало: вечеромъ, когда на дворѣ не то, чтобъ было хорошо и не то, чтобъ дурно...

— Ну вотъ это новое.

— Очень радъ. И такъ...»

Дѣйствіе и здѣсь происходитъ въ Германіи; герой—вегетеріанецъ (въ то время весьма рѣдкое явленіе), «травоядный адвокатъ» (какъ называетъ его авторъ), доказывающій, что мы не имѣемъ права на жизнь животныхъ. Сюжетъ довольно наивенъ: услыхавъ о красивой дѣвушкѣ, которая не ѣсть ни рыбы, ни мяса, вегетеріанецъ немедленно дѣлаетъ ей предложеніе; нѣкоторое время травоядная чета наслаждается счастьемъ. Но вотъ жена забеременила, и ей страстно захотѣлось селедки. Желаніе ея было удовлетворено, но когда она, для поддержанія упавшихъ силъ, стала употреблять бульонъ, систематикъ, несмотря на сильную любовь къ ней, разстался съ нею и снова остался одинокимъ на свѣтѣ.

Въ № 5-мъ за тотъ же годъ²⁾ напечатанъ отрывокъ изъ историческаго романа Мельгунова «Тьма и свѣтъ», въ которомъ интереснѣй всего выноска, замѣняющая предисловіе. Вотъ она полностью:

«Въ этомъ романѣ, изъ котораго здѣсь предлагается начало, авторъ намѣренъ былъ изложить, подъ вымышленнымъ именемъ, внутреннюю біографію одного невымышленнаго лица, внутренней процессъ чловѣка, увлекающагося сначала своелюбивой мечтой о славѣ, о почестяхъ, объ эгоизмѣ семейнаго счастья, безъ истинной и безкорыстной любви къ наукѣ, къ семейству, къ гражданской дѣятельности. За этимъ хаотическимъ періодомъ жизни героя, гдѣ онъ весь терялся во внѣшности,—рядъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, приведенныхъ (sic) не случайностью, а внутренней необходимостью, перебросилъ его изъ блестящаго, шумно-суетливаго Петербурга въ тихую, болѣе въ себя углубленную Москву, этотъ разсадникъ и это мѣсто отдыха для людей, увлекаемыхъ первымъ въ его головокружный водоворотъ. Тутъ герой встрѣтился съ Новиковымъ, съ молодымъ Карамзинымъ, узналъ Платона; и слѣдствіемъ новыхъ знакомствъ и отношеній было постепенное преображеніе его духа, сосредоточеніе въ самомъ себѣ, посвященіе себя въ таинства внутреннего міра. Теперь-то помирился онъ и съ наукой, и съ семейной жизнью, и съ дѣятельностью общественной, потому что теперь только полюбилъ

¹⁾ Еще одно любопытное и возможное толкованіе классицизма и романтизма.

²⁾ Очевидно, повѣсти, уже давно написанныя, были сданы всѣ сразу; по редакція помѣщала ихъ черезъ нумеръ ради разнообразія состава.

онъ все это безъ эгоизма, безъ задней мысли, изъ любви не къ своему ограниченному я, а къ высшимъ интересамъ, къ цѣлямъ великодушнымъ и безкорыстнымъ».

Напечатанныя главы—всѣ изъ первой части. Дѣйствіе происходитъ въ 1775 г.; герой, молодой человѣкъ Солинъ, отличный математикъ, нашель, какъ онъ думаетъ, формулу квадратуры круга и несетъ свое открытіе на судъ слѣпому Л. П. Эйлеру, который въ романѣ представленъ идеальнымъ человѣкомъ и ученымъ. Эйлеръ не сразу, но нашель ошибку въ вычисленіяхъ Солина. Самолюбивый юноша съ отчаянія заболѣваетъ горячкой, потомъ сходитъ съ ума. Эйлеръ беретъ его изъ больницы и помѣщаетъ къ своему другу доктору-швейцарцу, который излечиваетъ его музыкой и т. д.

Видно, что авторъ серьезно подготовлялся къ своему роману, изучилъ біографію и труды Эйлера и пересмотрѣлъ массу математическихъ книгъ. Въ романѣ проявляется умъ и мѣстами тонкая наблюдательность Мельгунова, но полное отсутствіе творческаго таланта.

Въ 1845 г., въ № 10, опять повѣсть Н. Л.—скаго: «Свидѣтель»¹⁾, одно изъ самыхъ удачныхъ произведеній Мельгунова, надо думать потому, что сюжетъ не выдуманъ имъ, а заимствованъ изъ разсказа какого-то воронежскаго старожила (дѣйствіе происходитъ близъ Воронежа, въ с. Дмитровскомъ). Это—уголовная трагедія, исторія барыни, которая взяла себѣ въ любовники двороваго и съ нимъ вмѣстѣ задушила своего больного мужа. «Свидѣтелемъ» убійства оказался 3-хъ лѣтній сынъ убитаго, который впоследствии и уличилъ мать и ея сообщника.

Усердно работая въ «Москвитянинѣ», Мельгуновъ все дальше и дальше расходился въ убѣжденіяхъ съ той партіей, интересы которой представлялъ журналъ, причемъ однако не могъ всецѣло перейти на сторону ихъ противниковъ. Лѣтомъ 1844 г., собираясь за границу, онъ написалъ Погодину то письмо, отрывокъ изъ котораго поставили мы эпиграфомъ²⁾.

Но дружескія его связи съ представителями славянофильства не прерывались: 20 августа 1844 г. Н. М. Языковъ пишетъ Гоголю³⁾, что онъ послалъ ему книги черезъ Мельгунова; черезъ два мѣсяца «Мельгуновъ зоветъ къ себѣ Языкова отвѣдать Приснецевой системы», извѣщаетъ его о прекрасномъ состояніи своего здоровья и пр.; въ январѣ 1845 г. редакція «Москвитянина» жаждетъ его статей и повѣстей⁴⁾; даже и послѣ знаменитаго стихотворенія «Къ не нашимъ» Языковъ въ

¹⁾ Написана, судя по помѣтѣ, еще въ 1834 г.

²⁾ Письмо полностью у Н. П. Барсукова VII, 386—8.

³⁾ „Русск. Ст.“ 1896, № 12.

⁴⁾ ib. стр. 630.

дружбѣ съ Мельгуновымъ: онъ, какъ и Аксаковы, шлетъ черезъ него письма Гоголю ¹⁾).

За эти годы въ судьбѣ Мельгунова произошла важная перемѣна: онъ наконецъ женился. Изъ его письма къ Шевыреву отъ 10 (22) октября 1844 г., писаннаго изъ Мангейма за нѣсколько дней до свадьбы, мы узнаемъ, что его невѣста — нѣмка изъ дворянской фамилии, что отецъ вполне одобряетъ его бракъ и переписывается съ своей будущей невѣсткой; что онъ сказалъ своей Софiи о перепискѣ съ Фатежемъ, а съ другой стороны, и въ Фатежъ написалъ о своемъ намѣренiи жениться и теперь беспокоится, не получая оттуда отвѣта. Писать въ Фатежъ онъ намѣренъ попрежнему — ежемѣсячно. Въ томъ же письмѣ сообщаетъ онъ слѣдующіе небезъинтересные факты:

«Подъ моимъ обыскомъ свадебнымъ подписались Жуковскій и Гоголь, заходящее и восходящее солнце русской словесности. Гоголь проводитъ зиму во Франкфуртѣ у Жуковского и готовится писать вторую часть «Душъ», для которыхъ собралъ много матеріаловъ и силъ. Такъ мнѣ говорилъ Жуковскій. Когда я мѣсяца два тому назадъ былъ во Франкфуртѣ и спрашивалъ о Гоголѣ въ Hôtel de Russie, гдѣ онъ стоялъ, то мнѣ отвѣчали, что онъ уѣхалъ въ Ост-Индію. Это было Остенде, гдѣ онъ купался и откуда воротился бодрымъ, оживленнымъ: такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ показался. Перваго тома «Душъ» перепечатывать не хочетъ, пока не издастъ по крайней мѣрѣ второй части. Жуковскій читалъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ своего почти буквального перевода «Одиссеи» (слѣдуютъ похвалы языку). Недавно кончилъ онъ 8 первыхъ пѣсень; онъ намѣренъ провести еще годъ за границей и, кончивъ переводъ, пріѣхать на житье въ Москву. Это его твердое намѣреніе. Съ Петербургомъ онъ простился; да петербургскаго въ немъ почти ничего и не осталось. Это старый Жуковскій въ двойномъ смыслѣ слова».

Свадьба совершилась 18 (30) октября, послѣ чего Мельгуновъ въ Карльсруэ ждалъ паспорта для жены, потомъ черезъ Страсбургъ проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ велъ «довольно шумную жизнь», но все же успѣвалъ слушать и философа Канта и знаменитыхъ проповѣдниковъ.

Страсть къ литературной работѣ у Мельгунова остается прежняя. Еще до женитьбы онъ прислалъ въ «Москвитянинъ» ¹⁾ статейку: «Русскія музыкальныя новости изъ-за границы», которая начинается словами: «Съ каждымъ годомъ Россія болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе образованнаго міра» и т. д. Сообщивъ о томъ, что нѣмецкіе журналы говорятъ о Глинкѣ, о Львовѣ, авторъ выражаетъ убѣжденіе «въ воз-

¹⁾ ib стр. 643.

²⁾ См. 1844 № 9 стр. 436—41. Подпись: Н Л-скій. Съ береговъ Рейна.

возможности самобытной русской школы» въ музыкѣ; но эта самобытность, по его мнѣнію, должна состоять не въ утилизациі русских народныхъ мотивовъ, а въ соединеніи характерныхъ чертъ италянскон, нѣмецкон и французскон музыки, подобномъ тому, какое мы находимъ у Львова; у него «вездѣ встрѣчаешь русскую душу, пріимчивую для всѣхъ впечатлѣній, но вмѣстѣ и русскій умъ, способный постигнуть и передать всѣ тонкости, всѣ хитрости искусства».

Изъ Парижа онъ присылаетъ въ «Москвитянинъ» очень живо написанное «Письмо», помѣщенное 8 (20) апрѣля 1845 г. ¹⁾, въ которомъ сравниваетъ этотъ «Новый Римъ» съ тѣмъ какимъ онъ зналъ его 20 лѣтъ назадъ. Онъ находитъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ благоустройства и смягченія нравовъ. Въ парижанахъ нынѣшняго времени онъ усматриваетъ «скромность почти нѣмецкую»; поверхностность—ихъ основной недостатокъ, но вѣдь съ нимъ связано и великое достоинство: отсутствіе ненависти, злобы. Авторъ ясно видитъ антагонизмъ между буржуа и рабочими, стремленіе послѣднихъ организоваться; онъ несравненно болѣе симпатизируетъ рабочимъ, но не ждетъ проку отъ сенсимонизма и др. подобныхъ ученій. Онъ сочувствуетъ не уничтоженію, а уравненію собственности. «Духъ мира и любви, говоритъ онъ, священъ въ моихъ глазахъ, гдѣ и въ комъ бы я ни встрѣчалъ его». Онъ съ большою похвалою говоритъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ въ Парижѣ и ожидаетъ въ близкомъ будущемъ сильнаго религіознаго движенія.

Изъ Парижа Мельгуновъ, очевидно, вернулся въ Россію, но гдѣ жилъ онъ, намъ неизвѣстно (вѣроятно, въ деревнѣ у отца); весною 1846 года онъ снова съѣздилъ за границу, но не надолго: съ конца іюля онъ уже имѣетъ постоянную квартиру въ Москвѣ ²⁾. Кончались, повидимому его Wanderjahre, и онъ становится интеллигентнымъ семейнымъ москвичемъ со средствами, диллетантомъ въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ, но диллетантомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, диллетантомъ-знаткомъ, вполне независимымъ и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи ³⁾.

Мельгуновъ былъ счастливъ въ семейной жизни, такъ какъ жена его только и думала о томъ, какъ бы угодить мужу (навѣрно, не очень взыскательному). Онъ же не только нѣжно заботился о ней самой, но

¹⁾ Напечатано №№ 5—6 за 1845 г. стр. 17—44.

²⁾ См. письмо Шевыреву отъ 18-го мая.

³⁾ Нижеприводимыя подробности о его образѣ жизни мы заимствуемъ изъ многочисленныхъ писемъ и записокъ его къ Шевыреву безъ датъ (и къ тому же на почтовой бумагѣ безъ водяныхъ знаковъ), которыя очень трудно, часто невозможно развѣстать по годамъ. Въ Публ. Библиотекѣ эти письма помѣщены послѣ датированнаго письма 1864 г.

и объ ея братъ, за уроки котораго платилъ. Его Sophie въ Москвѣ обратилась въ Софью Карловну, и онъ, знакомя ее съ русской дѣйствительностью и стариной, возить ее по монастырямъ (къ Троицѣ, въ Новый Иерусалимъ, къ Саввѣ преподобному и пр.). Къ сожалѣнію, вскорѣ у Софьи Карловны оказалась неизлечимая женская болѣзнь, въ-за которой Мельгуновъ долженъ былъ возить ее за границу, что вовлекало его въ долги ¹⁾.

Самъ Мельгуновъ живетъ въ свое удовольствіе, какъ онъ понималъ его: собственныя его вкусы скромны, но изъ-за старика отца (который, очевидно, живетъ съ нимъ) онъ долженъ держать домъ «на старой русской ногѣ»; зимою онъ изрѣдка посѣщаетъ англійскій клубъ, даетъ небольшіе обѣды (Шевыревъ и Павловъ—его постоянные гости), попрежнему занимается музыкой, но еще болѣе книгами: онъ изучаетъ и Гегеля и теоретическую химию и славянскія древности Шафарика и зорко слѣдитъ за европейской и русской литературой, журналистикой и жизнью московскаго университета. Лѣтніе мѣсяцы, если остается въ Россіи, онъ объѣзжаетъ свои деревни.

Кругъ знакомыхъ и пріятелей Мельгунова теперь значительно шире: онъ попрежнему бываетъ у Свербеевыхъ, часа по три спорить (вполнѣ мирно) съ Кирѣевскимъ, участвуетъ въ обѣдахъ въ память Веневитинова; но онъ же «вмѣстѣ съ сосѣдомъ Герценомъ» выписываетъ аугсбургскую газету, дружитъ и съ Коршемъ и съ Грановскимъ. Онъ вынужденъ оправдываться передъ слишкомъ страстнымъ Шевыревымъ, который по всякому поводу (даже по поводу книжныхъ шкафовъ, взятыхъ изъ Шевыревской квартиры безъ спросу) обвинялъ Мельгунова въ западничествѣ и даже въ измѣнѣ Россіи, и доказывалъ ему, что его пріязнь съ Герценомъ и Коршемъ—связь чисто у м с т в е н н а я. Погодина, котораго онъ считалъ (вполнѣ основательно) менѣе партійнымъ человѣкомъ, онъ старался сблизить съ западниками: когда въ № 1 «Москвитянина» за 1846 годъ явилось «Похвальное слово Карамзину», говоренное Погодинымъ при открытіи памятника, которое поврвилось Герцену, Мельгуновъ спѣшитъ сообщить автору объ энтузіазмѣ Герцена и, будто опасаясь недовѣрія, прилагаетъ самую записку Герцена ²⁾. «Что бы ни говорили,—пишетъ онъ при этомъ случаѣ Погодину,—про мои новыя знакомства, но моимъ старымъ оттого хуже не будетъ. Чувствую въ себѣ и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо,

¹⁾ Главнымъ образомъ Шевыреву, которому онъ платитъ умѣренныя проценты (8%, годовыхъ). Необходимость занимать то по векселю, то „на перехватъ“ не мѣшала ему правильно выдавать ежемѣсячное пособіе тремъ бѣднымъ женщинамъ. Изъ письма отъ 29 окт. 1854 г. видно, что этимъ старушкамъ полагалось 60 рублей въ мѣсяцъ.

²⁾ Барсуковъ о. с. VIII, 217 и слѣд.

тайное побужденіе исполнить въ маломъ то, что придаю я въ большихъ размѣрахъ герою своего будущаго романа».

Итакъ, вмѣсто историко-философскаго изслѣдованія, Мельгуновъ теперь пишетъ романъ, герой котораго долженъ представить третью высшую партію, имѣющую примирить славянофиловъ съ западниками, а пока Мельгуновъ среди своихъ пріятелей дѣлалъ свое маленькое дѣло: онъ по цѣлымъ вечерамъ спорилъ «съ азіатской и до-петровской Россіей»; но въ то же время не одобрялъ пренебрежительнаго отношенія Грановскаго «ко всему востоку и семитамъ».

Славянофилы (Хомяковъ и Шевыревъ) считали Мельгунова «одно-стороннимъ западникомъ» ¹⁾; но онъ не признавалъ себя таковымъ, и вотъ какъ въ двухъ письмахъ къ Шевыреву опредѣлялъ свое положеніе: «вы въ моей системѣ находите мѣсто, а я въ вашей не нахожу. Я изгнанникъ. Вы же для меня алхимики, ищущіе золота въ русской исторіи. Золота вы не найдете, но набредете на много (sic) хорошаго и дѣльнаго, и, главное, пробудите въ русскихъ жажду самопознанія ²⁾. Вотъ ваша неотъемленная заслуга. И потому миръ вамъ! ³⁾ Подай руку, и пусть каждый трудится по силамъ на славу челоуѣчества!» (безъ даты, очевидно изъ Москвы).

Изъ Las-sur-mer (въ Нормандіи) пишетъ онъ 12-го (24-го) іюля 1846 года.

«Не Западъ гніетъ, а Востокъ процвѣтаетъ, но и на Западѣ и на Востокѣ одна часть народа, и самая значительная, носить въ себѣ возможность возрожденія и великаго будущаго, а другая меньшая часть, дѣйствительно, гніетъ и идетъ къ своей погибели». Гніетъ буржуазія и такъ называемые правящіе классы, а прогрессируютъ обдѣленные судьбою. «Чѣмъ я больше знакомлюсь съ крестьянами, съ народомъ разныхъ странъ, тѣмъ болѣе общаго нахожу между ними... Сколько здѣсь ⁴⁾ простоты, чистоты нравовъ и сердечности!» ⁵⁾

¹⁾ Онъ „на посылакахъ у Фряговъ“, писалъ о немъ Шевыревъ Погодину (Барсуковъ IX, 37).

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Среди крестьянъ Нормандіи.

⁵⁾ Ровно черезъ годъ 30 іюля 1847 г. онъ пишетъ Погодину (см. Барсуковъ IX, 39) изъ Петровскаго, что въ обращеніи съ крестьянами старается избѣгать двухъ крайностей: нагайки и иностранныхъ нововведеній, и остается въ деревнѣ тѣмъ же, чѣмъ въ городѣ: европейскимъ русскимъ. Изъ того же Петровскаго 19 августа 1847 г. онъ пишетъ Шевыреву о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ: одному Шевыреву онъ оказывается долженъ около 10.000; кромѣ того долженъ онъ и сосѣду Крашенинникову, а сидитъ безъ копейки, такъ что не въ состояніи заплатить и процентовъ; вся его надежда на скорое увеличеніе доходовъ. Крашенинниковъ, какъ мы узнаемъ изъ письма-

Мельгуновъ въ это время расходился въ мнѣніяхъ съ Шевыревымъ не только относительно «фряговъ», но и относительно нѣкоторыхъ литературныхъ вопросовъ. Когда въ 1846 году въ «Петербургскомъ Сборникѣ» появились «Бѣдные люди» Достоевскаго, Шевыреву они не понравились, а Мельгуновъ рѣшительно высказался за нихъ, хотя и называлъ автора «повтомъ de tendance». По его мнѣнію, «это примѣчательное произведеніе, глубокое по смыслу, талантливое по исполненію. «Двойникъ» Достоевскаго, говорятъ, плохъ; но это не мѣшаетъ его «Бѣднымъ людямъ» быть однимъ изъ украшеній современной литературы нашей».

Но всего рѣзче (чуть-чуть не окончательно) разошлись друзья по поводу, такъ называемой, Крыловской исторіи и выхода въ отставку Кавелина, Рѣдкина, Грановскаго и Корша. 22-го декабря 1847 года, послѣ извѣстнаго тоста Шевырева за очищенный университетъ и regeat'a Строганову, Мельгуновъ пишетъ Шевыреву длинное интересное, во многихъ отношеніяхъ, письмо. Считая, что многолѣтняя дружба обязываетъ къ полной откровенности, хотя бы и очень неприятной для друга, онъ, заодно съ общественнымъ мнѣніемъ, обвиняетъ Шевырева въ злобномъ отношеніи къ кружку Грановскаго и въ связяхъ съ людьми нечистыми. «Эти связи отбросили тебя въ руки семинаристовъ, холопей безъ достоинства». Шевыревъ, по убѣжденію Мельгунова, «человѣкъ рьяный, но не энергичный, поддающійся чуждому вліянію». Это «листъ чистой, но промокаемой бумаги», готовый впитать въ себя чужія грязныя пятна.

«Общее мнѣніе о выходящихъ теперь профессорахъ какъ о людяхъ даровитыхъ, много сдѣлавшихъ и еще болѣе обѣщающихъ, но, паче всего, какъ о людяхъ чистыхъ и благородныхъ, было, хоть и съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣкогда и твоимъ собственнымъ мнѣніемъ; не

Мельгунова къ А. В. Веневитинову отъ 15 мая того же 1847 г., товарищъ дѣтства Мельгунова, нынѣ петербургскій чиновникъ; Мельгуновъ ходатайствуетъ о его повышеніи. Кстати приводимъ изъ того же письма отъ 15 мая 1847 г. слѣдующія свѣдѣнія: „Сегодня утромъ выѣхалъ Хомяковъ съ женою въ Петербургъ, гдѣ намѣренъ взять паспортъ въ чужіе края. Вчера вечеромъ мы провожали его, и теперь—думаю—онъ уже на пути въ сѣверный Вавилонъ. Ты найдешь въ немъ перемены, въ наружности же его ту, что онъ съ виду сбивается на повѣреннаго винными откупамъ. Кошелевъ вѣрно тебѣ сказывалъ, что Иванъ Кирѣевскій опасно боленъ—(sic).—Впрочемъ, хотя онъ еще не совсѣмъ внѣ опасности, но шансы выздоровленія—(sic)—съ каждымъ днемъ увеличиваются, а съ ними и надежды его друзей“. За сообщеніе письма благодаримъ М. А. Веневитинова.

15 мая 1848 г. Мельгуновъ пишетъ Шевыреву изъ села Княжева Веневскаго уѣзда, что онъ водится болѣе съ простымъ народомъ, чѣмъ съ дворянами, которыхъ бранитъ за татарщину и за дурныя отношенія къ мужикамъ.

раздѣляя всѣхъ ихъ убѣжденій, по меньшей мѣрѣ столь же искреннихъ, какъ и твои, ты, однако, не могъ отказать имъ въ уваженіи. Мало того, ты раздѣлялъ съ ними тѣ побужденія, которыя заставили ихъ отказаться отъ каеедры въ здѣшнемъ университетѣ; ты не разъ говорилъ и мнѣ, и всѣмъ своимъ знакомымъ, что не можешь и самъ служить съ товарищемъ, на котораго падаетъ сильное подозрѣніе во взяточничествѣ и который, сверхъ того, обнаружилъ свое глубокое неблагородство недостойнымъ обращеніемъ съ женой, низкими происками и гнусными доносами. Профессоръ, сказалъ ты мнѣ однажды, — то-жъ, что служитель алтаря: не только его общественная, но и частная жизнь должна быть чиста, ничѣмъ незапятнанна.

Поддавшись негодаямъ, Шевыревъ измѣняетъ себѣ. По Москвѣ ходятъ слухи о его будущемъ ректорствѣ; Мельгуновъ очень сожалѣлъ бы, если бы слухи оправдались: это было бы режимъ реакціи; черезъ него обскуранты сѣумѣютъ подвергнуть всѣхъ преподавателей цензурѣ «въ смыслѣ православія, самодержавія и народности». Мельгуновъ кончаетъ письмо словами: «Отъ твоего отвѣта (если ты сочтешь нужнымъ отвѣчать) и отъ твоего дальнѣйшаго поведенія зависить судьба нашихъ будущихъ сношеній». Мы не знаемъ, что отвѣчалъ Мельгунову Шевыревъ, но отвѣтъ былъ настолько успокоительный, что отношенія ихъ существенно не измѣнились, и Мельгуновъ черезъ 5 дней (27-го декабря) снова написалъ Шевыреву; онъ повторилъ нѣкоторыя изъ своихъ обвиненій, но тономъ болѣе дружественнымъ.

Обращаемся къ печатнымъ трудамъ Мельгунова за это время. Безъ сомнѣнія, новые друзья сблизили его съ Вѣлинскимъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще по Москвѣ. Мы видѣли выше, что для его сборника Мельгуновъ еще въ 1845 году писалъ статью о Вернетѣ, которая очень понравилась знаменитому критику. Статья появилась въ № 1 «Современника» ¹⁾, и Мельгуновъ сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ удачно обновленнаго журнала. Въ № II, за тотъ же 1847 годъ, онъ помѣстилъ за подписью Л. статейку: «Нѣсколько словъ о Москвѣ и Петербургѣ», очень сочувственную старой столицѣ. Москва, по его мнѣнію, въ умственномъ отношеніи болѣе европейскій городъ, чѣмъ Петербургъ; вѣдь изъ нея Карамзинъ воевалъ за европеизмъ съ петербургскими славянофилами. Ей предстоитъ огромная будущность: желѣзныя дороги свяжутъ ее со всѣми украинами и сильно увеличатъ ея торговое и промышленное значеніе. Правда, она всегда останется огромной деревней; но вѣдь и всѣ лучшіе города на Западѣ теперь стремятся стать какъ можно болѣе похожими на деревню и т. д.

¹⁾ Мельгуновъ пишетъ о ней Шевыреву: „Ее нѣсколько обчекрыжила цензура, да въ иныхъ мѣстахъ пзуродовала корректура“.

Въ томъ-же № въ «Смѣси», за подписью Н. Л—скій, онъ начинаетъ отдѣлъ «Современныя замѣтки» (стр. 159—177), въ которыхъ, на этотъ разъ, больше всего бесѣдуетъ о Московскомъ университетѣ. Онъ осуждаетъ сливки студентовъ за французскій языкъ въ аудиторіяхъ и за сословную гордость: онъ находитъ, что въ послѣднее время профессорскій персоналъ прогрессируетъ очень замѣтно. Онъ хвалитъ Ляскова за его публичныя лекціи, но дольше всего останавливается на курсѣ Шевырева. Изложивъ нѣсколько его лекцій, онъ сдержанно и трезво возражаетъ противъ его мистицизма и мечтаній о славянской будущей поэзіи духа и пр.; но онъ очень хвалитъ его за жизненность вопросовъ, имъ поднимаемыхъ, за стремленіе сблизить науку съ обществомъ, за его журнальную и общественную дѣятельность. «Если его теоретическія мысли, — говоритъ онъ въ заключеніе, — представляютъ много неудовлетворительнаго и спорнаго, его историческія обзорѣнія заслуживаютъ полной похвалы».

Такимъ образомъ Мельгуновъ и печатно стремится къ своей благородной цѣли—примиренію западниковъ съ славянофилами. Чтобы отзываться такъ тепло о Шевыревѣ въ журналѣ, гдѣ выдающуюся роль игралъ Бѣлинскій, надо было пользоваться уваженіемъ и симпатіей молодой редакціи. Едва ли мы ошибемся, если припишемъ эту симпатію именно примирительнымъ стремленіямъ Мельгунова. Самолюбивому Шевыреву, безъ сомнѣнія, было пріятно, что къ его дѣятельности такъ относится журналъ, сразу пріобрѣтшій большую популярность¹⁾.

Въ томъ-же II томѣ за 1847 годъ (отд. IV, стр. 83—95) за тою же подписью, онъ печатаетъ статейку подъ заглавіемъ «Народная одежда и европейская мода», гдѣ, пользуясь этимъ ничтожнымъ поводомъ, излагаетъ свои воззрѣнія на народность.

«Истинная, самобытная народность, — говоритъ онъ, — не отправляется отъ идеи народности. Она пріобрѣтается и растетъ сама собою, путемъ не теоріи, а жизни, естественно, наивно, нося въ себѣ самой зерно своего дальнѣйшаго развитія. Кто народу проповѣдываетъ народность, тотъ въ ней сомнѣвается. Здоровые не говорятъ и не думаютъ о здоровьи; говорятъ и хлопчутъ о немъ лишь больные. Если же народъ занемогъ чужеземной немощью, то отъ нея можетъ вылечить лишь его собственная здоровая натура». Стремленіе извѣстной партіи имѣть свою особую русскую науку, свое искусство напоминаютъ автору прежнихъ помѣщиковъ, которые, показывая аляповатую мебель, съ гордостью говорили: это мой столяръ сдѣлалъ и пр.

¹⁾ «Современникъ» въ первый же годъ имѣлъ, говорятъ, до 2.000 подписчиковъ, тогда какъ «Москвитянинъ» въ это время расходился въ 300 экз. съ небольшимъ.

Въ III томѣ «Современника» за 1847 годъ Мельгуновымъ въ «Смѣси» безъ подписи напечатана статейка «Московскія новости»¹⁾, рассказы-вающаяся о московскихъ салонахъ, гдѣ мирно уживаются Восточные и Западные, о музыкѣ, о дешевыхъ товарахъ и пр.

Въ томъ-же III т. «Современника» (стр. 136 и слѣд.) Мельгуновъ перенесъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» свой споръ съ Шевыревымъ о благотворительности²⁾.

Онъ честно перепечаталъ юмористическую мистерію Шевырева и растолковалъ смыслъ спора такимъ образомъ: Шевыревъ—за подачу милостыни, онъ, Мельгуновъ—за то, чтобы люди въ ней не нуждались; Шевыревъ—за чувство любви, онъ—за дѣло любви.

На этомъ, сколько знаемъ, сотрудничество Мельгунова въ «Современникѣ» и окончилось³⁾.

Въ томъ-же 1847 году Мельгуновъ на страницахъ своего прежняго прибіжища «Москвитянина» (III, 147—158) вступилъ въ споръ съ самымъ умнымъ его сотрудникомъ Ю. Самаринимъ, за что такъ жестоко досталось отъ друзей слишкомъ терпимому редактору Погодину⁴⁾.

Затѣмъ наступаетъ періодъ въ жизни Мельгунова, для насъ совершенно темный; гдѣ жилъ онъ, что дѣлалъ, мы не вѣдаемъ; мы только можемъ кое о чемъ догадываться, на основаніи немногихъ записочекъ безъ датъ и позднѣйшихъ писемъ къ Шевыреву.

Надо думать, что его письма по поводу Крыловской исторіи были послѣднимъ проявленіемъ его идейной и идеальной дружбы съ Шевыревымъ, а его отвѣтъ Самарину—послѣдней попыткой исполнить свою примирительную миссію. Съ «Москвитяниномъ» онъ, сколько знаемъ, не возобновлялъ сношеній, а съ Шевыревымъ онъ, повидимому, остался въ отношеніяхъ простой пріязни, которая на длинныя и откровенныя письма не вызываетъ.

Но почему онъ прекратилъ свои корреспонденціи въ «Современникѣ»? Вѣроятно, въ эти годы (1847—1849), скончался отецъ Мельгунова, и

¹⁾ Стр. 94—109; авторъ здѣсь ссылается на свою предыдущую статью въ т. II.

²⁾ См. о немъ Барсукова о. с. IX, 362—3.

³⁾ Съ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“ Мельгуновъ въ это время былъ почему-то въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ, какъ это видно изъ письма его отъ 18-го января 1847 года (см. бумаги А. А. Краевского въ Публичной Библиотекѣ), гдѣ онъ титуруетъ Краевского „милостивый государь“, жалуется на неисправность доставленія журнала въ Фатежъ, напоминаетъ объ обѣщаніи отправить впредь до расчета сто рублей отрекомендованному имъ сотруднику и пр., но все это сухимъ, недружественнымъ тономъ.

⁴⁾ Разсказъ объ этомъ и краткое изложеніе статьи Мельгунова см. у Барсукова IX, 37 и слѣд.

идеалистъ поневолю́ долженъ былъ превратиться на время въ практика. Тогда-то, весьма возможно, онъ отчасти изъ отвращенія къ крѣпостному праву, а больше изъ любви къ собственной независимости распродалъ свои имѣнія и превратилъ все свое состояніе въ деньги. Но эти деньги у него не залежались. Павловъ, разбогатѣвшій женитьбой на м-ше Янишъ, на средства своего тестя завелъ (или купилъ?) большую суконную фабрику въ Мурманѣ и взялъ подрядъ на поставку суконъ. Въ это огромное предпріятіе онъ втянулъ и Мельгунова, который подъ векселя Яниша далъ 15,000 р. с. для представленія залоговъ. Сперва дѣла шли хорошо, но съ 1853 года Мельгуновъ уже пересталъ получать проценты.

Весной 1854 года Мельгуновъ живетъ въ Петербургѣ, повидимому, вполне достаточнымъ человѣкомъ. Лѣтомъ онъ имѣетъ дачу въ Павловскѣ и съ помощію связей своихъ многимъ оказываетъ протекцію. «Отъ души радуюсь этому; весело быть хоть на что нибудь годнымъ ¹⁾, пишетъ онъ Шевыреву; ты же имѣешь двойное право располагать мною».

Шевыревъ просилъ его взять на себя хлопоты о помѣщеніи его сына Бориса въ Пажескій корпусъ, черезъ который было легче получить сѣцперскіе эполеты. Мельгуновъ съ радостью принялъ на себя эту задачу и смотрѣлъ за Борисомъ Степановичемъ какъ за роднымъ сыномъ. Въ это время, несмотря на болѣзнь глазъ, Мельгуновъ по вечерамъ занятъ большимъ романомъ. «Первую часть уже кончилъ, остается еще двѣ. Если онъ появится въ печати, и ты прочтешь его, то не мало ему удивишься: онъ весь направленъ противъ гнилого Запада, и въ немъ я стараюсь придать всемірный смыслъ теперешней войнѣ» ²⁾.

Съ осени 1855 года Мельгуновъ уже въ Москвѣ, гдѣ возобновляетъ свои прежнія литературныя связи (между прочимъ заботится вмѣстѣ съ другими о полнотѣ изданія Гоголя).

Весною 1856 года мы его находимъ вмѣстѣ съ женою въ Парижѣ, куда онъ поѣхалъ безъ достаточнаго количества денегъ, вложивъ, надо думать, все, чѣмъ онъ могъ располагать, въ предпріятіе Павлова. Въ Парижѣ пробылъ онъ болѣе года, болѣлъ невралгіей глаза, былъ въ долгахъ вслѣдствіе неаккуратности и легкомыслія Павлова, но жплъ все-таки-же какъ достаточный русскій баринъ, не отказывающій себѣ даже въ чтеніи русскихъ журналовъ. Несмотря на болѣзнь, онъ успѣлъ написать статью о современной Франціи и въ маѣ отослалъ ее при

¹⁾ Стало быть, онъ не служитъ и не имѣетъ другого опредѣленнаго дѣла

²⁾ Письмо отъ 29-го октября 1854 года.

письмѣ къ Каткову. Слухъ о ней почему-то дошелъ и до Краевскаго, который, вѣроятно, высказалъ желаніе имѣть ее въ своихъ рукахъ ¹⁾.

Лѣто и часть осени 1857 года Мельгуновъ прожилъ ради лѣченія въ Гунценбахѣ близъ Баденъ-Вадена и переписывался съ Шевыревымъ почти исключительно о своихъ денежныхъ дѣлахъ, продолжая жаловаться на Павлова.

Затѣмъ въ письмахъ Мельгунова къ Шевыреву, находящихся въ Публичной Библиотекѣ, слѣдуетъ перерывъ почти на 10 мѣсяцевъ: уничтоженъ рядъ интимныхъ сообщений Мельгунова о пережитой имъ драмѣ ²⁾. Судя по послѣдующему, за это время Мельгуновъ лишился своей жены ³⁾ и попалъ, не безъ своей вины, въ ужасныя денежные затрудненія: онъ задолжалъ и небогатымъ людямъ и взялъ деньги подъ поручительство нашего посланника во Франкфуртѣ, Фонтана. Тонъ его писемъ Шевыреву дѣлается какой-то обиженный и приниженный: онъ, повидимому, оскорбленъ упреками стариннаго пріятеля (хотя и признаетъ ихъ справедливость), но не смѣетъ выказать своего недовольства, такъ какъ очень нуждается въ помощи. Онъ даже съ внѣшней стороны сталъ писать хуже и небрежнѣе и сталъ дѣлать такія ошибки, какихъ никогда не дѣлалъ прежде. Онъ живетъ теперь въ Гамбургѣ близъ Франкфурта. 1-го (13-го) декабря 1858 года сообщаетъ онъ Шевыреву, что задолжалъ хозяину гостиницы около 1500 франковъ, и тотъ «морщит-ся». «Я уже и теперь вынужденъ отказывать себѣ во всемъ, въ самыхъ необходимыхъ мелочахъ; такъ, напримѣръ, насилу, насилу нашелъ денегъ, чтобы сходить въ баню и заплатить за это письмо...» «Тюрьма за долги виситъ надо мною, какъ Дамокловъ мечъ ⁴⁾. Спасите меня!»

Мы пропускаемъ длинный рядъ характерныхъ, но однообразно-скорбныхъ писемъ Мельгунова, показывающихъ, до чего могъ упасть духомъ и даже нравственностью интеллигентный баринъ 30-хъ—40-хъ годовъ, вслѣдствіе непривычки къ борьбѣ съ жизнью ⁵⁾.

¹⁾ Письмо Мельгунова Краевскому изъ Франкфуртѣ на Майнѣ 15-го (27-го) ноября 1857 г. Въ немъ Мельгуновъ поручаетъ Краевскому добыть эту статью отъ Каткова и напечатать ее „хоть въ газетѣ“. Здѣсь же онъ проситъ его высылать въ Бѣлградъ Екатеринѣ Ильинишнѣ Н... (бывшая жительница Фатежа) „Отечественныя Записки“, „Радугу“ и „Журналъ узоровъ“.

²⁾ „Не разъ и подробно писалъ я о причинахъ моей связи“... пишетъ онъ Шевыреву въ юнѣ 1858 года.

³⁾ Въ письмѣ отъ 1-го (13-го) декабря 1858 г. онъ называетъ себя одинокимъ человѣкомъ.

⁴⁾ „А тюрьма здѣсь ужасная“, пишетъ онъ черезъ 3½ надѣли, и въ томъ же письмѣ проситъ позаботиться о Екатеринѣ Ильинишнѣ, живущей въ Бѣлградѣ!

⁵⁾ Онъ бранитъ Фонтана за то, что тотъ его подвелъ, заставилъ заплатить долгъ, мечтаетъ только о томъ, какъ бы бѣжать отъ кредиторовъ въ

Но мы не можем не упомянуть о фактѣ болѣе отраднaго свойства, доказывающемъ, какая прочная связь соединяла и подѣ старость этихъ передовыхъ людей 30-хъ годовъ. Въ бумагахъ князя Одоевскаго въ Публичной Библиотекѣ (XVII, 14) хранится, такъ сказать, небольшое дѣло объ отчаянномъ положеніи Мельгунова въ февралѣ 1859 года. 20-го февраля А. А. Краевскій пишетъ князю Одоевскому, тогда директору Румянцевскаго музея въ Петербургѣ, что онъ только что получилъ «отчаянное» письмо отъ Мельгунова, который уже состоитъ ему должнымъ рублей 700; онъ не знаетъ, что дѣлать, и препровождаетъ письмо на усмотрѣніе князя, который, безъ сомнѣнія, снесется съ А. В. Веневитиновымъ.

Письмо Мельгунова отъ 13-го (25-го) февраля 1859 года начинается такъ: «Когда человѣку хотятъ перерѣзать горло и мольба о помилованіи не производитъ дѣйствія, онъ обращается всюду за помощью, за спасеніемъ». Онъ сообщаетъ, что только что послалъ Краевскому телеграмму съ просьбою лично или при помощи Веневитинова, Одоевскаго и Павлова спасти его отъ тюрьмы высылкою 1350 гульденовъ, причемъ перечисляетъ статьи и романы, предназначенные имъ для «Отечественныхъ Записокъ»¹⁾. Затѣмъ онъ разъясняетъ свое денежное положеніе, причемъ цѣнность Мурманна, которое непременно должно быть скоро продано въ его пользу, значительно увеличиваетъ, увѣряя, будто въ немъ 1000 душъ (по его письмамъ Шевыреву въ немъ около 500 душъ). Крайній срокъ уплаты 16-го февраля.

Князь Одоевскій немедленно пересылаетъ это письмо А. В. Веневитинову, который немедленно-же отвѣчаетъ ему: «Возвращаю тебѣ письма Краевскаго и бѣднаго Мельгунова, который, дѣйствительно, жертвою безстыдныхъ поступковъ Павлова». Веневитиновъ можетъ предложить съ своей стороны отъ 400 до 500 рублей. «Постарайся найти къ тѣмъ деньгамъ, которыми я могу располагать, еще отъ 150 до 200 рублей».

Швейцарію и пр. При этомъ, почти очевидно, что онъ скрываетъ отъ самыхъ близкихъ людей какое-то обстоятельство, удерживающее его въ Гамбургѣ; ясно, что оно не дѣлаетъ ему чести.

¹⁾ Вотъ текстъ телеграммы или станціи, какъ называетъ ее Мельгуновъ, съ его дополненіями и разъясненіями: Je parlais (dans un lieu de sûreté dans le but) d'achever pour vous observations sur Paris (Замѣтки о Парижѣ), Ame timide (Сирая душа), Favorit (последніе два почти оконченныя романы): mais (l') hôtelier (de) Hombourg veut être immédiatement payé. Si non, prison pour très longtemps. Vous, Venevitinoff, Odoyevski etc. sauvez moi, envoyez télégraphiquement 1350 florins au prêtre russe Mathveyevski (à) Wiesbaden. Mandez immédiatement (la) même chose (à) Pavloff. Cotisez vous Vendez (выноска подѣ звѣздочкой: нельзя ли вашему фениксу комисіонеру?) (la 2-de édition de mon) roman: Cour (d') assises. Melgounoff.

Но Веневитиновъ боится, что помощь окажется не вполне своевременной: срокъ 16-го, а самъ, Мельгуновъ, написалъ только 13-го ¹⁾; «что за безмозглый фантазеръ!» По всей вѣроятности, «несчастный и невинный» Мельгуновъ не минетъ хоть кратковременнаго пребыванія въ гамбургскомъ долговомъ отдѣленіи.

Князь Одоевскій, очевидно, не нашелъ дополнительной суммы и на Веневитиновскіе 500 рублей взялъ у Штиглица вексель въ 1875 франковъ, который и переслалъ священнику Матвѣевскому, изъяснивъ ему (въ дополненіе къ своей телеграммѣ), что письмо Мельгунова было получено только въ субботу на масляницѣ и до понедѣльника ничего нельзя было сдѣлать, а переводы телеграммой у Штиглица не принимаютъ.

Опасенія Веневитинова оправдались только отчасти: въ тюрьму Мельгуновъ не попалъ, но подвергся домашнему аресту за долги, при чемъ ему еще угрожалъ процессъ ²⁾.

Несмотря на скандалъ, который долженъ былъ произвести въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ арестъ русскаго барина, Мельгуновъ послѣ этого оставался въ Гамбургѣ почти полтора года; только въ началѣ іюля 1860 г. мы находимъ его въ Берлинѣ на пути въ Россію; деньги на выѣздъ прислалъ ему «добрый Кошелевъ» ³⁾.

Во второй половинѣ іюля Мельгуновъ уже въ Москвѣ, живетъ въ домѣ Шевырева, обѣдаетъ у Павлова, который снабжаетъ его деньгами «по рублю» и работаетъ для Краевскаго.

Само собою разумѣется, что во время такой жизненной встряски Мельгуновъ не былъ способенъ написать что-нибудь хорошее; поэтому его «Сирая душа», «Favorit» и пр., сколько знаемъ, или вовсе не были окончены, или не были приняты. Къ счастью, тѣ статьи, съ которыми онъ выступалъ въ «Отеч. Зап.» въ 1859 г. были, по всей вѣроятности, написаны или по крайней мѣрѣ подготовлены имъ въ лучшія для него времена ⁴⁾; но такъ какъ онѣ отдѣлывались подъ влияніемъ

¹⁾ Телеграмма, по словамъ Краевскаго, почему то не дошла до него.

²⁾ „Арестъ и процессъ, пишетъ онъ Шевыреву 2-го (14-го) апрѣля 1859 г.—двѣ вещи, мнѣ еще невѣдомыя. Но tu l'as voulu, George Dandin!“

³⁾ Кошелевъ съ самаго начала года принималъ дѣятельное участіе въ его дѣлахъ. Помогали ему за это время, повидимому, также и Шевыревъ и Хомяковъ; высылалъ деньги и Павловъ, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что эти присылки возбуждали алчность кредиторовъ, не удовлетворяя ихъ.

⁴⁾ № 3-й „Туристы вообще и особенно русскіе“, № 6-й „Голосъ русскаго въ европейской распрѣ“ (онъ вполне убѣжденъ въ скоромъ пораженіи Австріи); № 9-й и слѣд. „Замѣтки русскаго въ Парижѣ“; подписаны статьи то Н. Ливенскій, то Ш. А. М.—въ (Н. Ливенскій).

гнетущихъ обстоятельствъ, въ нихъ встрѣчаются противорѣчія и небывалыя у него шероховатости. Приведемъ одинъ примѣръ, въ которомъ Мельгуновъ опять-таки является посредникомъ между «восточными» и «западными», но посредникомъ увѣ! на этотъ разъ плохо примиряющимъ. Въ статьѣ «Народности въ исторіи», по поводу гегелианцевъ, видящихъ въ нѣмцахъ новѣйшихъ эллиновъ, онъ говоритъ въ примѣчаніи (стр. 182): «И у насъ нѣкоторые гегелирующие славянофилы пытались перевести эту теорію (о преобладающей народности) на русскіе нравы, т. е. доказать, на основаніи гегелевой философіи, что всемірный, всечеловѣческій народъ—это народъ русскій, котораго исторія развилась безукоризненно стройно, логически, по вѣчнымъ законамъ духа; а потому... ему и палка въ руки».

А въ послѣдней статьѣ «Замѣтки русскаго въ Парижѣ» тотъ же Мельгуновъ, остроумно охарактеризовавъ французовъ и англичанъ, говоритъ:

«Антитезъ между Франціей и Англіей, между равенствомъ и свободой неизбѣженъ, даже необходимъ, по свойству историческаго развитія; онъ до сихъ поръ былъ плодотворенъ для остальнаго міра. Но этотъ антитезъ или осужденъ на вѣчный диссонансъ, или долженъ, рано ли, поздно ли, разрѣшиться въ созвучіи, въ синтезѣ.

«На Западѣ едва ли синтезъ можетъ совершиться. Скорѣй у народа, едва знавшаго завоеваніе, дружелюбно расположеннаго къ присоединеннымъ племенамъ и составляющаго въ самой средѣ государства безсословное, сплошное и цѣльное ядро огромнаго объема. Правда, такая будущность еще далеко впереди: солнечная система теперешнихъ народовъ еще полна жизни, несмотря на умножающіеся признаки органическаго разстройства. Для новой системы надо, чтобъ повернулась историческая ось и образовались новые фокусы будущей орбиты.

«Но предчувствовать, угадывать новый порядокъ позволительно и не мечтателю; это тотъ порядокъ, когда люди увидятъ невозможность достигнуть братства путемъ доставшихся съ боя исключительныхъ началъ (*fraternité ou la mort*). Англія и Франція, конечно, и безъ того ихъ у себя выработали, но односторонне и въ кровавой борьбѣ; на выработанныя же кровью сокровища не купить имъ высшаго блага любви. Братство не пріобрѣтается ни борьбой, ни насиліемъ, ни даже разсчитливыми сдѣлками: оно дается. Братья, какъ поэты, *non fiunt, sed nascuntur*».

Несмотря на эти и подобныя имъ шероховатости, Краевскій, какъ видно по его примѣчаніямъ къ этой статьѣ, придавалъ корреспонденціямъ Мельгунова не малое значеніе, да и не могъ онъ при своей редакторской опытности не оцѣнить огромной начитанности автора, основательнаго знанія Франціи и Германіи, легкости его изложенія и искусства сопоставленія

фактовъ западной народной жизни съ нашими, тоже довольно близко ему знакомыми.

Между прочимъ, во 2-й статьѣ «Замѣтокъ» Мельгуновъ высказываетъ болѣе опредѣленный и ясный, чѣмъ когда-нибудь, свой взглядъ на русскую крестьянскую общину, которую такъ высоко ставили славянофилы. Онъ убѣжденъ (стр. 88), что по мѣрѣ успѣховъ земледѣлія и распространенія болѣе здравыхъ хозяйственныхъ понятій, вызываемыхъ, между прочимъ, постепеннымъ истощеніемъ почвы, общинное начало будетъ у насъ неминуемо ослабѣвать, пока наконецъ уступить мѣсто личной наследственной собственности. Но онъ не думаетъ, что міръ исчезнетъ вмѣстѣ съ общиннымъ владѣніемъ, и мечтаетъ о замѣнѣ послѣдняго ассоціаціей — а р т е л ь ю.

По возвращеніи на родину, которая въ продолженіе его отсутствія такъ далеко шагнула впередъ, Мельгуновъ не оказался отсталымъ старикомъ: не такова была его подвижная, вѣчно юная натура, да и не таковъ былъ складъ его убѣжденій. Но на первое время онъ былъ такъ подавленъ личными дѣлами и неприятностями, что ему некогда было осмотрѣться. Тѣмъ не менѣе, заставъ своего друга-неприятеля Н. Ф. Павлова редакторомъ большой политической газеты «Наше Время», онъ сейчасъ же кинулся въ публицистику¹⁾, къ которой, какъ мы видѣли, онъ началъ переходить уже въ концѣ сороковыхъ годовъ. Когда же стало ясно, что «Наше Время» не будетъ имѣть большого успѣха, Мельгуновъ, сильно нуждавшійся въ деньгахъ, поспѣшилъ перебраться въ «Петербургскія Вѣдомости» Краевскаго, а потомъ съ нимъ вмѣстѣ въ его «Голосъ». Публицистомъ онъ оказался даже и въ то богатое талантами время далеко не изъ послѣднихъ.

Но мы отказываемся излагать этотъ періодъ его литературной дѣятельности, такъ какъ онъ можетъ быть уясненъ только въ связи съ исторіей русской публицистики «эпохи реформъ», для которой теперь едва лишь подбираются матеріалы, и такъ какъ Мельгуновъ, всецѣло увлеченный злобами дня, теперь рѣшительно отказался отъ своего посредничества «между славянофилами и западниками». Мы ограничимся

¹⁾ Въ „Нашемъ Времени“, судя по его письмамъ къ Краевскому, ему принадлежать статьи: въ № 29-мъ „Бить или не бить“, въ № 30-мъ „Кое-какъ“; въ одномъ изъ слѣд. №№ должна была быть помѣщена „Уваженіе къ труду и обратность“. Въ концѣ 1860 г. и началѣ 1861 г.: „Барство“, „Верхушка“, „Сибирская язва въ нравахъ“. Въ авг. 1861 г. онъ готовилъ для него же статью: „Химико-физиологическіе вопросы въ связи съ русской исторіей“. Кромѣ того въ цензурѣ застряла его статья „Накапунѣ тысячелѣтія Россіи“. Всѣ эти статьи онъ собирался соединить съ „Письмами съ дороги“ (см. слѣд. примѣчаніе) и издать отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „Русскій народъ въ виду улучшенія его быта“ (письмо отъ 23 авг. 1861 г.). Къ сожалѣнію, мы не нашли въ Москвѣ полнаго экземпляра „Нашего Времени“.

только нѣсколькими цитатами изъ его частныхъ писемъ къ Шевыреву и Краевскому, характеризующими его отношеніе къ тому, что переживало тогда русское общество ¹⁾).

Уже 10-го августа 1860 г. Мельгуновъ, выражая Краевскому свое недовольство полемикой «Новаго Времени» съ редакторомъ «С.-Петербург-

¹⁾ Мы только позволимъ себѣ привести нѣсколько его мыслей изъ „Писемъ съ дороги“, которыя онъ въ числѣ 12 напечаталъ между 18-го іюля и 4-го октября въ „Спб. Вѣд.“ за полной подписью: Н. Мельгуновъ. Онъ считаетъ русскаго мужика человѣкомъ практичнымъ и ловкимъ, неискреннимъ (съ помѣщикомъ), осторожнымъ и несмѣливымъ до крайности. Онъ убѣжденъ, что съ нимъ не трудно сладить и сговориться и „безъ постороннихъ внушеній“, но не надо торопиться. „Только, ради Бога, поменьше принудительныхъ мѣръ и побольше знанія человѣческаго сердца, да въ особенности русскаго сердца, ума, привычекъ, приемовъ“ (2-е письмо). Гораздо менѣе доволенъ онъ помѣщиками, ихъ некультурностью, отсутствіемъ инициативы, поголовной „обломовщиной“. Онъ находитъ, что наше такъ называемое петровское раздвоеніе въ сущности мало отличается отъ того, что было на Западѣ; рознь у насъ идетъ только отъ крѣпостного права, которое виновато въ самодурствѣ какъ помѣщика, такъ и мужика. „Всѣ мы, говорить онъ въ концѣ 7-го письма, отъ высшихъ до низшихъ оглачаемся неодолимымъ отвращеніемъ къ мѣрѣ, къ вѣсу и къ правилу; отъ этого у насъ и формализмъ господствуетъ; мы въ немъ ищемъ спасенія отъ безурядицы“.

8-е письмо начинается онъ такъ: „Въ моихъ замѣчаніяхъ есть и горечь, и досада, и негодованіе, но я ихъ не подавляю подъ своимъ перомъ, потому что ихъ корень въ любовномъ чувствѣ, потому что мнѣ хотѣлось бы хоть сколько-нибудь помочь нашему славному народу побороть въ себѣ всякую кривду и лихо, да вызвать на Божій свѣтъ тотъ чудный драгоценный кладъ, который заколованъ въ его груди и, какъ спящая царевна, ждетъ только пробудителя (пробудителемъ будетъ правдивое слово). Народъ нашъ уменъ; въ немъ много здороваго смысла, быстроты пониманія, живой любознательности, на бѣду все это въ заежи, отдыхаетъ и ждетъ плуга“ (письмо 10-е). А пока состояніе его ужасно: безалаберность крестьянскаго хозяйства доходитъ до послѣдней крайности. Единственное спасеніе въ просвѣщеніи, но именно въ просвѣщеніи, а не въ простой грамотности. Мельгуновъ мечтаетъ о журналѣ для народа, о дешевыхъ народныхъ изданіяхъ, распространяемыхъ черезъ мировыхъ посредниковъ и съѣзды, и мечты его выражены съ такой вѣрою въ великое дѣло, что сама благоразумная редакція въ выносѣхъ предлагаетъ свои столбцы для заявленій о сгласіи будущихъ авторовъ.

Въ предпоследнемъ письмѣ Мельгуновъ поднялъ излюбленный имъ вопросъ объ общинѣ и объ артели, и редакція тоже предлагаетъ желающимъ высказаться по этому важному предмету. Мельгуновъ не ограничился одними мечтами о правдивомъ словѣ русскому народу. Изъ его письма отъ 2-го августа 1861 года къ Краевскому, мы узнаемъ, что онъ сообщалъ съ С. Т. Славутинскимъ составилъ брошюру для руководства крестьянъ, которую Славутинскій въ началѣ іюля долженъ былъ представить въ цензурный комитетъ съ именемъ Мельгунова, какъ автора. Этой брошюры подъ Мельгуновымъ нѣтъ въ Публичной Библіотекѣ.

скихъ Вѣдомостей» изъ за энциклопедическаго словаря, пишетъ: «Я напомнилъ этимъ господамъ слова Ивана Кирѣевскаго, обращенныя ко мнѣ въ Петербургѣ не задолго до его смерти: «Краевскій больше сдѣлалъ для русскаго просвѣщенія, чѣмъ иной министръ (было сказано даже иѣсколько энергичнѣе). А Кирѣевскаго въ пристрастіи къ вамъ заподозрить нельзя». Вообще мнѣ тяжело видѣть какой-то разладъ между литераторами и духъ исключительности, вслѣдствіе усиливающейся склонности къ кружкамъ. Радъ я, что самъ не принадлежалъ ни къ одному приходу и держалъ себя независимо отъ партій. Плохо отказываться отъ независимости своихъ убѣжденій ради такого или такого общественнаго лозунга; въдесятеро хуже играть ими и своей свободой изъ за приходскихъ интересовъ. Роль благочинныхъ, поповъ и причта, право, не къ лицу писателямъ».

Въ письмѣ ему-же отъ 21-го августа того же года, замѣтивъ склонность цензуры къ реакціи, Мельгуновъ замѣчаетъ: «Охъ ужъ эти спасители отечества! Когда-то отечество спасется отъ нихъ».

Въ письмѣ отъ 9-го (21-го) февраля 1861 года Шевыреву въ Италию, Мельгуновъ рассказываетъ ему исторію возникновенія газеты Павлова. «Воземскій, выхлопотавъ ему разрѣшеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ нашель для него тысячъ десять серебромъ, изъ которыхъ больше половины ушло на размѣщеніе типографіи, а остальное на долги. Затѣмъ князь занемогъ опять беззавицей и уѣхалъ за-границу; а подписка, благодаря общему безденежью и плохой редакціи прежнихъ лѣтъ, да къ тому-же отчасти, и благодаря слегка официальному характеру газеты, который не совсѣмъ отвѣчаетъ либерализму публки,—подписка идетъ плохо. Я не знаю, какъ извернется. Это вздоръ, чтобъ онъ былъ subventionné, какъ выражаются вѣжливо на Западѣ. Онъ проданъ только въ томъ смыслѣ, что обѣщаль принять направленіе, не враждебное правительству. Газета отличается до сихъ поръ опредѣленнымъ цвѣтомъ (въ ней главныя статьи самого Павлова, который такъ и печеть; затѣмъ Б. Черинъ, О. Дмитріевъ и пр.). Кромѣ того она литературна по формѣ и редактируется съ талантомъ».

Въ маѣ 1861 года въ письмѣ тому же Шевыреву Мельгуновъ пишетъ, какъ юноша, по поводу радостнаго событія освобожденія крестьянъ. По его убѣжденію, «учрежденіе мировыхъ посредниковъ сулитъ много прекраснаго». И далѣе: «моя надежда на надежу—Царя и на его достойнаго брата: они не допустятъ, чтобы реакція, тупая и гибельная, подняла опять свою голову. Вотъ, при слабыхъ опасеніяхъ, и наши великія ожиданія. Исторія никогда не идетъ по прямой линіи; уклоненія, всегда временныя и случайныя, неизбежны; но въ цѣломъ, мы неотразимо подвигаемся впередъ: это ясно, какъ день».

20-го октября 1861 года студенческіе безпорядки вызываютъ слѣ-

дуюція его мысли: «много безтолковщины и грустных явленій, хотя бы, наприѣръ, со стороны петербургскихъ и московскихъ студентовъ. Но въ самыхъ безпорядкахъ проявляется какая то жизнь, живая струя, изъ которой авось либо вынырнетъ что-нибудь новое. Царь дѣйствуетъ до сихъ поръ мягко, осмотрительно и въ самомъ примирительномъ духѣ. Дай Богъ, чтобы онъ и общественное мнѣніе (которое рѣшительно выдвигается впередъ) шли дружно и черезъ то сильно, неуклонно. Для Россіи наступаетъ великая эра».

Мельгуновъ, какъ человекъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, вовсе не на сторонѣ крайней партіи: статьи Каткова противъ Чернышевскаго онъ признаетъ рѣзкими, но благородными и дѣльными (Письмо отъ 1-го августа; здѣсь же «Время» Достоевскаго и «Свѣточъ» онъ называетъ ублюдкомъ славянофильства съ «чернышевщиной»).

21-го декабря 1861 года онъ пишетъ Шевыреву: «Положеніе нашей литературы, какъ и общества, довольно печально, т. е. восколько (sic) оно переходное. Представь, есть люди, которые печатно перещеголяли Чернышевскаго. Онъ теперь уже чуть не «отсталый». Все это въ Петербургѣ. У насъ—вещь удивительная! Корши, Кетчеръ (!) и др. сражаются подъ знаменами Бор. Чичерина, Соловьева и Дмитріева за самодержавіе (beaucoup), православіе (un peu) и народность (въ придачу), но съ фанатизмомъ, ожесточеніемъ, и вызываютъ бури въ университетѣ. Словомъ, Петербургъ—это крайняя лѣвая сторона, гора (которая, разумѣется, родитъ мышь), а Москва—крайняя правая. Середину занимаютъ: здѣсь Катковъ, въ Питерѣ Дудышкинъ («Отечественныя Записки»). У нихъ, право, всего больше можно найти здраваго смысла».

Но всякая насильственная мѣра глубоко возмущаетъ его. 3-го іюля 1862 года онъ выражаетъ горячее негодованіе по поводу запрещенія «Современника» и «Русскаго Слова». По его словамъ, «спасительная реакція противъ нелѣпаго направленія становилась частью-часу сильнѣй, даже между студентами, какъ вдругъ—дерзкихъ невѣждъ «Мѣра» превратила чуть не въ мучениковъ».

Всякая новая реформа вызываетъ новый юношескій восторгъ стараго идеалиста. 20-го апрѣля Мельгуновъ пишетъ тому же Шевыреву: «Не знаю, будутъ ли уже новостью великія событія, которыя совершились и совершаются. 17-го апрѣля, въ день своего рожденія, царь отмѣнилъ тѣлесное наказаніе, какъ-то: шпицрутены, клеймленіе, кнутъ и пр. Въ этотъ день ему были поднесены адреса во множествѣ; а за ними послѣдуютъ сотни и другихъ. Что-то скажутъ разные Плонъ-Плоны, утверждающіе будто мы Азія и патріотическое чувство намъ неизвѣстно! Это великая эпоха для русскаго народа... Оживленіе здѣсь громадное, неподдѣльное».

Можно безъ преувеличенія сказать, что народное связующее чувство съ самого 1812 года не высказывалось съ такою силою».

Этотъ бодрый восторгъ отнюдь не въ связи съ удачей въ собственныхъ дѣлахъ Мельгунова; напротивъ, послѣднія никогда не шли такъ плохо, какъ въ это время. Всѣ его предпріятія по мурминской фабрикѣ и имѣніемъ Павловыхъ близки къ окончательному паденію.

Изъ-за вынужденной неаккуратности въ расплатѣ онъ едва не посорился съ стариннымъ пріятелемъ, сынъ котораго готовъ былъ, по его словамъ, посадить его въ долговую тюрьму.

Въ началѣ лѣта 1863 года Мельгуновъ уѣзжаетъ за границу, отчасти по болѣзни, отчасти въ надеждѣ занять денегъ въ Берлинѣ для фабрики (sic! вѣроятно, онъ самъ себя обманывалъ), поселяется въ Висбаденѣ и живетъ на гонораръ, получаемый съ «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса» ¹⁾. При его привычкахъ, этого гонорара не хватаетъ ему на самую скромную жизнь; ему вѣчно деньги нужны до зарѣзу, и онъ принужденъ унижаться, выпрашивать у Краевского по 50 и даже «на разныя мелкія издержки, уже сдѣланныя», по 10 рублей, неполученіе которыхъ «отразится на статьяхъ» его (письмо Краевскому 7-го (19-го) сентября 1863 года, гдѣ Мельгуновъ подписывается: Вашъ батракъ). Въ такомъ положеніи Мельгуновъ прожилъ половину 1863 года и весь 1864 годъ ²⁾. Гдѣ жилъ онъ 1865 годъ и начало 1866 года, мы не знаемъ.

По словамъ некролога московской газеты, выписка изъ которой находится въ вышеупомянутыхъ бумагахъ князя Одоевскаго (свѣдѣнія, ею сообщаемыя о жизни Мельгунова хотя очень кратки, но довольно вѣрны, о его литературной дѣятельности—болѣе чѣмъ поверхностны), «онъ возвратился изъ-за границы весной 1866 года, и послѣдніе мѣсяцы его жизни были почти непрестаннымъ и продолжительнымъ страданіемъ». Онъ скончался въ Москвѣ 4-го февраля 1867 года, на 63 году своей жизни.

Въ № 80 «Голоса» отъ 21-го марта за 1867 годъ въ фельетонѣ «Московская жизнь» С. П. сообщаетъ свой взглядъ на Мельгунова и свои личныя о немъ воспоминанія. Приводимъ и то и другое дословно. «Покойный Мельгуновъ былъ именно литераторомъ; онъ жилъ всегда

¹⁾ Онъ упоминаетъ въ письмахъ о слѣдующихъ своихъ статьяхъ: „Почему на Западѣ не любятъ Россію и русскихъ“, „Жизнь на водахъ“, „Выборы въ Пруссію“, „Передъ прусскими выборами“ и рядъ политическихъ корреспонденцій, за подписью Н. Л. Кромѣ того онъ все пишетъ свой романъ и думаетъ о „Запискахъ“.

²⁾ Послѣднее его письмо къ Краевскому отъ 15-го декабря 1864 года; къ Шевыреву—отъ 13-го января того же года.

въ кругу литераторовъ, былъ ими любимъ и уважаемъ; его мнѣнія узнавали писатели всякій разъ, когда хотѣли выпустить свое произведение въ свѣтъ, и мнѣніе это было всегда вѣрно и основано на художественномъ чувствѣ, которымъ Н. А. обладалъ вполне. Былъ членомъ того кружка, въ которомъ одну изъ главныхъ ролей игралъ Чаадаевъ.

«Одно время, лѣтъ пять назадъ, я имѣлъ случай видѣть почти ежедневно вмѣстѣ Павлова и Мельгунова; послѣдній приходилъ обѣдать къ тогдашнему редактору газеты; оба старика чрезвычайно любили молодиться, знали другъ за другомъ эту слабость и постоянно острили одинъ на счетъ другого. Однажды Павловъ, говорившій всегда очень краснорѣчиво, завелъ разговоръ о производствѣ слѣдствій нашими слѣдователями и вспоминалъ свои собственные занятія по этой части. Мельгуновъ не упустилъ случая воспользоваться этими воспоминаніями Павлова, чтобы напомнить ему о его лѣтахъ.

— Ты очень опытный слѣдователь, я вижу,—замѣтилъ онъ,—ну да и старій.

— То-есть, какъ старій?—спросилъ Павловъ.

— Такъ, судя по воспоминаніямъ твоимъ. Вѣдь ты, кажется, производилъ слѣдствіе объ убійствѣ Каина Авелемъ (sic)?

Павловъ расхохотался и не остался въ долгу.

— Тебѣ лучше помнить,—возразилъ онъ,—ты былъ при этомъ слѣдствіи понятымъ, а понятыхъ всегда выбираютъ изъ стариковъ.

«Мельгуновъ до конца своей жизни былъ идеалистъ и поэтизировалъ самыя простыя явленія жизни. Онъ написалъ партитуру оперы, которая была исполнена гдѣ-то на водахъ въ Германіи, и очень досадовалъ, что ее не хотѣли играть здѣсь въ Москвѣ. Изъ изданій Мельгунова я припоминаю теперь краткое, общедоступное изложеніе «Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», которое онъ напечаталъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ и продавалъ по пяти копѣекъ».

Авторъ некролога, очевидно, имѣетъ въ виду ту книжку, которую Мельгуновъ составлялъ вмѣстѣ съ Славутинскимъ; но видѣлъ ли онъ ее напечатанною или только слышалъ о ней (причемъ намѣреніе могло смѣшаться съ исполненіемъ), намъ неизвѣстно.

Мельгуновъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, былъ очень ревностнымъ членомъ общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, въ архивѣ котораго должны бы сохраниться важныя о немъ свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, архивъ этотъ погибъ, кажется, безвозвратно.

А. Кирпичниковъ.

Назначеніе Кутузова Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ.

Рескриптъ генералу-отъ-инфантеріи Голенцеву-Кутузову.

28-го сентября 1806 г.

При настоящемъ положеніи обстоятельство имѣя въ виду требующій вниманія постъ Кіевскаго военнаго губернатора, остающійся донынѣ безъ начальства, я возлагаю должность сію на васъ и вслѣдствіе сего повелѣваю вамъ предписать всѣмъ войскамъ 6, 7 и 8 дивизіи состоять подъ командою: 1-й генерала-отъ-кавалеріи барона Беннигсена, а послѣднимъ двумъ—генерала-отъ-инфантеріи графа Буксгевдена съ тѣмъ, чтобы дивизионные командиры каждый по своему назначенію немедленно отправили рапорты свои къ вышеупомянутымъ генераламъ, которые главную квартиру свою будутъ имѣть: баронъ Беннигсенъ въ Гроднѣ, а графъ Буксгевденъ—въ Брестѣ-Литовскомъ. И потомъ учинивъ всѣ нужныя и отъ васъ зависящія по сему предписанію распоряженія отправиться въ Кіевъ и вступить въ должность тамошняго военнаго губернатора.

Смоленскій епископъ Парѣеній Сопковекій.

(Биографическая замѣтка).

Въ 1787 году, во время путешествія въ Крымъ императрица Екатерина II, между прочимъ, останавливалась въ Смоленскѣ.

Непродолжительнымъ пребываніемъ тутъ императрицы воспользовался тогдашній смоленскій епископъ Парѣеній Сопковскій (1761 — 1795) для исходатайствованія предъ нею средствъ на улучшеніе быта Смоленской семинаріи.

Императрица, въ разговорѣ съ преосвященнымъ, полюбопытствовала спросить у него, сколько въ семинаріи учителей и учениковъ и сколько въ числѣ послѣднихъ сиротъ. Парѣеній, давъ отвѣтъ на эти вопросы, счелъ умѣстнымъ доложить императрицѣ, что семинарія располагаетъ для своего существованія самими скудными матеріальными средствами (въ то время на содержаніе семинаріи отпускалось по высочайшему указу отъ 22-го января 1780 г., лишь 2,000 руб. ассигн. въ годъ), и что она повтому не въ силахъ поддерживать подвѣдомыя ей въ уѣздныхъ городахъ нормальныя училища. Императрица, выслушавъ епископа, приказала ему подать записку о томъ, какую сумму необходимо добавить на безбѣдное существованіе семинаріи. Преосвященній Парѣеній немедленно просилъ о добавленіи къ отпускаемой суммѣ еще 2,260 рублей.

Императрица изъявила свое согласіе, но въ 1788 году, по случаю начавшихся военныхъ дѣйствій съ Турціею, ассигнованіе назначенной императрицею суммы была приостановлено. Преосвященній Парѣеній, видя затруднительное положеніе семинаріи, вступилъ въ переписку съ разными высокопоставленными лицами, чтобы какъ-нибудь добиться

выдачи столь необходимой для семинаріи суммы. Переписка эта тянулась почти четыре года. Наконецъ, въ 1792 году князь Н. В. Репнинъ и Д. П. Трошинскій посовѣтывали Паревію обратиться прямо къ императрицѣ. Къ Трошинскому преосвященный обращался письменно черезъ своего близкаго знакомаго, капитана Якова Бѣлявскаго, который 4-го ноября 1792 года писалъ ему:

«Милостивѣйшій и отъ всѣхъ почтеннѣйшій архипастыръ, дражайшій благодѣтель мнѣ!

«Я думаю толь долговременнымъ своимъ умедленіемъ въ исполненіи препорученной мнѣ отъ вашего преосвященства коммисіи навелъ вамъ величайшія сомнѣнія; но вы, увидя изъ сего усерднѣйшее рвеніе мое выполнить въ точности приказаніе ваше и желаніе рѣшить васъ симъ единожды навсегда, сами оправдаете сей мой поступокъ.

«Вашему преосвященству угодно было предписать мнѣ доставить письмо отъ васъ къ г. Трошинскому лично и увѣдомить васъ, что онъ на сіе скажетъ. Онъ былъ боленъ недѣли съ три (да и теперь не очень здоровъ) и потому никого къ себѣ не принималъ, кто бы таковъ ни былъ; мнѣ же повѣрить онаго швейцару никакъ не хотѣлось, дабы еще больше не навести вашему преосвященству сомнѣнія. И такъ я приходя неоднократно не могъ дойти до него, не зналъ, что тутъ дѣлать. Но однакъжь предположивъ, какъ можно видѣть его и больного, чтобы узнать отвѣтъ его хоть словесный и тѣмъ рѣшить васъ онымъ,—я взялъ мѣры черезъ пріятеля моего одного майора канцеляріи Зубова, который очень вхожъ къ нему. Сей доложивъ ему обо мнѣ, представилъ меня лично, и я, подавъ ему письмо ваше, получилъ въ отвѣтъ сіе: «я бы писалъ самъ къ его преосвященству на сіе, но вы видите, что я боленъ, и потому извините меня предъ нимъ. Посовѣтуйте ему отъ меня, чтобы онъ прямо черезъ почту писалъ лучше самъ къ государынѣ о суммѣ сей. Рѣшеніе выйдетъ скорѣе, а я стараюсь радъ душою».

«Совѣтъ сей есть дѣйствительно полезнѣйшій и скорѣйшій. Всѣ апробуютъ оный, съ кѣмъ я ни говорилъ, и примѣры сему здѣсь многіе. Самые маленькіе люди успѣвали дорогою сею неожиданно счастливо. Я жъ къ тому не упушу найти случая о знаніи скорѣе рѣшенія по оному, дабы увѣдомить васъ, что послѣдуетъ, и о семъ предварю его сіятельство графа Ангальта и Льва Александровича Нарышкина, дабы оныхъ предрасположить вамъ въ семъ помочь. Они по дружбѣ могутъ попросить и графа Безбородку въ пользу вашу, а вы при отправленіи письма къ государынѣ не забудьте написать письма хоть черезъ меня жъ и къ нимъ, что будетъ еще лучше. Впрочемъ же, совѣтую вамъ дѣлать сіе немедленно, ибо теперь государыня по обстоятельствамъ польскимъ и прибытіи принцессъ весела, и судятъ, что лучше можно успѣть въ на-

мѣреніи. Только напередъ прошу васъ, чтобы письмо было какъ можно написано получше и притомъ короче; ибо часто здѣсь длинныя откладывають и въ длинный мѣшокъ, а особливо какъ скучное выраженіе. Въ семь лучше совѣтую вашему преосвященству попросить Стахія Григорьевича Винчевскаго. Онъ человѣкъ довольно опытный и излишностями не распространяется въ сочиненіяхъ. Впрочемъ же, какъ вамъ угодно. Я то сказалъ, что чувствую и знаю здѣшніе обряды двора; словомъ: надобно, чтобы письмо оное было какъ можно убѣдительно и короче. Отъ всего сердца моего желая вашему преосвященству въ семь ожидаемаго успѣха, имѣю честь пребыть со всесовершенною моею къ вамъ преданностію

«Вашего преосвященства, дражайшаго благодѣтеля моего, вѣчно признательнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга

капитанъ Яковъ Бѣлявскій».

«Р. S. Изъ новостей у насъ примѣчательнѣе есть:

«1-е. Вчерашнаго дня прибыли нетерпѣливо ожидаемыя всѣмъ дворомъ двѣ принцессы; изъ к-ихъ одна лѣтъ 14-ти, а другая—12-ти, бѣдшая такъ прекрасна и такъ благо нравца, что всякъ, имѣвшій счастье видѣть ихъ, желаетъ, чтобы Богъ удостоилъ избрать оную въ обрученіе... Государыня при самомъ принятіи ихъ изволила удостоить ихъ орденами святыя велик. Екатерины. За ними посланы были нарочно сенаторъ Стрекаловъ и графиня Шувалова. Говорятъ, что они будутъ воспитываемы здѣсь до совершеннаго возраста, и для сего уже набранъ особый для нихъ штатъ.

«2-е. Вчерашнаго жъ числа польскіе послы имѣли великолѣпную аудіенцію при дворѣ, и государыня изволила принимать ихъ величественно на тронѣ, что описывать здѣсь за обширностію великолѣпія сего оставляю. Они благодарили государыню за упрощеніе ихъ конфедераціи и оставленіе ихъ при прежнихъ преимуществахъ. Слухъ тихонько носится, что будутъ просить они великаго князя Константина Павловича къ себѣ на престолъ по наслѣдіи короля, такъ какъ заключенъ нами съ Польшею вѣчный уже миръ и союзъ. Но допустить ли сіе чинить другія державы изъ зависти или нѣтъ, это непредвидимо.

«3-е. Архіерей нашъ, бывшій у нихъ въ Польшѣ въ плѣну¹⁾, уже выпущенъ и съ награжденіемъ ему всѣхъ убытковъ и равно доставленіемъ его безопасно въ то мѣсто, гдѣ онъ былъ прежде.

«4-е. О французахъ здѣсь говорятъ, что оныя къ гибели общей едва ли

¹⁾ Преосвященный Викторъ Садковскій, котораго поляки 12-го іюня 1792 года увезли изъ Варшавы и заключили въ Ченстоховскую крѣпость.

не успѣють въ своей вольности. Ибо намѣренія оныхъ открываются успѣхомъ великимъ.

«5-е. Прусскій король возвратился обратно, потерявъ много отъ нихъ.

«6-е. По представленію вашему въ Сенатъ о служителяхъ приказныхъ и секретарѣ Степанѣ Гавриловичѣ, слава Богу, на силу представлено октября 25-го. Препятствія вышли было и тутъ, но отражены. Благодарите преосвящ. Иринея и духовника государыни. Они много намъ помогли; впрочемъ, не худо будетъ, если напишете письмо и къ Платону Юрьевичу Храповицкому и Мих. Михайловичу Жукову, она много могутъ по Сенату. Платонъ же Юрьевичъ часто разспрашиваетъ у меня о здоровьи вашемъ; надобно ему сдѣлать честь поздравить его, во-первыхъ, съ полученіемъ такой важной должности, какую избрала ему государыня; а онъ дѣйствительно очень входитъ въ дѣла, да и генераль-прокуроръ новый во всемъ полагается на него. Вы такъ и можете писать, что я пишу къ вамъ о воящейся о немъ здѣсь славы... и дѣйствительно, если будетъ онъ въ такой довѣренности впредь у генераль-прокурора, какъ и теперь, то онъ будетъ очень въ силѣ. Я бываю у него часто, и онъ со мною очень благосклоненъ. Ласкаетъ меня, чтобы я къ нему ходилъ и всегда.

«7-е. Князь Репнинъ завтра отправляется совѣмъ въ Ригу и съ своей княгиней. Зубовъ-отецъ, сенаторъ, отправился въ Москву также сегодня и съ фамилією своею.

«8-е. Новоспасскаго московскаго монастыря архимандритъ Павелъ представленъ въ члены Синода на мѣсто прежнее преосвященнаго Иринея».

Совѣты лицъ, близкихъ къ императрицѣ, дали смѣлость преосвященному Пароенію, и онъ 24-го ноября 1792 года обратился къ ней съ просьбою о выдачѣ семинаріи обѣщанной въ 1787 году суммы. Результатомъ просьбы былъ указъ Екатерины II-й на имя генераль-прокурора Александра Николаевича Самойлова:

«Александръ Николаевичъ! На содержаніе Смоленской семинаріи и зависящихъ отъ нея по городамъ духовныхъ школъ повелѣваемъ. сверхъ опредѣленнаго по указу нашему отъ 22-го генваря 1780 года двухъ тысячъ рублей, отпускать еще по двѣ тысячи по пятисотъ рублей на годъ, начиная съ 1788 года».

Сообщилъ Д. Вишневскій.

Александръ Дмитріевичъ Боровковъ

и его

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

—
VII ¹⁾.

Служба въ Государственномъ Совѣтѣ. Князь Кочубей.—Князь А. Н. Голицынъ.—Графъ Мордвиновъ.—Князь А. Б. Куракинъ.—М. М. Сперанскій.—Государственный секретарь Марченко.—Участіе А. Д. Боровкова въ разныхъ комитетахъ.—Составленіе Свода Военныхъ Постановленій.—Благодарность государя.—Графъ Н. Н. Новосильцевъ.—Назначеніе А. Боровкова сенаторомъ.—Юрьевскій архимандритъ Фотій.

В

ъ 1827 году, 15-го іюня, объявлено высочайшее повелѣніе вступить мнѣ на службу по Государственному Совѣту. Графъ Татищевъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ объявилъ мнѣ объ этомъ, грустно дополнивъ:

— Такъ, милый мой! ты оставляешь меня старика въ такое критическое для меня время.

Тогда заведена была противъ него гнусная интрига, о которой разскажу впоследствии. Я объяснилъ графу, что это назначеніе сдѣлано безъ моего вѣдома, что я не только не искалъ, но и не помышлялъ никогда разставаться съ нимъ; все это я говорилъ по сущей справедливости. Графъ Татищевъ, увѣренный въ моей искренности, засуетился, хлопоталъ и настоялъ, чтобы сверхъ занятій по Государственному Совѣту оставить меня попрежнему и при военномъ министрѣ.

Торжественно вступилъ я въ собраніе Государственного Совѣта; тамъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, ноябрь, 1898 г.

*

благосклонно привѣтствовали меня князь В. П. Кочубей, князь А. Н. Голицынъ, графъ Н. С. Мордвиновъ, князь А. Б. Куракинъ, графъ М. М. Сперанскій ¹⁾ и большая часть членовъ, знавшихъ меня лично.

Вотъ случай, доставившіе мнѣ личное знакомство съ этими знаменитыми сановниками:

Князь Кочубей зналъ меня по Своду о состояніи Россіи въ царствованіе Александра, составленному мною по повелѣнію императора Николая изъ показаній членовъ злоумышленныхъ обществъ. Послѣ него я видѣлъ трехъ предсѣдателей Государственнаго Совѣта; но ни одинъ изъ нихъ не равнялся съ нимъ на столь важномъ посту государственнаго управленія. Онъ былъ уменъ, опытенъ, проникателенъ; бѣгло обнималъ дѣла и особенно искусенъ былъ постановлять вопросы ясно и опредѣлительно, ловко схватывая въ дѣлѣ точки, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе.

Съ княземъ А. Н. Голицынымъ работалъ я будучи правителемъ дѣлъ слѣдственной комиссіи о злоумышленныхъ обществахъ. Онъ всегда отзывался о мнѣ съ похвалою. Добрый, благородный, набожный, онъ весьма хорошо зналъ придворную грамоту, былъ другомъ императора Александра, пользовался благоволеніемъ императора Николая и всѣхъ членовъ императорской фамиліи; во все пребываніе мое въ Совѣтѣ я не слыхалъ, чтобы онъ вступалъ въ пренія, ограничиваясь всегда простымъ присоединеніемъ своего голоса къ какой-нибудь изъ спорящихъ сторонъ.

Въ правленіи представительномъ графъ Мордвиновъ сдѣлался бы знаменитымъ ораторомъ: мнѣнія его и на словахъ, и на письмѣ рѣзки, смѣлы и убѣдительны; многіе изъ нихъ, несмотря на строгую тайну дѣлопроизводства въ Государственномъ Совѣтѣ, ходили по рукамъ. При дворѣ уважали его, какъ умнаго, образованнаго, дѣльнаго сановника и въ важныхъ государственныхъ вопросахъ съ нимъ совѣтывались; но не любили, потому что онъ не любилъ изгибаться. Помнится, во все царствованіе Александра онъ ничѣмъ не былъ награжденъ; уже императоръ Николай пожаловалъ ему орденъ св. Андрея. Вотъ какъ трудно идти прямою дорогою!

Графъ Мордвиновъ сблизился со мною по слѣдующему случаю: въ продолженіе интриги противъ графа Татищева, я написалъ отъ него оправдательное письмо государю императору. Прежде отсылки къ его величеству, графъ Татищевъ послалъ меня прочесть это письмо графу Мордвинову. Терпѣливо и внимательно выслушалъ онъ длинное посланіе, объяснявшее и заслуги Татищева, особенно въ Отечественную войну

¹⁾ Кочубей тогда не былъ еще княземъ, а Сперанскій графомъ; но я выставлю тигулы того времени, когда пишу очеркъ; иначе понадобилось бы часто дѣлать оговорки.

1812 года, когда онъ былъ генераль-кригскомиссаромъ, и несправедливые на него навѣты. Выслушавъ, графъ Мордвиновъ сказалъ:

— Хорошо! Очень хорошо! Доложите Александру Ивановичу, что несмотря на всѣ пакости его противниковъ, это письмо произведетъ благоприятное впечатлѣніе на государя.

Лестно мнѣ было слышать изъ устъ просвѣщеннаго и славящагося умомъ вельможи похвалу моей работѣ; но я чуть не прыгнулъ отъ восторга, когда откланиваясь онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Александръ Ивановичъ часто мнѣ говорилъ о васъ съ похвалою; теперь я лично убѣдился въ вашихъ достоинствахъ; прошу быть со мною знакомымъ по пріятельски и чаще бывать у меня; во всякое время я радъ съ вами бесѣдовать; всякій день я обѣдаю дома.

При первомъ входѣ моемъ въ присутствіе Государственнаго Совѣта графъ Мордвиновъ громко произнесъ:

— Государь пожаловалъ намъ сотрудника умнаго, дѣльнаго и благороднаго.

Подъ послѣднимъ эпитетомъ графъ Мордвиновъ разумѣлъ преданность мою къ графу Татищеву, который изъ толпы чиновной поставилъ меня на видное поприще, и отъ котораго, при его упадкѣ, не могли отторгнуть меня враги его никакими обѣщаніями.

Съ княземъ А. Б. Куракинымъ встрѣтился я въ первый разъ при гробѣ государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, стоявшемъ въ Чесменскомъ дворцѣ, обращенномъ нынѣ нъ военную богадѣльню. Я отправился туда поклониться праху этой великодушной государыни, взыскавшей меня своею милостью за слабый литературный трудъ: объ этомъ я упомянулъ выше. Въ залѣ, гдѣ поставленъ гробъ, находились только дежурные придворные чины обоого пола и нѣсколько знатнѣйшихъ особъ, прибывшихъ на поклоненіе. Благоговѣнно преклонивъ колѣна передъ прахомъ усопшей, я отошелъ къ стѣнѣ и очутился лицомъ къ лицу съ княземъ Куракинымъ.

— Я радъ съ вами встрѣтиться, — громко сказалъ онъ; — ваши записки о несчастныхъ заговорщикахъ, которыя читалъ я въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ, дали мнѣ высокое понятіе о вашихъ способностяхъ; ваши изложенія ясны, кратки, но полны такъ, что нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.

Наконецъ онъ пожалъ мнѣ руку и пригласилъ посѣщать его. Такъ вельможи вѣка Екатерины II умѣли выдвигать дарованіе! Сколько достойныхъ дѣятелей вывели они изъ ничтожества на высокую степень служебнаго поприща! Они не соперничали съ своими подчиненными, не держали ихъ подъ спудомъ, но пользовались случаемъ проявить гласно ихъ способности. Такимъ средствомъ выдвинуты изъ среды труженниковъ Безбородко, Трошинскій, Завадовскій и др. Нынѣ не такъ: министры

все дѣльное, все хорошее присвоиваютъ себѣ; они боятся оглашать даровитыхъ своихъ подчиненныхъ; оттого на высотѣ государственнаго управленія возсѣдаетъ посредственность.

Съ графомъ М. М. Сперанскимъ я встрѣчался часто на обѣдахъ у графа Татищева. Классическое образованіе, гений, огромная начитанность и разносторонняя дѣятельность поставили его, подобно Циперону, изъ плебеевъ въ среду патриціевъ. Со скамьи семинаріи онъ пересѣлъ на почетное кресло въ Государственномъ Совѣтѣ; онъ подарилъ Россіи Сводъ Законовъ и лишилъ ябеду гибельнаго орудія затмевать истину разрозненными, иногда и противорѣчащими указами. Графа Сперанскаго надобно считать отцемъ нашего дѣловаго слога, который теперь, безъ преувеличенія можно сказать, лучше и чище литературнаго. Сперанскій войдетъ въ исторію царства Русскаго, какъ Трибодіанъ вошелъ въ исторію римско-восточной имперіи.

Встрѣченный радушно столь знаменитыми сановниками, я ожидалъ, что служба моя по Государственному Совѣту будетъ для меня благопріятна—и не ошибся, тѣмъ болѣе, что государственный секретарь Марченко былъ старинный мой пріитель. Въ противоположность графу Сперанскому, Марченко безъ всякаго образованія, силою ума своего и трудолюбія, также изъ плебеевъ добрался до кресла члена Государственнаго Совѣта. Не красно писалъ онъ, но дѣльно, толково, опредѣлительно и столь ясно, какъ ясна прекрасная душа его. При всемъ умѣ его, онъ не могъ, подобно Сперанскому, блистать въ кругу аристократіи: онъ не зналъ французскаго языка, а тамъ это большой недостатокъ; оттого знакомство его составляли люди умные, дѣльные, но не аристократы, съ которыми онъ размѣнивался только визитами.

Осмотрѣвшись въ Государственномъ Совѣтѣ, мое первое желаніе было перевести туда друга моего Никитина, который служилъ тогда совѣтникомъ въ С.-Петербургской Казенной Палатѣ. Мнѣ вѣрили, что я ходатайствую за чиновника, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ, но самое мѣсто служенія его поставляли препятствіемъ къ переводу, забывая по словицу, что не мѣсто человѣка, а человѣкъ мѣсто красить. Наконецъ усилія мои увѣнчались успѣхомъ: рѣшили такъ, чтобы Никитинъ вышелъ изъ Палаты въ отставку и потомъ его опредѣлили въ Совѣтъ экспедиторомъ. Сущая комедія! Для чего такая продѣлка! Едва Никитинъ принялся за дѣло, тотчасъ увидѣли способность и знанія его и стали возвышать быстро.

Сверхъ занятій моихъ по должности статсъ-секретаря военнаго департамента, на меня возлагались многія порученія, весьма важныя. Упомяну о нѣкоторыхъ:

Лѣтомъ 1828 года государь императоръ, отправляясь въ Турецкую кампанію, составилъ комитетъ, уполномоченный по военнымъ дѣламъ

разрѣшать все высочайшею властью, не представляя предварительно на утверждение его величества. Предсѣдателемъ этого комитета былъ графъ П. А. Толстой, членами—графъ Оперманъ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и генераль-отъ-инфантеріи Сукинъ, а дѣлопроизводство возложено на меня. Графъ Толстой честный, прямой, добрый, но до крайности безпечный и гордый, олицетворенный русскій баринъ, не любилъ углубляться въ дѣла; члены, занятые управленіемъ ввѣренныхъ имъ частей, не имѣли досуга вникать во всѣ подробности моихъ докладовъ, и такимъ образомъ рѣшенія большею частью зависели отъ меня. Вверху это было извѣстно. Вотъ примѣръ: однажды князь Кочубей призвалъ меня и просилъ защитить капитанъ-лейтенанта Домогацкаго, сужденнаго за то, что посадилъ на мель фрегатъ, отправленный въ Ревель съ экипажемъ Кочубея. Князь съ чувствомъ сказалъ:

— Мнѣ было бы непріятно, если-бы кто пострадалъ за меня. Когда бы государь былъ здѣсь, я лично бы умолялъ его о помилованіи.

— Употреблю всѣ мои силы, — скромно отвѣчалъ я, — сдѣлать угодное вашему сіятельству, но рѣшеніе зависитъ отъ графа Петра Александровича.

На устахъ князя мелькнула улыбка. Конечно, такой вѣсь лестень былъ для моего самолюбія; но онъ ставилъ меня въ затруднительное столкновеніе съ княземъ А. И. Чернышевымъ, который управлялъ тогда военнымъ министерствомъ и при которомъ состоялъ я по особымъ порученіямъ. Если комитетъ не утверждалъ какого-либо его представленія, то онъ относилъ это ко мнѣ и сѣтовалъ на меня. Послѣдствіемъ было то, что государь по возвращеніи изъ арміи остался доволенъ всѣми разрѣшеніями комитета, объявившаго 498 высочайшихъ повелѣній; но ни я, ни сотрудники мои не награждены, хотя труда было очень много, потому что при мнѣ работали только два чиновника. Въ комитетъ такой важности, дѣйствовавшій отъ лица императора, нельзя было набирать толпы даже для переписки; иначе все сдѣлалось бы гласнымъ. Въ утѣшеніе графъ Толстой сказалъ мнѣ:

— Государь очень доволенъ меморіями, которыя ты посылалъ о нашихъ засѣданіяхъ; это, братъ, высшая награда!

Правда, его величество лично на выходѣ изъявилъ мнѣ свое благоволеніе за эту работу, но она не проявлена всенародно, слѣдовательно и погрузилось въ пучину неизвѣстности.

Въ 1832 году, 2-го апрѣля, составленъ комитетъ для рассмотрѣнія проекта карантиннаго устава, подъ предсѣдательствомъ графа Строганова. Членами назначены генералы: Ермоловъ и Балашовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Энгель и тайный совѣтникъ Блудовъ; а производство дѣлъ, по высочайшей волѣ, возложено на меня. Комитетъ собиравался во дворцѣ вечеромъ почти каждый день. Странно мнѣ казалось, что

А. П. Ермоловъ, извѣстный своимъ умомъ, и А. Д. Балашовъ, бывшій министръ полиціи и посланный императоромъ Александромъ для переговоровъ съ Наполеономъ, предъ вступленіемъ его въ границы Россіи, весьма мало принимали участія въ сужденіяхъ. Напротивъ, Блудовъ говорилъ много, общими мѣстами, но ораторство его не доставляло ни одной идеи, которая пригодилась бы для моей работы. Предсѣдатель графъ Строгановъ помогъ мнѣ не словами, а средствами: онъ далъ мнѣ много брошюръ о карантинахъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ, а Энгель, бывшій докторомъ медицины, просвѣщалъ меня въ моихъ недумѣніяхъ только у себя на дому, а не въ собраніяхъ комитета, гдѣ онъ также безмолвствовалъ. Онъ присовѣтовалъ мнѣ не докладывать комитету предположеній моихъ объ исправленіяхъ и передѣлкахъ въ Уставѣ, а прямо вносить въ журналъ тѣ перемѣны, которыя я признаю нужными сдѣлать.

— Этимъ путемъ устраняются пустые толки,—дополнилъ опытный старикъ, долго занимавшій постъ статсъ-секретаря въ департаментѣ экономіи.

Я послѣдовалъ его наставленію; работа пошла успѣшно и засѣданія оканчивались скорѣе—готовое выслушать легко! Притихъ и мой Блудовъ: я не доставлялъ пищи для его разсужденій. Наградю трудовъ моихъ по этому комитету былъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Проектъ положенія Войска Донскаго высочайше повелѣно разсмотрѣть въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта: военномъ, законовъ и экономіи съ тѣмъ, чтобы заключеніе, не внося въ общее собраніе, было представлено прямо государю императору. Производство этого дѣла возложено на меня. Здѣсь опять вошелъ я въ столкновение съ княземъ Чернышевымъ, потому что проектъ составленъ подъ непосредственнымъ его распоряженіемъ. Наученный опытомъ, какъ опасно касаться самолюбія автора столь могучаго, я принялъ другой образъ дѣйствія, нежели въ комитетѣ 1828 года. Всѣ замѣчанія мои я прочитывалъ предварительно моимъ пріятелямъ статсъ-секретарямъ Позену и Брискорну, которые были двѣ руки князя, имѣвшаго къ нимъ полное довѣріе. Они подготавливали князя; онъ выслушивалъ меня благосклонно и соглашался на предлагаемыя мною передѣлки. Такимъ образомъ я докладывалъ соединеннымъ департаментамъ каждую главу, уже исправленную, и все шло гладко, безъ зашинокъ. Одно только слово не согласился князь измѣнить по моему замѣчанію, и это слово вызвало неудовольствіе государя. Въ проектѣ было сказано Войсковое Донское Правительство, я хотѣлъ вмѣсто Правительство поставить Правленіе, но князь не соглашался, доказывалъ, что казаки примутъ это за нарушеніе ихъ правъ, подумаютъ, что земля Войска Донскаго обращается въ губернію. Когда положеніе Войска Донскаго представлено

было на конференцію, государь, повидимому, съ неудовольствіемъ подчеркнулъ карандашемъ «Правительство» и написалъ: Правительство—Я. Князь Кочубей, отдавая мнѣ положеніе съ этою отмѣткою, сказалъ:

— Какъ это, при вашей осмотрительности, вы пропустили такое важное слово?

— Есть у насъ,—отвѣчалъ я смиренно,—Грузинское Верховное Правительство, почему же не быть Донскому.

Князь улыбнулся, онъ зналъ о моемъ замѣчаніи, о которомъ я сообщилъ графу Сперанскому, чтобы онъ отъ себя высказалъ его въ запискѣ, но онъ тамъ и не пикнулъ, вѣроятно не хотѣлъ входить въ противорѣчіе съ княземъ Чернышевымъ. Скажу мимоходомъ: постъ статсъ-секретарей Государственнаго Совѣта весьма щекотливъ; на нихъ упадетъ неблагопріятный отзывъ государя, а члены всегда въ сторонѣ и хладнокровно умываютъ руки.

Въ 1833 году назначенъ я председателемъ комитета, высочайше учрежденнаго для повѣрки и передѣлки Свода Военныхъ Постановленій. Здѣсь мнѣ предстояло работать подъ наблюденіемъ графа Сперанскаго, что весьма сблизило меня съ нимъ. Когда, по назначеніи, явился я къ нему за приказаніями, онъ напомнилъ мнѣ:

— Вотъ вы не отдѣлались отъ меня; пять лѣтъ тому назадъ я приглашалъ васъ для составленія Военнаго Свода; вы отказались, а онъ не миновалъ вашихъ рукъ. Впрочемъ, скажу откровенно, я въ назначеніи вашемъ не участвовалъ. Васъ представилъ государю князь Чернышевъ, а государь сказалъ мнѣ, когда уже состоялось высочайшее повелѣніе: я назначилъ тебѣ въ сотрудники по военнымъ законамъ Боровкова; онъ человекъ дѣльный, надѣюсь ты будешь имъ доволенъ.

Я напомнилъ графу Сперанскому о причинахъ, побудившихъ меня тогда отказаться отъ его предложенія, присовокупивъ:

— Лучше теперь марать и передѣлывать собранное, нежели тогда рыться въ сырыхъ матеріалахъ и стряхивать архивную пыль.

— Увидимъ,—возразилъ графъ,—часто скучнѣе и труднѣе передѣлывать, нежели составлять самому.

Пять лѣтъ усиленной, тяжелой работы моей по Своду Военныхъ Постановленій вполне оправдали мнѣніе графа Сперанскаго.

Однажды я доложилъ ему о необходимости совершенно измѣнить военносудную часть Свода. Тамъ встрѣтились странныя противоположности: судъ первой степени обязанъ былъ руководствоваться воинскими процессами, въ которыхъ и за малыя преступленія опредѣлены жестокія наказанія, а высшій судъ, придерживаясь существующихъ законовъ, вынужденъ былъ эти наказанія замѣнять ничтожнымъ штрафованіемъ, даже выговоромъ или однимъ замѣчаніемъ. Отъ сего рѣшенія суда первой степени представлялись шуткою, игрушкою; отъ сего разрушалось

въ войскѣ уваженіе къ военнымъ судамъ. Надобно сочетать такъ, чтобы и низшія и высшія власти руководствовались одними законами. Первая степень есть судъ, опредѣляющій наказаніе, которое должно быть не мечтательное, а дѣйствительное; вторая степень есть ревизія суда, обязанная провѣрить правильность судопроизводства и приговора.

Графъ Сперанскій возразилъ:

— Государь не согласится на такую передѣлку; она уничтожила бы воинскій уставъ Петра Великаго, передъ которымъ онъ благоговѣтъ.

— Нечего уничтожать, — замѣтилъ я, — уставъ воинскій не существуетъ въ приложеніи къ практикѣ съ царствованія Елизаветы, отмѣнившей смертную казнь. Конечно, уставъ этотъ былъ необходимъ въ то время, когда наше регулярное войско едва только образовывалось изъ нестройной толпы буйныхъ стрѣльцовъ; но теперь, когда порядку, устройству, дисциплинѣ и нравственности нашихъ воиновъ удивляются Европа и Азія, опредѣленіе жестокихъ наказаній было бы анахронизмомъ.

— Вы правы. Я раздѣляю ваше мнѣніе; доказательство вы найдете въ производствѣ Военнаго Свода: я представлялъ уже объ этомъ государю; но Чернышевъ объявилъ мнѣ высочайшую волю — держаться строго устава Петра I.

— Позвольте замѣтить: вамъ не разъ доставалось отстаивать свои мнѣнія при покойномъ императорѣ.

— *Altera tempora altera mores*, мой любезнѣйшій. Вѣсьмъ извѣстно, какъ горько я расплатился за мою настойчивость и правду. Но тогда я былъ молодъ, императоръ Александръ благосклонностію своею возбуждалъ во мнѣ смѣлость; теперь я старъ и не въ силахъ выдержать другого испытанія, подобнаго тому, какое со мною случилось. Изложите ваше мнѣніе, представьте его Чернышеву, онъ вѣрно перешлетъ его ко мнѣ; я соглашусь съ вами; такъ и доложите государю.

Я такъ и сдѣлалъ. Записка моя о передѣлкѣ IV части Свода Военныхъ постановленій, представленная князю Чернышеву 12-го октября 1839 года, была слѣдующаго содержанія:

«Предсѣдатель комитета, высочайше утвержденнаго для провѣрки и исправленія Свода Военныхъ Постановленій, разсматривая четвертую часть сего Свода, содержащую уставъ военно-уголовный, счелъ нужнымъ, прежде окончательнаго заключенія своего о степени удовлетворительности плана и полноты статей, обратиться къ системѣ, принятой редакціею при составленіи сей части Свода.

«Редакція, обозрѣвая военно-уголовныя постановленія, нашла, что нѣкоторыя наказанія, опредѣленныя воинскими артикулами Петра Великаго, вышедъ совершенно изъ употребленія, прямо неотмѣнены поста-

новленіями послѣдовавшими, а потому до сего времени приводятся въ приговорахъ военно-судныхъ комиссій, и что многія наказанія по тѣмъ же артикуламъ, хотя употребительныя по ихъ роду, прилагаются уже не во всѣхъ прежнихъ видахъ и не въ тѣхъ случаяхъ, къ коимъ они прежде относились, не въ прежней мѣрѣ, и, наконецъ, не ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, кои онымъ подвергались.

«Вслѣдствіе сего редакція Свода предполагала наказанія, хотя не отмѣненныя формально, но не употребительныя, въ Сводѣ не вводитъ, какъ потерявшія силу и потому, что въ Сводѣ приводятся одни постановленія дѣйствующія; наказанія же, хотя употребительныя по ихъ роду, но коихъ приложеніе измѣнилось, изложить такъ, какъ они дѣйствительно нынѣ прилагаются.

«Предположеніе сіе дѣйствительный тайный совѣтникъ Сперанскій всеподданнѣйше докладывалъ государю императору, и его величество, принявъ въ уваженіе, что Сводъ, не вводя ничего новаго, долженъ быть изображеніемъ законовъ въ настоящемъ, нынѣ дѣйствующемъ ихъ приложеніи, съ отмѣною всего, что уже вышло изъ употребленія, высочайше повелѣтъ соизволилъ разсмотрѣть сей предметъ въ особомъ комитетѣ.

«Прежде приведенія въ исполненіе таковой высочайшей воли, г. военный министръ вошелъ съ особымъ по сему предмету всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ объяснилъ, что несовершенство военно-уголовныхъ законовъ нашихъ заключается главнѣйшее въ неточномъ опредѣленіи степени преступленій или границы между преступленіями и проступками. Недостатокъ сей отчасти отвращается разнообразіемъ наказаній, узаконенныхъ воинскими артикулами. Сообразно съ ними признаются тягчайшими преступленіями тѣ, за кои опредѣлены тягчайшіе виды наказанія, и такимъ образомъ рѣшаются всѣ военно-судныя дѣла: въ военно-судныхъ комиссіяхъ прямымъ примѣненіемъ законнаго наказанія къ преступленію; въ высшихъ ревизіонныхъ инстанціяхъ, смягченіемъ приговора сообразно съ бѣльшею или меньшею суровостію наказанія, закономъ опредѣленнаго.

«Въ порядкѣ военнаго судопроизводства наказанія, установленныя кореннымъ закономъ, безъ большихъ неудобствъ, не могутъ быть замѣнены въ Сводѣ военно-уголовныхъ законовъ наказаніями, нынѣ употребительными; ибо сіи послѣднія прилагаются къ преступленіямъ, не по закону положительному, но по произвольному его убѣжденію о степени вины подсудимаго, къ чему, какъ выше сказано, ведутъ его тѣ же самыя коренныя законы.

«Его сіятельство, убѣждаясь въ необходимости скорѣйшаго изданія новаго полнаго военно-уголовнаго уложенія, объемлющаго всѣ части военнаго судопроизводства, и предполагая трудъ сей поручить особой

*

коммисіи, матеріаломъ которой долженъ служить Сводъ существующихъ нынѣ военно-уголовныхъ законовъ, полагалъ: разрѣшить редакціи Свода военныхъ постановленій вводить въ Сводъ всѣ коренные законы, какъ о преступленіяхъ, такъ и о наказаніяхъ, безъ всякаго измѣненія, дополняя всѣми общими государственными постановленіями, имѣющими прямое отношеніе къ военному судопроизводству.

«Впрочемъ, Сводъ сей не назначать для изданія въ свѣтъ и въ руководство военнымъ судамъ, такъ какъ съ изданіемъ новаго уложенія не можетъ уже быть въ ономъ никакой надобности.

«Государь императоръ, вслѣдствіе сего доклада, высочайше повелѣтъ соизволилъ: излагать въ Сводѣ наказанія въ двухъ видахъ: въ самой статьѣ Свода по закону, а на полѣ противу каждой статьи—по практикѣ и приговорамъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ его величество, имѣя въ виду, что Сводъ, по самому первоначальному предназначенію, долженъ прежде его напечатанія и изданія поступить въ особый комитетъ на ревизію, изволилъ повелѣтъ: при сей ревизіи рѣшить положительно: издавать ли его въ видѣ закона, или же принять токмо матеріаломъ къ новому уложенію.

«Редакція, приступивъ на семь основаніи къ внесенію въ Сводъ постановленій о наказаніяхъ, встрѣтила большія затрудненія оттого, что важныя и многочисленныя измѣненія, происшедшія въ артикулахъ съ 1753 года, даютъ всему военно-уголовному законодательству другой видъ, такъ что сложить (соединить?) сіи два законодательства, по испытанію, оказалось невозможнымъ.

«Посему редакція предполагала, отдѣливъ судопроизводство низшихъ судовъ отъ судопроизводства высшихъ, для каждаго составить особое уложеніе, размѣстивъ всѣ сіи предметы въ двухъ раздѣлахъ: въ первомъ—означить наказанія, опредѣляемые военно-судными коммиссіями; а во-второмъ—наказанія, опредѣляемые высшими военными судами.

«Государь императоръ по всеподданнѣйшему о семъ докладу, одобрявъ такое предположеніе редакціи Свода Военныхъ Постановленій, высочайше повелѣтъ соизволилъ: при ревизіи Свода рѣшить окончательно: оставить ли оба раздѣла въ Сводѣ или, отмѣнивъ первый, сдѣлать второй раздѣлъ общимъ для всѣхъ судовъ и низшихъ и высшихъ.

«Такимъ образомъ, комитету, высочайше учрежденному для повѣрки Свода Военныхъ Постановленій, предлежитъ нынѣ разрѣшить два вопроса:

«Во-первыхъ, можно ли въ Сводѣ оставить наказанія въ двухъ видахъ: а) назначаемыя первою инстанціею военнаго суда, и б) опредѣляемые окончательно при ревизіи военно-судныхъ дѣлъ, или удержать только одни дѣйствующія нынѣ узаконенія.

«Во-вторыхъ, издавать ли Сводъ военно-уголовныхъ законовъ

вмѣстѣ съ общимъ Сводомъ Военныхъ Постановленій, или же принять оный только матеріаломъ для составленія новаго военно-уголовнаго уложенія.

«Для разрѣшенія сихъ вопросовъ нужно предварительно обозрѣть настоящее состояніе военно-уголовнаго законодательства въ Россіи.

«Дѣйствующіе нынѣ военно-уголовные законы имѣютъ основаніемъ воинскіе артикулы императора Петра Великаго.

«Артикулы сіи, опредѣляя существо преступленій, назначали мѣру наказаній, коимъ подвергались военнослужащіе за сдѣланныя ими преступленія.

«Наказанія, воинскими артикулами установленныя, суть: 1) смертная казнь, которой виды были: четвертованіе, колесованіе, сожженіе, отсѣченіе главы, чему въ нѣкоторыхъ случаяхъ предшествовало прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, повѣшеніе и растрѣпаніе; 2) лишеніе чести; 3) лишеніе собственности, т. е. конфискація, штрафы, вычеты изъ жалованья и т. п.; 4) лишеніе свободы и 5) тѣлесныя наказанія, къ коимъ относились: ношеніе оружія, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, посаженіе на деревянныхъ лошадей и ослонъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ, скованіе въ желѣза, отсѣченіе членовъ, шпицрутены и наказаніе кнутомъ.

«Симъ наказаніямъ подвергались всѣ вообще военнослужащіе безъ различія чиновъ, званій и состояній.

«Военнымъ судамъ вмѣнено было въ обязанность опредѣлять мѣру наказанія по мѣрѣ вины, сообразно обстоятельствамъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ оную.

«Наказанія, воинскими артикулами установленныя, съ того времени существенно измѣнились. Смертная казнь за воинскія преступленія допускается только въ военное время, на основаніи полевого уголовнаго положенія, но въ мирное время, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, по указамъ 1753 и 1754 годовъ, замѣнена другими наказаніями. Дворянство и состоянія, пользующіяся особенными правами, освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, и первые сверхъ того и отъ конфискаціи имущества; въ каторжную работу повелѣно ссылать только за одни важнѣйшія преступленія; отмѣнено вырваніе ноздрей, а отсѣченіе членовъ, не существуя на дѣлѣ, едва удержалось въ памяти законовѣдовъ.

«Не взирая однако на всѣ сіи измѣненія въ наказаніяхъ, установленныхъ воинскими артикулами императора Петра Великаго, военно-судныя коммиссіи въ приговорахъ своихъ опредѣляютъ еще и нынѣ смертную казнь всѣхъ родовъ, а также и тѣлесныя наказанія лицамъ дворянскаго происхожденія. Приговоры сіи объявляются преступникамъ, твердо убѣжденнымъ, что наказанія, къ коимъ они присуждаются, не будутъ приведены въ исполненіе, а при дальнѣйшей ревизіи ихъ дѣлъ замѣ-

няется другими, не столь жестокими. Итакъ законъ, долженствующій опасеніемъ неминуемаго наказанія предотвращать совершеніе преступленія, не будучи приводимъ въ исполненіе и служа только одною формою угрозы, не только въ глазахъ преступника, но и всѣхъ вообще, теряетъ совершенно свою силу, ослабляетъ то влияніе, которое онъ долженъ имѣть, и не производитъ того дѣйствія, для котораго установлены законы наказательные.

«Повелѣнія, служащія военнымъ судамъ основаніемъ опредѣлять въ приговорахъ наказанія, установленныя воинскими артикулами, безъ измѣненія ихъ, представляются слѣдующія: воинскаго устава 1716 года, главы L, пунктъ 2, указъ военной коллегіи 23-го ноября 1800 года, высочайше утвержденные доклады: генераль-аудитора князя Салагова 18-го іюля 1802 года и комитета учрежденнаго для образованія генераль-аудиторіата 8-го сентября 1805 года; наконецъ положеніе комитета министровъ 14-го февраля 1831 года.

«Сими постановленіями повелѣно: военнымъ судамъ въ приговорахъ ихъ опредѣлять виновнымъ наказанія по всей строгости военныхъ законовъ.

«Совершенно справедливо, что военно-уголовные законы имѣютъ основаніемъ воинскій уставъ Петра Великаго, почему военно-судныя комиссіи и постановляли сентенціи свои на точныхъ словахъ воинскихъ артикуловъ, не смѣя соображаться съ измѣненіями, послѣдовавшими въ уголовномъ законодательствѣ. Напротивъ того, высшія военно-судныя инстанціи, смягчая приговоры низшихъ военныхъ судовъ и дѣйствуя въ семъ случаѣ сообразно послѣднимъ постановленіямъ, не считали нужнымъ требовать по этому предмету какихъ-либо особыхъ разрѣшеній. Такимъ образомъ, употребленіе въ приговорахъ военныхъ судовъ наказаній, установленныхъ воинскими артикулами и не уничтоженныхъ прямо закономъ, вошло въ обычай, болѣе и болѣе въ послѣдствіи укоренившійся.

«Здѣсь надлежитъ обратиться къ эпохѣ, въ которую Петръ I-й писалъ Воинскій уставъ. Въ то время уголовное законодательство всей Европы наполнено было кровавыми ужасами; невѣжество, буйство и строптивость волновали умы русскаго народа, нестройныя толпы стрѣльцовъ едва только были замѣнены регулярнымъ войскомъ, еще не укоренившимся и не привыкшимъ къ правильной военной дисциплинѣ. При такихъ обстоятельствахъ мудрый законодатель Россіи, сообразуясь и съ главнѣйшими законами чужеземцевъ и съ духомъ своего народа, не могъ не допустить жестокихъ наказаній.

«Но съ теченіемъ времени и распространеніемъ просвѣщенія, смягчались нравы, улучшались обычай и возвышалась нравственность какъ въ народѣ, такъ и въ войскахъ. Соотвѣтственно сему направленію осла-

бывали и мало-по-малу измѣнились, какъ выше показано, жестокия и ужасныя наказанія. Тогда общее уголовное законодательство и судопроизводство приняли другой болѣе кроткій видъ; и уголовные суды гражданскаго вѣдомства стали осуждать виновныхъ по законамъ дѣйствующимъ. Между тѣмъ, военные суды продолжаютъ держаться законовъ измѣнившихся, продолжаютъ угрожать казнями, которыя на дѣлѣ не исполняются, несмотря на то, что еще въ 1782 году повелѣно было ¹⁾, чтобы военные суды при сужденіи военнослужащихъ, поступали сообразно судебнымъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства.

«Въ основныхъ государственныхъ законахъ ²⁾ сказано: «законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ измѣненъ силою новаго закона». Слѣдственно наказанія, опредѣленныя воинскими артикулами и смягченныя сообразно духу времени и общему уголовному законодательству, по мѣрѣ смягченія самыхъ нравовъ и обычаевъ, или отмѣненныя послѣдующими узаконеніями, не должны имѣть мѣста въ приговорахъ военныхъ судовъ, учреждаемыхъ въ XIX столѣтіи надъ воинами россійской арміи, которой строгая правственность еще недавно изумляла и Европу, и Азію.

«Двѣ разныя системы наказаній, одна въ военно-судныхъ коммиссіяхъ, другая въ высшихъ ревизіонныхъ инстанціяхъ, въ самомъ Сводѣ приняты не по собственному убѣжденію редакціи въ правильности или необходимости такового раздѣленія, но единственно по тому уваженію, что редакція не считала себя въ правѣ измѣнять что-либо въ буквальномъ смыслѣ законовъ безъ положительной высочайшей на сіе воли. Въ историческомъ введеніи къ Своду (стр. 59) сказано:

«Здѣсь не мѣсто разсуждать, сколь въ общихъ понятіяхъ объ уголовномъ правосудіи таковая двойкость суда и наказанія можетъ быть не сообразна, когда за одно и то же преступленіе судья въ одномъ мѣстѣ именемъ закона грозитъ смертною казнію, а въ другомъ—также судья и также именемъ закона—опредѣляетъ вмѣсто того легкое наказаніе. Уничтожить сіе противорѣчіе, согласить военно-уголовные законы съ общими понятіями правосудія есть во власти законодателя. Сводъ долженъ слѣдовать тому, что есть, и не можетъ дѣлать въ существѣ закона никакихъ исправленій». Въ другомъ мѣстѣ того же введенія (стр. 62) сказано: «Если бы признано было удобнымъ, слѣдуя общимъ началамъ правосудія, постановить не два, а одинъ законъ и для низшихъ и для высшихъ судовъ, тогда надлежало бы только въ семъ второмъ отдѣлѣ книги первой исключить изъ Свода весь раздѣлъ первый, и вмѣсто того сдѣлать общимъ раздѣлъ второй для всѣхъ судовъ, и низшихъ и высшихъ».

¹⁾ Именной высочайшій указъ 1-го января 1782 года.

²⁾ Свода Законовъ, т. I, стр. 72.

«Принимая въ уваженіе, что наказанія, воинскими артикулами установленныя, совершенно измѣнены постановленіями, послѣ сихъ артикуловъ изданными, предсѣдатель комитета полагаетъ:

«Во-первыхъ, судопроизводство низшихъ военныхъ судовъ не отдѣлять въ Сводѣ отъ судопроизводства высшихъ; но раздѣлъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ составить общій, какъ первоначально предполагала и редакція Свода.

«Во-вторыхъ, въ раздѣлѣ семь опредѣлить преступленія военнослужащихъ и наказанія, коимъ они за сіи преступленія по окончательнымъ рѣшеніямъ подвергаются.

«Въ-третьихъ, въ опредѣленіи преступленій и подраздѣленіи оныхъ слѣдовать воинскимъ артикуламъ, а въ тѣхъ случаяхъ, коихъ не находится въ артикулахъ, держаться постановленій впослѣдствіи по военно-судной части изданныхъ. Если же нѣтъ такого опредѣленія въ сихъ послѣднихъ постановленіяхъ, то слѣдовать гражданскому Своду, принявшему силу закона и опредѣляющему преступленія общія какъ гражданину, такъ и воину.

«Въ-четвертыхъ, въ назначеніи наказаній соображаться со всѣми послѣдующими постановленіями, измѣнившими наказанія, артикулами установленныя.

«Обращаясь ко второму вопросу: издавать ли нынѣ Сводъ военноуголовныхъ законовъ вмѣстѣ съ общимъ Сводомъ Военныхъ Постановленій, или же принять оный матеріаломъ для составленія новаго военноуголовнаго уложенія, предсѣдатель комитета совершенно убѣжденъ, что военноуголовные законы наши требуютъ кореннаго измѣненія даже въ главныхъ началахъ; но имѣя въ виду, что Сводъ Военныхъ Постановленій безъ военноуголовнаго устава, составляющаго одну изъ главнѣйшихъ его частей, не будетъ полонъ; что военносудная часть, по существу ея занятій, болѣе всѣхъ другихъ частей военнаго управления чувствуетъ необходимость въ Сводѣ военноуголовныхъ законовъ, и что изданіе новаго военносуднаго уложенія, по важности и обширности этой работы, не можетъ быть скоро окончено,—полагаетъ необходимымъ Сводъ военноуголовныхъ законовъ издать вмѣстѣ со Сводомъ Военныхъ Постановленій, но издать тогда, когда утвердится предположеніе о составленіи одного общаго раздѣла о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и объ измѣненіи наказаній воинскими артикулами установленныхъ, сообразно постановленіямъ, послѣ артикуловъ изданнымъ.

«Что касается до того, можетъ ли Сводъ военноуголовныхъ законовъ служить матеріаломъ для составленія новаго военноуголовнаго уложенія, то вопросъ сей разрѣшается самъ собою.

«Нельзя приступать къ составленію новаго уложенія, не имѣя свѣдѣній о существовавшихъ законахъ, и въ семь отношеніи не только

тотъ Сводъ, который будетъ изданъ, долженъ служить въ семъ случаѣ матеріаломъ, но даже и вся та работа по военно-судной части, которая была предпринята редакціею Свода Военныхъ Постановленій.

«Предсѣдатель комитета имѣетъ честь представить сіи предположенія на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства, съ тѣмъ, что если они будутъ удостоены одобренія, то не благоугодно ли испросить высочайшее повелѣніе на передѣлку IV-й части Свода Военныхъ Постановленій сообразно съ вышеизложенными началами, которыя дѣйствительный тайный совѣтникъ Сперанскій призналъ правильными».

Представляя Чернышеву мое мнѣніе, я встрѣтилъ тѣ же затрудненія. Едва при содѣйствіи пріятелей моихъ Позена и Брискорна уломали его передать мое мнѣніе графу Сперанскому. Чернышевъ сказалъ мнѣ однако:

— Не пеняйте на меня, если государю не понравится, что вы пишете противъ его убѣжденія.

Графъ Сперанскій сдержалъ слово: онъ убѣдилъ Чернышева въ справедливости моего мнѣнія. Три раза государь самъ изволилъ читать его, хотя оно было довольно обширно: въ первый разъ съ графомъ Сперанскимъ, во второй — съ Чернышевымъ, въ третій — съ обоими вмѣстѣ, какъ бы состава триумvirатъ. Наконецъ, государь согласился на предложенныя мною измѣненія, сказавъ при этомъ:

— Такъ непрочно творенія людей даже гениальныхъ!

Наконецъ, Сводъ военныхъ постановленій былъ поднесенъ государю императору. Его величество такъ былъ доволенъ окончаніемъ этого важнаго труда, что приказалъ Чернышеву объявить мнѣ его волю, чтобы я представилъ моихъ сотрудниковъ къ награжденію, не держась никакихъ правилъ о наградахъ; а мнѣ пожаловалъ аренду въ 1.500 руб. сер. на 12 лѣтъ. Графъ Сперанскій получилъ только милостивый рескриптъ; вѣроятно, государь зналъ, что трудовъ его при передѣлкѣ этого Свода почти совсѣмъ не было.

Когда предсталъ я государю императору для принесенія благодарности за эту милость, въ пріемной залѣ было болѣе семидесяти особъ. По обыкновенію насъ поставили въ линію по старшинству; мнѣ досталось пятнадцатое мѣсто. Вошелъ государь. Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Литта по порядку провозглашалъ прозванія представлявшихся, его величество кланялся каждому и проходить далѣе. Дошла очередь до меня. Графъ Литта собирался провозгласить и мою фамилію, но государь быстро произнесъ: «знаю!» Потомъ онъ обратилъ на меня свой орлиный взоръ; казалось искры, какъ электрической токъ, сыпались изъ его глазъ; я чувствовалъ невольное волненіе.

— Благодарю тебя,—произнесъ онъ, и глаза всѣхъ присутствовавшихъ устремились на меня,—очень благодарю за твою работу по воен-

ному Своду; ты вполне оправдалъ мой выборъ. Всѣ представленія твои я утвердилъ, хотя ты и назначалъ щедрою рукою.

Отъ такихъ милостивыхъ словъ я смутился, хотѣлъ высказать чувства благодарности, но ни слова не сказалъ, а слезы покатались по моему лицу. Еще и теперь съ восторгомъ вспоминаю объ этомъ сладостномъ мгновении. По окончаніи представленія всѣ знакомые и незнакомые, тамъ бывшіе, приступили ко мнѣ съ поздравленіями и привѣтствіями. Какое торжество! Слова, сказанныя мнѣ государемъ, быстро разнеслись по С.-Петербургу. Лишь только я возвратился домой, жена моя встрѣтила меня со слезами на глазахъ отъ умиленія; она уже знала съ какимъ благоволеніемъ говорилъ мнѣ государь; появились и поздравители, но скоро все прошло какъ сладкій сонъ.

Среди утомительныхъ работъ по Своду Военныхъ Постановленій на меня возложено было исправленіе должности государственнаго секретаря. не слагая обязанности моей и по военному департаменту. Признаюсь, тяжело было для меня это назначеніе тѣмъ болѣе, что кромѣ труда оно вводило меня въ столкновеніе съ министрами, которыхъ, по принятому обычаю, всякое возраженіе Совѣта на ихъ представленія относятъ къ государственному секретарю и сѣтуютъ на него. Мнѣ необходима была подпора свыше; я обратился къ шефу жандармовъ, графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, пользовавшемуся благоволеніемъ и довѣренностью государя. Онъ обѣщалъ меня поддерживать; но благодареніе Богу, въ теченіе восьми-мѣсячнаго исправленія моего должности государственнаго секретаря не встрѣтилось въ томъ надобности. Въ случаѣ необходимаго возраженія на представленіе какого-либо министра, я объяснялся съ нимъ предварительно, не пуская дѣла въ докладъ и такимъ образомъ дѣло улаживалось и все шло гладко.

Графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ, бывший тогда председателемъ Государственнаго Совѣта, явно оказывалъ мнѣ свое благорасположеніе; это придавало много вѣсу въ глазахъ членовъ, которые вполне уважали его. Графъ Новосильцевъ еще въ молодости своей, при началѣ царствованія императора Александра, игралъ важную роль: онъ былъ другомъ царя; онъ мечталъ съ нимъ о преобразованіяхъ въ управленіи Россіи. Графъ Новосильцевъ былъ вельможа просвѣщенный, умный, опытный, добрый, но безпечный и лѣнивый, по крайней мѣрѣ въ старости, когда я съ нимъ работалъ.

Я весьма обрадовался возвращенію изъ-за границы государственнаго секретаря, барона М. А. Корфа, и снятію тяготившаго меня ярма. За исправленіе этой должности мнѣ объявлено высочайшее благоволеніе и пожалована золотая табакерка, украшенная брильянтами. Впрочемъ, я былъ представленъ къ производству въ слѣдующій чинъ тайнаго совѣтника. но нашлись недоброжелатели—интриганы, которые вос-

препятствовали этому, доведя до свѣдѣнія государя, что едва прошло полгода, какъ я получилъ награду по представленію А. И. Чернышева за труды по военному министерству. По крайней мѣрѣ, государь возвысилъ цѣну своего дара привѣтливымъ, милостивымъ словомъ, торжественно и публично, когда я представлялся его величеству съ принесеніемъ благодарности за награду.

— Теперь ты отдохнешь,—прибавилъ государь,—у тебя въ департаментѣ мало дѣла.

— Точно такъ ваше величество,—отвѣчалъ я,—но дѣла особенной важности, требующія большаго вниманія.

— Твоя правда! Но ты сладишь, ты такъ много работалъ по военной части; иногда въ Государственномъ Совѣтѣ достанется тебѣ разсматривать и свою работу.

Государь изволилъ намекнуть на то, что сверхъ занятій по званію статсъ-секретаря по Государственному Совѣту я состоялъ и при военномъ министрѣ.

Въ военный департаментъ входило въ это время мало дѣлъ отъ того, что князь Чернышевъ, укѣпляясь въ благорасположеніи и довѣрїи государя, поставилъ свой военный совѣтъ на такой высотѣ, что рѣшенія его вносились министромъ непосредственно на высочайшее утвержденіе. Начальникъ главнаго морского штаба его величества, князь Меншиковъ, соревнуя Чернышеву, поставилъ на такомъ же основаніи адмиралтействъ совѣтъ. Такимъ образомъ въ военный департаментъ Государственнаго Совѣта вносились только такія дѣла, которыя были въ соприкосновеніи съ гражданскою частью, или такія предположенія, которыя государь, не удостоивъ утвержденія, повелѣвалъ разсматривать въ Государственномъ Совѣтѣ. Это бывало только въ особенно важныхъ случаяхъ; слѣдовательно, государь справедливо сказалъ, что у меня въ департаментѣ мало дѣла, но я не солгалъ, что дѣла, требующія большаго вниманія.

Съ этого времени дѣйствительно я такъ мало былъ занятъ по службѣ, что началъ скучать отъ бездѣйствія. Такъ прошелъ годъ. Между тѣмъ, государственный секретарь баронъ М. А. Корфъ хлопоталъ попасть въ члены Государственнаго Совѣта. Это очень меня тревожило: я боялся, чтобы опять не навалили на меня его должность, которая была мнѣ не по нраву. Я уже сказалъ, что эта должность весьма интрижная, требующая уклончивости, ловкости и связей придворныхъ и аристократическихъ; мои всѣ связи состояли во мнѣ самомъ: въ посильныхъ моихъ способностяхъ, неутомимомъ трудѣ и прямотѣ характера. Меня пугало также событіе графа М. М. Сперанскаго, столь безжалостно сброшеннаго съ кресель государственнаго секретаря. Когда поступили такъ съ геніальнымъ, просвѣщеннымъ дѣятелемъ, ко-

того уму обязаны учрежденія Государственнаго Совѣта и министерствъ и проч., то чего же мнѣ ожидать, — я едва замѣтный чиновникъ въ обширной области государственнаго управленія. Въ часы откровенія графъ Сперанскій говорилъ мнѣ, что если бы онъ женился на какой-нибудь княжнѣ Голицыной или Строгановой, какъ ему неоднократно говорили, а не по влеченію сердца на безызвѣстной дѣвушкѣ, то, конечно, не подвергся бы гоненію и былъ бы поддержанъ какъ родичъ аристократіи. Я также былъ женатъ по влеченію сердца на благородной, но не знатной дѣвушкѣ; эта аналогія съ великимъ человѣкомъ, красою Россіи по уму и нравственности, еще болѣе волновала мою душу.

Я сталъ добиваться перемѣны службы. Меня представляли опять къ производству въ тайные совѣтники съ назначеніемъ въ сенаторы. Здѣсь встрѣтилось противодѣйствіе: министръ юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ не соглашался назначить меня сенаторомъ, предоставляя сдѣлать это впослѣдствіи по его усмотрѣнію. Графъ хотѣлъ, чтобы этимъ званіемъ я былъ обязанъ его посредству. Такимъ образомъ 17-го апрѣля 1840 года я пожалованъ въ тайные совѣтники съ назначеніемъ членомъ консультаціи, а 30-го декабря того же года и сенаторомъ. Честь любіе графа Панина удовлетворено, и онъ и я довольны.

Когда я представился государю императору съ принесеніемъ благодарности за это назначеніе, его величество изволилъ сказать мнѣ: «Поздравляю! Служи попрежнему!» Эти многозначительныя слова глубоко западали въ мою душу: ревностно и тщательно разсматривалъ я сенатскія записки, взвѣшивалъ доказательства обѣихъ сторонъ и ножемъ анализа разсѣкалъ ябеду. Графъ Панинъ представлялъ назначить меня къ присутствію въ 1-й департаментъ, но государь возразилъ: «Нѣтъ! пусть сидитъ въ польскомъ департаментѣ: онъ хорошо знаетъ польскія дѣла!» Графу Панину хотѣлось знать причину такого отказа его величества. Я объяснилъ, что слишкомъ за годъ до назначенія меня въ сенаторы, бывши еще въ Государственномъ Совѣтѣ, я объѣзжалъ губерніи, присоединенныя отъ Польши и представилъ государю записку о положеніи тамошнихъ крестьянъ. Записка эта по высочайшей волѣ внесена въ комитетъ западныхъ губерній. Вотъ вся и разгадка, доказывающая и память государя и вниманіе, съ какимъ читаетъ онъ то, что до него доходитъ.

Едва не забылъ рассказать о встрѣчѣ моей съ замѣчательнымъ мономъ. По окончаніи Свода Военныхъ Постановленій я отправился на поклоненіе новгородскимъ угодникамъ. Быть въ Новгородѣ и не видать Фотія, архимандрита Юрьевскаго монастыря, — то-же, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Фотій, еще въ бытность его законоучителемъ въ 1-мъ кадетскомъ

корпусъ, обратилъ на себя вниманіе своимъ фанатизмомъ, рѣзкою рѣчью, набожностію и строгою неукоризненною жизнью. Онъ былъ избранъ орудіемъ свергнуть князя Александра Николаевича Голицына, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и неправошагося старому, высшему духовенству за покровительство мистикамъ и распространителямъ ученія западной церкви.

Вооруженный толстою тетрадю выписокъ изъ книгъ мистическаго и духовнаго содержанія, напечатанныхъ въ то время, Фотій введенъ былъ въ кабинетъ покойнаго императора. Государь столь благосклонный, столь привѣтливый, противъ обыкновенія своего, встрѣтилъ Фотія сурово.

— Ты доносишь на лучшаго моего друга и подвергнешься тяжкой отвѣтственности, если окажется ложь,—сказалъ государь.

— Сердце царево въ рудѣ Божіей; да отверзетъ Богъ очи твои. Прочти и уразумѣй!—хладнокровно отвѣчалъ монахъ и подалъ государю толстую свою тетрадь.

Слѣдствіемъ этой бесѣды, о которой читалъ я въ любопытныхъ, собственноручныхъ запискахъ Фотія, было удаленіе князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, которое послѣ того распалось на два управленія.

Торжественно совершалась обѣдня въ Юрьевскомъ монастырѣ, священнодѣйствовалъ самъ Фотій со всѣмъ своимъ духовенствомъ: великолѣпіе храма и облаченія очаровываютъ зрѣніе; благозвучное монастырское гнѣие услаждаетъ слухъ, а порядокъ, смиреніе и благочиніе при служеніи невольно возбуждаютъ къ благоговѣнію. Богатствомъ ризницы и другихъ украшеній обязанъ монастырь стараніямъ, особенно весьма щедрымъ пожертвованіемъ графини Анны Алексѣевны Орловой, единственной дочери героя Чесменскаго. Она такъ предана была Фотію, что помѣстилась подлѣ Юрьева монастыря.

По окончаніи обѣдни Фотій пригласилъ меня на чай. Скоро пролетѣли болѣе полутора часа въ моей съ нимъ бесѣдѣ: этотъ замѣчательный монахъ зналъ все, что творится сокровенно при дворѣ и большомъ свѣтѣ. При прощаніи онъ приказалъ подать крестики; выбравъ два золотыхъ и три серебряныхъ, подалъ мнѣ.

— Вотъ твоимъ малолѣткамъ сказалъ онъ,—золотые дочерямъ, а серебряные сыновьямъ.

Не мало я удивился, что Фотій, видя меня въ первый разъ, ни съ кѣмъ незнакомаго въ Новгородѣ, такъ опредѣлительно зналъ о моихъ дѣтяхъ. Потомъ онъ благословилъ меня образомъ съ ликами четырехъ явленій Богородицы.

— У тебя много враговъ,—сказалъ онъ,—молись усердно Присносущей—Она защититъ тебя своимъ заступничествомъ.

Я обѣщаль еще пріѣхать въ Новгородъ и видѣться съ нимъ; но онъ возразилъ:

— Ты будешь и не одинъ разъ; но меня не увидишь.

Сбылось предвидѣніе: черезъ годъ душа его перенеслась въ горнія ad patres.

Такъ, на пути моей жизни я встрѣтился съ тремя монахами, имѣвшими вліяніе на мою судьбу: первый въ дѣтствѣ возбудилъ меня къ прилежному ученію; второй въ юности моей остановилъ меня на краю проруби, такъ сказать отвратилъ смерть; третій въ зрѣлыхъ лѣтахъ предупреждалъ о врагахъ, увѣщевалъ молиться. Признаюсь, считая окружающихъ меня друзьями, и видя, что все идетъ благополучно, все мнѣ улыбается, равнодушно выслушалъ я предвареніе и жестоко наказанъ за невѣріе....

VIII.

Интрига противъ графа Татищева.—Увольненіе его отъ званія военнаго министра.—Неожиданное увольненіе А. Д. Боровкова отъ службы.—Преданіе суду и оправданіе.—Вниманіе къ нему императора Николая I.—Заключеніе.

Жизнь прожить, не поле перейти, говоритъ пословица. На свѣтѣ добро и зло перемѣшано: это, по ученію Лейбница, составляетъ совершенство вселенной, основанной на предустановленной гармоніи. Такъ, послѣ моего благополучнаго періода жизни, въ которомъ все мнѣ благопріятствовало, наступилъ періодъ несчастій. Зародышъ его таился съ 1827 года, когда составилъ сильный комплотъ столкнуть графа Татищева съ кресель министерскихъ, на которыя хотѣлось сѣсть князю Чернышеву, бывшему въ то время генераль-лейтенантомъ безъ сіятельныхъ титуловъ.

Къ достиженію этой цѣли князю Чернышеву содѣйствовалъ начальникъ главнаго штаба его величества Дибичъ. Оставалось найти благовидный предлогъ; но для сановника, занимавшаго важныя должности, за этимъ дѣло не станетъ. Въ августѣ 1826 года, во время пребыванія двора въ Москвѣ на коронаціи, поданъ государю доносъ, что графъ Татищевъ, въ бытность его генераль-кригс-комиссаромъ, допустилъ по комисариату безпорядки и злоупотребленія. Слѣдствіе поручено было генераль-адъютанту Храповицкому, человѣку пустому и дерзкому, дѣйствовавшему по волѣ и направленію князя Чернышева. Храповицкій объ изысканіяхъ своихъ доносилъ непосредственно государю, который, не оскудѣвъ еще благоволеніемъ къ графу Татишеву,

прислалъ на его заключеніе эти донесенія. Великодушно защищалъ графъ Татищевъ своихъ подчиненныхъ; благородно возражалъ на замѣчанія о личныхъ его распоряженіяхъ. Почти годъ продолжалась эта полемика; наконецъ до того наскучила старику, а еще болѣе мнѣ, писавшему его объясненія, что однажды, подчеркнувъ въ донесеніи Храповицкаго нѣсколько нелѣпныхъ фразъ, я представилъ графу Татищеву проектъ объясненія въ слѣдующихъ словахъ: «Совѣстно мнѣ утруждать вниманіе вашего величества возраженіями на пустословіе или не знающаго сущности дѣла, или умышленно затмевающаго правду: подчеркнутыя строки подтверждать истину, которую дерзнулъ я выразить моему всемилостивѣйшему государю».

Признаюсь, я думалъ, что графъ не пропуститъ такого рѣзкаго отвѣта; напротивъ, онъ, внимательно прочитавъ подчеркнутыя строки, съ улыбкою сказалъ:

— Славно! На глупость и возражать глупо! Пусть разбираютъ сами! Спасибо, милый мой, погѣшилъ старика! Посылай съ Богомъ!

Черезъ три дня Храповицкій, бывший въ короткихъ отношеніяхъ съ пріятелемъ моимъ А. И. Абакумовымъ, пересказалъ, что государь сильно намыллил ему голову.

— Вѣкъ не забуду,— промолвилъ Храповицкій,—такой услуги Боровкова; не умру, пока не отлачу.

Онъ сдержалъ слово: почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ нанесъ мнѣ жестокой ударъ и—вскорѣ умеръ.

Возвращаюсь къ разсказу о графѣ Татищевѣ. Въ сентябрѣ 1827 г., кончивъ въ первомъ часу пополудни докладъ министру, занимавшему тогда дачу свою на Каменномъ острову, я отправился къ себѣ на дачу, которую нанималъ по Парголовова дорогѣ близъ Шоклонной горы. Часа черезъ два прискакалъ ко мнѣ отъ графа фельдъегеръ съ приказаніемъ явиться какъ можно скорѣе. Нерѣдко были подобныя призывы; но на этотъ разъ сердце предвѣщало мнѣ что-то недоброе.

— Не получено ли чего отъ государя послѣ моего отъѣзда?—спросилъ я фельдъегеря.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— Кто послѣ меня былъ у графа?

— Никого; онъ изволилъ гулять въ саду и послалъ меня за вами.

Нечего долго думать: я зналъ нетерпѣливый характеръ графа Татищева, сѣлъ въ фельдъегерскую таратайку и поскакалъ. Я нашелъ графа въ саду; замѣтно думы бороздили его чело. Онъ, поблагодаривъ меня за скорый пріѣздъ, позвалъ въ кабинетъ.

— Милый мой,—сказалъ онъ.—Окажи послѣднюю услугу, напиши письмо къ государю, чтобы уволилъ меня отъ званія военнаго министра.

Я изумился, посмотрѣлъ на него внимательно, не шутитъ ли онъ, и отвѣчалъ:

— Ваше сіятельство позволяли мнѣ всегда говорить откровенно. Мнѣ кажется, не время оставить министерскій постъ: это даетъ удобный случай торжествовать вашимъ врагамъ. Пока вы министръ, у васъ подъ рукою всѣ средства, всѣ орудія отражать ихъ натиски.

Графъ нахмурился.

— Долго я размышлялъ объ этомъ,—отвѣчалъ онъ;—но у меня не стаеетъ силъ—я старъ, пусть молодые пройдохи возьматся съ министерствомъ. Въ защиту свою и моихъ подчиненныхъ я представилъ все, что могъ; да будетъ воля Божія и государя.

Я сталъ было еще возражать, но графъ рѣзко прервалъ:

— Кончено! Вотъ перо и бумага, пиши!

Съ сокрушеннымъ сердцемъ набросалъ я весьма краткое прошеніе, которое тутъ же отправлено къ государю, а мы пошли въ гостиную. Тамъ уже были почти всегдашніе посѣтители графа Татищева: Паскевичъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ, Депрерадовичъ, командиръ кавалерійскаго гвардейскаго корпуса, Балашевъ, министръ полиціи при покойномъ императорѣ, и другіе. У графа Татищева званые обѣды бывали весьма рѣдко, но всякій день, такъ сказать, за-просто, собиралось особъ двѣнадцать, иногда и до двадцати. За обѣдомъ онъ мнѣ показался веселѣе обыкновеннаго, какъ сложившій съ себя тяжкую обузу.

На другой день пріѣхалъ къ графу Татищеву графъ Дибичъ; болѣе часа продолжалось ихъ совѣщаніе. Дибичъ убѣждалъ его именемъ государя не оставлять министерства, старикъ упрямствовалъ и настоялъ на своемъ. Недѣли черезъ двѣ онъ былъ уволенъ при милостивомъ рескриптѣ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и полнымъ содержаніемъ. Такъ достигъ комплотъ своей цѣли; управление военнымъ министерствомъ поручено графу Чернышеву, который пошелъ быстрыми шагами къ возвышенію.

Разскажу о моемъ паденіи.

Съ порядочнымъ моимъ содержаніемъ отъ казны и съ полученнымъ въ приданое капиталомъ жены моей я не былъ богатъ; но имѣлъ возможность жить прилично моему положенію, не думая о завтрашнемъ днѣ. Богатъ тотъ, кто умѣетъ ограничивать прихоти. Жена моя прекрасно и расчетливо вела домашнее хозяйство, а я весь преданъ былъ государственной службѣ. Такъ прошло десять лѣтъ безмятежно, тихо; но въ 1828 году Богъ даровалъ мнѣ дочь, черезъ полтора года сына, потомъ опять дочь, и помышленіе устроить для нихъ посильное состояніе зародилось въ головѣ моей. Я пустилъ въ оборотъ капиталъ жены, личный мой кредитъ и репутацію дѣльнаго человѣка. Съ этими орудіями я дѣйствовалъ въ разныхъ предпріятіяхъ и компаніяхъ, удачи перемѣнялись

съ неудачами; но въ результатѣ вышло, что чрезъ десять лѣтъ дѣятельности, я уже считалъ себя человѣкомъ безбѣднымъ, особенно съ присовокупленіемъ казеннаго содержанія, котораго я получалъ тогда болѣе 22,000 р. ассигн. Цифра порядочная!

Въ 1838 году составлялась компанія для храненія и залога громоздкихъ движимостей; меня пригласили подписаться въ числѣ учредителей. Видя благонамѣренную цѣль компаніи—вырвать бѣдняковъ изъ зависимости алчныхъ ростовщиковъ, я охотно подписался. Государственный Совѣтъ призналъ это учрежденіе также благонамѣреннымъ; уставъ удостоенъ высочайшаго утвержденія. Дѣйствія компаніи открыты въ 1840 году; я избранъ директоромъ и оставался въ этомъ званіи три года. Въ концѣ 1845 года, при смѣнѣ директора дѣйст. стат. сов. Оводова, оказался недостатокъ въ капиталѣ компаніи; началось изслѣдованіе, а 3-го декабря 1846 года губерн. секр. Кретковскій, подговоренный Оводовымъ, распорядителемъ кассы и виновникомъ растраты, подалъ доносъ С.-Петербургскому генераль-губернатору Храповицкому, что въ ней участвовали всѣ директора и въ главѣ поставленъ Боровковъ, какъ старшій по чину.

Храповицкій обрадовался случаю отмстить мнѣ за тотъ нагоняй, который за двадцать лѣтъ прежде сдѣлалъ ему государь, по прочтеніи отзыва гр. Татищева. Онъ въ тотъ же день доложилъ его величеству, выставя меня главнымъ виновникомъ, а 4-го декабря переслалъ доносъ къ министру юстиціи гр. Панину. Этотъ также не благоволилъ ко мнѣ, потому что я по званію сенатора не всегда соглашался съ его предложеніями, противными рѣшенію Сената и неоснованными на законѣ. Гр. Панинъ тотчасъ испросилъ у государя особенный личный докладъ, какъ бы по важному государственному дѣлу, нетерпящему отлагательства, и 5-го декабря подписанъ именной высочайшій указъ уволить сенатора Боровкова отъ службы.

Слѣдствіемъ и судомъ оправданъ; между тѣмъ невинно страдаю седьмой годъ, не вижу и конца этому дѣлу, которое третій годъ покоится въ Сенатѣ. Формы нашего судопроизводства такъ сложны, что посредствомъ ихъ виновный можетъ отдалить свое осужденіе на вѣчность, подъ многоразличными предлогами, а прикосновенный, несмотря на свою невинность, терпитъ и ждетъ общей развязки. Подумають ужасныя преступленія побудили государя выкинуть изъ службы сенатора, давно извѣстаго ему отличными заслугами.

Вотъ эти преступленія, обнаруженныя слѣдствіемъ и судомъ, продолжавшимися болѣе четырехъ лѣтъ и представленныя на разсмотрѣніе Сената.

1) Боровковъ не внесъ въ правленіе компаніи 25 акцій, которыя по званію директора онъ долженъ былъ туда представить. Слѣдствіемъ,

открыто, что Боровковъ былъ директоромъ совѣщательнымъ; ничѣмъ тамъ не распоряжалъ, содержанія отъ компаніи не получалъ; слѣдовательно нечего было ему и обезпечивать.

2) Въ подписанной имъ повѣсткѣ къ вновь избраннымъ директорамъ не упомянуто, что на нихъ возлагается обревизованіе дѣлъ компаніи. Слѣдствіе показало, что повѣстка изложена по заведенной формѣ просто объ избраніи; о ревизіи же извѣстно имъ было, потому что они лично находились въ томъ собраніи, когда было объ этомъ сужденіе, и сами подписали журналъ.

3) Онъ занялъ въ компаніи три тысячи рублей подъ залогъ мебели, которой не было представлено. По дѣлу выяснилось, что Боровковъ не былъ уже директоромъ, занявъ въ компаніи деньги какъ простой заемщикъ, далъ въ томъ росписку и уѣхалъ изъ С.-Петербурга, поручивъ своему управляющему представить мебель въ компанію. По возвращеніи въ С.-Петербургъ онъ нашелъ ее на своемъ мѣстѣ, расплатился съ компаніею и считалъ дѣло конченнымъ. При слѣдствіи управляющій Боровкова отозвался, что онъ не перевозилъ мебель, потому что ее не требовали. Въ существѣ, если бы предстояла тутъ надобность винить, въ случаѣ неуплаты занятой суммы, то конечно не Боровкова, какъ простаго заемщика, а того директора, который выдалъ ссуду безъ обезпеченія. Очевидно здѣсь выигрышъ на сторонѣ компаніи: во-1-хъ, потому что она располагала по своему произволу помѣщеніемъ, которое заняла бы мебель Боровкова; во-2-хъ, она не подвергалась страху отвѣтствовать за поврежденіе мебели, не бывшей въ ея храненіи.

4) Боровковъ просилъ у Оводова займообразно 600 руб., которыхъ не дано. Тутъ и сонмъ великихъ юрисконсультовъ сталъ бы втупикъ, чтобы найти вину; но палата уголовная причла это къ отступленію Боровкова отъ устава компаніи. Избави Боже насъ отъ этакихъ судей! воскликну я съ нашимъ великимъ баснописцемъ Крыловымъ.

Оправданный слѣдствіемъ, я просилъ государя о возвращеніи меня на службу, напомнивъ о моихъ заслугахъ. Въ негодованіи, волновавшемъ мою душу, я выразился между прочимъ: «одною работою моею по Своду Военныхъ Постановленій я вставилъ блистательный алмазъ въ корону вашего величества, а министръ юстиціи опрочечиво поднесшій проектъ указа выкинуть сенатора изъ службы безъ справокъ, безъ истребованія отъ него объясненія, какъ бы слѣдовало по закону, запятналъ свѣтлыя страницы исторіи достославнаго царствованія. Несправедливости, притѣсненія и козни министровъ, глубоко насаждая корень неудовольствій и ропота, обращаются всегда на главу вѣнценосцевъ».

Въ то время государь былъ въ Варшавѣ. По отправленіи прошенія къ его величеству я прочелъ это прошеніе другу моему Никитину.

— Хорошо, дѣльно, да очень рѣзко, сказалъ онъ. Смотри Александръ, не посидѣть бы тебѣ въ крѣпости?.

— Что за бѣда, отвѣчалъ я; тамъ будетъ у меня готовая квартира съ отопленіемъ и столомъ; а на свободѣ, лишенный содержанія отъ казны, расстроенный совершенно въ собственныхъ дѣлахъ и привязанный этимъ проклятымъ дѣломъ къ Петербургу, я крайне во всемъ нуждаюсь.

Предвѣщаніе Никитина не сбылось: государь, оставя разрѣшеніе моей просьбы до окончанія дѣла о растратѣ капитала въ компаніи, повелѣлъ между тѣмъ производить мнѣ содержаніе негласно изъ экстренныхъ суммъ, выдавъ его со времени моего увольненія. Такимъ образомъ онъ, какъ строгій блюститель закона, не поколебалъ формъ судопроизводства отдѣленіемъ меня отъ прочихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе и на мое горестное положеніе.

Благословляя я и благословляю милосердіе монарха; но болѣе назначеннаго содержанія я радуюсь тому, что оно свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи государя въ моемъ невинномъ страданіи; это бальзамъ утѣшенія, разлившій успокоеніе въ моей растерзанной душѣ.

Придетъ бѣда, отворяй ворота, говоритъ пословица. Внезапное увольненіе меня отъ службы разстроило вступленіе въ супружество моей дочери, которое было улажено съ весьма достойнымъ человѣкомъ. Потомъ я лишился моей незабвенной жены; она не устояла противъ жестокаго переворота въ моей судьбѣ. Бѣдная! Чтобы не растривать меня своею горестію, она старалась казаться покойною, иногда и веселою; а злой червь огорченія подтачивалъ ея сердце. Миръ праху твоему, добродѣтельная жена и чадолюбивая мать! Съ твоею смертію все идетъ у меня на перекорь, ничего не удается, все распадается. Нѣтъ существа, которое сердечно, какъ ты, мой незабвенный другъ, приняло бы участіе въ моемъ положеніи, съ которымъ искренно я могъ бы раздѣлить радость и горестъ; всѣ чужды мнѣ и я всѣмъ чуждъ!

Оканчиваю мои очерки, потому что въ преклонности лѣтъ не надѣюсь возвратиться къ дѣятельности. Въ заключеніе замѣчу, что восьмой годъ ознаменовывалъ всегда замѣчательное событіе моей жизни. Такъ, я родился въ 1788 году—начало физическаго бытія; въ 1798 г. поступилъ въ Москвѣ въ главное народное училище, нынѣ гимназія—начало умственнаго образованія, т. е. жизни духа; въ 1808 г. вступилъ въ службу—начало жизни политической; въ 1818 г. женился—начало жизни семейной; въ 1828 г. Богъ даровалъ мнѣ первое дѣтище—начало возрожденія въ своемъ потомствѣ; въ 1838 г. купилъ я въ С.-Петербургѣ огром-

ный домъ, превышавшій мои средства, возбудилъ зависть и затянулся долгами—зародышъ моего паденія; въ 1848 постигла предсмертная болѣзнь моей жены и свела ее въ гробъ—начало разрушенія моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ; что будетъ со мною въ 1858 г. извѣстно единому Всевѣдущему Строителю міровъ; думаю однако, что въ тотъ годъ не пить мнѣ задравнаго кубка.

Сообщ. Н. А. Боровковъ.

Изъ дневника П. Г. Дивова.

1829 годъ.

1-го января. Вотъ наступилъ и Новый годъ, который будетъ необычайный въ мѣрѣ политики и разрушить, вѣроятно, планы многихъ кабинетовъ, такъ какъ они не знаютъ, что предпринять относительно Турціи. Распаденія ея они боятся, а возрожденія Греціи не хотятъ допустить.

8-го февраля. Главнокомандующимъ арміей, дѣйствующей противъ турокъ, назначенъ графъ Дибичъ, начальникомъ его штаба баронъ Толь, а графъ Витгенштейнъ уволенъ. Какъ отнесутся къ этому назначенію генералы, которые старше Дибича по службѣ и могутъ считать, что ихъ обошли? Я со своей стороны не считаю это несправедливостью.—Когда дѣло идетъ о благѣ отечества, то слѣдуетъ довѣрять командованіе войскомъ тому, на кого можно болѣе всего положиться.

Министръ двора, князь Волконскій назначенъ по высочайшему повелѣнію попечителемъ Академіи художествъ.

15-го февраля. Пронесся слухъ о кончинѣ фельмаршала графа Сакена и папы; первое извѣстіе оказалось ложнымъ, второе подтвердилось.

20-го февраля. Получено извѣстіе о гибели на Дунаѣ 29 судовъ (баржъ), нагруженныхъ сухарями.

Говорятъ о назначеніи графа Матусевича посланникомъ въ Лондонъ на мѣсто кн. Ливена; оказывается, что послѣдній надѣлалъ тамъ много глупостей, въ которыхъ виноватъ его жену.

25-го февраля. Какой то негодяй изъ сенатскихъ писарей вздумалъ, въ чистый понедѣльникъ, пустить въ одной изъ переднихъ сената маленькій бурякъ; это вызвало всеобщій переполохъ, было произ-

ведено слѣдствіе и виновные, выкинувшіе эту глупую шутку безъ всякой видимой цѣли, обнаружены.

9-го марта. Въ Сенатѣ прочитанъ высочайшій указъ о помилованіи поляковъ.

Мы окончили занятія комисіи по ликвидаціи денежныхъ исковъ, предъявленныхъ русскими подданными къ Оттоманской Портѣ. Общая сумма по искамъ, которые были признаны подлежащими удовлетворенію, равняется 31 мил. рублей. Сенаторы Обресковъ и Полетика, работавшіе въ этой комисіи вмѣстѣ со мною, пользуются огромнымъ вліяніемъ на вице-канцлера, поэтому я надѣюсь, что труды этой комисіи, которые были въ сущности отдохновеніемъ, будутъ вознаграждены лучше нѣкоторыхъ другихъ работъ, исполненныхъ мною по порученію этого министра.

Въ городѣ разнесся слухъ о нашей побѣдѣ на берегу Чернаго моря, гдѣ мы овладѣли маленькимъ фортомъ Сизополь, близъ Бургаса, и взяли въ плѣнъ 1 пашу, 40 офицеровъ, ни одного солдата и 11 пушекъ. Надобно полагать, что это была маленькая диверсія, произведенная съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ другого пункта, на который мы предполагаемъ произвести нападеніе.

16-го марта. Появилось офиціальное извѣстіе объ убійствѣ русскаго посланника Грибоѣдова и его свиты. Это крайне прискорбное извѣстіе, которое не будетъ, вѣроятно, имѣть никакого вліянія на наши дѣла въ Персіи, чрезвычайно огорчило меня и само по себѣ и потому, что онъ можетъ помѣшать докладу, касающемуся устройства моихъ денежныхъ дѣлъ.

Я обѣдалъ у датскаго посланника графа Блома съ членами дипломатическаго корпуса и нѣкоторыми сановниками. Я познакомился у него съ гр. Фикельмонъ (будущій австрійскій посланникъ) и съ французскимъ посланникомъ, герцогомъ де-Монтемаръ. Первый изъ нихъ должно быть человекъ ловкій на подпольныя интриги, а второй, судя по лицу, не отличается особымъ умомъ: его секретарь Боргуенъ похожъ на куницу.

17-го марта. Въ дворцовой церкви отслужено молебствіе по случаю взятія Сизополя. Въ церкви было немного народа; я отправился туда, чтобы быть въ толпѣ и показаться императору.

20-го марта. Я получилъ нѣсколько писемъ отъ моего зятя, генерала Стрекалова изъ Тифлиса. Онѣ подтверждаютъ мои догадки, что Порта употребитъ всѣ старанія къ тому, чтобы возобновить свои военныя дѣйствія въ Азіи. Онъ пишетъ объ истощеніи войскъ и т. п. Я послалъ всѣ его письма вице-канцлеру, который возвратилъ ихъ мнѣ два часа спустя съ изъявленіемъ благодарности.

22-го марта. Вице-канцлеръ прислалъ мнѣ всѣ бумаги, касаю-

щіяся дѣла, по обвиненію консула Филли, смѣненнаго вслѣдствіе жалобъ нѣкоторыхъ капитановъ судовъ, по которому я долженъ постановить приговоръ вмѣстѣ съ моими товарищами гр. Воронцовымъ-Дашковымъ и Дашковымъ (американцемъ). Я отослалъ на слѣдующій день всѣ эти бумаги Халчинскому, который назначенъ директоромъ канцеляріи этой комисіи.

25-го марта. Я былъ у гр. Нессельроде, чтобы переговорить съ нимъ по поводу юридической комисіи, въ которую я назначенъ для разсмотрѣнія дѣла бывшаго консула Филли. Онъ сказалъ мнѣ, что въ зданіи коллегіи для нашихъ засѣданій отведена отдѣльная комната. Я воспользовался случаемъ поговорить съ нимъ о моихъ денежныхъ дѣлахъ и о тѣхъ 60 тыс. рубл., которыя я прошу у императора. Онъ обнадѣжилъ меня насчетъ этого, но я не вѣрю ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ дважды обманулъ меня, дѣйствуя подъ вліяніемъ своего довѣреннаго Родофиникина. Мы говорили, между прочимъ, объ измѣнившихся условіяхъ жизни и о томъ, что министру невозможно жить по прежнему. Я высказалъ свое мнѣніе, что императоръ могъ бы назначить ему 5 тыс. руб. въ мѣсяцъ, не обидѣвъ другихъ, и указалъ на источникъ, изъ котораго можно почерпнуть эту сумму. Можетъ быть онъ и воспользуется этимъ, такъ какъ онъ тутъ лично заинтересованъ.

26-го марта. Говорятъ объ отставкѣ министра внутреннихъ дѣлъ и о назначеніи временно управляющимъ министерствомъ не его помощника Дашкова, а другого лица.

27-го марта. Высочайшимъ приказомъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Новосильцевъ, бывшій секретарь покойной императрицы Маріи Феодоровны, а Дашковъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи. Это странное назначеніе многими осуждается. Дѣйствительно, Новосильцевъ человѣкъ вовсе неподходящій для этого мѣста; но худо-ли, хорошо-ли, онъ справится со своей должностью, какъ и многіе другіе, да пожалуй ничего не дѣлая принесетъ государству болѣе пользы, нежели нѣкоторыя другія личности, которыя хотятъ отличиться разными нововведеніями и ввергаютъ этимъ государство въ цѣлый лабиринтъ переписки и всевозможныхъ противорѣчій.

3-го апрѣля. Вышелъ романъ «Выжигинъ» сочиненія Булгарина, редактора «Пчелы». Въ этомъ романѣ, который написанъ хорошимъ слогомъ, правдиво изображены злоупотребленія мелкихъ чиновниковъ судебного вѣдомства и полиціи. Первое изданіе разошлось въ 8 дней, и государь пожаловалъ автору награду. Стремленіе покупать это сочиненіе (хотя оно того стоитъ) огорчаетъ меня, какъ какъ это доказываетъ склонность публики критиковать дѣйствія правительства.

13-го апрѣля. Наперсникъ вице-канцлера (Родофиникинъ) сообщилъ мнѣ сегодня, что императоръ изъявилъ согласіе на мою просьбу

о займѣ 60 тыс. руб. и что ему, Родофиникину, вѣдѣно свестись объ этомъ предварительно съ министромъ финансовъ. Надѣюсь, что это извѣстіе не ложное и что императоръ подписалъ указъ о пожалованіи мнѣ этихъ денегъ.

21-го а прѣл я. Придворныя интриги въ полномъ разгарѣ, каждый старается подставить другъ другу ножку, но я радъ, что клика Дашкова, Блудова и К^о потерпѣла, какъ говорятъ, фіаско.

24-го а прѣл я. Я былъ у графа Нессельроде, который объявилъ мнѣ, что я назначенъ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на время его отсутствія. Онъ упомянулъ также о моихъ 60 тыс., посоветовавъ мнѣ сѣздить къ министру финансовъ, чтобы ускорить выдачу этихъ денегъ. Что касается дѣлъ министерства, то онъ передалъ мнѣ словесно, что командоръ Гуеріеро (бывшій португальскій посланникъ) не пользуется уже официально званіемъ посланника, но будетъ пользоваться всѣми преимуществами этого званія, и нашъ дворъ желаетъ, чтобы онъ сохранилъ этотъ постъ. Я говорилъ съ нимъ о Чичачевѣ, который добивается званія камергера. Графъ поручилъ мнѣ передать его матери, что онъ не сдѣлаетъ объ немъ представленія до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ ходить въ коллегію. Отъ вице-канцлера я отправился къ министру финансовъ, который сказалъ мнѣ, что указъ о моихъ 60 тыс. подписанъ, но пробормоталъ нѣсколько словъ, имѣвшихъ тотъ смыслъ, что онъ не виноватъ, ежели дѣло затягиваютъ. Я отвѣчалъ на это, что такъ какъ это дѣло теперь у него, то значитъ оно въ хорошихъ рукахъ, и перевелъ разговоръ на другую тему, ввернувъ между прочимъ нѣсколько словъ о блестящемъ управленіи имъ министерствомъ финансовъ и т. п. Онъ сказалъ, что эта дѣятельность ему надоѣла и что онъ просится въ отставку. Я отвѣчалъ, что государь на это не согласится, такъ какъ отъ добра добра не ищутъ.

25-го а прѣл я. Я простился съ вице-канцлеромъ и попросилъ его дать мнѣ указаніе насчетъ того, слѣдуетъ ли выдавать паспорта посланникамъ, ежели имъ придетъ фантазія ѣхать въ Варшаву; слѣдуетъ ли приглашать бывшаго португальскаго посланника Гуеріеро на молебствія, слѣдуетъ ли уволить его секретаря, ежели онъ будетъ вести себя дурно, и наконецъ, надобно ли посылать ему дѣло Филли? Относительно посланниковъ онъ сказалъ, что англійскій и французскій посланники могутъ ѣхать въ Варшаву; относительно Гуеріеро, что его не слѣдуетъ приглашать, а относительно Филли, что я могу посылать графу это дѣло и что его надобно уволить съ чиномъ.

27-го а прѣл я. Я сдѣлалъ визиты дипломатамъ. Графъ Фикельмонъ, чрезвычайный австрійскій посланникъ, извинился, что не можетъ принять меня, такъ какъ онъ только что всталъ. Лордъ Гаксбурри, англійскій посланникъ, привялъ меня; мы бесѣдовали съ нимъ о по-

стороннихъ вещахъ и о правахъ, данныхъ католикамъ; онъ предвѣщаетъ своему правительству большія затрудненія по поводу десятины, которую католики платятъ въ пользу англиканскаго духовенства. Я продлil бы, вѣроятно, свою бесѣду съ этимъ дипломатомъ, ежели бы не примѣтилъ въ одной изъ приемныхъ датскаго посланника, котораго не хотѣлъ заставить дожидаться. Англійскій посланникъ—человѣкъ высокаго роста, съ очень быстрыми, маленькими глазами, рябой, онъ говорить медленно, обдуманно и въ примирительномъ духѣ.

Отъ него я отправился къ французскому посланнику, герцогу де-Монтемарь; онъ также принялъ меня. Герцогъ очень недурень собою, у него открытое лицо, но въ общемъ фигура не аристократическая. Онъ предложилъ мнѣ кресло и мы усѣлись у камина. Турецкая сабля, висѣвшая у него въ кабинетѣ на стѣнѣ, послужила мнѣ темою для разговора. Онъ сказалъ, что эта сабля подарена ему императоромъ въ Варшавѣ. Я замѣтилъ, что дамасскій клинокъ очень хорошъ, но что рукоятка, по моему мнѣнiю, не защищаетъ руки. Это замѣчанiе съ моей стороны навело рѣчь на достоинство сабель; онъ полагалъ, что для кавалерiи иныхъ сабель не нужно; онъ считаетъ, что русская кавалерiя (собственно казаки) не могутъ противостоять туркамъ. Отъ турецкаго оружiя разговоръ перешелъ къ Греци. Я спросилъ его, помирился ли Фавръ съ президентомъ? Онъ отвѣчалъ отрицательно. Я замѣтилъ, что слѣдовало бы учредить военную диктатуру, для того чтобы подвинуть это дѣло, что графу Капо д'Истрия, несмотря на всѣ его способности, никогда не удастся успокоить страсти, волнующiя Грецию. Онъ съ этимъ согласился, сказавъ, что Грецию надобно бы дать монарха, но что это очень трудно сдѣлать, такъ какъ Порта не согласится признать независимость Морей, и что образованiе изъ Греци независимаго государства рано или поздно было бы причиною окончательнаго паденiя Оттоманской имперiи; если бы не это обстоятельство, то наша война скоро завершилась бы миромъ. Требованiя, предъявленныя русскимъ дворомъ, по его мнѣнiю, такъ умѣренны, что ихъ можно бы удовлетворить, но препятствiемъ къ этому служить Морея. Затѣмъ мы говорили о судахъ и объ усовершенствованiяхъ въ ихъ постройкѣ. Наконецъ, мы сравнили тяжесть морской службы съ сухопутной и пришли къ заключенiю, что командиру судна гораздо легче отличиться, нежели главнокомандующему армiей, такъ какъ на суднѣ запасъ провiзiи дѣлается на все время кампанiи, тогда какъ продовольствiе армiи составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ главнокомандующаго.

Отъ французскаго посланника я пробѣжалъ къ датскому, который былъ у меня наканунѣ; но не засталъ его дома.

6-го мая. Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ французскому посланнику; у него собралось отъ 18 до 20 человѣкъ, въ томъ числѣ изъ дип-

ломатического корпуса; англійскій посланникъ, изъ русскихъ сановниковъ: графъ Кочубей, князь Александръ Голицынъ, генералъ Васильчиковъ, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и я. Лаваль-Монморанси отъказался отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ.

Съ отъѣзда императора по сегодня не было извѣстій изъ арміи.

9-го мая. Обѣдалъ у англійскаго посланника вмѣстѣ съ посланниками французскимъ, неаполитанскимъ и сардинскимъ и нѣкоторыми русскими сановниками.

16-го мая. У меня было совѣщаніе съ повѣренными въ дѣлахъ Пруссіи и Швеціи. Первый говорилъ со мною объ устройствѣ юрисдикціи на границѣ, близъ Калиша. Я намекнулъ ему, что онъ можетъ посоветовать своему правительству поступить точно такъ, какъ мы сдѣлали при проведеніи демаркаціонной линіи въ Краковскомъ воеводствѣ, т. е. вести границу ломаной линіей, присудивъ одни изгибы этой линіи Пруссіи, а другіе королевству Польскому. Шведскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ мнѣ содержаніе письма, полученнаго имъ изъ Вѣны, коимъ подтверждается, что вѣнскій дворъ согласился наконецъ на справедливыя требованія Швеціи, чтобы сынъ бывшаго короля носилъ титулъ не шведскаго королевскаго принца, а принца Ваза. Я спросилъ его, согласенъ ли шведскій дворъ на то, чтобы принцъ пользовался этимъ титуломъ? Онъ отвѣчалъ утвердительно. Затѣмъ онъ поблагодарилъ меня за пріемъ, оказанный его соотечественникамъ, профессору Анштедту и поручику Дюку и просилъ повергнуть къ стопамъ его величества государя императора признательность этихъ путешественниковъ.

Въ началѣ мая было получено извѣстіе о безтактной выходкѣ графа Паскевича по отношенію къ наслѣднику персидскаго престола Аббасъ-Мирзѣ, которому онъ предложилъ объявить войну Турціи. Это неумѣстное предложеніе вызвало посылку курьера въ Тифлисъ; Паскевичу сдѣланъ легкій выговоръ, а генералъ-маіору князю Долгорукову приказано отправиться въ Тавризь, стараться получить обратно письмо, посланное Аббасъ-Мирзѣ Паскевичемъ, или добиться того, чтобы это письмо было уничтожено въ его присутствіи. Въ случаѣ же, если Аббасъ-Мирза уже доведъ о сдѣланномъ ему предложеніи до свѣдѣнія англійскаго дипломатическаго агента Магдональда, то постараться разсѣять произведенное этимъ неблагоприятное впечатлѣніе, словомъ, такъ или иначе постараться смягчить неприличную выходку Паскевича, ибо онъ не только требовалъ, чтобы Аббасъ-Мирза объявилъ войну Турціи, но угрожалъ истребить всю его династію, имѣющую права на персидскій престолъ. Это секретное письмо было отвезено княземъ Эрстовымъ, адъютантомъ графа Паскевича.

21-го мая. Императоръ короновался въ Варшавѣ. Онъ коронуется самъ, возлагая корону на свою голову.

29-го мая. Я получилъ съ эстафетой приказаніе сообщить англійскому и французскому посланникамъ содержаніе депешъ, посланныхъ русскимъ посланникамъ въ Парижъ и Лондонъ о греческихъ дѣлахъ. Франція намѣрена, кажется, дѣйствовать заодно съ Россіей, т. е. она стоитъ за расширеніе границъ Греціи за предѣлы Морей. Англія, видимо, противъ этого. Я уполномоченъ дать копию съ этихъ депешъ обоимъ посланникамъ.

30-го мая. Во исполненіе даннаго мнѣ приказанія, я отправился сначала къ англійскому посланнику, который, прочитавъ копию, сказалъ мнѣ, что въ Лондонѣ совершенно увѣрены въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ императора и со своей стороны онъ очень радъ тому, что маленькое облачко, показавшееся было на горизонтѣ, разсѣялось; лордъ Веллингтонъ желаетъ мира, ему нѣтъ надобности искать славы въ боевыхъ успѣхахъ, такъ какъ онъ уже пользуется громкой извѣстностью (кажется это не вполне согласуется съ его военной профессіей). Говоря объ Испаніи и Португаліи (въ этой странѣ лордъ Гаксбурри жилъ довольно долго) посланникъ сказалъ, что смерть королевы не измѣняетъ дѣла, что король женится вѣроятно вторично и что если у него будетъ наслѣдникъ, который достигнетъ совершеннолѣтія, то Испанія будетъ спасена отъ грозящихъ ей смуть, такъ какъ братья короля—люди бездарные. Говоря о Португаліи, онъ описалъ этотъ дворъ какъ самый распущенный и дона Мигуэля какъ сумасброда, который не знаетъ что онъ дѣлаетъ. Я воспользовался его откровенностью, чтобы сказать, что берлинскій дворъ намѣренъ обратиться ко всѣмъ главнымъ державамъ Европы съ предложеніемъ поручить умиротвореніе этой страны Англіи, и спросилъ его, говорилъ ли ему объ этомъ графъ Галленъ (повѣренный въ дѣлахъ Пруссіи); онъ отвѣчалъ отрицательно.

Простившись съ лордомъ Гаксбурри я оправился къ герцогу де-Монтемару, французскому посланнику, которому сообщилъ содержаніе депеши, посланной графу Поццо ди-Борго. Онъ попросилъ меня оставить ему эту депешу, что я охотно сдѣлалъ, такъ какъ я былъ уполномоченъ дать ему копию съ нея. Французскій посланникъ высказалъ мнѣ, что интересы нашихъ дворовъ требуютъ самаго тѣснаго сближенія, и такъ какъ всѣ стремленія обѣихъ державъ направлены исключительно къ поддержанію мира и обезпеченію свободного плаванія на моряхъ, то имъ весьма естественно дѣйствовать въ полномъ согласіи; всѣ французы одушевлены этимъ желаніемъ и несмотря на конституціонный образъ правленія Франціи, король и министерство, каково бы оно ни было, будутъ вынуждены сообразовать свои дѣйствія съ планомъ, начертаннымъ здравой политикой.

31-го мая. Повѣренный въ дѣлахъ въ Пруссіи говорилъ мнѣ о намѣреніи своего кабинета склонить державы Европы къ тому, чтобы

устройство дѣлъ Португаліи было возложено на Англію. Я нахожу, со своей стороны, эту мѣру весьма благоразумной и совѣтовалъ ему сообщить о ней французскому и англійскому посланникамъ. Онъ сказалъ, что говорилъ уже объ этомъ съ англійскимъ посланникомъ, который отвѣчалъ ему, что онъ не имѣетъ по этому поводу никакихъ инструкцій отъ своего правительства, но надѣется, что вниманіе Англіи, отвлекаемое нынѣ дѣлами внутренняго управленія, вскорѣ будетъ снова устремлено на Португалію. Что же касается французскаго посланника, то онъ поговорить съ нимъ на-дняхъ.

4-го іюня. Получено извѣстіе о томъ, что султанъ освободилъ шесть офицеровъ и 120 чел. солдатъ, бывшихъ у него въ плѣну. Это были шесть офицеровъ того самаго л.-гв. Егерскаго полка, въ которомъ служилъ мой покойный сынъ, убитый подъ Варною вмѣстѣ съ 15-ю другими офицерами. Это извѣстіе, радостное для тѣхъ семей, которые оказались счастливѣе меня, разбередило мою сердечную рану. Да будетъ воля Твоя, Господи! Пути Твои неисповѣдимы для нашего слабаго ума!

8-го іюня. Бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ политическихъ событій въ теченіе прошлаго мѣсяца. Въ мартѣ и апрѣлѣ, лондонскій, версальскій и петербургскій кабинеты были взволнованы дѣлами Греціи. Англичане какъ-будто даже боялись усиленія этой страны, возрождающейся изъ пепла. Кабинеты обсуждали всевозможныя мѣры къ тому, чтобы заставить Порту признать формальнымъ образомъ независимость Морей. Наконецъ было рѣшено, что посланники французскій и англійскій, за исключеніемъ русскаго, возвратятся въ Константинополь, чтобы рѣшить окончательно этотъ вопросъ въ то время, какъ Россія будетъ воевать съ Портою. Характеръ инструкцій, данныхъ этимъ уполномоченнымъ, былъ совершенно различенъ. Инструкціи французскаго посланника имѣли въ виду интересы Россіи, англійскія инструкціи были двусмысленны. Англію, видимо, смущалъ вопросъ о разграниченіи Греціи. Россія и Франція хотѣли, чтобы граница шла отъ Воло къ Артѣ, между тѣмъ какъ Англія хотѣла отдѣлить одну Морею, не захватывая ни кусочка Ливадіи. Австрія не хотѣла принимать никакого участія во всѣхъ этихъ дѣлахъ и кажется радовалась тому, что она исключена изъ тройственнаго союза. Франція дѣйствовала до такой степени въ интересахъ Россіи, что стала вооружаться, яко бы желая отомстить за Алжиръ, но въ сущности для того, чтобы во всякое время быть готовой дать отпоръ Англіи.

Испанія, поглощенная своими интересами въ Америкѣ, устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ и волненіемъ, которое охватило Португалію, была занята исключительно своими собственными дѣлами.

Португалія, объята духомъ мятежа и взволнованная строгостью дона-Мигуэля (регента), который приказалъ повѣсить 10 человекъ,

принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Опорто, съ трепетомъ ожидала рѣшенія своей участи. Донна Маріа да-Глоріа (королева, назначенная донъ-Педро) находилась въ Лондонѣ, окруженная Паламеллой, Барбаценой и другими интриганами, которые интересовались не столько дѣлами отечества, сколько своими собственными. Англія, не высказываясь окончательно, видимо была не прочь оказать покровительство этой молодой принцессѣ. Берлинскій дворъ, съ своей стороны, открылъ путь къ соглашенію и обратился съ предложеніемъ къ великимъ державамъ возложить на лондонскій дворъ заботу уладить на извѣстныхъ основаніяхъ столкновение, вызванное этими разнородными интересами, примирить которыя казалось весьма трудно.

Тѣсно связанный узами крови и личнымъ расположеніемъ прусскаго короля къ своему зятю, императору Николаю, берлинскій дворъ много содѣйствовалъ политическимъ видамъ Россіи; этому обстоятельству надобно приписать кажущееся безучастіе вѣнскаго двора, который дѣйствовалъ исподтишка, боясь вызвать европейскую войну, ежели онъ будетъ открыто держать сторону Порты Оттоманской.

Данія, по мѣрѣ силъ, также содѣйствовала видамъ Россіи.

Стокгольмскій дворъ тоже желалъ намъ успѣха въ войнѣ съ Портою; казалось, онъ успокоился тѣмъ, что Густаву, сыну бывшаго короля шведскаго, пришлось отказаться отъ титула шведскаго королевскаго принца, на который онъ претендовалъ; но такъ какъ титулъ принца Ваза, принятый наконецъ Густавомъ, успокоивъ Бернадотта, вызвалъ различныя надежды со стороны самихъ шведовъ, то король шведскій въ сущности былъ снова встревоженъ и въ то же время не могъ ничего возразить противъ титула, признаннаго всеми европейскими дворами, хотя не формальнымъ актомъ, по крайней мѣрѣ ихъ молчаливымъ согласіемъ.

Въ Италіи неаполитанскому двору приходилось еще бороться съ проблесками революціоннаго духа. Сардинія втайнѣ причиняла не мало тревоги королю непослѣдовательнымъ образомъ дѣйствіи принца Кариньяна. Ежели этотъ принцъ вступитъ на престолъ, его постигнетъ участь нынѣшняго короля неаполитанскаго, который, будучи наследнымъ принцемъ, только и дѣлалъ глупости, а потомъ захотѣлъ утвердить верховную власть, которую самъ же онъ пошатнулъ.

Новый папа держитъ себя чрезвычайно умно; а кардиналъ Альбани, его первый министръ, дѣйствуя въ интересахъ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ сообразуется съ духомъ настоящаго времени.

10-го іюня. Получено извѣстіе о пораженіи визиря между Праводами, Шумлой и Варной. Главнокомандующій Дибичъ извѣщаетъ о совершенномъ истребленіи турецкой арміи, о взятіи 40-ка пушекъ и нѣсколькихъ знаменъ.

13-го іюня. Отслужено молебствіе по случаю побѣды, одержанной графомъ Дибичемъ. Я былъ въ Казанскомъ соборѣ, куда собралось не особенно много народа.

20-го іюня. Отъ графа Дибича получено извѣстіе, что съ визиремъ, который послѣ своего пораженія удалился въ Шумлу, начаты переговоры о заключеніи мира. Переговоры съ турками ведетъ г. Фонтонъ; онъ нашелъ тамъ стараго знакомаго и весьма удачно воспользовался этимъ, внушивъ ему убѣжденіе, что Россія вовсе не желаетъ уничтожить Оттоманскую имперію. Письма русскаго главнокомандующаго и отвѣтъ визиря весьма любопытны. Послѣдній приписываетъ свое пораженіе пороховымъ ящикамъ, которые были взорваны. Условія мирнаго договора объявлены Россіей. Если изъ этого ничего не выйдетъ, по крайней мѣрѣ это устраняетъ возможность воеводства на Порту другихъ державъ, которыя захотѣли бы играть роль посредницъ.

27-го іюня. Публикѣ эти извѣстія сообщены только сегодня.

Я видѣлся на-дняхъ съ испанскимъ посланникомъ, который горько жалуется на духъ, царствующій въ его странѣ. Онъ горячо описываетъ направленіе либераловъ, которые приобрѣтаютъ первенствующее значеніе, и какъ-будто стараются ослабить симпатіи испанцевъ къ Россіи, перепечатывая въ единственной, издающейся въ Испаніи, газетѣ самыя зазорныя статьи «Times'a», англійской газеты, которая относится къ Россіи враждебно.

Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ о переводчикѣ-грекѣ, состоящемъ при его посольствѣ, котораго онъ увольняетъ, не видя никакой надобности вмѣшиваться въ дѣла Греціи. Этотъ грекъ, Моносъ, уже уволенъ и уѣхалъ въ Молдавію. Я полагаю, что этотъ Моносъ не что иное, какъ англійскій эмиссаръ, но за нимъ будутъ слѣдить и онъ будетъ въ состояніи сообщать посланнику только однѣ ложныя свѣдѣнія.

15—16-го іюля. Я управлялъ министерствомъ до сего дня; 16-го числа вице-канцлеръ разослалъ свои циркуляры. 14-го іюля получено извѣстіе о побѣдѣ, одержанной графомъ Паскевичемъ надъ сераскиромъ въ Эрзерумѣ. 16-го числа отслужено молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, на которомъ присутствовала императрица.

19-го іюля. Ихъ величества ѣздили въ Красное Село, а оттуда въ Петергофъ.

Буря, разразившаяся 20-го числа, помѣшала морскимъ маневрамъ. 22-го числа во дворцѣ угощали воспитанниковъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ.

27-го іюля. Получены подробности о взятіи Эрзерума; мы завладѣли 179-ю пушками и взяли въ плѣнъ сераскира и 4-хъ пашей. На

слѣдующій день отслуженъ молебенъ. Графъ Паскевичъ награжденъ Георгіемъ 1-й ст. Французскій посланникъ не былъ на обоихъ молебнахъ, отслуженныхъ въ Казанскомъ соборѣ, вслѣдствіе совершенно непонятной для меня щепетильности. Онъ прислалъ вице-канцлеру письмо, въ которомъ объясняетъ свое отсутствіе тѣмъ, что въ этой церкви находятся воспоминанія о пораженіи французскихъ войскъ. Вице-канцлеръ отвѣчалъ ему, что его императорское величество ничего не имѣетъ противъ этого.

4-го августа. Персидскій принцъ Хозревъ-Мирза пріѣхалъ въ Петербургъ моремъ. Его привезли изъ Петергофа на яхтѣ, которую велъ на буксирѣ пароходъ. Онъ сошелъ со своей яхты въ шляпку, въ которой отправился въ Таврическій дворецъ. Когда онъ проходилъ мимо крѣпости, ему салютовали 21-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. Этотъ принцъ пробудетъ у насъ мѣсяць.

6-го августа. Въ Преображенскомъ соборѣ отлужено молебствіе по случаю полкового праздника и вмѣстѣ съ тѣмъ по случаю успѣха русскаго оружія за Балканами. Наканунѣ Дабичъ получилъ званіе «Забалканскаго». Императрица выѣхала первый разъ въ золоченой каретѣ, конвоируемая кирасирами, что мнѣ очень понравилось. Послѣ молебствія она остановилась на Литейной; кавалергарды пронесли передъ ней 830 знаменъ, взятыхъ у турокъ; они были поставлены въ Преображенскомъ соборѣ, который отстроены и заново отдѣланъ послѣ пожара; императоръ участвовалъ въ процессіи верхомъ. Въ тотъ же день были посланы курьеры въ Парижъ, Лондонъ и Вѣну.

10-го августа. Аудіенція Хозревъ-Мирзы отличалась особымъ великолѣпіемъ, но аудіенція у императрицы не состоялась по причинѣ ея нездоровья. Въ тотъ же день императоръ подписалъ манифестъ, въ которомъ говорится о нежеланіи султана заключить миръ и о необходимости новаго рекрутскаго набора по 3 чел. съ 500 душъ, отъ котораго освобождаются новороссійскія губерніи, доставившія погонщиковъ. Этотъ манифестъ былъ прочитанъ Сенату 12-го числа, но въ тотъ же день получено высочайшее повелѣніе не приводить его пока въ исполненіе.

Въ это же время получено извѣстіе о новомъ пораженіи визиря генераломъ Красовскимъ подъ Шумлою.

12-го августа. Обнародованъ манифестъ.

15-го августа. Я былъ въ Таврическомъ дворцѣ съ визитомъ у Хозревъ-Мирзы. Онъ былъ окруженъ главными лицами своей свиты. Графъ Сухтеленъ, состоящій при особѣ принца, представилъ меня, какъ исполняющаго должность министра иностранныхъ дѣлъ. Въ четыре часа я отправился къ вице-канцлеру, гдѣ обѣдалъ вмѣстѣ съ этимъ персидскимъ принцемъ. Приглашенныхъ было 60 человекъ. Меню обѣда было

*

хорошо составлено, но лакеи одѣты плохо: въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ панталонахъ; это слишкомъ бѣдно для вице-канцлера имперіи.

Говорятъ, что великій князь уѣхалъ изъ Варшавы со своей супругою на три мѣсяца въ Швейцарію, гдѣ онъ приобрѣлъ помѣстье.

27-го августа. Съ нетерпѣніемъ ожидаю курьера отъ графа Дибича, который долженъ былъ привезти извѣстіе о согласіи турокъ на предложенныя нами условія мира. Изъ Персіи также не было никакихъ извѣстій.

Въ тотъ же день вечеромъ получено извѣстіе о занятіи Адрианополя; 10 тыс. турецкаго войска сложило оружіе. Мы взяли 60 пушекъ и нѣсколько пашей, которые объявлены военнопленными.

Получено извѣстіе о занятіи Эноса на Средиземномъ морѣ.

17-го сентября. Въ 11 часовъ утра пушечные выстрѣлы возвѣстили о заключеніи мира съ Турціей. Главными условіями мирнаго договора были: 1) уступка въ Азіи Ахалциха, Анапы, Псти и Ахалкалака. 2) Уплата въ теченіе 10 лѣтъ 10 милл. дукатовъ военныхъ издержекъ и 1,500.000 вознагражденія русскимъ подданнымъ. Нѣкоторыя крѣпости должны быть снесены и т. д.

22-го сентября. На Марсовомъ полѣ торжественно отслужено молебствіе по случаю заключенія мира съ Портою. Чтобы придать этой церемоніи болѣе блеска, изъ Казанскаго собора былъ назначенъ крестный ходъ къ Спасу Преображенія, гдѣ была отслужена литургія и панихида по убиеннымъ на полѣ брани, а затѣмъ все духовенство двинулось къ Марсову полю. Войска были разставлены вокругъ помоста, устроеннаго для духовенства, и на его ступеняхъ. По окончанія молебствія произведены выстрѣлы изъ орудій крѣпости, съ судовъ, стоявшихъ на Невѣ, и изъ пушекъ, поставленныхъ на площади возлѣ памятника Суворова. Въ этотъ день разнымъ лицамъ пожалованы награды. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде и Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ получили Андрея Первозваннаго. Министръ финансовъ получилъ графское достоинство съ нисходящимъ потомствомъ, оба главнокомандующіе произведены въ фельдмаршалы, а Дибичъ получилъ, кромѣ того, 1 милліонъ, точно такъ, какъ ранѣе получалъ такой же милліонъ Паскевичъ. Князь Меншиковъ и Бенкендорфъ получили аренды по 8 тыс. руб. на 50 лѣтъ. Многіе генералы получили денежные награды. Датскій посланникъ въ Константинополь Гибшгъ (?) получилъ 100 тыс. піастровъ. Рибоьеру дали алмазные знаки Александра Невскаго.

23-го сентября. Я поѣхалъ поздравить вице-канцлера. Онъ принялъ меня радушно. Я спросилъ его, упомянуто ли въ мирномъ договорѣ о свободѣ торговли въ Дарданелахъ и Босфорѣ для всѣхъ націй и о томъ, что входитъ въ эти проливы военнымъ судамъ

воспрещается. Онъ отвѣчалъ мнѣ отрицательно и прибавилъ, что было бы гораздо приличнѣе объ этомъ вовсе не упоминать, такъ какъ турки считаютъ этотъ вопросъ дѣломъ религіи.

— Къ счастью, сказалъ я, всѣ предыдущіе трактаты, въ которые включена эта статья, были ратификованы.

Я ограничился этой краткой бесѣдой и послѣшилъ уѣхать, будучи доволенъ тѣмъ, что нашелъ его въ столь радостномъ настроеніи по случаю полученія ордена.

Сомнѣваюсь, чтобы мнѣ дали какую бы то ни было награду. Все равно. Терпѣніе. Можетъ быть со-временемъ представится удобный случай ходатайствовать о томъ, чтобы мнѣ обратили въ даръ тѣ 60 тысячъ, которыя выданы мнѣ въ видѣ безпроцентной ссуды на 12 лѣтъ.

12-го октября. Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ было принесено, по высочайшему повелѣнію, поздравленіе съ возвращеніемъ въ Россію. Она умѣетъ каждому сказать что-нибудь пріятное, но должно быть она характера нетерпѣливаго.

24-го октября. Во дворцѣ отслужена заупокойная обѣдня по случаю годовщины дня смерти вдовствующей императрицы. Въ церкви присутствовали императоръ и великая княгиня Елена Павловна, но императрица не была, такъ какъ она еще не вполне оправилась. Императоръ былъ взволнованъ точно такъ же, какъ и великая княгиня. Я поѣхалъ во дворецъ въ мундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы обратить на себя вниманіе государя, въ виду того, что о моихъ заслугахъ забываютъ, награждая всѣхъ остальныхъ. Это ни къ чему не послужитъ до тѣхъ поръ, пока безхарактерный вице-канцлеръ будетъ находится подъ вліяніемъ Родофинкина.

25-го октября. Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ прусскому посланнику генералу Шолеру. На этомъ обѣдѣ я бесѣдовалъ съ американскимъ посланникомъ, который сказалъ мнѣ безъ обиняковъ, что онъ опасается того, чтобы графъ Капо д'Истрія не лишился своего президентства и что на его мѣсто хотятъ посадить нѣмецкаго принца. Я выслушалъ это ничего не отвѣчая. Я знаю, что онъ очень расположенъ къ графу Капо д'Истрія; притомъ американцу весьма естественно желать, чтобы президентство не смѣнилось монархическимъ правленіемъ; однако, весьма возможно, что его пророчество сбудется, но правленіе страны отъ этого не выиграетъ.

1-го, 2-го, 3-го и 5-го ноября. Императоръ прихворнулъ и не выѣзжалъ изъ дворца. 5-го числа появился первый бюллетень о болѣзни его величества, которая названа простудой, сопровождающейся лихорадочнымъ состояніемъ.

Съ 6-го—8-го числа бюллетени появлялись ежедневно, съ заявленіемъ, что болѣзнь въ томъ же положеніи, съ незначительнымъ бредомъ.

9-го — 14-го числа бюллетени извѣщали объ улучшеніи здоровья императора, а 14-го числа было сказано, что ежедневные бюллетени прекращаются.

Во время болѣзни императора всѣ страшно боялись потерять его. Дѣйствительно, Россія была бы поставлена этимъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе; трудно даже предугадать всѣ послѣдствія этого страшнаго несчастія, ежели бы судьба ниспослала его Россіи.

15-го ноября. Я былъ у вице-канцлера и просилъ его похлопотать объ увеличеніи мнѣ жалованья, которое я получаю въ размѣрѣ 3.000 р., и о томъ, чтобы меня освободили отъ уплаты моихъ 60 тысячъ долга. Кажется, онъ не особенно расположенъ хлопотать объ этомъ. Затѣмъ мы говорили о Грузіи по поводу письма, полученнаго мною отъ моего зятя Стрекалова. Вице-канцлеръ находить, что вопросъ о томъ, что жителямъ Грузіи придется платить отъ 27 до 30 руб. за четверть ржи не представляетъ важности, лишь бы они занимались разведеніемъ шелковичнаго червя. Я не возражалъ, ибо бесполезно доказывать что-либо человѣку, рассуждающему подобнымъ образомъ, когда земледѣліе находится у тамошнихъ жителей еще во младенческомъ состояніи.

18-го ноября. Великая княгиня Елена Павловна, по настоянію окулиста Лерхе, котораго она удостоиваетъ своего особаго благоволенія, посѣтила сегодня глазную лечебницу; какъ предсѣдатель этого заведенія, я отправился туда, чтобы привѣтствовать ее внизу у лѣстницы. Прежде, чѣмъ повести ее въ залы, я велѣлъ объяснить ей, на искусственномъ глазѣ, устройство этого органа человѣческаго тѣла. Это заинтересовало ее. Затѣмъ, въ залахъ, ей представили нѣсколько больныхъ, оперированныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ей были показаны и объяснены раньше. Она все осмотрѣла очень благосклонно и пожелала, чтобы ей были показаны всевозможные виды глазныхъ болѣзней. Провожая ее изъ лечебницы, я сказалъ ей нѣсколько словъ въ изъясненіе моей глубочайшей признательности, на что она не отвѣчала мнѣ ни слова, какъ вообще на всѣ предыдущія моя рѣчи, предложивъ мнѣ только одинъ вопросъ о недостаткѣ у насъ средствъ.

Декабрь. Болѣзнь императора или скорѣе его выздоровленіе затянулось; онъ выѣхалъ первый разъ въ каретѣ только 4-го декабря, а 5-го числа переѣхалъ изъ Зимняго въ Аничковъ дворецъ. 6-го декабря, въ день тезоименитства государя, во дворцѣ былъ приемъ, но его величество не показывался. Поздравленія принимали императрица и великая княгиня. Въ тотъ же день состоялся обѣдъ у министра двора, князя Волконскаго, на который сенаторы не были приглашены.

Несоответствіе издаваемыхъ указовъ съ существующими и еще не отмѣненными законами доказываетъ безучастное отношеніе служащихъ лицъ къ общественному благу; путаница въ судебномъ мирѣ растетъ

съ каждымъ днемъ. Всего удивительнѣе, что въ настоящее время пересматривается Сводъ Законовъ; между тѣмъ подъ старое законодательство то и дѣло подкапываются, нисколько не справляясь съ мнѣніемъ той комиссіи, на которую возложенъ пересмотръ Уложенія о наказаніяхъ по гражданскому и уголовному судопроизводству.

Императоръ, которому наскучили, быть можетъ, довольно туманныя пренія по этой важной отрасли, видимо предоставляетъ полную свободу дѣйствій людямъ, стремящимся къ нововведеніямъ. Да внушить ему Господь твердую рѣшимость не допускать никакихъ нововведеній до обнародованія новаго Свода Законовъ.

Въ теченіе этого мѣсяца появилось два довольно странныхъ постановленія: 1) что только однѣ особы первыхъ 5 классовъ могутъ ходатайствовать о помѣщеніи ихъ дѣтей въ учебныя заведенія, 2) о капиталахъ Воспитательнаго дома.

20-го декабря. Императоръ совершенно выздоровѣлъ; публика видитъ его на парадахъ, во время прогулокъ, когда онъ катается въ саняхъ, и въ театрѣ, гдѣ онъ бываетъ инкогнито. Говорятъ, что онъ не желаетъ болѣе приглашать сенаторовъ на спектакли въ Эрмитажъ. Ожидали, что его высочество цесаревичъ пріѣдетъ въ Петербургъ къ Николину дню, но это ожиданіе не сбылось; вѣроятно, онъ не хотѣлъ дать повода думать, что онъ пріѣхалъ съ цѣлью посмотрѣть, каково здоровье его брата.

Вообще, мнѣ не нравится духъ интриги, усилившейся послѣднее время при дворѣ. Велненіе, которое это вызываетъ въ городѣ, не даетъ надежды на спокойное царствованіе.

Во всемъ проглядываетъ какая-то странная система розысковъ; такъ, на примѣръ, рѣшено отобрать банковые билеты на предъявителя, чтобы узнать фамиліи ихъ владѣльцевъ, въ надеждѣ, что это дастъ поводъ навести кое-какія справки о нѣкоторыхъ личностяхъ.

26-го декабря. Императоръ пріѣхалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ одинъ въ два съ половиною часа по полудни. Внизу, у лѣстницы, императора встрѣтилъ вице-канцлеръ, который повелъ его въ канцелярію министерства, гдѣ государь пробылъ добрыхъ четверть часа. Оттуда онъ прошелъ въ помѣщеніе главнаго архива, у дверей котораго я встрѣтилъ его величество; подойдя къ дверямъ онъ поздоровался со мною. Вице-канцлеръ представилъ директора Полѣнова. Войдя въ архивъ, государю бросились въ глаза нѣсколько шкафовъ, въ которыхъ бумаги были размѣщены по новому способу, т. е. лежа, въ картонкахъ съ проложенными между ними листамъ бумаги. Его величество былъ пораженъ красотою этой большой залы длиною въ 73 шага, заставленной шкафами изъ ясеневаго дерева. Вице-канцлеръ представилъ ему статскаго совѣтника Лашкарева. Узнавъ, что приступлено къ

укладкѣ дѣлъ по новому способу, императоръ затѣтилъ, что лучше было бы начать съ 1812 г. восходя къ 1762 г., нежели начинать съ 1762 г. Онъ правъ. Затѣмъ его повели въ тотъ отдѣлъ, гдѣ хранятся ратификаціи. Тутъ были положены мною на видъ слѣдующіе трактаты: 1) договоръ Англіи о содержаніи Наполеона въ плѣну; 2) договоръ, касающійся его супруги, герцогини Пармской; 3) дипломъ императора Александра на орденъ «Подвязки»; 4) Брачный договоръ императора; 5) трактатъ, заключенный съ Австріей о свободѣ плаванія по рѣкамъ, касающійся Польши, и наконецъ Парижскій трактатъ 1815 г. На вопросъ его величества, что это за трактаты, я отвѣчалъ, что годовщину перваго изъ нихъ мы справляемъ сегодня, и затѣмъ объяснилъ послѣдовательно содержаніе всѣхъ прочихъ, осмотрѣнныхъ имъ документовъ. Онъ видимо былъ доволенъ этимъ объясненіемъ. Затѣмъ мы прошли въ секретное отдѣленіе, заключающее личныя бумаги царской фамиліи и уголовныя дѣла разныхъ временъ, начиная съ дѣла царевича Алексѣя при Петрѣ Великомъ. Императоръ приказалъ не топить эту комнату и сдѣлать въ ней желѣзныя ставни, замѣтивъ, что въ нее могутъ влѣзть и выкрасть бумаги. Это замѣчаніе видимо поразило вице-канцлера. Императоръ взглянулъ на меня и сказалъ графу, что онъ не подозрѣваетъ всего, на что способны люди. Осматривая этотъ отдѣлъ, его величество съ ужасомъ вспоминалъ о пыткахъ, которыя вынесъ царевичъ Алексѣй. Онъ обѣщалъ сдѣлать въ этотъ архивъ вкладъ частной переписки Петра Великаго. Вице-канцлеръ показалъ императору отрывокъ письма къ Гримму, писанный по поводу рожденія императора Николая. Его величество замѣтилъ, что его бабка не могла много писать о немъ, такъ какъ ему было всего 6 мѣсяцевъ въ моментъ ея кончины. Дѣйствительно, въ записочкѣ говорилось, что онъ кушаетъ хорошо и держитъ голову прямо. Удовлетворивъ свое любопытство, императоръ ушелъ изъ архива, сказавъ мнѣ очень любезно: «Я былъ у васъ съ визитомъ». Вообще я замѣтилъ, что его величество отнесся ко мнѣ весьма благосклонно, но не обращалъ особеннаго вниманія на то, что ему говорилъ вице-канцлеръ. Изъ архива императоръ поднялся наверхъ, чтобы осмотрѣть Азіатскій департаментъ и коллегію, по которой онъ только прошелъ въ церковь и затѣмъ въ квартиру вице-канцлера. Онъ уѣхалъ изъ коллегіи въ три съ половиною часа.

На первыхъ дняхъ Рождества пронесся слухъ, что банкъ понизилъ процентъ, выдаваемый имъ на капиталъ, на 1%. Этотъ слухъ произвелъ большой пореполохъ въ торговомъ мірѣ. Такъ какъ я не видѣлъ еще объ этомъ объявленія въ печати, то я воздерживаюсь отъ какого бы то ни было сужденія по этому поводу, но полагаю, что эта финансовая мѣра не принесетъ никакой пользы казнѣ; она вызвана вѣроятно только желаніемъ помочь дворянству при займахъ подъ залогъ имѣній.

МОЛДАВІЯ и ВАЛАХІЯ

предъ турецкой войной 1787 года.

(Изъ прошлаго російскаго консульства въ Яссахъ ¹⁾).

III.

12-го августа 1787 года актуариусъ російскаго генеральнаго княжества въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, Латынинъ, писалъ изъ Бухареста вице-канцлеру графу И. А. Остерману.

«Должностью почитаю донести вашему сіятельству, что сего 11-го августа князь ²⁾ призвалъ господина генеральнаго консула Ивана Северина ³⁾ и, объявивъ ему приказаніе, что между двумя союзными имперіями объявлена война, «слѣдственно повелѣвается мнѣ отъ моего двора васъ удержать здѣсь», со всею принадлежащею учтивостію его принялъ и содержитъ при всякой вольности. До сихъ поръ и какого бы то званія (люди) ни были, входить и выходить могутъ; равно велѣлъ посадить и перваго драгомана Нордунга... Сейчасъ пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя, отъ пребывающаго тамъ римско-императорскаго министра барона Герберта, и увѣдомляетъ, что война объявлена и нашего находящагося чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Якова Ивановича Булгакова посадили подъ арестъ, въ томъ-же письмѣ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, февраль 1897.

²⁾ Господарь Валахіи, Николай Мавроени.

³⁾ Иванъ Ивановичъ Северинъ, назначенный на мѣсто переведеннаго въ Крымъ перваго консула въ княжествахъ Серг. Лаз. Лашкарева, который скончался въ Яссахъ въ мартѣ 1799 года.

повелѣвается отъ двора (вѣнскаго) нашихъ російскихъ подданныхъ протезировать точно какъ своихъ» ¹⁾.

Началась вторая (въ царствованіи Екатерины) турецкая война, длившаяся свыше четырехъ лѣтъ и закончившаяся Яскимъ миромъ 29-го декабря 1791 года.

Причинъ къ ней за предшествующіе годы накопилось не мало; всѣ оны перечислены турками въ приводимомъ ниже манифестѣ Порты, обнародованномъ ею 13-го августа 1787 года, но это скорѣе длинный перечень жалобъ на такое положеніе вещей, которое могло быть съ нашей стороны оправдано предшествовавшими соглашениями и котораго мы упорно добивались и съ которымъ потрясенная нами до основанія имперія османовъ примириться не могла. Рѣшившись на войну, официальная Турція едва-ли питала твердую надежду вернуть Крымъ или укрѣпить власть надъ «ханомъ» тифлискимъ ²⁾; но она повидимому рассчитывала, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, освободиться отъ присутствія въ придунайскихъ княжествахъ русскаго консула, «развратителя ея подданныхъ», дѣятельнаго пособника русскаго посланника при Портѣ, съ которымъ послѣдней вѣчно приходилось препираться изъ-за назначенія и смѣщенія господарей и изъ-за порядковъ управленія княжествами, въ дѣла которыхъ консулъ вмѣшивался будто-бы неуклонно, въ противность договорамъ и подъ предлогомъ защиты русско-подданныхъ торговыхъ людей.

Къ такому предположенію насъ привело ближайшее ознакомленіе съ дѣятельностью русскаго генеральнаго консула въ княжествахъ Северина ³⁾ и съ перепискою его съ посланникомъ Булгаковымъ въ теченіе ближайшихъ, предшествовавшихъ войнѣ, трехъ лѣтъ. Приводимые частью дословно, частью въ извлеченіи донесенія Северина и письма Булгакова даютъ намъ ясное представленіе о томъ вмѣшательствѣ русскихъ представителей въ дѣла княжествъ, на которое жаловались турки и которое, благодаря приѣмамъ турецкаго управленія и способамъ хозяйничанья господарей-фанариотовъ, являлось лишь логическимъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ наступательнаго движенія російской державы на

¹⁾ Покровительство австрійцевъ продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ сами они весной 1788 года вступили въ войну съ Турціею.

²⁾ Колеблющаяся власть ея надъ Грузіею просуществовала впрочемъ еще до 1801 года.

³⁾ Съ 1785 года русскій генеральный консулъ избралъ постоянною резиденціею Валахію, въ Яссы лишь наѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году и перебрался туда окончательно въ 1792 г., оставивъ въ Букарестѣ вице-консула. За промежутокъ времени съ 1785 по день объявленія войны вице-консуломъ въ Яссахъ былъ маіоръ Иванъ Лаврентьевичъ Селунскій, причинившій, какъ мы увидимъ, не мало хлопотъ и господарю, и Портѣ, и собственному начальству.

мусульманскій міръ, въ ту пору еще несомнѣнно грозный, охватывавшій всю ея юго-западную границу.

Если принять въ соображеніе, что сто лѣтъ тому назадъ не было не только телеграфа, но что и правильное почтовое сообщеніе было далеко не обезпечено, а въ самой Турціи движеніе курьеровъ и почтальоновъ просто опасно; что, поэтому, всякія приказанія и инструкціи петербургскаго начальства могли въ иныхъ случаяхъ доходить слишкомъ поздно,—нельзя не помянуть добрымъ словомъ первыхъ представителей русской власти на турецкомъ востокѣ, которыхъ обстоятельства вынуждали порою дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, не дожидаясь указаній начальства, и заточеніемъ если не головою отвѣчавшихъ за возникавшія недоразумѣнія и выносившихъ на своихъ плечахъ всю тяготу ежедневныхъ сношеній съ правителями страны, гдѣ проволочка дѣлопроизводства чередовалась съ слишкомъ быстрою, нерѣдко кровавою расправою. Не говоря, конечно, о тысячахъ нашихъ воиновъ, сложившихъ свои головы на поляхъ брани съ «басурманами», имъ, этимъ пионерамъ русскаго дѣла въ имперіи османовъ обязаны, мы нашими послѣдующими успѣхами, а христіанскія государства, значащіяся нынѣ на картѣ восточной Европы, своимъ освобожденіемъ изъ-подъ власти «нечестивыхъ агарянъ»...

Блистательно завершивъ переговоры объ окончательномъ присоединеніи Крыма подписаніемъ, 28-го декабря 1783 года, такъ называемаго Константинопольскаго акта, Булгаковъ спѣшилъ извѣстить о томъ Северина ¹⁾. «Имѣю удовольствіе сообщить вашему высокоблагородію, что крымское дѣло совершенно мною кончено, точно по воли высочайшаго двора... Симъ образомъ миръ возстановленъ, прежніе трактаты подтверждены, кромѣ артикуловъ, говорящихъ о татарахъ ²⁾, кои на вѣки уничтожены, и послѣднія наши распри съ Портою кончены».

Но не однимъ устройствомъ крымскихъ дѣлъ могъ справедливо гордиться Булгаковъ; попеченіе о судьбѣ придунайскихъ княжествъ поставлено ему было въ предметъ постоянныхъ заботъ. Усиленные домогательства его въ этомъ направленіи передъ Портою закончились вскорѣ столь-же успѣшно.

«Объ окончаніи мною дѣлъ вы уже извѣстны изъ предидущаго моего (письма) ³⁾. При возстановленіи мира одержалъ я тако-жъ и требованныя выгоды для молдавскаго и воложскаго княжествъ. Вскорѣ

¹⁾ 1-го января 1784 г.

²⁾ Ст. 3 Кючюкь-Кайнарджійскаго договора и Convention Explicative 1780 г. признавали за крымскими татарами право независимаго правленія.

³⁾ Въ приводимыхъ нами дословныхъ выдержкахъ изъ депешъ Булгакова и Северина, оставлена подлинная орѳографія.

отправится къ господарямъ Хатышерифъ (гатти-шерифъ), въ коемъ не только прежній таковой-же во всемъ подтвердится, но и новыя высочайшимъ дворомъ одержанныя выгоды внесутся. Остается теперь господарямъ и обывателямъ обоихъ княжествъ, моля Всевышняго за свою спасительницу, въ покоѣ пользоваться доставляемымъ ею благоденствіемъ и великодушіе ея прославлять въ роды родовъ»¹⁾.

Появленіе гатти-шерифа не заставило себя долго ждать, и 1-го марта, того-же 1784 г. Булгаковъ посылаетъ экземпляръ его Северину при короткомъ письмѣ, въ которомъ поручаетъ послѣдному внушить господарямъ, «что теперь единственно зависить отъ нихъ привести области имъ ввѣренныя въ цвѣтущее состояніе, не выпуская изъ памяти, что и они и княжества ихъ обязаны своимъ благоденствіемъ матернему ея (императрицы) объ нихъ попеченію, и стараясь быть оною достойными и впрредбудущія времена. Особливо надлежитъ сказать молдавскому господарю²⁾, что непріатели старались его лишить мѣста, но я то предупѣль отвратить, ибо узналъ о томъ заблаговременно. По сему они, господа, сами судить могутъ, сколь имъ нужно быть со мною въ сношеніи, отъ котораго столь силно они и ихъ капи-кегаи³⁾ до нынѣ уклонялись».

Въ гатти-шерифѣ,⁴⁾ о которомъ идетъ рѣчь, изданномъ вслѣдствіе усиленныхъ настояній русскаго посланника, перечисляются разныя улучшенія, вводимыя въ управленія княжествами, и опредѣляется точно размѣръ податей и ежегодно платимой дани. Но особенное для насъ значеніе этого акта заключалось въ обѣщаніи, которое давалъ султанъ, «согласно обязательствамъ, принятымъ Портою по отношенію къ имперіи Россійской», не смѣщать господарей, иначе какъ если будетъ очевидно или доказано, что они совершили какое-либо преступленіе. Исполнить это обѣщаніе султану оказалось, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, не по силамъ; съ одной стороны, интриги фанариотовъ, добивавшихся княженія въ Молдавіи или Валахіи исключительно ради наживы, а съ другой—раздраженіе, испытываемое султаномъ и его совѣтниками, тяготившимися опекою и контролемъ русскаго посланника, были причиною тому, что помянутый гатти-шерифъ остался почти мертвою буквою и что господа смѣнялись Портою по прежнему, какъ-бы умышленно на перекоръ желанію Булгакова.

Господари-фанариоты, мало проникались передаваемыми имъ Северинимъ совѣтами русскаго посланника заняться устроеніемъ княжествъ

¹⁾ Булгаковъ—Северину 15 января 1784 г.

²⁾ Александру Константиновичу Маврокордато, по прозвищу Дели-бей (сумасшедшій), смѣщенному Портою въ 1785 году.

³⁾ Повѣренные господарей при Портѣ.

⁴⁾ Отъ 15-го февраля 1784 года.

и дорожить покровительствомъ русской державы. «Господарь ¹⁾,—пишетъ Северинъ Булгакову изъ Яссы ²⁾,—болѣе прежняго опасается имѣть со мною тѣсное сношеніе, говоря, что всѣ дальные разговоры по политическимъ цѣлямъ не можеть уважать, ибо судя по повелѣніямъ Порты явно видно, что выгоды доставленные княжеству, ни къ чему не послужатъ. Беневени ³⁾ увѣрялъ меня, что никогда Порта не здержитъ даннаго обѣщанія, и князь болѣе прежняго находится въ опасности лишиться мѣста чрезъ умноженія его непріятелей».

Такъ относился къ русскому консулу господарь, за котораго хлопоталъ Булгаковъ, когда Порта хотѣла его смѣнить. Можно себѣ представить, каково было поведеніе господарей, когда до нихъ доходили свѣдѣнія о томъ, что русскій представитель при Портѣ домогается ихъ смѣны. Нрава неукротимаго, алчности безпредѣльной, молдавскій господарь Маврокордато тяготился контролемъ консула и всячески старался умалить значеніе послѣдняго въ глазахъ населенія, въ увѣренности, что такой образъ дѣйствій вполнѣ соотвѣтствуетъ видамъ Порты ⁴⁾. Онъ не ошибался въ расчетѣ, такъ какъ дружескія представленія Булгакова о необходимости укротить сумасброднаго князя въ теченіе долгаго времени оставались безъ результата. Въ началѣ посланникъ надѣялся на то, что господарь образумится. Отвѣчая Северину на донесеніе, въ которомъ послѣдній жалуется на непристойную брань, съ которою господарь на него обрушился во время переговоровъ о формальностяхъ признанія маіора Селунскаго вице-консуломъ въ Молдавіи, Булгаковъ пишетъ (1-го января 1785 г.): «Сумасшествіе молдавскаго господаря всѣмъ извѣстно; но отъ сумасбродныхъ и требовать нельзя, чтобы они тѣмъ-же порядкомъ дѣлали дѣла, какъ люди въ полномъ разумѣ, а довольно и того, ежели дѣлають оныя, не выходя изъ границъ благопристойности и, хотя на переломѣ, но исполняютъ требуемое. Можеть быть совѣтники разгорячили господаря; можеть быть имѣеть онъ какое либо личное негодованіе на г. Селунскаго; но все сіе не препятствуетъ отдать ему ферманъ и ввести вице-консула въ отправленіе

¹⁾ Александръ Маврокордато, Дели-бей.

²⁾ 1-го апрѣля 1784 года.

³⁾ Секретарь господаря.

⁴⁾ Северинъ пишетъ Булгакову 1-го апрѣля 1784 г.: „Вчера съ днемъ праздника Святой Пасхи, сдѣлавъ по утру визитъ молдавскому господарю и возвращаясь домой я, къ немалому моему удивленію, нашелъ оной окруженъ людьми, которые, падая на колѣни, просили моего домогательства у господаря, дабы имъ позволено было имѣть качелей, почему... послалъ я къ нему просить о удовольствованіи народа, но онъ разгорячась.. приказалъ тотчасъ-же разломать оныя.. Мнѣ же велѣлъ отвѣчать, что если-бы прибѣгли къ нему, то могъ-бы позволить, но когда учинили то россійскому консулу, то снизойти не можеть..“

его должности. Уповаю, что онъ исполнитъ все предписанное въ ферманѣ Порты; а ежели-бъ пришло какое сопротивленіе... то прошу дать мнѣ знать, дабы я отсюда поведеніе его могъ поправить».

Очевидно Маврокордато «произвелъ сопротивленіе», такъ какъ мѣсяць спустя (1-го февраля 1785 г.) Булгаковъ увѣдомляетъ Северина, что «стараніе мое о наказаніи молдавскаго господаря сверженіемъ его конечно удостоится апробации, ибо получилъ я уже повелѣніе тому не препятствовать: а сія смѣна, я думаю, и боярамъ откроетъ глаза, что слово намъ только сказать (чтобы) въ ничто обратить князя, ежели онъ дурно себя поведетъ и что не могутъ они себѣ инаго благодѣянія ожидать, какъ отъ насъ, а потому и должны стараться быть защищенія нашего достойными».

Наставлять на смѣщеніи господарей недостойныхъ, грабящихъ край. вѣранный ихъ управленію, и всячески уклоняющихся отъ представленій русскаго консула, поддерживать тѣхъ изъ нихъ, которые мало-малыски порядочны и дорожатъ покровительствомъ русскаго двора—такова была главнѣйшая забота Булгакова въ теченіе всего времени, предшествовавшего второй турецкой войнѣ.

Едва освободился онъ отъ Маврокордато Дели-бея, замѣщеннаго Александромъ Иономъ Маврокордато, человѣкомъ права тихаго и несомнѣнно преданнаго Россіи, какъ ему пришлось отстаивать какъ послѣдняго, такъ и валахскаго господаря Михаила Суцо (по прозвищу Драко). Султанъ непремѣнно желалъ смѣстить одного изъ нихъ, котораго—ему было безразлично, чтобы предоставить одно изъ княжествъ покровительствуемому капитанъ-пашею ¹⁾ фанариоту Николаю Мавроени ²⁾, драгоману адмиралтейства.

Мавроени вздумалъ быть господаремъ, писалъ Булгаковъ Северину 1-го іюля 1785 г. Капитанъ-паша ему то обѣщалъ и выпросилъ у султана соизволеніе. Сперва хотѣли смѣнить молдавскаго, но Порта возпротивилась. Потомъ напали на волохскаго, но я возпрепятствовалъ. Нѣтъ адскихъ каверзъ, коихъ Мавроени не употребилъ. По сю пору я верхъ одержалъ и думаю, что данное мнѣ увѣреніе министерства устоитъ. Пожалуйте расскажите сіе господарю ³⁾. Для вашего свѣдѣнія прилагаю при семъ всю исторію, которую можете вы прочесть и князю секретно. дабы онъ видѣлъ, сколь много мы его протезируемъ и сколь много обязанъ онъ Россіи. Сіе заставитъ его быть намъ навсегда преданнымъ... Можете вы таковое внушеніе и молдавскому здѣлать, не сообщая однако бумаги. Теперь они могутъ на долго быть спокойны, ибо

¹⁾ Начальникъ турецкаго флота (въ ту пору извѣстный по чеменаскому дѣлу Гассанъ-паша).

²⁾ Мѣсяе года спустя все-таки добившемуся господарства въ Валахіи.

³⁾ М. Суцо. Северинъ жилъ въ то время въ Бухарестѣ.

изо всего видно, что Порта не смѣла и, слѣдовательно, не посмѣетъ ихъ безъ меня смѣнить».

Бумага, которую Булгаковъ сообщаетъ Северину для его свѣдѣнія, написана по-французски и озаглавлена «Narration de ce qui s'est passé à l'occasion des intrigues de Maurojeni, drogman de l'amirauté, pour devenir Prince de Moldavie ou de Valachie ¹⁾». Она заключаетъ въ себѣ рапорты драгомана русской миссіи Пизани посланнику Булгакову и замѣтки послѣдняго о томъ, что имъ лично было сдѣлано по этому дѣлу.

Приводимъ этотъ интересный документъ (въ переводѣ) почти цѣликомъ, такъ какъ изъ него можно познакомиться основательно не только съ обстановкою избранія господарей, вступленія ихъ въ должность и ихъ взглядовъ на княженіе, но и съ условіями, при которыхъ русскому посланнику приходилось въ ту пору вести переговоры по вопросамъ, интересовавшимъ не одного султана и его министровъ, но и иностранныхъ пословъ.

Рапортъ старшаго драгомана Пизани отъ 25-го мая.

Услыхавъ, что сегодня или завтра Мавроени будетъ сдѣланъ княземъ Малдавіи или Валахіи, но не успѣвъ предупредить о томъ ваше превосходительство и испросить приказаній и не сомнѣваясь въ томъ, что вы найдете умѣстнымъ запросить о томъ Порту, я сказалъ сегодня утромъ реисъ-ефенди нижеслѣдующее: уже нѣсколько дней носится слухъ, что Порта собирается смѣстить одного изъ князей, чтобы замѣнить его Мавроениемъ; но такъ какъ этотъ слухъ казался нелѣпнымъ, то мы не сдѣлали никакого шага. Нынѣ-же слухъ этотъ публично подтверждается не только всѣми посвященными въ дѣла, но и пріятелями Мавроени. Хотя я не успѣлъ еще заручиться приказаніями моего посланника, но зная что онъ лишь поддержитъ меня въ моемъ шагѣ, я рѣшился заговорить объ этомъ прежде всего съ министромъ Порты и предупредить, что на такую перемѣну, ничѣмъ не обусловленную, посмотреть какъ на нарушеніе обязательствъ, существующихъ между двумя имперіями. Я позволяю себѣ напомнить, что княжества Молдавіи и Валахіи были возвращены ея императорскимъ величествомъ всемилостивѣйшему государынею Оттоманской Портѣ, подъ непремѣнными договорными условіями, въ числѣ которыхъ находится обязательство (для Порты) не мѣнять постоянно господарей, чтобы не тревожить населе-

¹⁾ „Повѣствованіе о томъ, что произошло по случаю интригъ Мавроени, драгомана адмиралтейства, добивавшагося быть княземъ Молдавіи или Валахіи“.

ніе, и смѣщать ихъ лишь въ случаѣ дѣйствительнаго совершенія ими преступленія. Порты, до начала войны, когда эти условія еще не существовали, не трогала господарей въ теченіи 5, 6 и 7 лѣтъ, а теперь, какъ нарочно, нарушаетъ принятые обязательства... что можетъ только испортить доброе согласіе. Поэтому считаю своимъ долгомъ предупредить о необходимости воздержаться отъ такого рѣшенія, въ такое время когда ничего нельзя сказать противъ поведенія нынѣшнихъ господарей.

Рейсъ-ефенди отвѣтилъ мнѣ, что онъ ничего о томъ не знаетъ, но слышитъ со всѣхъ сторонъ, что князья притѣсняють населеніе. Я возражилъ, что не удивительно, если онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ и не причастенъ къ нему, что это, по всей вѣроятности, происки капитанъ-паши, дѣйствующаго за-одно съ муфти и не спросившаго Порты. Что касается свѣдѣній о томъ, какъ князья притѣсняють населеніе, то это клевета: понуждаемые требованіями Порты они не иначе могутъ удовлетворить ея вымогательства, какъ обременяя подданныхъ; новые князья, дорого заплативъ за полученіе должности, вслѣдствіе необходимости откармливать (engraisser) нѣкоторыхъ фаворитовъ двора, очевидно должны будутъ разорять жителей княжествъ... Если-же, на оборотъ, нынѣшнихъ князей оставляютъ на нѣсколько лѣтъ, то они уплатятъ громадныя долги, которые они сдѣлали, чтобы получить господарство, и не окажутся вынужденными разорять жителей...

Рейсъ-ефенди выслушалъ меня со вниманіемъ и заявилъ, что еще переговорить со мною объ этомъ.

Замѣтка Булгакова: 26-го (мая) я былъ у великаго визиря съ визитомъ и просилъ драгомана Порты сказать рейсъ-ефенди, что хотя Пизани говорилъ лишь на основаніи моихъ прежнихъ инструкцій, но что я подтверждаю все, что онъ сказалъ, и повторяю: все, что собираются сдѣлать относительно господарей, будетъ сочтено моимъ дворомъ за нарушеніе договоровъ и нельзя приступать къ этому дѣлу безъ моего согласія. Вслѣдъ затѣмъ я отправился къ англійскому послу. Онъ мнѣ много говорилъ о Мавроени увѣряя, что если я соглашусь на его назначеніе, онъ будетъ рабомъ моего двора и будетъ дѣлать все что мы пожелаемъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я договорилъ съ племянникомъ Мавроени или, по крайней мѣрѣ, чтобы я принялъ письмо, которое мнѣ Мавроени пишетъ. Я все отклонилъ, заявивъ, что все это бесполезно, ибо не могу согласиться на нарушеніе договоровъ, опасное для мистра, поддерживать который мнѣ стоитъ большого труда и что мой дворъ не потерпитъ подобнаго образа дѣйствій. Затѣмъ я его оставилъ.

Рапортъ Пизани отъ 26-го мая. Лишь только ваше превосходи-

тельство оставили Перу ¹⁾, чтобы вернуться въ Буюкдере ²⁾, къ моему величайшему удивленію, ко мнѣ явился племянникъ Мавроени, нѣ сопровождае́ніи моего брата ³⁾, заявляя, что онъ имѣетъ перегово- рить со мною по секрету объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ. Пред- увѣдомленный къ счастью вашимъ превосходительствомъ о томъ, что произошло между вами и англійскимъ посломъ, я отвѣтилъ, что мнѣ слушать рѣшительно нечего и удивляюсь, что посоль, слышавшій от- вѣтъ вашего превосходительства, вздумалъ обратиться ко мнѣ. Видя, что я обращаюсь съ нимъ рѣзко, племянникъ Мавроени сказалъ мнѣ, что онъ пришелъ съ согласія и съ одобренія Порты. Я отвѣтилъ ему съ твердостью, что не признаю его должностнымъ лицомъ Порты, ко- торая, если имѣетъ что-либо сообщить моему посланнику, должна дѣй- ствовать обычнымъ путемъ, или позвать меня къ рейсъ-ефенди или отправить къ нему своего драгомана. Отославъ племянника Мавроени я укорилъ моего брата въ томъ, что онъ взялъ на себѣ подобное пору- ченіе. Я узналъ отъ него, что послѣ отказа вашего превосходительства принять письмо отъ Мавроени, помянутый племянникъ послѣдняго, быть можетъ по совѣту англійскаго посла, хотѣлъ послать вамъ письмо въ Буюкдере, съ тѣмъ, чтобы вы его получили неожиданно; письмо это заключаетъ въ себѣ извѣщеніе о томъ, что онъ назначенъ господа- ремъ, что ему остается получить лишь инвеституру и что, въ доказа- тельство его вниманія ко мнѣ, онъ считаетъ необходимымъ о томъ пред- упредить.

Замѣтка Булгакова. Дѣйствительно, ночью того-же 26-го мая, мнѣ докладываютъ о приходѣ одного грека съ письмомъ изъ англійскаго посольства; послѣ нѣкоторыхъ колебаній грекъ сознался мнѣ, что письмо отъ Мавроени и что оно отправлено изъ англійскаго посольства. Я его прогналъ, заявивъ, что зная содержаніе письма не могу его получить. Я извѣстилъ объ этомъ прежде всего Пизани, ко- торый былъ въ городѣ.

Рапортъ Пизани отъ 27-го мая. Послѣ того какъ я отправилъ вчерашній мой рапортъ, ко мнѣ пришелъ писарь Мавроени, Кондили (грекъ съ острововъ; былъ сержантомъ въ нашемъ флотѣ, мона- хомъ, нѣсколько разъ мѣнялъ вѣру, многоженецъ и извѣстный, какъ величайшій негодяй изъ всѣхъ здѣшнихъ грековъ) и заявилъ, что имѣетъ сообщить мнѣ тайну. Я попросилъ его меня отъ этого из- бавить, такъ какъ знаю въ чемъ дѣло; онъ-же увѣрялъ меня, что это не то, что я думаю; назойливо приставалъ съ тѣмъ, чтобы я его вы- слушалъ и, несмотря на всѣ старанія мои отъ него отдѣлаться, про-

¹⁾ Европейскій кварталъ Константинополя.

²⁾ Лѣтняя резиденція русскаго посла на Босфорѣ.

³⁾ Драгомана-секретаря англійскаго посольства.

должалъ говорить о желаніи Мавроени вступить со мною въ сношенія. Я ему отвѣтилъ, что это никакъ не возможно, и онъ не переставалъ повторять, что я долженъ согласиться на свиданіе съ Мавроени, ибо отъ этого зависла жизнь какъ самого Мавроени, такъ и его семейства. Отвѣтомъ моимъ было то, что или онъ (Кондили) или тотъ, кто его послалъ, растерялъ мозги и что я прошу, чтобы онъ меня оставилъ въ покоѣ. Несмотря на все это, онъ продолжалъ говорить и заявилъ, что султанъ письменно далъ приказаніе сдѣлать Мавроени господаремъ, но что нельзя было облачить его въ кафтанъ ¹⁾ безъ нашего согласія, что отъ исхода этого дѣла зависѣла его (Мавроени) честь и т. п. Я ему заявилъ, что онъ безумствуетъ, говоря такимъ образомъ, чтобы онъ убирался, а онъ все продолжалъ, утверждая, что все зависитъ отъ меня и что я могу раздобыть согласіе на возведеніе его въ господари; если-же я не желаю видѣть Мавроени, то самъ капитанъ-паша придетъ ко мнѣ инкогнито, ибо дѣло это близко его касается. (Затѣмъ Пизани рассказываетъ, что Кондили, котораго онъ едва выжилъ, снова вернулся черезъ нѣкоторое время и приходилъ даже ночью). Доношу о всѣхъ этихъ дрязгахъ, чтобы показать, до какой степени Мавроени потерялъ голову; онъ человѣкъ опасный, и очевидно, мы одни служимъ препятствіемъ въ его дѣлѣ.

Замѣтка Булгакова. Потерпѣвъ неудачу у драгомана Пизани, помянутый Кондили явился ко мнѣ просить моихъ приказаній Пизани вступить въ сношеніе съ Мавроени. Я ему отвѣтилъ, что если по дѣлу княжествъ, то это бесполезно и не можетъ имѣть мѣста, если только Порты не желаетъ навлечь на себя войны изъ любви къ Мавроени. Онъ долго ко мнѣ приставалъ заявляя, что никакого нарушенія трактатовъ нѣтъ, что имѣются жалобы на валахскаго князя, что султаномъ уже издано три гатти-шерифа и т. п. Онъ (Кондили) ничего не добился и долженъ былъ уйти.

Рапортъ драгомана Пизани отъ 27-го мая. Драгоманъ Порты исполнилъ порученіе, вчера ему вами данное. (Пизани рассказываетъ далѣе, какъ онъ отправился въ Порту, гдѣ имѣлъ продолжительную бесѣду съ рейсъ-ефенди, въ присутствіи кегай-бея. ²⁾ Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе на нихъ произвелъ мой рассказъ и до какой степени они разбѣсплсь на Мавроени, когда я имъ сказалъ, что онъ утверждаетъ черезъ своего плямянника, будто дѣйствуетъ съ согласія Порты. Окончивъ мое повѣствованіе я сказалъ этимъ министрамъ, что вы желаете знать, дѣйствительно-ли съ согласія Порты Мавроени рѣшился на такой поступокъ, что для васъ все равно

¹⁾ Кафтанъ надѣвался во время церемоніи инвеституры.

²⁾ Сановникъ Порты, завѣщавшій дѣлами княжествъ и прочихъ васальныхъ областей.

кто князь въ Валахіи, онъ или другой, но что смѣна господаря—дѣло государственное, которое, вмѣстѣ съ разными другими дѣлами, какъ синопское, канейское и др. можетъ быть сочтено нашимъ дворомъ за нарушение Портою трактатовъ, что онъ не потеритъ. Названные министры торжественно протестовали, увѣрили, что они ничего не знаютъ объ обращеніи Мавроени къ вашему превосходительству, что никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Порта не прибѣгнетъ къ подобнымъ путямъ, если имѣетъ что-либо вамъ сообщить, а чтобы убѣдить васъ въ истинѣ всего этого дѣла, они даютъ мнѣ нижеслѣдующія разъясненія: Мавроени вбѣли себѣ въ голову сдѣлаться господаремъ Валахіи, и капитанъ-паша, взявшись за это дѣло, испросилъ этой милости у верховнаго визиря, который, посовѣтовавшись съ министерствомъ, отвѣтилъ капитану-пашѣ, что княжества Молдавіи и Валахіи,—какъ онъ самъ долженъ знать,—находятся подъ дѣйствіемъ соглашеній между двумя имперіями, вслѣдствіе чего нельзя мѣнять господарей безъ законной причины и что поэтому онъ не можетъ согласиться на его просьбу. Они предполагаютъ, что Мавроени, въ виду отказа Порты и потерявъ надежду получить господарство по милости министерства, которое вовсе не расположено давать хотя-бы малѣйшій поводъ неудовольствія императорскому двору, ради поддержки какой нибудь собаки Мавроени, вздумалъ прибѣгнуть къ вашему превосходительству для получения княжества при вашемъ посредствѣ.

Затѣмъ, помянутые министры поручили мнѣ увѣрить васъ, что Мавроени не будетъ сдѣланъ господаремъ, что Порта не имѣетъ намѣренія смѣнить нынѣшняго князя и что вы можете быть болѣе чѣмъ убѣждены въ нежеланіи Порты сдѣлать что-либо противное трактатамъ и вступать въ препирательство, чтобы угодить какому-то Мавроени.

Таковъ благополучный исходъ этого неприятнаго дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что капитанъ-паша добился обѣщанія султана, но послѣдній, получивъ рапортъ министерства, составленный послѣ нашихъ настояній, отъ такого обѣщанія отступился, а министерство, враждебно настроенное противъ Мавроени и даже, быть можетъ, противъ его покровителя, счумѣло воспользоваться у монарха вашими представленіями для того, чтобы разстроить затѣянное дѣло, которое, къ тому-же, противно существующему порядку, ибо не было примѣровъ, чтобы драгоманъ флота попадалъ въ господари».

Настоянія русскаго посольства удержали султана отъ смѣны одного изъ господарей безъ всякой законной причины, лишь въ угоду покровительствуемаго капитаномъ-пашою фанаріота Мавроени. Хорошо зная людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, Булгаковъ не скрывалъ опасеній относительно ближайшаго будущаго. «Бююсъ—писалъ онъ въ концѣ приведеннаго документа, сообщеннаго Северину,—что Мав-

*

роени приметя за козни и будетъ добиваться присылки изъ Валахіи имъ же сочиненныхъ жалобъ на князя ¹⁾) и что дѣло снова возникнетъ. Мавроени противъ насъ взбѣшенъ и будетъ дѣлать придирки нашему мореплаванію. Я велѣлъ пересказать мои опасенія рейсу-ефенди, потому что въ сущности не боюсь ни одного изъ этихъ послѣдствій; но если только министерство (Порты) настолько сильно, чтобы, воспользовавшись даннымъ случаемъ, сломать шею этому проклятому человѣку, то оно поступило бы очень хорошо и избавило бы себя отъ большихъ непріятностей въ будущемъ. Человѣкъ, который злоупотребляетъ именемъ своего государя, чтобы обмануть посланника другого монарха ради личной выгоды (что ему впрочемъ не удалось), заслуживаетъ висѣлицы въ любой странѣ ²⁾).

¹⁾ Обычный приемъ, предшествовавшій смѣнѣ государя, когда не имѣлось какой-либо важной и законной причины къ его удаленію.

²⁾ Въ издаваемомъ румынскою академіею сборникѣ документовъ, относящихся до исторіи Румыніи (Suplement I volum. II, стр. 37) мы нашли слѣдующую депешу французскаго посла при Портѣ Шуазеля министру Верженю.

27-го января 1786 года.

(Переводъ). „Когда прошлымъ лѣтомъ султанъ пріѣхалъ провести день на дачѣ капитана-паши, послѣдній бросился въ ноги его величеству и попросилъ для своего драгомана валахское княжество. Султанъ, по своему обыкновенію, тотчасъ же на это согласился и далъ свое императорское слово на другой же день смѣнить валахскаго государя, на котораго не имѣлось никакихъ жалобъ, и назначить на его мѣсто Мавроени; но когда онъ приказалъ заготовить гатти-шерифъ, его министры представили ему объ опасности такой перемѣны, которой они не совѣтовали, и онъ вполне съ ними согласился. Всѣ знатныя греческія семьи, несмотря на ненависть, которая ихъ всегда раздѣляетъ, соединили усилія съ цѣлю помѣшать крестьянину изъ Архипелага отнять у у нихъ должность, на которую они всегда смотрѣли, какъ на свое достоинствѣ, и сдѣлали складчину для убѣжденія дивана въ неспособности Мавроени. Тѣмъ не менѣе послѣдній, не отчаиваясь еще въ своемъ возвышеніи, пожелалъ заручиться отказомъ Россіи тому воспрепятствовать и пришелъ ко мнѣ за совѣтами, отъ подачи которыхъ я тщательно воздержался; но англійскій посоль, менѣе осторожный или болѣе угодливый, предложилъ ему, вмѣстѣ съ положительнѣйшими увѣреніями въ успѣхѣ, свои услуги, которыхъ никто отъ него не требовалъ, и весьма шумно и пеловко обратился съ предложеніемъ къ г. Булгакову, которая этотъ министръ досадливо отвергъ. Когда эта неловкая попытка стала извѣстна, онъ счелъ даже нужнымъ еще сильнѣе выразить свое негодованіе. Въ ночь, врученной Портѣ, онъ объявилъ, что его повелительница никогда не потерпитъ возведенія Мавроени и что, довольная поведеніемъ нынѣшняго государя, она требуетъ сохраненія его въ его званіи.

„Дѣло оказалось безусловно потеряннымъ, но оно возобновится. Мавроени, соединяющій съ умомъ непоколебимую смѣлость, сумѣлъ увѣрить своего господина, что честь послѣдняго требуетъ добиться милости, публично у него отнятой, а Гассанъ-паша (капитанъ-паша) мнѣ самому сказалъ, что рано или поздно онъ сумѣетъ отмстить за это оскорбленіе.

Господари, Михаилъ Суцо въ Валахіи и Маврокордато въ Молдавіи, усидѣли благодаря настояніямъ русскаго посольства на своихъ мѣстахъ. Но Мавроени былъ не такой человѣкъ, чтобы отказаться отъ своего замысла; поддерживаемый могущественнымъ въ ту пору капитаномъ-пашою, а слѣдовательно и самимъ султаномъ, онъ продолжалъ свои козни. Но кромѣ Мавроени были и другіе искатели господарскаго престола, и въ теченіе десяти мѣсяцевъ Булгакову приходится единоборствовать и съ Портою и съ покровителями этихъ искателей, хотя онъ самъ уже сомнѣвался въ успѣхѣ. Отвѣчая Северину на донесеніе, въ которомъ послѣдній передаетъ просьбу господарей освободить ихъ отъ предъявленнаго имъ Портою требованія построить по фрегату, онъ пишетъ ему (1-го ноября 1785 года): «..... радъ бы я былъ помочь господарямъ въ отвращеніи построенія фрегатомъ, но никакого слѣда къ тому не вижу и стараніемъ моимъ нанесъ бы имъ только бѣду. Я, гдѣ только можно, имъ помогаю, а ежели бы преданность ихъ ¹⁾ соответствовала во всемъ нашему объ нихъ усердію, то бы они и княжества не были такъ разорены... На письмо его (господаря) не отвѣчаю, потому что сказать нечего, кромѣ увѣреній, о коихъ онъ сумѣваться не можетъ. Сему въ доказательство скажу, что едва его не смѣнили. Отврати сію тучу, напали на воложскаго господаря. Мурузи нашель у визиря и въ сералѣ каналь, и Драко ²⁾ конечно бы уже былъ смѣненъ, ежели бъ я о томъ не узналъ въ самой день назначенной къ перемѣнѣ, и не здѣлалъ представленія, которое сколь ни сильно министерство опровергало, но наконецъ не осмѣлилось поступить теперь на смѣну. Не знаю, что будетъ впередъ, но кажется стараются, чтобъ на господаря присланы были сюда жалобы. Прошу ему все сіе пересказать и увѣрить, что я не пощажу моихъ стараній; но самъ не увѣренъ, не смѣнять ли они его изъ подтиха прежде, нежели я узнаю, не уважая ничего будущаго, ибо здѣсь никто о благѣ государства не

„Я не сомнѣваюсь, милостивый государь, что русскій дворъ воспримется этой перемѣнѣ въ виду широкаго толкованія, которое онъ даетъ статьямъ договоровъ, могущимъ быть полезнымъ его видамъ. Впрочемъ, нынѣшній валахскій господарь перевелъ въ С.-Петербургъ (?) значительныя суммы; говорятъ, что ему сильно покровительствуетъ г. Булгаковъ, поведеніе котораго несомнѣнно весьма одобряется императрицею, такъ какъ она осмыкаетъ его милостями“.

¹⁾ Северинъ доносилъ Булгакову (4-го октября 1785 г.), что молдавскій господарь особенно преданъ русскому двору: „обнадеживая о своей ко двору нашему преданности онъ просилъ о томъ къ вашему превосходительству описать и, зная уваженіе, каковое нынѣ имѣетъ Порто ко двору, уповаетъ, что посредствомъ вашего многое можетъ быть уничтожено, яко противное сенеду и выданному хати-шерифу“.

²⁾ Прозвище валахскаго господаря Михаила Суцо.

помышляетъ. О всѣхъ моихъ нынѣшнихъ подвигахъ въ сей попыткѣ, которая сильнѣе и опаснѣе была Мавроениевой, пишу я и ко двору».

Нѣкоторое время спустя, получивъ желаемыя инструкціи изъ Петербурга, Булгаковъ писалъ Северину¹⁾: «Отъ высочайшаго двора имѣю я повелѣніе вновь насланное съ похвалою воложскому господарю о препятствованіи смѣны и его именно и вообще обоихъ господарей, которое, конечно, и употреблю всѣ силы исполнить. Хотя капитанъ-паша и представилъ своего драгомана Мавроениа въ воложскіе господа, на совѣтѣ 26-го февраля, но какъ въ первомъ жару того не здѣлали, то думаю и не здѣлаютъ, а по меньшей мѣрѣ теперь о смѣнѣ и совсѣмъ говорить перестали. Прошу о всемъ ономъ господарю сказать...»

Булгаковъ ошибался, сообщая Северину, что «о смѣнѣ и совсѣмъ говорить перестали», нѣсколько дней по отправленіи выше приведеннаго письма, Михайлъ Суцо былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ Николай Мавроени.

«31-го числа (марта)²⁾ прибыли сюда два кали-оглава³⁾: одинъ къ нему (господарю) отъ его кали-кехая, а другой въ метрополию съ ферманомъ, который вскорѣ потомъ читалъ въ полномъ собраніи дивана. Порта въ немъ вызывается, что будучи она довольна верною его службою и безкорыстнымъ управленіемъ ввѣренной ему земли, но снизойдя на собственное его прошеніе и уважая болѣзненное его состояніе и труды понесенные по ея службѣ, жалуетъ ему покой и повелѣваетъ боярамъ содержать и выводить его съ полною честью».

Происки Мавроени, какъ мы видимъ, увѣнчались успѣхомъ, а Порта, во избѣжаніе отвѣтственности передъ русскимъ правительствомъ за нарушеніе трактата, заручилась прошеніемъ бывшаго господаря объ увольненіи его по болѣзни отъ службы. Очевидно, что Суцо написалъ и представилъ такое прошеніе подъ сильнѣйшимъ давленіемъ, исходившимъ отъ самого султана, и устрешенный угрозами покровителей Мавроени. При свиданіи съ Северинымъ смѣненный господарь, разсыпаясь въ увѣреніяхъ благодарности за дружеское съ нимъ обращеніе, поручилъ удостовѣрить посланника, что онъ никогда не забудетъ его «одолженій» и просить его «ежели еще есть время не столь сильно сопротивляться его смѣнѣ, ибо можетъ нанести ему вредъ и подвергнуть подозрѣнію»⁴⁾.

¹⁾ 15-го марта 1786 года.

²⁾ Сообщаетъ Северинъ Булгакову изъ Букареста донесеніемъ отъ 6-го апрѣля.

³⁾ Мелкіе чиновники Порты, посылавшіеся съ фирманами и вообще исполнявшіе незначительныя порученія.

⁴⁾ Северинъ—Булгакову 6-го апрѣля 1786 г.

Обращеніе смѣненнаго господаря къ русскому посланнику съ просьбою не хлопотать о немъ весьма характерно: оно свидѣтельствуесть о томъ, что христіанскимъ подданнымъ султана нужно было имѣть не мало гражданскаго мужества, чтобы дорожить покровительствомъ Россіи, несмотря на выговоренное ею торжественными договорами право на такое покровительство. Кромѣ того, оно указываетъ на смятеніе, овладѣвшее населеніемъ княжества, когда оно увидѣло, что защита, оказанная господарю Булгаковымъ, осталась безуспѣшною.

«Умолчать не смѣю, пишетъ Северинъ Булгакову ¹⁾, что въ городѣ (Букарестѣ) весьма много и громко о насъ говорятъ и удивляются, какимъ образомъ Порты смѣла поступить противъ трактатовъ, а не зная чѣмъ извиниться сказала въ ферманѣ, что господарь самъ требовалъ свой отзывъ по причинѣ болѣзни, когда совершенно выздоравлилъ. Почти во всѣ сїи дни приступали ко мнѣ съ вопросами, примѣчая, что съ тѣхъ поръ какъ дворъ нашъ началъ стараться о блаженствѣ ихъ земли, она я хуже стала, а со времени мира нѣтъ примѣра, чтобы одинъ князь въ другой разъ прїѣзжалъ. Словомъ сказать, многіе жмутъ плѣча и только на то смотрятъ, долго ли (новый господарь) пробудетъ на мѣстѣ и каково дворъ нашъ сіе произшествіе приметъ».

Булгакова это «произшествіе» задѣло за живое; положеніе его, какъ покровителя господарей, было поколеблено, и неудача въ защитѣ Михаила Суцо могла имѣть въ будущемъ неисчислимыя послѣдствія. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ долгомъ отнестись къ случившемуся съ крайнею сдержанностью. Сообщая Северину о томъ, что «Порты учинила то скоропостижнымъ и тайнымъ образомъ», не снесаясь съ нимъ и объявивъ лишь ему, что «поступила по волѣ самого Драка, приславшаго прошеніе объ отставкѣ», онъ прибавляетъ ²⁾: «для единственнаго вашего свидѣнія скажу вамъ, что я протестовалъ у Порты писменно, къ новому господарю не пошлю ³⁾ и съ нимъ не увижусь; но вамъ для пользы дѣла надлежитъ обойтись по обыкновенію и какъ бы вы ничего не знали, пока не воспослѣдуетъ какихъ повелѣній отъ высочайшаго двора, которому обстоятельно обо всемъ доношу. Едва ли не думаютъ здѣсь и о другомъ князѣ ⁴⁾, ибо дѣло митрополита ⁵⁾ разглашаютъ съ большимъ шумомъ, и патріархъ принесъ на него жалобу, но протестъ мой думаю поудержать».

¹⁾ 20-го апрѣля 1786 года.

²⁾ Письмо отъ 1-го апрѣля 1786 г.

³⁾ Русскій посланникъ обыкновенно посылалъ своего драгомана съ привѣтствіемъ ко вновь назначавшемуся господарю и ко всякому вышему сановнику имперіи вообще, какъ великому визирю, патріарху и др.

⁴⁾ О Маврокордато, господарѣ молдавскомъ.

⁵⁾ Имѣвшаго столкновеніе съ господаремъ.

Въ ожиданіи инструкцій изъ Петербурга и воздерживаясь отъ предъ-явленія Портѣ какихъ-либо рѣзкихъ требованій относительно новаго господара, незамедлившаго проявить крайнюю необузданность и алчность въ управленіи княжествомъ, Булгаковъ тѣмъ не менѣе хлопочетъ подъ рукою о его смѣнѣ, при содѣйствіи Северина. Послѣднему онъ поручаетъ побуждать бояръ, при соблюденіи величайшей осторожности, къ подачѣ жалобъ на Мавроени и Портѣ и русскому двору. Дѣятельность въ этомъ направленіи русскаго консула, несмотря на всѣ принимаемыя имъ мѣры предосторожности, не могла, конечно, укрыться отъ господара, который съ своей стороны всячески противоудѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ Северину, жалуюсь Портѣ на его вмѣшательства во внутреннія дѣла княжества. Между господаремъ, его правителями и Портою, съ одной стороны, и Булгаковымъ и Северинымъ, съ другой, завязалась упорная борьба, продолжавшаяся, безуспѣшно для послѣднихъ, до самой войны. Мавроени вначалѣ надѣялся склонить въ свою пользу Северина, угрожая ему въ дѣлахъ русскихъ торговцевъ; видя, что это не помогаетъ и зная, что Северинъ продолжаетъ возмущать противъ него бояръ, онъ попытался послѣдняго подкупить, предложивъ ему черезъ вестіара ¹⁾ Бранновала 40 мѣшковъ денегъ ²⁾. Попытка эта осталась безуспѣшною, равно какъ и подстрекательства подать на Северина коллективную со стороны бояръ жалобу. Съ этого момента Мавроени уже не стѣсняется открыто противоудѣйствовать консулу, отказывая даже въ удовлетвореніи его законныхъ требованій въ дѣлахъ торговыхъ и защиты русско-подданныхъ и обвиняя его въ томъ, что подъ предлогомъ возвращенія бѣглыхъ, по его приказанію изъ Молдавіи выселяютъ въ Россію ³⁾ «подъ палками» цѣлыя семьи турецко-подданныхъ христіанъ. Въ ожиданіи инструкцій изъ Петербурга, Булгаковъ все еще съ нѣкоторою сдержанностью представлялъ Портѣ о необходимости упорядочить поведеніе господара. Порта отдѣлывалась разными объясненіями, увѣряя, между прочимъ, что неоднократно сама обращала вниманіе Мавроени на необходимость воздерживаться отъ слишкомъ крутыхъ пріемовъ управленія. Когда, наконецъ, Булгаковъ получилъ именное высочайшее повелѣніе сдѣлать представленіе «о жестокомъ поведеніи Мавроенія и о умыслѣ его на жизнь разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ ⁴⁾», онъ выступилъ рѣшительнѣе, но на предъ-

¹⁾ Министра финансовъ княжества.

²⁾ Мѣшокъ равнялся 500 піастрамъ, піастръ = 55 коп. ассигнаціями. О попыткѣ подкупить Северина см. донесеніе его Булгакову отъ 23-го ноября 1786 года.

³⁾ Распоженіями вице-консула въ Яссахъ маіора Селунскаго.

⁴⁾ Съ боярами Мавроени обращался крайне самоуправно и сурово и замыслилъ покончить съ нѣкоторыми изъ нихъ, подозрѣваемыми имъ въ отира-

явленное требованіе положить предѣль сумасбродному поведенію неукротимаго господаря получилъ снова уклончивый отвѣтъ ¹⁾, который, очевидно, удовлетворить его не могъ. «Дѣла здѣсь запутываются, пишеть онъ Северину 1-го февраля 1787 года, и ненадежно, чтобы Мавроенія смѣнили. Чинятъ здѣсь великія приготовленія къ войнѣ или лучше къ отпору противъ насъ».

Порта дѣйствительно все менѣе и менѣе стѣснялась представленіями русскаго посланника по дѣламъ княжествъ вообще; незадолго передъ тѣмъ она безъ всякой причины смѣнила молдавскаго господаря Маврокордато, которымъ и населеніе и русскій дворъ были довольны ²⁾.

Тѣмъ не менѣе Булгаковъ продолжалъ еще нѣкоторое время бороться съ турецкимъ министерствомъ изъ-за Мавроенія ³⁾; но уже это какъ бы послѣдняя вспышка. Начиная съ марта 1787 года, въ своей корреспонденціи съ Северинымъ онъ о господарѣ почти не упоминаеть, а въ іюлѣ (22-го), вскорѣ по возвращеніи изъ Херсона, куда онъ ѣздилъ представиться императрицѣ (Северину также было дозволено туда съѣздить) онъ ему пишеть: «дѣла здѣсь доходятъ до крайности. Визирь требовалъ позволенія идти въ походъ, но султанъ отказалъ. Туча, однако, не прошла... сами въ Букарестѣ и Яссахъ ведите себя осторожно, дабы не подать какой-нибудь даже и неосновательной причины къ жалобѣ: ибо сіе теперь полагають здѣсь въ числѣ причинъ къ войнѣ; о чемъ у меня былъ великій шумъ, но теперь писать нѣкогда».

Причины жалобъ тѣмъ не менѣе оказались не на Северина, правда, а на его замѣстителя въ Яссахъ, вице-консула маіора Селунскаго. Северинъ уже ранѣе того неоднократно увѣщевалъ послѣдняго измѣнить образъ дѣйствій и не подавать повода къ жалобамъ со стороны мѣстныхъ властей. Видя, что Селунскій не унимается, онъ обратился къ Булгакову съ просьбою сдѣлать непосредственное внушеніе безплатно маіору, возстановившему противъ себя и власти и населеніе.

вленіи на него жалобъ и въ Петербургъ и въ Константинополь; объ этомъ Северинъ донесъ Булгакову, который не замедлилъ въ свое время заявить Портѣ о намѣреніяхъ господаря.

¹⁾ «Рейс-ефенди мнѣ отвѣчалъ... что Порта отправила къ нему (господарю) повелѣнія весьма суровыя и съ угрозами о исправленіи его поведенія... что онъ во всемъ переѣмнился и гордость его противъ бояръ превратилась въ униженіе даже до того, что подлости передъ ними дѣлаеть и что, наконецъ, я могу быть увѣренъ, что Мавроенія не осмѣлится и не можетъ никого изъ нихъ лишить жизни». Булгаковъ Северину 15-го октября 1786 года.

²⁾ Вскорѣ послѣ своей смѣны, Маврокордато, боясь потерять голову за преданность къ державѣ-покровительницѣ, бѣжалъ въ Россію при содѣйствіи нашего вице-консула въ Яссахъ.

³⁾ Булгаковъ Северину 15-го февраля 1787 г.

Приводимое ниже предписаніе къ Селунскому посланникъ препровождаетъ къ Северину при краткомъ письмѣ помѣченномъ 1-го августа: «Дѣла здѣсь нѣсколько поправились. Султанъ на войну не согласился и визири удерживаютъ отъ всѣхъ поступковъ, могущихъ довести до разрыва; но приуготовленія продолжаются по прежнему... Письмо къ Селунскому посылаю вамъ подъ открытою печатью... Мнѣ прискорбно, что сей человекъ, который, сказываютъ, былъ уже за подобныя интриги выгнанъ изъ нашей службы ¹⁾, доводитъ дѣла до такой крайности; но несмотря на сіе покорно васъ прошу прекратить съ нимъ собственную вашу ссору, дабы не сдѣлать соблазна». Приводимъ предписаніе Булгакова Селунскому цѣликомъ; изъ него мы прежде всего видимъ, что роли существенно перемѣнились: Порта, еще недавно подчинявшаяся необходимости выслушивать замѣчанія русскаго посланника по поводу поведения того или другого господаря, выступаетъ офиціально съ жалобами на русскаго консула и требуетъ его отозванія. Предписаніе это, заключающее въ себѣ перечень предосудительныхъ дѣйствій послѣдняго, имѣетъ для насъ значеніе уже потому, что изъ него мы узнаемъ, насколько присутствіе въ княжествахъ русскихъ офиціальныхъ агентовъ вообще, а столь не въ мѣру ретивыхъ, какъ Селунскій въ особенности, раздражало турецкія власти и повліяло на объявленіе войны, къ которой турки въ ту пору далеко не были готовы ²⁾.

«Къ сожалѣнію принужденъ я увѣдомилъ ваше высокоблагородіе, писалъ Булгаковъ, что Порта Оттоманская принесла великіе на васъ жалобы высочайшему двору, и настоитъ неотступно, чтобы вы были тотчасъ смѣнены. Рейсъ-эфенди читалъ мнѣ на конференціи цѣлый реестръ оныхъ жалобъ, изъ коихъ главнѣйшія, сколько упомянуть я могу, замыкаются въ томъ: 1) что вы подговариваете подданныхъ молдавскихъ и отправляете въ Россію подъ именемъ нашихъ бѣглыхъ; 2) что сіи собираемые вами подъ симъ именемъ всякіе бродяги прежде отправленія своего причиняютъ всякіе безпутства, крадутъ, рѣжутъ людей и скрываютъ въ вашъ домъ, и что господарь не можетъ отъ васъ никогда получить на нихъ удовольствія; 3) что вы помогли уйти къ намъ князю Маврокордато и тѣмъ публично хвалились; 4) что вы имѣете загородный домъ, учинившійся вертепомъ разбойничьимъ, гдѣ стекаются вору и злодѣи, и мимо котораго никто пройти не можетъ, не подвергаясь опасности быть ободранъ или убитъ; 5) что недавно учинено изъ него нападеніе на какого-то

¹⁾ Обстоятельство это было неизвѣстно Северину, когда онъ предложилъ назначить Селунскаго вице-консуломъ въ Яссы. (Северинъ Булгакову 7-го августа 1787 г.).

²⁾ См. депешу французскаго посланника при Портѣ Шуазеля въ „Documente privitore la Historia. Românilor“, (Suplement I, Volumme II) подъ №№ LXX, LXXI, LXXII, LXXVI, LXXIX и LXXI (стр. 42 и слѣд.).

нѣмца, который, защищаясь, убилъ одного изъ сихъ злодѣевъ вами покровительствуемаго; 6) что вы дѣлаете контрабанды, даете протекцію, мѣшаетесь въ судебныя дѣла и вступаетесь за всякаго бродягу; 7) что все сіе тѣмъ несноснѣе для Порты, что вы сами прежде были ея поданнымъ; 8) что вы даже и двору нашему не полезны, ибо сговариваетесь съ высылаемыми въ Россію, кои оттуда уходятъ къ вамъ и опять отъ васъ отправляются подъ другимъ именемъ и пр. и пр.

«Я сколько могъ изпровергалъ всѣ сіи пункты и отказалъ васъ смѣнить, говоря, что то отъ воли высочайшаго двора зависить, ежели подлинно докажутъ истину на васъ взводимую, но не могъ я о томъ не донести. Дѣло ваше столь важнымъ почитается, что было въ числѣ тѣхъ, для коихъ войну намъ хотѣли объявить и визирь уже готовъ былъ къ выступленію въ походъ.

«Прискорбно мнѣ очень, что оныя жалобы не отъ однихъ турокъ происходятъ, но слышу я многое подобное отъ иностранныхъ министровъ и отъ проѣзжающихъ черезъ Яссы. Между прочимъ держите вы одного всѣмъ извѣстнаго потурчившагося армянина башъ-ясакиа¹⁾ Якуба, который мѣшается даже въ полицію городскую, осматривая полновѣсенъ ли хлѣбъ на рынкѣ, не обманываютъ ли въ мясѣ, бьютъ продавцовъ, собираетъ съ нихъ деньги, и къ вамъ никого не допускаетъ, когда придутъ жаловаться.

«Неоднократно я васъ предупреждалъ, что вы не для заведенія деревень²⁾ и не для торговъ посланы въ Яссы, что консуламъ никакихъ посессій³⁾, особливо подъ своимъ именемъ, имѣть нельзя и что жалобы о хуторѣ вашемъ были приносимы еще отъ прежнихъ господарей; но вижу, что увѣщанія мои не помогаютъ. Теперь мнѣ дѣлать уже ничего не остается, кромѣ того, что предписать вамъ, по полученіи сего, помянутаго бездѣльника Якуба и другихъ, ежели подобныя ему еще у васъ есть, изъ службы вашей и изъ дома тотчасъ выслать и впредь таковыхъ не принимать и не держать. А по прочимъ жалобамъ прислать ко мнѣ объясненіе, ежели оныя на васъ вклепаны, вы можете съ господаремъ⁴⁾ о всякомъ пунктѣ изъясниться и себя оправдать, а онъ, будучи человѣкъ разсудительный, не откажетъ, надѣюсь, отдать вамъ спра-

¹⁾ Старшій кавасъ. Кавасы (что значить сторожъ, тѣлохранитель) существуютъ по сю пору; служащіе при консульствахъ снабжены визиріальнымъ письмомъ и, въ силу калитуляцій, пользуются экстерриториальностью.

²⁾ Селунскій пріобрѣлъ небольшой хуторъ по близости Яссъ.

³⁾ Арендованіе имѣній; терминъ, употребляемый повнѣ въ Бессарабіи.

⁴⁾ Александръ Ипсизанти, бывшій за нѣсколько лѣтъ до того господаремъ въ Валахіи.

ведливости. Я еще разъ васъ прошу быть осторожнѣе и въ дѣла до васъ не касающіеся не мѣшаться.

«Письма ваши отъ 24-го іюня и 18-го іюля до меня дошли исправно: теперь не время разсматривать ссоры вашей съ г. Северинымъ. Оставьте ее на сторонѣ, не забывайте, что вы у него подъ начальствомъ и не заводите шуму, который и въ другое время никакой чести принести никому не можетъ».

По полученіи подъ открытою печатью приведеннаго предписанія Булгакова маіору Селунскому, Северинъ поспѣшилъ отправить его по назначенію. «Самъ къ сожалѣнію моему сказать долженъ, доносилъ онъ посланнику 7-го августа, что всѣ пункты, описанные въ письмѣ вашемъ къ г. Селунскому, жалобъ Порты не безъ основанія, ибо онъ во всемъ почти переступаетъ предписанія; мнѣ же нѣкоторые изъ нихъ были уже извѣстны, а о другихъ слышалъ, но не могъ всему повѣрить».

На этомъ донесеніи прекращается переписка генеральнаго консульства въ княжествахъ съ посланникомъ въ Константинополь; 13-го августа (1787 г.) въ полномъ собраніи дивана рѣшено было объявить войну ¹⁾, а 15-го—Булгаковъ былъ позванъ къ великому визирю и оттуда отведенъ прямо въ Семибашенный замокъ. По полученіи извѣстій объ объявленіи войны господарь валахскій тотчасъ же посадилъ Северина подъ арестъ; такая же участь постигла и вице-консула Селунскаго. Послѣдній былъ, впрочемъ, безъ промедленія отправленъ молдавскимъ господаремъ въ Россію черезъ ближайшій пограничный пунктъ (Ольвіополь); что касается Северина, то онъ высидѣлъ подъ арестомъ въ домѣ господаря Мавроенія одиннадцать дней, не желая уѣзжать безъ своего старшаго драгомана Нордунга и случайно находившагося въ ту пору въ Букарестѣ русскаго вице-консула въ Килии, нѣкоего Гуржія. Мавросни упорно въ этомъ отказывалъ и, потерявъ, наконецъ, терпѣніе. 22-го августа призвалъ къ себѣ Северина и объявилъ ему, что если онъ добровольно не выѣдетъ, то онъ велитъ выслать его силою. «Я его просилъ, чтобы позволилъ позвать господина агента ²⁾, дабы онъ былъ свидѣтелемъ. Согласясь на сіе, г. агентъ въ самомъ дѣлѣ не замѣшкалъ пріѣхать и, услыша такія угрозы, началъ мнѣ совѣтывать выѣхать и что онъ мнѣ дастъ въ томъ гарантію, обѣщаясь принять въ свой домъ г. Гуржія и драгомана, покуда не воспослѣдуетъ рѣшеніе отъ Порты,

¹⁾ Еще ранѣе того (26-го іюня), почти тотчасъ же по возвращеніи императрицы изъ поѣздки ея въ Крымъ, рейсъ-ефенди вручилъ Булгакову ультиматумъ Порты, которымъ требовалось, между прочимъ, отозваніе русскихъ консуловъ изъ княжествъ и изъ Александріи, отказъ отъ протектората надъ „ханомъ“ Грузіи и др.

²⁾ Австрійскаго, барона Медбурга; австрійское консульство въ княжествахъ носило долгое время названіе „цесарской агенціи“.

выпустить ли ихъ или нѣтъ, на что я принужденъ былъ согласиться и, получа отъ г. агента письменную декларацію, оную при семъ въ подлинникѣ прилагаю. Выѣхавъ же изъ дворца препровожденъ я былъ болѣе шестьюдесятью вооруженными людьми и, остановясь въ его (агента) домѣ, повторилъ наусильнымъ образомъ прошеніе мое не выпускать ихъ... въ чемъ онъ меня обнадежилъ: слѣдуя сему я сего же числа дѣйствительно въ путь пустился, имѣя при себѣ для препровожденія и сохранения моеи архивы втораго цесарскаго канцлера ¹⁾ г. Маркелія и 10 человекъ изъ господарскихъ арнаутовъ ²⁾, и пробывъ семь дней на дорогѣ, на восьмой—прибылъ въ пограничный цесарскій городъ Германштадтъ, гдѣ меня принялъ со всякою почестью главнокомандующій генераль графъ Фабрисъ, и обѣщался вспомогать и быть мнѣ во всевозможномъ угоднымъ».

Этимъ повѣствованіемъ заканчиваетъ Северинъ свой журналъ, который онъ велъ за время своего ареста во дворцѣ господара Мавроени и который отправилъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ уже изъ Германштадта при донесеніи отъ 4-го сентября 1787 года.

По окончаніи войны, въ теченіе которой онъ находился въ Петербургѣ, служа въ самой коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Северинъ былъ снова назначенъ генеральнымъ консуломъ въ княжества, куда вернулся въ началѣ 1792 года, тотчасъ по заключеніи мира (декабрь 1791 г.), получивъ приказаніе имѣть постоянную резиденцію въ Яссахъ.

А. Гирсъ.

Манифестъ, изданный Блистательною Портою, по случаю войны, объявленной петербургскому двору (переводъ съ французскаго экземпляра, приложеннаго къ донесенію Северина коллегіи иностранныхъ дѣлъ изъ Германштадта отъ 4-го сентября 1787 года, за № 24)

Хотя, во вниманіе къ тишинѣ и спокойствію подданныхъ той и другой стороны, былъ заключенъ миръ между Блистательною Портою и русскимъ дворомъ, послѣдній не переставалъ тѣмъ не менѣе предъявлять требованія противныя дружбѣ и, въ особенности, въ противоположность условіямъ и обязательствамъ, сталъ непредвидѣнно владѣльцемъ Крыма, что составляло основу Кайнарджійскаго трактата; помимо этого, былъ еще изданъ сенедъ, обусловливавшій, что всякое новое разногласіе будетъ навсегда устранено къ вѣчному

¹⁾ Чиновника канцеляріи.

²⁾ Въ ту пору въ княжествахъ стражники, тѣлохранители и нижніе полицейскіе чины набирались среди албанцевъ.

спокойствію и оговорено трактатомъ; что всякая ненависть, всякое злокозненное дѣйствіе, какъ открытое такъ и тайное, должны быть прекращены съ той и другой стороны. Но русскій дворъ побудилъ (къ возстанію) хана тифлискаго, въ грамотѣ котораго ясно обозначенъ суверенитетъ Блистательной Порты, вступилъ своими войсками въ территорію Тифлиса и пооченіемъ, которое оказывалъ этому хану, посѣлалъ смуты въ Грузіи и въ сопредѣльныхъ областяхъ и отвѣтилъ отрицательно на представленія сдѣланныя съ тѣмъ, чтобы онъ (русскій дворъ) отъ того отступился; всякими помѣхами воспрепятствовала жителямъ Очакова вывозъ соли изъ солончаковъ, что послѣдніе всегда дѣлали и что точно разъяснено; уклонялся отъ исполненія договоровъ, всякій разъ какъ то требовалось. Такъ, на законное требованіе о выдачѣ воеводы Молдавскаго ¹⁾, по чину равнаго князю, послѣ совершеннаго имъ по указанію и при содѣйствіи консула бѣгства, посланникъ категорически отвѣтилъ, что русскій дворъ его не отдастъ, и тѣмъ нарушилъ и уничтожилъ всѣ обязательства. Русскій дворъ, произвольнымъ толкованіемъ многихъ другихъ подобныхъ статей обнаружилъ ясно свои дурныя намѣренія: учрежденіемъ консульствъ въ Валахіи и Молдавіи, въ Архипелагѣ и въ другихъ ненужныхъ мѣстахъ, въ ущербъ мусульманамъ, развратилъ подданныхъ Блистательной Порты, отправляя ихъ въ Россію или употребляя ихъ въ качествѣ матросовъ и на другія службы; вмѣшивался въ управление государствомъ, а именно настаивая на смѣщеніи и наказаніи правителей, военачальниковъ, судей и управляющихъ, которыхъ находилъ неподходящими, а въ особенности паши Челдирскаго ²⁾ и князей Валахскаго и Молдавскаго. Въ то время какъ Блистательная Порта—что извѣстно всему міру—оказывала всякое благоволеніе русскимъ купцамъ, дозволяя имъ заниматься торговлею въ ея владѣніяхъ, разбѣжая гдѣ имъ угодно,—русскій дворъ, вмѣсто того чтобы поступать такимъ же образомъ въ силу договоровъ и по правиламъ взаимности относительно подданныхъ Блистательной Порты, питая намѣреніе удержать лишь себѣ всѣ плоды торговли, взыскивалъ съ нихъ таможенные пошлины, много превосходящія пошлины, взимаемыя съ торговцевъ другихъ державъ, запрещалъ проѣздъ черезъ свои области лицамъ, имѣвшимъ получать платежи, такъ что большинство этихъ лицъ, лишенное возможности взыскать, вернулось разореннымъ, а вѣкоторыя совсѣмъ исчезли; пушечными выстрѣлами отгонялись торговые суда Блистательной Порты, которыя, или захваченныя бурей или желая сдѣлать запасъ воды, или для другихъ подобныхъ нуждъ, желали завернуть въ русскіе порты, а также бомбардировали наши суда, ходящія въ Буджакъ ³⁾. Наконецъ, русскій посланникъ предложилъ Блистательной Портѣ и формально настаивалъ на простомъ включеніи въ число статей пункта относительно хана тифлискаго, потребовавъ на этотъ предметъ простой сенедъ, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ противномъ случаѣ генералъ Потемкинъ имѣетъ приказаніе идти къ границѣ, куда императрица сама отправится съ 60—70 тысячами войска для исполненія этихъ требованій—и тѣмъ вызвалъ Блистательную Порта на войну.

Такъ какъ всѣ распоряженія къ экспедиціи генерала Потемкина, при

¹⁾ Маврокордато, бѣжавшаго въ Россію.

²⁾ Ахалцхскаго; пашалыкъ этого имени обнималъ въ ту пору часть турецкой Арменіи и Грузіи.

³⁾ Юго-западный уголъ нынѣшней Бессарабіи, уѣздъ Аккерманскій и большая часть Бендерскаго.

такое многочисленное войско на границѣ, вполнѣ сходственныя съ образомъ дѣйствій во время нашествія на Крымъ, прежде всего имѣли послѣдствіемъ нарушеніе общественной безопасности и обнаруженіе злыхъ намѣреній.—Блистательная Порта, принимая во вниманіе, что главною причиною этихъ смутъ служитъ обладаніе Россією Крымомъ, выразила желаніе, чтобы русскій дворъ отказался отъ этой области, вернувъ ее въ прежнее состояніе и чтобы дружба была подтверждена новымъ мирнымъ договоромъ; но русскій посланникъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ объ этомъ писать своему двору и что если бы даже и написалъ, то это ни къ чему не послужитъ, и прибавилъ, что его дворъ никогда Крыма не уступитъ. По всѣмъ этимъ причинамъ и по множеству другихъ, государственныхъ и частныхъ, война стала закономъ необходимымъ долгомъ для мусульманъ и она рѣшена имперіею Оттоманскою противъ русскаго двора. А чтобы увѣдомить о томъ нашихъ друзей, предложивъ на ихъ просвѣщенное и прямодушное сужденіе такое положеніе вещей, издается настоящій манифестъ. 11 Зильхаде, 1207, т. е. 13-го (24-го) августа 1787 года.

О дозволеніи Н. М. Карамзину читать рукописи въ монастыряхъ.

Письмо тайнаго советника и сенатора Михаила Муравьева князю А. Н. Голицину.

17-го декабря 1803 г. № 1493.

Снисходя на просьбу Московскаго императорскаго университета почетнаго члена и исторіографа Николая Карамзина, государь императоръ высочайше указать соизволилъ отнестись къ вашему сіятельству съ тѣмъ, дабы вы, милостивый государь, предложить изволили Свят. Прав. Синоду о невозбранномъ позволеніи просителю читать сохраняющіеся, какъ въ монастыряхъ, такъ и въ другихъ библіотекахъ, отъ Святѣйшаго Синода зависящихъ, древнія рукописи, до російскихъ древностей касающіяся.

Объявляя сіе высочайшее повелѣніе, имѣю честь быть и проч.

Письмо графа Головкина—Н. Н. Новосильцову объ академикѣ Клапротѣ.

25-го іюля 1806 г. № 974. Иркутскъ.

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего превосходительства, коимъ испрашивать изволите мнѣніе мое, оставить-ли еще г. адъюнкта Клапрота въ Сибири или позволить ему возвратиться въ С.-Петербургъ, имѣю честь васъ, милостивый государь мой, увѣдомить, что я, по просьбѣ г. Клапрота, позволилъ ему возвратиться, полагая, что присутствіе его въ Академіи можетъ принести болѣе пользы, нежели пребываніе въ Иркутскѣ, гдѣ онъ не можетъ отыскать ничего любопытнаго по его части, и сверхъ того, находясь въ Иркутскѣ цѣлую зиму, имѣлъ время извлечь изъ тамошнихъ архивовъ все достойное примѣчанія.

Императоръ Николай I въ Елисаветградѣ въ 1851 г.

(Изъ воспоминаній стараго солдата).

I.

Въ царствованіе императора Николая I въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ военныхъ поселеніяхъ губерній Харьковской, Херсонской, Кіевской и Каменецъ-Подольской были расположены по квартирамъ два кавалерійскихъ корпуса: барона Остенъ-Сакена и Герштенцвейга ¹⁾. Въ составъ этихъ корпусовъ входили: кирасары, уланы, гусары и артиллерія. Корпусъ генерала Герштенцвейга былъ сводный, состоявшій изъ пятой и четвертой кавалерійскихъ дивизій. Въ сороковыхъ годахъ и въ началѣ пятидесятаго пятой дивизіей командовалъ князь Багратионъ-Имеретинскій, а четвертой дивизіей, штабъ которой былъ на вольныхъ квартирахъ, въ городѣ Винницѣ Каменецъ-Подольской губерніи, генералъ Зассъ. Главная квартира инспектора кавалеріи и начальника всѣхъ военныхъ поселеній на югѣ Россіи была въ Кременчугѣ Полтавской губерніи. О военномъ поселеніи въ свое время много писали, едва ли можно прибавить что-нибудь къ сказанному. Старіки-крестьяне, оставшіеся въ живыхъ, до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаютъ то страшное время, когда ихъ сельское хозяйство и даже семейный бытъ подвергались строгому контролю поселенскаго комитета. Въ Малороссіи и Новороссіи и теперь распѣваютъ пѣсенку, вовсе не лестную для памяти Аракчеева. Въ этой пѣснѣ выражается взглядъ народа на всю дѣятельность александровскаго временщика по отношенію военнаго по-

¹⁾ Командиръ своднаго кавалерійскаго корпуса генералъ-отъ-артиллеріи Данило Александровичъ Герштенцвейгъ въ 1848 году застрѣлился въ мѣстечкѣ Леовѣ.

селенія. «Березки посажалъ, канавки покопалъ—Аракчеевъ генералъ», сказано въ пѣснѣ.

Корпусные и дивизіонные штабы были въ городахъ: Чугуевѣ—Харьковской губерніи, въ Елисаветградѣ и Вознесенскѣ—Херсонской губерніи. Всѣ приказы въ штабы присылались изъ Кременчуга, отъ графа Никитина. Лѣтомъ 1851 года отъ инспектора кавалеріи была разслана по всѣмъ штабамъ бумага, въ которой сообщалось о предстоящемъ высочайшемъ смотрѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ подъ городомъ Елисаветградомъ. Таковую же бумагу получали и начальники военного поселенія. Полковымъ командирамъ вмѣнялось въ обязанность обратить особенное вниманіе на выправку солдатъ и тѣла лошадей. Поселенское начальство: окружные и волостные командиры, почему-то въ то время числявшіеся по кавалеріи, въ особенности всполошились и, какъ солдаты выражаются, запороли горячку. Стали поправлять дороги, по которымъ государь долженъ былъ проѣхать, красить придорожные столбы подъ цвѣтъ киевровъ квартирующихъ полковъ, приводить въ надлежащій порядокъ скирды съ хлѣбомъ, маскируя вымолоченную солому снопами съ зернами, поправлять крыши на амбарахъ, чисто разметать улицы, бѣлить поселенскіе домики, выстроенные по ранжиру; отдавали строжайшія приказанія вахмистрамъ, дабы они слѣдили за поселянами во время высочайшаго пребыванія и не позволяли бы имъ показываться на улицахъ въ нетрезвомъ видѣ или дурно одѣтыми; дѣти поселянъ отнюдь не должны были играть па улицѣ. Словомъ сказать, поселенскому начальству было хлопотъ очень много. Но и строевые также не сидѣли сложа руки. Въ городѣ и его окрестностяхъ расположились: кирасиры, уланы, гусары и артиллерія. Солдаты по квартирамъ и по сборнямъ, а лошади въ коновязяхъ. Все чистилось, прихорашивалось и, какъ говорится, подтягивалось. Субалтеръ-офицеры, по обыкновенію, ровно ничего не дѣлали, только развѣзжали по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, слушали пріѣзжихъ изъ Варшавы арфянокъ, играли въ карты и пили шампанское.

Эскадронные командиры отрывались отъ преферанса лишь для того, чтобы отдавать приказанія вахмистрамъ. Зато послѣднимъ было дѣла по горло. Они слѣдили за пригонкой амуниціи и мундировъ, безпрестанно бѣгали въ полковой цейхгаузъ за ленчиками, вольтрапами, мунштуками, карабинами, саблями, пиками и т. д. Надо было позаботиться о полномъ количествѣ рядовъ, осадить отмастковъ въ заднія шеренги, переимѣнить нумера и обо всемъ этомъ доложить эскадронному командиру при вечернемъ рапортѣ. Солдаты безъ кителей, въ однихъ рейтузахъ хлопотали около мундировъ и амуниціи. Кирасиры чистили каски и кирасы, уланы пригоняли колеты и терли мокрой тряпкой дрютики; гусары, мундиръ которыхъ былъ съ бѣлыми шнурами, бѣлили

ихъ маленькими зубными щеточками глиной съ клеємъ и развѣшивали на солнцѣ; артиллеристы чистили орудія и лафеты и также бѣдили перевязи. Вообще картина приготовленія къ высочайшему смотру въ тѣ времена, когда обмундировка и вооруженіе солдата были до крайности сложны, представляла собой большое разнообразіе.

Въ самомъ городѣ Елисаветградѣ происходила великая суета. Цѣлый отрядъ инвалидовъ солдатъ и арестантовъ, подъ командой самого городничаго, квартальныхъ и хожалыхъ, подметалъ улицы. Недавно выкрашенные дома, благодаря жаркой, ведреной погодѣ, глядѣли какъ новенькіе; на бульварѣ подстриженныя деревья всѣ одного роста стояли стройно, точно шеренга солдатъ; по выметеннымъ улицамъ развѣзжали бочки съ водой, изъ которыхъ арестанты черпали воду ковшами и разливали ее во всѣ стороны. Для государя императора было приготовлено помѣщеніе во дворцѣ, гдѣ жилъ корпусный командиръ баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ назначенный день, именно 3-го сентября, съ самаго ранняго утра все начальство, облекшись въ полную парадную форму, разгуливало около дворца, по главной улицѣ города, въ ожиданіи фельдъегеря, робко посматривая на почтовую дорогу.

Часу въ первомъ дня прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ, что его величество тотчасъ прибудетъ. Вмигъ все засуетилось. Городничій метался туда и сюда, размахивалъ руками, что-то кричалъ, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто и съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ глядѣлъ въ даль; инвалиды и арестанты съ метлами куда-то исчезли, квартальные въ треугольныхъ шляпахъ, при шпагахъ, прогоняли съ дороги собакъ и мальчишекъ; корпусный командиръ баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ внимательно осматривалъ почетный караулъ, ровнялъ солдатъ, поправлялъ на нихъ кивера, перевязи, лягушки, своимъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ смахивалъ пыль съ солдатскихъ сапогъ, безпрестанно крестился и вслухъ шепталъ молитвы. Старикъ-графъ Никитинъ пристально посматривалъ на почтовую дорогу, безпрестанно ощупывалъ руками бумагу рапорта, засунутаго за пуговицы мундира, точно боялся, чтобы она не упала.

Всѣ балконы, окна и даже чердаки и крыши были заняты любопытными. По обѣимъ сторонамъ дороги, до самой заставы и далѣе, откуда-то вдругъ явилась толпа народа, точно изъ земли выросла. Квартальные очищали дорогу, а хожалые, съ тесаками позади, таскали за воротъ каждаго проходившаго мимо и пихали въ грудь выпячивавшихся впередъ.

Вскорѣ по почтовой дорогѣ, за заставой, показалось облако пыли и гулко послышалось «ура!» Городничій вздрогнулъ и будто замеръ на мѣстѣ; квартальные и хожалые увеличили свою энергію, растопырили руки и еще болѣе оттолкнули зрителей назадъ; все начальство дѣйствующей

арміи и поселенское выстроилось по правой и лѣвой сторонамъ дворца. Графъ Никитинъ снова пощупалъ бумагу, запрятанную за пуговицы мундира, и нѣсколько выступилъ впередъ; баронъ Остенъ-Сакенъ опять перекрестился и прошепталъ молитву, остальные генералы молча охорашивались, лица ихъ поблѣднѣли. Крики «ура!» слышались ближе. Вскорѣ обозначилась открытая коляска, въ которой сидѣлъ императоръ Николай I и графъ Адлербергъ; на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, видѣлась крупная фигура царскаго камердинера; четверка поджарыхъ, степныхъ лошадей, караковой масти мчалась въ карьеръ; кучеръ не понукалъ ихъ кнутомъ, а лишь изрѣдка наклонялъ корпусъ впередъ и шевелилъ вожжами. Коляска приближалась все ближе и ближе, наконецъ въѣхала въ заставу. Восторженное «ура!» грянуло еще громче, государь кланялся на обѣ стороны и привѣтливо улыбался. Около дворца кучеръ ловко осадилъ лошадей и коляска остановилась. Государь, въ запыленной шинели, быстро вышелъ изъ экипажа, поздоровался съ почетнымъ карауломъ, принялъ рапортъ отъ графа Никитина и сталъ подниматься по лѣстницѣ. За нимъ послѣдовало все начальство: инспекторъ кавалеріи, корпусные командиры, начальники дивизій, губернаторъ, жандармскій генералъ и графъ Адлербергъ. Тотчасъ же полетѣли во всѣ штабы приказы на утро быть войскамъ на назначенныхъ въ степи мѣстахъ для высочайшаго смотра. Люди должны быть одѣты въ парадную форму, а лошади засѣданы полнымъ вьюкомъ. По первому сигналу генераль-марша, сказано было въ приказѣ, сѣдлатъ лошадей, по второму собираться эскадронамъ въ полковыхъ штабахъ, по третьему отправляться въ степь и занять назначенное мѣсто.

Въ эту ночь въ городѣ Елизаветградѣ изъ числа военныхъ спали только одни солдаты. Послѣ вечерней уборки, поѣвъ кашицы съ саломъ, они всѣ мирно разошлись спать. Ничто не тревожило ихъ совѣсть, имъ не страшень былъ предстоящій высочайшій смотръ: лошади ихъ были напоены и накормлены, прекрасно вычищены, оружіе и амуниція блестящи, солома въ коновязяхъ подбита. Завернувшись въ попоны (шинели уже были закатаны) они заснули богатырскимъ сномъ на току у поселянина, въ амбарѣ или на соломѣ ближе коновязи.

Не то было съ поселенскими начальниками. Имъ чудилось, что кто-то показалъ государю Николаю картину туземнаго художника, изображавшую пшеничныя скарды на тоненькихъ ножкахъ, бѣгущія въ Одессу. И не спалось имъ бѣднымъ, они ворочались съ боку на бокъ до самой утренней зарп.

II.

На другой день лишь только показалось солнышко, дежурные по эскадронамъ унтеръ-офицеры, одѣтые въ лейбвики, въ закрытыхъ киверахъ, въ лядункахъ и при сабляхъ, скомандовали на водопой, эскадроны потянулись къ рѣчкѣ, потомъ лошадямъ навѣсили торбы и стали ихъ чистить; съ сѣрыми лошадьми было много хлопотъ: нѣкоторыя изъ нихъ ночью лежали, отчего на ихъ бокахъ образовались влажныя пятна, не уступавшія ни скребницѣ, ни щеткѣ; приходилось замывать водой съ золой, вытирать соломой и суконкой. Послышались звуки генераль-марша, написаннаго на слова:

Всадники-други въ походѣ собирайтесь,
Звукъ трубы военной васъ къ славѣ зоветъ,
Съ бодрымъ духомъ храбро сражайтесь,
За царя и родину сладкую смерть принять.

«Сѣдай!» крикнулъ эскадронный вахмистръ. Люди побѣжали въ цейхгаузъ за сѣдлами и вальтрапами, началась процедура подтягиванія подпругъ, крики: «балуй!» и проч.

Наконецъ лошади были осѣдланы, люди побѣжали одѣваться, генераль-маршъ опять послышался, вышелъ эскадронный командиръ и скомандовалъ: «Садись! справа по шести, шагомъ маршь!» и эскадронъ направился къ полковому штабу. Собрались всѣ восемь эскадроновъ, трубачи въ третій разъ проиграли генераль-маршъ и полкъ повели за городъ въ степь. Въ тѣ времена легко-кавалерійскіе полки состояли изъ восьми эскадроновъ, послѣдніе два, именно седьмой и восьмой, были фланкерскими, которые при построении разсыпались изъ-за праваго и лѣваго фланговъ полка. Я былъ штандартъ-юнкеромъ и ѣздилъ въ срединѣ четвертаго эскадрона N гусарскаго полка. До мѣста, назначеннаго нашему полку, было добрыхъ версты четыре; мы шли около часа, если не болѣе. Придя на мѣсто, мы слѣзли съ лошадей. Солдаты сняли кивера, разстегнули тулейки, достали свои кисеты, спитые изъ доскутиковъ и стали вертѣть цыгарки, но курить имъ не пришлось: пріѣхалъ бригадный командиръ, раздалась команда: «Садись! Смирно!» Генераль объѣхалъ фронтъ, внимательно осмотрѣлъ лошадей и людей, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе полковому командиру и отправился къ слѣдующему полку; насъ опять спѣшили и приказали оправиться.

Но и на этотъ разъ мы недолго стояли вольно, сначала пріѣхалъ начальникъ дивизіи, а за нимъ вскорѣ и корпусный командиръ. Первый въ особенности рылся во фронтѣ и приказывалъ солдатамъ глядѣть браво, молодцами. «Ѣшь меня глазами», говорилъ князь Багратіонъ. Не обошлось, конечно, и безъ курьеза.

Когда начальникъ дивизіи проѣхалъ къ пятому эскадрону, я услышалъ за моей спиной шопотъ молодого солдатика изъ парубковъ Полтавской губерніи. Онъ говорилъ стоявшему рядомъ съ нимъ карабинеру:

— Чуете, дядько, чижъ я звѣрь, чтобы чиловика ѣсть?

— Экой ты чудакъ!—послышался отвѣтъ стараго солдата.—Ты долгоня въ таращиться на начальство!

Послѣ объѣзда корпуснаго командира мы опять слѣзли съ лошадей и нѣсколько отдохнули. Офицеры собрались группой впереди полка, завели бесѣду о бульварныхъ приключеніяхъ и артистическихъ способностяхъ варшавскихъ арфіянокъ, а солдаты закурили свои цыгарки; начальство отѣхало въ сторону къ правому флангу. Но вотъ показался отъ города скачущій въ карьеръ махальный и объявилъ, что государь императоръ выѣхалъ изъ дворца. Въ мигъ все заполошилось по всей линіи, раздалась команда: «Садись, смирно, сабли вонъ, пики въ руку!» Солдаты побросали свои цыгарки, стали застегивать чешуи киверовъ и проворно садились на лошадей, гремя саблями; офицеры дѣлали то же и занимали свои мѣста. Вскорѣ крупной рысью подѣхала коляска. Государь въ егерскомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ съ чернымъ перомъ, вышелъ изъ коляски, ему подвели его знаменитую англозирванную гнѣдую кобылу, онъ сѣлъ на нее и галопомъ поспекалъ къ правому флангу.

Хоръ трубачей Орденскаго кирасирскаго полка заигралъ «Коль славень», и все это слилось въ одинъ общій восторженный звукъ. Государя Николая I любили всѣ военные, отъ генерала до послѣдняго рядового, за его справедливость, истинно царскую осанку и военную выправку.

Поздоровавшись съ войсками, государь отѣхалъ въ сторону и командовалъ по-эскадронно къ церемоніальному маршу шагомъ. Трубачи Орденскаго полка тотчасъ же отдѣлились отъ фронта, стали напротивъ государя, заиграли маршъ, и эскадроны начали стройно проходить мимо его величества сначала шагомъ, потомъ собранной рысью. Кирасиры и гусары удостоились похвалы, а про уланъ государь сказалъ, что они правыя плечи завалили. Послѣ церемоніальнаго марша послѣдовала перемѣна фронта и начались маневры. Государь не командовалъ, а пѣлъ сигналы, трубачъ, ѣхавшій позади его, тотчасъ же подхватывалъ пропѣтый сигналъ, и гулъ команды разносился по войскамъ.

Перемѣна фронта кавалеріи на маневрахъ—дѣло не шуточное: противоположному флангу приходится дѣлать на рысяхъ иногда, смотря по мѣстности, десятки верстъ. Лишь только была скомандована перемѣна фронта, какъ вся эта масса кавалеріи и артиллеріи загремѣла по степи. Выше я уже замѣтилъ, что въ эту осень погода стояла жаркая, сухая, дождя не было болѣе мѣсяца. Когда войска на рысяхъ стали дѣлать полукругъ, под-

нялось густое облако пыли; лица солдатъ, мундиры, лошади сдѣлались одного цвѣта—сѣраго. Все степное царство животныхъ всполошилось. Зайцы, дрохвы, перепела—прямо ошалѣли. Зайцы прыгали на артиллерійскіе лафеты, ихъ солдаты ловили и прятали въ зарядные ящики; дрохвъ, поднимавшихся изъ-подъ копытъ лошадей, уланы убивали пиками; перепелки садились къ всадникамъ на переднюю луку, солдаты ихъ брали руками. Не было никакой возможности различить ни цвѣта мундировъ, ни масти лошадей, видно было только густое облако пыли, слышалось бряцанье десятковъ тысячъ ноженъ отъ палашей и сабель, глухой топотъ лошадиныхъ копытъ, точно вся земля дрожала, и грохотъ артиллеріи, похожій на подземный гулъ во время землетрасенія; ни передъ собой, ни подъ ногами лошади ничего не было видно. Долго мы такъ рысали, вдругъ моя лошадь споткнулась, и я полетѣлъ черезъ голову. Мой ассистентъ, унтеръ-офицеръ Зубенко, упалъ на меня, мы очутились на двѣ какой-то балки и были совершенно одни, кругомъ насъ лежала широкая безлюдная степь. Лошадь моя при паденіи расскла себѣ губу до крови, порвала подхвостникъ и конецъ древко моего штандарта было поломано; оказалось, что моя лошадь спотыкнулась на краю балки, и я, падая, ударилъ штандартомъ въ противоположный берегъ; у моего ассистента также не все было въ порядкѣ: лопнулъ кушакъ и погнулся мундштукъ. Глядя на поломанное древко штандарта я пришелъ въ полное отчаяніе.

— Зубенко, что мы будемъ дѣлать,—говорилъ я тоскливо.

— Не извольте беспокоиться господинъ юнкеръ,—хладнокровно отвѣчалъ мнѣ мой ассистентъ. — Богъ милостивъ, все какъ-нибудь уладимъ.

— Хорошо тебѣ говорить «не беспокойтесь», а древко-то штандарта поломано, посмотри-ка оно на одномъ шнуркѣ виситъ, — сказалъ я.

— Что же за диковина, что поломано, мы его тонкой бичевкой свяжемъ,—успокаивалъ меня Зубенко.

— Ну что ты мелешь,—сердито возразилъ я,—откуда ты тутъ въ степи бичевку найдешь?

— А вотъ откуда,—отвѣчалъ мнѣ Зубенко и, отстегнувъ передній ремень на вальтрапъ, вытащилъ тонкую бичевку.

Я по истинѣ былъ изумленъ, глядя на эту замѣчательную предусмотрительность русскаго солдата. Сѣдая полнымъ вьюкомъ, для высочайшаго смотра, онъ положилъ въ скатанную шинель и бичевку, и шило, и драгву. Боже храни, если бы кому-нибудь изъ начальствующихъ пришло въ голову освидѣтельствовать вьюкъ Зубенки и въ срединѣ скатанной шинели были бы найдены постороннія вещи,—пропалъ бы тогда злосчастный Зубенко, съ него спорили бы галуны и вкатили

бы въ его спину пятьсотъ палокъ. Но Зубенко не побоялся этого и зная, что на маневрахъ все можетъ случиться, захватилъ съ собою на всякій случай, необходимыя вещи, которыя и пригодились. Не теряя времени онъ приступилъ къ работѣ. Крѣпко стаянулъ поломанное дерево, нарвалъ зеленой травы, размѣшалъ ее съ влажной землей, поплевалъ на руку и окрасилъ завязанное мѣсто, такъ что не было никакой возможности замѣтить связанное мѣсто. Вытереть губу моею лошади, разогнуть мундштуки и подвязать кушакъ и подхвостникъ было дѣломъ одной минуты.

— Ну, господинъ юнкеръ,—сказалъ мнѣ Зубенко, приведя все въ порядокъ,—теперь не мѣшаетъ вамъ и закусить, небось кушать хочется, солнышко уже высоконько, а мы встали еще до зари.

— Какъ закусить, чѣмъ?—спросилъ я, рѣшительно недоумѣвая.

— А вотъ пошукать (поищемъ), быть можетъ, что-нибудь и найдемъ,—отвѣчалъ мой ассистентъ, хитро улыбаясь.

Удивленію моему не было границъ, когда я увидалъ, что Зубенко вытащилъ изъ-подъ вальтрапа вареную курицу, фляжку водки и въ бумажкѣ соль.

— Кушайте,—угощалъ онъ меня,—да и гайда, а то, пожалуй, скоро останутся и ротмистръ хватится насъ.

Прошло 47 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я закусывалъ въ балкѣ Херсонской губерніи. Въ этотъ долгій періодъ времени мнѣ случалось быть на завтракахъ и обѣдахъ, я ѣлъ всякія изысканныя блюда и пилъ весьма тонкія вина, но вкуснѣе глотка водки и крылышка вареной курицы, предложенной мнѣ унтеръ-офицеромъ Зубенко, я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ во всю мою жизнь.

Покончивъ нашъ завтракъ, мы закурили папироски, сѣли на лошадей и поднялись изъ балки. Далекое въ степи видѣлось облако пыли, шума отъ движенія войска уже не было слышно.

— Ну, братъ, Зубенко, — сказалъ я моему ассистенту, — дрянно наше дѣло, начальство увидитъ, что 2-й дивизионъ безъ штандарта—скандалъ!

— Зачѣмъ увидитъ, они еще идутъ, вишь пыль не осѣла,—возразилъ Зубенко.

— Почему ты знаешь, что идутъ, грома не слышать.

— А вотъ вы прибавьте рыси и громъ услышите, я вѣрно знаю, что еще идутъ.

Я прибавилъ рыси и дѣйствительно вскорѣ услышалъ грохотъ артиллеріи. Надежда во-время поспѣть на свое мѣсто предавала мнѣ энергію, я толкнулъ лошадь шенкелями, далъ ей поводья и пошелъ прибавленнымъ галопомъ. Шумъ отъ движущагося войска становился все

слышиѣе и слышиѣе. Наконецъ, мы подскакали къ заднимъ шеренгамъ праваго фланга. Но тутъ новая бѣда, какъ найти полкъ?

— Берите полуоборотъ влѣво, — командовалъ Зубенко, — тутъ кирасиры и уланы, наши должны быть дальше, на лѣвомъ флангѣ.

Я взялъ полуоборотъ влѣво, долго скакалъ за фронтомъ войска, но полка своего найти никакъ не могъ. Я было опять сталъ приходить въ отчаяніе.

Мой ассистентъ, видя, что я безъ толку толкаюсь въ хвосты лошадей, вскричалъ:

— Бросьте поводья лошади: она сама найдетъ свое мѣсто.

Хотя я и зналъ, что строевыя лошади прекрасно знаютъ свои мѣста, но тѣмъ не менѣе совѣтъ Зубенки показался мнѣ нелѣпымъ. Во всей этой страшной суматохѣ не было никакой возможности различить масть лошадей, всѣ онѣ были покрыты густымъ слоемъ пыли и имѣли одинаковый цвѣтъ. Но утопающій хватается за соломенку; я далъ волю лошади, она быстрѣе поскакала, устала уши впередъ и вдругъ круто повернувъ направо, къ моему величайшему блаженству, вѣхала въ интервалъ и громко заржала. Я съ благодарностью посмотрѣлъ на моихъ сосѣдей и въ душѣ поблагодарилъ ихъ за то, что онѣ не сошлись.

Мы прискакали какъ разъ во-время. Раздалась команда: «стой, равняйся!»

— Гдѣ это васъ нелегкая носила?—спросилъ меня эскадронный командиръ.

— Несчастье случилось: у меня въ балкѣ лошадь упала,—отвѣчалъ я.

— Ну хорошо, что во-время успѣли, — отвѣщая сказалъ ротмистръ, пристально взглянувъ на штандартъ.

И дѣйствительно, во-время мы успѣли: какъ разъ впереди нашего эскадрона красовалась на курганѣ могучая фигура государя. Помилуй Богъ, если бы вмѣсто штандарта виднѣлся интервалъ. Отъ его зоркаго взгляда ничто не могло укрыться. Государь бы это тотчасъ замѣтилъ, и полковому и эскадронному командирамъ была бы страшная бѣда, а всѣхъ больше, конечно, мнѣ. Паденіе лошади не могло быть принято въ уваженіе; сказали бы, что я ее недостаточно крѣпко держалъ въ поводьяхъ, и я могъ лишиться не только серебрянаго темляка, но, пожалуй, и галуновъ. Я мысленно горячо поблагодарилъ Бога за мое спасеніе. Маневры продолжались почти до вечера. Мы всѣ страшно утомались.

Н. П.

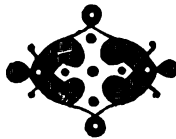
Устройство памятника Петру I въ Полтавѣ.

Указъ тайному совѣтнику Судьенкову.

1-го августа 1811 г.

Министръ внутреннихъ дѣлъ вслѣдствіе отношенія къ нему мало-россійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, довелъ до свѣдѣнія моего о желаніи вашемъ воздвигнуть собственнымъ вашимъ издвигеніемъ памятникъ съ церковью надъ курганомъ близъ города Полтавы на полѣ, гдѣ въ Бозѣ почивающимъ предкомъ моимъ императоромъ Петромъ Великимъ одержана надъ непріятелемъ побѣда.

Столь достохвальное намѣреніе ваше, съ пожертвованіемъ весьма значущаго капитала, сохранить память сей знаменитой для Россіи побѣды, есть для меня пріятнымъ доказательствомъ примѣрной вашей къ отечеству преданности, исполняющей васъ толикою любовью къ пользѣ и славѣ онаго. И потому я особливимъ удовольствіемъ поставляю себѣ удостовѣрить васъ чрезъ сіе въ совершенномъ своемъ къ вамъ за то благоволеніи:

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LX ¹⁾.

Особенности дѣйствій турецкихъ войскъ.—Приказъ сердарь-экрема.—Вступление въ Бухарестъ.—Появленіе въ Бухарестѣ Скиндеръ-бея.—Князь Григорій Стурдза.—Храбрость турецкой кавалеріи.—Предложеніе румынскаго правительства.— Столкновеніе съ полковникомъ Сименсомъ.—Нахальство полковника Дюмона.—Мой разговоръ съ этимъ австріецемъ.—Предложенія румынъ отвергнуты.—Подрядчикъ Халиль.—Встрѣча генерала Коронини съ Омеръ-пашею.

Рекогносцировки, производимыя турецкой кавалеріей, не достигали цѣли, такъ какъ согласно съ данной инструкціей, завидѣвъ на горизонтѣ хотя бы одного донца, командующіе отрядомъ тотчасъ громогласно провозглашали: гѣры (назадъ) и немедленно возвращались съ кавалеріей на мѣсто стоянки; безконечныя продѣлки и шутки Скиндеръ-бея и его товарищей, знавшихъ характеръ турокъ такъ-же хорошо, какъ и онъ, держали ихъ въ постоянной тревогѣ и страхѣ. Мои казачки избавили ихъ отъ этого напряженнаго состоянія, за что Халимъ-паша былъ мнѣ признателенъ. Рекогносцировка, произведенная подъ Калогіерни, еще болѣе увеличила его довѣріе къ намъ. Калогіерни лежитъ на берегу рѣчки Арджисъ въ тридцати верстахъ отъ Слободки.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1898 г. ноябрь.

Подойдя къ этому мѣстечку мы спустились съ небольшой, но довольно высокой горы, въ глубокой оврагъ, по которому прошли сомкнутой колонной къ берегу рѣки. Халимъ-паша, уже дремавшій, велѣлъ людямъ спѣшиться и самъ, сойдя съ лошади, легъ подъ дерево и уснулъ. Я находился этотъ разъ съ казаками въ арьергардѣ. Видя, что онъ не отдалъ никакихъ приказаній и даже не разставилъ ведетовъ и пикетовъ, а между тѣмъ отрядъ, утомленный долгимъ переходомъ, спѣшился и легъ на отдыхъ, я взялъ своихъ казаковъ, обошелъ оврагъ и, спустившись съ горы, разставилъ часовыхъ во всѣхъ пунктахъ, гдѣ по указанію мѣстныхъ жителей можно было перейти рѣку въ бродъ. Сдѣлавъ это я вернулся къ штабу. Паша и командующій отрядомъ спали мирнымъ сномъ такъ же, какъ и всѣ солдаты. Только Скиндеръ-бей со своей свитой въ колпакахъ изъ синей сахарной бумаги переправился въ бродъ на ту сторону рѣки просто изъ удовольствія и изъ желанія узнать, не найдется ли какихъ-либо особенныхъ вкусныхъ напитковъ въ большой гостиницѣ, видѣвшейся на томъ берегу. Съ четверть часа все было тихо; съ горы видна была гостиница и привязанныя возлѣ нея къ забору лошади; какъ вдругъ раздались выстрѣлы, и бумажные колпаки помчались къ рѣкѣ. Въ нашемъ отрядѣ поднялась такая суматоха и всѣми овладѣлъ такой панической страхъ, что появились въ этотъ моментъ хоть сотня донцовъ, уже не пришлось бы командовать гѣры (назадъ), и весь отрядъ сразу былъ бы взятъ въ плѣнъ. Скиндеръ-бей кричалъ: «несмѣтное количество русской кавалеріи окружаетъ насъ справа и заходитъ намъ въ тылъ; я видѣлъ ихъ своими собственными глазами, ихъ страшная сила».

Я увѣрялъ Халимъ-пашу, что они не могутъ окружить насъ, такъ какъ на всѣхъ бродахъ разставлены казаки; мнѣ едва удалось вмѣстѣ съ генераломъ Примо упротить пашей и полковниковъ, чтобы они приказали солдатамъ не спѣша сѣсть на коней и не позволили бы имъ бѣжать врасыпную, а построили бы однихъ за оврагомъ на горѣ, а другихъ на ровной мѣстности у рѣки. Я былъ возлѣ Халимъ-паша, когда съ правой стороны доносились выстрѣлы, впрочемъ, довольно рѣдкіе; но выстрѣлы вскорѣ утихли и не было видно, чтобы кто-либо бѣжалъ къ намъ.

Халимъ-паша, благодаря за мою распорядительность, сказалъ:

— Я вижу, что ты лучше меня умѣешь воевать съ русскими; дѣлай какъ знаешь, командуй войскомъ, я заранѣе на все даю свое согласіе, пиши донесеніе сердарю, я приложу къ нему свою печать.

Я поблагодарилъ его за довѣріе и посовѣтывалъ Халимъ-пашѣ оставить два полка кавалеріи подъ командою Мулиса-паша въ Кологерни, а самому, съ семью полками и съ артиллеріей, занять Дерешти, нахо-

дившееся на пути въ Бухарестъ, въ пятнадцать верстахъ отъ этой столицы Румыніи.

Мы получали ежедневно по три, и по четыре письма, которыя привозили адъютанты сердарь-экрема и въ которыхъ онъ писалъ, чтобы мы не шли впередъ на удачу, а лучше отступили бы, такъ какъ войско не въ состояніи идти далѣе. Я отвѣчалъ, что мы не можемъ ни отступать, ни остаться въ мѣстечкѣ, но обязательно должны идти впередъ. Наконецъ, на четвертый день Халимъ-паша получилъ приказаніе послать меня съ казаками на рекогносцировку къ Бухаресту, самому же не трогаться изъ Дерешти и не позволять ни одному отряду турецкой кавалеріи переходить за линію Арджиса. Одновременно съ этимъ, я получилъ письмо, писанное по-французски, рукою Рустембея, въ которомъ говорилось, что если я рискну идти впередъ и вступлю въ Бухарестъ, то я буду предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и могу быть увѣреннымъ, что не увижу турецкаго войска въ Бухарестѣ ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ моего прибытія туда. Мы совѣтовали дѣйствовать осмотрительно, но не рѣшались запретить мнѣ идти далѣе.

Это было для меня лучшимъ доказательствомъ отсутствія единства власти и борьбы, происходившей между сердарь-экремомъ, который хотѣлъ сохранить репутацію и славу главнокомандующаго турецкими войсками, и интригами австрійскаго правительства въ лицѣ его представителей—австрійскихъ чиновниковъ.

По полученіи помянутаго приказа я добился у Халима-паши позволенія отправиться на рекогносцировку. Такъ какъ онъ уважалъ и любилъ меня насколько турокъ можетъ вообще любить не турка, то онъ проводилъ меня на ту сторону рѣки съ полкомъ кавалеріи, сказавъ что онъ будетъ ожидать, чтобы прикрыть мое отступление, если я буду вынужденъ къ тому. Это было весьма много съ его стороны.

Я узналъ отъ шпионовъ и дезертировъ, которыхъ было достаточно количество, что за два дня передъ тѣмъ все русское войско выступило изъ Бухареста по дорогѣ въ Фокшаны; что тамъ осталось только два полка драгунъ съ генераломъ Даненбергомъ и румынское войско, на которое генералъ Даненбергъ возлагалъ надежды, полагая что оно не допуститъ, чтобы мы съ нашими слабыми отрядами заняли городъ. Съ другой стороны я зналъ достовѣрно, что румынское войско и румынская знать, среди которыхъ у меня было много добрыхъ знакомыхъ и друзей, ожидаютъ насъ съ нетерпѣніемъ.

Подошедши къ Бухаресту, я приказалъ кубанцамъ произвести развѣдку вправо отъ города; они донесли, что русскіе драгуны рысью удаляются изъ города, а донцовъ нигдѣ не видно. Я остановился тогда подъ самымъ городомъ и послалъ нѣсколько сильныхъ патрулей изъ

регулярныхъ казаковъ, подъ командою капитана Каэтана Остоя, съ приказаніемъ предать городъ разграбленію.

Тогда ко мнѣ послѣшно выѣхали на встрѣчу каймакамъ князь Кантакузинъ, префектъ полиціи Розетти и нѣсколько именитѣйшихъ гражданъ Бухареста, которые заявили мнѣ, что городъ и войско готовы подчиниться моей власти.

Явилось четыре батальона пѣхоты, восемь эскадроновъ уланъ, сотня доробанцевъ и двѣ батареи артиллеріи; войско было хорошо обмундировано, смотрѣло бодро; офицеры были всѣ люди видные. Мы отдали другъ другу честь по военному, но привѣтствовали другъ друга съ той и съ другой стороны весьма сердечно. Румыны, своей порядочностью и искренностью, внушили мнѣ къ себѣ полнѣйшее довѣріе. Всѣ караулы въ городѣ, по моему приказанію, были заняты ими; капитанъ Каэтанъ-Остой, знакомый съ мѣстнымъ языкомъ и обычаями, былъ назначенъ мною комендантомъ города, и я приказалъ ему во всемъ совѣтываться съ префектомъ полиціи, Розетти, человѣкомъ въ высшей степени дѣльнымъ и энергичнымъ.

Я оставилъ всѣхъ служащихъ на ихъ мѣстахъ и потребовалъ отъ каймакана, князя Кантакузина, чтобы строго соблюдались всѣ права и привилегіи, дарованныя султаномъ Румыніи; составленную въ этомъ смыслѣ прокламацію я приказалъ напечатать въ румынскихъ газетахъ.

Сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія по войску и приказавъ казакамъ занять на ночь посты за городомъ, я послалъ Халимъ-пашѣ рапортъ о занятіи города и просилъ его пріѣхать ко мнѣ хотя бы безъ войска, какъ начальника отряда и представителя сердаръ-экрема; а самъ, взявъ съ собою полкъ румынскихъ уланъ и сотню кубанцевъ, я отправился подъ вечеръ на рекогносцировку къ Кукѣ, въ двадцати верстахъ отъ Бухареста, гдѣ, какъ я слышалъ, былъ оставленъ русскими одинъ только караулъ. Я предпринялъ эту рекогносцировку съ цѣлью дать русскимъ признакъ жизни и показать, что мы намѣрены идти впередъ; я хотѣлъ также удостовѣриться, не замышляютъ ли они, съ своей стороны, что либо противъ насъ, держась пословицѣ, что береженаго Богъ бережетъ.

Въ Кукѣ, какъ мнѣ и говорили, дѣйствительно оказалась бригада драгунъ, которая ушла еще до разсвѣта. Я могъ донести сердаръ-экрему и Халимъ-пашѣ, что намъ ни угрожаетъ ни малѣйшая опасность, что русскіе дѣйствительно уходятъ изъ Румыніи, а объ австрійцахъ въ окрестностяхъ еще ничего не слышно.

Полицейскій префектъ донесъ мнѣ, что супруга генерала Даненберга, спѣша выѣхать изъ города, не успѣла взять съ собою серебра, драгоценностей и другихъ вещей, оставивъ ихъ въ томъ домѣ, гдѣ она

жила. Мнѣ было извѣстно, что уже образовалась кампанія англичанъ, журналистовъ и офицеровъ, съ военнымъ комиссаромъ во главѣ, для розыска и захвата военной добычи. Поэтому я приказалъ отвести мнѣ квартиру въ томъ домѣ гдѣ находились вещи генеральши Даненбергъ, и запечатъ тѣ комнаты, куда онѣ были сложены. Нѣсколько дней спустя, я велѣлъ уложить всѣ эти вещи, подъ надзоромъ Розетти, и отослалъ ихъ съ однимъ офицеромъ-румыномъ въ Вѣну, откуда онѣ были препровождены къ ихъ владѣлицѣ, хотя это доставило мнѣ довольно много хлопотъ и безпокойства, такъ какъ помянутая кампанія узнала о существованіи этихъ вещей и донесла кому слѣдуетъ, что между ними находятся бумаги и карты русскаго штаба. Генеральша Даненбергъ была поляка, варшавянка, рожденная Заблоцкая, дочь ревностнаго патріота.

Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось уговорить Мулиса-пашу (князя Григорія Стурдзу) отпавиться со мною въ Бухарестъ, такъ какъ я хотѣлъ ввѣрить ему негласно командованіе румынской арміей и постарался бы устроить дѣло такъ, чтобы сердаръ-экремъ утвердилъ мое назначеніе. Если бы это состоялось, то дѣла могли принять совершенно иной оборотъ, такъ какъ князь Стурдза былъ одинъ изъ способнѣйшихъ штабныхъ офицеровъ, имѣлъ видное общественное положеніе и прекрасное состояніе, и по своей энергіи и способностямъ вполнѣ заслуживалъ занять видное положеніе въ войскахъ султана.

Но еще при сформированіи румынскаго легіона въ Шумлѣ, я не могъ никакъ добиться, чтобы Стурдза былъ назначенъ командующимъ этимъ отрядомъ; мнѣ и тогда отвѣчали на воѣ мои домогательства, что Стурдза, командуя войскомъ, гдѣ то тамъ въ Молдавіи, въ Яссахъ или въ иномъ мѣстѣ, а затѣмъ будучи тамъ же блюстителемъ порядка, стрѣлялъ или приказалъ стрѣлять въ бунтовавшую толпу и поэтому не можетъ занимать въ Румыніи мѣста ни военнаго, ни гражданскаго начальника, такъ какъ румыны стремятся къ свободѣ и самостоятельности, и предлагать имъ такого человѣка въ начальники—есть уже святотатство и преступленіе противъ свободы и патріотизма (среди румынъ появились польскіе демократы, проповѣди которыхъ они поддали).

Какъ мнѣ не удалось расположить румынъ въ пользу князя Стурдзы, такъ точно я никакъ не могъ уговорить и самого князя, не обращая вниманія на румынъ, взять власть въ свои руки, руководить дѣлами и командовать войскомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы ему предложили это мѣсто и чтобы всѣ единогласно просили принять его. Такимъ образомъ, вслѣдствіе недостатка политическаго разума, съ одной стороны, и отсутствія гражданской смѣлости—съ другой, не удалось дѣло, которое могло бы принести пользу Румыніи, Турціи и всей нашей справѣ вообще. Ру-

мыны, воспитанные въ одной и той же политической школѣ какъ поляки, пошли по ихъ стопамъ. Они были на помочахъ у иностранныхъ державъ, а князь Григорій Стурдза, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ людей Румыніи, по происхожденію чистокровный румынъ, состоявшій въ родствѣ съ Баторіями, которые дали Польшѣ короля Стефана, былъ только дивизионнымъ генераломъ оттоманскихъ войскъ и, не имѣя опредѣленной команды, былъ человѣкомъ чужимъ среди своихъ. Таковъ бываетъ обыкновенно результатъ демократическихъ увлеченій, боязни дѣйствовать самостоятельно и принять на себя отвѣтственность за свои поступки.

Мнѣ удалось наконецъ залучить Халимъ-пашу въ Бухарестъ, да еще съ цѣлымъ полкомъ кавалеріи. Я даже убѣдилъ его подписать прокламацію, составленную полицейскимъ префектомъ Розетти. Совершивъ этотъ смѣлый поступокъ, Халимъ-паша вернулся въ Дерешти, а къ намъ каждые два дня приходилъ на смѣну новый полкъ кавалеріи, которая стояла въ казармахъ, не неся никакихъ служебныхъ обязанностей.

Халимъ-паша, во исполненіе приказанія сердаръ-экрема, отдалъ кавалеріи наистрожайшее письменное приказаніе, чтобы она при первомъ же выстрѣлѣ удалилась изъ города и, не вступая въ бой, отступила къ Дерешти. Каждый полковникъ, приходившій со своимъ полкомъ показывалъ мнѣ этотъ приказъ. Третій Румелійскій кавалерійскій полкъ, состоявшій подъ командою Эдхемъ-бея, испугавшись грома, который онъ принялъ за выстрѣлы изъ орудій, вскочилъ на коней, галопомъ понесся въ Дерешти и произвелъ тревогу въ лагерѣ Халимъ-паши, который собирался уже отступать; я успѣшилъ послать за нимъ въ погоню офицера, который донесъ ему, что все спокойно; если бы я этого не сдѣлалъ, то вся кавалерія была бы въ Рушукѣ. Впрочемъ Эдхемъ-бей не только не получилъ за это выговора, но получилъ даже благодарность. Зато Ахметъ-бей, командовавшій 4-мъ Стамбульскимъ полкомъ, получилъ выговоръ за то, что, услыхавъ отдаленные выстрѣлы, явился со своимъ полкомъ на сборное мѣсто, готовый исполнить мои приказанія; за это его болѣе не посылали въ Бухарестъ.

Я почти не рассчитывалъ на помощь турецкаго войска, да и не нуждался въ ней, но я хотѣлъ имѣть въ Бухарестѣ войско, составленное исключительно изъ турокъ, чтобы оно служило мнѣ защитой отъ интригъ австрійцевъ и отъ подозрительности самихъ мусульманъ.

Всѣ внутренніе караулы въ зданіяхъ, на гауптвахтѣ и у заставъ были заняты, по моему приказанію, солдатами и полицейскими изъ румынъ; я былъ очень доволенъ дѣльными распоряженіями полицейскаго префекта Розетти, его усердіемъ и неусыпной дѣятельностью и образцо-

вой службой румынскаго войска. Глядя на него я думалъ не разъ, что, имѣя хорошихъ начальниковъ, въ родѣ, напримѣръ, Дмитрія Кречулеско и Григорія Стурдза, румыны могли бы занять непослѣднее мѣсто въ ряду прочихъ войскъ.

Румынскія власти были такъ довольны моими распоряженіями, что они явились ко мнѣ съ каймакамомъ и поднесли адресъ, въ которомъ говорилось, что они предоставляютъ въ мое полное распоряженіе румынское войско и предлагаютъ доставлять за самую незначительную плату продовольствіе для турецкаго войска. Имѣя въ кассѣ до десяти милліоновъ монастырскихъ денегъ они предлагали мнѣ взять эту сумму на надобности турецкой арміи, съ уплатою ихъ впослѣдствіи румынскому правительству. Сердечно поблагодаривъ ихъ за желаніе послужить нашему общему монарху, я посовѣтовалъ имъ отправиться съ этимъ адресомъ къ сердарь-экрему, избравъ для этого изъ своей среды делегатовъ. Они поступили такъ, какъ я имъ совѣтовалъ. Я послалъ, съ своей стороны, сердарь-экрему донесеніе, въ которомъ доказывалъ необходимость принять это пожертвованіе и включить, на время войны, румынское войско въ составъ турецкой арміи, что было бы весьма важно съ точки зрѣнія политики, и подняло бы значеніе султана въ глазахъ союзниковъ, ибо доказанная этимъ преданность христіанъ давала возможность причислить Оттоманское государство къ числу европейскихъ и христіанскихъ державъ.

Отъ сердарь-экрема я получилъ похвалу и благодарность и болѣе ничего; въ его письмѣ была обычная фраза, встрѣчавшаяся во всѣхъ его письмахъ ко мнѣ: «все сдѣланное тобою прекрасно и все, что ты сдѣлаешь впредь, навѣрно будетъ такъ-же хорошо исполнено»; болѣе ничего. Посланные не привезли никакого окончательнаго отвѣта; сердарь-экремъ принялъ ихъ очень любезно, но отложилъ окончательное рѣшеніе вопроса до своего приѣзда въ Бухарестъ, не значивъ однако этому время.

Посланный мною Махмудъ (Муха) могъ только сообщить мнѣ, что онъ слышалъ, какъ Замоискій и Рустемъ-бей (Вольскій), въ разговорѣ, смѣялись надъ моими планами вступить въ Украину съ румынскимъ войскомъ. Оба они, по его словамъ, находились въ близкихъ сношеніяхъ съ австрійцами, коихъ уже наѣхала масса въ Руссукъ. Интендантство турецкаго войска не было довольно предложеніемъ румынскихъ вельможъ и вело переговоры съ Хилелемъ, богатымъ евреемъ, первымъ банкиромъ Бухареста, который давно имѣлъ дѣла съ сердарь-экремомъ и съ интендантами; а Рустемъ-бей велѣлъ передать мнѣ, что онъ не совѣтуетъ поддерживать предложеніе румынъ, ибо турки, не заботясь о денежной выгодѣ, не хотятъ, однако, упускать дѣла изъ своихъ рукъ; и

поэтому предпочитают вести переговоры съ Хилелемъ, нежели принять пожертвованіе румынъ.

Я имѣлъ два неприятныхъ столкновенія: съ англичаниномъ и съ австрійцемъ. Когда въ Рушукѣ стало положительно извѣстно, что Бухаресту не угрожаетъ нападеніе русскихъ войскъ, то въ столицу Румыніи нахлынулъ всякій сбродъ съ англійскимъ военнымъ комиссаромъ, съ цѣлью разузнать, гдѣ спрятана военная добыча, по ихъ мнѣнію, принадлежащая по праву союзникамъ. При розыскахъ нашлись кареты, коляски, лошади, фортепіано, образа, принадлежавшіе лицамъ, которые выѣхали изъ Бухареста одновременно съ русскими; этимъ вещамъ составились списки, такъ какъ я не позволялъ англичанамъ забирать ихъ. Между ними было три корреспондента англійскихъ газетъ, которые своими корреспонденціями раздражили сердарь-экрема, и онъ приказалъ Халимъ-пашѣ арестовать этихъ господъ и прислать ихъ подъ конвоемъ въ Рушукъ. Халимъ-паша, съ горяча, самъ пріѣхалъ въ Бухарестъ съ этимъ приказомъ и хотѣлъ, чтобы я велѣлъ казакамъ арестовать ихъ; я отвѣчалъ, что я могу арестовать ихъ не иначе, какъ въ лагерѣ; въ городѣ же есть полицейскій префектъ и полиція, это касается ея, а не военныхъ. Я послалъ за Розетти; по моему настоянію Халимъ-паша далъ ему письменное приказаніе арестовать корреспондентовъ, что онъ и исполнилъ. Арестованные были отправлены съ полицейскимъ комиссаромъ и подъ конвоемъ доробанцевъ въ Дерешти, откуда турецкая кавалерія препроводила эту добычу сердарь-экрему. Англійскій консулъ и военный комиссаръ были крайне раздражены арестованіемъ этихъ лицъ. Узнавъ, что я не согласился дать для этого своихъ казаковъ, они вообразили, что я былъ противъ этой мѣры. Англійскій комиссаръ, полковникъ Сименсъ явился ко мнѣ на квартиру, гдѣ засталъ бѣднаго Халимъ-пашу и началъ ругать его послѣдними словами, какими ругаются пьяницы въ корчмахъ. Халимъ-паша, перепуганный, только сопѣлъ со страху и посматривалъ не дойдетъ ли дѣло до бокса. Я просилъ г. Сименса вести себя приличнѣе, и когда онъ отвѣчалъ на мое вѣжливое замѣчаніе, обругавъ на чемъ свѣтъ стоитъ всѣхъ турецкихъ пашей, то я былъ вынужденъ замѣтить, что и я турецкій паша, но вмѣстѣ съ тѣмъ и польскій шляхтичъ; какъ паша я приказываю ему выйти вонъ, а какъ полякъ я заставлю его замолчать. Съ этими словами я всталъ; англійскій комиссаръ ушелъ. Вмѣсто того, чтобы потребовать отъ меня удовлетворенія, которое я далъ бы ему съ удовольствіемъ, онъ подалъ сердарь-экрему жалобу, говоря, что я его обругалъ и обезчестилъ, и требовалъ, именемъ своего правительства, лишить полицейскаго префекта Розетти мѣста за оскорбленіе, нанесенное имъ англичанамъ. Я, со своей стороны, также донесъ обо всемъ случившемся. Видимо, я былъ еще нуженъ туркамъ, такъ какъ сердарь-экремъ не сдѣлалъ мнѣ даже вы-

говора, а предлагалъ только для удовлетворенія англичанина смѣнить полицейскаго префекта; я былъ противъ этого, и префектъ остался на своемъ мѣстѣ, а полковникъ Сименсъ, вызванный въ Рушукъ, вскорѣ вернулся оттуда и вмѣстѣ съ англійскимъ консуломъ, человѣкомъ весьма умнымъ, пріѣзжалъ ко мнѣ извиниться за сцену, учиненную въ моемъ домѣ. Такъ окончилось это неприятое столкновение, увеличившее въ глазахъ турокъ мой вѣсъ и авторитетъ.

Комендантъ города, капитанъ Остоя, донесъ мнѣ, что въ Бухарестъ прибылъ какой-то флигель-адъютантъ австрійской службы, полковникъ Дюмонъ, и побывавъ только у австрійскаго консула разослалъ съ кавасами австрійскаго консульства во всѣ кофейни, трактиры и общественныя заведенія прокламаціи о томъ, что австрійскія войска вступили въ Молдавію и Валахію, и приглашалъ мѣстныхъ жителей встрѣтить ихъ какъ своихъ избавителей и покровителей. Эти прокламаціи были расклеены даже на стѣнахъ зданій. Я тотчасъ приказалъ сорвать ихъ и сжечь на рынкѣ, что и было самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнено комендантомъ города и полицейскимъ префектомъ. Все зданіе австрійскаго консульства также было облѣплено этими прокламаціями. Такъ какъ домъ консульства, на основаніи международнаго права, считается нейтральнымъ, то мы не имѣли права войти туда; но домъ отдѣлялся отъ улицы одною рѣшеткою, поэтому я велѣлъ казакамъ-кубанцамъ подъѣхать къ нему и черезъ рѣшетку содрать пиками эти прокламаціи, что и было исполнено.

О случившемся я послалъ рапортъ Халимъ-пашѣ, а коменданту города далъ словесное порученіе узнать, что за личность этотъ австріецъ, который позволилъ себѣ столь дерзкій поступокъ не оказать должнаго уваженія султану, ленному монарху той мѣстности, куда онъ пріѣхалъ. Я велѣлъ спросить, такъ ли должны поступать союзники моего монарха, и заявилъ, что я исполню свой долгъ, хотя бы мнѣ пришлось арестовать эту личность и отправить его въ Рушукъ. Консулъ былъ чрезвычайно сконфуженъ; онъ извинялся, говоря, что полковникъ сдѣлалъ все это безъ его вѣдома.

Вскорѣ явился ко мнѣ полковникъ Дюмонъ, весь обвѣшанный орденами, въ мундирѣ; я принялъ его вѣжливо, просилъ сѣсть, но спросилъ его онъ такой?

Полковникъ покраснѣлъ и показалъ мнѣ на свои ордена, сказавъ: развѣ я не вижу кто онъ?

Я отвѣчалъ, что ему вѣроятно извѣстно, что благовоспитанные люди не спрашиваютъ другъ у друга патентовъ на ордена; ихъ можно нацѣпить и носить сколько угодно, никто ничего не скажетъ; а если онъ военный, то ему должны быть извѣстны правила и обязанности каждаго военнаго. Я произнесъ все это чрезвычайно сдержанно, но онъ былъ

*

такъ сконфуженъ моими словами, что предъявилъ мнѣ свой паспортъ и предписаніе, данное ему генераломъ Коронини. Не взглянувъ на паспортъ, я отдалъ его чаусу, приказавъ отнести къ коменданту для прописки; затѣмъ я возвратилъ ему предписаніе.

— Теперь я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло; прошу васъ сказать мнѣ чего вы желаете?

Онъ сталъ смѣлѣе.

— Я пришелъ узнать, по чьему приказанію сожжены прокламаціи моего правительства?

— Вы очень недогадливы, если не понимаете, что это могло быть сдѣлано только по моему приказанію.

— Такъ это вы приказали? Возстановить противъ насъ румынъ. мнѣ кажется, не особенно похвально, тѣмъ болѣе, что они преданы намъ.

— Последняго я, по крайней мѣрѣ, не боюсь и не имѣю причинъ бояться. Впрочемъ, разговаривать объ этомъ намъ бесполезно; я донесъ о случившемся по начальству. Вы сдѣлали, вѣроятно, то же самое, со своей стороны. Намъ остается ждать дальнѣйшихъ приказаній, но можете быть увѣрены, что до полученія ихъ я не допущу ни малѣйшаго вишательства австрійской власти.

На этомъ былъ поконченъ нашъ разговоръ относительно политики; мы стали бесѣдовать о литературѣ, о театрѣ, о румынскихъ достопримѣчательностяхъ и разстались друзьями. Но полковникъ Дюмонъ не остался въ Бухарестѣ, а уѣхалъ въ близъ лежащее имѣніе и тамъ ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній своего генерала. Прокламацій болѣе не появлялось; это была своего рода побѣда, одержанная надъ австрійцами, которые хотѣли командовать нами и румынами.

Сердарь-экремъ прибылъ въ Бухарестъ съ резервнымъ корпусомъ по прошествіи двадцати, а не пятнадцати дней послѣ занятія нами этого города. Въѣздъ совершился торжественно; официальный приѣмъ состоялся въ домѣ господаря, въ Котроченахъ, гдѣ былъ данъ большой обѣдъ для войска и консуловъ. Съ Омерь-пашою приѣхалъ французскій консулъ Пуяде (Poujade) и мой старый пріятель Градовичъ, одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ политическихъ агентовъ князя Адама Чарторыйскаго.

Наше войско расположилось лагеремъ за городомъ, но караулы въ городѣ и у заставъ, по моему представленію, были попрежнему заняты румынами. Во избѣжаніе излишнихъ пререканій я былъ назначенъ начальникомъ города и войска, и всѣ сдѣланныя мною распоряженія были утверждены сердарь-экремомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что адресъ румынъ съ моимъ рапортомъ былъ посланъ въ Стамбулъ и обсуждался въ совѣтѣ, на которомъ участвовали представители союзныхъ державъ, и что австрійскій и англійскій посланники высказались противъ предложенія включить румынское войско въ составъ турецкой арміи, такъ какъ это

было бы нарушеніемъ всѣхъ существующихъ договоровъ, къ соблюденію коихъ рано или поздно все же придется вернуться, такъ какъ война не можетъ продолжаться вѣчно. Поэтому Валахія и Молдавія должны оставаться строго нейтральными и только могутъ быть заняты союзными войсками. Удивительное разсужденіе, показывающее, въ какомъ духѣ велась эта война и какъ надобно было смотрѣть на союзъ съ Австріей. Ясно, что она не желала помочь Турціи, а скорѣе хотѣла помѣшать ей, изъ опасенія какъ бы эта война не измѣнила всѣхъ политическихъ отношеній и самой карты Европы; Австрія хотѣлось насолить Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничить планы Наполеона, которые не были ей вполне извѣстны, но о которыхъ она догадывалась.

Сердарь-экрему было запрещено расходовать тѣ десять милліоновъ, которые жертвовали въ распоряженіе правительства румыны, дабы не унижать Турціи, кредитуюсь у ея ленниковъ. Я увѣренъ, что все это было дѣломъ лорда Редклиффа; такъ какъ и ранѣе онъ не хотѣлъ, чтобы Турція воспользовалась деньгами, пожертвованными сербскимъ правительствомъ для устройства торговыхъ судовъ на Дунаѣ, которые могли бы соперничать съ австрійскими. По той же причинѣ сердарь-экремъ не посмѣлъ воспользоваться выгоднымъ предложеніемъ румынскаго правительства относительно продовольствія войска; не желая обидѣть ихъ, онъ приказалъ, чтобы войско, коимъ я командовалъ, находилось на иждивеніи румынскаго правительства, и чтобы приготовленія къ этому были сдѣланы немедленно.

Все это было мнѣ такъ прискорбно, что когда Халимъ-паша спросилъ меня, что будетъ изъ всего этого, то я отвѣчалъ:

— Теперь войну ведемъ не мы, а Австрія и Англія по своему усмотрѣнію; онѣ извлекаютъ изъ нея выгоды, а мы платимъ за эти выгоды нашей кровью и нашими деньгами.

Я былъ вполне увѣренъ, что сердарь-экремъ не получилъ никакихъ приказаній изъ Стамбула, относительно способа продовольствія войска, и что онъ рѣшилъ войти въ сношеніе съ подрядчикомъ, богатымъ банкиромъ Халилемъ, дѣйствуя подъ влияніемъ интендантства, штаба и приближенныхъ Омеръ-паши. Еще болѣе утвердило меня въ этомъ убѣжденіи то обстоятельство, что прійдя домой, я нашелъ у себя прелестную коляску вѣнской работы, запряженную четырьмя гнѣдыми лошадьми, которая была прислана въ мое распоряженіе Халилемъ. Я велѣлъ отослать коляску съ лошадьми, которые были доставлены мнѣ его двоюроднымъ братомъ. Турки смѣялись надо мою, находя мой поступокъ весьма забавнымъ; смѣялся такъ-же Замойскій и Рустемъ-бей, говоря, что я разыгрываю Донъ-Кихота въ пользу казны; отчасти, они были правы. Халиль заключилъ контрактъ на поставку провіанта для войска за цѣну вдвое бѣльшую, по сравненіи съ той, за какую бралось по-

ставлять его румынское правительство, и давалъ такую плохую мѣру и провіантъ такого качества, что войско зачастую терпѣло недостатокъ находясь въ мѣстности, гдѣ всего было въ изобиліи; зато интенданты, паши и полковые командиры развѣжали въ коляскахъ и кабриолетахъ; я одинъ ѣздилъ верхомъ, но зато войско, состоявшее подь моею командою, было до сыта накормлено и терпѣло недостатокъ, какъ и всѣ прочіе, только въ одеждѣ и обуви.

Французскіе дипломаты на Востокѣ не понимали желаній и стремленій своего императора, радѣвшаго о славѣ Франціи и о благѣ другихъ націй. Политика Наполеона не была, да и не могла быть иною, но она была извращена и дурно истолкована пройсками Австріи и Англіи и неспособностью французскихъ дипломатовъ, такъ что Турція и Франція одинаково работали на пользу Англіи и Австріи.

Нѣсколько дней спустя явилось австрійское войско, подь командою генерала Коронини, учителя Иосифа Бонапарта. Мнѣ было поручено сердарь-экремомъ составить, вмѣстѣ съ генераломъ Поповичемъ (славяниномъ по фамилии и по убѣжденіямъ,—что было въ то время всего удивительнѣе для австрійскаго подданнаго), церемоніаль вступленія войскъ въ городъ. Когда я сказалъ, что сердарь-экремъ выѣдетъ на встрѣчу войска, со штабомъ и конвоемъ, за четверть мили отъ города, генераль Поповичъ замѣтилъ:

— Тогда генералу Коронини придется встрѣтить Омерь-пашу, какъ старшаго въ чинѣ; онъ пройдетъ передъ фронтомъ и мы будемъ склонять передъ нимъ знамена, изъ-подъ которыхъ онъ дезертировалъ.

Я пожалъ плечами; такъ должно быть, иначе быть не можетъ.

— Коронини будетъ внѣ себя отъ ярости, ну пусть побѣсятся; все же славянинъ будетъ имѣть надъ нимъ верхъ¹⁾.

Мы сердечно пожали другъ другу руку.

Коронини былъ смертельно блѣденъ, принимая Омерь-пашу; сердарь-экремъ сиялъ отъ удовольствія; но все таки видимо ему было какъ-то не по себѣ; онъ заговорилъ по-нѣмецки. Коронини отвѣчалъ ему односложно, но по-французски. Когда онъ проѣзжалъ передъ фронтомъ, его рыжая чистокровная арабская лошадь, почувствовавъ всю важность своего положенія, стала гарцовать и приплясывать передъ склонившимися знаменами, словно попирая копытомъ это австрійское знамя и выражая ему свое пренебреженіе. Австрійское войско, во главѣ котораго ѣхалъ Михаилъ Латачъ (Омерь-паша) рядомъ съ Коронини, проходило передъ фронтомъ турецкаго войска, которое привѣтствовало своего начальника и вмѣстѣ съ нимъ австрійскаго генерала.

Затѣмъ австрійское и турецкое войско прошли церемоніальнымъ

¹⁾ Намекъ на славянское происхожденіе Омерь-паши.

маршем мимо сердаръ-экрема; возлѣ него стоялъ генераль Коронини верхомъ, неподвижный какъ статуя, блѣдный, нахмуривъ брови и плотно сжавъ губы. Онъ ничего не спрашивалъ, ни на что не обращалъ вниманія, стараясь своимъ молчаніемъ скрыть мучительное чувство, которое долженъ былъ испытывать австріецъ, вынужденный отдавать честь дезертиру Михаилу Латачу, который держалъ себя по отношенію къ нему надменно.

Омеръ-паша, кажется, этого не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, ибо, когда вся церемонія была окончена, онъ сказалъ мнѣ и князю Стурдзѣ:

— Генераль Коронини должно быть плохо выспался эту ночь, оттого ему и было такъ не по себѣ; вернувшись домой онъ тотчасъ легъ въ постель.

— Онъ видѣлъ, вѣроятно, вашу свѣтлость во снѣ,—отвѣчалъ я;— навѣрно вы еще разъ ему приснитесь, ежели онъ уснетъ.

Я объяснилъ ему, что я хотѣлъ этимъ сказать, и передалъ мой разговоръ съ генераломъ Поповичемъ.

Это было ему очень приятно, такъ какъ онъ не любилъ австріяцевъ, хотя и побаивался ихъ, по старой памяти. Въ немъ проснулось сердце славянина, и онъ сказалъ мнѣ, что намъ необходимо быть тѣсно сплоченными и не поддаваться нѣмцамъ, такъ какъ мы славяне, а не нѣмцы. Онъ совсѣмъ было разошелся на эту тему, но въ тотъ моментъ въ комнату вошли неожиданно Замойскій и Рустемъ-бей; порывъ славянина смолкъ и онъ началъ превозносить австрійское войско.

LXI.

Обѣдъ у генерала Коронини. — Пріѣздъ Дервишъ-пашы — Замойскій и его политика. — Претенденты на званіе господаря Румыніи. — Рѣшеніе Порты относительно назначенія князя Стирбея господаремъ. — Переходъ въ Браїловъ. — Пріемъ, оказанный намъ Ефремомъ Обреновичемъ. — Пропашіе полки кавалеріи. — Грандіозная охота. — Вступленіе въ Браїловъ: польскіе жида и жидовки.

На другой день по прибытіи австріяцевъ, генераль Поповичъ, назначенный командующимъ австрійскимъ войскомъ на время его пребыванія въ городѣ, сообщилъ мнѣ о желаніи генерала Коронини, чтобы караулы въ городѣ и у заставъ были заняты австрійцами. Я отвѣчалъ, что нахожу это неудобнымъ, такъ какъ это имѣло бы видъ, что тутъ хозяева австрійцы, а войско турецкаго султана—гости, коихъ стерегутъ австрійцы. По моему мнѣнію было бы лучше занять караулы

румынами, которые имѣютъ на то полное право, какъ хозяйева страны, тѣмъ болѣе, что они вполнѣ заслуживаютъ довѣрія, неоднократно доказавъ свою преданность Турціи и ея союзникамъ и свою готовность воевать за нее. Генералъ Поповичъ призналъ справедливость моихъ словъ, но сообщилъ мнѣ, что генералъ Коронини уже говорилъ объ этомъ съ сердарь-экремомъ и далъ ему это порученіе повидавшись съ главнокомандующимъ. Я отправился немедленно къ сердарь-экрему, представилъ ему всѣ доводы, сказавъ, что ежели онъ исполнитъ желаніе австрійскаго генерала, то это будетъ оскорбленіемъ не только нашему войску, коего онъ состоитъ начальникомъ, но и самому султану, коего онъ является представителемъ; если это случится, то во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и разногласій, которыя могутъ повлечь за собою массу неприятностей, я прошу назначить комендантомъ города другое лицо, а мнѣ дать иное порученіе.

Сердарь-экремъ, видимо, былъ сконфуженъ. Сказавъ нѣсколько ничего не значащихъ фразъ онъ сознался, что подкупленный любезностью генерала Коронини, онъ обѣщалъ ему, въ присутствіи Замойскаго и Рустемъ-бея, предоставить караулы австрійцамъ, не для того, чтобы стеречь насъ, а для пользы службы, чтобы они имѣли, гдѣ содержать арестованныхъ; впрочемъ, онъ увѣрилъ, что не рѣшилъ еще ничего окончательно, а только сказалъ генералу «посмотримъ», приказавъ Рустемъ-бею переговорить со мною, и не понимаетъ почему онъ этого не сдѣлалъ. Однимъ словомъ, было видно, что онъ связалъ себя обѣщаніемъ и при всемъ своемъ желаніи не зналъ какъ выпутаться изъ него. Мнѣ стало жаль его, вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, что не слѣдуетъ поддаваться австрійцамъ и ставить себя въ зависимость отъ нихъ. По моему настоянію, сердарь-экремъ написалъ генералу Коронини, что караулы могутъ быть заняты австрійцами только въ теченіе 48 часовъ, и что мнѣ, какъ коменданту города, приказано войти въ соглашеніе съ генераломъ Поповичемъ относительно распредѣленія службы между войсками. Такого содержания письмо было отправлено генералу Коронини при мнѣ.

Я переговорилъ съ румынскими властями и съ каймакамомъ, и по соглашенію съ ними, на городской площади, противъ театра, была сооружена въ двое сутокъ деревянная гауптвахта, которая была занята румынскимъ войскомъ. Въ дневномъ приказѣ по полку я объявилъ, что эта гауптвахта есть городская гауптвахта, а тѣ караульни, которыя находятся на другихъ улицахъ, будутъ заняты австрійцами, которые будутъ помѣщать туда своихъ арестованныхъ. Я заявилъ генералу Поповичу, что настаиваю на томъ, чтобы у заставъ караулы были заняты румынскимъ войскомъ. Что касается патрулей и другихъ служебныхъ обязанностей, то ежели генералъ Коронини не полагается на усердіе

и бдительность румынъ, то казаки, какъ люди умѣющіе говорить на славянскихъ и иныхъ европейскихъ языкахъ, будутъ нести эти обязанности наравнѣ съ австрійцами; мною сдѣлано уже объ этомъ представленіе, одобренное Омеръ-пашею, и я отъ него не отступлю.

Генералъ Коронини питалъ какую-то особенную боязнь и антипатію къ эмигрантамъ вообще и ко всему, что имѣло къ нимъ какое-либо отношеніе; услыхавъ объ этомъ отъ генерала Поповича, я рѣшилъ воспользоваться этимъ, чтобы учинять ему всякія неприятности. Такъ напри- мѣръ въ казармахъ близъ Котроченскаго дворца помѣщалась пѣхота и артиллерія, состоявшая подъ командою Измаиль-паши; эти казармы очень понравились генералу Коронини и онъ приказалъ поставить туда, какъ бы временно, батарею австрійской артиллеріи; а затѣмъ и вторую батарею, намѣреваясь такимъ образомъ постепенно вытѣснить изъ этихъ казармъ турокъ. Измаиль-паша жаловался мнѣ на это; тогда я приказалъ поставить въ эти же казармы два эскадрона казаковъ, рядомъ съ австрійской артиллеріей, которая и сутокъ не пробыла въ сосѣдствѣ съ ними и была переведена въ другое мѣсто.

Омеръ-паша сообщилъ мнѣ, что генералъ Коронини чрезвычайно озабоченъ обѣдомъ, который онъ хотѣлъ дать турецкому войску въ отвѣтъ за обѣдъ, коимъ оно угощало австрійцевъ; но его крайне смущало при этомъ, какъ онъ высказалъ откровенно Омеръ-пашѣ, присутствіе въ турецкомъ войскѣ массы польскихъ и венгерскихъ эмигрантовъ и онъ просилъ дать ему дружескій совѣтъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ? Меня насмѣшила наивность командующаго австрійскимъ войскомъ; вѣдь Омеръ-паша самъ былъ эмигрантъ и даже болѣе того, онъ былъ дезертиръ австрійскаго войска. Я предложилъ дать ему дружескій совѣтъ не приглашать вовсе поляковъ, такъ какъ ни я и никто другой, конечно, не приметъ его приглашенія; исключеніе насъ изъ числа приглашенныхъ можетъ показаться обиднымъ только сердарь-экрему, какъ начальнику войска, но отнюдь не намъ; мы относимся съ этому совершенно равнодушно. Омеръ-паша или правитель его канцеляріи передавъ Коронини весь нашъ разговоръ, и австрійскій генералъ прислалъ мнѣ на другой же день приглашеніе на обѣдъ; я подписалъ на пригласительномъ билетѣ, что я полякъ и эмигрантъ, хотя и служу въ войскѣ султана, и поэтому приглашенія его принять не могу.

Вѣсть объ исключеніи насъ изъ списка приглашенныхъ разнеслась по городу; Халимъ-паша, полюбившій меня, принялъ это горячо къ сердцу и не поѣхалъ на обѣдъ, точно также какъ и нѣкоторые другіе офицеры турецкой кавалеріи, бывшіе подъ моей командою. Кромѣ военныхъ комисаровъ и англійскихъ журналистовъ, изъ иностранцевъ, т. е. не турокъ, на обѣдѣ присутствовали только сердарь-экремъ и Руستمъ-

бей (Вольскій), изъ коихъ одинъ былъ дезертиръ, а другой высланный эмигрантъ.

Я привожу эти, сами по себѣ незначительные факты въ доказательство того, какъ велика была недобросовѣтность союзной Австріи, представителемъ которой являлся такой человекъ, какъ генераль Коронини, и какаѣ разница была въ его поступкахъ по отношенію къ намъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ относились къ намъ русскіе.

Австрійцы требовали для своего войска: перинъ, матрацовъ, подушекъ, кофе съ молокомъ и даже пестуней-румынокъ, которыя бы ухаживали за противными австрійцами; они смѣялись надъ мѣстными жителями и преслѣдовали ихъ за то, что они выказывали преданность турецкому правительству и были готовы служить намъ. Смѣло могу сказать, что я одинъ заступался за румынъ и воевалъ за нихъ съ австрійцами и турками; имѣя въ виду ихъ собственную пользу и интересы Польши и Турціи, я хотѣлъ поднять ихъ значеніе, окружить ихъ почетомъ и уваженіемъ и пробудить въ нихъ сознаніе своихъ собственныхъ силъ и достоинства; могу сказать по совѣсти и по прошествіи многихъ лѣтъ, что румыны всѣхъ сословій заслуживаютъ, по большей части, уваженія и что имъ предстоитъ великая будущность, если прекратится австро-венгерскія интриги и вліяніе нѣмцевъ, ежели они сблизятся со славянами и будутъ готовы дѣйствовать въ то время, когда Россія найдетъ, что ей настало время выступить съ ея славянской политикой. Тогда Румынія можетъ составить самостоятельное государство или федерацію съ прочими славянскими народами, а до тѣхъ поръ румынамъ слѣдуетъ ограждать себя отъ нѣмцевъ и венгерцевъ, отстаивать свои права и служить вѣрою и правдою султану, своему ленному монарху.

Мои отношенія къ Владиславу Замойскому были съ виду весьма дружественныя, онъ просиживалъ у меня цѣлые дни и вообще проводилъ со мною время, несмотря на то, что жилъ довольно далеко, въ домѣ князя Карла Гики, ревностнаго сторонника Австріи. Мнѣ сообщали изъ Стамбула и изъ Парижа, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что Замойскій, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, передалъ лорду Пальмерстону посланную князю Адаму копію съ заявленія украинскаго и бессарабскаго комитетовъ; это было причиною, что Высокая Порта должна была оставить это важное дѣло безъ послѣдствій; объ немъ уже знали въ Англіи и Австріи, и эти державы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы оно не было приведено въ исполненіе; въ Польшу были посланы, отъ имени князя Адама и отъ монастыря смертыхвстанцевъ, циркулярныя посланія, воспрещавшія полякамъ принимать участіе въ войнѣ и ѣхать въ Турцію для поступленія въ легіоны или въ другія войска, въ которыхъ служили поляки; имъ повелѣвалось сидѣть смиренно и ожидать на мѣстѣ,

пока красные штаны, т. е. французы, не появятся въ Краковѣ, Варшавѣ, Вильнѣ и Кіевѣ.

Разумѣется, нельзя было предположить, что эти циркулярныя посланія и въ особенности упоминаніе о красныхъ штанахъ покажутся полякамъ достаточно убѣдительными, но все же иные могли послѣдовать совѣту и не поѣхать въ Турцію, не желая подвергать опасности свою жизнь и имущество; другіе могли поступить такъ вслѣдствіе отсутствія политическаго смысла—недостатка, столь глубоко укоренившагося въ полякахъ, что онъ сталъ какъ бы ихъ второю натурою.

Демократы, привыкшіе къ уличнымъ беспорядкамъ и къ эмиссарской дѣятельности, которая, не угрожая ни малѣйшей опасностью, давала возможность нажать копѣйку, страшно испугались настоящей войны, разбѣхались изъ Стамбула и болѣе не возвращались. Они были этотъ разъ совершенно согласны съ Отелемъ Ламберъ, что слѣдуетъ обождать красныхъ штановъ, и со своей стороны разослали циркулярныя посланія, написанныя въ томъ же духѣ: однимъ словомъ, красные штаны должны были явиться для Польши и для поляковъ тѣмъ, чѣмъ было знамя пророка для ислама и для мусульманъ, т. е. призывомъ къ священной войнѣ за вѣру и отчизну, съ тою лишь разницею, что знамя пророка призывало мусульманъ къ войнѣ, а красные штаны сами должны были завоевать Польшу и полякамъ свободу и спокойствіе, такъ что полякамъ не пришлось бы проливать кровь. Какъ же было не ждать красныхъ штановъ? Поляки ихъ и ожидали.

Несмотря на это, я надѣялся, что когда военныя дѣйствія были перенесены въ Румынію и приближались къ Пруту и къ границѣ Польши, то Замойскій пойдетъ со мною рука объ руку, и что я буду имѣть въ немъ помощь и поддержку. Я ошибся! Такъ напримѣръ, однажды я прочелъ ему письмо, полученное отъ Матюринна-Цора, перваго драгомана французскаго посольства, который былъ со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и всегда былъ расположенъ къ Турціи и къ Польшѣ. Онъ писалъ, что Наполеонъ III, по-прежнему, желаетъ соединить польскую справу съ Восточнымъ вопросомъ и что-нибудь сдѣлать для поляковъ въ эту войну, но осуществленію этихъ плановъ много мѣшаетъ Англія; впрочемъ, дѣло можно еще поправить, если поляки захотятъ начать повстаніе; поэтому онъ убѣждалъ меня придать этотъ смыслъ стремленію поляковъ поступать въ ряды нашего войска, говоря, что мы этимъ дадимъ императору возможность устроить такъ, чтобы эта война послужила къ благу Польши. Содержаніе этого письма было сообщено мною еще ранѣе Решидъ-пашѣ, и въ Стамбулѣ, на средства турецкаго правительства, были отпечатаны прокламаціи къ полякамъ, которыя везъ къ намъ, какъ мнѣ писали, Дервишъ-паша, дивизіонный генералъ, ѣхавшій въ качествѣ политическаго комиссара въ Румынію. Решидъ-

паша писалъ мнѣ, между прочимъ, что если будутъ какіе-либо признаки, что въ Польшѣ готовится возстаніе, то онъ войдетъ въ соглашеніе съ Наполеономъ III и употребить все свое стараніе къ тому, чтобы цѣлью войны было поставлено, между прочимъ, возстановленіе Польши въ ея прежнихъ границахъ, возвращеніе Крыма и Кавказа въ ленное владѣтельство Порты и превращеніе Чернаго моря въ турецкое море.

При чтеніи этого письма на лицѣ Замойскаго ясно выразилось неудовольствіе; онъ молча возвратилъ мнѣ письмо; нѣсколько минутъ мы просидѣли молча; наконецъ онъ сказалъ, что только Австрія можетъ объявить войну Россіи съ пользою для себя и съ надеждою на успѣхъ, ибо она можетъ дать въ основу будущей Польши вполне организованную Галицію съ сильной регулярной арміей; поэтому мы должны заискивать у нея, чтобы получить изъ ея рукъ Польшу.

Я спросилъ, не для того ли онъ сражался вмѣстѣ съ венгерцами противъ Австріи, чтобы снискать ея расположеніе?

Онъ отвѣчалъ: «я зналъ, что это не болѣе, какъ шутка, ибо безъ Австріи венгерцы не могутъ сохранить своей самостоятельности; это было похоже на домашнюю ссору между мужемъ и женою; не имѣя возможности быть на сторонѣ жены, чтобы не лишиться популярности, я стоялъ при мужѣ, чтобы видѣть, чѣмъ кончится эта потѣха».

Нѣсколько дней спустя Замойскій пришелъ ко мнѣ рано утромъ съ Балшемъ, молдаваниномъ; они прочли мнѣ длинную записку, въ которой предлагалось присоединить къ Румыніи Бессарабію до Днѣстра и передать ленныя права надъ Молдавіей и Валахіей Австріи взамѣнъ уступки ею Польшѣ Галиціи; княжества должны были сохранить всѣ права и привилегіи, какими онѣ пользовались въ настоящее время, съ правомъ избирать самимъ господаря или чтобы онъ назначался австрійскимъ правительствомъ такъ, какъ назначается въ настоящее время банъ Кротіи.

Окончивъ чтеніе записки, Балшъ сказалъ: «почему бы намъ не избрать господаремъ графа Владислава Замойскаго? Его предокъ, Янъ Замойскій, могъ бы быть господаремъ; онъ самъ не захотѣлъ этого, но имѣлъ на то право по своей женѣ, Гризельдѣ Баторовнѣ. Признавъ Замойскаго господаремъ, Австрія дала бы этимъ новое доказательство своего доброжелательства къ Турціи, а посадивъ на польскій престолъ одного изъ эрцгерцоговъ, она низвела бы Россію въ число азіатскихъ державъ и разъ на всегда обезпечила бы цивилизованныя госудаства Европы отъ варварскихъ нападений славянъ».

Замойскій ничего не говорилъ, только улыбался, а я подумалъ, что румынская казна или правительственная касса годилась бы для увеличенія желѣзнаго фонда.

Въ то время, какъ Балшъ старался, такимъ образомъ, провести За-

мойскаго въ господари, а Замойскій мечталъ возстановить Польшу при помощи Австріи, румынскій публицистъ Элоадесъ выводилъ родъ Омерь-паша изъ Баната румынскаго и доказывалъ, что Латачъ передѣлано изъ *Latus*, какъ звали одного изъ предводителей легионовъ Трояна, поселившагося въ Дакии, что Латусы были люди военные и много лѣтъ сражались въ другихъ странахъ, ища случая отличиться на войнѣ.

Такимъ образомъ, явилось два претендента на званіе господаря Молдавіи и Валахіи. Замойскій мѣтилъ на казенный фондъ, желая пріобрѣсти его къ желѣзной кассѣ, а Омерь-паша просто добивался титула правящаго князя.

Споръ о Латачахъ или Латусахъ сталъ извѣстенъ всему Бухаресту, и такъ какъ румыны относились къ Омерь-пашѣ не особенно дружелюбно, то они постарались представить этотъ вопросъ въ смѣшномъ видѣ.

Пріѣхалъ наконецъ и политическій комисарь, дивизіонный генералъ Дервишъ-паша, получившій воспитаніе въ Англіи; онъ хорошо говорилъ по-французски, былъ прекрасно образованъ, даже можно сказать былъ человѣкъ ученый и въ высшей степени справедливый. Съ нимъ пріѣхалъ Хуршидъ-эффенди (впослѣдствіи паша и муширъ) и Даудъ-эффенди, армянинъ, впослѣдствіи также паша и министръ общественныхъ работъ, который, надѣливъ Турцію Гиршемъ, съ его желѣзной дорогой, не захотѣлъ извлечь изъ нея выгоды, а уѣхалъ добровольно со своими милліонами въ Валахію, гдѣ и поселился.

Оригинальна была наша дѣятельность въ Румыніи; трудно было подыскать для нея какое нибудь названіе, которое объяснило бы, для чего мы и австрійцы явились въ Бухарестъ, для чего мы тамъ оставались и какую пользу мы приносили военнымъ дѣйствіямъ и дипломатіи союзныхъ державъ? Русскія войска самымъ спокойнымъ образомъ уходили въ Крымъ, а мы не только не старались помѣшать имъ въ этомъ, но не знали, да и не старались узнать, что они дѣлаютъ. Казалось, будто мы не имѣли иной цѣли, какъ объѣдать румынъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы въ Румыніи не началось какихъ-либо волненій, которыя могли бы отразиться въ Польшѣ и обезпокоить Россію. Молдавію занимали австрійскія войска, но они вступали туда по своему обыкновенію не спѣша, черепашинымъ шагомъ; наше войско ни шагу не двигалось изъ Бухареста; въ Добруджѣ находилась дивизія генерала Ушакова, главная квартира котораго была въ Измаилѣ; въ Брайлловѣ находились еще донцы.

Мои прокламаціи были разбросаны въ Бессарабіи, на Украинѣ, въ Подольской и даже въ Волынской губерніи, но охотники не появлялись; пріѣхало только нѣсколько евреевъ изъ Бердичева и одинъ шляхтичъ изъ Подольской губерніи, Выховскій. Поляки, поступившіе въ нашъ полкъ, — такихъ было, впрочемъ, немного, — принадлежали къ эмигрантамъ

1831 или 1848 года, поселившимся въ Румыніи. Пріѣхало также нѣсколько охотниковъ изъ Парижа. Съ помощью Градовича я учредилъ бюро, въ коемъ собирались свѣдѣнія о движеніи русской арміи и о томъ, что дѣлалось въ Польшѣ и Бессарабіи. На основаніи этихъ свѣдѣній я составлялъ возможно обстоятельные рапорты, которые я представлялъ сердарь-экрему и посылалъ въ Стамбуль.

Румынская знать, по старинному обычаю поднесла сердарь-экрему въ подарокъ двѣ тысячи дукатовъ, Дервишъ-пашѣ тысячу дукатовъ и тысячу мнѣ. Я отклонилъ самымъ вѣжливымъ образомъ этотъ подарокъ, сердечно поблагодаривъ за него румынъ; когда же сердарь-экремъ сталъ настаивать, чтобы я принялъ его, то я сказалъ, что приму эти деньги лишь въ томъ случаѣ, ежели румыны согласятся снабдить на эту сумму казаковъ обувью, бѣльемъ и мундирами. Сердарь-экремъ изъяснилъ свое согласіе также какъ и румыны, и для распредѣленія денегъ составили комиссію, въ которую я назначилъ, съ своей стороны, маіора Воронича и адъютанта маіора Дмитрія Кречулеско. Я велѣлъ тотчасъ напечатать во всѣхъ румынскихъ газетахъ объ этомъ пожертвованіи румынъ въ пользу христіанскаго войска султана и о томъ, что я принялъ этотъ даръ. Они истратили на мундиры и бѣлье гораздо болѣе тысячи дукатовъ, да кромѣ того, князь Кантакузинъ, каймакамъ господаря, пожертвовалъ для казачкаго полка десять лошадей. Такимъ образомъ, казаки были обмундированы съ ногъ до головы; имъ были заказаны даже новыя шапки, и они снова выглядѣли красавцами—а не такими оборванцами, какими они вступили въ Бухарестъ.

Наше мирное пребываніе въ Бухарестѣ было прервано извѣстіемъ, что князь Стирбей, съ соизволенія Высокой Порты, назначенъ румынскимъ господаремъ и уже выѣхалъ изъ Вѣны къ мѣсту своего назначенія. Сердарь-экремъ навѣрно ранѣе зналъ объ этомъ назначеніи, но не сдѣлалъ со своей стороны ничего, чтобы помѣшать ему; теперь же, когда это было дѣло рѣшеное, ему вдругъ захотѣлось во что бы то ни стало устранить это назначеніе. Начали собирать подписи на адресъ, въ которомъ говорилось о нежеланіи румынъ имѣть князя Стирбея своимъ господаремъ, начали готовить враждебныя ему манифестаціи; все это стряпалось въ канцеляріи сердарь-экрема, что было какъ нельзя лучше извѣстно генералу Коронини; мнѣ донесъ объ этомъ префектъ полиціи, который былъ сторонникомъ князя Стирбея. Я познакомился съ этимъ княземъ еще въ Стамбулѣ и мы были съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Признательный сердарь-экрему за его доброжелательное отношеніе ко мнѣ, я предупредилъ его о томъ, что генералу Коронини извѣстно о готовящихся враждебныхъ манифестаціяхъ, которыя могутъ доставить ему непріятность, такъ какъ теперь уже немислмо отмѣнить назначеніе князя Стирбея; ежели сердарь-экремъ полагаетъ,

что прїѣздъ князя и его пребываніе въ Бухарестѣ могутъ быть опасны для спокойствія края, то лучше задержать его въ Журжево. Мое разсужденіе не понравилось сердарь-экрему; Замойскій, присутствовавшій при нашемъ разговорѣ, сказалъ, что сердарь-экремъ, который меня очень любитъ и уважаетъ, надѣялся, что я съумѣю устранить непріязненные манифестаціи, которыя заставятъ князя Стирбея уѣхать изъ Румыніи.

Я представилъ всю затруднительность своего положенія, какъ поляка, которому особенно неудобно имѣть столкновеніе съ муширомъ султана, и заявилъ, что во вниманіе къ моимъ неусыпнымъ трудамъ и моей преданности къ султану, мнѣ не слѣдовало бы поручать столь щекотливаго дѣла, и что его лучше всего возложить на Мазгарь-пашу, котораго, какъ англичанина, всегда защититъ и выгородитъ лордъ Редклиффъ, тѣмъ болѣе, что я не съумѣю исполнить подобнаго порученія; въ интересахъ самого сердарь-экрема лучше бы вовсе не затѣвывать этого дѣла.

Въ тотъ самый моментъ было получено извѣстіе, что Ахметъ-паша, посланный съ пятью полками кавалеріи и артиллеріи для занятія Браилова, подвергся нападенію донцовъ, отступилъ и, проходя со своимъ войскомъ по степямъ, растерялъ его; четыре полка пропали безъ вѣсти. Сердарь-экремъ былъ чрезвычайно разсерженъ и взволнованъ этимъ происшествіемъ. Я сказалъ ему, что отправлюсь, съ его разрѣшенія, съ казаками на розыски пропавшихъ полковъ и займу Браиловъ; это будетъ самая лучшая награда за всѣ мои услуги.

Сердарь-экремъ согласился на это и назначилъ комендантомъ города Мазгарь-пашу, а командующимъ войскомъ Измаилъ-пашу. Я сдалъ имъ немедленно должность, а самъ отправился въ казармы, гдѣ стояли казаки, и выступилъ съ ними на разсвѣтѣ. Замойскій проводилъ меня въ казармы и лично убѣдился каковъ былъ духъ этихъ молодцовъ-казаковъ и съ какой искренней радостью они привѣтствовали своего начальника.

Мы встрѣтили пропавшую кавалерію въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Манассіи; полковые командиры говорили въ свое оправданіе, что они не могли найти въ степи проводниковъ, и не знали какъ ориентироваться, такъ какъ мѣстность имъ совершенно незнакома. Я спросилъ, развѣ у нихъ не было географическихъ картъ? Они расхохотались.

— Какую бы онѣ намъ принесли пользу? Онѣ могутъ быть полезны европейцамъ, а у насъ во всемъ полку не найдется человѣка, который умѣлъ бы обращаться съ этими марафетами (штучками)—насъ этому не учатъ.

Я спросилъ полковника Саулейманъ-бея:

— Да вѣдь у васъ есть молодые офицеры, окончившіе военные училища?

— Есть, но они не знакомы съ географическими картами; этому въ школахъ не обучаютъ.

Впослѣдствіи, присутствуя на экзаменахъ въ военныхъ училищахъ въ Стамбулѣ и Адрианополѣ, я убѣдился, что ученики рисовали красками только звѣрей, птицъ и цвѣты; мнѣ ни разу не случилось видѣть, чтобы ихъ учили исполнять топографическіе рисунки. Неудивительно, что офицеры, получившіе подобное образованіе, могли заблудиться въ степи со своимъ полкомъ. Въ старину, на Востокѣ всадники ориентировались по звѣздамъ, знали употребленіе компаса, нынче это считается варварствомъ, несомвѣстимымъ съ танджиматомъ; они отъ него отстали, а до изученія топографіи не дошли и поэтому болѣе годятся въ зоологи, орнитологи и ботаники нежели въ кавалеристы. Но ихъ нельзя въ этомъ винить.

Другой полковникъ, Изметъ-бей, увѣрялъ меня, что онъ спрашивалъ у всѣхъ, гдѣ копаки Омеръ или Халимъ-паша и гдѣ мой конакъ, но никто не могъ этого сказать ему, поэтому онъ и не нашелъ дороги.

Четвертый изъ пропавшихъ полковъ, по спискамъ именованійся четвертымъ полкомъ конной гвардіи, попался намъ на встрѣчу довольно близко къ Браилову. При этомъ полку находился бригадный генералъ Юсуфъ-паша; ни генералъ, ни полковникъ ни за что не хотѣли вернуться въ Бухарестъ съ проводниками доробанцами. Они заявили рѣшительно, чтобы я съ казаками отвелъ ихъ къ сердаръ-экрему или взялъ бы ихъ съ собой, такъ какъ они не хотятъ вторично блуждать по степи и попасть въ руки русскихъ! Я не могъ вернуться, поэтому взялъ съ собою этотъ полкъ и донесъ о томъ главнокомандующему.

Такова была наша регулярная кавалерія во время войны съ Россіей; неудивительно, что сердаръ-экремъ называлъ казаковъ глазомъ, ухомъ и разумомъ войска; на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ома дворянинъ.

По пути въ Браиловъ, не помню въ окрестностяхъ какой деревни, гдѣ у насъ была дневка, мы устроили великолѣпную охоту, напоминающую времена Тамерлана; человекъ до четырехсотъ отборной кавалеріи, все превосходные стрѣлки, съ тридцатью румынами и 80-ю борзыми, набранными въ окрестностяхъ, разсыпались въ такомъ высокомъ бурьянѣ, что въ немъ могъ скрыться всадникъ верхомъ на конѣ; степь, поросшая бурьяномъ прерывалась нивами и полями, мѣстность была ровная, какъ поле, нигдѣ не видѣлось деревца. Мы охотились безъ всякаго порядка, стрѣляли куда попало; лисицы, зайцы, волки убѣгали въ разныя стороны. Добычей охотниковъ оказалось 600 штукъ разныхъ звѣрей, начиная отъ волковъ и дикихъ кошекъ и кончая куропатками.

Эта охота произвела огромное впечатлѣніе на румынъ, никогда не видѣвшихъ подобнаго войска. Одинъ мѣстный чиновникъ, панъ Каль-

биніано, откомандированный ко мнѣ для особыхъ порученій, написалъ стихи, въ которыхъ, описывая эту охоту, онъ говорилъ, что казаки—потомки того славнаго Сверговскаго, который съ тремя тысячами удалцовъ оборонялся цѣлыхъ два года въ степяхъ Молдавіи противъ мусульманъ. При мнѣ состояло нѣсколько офицеровъ румынъ, уланъ и доробанцевъ; они такъ были воодушевлены этимъ стихотвореніемъ, что нѣкоторые изъ нихъ записались въ казаки, въ томъ числѣ: младшій братъ Іоанна Гики и многіе другіе; даже изъ простонародья многіе записывались въ казаки,—и надобно сказать, что всѣ они служили вѣрою и правдою.

Въ румынахъ пробуждался военный духъ. Этотъ народъ, который считается обыкновенно трусливымъ, изнѣженнымъ, былъ готовъ сѣсть на коня и воевать въ то время, какъ единственными представителями поляковъ, въ нашемъ войскѣ, были какіе-то Ицки, Мойши и Абрамки—бердичевскіе евреи и одинъ единственный шляхтичъ Выховскій, а господа шляхтичи и демократы сидѣли по домамъ, какъ зайцы въ своихъ норкахъ, ожидая, чтобы красные штаны топнули ногою и крикнули вставайте же.

Казалось бы, какое значеніе могла имѣть описанная охота? между тѣмъ она расшевелила турецкую кавалерію, въ ней заговорила татарская кровь, турки начали брататься съ казаками, называли ихъ своими учителями, а паша просилъ меня назначить одного изъ офицеровъ съ нѣсколькими чаусами для обученія ихъ кавалеріи казацкому строю.

Когда мы подходили къ Браилову, мѣстныя власти, духовенство, воспитанники школъ обоюга пола съ хоругвями и пѣснями вышли намъ на встрѣчу. Всѣ жители высыпали на улицу, желая взглянуть на христіанское войско, составленное изъ казаковъ, болгаръ, поляковъ и румынъ, о которомъ рассказывали такъ много чудеснаго. Отдѣльно шла большая группа жидовъ съ пейсами, въ лапсердакахъ, туфляхъ, ермолкахъ и шапкахъ, отороченныхъ мѣхомъ, точь-въ-точь какъ у насъ въ Бердичевѣ. Быть можетъ не одна лисица, украшавшая эти шапки была поймана на моихъ галчинскихъ поляхъ и при помощи моихъ славныхъ борзыхъ; мнѣ сдѣлалось грустно при видѣ этихъ жидовъ. Въ окнахъ стояли жидовки съ цвѣтами въ рукахъ; они забросали насъ цвѣтами, крича: наше войско, наши, дай Богъ вамъ счастья, дай Богъ счастье вернуться въ Бердичевъ. Трудно было не полюбить этихъ жидовъ; невольно приходило на умъ: какъ жаль, что Господь не вложилъ въ сердце поляковъ такихъ чувствъ и такого политическаго разума, какой выказывали евреи, родившіеся на польской землѣ! Если бы Господь оказалъ эту милость полякамъ, быть можетъ Польша существовала бы понынѣ.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Польскій на коронацію императора Александра I.

Слава! протеки вселенну
Быстрой, огненной стрѣлой
И Россію обновленну
Вознося, звучи и пой!
Александръ уже въ коронѣ,
Милость, кротость, благость съ нимъ,
Гдѣ отецъ и другъ на тронѣ
Равенъ царь богамъ самимъ.

Пожертвованіе Демидова.

Рескриптъ императора Александра I статскому совѣтнику Демидову.

4-го апрѣля 1803 г.

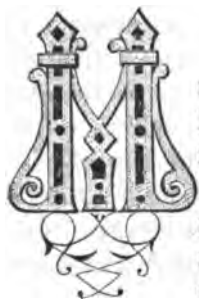
Господинъ статскій совѣтникъ Демидовъ. Министръ народнаго просвѣщенія докладывалъ мнѣ вашъ отзывъ къ нему, въ которомъ предлагаете отъ своего имущества знаменитые дары въ пользу народныхъ училищъ. Принявъ съ отличнымъ благоволеніемъ толь чувствительный доводъ вашей ревности и усердія ко благу отечества, обнадеживаю васъ моимъ императорскимъ словомъ, что всѣ распоряженія ваши, которыя вы сдѣлаете въ помощь училищамъ, я утвержу точно по вашей волѣ и въ память имени благодѣтельнаго онымъ. Пребудьте не меньше увѣрены и въ томъ, что отличную добродѣтель, отлично уважаетъ вамъ благосклонный.

Какъ созданъ памятникъ графу М. Н. Муравьеву.

(По официальнымъ даннымъ).

ысль увѣковѣчить для потомства дѣятельность графа М. Н. Муравьева высказалась очень рано. Она явилась неволью, какъ облегченный вздохъ русской души, освободившейся отъ ужасовъ польскаго мятежа. Надо слышать современниковъ и очевидцевъ, чтобы понять, что переживали русскіе люди Сѣверо-Западнаго края въ началѣ 1863 года, когда, видя колебаніе, нерѣшительность властей, слыша о жестокостяхъ жандармовъ-вѣшателей и успѣхахъ мятежниковъ, о заступничествѣ за нихъ европейскіхъ державъ, даже сильные духомъ впадали въ уныніе и съ нескрываемымъ страхомъ смотрѣли на будущее. Общественный упадокъ духа усиливался еще отъ объявленнаго въ городѣ Вильнѣ и другихъ городахъ военнаго положенія, запрещавшаго частныя и общественныя собранія и увеселенія, выходъ изъ дому по заходѣ солнца и т. под. Понятно послѣ этого, какъ русскіе люди должны были воспрянуть духомъ, когда увидѣли въ новомъ начальникѣ края человѣка твердаго, съумѣвшаго рѣшительными мѣрами въ короткое время затушить пожаръ мятежа. М. Н. Муравьевъ пріѣхалъ въ Вильну 14-го мая 1863 года, а въ ноябрѣ тамъ уже служили благодарственные молебны по случаю прекращенія мятежа. Радостное и благодарное настроеніе виленскаго русскаго общества и его свѣтлыя надежды на лучшее будущее яснѣ всего высказались въ поданномъ 8-го ноября, на имя виленскаго губернатора С. Ѳ. Панютина, прошеніи, съ подписями болѣе 500 лицъ, во главѣ съ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашкою. Въ немъ писалось: «Въ тотъ день, когда православная цер-

*

ковь совершаетъ празднество Архистратигу Михаилу, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ одною изъ священныхъ обязанностей высказать торжественно безграничную благодарность тому, кто въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣлъ водворить въ краѣ спокойствіе и гражданскій порядокъ. Желая сохранить память въ потомствѣ о его высокопревосходительствѣ и связать его имя съ будущими судьбами здѣшняго края, мы просимъ ваше превосходительство ходатайствовать о разрѣшеніи подписки для сооружеія православной церкви во имя Архангела Михаила въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ угодно начальнику края, съ тѣмъ, чтобы въ этой церкви возносились молитвы за него и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвъ усмиренія мятежа 1863 года»¹⁾).

Въ отвѣтъ на это прошеніе М. Н. Муравьевъ, принявъ выраженные сочувствія ему съ сердечной благодарностью, отказался отъ такого выраженія почтенія къ его личности и дѣятельности, высказавъ при этомъ, что онъ на жертвуемья (путемъ подписки) деньги желалъ бы возобновить въ подобающемъ величіи одинъ изъ древнихъ православныхъ храмовъ въ городѣ Вильно—Николаевскую церковь, основанную, по сказанію литовскихъ лѣтописцевъ, второю женою Ольгерда (1349—1377 г.г.). Церковь эта, прибавлялось въ отвѣтъ, въ настоящее время не только не соотвѣтствуетъ знаменитости памятника, но и мало удовлетворяетъ современному положенію православнаго храма. Въ такомъ смыслѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ изложено было государю императору ходатайство виленцевъ, на что 16-го ноября послѣдовало высочайшее разрѣшеніе, а 18-го, въ день объявленія подписки, въ Вильнѣ уже получена была первая лепта (100 руб.) отъ архіепископа Черниговскаго Филарета съ очень прочувственнымъ письмомъ къ М. Н. Муравьеву²⁾. Затѣмъ потекли щедрыя пожертвованія отъ всѣхъ сословій, не исключая и крестьянъ³⁾ не только Сѣверо-Западнаго края, но и центральной Россіи. Одно изъ пожертвованій прислано было отъ петербургскаго гражданина при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«На возобновленіе въ городѣ Вильнѣ древнѣйшей православной Николаевской церкви, принося свою лепту (100 руб.) въ память умиротворенія вамп Западнаго края, прошу васъ не отвергнуть моихъ, давно таившихся чувствъ благодарности и глубочайшаго къ особѣ вашей уваженія.

«Большинство нашего общества не очень давно поняло, что народъ въ Западномъ краѣ есть русскій народъ—наши родные братья, трепетавшіе и терзаемые дѣлые вѣка подъ страшнымъ гнетомъ папства и

¹⁾ „Архивъ Виленскаго Генераль-Губернаторства“ 1863 г., № 826, л. 1.

²⁾ Тамъ же. л. 3-й.

³⁾ Тамъ же, листъ 10-й.

ядовитаго іезуитизма. Этихъ-то забытыхъ, полузадушенныхъ нравственно и физически нашихъ братьевъ, отъ которыхъ до сихъ поръ заслоняли и скрывали паны-владыки заботливую любовь о нихъ отца-царя, вы, какъ Архистратигъ Михаилъ, явились спасителемъ и охранителемъ.

«Русскіе люди знаютъ, какихъ трудовъ, какихъ самопожертвованій стоило вамъ одолѣніе враговъ нашихъ. Невѣдомый міру, смиренный гражданинъ города Петербурга, смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство въ чувствахъ благодарности къ вамъ моихъ согражданъ. Если-бы не опасеніе обезпокоить васъ изъявленіемъ благодарностей, то вѣрно дворецъ; вами занимаемый, былъ давно бы заваленъ адресами людей всѣхъ сословій, званій и состояній! Но при этомъ не скрою отъ вашего высокопревосходительства, что мы, не посвященные въ тайны правительственныхъ дѣлъ, смотримъ на будущее съ боязнью и думаемъ, расчищенная вами родная нива найдетъ ли достойныхъ васъ преемниковъ и воздѣльвателей?»

«Дай Богъ, чтобы родная наша нива современемъ не заросла опять административными плевелами и ядоноснымъ терніемъ іезуитизма.

«Петербургскій гражданинъ».

Между тѣмъ пожертвованія стекались со всѣхъ сторонъ и чрезъ десять мѣсяцевъ, занятый сборомъ пожертвованій комитетъ доносилъ, что сумма пожертвованій превышаетъ 42.511 руб. и ежедневно увеличивается въ значительномъ количествѣ. Эта сумма превышала смѣту на ремонтровку храма, почему рѣшено было построить при церкви часовню въ честь Архангела Михаила. Хотя М. Н., по своей скромности, снова уклонялся отъ посвященія часовни памяти его управленія и тщательно вычеркивалъ изъ бумагъ тѣ мѣста, гдѣ говорилось объ этомъ, однако спустя годъ «Михайловская часовня» была готова и освящена митрополитомъ Іосифомъ 8-го ноября 1866 г. ¹⁾

Въ то время, какъ Вильна стремилась увѣковѣчить память своего генераль-губернатора постройкой церкви и часовни его имени, о томъ же старалась и деревня.

Въ архивѣ виленскаго генераль-губернаторства мы встрѣчаемъ три прошенія (1864 г.) о постройкѣ часовень въ деревняхъ: Требуховщицкѣ, Головенчицахъ, въ с. Березницѣ и храма въ городѣ Мозырѣ. Всѣ эти

¹⁾ На передней части часовни сдѣлана слѣдующая надпись: „Часовня сія во имя Св. Архистратига Михаила воздвигнута въ 1865 году, во время возобновленія церкви Св. Николая, въ благодарность начальнику Сѣверо-Западнаго края Михаилу Николаевичу Муравьеву, за водвореніе въ край спокойствія и возвеличеніе православія“.

постройки были воздвигнуты въ честь Архангела Михаила и посвящены благодарными современниками памяти начальника края ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди русскихъ людей крѣпла мысль о созданіи М. Н. Муравьеву памятника. Среди виленцевъ долгое время упорно циркулировалъ слухъ, что Муравьеву даже былъ предложенъ проектъ памятника, но онъ отказался. Хотя подобнаго проекта въ дѣлахъ архива не имѣется, но въ 1893 году, на одномъ засѣданіи комитета по устройству нынѣшняго памятника, виленскій генераль-губернаторъ Оржевскій указывалъ на этотъ слухъ, какъ на имѣющій достовѣрность, а архіепископъ виленскій Донатъ добавилъ, что ему даже извѣстенъ сотрудникъ Муравьева, знавшій объ упомянутомъ проектѣ и отказѣ ²⁾. Достовѣрность слуха, повидимому, подтверждается также появленіемъ въ Вильнѣ, еще въ бытность тамъ Муравьева, небольшой статуэты, изображавшей его во весь ростъ, съ открытой головой, приблизительно такъ, какъ онъ изображенъ теперь на виленскомъ памятникѣ. Можетъ быть, это и была модель памятника Муравьеву, задуманная среди его сослуживцевъ и поклонниковъ, а потомъ повторенная въ нѣсколькихъ экземплярахъ, которые видѣли въ генераль-губернаторскомъ дворцѣ, въ Публичной Библиотекѣ и архіерейскомъ домѣ ³⁾.

¹⁾ Писемъ крестьянскихъ общинъ къ графу М. Н. съ пожертвованіями сохранилось въ архивѣ нѣсколько. Между прочимъ (въ одномъ изъ нихъ, подписанномъ старостами и старшиною Язненской волости, выражалась просьба „принять добровольное наше приношеніе (40 руб.) на созданіе церкви Архангела Михаила, послѣдовавшее отъ искреннихъ чувствъ благодарности за дѣлность нашего сельскаго хозяйства и ваше отеческое покровительство“. Изъявили желаніе, чрезъ ломжинскаго губернатора, присоединиться къ пожертвованіямъ на церковъ-памятникъ евангелическое, еврейское общества и римско-католическіе приходы г. Ломжи, но М. Н. отказался разрѣшить подписку на пожертвованіе подъ тѣмъ предлогомъ, что постройкой православныхъ храмовъ озабочено само правительство и на этотъ предметъ уже найдено достаточно средствъ. Прося объявить означеннымъ обществамъ благодарность, М. Н. разрѣшалъ подписку на постройку какаго-нибудь богоугоднаго заведенія въ г. Ломжѣ или русскаго училища для бѣдныхъ дѣтей. (Арх. Вилен. генер.-губер. 1864 г., №№ 1449, 1432, 1298 и др). Нѣсколько такихъ же прошеній и сельскихъ приговоровъ встрѣчаемъ въ дѣлахъ за 1865 г. Свою благодарность и желаніе увѣковѣчить память М. Н. Муравьева крестьяне Сѣверо-Западнаго края выразили въ многочисленныхъ приговорахъ и прошеніяхъ о высылкѣ имъ портретовъ его (на ихъ счетъ) и непременно „въ золотой рамѣ“. Тамъ же, дѣло 1864 г.. № 1722.

²⁾ Арх. Вилен. генер.-губ. Дѣло по сооруженію памятника гр. М. Н. Муравьеву.

³⁾ Лица, видѣвшія одинъ экземпляръ такой статуэты, рассказываютъ, что она была бронзовая, вершковъ 10 вышиной. Архивныя бумаги авторомъ ея называютъ генераль-лейтенанта Цейдлера, мѣстные старожилы приписываютъ ее академику Чижову.

Послѣ короткаго патріотическаго и въ русскомъ духѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ наступилъ довольно продолжительный періодъ, въ который все Муравьевское предавалось забвенію и порицанію. Въ части нашей столичной печати и общества появились противники политики и дѣятельности Муравьева, котораго изображали чуть-ли не Робеспьеромъ, Альбою виленскаго генераль-губернаторства шестидесятихъ годовъ. Эти нападки встрѣчали иногда отпоръ, но время было либеральное, въ русское общество и въ печать широкой струей началъ вливаться космополитизмъ, полонофильство, почему громко возражать опасались. Изъ «Муравьевскихъ людей» города Вильны нѣкоторые «измѣнили тому, кому прежде поклонялись, нѣкоторые смолкли и не только опасались подать голосъ за созданіе памятника Муравьеву, но даже не помянули 25-ти-лѣтія со времени пріѣзда его въ Вильну и замалчивали о такомъ фактѣ, какъ закрытіе «Михайловской часовни». Девятнадцать лѣтъ (1870—1889 г.) стояла она забытая, заброшенная, безъ присмотра и ремонта, недоступная для посѣтителей. Но наступили лучшія времена. Пора либеральныхъ увлеченій миновала, императоръ Александръ III далъ патріотически-національное направленіе русской жизни, а въ политикѣ внутренней и вѣшной твердо былъ провозглашенъ принципъ: «Россія для русскихъ». Тогда иначе стали смотрѣть и на всѣхъ, заявившихъ себя патріотизмомъ въ прошломъ, вспомнили о заслугахъ и политикѣ Муравьева, о которомъ слышались трезвыя сужденія сравнительно съ печатью семидесятихъ годовъ. Въ Вильнѣ была открыта и отремонтирована «Михайловская часовня» и въ обществѣ начали громко поговаривать о постановкѣ памятника Муравьеву.

Въ концѣ 1890 года нѣсколькими русскими обывателями и домовладѣльцами города Вильны было написано прошеніе на имя виленскаго генераль-губернатора И. С. Коханова объ исходатайствованіи высочайшаго разрѣшенія подписки на памятникъ М. Н. Муравьеву и начали собирать подписи къ прошенію. Изъ дѣла, возбужденнаго этимъ общественнымъ движеніемъ, не видно, чтобы прошеніе виленцевъ было подано генераль-губернатору, но что онъ вынулъ общественному мнѣнію и пожелалъ быть его выразителемъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая докладная записка, поданная на имя министра внутреннихъ дѣлъ Дурново 19-го февраля 1891 года ¹⁾: «Среди виленскаго русскаго общества возникла мысль объ устройствѣ въ городѣ Вильно памятника покойному графу М. Н. Муравьеву. Вполнѣ сочувствуя этой идеѣ и желая оказать, съ своей стороны, всякое къ осуществленію ея содѣйствіе, я при томъ полагаю, что средства, которыя могутъ образоваться

¹⁾ Арх. Вилен. генер.-губ. Дѣло о созданіи памятника М. Н. Муравьеву въ г. Вильнѣ.

вслѣдствіе пожертвованій мѣстнаго русскаго общества Сѣверо-Западнаго края будутъ крайне недостаточны, почему желательно было бы расширить кругъ подписки на упомянутую дѣль. Вслѣдствіе сего я, не сомнѣваясь, что предложеніе объ устройствѣ памятника М. Н. Муравьеву встрѣтитъ повсемѣстное среди русскаго общества сочувствіе, имѣю честь обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой, не признаете ли вы возможнымъ испросить высочайшее соизволеніе на открытіе для этой надобности повсемѣстной подписки и образованіе въ Вильнѣ комитета для сбора и приема пожертвованій».

На эту просьбу 10-го марта того же года послѣдовалъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ, объявлявшій о высочайшемъ соизволеніи на повсемѣстное открытіе подписки съ тѣмъ, чтобы проектъ памятника былъ представленъ на высочайшее утвержденіе. Въ томъ же мѣсяцѣ былъ открытъ специальный комитетъ для сбора и приема пожертвованій, а также и для устройства самаго памятника. Въ него входили кромѣ предсѣдателя—начальника края, губернаторы: виленскій, ковенскій, гродненскій, виленскій архіепископъ, предсѣдатель казенной палаты, начальникъ штаба виленскаго военнаго округа, городской голова и нѣкоторые другіе чиновники. На первомъ же своемъ засѣданіи 25-го октября того же года комитетъ занялся редактированіемъ воззванія о пожертвованіяхъ на памятникъ. Въ немъ говорилось, что русскіе, живущіе въ западныхъ губерніяхъ и прежніе сотрудники М. Н. Муравьева, проникнутые благодарною памятью къ его государственнѣмъ заслугамъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, пожелали увѣковѣчить его имя сооруженіемъ въ городѣ Вильнѣ памятника, на каковой предметъ высочайше разрѣшена повсемѣстная подписка. «Великая государственная заслуга Муравьева (добавлялось въ воззваніи), засвидѣтельствованная съ высоты престола въ рескриптѣ на имя покойнаго графа 28-го апрѣля 1865 года, извѣстна и близка каждому русскому сердцу на всемъ пространствѣ Россійской имперіи. Имя Муравьева дорого всѣмъ русскимъ людямъ за пробужденіе въ умахъ сознанія, основаннаго на непоколебимыхъ историческихъ данныхъ и на оставшихся еще непоколебимыхъ обломкахъ общественной жизни здѣшняго люда, языкѣ и обычаяхъ старины русской, что здѣшняя окраина нашего отечества, какъ была Русью, такъ Русью и останется. Монаршее соизволеніе на сооруженіе памятника графу Муравьеву открываетъ нынѣ всѣмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на увѣковѣченіе его дѣлъ въ народной памяти. И въ данномъ случаѣ дорогъ будетъ не только рубль, но и каждая копейка»¹⁾.

¹⁾ Тоже дѣло. См. также „Вилен. Вѣстн.“ 1891 г., № 108.

Разосланныя всюду и напечатанныя во всѣхъ большихъ газетахъ воззванія комитета скоро привлекли значительныя пожертвованія, такъ что къ 8 ноября 1892 года было собрано 36.220 рублей 46 коп. Въмѣстѣ съ ростомъ капитала въ обществѣ и печати начали появляться различныя мнѣнія о томъ, что надо разумѣть подъ памятникомъ, причемъ предполагали увѣковѣчить имя Муравьева устройствомъ какого-нибудь богоугоднаго или учебнаго заведенія, или даже изданіемъ обстоятельнаго сочиненія о М. Н. Муравьевѣ и его времени. Вопросъ о мѣстѣ для памятника поднимался на трехъ засѣданіяхъ и наконецъ былъ избранъ скверъ, находящійся на Дворцовой площадкѣ и отпущено 550 рублей на изслѣдованіе почвы.

Вмѣстѣ съ упомянутыми вопросами комитетъ въ каждомъ засѣданіи усиленно занимался выборомъ проекта памятника, наиболѣе соотвѣтствующаго достоинству и заслугамъ того, кому онъ воздвигался. Всего было представлено девять проектовъ, изъ коихъ остановились на проектѣ художника Грязнова, представлявшаго сходство съ упомянутой выше статушкой-моделью, авторъ которой названъ въ бумагахъ генераль-маіоромъ Цейдлеромъ. Этотъ проектъ и былъ представленъ на высочайшее утвержденіе. 13-го декабря 1896 года по этому поводу виленскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ П. В. Оржевскій получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ (№ 1588) извѣщеніе, что по его всеподданнѣйшему докладу государю императору было угодно: 1) представленный проектъ памятника утвердить, 2) мѣстомъ для памятника назначить Дворцовую площадь, и 3) повелѣтъ принять мѣры къ скорѣйшему производству сооруженія ¹⁾. Осуществить проектъ, исполнить самую трудную часть работы и притомъ усиленно и спѣшно пришлось комитету, во главѣ съ новымъ предсѣдателемъ—начальникомъ края, генераль-адъютантомъ В. Н. Троицкимъ. Къ этому времени въ распоряженіи комитета было 55.400 рублей въ цѣнныхъ бумагахъ и 28 руб. 36 коп. наличными. Исполненіе статуи въ модели и оригиналѣ, а равно пьедестала и другихъ частей памятника было поручено академику Чижову; по его же проекту гранитныя части взялась исполнить финская фирма «Россъ и Дюръ».

3-го октября 1897 года была торжественно совершена закладка памятника, дальнѣйшія работы надъ которымъ извѣстны изъ газетъ и журналовъ.

Исполненіе памятника очень удачно: основаніемъ его служатъ четыре каменные ступени, на которыхъ установленъ пьедесталъ изъ гранитныхъ монолитовъ, изъ которыхъ одинъ вѣсомъ 2.620 пудовъ. На пьедесталѣ утверждена темно-бронзовая статуя графа М. Н. Муравьева. Онъ изобра-

¹⁾ Дѣла комитета по устройству памятника гр. М. Н. Муравьеву.

женъ въ полный ростъ, въ мундирѣ, съ открытой головой, правая рука его опирается на суковатую палку, которую онъ всегда носилъ по причинѣ своего болѣзненнаго состоянія, лѣвой рукой держится за ремень шпаги. Обращенное къ проѣзду лицо графа строго, но спокойно. Когда смотришь на фигуру съ правой стороны, то она имѣетъ какъ-будто болѣзненный видъ, но это не уменьшаетъ ея величія. Внизу статуи, на пьедесталѣ, надпись: «Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ», а наоборотъ «1863—1865 г.г.».

А. М—въ.

Поправка.

Въ статьѣ „Архіепископъ Гавріилъ и графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ“ (ноябрьская книжка) на стр. 469 строка 12 сверху, послѣ слова привѣтствіе слѣдуетъ добавить: „священникомъ Гербиновскимъ; въ отвѣтъ же на его прощальную рѣчь одесской паствѣ, 1 мая 1848 г., провознесено было слово“ востоятелемъ и проч.

На стр. 474 той же книжки, въ выноскѣ напечатано съ 16-го до 23-го апрѣля, слѣдуетъ читать съ 16-го января до 23-го апрѣля.

ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ
въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

XXIII ¹⁾.

Санъ-Стефано отъ объявленія мира (19-го февраля) до отъѣзда великаго князя въ С.-Петербургъ (17-го апрѣля).

Нашу полугодовую походную жизнь я помню очень хорошо, такъ что я могъ прослѣдить ее изо-дня-въ-день; но сдѣлать то же самое со вторымъ полугодіемъ, проведеннымъ въ Санъ-Стефано, я не въ состояніи. Я могу только припомнить выдающіяся событія этого періода и выразить общій характеръ санъ-стефанской жизни въ нѣсколькихъ словахъ: жизнь была очень однообразная, скучная, мало интересная, тревожная; чувствовалось уныніе духа отъ политическихъ неудачъ, отъ малосодержательности жизни и отъ всякихъ эпидемій. Возгоралась ненависть къ нашимъ врагамъ, не туркамъ, а англичанамъ, ощущалась тоска по родиѣ и страстное желаніе скорѣй вернуться домой и проч. Къ рѣдкимъ свѣтлыми проблескамъ отношу чудное купаніе въ Мраморномъ морѣ, чудныя южныя ночи, съ милліонами летающимъ въ темнотѣ свѣтляковъ, теплый климатъ, гдѣ все дозрѣваетъ и принимаетъ даже чудовищныя размѣры, гдѣ если и пришлось намъ всѣмъ похворать, то хворалось легко и наконецъ—интересное сосѣдство Царьграда. Вотъ и все, о чемъ пріятно вспомнить.

¹⁾ См. «Русск. Стар.», 1898 г., ноябрь.

Послѣ 19-го февраля, разговоры о нашемъ скоромъ возвращеніи въ Россію стали понемногу утихать, и наконецъ вовсе затихли. Когда выяснилось, что наши войска остаются въ Турціи, тогда вдругъ нахлынули изъ Царьграда въ Санъ-Стефано разные эксплуататоры; рестораны умножились, приняли вполне приличный видъ и каждый изъ нихъ отличался какою-нибудь особенностью. Въ одномъ умѣли хорошо готовить щи, кашу, кулебяки и другія русскія блюда; въ другомъ имѣлись всегда омары и хорошая рыба; въ третьемъ искусно жарили свѣжую дичь, бекасовъ, вальдшнеповъ, и т. д. Мы выучили рестораторовъ подавать намъ все à la russe—это значило, чтобъ порціи были большія. Одинъ изъ ресторановъ былъ рядомъ съ театромъ; чрезъ щели, можно было видѣть изъ ресторана, что дѣлается на сценѣ, а пѣніе можно было слышать не хуже, чѣмъ сидя въ театрѣ. Въ оперные дни, по вечерамъ хозяинъ торговалъ очень бойко, такъ какъ его посѣтители, сидя за кружкой пива, могли даромъ слушать пѣвцовъ.

Откуда-то явилась итальянская опера; храбрый импрессарио не стѣснялся выборомъ оперъ. Конечно, нельзя было быть очень строгимъ къ исполненію и извѣстный хоръ старичковъ изъ «Фауста» исполнялся только четырьмя пѣвцами, которые всякими правдами и неправдами, при помощи жестовъ и стучанія въ тактъ посохами по полу, заслуживали даже bis. Примадонна была наша русская барышня Котовичъ, дочь моряка; она пѣла не дурно и очень музыкально, но ей было немного жутко, когда она очутилась одинокой среди совсѣмъ исключительной Санъ-Стефанской обстановки. Она была очень рада познакомиться съ моею женою, которая взяла ее подъ свое покровительство. Кромѣ театра, были разные *café-chantant*; въ одномъ изъ нихъ: «*Concordia*», игралъ женскій оркестръ. Все это по вечерамъ было переполнено офицерами, которые пріѣзжали въ Санъ-Стефано съ мѣсть расположенія ихъ частей гурьбой въ ротныхъ телѣгахъ; тѣмъ же порядкомъ, эти же телѣги доставляли ихъ ночью обратно на бивакъ.

Бывало сидишь вечеромъ у себя въ саду, слѣдишь за тысячами мелькающихъ, какъ искры передъ глазами, огненныхъ жуковъ, наслаждаешься очаровательной южной, теплой ночью, прислушиваешься къ мягкому прибою Мраморнаго моря, которое было отъ моего дома въ пятнадцать шагахъ, а издали доносится музыка или нѣчто въ родѣ рева—это господа офицеры выказываютъ свое благоволеніе какой-нибудь пѣвицѣ, которая въ извѣстной аріи изъ «*Fille du régiment*» вмѣсто *Salut à la France!* поетъ: *Salut à la Russie!* Я часто посѣщалъ эти кабачки, тоже увлекался общимъ движеніемъ и принималъ дѣятельное участіе въ несовсѣмъ общепринятыхъ способахъ выраженія одобренія.

Офицеры не знали куда дѣвать свои силы и какъ убить время; оттого ихъ веселье принимало иногда весьма странную, но во всякомъ случаѣ безобидную форму. Такъ напримѣръ однажды въ «Конкординъ», вечеръ выдался довольно шумный. Не будь тамъ молоденькихъ нѣмочекъ, игравшихъ въ оркестрѣ, офицерамъ никогда не пришло бы въ голову дѣлиться на партіи, которыя на этотъ разъ до того разбушевались, что пришлось прекратить вечеръ раньше времени. Одни требовали исполненія однихъ пьесъ, а другіе другихъ. Между офицерами подвизались и не отставали отъ нихъ и жизнелюбивые генералы. Споръ рѣшился самъ собою—офицеры стали тушить огни, такъ что въ саду сдѣлалось совсѣмъ темно. Всѣ смѣялись и въ самомъ хорошемъ настроеніи разошлись по домамъ. Но несмотря на то, одинъ изъ генераловъ, участвовавшій наканунѣ въ партійныхъ волненіяхъ, счелъ необходимымъ доложить объ этомъ шумѣ графу Шувалову. Графъ, выслушавъ съ улыбкой его рассказъ, отвѣтилъ ему: «Охота вамъ, mon cher, быть старостой тамъ, гдѣ веселится молодежь». Тѣмъ все и кончилось.

Однажды офицерское веселье вдругъ обратилось въ панику—въ этотъ вечеръ было землетрясеніе; всѣ бросились къ выходамъ, а многіе даже повискакали изъ оконъ. Во время землетрясенія, я былъ у себя дома и тоже выскочилъ на улицу; нѣтъ никакихъ силъ оставаться въ домѣ, когда почувствуешь колебаніе почвы. Мнѣ показалось, что въ домѣ всѣ связи нарушаются и все должно непременно рухнуть; мысль останавливается, человѣкъ перестаетъ разсуждать и опрометью стремится наружу. Замѣчательно, что солдаты, спавшіе въ палаткахъ на землѣ, вовсе не ощущали колебанія. Вскорѣ ударъ повторился, но уже гораздо слабѣе.

Между прочимъ, въ этотъ вечеръ случился весьма забавный эпизодъ съ однимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Г., пріѣхавшимъ въ Санъ-Стефано на нѣсколько дней по дѣламъ службы. Побывать въ Турціи и не видѣть настоящей гаремной турчанки, казалось ему такъ же невозможнымъ, какъ быть въ Римѣ и не видать папы. Поэтому онъ поручилъ какому-то греку, непременно устроить ему ужинъ съ турчанкой и не иначе какъ съ гаремной. Пріѣхавшая изъ Царьграда затворница въ продолженіе всего ужина не открывала своего лица, такъ что генераль могъ любоваться только ея непокрытыми черными, блестящими глазами. Они объяснялись между собой мимикой. Вдругъ раздается подземный ударъ; турчанка вскочила изъ-за стола, начала креститься и закричала «Господи, спаси насъ грѣшныхъ!» Турчанка была ошеломлена отъ удара, а генераль вдвое. Не будь землетрясенія, онъ никогда бы не узналъ, что грекъ его надулъ, устроивъ ужинъ, съ ловкой, православной одесспеткой. Генераль ночевалъ у моихъ товарищей и былъ такъ сконфуженъ двойною неожиданностью, что, ложась спать,

забылъ снять съ себя галстухъ и Владимира на шеѣ; такъ и проспалъ съ нимъ до самаго утра—смѣху было много.

Я помѣстился съ женой въ Санъ-Стефано въ домѣ одного армянина на самомъ берегу Мраморнаго моря; у насъ были двѣ комнаты, за которыя я платилъ ему въ мѣсяць сто рублей. Моего хозяина можно современемъ забыть, но его носъ—никогда; у него былъ не носъ, а цѣлыхъ три багровыхъ носа, одинъ на другомъ; на нихъ росли водоросли, мхи и другія тайнобрачныя растенія. Когда онъ былъ чѣмъ-нибудь очень доволенъ, тогда онъ кивалъ не спѣша головой и одновременно кистью руки, приговаривалъ: «пѣки, пѣки, пѣки»; но не дай Богъ было его разсердить; тогда у него загорались глаза, носы синѣли, онъ подымалъ голову, чмокалъ какъ-то особенно по восточному языкомъ и частилъ: «іокъ, іокъ, іокъ». Я помню его такимъ, когда онъ узналъ, что наши денщики напустили ему въ садъ самыхъ злѣйшихъ садовыхъ враговъ, а именно черепахъ. Съ этихъ поръ мы его окрестили і о к о м ѣ. Я у него прожилъ полгода; имени его я не зналъ и никогда съ нимъ не бесѣдоваль, а только платилъ ему въ срокъ деньги, на что онъ мнѣ всегда отвѣчалъ одно и тоже: «пѣки, пѣки, пѣки», причемъ отъ удовольствія, онъ закрывалъ глаза и тихо кивалъ головой и рукой.

Къ нашему дому прилегалъ небольшой тѣнистый садикъ, приносявшій моему хозяину порядочный доходъ; въ немъ росли гранаты, шелковица, кукуруза, баклажаны, аршинныя длинныя тыквы, полуаршинныя огурцы вѣсомъ до трехъ фунтовъ и проч. Проживъ съ полгода въ этомъ домѣ, я имѣлъ возможность внимательно прослѣдить съ начала до конца огородную культуру, которая доведена на Востокъ до совершенства. Огородами всегда завѣдуютъ братушки; а способъ поливки до того интересенъ, что стоитъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Шагахъ въ трехъ отъ сада, совсѣмъ въ сторонѣ былъ сооруженъ громадный колодезь саженнаго діаметра. Онъ былъ выложенъ внутри камнемъ на цементѣ; конный приводъ приводилъ въ движеніе водочерпательный механизмъ, состоящій изъ множества ведеръ, черпающихъ безостановочно воду. Вода выливалась на землю и уже сама текла прямо въ садъ моего хозяина, по маленькимъ вырытымъ на улицахъ канавкамъ, которыя нисколько не мѣшали движенію экипажей, такъ какъ экипажъ могъ безпрепятственно переѣзжать черезъ нихъ. При входѣ въ огородъ, вода направлялась братушкой туда, куда ему хотѣлось; насытивъ одну полосу земли, онъ перегораживалъ путь водѣ землей и направлялъ ее на другую полосу. Въ продолженіе часа весь огородъ былъ обильно политъ. Конечно, для этого необходимо, чтобъ колодезь былъ выше сада, чтобъ садъ былъ расположенъ на небольшомъ склонѣ и чтобъ овощи росли не на грядахъ, а въ бороздахъ. При этихъ условіяхъ по-

ливки и при южномъ солнцѣ, овощи доходятъ въ Турціи до колоссальныхъ размѣровъ.

Мнѣ наняли въ Царьградѣ на все лѣто парную коляску со старымъ туркомъ на козлахъ. Это удовольствіе было не дешевое и обходилось дороже чѣмъ въ Петербургѣ, но безъ экипажа нельзя было обойтись, въ особенности въ то время, когда нашъ полкъ былъ переведенъ изъ Санъ-Стефано на позицію въ Кулели, верстахъ въ пяти отъ него; мнѣ приходилось ежедневно ѣздить туда изъ Санъ-Стефано на ученье, послѣ котораго обыкновенно я возвращался къ себѣ домой. Кромѣ того ежедневно по вечерамъ, мы ѣздили съ женой кататься по окрестностямъ Царьграда и часто захватывали съ собой кого-нибудь изъ знакомыхъ. Мой старый турокъ былъ очень типиченъ въ своемъ національномъ костюмѣ; онъ кормился вмѣстѣ съ нашими денщиками и въ продолженіе всего лѣта, въ родѣ Чичиковскаго Петрушки, ни разу не раздѣвался. Онъ былъ очень мягкаго характера и даже не разъ плакалъ, когда рассказывалъ мнѣ, при помощи переводчика, о своей денежной зависимости отъ хозяина.

Вообще говоря, я вынесъ изъ похода воспоминанія о туркахъ, какъ о хорошемъ, трезвомъ народѣ. Нигуда не годятся только люди, стоящіе въ Турціи во главѣ; они всѣ алчные, продажные, порочные; только имъ однимъ и обязана Турція своимъ распаденіемъ, только имъ и обязана Болгарія своимъ воскрешеніемъ.

Противъ того дома, въ которомъ я жилъ, стоялъ домикъ, тоже на берегу моря, принадлежавшій г-ну Шнейдеру; въ этомъ домѣ происходили переговоры уполномоченныхъ, назначенныхъ для заключенія Санъ-Стефанскаго мира. Они сходились въ этотъ домикъ ежедневно по два раза въ извѣстные часы. Графъ Игнатъевъ приходилъ всегда пѣшкомъ съ портфелемъ подъ мышкой, а Савфетъ-паша пріѣзжалъ обыкновенно въ ландо. На него нельзя было долго смотрѣть; онъ страдалъ постоянно нервнымъ подергиваніемъ лица и тѣмъ производилъ непріятное впечатлѣніе.

Въ то время вся Европа интересовалась тѣмъ, что происходило въ этомъ домикѣ; но мы какъ-то мало думали о томъ, что въ немъ происходитъ событіе многозначительное. Къ тому же мы такъ привыкли встрѣчать на улицѣ одни и тѣ же лица, что для насъ какой-нибудь Савфетъ-паша или графъ Игнатъевъ (люди самые интересные въ то время) были ни болѣе, ни менѣе, какъ только знакомыя лица.

Ежедневно на площади, передъ домомъ великаго князя, собирался часовъ около двухъ военный міръ. Тутъ можно было встрѣтить гвардейскихъ офицеровъ разныхъ полковъ, лицъ изъ свиты великаго князя, пріѣзжихъ изъ Петербурга отъ всякихъ благотворительныхъ учреждений и, наконецъ, даже кандидатовъ на болгарскій престолъ. Принцъ

Батенбергскій, будущій князь Болгаріи, а въ то время только поручикъ какого-то прусскаго кавалерійскаго полка съ 2-хъ вершковымъ бѣлымъ воротникомъ на мундирѣ, пробылъ въ Санъ-Стефано не долго; всѣ знали, что покойный государь Александръ II предназначилъ его быть княземъ Болгаріи.

Это былъ настоящій кандидатъ, но тутъ же вертѣлась около главной квартиры еще одна личность изъ родовитыхъ, но выродившихся князей; маленькій, жиденькій, съ виду французъ, ежедневно онъ появлялся въ фешенебельной часъ на площади верхомъ на красивомъ ворономъ конѣ, который, во время его бесѣды съ знакомыми, все время продѣлывалъ, не сходя съ мѣста, высшую школу. Не знаю почему, но онъ всѣмъ казался жаждущимъ кандидатуры.

Съ прїѣздомъ дамъ, офицеры немного занялись своимъ туалетомъ; у кого проглядывала сильная сѣдина, тѣ вовсе сбрасывали бороду, а другіе приводили ее только въ порядокъ. Не могу безъ смѣха вспомнить разсказъ одного молодого офицера Егерскаго полка, котораго Богъ не обидѣлъ волосами; онъ самымъ серьезнымъ образомъ разсказывалъ мнѣ, что ему пришлось заплатить цырюльнику два четвертака лишь за то, чтобъ расчесать его бороду, которая за время похода свалилась въ войлокъ.

Сначала намъ было разрѣшено ѣздить въ Константинополь въ военной формѣ; но вслѣдствіе какого то недоразумѣнія, поѣздки были прекращены, а затѣмъ снова разрѣшены, но не иначе какъ въ гражданскомъ платьѣ. Офицеры бросились разыскивать себѣ шляпы, пальто, пиджаки у мѣстныхъ грековъ и армянъ, которые снабжали ихъ своимъ поношеннымъ платьемъ. На станціи, передъ отходомъ поѣзда, составлялся форменный маскарадъ изъ самыхъ невозможныхъ, а подчасъ и жульническихъ костюмовъ. Припоминаю видъ одного нашего поручика: высокіе смазные сапоги въ заплаткахъ, брюки военные съ кайтомъ, прикрытые длиннымъ пальто на ватѣ, которое, несмотря на жару, ему пришлось таскать весь день на себѣ; другою пальто онъ не добылъ. Въмѣсто галстука, шея была повязана какимъ то полотенцемъ; на головѣ феска ярко-краснаго цвѣта. Поручикъ разсказывалъ мнѣ, что въ Царьградѣ стѣснялись впускать его въ чистыя гостиницы. Все это придавало только веселья нашимъ поѣздкамъ. Но въ Санъ-Стефано вскорѣ же появились магазины, въ которыхъ можно было достать пиджаки, пальто, шляпы. Многіе изъ офицеровъ вовсе не умѣли носить штатское платье; длинныя брюки заворачивали внизу, а шляпу напяливали до самыхъ ушей на затылокъ. Иногда происходила въ вагонахъ, по дорогѣ въ Царьградъ, вторичная примѣрка; офицеры мѣнялись между собой шляпами, пальто, и выходило какъ будто лучше.

Великій князь тоже часто ѣздилъ по желѣзной дорогѣ въ Царь-

градъ. Между его высочествомъ и султаномъ возстановились самыя лучшія отношенія; онъ бывалъ у него во дворцѣ въ Чараганѣ и совершенно свободно, никого и ничего не боясь, ѣздилъ по улицамъ Константинополя; останавливался въ сераскиратѣ, гдѣ происходили ученья, и громко высказывалъ похвалу турецкимъ аскерамъ.

Описывать Царьградъ я не буду; упомяну только о нѣкоторыхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ этого города. Турецкіе жители Царьграда, конечно, сейчасъ же признали въ насъ переодѣтыхъ военныхъ; но никакой злобы, никакого недоброжелательства къ намъ не было въ нихъ замѣтно. Мы ходили совершенно свободно по городу, ничего не боялись и показывались даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ могъ бы легко проявиться мусульманскій фанатизмъ; но ничего подобнаго не было,—я говорю о селамликѣ и о храмѣ св. Софіи, въ которомъ были въ то время помѣщены несчастные турецкіе бѣженцы.

Въ одну изъ пятницъ, когда султанъ, по своему обыкновенію дѣлаетъ свой еженедѣльный выѣздъ изъ дворца въ мечеть для совершенія молитвы, мнѣ удалось попасть на эту церемонію. Для иностранцевъ была устроена отдѣльная ложа, изъ которой можно было прекрасно видѣть все торжественное шествіе. Въ ложѣ набралось много офицеровъ. Турецкіе войска были размѣщены шпалерами вдоль дороги, идущей изъ дворца въ мечеть. Впереди султана, ѣхавшаго верхомъ на чудномъ конѣ, шли по обѣ стороны дороги, одинъ за другимъ турецкіе паши; они показались мнѣ всѣ жирными съ брюшкомъ, сутуловатыми; осанка штатская, а совсѣмъ не военная; шли понурия голову и смотрѣли себѣ подъ ноги, а не впередъ. Султанъ (Абдуль-Гамидъ) былъ въ черномъ двухбортномъ гражданскомъ сюртукѣ и въ темно-вишневой фескѣ. Онъ мнѣ показался очень маленькимъ и очень блѣднымъ. Мы обнажили головы, но султанъ, по существующему обычаю, не посмѣлъ взглянуть на гяуровъ, а тѣмъ болѣе отвѣтить намъ на наше привѣтствіе. Въ это время я подумалъ, не есть ли это *popens*—терпѣть въ Европѣ, гдѣ всѣ отношенія между людьми регулируются извѣстными законами, обычаями, такой народъ, который невѣжество относительно иностранцевъ считаетъ за достоинство мусульманина.

Султанъ подѣхалъ къ мечети, слѣзъ съ коня и вошелъ въ нее. Во время его молитвы, въ мечети не бываетъ ни единой души, а муэдзинъ въ это время показывается на минаретѣ и призываетъ своими возгласами всѣхъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Но на улицѣ никто не молится; народъ шумитъ, а военные, составивъ ружья, гуляютъ и разговариваютъ между собой. По истеченіи получаса, султанъ выходитъ изъ мечети, садится уже не на коня, а въ коляску и рысью возвращается во дворецъ. Народъ бросается къ коляскѣ и бросаетъ въ нее письменныя просьбы, доносы и проч. Но это удается не многимъ, такъ какъ

коляска двигается быстро. Дежурный генераль-адъютантъ скачетъ верхомъ за коляской и отбираетъ у остальныхъ просителей бумаги, а полицейскіе кавасы, при помощи тумачковъ, направляютъ смѣлыхъ просителей обратно въ толпу. Общій смѣхъ. Затѣмъ начинается церемоніальный маршъ; войско дефилируетъ не мимо султана, а мимо ихъ начальниа. Въ этотъ разъ впереди шли саперы, держа въ рукахъ лопаты и кирки; ихъ кожаные черные фартуки, придавали имъ видъ нашихъ кузнецовъ; за ними шли трубачи, которые, приложивъ трубы къ губамъ, дѣлали только видъ какъ будто они трубятъ, что производило театральное впечатлѣніе; далѣе шли войска. Но самое красивое зрѣлище на селамликѣ представляла многотысячная толпа, стоявшая вокругъ; такой пестроты, такого разнообразія въ цвѣтахъ одежды, нигдѣ въ Европѣ не увидишь. Это былъ букетъ, весьма яркій, красивый издали, но вмѣстѣ съ тѣмъ грязный; на улицѣ сильно пахло Востокомъ.

Въ другой разъ мы съ женой посѣтили храмъ св. Софіи и очутились среди 5-ти тысячъ бѣженцевъ-турокъ, которыхъ временно пріютили въ этой громадной мечети. И опять ни въ комъ изъ нихъ не было замѣтно никакой злобы къ намъ, несмотря на то, что для турка единственнымъ виновникомъ его разоренія долженъ былъ казаться не кто иной какъ гауръ—русскій. При входѣ въ храмъ, насъ встрѣтили двое священнослужителей, которые сейчасъ же чуть-чуть не подрались—всякому изъ нихъ хотѣлось быть нашимъ проводникомъ; тотъ, который былъ по здоровѣе взялъ верхъ; онъ повелъ насъ по лѣстницѣ на верхнія галереи. Весь храмъ внизу и всѣ галереи были переполнены турками, которые сидѣли маленькими живописными семейными кружками; среди нихъ были больные, слабые и даже умершіе; вездѣ проглядывала нищета, страданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ покорность судьбѣ. Запахъ въ мечети былъ невыносимый. Трудно себѣ представитъ людей болѣе несчастныхъ: они навсегда покинули свои родныя мѣста, ихъ имущество было разграблено, дома разрушены, скотъ уничтоженъ. Вернуться обратно на свое пепелище, было для нихъ немислимо, тамъ уже сдѣлались хозяевами братушки. Въ настоящее время, я даже удивляюсь тому, что мы не побоялись прогуливаться среди такой массы людей, враждебно настроенныхъ противъ русскихъ.

Я былъ радъ выйти изъ храма; впечатлѣніе, вынесенное мною оттуда, было очень тяжелое. Къ тому же я былъ возмущенъ и никакъ не могъ переварить той гадости, которую позволилъ себѣ мулла,—онъ наскребъ со стѣны горсть старой византійской мозаики, которою выложена вся внутренность храма сверху до низу, поднесъ ее мнѣ и попросилъ башкишъ. Святую Софію разносятъ систематично не алчные муллы, а тѣ туристы, которые выучили ихъ соскабливать за деньги мозаику со стѣнъ.

Солдатъ тоже отпускали въ Царьградъ, но они ѣздили туда маленькими группами; выбирались же для того люди самаго лучшаго поведенія. Они прїѣзжали оттуда веселые, довольные поѣздкой. Судя по тому, что они рассказывали, можно было замѣтить, что всё воспринятая за день впечатлѣнія перецутывались у нихъ въ головѣ; но всякій изъ нихъ непремѣнно рассказывалъ, что турчанки ходятъ по улицамъ въ панталонахъ, чего никакъ не могъ переварить русскій мужичекъ.

Послѣ 19-го февраля между Санъ-Стефаномъ и нашими черноморскими портами, возстановилось правильное сообщеніе; провизія, фуражъ и проч. все привозилось къ намъ изъ Россіи. Къ офицерамъ понаѣхали жены, матери, родственницы какъ близкія, такъ и дальнія. Многіе изъ офицеровъ получили кратковременныя отпуска въ Россію. Папаша привозили въ Санъ-Стефано засидѣвшихъ дѣвъ и молодежь сблизалась скоростижно; шикники на Принцевы острова имѣли рѣшающее значеніе. На Санъ-Стефанскомъ рейдѣ постоянно стояли на якорѣ наши черноморскіе военные суда, крейсеровавшіе во время войны на Черномъ морѣ; они были выкрашены въ цвѣтъ, довольно близко подходящій къ цвѣту воды, а по обѣ стороны бортовъ торчали длинные минные шесты. Моряки были такъ любезны, что предлагали намъ для прогулокъ ихъ маленькіе паровые катера. Это были тѣ миноноски, которыя взрывали на Дунаѣ турецкіе мониторы; но ихъ нельзя было теперь узнать—онѣ были разоружены и представляли изъ себя не болѣе, ни менѣе, какъ только чистенькую лодочку для катанья.

Мы часто ѣздили въ гости къ морикамъ, которые стояли на рейдѣ; они угощали насъ чисто русскимъ обѣдомъ. Во время одного изъ такихъ посѣщеній, мнѣ удалось съ палубы увидѣть интересный миражъ: вдали отъ насъ шелъ пароходъ, который былъ до того ясно виденъ, что даже можно было различить красную окраску его нижней части. Вдругъ этотъ пароходъ, на моихъ глазахъ, начинаеть по немногу погружаться въ море; сперва пропала красная полоса, а далѣе сталъ тонуть и самъ пароходъ; надъ водой остались однѣ только мачты, наконецъ и тѣ пропали. Я былъ увѣренъ, что передо мной произошла аварія, но хозяинъ судна, на которомъ мы находились, вышелъ къ намъ на палубу и объяснилъ, что это былъ миражъ. Этотъ пароходъ шелъ отъ насъ такъ далеко, что при нормальномъ состояніи воздуха, его нельзя было и видѣть; но рефракція воздуха, вслѣдствіе сильнаго зноя, приподняла его надъ водой. Мы же наблюдали, именно, тотъ моментъ, когда рефракція кончалась и пароходъ, тѣмъ же порядкомъ какъ подымался, сталъ опускаться.

Трудно себѣ вообразить, что нибудь однообразіе жизни въ Санъ-Стефано; вспоминая время проведенное тамъ, не знаешь на чемъ оста-

новиться. Въ теченіе всего времени, не было ни одного выдающагося событія, ни одного сильнаго ощущенія, ни одной свѣтлой минуты. Угнетеніе нашего духа возрастало съ каждымъ днемъ: мы, хотя и не знали, что творится на Берлинской конференціи, но предвидѣли что-то не ладное. Впрочемъ, иногда выдавались дни, въ которые однообразіе жизни слегка нарушалось какимъ-нибудь не особенно значительнымъ событіемъ, или чьей-нибудь смертью, или чьимъ-нибудь прїѣздомъ изъ Россіи и проч. Такъ, напримѣръ, въ Санъ-Стефано умеръ одинъ изъ выдающихся людей, изъ плеяды царствованія Александра II-го, князь Черкасскій, завѣдывавшій гражданскою частью въ Болгаріи; потомъ скончался отъ тифа генераль-майоръ свиты его величества Ѳеодоръ Александровичъ Фулонъ, бывшій преобращенецъ и рѣдкой души человекъ; мы все его ужасно любили и душевно о немъ скорбѣли. Ему было поручено весьма трудное дѣло—дезинфекція тыла нашей арміи, который былъ до того сильно загаженъ всякими ужасами войны, что могъ легко служить разсадникомъ эпидемій и заразы.

Къ числу болѣе свѣтлыхъ воспоминаній, я отношу встрѣчу, устроенную прїѣхавшимъ изъ города Скутари въ Санъ-Стефано плѣннымъ русскимъ офицерамъ и солдатамъ. Этотъ городъ лежитъ противъ Царьграда, на Босфорѣ, на Азіятскомъ его берегу. По разсказамъ плѣнныхъ, ихъ содержали тамъ довольно хорошо. Когда подѣхалъ къ пристани пароходъ съ плѣнными, тогда мы все побѣжали имъ на встрѣчу, солдатки, сходя съ парохода на Санъ-Стефанскую пристань, снимали шапки и крестились. Между ними былъ полковникъ Клевезаль, командиръ Орловскаго полка, попавшій въ плѣнъ подъ Еленой. Въ статскомъ платьѣ, съ длинной бородой, онъ былъ неузнаваемъ; его закидывали вопросами, на которые онъ не успѣвалъ отвѣчать. Я мысленно переживалъ съ нимъ тѣ сложные чувства, которыя должны были охватить человека, только что вырвавашагося изъ плѣна и попавшаго снова въ кругъ близкихъ товарищей.

Не могу не вспомнить объ одномъ изъ многихъ обѣдовъ, которые устраивалъ у себя Скобелевъ, жившій противъ меня въ томъ самомъ домѣ, гдѣ былъ заключенъ Санъ-Стефанскій миръ. При этомъ домѣ былъ садикъ на самомъ берегу моря, а въ саду былъ накрытъ обѣденный столъ человекъ на двадцать. Къ извѣстному часу стали подходить и подѣзжать къ дому военные агенты иностранныхъ державъ: бывшіе въ свитѣ главнокомандующаго. Тутъ были и французы и нѣмцы, косоглазые японцы, турки и другіе. Обѣдъ былъ устроенъ Скобелевымъ съ предвзятою цѣлью собрать у себя международный букетъ изъ дванадесяти языкъ. Между гостями, вперемежку, сидѣли его лихіе ординарцы, за которыми, во время такихъ обѣдовъ, генералъ слѣдить не

менѣе зорко, чѣмъ за гостями, все время приговаривая имъ въ пользу: «накачивайте здоровѣе вашего сосѣда». Между прочимъ, однажды, вышелъ такой случай: одинъ турокъ, понявъ русскую рѣчь, адресованную Скобелевымъ къ ординарцу, обратился къ генералу съ умоляющимъ видомъ, и на довольно чисто русскомъ языкѣ, сказалъ: «ваше превосходительство, рѣшительно, не могу больше пить».

На крышѣ моего дома, по восточному обычаю, была площадка съ навѣсомъ; мы часто лазили туда, чтобъ любоваться чуднымъ видомъ на море и на Царьградъ, который бѣлѣлся вдали. Съ этой площадки можно было прекрасно слѣдить за этимъ интереснымъ обѣдомъ. Стремленіе къ популярности было въ характерѣ Скобелева; такой пестрый букетъ могъ подобрать только онъ одинъ. Но этому выдающемуся человѣку нельзя было не прощать его слабыхъ сторонъ характера; онъ затмевался другими, положительными качествами этой личности.

Послѣ обѣда генераль приказалъ сдѣлать выводку его конямъ; гости обступили его бѣлаго коня, а генераль имъ что-то рассказывалъ; потомъ онъ поднялъ коню переднюю ногу и началъ ковырять копыто; гости впились глазами въ копыто и со вниманіемъ слушали его разсказъ. Бѣлый конь былъ поданъ къ десерту; этимъ кончился обѣдъ.

Въ числѣ войскъ, стоявшихъ подъ Царьградомъ, были и моряки, тѣ самые, которые отличались въ началѣ войны на Дунаѣ и которымъ теперь у Мраморнаго моря нечего было дѣлать, такъ какъ самый насущный вопросъ о минированіи Дарданеллъ былъ еще до перемирія рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Великій князь счелъ возможнымъ вернуть моряковъ въ Россію. Въ день, назначенный для отплытія, его высочество, желая съ ними проститься, приказалъ выстроить ихъ на площади передъ своимъ домомъ. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ жили тоже на этой площади; окна ихъ квартиры выходили на площадь, а у нихъ въ помѣщеніи стояло плохенькое піанино, на которомъ я иногда поигрывалъ. Въ это утро я зашелъ въ эту квартиру съ поручикомъ Алексан. Мих. Охотниковымъ, у котораго былъ очень обширный и необыкновенно сильный басъ. На этотъ разъ онъ обѣщалъ мнѣ спѣть романсъ Гумберта: «Прошу васъ птички объ одномъ» — *cheval de bataille* его репертуара. Углубившись въ музыку, мы и не замѣтили, что въ это время великій князь былъ уже на площади и прощался съ моряками. Окна на площадь были открыты. По моей просьбѣ поручикъ Охотниковъ въ это самое время, подражая діакону, провозглашалъ съ потрясающей силой «многая лѣта», постепенно возвышая голосъ и доходя до страшнаго фортиссимо; это выходило у него неподражаемо хорошо, но давалось ему не легко: отъ натуги глаза и жилы на лицѣ наливались кровью. Не успѣлъ онъ произнести послѣдній слогъ воз-

гласа—ттт...а, какъ кто-то изъ товарищей вбѣжалъ къ намъ въ комнату со словами:

— Что вы дѣлаете; великій князь долженъ былъ нѣсколько разъ прерывать свою рѣчь отъ вашего крика.

Мы съ Охотниковымъ слегка струхнули, боясь, что намъ зададутъ за «многая лѣта». Но чаша миновала насъ благополучно. Живо воображаю себѣ эту картину: на площади абсолютная тишина, среди которой откуда-то доносится чей-то зычный голосъ, постепенно растущій и постепенно поднимающій тонъ этого красиваго возгласа.

XXIV.

Отъѣздъ великаго князя въ Россію.—Переходъ Преображенскаго полка изъ Санъ-Стефано въ Кулели.

Великій князь прожилъ съ нами въ Санъ-Стефано немного болѣе двухъ мѣсяцевъ; разстроенное здоровье заставило его вернуться въ Россію. Онъ простился съ войсками въ приказѣ и сдѣлалъ 17-го апрѣля парадъ. Передавъ командованіе войсками генераль-адъютанту Тотлебену, его высочество отбылъ изъ Санъ-Стефано моремъ. Послѣ отъѣзда его высочества наша жизнь измѣнилась, она получила немного иной характеръ. Вслѣдствіе недружелюбнаго къ намъ отношенія Европы, а слѣдовательно и турокъ, потомъ вслѣдствіе усиленной тифозной эпидеміи, генераль Тотлебенъ рѣшилъ измѣнить мѣста нашихъ стоянокъ. При выборѣ новыхъ биваковъ имѣлись въ виду и гигиеническія, и стратегическія условія. Нашъ полкъ устроился въ пяти верстахъ отъ Санъ-Стефано, въ Кулели, на маленькомъ пригоркѣ, которыми изобилуетъ вся окрестность Царьграда.

Скучнѣе и несимпатичнѣе нашего бивака трудно себѣ что-нибудь вообразить; вокругъ насъ разгуливали черепахи и небольшія змѣи. Сосѣдство всякихъ гадовъ было крайне несприятно, въ особенности же когда они залѣзали къ намъ въ палатки.

Офицеры пріобрѣли себѣ чудныя турецкія палатки, которыя были несравненно лучше нашихъ; въ нихъ было просторно и онѣ были сдѣланы изъ плотнаго матеріала. Громадную турецкую палатку раскинулъ на нашемъ бивакѣ грекъ Спонекъ, который потянулся за нами изъ Санъ-Стефано въ Кулели. Онъ открылъ у насъ ресторанъ и не переставалъ кормить вплоть до нашего отъѣзда въ Россію. Старичекъ-поваръ былъ очень угодливый и объяснялся съ нами на французскомъ волапюкѣ.

По утрамъ въ ротахъ происходили ученья, на которыя я ежедневно прїѣзжалъ въ коляскѣ изъ Санъ-Стефано; послѣ же ученья я отъѣзжалъ обратно въ Санъ-Стефано къ себѣ на дачу. Кромѣ учений, людямъ приходилось много работать въ Санъ-Стефано при разгрузкѣ приходившихъ изъ Россіи съ хлѣбомъ и фуражомъ пароходовъ. Дни шли однообразно, а наши отношенія къ туркамъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись. Во время перекройки Болгаріи на Берлинской конференціи турки не дремали и возвели въ короткое время подъ стѣнами Царьграда массу укрѣпленій, такъ что городъ, въ который до 19-го февраля мы могли свободно войти церемоніальнымъ маршемъ, сдѣлался теперь неуязвимымъ. Наше положеніе, несмотря на полную побѣду, выходило изъ ряду вонъ. Мы уничтожили всю Турцію, прижали ее къ Босфору, заключили миръ, а между тѣмъ настоящаго мира не было—его можно было назвать вооруженнымъ. Турки укрѣпляли Царьградъ, а мы все время были въ боевой готовности. Судя по вновь воздвигнутымъ укрѣпленіямъ, которыя могъ видѣть всякій ѣхавшій по желѣзной дорогѣ въ Царьградъ, они были очень серьезной профили. Всѣ турецкія войска были сосредоточены въ столицѣ, а англичане могли ежедневно усилить свой флотъ новыми броненосцами. Мы никакихъ укрѣпленій не возводили, но наши биваки были все-таки расположены въ боевомъ порядкѣ. Планъ дѣйствій на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ былъ разработанъ; а всѣмъ частямъ, даже по отдѣльности каждому баталіону, были указаны тѣ мѣста, на которыхъ въ одну ночь должны были у насъ появиться редуты. На этихъ мѣстахъ были вбиты колья для опредѣленія линій и размѣровъ предполагаемыхъ укрѣпленій.

Ежедневно назначалась часть на аванпостную службу. Моей ротѣ пришлось однажды простоять цѣлыя сутки на аванпостахъ подъ громаднымъ деревомъ грецкихъ орѣховъ; они уже начинали поспѣвать и были довольно нѣжны на вкусъ. Денщикъ набралъ мнѣ цѣлую корзину орѣховъ; ради скуки я сталъ очищать ихъ отъ толстой, зеленой, мясистой оболочки, въ которой былъ скрытъ орѣхъ. Оказалось, что совсѣмъ не такъ-то легко было отдирать эту оболочку отъ неспѣлаго плода; да къ тому же всѣ мои пальцы выкрасились въ фіолетовую краску тѣмъ іодистымъ началомъ, которымъ изобилуетъ зеленая кожура; нѣсколько дней я не могъ смыть съ пальцевъ фіолетовыя пятна.

Время настало тревожное; изъ предосторожности мы дѣлали ученья гдѣ-нибудь подалеже за позиціей, чтобъ только не тревожить турокъ, а мѣсто для стрѣльбы въ цѣль намъ отвели даже очень далеко, а именно въ Кучукъ-Чекмедже. Этимъ достигалось то, что наши выстрѣлы не могли быть слышны въ турецкомъ лагерѣ. Мы все чего-то ждали и не были увѣрены въ томъ, что турки не учинятъ намъ какой-нибудь гадости. Тревога по всей линіи расположенія нашихъ войскъ, вызванная

изъ-за пустяковъ въ Духовъ день, вполнѣ характеризуетъ то тревожное время, которое мы тогда переживали. Въ Троицу кто-то изъ пашей потребовалъ, чтобъ у насъ были снесены вышки, которыя были сооружены для наблюденія за турками; въ случаѣ отказа паша осмѣлился даже пригрозить тѣмъ, что приметъ мѣры. Требованіе паша доложили генералу Тотлебену; отвѣтъ былъ таковъ, что на слѣдующій день всѣмъ войскамъ было приказано сняться съ биваковъ и занять боевую позицію.

Не зная объ этомъ распоряженіи генерала Тотлебена я въ полномъ спокойствіи легъ спать въ Санъ - Стефано, но вскорѣ же былъ разбуженъ денщикомъ, заявившимъ мнѣ, что войска снимаются съ позицій по тревогѣ и готовятся къ бою съ турками. Я не могъ сообразить, про какой бой онъ говорилъ; наконецъ, зачѣмъ бой, когда уже заключенъ миръ? Я поскакалъ ночью верхомъ на бивакъ, а коляску и денщика оставилъ женѣ на тотъ случай, если дѣйствительно произойдетъ что-нибудь серьезное. Уѣзжая изъ Санъ-Стефано, я сказалъ женѣ, чтобъ она, въ случаѣ нужды, пристроилась со своей коляской къ главной квартирѣ и слѣдовала за ней.

На бивакѣ я впервые узналъ о причинѣ тревоги. Мы снялись съ бивака и заняли позицію. Въ продолженіе всего дня мы были въ ожиданіи того, что какой-нибудь дуракъ выстрѣлитъ и тѣмъ заварить общую кашу. День миновалъ благополучно; дѣло разъяснилось и уладилось. Сколько мнѣ помнится, то требованіе о снятіи вышекъ было личнымъ распоряженіемъ какого-то дерзкаго паша. Къ вечеру всѣ успокоились, а наши палатки были снова раскинуты на тѣхъ же мѣстахъ. Единственный человекъ, который сохранилъ во время тревоги полнѣйшее спокойствіе и не тронулся съ мѣста, это былъ нашъ старичекъ-поварь. Когда всѣ покинули бивакъ, тогда онъ, оставшись одинъ со своей зеленой палаткой, говорилъ, что ничего не будетъ.

Можно себѣ легко вообразить, что должны были испытывать во время тревоги барыни, которыхъ наѣхало изъ Россіи не мало; многія изъ нихъ жили на позиціяхъ въ палаткахъ. На это обстоятельство весьма основательно обратилъ вниманіе генералъ Тотлебенъ и издавъ приказъ, по которому онъ предлагалъ удалить женскій элементъ изъ Санъ-Стефано. Я помню, что этотъ приказъ возбудилъ много разговоровъ. Главнокомандующій имѣлъ неоспоримое право требовать удаленія женщинъ съ биваковъ, но Санъ-Стефано до него не касалось: это былъ городокъ, гдѣ могъ проживать всякій. Все-таки этотъ приказъ отчасти достигъ своей цѣли—многія барыни испугались и тотчасъ же уѣхали въ Россію; но болѣе энергичныхъ онъ не испугалъ и онѣ только перебрались съ мѣстъ расположенія войскъ въ Санъ-Стефано.

Я выше упомянулъ, что въ нашихъ войскахъ появилась сильная тифозная эпидемія; тифомъ переболѣли почти всѣ, но смертность

была самая незначительная. Серьезныхъ больныхъ отправляли въ госпитали, а захворавшихъ тифомъ слегка оставляли въ ротахъ въ большихъ зеленыхъ палаткахъ, взятыхъ на прокатъ въ Царьградѣ специально для этой цѣли. Въ ротахъ былъ только домашній гигиеническій уходъ за больными; имъ давали отлеживаться, поили виномъ. Мнѣ помнится, что въ особенно большомъ ходу было какое-то вино съ ярлычкомъ: *Vain-Vguel*. Больные лежали безъ движенія, блѣдные, точно готовились къ смерти, а между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ ихъ уже можно было видѣть на ногахъ. Бывали такіе періоды, что сразу лежало въ тифѣ полъ-роты; въ такіе моменты боевые ряды уменьшались вдвое.

По побережью Мраморнаго и Эгейскаго морей, часто появляются разныя эпидеміи, но по замѣчанію покойнаго доктора Боткина, характеръ эпидемій, несмотря на антисанитарную обстановку восточной жизни, всегда не серьезный, а процентъ смертности самый пустой. Счастливые результаты эпидеміи надо приписывать чудному климату побережья. Если бы тамъ не было такъ скучно и такъ неудобно для жизни, то Мраморное море съ Принцевыми островами было бы чудной и навѣрно любимой климатической станціей. Такого теплаго, мягкаго, ровнаго, безъ перерывовъ, купанья, какъ въ Мраморномъ морѣ, трудно и подыскать; сезонъ купанья очень продолжительный. Выздоровливающихъ отъ тифа прямо посылали въ море купаться. Когда я началъ выздоравливать, то сначала этотъ совѣтъ показался мнѣ страшнымъ; но видя какъ другіе полощатся въ водѣ, я рѣшился искупаться несмотря на сильную слабость въ ногахъ, которая осталась у меня послѣ болѣзни.

Легкость воды въ Мраморномъ морѣ чрезвычайная; при ея возмущеніи, хотя бы рукой, она вся пропитывается въ видѣ пѣны самыми мелкими воздушными пузырьками, которые потомъ тихо и долго поднимаются къ поверхности; нигдѣ такъ легко не вспѣнишь воду какъ въ этомъ морѣ.

XXV.

Возвращеніе въ Россію. — Нагрузка войскъ. — Севастополь. — Прибытіе въ Петербургъ.

Насталъ іюль. Снова заговорили о возвращеніи въ Россію и на этотъ разъ мы не ошибались. Въ Санъ-Стефано начали удлиннять пристань для болѣе удобной нагрузки. Въ тотъ день, когда работала на пристани моя рота, я встрѣтилъ тамъ генерала Элліса, которому было

поручено устройство этой пристани. Отъ него я узналъ, что съ черно-морскимъ обществомъ пароходства и торговли уже заключено условіе на перевозку войскъ, и что на этихъ же дняхъ начнется ихъ эвакуація. Передъ началомъ ея, въ первыхъ числахъ августа, генералъ Тотлебенъ сдѣлалъ войскамъ парадъ. Парадъ былъ веселый; изъ Царьграда наѣхало много любопытныхъ, а въ свѣтъ генерала находились приглашенныя турецкіе паши.

Высшее начальство не забыло и о полковыхъ дамахъ. Всѣмъ мужьямъ, братьямъ, сыновьямъ и проч. было запрещено ихъ брать съ собой на пароходъ, при отъѣздѣ въ Россію, и каждой изъ нихъ было предоставлено самой добраться до Россіи. Нѣкоторыя дамы сумѣли обойти поставленныя этимъ приказомъ преграды и обратились къ джентельманству командировъ тѣхъ пароходовъ, на которыхъ насъ отвозили. Онѣ отправлялись наканунѣ грузенія на пароходъ и объяснили капитану ихъ положеніе; капитанъ отдавалъ имъ свою каюту и такимъ образомъ онѣ возвращались въ Россію.

Наконецъ, настала очередь грузиться и Преображенскому полку.

19-го августа мы отплыли, уже подъ вечеръ, на пароходъ Русскаго общества, а вошли въ Босфоръ, когда уже было темно. Капитанъ приказалъ опустить якорь и рѣшилъ простоять на Босфорѣ до разсвѣта. Ночь была темная, тихая, теплая; небо вызвѣдило. Офицеры, забывъ о снѣ, устроились на палубѣ отдѣльными кружками, вспоминали прошедшее, но болѣе мечтали о недалекомъ будущемъ и любовались чудной картиной, которую представлялъ освѣщенный тысячами огней Царьградъ. Это было міровое зрѣлище, красивѣе и грандіознѣе котораго нельзя ни подыскать ни придумать; всѣ засидѣлись на палубѣ до поздней ночи.

Чуть свѣтъ, капитанъ снялся съ якоря и самымъ тихимъ ходомъ двинулся по Босфору. Я одѣлся и вышелъ на палубу. Проспать небольшой 30-ти верстный переходъ по Босфору, я считалъ за преступленіе, тѣмъ болѣе, что выйдя въ Черное море, можно было выпатъся вѣласть. На Босфорѣ насъ обогналъ крейсеръ Добровольнаго флота, на которомъ отвозили въ Россію какой-то гвардейскій полкъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Крейсеръ шелъ онъ насъ саженьяхъ въ полутора са, а воды Босфора довольно ясно доносили до насъ звуки Преображенскаго марша. За немѣлїемъ музыки, мы не могли отвѣчать тѣмъ же, но зато наши солдатики, отъ которыхъ тоже бѣжалъ сонъ, отвѣтили гвардейцамъ громкимъ ура и маханіемъ шапокъ.

Переходъ по Черному морю изъ Царьграда въ Севастополь, былъ очень однообразенъ. Днемъ отъ скуки мы стрѣляли изъ револьверовъ въ дельфиновъ, которые преслѣдовали нашъ пароходъ, идя по его сто-

ронамъ одинаковымъ съ нимъ ходомъ. Цѣлѣть въ нихъ было не трудно, но несмотря на то ни одна пуля ихъ не задѣла.

Пароходъ вошелъ въ военную гавань Севастополя и причалилъ, благодаря природнымъ качествамъ этой чудной бухты, такъ близко къ берегу, что мы могли сходить на набережную по доскамъ, перекинутымъ на нее прямо съ парохода. Вступая на родную землю, всѣ люди крестились.

Въ Севастополѣ начались приготовленія къ царскому смотру; государь жилъ въ это время въ Ливадіи. Мундиры были приведены въ полный порядокъ; ежедневно совершались репетиціи церемоніальнаго марша. Государь сдѣлалъ намъ смотръ и назначилъ своими флигель-адъютантами трехъ нашихъ офицеровъ, графа Влад. Павл. Граббе, Рейтерна (Алекс. Максимовича) и барона Рокасовскаго (Влад. Плат.). На этомъ смотрѣ, генераль-маіоръ Раухъ, командовавшій въ походѣ нашей дивизіей, былъ сдѣланъ генераль-маіоромъ свиты его величества.

Севастополь задалъ намъ блестящій балъ.

Воинскіе поѣзды поволокли насъ въ Петербургъ такъ же медленно, какъ, годъ тому назадъ, насъ везли въ Турцію. Полкъ доѣхалъ до станціи Колпино, переночевалъ въ деревнѣ Кузьмино и на другой день уже пѣшкомъ направился въ Петербургъ. Входъ полка въ столицу 8-го сентября былъ весьма торжественный; всѣ люди, безъ исключенія, были увѣшаны вѣнками, которые имъ подавали со всѣхъ сторонъ.

Этимъ я оканчиваю свои воспоминанія. Россія исполняла свою историческую миссію отдѣленія христіанства отъ ислама, постепенно и періодично отодвигая исламъ въ его первобытныя границы. Напряженіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи было громадное; но ей не дали вполне воспользоваться одержанной побѣдой. Россія, какъ рыцарь, выступила въ защиту праваго дѣла; а Европа, какъ торгашъ, изъ личныхъ интересовъ, а главное изъ боязни усиленія Россіи, не постыдилась выступить въ защиту насплію.

Политическія плотины, сооружаемыя поперекъ естественныхъ теченій, дѣйствительно могутъ ихъ на время задержать,—но уничтожить само теченіе, онѣ не могутъ. Напротивъ того, отъ задержаннаго теченія выростаетъ сила, которая обязательно, рано или поздно, прорветъ или затопитъ плотину.

Александръ Александровичъ Берсъ.

Пожертваніе адмирала Ушакова.

Рескриптъ сенатору графу Александру Сергѣевичу Строганову.

2-го января 1807 г., С.-Петербургъ.

До свѣдѣнія моего дошло, что между приношеніями въ даръ отечеству, предложенными въ здѣшнемъ дворянскомъ собраніи, адмиралъ Ушаковъ представилъ алмазную челенгу, турецкимъ султаномъ ему пожалованную. Отдавая полную справедливость благороднымъ чувствованіямъ, къ такому пожертванію его побудившимъ, почитаю я, что сей знакъ сохраненъ долженъ быть въ потомствѣ его памятникомъ подвиговъ, на водахъ Средиземнаго моря имъ оказанныхъ. Почему и желаю я, чтобы вы, объявивъ адмиралу Ушакову благодарность мою за столь знаменитое пожертваніе, возвратили ему сію вещь, которая отнынѣ будетъ свидѣтельствовать сверхъ всякихъ его подвиговъ и примѣрное соревнованіе ко благу любезнаго отечества.

Объясненіе гравюры, приложенной къ настоящей книжкѣ.

Louise Reine de Prusse, avec ses Enfants et les Généraux Prussiens en présence du Grand Duc Constantin prie Dieu pour la Victoire.

(Молитва королевы Прусской Луизы съ дѣтьми и прусскими генералами о побѣдѣ, въ присутствіи великаго князя Константина Павловича)¹⁾.

Гравюра изображаетъ дворцовую моделью. На возвышеніи въ двѣ ступени, между колоннъ, находится столъ—родъ жертвенника (алтарь), на которомъ установлено Св. Распятіе, подъ крестомъ—Св. Евангеліе, а по сторонамъ креста—два возженныхъ свѣтильника; нѣсколько впереди—высокіе кувшинъ и бокаль (чаша).

На верхней ступени возвышенія, прямо противъ Св. Распятія, изображена на колѣняхъ королева Луиза, на нижней же ступени слѣва двѣ малолѣтнія принцессы, а справа—три принца.

Позади королевы Луизы, поотдалъ возвышенія—изображенъ его императорское высочество цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ; лѣвой рукой онъ опирается на саблю, а правую руку (въ крагѣ) держитъ немного приподнятою. Вся его фигура какъ бы испол-

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вами была найдена на глухой почтовой станціи Уфимской губерніи гравюра, повидному съ камня, имѣющая вышеприведенную подпись на французскомъ языкѣ. Размѣръ поля гравюры 31×24,5 сантиметра. Ни годъ, ни мѣсто изданія гравюры, ни имени художника или издателя не указаны. Такъ какъ сюжетъ гравюры историческій, то мы старались опредѣлить степень извѣстности гравюры знатокамъ старины и достовѣрность изображеннаго на ней событія. По отзывамъ Д. Ровинскаго, Н. К. Шильдера и нѣкоторыхъ другихъ авторитетовъ, наша гравюра, какъ неизвѣстная имъ, представляется рѣдкою; историческія же справки убѣждаютъ въ достовѣрности событія. Въ виду этихъ данныхъ, мы полагаемъ, что сообщеніе о нашей находкѣ будетъ интересно для читателей спеціального журнала.

нена молитвеннымъ экстазомъ: онъ точно вторитъ молитвѣ королевской семьи. Вправо отъ него четыре, а влѣво—два генерала, судя по формѣ—пруссакки. Въ противоположность молитвенному настроенію цесаревича генералы изображены относящимися совершенно индифферентно къ совершающемуся моленію.

Королева Луиза и великій князь Константинъ Павловичъ весьма схожи съ извѣстными ихъ портретами; особенно поражаетъ красотою королева; ея изображеніе отличается значительною тонкостью отдѣлки. Нельзя не узнать и наслѣднаго принца Вильгельма.

Къ какому же времени слѣдуетъ отнести данное событіе? По слѣдующимъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что оно совершилось послѣ Аустерлица, въ первой половинѣ декабря 1805 года, въ Берлинѣ.

Богдановичъ, въ «Исторіи царствованія императора Александра I-го» (т. II, гл. XV), ссылаясь на трудъ Garden'a—«Histoire générale des traités de paix» (v. IX, p. 74—75), упоминаетъ о рескриптѣ 7-го (19-го) декабря 1805 года прусскаго короля Фридриха-Вильгельма графу Гаугвицу, бывшему при Наполеонѣ. Въ этомъ рескриптѣ король счелъ нужнымъ сообщить, что «прибывшій (тогда) въ Берлинъ великій князь Константинъ Павловичъ не имѣлъ никакого официальнаго порученія».

Слѣдовательно, устанавливается несомнѣнный фактъ, что въ декабрѣ 1805 года цесаревичъ находился въ Берлинѣ.

Фридрихъ-Вильгельмъ, свѣдаемый въ это время безпокойствомъ насчетъ видовъ Наполеона, старался обезпечить себя на случай враждебныхъ дѣйствій его противъ Пруссіи. Хотя фактически онъ принялъ предложеніе императора Александра Павловича о содѣйствіи Пруссіи русскаго корпуса, стоявшаго въ Мекленбургѣ, и просилъ Великобританское правительство о поддержаніи его и англійскими войсками, собранными въ Ганноверѣ, но изъ приведенныхъ строкъ рескрипта на имя графа Гаугвица, король видимо боялся какъ бы присутствію въ Берлинѣ великаго князя Наполеонъ не придалъ исключительнаго значенія, такъ какъ въ то же время графъ Гаугвицъ велъ переговоры съ Наполеономъ.

Наполеонъ, освѣдомленный о рѣшеніи Фридриха-Вильгельма, еще 2-го (14-го) декабря заявилъ графу Гаугвицу, что дѣйствія короля онъ признаетъ «вѣроломными» и, при этомъ, грозилъ занятіемъ Силезіи и разгромомъ Пруссіи, отъ котораго «она никогда не оправилась бы»; отъ свиты же Наполеона графъ Гаугвицъ слышалъ, что «все уже готово къ походу въ Силезію».

Однако, Наполеонъ, скрывая свои истинныя намѣренія, какъ бы смилостивился и потребовалъ, чтобы графъ Гаугвицъ заключилъ съ гофмаршаломъ Дюрокомъ конвенцію, главнымъ условіемъ которой была уступка Пруссіей Франціи — маркграфства Аншпахскаго, княжества

Невшательскаго и герцогства Клевскаго. Въ случаѣ отказа на немедленное заключеніе конвенціи, полагалось объявить тотчасъ войну Пруссіи.

Графъ Гаугвицъ, зная, что почти всѣ войска его короля были во Франконіи, а въ Силезіи оставались только гарнизоны крѣпостей,—для спасенія Прусской монархіи заключилъ 3-го (15-го) декабря требуемую конвенцію и 13-го (25-го) декабря прибылъ въ Берлинъ ¹⁾.

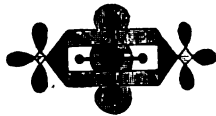
Такимъ образомъ, является полное основаніе заключить, что дѣйствительно положеніе Пруссіи въ декабрѣ 1805 года было критическое, а потому является вполне естественнымъ порывъ королевы Луизы, въ присутствіи брата императора Александра Павловича, друга и благодѣтеля короля Фридриха-Вильгельма,—помолиться Творцу о ниспосланіи побѣды въ угрожавшемъ въ то время нашествіи Наполеона на Пруссію.

Другихъ подходящихъ датъ, относящихся къ пребываніямъ великаго князя Константина Павловича въ Берлинѣ, мы подыскать не можемъ.

Къ сожалѣнію вопросы: почему въ изображенномъ на гравюрѣ событіи отсутствуетъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ; почему эта гравюра имѣетъ французскую, а не нѣмецкую подпись—остаются открытыми.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что данное событіе, какъ запечатлѣнное гравюрою,—современниками признавалось важнымъ, патріотическимъ.

Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ.

¹⁾ Богдановичъ, „Ист. царств. имп. Александра I-го“, т. II, стр. 90—96; Спб. 1869 г.

О соблюденіи формы одежды сенатскими чиновниками.

*Отношеніе оберъ-прокурора Сената Козодавлева экзекутору Сената
Маврину.*

21-го января 1798 г. № 40.

Его сіятельство господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генераль-прокуроръ, во исполненіе высочайшей воли, чтобъ всѣ служащіе являлись всегда въ мундирахъ даннымъ мнѣ сего января 20-го дня ордеромъ, предписалъ наблюдать, чтобы изъ служащихъ въ канцеляріи 1-го Сената департамента никто не дерзалъ носить фраковъ, жилетовъ, короткихъ сапоговъ, такъ, какъ и съ желтыми отворотами. Съ оного ордера препровождаю при семъ копію, рекомендую вашему высокоблагородію всѣмъ служащимъ въ 1-мъ Сената департаментѣ о семъ объявить и наблюдать, чтобъ сіе всегда было исполняемо въ самой точности.

Вашего высокоблагородія покорный слуга.

Подлинный подписалъ: оберъ-прокуроръ Козодавлевъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1898 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Александръ Дмитріевичъ Боровковъ и его автобіографическія записки. Сообщ. Н. А. Боровковъ . . . 41—63; 331—362; 591—616
- II. Изъ моихъ воспоминаній о князѣ Бисмаркѣ. П. Д. Стремouxовъ 65—68
- III. Во время реформъ императора Александра II. В. А. Шомпулевъ. 69—91; 367—383
- IV. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. LVI—LXI. Переводъ В. В. Тимошукъ. 169—209; 451—468; 667—689
- V. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—78 г. (Окончаніе). А. А. Берсъ. 211—238; 421—438; 699—715
- VI. Императоръ Николай I въ Елизаветградѣ въ 1851 г. (Изъ воспоминаній стараго солдата). Н. П. 657—665

Портреты.

- I. Портретъ Александра Федоровича Тюринна. Грав. И. И. Хельмицкій. (При 10-ой книгѣ).
- II. Рисунокъ: графъ М. Н. Муравьевъ въ рабочемъ кабинетѣ въ г. Вильнѣ Грав. И. И. Хельмицкій. (При 11-ой книгѣ).

III. Гравюра. Молитва королевы Прусской Луизы съ дѣтьми и прусскими генералами о побѣдѣ, въ присутствіи великаго князя Константина Павловича. Грав. И. И. Хельмицкій.

(При 12-ой книгѣ).

Исторія русской литературы.

	СТРАН
1. Сатира на князя Н. Гр. Рѣпина. Сообщ. А. Л. Маркевичъ	92
2. Memento mori. А. Л. Ив. С—въ	148
3. Масляница въ Одессѣ при графѣ Лапжеронѣ	239—240
4. Стихи узника-невольника. Сообщ. С. А. Пругавинъ	477—480
5. Польскій на коронацію императора Александра I	690

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Россія и Германія въ XIX вѣкѣ 3—29;	241—262
II. Письменное признаніе во взяточничствѣ 13-го февраля 1840 года	30
III. Н. М. Карамзинъ въ перепискѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной. Сообщ. Евгеній Шумигорскій	31—40
IV. Мнѣніе императора Павла I о службѣ офицеровъ при Екатеринѣ II. Сообщ. Е. А. Альбовскій. Удержаніе жалованья у губернатора, пока не будутъ починены казармы 24-го октября 1799 г.	64 64
V. Императоръ Павелъ I и англичане. Профессоръ В. Александренко	93—106
VI. Александръ Ѳеодоровичъ Тюринъ. Ив. Ив. Полнеръ	107—116
VII. Судьба. (Разсказъ). Н. С—въ	117—143
VIII. Дозволеніе пріѣзжать въ благородное собраніе во фракахъ 1802 г. Сообщ. баронъ Н. В. Дризень	144
IX. Не пей дроздовки. Н. Кельшъ	145—148
X. Медицинскія разсужденія о нынѣшнемъ состояніи здравія европейскихъ дворовъ (1734 г.). Сообщ. И. Шляпкинъ	149—150

- XI. Движеніе русских войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. А. Н. Поповъ. Сообщ. П. Н. Цуриковъ. 151—167; 397—419
- XII. Письмо императрицы Александры Ѳеодоровны— г-жѣ Леонтьевой, по поводу кончины великой княгини гессенъ-кассельской іюль 1844 г. 168
- XIII. Губернеръ прошлаго столѣтія. Сообщ. князь А. Л. Голицынъ 210
- XIV. Памяти графа М. Н. Муравьева. П. М. Майковъ. 263—277
- XV. Привѣтствіе императора Александра II депутатовъ спб. дворянства. 278
- XVI. Разказы о графѣ М. Н. Муравьевѣ:
 1) М. Н. Муравьевъ губернаторомъ въ Курскѣ. С. Д. Слатинъ 279
 2) М. Н. Муравьевъ къ Вильнѣ. В. З. 287
 3) Князь А. А. Суворовъ и графъ Муравьевъ. 293
- XVII. Письмо императора Павла I къ Б. Ѳ. Кворрингу 19-го сентября 1788 года 296
- XVIII. Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгуновъ. Историко-литературный очеркъ. А. И. Кирпичниковъ. 297—330; 551—585
- XIX. Переписка В. А. Жуковского съ императрицей Маріей Ѳеодоровной и Г. И. Вилламовымъ. Сообщ. Евгеній Шумигорскій 363—366
- XX. Письмо графа Беннигсена—генералу Торماسову 17-го (29-го) марта 1814 г. Сообщ. П. М. Майковъ. 384
- XXI. Императоръ Николай I и академикъ Парротъ. М. Мардарьевъ 385—396
- XXII. О формѣ одежды почетныхъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена 31-го декабря 1800 года. 420
 О замѣнѣ слова «отрядить», словомъ «нарядить» 26-го іюня 1880 года 420
- XXIII. М. Б. Шемъ при иномъ историческомъ освѣщеніи. Д. Иловайскій 439—450
- XXIV. Архіепископъ Гавриилъ и графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ въ письмахъ къ А. Г. Тройницкому. 469—475
- XXV. Необходимая поправка. М. Михельсонъ 476
- XXVI. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Ѳ. Дубровинъ 481—516
- XXVII. Два доноса въ 1831 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 517—538

XXVIII.	Изъ хроники семейства Львовыхъ. Е. Ваганова.	539—549
XXIX.	Къ исторіи цензуры. (Записка А. Беклешова—Сенату 14-го іюля 1801 г.).	550
XXX.	Назначеніе Кутузова кievскимъ военнымъ губернаторомъ (рескриптъ генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову отъ 28-го сентября 1806 г.).	586
XXXI.	Смоленскій епископъ Парфеній Сопковскій. (Биографическая замѣтка). Сообщ. Д. Вишневскій.	587—590
XXXII.	Изъ дневника П. Г. Дивова 1829 г.	617—632
XXXIII.	Молдавія и Валахія передъ турецкой войной 1787 г. (Изъ прошлаго російскаго консульства въ Яссахъ). А. Гирсъ.	633—655
XXXIV.	О дозволеніи Н. М. Карамзину читать рукописи въ монастыряхъ. (Письмо тайнаго совѣтника и сенатора М. Муравьева—князю А. Н. Голицыну отъ 17-го декабря 1803 года).	656
	Письмо графа Головкина—Н. Н. Новосильцову объ академикѣ Клапротѣ отъ 25-го іюля 1806 г.	656
XXXV.	Устройство памятника Петру I въ Полтавѣ. (Указъ тайному совѣтнику Судьенкову отъ 1-го августа 1811 г.).	666
XXXVI.	Пожертвованіе Демидова. (Рескриптъ императора Александра I статскому совѣтнику Демидову отъ 4-го апрѣля 1803 г.).	690
XXXVII.	Какъ созданъ памятникъ графу М. Н. Муравьеву А. Н—въ	691—698
XXXVIII.	Пожертвованіе адмирала Ушакова. (Рескриптъ сенатору графу А. С. Строганову отъ 2-го января 1807 г.).	716
XXXIX.	Объясненіе гравюры приложенной къ настоящей книжкѣ. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ	717—719
XI.	О соблюденіи формы одежды сенатскимъ чиновникамъ. (Отношеніе оберъ-прокурора Сената Козодавлева, экзекутору Сената Маврину отъ 21-го января 1798 года)	720

Библиографическій листокъ.

1. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библиографическаго словаря). Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Губ. гор. Владиміръ. 1896 г. Н. И. Кашкадамова. (На обертѣ октябрьской книги).
 2. Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригин. рисунъ. И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Суреньянца, съ 2-мя отдѣльными большими группами армянъ-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и со множествомъ портретовъ, видовъ, типовъ Закавказья, Турецкой Арменіи и проч. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. Москва, 1898 г. Н. И. Кашкадамова. (На обертѣ ноябрьской книги).
 3. А. Я. Конисскій. Жизнь украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченко. (Критико-біографическая хроника). Съ портретами Т. Г. Шевченко и его друзей и видами хаты и могилы его. 1814—1861 г. Одесса, 1898 г. „Изд. Высоч. утв. Южно-Русск. о-ва печатнаго дѣла“. Ц. 1 р. 75 к. Н. И. Кашкадамова. (Тамъ же).
 4. Искусство и художественная промышленность. №№ 1 и 2 октябрь—1898. (На обертѣ декабрьской книги).
 5. Сочиненія К. Е. Случевскаго. Въ шести томахъ. Спб., 1898 г. Н. И. Кашкадамова. (Тамъ же).
-

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 93, 94, 95 и 96 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1898 года.

А.

- Абаза, Марія, въ зам. Милютина, т. ХСVI, декаб., 547.
- Абакумовъ, Андрей Ив., ген.-провантъмейст. 1818 г., вполн. сенат., род. 1770 г., † 1841 г., т. ХСVI, окт., 62, декаб., 611.
- Аблесимовъ, писат., т. ХСVI, декаб., 557.
- Абросимовъ, учит. навигац. морск. корп. 1798 г., т. ХСIV, май, 226.
- Августинъ, епископъ дмитровскій, 1807 г., т. ХСVI, декаб., 488, 489.
- Авиновъ, Фед. Александр., полковн., фл.-ад. 1877 г., т. ХСV, июль, 176, 182, 184, 189, т. ХСVI, окт. 214.
- Авиновъ, лейтен. 1863 г., т. ХСIV, апр., 152.
- Авсовъ, Никол., совѣтн. акад. наукъ 1795 г., т. ХСIII, февр., 226, 232, 235, 241.
- Авсѣенко, Г. Ф., курск. вице-губерн. 1835 г., т. ХСVI, нояб., 280.
- Аделунгъ, Фед. Павл., акад. 1816 г., т. ХСVI, окт., 54.
- Адлербергъ, Александр. Александр., шт.-вап. 1877 г., т. ХСIV, апр., 118.
- Адлербергъ, гр., Александр. Влад., мин-ръ двора, род. 1818 г., † 1888 г., т. ХСIV, апр., 22, май, 283, июнь, 495.
- Адлербергъ, гр., Влад. Фед., мин-ръ двора 1862 г., р. 1790 г., † 1884 г., т. ХСIV, май, 361, июнь, 542, т. ХСV, сентяб., 540, 541, 542, 543, 546 т. ХСVI, нояб., 335, декаб., 660.
- Адлербергъ, Юлія Фед., рожд. Багговуть, т. ХСIII, февр., 401.
- Адоевскій, кн., ген.-м. 1799 г., т. СХVI, окт., 64.
- Аксаковъ, Ив. Серг., писат., р. 1823 г., † 1886 г., т. ХСIII, янв., 84, февр., 274, 276, 280, мартъ, 467, 475, 544, г. ХСIX, май, 314, т. ХСVI, нояб., 327.
- Аксаковъ, Конст. Серг., писат., род. 1817 г., † 1860 г., ХСIII, февр., 274, мартъ, 544.
- Аксаковъ, Серг. Тимоѣ., писат., род. 1791, † 1859 г., т. ХСIII, мартъ, 473, 477, 522, 523, 524, 527, 528, т. ХСIV, апр., 101.
- Албанусъ, Авг., пасторъ, 1816 г., т. ХСIII, мартъ, 545.
- Алединскій, 1817 г., т. ХСIII, февр., 403.
- Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. ХСIV, май, 369.
- Александра Николаевна, великая княг., въ супружествѣ принцесса Гессенъ-Кассельская, род. 1825 г., † 1844 г., т. ХСIII, февр., 288, т. ХСV, сент., 625.
- Александра Павловна, вел. княг., въ зам. Палатина Венгерская, род. 1783 г., † 1801 г., т. ХСIII, февр., 401, т. ХСV, сент., 579—589.
- Александра Петровна, вел. княгиня, т. ХСIV, июнь, 634, 635, 640, т. ХСV, июль, 173.
- Александра Теодоровна, императ-

- рица, р. 1798 г. † 1860 г., т. ХСIII, янв., 103, 108, 117, мартъ, 497, 504—506, 517, т. ХСIV, июнь, 474, т. ХСV, июль, 11, авг., 268, сент., 617—628, т. ХСVI, окт., 39, 168, ноябрь, 386, декаб., 630.
- Александренко, В.**, проф., сообщ.: „Императоръ Павелъ I и англичане. Извлеченіе изъ донесеній Вятворта“, т. ХСVI, окт., 93—106.
- Александровичъ, гр., чл. комит.**, сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ 1863 г., т. ХСIV, май, 284, июнь, 563.
- Александръ I**, императоръ, род. 1777 г., † 1825 г., т. ХСIII, янв., 102—109, 159—184, 215—224, февр., 283, 290, 296, 328—365, 401—411, 429, мартъ, 491—514, т. ХСIV, апр., 26, 82, 144, 204, 224, май, 234, 243, 250, 288, 405, июнь, 468—477, 487, 525, 528, 533, 604, 613, т. ХСV, июль, 10, 11, 21, 23, 37, 107—110, 139—152, авг., 400, 474, сент., 518, т. ХСVI, окт., 60, 61, 95, 106, 168, нояб., 257, 260, 261, 264, 331, 340, 363, 364, 386, 397, 405—419, декаб., 482—519, 550, 592—598, 632, 690, 718, 719.
- Александръ II**, императоръ, род. 1818, † 1881 г., т. ХСIII, 37, 45, 51, 53, 73—100, 108, февр., 300, 367—370, 419, мартъ, 481, 490, 518, 545, т. ХСIV, апр., 19—25, 111, 139, 140, 214, 217, май, 249, 253—287, 387, 388, июнь, 530, 541—564, 614, 617, 664, т. ХСV, июль, 11, 49, 74, 238—240, авг., 268, 269, 300, 313, 317, 320, 386, авг., 417, сент., 481—516, т. ХСVI, окт., 3—29, 68—91, нояб., 241, 242, 254, 269, 273, 278, 353, 370, 373, 378, 382, 435, 437, декаб., 704, 708, 715.
- Александръ III**, императоръ, т. ХСIII, февр., 418, т. ХСIV, апр., 202, май, 324, 383, т. ХСV, июль, 240, сент. 705, т. ХСVI, окт., 28, нояб., 241—262, 275, 375—377, 433, декаб., 695.
- Александръ, врачъ** 1840 г., т. ХСV, авг., 327.
- Алексѣй Александровичъ, великій князь**, т. ХСVI, нояб., 376, 377.
- Алексѣй Михайловичъ, царь**, т. ХСIII, мартъ, 637—645, т. ХСIV, июнь, 465, 576.
- Алексѣй Петровичъ, царевичъ**, род. 1690 г., † 1718 г., т. ХСVI, декаб., 632.
- Алеонъ, Антонъ, оф. польск. войскъ** 1863 г., т. ХСV, авг., 457, сент., 674—676, 683, т. ХСVI, окт., 174, нояб., 461.
- Алопеусъ, гр., Давидъ А.**, посолъ въ Берлинъ, р. 1769 г., † 1831 г., т. ХСIV, июнь, 474, 477, 479, т. ХСVI, декаб., 483, 514, 516.
- Алоуфъевъ, капит.** 1752 г., т. ХСIV, апр., прилож., 300.
- Алферьева, въ зам. Маслова**, т. ХСVI, декаб., 547.
- Альбедиль, бар.**, 1828 г., т. ХСIII, мартъ, 508, 515, 516.
- Альбовскій, Евгеній А.**, сообщ.: „Одинъ изъ партизановъ 1812 года“, т. ХСV, июль, 95—102, „Мнѣніе имп. Павла I о службѣ офицеровъ при императрицѣ Еватеринѣ II“, т. ХСVI, окт., 64.
- Альбрехтъ, Евг. Карлов.**, арт.-скрипачъ, р. 1844 г., т. ХСIV, май, 352—355.
- Альфонскій, Аркадій Алексѣев.**, рект. москов. унив. съ 1850 г. по 1863 г., р. 1796 г., † 1868 г., т. ХСIV, июнь, 593, 594.
- Алферовъ, Александр. Никифоров.** офиц. 1877 г., т. ХСV, июль, 190.
- Алябевъ, Александръ Васильевичъ, сенат.** 1814 г., † 1823 г., т. ХСIII, янв., 215, 219.
- Амвросій, Подобѣдовъ, митроп. спб.** р. 1742 г., † 1818 г., т. ХСV, июль, 231.
- Ангальтъ, гр.**, 1792 г., т. ХСVI, декаб., 588.
- Андреевскій, докт.**, т. ХСIII, янв., 201—204.
- Андреевъ, докт.** 1870 г., т. ХСV, авг., 271.
- Аничковъ, Н. Н.**, помѣщ. 1863 г., т. ХСV, авг., 330.
- Анна Иоановна, императрица**, род. 1693 г., † 1740 г., т. ХСIII, янв., 243, т. ХСIV, июнь, 466, т. ХСVI, нояб., 259.
- Анна Павловна, вел. княг.** 1839 г., т. ХСIII, янв., 99.
- Анна Феодоровна, вел. княгиня**, супруга цесаревича Константина Павловича, † 1860 г., т. ХСIII, янв., 163, 165.
- Анненковъ, И.**, членъ нижегородск. комит. по крестьянскимъ дѣламъ 1857 г., декабр., т. ХСIV, июнь, 624.
- Анненковъ, Пав. Васил.**, писатель, р. 1813 г., † 1887 г., т. ХСIII, янв., 87, 88, т. ХСIV, апр., 78.
- Анненковъ, П. Н.**, т. ХСIII, февр., 272—274.
- Анненковъ, курск. предвод. дворян.** 1830 г., т. ХСVI, нояб., 285, 286.
- Анрепъ, ген.**, † 1807 г., т. ХСV, июль, 135, авг., 476.
- Анрепъ, ген.-ад.** 1849 г., т. ХСIV, июнь, 515—520, т. ХСVI, нояб., 463.
- Анстедъ, дипломатъ**, род. 1766 г., † 1835 г., т. ХСVI, ноябр., 418.

Антоній, нижегород. архіеп. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 621.

Аплечева, депутатъ отъ дворян. Саратов. губ. 1866 г., т. ХСVI, окт., 85.

Апраксинъ, Алексѣй Петров., 1711 г., т. ХСIV, апр., 89, 90.

Апраксинъ, гр., Петръ, прапорщикъ 1752 г., т. ХСIV, апр., прилож., 302.

Апраксинъ, Петръ Матвѣев., бояринъ 1711 г., т. ХСIV, апр., 89, 90.

Арачевъ, гр., Алексѣй Андреев., ген.-артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. ХСIII, янв., 103, февр., 292, 323, 404, т. ХСIV, апр., 26, 39, т. ХСV, июль, 150, сент. 518, т. ХСVI, окт., 48, 59, 61, декаб., 518, 520, 533, 657, 658.

Аргаматовъ, капит. 1752, т. ХСIII, мартъ, прилож., 275, т. ХСIV, апр., прилож., 291.

Аристовъ, мировой судья 1836 г., т. ХСVI, окт., 89.

Арсеньевъ, А., профес., 1831 г., т. ХСVI, декаб., 521, 534.

Арсеньевъ, И. А., 1805 г., т. ХСVI, декаб., 505.

Арсеньевъ, капит. 1751 г., т. ХСIII, февр., прилож., 259.

Архарова, Александра Ив., въ зам. Васильичева, т. ХСIII, янв., 166.

Архарова, Екат. Александр., т. ХСIII, янв., 166.

Арцимовичъ, А. А., попечит. одесск. учебн. окр. 1868 г., т. ХСIV, апр., 135.

Арцимовичъ, В. А., калужскій губернаторъ 1860 г., т. ХСV, авг., 340—344.

Аснмъ, Адамъ, участ. повст. 1863 г., род. 1838 г., † 1897 г., т. ХСIV, июнь, 545.

Ахлестышевъ, Дм. Дм., одесскій градонач. съ 1840—1848 г., р. 1796 г., † 1875 г., т. ХСIV, апр., 211.

Ахматова, Александра Мих., рожд. Горновская, т. ХСIV, май, 401.

Ахматова, Елиз. Николаевна, сообщ.: „Нѣсколько словъ о Михаилѣ Антоновичѣ Горновскомъ“, т. ХСIV, май, 401—406.

Ахматовъ, А. П., об.-прокур. синода 1862 г., т. ХСIV, окт., 113.

Ахшарумовъ, ген.-м. 1833 г., т. ХСV, июль, 156.

Ашъ, бар., тайн. сов. 1798 г., томъ ХСV, авг., 404.

Афанасій, архіеп. саратовск. 1851 г., т. ХСV, авг., 335.

В.

Вабетъ, Ив. Кондратьев., проф. 1857 г., т. ХСIII, янв., 53, 87, т. ХСIV, июнь, 584, 602.

Вагговутъ, Карл. Оед., ген. 1806 г., р. 1761 г., † 1812 г., т. ХСV, июль, 134.

Ваграціонъ, княг., Екатер. Павл., рожд. гр.—ня Скворонская, т. ХСIII, мартъ, 494.

Ваграціонъ, кн., Кирилль Александр., 1814 г., т. ХСIII, янв., 215, 219.

Ваграціонъ, кн., Петръ Ив., р. 1765 г., † 1812 г., т. ХСV, июль, 95, 122, авг., 472, т. ХСVI, нояб., 414.

Ваграціонъ - Имеретинскій, князь, команд. пятой кавалерійск. дивизіи 1845 г., т. ХСIV, декаб., 657.

Ваграціонъ, кн., ген. 1851 г., томъ ХСVI, 661.

Важушникъ, Мих. Александр., р. 1814 г., † 1876 г., т. ХСIV, май, 252, 253.

Важушникъ, Модестъ Петров., камергеръ 1799 г., т. ХСIV, апр., 82, 87.

Важушникъ, Пав. Петров., директоръ акад. наукъ съ 1794 по 1798 г., т. ХСIII, февр., 227—245, т. ХСIV, апр., 6—9, май, 234—241.

Важушникъ, Петръ Васильев., чинов. коллегии иностр. дѣлъ въ ц. Екатерины II, т. ХСIII, февр., 227, т. ХСIV, май, 236.

Валабинъ, посолъ въ Вѣнѣ 1863 г., т. ХСV, июль, 48, авг., 305.

Валахревъ, Милій Алексѣев., композиторъ, т. ХСIV, май, 353, 358.

Валашовъ, Александр. Дм., мнв. полиціи, 1810—1816, ген.-губ. рязанскій 1824 г., р. 1770 г., † 1837 г., т. ХСV, авг., 410, т. ХСVI, окт., 49, 51, 55, декаб., 595, 596, 612.

Валугинскій, статья-секрет., томъ ХСVI, декаб., 527, 528, 530, 531.

Варановскій, саратовскій губернат. 1860 г., т. ХСVI, окт., 72—79.

Варанова, наставница вел. княжны Маріи Николаевны, 1832 г., томъ ХСIII, февр., 288.

Варановъ, Никол. Ив., сенат. 1814 г., т. ХСIII, янв., 215, 219, т. ХСVI, нояб., 348.

Варановъ, гр., Эдуардъ Трофимов., ген.-губ. с.-в. края 1867 г., р. 1811 г., † 1884 г., т. ХСIII, янв., 157.

Варановъ, капитанъ 1877 г., томъ ХСIII, мартъ, 584.

Варатынскій, Евген. Абрамов., поэтъ, р. 1800 г., † 1844 г., т. ХСVI, нояб., 317, декаб., 551.

Варшай-де-Толли, кн., Мих. Богдан.,

- род. 1761 г., † 1818 г., т. ХСV, июль, 102, 134, 136, т. ХСVI, окт. 52, 157.
- Варушковъ, Н. П.**, т. ХСVI, нояб., 313.
- Вартеневъ, Петръ Ив.**, издатель „Русскаго Архива“, томъ ХСIV, апр., 201—203.
- Вартенъева, фрейлина** 1845 г., томъ ХСV, сент., 618.
- Варятинскій, кн. Александръ Иванъ, фельдмарш.**, род. 1815 г., † 1879 г., т. ХСIII, янв., 193—214, февр., 371—400, мартъ, 607—634, т. ХСIV, апр., 21, май, 455—462, т. ХСVI, окт., 110, 111.
- Варятинскій, кн. Влад. Ив.**, т. ХСIII, февр., 385, 386.
- Варятинскій, кн.**, 1796 г., т. ХСVI, окт., 96.
- Варшевъ, С. П.**, 1861 г., т. ХСIV, июнь, 593.
- Васовъ, Васи. Александръ, профес.** 1861 г., т. ХСIV, июнь, 589.
- Ватенковъ, Гавриилъ Степ.**, декабр., † 1867 г., т. ХСVI, нояб., 342, 353.
- Вахметевъ, Ив. Никол.**, 1859 г., томъ ХСIII, мартъ, 576, 577.
- Вахметъева, С. П.**, т. ХСIV, июнь, 642.
- Вахметевъ, Никол. Ив.**, саратовскій предвод. двор. 1846 г., вполн. директ. придворн. капеллы, т. ХСV, авг., 329.
- Вахтина, рожд. Петерсонъ.** т. ХСIV, апр., 24.
- Вахтинъ, Николай Ив.**, статсъ-секр., р. 1796 г., † 1869 г., т. ХСIV, апр., 23—25.
- Вебутовъ, кн. Вас. Осипъ,** ген. отъ инф., † 1853 г., т. ХСIII, февр., 375.
- Ведринскій, Иоаннъ, протоіерей** 1816 г., т. ХСVI, окт., 54.
- Вежовъчъ, директ. канц. воен. мин.** 1822 г., т. ХСVI, окт., 62.
- Везбородко, кн. Александръ Андреевъ, канц.** род., 1747 г., † 1799 г., томъ ХСV, авг., 369, 399, 400, т. ХСVI, окт., 97, 98, декаб., 588.
- Везбородко, гр., И. А. ген.-лейт.** 1797 г., т. ХСV, авг., 401—403.
- Везобразова, Марія,** т. ХСVI, декаб., 546.
- Везобразовъ, сенат.** 1830 г., т. ХСVI, апр., 44.
- Везродный, А. В., сообщ.** : „Приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Александра I въ 1814 г.“, т. ХСIII, янв., 215—224 „Къ исторіи царствованія императора Павла I“, т. ХСIV, апр., 155—160, „О гербахъ офицеровъ брига „Меркурій“, 542, „О пребываніи въ Россіи послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго 1796—1798 г.“, т. ХСV, авг., 400—405, „Къ біографіи князя А. В. Суворова“, 406—409.
- Везосмыкинъ, цензоръ** 1858 г., томъ ХСIII, февр., 274.
- Вейзеръ, профес.** 1838 г., т. ХСIII, янв., 111, т. ХСIV, апр., 133.
- Веклешовъ, Александръ Андреевъ, ген. отъ инф.**, р. 1745 г., † 1808 г., т. ХСV, июль, 60, 234, т. ХСVI, окт., 64, декаб., 550.
- Веклешовъ, камергеръ,** 1860 г., томъ ХСIV, апр., 50.
- Вельгардтъ, Валеріанъ Валеріановъ, поруч.** 1877 г., т. ХСV, июль, 185.
- Вельгардъ, Николай Валеріановичъ, шт.-кап.** 1877 г., т. ХСIV, апр., 114.
- Вемъ, Іосифъ, ген.**, р. 1795 г., † 1850 г., т. ХСIV, июнь, 506, 507, 521, т. ХСV, авг., 460, 462, сент. 662—682, томъ ХСVI, окт., 175.
- Вемъ, Яковъ,** 1579 г., т. ХСVI, декаб., 536.
- Венецкій, полковн, венгерск. войскъ** 1849 г., т. ХСIV, июнь, 500, 503.
- фонъ Веннингъ, чиновн.** 1858 г., томъ ХСIV, май, 352.
- Венкедорфъ, г-жа,** 1796 г., т. ХСV, сент., 590.
- Венкедорфъ, гр. Александръ Христоф., шефъ жанд.**, род. 1783 г., † 1844 г., т. ХСIII, янв., 102, февр., 281—295, 436, мартъ, 504, 511, 650, томъ ХСIV, май, 454, т. ХСV, июль, 38, 140—152, т. ХСVI, нояб., 335, 388—395, декаб., 628.
- Веннинговъ, гр., Леонтій Леонтиевъ, ген.**, род. 1745 г., † 1826 г., т. ХСIV, апр., 224, т. ХСV, июль, 121, авг., 465—480, т. ХСI, окт., 152, 153, 162, нояб. 264, 384—417, декаб., 497—500, 586.
- Веньковскій, участн. повстан.** 1863 г., т. ХСVI, нояб., 271.
- Вергъ, гр., Фед. Фед., намѣстн. царства польскаго,** р. 1794 г., † 1874 г., т. ХСIV, июнь, 538, 540, т. ХСV, авг., 308, 316.
- Вергъ, ген.** 1807 г., т. ХСV, авг., 466.
- Верцина, Надежда Ильинъ,** въ зам. Львова, т. ХСVI, декаб., 541.
- фонъ Вернсторфъ, гр., Христіанъ дипломатъ** 1812 г., т. ХСIII, мартъ, 491—496.
- фонъ Вернсторфъ, графиня, Элиза,** рожд. гр-ня фонъ Дернать. р. 1789 г., т. ХСIII, мартъ, 491—496.
- Верстель, декабр.**, т. ХСVI, нояб., 352.
- Версъ, Александръ Александръ, сообщ.** : „Воспоминанія офицера г-гв. Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.“, т. ХСIV,

- апр., 111—132, май, 375—400, июнь, 645—670. т. ХСV, июль, 175—196, авг., 413—433, сент., 687—713. т. ХСVI, окт., 211—238, нояб., 421—438, декаб., 699—715.
- Версъ, Александ.,** докт., 1858 г., т. ХСIV, май, 352.
- Вессель, Василий** сообщ. „Мои воспоминанія объ Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ 1829—1894 гг.“, т. ХСIV, май, 351—374.
- Вестужевъ (Марлинскій), Александр. Александров.,** писат., декабристъ, р. 1797 г., † 1837 г., т. ХСIII, февр., 328, 329, т. ХСVI, нояб., 318, 340—353.
- Вестужевъ - Рюминъ,** декабр., † 13 іюля 1826 г., т. ХСVI, нояб., 338, 352.
- Вестужевъ-Рюминъ, С. П.,** 1861 г., т. ХСIII, янв., 75.
- Вестужевъ-Рюминъ, гр.,** Алексѣй Петров., госуд. канцлеръ, р. 1693 г., † 1766 г., т. ХСIII, мартъ, прилож., 280, т. ХСIV, апр., прилож., 291, 292, 301.
- Ветлентъ-де-Габоръ,** гр., офицеръ венгерск. войскъ 1849 г., т. ХСIV, июнь, 500, 504.
- Вибиновъ, Дм. Гавр.,** кievскій ген.-губернат., вполс. мин. ян. дѣль, р. 1792 г., † 1870 г., т. ХСV, авг., 337—339.
- Вибиновъ, И. I.** адъют. вел. кн. Михаила Павловича, вполс. кievскій ген.-губ., т. ХСIII, февр., 410, 411.
- Вибиновъ, Мих. Мих.,** поруч. л.-гв. Преображ. полка 1877 г., т. ХСIV, июнь, 648.
- Вибиновъ,** началы. отд. комисариат. деп. 1823 г., ХСVI, окт., 59.
- Вибиновъ,** камергеръ 1832 г., томъ ХСIII, февр., 293, т. ХСIV, окт., 96.
- Вильбасовъ, Васил. Алексѣев.,** профессоръ, сообщ.: „Два слова П. И. Бартенева“, т. ХСIV, апр., 201—203, „Письмо Лжедмитрія Клименту VIII“, май, 301—311.
- Висмаркъ,** германскій канцлеръ т. ХСIV, июнь, 526—541, т. ХСV, авг., 263—269, т. ХСVI, окт., 3—29, 65—68, нояб., 243 262.
- Вистромъ,** ген.-ад. 1827 г., т. ХСIII, февр., 414—415.
- Влагосвятловъ, Григор. Евлампіев.,** педагогъ, р. 1826 г., † 1880 г., томъ ХСIII, февр., 262.
- Вланъ, Сократъ,** фр. военный врачъ, р. 1794 г., † 1812 г., т. ХСV, июль, 103—120.
- фонъ Вломъ,** поруч. 1877 г., т. ХСVI, нояб., 426.
- Влудовъ, гр., Дм. Никол.,** ст.-секр., род. 1785 г., † 1864 г., т. ХСIII, мартъ, 586, т. ХСV, июль, 40, т. ХСVI, окт., 109, нояб., 348, 349, 351, декаб., 620, 595, 596.
- Влудовъ, гр.,** посланникъ въ Грецію 1866 г., т. ХСIV, апр., 150.
- Вобриновскій, гр.,** фл.-ад. 1858 г., т. ХСV, июль, 84.
- Вобровскій, Стефанъ,** участ. повст., † 1863 г., т. ХСIV, июнь, 566, 571, 572.
- Вобровъ,** помощн. инспект. москов. унив. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 593, 599.
- Вогдановичъ, Модестъ Ив.,** ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. ХСVI, декаб., 718, 719.
- Вогдановскій, редакторъ „Одесскаго Вѣстн.“** 1857, т. ХСIII, янв., 62, февр., 279.
- Вогулавскій, т. ХСV, июль, 37—39.**
- Водиско, декабр.,** т. ХСVI, нояб., 352.
- Водяновскій, Осипъ Максимов.,** проф. москов. унив., р. 1808 г., † 1877 г., т. ХСIV, июнь, 599, 600, т. ХСVI, нояб., 324.
- Вожеаряновъ, Ив. Николаев.,** сообщ.: „Памяти великаго князя Михаила Павловича“, т. ХСIII, февр., 401—420.
- Волтинъ, Н. П.,** нижегород. предвод. дворян. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 614—629, т. ХСV, июль, 70—92.
- Волтинъ, сергачскій уѣздн. предвод. дворянства** 1857 г., т. ХСIV, июнь, 616.
- Волховской,** 1866 г., т. ХСVI, нояб., 370.
- Ворисовъ, поруч.,** декабр., т. ХСVI, нояб., 341, 345.
- Ворисовъ, лейтен.** 1752 г., т. ХСIII, мартъ, прилож., 279. т. СХVI, апр., 290.
- Воровцова, Елена, см. Кильштедтъ.**
- Воровцовъ, Александр. Дм.,** сенат., род. 1788 г., † 1856 г., т. ХСV, сент., 533—564, т. ХСVI, окт., 41—63, нояб., 331—362, декаб., 591—616.
- Воровцовъ, Н. А.,** сообщ.: „Молитва А. Измайлова объ императорѣ Николаѣ I“, т. ХСIII, мартъ, 558, „Рѣчь, произнесенная тверскимъ вице-губернат. Измайловымъ вновь набраннымъ въ г. Кашинѣ рекруткамъ“, т. ХСIV, апр., 154, „Надгробная пѣснь масоновъ“, т. СХV, авг., 270, „Александръ Дмитріевичъ Боровцовъ и его автобиографическія записки“, сент., 533—564, т. ХСVI, окт., 41—63, нояб., 331—362, декаб., 591—616.

- Вородинъ, А. П., медикъ 1858 г., т. ХСIV, май, 353, 358, 370.
- Воровдина, Варвара, т. ХСVI, декаб., 546.
- Восакъ, 1863 г., т. ХСV, авг., 320.
- Вотжинъ, Серг., Петров., докт., профессоръ, † 1889 г., т. ХСV, сент., 713, т. ХСVI, декаб., 713.
- Врандисъ, Станиславъ, 1863 г., томъ ХСV, авг., 311.
- Вранцкая, гр-ня, 1805 г., т. ХСIV, апр., 164, т. ХСV, сент., 569.
- фонъ-Вратске, сенат. 1848 г., т. ХСIII, янв., 115, 116, т. ХСIV, апр., 135.
- фонъ Вриксъ, 1858 г., т. ХСIV, май, 352.
- Врискорнъ, Максимъ Максимовичъ, 1831 г., т. ХСIV, май, 230, 454.
- Врискорнъ, статсъ-секрет. 1828 г., т. ХСV, декаб., 596, 605.
- Вровцынъ, помѣщ. 1862 г., т. ХСV, авг., 340.
- Вроняковский, Ксаверій, вице-президентъ г. Варшавы 1830 г., т. ХСIII, февр., 457.
- Врунцовъ, посланникъ въ Лондонъ 1864 г., т. ХСV, авг., 305, 307, сент., 499, 502, 504, т. ХСVI, окт., 103.
- Врунъ, Генрихъ Карлов., профес. математ. т. ХСIII, янв., 111—120, т. ХСIV, апр., 133—136.
- Врунъ, Филиппъ Карл., проф. истор., т. ХСIII, янв., 111—120, т. ХСIV, апр., 133—136.
- Врждловъ, Карлъ Павлов., художн. и архитект., р. 1799 г., † 1877 г., т. ХСVI, нояб., 391, 393.
- Врюсъ, гр., прапорш. 1748 г., томъ ХСIII, янв., прилож., 241.
- Бражскій, Яковъ Григ., артистъ, т. ХСIII, мартъ, 522.
- Вугайскій, почечит. Одесск. учебн. оер. 1848 г., т. ХСIII, янв., 116.
- Вудбергъ, Андрей, бар., послан. въ Берлинъ, Вѣнѣ, Парижѣ, р. 1830 г., † 1881 г., т. ХСIV, июнь, 569, 570, т. ХСV, авг., 250—260, 304, т. ХСVI, окт., 100.
- Вудбергъ, бар., мин. ин. дѣлъ, томъ ХСVI, декаб., 487, 504.
- Вудянский, Викентій, 1835 г., томъ ХСV, авг., 437, 438, 452, 455.
- Вузовскій, И. И., гласный саратов. уѣздн. земск. собр. 1864 г., томъ ХСVI, окт., 83.
- Вузсгенденъ, Ѳед. Ѳед., генералъ, р. 1750 г., † 1811 г., т. ХСV, июль, 121—132, авг., 475, т. ХСVI, декаб., 586.
- Вулгаковъ, Александръ Яковлевичъ, сенат., р. 1781 г., † 1863 г., томъ ХСVI, нояб., 475.
- Вулгаковъ, Петръ Алексѣев., томъ ХСIV, май, 290.
- Вулгаковъ, Яковъ Ив., послан. въ Турцію 1787 г., писат., † 1809 г., т. ХСVI, нояб., 475, декаб., 634—652.
- Вулгаковъ, почтъ-директ., 1827 г., т. ХСIII, янв., 108.
- Вулгаковъ, офиц., т. ХСIII, февр. 427.
- Вулгарж, гр., декабр., т. ХСVI, нояб. 352.
- Вулгаринъ, Ѳаддей Бенедикт., пис. род. 1789 г., † 1860 г., т. ХСIII, февр., 327—332, т. ХСIV, нояб. 318—329, декаб., 504, 521, 556—559.
- Вуляковский, Викт. Яковл., акад., р. 1804 г., † 1889 г., т. ХСIV, апр. 215.
- Вуслаевъ, Ѳед. Ив., профес. 1861 г., т. ХСIV, июль, 594.
- Вуссе, Иоганнъ-Гейнрихъ, библиотекаръ акад. наукъ 1794 г., впоследствии пасторъ, † 1835 г., т. ХСIII, февр. 228, 229, 232.
- Вутеневъ, А. П., т. ХСVI, декаб. 496, 503, 516.
- Вутковъ, Владиміръ Петров., госп. секр., р. 1813 г., † 1881 г., т. ХСIII, янв., 117, т. ХСIV, май, 457.
- Вуговичъ, Ал. П., черниг. губернат. т. ХСVI, окт., 92.
- Вутовичъ, В. Н., т. ХСVI, окт., 92.
- Вутурлинъ, Александръ Борис., ген. 1761 г., т. ХСIII, янв., 145, 146, прилож., 241—256, февр., прилож. 257—272, мартъ, прилож., 273—288, т. ХСIV, апр., прилож., 289—304.
- Вутурлинъ, Дм. Петров., директоръ публич. библиот., писат., род. 1790 г., † 1849 г., т. ХСVI, окт., 154, 155.
- Вутурлинъ, Пегръ, подпоруч. 1752 г., ХСIV, апр., прилож., 302.
- Вутурлинъ, ген.-м. 1849 г., т. ХСIV, июль, 516, 517.
- Вухтѣевъ, шт.-кап. 1840 г., т. ХСVI, окт., 30.
- Выловъ, купецъ 1797 г., т. ХСIV, май, 227.
- Выстровъ, Ив. Павл., библиографъ 1846 г., т. ХСIV, апр., 77.
- Выстроновскій, гр., Лудвигъ, 1830 г., т. ХСVI, окт., 174, 177, 185, 195.
- Вычковъ, Аѳанасъ Ѳед., акад. 1867 г., т. ХСIV, май, 344.
- Вычковъ, И. А., т. ХСVI, нояб., 339.
- Вѣлижскій, Виссаръ Григ., р. 1810 г., † 1848 г., т. ХСIII, февр., 327, мартъ, 521—536, т. ХСIV, апр., 73—76, 97—110, т. ХСVI, нояб., 319, 327, декаб., 572, 573.
- Вѣдозерская, Н. А., писательница т. ХСVI, нояб., 315, 317.
- Вѣдопировичъ, Рунигунда, г-жа

- рожд. княжна Гедройцъ, т. ХСV, сент., 672.
- Вблыи**, Николай Ив., педагогъ, директоръ херсонск. гимназ. 1874 г., т. ХСIII, янв., 113.
- Вблявскій**, Яковъ, капит. 1792 г., т. ХСVI, декаб., 588, 589.
- Вдлобжескій**, варшавскій архіеписк. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 561.
- В.**
- Ваганова**, Е. сообщ.: „Изъ хроникъ семейства Львовыхъ“, томъ ХСVI, декаб., 539—549.
- Вагнеръ**, Рихардъ, композиторъ, т. ХСIV, май, 371.
- Вазовичъ**, князь, Святополкъ, претендентъ на Черногорскій престолъ 1835 г., т. ХСIII, мартъ, 672, 680, т. ХСIV, апр., 161—189, т. ХСV, июль, 209, 212.
- Валевская**, княгиня, 1835 г., т. ХСIII, мартъ, 664.
- Валевскій**, гр., Александр., † 1868 г., т. ХСIII, мартъ, 666, т. ХСIV, май, 273, 274, 279, 280, 281, июнь, 553, 568.
- Валевскій**, гр., офиц. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, февр. 442, т. ХСV, авг., 315.
- Валицкій**, профес. 1839 г., т. ХСVI, окт., 108.
- Валуевъ**, гр., Петръ Александр., мин. внут. дѣлъ, род. 1815 г., † 1890 г., т. ХСIV, апр., 212—215, июнь, 559, 696, т. ХСV, авг., 345, 346, т. ХСVI, окт., 73, 84, 85, нояб., 269, 295, 373.
- Валуевъ**, церемоніймейст. 1800 г., т. ХСV, сент., 590.
- Вандети**, профес. 1839 г., т. ХСVI, окт., 108.
- Варнекъ**, ген. 1807 г., т. ХСV, авг., 480.
- де Варренъ**, гр., авт. соч. объ Индiи, † 1898 г., т. ХСIV, июнь, 572—575.
- Варшавскій**, сенат. 1823 г., т. ХСVI, окт., 59.
- Васидій** Иоанновичъ, царь, т. ХСIV, май, 305.
- Васильевъ**, бар., государ. казначей 1798 г., т. ХСV, авг., 404.
- Васильевъ**, вице-губернат. въ Грузiи 1827 г., т. ХСIII, янв., 188.
- Васильчиковъ**, кн., Илар. Васильев., генер. 1828 г., т. ХСIII, мартъ, 503, т. ХСIV, апр., 44, 45, т. ХСV, июль, 234.
- Васильчиковъ**, ген. 1829 г., т. ХСVI, декаб., 622.
- Васильчиковъ**, князь, началн. конвой въ Варшавѣ 1857 г., мировой посредн. Саратовской губ. 1860 г., т. ХСVI, окт., 80.
- Васильчиковъ**, камергеръ 1818 г., т. ХСIII, янв., 166.
- Вейцманъ**, арт.-муз. 1858 г., т. ХСIV, май, 352, 355.
- Вейсгауптъ**, Адамъ, основат. „Иллюминатовъ“, род. 1748 г., † 1830 г., т. ХСVI, декаб., 526—534.
- Вейсъ**, адъют. цесаревича Константина Павловича 1818 г., т. ХСIII, янв., 182.
- Веневицкій**, истор., т. ХСIV, май, 306.
- Велепольскій**, Александръ, маркизъ, писат., публиц., управл. граждан. частью въ Ц. Польскомъ 1862 г., т. ХСIV, май, 254—284, июнь, 524—571, т. ХСV, июль, 42—50, авг., 301, 307, 313, 314, сент., 496, т. ХСVI, нояб., 269.
- Велепольскій**, Иосифъ, маркизъ 1863 г., т. ХСIV, июнь, 543.
- Велепольскій**, маркизъ, Сигизмундъ, презид. г. Варшавы, 1862 г., т. ХСIV, июнь, 566, т. ХСV, авг., 313.
- Велю**, бар., Ник. Ос., петербургскій уѣздн. исправн. 1864 г., т. ХСVI, нояб., 294.
- Вельтищевъ**, землемѣръ 1866 г., томъ ХСVI, нояб., 368.
- Вельманъ**, Елена Ив., 1862 г., томъ ХСIV, апр., 210, 211.
- Вельяминовъ**, Алексѣй Александр., команд. кавказскою линiею 1831—1838 г., т. ХСIII, янв., 186—187, 190, т. ХСV, сент., 695, 704, 707, 708.
- Вельяминовъ-Верновъ**, секундъ-майоръ 1752 г., т. ХСIV, апр., прилож. 290.
- Венгеровъ**, С. А., т. ХСVI, нояб., 299.
- Венглинскій**, Францъ, чл. комит. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ 1863 г., т. ХСIV, май, 284, т. ХСV, июль, 51, авг., 313.
- Вендтъ**, секретарь мин-ра Норова 1857 г., т. ХСIV, май, 291, 299, 300.
- Веневицковъ**, Алексѣй Влд., томъ ХСVI, нояб., 305, 313, 315, 319, декаб., 561—578.
- Веневицковъ**, М. А., сообщ.: „Нѣсколько словъ о графѣ Иосифѣ Михайловичѣ Вильгорскомъ“, т. ХСIII, 97—100.
- Вернетъ**, Ив. Фил., педагогъ, писат., † 1827 г., т. ХСVI, нояб., 300, 301.
- Венявскій**, Генрихъ, арт. скрипачъ, т. ХСIV, май, 354, 355, 357.
- Веревкинъ**, Николай, его стихотворенiя генералу Скобелеву, т. ХСV, июль, 64, 65.

- Верещинскій, ген. 1862 г., т. ХСIV, апр., 162, май, 426, июнь, 545.
- Веригина, Софья Яковлевна, т. ХСIV, июнь, 644.
- Верницкій, участн. повстан. 1862 г., т. ХСIV, июнь, 562.
- Веселкинъ, прокуроръ въ Саратовѣ 1866 г., т. ХСVI, нояб., 371.
- Веселовскій, Конст. Степан., акад., сообщ.: „Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ академіи наукъ“, томъ ХСIII, февр., 225—245, „Отношенія императора Павла I къ академіи наукъ“, т. ХСIV, апр., 5—18, май, 225—246, упом. т. ХСVI, нояб., 385.
- Вигель, Филиппъ Филипп., управл. деп. духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., род. 1786 г., † 1856 г., т. ХСIII, янв., 152, т. ХСVI, декаб., 507.
- Виламовъ, его „Эпиграма на стихи, сочиненные гр. Хвостовымъ по поводу освященія новой церкви Казанской Богородицы 15 сентября 1811 г.“, т. ХСIII, мартъ, 586.
- Вилламовъ, Григ. Ив., статсъ-секретарь по учрежденіямъ импер. Маріи 1837 г., т. ХСVI, окт., 37, 38, нояб., 363—366.
- Вилліе, баронетъ, Яковъ Васильев., лейбъ-медикъ, † 1854 г., т. ХСIII, янв., 167, 168, 173, 176, 178, 180, 182, февр., 411.
- Вильгельмъ I, императ. германскій, † 1888 г., г. ХСVI, нояб., 241—256.
- Вильгельмъ II, императ. германскій, т. ХСVI, нояб., 256—262.
- Вильсонъ, Робертъ, англ. ген. 1812 г., т. ХСVI, нояб., 397—419.
- Виммеръ, поруч. фельдъег. корпуса 1831 г., т. ХСVI, декаб., 518.
- Вичевскій, Стасій Григ., 1792 г., т. ХСVI, декаб., 589.
- Виртембергскій, принцъ Фридрихъ, ген. 1812 г., т. ХСVI, нояб., 400, 410, 413.
- Виртембергскій, герцогъ, Александр., началн. путей сообщ., р. 1771 г., † 1833 г., т. ХСV, июль, 147.
- Висковатый, Пав. Александр., проф., т. ХСIV, май, 358, 359.
- Витбергъ, Александръ Лаврентьев., акад. † 1855 г., т. ХСIII, мартъ, 682.
- Витбергъ, Евдокія Викторовна, рожд. Пузыревская, т. ХСIII, мартъ, 682.
- Витбергъ, Фед. Александр., т. ХСIII, мартъ, 682.
- Витвортъ, Карлъ, англ. посол. въ Спб. 1796 г., т. ХСVI, окт., 93—106.
- Витгенштейнъ, свѣтл. кн., Людовикъ, фельдмарш., род. 1769 г., † 1843 г., т. ХСV, июль, 102, т. ХСVI, окт., 51, нояб., 416, декаб., 617.
- Витковскій, шт.-кап. 1849 г., томъ ХСIV, июнь, 496.
- Вишневецкій, кн., Адамъ, 1600 г., т. ХСIV, май, 311.
- Вишневскій, Д., сообщ.: „Смоленскій епископъ Пареній Сопковскій“, т. ХСVI, декаб., 587—590.
- Виельгорскій, гр., Иосифъ Мих., † 1839 г., т. ХСIII, янв., 97—100.
- Виельгорскій, гр., Мих. Юрьев., томъ ХСIII, янв. 98, 100.
- Виельгорскій, гр., 1796 г., т. ХСV, сент., 588, 589.
- Владиміръ Александровичъ, вел. князь, т. ХСIV, май, 383.
- Влодежъ, ген.-м. 1818 г., т. ХСIII, янв., 182.
- Вовилье, Жанъ-Франсуа, акад., † 1801 г., т. ХСIV, апр., 13—18.
- Водзницкій, гр., Людвигъ, польск. патриотъ 1863 г., т. ХСIV, май, 280, т. ХСV, авг., 299—316.
- Воейкова, Александра Андреевна, рожд. Протасова, т. ХСVI, нояб., 364, 365.
- Воейкова, Марія А., т. ХСVI, нояб., 364—366.
- Воейковъ, Александр. Фед., писатель, род. 1773 г., † 1839 г., т. ХСIII, февр., 329, т. ХСVI, нояб., 328, 364.
- Воейковъ, капит. 1748 г., т. ХСIII, янв., прилож., 244.
- Возжинскій, камергеръ 1752 г., томъ ХСIII, мартъ, прилож., 277.
- Войцѣховскій, Фаддей, 1863 г., томъ ХСV, авг., 309.
- Волковъ, Аннол. Андреев., директ. благородн. собр. въ Москвѣ 1802 г., т. ХСVI, окт., 144.
- Волконская, княг., Е. Г., т. ХСIV, май, 414.
- Волконскій, еп., Григ., 1845 г., томъ ХСIV, апр., 208.
- Волконскій, кн., Мих. Никитичъ, 1775 г., т. ХСIV, апр., 96.
- Волконскій, кн. Петръ Мих., мин. двора, р. 1776 г., † 1852 г., т. ХСIII, янв., 160—182, мартъ, 502, 504, 519, т. ХСIV, апр., 209, май, 454, т. ХСVI, окт., 59—62, нояб., 265, 397—410, 415, 416, декаб., 546, 617, 630.
- Волконскій, кн., декабр., т. ХСVI, нояб., 352.
- Вороничъ, майоръ 1840 г., т. ХСVI, окт., 175, 186.
- Воронцовъ, гр., Александр. Романов., канцлеръ, писат., род. 1741 г., † 1805 г., т. ХСIII, февр., 244—363, т. ХСIV, май, 235.
- Воронцовъ, гр., Мих. Илар., госуд. канцл. съ 1758 г., род. 1714 г., † 1767 г., т. ХСIII, янв. 122—149, т. ХСIV, май, 236.

- Воронцовъ, кн. Мих. Сем.**, новорос. ген.-губ., намѣстн. Кавказ. род. 1781 г., † 1856 г., т. ХСІІІ, янв., 193—206, февр., 395, т. ХСІV, апр., 170, 208, 209, т. ХСV, июль, 203, авг., 452, т. ХСVІ, нояб., 469, декаб., 498, 628.
- Воронцовъ, гр., Семенъ Романовичъ**, посолъ въ Лондонѣ 1793 г., т. ХСІІІ, февр., 243—363, т. ХСVІ, окт., 97—106, декаб., 504.
- Воскилова, Марія**, въ зам. Поленова, т. ХСVІ, декаб., 546.
- Воеволодскій, Андрей Дм.**, шт.-кап., 1877 г., т. ХСV, июль, 185.
- Высоцкій, ген. польск. войскъ** 1863 г., т. ХСІV, июнь, 497, т. ХСV, авг., 314, 461, сент., 656, 668, т. ХСVІ, окт., 183, 184, 191.
- Вѣтвицкій, Осипъ Никол.**, 1840 г., т. ХСІV, май, 347.
- Вѣтрянскій, Ч.**, сообщ.: „Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ“, т. ХСІІІ, мартъ, 543—557, т. ХСІV, май, 313—333.
- Вяземская, княг.** Софія Егоровна, рожд. Панина, т. ХСІV, май, 290.
- Вяземскій, кн. Александръ Алексѣев.**, 1775 г., т. ХСІV, апр., 96.
- Вяземскій, кн., Петръ Андреев.**, тов. мин. нар. проsv., писат., р. 1792 г., т. ХСІІІ, янв. 71, февр., 297, 300, 301, 319, т. ХСVІ, нояб., 316—328, 472, 475, декаб., 551, 582.
- Вязмитиновъ, Серг. Козьмичъ**, ген., главнокоманд. въ Спб. 1814 г., томъ ХСІІІ, янв., 223, 224, т. ХСVІ, декаб., 487, 509.
- Г.**
- Гавеманъ, А. С.**, офиц. 1877 г., томъ ХСІV, апр., 129.
- Гавриилъ** (въ мѣрѣ Василій Ѳеодоровичъ Розановъ), архіеп., Орловск. съ 1821—1828 гг., Екатериносл. съ 1828—1837 гг., Херсонск. съ 1837—1848 гг., Тверск. по 1857 г., р. 1781 г., т. ХСVІ, нояб., 469—474.
- Гавриилъ**, митроп. спб. 1796 г., томъ ХСVІ, окт., 95.
- Гагаринъ, кн., Пав. Павл.**, предсѣд. госуд. Сов., т. ХСVІ, нояб., 378, 381.
- Гагаринъ, кн., Серг. Ив.**, сенат. 1814 г., т. ХСІІІ, янв., 215, 219.
- Гагаринъ, кн., Серг. Павл.**, пензенск. вице-губернат. 1857 г., саратов. губернат. 1871 г., т. ХСІV, июнь, 616, т. ХСVІ, нояб., 377—381.
- Гагаринъ, кн., начальникъ таможенъ** 1800 г., т. ХСІV, май, 233, 234.
- Галаганъ, Григ. Павл.**, 1861 г., томъ ХСІІІ, янв., 77, мартъ, 467, т. ХСІV, апр., 52.
- Галаховъ, Алексѣй Дм.**, педагогъ, писатель, т. ХСІІІ, мартъ, 531.
- Галензовскій, докт.** 1862 г., т. ХСІV, июнь, 565.
- Галицкій, П. П.**, мировой посредн. 1860 г., т. ХСVІ, окт., 71, 73.
- Галикинъ-Врасскій, Мих. Никол.**, саратовск. губернат., т. ХСVІ, нояб., 381.
- Галлеръ, Мих. Петров.**, поруч. 1877 г., т. ХСІV, апр., 114, т. ХСVІ, нояб., 424.
- Ганца, Вячеславъ**, писатель 1858 г., т. ХСІV, апр., 209.
- Ганне, авт. ст.** „Campagne de Russie. De Paris à Vilna en 1812 г.“, т. ХСV, июль, 103—120.
- Гапши, Маврикій**, аббатъ, академ., † 1825 г., т. ХСІІІ, февр., 234—238, т. ХСІV, апр., 8, 9, май, 231.
- Гаяъ, Елена Андреев.**, рожд. Ѳадеева, писат.—ца, † 1842 г., т. ХСV, авг., 381.
- Гарбинскій, чл. комитета сельскохоз. общества въ Варшавѣ** 1863 г., т. ХСІV, май, 284.
- Гациссскій, А. С.**, предсѣд. нижегород. учен. архивн. комисс., р. 1833 г., т. ХСІV, июнь, 611—630, т. ХСV, июль, 91.
- Гедройцъ, княг.** Кунигуна, т. ХСІІІ, февр., 464.
- Гежеллинскій, Ѳед. Ѳед.**, д. ст. сов., управл. дѣлами комит. министровъ, т. ХСІV, апр., 23—46.
- Гейденъ, гр., адм.** 1827 г., т. ХСІІІ, янв., 110.
- Гелмерсъ, поруч.** 1752 г., т. ХСІV, апр., 302.
- Гензельтъ, А.**, пианистъ, проф. спб. консерват., т. ХСІV, май, 367.
- Георги, акад.** 1796 г., т. ХСІІІ, февр., 232.
- Георгиевскій, адъюнктъ - профессоръ** 1858 г., т. ХСІІІ, янв., 62.
- Гераковъ, Гавр. Васильев.**, писат., т. ХСV, сент., 686.
- Герасимова, С. Н.**, 1859 г., т. ХСІІІ, мартъ, 576.
- Гергей, Артуръ**, предвод. венгерск. повст. 1849 г., т. ХСІV, июнь, 491—522.
- Герингъ, полковн.** 1877 г., т. ХСV, июль, 194.
- Герше, А.**, артистъ-пианистъ, 1858 г., т. ХСІV, май, 354.
- Герше, Христіанъ Ив.**, педагогъ, томъ ХСVІ, нояб., 314, 315.
- Германъ, профес.** 1831 г., т. ХСVІ, декаб., 521, 534.

- Гермогенъ, патриархъ, 1591 г., томъ ХСIV, май, 304.
- Гернгросъ, Александръ Романовичъ, майоръ 1877 г., т. ХСIV, май, 379—381.
- Герценъ, Александръ Ив., писатель, т. ХСIII, февр., 329, мартъ, 477, 538, 682, т. ХСIV, май, 252, июнь, 570, т. ХСVI, нояб., 298, декаб., 569.
- Герштенцвейгъ, Алекс. Давидъ, начальн. гражд. управл. въ Царствѣ Польск., р. 1818 г., † 1861 г., томъ ХСIV, июнь, 559.
- Герштенцвейгъ, Дан. Александров., команд. сводн. кавалерійск. корп., ген. отъ артлл., † 1848 г., т. ХСVI, декаб., 657.
- Гессе, Петръ Павлов., ген.-ад. 1898 г., т. ХСIV, апр., 114, т. ХСVI, нояб., 428, 429.
- Гессенъ-Кассельская, вел. княгиня, † 1844 г., т. ХСVI, окт., 168.
- Гессъ, московск. комендантъ 1798 г., т. ХСV, авг., 411.
- Гечевичъ, Минск. вице-губернаторъ 1818 г., т. ХСIII, янв., 182.
- Глазницкій, студ. москов. унив. 1861 г., т. ХСIII, июнь, 599.
- Гиллеръ, Агафонъ, участн. повстан. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 545—571.
- Гиллиновскій, Яковъ Андреевичъ, надат. „Корифея“ 1807 г., т. ХСIII, февр., 246.
- Гинцбергъ, полковн. 1764 г., т. ХСVI, окт., 133.
- Гирсъ, А., сообщ.: „Молдавія и Валахія предъ турецкой войной 1787 года“, т. ХСVI, декаб., 633—655.
- Гирсъ, Н. К., мин. ин. дѣлъ 1879 г., т. ХСVI, окт., 68, ноябр., 242—244.
- Гладкій, атаманъ некрасовцевъ, томъ ХСIV, май, 448, 449.
- Гладковъ, купецъ 1846 г., т. ХСV, авг., 326.
- Глазуновъ, композит., 1870 г., томъ ХСIV, май, 373.
- Глинка, Мих. Ив., композит., томъ ХСIV, май, 353—373, т. ХСVI, нояб., 303, 306, декаб., 554.
- Глинка, Сергій Николаев., писатель, р. 1774 г., † 1847 г., т. ХСIII, февр., 246, т. ХСIV, май, 341—343, т. ХСVI, декаб., 503.
- Глинка, Ѳед. Ив., помѣщикъ 1861 г., т. ХСIII, янв., 95, т. ХСVI, нояб., 344.
- Глинка, Ѳед. Николаев., писатель, † 1880 г., т. ХСIV, май, 336—338, т. ХСVI, окт., 54, нояб., 344.
- Глинка, посланникъ во Франкфуртъ 1854 г., т. ХСV, авг., 263, 266, 267.
- Глоба, жанд. штабъ-офицеръ 1860 г., т. ХСVI, окт., 76.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. ХСIII, янв., 98, 119, февр., 274, 327, 329, мартъ, 533, т. ХСIV, апр., 108, май, 339, июнь, 605—608, т. ХСVI, нояб., 309, 325—329, декабр., 566, 567, 575.
- Годлевскій, Францъ, участн. повст. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 546.
- Годеевскій, графъ, Антонъ, 1863 г., т. ХСV, авг., 310.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ив., сенат. 1814 г., т. ХСIII, янв. 215, 217, 218, 219.
- Голенищевъ-Кутузовъ, графъ, Пав. Матвѣев., ген.-лейт., споб. воен. ген.-губ., р. 1800 г., † 1883 г., т. ХСIII, мартъ, 503, т. ХСVI, окт. 58.
- Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Смоленскій, Мих. Ильяр., фельдмаршалъ, р. 1745 г., † 1813 г., т. ХСIV, май, 346, т. ХСV, июль, 95—122, т. ХСVI, окт., 52, 151—164, нояб., 264, 384, 397—419.
- Голенищевъ-Кутузовъ, гр., 1828 г., т. ХСVI, декаб., 595.
- Голенищевъ-Кутузовъ, ген.-отъ-инф., кiev. воен. губернат. 1806 г., томъ ХСVI, декаб., 586.
- Гожебергскій, Владиславъ, участн. повст. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 547.
- Голицына, княг., Анна Александр., рожд. княжна Грузинская, т. ХСIV, апр. 137.
- Голицына, княг., Вѣра Ѳед., 1868 г., т. ХСV, июль, 161.
- Голицына, княг., Екатерина, супруга Юрія Никол. Голицына, т. ХСIII, мартъ, 559—585, т. ХСIV, апр. 137—148, май, 407—421, июнь, 631—644, т. ХСV, июль, 157—174.
- Голицына, княжна, въ замуж. Бра-снокуцкая, т. ХСIV, июнь, 640.
- Голицына, княг., т. ХСIII, мартъ, 539—585.
- Голицынъ, кн., Александръ Николаев., мин. народн. просв., об.-прокур. сивола, р. 1773 г., † 1844 г., томъ ХСIII, янв., 103, мартъ, 503—519, 539—541, т. ХСV, июль, 231, авг., 392, 410, т. ХСVI, окт., 55, нояб., 336, 348, декаб., 488—523, 592, 609, 622, 656.
- Голицынъ, кн., Андрей Борисовичъ, р. 1790 г., † 1861 (1871) г., т. ХСVI, декаб., 521—538.
- Голицынъ, кн., А. Л., сообщ.: „Губер-неръ прошлаго столѣтія“, т. ХСVI, окт., 210.
- Голицынъ, кн., Борисъ Андреевичъ, т. ХСIV, апр., 137.
- Голицынъ, кн., Дм. Владим., москов. воен. губернат., р. 1771 г., † 1844 г.,

- т. ХСІІІ, янв., 103, т. ХСV, іюль, 153, т. ХСVІ, нояб., 319.
- Годицынъ-Головѣкинъ, князь, Евг. Юрьевичъ, † 1887 г., т. ХСІІІ, мартъ, 582—585.
- Годицынъ, кн., Ив., подпор. 1752 г., т. ХСІV, апр., прилож., 302.
- Годицынъ, князь, Мих., камергеръ 1796 г., т. ХСVІ, окт., 96.
- Годицынъ, кн., Мих. Мих., ген.-аншефъ, сенат., р. 1685 г., † 1764 г., т. ХСІІІ, янв., прилож., 255, февр., прилож., 260.
- Годицынъ, кн., Петръ Мих., камергеръ 1751 г., т. ХСІІІ, февр., прилож., 259.
- Годицынъ, кн., Серг. Мих., 1840 г., т. ХСІІІ, янв., 191.
- Годицынъ, кн., С. Ѳ., лифл., эстл. и бурланд. воен. губернатор. 1801 г., т. ХСІІІ, янв., 152—154.
- Годицынъ, кн., Юрій Никол., композиторъ, † 1872 г., т. ХСІІІ, мартъ, 559—585. т. ХСІV, май, 415, іюнь, 642, т. ХСV, іюль, 157—174.
- Годицынъ, кн., сеундъ-ротм. 1752 г., т. ХСІV, апр., прилож., 304.
- Годицынъ, кн., чрезвыч. послан. во Франціи 1762 г., т. ХСІІІ, янв., 150.
- Годицынъ, кн., адъют. мин-а вв. дѣлъ 1858 г., т. ХСV, іюль, 74.
- Годицынъ, кн., ген. 1806 г., т. ХСV, іюль, 134—136.
- Головинскій, митропол. моголевскій 1847 г., т. ХСV, іюль, 39, 40.
- Головкинъ, графъ, Серг., камергеръ 1796 г., т. ХСVІ, окт., 96.
- Головкинъ, гр., ген. 1806 г., т. ХСVІ, декаб., 656.
- Головкинъ, графъ, послан. въ Вѣнѣ 1818 г., т. ХСІІІ, янв., 170.
- Головинскій, Н. А., рект. новорос. унив. 1875 г., т. ХСІІІ, янв., 120, т. ХСІV, апр., 136.
- Головкинъ, Александръ Васил., мин. нар. пр., р. 1821 г., † 1886 г., томъ ХСІІІ, янв., 90, 92, мартъ, 466.
- Голубцовъ, В. В., т. ХСІV, май, 402, 406.
- Голуховскій, Артуръ, офиц. польск. войскъ 1863 г., т. ХСV, авг. 310, 314.
- Гомиліусъ, Ф., профес. консерваторіи 1898 г., т. ХСІV, май, 352.
- Гомиліусъ, любитель-виодончелисть 1858 г., т. ХСІV, май, 352, 355.
- Гонорскій, Р. Т., адъюнкт. профес. харьковск. унив. 1816 г., т. ХСVІ, нояб., 301.
- Гончаровъ, А. И., 1868 г., т. ХСV, іюль, 161, 163.
- Гончаровъ, Ив. Александр., писат., цензоръ съ 1856—1873 г., р. 1814 г., † 1891 г., т. ХСІV, май, 315, 320, 321—324.
- Гончаровъ, Осипъ Семенов. атаманъ некрасовцевъ, т. ХСІV, іюнь, 686, т. ХСV, авг., 441, 443.
- Горайскій, Августъ, 1863 г., т. ХСІV, май, 280, т. ХСV, авг. 310, 311.
- Горбуновъ, А. Д., помѣщ. 1863 г., т. ХСV, авг., 330.
- Горбуновъ, Ив. Ѳед. артистъ, томъ ХСІІІ, мартъ, 537—541.
- Гордѣенко, профес. 1839 г., т. ХСVІ, окт., 108.
- Горновская, Александра Мих., см. Ахматова.
- Горновскіе, т. ХСІV, май, 402.
- Горновскій, Ив. Антонов., т. ХСІV, май, 402, 405, 406.
- Горновскій, Мих. Антон., † 1817 г., т. ХСІV, май, 401—406.
- Горновскій, Мих. Гаврилов., т. ХСІV, май, 402.
- Городчаниновъ, чиновникъ 1862 г., т. ХСV, авг., 339.
- Городынский, офиц. польск. войскъ 1863 г., т. ХСV, авг., 314.
- Горчаковъ, кн., Александръ Михаил., госуд. канц. род. 1798 г. † 1883 г., т. ХСІІІ, янв., 30—41, т. ХСІV, май, 249, 255—267, іюнь, 524—541, томъ ХСV, іюль, 47, авг., 305—316, сент., 482—516, т. ХСVІ, окт. 5—26, 67, 68, ноябр., 241—262.
- Горчаковъ, кн., Андр. Ив., ген.-отъ-инф., р. 1778 г., † 1855 г., т. ХСV, авг., 471.
- Горчаковъ, кн., Мих. Дм., главноком. крымск. арміей, 1855 г., намѣстн. Царства Польскаго род. 1792 г., † 1861 г., т. ХСІV, май, 250, 253, 259, іюнь, 548—553, 571.
- Готовицкій, А. М., офиц., т. ХСІV, апр., 95.
- Готовскій, епископъ 1830 г., т. ХСІІІ, мартъ, 652.
- Готманъ, студентъ 1880 г., т. ХСІІІ, мартъ, 592.
- Граббе, гр., Влад. Павлов., полковн. 1877 г., т. ХСІV, іюнь, 669, томъ ХСVІ, декаб., 715.
- Граббе, Пав. Христофоров., наказн. атаманъ войска Донскаго, † 1875 г., т. ХСІІІ, февр., 411.
- Граббе, декабр., ген. 1832 г., т. ХСІІІ, февр., 292.
- Грановскій, Тимое. Никол., профес., † 1855 г. т. ХСІV, іюнь, 590, 595, 596, 601, т. ХСVІ, нояб., 298, декабр., 569—571.
- Грезовъ, ген. 1810г., т. ХСVІ, окт., 159.
- Грелатъ, 1863 г., т. ХСV, авг., 330.
- Грессеръ, ген. 1818 г., т. ХСІІІ, янв., 176.

- Гречъ, Никол. Иван.**, писатель, род. 1787 г., † 1867 г., т. ХСIII, февр., 327—332, мартъ, 521, т. ХСIV, апр., 47, 48, 205, 206, т. ХСVI, нояб., 322, 326, декаб., 555—559.
- Грибоедовъ, Александр. Серг.**, писат., р. 1795 г., † 1829 г., т. ХСIII, февр., 328, мартъ, 501, т. ХСVI, декаб., 618.
- Григоровъ, Фед.**, сообщ.: „Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи 1849 г.“, т. ХСIV, июнь, 491—522.
- Григорьевъ, Васил. Васил.**, профес. ориенталистъ 1869 г., т. ХСIII, янв., 111, мартъ, 473, т. ХСIV, апр., 68.
- Гриммъ, Фридрихъ-Мельхиоръ**, корреспондентъ им—цы Екатерины II, р. 1723 г., † 1807 г., т. ХСIII, февр., 228, 248, т. ХСV, авг., 399.
- Гриммъ, Яковъ** 1839 г., т. ХСVI, декаб., 554.
- Гриневичъ, М. И.**, балахнинск. уѣздн. предводит. дворян., т. ХСIV, июнь, 611.
- Гришковъ, астрономъ** 1751 г., т. ХСIII, февр., 236.
- Громовъ, купецъ** 1842 г., т. ХСV, авг., 322.
- Гротъ, Конст. Карлов.**, ст.-секрет., † 1897 г., т. ХСIV, апр., 217—222, июнь, 695.
- Гротъ, Яковъ Карлов.**, академикъ, р. 1812 г., † 1893 г., т. ХСIV, апр., 77, май, 323.
- Грудзинскій, Мих.**, офиц. польскихъ войскъ 1863 г., т. ХСV, авг., 453, 454.
- Грузинскій, кн.**, 1831 г., т. ХСVI, декаб., 522, 527, 534, 535, 536.
- Грушецкій, чл. совѣта сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ** 1863 г., т. ХСV, июль, 51.
- Грязновъ, художн.** 1892 г., т. ХСVI, декаб., 697.
- Гурко, фельдмаршалъ**, т. ХСIV, май, 398—400, июнь, 652—667, т. ХСV, июль, 176—192, авг. 414—426, сент., 690—708, т. ХСVI, окт., 215, 216, 230, 231.
- Гурскій, Конст.**, чл. комит. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ 1862 г., томъ ХСIV, июнь, 564, 565, т. ХСV, июль, 51.
- Гурскій, Людвигъ**, чл. комит. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ 1863 г., т. ХСIV, май, 283, 284.
- Гурьевъ, Дм. Александр.**, 1808 г., томъ ХСV, авг., 434.
- Гурьевъ, Петръ Семенов.**, педагогъ 1864 г., т. ХСV, авг., 349.
- Гурьевъ, Семенъ Емельянов.**, акад., р. 1766 г., † 1813 г., т. ХСIV, апр., 5—13, май, 226—230.
- Гурьевъ, ген.-м.** 1748 г., т. ХСIII, янв., прилож., 249.
- Гуляевъ, поруч.** 1849 г., т. ХСIV, июнь, 497.

Д.

- Дабиза, кн.**, В. Д., т. ХСIV, апр., 135.
- Давыдовъ, Денисъ Васильев.**, партизанъ, писат., род. 1784 г., † 1839 г., т. ХСIII, янв., 189, 190, т. ХСV, июль, 95—97, т. ХСVI, окт., 163, декаб., 498.
- Давыдовъ, Ив. Ив.**, проф., † 1863 г., т. ХСIV, май, 268, т. ХСV, сент., 561.
- Давыдовъ, Карлъ Юліев.**, директоръ спб. консерват., р. 1838 г., † 1889 г., т. ХСIV, май, 355, 366.
- Давыдовъ, Н. Д.**, саратов. предвод. дворян. 1867 г., т. ХСVI, ноябр., 369, 378.
- Дадьянъ, княг.**, Екатор. Александр., рожд. княжна Чавчавадзе, т. ХСIII, февр., 398, 399.
- Даль, Влад. Ив.**, писат., род. 1801 г., † 1872 г., т. ХСIII, февр., 311, томъ ХСV, июль, 92.
- Дандевиль, ген.** 1877 г., т. ХСV, июль, 175, 191, 192, 195, авг., 425, 428, 433, сент., 692.
- Даниловскій, Владисл.**, участн. повстанія 1862 г., т. ХСIV, июнь, 562.
- Даниловскій, Яковъ**, 1851 г., т. ХСIV, июнь, 606.
- Данненбергъ, рожд. Заблоцкая**, томъ ХСVI, декаб., 671.
- Данненбергъ, ген.**, т. ХСVI, декаб., 669—671.
- Даргомыжскій, Александръ Серг.**, композиторъ, р. 1813 г., † 1869 г., т. ХСIV, май, 353, 370.
- Дарья, грузинская царевна**, † 1807 г., т. ХСV, июль, 231.
- Дашкова, княг.**, Екат. Романовна, рожд. Воронцова, р. 1743 г., † 1810 г., т. ХСIII, февр. 226—245, т. ХСIV, май, 236.
- Дашковъ, помощн. попечит. москов. учебн. окр.** 1861 г., т. ХСIV, июнь, 589, 593, 594.
- Дашковъ, Дм. Васил.**, мин. юстиціи, р. 1784 г., † 1839 г., т. ХСIV, апр., 45, т. ХСVI, декаб., 619, 620.
- Дашковъ, кн.**, 1807 г., т. ХСVI, декаб. 503.
- Дверникскій, Іосифъ**, польскій ген. р. 1779 г., † 1867 г., т. ХСIII, февр. 441, 458—463, т. ХСIV, апр., 183, 191, т. ХСV, авг., 463.

- Дедушицкий, Юлианъ**, 1835 г., томъ ХСV, авг., 439.
- фонъ-Дезиакъ**, оберъ-прокур. 1830 г., т. ХСIV, апр., 44.
- Делатарди**, полковонецъ, т. ХСVI, нояб., 447.
- Дельвигъ**, бар., Антонъ Антоновичъ, писат., р. 1798 г., † 1831 г., т. ХСVI, окт., 42, 48.
- Делярошъ**, Горацій, польск. патриотъ 1863 г., т. ХСIV, май, 279.
- Дембиновъ**, Генрихъ, польскій ген., р. 1791 г., † 1864 г., т. ХСIV, июнь, 507, 521, т. ХСV, сент., 654, 668, т. ХСVI, окт., 170, 171.
- Демидова, Вѣра Егоров**, рожд. Панина, т. ХСIV, май, 290, 291.
- Демидовичъ**, 1863 г., т. ХСV, авг., 309.
- Демидовъ, А.**, чл. нижегород. комит. по крестьян. дѣламъ 1857 г., томъ ХСIV, июнь, 624, т. ХСV, июль, 73.
- Демидовъ**, ст. сов. 1803 г., т. ХСVI, декаб., 690.
- Демидовъ**, ген.-ад. 1830 г., т. ХСIII, февр., 416.
- Демоняль**, варшавскій об.-полиціймейст. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 551.
- Денель**, Болеславъ, участн. повст. † 1863 г., т. ХСIV, июнь, 545, 557, 559.
- Депрерадовичъ**, ген.-ад., командиръ гвардейск. корп. 1827 г., т. ХСIII, февр., 412, т. ХСVI, окт., 58, декаб., 612.
- Державина, Дарья Алексѣев.**, томъ ХСVI, декаб., 540, 545.
- Державинъ**, Гавр. Романовичъ, род. 1743 г., † 1816 г., т. ХСVI, декаб., 497, 503, 504, 539—549.
- Дзедушицкий, Александръ**, 1863 г., т. ХСV, авг., 310.
- Дзьяльносій**, гр., Янъ, польск. патриотъ 1863 г., т. ХСIV, май, 280.
- Дибичъ-Забалканскій**, гр., Ив. Ив., р. 1785 г., † 1831 г., т. ХСIII, янв., 103, 181, 132, 188, февр., 415, мартъ, 504, 509, т. ХСIV, июнь, 480, 481, 485, т. ХСVI, ноябр., 265, 266, 333, 335, 336, 351, декаб., 610—628.
- Дивова**, фрейлина 1828 г., т. ХСIII, мартъ, 518.
- Дивовъ**, Никол. Ив., ген.-м. 1799 г., т. ХСV, авг., 404, 408.
- Дивовъ**, Павелъ Гаврилов., сенаторъ, р. 1765 г., † 1841 г., его дневникъ 1827 г., т. ХСIII, январь, 101—110, мартъ, 497—520, упом. 682, т. ХСV, июль, 94, т. ХСVI, декаб., 617—632.
- Димитрій Иоанновичъ**, † 1591 г., т. ХСIV, май, 302, 303.
- Дитмаръ**, титул. сов. 1870 г., т. ХСV, авг., 271,
- Дмитревскій**, Ив. Аванас., артистъ, р. 1736 г., † 1821 г., т. ХСVI, окт., 52.
- Дмитриевъ**, Ив. Иванов., мин. юстиц., писат., р. 1760 г., † 1837 г., т. ХСIII, февр., 331, т. ХСIV, июнь, 604, томъ ХСVI, окт., 55.
- Дмитриевъ**, С. М., профес. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 589, 602, 603.
- Долгорукий**, кн., Ив. Мих., писатель 1816 г., т. ХСIII, февр., 402, томъ ХСVI, окт., 54.
- Долгоруковъ**, кн., А. А., мин. юстиц. 1816 г., т. ХСIII, янв., 104, т. ХСIV, июнь, 542.
- Долгоруковъ**, кн., Васил. Андреев., шефъ жанд., т. ХСIII, мартъ, 560, т. ХСVI, нояб., 269.
- Долгоруковъ**, кн., Мих., ген. 1806 г., т. ХСV, июль, 135.
- Долгоруковъ**, князь, ген.-м. 1829 г., т. ХСVI, декаб., 622.
- Долгоруковъ**, князь, ген.-лейт., ген.-фельдцейхмейст. 1848 г., т. ХСIII, февр., 422.
- Долгоруковъ**, кн., об.-шталмейстеръ 1832 г., т. ХСIII, февр., 288.
- Домашневъ**, Серг. Герасим., директ. акад. наукъ съ 1775 г. по 1782 г., род. 1746 г., † 1779 г., т. ХСIII, февр., 226, 227.
- Домбровский, Ярославъ**, офиц. 1863 г., т. ХСIV, май, 285, июнь, 562.
- Домейшо**, виленск. предвод. дворян. 1863 г., т. ХСVI, ноябр., 271, 292, 293.
- Домоганский**, кап.-лейт. 1828 г., томъ ХСVI, декаб., 595.
- Донатъ**, архіеписк. виленск. 1893 г., т. ХСVI, декаб., 694.
- Дороховъ**, ген. 1807 г., т. ХСV, июль, 136, т. ХСVI, окт., 162.
- Достоевскій**, Фед. Мих., писатель, † 1881 г., т. ХСIV, май, 318, томъ ХСVI нояб., 299, декаб., 571.
- Доктуровъ**, ген. 1807 г., т. ХСV, июль, 136.
- Дрейшюкъ**, Александр., арт.-пѣвицъ, 1858 г., т. ХСIV, май, 354.
- Дрептельскъ**, Александръ Романов. 1760 г., т. ХСIII, февр., 266.
- Дривенъ**, бар., Н В. сообщ.: „Воспрещеніе содержателямъ частныхъ театровъ принимать на службу артистовъ, императорскихъ театровъ 1808 г.“, т. ХСV, авг., 434, „Дозволеніе пріѣзжать дворянамъ въ Благородное собраніе во фракахъ 1802 года“, т. ХСVI, окт., 144.
- Дружининъ**, К., сообщ.: „Изъ архива А. М. Римскаго-Корсакова. Письма къ нему Л. Л. Беннигсена 1805—1807 г.“, т. ХСV, июль, 121—138, авг., 465—480.

*

- Дубельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жанд. т. ХСIV, июнь, 583.
- Дубровинъ, Николай Федор., акад., писат., ген.-лейт., сообщ.: „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“, томъ ХСVI, декаб., 481—554.
- Дудышкинъ, т. ХСVI, декаб., 583.
- Думашевъ, поруч. 1751 г., т. ХСIII, февр., прилож., 257.
- Дувинъ, Анастасій, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, февр., 460.
- Дурасовъ, правит. канцел. саратов. губернат. 1846 г., т. ХСV, авг., 325, 326.
- Дурново, мнн. внутр. дѣлъ 1891 г., т. ХСVI, декабр., 695.
- Дурново, камергеръ 1796 г., т. ХСVI, окт., 96.
- Дуроць, Александр Хр., писат. 1816 г., т. ХСVI, окт., 54.
- Дуровъ, Ан. Христ., надв. сов. 1816 г., т. ХСVI, окт., 54.
- Душинскій, Юліанъ, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, февр., 457, т. ХСV, сент., 674, 675.
- Дювернуа, помощ. инспект. моск. унив. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 599.
- Дюкруаси, чл. совѣта, управл. там. частью на Кавказѣ 1856 г., т. ХСIII, февр., 395—398.
- Дятлевъ, Ив. Павл., студентъ 1858 г., т. ХСIV, май, 352.
- Е.**
- Евгекій, Болховитиновъ, митропол. кіевскій, р. 1767 г., † 1837 г., томъ ХСIV, апр., 78, т. ХСV, июль, 153, т. ХСVI, декаб., 557.
- Евгенія Мажимилановна, вел. кн., принцесса Ольденбургская, т. ХСIV, июнь, 634, авг., 420.
- Евдокимовъ, Л. В., дѣйстви. членъ Археол. инст. сообщилъ: „Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе имп-цы Елисаветы Петровны“. Приложение при томъ ХСIII, кн. янв., февр., мартъ, томъ ХСIV, апрѣль, май, стр. 241—306. „Жадиръ-шахъ — мнимый богъ“, т. ХСIV, май, 334. „Объясненіе гравюры, приложенной въ декабрьской книгѣ «Русск. Стар.» 1898 г., т. ХСVI, дек., 717—719.
- Евреиновъ, полковн. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 659, т. ХСV, июль, 190, авг., 432.
- Езерскій, гр., 1831 г., т. ХСIV, май, 282.
- Езiorанскій, участн. въ повст. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 572.
- Екатерина I, императрица, р. 1679 г., † 1727 г., т. ХСV, севт., 519, 522, т. ХСVI, нояб., 259.
- Екатерина II, императрица, род. 1729 г., † 1796 г., т. ХСIII, янв., 129—151, февр., 228—250, мартъ. 500, 548, прилож., 279, т. ХСIV, апрѣль, 96, 201, май, 231—241, 289, 302, 401, 404, 441, 466—468, июнь, 573—575, 689, т. ХСV, июль, 151, авг., 258, 400, 417, севт., 518, 528, 530, 531, 566—592, т. ХСVI, окт., 53, 93—97, нояб., 347, декаб., 514, 539, 557, 587—593, 634.
- Екатерина Михайловна, вел. княг., въ зам. принцесса Мекленбургъ-Стрелцкая, т. ХСIII, янв., 107.
- Екатерина Павловна, велик. княг., въ зам. королева Виртембергская, р. 1788 г., † 1819 г., т. ХСVI, окт., 32, 43.
- Елагина, Е. С., 1857 г., т. ХСIII, февр., 280.
- Елагинъ, ст. сов., цевзоръ 1857 г., т. ХСIII, февр., 297—319.
- Елена Павловна, вел. княг. (принцесса Виртембергская), р. 1806 г., † 1873 г., т. ХСIII, янв., 107, 163, 164, февр., 407, мартъ, 503, т. ХСIV, апрѣль, 223, май, 270, 354, т. ХСV, июль, 235, т. ХСVI, декаб., 629—630.
- Елисавета Алексѣевна, императрица, р. 1779 г., † 1826 г., т. ХСIII, янв., 162, т. ХСV, сент., 534, т. ХСVI, окт., 55, нояб., 332, декаб., 503, 514, 516, 593.
- Елисавета Михайловна, в. княжна, † 1845 г., т. ХСIII, февр., 419.
- Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., т. ХСIII, янв., 122—149, февр., 225, т. ХСIV, апр., 289—304, июнь, 466, 467, т. ХСVI, нояб., 259, декаб., 598, и въ прилож. къ кн. янв., февр., мартъ, апр., май, стр. 241—334.
- Ендржеевичъ, Эдуардъ, 1863 г., томъ ХСV, авг., 311.
- Енохъ, 1863 г., т. ХСV, июль, 50, 51.
- Епанчинъ, Алексій Никол., директ. морск. корп., т. ХСIII, мартъ, 583.
- Ермолова, Екат. Петровна, камеръ-фрейлина, т. ХСIII, янв., 185.
- Ермоловъ, Алексій Петров., ген.-отъ-арт., р. 1777 г., † 1861 г., т. ХСIII, янв., 103, 185—192, т. ХСIV, апр., 216, т. ХСVI, окт., 163, 164, декаб., 595, 596.
- Ермоловъ, Григ. Петров., ген.-лейт. 1898 г. т. ХСIII, янв., 185.
- Ермоловъ, Петръ, Никол., ген.-м., р. 1787 г., † 1844 г., т. ХСIII, янв., 185—192.
- Ершовъ, Петръ Павлов., директоръ тобольск. гимназ., авторъ „Конька

Горбунка“, род. 1818 г., † 1869 г., т. ХСIV, май, 335.
 Ершовъ, полковн. 1860 г., т. ХСVI, окт., 70.
 Есиповъ, содержат. театра въ Казани 1808 г., т. ХCV, авг., 434.
 Ешевскій, С. В., изъ его записокъ „Московскій унверс. въ 1861 г.“, т. ХСIV, июнь, 577—603.

Ж.

Жадовскіе, 1857 г., т. ХСIV, июнь, 616.
 Жаровскій, П. А., помѣщикъ 1840 г., т. ХCV, авг., 326, 330.
 Ждановъ, Петръ, купецъ, 1810 г., т. ХСVI, окт., 164—166.
 Жедрянскій, З. Н., миров. посредн. 1860 г. т. ХСVI, окт., 71.
 Желнинскій, Федикъ, чл. комит. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ 1863 г., т. ХСIV, май, 284.
 Желтухинъ, Алексѣй Дм., 1860 г., т. ХСIV, апр., 65.
 Жемчужниковъ, сенат. 1860 г, томъ ХСIII, мартъ, 482.
 Жеребцова, Ольга Александровна, т. ХСVI, окт., 98.
 Жмакинъ, В., протоіерей, сообщ.: „Дѣла Преображенскаго приказа въ погребѣ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ въ Кремлѣ“, т. ХCV, авг., 411—412
 Жуковский, Васил. Андреев., писат., род. 1788 г., † 1852 г., т. ХСIII, февр., 330, 370, т. ХСIV, май, 312, т. ХСVI, нояб., 316, 319, 326, 363—366, декаб., 551—567.
 Жуковский, Мих., протоіер. одесск. собора 1837 г., т. ХСVI, нояб., 469.
 Жуковъ, Мих. Мпх., 1792 г., т. ХСVI, декаб., 590.
 Журавлевъ, прокур. 1-го деп-а сената, 1827 г., т. ХСIII, янв., 107.

З.

Заблудскій Десятковскій, Андр. Парф., ст.-секрет., † 1881 г., т. ХСIV, апр., 220.
 Завадовская, гр-ня, т. ХСIV, май, 413, т. ХCV, июль, 38.
 Завадовскій, гр., Петръ Васил., мин. народн. просв. съ 1802—1809 г., † 1813 г., т. ХСIII, февр., 428—430, т. ХCV, июль, 146, т. ХСVI, декаб., 493, 497.
 Загоскинъ, Мпх. Нил., романистъ, род. 1789 г., † 1852 г., т. ХСIV, апр., 101, т. ХСVI, нояб., 326, 328.

Завалишинъ, Дм. Ирнархов., декабр., т. ХСVI, нояб., 341, декаб., 484.
 Зайцевъ, Ѳ. Ѳ., купецъ 1861 г., т. ХСIV, апр., 149.
 Забрѣвскій, гр., Арсеній Андреев., мин. вн. дѣлъ, москов. ген.-губ., род. 1783 г., † 1865 г., т. ХСIII, янв., 62, 88, 89, 90, 92, 104, февр., 276, мартъ, 506, 537, т. ХСIV, апр., 209, т. ХСVI, окт., 59—61.
 Залѣвскій, Богданъ поэтъ, т. ХСIII, февр., 438.
 Замоискій, гр., Андрей, род. 1800 г., † 1874 г., т. ХСIV, май, 278—284, июнь, 543—568, т. ХCV, июль, 42
 Замоискій, гр., Владисл., ген. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, февр., 440—464, мартъ, 652—674, т. ХСIV, апр., 161—186, май, 279, 281, июнь, 556—565, т. ХCV, июль, 209—217, авг., 436—462, сент., 654—685, т. ХСVI окт., 174—201, нояб., 458—466, декаб., 673—687.
 Замоискій, Стефанъ, 1863 г., т. ХCV, авг., 309.
 Заремба, Н. И., директоръ спб. консерваторіи, т. ХСIV, май, 355.
 Заруднекъ, суперъ-интендентъ сивода 1799 г., т. ХCV, сент., 532.
 Засозъ, ген.-лейт. 1849 г., т. ХСIV, июнь, 494, 521.
 Засядко, начальникъ артил., учил. 1822 г., т. ХСIII, февр., 406
 Захаровъ, акад. 1798 г., т. ХСIV, апр., 11, 12, май, 227—242.
 Звенигородскій, князь, ардатовскій предвод. дворян. 1855 г., т. ХСIV, июнь, 616
 Звѣрковский, Лудвигъ, офиц. польск. войскъ, † 1857 г., т. ХСIV, апр., 190, 191, май, 426, 451, июнь, 675, 678, т. ХCV, июль, 201—223, авг., 436—461, сент., 655—674, т. ХСVI, окт., 176, 177, 206.
 Зейфертъ, Ив. Ив. любит.-виолончелистъ 1858 г., т. ХСIV, май, 352.
 Зеленой, Александръ Алексѣев., мин. госуд. имущ., р. 1814 г., † 1880 г., т. ХСVI, нояб., 269
 Земляковскій, Флоріанъ, 1863 г., т. ХCV, авг., 299, 309, 310.
 Зеновичъ, минск. предвод. дворян. 1818 г., т. ХСIII, янв., 182.
 Зерцаловъ, А. Н., архивистъ, томъ ХСVI, нояб., 441—443.
 Зиссерманъ, А. Л., ХСIV, май, 460.
 Зловъ, артистъ 1810 г., т. ХСVI, окт., 52.
 Зонъ, учнт. 1798 г., т. ХСIV, май, 242.
 Зоричъ, Семень Гаврилов., 1788 г., т. ХСIV, апр., 81.
 Зотовъ, ген. 1877 г., т. ХCV, июль, 67.

Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., р. 1771 г., † 1804 г., т. ХСІІІ, мартъ, 682, т. ХСV, сент., 577, 578, 582.
Зубовъ, гр., Николай Александров., команд. Смоленск. драгун. полка съ 1791—1792 г., шталмейст. 1798 г., т. ХСІІІ, мартъ, 682, т. ХСV, сент., 583, т. ХСVІ, окт., 64.
Зыжовъ, Аѳанасій, дякъ 1675 г., т. ХСІІІ, мартъ, 636—649.

И.

Иванидѣй, Александр. Борясовичъ, горн. инж., ген., т. ХСІІІ, янв., 206, 207.
Иванова, вѣв зам. Ивонникова, 1752 г., т. ХСІV, апр., прилож., 300.
Иванова, Елена Андр., помѣщица 1860 г., т. ХСVІ, окт., 81, 82.
Ивановъ, Александр Андр., художн., † 1858 г., т. ХСІІІ, февр., 272.
Ивановъ, Григорій, священ., ключарь Благовѣщенскаго собора въ Кремлѣ 1798 г., т. ХСV, авг., 411, 412.
Ивановъ, учит. навигаціи морск. корп. 1798 г., т. ХСІV, май, 226.
Ивановъ, помѣщ. 1840 г., т. ХСV, авг., 326.
Ивашенцевъ, начальникъ съемки Каспійск. моря 1860 г., т. ХСІІІ, мартъ, 626, 629.
Ивашкинъ, полковн., москов. полиціймейстеръ, 1802 г., т. ХСVІ, окт., 144.
Игельстромъ, полков. 1818 г., томъ ХСІІІ, янв., 182.
Игнатъевъ, гр., Н. П. мнн. внут. дѣлъ 1881 г., т. ХСІV, май, 324, 325, т. ХСVІ, декаб., 703.
Игнатъевъ, саратов. губернат. 1855 г., т. ХСVІ, окт., 73, 89.
Игнатъевъ, полковн. 1812 г., т. ХСV, июль, 98.
Ивонниковъ, поруч. 1752 г., т. ХСІV, апр., прилож., 300.
Ивонниковъ, С. С., миров. посредн. 1860 г., т. ХСVІ, окт., 71, 72.
Илнскій, Антонъ, 1835 г., т. ХСV, авг., 436.
Илнчскій, сенат. 1796 г., т. ХСVІ, окт., 97.
Илнчскій, камергеръ 1796 г., т. ХСV, сент., 588.
Иловайскаѧ, вос.—ца Екатерин. инст. 1840 г., т. ХСV, сент., 619.
Иловайскаѧ, Дм. Ив., историкъ, сообщ.: „М. В. Шенъ при иномъ историческомъ освѣщеніи“, т. ХСVІ, нояб., 439—450.
Ильинъ, Ив., кол. сов. 1816 г., т. ХСVІ, окт., 54.

Имеретинскій, кн., ген. 1877 г., т. ХСV, июль, 67.
Индрантуевъ, тов. ген.-губерн. Финляндіи, т. ХСІІІ, янв., 119.
Инноцентій, архіеп. 1854 г., томъ ХСVІ, нояб., 472, 473, 475.
Иноходцевъ, Петръ Борисов., акад., р. 1741 г., † 1806 г., т. ХСІІІ, февр., 232—235, т. ХСІV, апр., 6, май, 230—242.
Исарскій, Василій Антонов., его записки, томъ ХСІІІ, янв., 193—214, февр., 371—400, мартъ, 607—634.
Иривархъ, рижск. викари. архіерей 1841 г., т. ХСІV, май, 317.
Исаковъ, ген., попечит. москов. учебн. окр. 1861 г., т. ХСІV, июнь, 598—600.
Искдоръ, митроп. сиб. 1869 г., томъ ХСV, июль, 173, т. ХСVІ, окт., 111.
Иселевъ, А. А., гласный сарат. уѣздн. земск. собр. 1864 г., т. ХСVІ, окт., 83.
Ишимова, Александра, пис-ца 1841 г., т. ХСІV, апр., 207.

І.

Іаковъ, архіеп. саратов. 1846 г., вносл. нижегород., т. ХСV, авг., 330.
Іоаннъ IV, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. ХСІV, май, 302, 303, 310.
Іоанъ, патриархъ, т. ХСІV, май, 304.
Іосифъ Сѣвашко, митроп. лѣтовск. и вилнск., † 1868 г., т. ХСVІ, нояб., 273, декаб., 692, 693.

ІІ.

Іавадлини, арт. 1858 г., т. ХСІV, май, 355.
Іавелинъ, Конст. Дм., профес., писат., р. 1818 г., † 1885 г., т. ХСІІІ, янв., 53, 73, 87, мартъ, 476, 490, т. ХСVІ, декаб., 571.
Іаверникъ, москов. об.-полниціймейст. 1802 г., т. ХСVІ, окт., 144.
Іавадалевъ, поруч. 1752 г., т. ХСІV, апр., прилож., 300.
Іазарскій, Александр., капит. 2-го ранга 1829 г., т. ХСІV, июнь, 542.
Іазначевъ, Александр. Ив., одесск. градонач. съ 1848—1854 г., род. 1788 г., † 1880 г., т. ХСІV, апр., 211.
Іайсарова, М., т. ХСVІ, декаб., 546.
Іайсевичъ, офиц. польск. войскъ 1830 г., писат., т. ХСІV, апр., 184, 185.
Іадачовъ, Никол. Васильев., архео-

- Юргъ, сенат., акад., род. 1819 г., † 1885 г., т. ХСIV, апр., 211.
- Калыка**, Валеріанъ, участн. повстанія 1863 г., т. ХСIV, май, 279, июнь, 565.
- Камекошій**, гр., Никол. Мих., ген.-м. 1807 г., 1811 г., т. ХСV, авг., 470, 471, 480.
- Камекошій**, ген. 1831 г., т. ХСIII, мартъ, 679, 680, т. ХСV, июль, 132.
- Каньринъ**, гр., Егоръ Франц., мнн. финанс. съ 1823—1844 г.г., р. 1776 г., † 1845 г., т. ХСV, июль, 147, томъ ХСVI, окт., 59, 60.
- Капо д'Истрія**, гр., Ив. Антонов., ст.-секрет., мнн. ин. дѣлъ, р. 1776 г., † 1831 г., т. ХСIII, инв., 104, 105, т. ХСVI, декаб., 629.
- Капустинъ**, профес. 1861 г., вполс. попечит. сб. учебн. окр., т. ХСIV, июнь, 587, 588, 594.
- Карабановъ**, т. ХСIII, февр., 246.
- Караджичъ**, Вука, сербскій писат. 1841 г., т. ХСIII, февр., 366.
- Карадыжинъ**, д. ст. сов. 1798 г., т. ХСV, авг., 403.
- Карамзина**, Евдокія Гаврил., рожд. Дмитріева, 1770 г., т. ХСIII, февр., 433.
- Карамзина**, Екат. Петр., рожд. Павухина, т. ХСIII, февр., 433—435.
- Карамзинъ** А. Н., ардатов. предвод. дворян. 1857 г., т. ХСIV, июнь, 616, 624, 627, т. ХСV, июль, 73.
- Карамзинъ**, Дм. Семен., 1606 г., родоначальникъ Карамзинныхъ, томъ ХСIII, февр., 432, 433.
- Карамзинъ**, Егор. Петров., † 1763 г., т. ХСIII, февр., 433.
- Караминъ**, Мих. Егор., капитанъ, † 1782 г., т. ХСIII, февр., 433.
- Караминъ**, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 г. † 1826 г., т. ХСVI, декаб., 501, 502, 556.
- Карасевскій**, чиновн. 1825 г., т. ХСVI, нояб., 335.
- Каратыгинъ**, Василій Андреев., артистъ, † 1853 г., т. ХСIII, мартъ, 521—536., т. ХСIV, апр., 97—110, т. ХСVI, окт., 52.
- Карновичъ**, Е. П., т. ХСIV, май, 401, 402, 404, 406.
- Карцовъ**, ген. 1877 г., т. ХСV, июль, 176, авг., 425, сент., 708.
- Касиновъ**, херсонск. предводит. дворян. 1857 г., т. ХСIII, февр., 302.
- Кастелланъ**, мтршалъ, род. 1788 г., † 1826 г., выдержки изъ его журнала, касающіяся восточной войны 1853—1856 г.г., т. ХСV, авг., 369—381.
- Катонинъ**, ген.-ад. 1876 г., т. ХСIV, май, 459.
- Катковъ**, Мих. Никифор., писатель, р. 1818 г., † 1887 г., т. ХСIII, янв., 50, 55, 87, февр., 276, т. ХСIV, апр., 63, т. ХСV, сент., 514, 515, т. ХСVI, нояб., 243, декаб., 576, 583.
- Каразинъ**, В. Н., основат. Харьков. унив., т. ХСVI, нояб., 302.
- Караминъ**, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 г., † 1826 г., т. ХСIII, февр., 330, 431—435, мартъ, 586, т. ХСVI, окт., 31—40, 53, нояб., 315.
- Каульбарсъ**, бар., В. В., т., ХСIV, май, 352.
- Каульбарсъ**, бар., Никол. В., комиссаръ въ Болгаріи 1886 г., т. ХСV, июль, 182, т. ХСVI, нояб., 246.
- Кауфманъ**, Конст. Петров., виленск., затѣмъ туркест. ген.-губ., р. 1818 г., † 1882 г., т. ХСIII, янв., 155—158, т. ХСIV, июнь, 513, т. ХСV, июль, 67, 68, авг., 271—290, сент., 634.
- Качаловъ**, Н. А., предсѣд. новгород. земск. управы 1864 г., т. ХСV, авг., 348.
- Каченовскій**, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, мартъ, 656, 657.
- Кашкадамовъ**, Нкл. Ив., титул. сов.,—его библіограф. лист. на обертеѣ каждой книги.
- Келлеръ**, гр-ня, Марія Александр., рожд. княжна Шаховская, т. ХСIII, янв., 98.
- Келлеръ**, директ.-комис. внутр. дѣлъ въ Варшавѣ 1863 г., т. ХСV, авг., 313.
- Келеръ**, ген. 1806 г., т. ХСV, июль, 130.
- Кельшъ**, Н., сообщ.: „Не пей Дроздовки. Изъ жизни духовенства москов. епархіи“, т. ХСVI, окт., 145—147.
- Кеннеди**, няня великаго князя Михаила Павловича, т. ХСIII, февр., 401.
- Кеппелъ**, Пет. Ив., акад., т. ХСVI, окт., 54.
- Кеппелъ**, О. П., сообщ.: „Мѣра, предложенная императоромъ Александромъ I, чтобы окончить скорѣе войну съ Турціею въ 1812 г.“, томъ ХСIV, апр., 204.
- Кетчеръ**, 1861 г., т. ХСIV, июнь, 595, 596.
- Кивинъ**, Петра, 1826 г., т. ХСV, июль, 235.
- Кильштедтъ**, Елена, въ зам. Борова, † 1849 г., т. ХСVI, окт., 56—58.
- Кильштедтъ**, штабъ-лѣкарь 1820 г., т. ХСVI, окт., 56.
- Кингстонъ**, герцогиня, т. ХСIV, май, 402—404.

- Княдяковъ**, чл. саратовск. губернскаго по крестьянск. дѣламъ присутствія 1860 г., т. ХСІІІ, мартъ, 480, томъ ХСVІ, окт., 76.
- Кипіани**, чл. совѣта намѣстн. кавказск. 1856 г., т. ХСІІІ, февр., 399.
- Кирпичниковъ**, А. И., сообщ.: „Между славянофилами и западниками“. Н. А. Мельгуновъ, т. ХСVІ, нояб., 297—330, декаб., 551—585.
- Кирѣевскій**, Ив., т. ХСVІ, нояб., 314—316.
- Кирѣевскій**, Петръ Васильев. 1857 г., т. ХСІІІ, февр., 280, т. ХСVІ, декаб., 569, 571, 582.
- Кирьяновъ**, москов. городск. голова 1807 г., т. ХСVІ, декаб., 492.
- Киселева**, рожд. Потоцкая, т. ХСІV, апр., 168.
- Киселевъ**, Арефій Игнатьев., помѣщ. 1846 г., т. ХСV, авг., 323, 330.
- Киселевъ**, Никол. Дм., послан. въ Парижъ 1853 г., р. 1800 г., † 1869 г., т. ХСV, авг., 371, 372, 379.
- Киселевъ**, гр., Пав. Дм., мнн. госуд. пмущ., род. 1788 г., † 1872 г., томъ ХСІІІ, февр., 404, 425, т. ХСІV, апр., 218, июнь, 543, 569, т. ХСV, авг., 329, т. ХСVІ, нояб., 348.
- Киселевъ**, Оед. Ив., 1807 г., т. ХСVІ, декаб., 504.
- Кистеръ**, баронъ, директ. театровъ 1871 г., т. ХСІV, май, 361.
- Клатротъ**, акад. 1806 г., т. ХСVІ, декаб., 656.
- Клевезаль**, полковн. 1878 г., т. ХСVІ, декаб., 708.
- Клеймихель**, гр., Влад. Петр., офид. 1877 г., т. ХСV, сент., 693.
- Клеймихель**, гр., Петръ Андреев., главноуправл. путями сообщ., р. 1793 г., † 1869 г., т. ХСVІ, нояб., 285, 286, 395.
- Клепиковъ**, медальеръ, акад. 1849 г., т. ХСІІІ, февр., 418.
- Климентъ VIII**, папа римскій, письмо къ нему Лжедмитрія 1604 г., томъ ХСІV, май, 301—311.
- Клодтъ**, бар., П. К., скульпт., т. ХСІІІ, февр., 418.
- Клюки-фонъ-Клугенау**, ген. 1843 г., т. ХСІІІ, янв., 191, 192.
- Ключаревъ**, шт.-кап. 1843 г., т. ХСІІІ, янв., 192.
- Клячко**, Юліанъ, польск. публицистъ 1863 г., р. 1825 г., т. ХСІV, май, 279 г., июнь, 554, 565.
- Клоррингъ**, Богданъ Оед., ген.-м. 1788 г., т. ХСVІ, нояб., 296.
- Клоррингъ**, полковн. 1807 г., т. ХСV, авг., 478.
- Князевичъ**, Дм. Максим., попечит. одесск. учебн. окр. съ 1837 г., томъ ХСІІІ, янв., 111, т. ХСІV, апр., 133.
- Князевичъ**, ген. 1831 г., т. ХСІІІ, февр., 439, мартъ, 665.
- Ковалевская**, Н., сообщ.: „Воспоминанія старой институтки“, т. ХСV, сент., 611—628.
- Ковалевскій**, Евграфъ Петров., мнн. народн. проsv., т. ХСІІІ, янв., 72, февр., 297, 299—301, 314, 319, мартъ, 476.
- Кожвинниковъ**, Матвѣй Львов., саратовск. губернат. 1846 г., т. ХСV, авг., 325—335.
- Козень**, ген., † 1807 г., т. ХСV, авг., 480.
- Козловскій**, кн., Алексѣй, капитанъ 1751 г., т. ХСІІІ, февр., прилож. 258.
- Козловскій**, полковн. 1807 г., т. ХСVІ, декаб., 498.
- Козловъ**, Васил. Оед., сенат. 1814 г., т. ХСІІІ, янв., 215, 219.
- Козлякинковъ**, казанск. губернаторъ 1857 г., т. ХСІV, июнь, 626.
- Ковадавлевъ**, поруч. 1751 г., т. ХСІІІ, февр., прилож. 264.
- Ковадавлевъ**, об.-прокур. 1-го деп. сената 1798 г., т. ХСІV, апр., 155, т. ХСV, сент., 532, т. ХСVІ, декаб., 720.
- Козьянъ**, Андрей-Эдуардъ, 1831 г., т. ХСІV, май, 279, июнь, 553.
- Козьянъ**, Станиславъ, извлеченіе изъ его записокъ, т. ХСІV, май, 243—287, июнь, 543—572, т. ХСV, июль, 41—59, авг., 299—320.
- Кокоревъ**, Васил. Алексѣев., откупщ. публич., † 1889 г., т. ХСІІІ, янв., 53—93, февр., 275—279, 389, мартъ, 467, т. ХСІV, апр., 67.
- Кожоревъ**, полковн. 1877 г., т. ХСV, сент., 691.
- Кожошенинъ**, Ив. Алексѣев., кол. сов., писат. 1816 г., ХСVІ, окт., 54.
- Кожошенинъ**, т. ХСІІІ, мартъ, 522, 523, 528.
- Колле**, дѣвица, въ зам. Фальконетъ, т. ХСІV, июнь, 573—575.
- Кологривовъ**, ген. 1812 г., т. ХСV, июль, 100, 102.
- Колошинъ**, Ник. Ник., 1860 г., томъ ХСІІІ, мартъ, 483.
- Колычевъ**, Николай, 1775 г., т. ХСІV, апр., 96.
- Колышко**, участн. повст. 1863 г., т. ХСVІ, нояб., 271.
- Кольцовъ-Масальскій**, кн., Андрей Александр., сенат. 1814 г., т. ХСІІІ, янв., 215, 219.
- Комаровская**, гр-ня, Софья Владим., рожд. Веневитинова, т. ХСVІ, нояб., 315.

- Комаровскій**, Ев. Евгр., 1860 г., томъ ХСIII, мартъ, 482.
- Комаровскій**, гр., Егоръ Евграфов., т. ХСVI, нояб., 315.
- Комиссаржевскій**, артистъ - пѣвецъ 1871 г., т. ХСIV, май, 359.
- Кони**, Анатол. Ѳед., т. ХСIII, мартъ, 544, т. ХСIV, май, 314, 317, 318.
- Коновницкыиъ**, ген. 1812 г., т. ХСV, июль, 96, т. ХСVI, окт., 151, 153, 156, 166.
- Коновъ**, акад., † 1795 г., т. ХСIII, февр., 228.
- Константииъ Николоавичъ**, великiй князь, род. 1827 г., † 1892 г., томъ ХСIII, янв., 74, февр., 393, 395, т. ХСIV, май, 262, июнь, 563, 564, т. ХСV, июль, 48—51, авг., 301—314, т. ХСVI, нояб., 487, 514, 627.
- Константииъ Павловичъ**, великiй князь, цесаревичъ, род. 1779 г., † 1831 г., т. ХСIII, янв., 110, 174, 182, февр., 408, мартъ, 671, т. ХСIV, апр., 30, 31, май, 449, июнь, 682, т. ХСVI, окт., 95, нояб., 332—362, декаб., 487, 589, 717—719.
- Корниловъ**, Аркадiй Петров., поруч. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 669.
- Корниловъ**, И. П., сообщ.: „Графъ П. В. Завадовскiй и Ѳ. Чацкiй“, т. ХСIII, февр., 428—430.
- Корниловъ**, И. П., 1886 г., т. ХСIV, май, 314.
- Коричевъ**, Захаръ Яковлев., попечит. харьков. уч. окр. съ 1817 г., томъ ХСVI, нояб., 300, 302, 303.
- Корсаковъ**, кн., 1835 г., т. ХСIV, май, 335.
- Корсакъ**, Юлианъ, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. ХСV, июль, 229, авг., 438.
- Корсовъ**, арт.-пѣвецъ 1870 г., т. ХСIV, май, 362.
- Корфъ**, бар., вполс. гр., Модестъ Андр., р. 1800 г., † 1876 г., т. ХСIV, апр., 23, 36, 38, т. ХСV, сент., 537, т. ХСVI, декаб., 521.
- Корфъ**, бар., Ѳед. Карлов., ген. 1812 г., р. 1774 г., † 1823 г., т. ХСVI, нояб., 414.
- Корфъ**, бар., Ѳед. Леопольдовичъ, офиц. г.-гв. Преображенск. полка 1877 г., т. ХСVI, окт., 231.
- Корцъ**, архивариусъ акад. наукъ 1766 г., т. ХСIII, февр., 233.
- Коршъ**, Валент. Ѳед., журналистъ, † 1883 г., т. ХСIV, июнь, 595, томъ ХСVI, декаб., 569, 571.
- Коршъ**, Евг. Ѳед., писат., т. ХСIII, янв., 88.
- Косагозовскiй**, директ. департ. полиц. исполнит. въ Саратовѣ 1866 г., томъ ХСVI, нояб., 375.
- Косинскiй**, бар., педагогъ 1864 г., т. ХСV, авг., 349, 350.
- Косоовскiй**, участн. повстан. 1862 г., т. ХСIV, июнь, 562, 563.
- Костенко**, шт.-кап. 1870 г., т. ХСV, авг., 271.
- Костомаровъ**, Никол. Ив., р. 1817 г., † 1885 г., т. ХСIV, май, 305.
- Кострицынъ**, А. А., миров. посредн. 1860 г., т. ХСVI, окт., 71, 73.
- Костровъ**, писат., т. ХСVI, декаб., 557.
- Костышко**, Ѳаддей, главноком. въ Польшѣ, р. 1746 г., † 1817 г., томъ ХСIV, апр., 157, май, 260, т. ХСVI, окт., 97.
- Косцельскiй**, Владиславъ, подполк. польск. войскъ 1830 г., т. ХСVI, нояб., 458.
- Котельниковъ**, Петръ Ив., академ. 1766 г., т. ХСIII, февр., 226, 232, т. ХСIV, май, 238, 239, 241.
- Котельницкiй**, Александр., 1795 г., т. ХСIV, апр., 84.
- Кожановъ**, И. С., виленск. ген.-губернат. 1890 г., т. ХСVI, декаб., 695.
- Кожомскiй**, декабристъ, т. ХСVI, нояб., 339, 352.
- Коцебу**, ст. сов., русск. дипломатич. агентъ въ Германiи 1819 г., т. ХСIV, июнь, 475.
- Коцебу**, гр., Пав., нач. штаба кавказ. армiи съ 1853 г., р. 1801 г., † 1884 г., т. ХСIV, май, 460.
- Кочетова - Александрова**, пѣвица 1858 г., т. ХСIV, май, 352.
- Кочетовъ**, капит. 1752 г., т. ХСIII, мартъ, прилож., 275.
- Кочубей**, гр., Виет. Павл., мин. вн. дѣлъ. р. 1768 г., † 1834 г., т. ХСIII, янв., 103, 104, 110, мартъ, 502—519, т. ХСIV, апр., 32, 33, т. ХСVI, окт., 55, декаб., 522, 527, 530, 592—597, 622.
- Кочубей**, кн., Левъ Виет., 1840 г., т. ХСIV, май, 347—350.
- Кочубей**, кн., Серг. Виктор., т. ХСIV, май, 348, т. ХСVI, окт., 80.
- Кошелевъ**, Александр. Ия. земскiй дѣят. публицистъ, род. 1807 г., † 1883 г., т. ХСIII, янв., 77, 82, 92, 93, февр., 278, 280, т. ХСVI, декаб., 578.
- Кочуть**, Людвигъ, руководит. венгерск. возст. 1849 г., т. ХСIV, июнь, 492, 499, 504—522.
- Краевскiй**, Андрей Александр., журналистъ, р. 1810 г., † 1889 г. т. ХСVI, нояб., 299—329, декаб., 551, 576—584.
- Краевскiй** Станиславъ, 1835 г., томъ ХСV, авг., 435, 437.
- Краноткинъ**, кн., офиц. 1877 г., томъ ХСV, июль, 180.

- Красильниковъ**, акад. 1748 г., томъ ХСIII, янв., прилож., 243, 244.
- Красинскій**, римско-католич. еписк. въ Вильнѣ 1863 г., т. ХСVI, нояб., 270.
- Красинскій**, Викентій, 1835 г., томъ ХСIV, апр., 168
- Красинскій**, гр., Сигизмундъ, польск. поэтъ 1863 г., т. ХСIV, май, 273, 285, июнь, 560.
- Красинскій**, ген. 1835 г., т. ХСIV, впр., 170, 171.
- Красновъ**, ген. 1877 г., т. ХСV, июль, 187—191.
- Красовскій**, Н. Н., правит. канц. поечит. Москов. унив. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 593, 602.
- Красовскій**, ген. 1829 г., т. ХСVI, декаб., 627.
- Крафтъ**, акад. 1782 г., т. ХСIII, февр., 236, т. ХСIV, май, 227, 231, 237.
- Крейцъ**, гр., москов. об.-полицій-мейст. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 596, 602, 603.
- Кремеръ**, агентъ казен. дѣлъ 1823 г., т. ХСVI, окт., 58, 59.
- Кремповскій**, нач. отдѣленія по инженер. и артил. части 1823 г., т. ХСVI, окт., 61.
- Кренинъ**, нач.-ца Екатеринин. инст. 1838 г., т. ХСV, сент., 612, 615.
- Кретковский** губернска. секрет. 1846 г., т. ХСV, сент., 538, 539, 547, т. ХСVI, декаб., 613.
- Кривизинскій**, 1863 г., т. ХСIV, май, 270, т. ХСV, авг., 314.
- Криворотовы**, 1850 г., т. ХСIV, июнь, 605, 606.
- Кривскій**, депут. отъ дворян. сарат. губ. 1866 г., т. ХСVI, окт., 85.
- Криднеръ**, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ, пѣтистка, род. 1766 г., † 1824 г., т. ХСIII, мартъ, 492, 494.
- Крауновскій**, Т. Н., 1816 г., т. ХСVI, окт., 48, 55—57.
- Кронбергъ**, профес. 1839 г., т. ХСVI, окт., 108.
- Кроссъ**, Г., артистъ-піанистъ 1867 г., т. ХСIV, май, 355.
- Крузе**, Н., певзоръ 1857 г., т. ХСIII, янв., 55, 61.
- Крузенштернъ**, директ. канц. на-мѣстн. кавказск., т. ХСIII, февр., 386, т. ХСIV, май, 455—461.
- Крутиновскій**, Леонъ, участн. повст. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 556.
- Крутикова**, пѣвица 1871 г., т. ХСIV, май, 359.
- Крыжановскій**, Ант. Конст., 1831 г., т. ХСIV, май, 454.
- Крыловъ**, Ив. Андреев., баснописецъ, род. 1768 г., † 1844 г., т. ХСIII, янв., 119, 152—154, февр., 331, 411, т. ХСVI, декаб., 501, 551.
- Крыловъ**, Н. И., профес. 1860 г., т. ХСIII, февр., 279, т. ХСIV, июнь, 599, 600.
- Крыковецкій**, ген. 1835 г., т. ХСIV, апр., 171.
- Ксенія Борисовна Годунова**, великая княжна, т. ХСIV, май, 304.
- Кубала**, Людвигъ, докт. 1863 г., томъ ХСV, авг., 309.
- Кублицкій**, М. С., т. ХСIII, мартъ, 525—530.
- Кудрявскій**, директ. канц. мин.-ва ин. дѣлъ 1827 г., т. ХСIII, янв., 108, мартъ, 682.
- Кудрявцевъ**, профес. 1868 г., т. ХСIII, февр., 270.
- Кужина**, Ив., основат. общ.-ва „Братск. помощи“ 1858 г., т. ХСIV, май, 285, июнь, 544.
- Кузьминъ**, изд. „Весен. цвѣтокъ“ 1806 г., т. ХСV, сент., 534.
- Кузьминскій**, Несторъ Васильев., писат. р. 1809 г., † 1868 г., т. ХСIV, май, 312, т. ХСVI, нояб., 328, декаб., 556.
- Куломанъ**, А. Н., т. ХСIV, апр., 217.
- Куракина**, княг., Елисав. Борисов., 1838 г., т. ХСV, июль, 171.
- Куракина**, княжна, въ зам. Нелединская-Мелецкая, т. ХСIII, февр., прилож., 261.
- Куракина**, княжна, въ зам. Лобанова, 1752 г., т. ХСIII, мартъ, прилож., 283.
- Куракинъ**, кн., Александр. Борисов., мин. ин. дѣлъ, р. 1752 г., † 1818 г., т. ХСV, сент., 584, 588, т. ХСVI, окт., 98, декаб., 486, 487, 504, 592, 593.
- Куракинъ**, кн., Алексѣй Борисов., ген.-прокур., р. 1759 г., † 1829 г., т. ХСIV, май, 404, т. ХСV, авг., 403—408, 434.
- Курловъ**, ген. 1877 г., т. ХСV, сент., 690.
- Курнатовскій**, ген. 1835 г., т. ХСIV, апр., 170.
- Куропатинъ**, Алексѣй Николаев., воен. мин. 1898 г., т. ХСV, июль, 67.
- Курута**, гр., Дм. Дм. ген., р. 1770 г., † 1838 г., т. ХСV, июль, 237.
- Куртъ**, Адольфъ, помѣщ. 1863 г., т. ХСIV, май, 283.
- Куртъ**, Александр., чл. комит. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ 1863 г., томъ ХСIV, май, 284, т. ХСV, июль, 51.
- Кутайсовъ**, Ив. Павл., камерд. Павла I, об.-гофмарш., 1800 г., т. ХСIV, май, 230, т. ХСVI, нояб., 349.

- Бутайсовъ** гр., Пав. Ив., об.-прокур. москов. сената 1814 г., т. ХСIII, янв., 222.
- Бутлубицкій, Иосифъ Павловъ**, т. ХCV, июль, 233—240.
- Бутлубицкій, Никол. Осиповъ**, ген.-ад. 1797 г., т. ХCV, июль, 233—240.
- Бутлубицкій, д. ст. сов., нижегород. предвод. двора** 1857 г., т. ХСIV, июнь, 617, 618.
- Бутузовъ, Н.**, записка, поданная имъ Николаю I: «Состояніе государства въ 1841 г.», т. ХCV, сент., 517—531.
- Бутузовъ, см. Голеннищевъ-Бутузовъ.**
- Бучинскій, Леопольдъ**, судебн. слѣдоват., † 1863 г., т. ХCV, авг., 313.
- Бушелевъ-Везбородко, гр., Александр. Григ.**, госуд. контролеръ, р. 1800 г., † 1855 г., т. ХСIV, апр., 87.
- Бушелевъ, гр., Гр. Гр.**, вице-презид. адмиралт.-коллег. 1799 г., т. ХСIV, май, 226, 227, 230, 243.
- Бушннговъ, Серг. Сергѣевъ**, сенат. 1814 г., т. ХСIII, янв., 215, 219.
- Бшменскій, участн. повст.** 1863 г., т. ХСIV, июнь, 545.
- Бюи, Цезарь**, воен. инж., композиторъ 1858 г., т. ХСIV, май, 353, 358, 365.
- Бюхельбекеръ**, декабр., т. ХСVI, нояб., 352.
- Бюхельбекеръ 2-й**, масонъ 1821 г., т. ХCV, сент., 534.
- Л.**
- Лабзинъ, Александр. Фед.**, вице-презид. Акад. Худ. 1812 г., т. ХCV, авг., 393, 394, т. ХСVI, декаб., 536.
- Лаваль, гр.**, 1828 г., т. ХСIII, мартъ, 506.
- Лавровская, Елиз. Андреев.**, пѣвица, 1868 г., т. ХСIV, май, 357, июнь, 636.
- Лавровъ, ген.** 1877 г., т. ХСIV, июнь, 652.
- Лагода, Е.**, чл. нижегород. комит. по крестьян. дѣламъ 1857 г., т. ХСIV, июнь, 624, т. ХCV, июль, 73.
- Ладыженскій, Андрей Фед.**, подпор. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 652, 653.
- Ладыженскій, Серг. Фед.**, подпоруч., 1877 г., т. ХСIV, июнь, 651, т. ХCV, июль, 180, т. ХСVI, окт., 214.
- Ладыженскій, внягининскій предвод. дворян.** 1857 г., т. ХСIV, июнь, 616.
- Лазаевъ, ген.** 1898 г., т. ХСIII, февр., 421.
- Ламбертъ, Карлъ Карловъ**, намѣстн. Царства Польскаго 1861 г., † 1865 г., т. ХСIV, май, 260, 261, июнь, 559, 560.
- Ламдорфъ, воспитат. Николай I,** курлянд. губернат. род. 1745 г., † 1828 г., т. ХСIII, февр., 402, т. ХСIV, апр., 156, 157.
- Лангевичъ, чл. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ** 1863 г., т. ХCV, июль, 51, 52.
- Ланжеронъ, гр.**, 1860 г., т. ХСVI, окт., 239, 240.
- Ланской, Серг. Степ.**, мин. вн. дѣлъ съ 1855—1862 г., т. ХСIII, янв., 74—79, мартъ, 477, 484, т. ХСIV, апр., 44, 55, июнь, 615—622, т. ХCV, июль, 40, 71—93, авг., 338.
- Ланской, ген.** 1807 г., т. ХCV, авг.; 479, 480.
- Лапа, предвод. дворян. Минск. губ.** 1861 г., т. ХСIV, июнь, 559.
- Ларонъ, Г.**, профес. Сиб. консерват. т. ХСIV, май, 355, 364.
- Ласки, ген.**, т. ХCV, сент., 571.
- Латышевъ, актуариусъ російск. генеральн. княж. въ Молдав.** 1787 г., т. ХСVI, декаб., 633.
- Лачиновъ, чиновн.** 1842 г., т. ХCV, авг., 322.
- Лашкаревъ, ст. сов.** 1829 г., т. ХСVI, декаб., 631.
- Лашкаревъ, Сер. Лаз.**, генеральн. консуль въ Молдав., † 1799 г., т. ХСVI, декаб., 633.
- Лебедевъ, Е. А.** сообщ.: «Стихотворенія генералу Скобелеву», т. ХCV, июль, 64, 65.
- Левашевъ, ген.** 1825 г., т. ХСVI, нояб., 336.
- Левашовъ, Влад. Александр.**, витебск. губернат. 1897 г., т. ХСIV, апр., 127, 128.
- Левъ, К.**, пѣвицъ 1870 г., т. ХСIV, май, 357.
- Левинская, П. С.**, пѣвица 1865 г., т. ХСIV, май, 357.
- Левшинъ, тов. мин.-ра вн. дѣлъ** 1858 г., т. ХCV, июль, 71.
- Ледоховскій, гр., Янъ**, сенат. 1830 г., т. ХСIII, февр., 439, 466, т. ХСIV, июнь, 566.
- Лелевель, астрономъ** 1777 г., т. ХСIII, февр., 236.
- Лелевель, членъ правл. польск. революц. клуба** 1831 г., т. ХСIII, февр., 329, 330, т. ХСIV, июнь, 547.
- Ленинцовъ, А. А.**, масонъ, т. ХCV, авг., 393.
- Ленскій, мин. ст.-секрет. П. Польскаго** 1863 г., т. ХCV, авг., 307.
- Ленцъ, Э. Х.** акад. 1861 г., т. ХСIV, май, 235.
- Леонидъ, намѣстн. Сергѣев. Лавры** 1875 г., т. ХСVI, окт., 118, 122.

- Леонтьева, директриса Смольн. мон. 1844 г., т. XCVI, окт., 168.
 Леонтьевъ, священ. Навагинск. мушкетерск. полка 1802 г., т. XCVI, окт., 133.
 Лепехинъ, акад. 1798 г., т. XCVI, май, 237.
 Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 г., † 1841 г., т. XCVI, февр., 411, т. XCVI, декаб., 551.
 Лерхе, Елисавет. Влад., т. XCV, авг., 363.
 Лерхе, Эдуардъ Васильев., сенат., т. XCV, авг., 337—368.
 Лерхе, окулистъ 1828 г., т. XCVI, декаб., 630.
 Лестоковъ, ген. 1807 г., т. XCV, июль, 133, 136, авг., 465, 473.
 Лефортовъ, Францъ Яковлев., † 1699 г., т. XCVI, мартъ, 635—649.
 Лешетницкій, Ф. О., арт.-пianистъ 1858 г., т. XCVI, май, 354, 357, 370, июнь, 636.
 Лешковъ, профес. 1861 г., т. XCVI, июнь, 587, 594.
 Лжедмитрій, т. XCVI, май, 301—311.
 Ливень, княг., рожд. Буксгевденъ, 1853 г., т. XCV, авг., 371, 379.
 Ливень, княгиня, † 1823 г., т. XCVI, мартъ, 500.
 Ливень, княгиня, статсъ-дама 1818 г., т. XCVI, авг., 182.
 Ливень, кн., Карлъ Андреев., ген.-ад. 1800 г., т. XCVI, май, 231.
 Ливень, Христоф. Андр., ген.-ад., р. 1777 г., † 1838 г., т. XCV, июль, 214, 220, 221, авг., 371.
 Ливень, кн., послан. въ Лондонъ 1828 г., т. XCVI, декаб., 617.
 Лидерсъ, гр., Александръ Николаев., ген.-отъ-инф., намѣстн. Царства Польск., р. 1790 г., † 1874 г., т. XCVI, май, 262, июнь, 521, 561, 567.
 Ливаневичъ, д. ст. сов. 1800 г., томъ XCVI, окт., 100, 101.
 Линъ, докт. 1857 г., т. XCVI, февр., 313, 315.
 Линовскій, профес. 1838 г., т. XCVI, янв., 111, т. XCVI, апр., 133.
 Лисенко, полковн. 1849 г., т. XCVI, июнь, 497.
 Лисенковъ, книгопродавецъ 1850 г., т. XCVI, июнь, 605, 606.
 Лисецкій, ген.-лейт. 1849 г., т. XCVI, июнь, 497.
 Листъ, Францъ, артистъ-pianистъ, † 1886 г., т. XCVI, май, 371, т. XCV, сент., 621, 622.
 Литта, гр., об.-гофмейст. 1814 г., т. XCVI, янв., 223, т. XCVI, декаб., 605.
 Лихаревъ, декабр., т. XCVI, нояб., 339.
 Лихачевъ, П. С., 1875 г., т. XCVI, май, 361.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм. Ив. мнн. юстиц. 1826 г., т. XCVI, май, 422, т. XCVI, декаб., 484, 486, 504.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., Яковъ Ив., об.-прокур. сената 1798 г., т. XCV, авг., 412.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., малорос. ген.-губернат. 1811 г., т. XCVI, декаб., 666.
 Лобановъ, кн.-г. ген.-прокур. 1827 г., т. XCVI, янв., 101.
 Лобановъ, прапорщ. 1752 г., т. XCVI, мартъ, прилож., 283.
 Лобановъ, кн., ген. 1807 г., т. XCV, авг., 471, 474.
 Ловицъ, акад. 1798 г., т. XCVI, май, 227.
 Ломанинъ, директ. пѣвческ. капеллы, т. XCVI, май, 420, июнь, 636.
 Ломоносовъ, Мих. Вас. акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. XCVI, февр., 226, т. XCVI, апр., 213, т. XCVI, нояб., 328, декаб., 557.
 Лонгиновъ, И., 1827 г., т. XCV, июль, 236, 238.
 Лонгиновъ, Н. М., статсъ-секрет. 1822 г., т. XCVI, окт., 55.
 Лопухине, 1800 г., т. XCV, сент., 590.
 Лопухинъ, И. В., 1807 г., т. XCVI, декаб., 495, 496.
 Лопухинъ, кн., Петръ Васильев., ген.-прокур. 1799 г., т. XCVI, май, 242—244, т. XCV, авг., 406, 407, сент., 532.
 Лопухинъ, кн., сенат. † 1827 г., т. XCVI, янв., 101, 103, 104.
 Лористонъ, фр. генер. 1812 г., т. XCVI, 397—419.
 Лубановскій, Ф. П., сенат., писат., т. XCVI, окт., 43.
 Лунава, королева прусская, 1805 г., т. XCVI, декаб., 717—719.
 Лукашевичъ, маршалъ 1823 г., т. XCVI, нояб., 345.
 Лушавевичъ, Н. А., помощн. директ.-а имп. театровъ 1875 г., т. XCVI, май, 361.
 Лукинъ, Александръ Мих., д. тн сов., 1814 г., т. XCVI, янв., 215, 219.
 Лукинъ, декаб., т. XCVI, нояб., 344.
 Лукинъ, профес. 1839 г., т. XCVI, окт., 108.
 Лунандинъ, Д. Ю., предсѣд. саратов. уѣздн. земск. управы 1865 г., т. XCVI, окт., 83, нояб., 370.
 Лурда, аббатъ, ориенталистъ, 1798 г., т. XCVI, май, 228, 229.
 Лучинскій, Мих. Пантелейм., миров. посредн. 1867 г., т. XCVI, янв., 157.
 Львова, Елизавет. Никол., т. XCVI, декаб., 539—549.

Львовъ, Алексѣй Ѳед., композиторъ, т. ХСVI, декаб., 539—549, 568.
Львовъ, Андрей Лаврентьев., сенат. 1814 г., т. ХСIII, янв., 215, 219.
Львовъ, Никол. Александр., тайн. сов., стринитель, писат., т. ХСVI, декаб., 539, 541.
Львовъ, Ѳед. Петров., директ. пѣвческ. капеллы, т. ХСVI, декаб., 541—549.
Львовъ, т. ХСVI, декаб., 539—549.
Любецкий, кн., мин. финанс. Царства Польскаго 1827 г., т. ХСIII, янв., 110.
Любовицкій, полковн. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 662.
Любомырская, княг., Изабелла, 1795 г., т. ХCV, сент., 582.
Люценко, Александр. Ефимов., археологъ, директ. Кременскаго музея древн. съ 1854 г., † 1884 г., т. ХСIV, апр., 83.
Люценко, Ефимъ Петров., писат.-поэтъ, р. 1776 г., † 1854 г., т. ХСIV, апр., 73—88.
Люценко, Ефимъ Ефимов., нумизматъ, † 1888 г., т. ХСIV, апр., 83.
Люценко, надв. сов. 1816 г., т. ХСVI, окт., 54.
Лядовъ, композит., т. ХСIV, май, 373.
Лямпе, 1863 г., т. ХCV, авг., 314.

М.

Мавринъ, экзекуторъ сената 1798 г., т. ХСVI, декаб., 720.
Мавроени. Никол. 1784 г., т. ХСVI, декаб., 638—640, 641—646, 648, 649, 652, 653.
Маврокордато, молдавск. господарь 1784 г., т. ХСVI, декаб., 636, 638, 645, 647, 649, 650, 654.
Магницкій, Мпх. Леонтьев., попечит. Казанск. учеб. окр., род. 1778 г., † 1844 г., т. ХCV, авг., 389, т. ХСVI, декаб., 508, 522—538.
Мадатовъ, кн., ген. 1826 г., т. ХСIII, янв., 186, 190.
Маевскій, Карлъ, участн. повст. 1863 г., † 1897 г., т. ХСIV, июнь, 544—547, 558, 564.
Майковъ, Апол. Никол., поэтъ, род. 1821 г., † 1897 г., т. ХСIV, май, 358.
Майковъ, Леонидъ Никол., академикъ, сообщ.: „Вѣнскій конгрессъ по разсказамъ графини Элизы фонъ-Бернсторфъ“, т. ХСIII, мартъ, 491—496.
Майковъ, П. М., сообщ.: „Выпускъ изъ типографіи исторіи Пугачевскаго бунта А. С. Пушкина“, т. ХСIII, мартъ, 650. „Два письма

Екатерины II князю М. Н. Волконскому“, т. ХСIV, апр., 96, „Къ исторіи свода законовъ Россійской Имперіи. Переписка М. М. Сперанскаго съ разными лицами“, т. ХCV, июль, 153—156, „Изъ бумагъ Н. О. Кутлубицкаго“, 233 — 240, „Императоръ Павелъ I, король Людовикъ XVIII и французъ Фонбрюнъ“, авг. 395—400, „Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева“, т. ХСVI, нояб., 263—277, „Письмо графа Беннигсена къ генералу Торماسову, 1814 г.“, 384.
Маварій, архіеп. 1858 г., вполн. митрополитъ московск., т. ХСIV, май, 343, 344, т. ХCV, июль, 164.
Маковъ, Л. С., мин. вн. дѣлъ 1879 г., т. ХСVI, окт., 68.
Мажушевъ, консулъ въ Рагузѣ 1863 г., т. ХСIV, апр., 150—152.
Малаховскій, Станиславъ, офицеръ польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, мартъ, 654.
Малюковскій, М. Ав., директ. москов. архива мин. ин. дѣлъ, 1830 г., т. ХСIV, июнь, 582, 598, т. ХСVI, нояб., 305.
Малюковскій, Стеф., 1863 г., т. ХCV, авг., 309.
Манассеинъ, Н. А., сенат. 1881 г., т. ХСIV, май, 325.
Маниъ, Маврикій, польскій журналистъ 1863 г., т. ХСIV, июль, 42.
Мардаревъ, М. Е., сообщ.: „Императоръ Николай I и академикъ Парротъ“, т. ХCV, июль, 139—152, т. ХСVI, нояб., 385—396.
Марія Александровна, императрица, род. 1824 г., † 1880 г., т. ХСIV, апр., 18—22, 141, 221, 222, май, 409, 410, т. ХCV, июль, 239, 240.
Марія Михайловна, вел. княжна † 1846 г., т. ХСIII, февр., 419.
Марія Николаевна, вел. княг., въ супр. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1876 г., т. ХСIII, февр., 288, т. ХСIV, апр., 140, т. ХСVI, декаб., 548.
Марія Павловна, вел. княгиня, въ зам. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. ХСIII, янв., 163, 165, т. ХСVI, окт., 39.
Марія Ѳеодоровна, импе-ца 1880 г., т. ХСIV, апр., 222, т. ХCV, авг., 421, т. ХСVI, окт., 85, нояб., 376, 377.
Марія Ѳеодоровна, императрица, р. 1759 г., † 1828 г., т. ХСIII, янв., 164, февр., 247—261, 402—413, мартъ, 500—508, 515—519, т. ХСIV, апр., 139, май, 405, т. ХCV, июль, 234—236, авг., 291, 398, сент., 588—590,

- т. ХСVI, окт., 31—40, 95, нояб., 363—366, 386, декаб., 516, 619.
- Маркевичъ, Ал.**, сообщ.: „Поправки и дополненія къ статьѣ: профессору братья Бруни“, т. ХСIV, апр., 133—136, „Сатира на князя Н. Гр. Рѣпина“, т. ХСV, окт., 92.
- Маркевичъ, Б.**, писат.-романистъ, т. ХСIV, июнь, 643.
- Маркеловъ, В. И.**, сообщ.: „Первая встрѣча императора, Александра II съ императрицей Маріей Александровной; воспоминаніе о 1839 г. И. И. Маркелова“, т. ХСIV, апр., 19—22.
- Маркеловъ, Ив. Ив.**, тайн. сов. чин. мин. ин. дѣлъ съ 1815—1865 гг., р. 1799 г. † 1872 г., т. ХСIV, апр., 19—22.
- Марковичъ, А. Н.**, сенат., 1886 г., т. ХСIV, май, 366.
- Марковъ, гр.**, Аркадій Ив., дипломатъ, р. 1747 г., † 1827 г., т. ХСIII, февр., 334—360, т. ХСVI, окт., 98, декаб., 509, 541.
- Марковъ, ген.** 1806 г., т. ХСV, июль 134, 135.
- Мартиновъ, Дм. Никол.**, нынѣ варшавск. губернат., т. ХСVI, нояб., 428.
- Мартиновъ, Дм. Никол.**, шт.-кап. 1877 г., т. ХСIV, апр., 114.
- Мартиновъ, Александр.** Евстафьев., артистъ, род. 1816 г., † 1860 г., т. ХСIII, янв. 118.
- Марчевскій, участн.** повстан., 1862 г. т. ХСIV, июнь, 562.
- Марченко, сообщ.:** „Приключенія русскихъ колоколовъ, отправленныхъ въ Сербію въ 1863 г.“, т. ХСIV, апр., 149—153.
- Марченко, В. Р.**, ст.-секрет. 1817 г., т. ХСIV, апр., 32, 34, т. ХСVI, декаб., 594.
- Масловъ, Никол. Ив.**, д. тайн. сов. 1802 г., т. ХСVI, окт., 144.
- Матвѣевскій, священ.** 1875 г., т. ХСVI, декаб., 578.
- Матвѣевъ, бояринъ** 1675 г., т. ХСIII, мартъ, 636.
- Матусевичъ, гр.**, дипломатъ 1829 г., т. ХСVI, декаб., 617.
- Мебесъ, О. К.**, фл.-ад. † 1877 г., т. ХСIV, июнь, 657, 638.
- Мекленбургъ, гр. ген.** 1807 г., т. ХСV, авг., 480.
- Мейеръ, профес.** 1817 г., нояб., 365.
- Меллеръ, ген. ад.** 1800 г., т. ХСIV, май, 231.
- Меллеръ-Закомельскій, бар.** воен. мин., ген. отъ артил., 1821 г., т. ХСIII, февр., 406, т. ХСVI, окт., 61.
- Мельгунова, Софья Карловна**, т. ХСVI, декаб., 569.
- Мельгуновъ, Ермолай,** коллеж. сов., г. ХСVI, нояб., 300.
- Мельгуновъ, Никол. Александр.**, писатель (псевд. Ливенскій), р. 1804 г., † 1867 г. т. ХСVI, нояб., 297—330, декаб., 551—585.
- Мельниковъ, И. А.**, арт.-инжектъ, 1870 г., т. ХСIV, май, 359.
- Мемонъ, сотруди.** „Сѣв. Журнала“, 1807 г., т. ХСV, июль, 94.
- Меншиковъ, кн.**, Александр. Данил., р. 1673 г., † 1729 г., т. ХСIII, февр., 234.
- Меншиковъ, кн.**, Александр. Сергѣев., морск. мин., род. 1787 г., † 1869 г., т. ХСIII, янв., 7, 8, 170, мартъ, 504, т. ХСIV, апр., 24, т. ХСV, сент., 679, 630, 682—685, окт., 59, 61, декаб., 519, 520, 628.
- Мерзляковъ, Алексѣй Фед.**, профес., писат., р. 1778 г., † 1830 г., т. ХСV, сент., 562, т. ХСVI, окт., 47, декаб., 504.
- Мечниковъ, сенат.** 1823 г., т. ХСVI, окт., 58.
- Мещерскій, княг. Александр. Борисов.**, 1868 г., т. ХСV, июль, 161, 163.
- Мещерскій, кн. Алексѣй Александр.**, т. ХСVI, нояб., 314, 315.
- Мещерскій, кн.**, казанск. губернат. 1798 г., т. ХСIV, май, 239.
- Миезинъ, скульпт.**, 1870 г., т. ХСIV, май, 357.
- Миллеръ, г-жа**, т. ХСIV, апр., 168.
- Миллеръ, Орестъ Фед.**, акад. † 1889 г., т. ХСIV, май, 302.
- Милорадовичъ, Андрей Степ.**, 1860 г., т. ХСIV, апр., 53.
- Милорадовичъ, гр.**, Мих. Андреев., сб. ген.-губернат. съ 1813 г., род. 1770 г., † 14 дек. 1825 г., т. ХСV, июль, 101, т. ХСVI, окт., 157, 159, 164, 166, нояб., 339, 399, 403, 413—416.
- Милюгинъ, Дм. Алексѣев.**, воен. мин. 1864 г., т. ХСIII, февр., 395, 400, т. ХСIV, 263, т. ХСVI, нояб., 269.
- Милютинъ, Никол. Алексѣев.**, ст.-секрет., род. 1818 г., † 1872 г., т. ХСIV, апр., 219, 223, июнь, 695, т. ХСV, авг., 320, т. ХСVI, декаб., 547.
- Мингалевъ, Янъ,** польск. выходецъ въ Москву, родонач. фамиліи Мельгуновыхъ, т. ХСVI, нояб., 299.
- Минишевскій, памфлетистъ**, † 1863 г., т. ХСIV, июнь, 559, 565.
- Мирошевъ, Ив. Минаев.**, тифлисс. купецъ 1850, т. ХСIII, февр., 383, т. ХСIV, май, 456—462.
- Митрофаній, архіеп.** воронежскій, т. ХСIII, февр., 292, 293.

- Митрофанъ**, (Флоринскій) магистръ богословія, преподават. владимірск. семинар. 1864 г., т. ХСVI, окт., 118.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. князь, род. 1832 г., т. ХСIII, февр., 293.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. князь, род. 1798 г., † 1849 г., т. ХСIII, янв., 103, 182, февр. 367—370, 401—427, мартъ, 504, 506, 507, 518, т. ХСV, июль, 7, 155, 234, т. ХСVI, нояб., 342.
- Михаилъ Θεодоровичъ**, царь, т. ХСVI, нояб., 439—450.
- Михайловъ - Рославлевъ**, атакарскій предвод. дворян. (Саратовск. губ.) 1866 г., ХСVI, окт., 85, нояб., 370, 382.
- Михайловичъ - Данилевскій**, Александръ, ген.-лейт., воен. историкъ, † 1848 г., т. ХСIII, янв., 159—184.
- Михальсонъ**, Ив. Ив., ген., р. 1740 г., † 1807 г., т. ХСV, июль, 122, 124.
- Михальсонъ**, М. И., сообщ.: „Посланіе Н. И. Греча къ реформаторамъ русскій орографіи. 1862“, т. ХСIV, апр., 47, 48, „Мои воспоминанія объ Авраамѣ Сергѣевичѣ Норовѣ“, май, 289—300, „Необходимая поправка“, т. ХСVI, нояб., 476.
- Михновичъ**, тов. попеч-я варшавск. окр., т. ХСIII, янв., 111.
- Мичковичъ**, Адамъ, писат., т. ХСIII, февр., 330, 438, 441, 449, 464, т. ХСIV, май, 283, 285, т. ХСV, июль, 212, сент., 658.
- Минишевъ**, гр., Мих., 1795 г., т. ХСV, сент., 582.
- Минишевъ**, Юрій, воевода сендомірскій 1600 г., т. ХСIV, май, 311.
- Модзалевскій**, Б. Л., сообщ.: „И. А. Крыловъ. Новыя данныя для его біографіи“, т. ХСIII, янв., 152—154, „Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Ляденко“, т. ХСIV, апр., 73—88, „Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ“, т. ХСV, июль, 65—67.
- Модзалевскій**, Левъ Никол., педагогъ. т. ХСV, июль, 65—67.
- Мозеръ**, Генрихъ, 1870 г., т. ХСV, авг., 271, 272, сент. 640—649.
- Моравскій**, Теодоръ, мин. вн. дѣлъ въ Польшѣ въ 1863 г., т. ХСIV, май, 279.
- Мордвинова**, Александра Мих., см. Муравьева.
- Мордвиновъ**, Александръ Николаев., управ. III отд-я 1834 г., т. ХСIII, мартъ, 650.
- Мордвиновъ**, гр., Никол. Семенов., адм., чл. Госуд. Сов., р. 1754 г., † 1845 г., т. ХСIII, янв., 103, 104, т. ХСVI, нояб., 348, 349, декаб., 509, 512, 592, 593.
- Мордовцевъ**, Даниилъ Лукичъ, писатель, т. ХСVI, окт., 86.
- Морозовъ**, гр., 1796 г., т. ХСV, сент., 580, 581.
- Морозовъ**, П. Т., 1844 г., т. ХСIV, апр., 207, 208.
- Мотовиловъ**, становой приставъ Саратовск. губ. 1860 г., т. ХСVI, окт., 78, 79.
- Мотовиловъ**, миров. посредн. 1860 г., т. ХСVI, окт., 73.
- Мохначій**, предводит. повстанцевъ 1831 г., т. ХСIV, май, 253.
- Мочаловъ**, Пав. Степ., артистъ, † 1848 г., т. ХСIII, мартъ, 521—536, т. ХСIV, апр., 97—110, май, 268.
- Мочаловъ**, Степ. Θεод., артистъ, т. ХСIII, мартъ, 522, 523.
- Муравьева**, Александръ Мих., 1791 г., т. ХСVI, нояб., 263.
- Муравьева**, Пелагея Васильев., рожд. Шереметьева, т. ХСVI, нояб., 265.
- Муравьевъ**, Александръ Николаев., декабр., нижегор. воен. губернаторъ 1856—1861 г., ген.-лейт., сенат., р. 1792 г., † 1863 г., т. ХСIV, июнь, 609—629, 630, т. ХСV, июль, 69—93, т. ХСVI, нояб., 352.
- Муравьевъ**, Андрей Никол., писат., р. 1805 г., † 1876 г., т. ХСIV, май, 416.
- Муравьевъ**, Артамонъ, декабр., т. ХСVI, нояб., 339.
- Муравьевъ**, гр., Мих. Никол., ген., губ. Зап. края 1863 г., род. 1796 г., † 1866 г., т. ХСIII, янв., 155, т. ХСIV, апр., 39, июль, 538, 540, т. ХСV, июль, 92, т. ХСVI, окт., 84, нояб., 263—295, декаб., 691—698.
- Муравьевъ**, Мих., сенат., 1803 г., т. ХСVI, декаб., 656.
- Муравьевъ**, Никита Мих., декабр., род. 1796 г., † 1843 г., т. ХСVI, нояб., 338, 343—352.
- Муравьевъ**, Никол. Матвѣев., помѣщ. 1840 г., т. ХСVI, окт., 30.
- Муравьевъ**, Н. М., саратовск. губернаторъ 1861 г., т. ХСVI, окт., 75, 76, 77, 79, нояб., 373, 375.
- Муравьевъ**, Никол. Никол. Карскій, род. 1793 г., † 1867 г., т. ХСIII, февр., 294, 384, 393, т. ХСIV, май, 455.
- Муравьевъ - Апостолю**, Матв. Ив., декаб., т. ХСVI, нояб., 338, 344, 352.
- Муравьевъ - Апостолю**, Серг. Ив., декабр., р. 1796 г., † 13 июля 1826 г., т. ХСVI, нояб., 338, 344, 352.
- Мурашевничъ**, Н. Н., историкъ, знатокъ древностей Новорос. края, 1848 г., директ. Ришельевск. музея 1852 г., т. ХСIII, янв., 116, т. ХСIV, апр., 135.

Мусинъ-Пушкинъ Мих. Ник., попечат. казанск., вполн. спб. учебн. окр., т. ХСV, авг., 389.

Мусоргскій М., офиц. 1858 г., композит., т. ХСIV, май, 353, 358, 370.

Мухановъ, Алексѣй Ильичъ, сенат. 1814 г., т. ХСШ, янв., 215, 219.

Мухановъ, Пав., попечат. варшавск. учебн. окр. 1856 г., т. ХСIV, май, 282, 283, 284, июнь, 546, 552.

Мухановъ, Серг., варшавск. об.-полицейск. 1862 г., т. ХСIV, июнь, 567.

Мухановъ, полковн. 1827 г., т. ХСIV май, 345, 431.

Мышецкій, кв., Н. Е., предвод. двор. Киевск. губ. 1862 г., т. ХСV, авг., 339.

Мышлаевскій, А. З., сообщ.: „Выѣздъ въ Россію Франца Лефорта“, т. ХСШ, мартъ, 635—649, „Четырехмѣсячный младенецъ въ должности казанскаго губернатора“, т. ХСIV, апр., 89, 90.

Мѣрославскій, Людвигъ ген. 1849 г., т. ХСIV, май, 248—285, июнь, 532—572, т. ХСV, июль, 26, 52, авг., 316.

Мясоедовъ, Н. А., пензенск. губерн. 1859 г., т. ХСШ, мартъ, 561.

Мясоедовъ, Никол. Ефимов., сенат. 1814 г., т. ХСШ, янв., 215, 219.

Мясоедовъ, сенат. 1807 г., т. ХСVI, окт., 41, 42, 44, 45.

Н.

Набель, ген. 1825 г., т. ХСVI, нояб., 339.

Набоковъ, саратов. вице-губернат., т. ХСVI, нояб., 371—373.

Нагель, Ив., секретарь эстляндскаго губернат. 1800 г., т. ХСШ, янв., 152—154.

Надеждинъ, Никол. Ив., профес., т. ХСШ, февр., 329, т. ХСVI, декаб., 553.

Назимовъ, Влад. Ив., почитель московск.-учебн. окр. 1853—1855 г., вилensk. ген.-губернат. 1861 г., род. 1802 г., † 1874 г., т. ХСШ, янв., 74, 78, т. ХСIV, июнь, 559, 612—620, т. ХСVI, нояб., 269—272.

Назимовъ, Никол. Никол., капит. 1-го ранга 1862 г., т. ХСIV, апр., 150—158.

Назимовъ, П. Н., вице-адмир., нынѣ начальн. гл. гидрографич. управл. морск. мин-ва, т. ХСIV, апр., 149, 150—153.

Наполеонъ I, т. ХСVI, окт., 151—167, нояб., 397—419, декаб., 481—516.

Наполеонъ III, императоръ, т. ХСIV, май, 248—285, июнь, 547, 569, т., ХСV, июль, 54—59, т. ХСVI, окт., 3.

Нарышкина, въ зам. Снявина, 1751 г., т. ХСШ, февр., прилож., 272.

Нарышкина, г-жа, 1853 г., т. ХСV, авг., 371, 379.

Нарышкинъ, А., директ. имп. театр. 1808 г., т. ХСV, авг., 434.

Нарышкинъ, Дм., камергеръ 1796 г., т. ХСVI, окт., 96.

Нарышкинъ, Левъ Александ., 1792 г., т. ХСVI, декаб., 588.

Нарышкинъ, Петръ Петров., сенат., 1814 г., т. ХСШ, янв., 215, 219.

Нарышкинъ, Семень Клярн., гофмарш. 1748 г., т. ХСШ, янв., прилож., 244, т. ХСIV, апр., прилож., 303.

Нарышкинъ Оед., воевода 1675 г., т. ХСШ, мартъ 636—649.

Нарышкинъ, об.-штабмейст. 1829 г., т. ХСVI, декаб., 622.

Нарышкинъ, фл.-ад. 1862 г., т. ХСV, авг., 345, 346.

Наталиа Алексѣевна, (принцесса Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская), супруга цесаревича Павла Петровича, т. ХСШ, февр., 247, 248.

Науумовъ, кол. сов. 1798 г., т. ХСV, авг., 412.

Нахимовъ, Пав. Степ., адмир., род. 1803 г., † 1853 г., т. ХСШ, янв. 9.

Нащокинъ, офиц. 1812 г., т. ХСVI, нояб., 402.

Невзоровъ, авт. историческ. очерка управленія духовенствомъ воен. вѣд., т. ХСVI, окт., 132, 133.

Невзоровъ, издат. „Друга юношества“ 1806 г., ХСV, сент., 534, 558.

Неждодовъ, миров. судья 1868 г., т. ХСVI, окт., 87.

Нежрасовъ, Игнатъ, атаманъ, т. ХСIV, май, 430, 431, 436, 437, 442, 451, июнь, 673, 685.

Нежрасовъ, Никол. Алексѣев., писатель, род. 1821 г., † 1877 г., томъ ХСШ, мартъ, 538, 539, т. ХСVI, нояб., 277.

Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, секретарь императора Павла I-го 1798 г., т. ХСIV, апр., 11, 12.

Нелединскій-Мелецкій, д. ст. сов. 1798 г., т. ХСIV, май, 229.

Нелединскій-Мелецкій, прапорщ. 1751 г., т. ХСШ, февр., прилож. 261.

Нелидова, Екат. Ив., т. ХСVI, окт., 98.

Немекша, прелатъ 1863 г., т. ХСVI, нояб., 288, 289.

- Немировичъ-Давченко**, полков. ген. штаба 1866 г., ХСVI, окт., 84.
- Неплюевъ**, тайн. сов. 1799 г., т. ХСIV, май, 228, 229, 231, 233.
- Неплюевъ**, чл. Госуд. Сов. 1810 г., т. ХСVI, окт., 50.
- Непокойчицкій**, фл.-ад. 1877 г., томъ ХСIV, июнь, 649, т. ХСV, июль, 187.
- Несвицкій**, кн., Яковъ Ив., шт.-кан. 1877 г., т. ХСIV, апр., 114.
- Нессельроде**, гр., Карлъ Васильев., канцл., р. 1780 г., † 1862 г., томъ ХСIII, янв., 23, 101, 104, 108, мартъ, 502—509, 517, т. ХСIV, июнь, 477, 483, т. ХСV, июль, 14, 17, 19, 29, авг., 254, 291, сент., 482, 513, томъ ХСVI, окт., 71, декаб., 547, 619, 620, 628.
- Нестеровъ**, Г. Н., горбатовск. предвод. дворян. 1854 г., томъ ХСIV, июнь, 516, 624, 627, т. ХСV, июль, 73.
- Никитенко**, Александр. Вас., акад., род. 1804 г., † 1878 г., томъ ХСIV, май, 335—345, т. ХСV, июль, 65, 66.
- Никитенко**, Софья Александровна, сообщ.: „Изъ архива А. В. Никитенко. Письма къ нему разныхъ лицъ“, т. ХСIV, май, 335—345.
- Никитинъ**, Андрей, статск.-секрет., т. ХСV, сент., 561, т. ХСVI, окт., 50—58, декаб., 594, 615.
- Никитинъ**, гр., ген. 1851 г., т. ХСVI, декаб., 658—660.
- Николац**, бар., Александр. Павлов., нач. главн. управл. учебн. частью на Кавказѣ 1856 г., т. ХСIII, февр., 398, 399.
- Николац**, бар., Андрей Львов., президентъ акад. наукъ 1798 г., томъ ХСIII, февр., 243—245, т. ХСIV, май, 228—240.
- Николай I**, императоръ, р. 1796 г., † 1855 г., томъ ХСIII, янв., 3—42, 97—110, 166, февр., 281—295, 366, 402—423, мартъ, 500, 503, 518, 519, 558, 650, 665, т. ХСIV, апр., 19—22, 139, 140, 147, 173, май, 251, 271, 283, июнь, 474—489, 494, 534, 690, томъ ХСV, июль, 3—40, 139—152, 223, 237, авг., 241—269, 291—298, 329, 370—377, сент., 481—497, 503, 517—531, 537, 618, 668, 672, т. ХСVI, окт., 3—6, 20, 26, нояб., 258—396, декаб., 518—547, 588, 592—632, 657—665.
- Николай Александровичъ**, вел. кн., цесаревнчъ, † 1865 г., т. ХСIV, апр., 214, июнь, 586, 587, т. ХСV, июль, 239, т. ХСVI, нояб., 274.
- Николай Николаевичъ**, вел. князь, фельдмаршалъ, р. 1831 г., † 1891 г., т. ХСIV, апр. 115, 140, май, 387, июнь, 634, 639, 640, 664, т. ХСV, сент., 627, т. ХСVI, окт., 226—238, нояб., 427—438, декаб., 703—710.
- Ниссенъ-Саломанъ**, пѣвица 1858 г., т. ХСIV, апр., 355.
- Нифонтъ**, архим., настоят. переяслав. никитск. монаст., 1858 г., т. ХСV, авг., 384, 386.
- Новиковскій**, Карлъ, участн. повст. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 545, 547.
- Новиковъ**, Никол. Ив., писат., род. 1744 г., † 1818 г., томъ ХСV., авг., 393.
- Новиковъ**, правит. канц. полтавск. губернат. 1823 г., т. ХСVI, нояб., 345.
- Новосельскій**, Фед., лейтен. 1829 г., т. ХСIV, июнь, 542.
- Новосильцевъ**, Никол. Никол., госуд. дѣятель, р. 1761 г., † 1838 г., томъ ХСIII, янв., 176, 182, февр., 334, 347, т. ХСVI, окт., 39, декаб., 485, 619, 656.
- Нордманъ**, профес. 1838 г., т. ХСIII, янв., 111.
- Нордштейнъ**, полковн. 1818 г., томъ ХСIII, янв., 182.
- Норова**, Варвара Егоровна, рожд. Панина, т. ХСIV, май, 291.
- Норовъ**, Авраамъ Серг., мн-ръ нар. проsv., † 1869 г., томъ ХСIII, янв., 55—72, 113—118, февр., 276, 319, т. ХСIV, апр., 135, 136, май, 289—300, т. ХСVI, нояб., 476.
- Носовичъ**, С. А., сообщ.: „Русское посольство въ Бухару въ 1870 г.“, т. ХСV, авг., 271—290, сент., 629—650.
- Носовичъ**, полков., посолъ въ Бухару 1870 г., т. ХСV, авг., 271—290, сент., 629—650.
- Ностичъ**, гр., т. ХСIV, июнь, 643.
- Нумсентъ**, ген. 1788 г. т. ХСVI, нояб., 296.

О.

- Ободовскій**, П. Г., педагогъ 1845 г., т. ХСV, сент., 627.
- Оболенскій**, кн., Никол. Николаев., команд. л.-гв. Преображенск. полка 1877 г., т. ХСIV, апр., 114, май, 375, 386, 387, июнь, 661, 663, томъ ХСV, июль, 184, 189, 190, авг., 427, сент., 696, 700, 703, т. ХСVI, окт., 214, 222.
- Оболенскій**, кн., декабр., т. ХСVI, нояб., 338, 339, 340.
- Обольяниновъ**, П. Хр., ген.-прокур. 1800 г., т. ХСIV, апр., 158, май, 232, 233, 245.
- Обресовъ**, ген.-бриггс-комис. 1807 г., т. ХСVI, декаб., 500.

- Обресковъ, сенат. 1827 г., т. ХСIII, янв., 108, т. ХСVI, декаб., 618.
- Обресковъ, дипломатич. агентъ въ Персіи 1828 г., томъ ХСIII, мартъ, 497, 501.
- Обуховъ, Серг. Арсеньев., прапорщ. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 655, т. ХСVI, окт., 212.
- Оверъ, профес. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 589.
- Оводовъ, Никол. Ив., д. ст. сов. 1845 г., т. ХСV, сент., 538—547, т. ХСVI, декаб., 613, 614.
- Огаревъ, Никол. Плат., писат., род. 1815 г., † 1877 г., т. ХСIII, мартъ, 538.
- Огинскій, гр., сенат. 1812 г., т. ХСIII, янв., 182, т. ХСVI, нояб., 415.
- Огинскій, Мих. 1795 г., т. ХСV, сент., 582.
- Оглоблинъ, т. ХСVI, нояб., 440—444.
- Одипцовъ, А. А., нижегород. губернаторъ 1862 г., томъ ХСV, июль, 89, 91.
- Одоевскій, кн., Александ. Ив., писат., т. ХСV, авг., 382, т. ХСVI, нояб., 314.
- Одоевскій, кн., Влад. Фед., писат., т. ХСIV, апр., 206, т. ХСVI, нояб., 315, 319, 329, декаб., 577, 584.
- Одынецъ, польск. писат. 1863 г., т. ХСIV, май, 285.
- Оверецковскій, акад., 1799 г., томъ ХСIV, май, 243.
- Оверецковскій, об.-священ. 1802 г., т. ХСVI, окт., 133.
- Оверовъ, Петръ Серг., фл.-ад. 1877 г., т. ХСIV, апр., 144.
- Ольсфевъ, секретарь им-цы Елисаветы Петровны, т. ХСIII, янв., 147.
- Ольга Николаевна, великая княгиня, въ супруж. королева Виртембергская, род. 1822 г., томъ ХСIII, февр., 289, т. ХСV, сент., 482, 625, 627.
- Ольденбургскій, принцъ, Александ. Петров., ген. 1812 г., т. ХСIV, май, 387, 400, т. ХСV, июль, 175, 180, 181, 186, авг., 420, сент., 699, 706, 711, т. ХСVI, окт., 211—228, нояб., 400—437.
- Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгиевичъ, т. ХСV, сент., 618—628.
- Омелинскій, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, февр., 437, 441, 442, 445, т. ХСIV, апр., 179, 180.
- Омжровъ, студ. 1880 г., томъ ХСIII, мартъ, 592.
- Оперманъ, гр., 1828 г., т. ХСIII, янв., 109, т. ХСVI, декаб., 595.
- Орбеліани, кн., Дм., ген. 1850 г., т. ХСIII, февр., 391, 392.
- Оржевскій, виленск. ген.-губернат. 1893 г., т. ХСVI, декаб., 694, 697.
- Орлова-Чебокская, графиня, Анна Алексѣевна, † 1848 г., т. ХСIII, февр., 367—370, мартъ, 540, томъ ХСIV, апр., 146.
- Орловъ, гр., кн., Алексѣй Фед., шефъ жанд. род. 1787 г., † 1862 г. т. ХСIII, февр., 264, 276, 282, 283, т. ХСIV, апр., 20, 55, май, 249, 281, т. ХСVI, окт., 8, 9, нояб., 244, 336, декаб., 522.
- Орловъ, гр., Влад. Григ., директоръ акад. наукъ 1766 г., т. ХСIII, февр., 226—240.
- Орловъ, ген. отъ кав., атаманъ войска Донск. 1800 г., т. ХСVI, окт., 105.
- Орловъ, Мих., т. ХСVI, нояб., 336.
- Орнатскій, протоиерей 1868 г., томъ ХСV, авг., 361.
- Оруръ, гр., ген.-лейт. 1818 г., томъ ХСIII, янв., 182, 183.
- Осиповскій, Т. Ф., рект. харьковск. унив. 1817 г., т. ХСVI, нояб., 303, 304.
- Остафьевъ, нижегород. предвод. дворянства 1857 г., т. ХСIV, июнь, 616.
- Остенъ-Савенъ, бар., графъ съ 1855 г., Дм. Ероо., р. 1763 г., † 1881 г., т. ХСVI, нояб., 469—474, декаб., 657—660.
- Остенъ-Савенъ, гр., Ив., Дм., 1861 г., т. ХСVI, нояб., 474.
- Остенъ-Савенъ, гр., Никол. Дм., т. ХСIV, апр., 202.
- Остерманъ, гр., И. А., вице-канцл. 1787 г. р. 1811 г., т. ХСVI, декаб., 633.
- Остерманъ ген. 1807 г., томъ ХСV, авг., 472, т. ХСVI, окт., 98, 157.
- Островскій, гр., Александ., вице-предсѣд. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ 1863 г., р. 1810 г., † 1890 г., т. ХСIV, май, 284, июнь, 519.
- Островскій, сенат. 1830 г., т. ХСIII, февр., 439.
- Охотнивовъ, Александ. Мих., поруч. 1878 г., т. ХСIV, июнь, 652, 653, т. ХСVI, декаб., 799, 710.

II.

- Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. ХСIII, янв., 103, 152, 176, февр., 234, 243, 247—261, 401, 404, 421, мартъ, 500, 501, 543, 549, томъ ХСIV, апр., 5—18, 84, 155—160, май, 225—246, 404, июнь, 468, 576, томъ ХСV, 233—238, авг., 395—409, сент., 518, 566—592, т. ХСVI, окт., 93—106, нояб., 296, 349, декаб., 540, 550.

- Павель** (Ковалевскій), ректоръ владимірск. семинаріи 1864 г., т. XCVI, окт., 118.
- Павлова**, Вѣра Вас., 1857 г., т. XCVI, февр., 280.
- Павлова**, см. Янишь.
- Павловскій**, профес. 1839 г., томъ XCVI, окт., 108.
- Павловъ**, Никол. Филип., журналистъ, поэтъ, р. 1803 г., † 1864 г., т. XCVI, янв., 51, 84, т. XCVI, нояб., 326, 327, 328, декаб., 551—585.
- Павушкинъ**, т. XCVI, февр., 434.
- Палевъ**, гр., Конст. Ив., мин. юстиц. 1867 г., т. XCVI, окт., 106, нояб., 331.
- фонъ-дербъ-Паленъ**, гр. Петръ Алексѣев. курлянд. губернат. 1796 г., † 1826 г., т. XCV, авг., 401, 402, 403.
- Палицкинъ**, Авраамій, т. XCVI, май, 304.
- Панинъ**, гр., Викторъ Никит., мин. юстиции, род. 1801 г., † 1874 г., т. XCV, сент., 538, 540, 543, 544, томъ XCVI, декаб., 608.
- Панинъ**, гр., Никита Петров., томъ XCVI, окт., 98, 102.
- Панинъ**, гр., посолъ въ Берлинъ 1798 г., т. XCVI, апр., 157.
- Панратовъ**, помѣщ. 1840 г., т. XCV, авг., 326.
- Панюкертъ**, Лавр. Ив., профес. 1816 г., т. XCVI, окт., 54.
- Пантелѣевъ**, Александр. Ильичъ, полковникъ 1877 г., шефъ жандармовъ 1898 г., т. XCVI, май, 386, 387.
- Пантелѣевъ**, кавалергардъ 1848 г., т. XCVI, февр., 417.
- Панюгинъ**, Н. Н., офиц. 1859 г., т. XCVI, мартъ, 581.
- Панюгинъ**, виленск. губернат. 1864 г., т. XCVI, нояб., 294, декаб., 601.
- Панюгинъ**, ген.-лейт. 1849 г., томъ XCVI, июнь, 521, 522.
- Панча**, Александр., офиц. польск. войскъ 1830 г., т. XCV, июль, 212, 213, 229.
- Папенгутъ**, подпоруч. 1877 г., томъ XCV, июль, 183.
- Парротъ**, Георгъ-Фридрихъ, акад., р. 1776 г., † 1852 г., т. XCV, июль, 139—152, т. XCVI, нояб., 385—396.
- Паревскій** Сопковскій, еписк. 1761—1795 г., т. XCVI, декаб., 587—590.
- Паскевичъ**, кн. Варшавскій, гр. Эриванскій, Ив. Фед., намѣст. Царства Польскаго, р. 1781 г., † 1856 г., т. XCVI, янв., 103, 109, 186, 187, 190, февр., 183, 403, 404, 415, 423, мартъ, 497, 499, 500—509, 515, т. XCVI, май, 250, 251, июнь, 493, 517, томъ XCV, июль, 101, т. XCVI, окт., 58, нояб., 455, 457, декаб., 612, 622—628.
- Пассежъ**, Татьяна Петров., писат-ца, р. 1810 г., 1889 г., т. XCVI, мартъ, 477.
- Пассежъ**, ген. 1796 г., т. XCVI, окт., 93.
- Пауллучи**, маркизъ, началн. тайн. полиц. 1861 г., т. XCVI, май, 299, июнь, 547, 550, 551, т. XCVI, окт., 152.
- Певаровиусъ**, Пав. Пав., стат. сов., писат. 1816 г., т. XCVI, окт., 54.
- Пенарскій**, Петръ Петров., акад. 1867 г., т. XCVI, май, 344.
- Пелтенбергъ**, ген. венгерск. войскъ 1849 г., т. XCVI, июнь, 500, 503.
- Пенскій**, Влад. Васильев., полковн. 1877 г., т. XCVI, июнь, 660, т. XCV, июль, 176, 179, 182.
- Перець**, декабр., т. XCVI, нояб., 353.
- Перовскій**, гр., Василій Алексѣев., оренб. ген.-губ., 1833 г., р. 1794 г., † 1857 г., т. XCV, авг., 325.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мин. вн. дѣлъ, р. 1722 г., † 1856 г., т. XCVI, янв., 76, т. XCVI, нояб., 268.
- Персидскій**, кап.-лейт. 1860 г., т. XCVI, окт., 70.
- Пестель**, Пав. Ив., полковн., декабр., † 1826 г., т. XCVI, нояб., 337—352.
- Петръ I**, императ., р. 1672 г., † 1725 г., т. XCVI, янв., прил., 243, февр., 292, 305, мартъ, 472, 635, т., XCVI, апр., 89, май, 465, 466, июнь, 573—575, т. XCV, июль, 321, сент., 518, 528—531, т. XCVI, окт., 86, нояб., 259, 260, 447, декаб., 513, 557, 602, 632, 666.
- Петръ III**, императоръ, р. 1723 г., † 1762 г., т. XCVI, янв., 146, мартъ, прилож., 273, 287, т. XCVI, апр., 201, май, 236, июнь, 467, т. XCV, июль, 231, сент., 96.
- Петровъ**, Александр. Григорьев., педагогъ, директ. Рижельев. лицея. 1848 г., т. XCVI, янв., 116.
- Петровъ**, Осипъ Аонасеев., арт.-пѣвецъ, т. XCVI, май, 359.
- Пещуровъ**, помѣщ. 1862 г., т. XCV, авг., 343.
- Пизани**, драгоманъ рус. миссіи 1874 г., т. XCVI, дек., 639—643.
- Пикель**, арт.-муз., 1858 г., т. XCVI, май, 352.
- Пилоудскій**, полковн. 1877 г., т. XCV, авг., 423.
- Пирлингъ**, о., т. XCVI, май, 303, 305, 306.
- Пироговъ**, Никол. Ив., хирургъ, род. 1800 г., † 1881 г., т. XCVI, янв., 62, 65, 71, 202, февр., 300—326.
- Пичнеръ**, учит. пѣвнїи 1860 г., т. XCVI, 637—639.

- Пишквичъ, Леонтій Платонов**, шт.-кап. 1877 г., т. ХСIV, апр., 114.
Пишчовичъ, шт.-кап. 1877 г., т. ХCV, июль, 183.
Пій VII, папа римскій, 1800 г., т. ХСIV, апр., 159.
Піотровскій, Камилль, 1835 г., т. ХCV, авг., 439.
Плавильщиковъ, актеръ, т. ХCV, авг., 336.
Платеръ, гр., Владиславъ, 1831 г., т. ХСIII, февр., 439, т. ХСIV, июнь, 492, т. ХСVI, нояб., 269, 270.
Платеръ, гр., Людвигъ, 1831 г., т. ХСIII, мартъ, 665.
Платеръ, гр., Станиславъ, адъют. гр. Клейнмихеля, р. 1823 г., † 1896 г., т. ХСIV, май, 280, июнь, 555.
Платеръ, гр., Цезарь, 1830 г., т. ХСIV, апр., 162.
Платовъ, гр., Матв. Ив. наказной атам. войска донск. 1800 г., т. ХCV, июль, 137, авг., 466, сент., 561, т. ХСVI, окт., 157—159, 166.
Платонъ, митроп. моск. 1796 г., т. ХСIV, май, 303, т. ХСVI, окт. 97.
Плетневъ, Петръ Александр. акад., † 1864 г., т. ХСIV, апр., 77.
Плещеевъ, фл.-ад., 1796 г., т. ХСVI, окт., 96.
Погодинъ, Мих. Петров, акад., проф., род. 1800 г., † 1875 г., т. ХСIII, янв., 51, 53, 64, 87, февр., 329, мартъ, 473, 486, т. ХСIV, апр., 78, т. ХСVI, нояб., 298, 305, 315, 324, декаб., 523, 524, 554—574.
Погодинъ, ген.-интендантъ дѣйств. арм. 1853 г., т. ХСVI, окт. 59.
Подбѣльскій, миров. посредн. 1860 г., т. ХСVI, окт., 73.
Поджою, декабр., т. ХСVI, нояб., 339.
Подлевскій, Сигизмундъ, польск. романистъ (псевд. Теодоръ Томамъ Ежъ), участн. въ повст. 1862 г., т. ХСIV, июнь, 569—572.
Пожарскій, воевода, т. ХСVI, нояб., 448.
Повенъ, статья-секрет., 1828 г., т. ХСVI, дек., 596, 605.
Поверовскій, Н. Ѳ., попечит. одесск. учебн. окр., 1832 г., т. ХСIV, апр., 133.
Покровскій, Петръ Евдоким, главн. священ. арміи и флота, 1865 г., т. ХСVI, окт., 118, 119.
Полевой, Никол. Алексѣев, писат., р. 1796 г., † 1846 г., т. ХСIII, февр., 329, мартъ, 524, т. ХСVI, нояб., 318, 326, 330, дек. 504, 555, 556.
Полетяка, сенат. 1827 г., т. ХСIII, янв., 103, 104, мартъ, 503, т. ХСIV, апр., 44, т. ХСVI, дек., 618.
Полъвановъ, Ив. Гаврилов, т. ХСIV, май, 268.
Поливановъ, Левъ, сообщ.: „Къ біографіи П. С. Мочалова“. т. ХСIV, май, 268.
Полъвановъ, т. ХСVI, нояб., 476.
Полънеръ, Ив. Ив., сообщ.: „Александр. Теодоровичъ Тюринъ“, т. ХСVI окт., 107—116.
Половцовъ, В., ген., 1862 г., т. ХСIV, апр., 47.
Полтавцева, въ зам. Алсуфьева, т. ХСIV, апр., прилож., 300.
Полторацкій, Ѳед., полковн., совѣт. Акад. наукъ, 1793 г., т. ХСIII, февр., 226.
Полъновъ директ. канц. мин-ва ин. дѣлъ 1829 г., т. ХСVI, дек., 631.
Понятовскій, кн., Юсифъ, 1809 г., т. ХCV, сент., 591.
Понятовскій, гр., Станиславъ, полководецъ, т. ХCV, сент., 565.
Понятовскій, кн., Станиславъ, род. 1754 г., † 1833 г., его воспоминанія, т. ХCV, сент., 565—592.
Попель, Павелъ, 1863 г., т. ХCV, июль, 53.
Поповичъ, ген., 1835 г., т. ХСVI, дек., 678, 679.
Поповъ Андр. Ник., историкъ, р. 1841 г., † 1881 г., его ст. „Движеніе русскнхъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры“, т. ХСVI, окт., 151—167, нояб., 397—419.
Поповъ, В. С., т. ХСVI, дек., 509.
Поповъ, Нилъ Александр., т. ХСVI, нояб., 439.
Поповъ, ген.-ад., адм., 1877 г., т. ХСVI, нояб., 437.
Поповъ, уѣздн. предвод. дворян. Саратов. губ., 1860 г., т. ХСVI, окт., 70.
Поповъ, директ. деп. дух. дѣлъ 1815 г., т. ХCV, авг., 391.
Поскочинъ, адмир., т. ХСIII, мартъ, 626.
Постельниковъ, Петръ, офиц., 1751 г., т. ХСIII, февр., прилож., 262, 263.
Постельсъ, Романъ Филипп., докт., 1857 г., т. ХСIV, май, 291.
Потаповъ, Александр. Львов., ген.-губ' с.-з. края, 1865 г., т. ХСIII, янв., 155, т. ХСIV, июнь, 567, т. ХСVI-нояб., 274, 336, дек., 518, 519, 521, 522, 537.
Потемкина, княг., Татьяна Борисов., рожд. княжна Голицына, † 1869 г., т. ХСIII, мартъ, 573—577, т. ХСIV, апр., 137—148, май, 407—421, июнь, 634—644, т. ХCV, июль, 157—174.
Потемкина, рожд. Энгельгардтъ, во втор. бракъ княг. Юсупова, т. ХСIV, апр., 139, 146.
Потемкинъ, Александр. Мих., т. ХСIV, апр., 138, 139, май, 413—417, т. ХCV, июль, 168—172.

- Потемкинъ, Александръ Яковлевъ**, т. ХСІІІ, мартъ, 580.
Потемкинъ-Тавричскій, вн., Григ. Александръ, ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. ХСІV, апр., 139, май, 404, т. ХСV, сент., 574, т. ХСVІ, окт., 64, дек., 654.
Потемкинъ, Яковъ, Алексѣевъ, 1812 г., т. ХСІІІ, мартъ, 580.
Потемкинъ, Лукояновск. предводит. дворян., 1857 г., т. ХСІV, июнь, 616.
Потоцкіе, графы, т. ХСІІІ, мартъ, 664.
Потоцкій гр., Августъ, 1863 г., т. ХСІV, май, 285.
Потоцкій, Адамъ, 1863 г., т. ХСІV, май, 273, июнь, 492, т. ХСV, авг., 299, 301, 313, 316.
Потоцкій, гр., Александръ, 1830 г., т. ХСІІІ, мартъ, 654, 655.
Потоцкій, И., 1796 г., т. ХСVІ, окт., 97.
Потоцкій, Мечиславъ, 1835 г., т. ХСІV, апр., 168—170.
Потоцкій, графъ, Ѳома, экономистъ, (псевдонимъ Адамъ Книжтопоръ), участн. войны 1831 г., т. ХСІV, май, 284, июнь, 549, 550.
Потоцкій, гр., об.-перемоніймейстеръ, 1828 г., т. ХСІІІ, янв., 102, 110, мартъ, 502, т. ХСV, июль 94.
Потоцкій, гр., 1863 г., т. ХСV, авг., 330, 331.
Приклонская, К. П. т. ХСVІ, нояб., 477.
Приклонскій, С. А., правит. канц. олонек. губери., т. ХСVІ, нояб., 477.
Пригуловъ, мячманъ, 1829 г., т. ХСІV, июнь, 542.
Прокофьевъ, Ив., поруч. корп. штурмановъ, 1829 г., т. ХСІV, июнь, 542.
Протасова, Екат. Аванасевъ, т. ХСVІ, нояб., 365.
Протасова, Марія Андреевъ, въ зам. Мейеръ, т. ХСVІ, нояб., 364, 365.
Пругавинъ, С. К., сообщ.: „Стихи vznikа-невольника“, т. ХСVІ, нояб., 477, 480.
Пузыревскій, полковн. генер. штаба, 1877 г., т. ХСІV, июнь, 665, 666.
Пушоловъ, т. ХСVІ, окт., 48, 49.
Пуутатинъ, гр., Евгеній Васильевъ, адм. мин. народн. просв., р. 1803 г., † 1883 г., т. ХСІV, июнь, 581, 589.
Пушиловъ, арт., т. ХСІV, май, 355.
Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, род. 1798 г., † 1837 г., т. ХСІІІ, янв., 48, февр., 272, 329—331, 411, мартъ, 650, т. ХСІV, апр., 73—88, май, 312, т. ХСV, июль, 381, т. ХСVІ, нояб., 298, 314—330, дек., 552—564.
Пушкинъ, Алексій Мих., 1807 г., т. ХСVІ, дек., 507, 508.
Пфейферъ, надворн. совѣтн., 1807 г., т. ХСVІ, декаб., 494.
- Пышкинъ, Александръ Никол., писатель**, р. 1833 г., т. ХСІV, апр., 86.
Пятовъ, Я. И., членъ нижегород. комит. по крестьянск. дѣламъ, 1857 г., т. ХСІV, июнь, 622—624, т. ХСV, июль, 73—77.

Р.

- Раабъ, пѣвица**, 1870 г., т. ХСІV, май, 359.
Равадановскій, 1799 г., т. ХСІV, май, 227, 228.
Равскій, Викентій, офиц., польскихъ войскъ, 1863 г., т. ХСІV, май, 427, 430, 434, 435, 451, 452, 672, т. ХСV, июль, 208, 209, авг., 436, 437.
Радецкій, фельдмарш., р. 1766 г., † 1858 г., т. ХСІІІ, мартъ, 677, 678, т., ХСV, июль, 68.
Радецкій, ген., 1877 г., т. ХСV, авг., 425, сент., 708.
Радевицъ, вн., Антонъ, 1832 г., т. ХСІІІ, февр., 285.
Радевицъ, вн., Левъ, фл.-ад. 1838 г., т. ХСV, сент., 659, 665.
Радищевъ, писат., т. ХСVІ, дек., 557.
Раевскій, студ. москов. унив., 1861 г., т., ХСІV, 593, 597, 598.
Рауумовская, княг., 1818 г., т. ХСІІІ, янв., 170.
Рауумовская, гр—ня, статсъ-дама, т. ХСІV, май, 290.
Рауумовскій, гр., Алексій Григ., р. 1709 г., † 1771 г., т. ХСІІІ, февр., прилож., 261, мартъ, прилож., 276, 288, т. ХСІV, май, 305.
Рауумовскій, гр., Алексій Бярил., 1776 г., т. ХСІІІ, февр., 248, 249.
Рауумовскій, гр., Кирилль Григ., ген.-фельдм., род. 1728 г., † 1783 г., т. т. ХСІІІ, янв., прилож., 243.
Растрелли, архитект., т. ХСV, июль, 172.
Раухъ, ген.-м., 1878 г., т. ХСІV, май, 399, 400, июнь, 648, 669, т. ХСV, июль, 175, 176, 183, 195, авг., 425, сент., 692, т. ХСVІ, декаб., 715.
Раухфусъ, докт., 1890 г., т. ХСІV, май, 369.
Реадъ, полковн., † 1828 г., т. ХСІІІ, мартъ, 509.
Резановъ, Матвѣй, учит. 1800 г., т. ХСІV, май, 230.
Рейтернъ, Александръ Максимовъ, шт.-кап., 1877 г., т. ХСV, июль, 180, т. ХСVІ, декаб., 715.
Рейтернъ, Мих. Христ. мин. финанс. съ 1862—1878 г г., р. 1820 г., † 1890 г., т. ХСІІІ, февр., 264.
Рейтернъ, художн., 1831 г., т. ХСVІ, декаб., 554, 560.

- Рейтъ. Берн. Осип., акад., 1816 г., т. ХСVI, окт., 45.
- Репнинъ, кн., Никол., подпоручикъ, 1752 г., т. ХСIV, апр., прил., 302.
- Репнинъ, кн., Никол. Вас., ген.-фельдм., 1796 г., т. ХСV, авг., 401, 402, сент., 577, 578, 585, т. ХСVI, декаб., 512, 588, 590.
- Рибопьеръ, рус. послан. въ Константиноп. 1827 г., т. ХСIII, янв., 110, т. ХСIV, июль, 488, т. ХСV, июль, 11.
- Ридигеръ, гр., Фёд. Васил., ген., команд. 3-го пѣхотн. корп. 1849 г., т. ХСIV, июль, 491, 498, 502—522.
- Римскій-Корсаковъ, Александр. Мих., ген.-отъ-инф., виленск. воен. губ., 1806—1808 г., т. ХСV, июль, 121—138, авг., 465—480.
- Римскій-Корсаковъ, Воинъ Андреев., директ. морск. корп., 1850 г., т. ХСIII, мартъ, 583.
- Римскій-Корсаковъ, Н., морской офиц., 1858 г., композит., т. ХСIV, май, 353, 356, 358.
- де-Ришелье, герцогъ. Арманъ-Эммануиль, ген.-губ., Новорос. края, р. 1766 г., † 1822 г., т. ХСIV, апр., 204.
- Роберти, содержат. пансіона въ харьковѣ, 1838 г., т. ХСVI, окт., 108.
- Родзевичъ, 1861 г., т. ХСIV, июнь, 593, 594.
- Родзянко, Екат. Влад., нач.—ца Екатерин. вѣстн. 1845 г., т. ХСV, сент., 615—628.
- Родионовъ, Д. Н., его воспоминанія о Д. П. Руничѣ, т. ХСV, авг., 389—391.
- Родфининъ, тайн. сов., секретарь гр. Нессельроде, 1828 г., т. ХСIII, мартъ, 502, 503, т. ХСVI, дек., 619, 620, 629.
- Рожерсонъ, лейбъ-мед., 1796 г., т. ХСVI, окт., 94.
- Розентъ, бар., главноком. войскомъ на Кавказѣ, 1832 г., т. ХСIII, февр., 289.
- Розентъ, бар., полковн., 1825 г., т. ХСIV, июнь, 616.
- Ромасовскій, бар., Влад. Плат., поруч. 1877 г., т. ХСV, июль, 180, т. ХСVI, декаб., 715.
- Рольскій, участн. повстан., 1862 г., т. ХСIV, июнь, 562.
- Романовъ, офиц., 1877 г., т. ХСIV, июнь, 658.
- Ромодановскій, кн., Юрій Ив., 1675 г., т. ХСIII, мартъ, 646.
- Рославлевъ, Лев. Яковлев., помѣщ., 1846 г., т. ХСV, авг., 332, 333.
- Ростовцевъ, Яковъ Ив., ген.-ад., р. 1803 г., † 1860 г., т. ХСIII, февр., 261, мартъ, 490, т., ХСIV, апр., 218, 220.
- Ростоцкинъ, гр., Фёд. Вас., москов. ген.-губернат., р. 1763 г., † 1826 г., т. ХСIII, янв., 215, 219, т. ХСVI, окт., 64, 94, 96, 97, 100, дек., 509.
- Ротъ, ген. 1857 г., томъ ХСIV, май, 431.
- Рубецъ, А., арт., т. ХСIV, май, 355.
- Рубинштейнъ, Антоныъ Грнг., композиторъ, р. 1830 г., † 1894 г., т. ХСIV, май, 351—374.
- Рубинштейнъ, Никол. Грнг., директ. московск. консерват., † 1881 г., т. ХСIV, май, 364.
- Ружицкій, Карлъ, полковн. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, февр., 437—457, мартъ, 670, т. ХСV, сент., 653, т. ХСVI, окт., 174.
- Ружицкій, Самуиль, ген., 1830 г., т. ХСIV, апр., 182.
- Ружицкій, Станиславъ, т. ХСIII, февр., 457.
- Руммель, В. В., т. ХСIII, февр., 432.
- Румовскій, вице-презид. Акад. наукъ, 1880 г., т. ХСIII, февр., 226, 234—241, т. ХСIV, апр., 9, май, 226—244, т. ХСV, июль, 60.
- Румянцова, гр-ня, въ зам. гр-ня Брюсъ, 1748 г., т. ХСIII, янв., прил., 241.
- Румянцова, гр-ня, Екат. Мих., рожд. княжна Голицына, оберъ-гофмейстерина вел. княг. Маріи Феодоровны, 1776 г., т. ХСIII, февр., 251, 255, 257.
- Румянцевъ, гр., Никол. Петр., канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. ХСV, июль, 94, т. ХСVI, декаб., 491.
- Румянцевъ-Задубайскій, гр., Петръ Александр., фельдм., род. 1725 года, † 1796 г., т. ХСIII, янв., 146, февр., 251, т. ХСIV, июнь, 576, т. ХСVI, декаб., 493, 512.
- Румянцевъ, гр., ген.-лейт., команд. войскъ въ Лптовѣ, 1798 г., т. ХСV, авг., 403.
- Руничъ, Дм. Павл., почетн. сб. учеб. окр., † 1860 г., т. ХСV, авг., 389—394, т. ХСVI, декаб., 534, 536.
- Руничъ, Пав. Степ., сенат., 1814 г., т. ХСIII, янв., 215, 218, 219.
- Русиновъ, М. И., дукояновск. пред. дворян., 1857 г., т. ХСIV, июнь, 616, т. ХСV, июль, 73.
- Русиновъ, Н., чл. нижегород. комит. по крестьянск. дѣламъ 1857 г., т. ХСIV, июнь, 624.
- Рыбасовъ, И., учен. сб. консерват. 1864 г., т. ХСIV, май, 355.
- Рыдзевскій, полковн., 1877 г., т. ХСV, июль, 175, 184, 185.
- Рызаловъ, артистъ, 1810 г., т. ХСVI, окт., 52, 53.
- Рылѣевъ, Копдр. Фёд., поэтъ, декаб..

- род. 1796 г., † 13 июля 1826 г., т. ХСIII, февр., 328, т. ХСVI, нояб., 336—352, декаб., 557.
- Рѣдкинъ, А.**, сообщ.: „Участіе Россіи въ расторженіи Аміенскаго мира 1803 г.“, т. ХСIII, февр., 333—365.
- Рѣвиль, ген.**, 1807 г., т. ХСV, авг., 478.
- Рѣшнскій, Г. К.**, сообщ.: „Просьба академика Степана Разумовскаго о награждѣ. 1801 г.“, т. ХСV, июль, 50.
- Рѣшнскій, Н. Гр.**, малорос. ген.-губернат., т. ХСVI, окт., 92.

С.

- Саблинъ, шт.-кап.**, 1877 г., т. ХСIV, апр., 118.
- Сабуровъ, ротм. 1-гв гусар. полка**, 1825 г., т. ХСVI, нояб., 332.
- Савва, настоят. Махринскаго монаст.** 1865 г., т. ХСVI, окт., 118, 119.
- Савельевъ, А. А.**, сообщ.: „Нѣсколько словъ о бывшемъ нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ“, т. ХСIV, июнь, 609—629, т. ХСV, июль, 69, 93.
- Савинская, вдова ген.** † 1860 г., т. ХСIV, июль, 545.
- Сажтовъ, В. И.**, т. ХСVI, нояб., 299.
- Сажковъ, кн. Фабіанъ Вильгельмовичъ, фельдм.**, род. 1752 г., † 1837 г., т. ХСIII, янв., 181, 182, февр., 290, 414, 415, т. ХСV, июль, 129, авг., 480, т. ХСVI, нояб., 463.
- Салаговъ, кн.**, ген.-аудиторъ, 1800 г., т. ХСVI, декаб., 602.
- Салтыковъ, Александръ, прапорщикъ**, 1752 г., т. ХСIV, апр., прилож., 302.
- Салтыковъ, гр. И. П.**, московск. ген.-губернат., 1802 г., т. ХСVI, окт., 144.
- Салтыковъ, гр. Никол. Ив.**, фельдм., 1797 г., т. ХСVI, окт., 96, дек., 508.
- Салтыковъ, гр., Петр. Семен.**, ген., 1759 г., т. ХСIII, янв., 123, 136.
- Салтыковъ, гр., Серг. Пет.**, писат., 1816 г., т. ХСVI, окт., 54.
- Сальковъ, гр-ня, Евгенія (Евг. Туръ)**, писательница, т. ХСIV, май, 334, июнь, 595.
- Самаринъ, Юрій Ѳед.**, писатель, род. 1819 г., † 1876 г., т. ХСIII, янв., 77, 90, 92, февр., 277, мартъ, 466, 475, 544, 545, 549, 557, т. ХСIV, апр., 220, т. ХСVI, декаб., 574.
- Самборскій, Андрей Аванас.**, протоіерей, 1799 г., т. ХСIV, апр., 82.
- Самойловъ, Александр. Никол.**, ген.-прокур., 1787 г., т. ХСVI, декаб., 590.
- Самойловъ, Вас. Васил.**, артистъ, р. 1813 г., † 1887 г., т. ХСIII, мартъ, 522, т. ХСIV, май, 357.
- Самойловичъ, гр.**, ген.-прокуроръ, 1796 г., т. ХСVI, окт., 94.
- Самойловичъ, докт.**, 1804 г., т. ХСIV, апр., 84.
- Самсонова, Н. Ѳ.**, рожд., Львова, т. ХСVI, декаб., 539—549.
- де-Сангленъ, Яковъ Ив.**, правит. канц. мин. полиціи, р. 1775 г., † 1864 г., т. ХСVI, декаб., 517—538.
- Сангушко, кн., Владиславъ**, т. ХСV, авг., 453.
- Сангушко, кн., Евстафій**, 1863 г., т. ХСVI, июль, 52.
- Сангушко, кн.**, Романъ, т. ХСV, авг., 439.
- Сандуновъ, профес.**, т. ХСV, сент., 562.
- Сапѣга, княг., Анна**, 1830 г., т. ХСIII, февр., 454.
- Сапѣга, кн., Адамъ**, 1863 г., т. ХСV, авг., 299, 300, 309, 310.
- Сапѣга, кн., Левъ**, 1863 г., т. ХСV, авг., 316, 453.
- Сарычевъ, вице-адм.**, 1816 г., т. ХСVI, окт., 54.
- Сахаровъ, И. П.**, т. ХСIII, февр., 327.
- Сахаровъ, Ѳед. Климов.**, священникъ 1867 г., т. ХСVI, окт. 145—147.
- Свенске, Карлъ Ѳед.**, архивариусъ и переводч. Акад. наукъ, т. ХСIV, май, 242.
- Свенске. Ѳед.**, докт., 1798 г., т. ХСIV, май, 242.
- Свѣшнячъ, П. П.**, д. ст. сов. 1830 г., т. ХСIV, апр., 38, 39, май, 312, июнь, 604, т. ХСVI, окт., 54.
- Свѣчинъ, Н. С.**, ген.-отъ-инф., спб. воен. губернат., 1800 г., т. ХСIV, апр., 158, 159, т. ХСVI, окт., 102, 103.
- Святополкъ-Мирскій, ген.**, 1877 г., т. ХСV, авг., 425, сент., 708.
- Северинъ, Ив. Ив.**, генералъ-консулъ Молдав. и Валах., 1787 г., т. ХСVI, декаб., 633—653.
- Севергинъ, акад.**, 1708 г., т. ХСIV, май, 227.
- Седморацкій, ген.**, 1807 г., т. ХСV, авг., 477.
- Сейдъ-Абдулла-Фатахъ, сынъ бухар. эмира**, 1870 г., т. ХСV, авг., 271.
- Сейдъ-Музафаръ, эмиръ бухарскій**, 1870 г., т. ХСV, авг., 271—290.
- Селиверсто, архимандр. слб., Александро-Невскаго монаст.** 1751 г., т. ХСIII, февр., прилож., 262.
- Селифонтовъ, Н. Н.**, статья-секрет., сообщ.: „Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Гежельнскимъ“, т. ХСIV, апр., 23—46.
- Селужскій, Ив. Ларентьев.**, вице-

- конс. въ Яссахъ, 1785 г., т. ХСVI, дек., 634, 637, 649, 650, 652.
- Семеновъ, Ксеньдъ, 1835 г., т. ХСПІ, март., 655, 657.
- Семеновъ, Петр. Петр., т. ХСIV, апр., 217, июнь, 695, 696.
- Сенкевичъ, Карлъ, офиц. польскихъ войскъ, 1830 г., т. ХСПІ, февр., 449, 453, 454, мартъ, 652, т. ХСIV, апр. 181, 187, т. ХСV, июль, 212.
- Сенковский, Осипъ Ив., профес., писатель, † 1858 г., т. ХСПІ, февр., 327—332, т. ХСIV, апр., 73—77, т. ХСVI, нояб., 311, 322, 324, 326, 327, декаб., 557.
- Сеноверъ, сотрудн. „Сѣв. Журнала“, 1807 г., т. ХСV, июль 94.
- Сенявинъ, адм., 1807 г., т. ХСVI, декаб., 512.
- Серафимъ, спб. митроп., 1825 г., т. ХСVI, нояб., 339.
- Сиверсъ, гр., А. К., харьковск. губер., 1859 г., т. ХСПІ, мартъ, 576.
- Сиверсъ, гр., Я. Е., новгород. губер., т. ХСV, авг., 347.
- Сиверсъ, курлянд. губер., 1812 г., т. ХСIV, май, 288.
- Сиверсъ, бар., камергеръ, 1752 г., т. ХСIV, апр., прилож., 302.
- Сиверсъ, полковн., 1818 г., т. ХСПІ, янв., 182.
- Симолинъ, повѣрен. въ дѣлахъ въ Парижѣ, 1797 г., т. ХСV, авг., 396, 399.
- Симельяновъ, воронежск. губернат., 1857 г., т. ХСПІ, янв., 74.
- Синяцынъ, цензоръ, 1857 г., т. ХСПІ, февр., 324.
- Синявинъ, камеръ-юнкеръ, 1751 г., т. ХСПІ, февр., прилож., 272.
- Сиповскій, В. В., сообщ.: „О предкахъ Н. М. Карамзина“, т. ХСПІ, февр., 431—435.
- Сипягинъ, тифлис. губер., 1827 г., т. ХСПІ, янв., 103.
- Слабневскій, уѣздн. предвод. двор. Саратов. губ., 1860 г., т. ХСVI, окт., 70.
- Славроносій, гр., Мартынъ Карлов., камергеръ, 1751 г., т. ХСПІ, февр., прилож., 272.
- Сладонъ Дм. Антонов., офиц., 1877 г., т. ХСVI, окт., 232.
- Сварятинъ, Влад. Яков., спб. губер., 1864 г., т. ХСVI, нояб., 294, 295.
- Сварятинъ, В. Я., новгород. губер., 1863 г., т. ХСV, авг., 347.
- Сварятинъ, Н., т. ХСПІ, февр., 417.
- Сварятинъ, Серг., лейтен., 1829 г., т. ХСIV, июнь, 542.
- Сюбелевъ, Ив. Никит., коменд. Петропавл. крѣп., р. 1778 г., † 1842 г., т. ХСV, июль, 61—68.
- Сюбелевъ, Мих. Дм., ген.-ад., р. 1843 г., † 1882 г., т. ХСV, июль, 65—68, авг., 425, сент., 708, т. ХСVI, окт., 230, нояб., 243, дек., 708, 709.
- Сюрдуля, ген., 1858 г., т. ХСIV, май, 352.
- Суржицкий, ген. польск. войскъ, 1830 г., т. ХСПІ, февр., 415, т. ХСVI, окт., 195.
- Славутинскій, С. Т. 1861 г., т. ХСVI, декаб., 581, 585.
- Слаткинъ, С. Д., сообщ.: „М. Н. Муравьевъ губернаторомъ въ Курскѣ“, т. ХСVI, нояб., 279—287.
- Слезвинскій, А., сообщ.: „Великій князь Михаилъ Павловичъ и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ въ Юрьевомъ монастырѣ 1836 г.“, т. ХСПІ, февр., 367—370, „Эдуардъ Васильевичъ Лерхе“, т. ХСV, авг., 337—368.
- Словцовъ, П., 1833 г., т. ХСV, июль, 154.
- Слѣпцовъ, саратов. предвод. дворян., 1866 г., т. ХСVI, окт., 83, 84, нояб., 367.
- Смирнова, Александра Осипов., рож. Россетъ, т. ХСПІ, февр., 272.
- Смирновъ, М. О., т. ХСIV, май, 413.
- Смирновъ, Серг. Конст., рект. Московск. акад. 1875 г., томъ ХСIV, окт., 122.
- Смирновъ, Я. И. священ. посольск. церкви въ Лондонѣ, 1900 г., т. ХСVI, окт., 101, 106.
- Смирягина, пиаистка, 1860 г., т. ХСIV, май, 355.
- Смольза, Францъ, 1863 г., т. ХСV, авг., 299, 310, 314.
- Смигиревъ, Ив. М., археологъ, т. ХСV, сент., 561, т. ХСVI, нояб., 306, 308, декаб., 554.
- Соболевскій, Іосифъ, 1831 г., т. ХСПІ, мартъ, 666, т. ХСIV, апр., 172, 182.
- Соболевскій, совѣтн. подольск. каз. палаты, 1826 г., т. ХСIV, апр., 33, 34.
- Собѣщанскій, редакт. „Всеобщ. Дневника“, 1862 г., т. ХСIV, июнь, 560.
- Соголовскій, В., 1838 г., т. ХСIV, май, 338, 339.
- Соголовъ, библиотек. Акад. наукъ, 1799 г., т. ХСIV, май, 228.
- Солдогоубъ, гр., Влад. Александр., писатель, т. ХСVI, нояб., 319.
- Соловьева, фрейлина, 1752 г., въ зам. Казадавлева, т. ХСIV, апр., прилож., 300.
- Соловьевъ, Мих. Александр., юристъ, 1832 г., т. ХСПІ, 111, т. ХСIV, апр., 133.
- Соловьевъ, Н., сообщ.: „Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства прежняго времени“, т. ХСV, авг., 383—387.

- Соловьевъ, С. М.**, историкъ, т. XCIV, июнь, 593, т. XCVI, нояб., 440, 441, декаб., 499, 516.
- Сологубъ**, гр-ня, въ зам. Обрескова, т. XCIII, мартъ, 501.
- Солтанъ, Ив. Семеновъ**, атаманъ некрасовцевъ, 1827 г., т. XCIV, май, 431—451.
- Сомовъ**, ген.-м., 1800 г., т. XCIV, май, 231, т. XCV, авг. 472.
- Сонинъ, Мих. Мих.**, вол. асс., 1816 г., т. XCVI, окт., 54.
- Сохацкий**, профес., т. XCV, сент., 561, 562.
- Сперанскій, гр. Мих. Мих.**, родился 1772 г., † 1839 г., т. XCIII, янв. 108, февр., 429, т. XCIV, май, 454, т. XCV, июль, 92, 152—156, т. XCVI, окт., 62, нояб., 342, декаб., 522—535, 592—608.
- Спиглазовъ**, шт.-ротмистръ, т. XCV, июль, 34.
- Срезневскій, Измаиль Ив.**, профес., † 1880 г., т. XCVI, окт., 108.
- Сталинскій, чл. комит. сельско-хоз. общ. въ Варшавѣ**, 1863 г., т. XCIV, май, 284, т. XCV, июль, 51.
- Старавовъ**, полковн., 1812 г., т. XCVI, окт., 153.
- Ставровскій**, полковн., 1877 г., т. XCV, авг., 423.
- Станиславъ-Августъ Понятовскій**, король польскій, т. XCIII, янв., 129, 130, 151, т. XCV, авг., 400—406, сент., 565, 572, 573.
- Станкевичъ, А. В.**, т. XCIII, янв., 51.
- Старженскій, Викторъ**, 1863 г., т. XCIV, май, 270.
- Старицкій**, директ. походн. канц. намѣстн. Кавказск., т. XCIV, май, 455.
- Старшичевичъ, Сем. Алекс.**, генер., 1861 г., т. XCIV, апр., 50.
- Стасовъ, Д. В.**, 1870 г., т. XCIV, май, 358.
- Стенбожъ, гр. Г. Г.**, офиц., 1877 г., т. XCIV, май, 404, июнь, 661.
- Стодольскій, чиновн.**, 1860 г., т. XCIII, мартъ, 480.
- Столыпинъ, К. А.**, помѣщ., 1846 г., т. XCV, авг., 333.
- Стоянникъ, В. Я.**, педагогъ, 1860 г., т. XCIV, апр., 47.
- Стояновскій, Н. И.**, т. XCIV, апр., 217.
- Страховъ**, профес., т. XCV, сент., 561, 562.
- Стрезовъ**, полковн., 1877 г., т. XCIV, апр., 118, 123, т. XCV, июль, 185, 187, авг., 429, т. XCVI, окт., 214, нояб., 427.
- Стрекаловъ**, сенат., 1792 г., т. XCVI, декаб., 589.
- Стрекаловъ**, ген.-ад., 1828 г., т. XCIII, мартъ, 516, т. XCVI, декаб., 618, 630.
- Стремоуховъ, Петр. Дм.**, нижегород. губерн. предводит. дворян. 1861 г., сообщ.: „Замѣтка по поводу обѣда въ память XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ“, т. XCIV, июнь, 695, 696. „Изъ моихъ воспоминаній о князѣ Бисмаркѣ“, т. XCVI, окт., 65—68, упом. т., XCIV, июнь, 616, 630.
- Стремоуховъ, Петръ Никол.**, директ. азиатск. деп. вносл. тов. мин. нн. дѣлъ, т. XCVI, окт., 66.
- Стрижевскій**, ген., 1835 г., т. XCIII, мартъ, 664.
- Стрижевскій**, полковн., 1877 г., т. XCV, июль, 178, сент., 694.
- Строгановъ, гр., Александр. Григ.**, новорос. в. бессараб. ген.-губернат., 1858 г., т. XCIII, янв., 62—72, февр., 297—322, мартъ, 486, т. XCIV, апр., 32, 34, т. XCVI, декаб., 596, 598.
- Строгановъ, гр., Александр. Сергѣев.**, сенат., 1807 г., т. XCVI, декаб., 716.
- Строгаковъ, бар., Серг. Александр.**, 1752 г., т. XCIV, май, 306.
- Строгановъ, Серг. Григ.**, 1751 г., т. XCIII, февр., прилож., 258.
- Струве, Вильгельмъ**, астрономъ, род., 1793 г., т. XCVI, нояб., 389—392.
- Струве, О. В.**, акад. 1861 г., томъ XCIV, май, 235.
- Струвовъ**, ген. 1877 г., т. XCVI, окт., 225, 227, 234, 238.
- Стурдза, Александр. Скарлат.**, писат., 1844 г., т. XCIV, апр., 207, июнь, 474, 475.
- Стурдза, кн., Григ.**, т. XCVI, декаб., 671—679.
- Стюрлеръ**, полковн. 1825 г., т. XCVI, нояб., 339.
- Суворовъ, свѣтл. кн.**, Алексд. Аркад., остзейск. ген.-губ. 1861 г, спб. воен. ген.-губ. 1864 г., † 1882 г., т. XCVI, нояб., 273, 293—295.
- Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александр. Вас.**, фельдмарш., род. 1729 г., † 1800 г., т. XCIII, мартъ, 682, т. XCV, авг., 400, 406—409, сент., 524, 526, 577, 578, томъ XCVI, нояб., 301, 414, декаб., 493, 512.
- Суворовъ**, капитанъ егерск. полка 1877 г., т. XCIV, июнь, 657.
- Суворовъ, кн.**, 1828 г., томъ XCIII, мартъ, 500.
- Суденко, I. М.**, владимірск. губерн. 1881 г., т. XCVI, окт., 141.
- Судьенковъ**, тайн. сов. 1811 г., т. XCVI, декаб., 666.
- Сумскій**, ген.-отъ-нф. 1828 г., томъ XCVI, декаб., 595.

- Суковинъ**, статсъ-секрет. 1858 г., т. ХСІІІ, февр., 320.
Сумаронова, М. П., 1801 г., т. ХСІІІ, янв., 152.
Сумароковъ, об.-штабмейст. 1752 г., т. ХСІV, апр., прилож., 290.
Сумароковъ, сенат. 1830 г., т. ХСІV, апр., 45.
Сумароковъ, ген.-лейт. 1751 г., томъ ХСІІІ, февр., прилож., 271.
Сумбатова, княгиня, 1850 г., т. ХСІІІ, февр., 378.
Суханинъ, Е. В., миров. посредн. 1863 г., т. ХСV, авг., 359, 360.
Суховаветъ, Ив. Онуфриев., воен. мин., р. 1788 г., † 1861 г., т. ХСІV, май, 260, 261.
Суховаветъ, Н. О., намѣстн. Царства Польскаго, 1862 г., т. ХСІV, июнь, 556, 557, 560, 561.
Сухопрудскій, управл. дѣлами комитета министровъ, томъ ХСІV, апр., 26.
Сухтеленъ, гр., Петръ Корниліев., 1828 г., т. ХСІІІ, мартъ, 511, 513, т. ХСVІ, окт., 104, декаб., 483.
Судо, Мих., валахск. господарь 1784 г., т. ХСVІ, декаб., 638, 645—647.
Сущевъ, васильскій предв. дворян. 1857 г., т. ХСІV, июнь, 616, 624, т. ХСV, июль, 73.
Сычинскій, москов. полиціймейст. 1861 г., т. ХСІV, июнь, 595, 596.
Сѣраковскій (Доленго), Сигизмундъ, предв. повст. въ Литвѣ, † 1863 г., т. ХСІV, май, 284, т. ХСVІ, нояб., 271.
Сѣровъ, А., композит., т. ХСІV, май, 353, 370, 373.
- Т.**
- Тамара**, М. М., 1860 г., томъ ХСІV, апр., 53.
Танъевъ, Алексд. Серг., томъ ХСІV, май, 290.
Танъевъ, С. А., статсъ-секрет. 1837 г., т. ХСІІІ, февр., 262.
Тарново-Воричевскій, Ив. Петров., чл. совѣта мин-ва путей сообщ., т. ХСІV, апр., 37.
Тарновскіе, графы, 1831 г., т. ХСІV, май, 280.
Тарновскій, В., помѣщ. 1860 г., томъ ХСІV, апр., 52.
Тарновскій, Ник. Як., сообщ.: „Письмо князя М. И. Кутузова-Смоленскаго курскому городскому головѣ, 1812 г.“, т. ХСІV, май, 346.
Тарновскій, Станиславъ, 1863 г., т. ХСV, июль, 48, авг., 299, 310, 311.
- Татаряновъ**, А. Н., 1861 г., т. ХСІІІ, янв., 75.
Татящевъ, С. С., т. ХСІІІ, янв., 97, 98.
Татящевъ, Александр. Ив., воен. мин. 1825 г., т. ХСVІ, нояб., 332, 352, декаб., 591, 612.
Татящевъ, слб. генер.-полиціймейст. 1748 г., т. ХСІІІ, янв., прилож., 249.
Татящевъ, ген.-крискомис. 1823 г., т. ХСV, сент., 536, т. ХСVІ, окт., 58—61.
Тепловъ, сенат. 1812 г., томъ ХСVІ, декаб., 509, 514.
Терлецкій, всендѣз, т. ХСV, сент., 653, 654.
Терликовы, педагогн 1813 г., томъ ХСІV, май, 268.
Теряевъ, Анд. Мих., профес. 1816 г., т. ХСVІ, окт., 54.
Тимашевъ, мин. вн. дѣлъ 1866 г., т. ХСVІ, окт., 91, нояб., 375.
Тимковский, чл. миссии въ Китай, т. ХСV, сент., 561.
Тимофьева, Е. Д., рожд. Краунтъ, нач-ца Тамбовск. института 1859 г., т. ХСІІІ, мартъ, 578.
Тимошукъ, В. В., сообщ.: „Россія и Германія въ XIX в.“, т. ХСІV, июнь, 465—489, т. ХСV, июль, 3—31, авг., 241, 269, сент., 481—516, т. ХСVІ, окт., 3—29, нояб., 241—262. Перев. зап. Чайковскаго, ян. февр., мартъ—дек.
Титова, г-жа, см. Хрептовичъ.
Титовъ, послан. въ Константинополь, т. ХСІV, апр., 191, т. ХСV, авг., 464.
Товяжскій, Андрей, польск. мистръ, р. 1799 г., † 1878 г., т. ХСІІІ, мартъ, 669, 670.
Толстая, Елена Алексѣев., т. ХСІV, май, 290.
Толстая, гр-на, С. А., т. ХСІV, июнь, 640, 642.
Толстой, гр., Алексѣй Конст., писатель, р. 1834 г., † 1875 г., т. ХСІV, май, 340, 341, июнь, 642.
Толстой, гр., А. П., об.-прокур. Синода 1857 г., т. ХСVІ, окт., 110—112.
Толстой, гр., Дм. Андреев., мин. нар. просв., р. 1823 г., † 1889 г., т. ХСІV, апр., 157, май, 236.
Толстой, гр., Петръ Александр., главноком. резервн. арміи 1830 г., т. ХСІІІ, мартъ, 505, 517, т. ХСVІ, нояб., 266, декаб., 595.
Толстой, гр., Фед., декаб., т. ХСVІ, нояб., 344.
Толстой, Теофилъ Матвѣев., т. ХСVІ, декаб., 545.
Толстой, гр., ген. 1806 г., т. ХСІV, апр., 224.
Толстой, гр., чл. нижегород. комит.

- по крестьянск. дѣламъ 1858 г., т. ХСV. июль, 75.
- Толь**, гр., Е. Н., сообщ.: „Собственноручное письмо А. С. Пушкина къ графу К. Ѳ. Толю“. 1837 г., т. ХСІІІ, янв., 48.
- Толь**, гр., Карлъ Ѳед., ген., р. 1777 г., † 1842 г., т. ХСІІІ, янв., 48, февр., 415, т. ХСVІ, окт., 151, 156, нояб., 412, 413, декаб., 617.
- Тонъ**, архитект., томъ ХСVІ, нояб., 391, 393.
- Тормасовъ**, ген.-отъ-кавал., 1814 г., т. ХСІІІ, янв., 224, т. ХСVІ, нояб., 384.
- Торнау**, баронъ, 1850 г., т. ХСІІІ, февр., 389.
- Торсузовъ**, Ардаліонъ Александр., ген. 1807 г., т. ХСV, июль, 231.
- Тотлебенъ**, гр., Эдуардъ Ив., инженер., р. 1818 г., † 1884 г., т. ХСІІІ, мартъ, 547, 548, т. ХСVІ, декаб., 710, 712, 714.
- Траверсе**, маркизъ, морск. мин. 1800 г., т. ХСІІІ, янв., 110, т. ХСVІ, окт., 104, нояб., 359.
- Траугутъ**, 1863 г., томъ ХСV, авг., 316, 320.
- Треполь**, варшавск. об.-полиціймейст. 1860 г., т. ХСІV, июнь, 546, 547, 550, 551.
- Третьякова**, Елена Андреев., томъ ХСІV, май, 362.
- Третьяковъ**, Сер. Мих., 1870 г., т. ХСІV, май, 362.
- Тройницкій**, Алсл. Григор., редакт. „Одесск. Вѣстн.“, тов. ми-ра вн дѣлъ 1861 г., † 1871 г., т. ХСІІІ, янв., 62, февр., 314, 319, мартъ, 484, т. ХСІV, апр., 205—215, т. ХСVІ, нояб., 469—474.
- Тройницкій**, Г. А., сообщ.: „Письма разныхъ лицъ къ А. Г. Тройницкому“ 1837—1866 г., т. ХСІV, апр., 205—215.
- Троцкий**, Виталий Николаев., ген.-ад., началн. с.-в. края 1897 г., т. ХСV, июль, 68, т. ХСVІ, декаб., 697.
- Трошинскій**, Д. П., мин. удѣловъ 1803 г., т. ХСІV, апр., 82, т. ХСІV, декаб., 588.
- Трубецкой**, кн., Никита Юрьев., 1752 г., т. ХСІV, апр., прилож., 301, 303.
- Трубецкой**, кн., 1764 г., томъ ХСVІ, окт., 133.
- Трубецкой**, кн., Серг. Петр., декабр., р. 1790 г., † 1860 г., т. ХСVІ, нояб., 336—352.
- Трубиновъ**, писат. 1857 г., т. ХСІІІ, февр., 273.
- Туманскій**, цензоръ 1800 г., т. ХСІV, май, 233, т. ХСVІ, декаб., 550.
- Тургенева**, Ольга Ив., 1859 г., томъ ХСІІІ, февр., 266, 267.
- Тургеневъ**, Александр. Мих., писатель, р. 1784 г., † 1845 г., т. ХСІІІ, февр., 267, 268, мартъ, 466, т. ХСІV, май, 403, 405, т. ХСVІ, нояб., 316, 317, декаб., 552.
- Тургеневъ**, Ив. Сергѣев., писатель, р. 1812 г., † 1883 г., т. ХСІІІ, янв., 87, февр., 272, 273, т. ХСVІ, нояб., 298.
- Тургеневъ**, Никол. Ив., декабр., т. ХСІІІ, февр., 328, т. ХСVІ, ноябр., 344.
- Тутолинъ**, Тим. Ив., москов. воен. губернат. 1795 г., т. ХСV, сент., 582 т. ХСVІ, декаб., 488—491.
- Тучковъ**, Пав. Алексѣев., московск. ген.-губ. 1861 г., т. ХСІV, июнь, 592—594, т. ХСV, июль, 96, авг. 471.
- Тучковъ**, Серг. Алексѣев., ген.-м., писат. 1816 г., т. ХСVІ, окт., 54.
- Тышковскій**, ст.-секрет. Царства Польскаго 1863 г., т. ХСІV, май, 283.
- Тышкевичъ**, гр., Викентій, 1795 г., т. ХСV, сент., 582.
- Тышкевичъ**, гр., Евстафій, 1863 г., т. ХСІV, май, 285.
- Тюринъ**, Александр. Ѳед., директ. канц. об.-прокурора Синода 1860 г., вполн. сенат., род. 1823 г., † 1872 г., т. ХСVІ, окт., 107—116.
- Тюринъ**, Ѳед. Леонтьев., математикъ, директ. Херсонск. губерн. гимназ. 1823 г., т. ХСVІ, окт., 108.
- Тюра-Джанъ**, сынъ бухарск. эмира 1870 г., томъ ХСV, авг., 273—290, сент., 632—649.

У.

- Убри**, дипломатъ 1839 г., т. ХСІV, апр., 19, июнь, 531, т. ХСV, июль, 48, сент., 505, 509, т. ХСVІ, окт., 68, 102.
- Уваровъ**, гр., Ал. Серг., археологъ. † 1884 г., т. ХСІІІ, мартъ, 490.
- Уваровъ**, гр., Серг. Семен., мин. народн. просв., † 1835 г., т. ХСІV, май, 337, томъ ХСVІ, нояб., 386, 390, 392.
- Улыбышевъ**, д. ст. сов. 1857 г., т. ХСІV, июнь, 616.
- Ушаковъ**, адм. 1807 г., томъ ХСVІ, декаб., 716.

Ф.

- Фавелинъ**, докт. 1877 г., томъ ХСVІ, нояб., 423.

- Фадѣевъ**, Ростиславъ, саратовск. губернат., воен. писат., т. ХСIII, янв., 206, 207, т. ХCV, авг., 327, 331, 332.
- Фальконетъ**, г-жа, см. Колде.
- Фальконетъ**, Марія-Люція, въ замуж. баронесса Янковичъ, томъ ХСIV, июнь, 574.
- Фальконетъ**, Петръ, художн. 1887 г., т. ХСIV, июнь, 573.
- Фальконетъ**, Этьенъ, скульпт., томъ ХСIV, июнь, 573—575.
- Фаресовъ**, А., сообщ.: „Изъ воспоминаній объ одиночномъ заключеніи“, т. ХCV, сент., 593—610.
- Фешлеръ**, Георгъ, учит. 1798 г., т. ХСIV, 230.
- Фединскій**, Сигизмундъ, варшавск. архіеп. 1862 г., т. ХСIV, июнь, 561, т. ХCV, июль, 51, авг., 320.
- Фельднеръ**, В. И., т. ХСIII, февр., 408.
- Ферреро**, Ив. Осипов., арт. 1858 г., т. ХСIV, май, 352, 355.
- Ферморъ**, ген. 1759 г., т. ХСIII, янв., 123, мартъ, прилож., 288, т. ХСIV, апр., 290.
- Фесслеръ**, плюминатъ 1808 г., томъ ХCVI, декаб., 526, 527, 530, 531.
- Фигнеръ**, партизанъ 1812 г., т. ХCV, июль, 100, т. ХСVI, окт., 163, 164.
- Филаретъ** (Василій Дровядовъ), митр. московск., род. 1782 г., † 1867 г., т. ХСIV, апр., 148, т. ХСVI, окт., 144—147.
- Филаретъ** (Гумилевскій), епископъ рижск. съ 1841—1858 г., впоследд. архіеп. чернигов., р. 1805 г., † 1866 г., т. ХСIV, май, 317, т. ХСVI, декаб., 692.
- Филаретъ** (Федоръ Никитичъ), патриархъ, † 1633 г., т. ХСVI, нояб., 448, 449.
- Филаретъ**, рект. Кіевск. акад. 1864 г., т. ХСVI, окт., 118.
- Филипповъ**, М. А., сообщ.: „Профессоры братья Бруны“, томъ ХСIII, янв., 111—120, упом., томъ ХСIV, апр., 133—136.
- Фицтумъ-фонъ Экштеттъ**, А. Ив., инспект. студ. 1858 г., т. ХСIV, май, 351—353.
- Фіялковскій**, архіеп., † 1861 г., т. ХСIV, июнь, 551, 556, 558.
- Фомъ**, ген. 1807 г., т. ХCV, авг., 480.
- Фонбрюнъ**, 1797 г., т. ХCV, авг., 395—400.
- Фонтопъ**, послан. въ Франкфуртъ 1857 г., т. ХСVI, декаб., 576.
- Фотій** (Петръ Никитичъ Спасскій), архим., настоят. Новгород. Юрьев. монаст., р. 1792 г., † 1838 г., томъ ХСIII, февр., 367—370, мартъ, 539—541, т. ХСIV, апр., 145, т. ХСVI, декаб., 533, 534, 608.
- Франковскій**, участн. повст. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 545.
- фонъ-Фростенъ**. Яковъ, полковн. 1675 года, т. ХСIII, мартъ, 635—649.
- Фулонъ**, Ив. Александр., фл.-ад. 1878 г., т. ХСIV, май, 389.
- Фулонъ**, Фед. Александр., ген.-м., † 1878 г., т. ХСVI, декаб., 708.
- Фундузей**, т. ХСIII, янв., 119.
- Фуссъ**, акад. 1795 г.; т. ХСIII, февр., 234, т. ХСIV, апр., 9, май, 227, 231, т. ХСVI, нояб., 385, 386.

X.

- Ханьзовъ**, тульск. помѣщ. 1862 г., т. ХCV, авг., 344.
- Хардинъ**, уѣздн. предвод. дворян. Саратов. губ. 1860 г., т. ХСVI, окт., 70, 72, 73.
- Хвостовъ**, гр., Д. И., писат., томъ ХСIII, мартъ, 586, т. ХCV, авг., 336, сент., 686, т. ХСVI, окт., 54.
- Хвоцинская**, Елена Юрьев., рожд. княжна Голицына, ея воспоминанія, т. ХСIII, мартъ, 559—585, т. ХСIV, апр., 137—148, май, 407—421, июнь, 631—644, т. ХCV, июль, 157—174.
- Хилковъ**, кн., Дм., секретарь им-цы Маріи Феодоровны 1827 г., т. ХСIII, янв., 103, мартъ, 519.
- Хитрово**, егермейст. 1752 г., т. ХСIV, апр., прилож., 291.
- Хлаповскій**, Тадеушъ, польск. патриотъ 1863 г., т. ХСIV, май, 280.
- Хлопицкій**, диктаторъ 1831 г., томъ ХСIII, мартъ, 676, т. ХСIV, апр., 171.
- Хованскій**, кн., В. Ал., об.-прокур. Св. Синода 1798 г., т. ХCV, авг., 412.
- Ховенъ**, ген.-м., тифлис. губернат. 1843 г., т. ХСIII, янв., 191.
- Хозько**, польск. писат. 1863 г., томъ ХСIV, май, 285.
- Хоментовскій**, подпоруч. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 659.
- Хомяковъ**, Алексѣй Степ., писат., р. 1804 г., † 1860 г., т. ХСIII, мартъ, 486, 544, т. ХСVI, нояб., 316, 317, 327, декаб., 551, 564, 570.
- Хотяиндаль**, А. А., 1857 г., т. ХСIV, июнь, 616.
- Хотяинцевъ**, В. А., арзамасск. предв. двор. 1857 г., т. ХСIV, июль, 616.
- Храповицкій**, Платонъ Юрьев., 1792 года, т. ХСVI, декаб., 590.
- Храповицкій**, слб. ген.-губернат. 1846 г., т. ХCV, сент., 538, т. ХСVI, декаб., 610—613.
- Хрептовичъ**, въ зам. Титова, томъ ХСIV, апр., 191.

Хрептовичъ, гр., гофмейст. вел. кн. Константина Николаевича 1862 г., т. ХСIV, июнь, 567, т. ХCV, июль, 50.
Хржановскій, ген. польск. войскъ 1830 г., т. ХСIII, февр., 457, мартъ, 668, 673, 675, т. ХСIV, апр., 162, 190—196, май, 427, т. ХCV, авг., 454—460, сент., 654, т. ХCVI, окт., 174, 176, 184.
Хрусталева, ценозоръ 1857 г., томъ ХСIII, февр., 323.
Хрущевъ, ген. 1861 г., томъ ХСIV, июнь, 558.

Ц.

Цабель, арт.-арф., 1858 г., т. ХСIV, май, 355.
Цахъ, бар., директ. Зеебергской астрономич. обсерватор. 1798 г., томъ ХСIV, май, 245.
Цвѣтковъ, И., сообщ.: „Изъ университета въ острогъ“, т. ХСIII, мартъ, 587—606.
Цейдлеръ, ген.-лейт. 1893 г., томъ ХCVI, декаб., 694, 697.
Целецкий, Владимиръ, 1863 г., томъ ХCV, июль, 44.
Церетелевъ, кн., офиц. 1897 г., т. ХСIV, июнь, 652.
Цыпуричъ, презид. медич. акад. въ Варшавѣ 1863 г., т. ХСIV, июнь, 544.
Цурижовъ, П. Н., сообщ.: „Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры“, т. ХCVI, окт., 151—167, нояб., 397—419.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлев., писат., р. 1793 г., † 1856 г., т. ХCVI, нояб., 314, 317, 321, декаб., 563, 564, 585.
Чавчавадзе, князь, 1856 г., т. ХСIII, февр., 398, 399.
Чайковский, Мих. (Мехмедъ-Садыкъ паша), † 1886 г., его записки, томъ ХСIII, февр., 437—464, мартъ, 651—681, т. ХСIV, апр., 161—200, май, 423—453, июнь, 671—694, т. ХCV, июль, 197—231, авг., 435—464, сент., 651—685, т. ХCVI, окт., 169—209, нояб., 451—468, декаб., 667—689.
Чайковский, Мих. (сынъ), т. ХСIII, мартъ, 667.
Чайковский, П., т. ХСIV, май, 355, 364, 370, 373.
Чайковский, Христофоръ, 1830 г., т. ХCV, июль, 201.
Чаплинъ, Конст. Алексѣев., капит. 1877 г., т. ХСIV, апр., 121.

Чаршовская, г-жа, 1835 г., т. ХСIII, мартъ, 671, 672.
Чарторыйская, княг., Анна, томъ ХСIII, февр., 441, 449, 453, мартъ, 651, 671, июнь, 672, т. ХCV, июль, 223.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, † 1861 г., томъ ХСIII, янв., 172, 173, февр., 334—347, 428—463, мартъ, 652—681, т. ХСIV, апр., 161—191, май, 248, 273—282, 427, 448, июнь, 546, 553, 556, июль, 672—693, т. ХCV, июль, 26, 28, 54, 202—223, авг., 313—315, 435—464, сент., 651—685, т. ХCVI, окт., 176—201, декаб., 485, 676, 682.
Чарторыйскій, кн., Витольд., т. ХСIII, февр., 454, мартъ, 651, 652, т. ХCV, авг., 453, 458, 459.
Чарторыйскій, кн., Владиславъ, т. ХСIV, май, 265—286, июнь, 532—568, т. ХCV, июль, 45, 48, 53, авг., 300, 319.
Чацкий, Ѳаддей, визитаторъ училищъ съ 1803—1813 гг., т. ХСIII, февр., 428—430.
Чекмаревъ, полковн. 1877 г., т. ХCV, июль, 195.
Черевинъ, полковн. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 670, т. ХCV, июль, 176.
Черкасскій, кн., Влад. Александр., управл. гражд. частью въ Болгарин, 1877 г., † 1878 г., т. ХCV, июль, 68, т. ХCVI, декаб., 708.
Чернушовъ, майоръ 1799 г., т. ХCV, авг., 408.
Чернышевскій, т. ХCVI, декаб., 583.
Чернышевъ, гр., Александр. Ив., воен. мин., † 1852 г., т. ХСIII, янв., 103, 109, 169—181, февр., 405, 423, мартъ, 504, 505, 515, 516, т. ХCV, июль, 155, 156, сент., 536, 540, 546, т. ХCVI, нояб., 333, 336, 347, декаб., 522—537, 547, 595—612.
Черняевъ, Мих. Григ., ген., томъ ХCVI, окт., 84.
Чертковъ, Н. Д., ген.-лейт., т. ХСIII, февр., 411.
Чертовъ, полковн. 1818 г., т. ХСIII, янв., 176.
Четвертаковъ, Ермолай Васильев., унт.-оф. Киевск. драгун. пол., партизанъ 1812 г., р. 1781 г., т. ХCV, июль, 95—102.
Чечекскій, полковн. 1818 г., т. ХСIII, янв., 182.
Чешихинъ, Евграфъ Васил., основат. и редакт. газеты „Рижскій Вѣстникъ“, р. 1824 г., † 1888 г., т. ХСIII, мартъ, 543—557, томъ ХСIV, май, 313—333.
Чижовъ, акад. 1893 г., томъ ХCVI, декаб., 694, 697.
Чихачевъ, т. ХCVI, декаб., 620.

Чичаговъ, Пав. Васил., адм. 1807 г., т. ХСVI, декаб., 499.
Чичаговъ, ген. 1812 г., томъ ХСVI, нояб., 416.
Чичаговъ, ст. сов. 1830 г., т. ХСIV, апр., 38.
Чирли, арт.-флейтистъ 1858 г., томъ ХСIV, май, 355.
Чолоковъ, Никол. Наумов., камергеръ 1752 г., т. ХСIV, прилож., апр., 291.

III.

Шаликовъ, кн., писат., т. ХСV, сент., 534, т. ХСVI, окт., 44.
Шамбо, Ив. Павлов., секретарь им-цы Александры Ѳеодоровны, 1837 г., т. ХСVI, нояб., 366.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. ХСV, авг., 436—453.
Шахматовъ, А. А., помѣщ. Саратов. губ. 1860 г., т. ХСVI, окт., 73.
Шахматовъ, камергеръ, т. ХСIV, апр., 93.
Шаховской, кн., писатель, т. ХСIII, мартъ, 527—529, 586.
Шаховской, кн., ген. провіантмейст. 1807 г., т. ХСVI, декаб., 500.
Шварцъ, Брониславъ, 1863 г., т. ХСV, авг., 309.
Шварцъ, участн. повстан. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 562.
Шварцъ, акад., художн., т. ХСIV, май, 290.
Шенченко, Тарасъ Григ., писатель, т. ХСIII, янв., 119, т. ХСIV, апр., 136.
Шевыревъ, Борися Степан., т. ХСVI, декаб., 575.
Шевыревъ, Степ. Петров., профес., писат., р. 1806 г., † 1864 г., томъ ХСIII, янв., 89, февр., 329, т. ХСIV, апр., 109, т. ХСVI, нояб., 299—329, декаб., 552, 584.
Шекинъ, М. Б., бояринъ, т. ХСVI, нояб., 439—450.
Шенрокъ, В., сообщ.: „П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ“, томъ ХСIII, мартъ, 521—536, т. ХСIV, апр., 97—110; „Къ биографіи Н. В. Гоголя“, июнь, 605—608.
Шепелевъ, Дм. Андреев., об.-гофмаршалъ 1752 г., т. ХСIII, мартъ, прил., 280, т. ХСIV, апр., прилож., 299.
Шепелевъ, поруч. л.-гв. Преображ. пол. 1797 г., т. ХСVI, окт., 64.
Шервудъ-Вѣрный, т. ХСVI, декаб., 536.
Шереметова, Пелагея Вас., см. Муравьева.

Шереметевъ, Б. П., фельдмаршалъ 1712 г., т. ХСIII, мартъ, 635.
Шереметевъ, Васил. Петров., капит.-поруч. 1818 г., т. ХСVI, нояб., 265.
Шереметевъ, гр., Павелъ, сообщ.: „И. Ѳ. Горбуновъ: „О нѣкоторомъ зайцѣ“, т. ХСIII, мартъ, 537—541.
Шереметевъ, С. В., ген. 1853 г., т. ХСV, июль, 75, 84 85.
Шерръ, Александ., англ. консулъ въ Спб. 1800 г., т. ХСVI, окт., 102—104.
Шестакова, Людм. Ив., рожд. Глинка, т. ХСIV, май, 353.
Шестаковъ, П. Д., писпект. студ. московск. унив. 1861 г., пошеит. Казанск. учебн. окр., † 1890 г., томъ ХСIV, июнь, 593, 598, 599.
Шильдеръ, Никол. Карлов., ген.-лейт., писат., сообщ.: „Изъ воспоминаній Михайловскаго-Даннлевскаго“, т. ХСIII, янв., 159—184. „Императоръ Николай I въ 1832 г. Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа“, февр., 281—295, „Юбилей вел. князя Михаила Павловича 1848 г.“, 421—424, „Отъ Парижа до Вильны. Походженія французскаго военнаго врача въ 1812 г.“, томъ ХСV, июль, 103—120, „Воспоминанія князя Станислава Понятовскаго. 1776—1809 г.“, сент., 565—592, „Два доноса въ 1831 году“, декаб., 517—538. Упом. томъ ХСVI, окт., 97, декаб., 717.
Шипова, въ зам. Думашева, т. ХСIII, февр., прилож., 257.
Шиповъ, Ив., декабр., томъ ХСVI, нояб., 344.
Шкляевъ, книгопродав. 1831 г., т. ХСVI, нояб., 314.
Шихматовъ, кн., писат., т. ХСV, авг., 336.
Шихшовъ, Александр. Семенов., мн-ръ народн. просв., † 1841 г., т. ХСIII, мартъ, 586, т. ХСIV, июнь, 604, т. ХСVI, декаб., 505.
Шиктеръ, Никол. Петров., фл.-ад., † 1877 г., т. ХСIV, май, 386, 389.
Шляпкинъ, И., сообщ.: „Грѣхонаденіе перваго человѣка въ литературѣ. Карриатура 1837—38 гг.“, т. ХСIII, февр., 327—332, „Медицинскія разсужденія о нынѣшнемъ состояніи здравія европейскнхъ дворян. 1734 г.“, томъ ХСVI, окт., 149—150.
Шмитъ, полковн., команд. Павловск. пол. 1877 г., т. ХСV, авг., 430.
Шомпухевъ, В. А., сообщ.: „Чужое имя“, т. ХСIV, апр. 91—95, „Мнимоумершій. Изъ записокъ стараго помѣщика“, май, 347—350, „Провинціальныя типы сороковыхъ го-

- довъ", т. ХСV, авг., 321, 335, „Во время реформъ императора Александра II", т. ХСVI, окт., 69—91, нояб., 367—383.
- Шрадеръ, Иоганнъ-Готтлибъ, профес. 1797 г., т. ХСIV, апр., 6—8, 11.
- Шредеръ, пѣвица 1870 г., т. ХСIV, май, 359.
- Штакельбергъ, гр-ня, 1812 г., томъ ХСIII, мартъ, 495.
- Штевентъ, Алексѣй Христіанов., д. ст. сов. 1857 г., томъ ХСIV, июнь, 615—619, 620, т. ХСV, июль, 76.
- Штейнгель, бар., Влад. Ив., декабр., т. ХСVI, нояб., 342, 353.
- Штейнгель, ген. 1812 г., т. ХСVI, нояб., 416.
- Штейнъ, ген. 1877 г., томъ ХСVI, нояб., 434.
- Штелинь, акад. 1766 г., т. ХСIII, февр., 226.
- Штофрегенъ, докт. 1827 г., т. ХСIII, янв., 103.
- Шубертъ, В., профес. консерваторіи 1898 г., т. ХСIV, май, 352.
- Шубертъ, Карлъ, арт.-виолончелистъ 1858 г., т. ХСIV, май, 351—355.
- Шубертъ, Р., альтистъ-любитель 1858 года, т. ХСIV, май, 352.
- Шубертъ, акад. 1795 г., т. ХСIII, февр., 234, 235, 238, т. ХСIV, апр., 6, май, 231—243.
- Шувадова, гр-ня, 1792 г., т. ХСVI, декаб., 589.
- Шувадовъ, гр., Александр. Ив., ген.-ад. 1748 г., т. ХСIII, янв., февр., мартъ, прилож., 241—288, т. ХСIV, апр., май, прилож., 289—306.
- Шувадовъ, гр., Никол., прапорщ. 1752 г., т. ХСIII, мартъ, прилож., 286.
- Шувадовъ, гр., Пав. Андреев., оф. д.-тв. Преображ. пол. 1877 г., томъ ХСIV, июнь, 669, т. ХСV, июль, 195, 196, авг., 413, 430, сент., 706, томъ ХСVI, окт., 214, нояб., 431, 432, декаб., 701.
- Шувадовъ, гр., Петръ Ив., ген.-лейт. 1748 г., т. ХСIII, янв., февр., мартъ, прилож., 241—288, т. ХСIV, апр., прил., 289—304.
- Шувадовъ, гр., Петръ Ив., 1753 г., т. ХСIV, май, 334.
- Шувадовъ, фл.-ад. 1796 г., т. ХСVI, окт., 96.
- Шувадовъ, гр., послан. въ Лондонъ 1854 г., т. ХСVI, окт., 21, 22, 67.
- Шуйскій, Василій, царь 1606 г., т. ХСVI, нояб., 447.
- Шуйскій, Дм., воевода, томъ ХСVI, нояб., 447.
- Шульгинъ, москов. об.-полиціймейст. 1825 г., т. ХСVI, нояб., 265.
- Шульцъ, П. А., т. ХСIV, апр., 217.
- Шульцъ, Эрнестъ-Кристофъ, профес. 1798 г., т. ХСIV, май, 229.
- Шумахеръ, А. Д., † 1897 г., т. ХСIV, апр., 218, 222, 223, июнь, 695, 696.
- Шумигорскій, Евг. Севастьянов., писат., историкъ, сообщ.: „Къ биографіи К. П. фонъ-Бауфмана", т. ХСIII, янв., 155—158, „Инструкція вел. кн. Павла Петровича великой княгинѣ Маріи Теодоровнѣ 1776 г.", февр., 247—261, „Скобеловы, дѣдъ и ввукъ. Материалы для ихъ биографіи", томъ ХСV, июль, 61—68, „Записка, предназначенная его императорскому высочеству вел. кн. Николаю Павловичу по случаю его путешествія за границу", авг., 291—298, „Н. М. Карамзинъ въ перепискѣ съ императрицей Маріей Теодоровной", т. ХСVI, окт., 31—40, „Переписка В. А. Жуковскаго съ императрицей Маріей Теодоровной и Г. И. Вилламовымъ", нояб., 363—366.
- Шумскій, артистъ 1840 г., т. ХСIV апр., 110.
- Шушеринъ, полковн. 1818 г., томъ ХСIII, янв., 182.

Щ.

- Щепкинъ, Мих. Сем., артистъ, род. 1788 г., † 1863 г., т. ХСIII, мартъ, 521—534, т. ХСIV, апр., 110, июнь, 595.
- Щербатовъ, кн., Мих. Мих., исторіографъ, сенат., р. 1733 г., † 1790 г., т. ХСIV, май, 302.
- Щербатовъ, кн., Саратов. губернскаго предводит., затѣмъ губернат. 1866 г., т. ХСVI, окт., 82, 87, 91, нояб., 368, 371—376.
- Щербатовъ, кн., ген. 1807 г., т. ХСV, авг., 467.
- Щербачевъ, лейтен. 1752 г., т. ХСIII, мартъ, прилож., 282, т. ХСIV, апр., прилож., 291.
- Щербининъ, М. П., писат. 1845 г., т. ХСIV, апр., 209.
- Щербинскій, коллежск. секрет. 1870 года, т. ХСV, авг., 271.
- Щуровскій, деканъ москов. универ. 1861 г., т. ХСIV, июнь, 593.

Э.

- Эбеллингъ, ген. 1877 г., томъ ХСIV, июнь, 652.
- Эдлингъ, гр-ня, т. ХСVI, декаб., 485.
- Эйлеръ, І. А., акад., конференцъ-

- секрет. акад. наукъ 1775 г., т. ХСIII, февр., 232, 239, т. ХСIV, май, 227, 231, 245.
- Эккъ**, Ник. Влад., врачъ 1877 г., т. ХСV, сент., 701.
- Эллисъ**, ген. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 669, т. ХСV, июль, 175, 182, авг., 413, т. ХСVI, декаб., 713.
- Эльжановскій**, Северианъ, 1863 г., т. ХСV, авг., 312.
- Эммануэль**, ген.-м. 1812 г., т. ХСV, июль, 98, 101, 102.
- Энгель**, сенат. 1828 г., т. ХVIII, янв., 104, 108, т. ХСVI, декаб., 595, 596.
- Энокъ**, ст.-секрет. 1863 г., т. ХСIV, май, 258.
- Эссенъ**, гр., П. К., спб. ген.-губ. 1840 г., т. ХС V, сент., 527.
- Эссенъ**, ген. 1805 г., т. ХСV, июль, 123, 124, авг., 476—478.
- Эшманъ**, чл. нижегород. комит. по крестьян. дѣламъ 1857 г., т. ХСIV, июнь, 624, т. ХСV, июль, 73.

Ю.

- Юльянъ**, П. Л., т. ХСIV, июнь, 609—612.
- Юрасовскій**, Денисъ Васильев., капит. 1775 г., т. ХСVI, окт., 210.
- Юргенсъ**, Эдуардъ, чиновн. 1863 г., т. ХСIV, май, 285.
- Юргенсъ**, участн. повст. 1863 г., т. ХСIV, июнь, 547, 564.
- Юсуповъ**, кн. д. тн. сов. 1798 г., т. ХСIV, май, 231—234.
- Юшакскій**, офиц. 1877 г., т. ХСIV, июнь, 682, 686.
- Юшковъ**, камергеръ 1823 г., т. ХСVI, окт., 58.

Я.

- Яблоновскій**, Владиславъ, 1863 г., т. ХСV, авг., 310.
- Яблоновскій**, князь, 1781 г., т. ХСV, сент., 569.

- Языковъ**, Никол. Мих., писат., род. 1803 г., † 1846 г., т. ХVCI, нояб., 316, декаб., 551, 566.
- Языковъ**, вице-адм. 1812 г., т. ХСIV, апр., 204.
- Языковъ**. д. ст. сов. 1827 г., т. ХСIII, янв., 107.
- Язоби**, Б. С., акад. 1861 г., т. ХСIV, май, 235.
- Язубинскій**, полковн. 1840 г., томъ ХСV, авг., 326, 327.
- Язубовичъ**, кап. декабр., т. ХСVI, нояб., 336, 339, 340.
- Язупинъ**, декабр., т. ХСVI, нояб., 352.
- Янищъ**, въ зам. Павлова, т. ХСVI, декаб., 575.
- Янковскій**, участн. повст. 1863 г., т. ХСIV, май, 285, июнь, 545.
- Янковичъ**, баронъ, венгерск. дворянинъ 1890 г., т. ХСIV, июнь, 574.
- Янушевичъ**, Евстафій, офиц. польскнхъ войскъ 1830 г., томъ ХСIII, февр., 463, 464.
- Ярошинскій**, участн. повст. 1862 г., т. ХСIV, июнь, 564.
- Яшеровъ**, В. В., дворянинъ 1861 г., т. ХСIV, июнь, 621.

Ө.

- Өадѣвъ**, генер. 1850 г., томъ ХСIII февр., 373.
- Өедоровъ**, П. С., начальн. репертуара спб. театровъ 1871 г., т. ХСIV, май, 361, 362.
- Өедоръ Алексѣевичъ**, царь, † 1682 г., т. ХСIII, мартъ, 645—649.
- Өеогность**, архіеп. владимірскій 1882 года, т. ХСVI, окт., 117.
- Өеоктнстовъ**, Евг. Мих., томъ ХСIV, май, 344.
- Өеофанъ**, архимандр. довской 1865 г., т. ХСVI, декаб., 523.
- Өеофилактъ**, архнеписк. рязанск. 1811 г., т. ХСVI, декаб., 527.

Указатель составила Вѣра Васильевна Тимошукъ.

30-й годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1899 г.
изданія на иллюстрированный журналъ

НИВА

выходящій еженедѣльно, со многими бесплатными приложениями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1899 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себя въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

Полное собраніе сочиненій И. А. ГОНЧАРОВА,

которое является **ПЕРВЫМЪ** по полнотѣ содержанія: такъ какъ въ него войдутъ рассказы Гончарова, не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ, стоящихъ въ отдельной продажѣ 18 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе одного 1899 года, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ „Сборника Нивы“, по одному тому въ началѣ каждаго мѣсяца. Содержаніе отдельныхъ томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Портретъ и фансимиле И. А. Гончарова. — Биографическій очеркъ С. А. Венгерова. — Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки. — Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. **ТОМЪ II.** Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть II. **ТОМЪ III.** Обломовъ. Романъ 4-хъ частяхъ. Части I и II. **ТОМЪ IV.** Обломовъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части III и IV. **ТОМЪ V.** Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Главы I—V. **ТОМЪ VI.** Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Главы I—VIII. Часть II. Главы I—IV. **ТОМЪ VII.** Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Главы V—IX. **ТОМЪ VIII.** Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Части I и II. **ТОМЪ IX.** Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть III. **ТОМЪ X.** Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Части IV и V. **ТОМЪ XI.** Три очерка: I. Литературный вечеръ. II. Миллионъ терзаній. III. Замѣтки о личности Бѣлинскаго. — Иванъ Савичъ Подмабринь. Очеркъ. **ТОМЪ XII.** Воспоминанія: I. Въ университетѣ. II. На родинѣ. — Слуги стараго вѣка: I. Валентинъ. II. Антонъ. III. Степанъ съ семьей. IV. Матвѣя. Очерки: Превратность судьбы. Май мѣсяцъ въ Петербургѣ.

Соч. Гончарова могутъ быть приобретены въ видѣ бесплатнаго приложения только въ теченіе 1899 г. и отдѣльно отъ „Нивы“ не продаются.

12 КНИГЪ **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПARIЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпиленныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1899 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Нивы“ со всѣми вышеозначенными приложениями: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ — 5 р. 50 к. 2) въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печниковой, Петровскія линіи) — 6 руб. 25 к., и 3) въ Одессѣ (въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12) — 6 р. 50 к. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 6 р. 50 к. Съ пересылкою во всея города и мѣстности Россіи 7 руб. За границу 10 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1899 г. высылается, по первому требованію, бесплатно.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургѣ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА, въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ПЕРВЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ:

СОЧИНЕНІЯ
К. К. СЛУЧЕВСКАГО,

въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ гелиографюрой.

Въ это изданіе вошли всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевского, причеиъ первые три тома заключаютъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, въ томъ числѣ появившіяся въ текущемъ 1898 году въ печати „Пѣсни изъ «Уголка»“, послѣдніе три тома произведенія въ прозѣ.

Шесть томовъ «Сочиненій» К. К. Случевского изданы весьма изящно, отпечатаны на хорошей бумагѣ и заключаютъ въ себѣ: т. 1.—VII+368 страницъ, т. 2—IV+359 страницъ, т. 3—316 страницъ, т. 4—IV+443 страницы, т. 5—IV+454 стран. и т. 6—395 стр.,— всего XIX+2335 страницъ.

Цѣна за 6 томовъ — 8 р., съ пересылкою — 9 р., въ 6 изящныхъ колленкоровыхъ переплетахъ, съ красивыми тисненіями золотомъ и красками,—11 р., съ пересылкою—12 руб.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, д. № 22. Изданіе имѣется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Вышелъ №. 9-й журнала

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе П. П. Сойкина подъ редакц. д—ра философіи М. М. Филиппова.

СОДЕРЖАНІЕ № 9: 1) О нѣкоторыхъ основныхъ началахъ политической экономіи. Капиталъ. Доцента С. Булганова. 2) Генезисъ общества. Доцента В. Вагнера. 3) Человѣкъ и общество. Л. Кривизицаго. 4) Физиологическія бесѣды. Проф. А. Герцена. 5) Въ странѣ живыхъ ископаемыхъ. П. Шмидта. 6) Судьбы русской философіи. Нравственныя теоріи Вл. Соловьева. Стыдливость. М. Филиппова. 7) Теорія цѣнности Маркса передъ судомъ фетишиста П. Немдинова. 8) Температура насѣкомыхъ. Проф. Бахметьева. 9) Литературный обзоръ. 10) Научныя новости. 11) Библиографія. 12) Гельмгольцъ. Фарадеевская рѣчь. Пер. В. Тюрина. 13) Основы философіи химіи. Доцента М. Гольдштейна.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой СЕМЬ руб. (За границу ДЕСЯТЬ руб.). Полгода ЧЕТЫРЕ руб. Народнымъ учителямъ и учительницамъ, фельдшерамъ и фельдшерницамъ—уступка (пять рублей въ годъ, съ рассрочкой по желанію). Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. д. № 12.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

НАУЧНО - ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Словарь содержитъ подробное поясненіе терминовъ по вѣсімъ отраслямъ знанія, включая объясненіе географическихъ названій, свѣдѣнія по естественнымъ и общественнымъ наукамъ, историческія и литературныя данныя и библиографическія указанія. Словарь составитъ 60 печ. лист. или свыше 1,800 столбцовъ убористой печати. Вышли листы 1—14.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ пересылки четыре руб. съ перес. пять руб. Подписчики „Научнаго Обозрѣнія“ уплачиваютъ за журналъ со словаремъ десять руб. Подписка принимается въ конторѣ изданій П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

Редакторъ докторъ философіи М. Филипповъ.

Издатель П. Сойкинъ.

*

Императорское Московское Археологическое Общество,

имѣя въ виду громадное значеніе для науки русской исторіи невѣданныхъ по настоящее время историческихъ источниковъ, учредило особую Археографическую Комиссію, важнѣйшей задачей которой является собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ. Такое рѣшеніе Общества вызвано весьма разнообразными побужденіями, изъ которыхъ главное заключается въ современномъ положеніи въ Россіи архивовъ какъ частныхъ, такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ.

Въ общемъ наши архивы могутъ быть распределены на три большія группы. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести архивы и древлехранилища, устроенныя правительствомъ или учебными обществами и учрежденіями специально съ научными цѣлями. Таковы большинство столичныхъ архивовъ, собранія рукописей при музеяхъ и пр. Всѣ они имѣютъ спеціальныхъ работниковъ, занятыхъ изученіемъ состава рукописей, печатаніемъ ихъ и изданіемъ. Наконецъ, эти архивы доступны для ученыхъ занятій постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, наука можетъ ознакомиться съ хранящимися здѣсь историческими матеріалами.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся двѣ другія группы архивовъ.

Ко второй изъ нихъ можно отнести собранія документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, какъ напр. собранія коллекционеровъ, семейные архивы и другіе.

Наконецъ, третью группу составляютъ такіе архивы различныхъ правительственныхъ учрежденій, которые не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей; таковы напр., губернскіе архивы, областные, епархіальные, при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, казенныхъ и судебныхныхъ палатахъ, городскихъ думахъ и др. По точному смыслу дѣйствующаго законодательства въ означенныхъ архивахъ хранятся документы, необходимыя для справокъ по текущимъ дѣламъ. Но такъ какъ большинство ихъ учреждено еще при Екатеринѣ II, то съ теченіемъ времени въ этихъ архивахъ скопились дѣла, весьма важныя въ научномъ отношеніи и не нужныя для справокъ. Въ настоящее время въ большинствѣ архивовъ губернскихъ правленій и др. правительственныхъ мѣстъ можно найти документы XVII и даже XVI стол., не говоря уже о цѣнныхъ матеріалахъ для XVIII и нач. XIX вѣка.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ архивовъ могутъ быть отнесены собранія разнаго рода рукописей при монастыряхъ, церквяхъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Объ послѣднія категории архивовъ, т.-е. частные и справочные при казенныхъ учрежденіяхъ, поставлены въ такія условія, что остаются совершенно невѣстными наукѣ русской исторіи и потому не приносятъ ей надлежащей пользы. Разбросанные въ различныхъ уголкахъ нашего отечества, въ городахъ и часто въ селахъ, не будучи подъ наблюденіемъ лицъ, которые имѣли бы возможность заняться описаніемъ и изданіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ, — эти архивы лежатъ безъ пользы для науки и нерѣдко гибнутъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ. Между тѣмъ опытъ показалъ, что въ такихъ именно архивахъ встрѣчаются часто драгоцѣннѣйшіе документы, весьма важные для изученія исторіи. Помянуто, занимающіеся русскою исторіею не могутъ знать содержанія находящихся здѣсь матеріаловъ и даже далеко не всегда имѣютъ свѣдѣнія о самомъ мѣстонахожденіи такихъ архивовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, Императорское Московское Археологическое Общество пришло къ твердому убѣжденію въ томъ, что опасности вышеохарактеризованные архивы отъ забвенія, сдѣлать ихъ извѣстными, доступными и полезными для русской исторической науки можно только съ помощью широкаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу научнаго изученія нашего историческаго прошлаго. Поэтому, Императорское Московское Археологическое Общество обращается къ ученымъ живущимъ въ провинціи, дворянамъ, имѣющимъ семейные архивы, къ священникамъ, учителямъ, — вообще ко всемъ лицамъ, обладающимъ свѣдѣніями объ архивахъ, собраніяхъ рукописей, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать научнымъ цѣлямъ Общества доставленіемъ ему соотвѣтственныхъ указаній.

Просьба о доставленіи вышеозначенныхъ свѣдѣній, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее:

1. Для цѣлей науки важны свѣдѣнія о всякаго рода рукописныхъ памятникахъ, — независимо отъ времени ихъ написанія, какъ-то: о рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, обиховникахъ, грамотахъ и перепискѣ правительственныхъ

и частных лицъ,—вообще о памятникахъ бытового, экономического, литературнаго, родового, политическаго, военнаго и пр. характеровъ.

2. Относительно каждаго собранія рукописей весьма желательно было бы имѣть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія слѣд. рода: кому принадлежить архивъ и гдѣ находится (адресъ ¹⁾), какія именно въ немъ рукописи (перечень ²⁾), каталогъ ихъ или по крайней мѣрѣ общій обзоръ содержанія), какое обнимаютъ время, сколько ихъ; также полезно было бы знать, доступно ли описываемое собраніе (особенно частное) для обзорѣнія и ознакомленія съ нимъ съ учеными цѣлями.

3. Общество позволяетъ себѣ также обратиться съ просьбою къ учреждениямъ и лицамъ, влаждующимъ рукописями и документами, присылать ихъ для просмотра и описанія въ Общество, послѣ чего полученные документы будутъ съ признательностью возвращены ³⁾.

Если лица, описывающіе документы и рукописи, не считаютъ возможнымъ высылать самыя рукописи, то желательно было бы получить копія хотя бы съ наиболѣе важныхъ.

4. Конечно, въ интересахъ науки было бы весьма полезно имѣть по возможности полныя и точныя свѣдѣнія какъ о составѣ рукописей, такъ и объ ихъ содержаніи; тѣмъ же менѣе Общество покорнѣйше проситъ лицъ, веимѣющихъ возможность доставить полныя свѣдѣнія (напр., перечня рукописей), сообщать краткія.

Въ случаѣ невозможности сообщить обстоятельныя данныя о документахъ, были бы полезны по крайней мѣрѣ указанія на то, гдѣ какой существуетъ архивъ или собраніе дѣлъ, и къ кому слѣдуетъ обратиться за болѣе подробными справками.

5. Всѣ доставляемые въ Общество описанія архивовъ, копія съ документовъ, а также отчеты о присланныхъ ему для просмотра рукописяхъ, будутъ помѣщаемы цѣлкомъ или въ сокращеніи—смотря по научному значенію полученныхъ свѣдѣній—въ Трудяхъ Археологической Комиссіи.

6. Обращаясь съ просьбою о доставленіи свѣдѣній ко всемъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ, Императорское Московское Археологическое Общество не даетъ въ настоящее время подробной программы для описанія рукописей, предлагая каждому сдѣлать, что можно. Но всѣхъ, кому понадобится болѣе точныя свѣдѣнія или указанія, оно проситъ обращаться непосредственно въ Общество или въ его Археологическую Комиссію.

Предсѣдатель Общества *Графиня Уварова.*

Предсѣдатель Общества Археологической Комиссіи профессоръ *А. Курличниковъ.*

Секретарь Комиссіи *М. Довнаръ-Запольскій.*

Адресъ Общества: Москва, Берсеневка, свой домъ.

¹⁾ Относительно каждаго архива весьма необходимо также свѣдѣнія, есть ли при архивахъ описи дѣлъ и рукописей, есть ли алфавиты и какъ тѣ и другіе составлены, какъ размѣщены документы (по годамъ, вѣдомствамъ, фамиліямъ и лицамъ, на полкахъ, въ шкафахъ, связками или въ книгахъ?) Занимаясь ли кто-либо въ настоящее время разборкою дѣлъ и не занималось ли ею раньше?

²⁾ Въ перечнѣ каждаго документа пріятно было бы видѣть: указаніе лица или учрежденія, отъ котораго выдана грамота, или лица, которымъ написана рукопись, письмо и пр., кому написана грамота или письмо, гдѣ и когда; краткое содержаніе документа. Въ старинныхъ сборникахъ важно отмѣчать заглавіе отдѣльныхъ статей и всѣ приписки, показывающія, кому и когда сборникъ принадлежалъ.

³⁾ Обратную пересылку рукописей Общество принимаетъ на свой счетъ, а, по соглашенію, и доставку ихъ.

Открыта подписка на 1899 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ВОЛЖСКІЙ ВЪСТНИКЪ

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты:—возможно полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. Руководящія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы и журнальстики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни вѣсь сколько нибудь культурныхъ мѣстностей Волжно Камскаго края и примыкающихъ къ нему областей Имперіи. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе и прогрессивное пополненіе этого отдѣла постоянными сообщениями собственныхъ корреспондентовъ. Казанская хроника и земство, горьдъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія и т. п. Судебная хроника. Библиографія. Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. Ежедневныя свѣдѣнія изъ внутренней международной жизни. Ежегодные обзоры хозяйственной жизни Россіи, земской и городской дѣятельности страны и народнаго образованія. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто статьи научнаго содержания и злободневныя фельетоны—«Воскресныя наброски» Иннокентіи и «Замѣтки обывателя» Сергея. Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе атихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Смѣсь. Справочный отдѣлъ: судебныя дѣла и резолюціи по нимъ, больницы, желѣзнодорожныя поѣзда: грузы приходящіе по жел. дорогѣ и пр. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: *Съ доставкой:* На годъ 7 р., полгода 4 р., 3 мѣс. 2 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к. *Безъ доставки:* На годъ 6 р. 25 к., полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 60 к.

Для иногороднихъ подписчиковъ: На годъ 9 р., полгода 5 р., 3 мѣс. 2 р. 75 к., 1 мѣс. 1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р.; для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1899 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1899 годъ.

Подписка принимается: въ Казани въ главной конторѣ Волж. Вѣстника на Покровской ул., д. Пермяковой; въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер. д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова, въ Сарапулѣ—въ типографіи Колчина.

1899 г.

Открыта подписка на три изданія.

1899 г.

I.

НОВОСТИ ДНЯ

изданія годъ XVII. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА изданія годъ XVII.

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкою на годъ—8 руб., на шесть мѣсяцевъ—5 руб., на три мѣсяца—3 руб., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходятъ ежемѣсячно книжками и дають въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна: на годъ 3 рубля. Вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

СЕМЬЯ

Журналъ даетъ своимъ читателямъ возможность слѣдить за всѣми интереснѣйшими проявленіями современной общественной, литературной, художественной и научной жизни Россіи и Западной Европы. Рядъ историческихъ очерковъ и біографій, иллюстрируемыхъ портретами, воскрешаетъ въ памяти читателя прошлое нашего отечества и другихъ странъ.

Всѣ крупнѣйшія событія текущей жизни, какъ нашей, такъ и заграничной, находятъ себѣ отраженіе на страницахъ «СЕМЬИ» въ цѣломъ рядѣ рисунковъ и портретовъ.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

Подписная цѣна на всѣ три изданія 12 руб.

За эту сумму подписчикъ, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня», 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы», 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 руб.

«Новости Дня» и «Семья»—10 руб.

Къ свѣдѣнію публикующихъ; «Новости Дня» и «Семья» печатаются въ количествѣ 40.000 экземпляровъ.

Адресъ: Москва, „НОВОСТИ ДНЯ“.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

5 РУБЛЕЙ
безъ до-
ставки.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

РУБЛЕЙ 6
съ достав.
и перес.

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

XV годъ изданія

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДСКАГО

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№ 52 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ каждая объ-
каждый объемъ въ 16 стр. емость 180—240 стр., заключающихъ
больш. форм. съ рис. изъ исто- въ себѣ; истор. повѣсти и рассказы,
рій русскаго народа и рус- описанія святыхъ, размышленія на
ской правосл. церкви. 12 религиозно-правствен. темы и т. п.

И КРОМѢ ТОГО, БЕЗПЛАТНО, ИСПОЛНЕННУЮ КРАСКАМИ НА МЕТАЛЛѢ,

КОПИЮ СЪ ЧУДОТВОРНОЙ КУРСКОЙ ИКОНЫ Пресвятой Богородицы.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ одобренъ всѣми вѣдомствами, въ которыя
былъ представленъ. 1897 г. Особымъ Отд.
Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобренъ для библиотекъ среднихъ и низшихъ
учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ читателейъ и для публичныхъ
народныхъ чтеній.

Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 коп. марку.

Изъ года въ годъ увеличивающаяся подписка на «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» пока-
зала намъ, что мы вѣрно поняли желаніе читателей—имѣть семейный журналъ
для душеполезнаго чтенія, строго выдержаннаго религиозно-правственнаго на-
правленія,—журналъ, который бы и поучалъ читателя, указывая ему на достой-
ныя подражанія примѣры святой жизни и служба какъ бы кормчимъ среди
житейскихъ соблазновъ, и въ то же время давалъ бы разнообразное, интересное
чтеніе, занимая читателя въ часы досуга.

Этой высокой цѣли мы служимъ уже 14 лѣтъ, съ благословенія досточтимаго
Кронштадскаго Пастыря, о. Іоанна, принявшаго близкое участіе въ нашемъ изданіи,
и, при помощи Божіей, твердо рѣшили и дальше идти въ томъ же направленіи.

Въ 12 книжкахъ «РУССКАГО ПАЛОМНИКА» будетъ дано:

1) Размышленія о жизни Иисуса Христа. Соч. Фомы Кемпійскаго. 2) Ополченцы.
Историческая повѣсть изъ голенія на православныхъ въ Польшѣ, въ 2-хъ
частяхъ. С. Л. Астафьева. 3) Святые земли русской. Е. Поселянина. 4) Царь-
градскіе иноки, ч. I. Исторія Константинопольскаго монастыря до IX вѣка.
Соч. аббата Марена. 5) Царьградскіе иноки, ч. II. Его-же. 6) Сестры Фабіолы.
Соч. аббата Марена. 7) Среди расколь-
никовъ и сектантовъ Поволжья. С. Александрова. 8) Библия и наука. Историческія
разъясненія къ Ветхому Завету. Соч. Раулинсона. 9) Колець Іуды. Историче-
ская повѣсть первыхъ временъ христіанства въ Римѣ. Съ Конча-
ловича. 10) Наши заграничныя миссіи. С. Архангелова. 11) Принцесы острова.
А. П. Березова. 12) Соловецкій бунтъ. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ
С. Л. Астафьева

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки въ Сиб. 5 руб., въ Мо-
сквѣ (у Н. Печковской) 5 руб. 50 коп., съ
доставкой въ Сиб. и Москвѣ и пересылкою по всей Россіи ШЕСТЬ руб. За
границу 8 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 Апрѣля 2., и къ 1 Іюля
остальные. 3—1

Открыта подписка на 1899 г. — Издаётся съ 1899 г. — Подписной годъ съ 1-го Ноября.

ПРИРОДА И ЛЮДИ Б
РУБ. на годъ безъ доставки въ Слб.; въ
Москва, въ отдѣленіи Главной конторы жур-
нала „Природа и Люди“ (А. Петровскихъ Торг. д.
у Н. Пенковской) б р. 50 к.; съ дост. въ Слб. и,
Москва и перес. во всё гор. Россіи шесть руб.
Допускается разсрочка: при подп. 2 р., къ 1 Марта
1 руб., къ 1 Мая 1 руб. и къ 1 Июли оставшая.
Пробный № высылается за 7 коп. марку.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№, каждый
же въ размѣрѣ 2 листовъ большого
формата (16 стран. плотной печати)
закладывать въ себѣ разнообразное,
интересное и полезное чтеніе. Девизъ
журнала „польза и развлеченіе“.
Редакція тщательно избѣгаетъ всего, что отя-
вляется сухостью, всего, что можетъ наводить скуку
на читателя.

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ВЫПУ-
СКОВЪ (болѣе 300 рисунковъ) „ПОЛЕЗНОЙ БИБЛИОТЕКИ“
составляющихъ ДВА
ТОМА соч. Гельвальда
(*«Живописная Еврона», «Живописная Африка», «Живо-
писная Австралія съ Океаніей» и «Полярныя страны»*).

И, КРОМЪ ТОГО, НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

12 ТОМОВЪ ГУСТАВА ЭМАРА
Объемомъ болѣе 3000
страницъ большого фор-
мата убористой печати.

Журналъ „ПРИРОДА И ЛЮДИ“, вступающій въ десятый годъ изданія, будетъ по прежнему
неуклонно идти къ своей цѣли — быть общедоступнымъ журналомъ для семейнаго чтенія, равно
интереснымъ для всѣхъ и наждаго. Постоянно возрастающее число подписчиковъ указываетъ на
потребность такого журнала въ нашемъ обществѣ и на успѣхъ его.

Издатель П. Сойкинъ.

Редакторъ Ф. Груздевъ.

Подписка принимается въ Главной конторѣ: С. Петербургъ, Стрѣлянная, собствен. доми, № 12.

Открыта подписка на 1899 годъ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

1-3

XXI ГОДЪ.

УДІІІ ЗУ ТЪ БЪ

XXI ГОДЪ.

Съ наступленіемъ 1899 года журналъ «ШУТЪ» вступяетъ въ 21 годъ своего непрерывнаго существованія.

Отдавая честь франко-русскому альянсу, редакция посвящаетъ въ 1897 году почти половину журнальнаго текста для французскаго перевода.

Съ настоищано же года «ШУТЪ» снова печатаетъ исключительно русскій текстъ.

Журналъ «ШУТЪ» даетъ обзоръ современной жизни въ легкой юмористической прозѣ и стихахъ, отъчая главнымъ образомъ текущія злобы дни.

Журналъ поставилъ задачей избѣгать всего грубаго и въ изысканной формѣ служить развлеченіемъ гостиникамъ.

Премъ подписки въ С.-Петербургѣ: Комтора редакци, В. Морская, д. 26.

Въ Москвѣ: Комтора Н. Печковской, Петровскія линіи. Paris: Vente: Boulevard des Capucines, kiosque 10.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ перес. и дост.:	Възъ перес. и дост.:
На годъ 7 р.	На годъ въ Спб. 6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ 4 »	Въ Москвѣ 6 » 75 »
На 3 мѣсяца 2 » 50 к.	На 6 мѣсяцевъ 3 » 50 »
За границу 10 »	На 3 мѣсяца 2 » — »

Разрочка по соглашенію съ комторой.

Цѣна отдѣльнаго №=20 коп.

Редакторъ-Издатель Р. Голинне.

РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ.

издаваемый въ Москвѣ подъ редакцію М. М. Каткова.

Открыта подписна на 1899 годъ.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, въ 1889 году будетъ стоить въ Москвѣ безъ доставки 15 р. 50 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 16 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 17 руб., а за границу 19 р.

Принимается также подписка, только чрезъ контору журнала, на 6 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р. 25 к. и на 1 мѣсяць 1 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА на 1899 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученія изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣй книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученія Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ДВА ЖУРНАЛА

XXXI. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ XXXI.

И

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

на 1899 годъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ «Дѣтское Чтеніе» разрѣшенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни; журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» помѣщаются: а) повѣсти, разсказы и сказки оригинальныя и переводныя; б) стихотворенія; в) историческія очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природой и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки, игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарады и проч.

«Педагогическій Листокъ» въ 1899 г. будетъ выходить отъ четырехъ до шести разъ въ годъ книжками отъ 4 до 5 листовъ. Разрѣшенъ къ выпискѣ въ учительскія бібліотеки (1896 г.).

Въ «Педагогическомъ Листкѣ» будутъ печататься статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школахъ и дома, по гигиенѣ домашней и школьной, законоведенію и общественно-школьнымъ вопросамъ, а также будутъ помѣщаться, кромѣ статей спеціально педагогическаго характера и статьи общенаучныя для самообразованія учителя, періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебныхъ руководствъ; и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ «Дѣтскомъ Чтеніи» въ 1899 г. среди другихъ произведеній будутъ напечатаны: 1) Большая повѣсть Вас. Ив. Немировичъ-Данченко; разсказы Д. Н. Мамина Сибиряка, К. М. Станюковича, К. С. Баранцевича, И. Н. Потапенко. 3) Историческій разсказъ изъ временъ Петра Великаго. — «На разсвѣтѣ», М. Н. Альбова; 4) Историко-біографическія и литературно-культурныя очерки Ив. Ив. Иванова, Д. А. Коропчевскаго, В. В. Глинскаго; 5) Д. И. Эварницкаго: а) Доисторическія обитатели южно-русскихъ степей по ихъ могильнымъ курганамъ; б) изъ исторіи Запорожской сѣчи; 6) Историческая повѣсть «Дочь солнца» (За тысячу лѣтъ назадъ) А. К. Сивовой и ин. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Дѣтское Чтеніе» съ «Педагогическимъ Листкомъ» — съ перес. 6 руб. и 5 руб. безъ перес. «Дѣтское Чтеніе» безъ «Педагогическаго Листка» — 5 руб. съ перес. и 4 руб. 50 коп. безъ перес. «Педагогическій Листокъ» отдѣльно — 2 руб. съ перес. и 1 руб. 75 коп. безъ пересылки.

Адресъ редакціи и главной конторы: Москва. Большая Молчановка, д. 24—Дм. Ив. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. М. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ
въ 1899 году.
(37-й годъ изданія).

Вступая въ тридцать седьмой годъ изданія «Саратовскій Листокъ» остается при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Къ этому считаемъ нужнымъ прибавить, что газета наша приобрѣла постоянныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и нѣкоторыхъ др. важнѣйшихъ городахъ Европы. Редакція расширяетъ также отдѣлъ оригинальной и переводной беллетристики.

Редакторъ-издатель П. О. Лебедевъ.

Издатель И. П. Горизонтовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовъ:

На годъ 7 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., 10 мѣс. 6 р., 9 мѣс. 5 р. 50 к., 8 мѣс. 5 р., 7 мѣс. 4 р. 50 к., 6 мѣс. 4 р., 5 мѣс. 3 р. 50 к. 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 2 р. 50 к., 2 мѣс. 2 р. 40 к., 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою въ другіе города:

На годъ 8 р., 11 мѣс. 7 р., 10 мѣс. 6 р. 50 к., 9 мѣс. 6 р., 8 мѣс. 5 р. 50 к., 7 мѣс. 5 р., 6 мѣс. 4 р. 50 к., 5 мѣс. 4 р., 4 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 3 р., 2 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 1 р.

Чтобы дать возможность подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая; 2 р.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е число cadaго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге. Въ Вольскѣ—у И. Ф. Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита, на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892.

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Слб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платять.

Продается бібліотека М. И. Семевского, гравюры, портреты, изданія.

Подписка на 1899 годъ

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(36-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой			На города съ пересылкой:			За границу съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р.—к.		на 12 мѣсяцевъ	11 р.—к.		на 12 мѣсяцевъ	18 р.—к.	
6	5	50 "	6	6	— "	6	9	— "
3	3	— "	3	3	50 "	3	4	80 "
1	1	— "	1	1	20 "	1	1	90 "

«Русскія Вѣдомости» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору «Русскихъ Вѣдомостей», Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся одновременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1 му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 руб. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяцъ—1 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ.

XII-й. „СЪВЕРЪ“ XII-й.
годъ изданія „СЪВЕРЪ“ годъ изданія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ.

Подписчики „Съвера“ въ 1899 году получаютъ:

52 №№ иллюстрированного журнала, изъ которыхъ съ **12 №№** цѣтными рис. извѣстн. русск. и иностранныхъ художн.

52 №№ еженедѣльнаго обзортн „СЪВЕРЪ“ (въ форматѣ газетнаго листа убористой печати).

12 №№ еженедѣльнаго журнала „ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО“ въ кото- дуть даваться полезныя совѣты и указанія, необходимыя для сельскаго хозяй- ства и домашняго обихода.

12 №№ еженедѣльнаго журнала ПАРИЖСКІЯ МОДЫ, со множествомъ рисунковъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ.

12 №№ выкроекъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами, моно- граммами, рисунками дамскихъ руководѣлій, вышиваній и поясни- тельнымъ текстомъ.

12 томовъ Вибліотеки „Съвера“ каждый томъ—объемомъ отъ 160 до 240 и болѣе стр. плот. шрифта, въ кото- ромъ будетъ дано

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЮСИФА КРАШЕВСКАГО

- 1) «Два свѣта», 2) «Панъ Твардовскій», «Останъ Бондарчукъ», 4) «Нунгасъ», 5) «Ермола», 6) «Янъ Собѣскій», 7) «Мученица на тронѣ», 8) «Древнее сказаніе», 9) «Ульяна», 10) «Черный день», 11) «Чудани», 12) «Гнѣвъ Божій».

Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб. Романы и повѣсти І. Крашевскаго всегда пользовались большимъ успѣхомъ среди читающей публики. Кромѣ всѣхъ своихъ выдающихся литературныхъ достоинствъ, талантъ Крашевскаго обладаетъ еще и другимъ, неотъемлемымъ и незаменимымъ, качествомъ: каждое произведеніе, вышедшее изъ-подъ пера этого писателя, читается съ захватывающимъ интересомъ.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ „СЪВЕРА“ КРОМЪ ВСѢХЪ ДРУГИХЪ ПРИЛО- ДЖЕНІЙ ПОЛУЧАЮТЪ БЕСПЛАТНО

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

изъ 24 художественныхъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ
къ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ

ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА:

Иллюстраціи эти, имѣя самостоятельное значеніе, какъ художественное про- изведеніе, еще болѣе рельефно выдѣляютъ полныя жизни и потрясающаго драматизма сцены, которыя созданы гениальнымъ перомъ знаменитаго худож- ника слова.

Подписная цѣна остается прежняя:

6 Р.	на годъ безъ достав- ки и пересылки въ С.-Петербургъ.	7 Р.	съ достав. и перес. во всѣ города Россіи; за грани- цу на годъ 11 р.	На 6 м. съ дост. и пер. 3 р. 50 к.
				" 3 " " " " 1 " 75 "
				" 1 " " " " " 60 "

Подписка адресуется въ Главную контору журнала „Съверъ“ (СПБ., Екатеринин- ская д. № 4) на имя издателя. Н. О. Мертца.

Открыта подписка на 1899 годъ.

(Восемнадцатый годъ изданія).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго мировоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библиографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей, и б) научные матеріалы, около 10 печатныхъ листовъ въ годъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. Б. Антоновича, проф. П. Я. Армашевскаго, А. А. Андриевскаго, проф. Д. И. Багалъя, А. Е. Броецкаго, Н. О. Бѣляшевскаго, Н. П. Василенка, В. И. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. С. Т. Голубева, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманна, Е. А. Кивлицкаго, О. А. Кудринскаго, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. О. Г. Мищенко, Д. П. Миллеръ, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, А. И. Малинки, О. Д. Николайчика, проф. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. К. Полницкаго, А. А. Русова, проф. П. О. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. І. Степовича, М. П. Старицкаго, А. А. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгица, Н. В. Шугурова, В. И. Щербивы, Х. П. Ящуржинскаго и др.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. —
Безъ доставки и пересылки.	8 — —
За границу	12 — —

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи

(Кузнечная ул., 14), въ книжной торговлѣ журнала «Кіевская Старина» (Безаковская, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется Книжная торговля (Безаковская, 14), значительво расширенная сравнительно съ прошлымъ годомъ. Подробный каталогъ высылается по требованію.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. Н. Науменно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ

популярный семейный журналъ д-ра ЗАРУБИНА.
(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ 52 №№,
НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ!!

Журналъ „Будьте Здоровы“ дастъ въ 1899 году:

52 №№ журнала, большого формата, съ рисунками 52 бесплатныхъ
приложенія.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ВСѢМЪ ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

Популярный Альманахъ-Календаръ „Будьте Здоровы!“

Бесплатно каждому подписчику: медицинскіе и гигиеническіе совѣты,
рецепты и наставленія.

Подписная цѣна съ пересылкой, преміей и со всѣми приложеніями 7 р.
въ годъ, 4 р. полгода, 2 р. четверть года и 70 к. за одинъ мѣсяць.

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, 35.

Журналъ „БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!“ въ общедоступныхъ статьяхъ даетъ каж-
дому все, что нужно знать для сохраненія и укрѣпленія здоровья и для
предупрежденія и леченія болѣзней домашними средствами.

Гигіена жилища, одежды и пищи.—Гигіена работы, отдыха и развлече-
нія.—Гигіена цѣломудрія и красоты, брака и новобрачныхъ.—Половая ги-
гиена.—Гигіена нервныхъ людей.—Гигіена женщинъ и дѣтей.—Гигіена со-
временнаго интеллигентнаго человѣка вообще и отдѣльныхъ профессій; чинов-
ника, военнаго, учителя и проч.—Уходъ за кожей, волосами, глазами, зубами
и т. д.—Гигіена слабогрудыхъ и малокровныхъ. Гигіена старости, тучности
и худобы, сна и ночи.—Гигіена характера, чувствъ, умственнаго труда.—
Здоровье тѣла и крѣпость духа,—равновѣсіе умственныхъ и физическихъ силъ.

Популярная домашняя медицина.—Какъ сохранить здоровье, какъ пре-
дупредить болѣзни, какъ избѣгать всего вреднаго для организма, какъ обхо-
диться домашними средствами, какъ лечиться безъ помощи врача, какъ об-
легчать припадки и утолить боль.—Какъ лечить хроническія болѣзни, тяну-
щіяся годами.—Популярное описаніе и леченіе болѣзней.—Дезинфекція,
фальсификація, домашняя косметика, домашняя аптека и приготовленіе ле-
карствъ, нервныя и половыя излишества, сердечная и половая нейрастенія,
онанизмъ, половое безсиліе и пр., и пр. пр.

3—1

◊ **СОВѢТЫ И РЕЦЕПТЫ ВЕЗПЛАТНО.** ◊

Открыта подписка на 1899 годъ (VI-й годъ изданія)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе П. П. СОЙКИНА подъ редакцію М. М. ФИЛИПОВА.

Въ 1899 году „Научное Обозрѣніе“ будетъ издаваться подъ прежнюю редакцію. Задачи и направленіе журнала успѣли достаточно опредѣлиться въ первое пятилѣтіе его существованія.

Въ приложеніи къ журналу „Научное Обозрѣніе“ въ 1899 году будутъ напечатаны съ особой нумераціей страницъ слѣдующія сочиненія:

Людвигъ Берне. Полное собраніе сочиненій. Новый переводъ подъ ред. М. Филиппова и Е. Соловьева.

Максимъ Ковалевскій. Экономическій строй Россіи.

Вольфъ, проф. Сорбонны. Космогоническія гипотезы. Съ добавленіями русск. перев., о гипотезахъ Фэн, Бредихина, Ярковского и др.

Гельвальдъ. „Исторія новой культуры“. Большой томъ съ многочисленными табл. рисунок. Пер. Фридолина и др. подъ ред. М. Филиппова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки въ Сиб. и Москвѣ (у Н. Печковской) 6 р. 50 к., съ доставкой въ Спб. и Москвѣ и пересылкою во всѣ города и мѣстности Россійской Имперіи 7 р., на полгода 4 р., на четверть года 2 руб.

Народнымъ учителямъ и учительницамъ, фельдшерамъ и фельдшерикамъ уступка—пять руб. въ годъ (при подпискѣ необходимо прилагать удостовѣреніе о званіи, безъ чего уступка не будетъ сдѣлана), причемъ допускается разсрочка по одному рублю впередъ за мѣсяць, считая первый вносъ въ Декабрѣ за Январь, въ Январѣ за Февраль и т. д. до уплаты всей подписной суммы. За границу 10 руб.

Подписка на 1898 годъ продолжается. Всѣ вновь подписавшіяся получать немедленно всѣ вышедшіе №№ журнала.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Научное Обозрѣніе“: С.Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

НАУЧНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

издаваемый П. Сойкинымъ подъ редакцію д-ра философіи М. Филиппова.

Словарь содержитъ подробное поясненіе терминовъ по всѣмъ отраслямъ званий, включая объясненія географическихъ названій, свѣдѣнія по естественнымъ и общественнымъ наукамъ, историческія и литературныя данныя и библиографическія указанія. Словарь составитъ 60 печ. листовъ большого формата или свыше 1800 столбцовъ убористой печати.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки 4 р., съ пересылкой и доставкой 5 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., по выходѣ въ свѣтъ 9 вып. остальные. До 1 Ноября 1898 г. вышли 4 выпуска—12 печатныхъ листовъ.

Подписчики „Научнаго Обозрѣнія“ уплачиваютъ за журналъ со словаремъ 10 р. Все изданіе выйдетъ въ 18 вып. и закончится въ 1899 году. Съ требованіями обращаться въ контору изданій П. П. Сойкина: С.Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

25-й годъ изданія
въ Нижн.-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

360 выпускновъ
въ годъ.

ежедневная политико-общественная и литературная газета

И

НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ.

«ВОЛГАРЬ» представляетъ изъ себя одно изъ старѣйшихъ изданій въ Поволжья и даетъ читателямъ разнообразный матеріалъ для чтенія: руководящія статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и заграничной жизни, журнальную критику, статьи и извѣстія по вопросамъ общественнымъ и промышленнымъ изъ жизни Поволжья, Прикамья, Вятскаго края и др. мѣсть.

Газета особенно слѣдитъ за нуждами и интересами волжскаго судоходства, которымъ въ «ВОЛГАРЬ» удѣляется обширное мѣсто. «ВОЛГАРЬ» имѣетъ разнообразный литературный отдѣлъ: въ газетѣ помѣщаются повѣсти, рассказы, стихотворенія. Въ программу изданія входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы, включая обширный телеграфный отдѣлъ, а также иллюстраціи изъ области современныхъ русскихъ событій.

Подписная цѣна „ВОЛГАРЯ“ на 1899 годъ.

Иногороднимъ съ пересылкою: на 12 мѣс. 8 р., на 11 мѣс. 7 р. 50 к., на 10 мѣс. 7 р., на 9 мѣс. 6 р. 25 к., на 8 мѣс. 5 р. 75 к., на 7 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р. 25 к., на 4 мѣс. 3 р. 25 к., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

на время Нижегородской ярмарки

(съ 15-го іюля по 10-е сентября).

Иногороднимъ съ пересылкою 3 р.

Тарифъ объявленій: на 1-ой страницѣ 30 к. строка, на 4-ой страницѣ 10 к.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ Нижній - Новгородъ, въ главную контору «ВОЛГАРЯ».

А между тѣмъ чуть видной желтизою
Уже слегка озолоченъ твой листъ.
(т. I, стр. 261).

А вотъ стихотвореніе „Наши птицы“:
Наши обычныя птицы прелестныя,
Галка, ворона и воръ-воробей!
Счастливымъ странамъ не столько извѣ-
стныя,
Сколько извѣстны отчизнѣ моей..

Ваши окраски всё стрѣла, черныя,
Да и обличьемъ вы очень просты:
Клювы, какъ клювы, прямые проворные,
И безъ фигурчатыхъ перьевъ хвосты.

Въ непогоду, вьюги, буруны, метелцы,—
Всѣ вы, голубчики, тутъ, подлѣ насъ,
Жизни пернатой не вѣсть-что—бездѣлны,
Вы утѣшаете сердце подчасъ.
(т. I, стр. 269).

Въ отдѣлѣ Въ пути, въ 2-мъ томѣ,
читатель найдетъ множество прекрасныхъ
описаній: „Въ Заонежьи“, „На Волгѣ“,
„На горномъ ледникѣ“, „Вечеръ на Ли-
майтѣ“, „Озеро четырехъ кантоновъ“, „Страс-
бургскій соборъ“, „Висбаденъ“ и др.; въ
этомъ же томѣ напечатаны баллады, фан-
тазии и сказки; а также стихотворенія на
разные случаи, смѣсь, и драматическія
хроникѣ.

Чтобы ознакомить читателей, какъ воспѣ-
ваетъ г. Случевскій любовь, приведемъ
слѣдующія строфы:

Ты вѣжливъ голубки бѣзокрылой,
Ты — рубинъ, блестящій, огневой!
Видный духъ мой, столько дѣтъ унылай,
Краской жизни рдѣть предъ тобой
(т. I, стр. 58).

Ты моя жизнь, мое солнце!
Если бы тучей я былъ,
Ликъ твой во мнѣ бы свѣтился
И, засвѣтясь, опалилъ..
(т. I, стр. 67).

Или еще:
Когда привѣтливо и весело ласкался,
Глазами полными небеснаго огня,
Ты, милая мол, головкой наклонялся,
Глядишь на дремлющаго въ забытыя меня —

Струи младенческаго, свѣжаго дыханья
Лицо горячее мнѣ нѣжно холодать,
И, сиювь видѣнья сна и въ шонотѣ мол-
чащя,
Сердца въ обихъ насъ такъ медленно
случать.

О, заслови, закрой головкою твою
Весь міръ, прошедшее, смыслъ завтраш-
няго дня,
Мечту и мысль.. О, заслони ты ея
Меня, мой другъ, отъ самого меня..
(т. I, стр. 61).

Приведемъ еще одно прекрасное стихо-
твореніе („Черноземная полоса“, ХХVII,
т. I, стр. 220):

Такъ вотъ оно гдѣ наводненье было?
Избу разрушило, плотину разнесло,
Большія льдины всюду разложило,
И усноковлось, и тихо отошло..

Въ одеждѣ искръ и красокъ безподоб-
ныхъ
Идетъ весна, вся въ почкахъ и цвѣтахъ;
Въ сосѣдствѣ льдинъ, какъ подлѣ плить
падгробныхъ,
Играютъ дѣти въ солнечныхъ лучахъ.

По приведеннымъ нами отрывкамъ можно
судить о талантѣ К. Случевскаго, а также
и о томъ какъ владѣеть онъ техникой, фор-
мой стиха. А такія стихотворенія, какъ
„Новгородское преданіе“, „Слухъ“, „Утро
надъ Невой“, или его поэмы: „Безъ имени“,
„Въ свѣгахъ“, „Поль Елисей“, „Три жен-
щины“ — по своей мысли и формѣ должны
быть отнесены въ разрядъ классическихъ.

Прозаическія сочиненія, помѣщенные въ
четвертомъ, пятомъ и шестомъ томахъ,—по
большей части не велики, но послѣ чтенія
ихъ надолго остается впечатлѣніе, а это —
лучшая имъ рекомендація.

Рассказы г. Случевскаго всего вѣрнѣе
можно охарактеризовать, сказавши, что
они въ литературѣ представляютъ почти то
же, что пѣсни безъ словъ—въ музыкѣ, — это
не рассказы, какъ принято понимать обык-
новенно, а извѣстное поэтическое настроє-
ніе, выраженное словами, своего рода
какъ бы музыкальный аккордъ.

Въ четвертомъ томѣ напечатаны: по-
вѣсти: „Голубой платокъ“, „Око за око“,
„Профессоръ безмертвѣя“ и „Трещина“,
девять сказокъ, Мурманскіе рассказы:
„Черезъ закрытыми глазами“, „Черная
бура“, „Безымень“ и „Моленые вѣтру“, и,
наконецъ, тины (числомъ восемь).

Пятый томъ заключаетъ въ себѣ слѣ-
дующія рубрики: „Въ великіе дни“ и
„историческіе рассказы“ (числомъ двадцать
два).

Въ шестомъ томѣ мы находимъ наброски,
подражанія: „Калитанъ Немо въ Россіи
(глава изъ Жюль Верна, нигдѣ и нигдѣ
не напечатанная)“, „Недавно найденная
глава Донъ-Кихота“, „Сказка тысяча второй
ночи“ и двѣ повѣсти: „Виртуозъ“ и „За-
стрѣльщики“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣт-
ствуемъ появленіе этого собранія сочиненій
К. К. Случевскаго, въ которыхъ читатель,
кромѣ художественнаго наслажденія, най-
детъ и очень много полезнаго и поучитель-
наго. Такимъ книгамъ нельзя не пожелать
самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Бузнецкій мостъ, д. Фирсичева). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей: людей государственнаго, ученнаго, военнаго, писательскаго, духовнаго и сѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія — Челобитница, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предвѣдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1898 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2** рубля.